

ВѢСТНИКЪ

ЕВРОПЫ

ШЕСТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ.—ТОМЪ I.

ГОДЪ XLV. — ТОМЪ CCLXI. — 1/13 ЯНВАРЯ, 1881.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ — ПОЛИТИКИ — ЛИТЕРАТУРЫ

ВОСЕМЬДЕСЯТЪ-СЕДЬМОЙ ТОМЪ

ШЕСТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ

ТОМЪ I

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала: на Васильевскомъ Острову, 2-я линія, № 7.

Экспедиція журнала: на Вас. Остр., Академ. переулокъ, № 7.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
1881

(576)

ИЗЪ
ПУШКИНСКОЙ ПЕРЕПИСКИ

ВОСЕМЬ ПИСЕМЪ ПУШКИНА КЪ ДЕЛЬВИГУ

1823—1830 г.

Переписка Пушкина съ Дельвигомъ представляетъ драгоцѣнный матеріалъ для біографій обоихъ поэтовъ и для изученія литературной дѣятельности Пушкина. Ни въ одномъ изъ своихъ произведеній великій поэтъ не высказывался съ такою искренностью и простотою, какъ въ письмахъ къ своему лицейскому товарищу и лучшему другу. „Никто на свѣтѣ не былъ мнѣ ближе Дельвига", — писалъ онъ по его смерти къ Плетневу („Современникъ", 1838 г., т. IX, стр. 63, откуда письмо перепечатано во многихъ изданіяхъ), и потому въ письмахъ къ Дельвигу Пушкинъ высказывался весь. Въ этихъ задушевныхъ бесѣдахъ, посвященныхъ почти исключительно литературнымъ вопросамъ, и конечно, не назначавшихся для печати, выразились и необыкновенно тонкое критическое чувство, замѣчательное остроуміе, рѣдкое добродушіе и веселость, не покидавшая великаго поэта даже среди невзгодъ продолжительныхъ ссылокъ.

Переписка Пушкина съ Дельвигомъ, вслѣдствіе частой ихъ разлуки, была довольно обширна. Къ сожалѣнію, сохранилось весьма немного писемъ. Говорятъ, Пушкинъ и Баратынскій, разсматривавшіе бумаги по смерти Дельвига, уничтожили свои письма, и этимъ обстоятельствомъ, если оно справедливо, объясняется отчасти малочисленность писемъ Пушкина.

Предлагаемыя восемь писемъ 1823—1830 г. изъ Одессы, Михайловскаго и Болдина найдены въ бумагахъ Дельвига, и принадлежатъ П. В. Анненкову, которымъ были доставлены на Пушкинскую выставку въ С.-Петербургѣ въ октябрѣ 1880 г. (Каталогъ выставки, стр. 49). Шесть изъ нихъ напечатаны въ его „Матеріалахъ" для

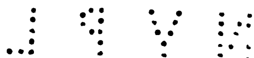
біографіи Пушкина съ значительными пропусками, вынужденными условіями тогдашней цензуры; остальныя же два не изданы. Кромѣ этихъ писемъ напечатаны: одно въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ" 1826 г. (стр. 101), три въ „Современникѣ" 1854 г., сент., въ четвертой статьѣ о Дельвигѣ (стр. 10, 23 и 25), перепечатанныя въ „Матеріалахъ" г. Анненкова (изд. 1855 г., стр. 75, 194, 214 и 215, изд. 1873 г., стр. 69, 187, 207 и 208), и тамъ же (изд. 1855 г., стр. 81 изд. 1873 г., стр. 75) впервые явилось посланіе изъ Кишинева отъ 23 марта 1821 г.:

„Другъ Дельвигъ, мой парнасскій братъ!"

Вотъ почти все, чтó сохранилось изъ писемъ Пушкина къ Дельвигу.

I.

Мой Дельвигъ, я получилъ всѣ твои письма и отвѣчалъ почти на всѣ. Вчера повѣяло мнѣ жизнію лицейскою, слава и благодареніе за то тебѣ и моему Пущину! Вамъ скучно, намъ скучно: сказать-ли вамъ сказку про бѣлаго быка? Душа моя, ты слишкомъ мало пишешь, по крайнѣй мѣрѣ слишкомъ мало печатаешь. Впрочемъ я живу по Азіатски не читая вашихъ журналовъ. На дняхъ попались мнѣ твои прелестные сонеты—прочелъ ихъ съ жадностью, восхищеніемъ и благодарностію за вдохновенное воспоминаніе дружбы нашей. Раздѣляю твои надежды на Языкова и давнюю любовь къ непорочной музѣ Баратынскаго. Жду и не дождусь появленія въ свѣтъ вашихъ стиховъ; только ихъ получу, заколю агнца, восхвалю Господа—и украшу цвѣтами свой шалашъ—хоть Бируковъ находитъ это слишкомъ сладострастнымъ—Сатира къ Гнѣд. мнѣ не нравится, даромъ что стихи прекрасные; въ нихъ мало перца; *Сомовъ безмундирный* непростительно. Просвѣщенному-ли человѣку, Русскому-ли сатирику пристало смѣяться надъ независимостью писателя? Это шутка, достойная кол. совѣт. Измайлова. Жду также Полярной звѣзды. Жалѣю, что мои элегіи писаны противъ Религіи и правительства: я полу-Хвостовъ: люблю писать стихи (но не переписывать) и не отдавать въ печать (а видѣть ихъ въ печати). Ты просишь Бахчисарайскаго фонтана—онъ на дняхъ отосланъ къ Вяземскому. Это безсвязные отрывки, за которые ты меня пожуришь, а все-таки похвалишь. Пишу теперь новую поэму, въ которой забалтываюсь до нѣльзя. Бируковъ ее не увидитъ, за то что онъ фи—дитя, блажной дитя. Богъ знаетъ, когда и мы прочитаемъ ее вмѣстѣ — скучно, моя радость! вотъ припѣвъ моей жизни. Еслибъ хоть братъ Левъ прискакалъ ко мнѣ въ Одессу!

гдѣ онъ, что онъ? ничего не знаю. Друзья, друзья, пора промѣнять мнѣ почести изгнанія на радость свиданія—Правда ли, что ѣдетъ къ вамъ Россини и италіанская опера! — Боже мой! это представители Рая небеснаго. Умру съ тоски и зависти.

А. П.

16 ноября.

Вели прислать мнѣ Нѣмецкаго *Плѣнника.*

Письмо на четырехъ страницахъ полу-листа, безъ адреса. Писано изъ Одессы въ 1823 г. Начало и конецъ его, и то съ пропусками, напечатаны въ „Матеріалахъ“ г. Анненкова (1855 г., стр. 94, а въ изд. 1873 г., стр. 89).

„Вдохновенное воспоминаніе дружбы“, надежда на Языкова и любовь къ музѣ Баратынскаго относятся къ слѣдующимъ строкамъ сонета Дельвига „Н. М. Языкову“:

Я Пушкина младенцемъ полюбилъ,
Съ нимъ раздѣлялъ и грусть и наслажденье,
И первый я его услышалъ пѣнье,
И за себя боговъ благословилъ.
Пѣвца *Пировъ* я съ музой подружилъ
И славой ихъ горжусь въ вознагражденье.

Бируковъ—цензоръ, о которомъ Пушкинъ упоминаетъ въ слѣдующемъ письмѣ и въ четверостишіи: „Тимковскій царствовалъ“ („Сочиненія А. С. Пушкина“, изд. 1880 г., т. I, стр. 451).

Новая поэма —„Евгеній Онѣгинъ“, о которомъ впервые упоминается въ этомъ письмѣ.

„Нѣмецкій Плѣнникъ“— Der Berggefangene, переводъ „Кавказскаго Плѣнника“, вышедшій въ Петербургѣ въ 1823. Въ концѣ книги помѣщена „Tscherkessenlied:“ „Es wallt des Stromes Donnerflut“, положенная на музыку Л. Мауреромъ. Второе изданіе явилось въ 1824 г. съ русскимъ текстомъ, но безъ музыкальнаго приложенія.

II.

Жду, жду писемъ отъ тебя—и недождусь—не принялъ ли ты опять во услуженіе покойнаго Никиту—или ждешь оказіи? проклятая оказія! Ради Бога, напиши мнѣ что-нибудь: ты знаешь, что я имѣлъ нещастіе потерять бабушку Чичерину и дядю Петра Льв.—получилъ эти извѣстія безъ приуготовленія и нахожусь въ ужасномъ положеніи—утѣшь меня, это священный долгъ дружбы (сего священнаго чувства) Что дѣлаютъ мои *Разн. Стих.?* Видѣлъ ли ихъ Бируковъ Грозный? Отъ Плетнева не получилъ

ни единой строчки; что мой Онѣгинъ? продается ли? къ стати: скажи Пл., чтобъ онъ Льву давалъ изъ моихъ денегъ на орѣхи а не на коммиссіи мои потому что это напрасно: такова безсовѣстнаго комиссіонера нѣтъ и не будетъ.—По твоемъ отъѣздѣ перечелъ я Державина всего и вотъ мое окончательное мнѣніе. Этотъ чудакъ не зналъ ни Руской грамоты ни духа Рускаго языка (вотъ почему онъ и нижѣ Ломоносова)—онъ не имѣлъ понятія, ни о слогѣ, ни о гармоніи—ни даже о правилахъ стихосложенія. Вотъ почему онъ и долженъ бѣсить всякое разборчивое ухо. Онъ не только не выдерживаетъ *оды*, но не можетъ выдержать и строфы (исключая чего знаешь). Что же въ немъ: *мысли, картины и движенія истинно поэтическія;* читая его, кажется, читаешь дурной, вольной переводъ съ какого-то чудного подлинника. Ей Богу, его геній думалъ по татарски—а Руской грамоты не зналъ за недосугомъ. Державинъ со временемъ переведенный изумитъ Европу а мы изъ гордости народной не скажемъ всего что мы знаемъ объ немъ (не говоря уже о его министерствѣ) у Державина должно сохранить будетъ одъ восемь да нѣсколько отрывковъ а прочее сжечь. Геній его можно сравнить съ геніемъ Суворова—жаль что нашъ поэтъ слишкомъ часто кричалъ пѣтухомъ—довольно объ Державинѣ—Что дѣлаетъ Жуковскій? Передай мнѣ его мнѣніе о 2-ой главѣ *Онѣг.*, да о томъ, что у меня въ пяльцахъ—какую Крыловъ выдержалъ операцію? Дай Богъ ему многія лѣта—его *мѣльникъ* хорошъ, какъ *Демьянъ и Ѳока*. Видѣлъ ли ты Н. М.? идетъ ли впередъ исторія? Гдѣ онъ остановится? Не на избраніи ли Роман.?.... 6 Пушкиныхъ подписали избирательную грамоту! да два руку приложили за неумѣніемъ писать! А я, грамотный потомокъ ихъ, что я? гдѣ я...

Письмо безъ подписи. На четвертой страницѣ адресъ: „Его высокоблагородію Милостивому Государю Барону Антону Антоновичу *Дельвигу*. Въ С.-Петербургъ. *Въ Имп. Публ. Библіотеку*“. Почтовый штемпель: Опочка 1825, іюня 8. Запечатано извѣстнымъ перстнемъ, находившимся на Пушкинскихъ выставкахъ въ Москвѣ и Петербургѣ 1880 г., и описанномъ въ каталогѣ послѣдней (стр. 33).

Письмо это напечатано въ двухъ отрывкахъ и притомъ съ значительными пропусками въ „Матеріалахъ“ г. Анненкова (изд. 1855 г., стр. 156 и 244, изд. 1873 г., стр. 149 и 237) и въ статьѣ „Пушкинъ въ лицеѣ и лицейскія его стихотворенія“ („Современникъ“ 1863 г., № VIII, стр. 371).

„Бабушка Чичерина“—Варвара Васильевна, дочь полковника Василія Ивановича Чичерина, скончавшаяся въ 1824 г., и оставившая

наслѣдство племяннику своему, Василію Львовичу Пушкину. Петръ Львовичъ—его братъ, дядя поэта, артиллерійскій подполковникъ, скончался въ томъ же году.

„Разныя Стихотворенія“—числомъ 24 вошли въ книжку „Стихотвореній Александра Пушкина“, изданную въ 1826 г.

Первая глава „Евгенія Онѣгина“, посвященная брату поэта, Льву Сергѣевичу, вышла отдѣльною книжкою въ 1825 г.

Письмо это, какъ справедливо замѣчаетъ П. В. Анненковъ, болѣе всѣхъ другихъ вводитъ въ литературныя, задушевныя убѣжденія Пушкина. Замѣчательное по смѣлой и мѣткой характеристикѣ Державина, оно свидѣтельствуетъ, что въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ произошелъ совершенный переворотъ въ литературныхъ убѣжденіяхъ Пушкина, который еще въ 1815 г. на лицейскомъ экзаменѣ благоговѣлъ передъ Державинымъ. Такой же самостоятельный и вполнѣ справедливый, хотя менѣе рѣзкій взглядъ на его произведенія, впервые высказанъ въ печати лѣтъ черезъ двадцать Бѣлинскимъ, который не могъ знать мнѣнія Пушкина — замѣчательное совпаденіе сужденій двухъ геніальныхъ умовъ. Хотя г. Анненковъ въ выноскѣ къ этому письму и говоритъ, „что съ теченіемъ времени, накопленіемъ опытности, идей и развитіемъ мыслящей способности, Пушкинъ измѣнилъ свои сужденія о Державинѣ“, но мы этого не видимъ, и считаемъ подобную оговорку уступкой цензурѣ, чтобъ спасти остальную часть письма.

Вторая глава „Евгенія Онѣгина“ была сообщена Жуковскому въ рукописи, и напечатана отдѣльно въ 1826 г.

„Мѣльникъ“—басня Крылова, напечатанная въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ“ на 1825 г. (стр. 374).

Н. М.—Карамзинъ.

III.

Сей часъ узнаю что ты ко мнѣ писалъ, но письмо твое до меня не дошло, дай Богъ, чтобъ новой Никита имъ возпользовался! я чрезвычайно за тебя безпокоюсь; не сказалъ ли ты чего-нибудь лишняго или необдуманнаго; участіе дружбы можно перетолковать въ дурную сторону — а я боюсь быть причиною непріятностей для лучшихъ изъ друзей моихъ.

Мнѣ пишетъ П. А., что обо мнѣ намѣрены передоложить. Напрасно; письмо моей матери ясно; отвѣтъ окончателенъ. Въ Псковѣ конечно есть лекаря — чего-жъ мнѣ болѣе?

Съ братомъ я въ сношенія входить не намѣренъ—онъ зналъ мои обстоятельства, и самовольно затрудняетъ ихъ. У меня нѣтъ ни копейки денегъ въ минуту нужную, я незнаю когда и какъ я получу ихъ. Безпечность и легкомысліе эгоизма извинительны только до нѣкоторой степени. Если онъ захочетъ переписать

мои стихи вмѣсто того чтобы читать ихъ на ужинахъ, и украшать ими альбомъ Воейковой, то я буду ему благодаренъ — если нѣтъ, то пусть отдастъ онъ рукопись мою тебѣ а ты уже похлопочи съ Плетневымъ.

Ты, слышалъ я, женишься въ Августѣ поздравляю мой милый—будь щастливъ, хоть это чертовски мудрено — Цалую руку твоей невѣстѣ и заочно люблю ее какъ дочь Салтыкова и жену Дельвига.

23 іюля

П. А. уѣхала и я одинъ.

За чѣмъ было замѣнять мое письмо, дѣльное и благоразумное, письмомъ моей матери? Не полагаясь-ли на чувствительность...?... Ошибка важная! въ первомъ случаѣ я бы поступилъ прямодушно, во второмъ могли только подозрѣвать мою хитрость и неуклончивость.

Нѣкто Вибій Серенъ, по доносу своего сына былъ присужденъ Римскимъ сенатомъ къ заточенію на какомъ-то безлюдномъ островѣ. Тиберій воспротивился сему рѣшенію, говоря, что человѣка, коему дарована жизнь не должно лишать способовъ къ поддержанію жизни. Слова достойныя ума свѣтлаго и человѣколюбиваго!—Чѣмъ болѣе читаю Тацита тѣмъ болѣе мирюсь съ Тиберіемъ. Онъ былъ одинъ изъ величайшихъ государственныхъ умовъ древности.

(Безъ подписи. На четвертой страницѣ: «Б. Дельвигу»).

Письмо это относится къ 1825 г. Отрывки его напечатаны въ „Матеріалахъ" г. Анненкова (изд. 1855 г., стр. 170, 171 и 224, изд. 1873 г., стр. 161, 162 и 237).

П. А.—Прасковья Александровна Осипова, сосѣдка Пушкина по имѣнію, владѣлица Тригорскаго. О ней говорится въ „Матеріалахъ" г. Анненкова (изд. 1855 г., стр. 121, изд. 1873 г., стр. 114).

Свадьба Дельвига была 30 октября 1825 года.

IV.

Насилу ты мнѣ написалъ и то безъ толку, душа моя. Вообрази что я въ глуши ровно ничего незнаю, переписка моя отвсюду прекратилась, а ты пишешь мнѣ какъ будто вчера мы цѣлый день были вмѣстѣ и наговорились до сыта. Конечно я ни въ чемъ не замѣшанъ, и если правительству досугъ подумать обо мнѣ, то оно въ томъ легко удостовѣриться. Но просить мнѣ

какъ-то совѣстно, особенно нынѣ; образъ мыслей моихъ извѣстенъ. Гонимый 6 лѣтъ сряду, замаранный по службѣ выключкою, сосланный въ глухую деревню за двѣ строчки перехваченнаго письма, я конечно не могъ доброжелательствовать покойному Царю, хотя и отдавалъ полную справедливость истиннымъ его достоинствамъ—но никогда я не проповѣдывалъ ни возмущеній, ни революціи—напротивъ. Классъ писателей, какъ замѣтилъ Alfieri, болѣе склоненъ къ умозрѣнію, нежели къ дѣятельности, и если 14 декабря доказало у насъ иное, то на то есть особая причина. Какъ бы то ни было я желалъ бы *вполнѣ* и *искренно* помириться съ правительствомъ, и конечно это ни отъ кого, кромѣ его, не зависитъ. Въ этомъ желаніи болѣе благоразумія нежели гордости съ моей стороны.

Съ нетерпѣніемъ ожидаю рѣшенія участи нещастныхъ и обнародованія заговора. Твердо надѣюсь на великодушіе молодаго нашего Царя. Не будемъ ни суевѣрны ни односторонни—какъ фр. трагики; но взглянемъ на трагедію взглядомъ Шекспира. Прощай душа моя.

Пушкинъ.

Ты взялъ 2000 у меня, и хорошо сдѣлалъ, но сдѣлай такъ, чтобъ прежде вел. поста они находились опять у Плетнева.

На четвертой страницѣ адресъ: „Милостивому Государю Барону Антону Антоновичу Дельвигу. Въ С.-Петербургъ, въ б: мильонной, въ домѣ Г-жи Эбелингъ".

Это письмо писано въ началѣ 1826 г., изъ Михайловскаго, доставлено не по почтѣ, и печатается въ первый разъ.

V.

Милый баронъ! вы обо мнѣ безпокоитесь и напрасно—Я человѣкъ мирный. Но я безпокоюсь—и дай Богъ, чтобъ было понапрасну — Мнѣ сказывали, что А. Раевскій подъ арестомъ. Несомнѣваюсь въ его политической безвинности—но онъ боленъ ногами и сырость казематовъ будетъ для него смертельна — Узнай гдѣ онъ и успокой меня.—Прощай мой милый другъ.

П.

(На четвертой страницѣ: «Барону Дельвигу»).

Письмо это писано изъ Михайловскаго въ началѣ 1826 г., и впервые является въ печати. Отвѣтъ Дельвига напечатанъ въ „Русскомъ Архивѣ“ 1880 г., кн. II, стр. 503. Приводимъ изъ него нѣсколько строкъ, разъясняющихъ это и слѣдующее за симъ письмо Пушкина: „Милый мой Пушкинъ! До тебя дошли ложные слухи о Раевскомъ. Правда, они оба въ Петербургѣ, но на совершенной свободѣ. Государь говорилъ съ ними, увѣрился въ ихъ невиновности и, говорятъ, пожалъ имъ руку и поцѣловалъ ихъ. Отецъ ихъ сдѣланъ членомъ Совѣта. Нашъ сумасшедшій Кюхля, какъ ты знаешь по газетамъ, въ Варшавѣ. Слухи въ Петербургѣ перемѣнились объ немъ, такъ какъ должно было ожидать всѣмъ знающимъ его коротко. Говорятъ, что онъ совсѣмъ не былъ въ числѣ этихъ негодныхъ Славянъ, а просто былъ воспламененъ, какъ длинная ракета. Зная его доброе сердце и притомъ любовь хвастать разными положеніями, въ которыя жизнь бросала его, я почти былъ въ этомъ всегда увѣренъ. Да онъ бы вѣрно кому-нибудь изъ товарищей не удержался сказать всю свою тайну. Дай Богъ, чтобъ это была правда. Говорятъ, великій князь Михаила Павловичъ съ нимъ болѣе всѣхъ ласковъ... По письму твоему примѣтилъ я, что ты изволишь на меня дуться, быть можетъ, за долгое мое молчаніе“...

На это письмо Пушкинъ отвѣчалъ слѣдующимъ, писаннымъ, судя по его содержанію, 20 іюля 1826 г.:

VI.

Мой другъ Баронъ, я на тебя не дулся и долгое твое молчаніе великодушно извинялъ твоимъ гименеемъ.

Io hymen Hymenaee io,
Io hymen Hymenaee!

т.-е. чортъ побери вашу свадьбу, свадьбу вашу чортъ побери — Когда друзья мои женятся, имъ смѣхъ, а мнѣ горе; но такъ и быть: Апостолъ Павелъ говоритъ въ одномъ изъ своихъ посланій, что лучше взять себѣ жену, чѣмъ идти въ геенну и во огнь вѣчный — обнимаю и поздравляю тебя — рекомендуй меня Баронессѣ Дельвигъ.

Очень благодаренъ за твои извѣстія, радуюсь, что Тевтонъ Кюхля не былъ Славяниномъ — а охмѣлѣлъ въ чужомъ пиру. Повѣденіе Вел. Кн. Михаила въ отношеніи къ нему очень благородно. Но что Ив. Пущинъ? мнѣ сказывали, что 20, т.-е. сегодня участь ихъ должна рѣшиться — сердце не на мѣстѣ; но крѣпко надѣюсь на милость Царскую. Мѣры правительства доказали его рѣшимость и могущество. Бóльшаго подтвержденія, кажется, не нужно. Правительство можетъ пренебречь ожесточеніе нѣкоторыхъ обличенныхъ...

Я писалъ Ж — и жду отвѣта. Покамѣсть я совершенно одинъ. Пр. Ал. уѣхала въ Тверь, сей часъ пишу къ ней и отсылаю Эду—что за прелесть эта Эда! Оригинальности разказа наши критики не поймутъ. Но какое разнообразіе! Гусаръ, Эда и самъ поэтъ всякой говоритъ по своему. А описанія Лифляндской природы! а утро послѣ первой ночи! а сцена съ отцомъ!—чудо!—Видѣлъ я и Слѣпушкина, неужъ-то никто ему не поправилъ *Святки*, *Масленицу*, *Избу?* у него истинный *свой* талантъ; пожалуйста пошлите ему отъ меня экземпляръ Руслана и моихъ стих.—съ тѣмъ, чтобы онъ мнѣ не подражалъ, а продолжалъ идти своею дорогою. Жду Цвѣтовъ.

(Безъ подписи. На четвертой страницѣ: «Дельвигу»).

Конецъ этого письма со словъ „Пр. Ал. (Осипова) уѣхала въ Тверь" напечатанъ въ „Матеріалахъ" г. Анненкова (изд. 1855 г. стр. 163, изд. 1873, стр. 155). Кюхельбекеръ и Пущинъ, о которыхъ въ немъ упоминается,—декабристы, лицейскіе товарищи Пушкина. О нѣжной дружбѣ его съ обоими свидѣтельствуетъ множество стихотвореній.

VII.

Мой милый, очень благодаренъ тебѣ за всѣ извѣстія—Вмѣстѣ съ твоимъ получилъ я письмо и отъ Заикина съ увѣдомленіемъ о продажѣ *Стих. А. П.* и съ предложеніями—Ты говоришь, мой милый, что нѣкоторыхъ піэсъ уже цензоръ не пропуститъ; какихъ же? А. Шенье? и такъ погодимъ съ новымъ изданіемъ, время не уйдетъ, все перемѣлится—будетъ мука—тогда напечатаемъ второе, добавленное, исправленное изд. (однако скажи: развѣ были какія-нибудь неудовольствія по случаю моихъ Стихотв? или это одни твои предположенія?). Знаешь ли? ужъ если печатать что, такъ возьмемся за Цыгановъ. Надѣюсь, что братъ по крайнѣй мѣрѣ ихъ перепишитъ, а ты пришли рукопись ко мнѣ—я доставлю предисловіе и м. б. примѣчанія—и съ рукъ долой. А то всякой разъ, какъ я объ нихъ подумаю, или прочту слово въ журн., у меня кровь портится—въ собраніи же моихъ поэмъ для новинки помѣстимъ мы другую повѣсть въ родѣ *Верро*, которая у меня въ запасѣ. Жду отвѣта.

При семъ письмо къ Ж. въ треугольной шляпѣ и въ башмакахъ.—Не смѣю надѣяться, но мнѣ бы сладко было получить

свободу отъ Ж., а не отъ другова—впроччемъ держусь стоической пословицы: не радуйся нашедъ, не плачь потерявъ.

Какого вамъ Бориса и на какія лекціи? Въ моемъ Борисѣ бранятся по м...... на всѣхъ языкахъ. Это трагедія не для прекраснаго полу.

Прощай мой другъ; деньги мои держи крѣпко, никому не давай. Они мнѣ нужны. Сдери долгъ и съ Д.

(Письмо на полулистѣ, безъ подписи и адреса).

Небольшой отрывокъ этого письма со словъ „Знаешь-ли?" до „Жду отвѣта" напечатанъ въ „Матеріалахъ" г. Анненкова (изд. 1855 г., стр. 130, изд. 1873 г. 124 стр.). Оно писано изъ Михайловскаго, и отнесено г. Анненковымъ къ 1824 г.; но означеніе года неправильно, потому что стихотвореніе „Андрей Шенье" написано въ 1825 г., а „Стихотворенія" Пушкина изданы въ 1826-мъ. Сопоставленіе годовъ, упоминаемое въ письмѣ ходатайство у Жуковскаго и полученіе въ Псковѣ 3 сент. 1826 г. дозволенія Пушкину пользоваться совѣтами столичныхъ докторовъ, приводятъ къ заключенію, что письмо написано въ половинѣ 1826 г. „Повѣсть въ родѣ *Верро*" Байрона, по мнѣнію г. Анненкова,—„Евгеній Онѣгинъ", но и это едва ли правильно, такъ какъ, независимо отъ несходства этихъ двухъ произведеній, „Евгеній Онѣгинъ" въ 1825 г. уже былъ извѣстенъ по отрывкамъ, напечатаннымъ въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ" на 1825 г. (стр. 280) и по отдѣльному выпуску первой его главы. Вѣроятнѣе, что упоминаемая повѣсть — „Графъ Нулинъ", написанная въ концѣ 1825 г.

VIII.

Посылаю тебѣ, Баронъ, Вассальскую мою подать, именуемую Цвѣточною, по той причинѣ, что платится она въ ноябрѣ въ самую пору цвѣтовъ. Доношу тебѣ, моему Владѣльцу, что нынѣшняя осень была дѣтородна, и что коли твой смиренный Вассалъ не околѣетъ отъ сарацинскаго падежа, холерой именуемаго, и занесеннаго намъ крестовыми воинами, т.-е. бурлаками, то въ замкѣ твоемъ, Литературной Газетѣ, пѣсни трубадуровъ не умолкнутъ круглой годъ. Я, душа моя, написалъ пропасть полемическихъ статей, но не получая журналовъ, отсталъ отъ вѣка и не знаю въ чемъ дѣло—и кого надлежитъ душить, Полевова или Булгарина. Отецъ мнѣ ничего про тебя не пишетъ, а это безпокоитъ меня, ибо я все таки его сынъ, т. е. мнителенъ и хандрливъ (каково словечко?). Скажи Плетневу, что онъ

разцаловалъ бы меня, видя мое осеннее прилежаніе. Прощай, душа, на другой почтѣ я, можетъ быть еще что нибудь тебѣ пришлю.

4 ноября.

Я живу въ деревнѣ, какъ въ островѣ, окруженной карантинами. Жду погоды, чтобъ жениться и добраться до П. Б.—но я объ этомъ не смѣю еще и думать.

(Письмо на половинѣ листа, безъ подписи и адреса).

Письмо это, писанное 4 ноября 1830 г. изъ Болдина, напечатано въ „Матеріалахъ" г. Анненкова (изд. 1855 г., стр. 283, изд. 1873. стр. 275) съ пропускомъ выраженій, относящихся къ Полевому и Булгарину, характеризующихъ отношенія къ нимъ Пушкина. Пока Пушкинъ заботился въ Болдинѣ о „Литературной Газетѣ", она подверглась гоненіямъ со стороны гр. Бенкендорфа, и была запрещена, о чемъ Дельвигъ извѣстилъ Пушкина письмомъ, напечатаннымъ въ „Русскомъ Архивѣ" 1880 г. кн. II, стр. 508. Это были, сколько извѣстно, послѣднія ихъ письма. Вслѣдствіе непріятностей и оскорбленій Дельвигъ заболѣлъ, и 14 янв. 1831 г. скончался. Пушкинъ получилъ это горестное извѣстіе въ Москвѣ, гдѣ находился съ декабря по случаю предстоявшей ему женитьбы.

В. Гаевскій.

ЛЮБОПЫТНАЯ ТЯЖБА

Замѣтки.

Короткій промежутокъ времени между 1848 г. и 1854—годиной сильнаго разгара крымской кампаніи—памятенъ русской литературѣ по многочисленнымъ тяжбамъ и процессамъ, какіе она вела съ цензурной практикой той эпохи. Почти всегда проигрывая ихъ и выходя изъ всякаго дѣла еще въ худшемъ положеніи, чѣмъ была, она все-таки не унималась, что объясняется постояннымъ приливомъ новыхъ силъ къ аренѣ ея дѣятельности, возникновеніемъ въ средѣ общества духовныхъ стремленій и нравственныхъ вопросовъ, чувствовавшихъ нужду заявить о своемъ существованіи. Большая часть подобныхъ тяжбъ и препирательствъ происходила по сомнѣніямъ о пригодности или непригодности подсудной статьи въ данную, текущую минуту, но были изъ нихъ и такія, которыя обнаруживали направленіе внутренней политики на почвѣ цензурныхъ распоряженій и затрогивали вопросы русской культуры вообще. Можно пожалѣть, что тяжбы послѣдняго рода не были доселѣ разсказаны тѣми, кто ихъ возбуждалъ, въ качествѣ истцовъ. Къ числу подобныхъ характерныхъ тяжбъ слѣдуетъ отнести и ту, которая возникла по поводу изданія «Сочиненій Пушкина» 1855 г. Одинъ изъ документовъ завязавшагося тогда процесса вокругъ изданія приводится здѣсь, какъ любопытный по выводамъ, которые онъ даетъ относительно духа и образа дѣйствій низшихъ агентовъ тогдашней литературной полиціи.

Документъ этотъ состоитъ просто въ выдержкахъ изъ оффиціальной «записки», которую издатель «Сочиненій Пушкина» 1855 г. получилъ дозволеніе, въ видѣ исключенія изъ общихъ правилъ цензурной практики, подать въ главный цензурный комитетъ. Задача и цѣли «записки» должны были заключаться въ объясненіи

тѣхъ мѣстъ изъ старыхъ и новыхъ, еще неизданныхъ произведеній Пушкина, которыя возбудили сомнѣнія цензора (г. А. Фрейганга), ихъ просматривавшаго, и приговорены были имъ къ исключенію. Дозволенію этому, какъ рѣдкому примѣру снисходительности въ лѣтописяхъ цензурнаго вѣдомства, предшествовалъ еще, какъ было слышно, предварительный обмѣнъ мыслей въ самой администраціи надзора надъ печатью. Попечитель петербургскаго учебнаго округа М. Н. Мусинъ-Пушкинъ, одобрившій и утвердившій всѣ помарки своего цензора, выражалъ, по слухамъ, мнѣніе, что такая поблажка издателю могла бы послужить дурнымъ примѣромъ для авторовъ вообще, постоянно заявляющихъ нестерпимую претензію знать причины цензурныхъ распоряженій, до нихъ касающихся. Министръ народнаго просвѣщенія А. С. Норовъ, получившій литературное образованіе, склонялся на сторону представленія объясненій, а также и другой членъ комитета, начальникъ штаба корпуса жандармовъ, генералъ Л. В. Дубельтъ, который не находилъ опасности для дѣйствующихъ по печати законовъ въ допущеніи «записки», ни для кого не обязательной при рѣшеніи спорныхъ пунктовъ. Ихъ мнѣніе и одержало верхъ.

Понятно, какой осторожностію и сдержанностію должна была отличаться записка, если хотѣла спасти, хотя бы отчасти, Пушкинскій текстъ въ этой послѣдней и безапелляціонной инстанціи для исковъ литературнаго характера. Дѣло казалось съ перваго взгляда необычайно легкимъ. Ни одно мѣсто изъ статей Пушкина, ни одинъ стихъ изъ его пѣсенъ и отрывковъ, заподозрѣнныхъ цензоромъ и присужденныхъ имъ къ устраненію, не заключали въ себѣ и тѣни злонамѣренности, неприличія, какого-либо намека или соблазна, какъ въ томъ могутъ убѣдиться сами читатели по «выдержкамъ», гдѣ всѣ эти мѣста собраны. Но простой, настоящій ихъ смыслъ былъ затемненъ въ глазахъ цензора, который, между прочимъ, пользовался репутаціей тонкаго эксперта по части отгадки тайныхъ авторскихъ намѣреній, благодаря только его привычкѣ встрѣчать всякую незаурядную мысль и сильное чувство вопросомъ объ ихъ происхожденіи и по своему усмотрѣнію опредѣлять, благонадежно ли оно и имѣетъ ли прямыя доказательства своей законности... Обличенію этой постоянной заботы г. цензора, увлекавшей его далеко въ сторону отъ разбираемаго текста, и указанію, до какихъ неимовѣрныхъ рѣшеній она довела его, посвящена исключительно и вся «записка» издателя.

Но поучительная сторона приводимыхъ «выдержекъ» изъ «записки» все-таки заключается не въ этомъ обличеніи, а въ тонѣ, въ пріемахъ рѣчи и въ доводахъ, какіе понадобились издателю для того, чтобы заставить себя выслушать и имѣть право разсчитывать на нѣкоторый успѣхъ. Исполняя свою спеціальную задачу—объясненіе мыслей, словъ и выраженій поэта,—трактатъ держится на такомъ уровнѣ понятій, прибѣгаетъ къ помощи такого рода соображеній, что рисуетъ степень развитія и умственное настроеніе людей, для которыхъ онъ назначался, а также и положеніе печати за 25 лѣтъ назадъ. Приходилось держаться исключительно того способа понимать предметы, который одинъ могъ доставить доводамъ «записки» силу убѣжденія и внушить къ нимъ довѣренность. Составитель ея ищетъ аргументовъ для защиты своихъ положеній и требованій не во внутренней правдѣ, которая въ нихъ заключалась или могла заключаться, а въ той счастливой случайности, что они не противорѣчатъ ни одной изъ господствующихъ идей въ обществѣ. Вся «записка», такимъ образомъ, получила характеръ и оттѣнокъ *адвокатской* рѣчи, произнесенной въ защиту безпомощнаго кліента, нуждающагося въ снисхожденіи своихъ судей, и странное впечатлѣніе производитъ теперь вся ея аргументація, когда вспомнишь, что кліентомъ тутъ былъ никто иной, какъ Пушкинъ.

Для полнаго пониманія состава и цѣнности той ставки, около которой шла эта цензурная игра — должно сказать слѣдующее. При самомъ возникновеніи мысли объ изданіи сочиненій поэта, воспослѣдовало, какъ всѣмъ тогда было извѣстно, высочайшее повелѣніе, предоставлявшее покойной Натальѣ Николаевнѣ Ланской, матери и попечительницѣ дѣтей Пушкина, право на повтореніе въ новомъ, предполагавшемся изданіи всѣхъ произведеній поэта, безъ исключенія, напечатанныхъ въ посмертномъ изданіи 1838—41, которое тоже обязано было своимъ осуществленіемъ единственно прямому вмѣшательству и указанію верховной власти. Такимъ образомъ главный матеріалъ всего предпріятія былъ на готовѣ и притомъ уже изъятый отъ всякаго рода браковки. Безъ охранной грамоты, данной ему вновь упомянутымъ распоряженіемъ, которое сдерживало въ границахъ приличія и разума ревность литературной полиціи — неизвѣстно что сталось бы съ доброй частію литературнаго достоянія поэта, уже столько лѣтъ находившагося въ обладаніи читающей публики. По крайней мѣрѣ, изъ прилагаемаго документа оказывается, что цензоръ заносилъ руку и на стихотворенія, давно обошедшія, въ старомъ изданіи, весь русскій міръ и, между прочимъ, на патріотическую

пѣснь «Герой», доказывая тѣмъ еще разъ, что охрана государственныхъ началъ, устроенная на бюрократическую ногу, часто теряетъ изъ вида, въ погонѣ за призраками, ею созданными, ту самую цѣль, ради которой она и существуетъ.

Понятно, что стихотворенія Пушкина, разсѣянныя по старымъ нашимъ журналамъ, начиная съ 1814 г., и не попавшія въ посмертное изданіе 1838 г., а также статьи, отрывки и всѣ сокровища его музы, почерпнутыя въ его рукописяхъ, уже не пользовались благодѣяніемъ охраннаго листа и оставались безъ защиты. О нихъ именно и шло все дѣло.

Въ томъ же положеніи находились еще и «Матеріалы для біографіи Пушкина» и «Примѣчанія къ его произведеніямъ», собранныя самимъ издателемъ, но тутъ уже составитель ихъ зналъ, при какой обстановкѣ и въ какихъ условіяхъ онъ работаетъ и могъ принимать мѣры для огражденія себя отъ непосредственнаго вліянія враждебныхъ силъ. Оно такъ и было. Не трудно указать теперь на многія мѣста его біографическаго и библіографическаго труда, гдѣ видимо отражается страхъ за будущность своихъ изслѣдованій и гдѣ бросаются въ глаза усилія предупредить и отвратить толкованія и заключенія подозрительности и напуганнаго воображенія отъ его выводовъ и сообщеній.

Можно сказать—и уже было говорено, что дополненіе изданія вновь открытыми или позабытыми произведеніями Пушкина не имѣло той важности, какую ему придавали въ то время. Остатки пушкинскаго творчества, рано или поздно, все-таки увидали бы свѣтъ. Вѣдь не могли же они пропасть безслѣдно: появленіе ихъ составляло только вопросъ времени, которое и постаралось бы разрѣшить эту задачу и, конечно, съ бóльшимъ успѣхомъ, бóльшей полнотой и въ бóльшихъ размѣрахъ, чѣмъ какъ тó оказалось возможнымъ для нетерпѣливыхъ собирателей. Достовѣрно, по крайней мѣрѣ, что, предоставивъ работу будущимъ и болѣе свободнымъ эпохамъ, не встрѣтилось бы печальной необходимости жертвовать стихами, строфами, періодами пушкинскаго текста для сбереженія остальнаго клочка его раздробленной мысли, какъ это случилось и должно было случиться со многими отрывками и цѣльными его произведеніями, при несвоевременномъ ихъ опубликованіи. Торопиться и хлопотать о немедленномъ ихъ обнародованіи было поэтому незачѣмъ.

Позволительно усумниться въ основательности этихъ замѣчаній. Подчинять всѣ многоразличныя побужденія къ дѣятельности въ жизни спокойному, дѣльному и безстрастному умствованію о несостоятельности, ихъ ожидающей несомнѣнно при извѣстныхъ

данныхъ въ обществѣ, врядъ ли значило оказывать услугу этому обществу. Въ настоящемъ случаѣ даже и не видно, какимъ образомъ издатель могъ бы, опираясь на трезвое пониманіе эпохи, устраниться отъ исполненія своей прямой обязанности издателя. Онъ *долженъ* былъ питать желаніе ознакомить публику, хотя отчасти, съ объемомъ неожиданно доставшагося ей художническаго наслѣдства; онъ не имѣлъ права освободиться отъ побужденія представить публикѣ сборникъ произведеній поэта настолько полный, насколько позволяла настоящая минута, и ввести въ него все то, чтó могло весьма мирно ужиться съ соціальнымъ положеніемъ тогдашняго общества. Если даже и при этомъ онъ встрѣтилъ еще препоны на своемъ пути, онъ обязанъ былъ одолѣть ихъ, хотя бы для устраненія противниковъ приходилось употреблять оружіе, у нихъ же отобранное или позаимствованное. Точно такими же соображеніями руководилась и вся тогдашняя печать наша, когда, не зная устали и не обращая вниманія на пораженія, — она безпрестанно предъявляла новые иски къ цензурѣ и вела ихъ тѣми же способами и пріемами, какіе употребилъ и составитель «записки», хотя масштабы тяжбъ были тутъ иные. О вѣрности этого замѣчанія могутъ свидѣтельствовать оставшіеся еще въ живыхъ дѣятели той эпохи. Вообще слѣдуетъ сказать, что сильно ошибаются тѣ изъ нашихъ современниковъ, которые представляютъ себѣ положеніе русской литературы въ описываемый промежутокъ времени исключительно и безусловно страдательнымъ и отличавшимся будто бы одной примѣрной инерціей и выносливостію. Писатели, издатели, труженики всѣхъ родовъ, напротивъ, много и дѣятельно работали тогда и притомъ двойнымъ трудомъ — по своимъ спеціальнымъ задачамъ, во-первыхъ, и, во-вторыхъ, по борьбѣ съ обстоятельствами, которыя застили имъ свѣтъ и заслоняли дорогу, чтó становилось какъ-бы необходимымъ дополненіемъ избранной профессіи. Глухая война, безнравственная во многихъ своихъ подробностяхъ, царствовала по всему пространству интеллигентаго міра публицистовъ, литераторовъ, ученыхъ, и она-то именно и спасла всѣ зародыши развитія и мысли, какіе существовали въ обществѣ. Если нравственныя и умственныя силы общества оказались на лицо и даже въ значительномъ обиліи тотчасъ же, какъ сняты были первыя путы, мѣшавшія ихъ движенію, то этотъ несомнѣнный фактъ нашей жизни, удивившій многихъ, а нѣкоторыхъ и непріятно, подготовленъ былъ всецѣло предшествовавшимъ періодомъ литературы. Главнѣйшіе ея дѣятели ни на минуту не

сомнѣвались за всю эту эпоху въ неизбѣжномъ появленіи дня *свободнаго труда*, котораго и дождались.

Переходимъ къ документу нашему, снабжая его отмѣтками касательно участи, которая постигла каждое изъ осужденныхъ мѣстъ пушкинскаго творчества въ окончательной ихъ провѣркѣ.

Выдержки изъ объяснительной записки, поданной издателемъ «Сочиненій Пушкина», 1855—57, главному цензурному комитету въ 1854 г.

1.

Мѣста изъ неизданныхъ Пушкинскихъ произведеній, вошедшія въ составъ „Матеріаловъ для біографіи поэта“ и предложенныя къ исключенію г. цензоромъ.

I.

Къ исключенію:

„На об. страницы 69 (по рукописи) не попавшіе въ печать—по выраженію издателя—отдѣльные стихи изъ предисловія къ поэмѣ „Кавказскій Плѣнникъ“:

a) Когда я *погибалъ безвинный*, безотрадный,
И шопотъ клеветы внималъ со всѣхъ сторонъ,
Когда кинжалъ измѣны хладной,
Когда любви тяжелый сонъ
Меня терзали и мертвили,
Я близъ *тебя*...

b) Я рано скорбь узналъ, *постигнутъ былъ гоненьемъ*,
Я жертва клеветы и мстительныхъ невѣждъ,
Но сердце укрѣпивъ надеждой и терпѣньемъ

c) Когда роскошныхъ дѣвъ веселья
Младыми розами вѣнчалъ.
И жаръ безумнаго похмѣлья
Минутной страсти посвящалъ...

Объясненія издателя.

Мѣста эти изъ предисловія къ „Кавказскому Плѣннику“ совершенно въ томъ же духѣ написаны, какъ и настоящее предисловіе къ нему, которое всегда прилагалось при поэмѣ (и нынѣ будетъ приложено). Они не содержатъ никакого намека на людей, ибо принадлежатъ *къ байроническому* направленію, которое въ то время (1822) было въ модѣ. Въ біографіи, издатель еще представляетъ эти мѣста, какъ образецъ неудачнаго желанія произвесть поэтическое лицо на ложныхъ основаніяхъ, и приводитъ слова Пушкина, который въ томъ сознавался самъ, отъ чего отрывки имѣютъ важное значеніе для біографіи—во-первыхъ, какъ поученіе будущимъ писателямъ, а во-вторыхъ, какъ подробность для картины развитія поэтическаго таланта въ самомъ авторѣ.

(Отрывки получили дозволеніе явиться въ печати).

II.

Къ исключенію:

a) „На стр. 95 и об. (по рукописи) мнѣніе о Шуйскомъ и сравненіе французскаго короля Генриха IV съ Димитріемъ Самозванцемъ“:

„Я такъ же намѣревъ возвратиться къ Шуйскому. Онъ представляетъ въ исторіи странное смѣшеніе дерзости, изворотливости и силы характера. Слуга Годунова, онъ одинъ изъ первыхъ переходитъ на сторону Димитрія, первый начинаетъ заговоръ и замѣтьте—онъ же первый и старается воспользоваться сумятицей, кричитъ, обвиняетъ, изъ начальника дѣлается сорванцомъ. Онъ уже близокъ къ казни, но Димитрій съ тѣмъ великодушіемъ вѣтренности, которая отличала этого пройдоху, даетъ ему помилованіе, изгоняетъ его и снова возвращаетъ ко двору своему, осыпая честью и щедротами. И что-же дѣлаетъ, уже стоявшій разъ подъ топоромъ? Тотчасъ же принимается за новый заговоръ, успѣваетъ, захватываетъ престолъ, падаетъ и въ паденіи своемъ уже показываетъ болѣе достоинства и душевной силы, чѣмъ въ продолженіе всей своей жизни.

„Димитрій сильно напоминаетъ Генриха IV. Онъ храбръ и хвастливъ, какъ тотъ. Оба перемѣняютъ религію для политическихъ видовъ, оба любятъ войну, удовольствія, оба наклонны къ необыкновеннымъ предпріятіямъ и оба служатъ цѣлью многочисленныхъ заговоровъ. Но Генрихъ не имѣлъ Ксеніи на совѣсти; правда, что это ужасное обвиненіе еще не доказано, и я считаю своей обязанностію ему не вѣрить.

„Грибоѣдовъ не доволенъ былъ Іовомъ“.

b) На стр. 282—284 (по рукописи) во французскомъ письмѣ Пушкина о Борисѣ Годуновѣ, кромѣ текста, соот-

Объясненія издателя.

Эти мѣста изъ писемъ Пушкина на французскомъ языкѣ о своей трагедіи «Борисъ Годуновъ» (и изъ перевода ихъ на русскій языкъ издателемъ) заключаютъ сужденія поэта объ исторической трагедіи вообще. Въ правилахъ о цензурѣ (статья 10-я) выражено:... „Всякое общее описаніе или свѣдѣніе касательно *исторіи*, географіи и статистики Россіи дозволяется цензурою, если только изложено съ приличіемъ и безъ нарушенія общихъ цензурныхъ правилъ“. Письма Пушкина не противорѣчатъ предписанію закона и потеря ихъ была бы значительнымъ пробѣломъ въ исторіи трагедіи „Борисъ Годуновъ“. Уже извѣстно глубокое уваженіе Пушкина къ Карамзину. Въ описаніи Шуйскаго, онъ слѣдуетъ во всемъ указаніямъ историка, справедливо назвавшаго гонителя фамиліи Романовыхъ—хитрымъ царедворцемъ, захватившимъ престолъ, который не ему слѣдовало занять. Въ характеристикѣ Д. Самозванца, Пушкинъ дозволяетъ себѣ сдѣлать сравненіе съ королемъ Генрихомъ IV, но только въ одномъ отношеніи легкости, хвастливости и воинолюбивости. Что касается до Марины Мнишекъ, то коварное честолюбіе ея очерчено ярко Пушкинымъ и, кажется, нѣтъ причины—щадить эту женщину, образецъ западной и польской цивилизаціи, произведшей подобное существо. Все остальное—бѣглые историческіе очерки, а потомъ разсужденіе о законахъ трагедіи, которые Пушкинъ полагалъ только въ истинѣ характеровъ, все прочее считая второстепеннымъ. Вотъ почему и сказалъ въ виду классиковъ и романтиковъ, воевавшихъ тогда между собой на бумагѣ: „Si je me mêlai de faire une préface—(къ Б. Годунову), *je ferais du scandale*“ [1]), что переведено у изда-

[1]) Фраза тоже предложенная къ исключенію г. цензоромъ.

вѣтствующаго вышеприведенному отрывку, *подчеркнуто* слѣдующее мѣсто:

„Ma tragédie... est remplie de bonnes plaisanteries et d'allusions fines à l'histoire de ce temps-là... Quant aux grosses indécences—n'y faites pas attention“.

e) Такъ же точно указано къ исключенію и мѣсто о Маринѣ Мнишекъ и о предкѣ поэта. О первой:

„Après avoir goûté de la royauté—voyez-la, ivre d'une chimère, se prostituer d'aventurier en aventurier, partager tantôt le lit dégoûtant d'un juif, tantôt la tente d'un cosaque, toujours prête à se livrer à quiconque qui peut lui présenter la faible espérance d'un trône qui n'existait plus“.

О предкѣ Пушкина:

„Гаврило Пушкинъ est un de mes ancêtres; je l'ai peint tel que je l'ai trouvé dans l'histoire et dans les papiers de ma famille. Il a eu de grands talents. Homme de guerre, homme de cour—c'est lui et Плещеевъ qui ont assuré le succès de Самозванецъ par une audace inouie“.

теля: „Если бы я вздумалъ написать предисловіе (къ Б. Годунову), не *обошлось бы безъ шума*“. Во всѣхъ этихъ письмахъ могутъ подлежать исключенію развѣ два слова для ослабленія мысли, въ сущности безвредной, именно при описаніи Димитрія въ періодѣ: „Димитрій съ тѣмъ *великодушіемъ* вѣтренности, которая отличала этого *любезнаго* пройдоху...“ Можно было бы выбросить слова: любезнаго и великодушіемъ.

(Издателю сочиненій Пушкина не удалось однакожъ, пожертвованіемъ двухъ эпитетовъ въ опредѣленіи личности Димитрія, провести замѣтку о немъ поэта вполнѣ. Изъ печатнаго текста писемъ мы видимъ, что мѣсто, гдѣ находилось сравненіе Димитрія съ Генрихомъ IV и гдѣ упоминалось имя Ксеніи, все-таки исключено изъ изданія. Въ-замѣнъ, объясненія издателя помогли пройти въ печать бойкимъ характеристикамъ личностей Шуйскаго, Марины Мнишекъ, Гаврилы Пушкина. Вмѣстѣ съ ними дозволены къ обнародованію и всѣ отрывочныя фразы писемъ, начиная съ замѣтки Грибоѣдова объ Іовѣ и кончая тѣми, которыя видимо испугали цензора только словами, въ нихъ заключавшимися: plaisanteries, indécences, scandale. Впрочемъ мы знаемъ, по черновымъ оригиналамъ этихъ самыхъ писемъ, съ которыми публика ознакомилась недавно на Пушкинской выставкѣ, что нѣсколько фразъ и незначительныхъ замѣтокъ исключено было изъ нихъ самимъ издателемъ и по весьма понятнымъ причинамъ. Какъ бы подѣйствовала, напримѣръ, на подозрительнаго судью добавочная фраза Пушкина къ замѣчанію, что надо понимать намеки его трагедіи, подобному тому, какъ это было необходимостію для

«нашихъ домашнихъ бездѣлушекъ Кіева и Каменки» (comme dans nos sousoeuvres de Kiow et de Kamenka), или мѣсто, слѣдовавшее за фразой *«Грибоѣдовъ не доволенъ былъ Іовомъ: И—справедливо. Патріархъ былъ очень умнымъ человѣкомъ, а я, по разсѣянности, сдѣлалъ изъ него простака»* (Le patriarche, il est vrai, était un homme de beaucoup d'esprit, j'en ai fait un sot par distraction). Въ то подозрительное и суровое время для печати, они могли бы повлечь запрещеніе писемъ Пушкина о «Б. Годуновѣ» цѣликомъ, какъ произведеній сомнительнаго духа и настроенія. А письма эти, конечно, стоили сохраненія: это драгоцѣнный примѣръ того, какъ исторія и ея главныя лица отражаются въ умѣ геніальнаго художника).

III.

Приговоры г. цензора.

На стр. 104 (по рукописи), къ исключенію Пушкинскаго размышленія:

«Искренно признаюсь, что я воспитанъ въ страхѣ почтеннѣйшей публики и что не вижу никакого стыда угождать ей и слѣдовать духу времени. Это первое признаніе ведетъ къ другому, болѣе важному: такъ и быть, каюсь, что я въ литературѣ скептикъ (чтобъ не сказать хуже) и что всѣ ея *секты* для меня равны, представляя каждая свою выгодную и невыгодную сторону. *Обряды* и формы должны ли суевѣрно порабощать литературную совѣсть?»

Объясненія издателя.

Исключеніе этого мѣста можетъ быть только объяснено словами *секты* и *обряды*, употребленными тутъ невзначай, ибо само мѣсто относится къ спору о классицизмѣ и романтизмѣ, въ которомъ принялъ участіе и Пушкинъ, помѣщено именно при описаніи этого спора и никакого отношенія ни къ чему другому не имѣетъ. Объ угожденіи вкусу публики упоминаетъ Пушкинъ пространно, что публика наклонна къ классицизму и что нѣтъ никакого стыда для писателя подчиняться этому требованію. Другого смысла никакого тутъ и быть не можетъ: такъ ясно, опредѣленно все высказано. Если дѣйствительно слова: *секты, обряды* не терпимы въ отрывкѣ, то слово *секты* можетъ быть замѣщено словами *партіи* или *школы*, а слово *обряды* словомъ *уставы* или *правила*.

(Отрывокъ Пушкина былъ одобренъ къ печатанію безъ измѣненій, какъ знаемъ изъ печатнаго текста. Иронія предложенія замѣнить одни невинныя слова другими, столь же невинными, была почувствована и комитетомъ... Но какія мысли ходили въ головѣ цензора, когда онъ указывалъ на это мѣсто, какъ на предосудительное?)

IV.

Къ исключенію:

На стр. 112 и об. (по рукописи) рѣзкое мнѣніе Пушкина о Державинѣ въ письмѣ къ Дельвигу:

«По твоемъ отъѣздѣ перечелъ я Державина всего,—и вотъ мое окончательное мнѣніе. Этотъ чудакъ не зналъ ни русской грамоты, ни духа русскаго языка (вотъ почему онъ ниже Ломоносова). Онъ не имѣлъ понятія ни о слогѣ, ни о гармоніи, ни даже о правилахъ стихосложенія: вотъ почему онъ и долженъ бѣсить всякое разборчивое ухо. Онъ не только не выдерживаетъ оды, но не можетъ выдержать и строфы (исключая чего—знаешь). Что же въ немъ? Мысли, картины и движенія, истинно поэтическія. Читая его, кажется, читаешь дурной, вольный переводъ съ какого-то чудеснаго подлинника... Державинъ, со временемъ переведенный, изумитъ Европу, а мы изъ гордости народной не скажемъ всего, что мы знаемъ о немъ. У Державина должно будетъ сохранить одъ восемь, да нѣсколько отрывковъ, а прочее сжечь. Геній его можно сравнить съ геніемъ С*. Жаль, что нашъ поэтъ слишкомъ часто кричалъ пѣтухомъ. Довольно о Державинѣ».

Объясненія издателя.

Это мнѣніе Пушкина о Державинѣ принадлежитъ къ 1825 году, но здѣсь издатель проситъ обратить вниманіе на одно обстоятельство. Онъ помѣстилъ именно этотъ отрывокъ для того, чтобъ показать, какъ съ теченіемъ времени и съ накопленіемъ опытности, идей и развитія мыслящей способности, Пушкинъ измѣнялъ постепенно свои сужденія объ авторахъ къ лучшему. Все это пространно изложено вслѣдъ за отрывкомъ. Такимъ образомъ отрывокъ дѣлается въ біографіи поучительнымъ примѣромъ, какъ истинно замѣчательный писатель поправляетъ собственныя свои сужденія и предостерегаетъ другихъ отъ раннихъ увлеченій, кончающихся неизбѣжно раскаяніемъ. Въ этомъ его моральное значеніе... Съ этой точки, издатель проситъ и судить его выборъ изъ рукописей, а не отдѣльно, безъ связи съ главной мыслью и главной задачей его біографіи. Совсѣмъ другое дѣло, если бы приведенный отрывокъ сопровождался у него кичёніемъ, желаніемъ ослабить уваженіе къ признаннымъ заслугамъ или даже равнодушіемъ къ прежнимъ славнымъ писателямъ; все это наоборотъ въ біографіи, что можетъ быть подтверждено какъ свидѣтельствомъ самого г. цензора, такъ и начальства, разбиравшаго его трудъ.

(Сужденіе о Державинѣ явилось въ свѣтъ не тронутымъ, но сколько потребовалось труда на изобрѣтеніе мотивовъ, которые оправдывали бы смѣлость представленія его на судъ цензуры! Въ патетической рѣчи издателя, ему пришлось даже сослаться на чистоту и благонамѣренность своихъ побужденій! И все это по поводу одной замѣтки о Державинѣ! Дѣло объясняется существованіемъ тогда общаго цензурнаго мѣропріятія, по которому не должна была допускаться къ обнародованію никакая критическая оцѣнка старыхъ классическихъ писателей, если она

можетъ умалить ихъ авторитетъ. Распоряженіе было вызвано доносами на критическіе разборы литературы В. Г. Бѣлинскаго, будто бы оскорбляющіе народную гордость и помрачающіе славу великихъ мужей Россіи. Издателю «Сочиненій Пушкина» предстояло обойти это распоряженіе. Онъ принужденъ былъ для этого даже включить, при печатаніи текста Пушкинскаго письма, подстрочное примѣчаніе, въ которомъ повторяется почти буквально мысль объясненія, вѣрная въ томъ смыслѣ, что въ позднѣйшій періодъ жизни Пушкинъ вообще относился съ великимъ вниманіемъ и большою снисходительностію къ старымъ нашимъ писателямъ. Благодаря этимъ пріемамъ, письмо Пушкина прорвалось сквозь изумительное распоряженіе, лишавшее общество права оцѣнивать своихъ писателей, доставило литературѣ возможность воспользоваться, при случаѣ, прецедентомъ, примѣромъ отступленія цензуры передъ собственнымъ стѣснительнымъ постановленіемъ и, наконецъ, ознакомило публику съ чрезвычайно мѣткимъ и остроумнымъ опредѣленіемъ Державина, сдѣланнымъ лѣтъ 18 ранѣе подобнаго же опредѣленія В. Г. Бѣлинскаго. Фраза: «геній его (Державина) можно сравнить съ геніемъ С*», должна читаться:... «съ геніемъ Суворова»).

V.

Къ исключенію:

На стр. 139 и об. (по рукоп.), стихотвореніе Пушкина о собственной его жизни:

«Я вижу въ праздности, въ неистовыхъ пирахъ,
Въ безумствѣ гибельной свободы,
Въ неволѣ, въ бѣдности, въ чужихъ степяхъ
Мои утраченные годы!

Я слышу вновь друзей предательскій привѣтъ
На играхъ Вакха и Киприды
И сердцу вновь наноситъ хладный свѣтъ
Неотразимыя обиды.

И нѣтъ отрады мнѣ — и тихо передо мной
Встаютъ два призрака младые,

Объясненія издателя.

Это истинно геніальное стихотвореніе составляетъ одно изъ украшеній русской литературы и принадлежитъ къ роду лирическому, описывающему личныя ощущенія поэтовъ. Оно выражаетъ глубокое чувство раскаянія души, потрясенной воспоминаніями своихъ проступковъ. Въ этомъ родѣ и теперь безпрестанно пишутся и печатаются стихотворенія (разумѣется, гораздо меньшаго достоинства), легко получая цензурное одобреніе, такъ какъ изложеніе душевныхъ ощущеній составляетъ сущность произведеній лирическаго рода, безъ чего онъ обойтись уже не можетъ. Слѣдуетъ замѣтить высокое нравственное значеніе Пушкинскаго стихотворенія, въ которомъ онъ самъ оцѣниваетъ прежнюю свою жизнь по справедливости и ви-

Двѣ тѣни милыя—два данные судьбой
Мнѣ ангела во дни былые.

Но оба съ крыльями и съ пламеннымъ мечомъ,
И стерегутъ—и мстятъ мнѣ оба,
И оба говорятъ мнѣ мертвымъ языкомъ
О тайнахъ вѣчности и гроба.

19 мая 1828.

дить ея недостатки—залогъ будущаго исправленія. Стихотвореніе такъ же важно для отечественной словесности, какъ и для узнанія души поэта. Въ этомъ же родѣ составлена извѣстная, знаменитая (Высочайше уже дозволенная) пьеса его: «Когда для смертнаго умолкнетъ шумный день». Предлагаемое стихотвореніе служитъ только продолженіемъ его. Издатель почти увѣренъ, что оно, по мнѣнію ясно противоцензурныхъ условій, будетъ допущено въ какомъ - нибудь журналѣ и тѣмъ лишитъ біографію дорогого пріобрѣтенія, а его самого справедливой чести перваго открытеля.

(Два подчеркнутыхъ стиха въ текстѣ стихотворенія, возбудившіе сомнѣнія у г. цензора, могли повлечь, по тогдашней цензурной практикѣ, запрещеніе всей пьесы, чего, къ счастію, не случилось и отрывокъ прошелъ благополучно, съ сохраненіемъ и заподозрѣнныхъ стиховъ).

VI.

Къ исключенію:

На стр. 84 (по рукоп.), отрывки о *безсмертіи души* (написанные Пушкинымъ, какъ произведеніе Ленскаго, одного изъ дѣйствующихъ лицъ его романа: «Евгеній Онѣгинъ»).

«Надеждой сладостной младенчески дыша,
Когда бы вѣрилъ я, что некогда душа,
Могилу переживъ, уноситъ мысли вѣчны,
И память, и любовь въ пучины безконечны—
Клянусь! давно бы я покинулъ грустный міръ,
Узрѣлъ бы я предѣлъ восторговъ, наслажденій,
Предѣлъ, гдѣ смерти нѣтъ, гдѣ нѣтъ предразсужденій,
Гдѣ мысль одна живетъ въ небесной чистотѣ;
Но тщетно предаюсь плѣнительной мечтѣ».

Объясненія издателя.

Стихи эти представлены Пушкинымъ какъ образецъ тяжелыхъ, нелѣпыхъ Оссіановскихъ стиховъ, какими занимался Ленскій—дѣйствующее лицо въ «Онѣгинѣ». Они написаны съ цѣлью пародировать и предать насмѣшкѣ подобныя философствованія, а не съ цѣлью выставить ихъ на показъ, что и самъ онъ объясняетъ далѣе. Для ослабленія всякой, самой легкой двусмысленности въ нихъ слѣдуетъ, можетъ быть, выпустить первый стихъ и всю пьесу начать со второго.

(Въ «Матеріалахъ для біографіи Пушкина», 1855, эта пьеса, дозволенная къ печатанію безъ выпусковъ, сопровождается тоже примѣчаніемъ (Сочин. Пушк. 1855, т. I стр. 328), повторяющимъ сполна доводы «объясненія», чему одинъ примѣръ мы видѣли уже и прежде. Предложеніе издателя выпустить первый стихъ, оказавшееся не нужнымъ, видимо сдѣлано было для того, чтобы сохранить отрывку какой-либо смыслъ, потому что съ устраненіемъ 3-хъ стиховъ (они подчеркнуты въ оригиналѣ), какъ предлагалъ г. цензоръ, весь отрывокъ превращался въ чистѣйшую безсмыслицу. Въ этомъ случаѣ, какъ и въ другихъ, ему подобныхъ, происходило нѣчто сходное съ выбрасываніемъ за бортъ части багажа для спасенія корабля, одолѣваемаго бурей. Сравненіе рисуетъ также и положеніе литературы того времени).

VII.

На стр. 136 (по рук.), отрывокъ изъ письма Пушкина о программѣ газеты, которую дозволено ему было издавать (въ 1832 г.):

«Онъ (Пушкинъ) получилъ дозволеніе на изданіе газеты, но почти на другой же день писалъ съ досадой: «какую программу хотите вы видѣть: извѣстія о курсѣ, о пріѣзжающихъ и отъѣзжающихъ: вотъ вамъ и вся программа. Я хотѣлъ уничтожить монополію... Остальное мало меня интересуетъ», и проч.

Смыслъ этого мѣста не можетъ, кажется, подлежать сомнѣнію, если принять въ соображеніе разсказъ біографіи. Въ 1832 г. Пушкинъ получилъ дозволеніе на изданіе газеты, но по непривычкѣ къ дѣлу и своей неспособности быть редакторомъ вседневной газеты, дозволеніемъ не воспользовался. Друзья его ожидали между тѣмъ отъ газеты чего-то новаго, необыкновеннаго, и тогда, для охлажденія ихъ разспросовъ, Пушкинъ съ той трезвостью ума, которая его оставляла только въ несчастныя минуты страсти, написалъ вышеприведенныя укоризненныя строки.

(Отрывокъ получилъ дозволеніе явиться въ печати, но остается загадкой: какъ могъ явиться вопросъ о его непригодности къ тому?)

VIII.

Къ исключенію:

На стр. 268, 271, 274, нѣкоторыя выраженія въ сказкахъ Арины Родіоновны.

«Царь женился на меньшой и съ первой ночи она понесла».

Объясненія издателя.

Всѣ эти мѣста принадлежатъ къ сказкамъ няни Пушкина, Арины Родіоновны, со словъ которой онъ ихъ записалъ и которыя послужили для составленія стихотворныхъ сказокъ какъ

«Одинъ изъ сыновей уродился чудомъ, ноги серебряныя, руки золотыя и проч.».

«Царь пьетъ изъ проруби; кто-то его хвать за бороду и не выпускаетъ... Царь взмолился... Задумался бѣдный царь».

«Царь (другой, подземнаго царства) повелѣваетъ Ивану Царевичу построить церковь въ одну ночь. Царевна, обратясь въ муху, является къ нему: не печалься, Иванъ Царевичъ, скинь портки, повѣсь на шестокъ, да спи, а завтра возьми молоточекъ, ходи около церкви... Царевичъ думалъ, думалъ и наконецъ сказалъ: а нуже его! повѣситъ такъ повѣситъ, голова мнѣ не дорога... Поутру церковь готова».

«Марья Царевна превращаетъ Ивана Царевича въ церковь, а себя въ священника... церковь ветха, священникъ старъ».

самому Пушкину, такъ и В. А. Жуковскому. Всѣ эти выраженія, какъ: *съ первой ночи понесла*, *уродился чудомъ*, *хвать за бороду* (первая фраза воспроизведена цѣликомъ въ Высоч. дозволенной уже сказкѣ Пушкина: Царь Салтанъ, а вторая буквально повторена въ сказкѣ В. А. Жуковскаго: Царь Берендей), кажется, имѣютъ характеръ простодушія, отстраняющій всякую мысль о соблазнѣ, и врядъ-ли могутъ ввести въ искушеніе даже очень простого человѣка. Фразу: скинь портки—издатель, самъ исключавшій подобныя выраженія, просмотрѣлъ въ теченіи своей работы.

(Обороты и образы народнаго языка, такъ развязно вырванные г. цензоромъ изъ безъискуственной рѣчи Арины Родіоновны, благополучно миновали провѣрку и явились вполнѣ въ приложеніи къ «Матеріаламъ для біографіи Пушкина», 1855 (см. т. I, стр. 438), за исключеніемъ фразы: скинь портки, повѣсь на шестокъ—уступленной и самимъ издателемъ, такъ какъ не подлежало уже сомнѣнію, что она обречена будетъ во всякомъ случаѣ на изгнаніе изъ печатнаго текста).

IX.

Къ исключенію:

Слѣдующіе подчеркнутые стихи въ различныхъ отрывкахъ и цѣльныхъ пьесахъ Пушкина:

a.

«Не женщины любви насъ учатъ,
А первый *пакостный* романъ».

b.

«Мой недочитанный разсказъ
Въ передней кончитъ вѣкъ позорный,
Какъ Инвалидъ иль Календарь».

c.

«Въ пещерѣ тайной, въ *день гоненья*,

Объясненія издателя.

Истинный смыслъ подчеркнутыхъ стиховъ въ разныхъ отрывкахъ, здѣсь прилагаемыхъ, не имѣетъ какого-либо двойного или соблазнительнаго значенія, иначе онъ, издатель, первый не допустилъ бы этихъ отрывковъ въ свою біографію, какъ онъ уже сдѣлалъ со многими другими, ему представлявшимися.

a.

Авторъ говоритъ здѣсь о вредѣ ранняго чтенія романовъ и употребляетъ

Читалъ я *сладостный* коранъ —
Внезапно ангелъ утѣшенья,
Влетѣвъ, принесъ мнѣ талисманъ».

d.

«На мѣсто праздныхъ урнъ и мелкихъ пирамидъ,
Безносыхъ геніевъ, растрепанныхъ харитъ,
Стоитъ широкій дубъ надъ важными гробами,
Колеблясь и шумя»...

e.

Выраженіе объ александрійскомъ стихѣ:
«Растрепанъ былъ свободною цензурой».
(Изъ „Домика въ Коломнѣ").

рѣзкое прилагательное «пакостный» (впрочемъ, весьма вѣрное въ отношеніи французскихъ романовъ).

b.

Авторъ говоритъ объ Инвалидѣ и Календарѣ, не какъ объ изданіяхъ академіи и проч., а какъ о старыхъ газетахъ и указателяхъ, не нужныхъ по окончаніи извѣстнаго срока.

c.

Авторъ здѣсь набрасываетъ первый очеркъ извѣстнаго стихотворенія „Талисманъ" и заставляетъ говорить мусульманина, не имѣя нисколько намѣренія показать сладость корана и ангеловъ Магомета, что̀ было бы совершенною нелѣпостію.

d.

Авторъ здѣсь говоритъ о неприличіи языческихъ памятниковъ надъ гробницами, и еще надо прибавить, что все стихотвореніе, откуда взятъ отрывокъ, проникнуто у него глубокимъ христіанскимъ чувствомъ.

e.

Авторъ говоритъ объ александрійскомъ стихѣ, вспоминая Буало, — и хваля его, прибавляетъ, что его стихъ *растрепанъ*, т.-е. испорченъ свободной цензурой во Франціи и усиліями гг. Гюго и др.

(Полученное дозволеніе на сохраненіе всѣхъ этихъ отрывковъ тѣмъ особенно важно, что оно сберегло отъ искаженія, при печатаніи, другое драгоцѣнное открытіе въ рукописяхъ Пушкина, именно великолѣпную его думу: «Когда за городомъ, задумчивъ, я брожу», что̀ было бы невозможно, если бы указаніе цензора подъ литерой *д* было принято во вниманіе).

2.

Мѣста изъ стихотвореній Пушкина, уже напечатанныхъ въ старыхъ альманахахъ и журналахъ и предложенныя г. цензоромъ къ исключенію, съ объясненіями издателя.

I.

Предварительное объясненіе.

Издатель принимаетъ смѣлость сказать нѣсколько словъ о причинахъ, побудившихъ его къ собранію старыхъ произведеній Пушкина для составленія возможно полнаго изданія его, которое могло бы служить образцомъ для послѣдующихъ. При нынѣшнемъ развитіи отечественной библіографіи, когда усилія многихъ людей посвящены исключительно на собраніе остатковъ русской старины и всего, что произведено въ отечествѣ по части литературы ученой и словесной, всякое изданіе безъ характера библіографическаго уже невозможно. При такомъ направленіи, свидѣтельствующемъ о возрождающихся любви и уваженіи ко *всему своему*—строгое исключеніе старыхъ произведеній за нѣкоторую еще юношескую ихъ горячность и даже за нѣкоторое увлеченіе (если оно только не переступаетъ настоящихъ границъ приличія) лишаетъ изданіе настоящаго достоинства его, полноты, системы и выводовъ для науки изящнаго. Самое горькое при этомъ для самого издателя «Сочиненій Пушкина», употребившаго на нихъ трудъ добросовѣстный, состоитъ въ томъ, что произведенія, имъ собранныя, могутъ явиться въ журналахъ и сборникахъ безпрекословно (по неимѣнію ясныхъ противоцензурныхъ условій), а ему воспрещены. Онъ понесетъ незаслуженный упрекъ отъ публики и отъ критики въ нерадѣніи и неосмотрительности, на которыя уже не будетъ имѣть права и отвѣчать, по закону. Не одинъ онъ занимается теперь, благодаря Бога, отечественнымъ просвѣщеніемъ и собираніемъ всѣхъ его памятниковъ, безъ выключенія даже и самыхъ малыхъ. Вотъ почему старыя произведенія Пушкина уже 5 лѣтъ появляются въ журналахъ: «Современникѣ», «Москвитянинѣ», «Отечественныхъ Запискахъ». Многія изъ нихъ издатель Пушкина отстранилъ, какъ неудобныя къ печатанію, самъ, но по крайней мѣрѣ ходатайствуетъ за тѣ, которыя, по строгомъ осмотрѣ, выбралъ для представленія высшему цензурному начальству. Конечно, если самый тщательный разборъ еще не удостоится вниманія, то изданіе будетъ столь ничтожно, что потребуетъ новаго, которое опять будетъ затруднять управленіе цензуры домогательствами о вмѣщеніи пропущенныхъ стихотвореній и статей. Нынѣшнему издателю, съ другой стороны, грозитъ награда за трудъ, которой онъ, конечно, не ожидалъ. Первый журналъ напечатаетъ стихотворенія, не попавшія въ его сборникъ, и спроситъ: гдѣ были глаза у собирателя?

Текстъ Пушкина съ опредѣленіями и указаніями г. цензора.	*Объясненія по поводу указаній г. цензора.*
Къ исключенію: На стр. 3 и об. изъ стихотворенія: «Къ другу-стихотворцу».	Переходя къ замѣткамъ о самихъ стихотвореніяхъ, издатель обязанъ сказать, что пьеса «Къ другу-стихотворцу» была *первая напечатанная*

«Въ деревнѣ, помнится, съ мірянами простыми,
Отшельникъ пожилой и съ кудрями сѣдыми,
Въ миру съ сосѣдями, въ чести, довольствѣ жилъ
И первымъ мудрецомъ у нихъ издавна слылъ.
Однажды, осушивъ бутылки и стаканы,
Со свадьбы, подъ вечеръ, онъ шелъ, немного пьяный;
Попалися ему на встрѣчу мужики:
— Послушай, батюшка, сказали простяки,
Настави грѣшныхъ насъ: ты пить вѣдь запрещаешь,
Быть трезвымъ всякому всегда повелѣваешь—
И вѣримъ мы тебѣ; да что-жъ сегодня самъ?..
— Послушайте, сказалъ отшельникъ мужикамъ:
Какъ... васъ учу, такъ вы и поступайте;
Живите хорошо; а мнѣ не подражайте».

пьеса Пушкина—и поэтому извѣстна всему читающему русскому міру. Она появилась въ журналѣ: «Вѣстникъ Европы» 1814 г. Окончаніе ея, здѣсь представленное къ исключенію, можетъ быть еще ослаблено и лишено всякаго неприличнаго намека выпускомъ слова «батюшка», въ 8-мъ стихѣ.

(Для пониманія странной цѣли предварительнаго объясненія, которое отстаивало, всѣми возможными соображеніями, ту истину, что для полнаго собранія сочиненій необходимо включить въ него и произведенія автора, найденныя въ старыхъ журналахъ,—надо вспомнить еще разъ, что позволеніе на новое изданіе Пушкина дано было съ условіемъ держаться безусловно текста прежняго посмертнаго изданія 1838 г. Такъ какъ послѣднее не заключало въ себѣ пьесъ автора, погребенныхъ въ старыхъ журналахъ и альманахахъ, то для напечатанія такихъ пьесъ требовалось уже новое ходатайство и новое дополнительное согласіе. Отсюда и горячій, настойчивый тонъ издателя, убѣждающаго судей въ томъ, что̀, повидимому, не требовало никакихъ доказательствъ. Само рѣшеніе ихъ разбирать старую пьесу Пушкина уже было выигрышемъ, свидѣтельствуя о тайномъ сочувствіи къ плану издателя, чего онъ и добивался. Пьеса «Къ другу-стихотворцу» прошла невозбранно, удержавъ за собой и слово «батюшка», но слово *отшельникъ*, вмѣсто «священникъ», такъ и осталось за штатомъ. Впрочемъ, эта замѣна никого не обманывала. Какъ она, какъ и точки въ стихѣ: «Какъ... васъ учу, такъ»—и пр.

легко возстановлялись и тогда: «священникъ»; «какъ *въ церкви* васъ учу». Притомъ же издатель напечаталъ подставное слово: *отшельникъ* курсивомъ въ текстѣ и еще упомянулъ о немъ въ примѣчаніи къ стихотворенію. «Вѣстникъ Европы» 1880 (сентябрь), перепечатавъ пьесу, безъ измѣненій и пропусковъ, изъ «Вѣстника Европы» 1814 г., косвенно намекнулъ тѣмъ на любопытный фактъ, что литературный языкъ 1814 г. былъ свободнѣе того же языка въ 1856, и называлъ вещи и предметы настоящими ихъ именами, что́ уже возбранялось позднѣе.

II.

Къ исключенію:

На оборотѣ стр. 7 (по рукописи), окончаніе стихотворенія: «Блаженство»:

«Счастливъ юноша въ мечтахъ!
Выпивъ чашу золотую,
Наливаетъ онъ другую;
Пьетъ ужъ третью; но въ глазахъ—
Видъ окрестный потемнился
И несчастный—утомился.
Томну голову склоня,
— Научи, сатиръ, меня,
Говоритъ пастухъ со вздохомъ,
Какъ могу бороться съ рокомъ?
Какъ могу счастливымъ быть?
Я не въ силахъ больше пить.—
— Слушай, юноша, любезный,
Вотъ тебѣ совѣтъ полезный:
Мигъ блаженства вѣкъ лови!
Помни дружбы наставленья:
Безъ вина здѣсь нѣтъ веселья,
Нѣтъ и счастья безъ любви;
Такъ поди-жъ теперь съ похмѣлья
Съ Купидономъ помирись,
Позабудь его обиды
И въ объятіяхъ Дориды
Снова счастьемъ насладись».

Объясненія издателя.

Это стихотвореніе тоже принадлежитъ къ самымъ первымъ произведеніямъ Пушкина и напечатано въ «Вѣстникѣ Европы» 1814 г. Оно гораздо приличнѣе многихъ, такъ-называемыхъ, лицейскихъ стихотвореній, вошедшихъ въ составъ посмертнаго изданія и Высочайше дозволенныхъ и нынѣ къ перепечатанію. Всѣ первые опыты Пушкина имѣютъ теперь значеніе чисто историческое и потому, кажется, совершенно безвредны. Они важны только тѣмъ, что показываютъ, какъ отъ французскихъ подражаній Парни, Грекуру, Шолье и проч.— перешелъ онъ къ серьезнымъ, чисто народнымъ и, по временамъ, глубоко религіознымъ произведеніямъ. Для показанія этого поэтическаго хода въ развитіи поэта преимущественно и собраны они были издателемъ—и на это указываютъ какъ сама біографія, такъ и всѣ примѣчанія къ симъ раннимъ произведеніямъ его музы. Къ тому же, въ болѣе гладкой и искусной формѣ подобныя стихотворенія и нынѣ допускаются къ печати обыкновенной цензурой.

(Пьеса получила одобреніе къ печати и пуританизмъ цензора не признанъ достаточной причиной ея устраненія).

III.

Къ исключенію:

На об. стр. 30 (по рук.), цѣликомъ все стихотвореніе «Элегія».

«О ты, которая изъ дѣтства
Зажгла во мнѣ священный жаръ!
. . . .
. . . .
Я звучнымъ строемъ пѣсней новыхъ
Тебя привѣтствовать дерзалъ —
Будилъ молчанье скалъ суровыхъ
И слухъ ничтожныхъ устрашалъ;
Услышатъ пѣснь мою потомки
Средь отдаленнѣйшихъ вѣковъ
И лиры гордые обломки
Переживутъ вѣнки льстецовъ».

Объясненіе издателя.

Кромѣ того, что вся эта элегія, кажется, не имѣетъ ясныхъ поводовъ къ исключенію, но она уже была помѣщена на нашихъ глазахъ въ журналѣ «Современникъ» 1850 г., почерпнувшемъ ее изъ стараго альманаха «Сѣверная Звѣзда» 1829 г. Это не одинъ примѣръ участи стихотвореній Пушкина, о которой упомянуто выше.

(Пьеса была пропущена, благодаря этому указанію на противорѣчія цензурнаго вѣдомства съ самимъ собою. Вмѣстѣ съ другими подобными же указаніями, довѣренность къ его опредѣленіямъ была сильно поколеблена, какъ мы слышали, въ глазахъ главнаго комитета. «Современникъ» оказалъ услугу изданію, напечатавъ пьесу прежде всѣхъ).

IV.

На стр. 9 (по рукописи):

a.

Окончаніе стихотв. «Къ Н. Г. Л—ву».

«Когда-жъ пойду на новоселье
(Заснуть, вѣдь, общій всѣмъ удѣлъ),
Скажи: дай Богъ ему веселье!
Онъ въ жизни хоть любить умѣлъ.

b.

Четыре стиха, напечатанные въ первомъ изданіи «Руслана и Людмилы» (1820), но не вошедшіе во второе (1828):

Ужели Богъ намъ далъ одно
Въ подлунномъ мірѣ наслажденье?
Вамъ остаются въ утѣшенье
Война, и музы, и вино.

Первое изъ этихъ мѣстъ, кажется, не заключаетъ въ себѣ намѣренія какого-либо неприличнаго намека, а вторыя два составляютъ варіанты къ поэмѣ «Русланъ и Людмила», которые издатель проситъ позволенія обозначить, по крайней мѣрѣ, однимъ первымъ стихомъ, если не могутъ быть допущены въ печать вполнѣ.

c.

Пять стиховъ «Руслана и Людмилы», такимъ же образомъ не введенные изъ перваго изданія во второе:

«Не правъ фернейскій злой крикунъ!
Все къ лучшему—теперь колдунъ
Иль магнетизмомъ лечитъ бѣдныхъ
И дѣвочекъ худыхъ и блѣдныхъ—
Пророчитъ, издаетъ журналъ:
Дѣла, достойныя похвалъ!»

(Оба выпуска находятся въ примѣчаніи издателя къ «Руслану»).

(Допущены вполнѣ, какъ и окончаніе стихотворенія «Къ Н. Г. Л—ву». Приходится опять задавать себѣ вопросъ: какими соображеніями могъ руководиться цензоръ, осуждая на изгнаніе стихи, не представляющіе даже и тѣни чего-либо похожаго на вольнодумство. Впрочемъ далѣе увидимъ, что тотъ же цензоръ нашелъ предосудительнымъ и само предисловіе Пушкина ко 2-му изданію поэмы, имѣвшее въ виду исключительно критиковъ этого произведенія).

3.

Мѣста, присужденныя цензоромъ къ исключенію изъ прозаическихъ статей и замѣтокъ Пушкина, большинство которыхъ тоже не попало въ посмертное изданіе 1838—41.

I.

Къ исключенію:	Объясненіе издателя.
На об. стр. 12 (по рук.), въ статьѣ «Замѣтка на сцену изъ фонъ-Визина: Разговоръ у княгини Халдиной» Пушкинъ, разбирая характеръ Сорванцова, одного изъ дѣйствующихъ лицъ этой сцены, говоритъ: «Онъ продаетъ крестьянъ въ рекруты и умно разсуждаетъ о просвѣщеніи. Онъ взятокъ не беретъ изъ тщеславія и хладнокровно извиняетъ бѣдныхъ взяткобрателей. Словомъ, онъ истинно русскій баричъ прошлаго вѣка».	Этотъ разборъ неизданной сцены фонъ-Визина написанъ Пушкинымъ въ 1831 году и тогда же напечатанъ въ «Литературной Газетѣ» Дельвига. Сцена вошла въ составъ Смирдинскаго изданія фонъ-Визина. Какъ она, такъ и разборъ Пушкина извѣстны всѣмъ болѣе 20 лѣтъ, да и само мѣсто, кажется, содержитъ осужденіе поступковъ выдуманнаго лица и злоупотребленій фонъ-Визинскаго времени, не имѣющаго никакихъ отношеній къ настоящему. Такія злоупотребленія и тогда преслѣдовались публикою въ комедіяхъ и сценахъ.

(Мѣсто возстановлено по приговору комитета, но осужденіе его предварительной цензурой опять свидѣтельствуетъ, что въ ея практикѣ—замѣтки, свободно являвшіяся на свѣтъ въ 1831 г., уже возбуждали тревогу, хотя бы касались и такихъ явленій, съ которыми боролось само правительство).

II.

Къ исключенію:

На об. стр. 67 (рук.), отрывокъ изъ письма Пушкина къ Погодину и замѣчаніе сего послѣдняго. Поводомъ для того и другого служило стихотвореніе: «Герой».

Письмо Пушкина:

«Посылаю вамъ изъ моего Патмоса апокалипсическую пѣснь. Напечатайте, гдѣ хотите, хоть въ «Вѣдомостяхъ»; но прошу васъ и требую именемъ нашей дружбы — не объявлять никому моего имени. Если московская цензура не пропуститъ ее, то перешлите Дельвигу, но также безъ моего имени и не моей рукою переписанную».

Замѣчаніе Погодина:

«Я напечаталъ стихи тогда же въ «Телескопѣ» и свято хранилъ до сихъ поръ тайну. Кажется, должно перепечатать ихъ теперь. Разумѣется, не нужно припоминать, что число, выставленное Пушкинымъ подъ стихотвореніемъ послѣ многозначительнаго: Утѣшься! «29 сентября 1830», есть день прибытія государя императора въ Москву, во время холеры».

Объясненіе издателя.

Мѣсто это требуетъ поясненія. Пушкинъ написалъ въ 1830 патріотическое стихотвореніе: «Герой», гдѣ удивляется великодушію государя императора, посѣтившаго лично Москву въ самое развитіе тамъ холеры. Стихотвореніе напечатано было тогда въ журналѣ «Телескопъ», а по смерти автора въ изданіи его «Сочиненій» 1838 г. (Томъ IX, стр. 218) съ тѣмъ примѣчаніемъ г. Погодина, которое тутъ изложено. Такимъ образомъ оно уже имѣло и имѣетъ Высочайшее дозволеніе на перепечатку его, да и скрыть благороднѣйшее чувство удивленія къ поступку государя, вырвавшееся безкорыстнѣйшимъ образомъ у Пушкина, было бы оскорбительно для памяти послѣдняго.

(Оба текста были, конечно, возстановлены, но промахъ, почти анти-правительственный, со стороны предварительной цензуры поставленъ былъ ей на видъ комитетомъ, какъ мы слышали, и много способствовалъ къ устраненію ея доводовъ, которыми она защищала свои приговоры. Такихъ противоправительственныхъ запрещеній, хотя и менѣе яркихъ, чѣмъ въ настоящемъ случаѣ, цензура дѣлала тогда сплошь и рядомъ).

III.

Къ исключенію:

На стр. 3 (рук.), выписка изъ предисловія къ поэмѣ «Русланъ и Людмила», напечатаннаго при второмъ ея изданіи (1828).

«Долгъ искренности требуетъ также упомянуть о мнѣніи одного изъ увѣнчанныхъ первоклассныхъ отечественныхъ писателей, который, прочитавъ «Руслана и Людмилу», сказалъ: Я тутъ не вижу ни мыслей, ни чувства, вижу только чувственность. Другой (а можетъ быть и тотъ же) первоклассный отечественный писатель привѣтствовалъ сей первый опытъ молодого поэта слѣдующимъ стихомъ:
«Мать дочери велитъ на эту сказку плюнуть.
18 февр. 1828».

Объясненіе издателя.

Все это мѣсто изъ предисловія къ «Руслану», изданія 1828 г.—относится къ г. Каченовскому, котораго Пушкинъ иронически называетъ первокласснымъ писателемъ и который постоянно нападалъ на всѣ произведенія Пушкина. Выпускомъ этого мѣста обезобразится весь отрывокъ, извѣстный тоже уже болѣе 15 лѣтъ и который уже нѣсколько разъ былъ перепечатываемъ въ журналахъ.

(Отрывокъ прошелъ благополучно, но здѣсь любопытны причины, заставившія издателя отнести пушкинскій намекъ на Каченовскаго. Вообще трудно сказать теперь, кого подразумѣвалъ Пушкинъ въ своей замѣткѣ, но если позволять себѣ догадки, то скорѣе можно думать, что она относилась къ маститому уже и тогда и не совсѣмъ благорасположенному къ поэмѣ И. И. Дмитріеву. Цензоръ видимо руководимъ былъ мыслію, при запрещеніи отрывка, что первоклассный отечественный писатель, кто бы онъ ни былъ, долженъ состоять подъ покровительствомъ распоряженія, не дозволяющаго критическихъ отношеній къ образцовымъ писателямъ, и тогда возникала необходимость отыскать менѣе знаменитое имя для того, чтобы согласить комитетъ на удержаніе пушкинской замѣтки вполнѣ. Каченовскій сдѣлался передъ комитетомъ невольной жертвой безнравственной борьбы, которая столько лѣтъ велась между писателями и толкователями цензурнаго устава. Къ такого рода уловкамъ и сокрытіямъ вынуждены были тогда прибѣгать всѣ редакторы журналовъ и всѣ писатели, безъ исключенія, что̀ и составляло самую безобразную часть ихъ сношеній съ цензурой).

IV.

Къ исключенію:

На стр. 216 и 217 слѣдующая отдѣльная замѣтка:

«Иностранцы, утверждающіе, что въ древнемъ нашемъ дворянствѣ не существовало понятія о чести (point d'honneur) очень ошибаются. Сія честь, состоящая въ готовности жертвовать всѣмъ, для поддержанія какого-нибудь условнаго правила, во всемъ блескѣ своего безумія видна въ древнемъ нашемъ мѣстничествѣ. Бояре шли на опалу и на казнь, подвергая суду царскому свои родословныя распри. Юный Ѳеодоръ, уничтоживъ сію спѣсивую дворянскую оппозицію, сдѣлалъ то, на что не рѣшились Іоаннъ III, ни нетерпѣливый внукъ его, ни тайно злобствующій Годуновъ».

Объясненіе издателя.

Этотъ отрывокъ изъ «Мыслей» Пушкина, напечатанныхъ въ «Сѣв. Цвѣтахъ» 1828 г., во всемъ схожъ съ тѣмъ, что всякій ученикъ можетъ слышать отъ учителя исторіи въ гимназическомъ курсѣ. Здравомысліе Пушкина еще обнаруживается тутъ весьма замѣчательнымъ образомъ посредствомъ сравненія безумства мѣстничества съ безумствомъ какого-нибудь point d'honneur, который, несмотря на предписаніе разсудка и самаго закона, вооружаетъ людей для поединка и смертоубійства.

(Мысль Пушкина отъ 1828 г. не оказалась опасной и для публики 1853 г., и была пропущена).

V.

Къ исключенію:

Изъ возраженія Пушкина на статью г. Броневскаго объ «Исторіи Пугачевскаго бунта». Въ этой анти-критикѣ Пушкинъ говоритъ на стр. 132 (рук.):

a.

«*Политическія и нраво-учительныя размышленія,* коими г. Броневскій украсилъ свое повѣствованіе, слабы и *пошлы* и не вознаграждаютъ читателей за недостатокъ фактовъ, точныхъ извѣстій и яснаго изложенія происшествій. Напримѣръ...»

b.

Текстъ Броневскаго, приводимый Пушкинымъ, въ подстрочномъ примѣчаніи для примѣра пошлыхъ размышленій своего критика:

«Нравственный міръ, также какъ и физическій имѣетъ свои феномены, способные устрашить всякаго любо-

Объясненіе издателя.

Весь параграфъ (*a*) принадлежитъ къ полемикѣ Пушкина съ г. Броневскимъ. Мѣсто о Пугачевѣ (пар. *b*) принадлежитъ г. Броневскому, и какъ онъ приводилъ мѣста изъ Пушкина, казавшіяся ему слабыми и ничтожными, такъ и Пушкинъ пользуется правомъ таковаго же разбора въ отношеніи къ своему критику. Для отстраненія всякой двусмысленности, слѣдуетъ, можетъ статься, выпустить первыя два прилагательныя и начать статью такъ: ..... «Размышленія, коими» и пр.

ытнаго, дерзающаго разсматривать оные. Если вѣрить философамъ, что человѣкъ состоитъ изъ двухъ стихій, добра и зла—то Емелька Пугачевъ безспорно принадлежитъ къ рѣдкимъ явленіямъ, къ извергамъ, внѣ законовъ природы рожденнымъ, ибо въ естествѣ его не было и малѣйшей искры добра, того благого начала, той духовной части, которыя разумное твореніе отъ безсмысленнаго животнаго отличаютъ. Исторія сего злодѣя можетъ изумить порочнаго и вселить отвращеніе даже въ самыхъ разбойникахъ и убійцахъ. Она вмѣстѣ съ тѣмъ доказываетъ, какъ низко можетъ падать человѣкъ, и какою адскою злобою можетъ быть преисполнено его сердце. Если бы дѣянія Пугачева подвержены были малѣйшему сомнѣнію, я съ радостію вырвалъ бы страницу сію изъ моего труда!»

(Къ счастію, никакихъ выпусковъ на этотъ разъ не понадобилось, потому что комитетъ, дозволившій все мѣсто, принялъ на себя работу успокоить сомнѣніе представителя цензуры относительно возможности *пошлыхъ размышленій политическихъ и нравственныхъ*,—сомнѣніе, которое и было поводомъ къ исключенію пушкинской замѣтки и горячо, какъ мы слышали, имъ отстаивалось. Любопытно, что наравнѣ съ Пушкинымъ долженъ былъ пострадать и текстъ Броневскаго, ибо и его тирада, взятая изъ критической статьи, напечатанной въ «Сынѣ Отечества» 1835 г., тоже приговорена была къ устраненію. И судья, и подсудимый одинаково оказывались въ неправильномъ положеніи передъ цензурой. Правда, что этимъ способомъ устранялась вообще литературная полемика, которой всего болѣе и боялось цензурное вѣдомство).

VI

. и послѣднее мѣсто.

Къ исключенію:

Въ статьѣ: «Россійская Академія» два мѣста:

а.

Выписка, которую Пушкинъ дѣлаетъ изъ журнала: «Собесѣдникъ любителей

Объясненіе издателя.

Эти два мѣста изъ статьи Пушкина, напечатанной въ «Современникѣ» его собственнаго изданія 1836 года и, стало быть, уже знакомой всей русской публикѣ, весьма различны по значе-

русскаго слова» *1783* г., гдѣ находились вопросы фонъ-Визина и отвѣты на нихъ императрицы Екатерины II и которая гласитъ:

«*Вопросъ фонъ-Визина:* Отчего въ прежнія времена шуты, шпыни и балагуры чиновъ не имѣли, а нынѣ имѣютъ и весьма большіе? *Отвѣтъ:* Предки наши не всѣ грамотѣ умѣли. NB. Сей вопросъ родился отъ свободоязычія, котораго предки наши не имѣли».

«Сіи отвѣты, прибавляетъ Пушкинъ, писаны самой императрицей».

b.

Слѣдующее мѣсто о Карамзинѣ:

«Пребываніе Карамзина въ Твери ознаменовано еще однимъ обстоятельствомъ, важнымъ для друзей его памяти, неизвѣстнымъ еще для современниковъ. По вызову госуд. великой княгини, женщины съ умомъ необыкновенно возвышеннымъ, Карамзинъ написалъ свои мысли «О древней и новой Россіи» со всею искренностію прекрасной души, со всею смѣлостію убѣжденія сильнаго и глубокаго. Государь прочелъ эти краснорѣчивыя страницы—прочелъ и остался по прежнему милостивъ и благосклоненъ къ прямодушному своему подданному. Когда-нибудь потомство оцѣнитъ и величіе государя и благородство патріота...

нію своему. Первое (буква *a*) есть выписка изъ стараго журнала, въ которомъ участвовала, какъ не безъизвѣстно, сама императрица Екатерина II. На дерзкій и неосновательный вопросъ фонъ-Визина, она возразила строго, что заставило, какъ тоже не безъизвѣстно, самого фонъ-Визина просить прощенія въ неосмотрительности своей. Это принадлежитъ къ анекдотамъ ея царствованія, повтореннымъ во многихъ книжкахъ. Въ этомъ мѣстѣ предполагается даже исключить фразу Пушкина: «Сіи отвѣты писаны самой императрицей», которая уже необходима для пониманія предшествующихъ вопросовъ, не осужденныхъ цензоромъ. Издатель проситъ объ удержаніи ея.

Что касается до второго мѣста (буква *b*), то, представляя его благоусмотрѣнію начальства, осмѣлюсь только прибавить, что вся статья Пушкина состоитъ изъ $4^1/_2$ страницъ, съ которыми публика уже ознакомлена, какъ сказано выше. Выпускъ этого мѣста, столь важнаго для священной памяти благословеннаго государя и для уважаемой памяти исторіографа, былъ бы, можетъ статься, замѣченъ читающими. Еще основательнѣе покажется это опасеніе, по отношенію къ обоимъ мѣстамъ, если вспомнить, что вопросы фонъ-Визина и отвѣты императрицы Екатерины II напечатаны уже цѣликомъ въ изданіи сочиненій фонъ-Визина *1852 года*, а многочисленные отрывки изъ разсужденія Н. М. Карамзина: «О древней и новой Россіи» приложены въ изданіи его «Сочиненій» г. Эйнерлингомъ.

(Несмотря на усилія издателя, старавшагося, какъ видимъ, для спасенія спорныхъ мѣстъ, затронуть самыя чувствительныя стороны въ умѣ судей—успѣхъ на этотъ разъ не вполнѣ увѣнчалъ его трудъ. Выписка изъ журнала *1783* г. съ щекотливымъ вопросомъ ф.-Визина была безусловно отвергнута, всего вѣроятнѣе потому, что въ отрывкѣ этомъ упоминалось о *большихъ чинахъ*, хотя при вторичномъ своемъ появленіи послѣ 1783 г. въ «Современникѣ» 1836, онъ нисколько не обратилъ на себя

особеннаго вниманія публики. Вмѣстѣ съ нимъ погибла и фраза Пушкина, такъ необходимая для пониманія сущности дѣла. Той же участи, вѣроятно, подверглась бы и замѣтка о Карамзинѣ, если бы не нашла, какъ тогда было слышно, горячихъ защитниковъ въ лицѣ одного развитаго члена комитета и самого министра народнаго просвѣщенія, высоко цѣнившихъ смѣлость и патріотическое одушевленіе сужденій Карамзина о дѣлахъ своей эпохи. Пушкинъ былъ чуть-ли не первымъ человѣкомъ у насъ, заговорившимъ публично о «Древней и Новой Россіи» Карамзина. Дотолѣ трактатъ ходилъ по рукамъ секретно, въ рукописяхъ, какъ оппозиціонный и, по мнѣнію многихъ, даже агитаторскій голосъ непризваннаго совѣтчика. Пушкинъ, наканунѣ своей смерти, собирался вывести записку Карамзина изъ состоянія *подпольной* литературы, въ которомъ она обрѣталась, и предполагалъ напечатать обширныя выписки изъ нея въ «Современникѣ» 1837 г. (Мысль его приведена отчасти въ исполненіе продолжателями «Современника» уже послѣ него). Эти свѣдѣнія мы почерпаемъ изъ статьи, напечатанной въ томъ же изданіи «Сочиненій Пушкина» 1855—57 г. (т. VII, стр. 122—123, часть II), которая также и облегчаетъ работу будущихъ издателей и библіографовъ, по возстановленію полнаго текста его прозаическихъ статей, указывая на первоначальныя, не искаженныя еще ихъ редакціи, являвшіяся въ журналахъ и альманахахъ).

Заключеніе «записки» издателя:

Представляя всѣ сіи 19 мѣстъ на обсужденіе начальства, издатель «Сочиненій Пушкина» рѣшается повторить свое письменное завѣреніе, что онъ пользуется даннымъ ему на это дозволеніемъ единственно изъ желанія составить изданіе, которое удовлетворяло бы какъ всѣ требованія цензурныя, такъ и ожиданія публики и могло бы служить образцемъ для послѣдующихъ предпріятій въ томъ же родѣ.

Таково содержаніе характерной «записки». Позволяемъ себѣ прибавить къ ней еще нѣсколько строкъ.

Въ результатѣ изложенной здѣсь тяжбы, подробности которой легко могли прискучить читателю по причинѣ безконечнаго повторенія одной и той же главной тэмы съ такимъ же однообразнымъ повтореніемъ и реплики на нее—оказалось, однако же, весьма важное пріобрѣтеніе. За исключеніемъ двухъ-трехъ мѣстъ, тексты Пушкина прорвались сквозь волшебное цензурное кольцо, которымъ были обведены. Успѣхъ этотъ ни-

какъ нельзя отнести къ убѣдительности или неотразимости доводовъ, отысканныхъ «запиской». Чтò значили доводы и доказательства тамъ, гдѣ судьба процесса всецѣло зависѣла отъ личныхъ настроеній присутствующихъ, отъ ихъ воззрѣній, имѣвшихъ свою аргументацію и свою логику, которыя уже никакому обсужденію не подлежали. Можно съ достовѣрностію сказать, что исходъ тяжбы былъ бы совсѣмъ иной, если бы въ теченіи ея не обнаружились симпатіи самого министра народнаго просвѣщенія и вліятельной части его канцеляріи къ дѣлу истца. Не говоря уже о томъ, что «записка» была ими очень внимательно прочитана, но канцелярія еще дополнила ее своими указаніями и соображеніями, которыя казались наиболѣе пригодными въ настоящемъ случаѣ. Мы видѣли черновую рукопись «записки» съ поправками, ссылками на уставы и законодательство, сдѣланными рукой канцелярскаго чиновника — и не тайно, украдкой, а просто, какъ дѣлаются обыкновенныя редакторскія поправки въ нужной бумагѣ. Канцелярской тайной осталось только все происходившее въ засѣданіяхъ трибунала. Какого рода пренія тамъ завязались около «записки» или ихъ вовсе не было; кто состоялъ въ числѣ ея защитниковъ и ея противниковъ, даже и то, докладывалась ли «записка» формальнымъ образомъ или только служила справкой во время совѣщаній. Темные слухи оттуда, доходившіе до заинтересованныхъ лицъ, ограничивались мелочами и ничего существеннаго не представляли. Достовѣрно одно, что министръ народнаго просвѣщенія излагалъ свои мнѣнія въ ея духѣ, наперекоръ своему подчиненному, попечителю учебнаго округа, который отстаивалъ помарки цензора почти какъ политическую необходимость и, выходя изъ засѣданія, промолвивъ съ негодованіемъ: «Еще не бывало, чтобы цѣлое вѣдомство пожертвовано было неизвѣстно откуда взявшемуся господину». Это разнорѣчіе въ министерствѣ было своего рода знаменіемъ времени, обѣщавшимъ близкое паденіе обычной цензурной практики. Старая система цензуры, состоявшая въ водвореніи низменности мысли и безцвѣтности содержанія въ литературѣ, дошла до апогея своего развитія и стала производить исключительно массы нелѣпыхъ приговоровъ и непостижимыхъ запрещеній, возбуждавшихъ общій смѣхъ. По всему русскому міру читателей ходили анекдоты о рѣшеніяхъ, замѣткахъ и поправкахъ цензуры, достойныхъ какого-нибудь каррикатурнаго лица въ незатѣйливомъ водевилѣ, чтò и заставило сказать одно очень высоко-поставленное лицо (гр. Д. Н. Блудова) и въ очень вліятельномъ салонѣ, во всеуслышаніе: наши цензора сродни паясамъ. Общество потѣ-

шалось разсказами о штукахъ, выкидываемыхъ ими, но надо прибавить — оно и негодовало. Система изжила самое-себя до безобразія. Этому обстоятельству, можетъ быть, и слѣдуетъ всего болѣе приписать снисхожденіе, оказанное издателю, и считать возраждавшееся требованіе на человѣческій смыслъ въ управленіи печатью — лучшимъ и сильнѣйшимъ его помощникомъ въ веденіи всего дѣла.

Заведенный порядокъ однакоже не такъ скоро уступаетъ мѣсто другимъ, смѣняющимъ его порядкамъ. Изданіе Пушкина 1855 въ полномъ его составѣ висѣло на волоскѣ вплоть до своего появленія. Когда воспослѣдовала окончательная санкція, дававшая право на выпускъ въ свѣтъ и всѣхъ произведеній Пушкина, дополняющихъ старое изданіе и уже провѣренныхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія—возникъ вопросъ, какъ понимать слова, которыми она сопровождалась: «безъ всякихъ прибавокъ и *неумѣстныхъ умничаній* по ихъ поводу». Представлялась возможность примѣнить послѣднее изъ этихъ рѣшеній къ біографіи и примѣчаніямъ, собраннымъ въ изданіи и отказать имъ въ пропускѣ, за что уже и были поданы голоса; и являлась возможность отнести рѣшеніе къ критикамъ и рецензіямъ, которыя могутъ явиться послѣ изданія. Министерство народнаго просвѣщенія растолковало его въ послѣднемъ смыслѣ и приняло на себя отвѣтственность за такое пониманіе его сущности, чѣмъ и открыло дорогу въ свѣтъ труду издателя въ полномъ его объемѣ.

Вотъ при какихъ условіяхъ приходилось работать надъ изданіемъ Пушкина не далѣе какъ въ 50-хъ годахъ...

П. Анненковъ.

УМЕРЕТЬ—УСНУТЬ...

РАЗСКАЗЪ.

«Vis, et fais ta journée; aime, et fais ton sommeil»
Victor Hugo: Religions et Religion.

I.

Доктору Елкину двадцать-восемь лѣтъ. Онъ еще студентомъ началъ кашлять, простудился на взморьѣ. У него, съ дѣтства, была страсть къ рыбной ловлѣ. Случилось это на третьемъ курсѣ. Онъ не обратилъ вниманія, не сталъ лечиться, на вакацію не ѣздилъ въ деревню. Да и не на что было. Онъ жилъ на стипендію. Уроковъ не набиралъ; ему нужно было работать. Съ первыхъ экзаменовъ, въ академіи, онъ взглянулъ на себя, какъ на работящаго научнаго студента. Такъ посмотрѣли на него и товарищи, и профессора. Золотая медаль, взятая за сочиненіе еще на четвертомъ курсѣ, додѣлала остальное. Вотъ онъ докторъ. Вотъ его шлютъ за-границу — въ Вѣну, въ Парижъ, въ Лондонъ. Онъ ученый и горячій, смѣлый до дерзости хирургъ.

Но разъ, еще въ академіи, онъ порывисто закашлялся передъ операціей. Бистурій выпалъ у него изъ рукъ. Кровь хлынула горломъ. Въ обморокъ онъ не упалъ, но такъ ослабъ, что его должны были отвезти домой. Тутъ только онъ пошелъ къ профессору, далъ себя выстукать. Легкія были еще цѣлы. Послали его на кумысъ. Онъ проскучалъ въ Самарѣ, страдалъ отъ жары, не могъ тамъ работать, дѣлался днями нестерпимо раздражителенъ. Однако пополнѣлъ. Кровохарканье не появля-

лось больше. Дорогой въ Нижній онъ заснулъ на палубѣ, и проснулся съ дрожью. Начались поты. Леченья — какъ не бывало. Подползъ періодъ страшной болѣзни, смягченный для больныхъ туманнымъ словомъ «катарръ». Но Елкинъ зналъ, чтó это такое. Онъ не испугался. Не то, чтобы его охватилъ самообманъ чахоточныхъ. Въ него запало, скорѣе, другое чувство—чувство вызова, но не бравады. Онъ вызывалъ болѣзнь. Онъ какъ-бы говорилъ ей:

«Ну, чтó же, ты—всесильна; но не думай, что я сдѣлаюсь твоимъ рабомъ. Ты пойдешь своимъ путемъ, а я моимъ. Сколько мнѣ отсчитано дней, столько я и проживу, не тужа, наблюдая тебя въ твоей разрушительной грызнѣ».

И онъ выполнялъ этотъ вызовъ. Онъ взялъ заграничную командировку, ѣздилъ, слушалъ лекціи, посѣщалъ госпитали, дѣлалъ операціи, написалъ нѣсколько работъ. Въ часы отдыха—не отставалъ отъ товарищей. Его видали въ театрахъ, въ вѣнскомъ Пратерѣ, въ парижскомъ Бюлье, въ лондонскомъ Креморнѣ. Онъ любилъ ходить всюду, гдѣ пестрая толпа, гдѣ много нарядныхъ, здоровыхъ, красивыхъ женщинъ. Товарищи-докторанты иногда подтрунивали надъ нимъ, называли его «тайнымъ сластёной», знали, что онъ очень воспріимчивъ къ женской красотѣ. Елкинъ не скрывалъ этого. Онъ не позволялъ себѣ «явныхъ глупостей», но и не отставалъ отъ другихъ, не запирался, никогда не нылъ. Иногда, въ тихой бесѣдѣ, съ пріятелемъ, возвращаясь домой, замедленнымъ шагомъ, онъ начиналъ сердиться на свою болѣзнь, язвить ее, дѣлать вслухъ соображенія: сколько можно прожить съ однимъ легкимъ. Онъ уже зналъ, что правое легкое у него тронуто, хотя и не образовалось еще кавернъ.

Разъ, въ Вѣнѣ, послѣ поѣздки въ горы, гдѣ такъ все блистало—и луга, и небо, и гребни горнаго лѣса, гдѣ всѣ такъ дурачливо и шумно справляли чьи-то русскія именины, у Елкина ночью опять хлынула кровь. И вышло ея двѣ лохани. Онъ слегъ. Товарищи перепугались. Приглашена была знаменитость по терапіи. Елкинъ, послѣ выстукиванія и выслушиванія, въ упоръ, съ улыбкой спросилъ нѣмца:

— Сколько вы мнѣ даете жизни?

Тотъ хотѣлъ-было съострить; но больной остановилъ его строже, и сказалъ твердо и значительно:

— Мнѣ это нужно знать. У меня есть интересныя работы.

— Въ Италіи, на покоѣ, безъ труда проживете и десять лѣтъ.

— А вотъ такъ, какъ я живу?

Профессоръ наморщилъ правую щеку и протянулъ:

— За два года я ручаюсь. Развѣ схватите воспаленіе.

II.

Елкинъ и тутъ не испугался. Онъ не зря потребовалъ приговора отъ знаменитости, выстукавшей на своемъ вѣку десятки тысячъ чахоточныхъ. Ему надо было расположить нетолковѣе свое время. Не станетъ же онъ обкрадывать академію? Онъ долженъ кончить свои работы, напечатать ихъ, приготовить нѣсколько тонкихъ препаратовъ по хирургической анатоміи, прочесть хоть часть курса, показать молодымъ людямъ все «новенькое», что онъ выучился дѣлать за-границей.

Но... приговоръ отдался у него въ сердцѣ. Ему назначили крайній срокъ—два года, быть можетъ короче; но уже больше —не жди! Это его начало окачивать холодной струей. Совершенно такое ощущеніе. Сидитъ онъ за книгой или разсматриваетъ какой-нибудь инструментъ, углубится въ микроскопъ, или приводитъ въ порядокъ матеріалы новой работы... И вдругъ, его точно обдаетъ душемъ. Онъ вздрогнетъ. Мысль уже пронизала его мозгъ:

«Два года! Помни! Больше не проживешь!»

И всѣ боли злой чахотки разомъ наполнятъ и разопрутъ его грудь. Ему съ особой рѣзкостью слышится хрипѣніе въ горлѣ, свистящее прерывистое дыханіе, онъ обоняетъ запахъ этого дыханія, его начинаютъ нестерпимо раздражать кашель и мокрота. Онъ съ припадками злости не плюетъ, а плюется. И точно черезъ микроскопъ, онъ сквозь грудную стѣнку проникаетъ глазомъ въ вещество своихъ легкихъ, видитъ эти дыры и ямы, эти сѣроватые узелки бугорчатки, которые вотъ-вотъ расползутся и станутъ гноемъ и кавернами... Онъ съ ужасомъ и омерзѣніемъ бросался на кровать и метался, весь охваченный внутреннимъ огнемъ, бездыханный, облитый липкимъ нѣтомъ...

Но это длилось всегда не больше пяти минутъ. Онъ стыдился своего малодушія. Опять начиналъ онъ ратоборство уже не съ болѣзнью, а съ смертнымъ приговоромъ. Зайдетъ товарищъ, онъ непремѣнно скажетъ ему:

— Знаешь, братъ, я какъ институтка считаю дни до выпуска. Мнѣ четыреста дней осталось.

— Ну, пошелъ!..

— Да нечего. Постукай. Въ правомъ-то легкомъ какія-то тряпицы болтаются, да и то съ одной лѣвой стороны.

И заговоритъ о своей работѣ, обстоятельно, съ любовью, одушевится, кашляетъ легко; когда схватитъ колотье или жженіе, только наморщиваетъ свою переносицу.

Но незамѣтно, безъ философскихъ книжекъ, безъ чтенія горькихъ поэмъ съ вѣчными жалобами жалкаго человѣчества на суровую и безсмысленную юдоль скорби — этотъ пылкій человѣкъ, обреченный на вѣрную смерть, сталъ перебирать смыслъ своей казни, сравнивать свое заурядное положеніе съ ужасами, страшнѣе которыхъ не создаетъ жизнь и творчество. Вотъ приговорили убійцу къ казни. Онъ отравилъ жену, изъ-за грязной корысти. И онъ—химикъ, аптекарь. Жизнь ея была застрахована въ его пользу. У него любовница. Жену онъ билъ, тиранилъ, заставлялъ чуть не ноги мыть у его любовницы—безстыжей дѣвки, подобранной имъ въ помойной ямѣ свальнаго разврата..... Злодѣй! Гаже, отвратительнѣе ничего не придумать! Но рѣзать ему голову машиной, торжественно, подъ прикрытіемъ батальона солдатъ, съ духовникомъ, полицейскими, судьями, журналистами, знатными иностранцами, со всѣмъ этимъ трусливо-гнуснымъ аппаратомъ мясной лавки и бойни, передъ полупьяной толпой зѣвакъ, воровъ, мальчишекъ, глупыхъ шелопаевъ, свѣтскихъ модницъ и проститутокъ, устроивать тутъ свой омерзительный пикникъ?! Это еще гаже! Этому имени нѣтъ! Сидитъ этотъ коварный и подлый подливатель ціанъ-кали—сидитъ въ своей тюремной кельѣ. Апелляція отвергнута. Но просьба о помилованіи? Завтра, чуть свѣтъ, войдетъ начальникъ сыскной полиціи и скажетъ:

— Мужайтесь. Васъ ждутъ... Идемъ.

Но онъ надѣялся все время. Онъ вѣрилъ въ свой умъ, изворотливость; концы схоронены. Его осудили по совокупности уликъ. Кто видѣлъ, какъ онъ подмѣшивалъ ядъ? Никто. Онъ ни разу не задрожалъ. Съ ядовитой увѣренностью подсмѣивался онъ надъ свидѣтелями, надъ прокуроромъ, даже надъ президентомъ.

Онъ надѣется... и когда? Десять часовъ до минуты, когда его голова въ страшномъ миганіи полетитъ въ корзинку и кровь, какъ изъ ушата, зальетъ желтѣющіе отруби. Онъ надѣется! Да. Ему приносятъ ужинать. Аппетитъ у него славный. Онъ можетъ ѣсть мясо, пить красное вино. Ничто ему не напоминаетъ о собственномъ мясѣ и крови. Послѣ ужина, онъ ложится и засыпаетъ, какъ убитый! А въ семь часовъ, когда палачъ съ по-

мощникомъ введутъ его связаннаго, съ обрѣзаннымъ воротомъ рубашки, на помостъ, его интересное, задумчивое лицо оглянетъ грязно-сѣрую массу колышащейся публики, и онъ громкимъ голосомъ скажетъ:

— Господа! Я умираю невинный.

И тутъ—козыри въ рукѣ этого отравителя! А онъ, докторъ Елкинъ, долженъ отсчитывать каждый день, и сознательно, безъ признака надежды, идти на встрѣчу... не гильотинѣ, а безпощадно-копотливой болѣзни, съѣдающей его заживо. Мозгъ ясенъ, кровь приливаетъ къ нему, каждый мигъ освѣщенъ пониманіемъ науки. И за что? Чтó есть въ его жизни, кромѣ труда, простой, безсознательной честности? Вины нѣтъ, но есть тамъ, наверху, въ восходящей женской линіи—слабогрудая женщина. Ну, и отсчитывай свои дни, и знай напередъ, что каждая лишняя ночь принесетъ муки еще жгучѣе, а воздухъ будетъ все убывать, убывать, убывать!..

Ужасно это великое злодѣйство природы!

III.

На пригоркѣ, надъ моремъ, въ тѣни сосенъ лежалъ докторъ Елкинъ, на сухой травѣ, покрытой слоемъ красно-бурой хвои. Жадно вглядывался онъ въ море и въ багровый, почти малиновый кругъ солнца, ожидая, какъ оно вотъ-вотъ нырнетъ въ иссѣра-синюю зыбь.

Съ той полосы его душевной жизни, когда онъ сравнилъ себя впервые съ осужденнымъ на казнь, прошло слишкомъ годъ. А онъ все еще дышетъ. Изъ-за границы вернулся онъ въ срокъ. Стоило на него взглянуть, чтобы увидать, какъ онъ плохъ. Предлагали ему Санъ-Ремо, Мадеру. Онъ отказалъ. Съ сентября началъ онъ читать лекціи, говорилъ довольно твердо и громко, но каждый разъ лежалъ, послѣ того, плашмя, до обѣда. Операціи онъ дѣлалъ, но рѣзать боялся, что дрогнетъ рука. Главное, ему страстно хотѣлось передать студентамъ все свое научное добро. Дня не проходило, чтобы онъ не предложилъ имъ какихъ-нибудь особенныхъ демонстрацій.

Миновала зима. Петербургская ростепель, съ вѣтромъ и слякотью, уложила его на три недѣли въ постель. Онъ вознегодовалъ. Со стороны судьбы это было «просто подло»—изъ двухъ лѣтъ, отмежеванныхъ ему, украсть почти цѣлый мѣсяцъ! Къ экзаменамъ онъ всталъ. Товарищи гнали его вонъ изъ Петер-

бурга непремѣнно на югъ. Елкинъ не согласился. Въ концѣ іюля онъ поѣхалъ на Балтійское море. Онъ любилъ его съ дѣтства.

— Чего же лучше, — говорилъ онъ своему сослуживцу-терапевту: — тамъ хвоей можно дышать на всемъ прибрежьѣ. Умирать въ такомъ воздухѣ, право, толковѣе, чѣмъ въ парникѣ, на вашемъ хваленомъ Генуэзскомъ заливѣ.

Былъ восьмой часъ. До заката оставалось нѣсколько минутъ. Кругомъ, по холмамъ — тишина. На одномъ изъ пригорковъ виднѣется скамья и столъ. Въ котловинѣ, полной запаха хвои, нѣсколько жидкихъ кустиковъ. Позади — рядъ домиковъ съ желтыми заборами. Воздухъ переполненъ испареніями сосновой смолы; а съ моря доносятся струйки соленого вкуса.

Низкій столбъ разбрызганнаго золотисто-краснаго свѣта падаетъ почти вровень съ горизонтомъ и разсыпается по корнямъ сосенъ, по дерну, по притоптанной бурой хвоѣ. Въ этотъ столбъ и вошло все изможденное, нервное, незамѣтно трепещущее тѣло больного. Холщевую шляпу онъ сбросилъ съ себя. Голову поддерживаютъ двѣ бѣлыя прозрачныя руки съ алыми ладонями. Въ нихъ чувствуется нервная дрожь. Высокая, сдавленная въ вискахъ голова покрыта волнистыми вверхъ волосами свѣтло-русаго, почти огненнаго цвѣта. Вся жизнь ушла въ глубокіе глаза съ красивымъ разрѣзомъ, темносѣрые. Зрачокъ расширенъ. Въ немъ то-и-дѣло вспыхиваетъ огонекъ. Рѣсницы — густыя и темныя, такія же, какъ усы, и длинная, узкая борода, на щекахъ точно подбритая. Заостренный носъ съ прозрачными ноздрями. Лицо — начетчика изъ раскольничьей мѣстности. Щекъ уже совсѣмъ не видно. Только двѣ красныя точки выдвигаютъ впередъ скулы, подъ которыми залегли ямы. Ротъ съ крупными губами — полу-открытъ. Дыханіе судорожнымъ вздрагиваніемъ замѣтно въ горлѣ. Широкій складъ туловища скрываетъ ужасающую худобу. Свѣтлый люстринъ визитки и панталонъ лежитъ большими складками на этомъ тѣлѣ, гдѣ жиръ и мышцы давно высосалъ жаръ скоротечнаго истощенія.

Онъ поглядѣлъ влѣво, гдѣ сосны росли погуще. Глаза его ярко вспыхнули отъ удовольствія. Никогда еще не видалъ онъ такого отраженія солнечнаго свѣта. Точно изъ земли билъ фонтанъ и расходился вѣеромъ янтарно-рубиновыхъ брызгъ — снизу потемнѣе, кверху, сливаясь съ блѣдно-опаловымъ пологомъ заката и съ широкой полосой, шедшей до двухъ третей всего пространства воды, гдѣ начиналась, безъ промежуточныхъ тоновъ, поперечная, сизо-розовая рябь.

— Экая прелесть!—сказалъ онъ вслухъ.

Совсѣмъ уже малиновый шаръ солнца вдругъ разрѣзала пополамъ тонкая дымка лиловаго облака, словно помѣстила его въ кольцо. И не въ этотъ только разъ Елкину казалось, что не солнце садится въ море, а само море затопляетъ солнце. Вотъ уже полшара. Сверху отрѣзана горбушка, еще цвѣтнѣе—точно наливной рубинъ. Ее все слизываетъ и сливываетъ снизу уровень воды. Вотъ чуть замѣтная полоска... — «Ломтикъ моркови», сравнилъ Елкинъ, и тихо разсмѣялся.

Но и ломтикъ началъ сокращаться, перешелъ въ точку. Еще секунда—и нѣтъ ничего. Лиловое облако растаяло и слилось съ матовой бронзой заката. А море стало синѣе, рѣзкой чертой отдѣлилось отъ неба и пошло все поперечной, стальной чешуей.

Елкинъ закрылъ глаза и прислушивался къ шуму моря. Настоящаго вѣтра не было. Его лицо опахивалъ мягкій вѣтерокъ, отдававшійся чуть-чуть въ его ушахъ. Отъ воды идетъ одинъ немолчный звукъ. Похожъ онъ и на шелестъ липъ въ большомъ русскомъ саду, и на отдаленное паденіе воды на мельницѣ, или на горный ручей. И нѣтъ этому конца. Не дрему, а живое, громадное, всеобъемлющее чувство вливалъ этотъ шумъ въ еле-дышащую грудь чахоточнаго.

IV.

Теперь—вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ—онъ больше не возмущается. Была минута, когда онъ подумалъ о самоубійствѣ. Но всего одна минута. Онъ стыдилъ себя потомъ цѣлый мѣсяцъ. Ну да, страданія безсмысленны, они усилятся къ концу. Разумнѣе закончить ихъ. Разумнѣе? Почему? Раньше срока онъ не умретъ. Зачѣмъ же самому помогать смерти, дѣлаться ея трусливымъ сообщникомъ? Нелѣпо и постыдно. Одно изъ двухъ: или онъ сгоритъ незамѣтно, какъ многіе чахоточные, во снѣ, перевернется на бокъ и — духъ вонъ, или ему выпадетъ на долю агонія. Такъ неужели не найдется добраго человѣка—предписать ему побольше морфія или другого снадобья, чтобъ мозгъ скорѣе закрывалъ свое телеграфное бюро и не докладывалъ о томъ, какъ страдаютъ ткани. Вотъ вѣдь и все!..

Любитъ онъ—въ эту минуту роскошнаго морского заката—всю природу: зелень, воздухъ, запахъ моря, мягкую хвою, а пуще остального — солнце. Не умомъ однимъ, а всѣмъ своимъ существомъ ощущаетъ онъ связь съ источникомъ жизни, энергіи,

—всего, всего!.. Ну, что-жъ. Онъ самъ перегорѣлъ раньше срока, не накопилъ запаса, который льется оттуда сверху, изъ огненной массы, потонувшей сейчасъ въ видѣ малиноваго шара. Никогда еще не говорилъ въ немъ такъ страстно великій таинственный голосъ природы. Онъ хорошо помнитъ—никогда!

И онъ не сдерживалъ крупной слезы, скатившейся ему на бороду. Небывалая истома примиренья передъ вѣчнымъ живымъ «нѣчто», передъ закономъ естества, передъ ежеминутнымъ чудомъ всего, что̀ движется и живетъ, охватило его до состоянія просвѣтленнаго блаженства. Жалость къ себѣ, къ тому, сколько заложено было въ немъ душевныхъ силъ, обреченныхъ на гибель, растворилась въ этомъ новомъ всепокрывающемъ чувствѣ...

— Ничто не пропадаетъ! Ничто не исчезнетъ!—шептали его лихорадочныя губы.—Едино все это, что̀ надо мной и вокругъ меня!..

Но какъ ему хотѣлось, въ то же время, вобрать въ себя больше красокъ, живыхъ настроеній, ласкъ отъ этой природы. Страстная любовь къ жизни сливалась съ благоговѣніемъ передъ великимъ чудомъ вселенной. Чтобы испытать такое чувство,— нужно было ему знать, что онъ умретъ съ первымъ осеннимъ вѣтромъ.

Вчера онъ купался. Для него уже не существовала опасность простуды. Кругомъ прыгали въ водѣ мальчишки, больше жиденята, съ смуглымъ мускулистымъ тѣломъ, визжали, барахтались, брызгались. Онъ съ любовью анатома разглядывалъ ихъ. Человѣческое тѣло въ его изгибахъ, на водѣ, въ вольныхъ движеніяхъ ногъ, рукъ, бедръ, грудной клѣтки, поглощало его. Онъ забывалъ совершенно свою жалкую, нищенскую слабость, не смотрѣлъ на свои высунувшіяся ребра, ноги «какъ плети», бурую впадину груди. Ему не было завидно.

Вотъ и теперь, заслышалъ онъ сзади переливъ дѣтскихъ голосовъ и радостно повернулъ назадъ голову. По лѣсенкѣ, съ перилами, поднималась цѣлая ватага дѣтей—чистыхъ, нѣмецкихъ дѣтей—шесть дѣвочекъ и два мальчика. Кто поменьше, карабкался на крутой подъемъ. Кто постарше — шли степенно. Заправляла всей ихъ партіей дѣвочка лѣтъ десяти, въ большой соломенной шляпѣ, въ видѣ короба, съ длинной таліей, съ книжкой въ рукахъ. Елкинъ осматривалъ ихъ издали, каждаго поодиночкѣ. У одной дѣвочки, лѣтъ трехъ, голенькія ноги, изъ-подъ парусинной короткой юбки, привели его въ восторгъ. Шляпа на затылкѣ обнажала лобъ дѣвочки съ гладкими волосами, срѣзанными напереди, по-англійски.

— Чтó за бутузъ!.. Божество! — прошепталъ Елкинъ, и началъ слѣдить ласковыми глазами за косолапенькими движеніями ребенка.

— Baby!—крикнула старшая дѣвочка, тономъ нáбольшей:— nicht so schnell! nicht so schnell!

На мальчикахъ были солдатскія фуражки безъ козырьковъ, съ синими околышами. Они на-ходу подбирали сосновыя шишки. Гуськомъ поднялись всѣ дѣти, наверху потоптались на одномъ мѣстѣ, потомъ мальчики и мелюзга изъ дѣвочекъ подошли къ Елкину и уставились на него.

Онъ имъ улыбался, дѣвочку съ англійскими волосами подозвалъ рукой. Она покраснѣла. Мальчики въ солдатскихъ фуражкахъ пододвинулись поближе. Щеки у нихъ точно кто подпиралъ извнутри. Оба они раскраснѣлись, и волосы, цвѣта пакли, кудрявились изъ-подъ синихъ околышей. Маленькіе глазки искрились отъ радостнаго чувства дѣтской энергіи.

— Kinder, kommt, kommt! — закричала строго старшая дѣвочка.

— Lassen sie!—тихо остановилъ онъ ее.

Но дѣти послушно отступили и, смолкнувъ, стали спускаться съ пригорка.

Онъ провожалъ ихъ долгимъ взглядомъ. Можетъ, и не удастся уже больше увидать такого чуднаго ребенка, какъ эта дѣвчурка съ голенькими ножками?! Холостымъ, безъ потомства, послѣднимъ въ родѣ долженъ онъ умирать. Развѣ это не лучше? Что же бы онъ передалъ по наслѣдству вотъ такой прелестной дѣвочкѣ? Скоротечную чахотку? А то и того хуже: долголѣтнюю блѣдную немочь, жалкое прозябанье безъ крови, безъ мышцъ, безъ вкуса къ жизни...

V.

Засвѣжѣло. Шумъ прибоя поднимался все явственнѣе. Забѣгали бѣлые зайчики. Подулъ вѣтеръ съ сѣверо-запада. Но Елкину не хотѣлось двигаться съ своей хвои, гдѣ его груди такъ хорошо дышалось. Внизу, вдоль влажнаго, прибитаго песку, плоскія волны то-и-дѣло лизали прибрежье. Справа, влѣво, и въ противоположную сторону, тихо двигались фигуры гуляющихъ, — больше попарно. Нѣтъ-нѣтъ—проѣдетъ экипажъ, въ шорахъ, съ кучеромъ въ высокой цилиндрической шляпѣ, или пара пóни съ дамой въ соломенной викторіи, или амазонка съ кавалеромъ. Передъ нимъ

все это движется такъ беззшумно, точно въ панорамѣ. Не слышно ни топота копытъ, ни скрипа колесъ, ни разговоровъ.

И это мельканіе дамъ, мужчинъ, экипажей, всадниковъ вызвало въ немъ еще новое настроеніе. И ему онъ обрадовался. Ему захотѣлось пожить «на міру». Тутъ, на купаньяхъ, все чуждо, хуже чѣмъ за-границей. А надо бы въ свой большой городъ. Въ тотъ же Петербургъ. Августъ уже на дворѣ. Городская жизнь начинается.

Гдѣ-то, очень близко, въ одномъ изъ овражковъ раздались громкіе голоса, русскій языкъ пополамъ съ французскими и англійскими фразами. Онъ такъ былъ поглощенъ собой и природой, что не замѣтилъ, что въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него уже больше получаса играютъ въ крокетъ.

Елкинъ привсталъ, надѣлъ шляпу, застегнулъ визитку и присѣлъ къ дереву, поджавъ подъ себя ноги, въ полъ-оборота къ обществу, игравшему въ крокетъ.

Тутъ было четыре дѣвицы: одна — длинная, какъ тычинка хмѣлю, другая ей по плечо—сестры—въ одинаковыхъ вышитыхъ платьяхъ изъ Лувра и цвѣтныхъ казакахъ; при нихъ русская англичаночка, курносенькая и миловидная, въ синемъ кретоновомъ капотикѣ, въ родѣ ливреи, съ капюшономъ; еще плотная, краснощекая нѣмка-баронесса, пухлый французъ-учитель изъ Петербурга и жилистый, загорѣлый брюнетъ, балтійскій полякъ. Нѣмка поразила Елкина своимъ здоровьемъ. Онъ разглядѣлъ ея широкую ступню и даже съострилъ про себя:

«Да, на большой ногѣ онѣ здѣсь живутъ».

Долгая барышня взвизгивала безпрестанно и потомъ тянула въ носъ:

— Monsieur Courcelle, à vous de jouer!

Въ другое время, лѣтъ пять-шесть назадъ, даже въ прошломъ году, онъ бы поглядѣлъ на этихъ дѣвицъ съ недовольной миной или презрительной усмѣшкой.— «Барышни, худосочное отродье, коптятъ небо, ходячая золотуха»,—вотъ что́ бы онъ сказалъ про себя. Но теперь вышло совсѣмъ не то. Никакого предубѣжденья не ощутилъ онъ въ себѣ. Онъ видѣлъ передъ собою игру молодыхъ людей. Ихъ влекла все та же природа. Крокетъ — одинъ предлогъ, выдуманный лицемѣрными англичанами.

И ему стало досадно на себя, досадно и обидно. Зачѣмъ онъ прежде, когда еще было здоровье, избѣгалъ общества дамъ и дѣвицъ? Тогдашній его «демократизмъ» показался ему непростительно-глупымъ. Онъ самъ, по своей винѣ, отнялъ у себя столько хорошихъ минутъ знакомства съ нѣжными женскими

натурами, не слыхалъ кроткихъ, изящныхъ голосовъ, не видалъ вблизи ни граціи, ни милаго кокетства, ни горячаго порыва дѣвушки, въ разцвѣтѣ ея душевной красоты. Что онъ видѣлъ? Пестрыя толпы въ столицахъ, кокетокъ въ Мабиллѣ, или уличныхъ женщинъ на вѣнскомъ Грабенѣ и лондонскомъ Hay-Market! Иногда на сценѣ, тоже за границей, ему понравится актриса. Онъ купитъ ея карточку, читаетъ объ ней фельетоны въ газетахъ, ждалъ выхода одной у театральнаго подъѣзда. Воображеніемъ онъ сближался съ ней, слышалъ ея голосъ, дополнялъ ея сценическій обликъ, блескомъ ума, обаяніемъ натуры. Познакомиться съ ней... Какъ? Языками онъ владѣлъ плохо. Да и съ какой стати «затесался» бы русскій «лекарь» къ какой-нибудь знаменитости и—бухъ ей:

«Позвольте быть знакому. Вы мнѣ очень нравитесь».

И такъ прошла молодость. О любви ему некогда было и подумать. Вспомнилъ онъ тутъ о двухъ-трехъ знакомствахъ съ русскими работающими дѣвушками. Тѣ даже и мысли-то въ немъ не вызывали, что онѣ особы другого пола. Длинные разговоры съ научными терминами, уроки, атласы, препараты по анатоміи, клеенчатые фартуки, ломтики колбасы, запахъ папиросъ—вотъ что осталось у него въ памяти. «Хорошіе парни»—выражался онъ про нихъ тогда, да и теперь то же скажетъ.

Да, не любилъ! И женщины, ея красоты и обаянія не зналъ—да такъ и умретъ мѣсяца черезъ три. По его разсчету, осталось семьдесятъ три дня, если нѣмецъ предсказалъ вѣрно. Стыдно ему сдѣлалось, когда онъ продолжалъ глядѣть на дѣвицъ, играющихъ въ крокетъ, къ чему сводились всѣ его отношенія къ женщинѣ, какъ источнику любви и радости?.. Онъ даже вспыхнулъ, и вспыхнулъ въ первый разъ, думая объ этомъ. Ему вспомнились студенческія похожденія. Ну, тогда слишкомъ бушевала кровь. Но дальше грубаго усмиренія аппетитовъ никто не шелъ. А потомъ? Науку онъ любилъ; былъ чувствителенъ къ женской красотѣ. Какъ? Ему нравилось тѣло, одно тѣло. Прежде, онъ помнитъ, ему бывало жаль этихъ несчастныхъ, бѣгающихъ по бульварамъ и люднымъ улицамъ, по баламъ и кафе—на ловлю мужчинъ. Обидно за женщину, горько за человѣчество, создавшее такой видъ погони за кускомъ хлѣба. Да; но онъ не пренебрегалъ этими женщинами. Онъ платилъ имъ. Ему случалось даже хвалиться передъ товарищами за кружкой пива, что «вотъ какую я вчера заполучилъ Амалію или Фифину».

«Заполучилъ». Это именно слово и было въ ходу въ ихъ холостыхъ разговорахъ. И точно ассортиментъ галстуковъ или

порцій ѣды, проходятъ передъ нимъ: блондинки съ колоссальными шиньонами и бѣлоснѣжными формами, и сухенькія брюнетки, и греческіе и вздернутые носы, и овальныя плечи и «богатыя» бедра. Онъ даже, одно время, записывалъ ихъ въ книжечку, поименно, и съ обозначеніемъ числа и мѣсяца. А вѣдь онъ смотрѣлъ на себя, какъ на скромнаго, почти добродѣтельнаго мужчину. Цинизма и въ разговорахъ не любилъ онъ, дальше извѣстной черты. Его даже считали чопорнымъ по этой части, хотя и знали, что онъ «не прочь».

Краска поздняго стыда долго не сходила съ лица Елкина. Будь онъ посмѣлѣе и не такъ слабъ, онъ способенъ былъ бы повиниться передъ барышнями. И ему еще сильнѣе захотѣлось въ городъ. Онъ заведетъ знакомства, будетъ ѣздить въ Павловскъ, найдетъ нѣсколько милыхъ семействъ. Все это отъ него зависитъ. Съ половины августа Петербургъ оживляется. Зажгутъ фонари. А тамъ и сентябрь...

Мысль о сентябрѣ не испугала его. Онъ приподнялся, держась за стволъ тонкой сосны. Общество собрало свои палки, шары и дуги и вошло, со смѣхомъ и разговорами, въ калитку одной изъ дачъ, съ новой гонтовой крышей. Вѣтеръ все свѣжѣлъ. Но Елкину дышалось еще лучше. Была минута, когда проблескъ дѣтской радостной надежды какъ ночной огонекъ вспыхнулъ и озарилъ его мозгъ:

«А, быть можетъ, процессъ разрушенья остановится?»

Онъ ничего не отвѣтилъ; но спустился бодро, шагая большими шагами. Онъ рѣшилъ не заживаться здѣсь больше недѣли.

VI.

Передъ обѣдомъ, въ послѣднихъ числахъ августа, Елкинъ тихо двигался вверхъ по Большой-Морской. Городъ смотрѣлъ еще по лѣтнему. Стоялъ душный, солнечный, потный день. Груди больного приходилось плохо. Онъ утромъ поѣхалъ къ товарищу на острова, думалъ освѣжиться. Но на пароходѣ его прохватило. Товарища онъ не засталъ и, ходя по аллеямъ острова, чувствовалъ себя точно въ теплицѣ. Въ городѣ ему стало лучше. Къ пятому часу Морская полна была движенія. Елкинъ находилъ улицу очень красивой, да и вообще Петербургъ заново предсталъ передъ нимъ въ просторѣ и грандіозности набережныхъ, рѣки, стройныхъ каменныхъ перспективъ.

— Какой городъ! Какой городъ! — повторялъ онъ часто, точно

онъ его изучаетъ въ первый пріѣздъ, а не родился тутъ, въ Гавани, не знаетъ этого Петербурга вплоть до переулковъ Выборгской.

Глаза его упали на боковую синюю вывѣску съ бѣлыми буквами. Это была постоянная выставка. Онъ рѣдко ходилъ на выставки по недосугу, да и любилъ повторять, что мало смыслитъ; но за границей останавливался всегда передъ витринами художественныхъ магазиновъ.

Елкинъ вошелъ. Онъ самому себѣ казался иностранцемъ, или пріѣзжимъ изъ губерніи. Его это забавляло. На лѣстницѣ и на верхней просторной площадкѣ, гдѣ стояла пріятная свѣжесть, ему уже иначе дышалось. Кассирша въ темномъ платьѣ указала ему рукой на ходъ вправо. Онъ попалъ сначала въ музей прикладныхъ искусствъ. Пошелъ онъ по сыроватымъ комнатамъ, гдѣ въ шкафахъ пестрѣли передъ нимъ горшки, бокалы, болванчики, куски старыхъ матерій, тарелки, японскіе божки́, бронзовыя статуэтки, деревянная посуда... Это утомило его. Онъ не могъ ничему отдаться, сосредоточить себя, выбрать какую-нибудь вещь и любовно оглядывать ее со всѣхъ сторонъ. Послѣднія комнаты онъ пробѣжалъ, и когда попалъ опять въ боковое помѣщеніе музея, думая очутиться у выхода—то даже разсердился. Все это было эму чуждо, тускло, или слишкомъ причудливо, или слишкомъ скучено, отзывалось лавкой старьевщика на Щукиномъ. Онъ сознавалъ свое невѣжество; но ничто его не радовало. Все это походило на кабинетъ минераловъ. Настоящая жизнь, съ красками и вчерашнимъ днемъ правды и поэзіи, отсутствовала для него во всѣхъ этихъ ужасно дорогихъ и рѣдкихъ коллекціяхъ...

— Да гдѣ-же картины?—спросилъ онъ у служителя.

— А вотъ на-лѣво, пожалуйте.

Елкинъ кинулся туда, точно онъ хотѣлъ нырнуть въ свѣжую проточную воду. Въ первой же залѣ, въ сторонѣ, на мольбертѣ, стоялъ женскій портретъ. Елкинъ прошелъ мимо, не обернувшись: его издали привлекалъ пейзажъ съ заревомъ заката. Онъ видѣлъ на-дняхъ такой закатъ. Но вблизи пейзажъ ему не понравился. Слишкомъ ужъ размашиста была мазня. Небо, вода, солнце не дышали жизнью. Уныло обернулся онъ назадъ и увидалъ лицо. Сначала глаза и брови. Онъ подскочилъ къ портрету и замеръ. Не письмо, не мастерство, съ какими отдѣланъ былъ бархатъ шляпы, ни корсажъ, ни вязка руки, ни умѣнье художника усадить—ничего онъ не разглядывалъ... Лицо, глаза, брови, взглядъ и прозрачность этого лица, какая-то

одухотворенная кожа, сквозь которую видна каждая жилка, трепещетъ каждый нервъ...

— Неужели—русская?—шепталъ онъ про себя.—Не можетъ быть! Испанка? Или оттуда, изъ славянскихъ странъ?

И онъ ушелъ въ эти глаза, какіе-то втягивающіе въ себя, бездонные и необычно лучезарные, положительно освѣщающіе все, что̀ вокругъ нихъ.—Эти глаза—русскіе. Они говорятъ по-русски. Это не Матильда, не Казимира, не Эмма; а Ольга, Вѣра, Татьяна... Да, Танечка, Варя, Настенька... Брови дышатъ тепломъ и нѣгой—въ морозный день, когда она вбѣжитъ съ улицы, въ шубкѣ, въ мѣховой шапкѣ, послѣ катанья на тройкѣ, и подставитъ эти брови любимому человѣку. Вотъ когда можно умереть—когда *должно* умереть! Улыбка—не насмѣшка; а наше русское себѣ-на-умѣ; но доброе шаловливое себѣ-на-умѣ женщины, которая не можетъ не чувствовать, что она—лучъ свѣта, что безъ нея не зачѣмъ жить, что она однимъ пальчикомъ остановитъ всякую враждебную стихію!..

Онъ ласкалъ этотъ плѣнительный и дышащій всей грудью образъ. Даже волосы—гладкіе, милые русскіе волосы, были ему близки; онъ ихъ зналъ съ дѣтства; но какъ они заканчиваютъ ея обликъ! У висковъ немного вьются... нѣсколько волосиковъ; а на лобъ надвинулись густой грядкой и не знаешь—что̀ роскошнѣе, что̀ краше: волосы или брови и полуоткрытый ротъ, оттѣненный загибомъ точно выточеннаго носика съ розовыми ноздрями, гдѣ высокая порода досказала свое послѣднее слово.

— Пожалуйте, запирать будутъ,—пригласилъ его удалиться служитель.

Елкинъ какъ-то дико посмотрѣлъ на него.

— Запираютъ?—спросилъ онъ машинально.

— Да-съ.

Онъ еще разъ окинулъ портретъ горячимъ взглядомъ и скоро-скоро сошелъ съ лѣстницы, даже запыхался. Внизу, въ швейцарской, онъ стоялъ нѣсколько минутъ, точно въ нерѣшительности: подняться ему еще разъ, или идти.

Только на улицѣ онъ спросилъ себя: «а кто писалъ эту женщину и какъ ея фамилія?» Каталога онъ не догадался купить, да кажется и не продаютъ. Ну хоть фамилію художника. Всегда есть подпись въ правомъ или въ лѣвомъ углу. Теперь уже поздно. Онъ зайдетъ еще разъ на недѣлѣ.

— Непремѣнно!—воскликнулъ Елкинъ про себя.

VII.

Но онъ не попалъ на постоянную выставку на той-же недѣлѣ. Три дождливыхъ дня съ изморозью заперли его дома. Да и надо было начинать скоро свой курсъ. Елкинъ хотѣлъ умереть «на бреши». Всего бы лучше на лекціи, такъ, съ-разу, но врядъ-ли удастся? Три дня лежалъ онъ на кушеткѣ, съ книгами, и безпрестанно все смотрѣлъ на барометръ. Его тянуло на воздухъ, ну хоть просто на улицу, гдѣ толкутся люди, къ какимъ-нибудь знакомымъ. Барометръ къ вечеру третьяго дня сталъ показывать къ вёдру. На другой день случилось воскресенье. Елкинъ съ утра вышелъ изъ дома, цѣлый день бродилъ или ѣздилъ, обѣдалъ позднѣе обыкновеннаго.

Въ сумерки, шелъ онъ по набережной. Онъ поглядѣлъ на рѣку и сравнилъ ее съ морскимъ прибрежьемъ.

У подъѣзда одного изъ трехъ-этажныхъ домовъ стояло нѣсколько каретъ. Елкинъ облокотился о гранитный парапетъ набережной и сталъ глядѣть на подъѣздъ. Показалось ему странно, что входитъ туда всякій народъ: барыни, офицеры, чуйки, женщины въ головкахъ, солдаты. Чтò бы это такое было? Похороны? —Не тотъ часъ...

Онъ перешелъ черезъ мостовую.

— Чей домъ?—спросилъ онъ у кучера.

Тотъ назвалъ извѣстную дворянскую фамилію.

— Что же это такое тутъ?

Кучеръ—это былъ каретный извозчикъ—усмѣхнулся.

— Моленная.

— Какая?

— Кто ихъ знаетъ. Баринъ самъ проповѣди держитъ. Мы ихъ видали. Къ намъ, въ Ямскую, ѣзжалъ, книжки дарилъ.

— Книжки?

— Да, душеспасительныя. Добрый баринъ.

Елкинъ что-то слышалъ объ этомъ баринѣ и этой молельнѣ, но вскользь.

— Можно входить съ улицы?—спросилъ онъ еще кучера.

— Извѣстно. Всякаго примаютъ... Сами видите.

Въ стеклянную, съ бронзой, дверь все входила публика. Елкина это заинтересовало. Вслѣдъ за двумя старушками, въ чепцахъ, и саперным унтеръ-офицеромъ онъ вошелъ не очень рѣшительнымъ шагомъ въ обширныя сѣни барскихъ хоромъ. Сѣни со сводами поворачивали вправо. Нужно было подняться

нѣсколько ступенекъ. По пути разставлены лакеи, во фракахъ и въ ливреяхъ, неподвижные, скучающіе, съ выраженіемъ нѣсколько задѣтаго достоинства, но вѣжливые и — чему должно — вышколены. Всѣ сѣни покрыты были верхнимъ платьемъ. Ливрея швейцара съ жирнымъ веселымъ лицомъ выставлялась изъ-за арки, у входа на верхъ, въ залу.

Елкинъ обратился къ швейцару и спросилъ на-обумъ:

— Началось?

— Сейчасъ, — отвѣтилъ тотъ добродушно и серьёзно, голосомъ, какой слышится въ церквахъ.

Швейцаръ снялъ съ него пальто, заведя его въ полу-освѣщенный закоулокъ, гдѣ всѣ вѣшалки были уже переполнены. Онъ положилъ пальто Елкина на длинный и узкій полированный столъ. Въ глубинѣ закоулка стояли двѣ большихъ вазы художественной работы. Елкинъ замѣтилъ ихъ. Точно онъ входилъ въ какой музей.

— Безъ нумера, — говорилъ ему швейцаръ, ловко перегнувъ пальто, — тутъ оно будетъ лежать въ сохранности.

Около лѣстницы и дальше, въ сѣняхъ, стояли и сидѣли лакеи съ платьемъ своихъ господъ. Но никто громко не разговаривалъ. Входившіе снимали съ себя пальто молча, истово, точно въ церкви. Простонародье шло стѣной, солдаты и чуйки производили скрипъ, смягчаемый ковромъ. До обонянія Елкина донесло запахъ смазныхъ сапоговъ и солдатской аммуниціи. Онъ поднялся вверхъ по лѣстницѣ, вслѣдъ за двумя старушками, съ которыми вошелъ на подъѣздъ. На площадкѣ — опять два лакея. Елкинъ взялъ вправо и попалъ въ отгороженный конецъ большой залы, за колоннами, гдѣ скучился «простой народъ». Было тѣсно и душно. Изъ-за плечъ и головъ онъ не могъ разглядѣть ничего въ глубинѣ залы. Видѣлъ онъ только ближе — лѣпной потолокъ, карнизы, люстру. Ему сдѣлалось не по себѣ. Вся эта скученная толпа сдержанно кашляла, топталась, вытягивала шеи и головы. Она ждала.

Елкинъ обратился къ лакею и спросилъ его, нельзя-ли пройти въ залу, съ другой стороны.

Лакей указалъ ему на лѣстницу.

— Вонъ тамъ-съ, у стеклянной двери... попроситесь.

Когда онъ поднимался за старушками, то замѣтилъ, вскользь, на площадкѣ, вправо, изъ зеркальнаго стекла дверь, съ портьерой изнутри. Оттуда выглядывалъ кто-то. Вотъ къ этой двери онъ подошелъ и увидалъ сквозь стекло, изъ-подъ приподнятой,

тяжелой занавѣси, троихъ, очень молодыхъ людей. Одинъ былъ въ какомъ-то учебномъ мундирѣ.

Дверь пріотворилась. Елкинъ попросилъ позволенія пройти. Молодые люди чрезвычайно любезно пригласили его подняться по лѣстницѣ съ расписаннымъ потолкомъ и матовыми фонарями. Эта лѣстница привела его въ салонъ, куда онъ вступилъ съ нѣкоторымъ смущеніемъ. Онъ сообразилъ, что это — гостиная, рядомъ съ большой бѣлой залой. Стѣны, обтянутыя зеленовато-сизымъ штофомъ, дѣлали освѣщеніе еще слабѣе. Въ разныхъ углахъ стояли незажженыя массивныя жирандоли. Мебель и зеркала съ позолоченной рѣзьбой. Мозаичные столы, картины, портреты, статуи, вазы—наполняли комнату.

Вслѣдъ за нимъ вошелъ рослый офицеръ, съ подбритыми маленькими бакенбардами, съ бѣлой фуражкой въ рукахъ, еще военный, плотный адъютантъ, и дама съ двумя тоненькими дѣвицами; всѣ три въ черномъ. Онѣ торопливо потянулись къ двери въ залу, гдѣ уже стояло нѣсколько человѣкъ; а три-четыре дамы сидѣли полукругомъ.

Елкинъ огляделся. Адъютантъ и конногвардеецъ стали у консоля, позади стульевъ. Дама съ дочерьми какъ-то особенно поклонилась блондину, лѣтъ подъ пятьдесятъ, съ широкими сѣдоватыми бакенбардами въ пиджакѣ. Пришла изъ залы немолодая дама въ черномъ же платьѣ, и за ней дѣвушка, съ кроткимъ, свѣтлымъ лицомъ, въ сѣромъ, простомъ платьѣ:—обѣ безъ шляпокъ. Онѣ о чемъ-то пошептались. Блондинъ поклонился пришедшимъ вмѣстѣ съ Елкинымъ, а ему сдѣлалъ рукой: —не угодно ли пройти въ залу? Елкинъ поблагодарилъ наклоненіемъ головы и сѣлъ за консоль къ окну, такъ что толстая, штофная гардина совсѣмъ заслонила его.

Онъ не чувствовалъ неловкости. Въ креслѣ ему очень удобно сидѣлось. Его вовсе не стѣсняла эта великосвѣтская отдѣлка гостиной, всѣ эти «баре» съ ихъ постными, или улыбающимися лицами, «вся эта ерунда», какъ онъ выразился бы въ другое время. Ему было забавно, тихо забавно, безъ личнаго задора, безъ желанья про себя—зубоскалить или возмущаться. Ничего такого онъ никогда не видалъ.

«Хочется имъ этого, чего-то. Скучно такъ-то шабалы бить. Все—жизнь!» думалъ онъ.

Изъ-за гардины ему видѣнъ былъ торсъ мраморной женщины, которую обхватилъ какой-то античный богъ. Дерзко выставляли себя на полусвѣтѣ сумерекъ гостиной эти языческіе торсы, въ чувственномъ напряженіи перевивались и точно трепетали, какъ

живые. Ихъ охватила страсть, радостная, безстыдная, безъ всякой думы о томъ: хорошо это или дурно. Мышцы, ямочки, изгибы, линіи—все дышало красотой и ласкало глазъ.

Въ музеѣ Елкинъ не съумѣлъ бы такъ разглядѣть все это; а тутъ вотъ ему стало особенно пріятно отъ сосѣдства мраморной группы. Прямо противъ него таинственно растворялись двери. Входили новыя лица. Разговоры, сначала шопотомъ, дѣлались громче. Блондинъ въ пиджакѣ нервно озирался, кланялся, раздавалъ цвѣтныя брошюрки. Заглянувъ въ залу, онъ застегнулъ пиджакъ на верхнюю пуговицу и поднялся на эстраду, приставленную къ стѣнѣ, отдѣлявшей гостиную отъ залы. За нимъ протѣснились нѣсколько дамъ и адъютантъ. Конногвардеецъ, съ брошюркой въ рукахъ, оперся лѣвой рукой, въ замшевой перчаткѣ, о спинку простого чернаго стула.

VIII.

И Елкинъ приподнялся на своемъ креслѣ, чтобы посмотрѣть: какой видъ представляетъ собою эта «моленная». Ему заслоняли одинъ уголъ двѣ женскихъ шляпки; но лѣвѣе онъ могъ свободно видѣть. Подъ эстрадой начиналась стѣна головъ, уходящая въ глубь залы; женщинъ гораздо больше мужчинъ, молодыя, старыя, въ туалетахъ, эполеты, погоны, чиновничьи бритыя щеки, сѣдые старики, лысины, дѣтскія лица. А тамъ, за колоннами, въ полусвѣтѣ, сплошная масса новыхъ головъ «простого народа». Все смолкло и замерло въ ожиданіи.

Послышался голосъ съ эстрады. Елкинъ увидалъ, что это говоритъ блондинъ въ пиджакѣ.

— Нумѣръ третій!—донеслось до его слуха.

— Какой, какой нумеръ? начали переспрашивать около него.

Дама съ двумя дочерьми засуетилась, сунула брошюрку въ руки одной изъ нихъ, сама схватила другую брошюрку на столѣ и начала торопливо перелистывать, повторяя:

— Le numéro trois, n'est ce pas? Le numéro trois? Sophie, n'est ce pas?

Елкина это заставило усмѣхнуться. Кто-то и ему протянулъ брошюрку съ зеленой оберткой. Онъ взялъ, но не развертывалъ.

Съ эстрады раздалось медленное чтеніе вслухъ русскихъ стиховъ. Чтеніе было неискусное, въ особомъ чувствительномъ тонѣ, какой употребляютъ родители или гувернантки, когда хотятъ разжалобить дѣтей. Елкину не хотѣлось вслушиваться въ

смыслъ этихъ стиховъ. Замѣтилъ онъ только, что риѳма хромала. Но его веселое, безобидное, почти дѣтское настроеніе не прекращалось.

Заиграли на фисгармоникѣ,—должно быть, на эстрадѣ же, въ бокъ отъ того, кто прочелъ вслухъ стихи. Потомъ всѣ запѣли, какъ въ киркахъ, слѣдомъ за каждымъ аккордомъ, не то, чтобы особенно хорошо, но и не фальшиво. Преобладали женскіе голоса. Медленный ритмъ, повтореніе однѣхъ и тѣхъ же словъ, однообразная мелодія убаюкивали Елкина за его гардиной.

«Вотъ бы такъ и заснуть навсегда—думалось ему—когда придетъ срокъ. Чтобъ ничто не тревожило и не возбуждало. Все равно, что̀ они поютъ. Только бы не фальшивили».

Черезъ минуту онъ добавилъ:

«Всѣ эти дамы, барышни, гвардейцы, помѣщики, салонницы, солдаты и апраксинцы—всѣ хотятъ спастись, непремѣнно спастись. Царствія небеснаго! Меньше имъ нельзя. Ну, и стараются, и поютъ, и будутъ, должно быть, слушать длинную проповѣдь досужаго и добраго барина, желающаго, всѣмъ сердцемъ, спасти ихъ. Но вѣдь смерть — для нихъ—тамъ, гдѣ-то, за горами, въ туманѣ. А скажи-ка любому изъ нихъ: ты приговоренъ, тебѣ жить два мѣсяца. Запоетъ ли кто? Да еще подъ музыку? Врядъ ли!..»

Онъ не подсмѣивался надъ ними. Нѣтъ. Онъ видѣлъ и чувствовалъ одно: вѣчную потребность скрасить если не эту жизнь, то хоть то, что̀ ждетъ тебя тамъ, гдѣ-то...

— Люди—человѣки!—прошепталъ онъ про себя, закрылъ глаза и впалъ въ сладкую дрёму подъ гулъ проповѣди. Она началась послѣ пѣнія. Ему слышался тотъ же картавый голосъ съ дворянской хрипотой, съ тѣми же чувствительными нотами, точно проповѣдникъ обращался къ малолѣтнимъ. Въ смыслъ онъ опять не вникалъ. Донесется до него какой-нибудь текстъ, не по-славянски, а на русскомъ языкѣ, или одна фраза повторяется два раза. И потомъ опять пойдетъ гулъ съ одними и тѣми же переливами голоса, и вѣроятно, съ возвращеніемъ къ главному доводу.

«Какъ усердствуетъ», замѣтилъ про себя Елкинъ и почувствовалъ, какъ у него по головѣ пошли мурашки нервнаго усыпленія.

IX.

Переливы голоса смолкли. Елкинъ вышелъ изъ своей дрёмы и посмотрѣлъ на часы. Проповѣдь шла добрыхъ три четверти часа. Въ залѣ закашляли, засморкались, зажужжали разговоры. Около него тоже раздалась болтовня шопотомъ, больше по-французски. Онъ всталъ и приблизился къ двери. Проповѣдникъ пожималъ руку дамѣ, та съ влажными, умиленными глазами какъ-то присѣдала передъ нимъ. Онъ отиралъ бѣлымъ батистовымъ платкомъ крупныя капли пота на лбу.

— Не угодно ли туда?—обратился онъ опять къ Елкину и указалъ ему рукой на залу.

«Сдѣлаю я ему это удовольствіе», сказалъ Елкинъ мысленно—и протискался къ первому ряду кресел. Свѣтъ залы, послѣ пріятныхъ сумерекъ штофнаго салона, заставилъ его зажмуриться. Онъ остановился у эстрады, опершись о перила, потомъ раскрылъ глаза и сталъ искать, гдѣ бы ему присѣсть.

Противъ него, въ двухъ шагахъ, вся въ бѣломъ—она!— Женщина портрета.

Онъ схватился за голову и невольно еще разъ закрылъ глаза. Она, она! Ея голова, волосы, глаза! И смотритъ на него вопросительно; а губы раскрылись, кротко смѣются, точно хочетъ она пожурить его:

«Откуда это ты вылѣзъ? Причешись, видишь—все хорошее общество, ну, поди сюда, сядь около меня».

Щеки его, а потомъ все лицо зардѣлись, его прохватила испарина. Никогда еще въ жизни онъ не бывалъ охваченъ такимъ припадкомъ стыда и смущенія. Ни на экзаменѣ, студентомъ, ни мальчикомъ въ школѣ, ни передъ первой операціей камнесѣченія на трупѣ, когда онъ принялъ одну мышцу за другую и профессоръ довольно ѣдко подтрунилъ надъ нимъ. Никто бы не разувѣрилъ его въ эту минуту, что на него смотрятъ и знаютъ его секретъ. Еще двѣ секунды—и съ нимъ бы сдѣлалась дурнота. Онъ уже начиналъ чувствовать, какъ кровь отплываетъ отъ мозга, сердце замерло, въ рукахъ холодъ...

«Батюшки! какъ глупо, какъ нелѣпо! Срамъ!»

— Вотъ свободное мѣсто,—послышалось ему.

Первый звукъ этого голоса—съ свѣжей дрожью—точно вѣтерокъ—заставилъ его встряхнуться и овладѣть собою.

Господи! Это говорила она. Да, она и показывала ему головой на пустое кресло черезъ два мѣста отъ нея, на заворотѣ

ряда, такъ что оттуда она будетъ видна. Онъ однимъ шагомъ опустился въ кресло и глубоко вздохнулъ. Лицо и голова его были влажны. Но онъ уже не могъ оторвать отъ нея глазъ. Она сидѣла къ нему въ полоборота, какъ на портретѣ, только съ другой стороны. Въ ушахъ горѣли крупные, ввинченные брильянты, на шеѣ густое ожерелье, на рукахъ, въ длинныхъ шведскихъ перчаткахъ—два массивныхъ матовыхъ браслета. Она любитъ украшенія. Что-жъ тутъ удивительнаго? Эти брильянтовыя пуговицы въ ушахъ не затмѣваютъ прозрачнаго блеска ея глазъ, вечеромъ совсѣмъ черныхъ, а только выставляютъ ихъ живую, трепещущую, глубокую прелесть. Бѣлое кашемировое узкое платье облило ее. Художникъ овладѣлъ на портретѣ ея лицомъ; но онъ пренебрегъ станомъ, плечами, волнистыми линіями груди. Онъ слишкомъ задрапировалъ ее. А такое тѣло—само здоровье, сама красота, нѣга!..

И Елкинъ чуть не вслухъ выговорилъ—не восторженный стихъ поэта, а трезвое латинское изреченіе, давно вычитанное имъ. Но слова этого изреченія показались ему прекрасной, свѣтлой мудростью; они были счастливымъ отголоскомъ того, что̀ онъ уже испыталъ отчасти, глядя на античную группу салона. Да, великая истина въ этихъ сухихъ словахъ: «Venustas et pulchritudo corporis secerni non potest a valetudine!..»

Онъ познавалъ—что̀ такое значитъ, когда все окружающее пропадетъ, сойдетъ съ поля зрѣнія, и одинъ предметъ поглотитъ васъ до уничтоженія васъ самихъ. Его гніющій, близкій къ разрушенію тѣлесный остовъ пѣлъ гимнъ этому роскошному, блистающему чаду природы. Умирая, онъ благословлялъ его на долгій и радостный путь. А самъ покорно исчезалъ, благодарный за такую минуту внезапнаго откровенія красоты, здоровья и творческой силы. Это было выше всего, о чемъ Елкинъ когда-либо мечталъ. Да онъ и не мечталъ никогда ни о чемъ подобномъ. И не будь онъ приговоренъ къ смерти, онъ не былъ бы способенъ на такое чувство...

Въ залѣ примолкли. На эстраду вошелъ опять блондинъ и та дѣвушка въ сѣромъ платьѣ, которую Елкинъ примѣтилъ при входѣ въ гостиную. Она сѣла за фисгармонику.

— Нумеръ шестой,—выговорилъ громко проповѣдникъ.

Листы зашуршали. Елкинъ смотрѣлъ только на нее. Она откинула голову назадъ. Къ ней наклонился небольшого роста франтоватый мужчина, съ подстриженной сѣдой бородкой и очень высокими воротничками. Онъ взялъ у ней брошюрку, привычной рукой развернулъ и указалъ на нумеръ. Она поблагодарила его

глазами, и какъ будто серьёзно ушла въ чтеніе стиховъ. Но глаза сіяли не изувѣрствомъ, а радостью жизни. Елкину видно было, какъ ея губы про себя выговаривали стихъ, медленно, слѣдя за проповѣдникомъ. Онъ нашелъ тотчасъ нумеръ пѣсни и сталъ выговаривать вслѣдъ за нею. Вотъ они произносятъ одно и то же слово. Она произнесла въ одинъ разъ съ нимъ: и эти «жемчужинки живыя» и «небесное царство» и два раза это ничего незначущее «славно», отъ котораго онъ въ другое время расхохотался бы на всю залу.

Дѣвица въ сѣромъ взяла аккордъ. Опять начали пѣть, какъ и въ началѣ вечера, звукъ за звукомъ. И она поетъ. Ротъ ея раскрывается. Рѣсницы опущены, и вдругъ поднимутся и пустятъ лучи, настоящіе лучи,въ параллель съ огнемъ брильянтовыхъ пуговицъ. Развѣ не для него и не для нея отысканъ этотъ текстъ въ пѣсенкѣ—нумеръ шестой? «Подобно камнямъ въ вѣнцѣ, они возсіяютъ». А она развѣ не самоцвѣтный камень, стоющій цѣлаго царства? Она-то и есть та *жемчужинка*, о которой поютъ всѣ эти петербуржцы, снѣдаемые тоской и тяжестью сѣренькой, болотной, тупой, безпроглядной жизни. Но одинъ онъ видитъ, чтó это за жемчужина.

И Елкинъ пѣлъ, не отрывая отъ нея глазъ:

«Онъ вернется, Онъ вернется
На землю, Царь славы
Взять жемчужинки живыя,
Любимыя Имъ».

Кто онъ? Какой царь славы? Ничего онъ этого не знаетъ, да и не надо ему знать. Онъ пѣлъ для нея, онъ пѣлъ ей—слова ему подложили. Кто же жемчужинки, коли не она?! И онъ сливается съ нею въ одно дыханіе, въ одинъ звукъ. Какого еще блаженства?..

Дальше, дальше... Онъ повторялъ все ту же мелодію. Ему она сдѣлалась дорогой, милой. Каждое слово имѣло для него свой смыслъ:

«Словно ясныя звѣзды
На небѣ сверкаютъ,
Такъ онѣ возсіяютъ
На царскомъ вѣнцѣ».

Что за бѣда, что это лепетъ какого-то дитяти, плохо обученнаго грамотѣ!.. Голосъ Елкина крѣпчалъ; сладкую дрожь чувствовалъ онъ въ груди. Онъ пѣлъ настоящимъ голосомъ... Или ему казалось такъ. А развѣ это не все равно?

«Онъ возьметъ ихъ, Онъ возьметъ ихъ
Въ небесное царство;
Отъ земли Онъ соберетъ ихъ,
Любимыхъ своихъ,
Славно»...

Почему «славно»? Что это значитъ? Онъ не спрашивалъ. Жалобный припѣвъ съ преобладаніемъ женскихъ голосовъ хваталъ его за сердце. Не его ли это хоронятъ? Что-жъ, пускай поютъ. Но нѣтъ. Вѣдь это ее долженъ взять «царь славы», какъ свою любимую жемчужину... Ее? Теперь?! Слезы брызнули у него изъ глазъ. Онъ не могъ продолжать. А еслибъ она умерла вмѣстѣ съ нимъ, въ одинъ мигъ? Никому бы не досталась, никому! Его тѣло будетъ разлагаться въ гробу, а она, благоуханная, въ кружевахъ, съ этими брильянтами въ ушахъ, вся теплая и трепетная, съ опьяняющимъ волшебствомъ взгляда, улыбки, мраморно-прекрасныхъ рукъ раскроетъ свои объятія другому?! И непремѣнно раскроетъ. Злость, ярость мужчины закипѣла въ немъ, стала въ горлѣ, точно заперла его. Елкинъ судорожно засунулъ руку подъ воротъ рубашки и оттянулъ его.

Въ залѣ пѣли послѣдній куплетъ. Онъ прислушался; не но могъ слѣдить влажными глазами по брошюрѣ:

«Кто изъ дѣтокъ, кто изъ дѣтокъ
Спасителя любитъ,
Тѣ жемчужинки живыя,
Любимыя имъ,
Славно».

Это наполнило его опять. О себѣ онъ уже не думалъ. Она — «любимая». Кто же можетъ не любить ее? Тá, кто создалъ ее, сама безконечная природа должна ежесекундно любоваться ею, какъ самоцвѣтнымъ камнемъ на «царскомъ вѣнцѣ».

Опять протянулась жалобно-восторженная нота, пропѣтая сотнями голосовъ, и долго стояла въ ушахъ Елкина.

Задвигали креслами. Служба кончилась. Красавица встала. Всталъ и онъ; но не смѣлъ тронуться. Сѣденькій господинъ, въ высокихъ воротничкахъ, подалъ ей руку. Они прошли мимо его. Шлейфъ ея платья коснулся его ногъ. Она обернулась къ нему и такъ же ласково, какъ первую свою фразу, насчетъ свободнаго мѣста, выговорила:

— Извините, пожалуйста.

Елкинъ чувствовалъ, что онъ стоитъ съ разинутымъ ртомъ и безумными глазами.

Но пара скрылась въ дверяхъ гостиной. Елкинъ бросился вслѣдъ. Выходили медленно и чинно, гуськомъ. Ея голова, прядь локоновъ, ползущая по спинѣ, брильянтовая пуговица праваго уха влекли его. Онѣ не могли скрыться отъ него. Еслибъ онъ упустилъ ихъ изъ вида, то *чувствовалъ* бы ихъ близость.

Какъ онъ любовно обращался къ этой штофной гостиной, ко всему этому дому. Ему, иначе какъ для курьёзу, не прилично было бы посѣщать такую «моленную». Встрѣться съ нимъ товарищъ-медикъ, надо бы непремѣнно увѣрить его:

— И я, братъ, тоже, для потѣхи.

И онъ солгалъ бы. Никакой потѣхи онъ не доставлялъ себѣ. Онъ благословлялъ устроителя этого фребелевскаго сада богоисканія. Гдѣ же бы онъ встрѣтилъ ее иначе?..

Въ сѣняхъ сѣденькій баринъ подозвалъ ливрейнаго лакея и сталъ вмѣстѣ съ нимъ подавать ей плащъ и бѣлый вязаный платокъ. До Елкина не доносилось ихъ разговора.

«Мужъ?»—спросилъ онъ себя—и тотчасъ же отвѣтилъ—«Нѣтъ».

Баринъ пожалъ ей руку, а потомъ поцѣловалъ поверхъ перчатки. Она скоро, нагнувъ немного голову, сбѣжала по ступенькамъ. Лакей подсадилъ ее въ карету, собственную, парой въ шорахъ. Елкинъ забылъ даже, что онъ безъ пальто. Но бѣжать къ швейцару, взять извощика, догонять?.. А потомъ? Или спросить у швейцара?—Къ чему? Развѣ онъ можетъ явиться такъ?.. А еслибъ и можно было? Вѣдь ему жить—два мѣсяца «невступно». А то и меньше.

Пальто Елкина лежало одиноко на длинномъ полированномъ столѣ темнаго закоулка.

— А я ужъ сомнѣвался,—сказалъ ему швейцаръ.

Все опустѣло. На улицѣ стояла ночь.

X.

Но портретъ—на выставкѣ. Смотрѣть на него позволяютъ съ ранняго утра до пяти часовъ. На другой день Елкинъ пролежалъ и былъ такъ слабъ, что не могъ держать книги въ рукахъ. Эта слабость не досаждала ему. Никакихъ мыслей, заботъ, опасеній, соображеній не бороздило его мозгъ. Всплывалъ одинъ образъ; но уже не половинный, какъ тамъ, на портретѣ, а во весь ростъ, съ гармоніей цѣлаго, съ движеніями, то плавными, то игривыми... Ничего больше. Науки точно не существовало,

студентовъ, желанія работать на ихъ пользу—до самой смерти. И ему не совѣстно. Изнутри поднимается точно какая волна, подплываетъ, наполняетъ сердце, а губы лепечутъ одно слово. Какое? Онъ не знаетъ. Любовь ли это? Голова не можетъ спрашивать. У ней нѣтъ на это ни силъ, ни охоты.

На слѣдующее утро Елкинъ всталъ и началъ одѣваться съ намѣреніемъ идти въ Большую-Морскую. Пошелъ онъ пѣшкомъ. Утро стояло свѣжее, ночью морозило, сухой воздухъ рѣзалъ ему грудь. За то солнце играло и тѣшило его глаза нарядной вереницей домовъ. Ноги передвигались, но такъ медленно. Нетерпѣніе взяло его. Онъ нанялъ извощика за Пассажемъ и все понукалъ.

Каждый день будетъ онъ ходить. Съ этимъ и сойдетъ въ могилу. Никого онъ не обезпокоитъ, никого не смутитъ. На портретъ всякій воленъ смотрѣть хоть по цѣлымъ часамъ. Съ этой мыслью онъ поднялся по лѣстницѣ музея. Та же кассирша приняла отъ него входную плату. Служитель призналъ его и поклонился. Посѣтителей еще никого не было.

Гдѣ-же мольбертъ съ портретомъ? Исчезъ! Елкинъ кинулся вправо, влѣво, обѣжалъ всѣ залы—нигдѣ!..

Это его ошеломило, ударило обухомъ. Смертельная бѣда стряслась съ нимъ. Онъ готовъ былъ зарыдать. Какъ же это? Недѣли не прошло? Портретъ былъ тутъ! И вдругъ нѣтъ! Онъ задавалъ себѣ эти вопросы, не понимая, что они безсмысленны. Былъ портретъ или картина; а потомъ прибрали, или продали, или взялъ къ себѣ назадъ художникъ. Это вѣдь не былъ портретъ. Онъ теперь только сообразилъ. Платье, шляпка, украшенія—все это смотрѣло картиной. Ну, и купили.

Проходилъ служитель. Елкинъ подошелъ къ нему, хотѣлъ обо всемъ разспросить и промычалъ что-то. Его охватилъ стыдъ. Какъ онъ будетъ разспрашивать объ ней? Заставлять сторожа разсказывать точно о какомъ диванѣ или скамейкѣ, которая все стояла, а потомъ ее прибрали!..

Присѣлъ онъ на стулъ. Все въ немъ разомъ рухнуло, опустилось, въ ногахъ—смертельная слабость, воздуху въ легкихъ—ни одного пузырька. Дойдетъ-ли онъ до лѣстницы? Малодушно боязно стало ему своей немощи. Разомъ потерялъ онъ всякую надежду даже на то, что онъ можетъ еще ходить, говорить, мыслить.

Держась дрожащей рукой за перила, сталъ онъ спускаться. Швейцаръ долженъ былъ натянуть на него пальто и застегнуть.

Видъ посѣтителя заставилъ швейцара усомниться: — можно-ли отпустить его одного пѣшкомъ.

— Не прикажете-ли скликать извощика?—спросилъ онъ.

Но глаза Елкина заискрились. Вѣдь онъ можетъ пойти въ «моленную». Она тамъ будетъ. Будетъ-ли? Нѣтъ, она не изъ этой секты. Разъ она пріѣхала, попѣла, но постоянно не бываетъ. Это для него — неоспоримо. И глаза опять посоловѣли. А художникъ! Кто — художникъ? Это знают здѣсь. Тотъ же швейцаръ знаетъ. Къ художнику поѣхать, сказать ему прямо:

— Облагодѣтельствуйте, дайте посмотрѣть еще разъ!

Елкинъ вскрикнулъ отъ радости. Онъ спросилъ, сейчасъ-же, чья это картина стояла въ первой залѣ, влѣво, на мольбертѣ?

Швейцаръ, безъ запинки, отвѣтилъ:

— Въ воскресенье увезли. Профессора Рощина.

Рощинъ, Рощинъ! — заиграли мысли въ головѣ Елкина. Звукъ знакомый. Ну, да, онъ его знаетъ, Рощинъ! Такой бойкій! Борода, острые глаза.

И ему вспомнился вполнѣ отчетливо, до посылки за границу, этотъ Рощинъ въ клиникѣ. Напоролся на сукъ, въ лѣсу, поджидая какого-то звѣря. И Елкинъ—ассистентомъ, осматривалъ его по два раза на дню.

«Онъ! Онъ самый!»

— Гдѣ живетъ этотъ профессоръ? Знаете?—съ дрожью въ голосѣ спросилъ Елкинъ.

Швейцаръ тотчасъ далъ адресъ.

XI.

— Здѣсь профессоръ Рощинъ живетъ?—спрашивалъ Елкинъ въ сѣняхъ новаго, богато-отдѣланнаго дома, на набережной, у сѣденькаго швейцара изъ нѣмцевъ.

— Профессоръ?—переспросилъ тотъ:—Рощинъ—художникъ —вверхъ.

— Ну да, ну да, — назойливо повторялъ Елкинъ, обрадовавшись, что нашелъ.—Дома?

— Должно быть, дома.

Швейцаръ сейчасъ-же позвонилъ и попросилъ Елкина снять внизу калоши, чтобы не топтать ковра. У подъема на лѣстницу стояли два массивныхъ канделябра, подъ античную бронзу. Елкинъ поглядѣлъ на нихъ и подумалъ:

«Вотъ онъ какъ разжился!»

Подниматься ему было тяжко, даже такъ тяжко, что онъ сидѣлъ на двухъ площадкахъ. На первой, сквозь зеркальныя стекла, онъ видѣлъ переднюю большой квартиры. На подзеркальникахъ лежало нѣсколько военныхъ фуражекъ съ яркими околышами. Въ залѣ, мимо дверей и черезъ переднюю, проходили молоденькіе офицеры — одинъ гусаръ, другой уланъ, два юнкера. Бряцанье ихъ шпоръ слышалось сквозь стѣну. Солнце играло въ зеркалѣ. Лучъ его проникалъ изъ залы. Квартира смотрѣла ужасно веселой, праздничной и какъ-то офицерски-молодой.

На второй площадкѣ Елкинъ посидѣлъ поменьше. Надъ нимъ изъ квартиры Рощина пріотворилась уже дверь. Освѣщеніе было сверху, черезъ стеклянную крышу. Изъ дверей выглядывало морщинистое, усатое лицо пожилого лакея, въ коричневой визиткѣ.

Онъ ждалъ гостя. Елкинъ сталъ поспѣшно подниматься на послѣдній рядъ ступенекъ. Наверху онъ зашатался. Лакей, въ недоумѣніи, поддержалъ его и проговорилъ хмуро:

— Вамъ кого?

— Профессора Рощина.

Елкинъ отдышался, прислонившись къ периламъ.

— Вотъ моя карточка. Доложите.

Человѣкъ впустилъ его въ переднюю и лѣнивыми шагами скрылся въ корридорѣ.

— Проси, проси!—крикнулъ звучный, мужской голосъ. У Елкина даже въ ушахъ пропорхнула пріятная дрожь.

Въ первой комнатѣ, окнами на рѣку—съ голубой мебелью, просторной, улыбающейся, прибранной точно будуаръ молодой женщины—ему пожималъ руку художникъ.

— Какъ же, какъ же!—заговорилъ онъ своимъ высокимъ баритономъ,—помню васъ и до сихъ поръ спасибо говорю! Ухаживали вы за мной, точно сидѣлка. Вотъ это славно, что надумали меня отыскать и зайти. Да еще утречкомъ, да еще съ такимъ неаполитанскимъ освѣщеніемъ. Каковъ денёкъ-то? Даромъ, что сентябрь, а? Вотъ и подите: какія съ нашимъ братомъ Петербургъ шутки шутитъ!

Художникъ остановился и боковымъ, быстрымъ и точнымъ взглядомъ окинулъ лицо и всю фигуру своего гостя. Елкинъ тоже поглядѣлъ на него, въ эту минуту, и въ глазахъ Рощина прочелъ свой приговоръ.

«И ты съ-разу догадался», подумалъ онъ—и улыбнулся ему.

— Я присяду,—сказалъ онъ, сдерживая припадокъ кашля.

— Да и я тоже хорошъ! Садитесь, голубчикъ. Вотъ сюда, на этотъ диванчикъ. Ну, ка́къ вы?

Слова опять замерли на губахъ живописца. А Елкинъ подавилъ щекочущее чувство въ горлѣ и съ особымъ удовольствіемъ продолжалъ разсматривать голову, все тѣло, туалетъ, золотыя вещи Рощина.

Онъ бы его не съ-разу узналъ. Передъ нимъ стоялъ настоящій русскій молодецъ, съ русой, слегка вьющейся бородой и такими же кудреватыми, не длинными волосами. На лбу волосы нѣсколько порѣдѣли и еще болѣе открывали высокій, изящный, красиваго подъема, замѣчательный бѣлый лобъ. Но всего болѣе нравились ему глаза Рощина. Они смѣялись и точно ловили краски, линіи, выраженіе. Это чувствовалось съ-разу. Глаза были сѣрые, какіе всего чаще встрѣчаешь у ярославскихъ крестьянъ-питерщиковъ. Въ остальномъ лицо не отличалось никакой особой красивостью. Одѣвался Рощинъ безъ претензій артиста, но любилъ характерные покрои, и въ томъ, какого цвѣта выбралъ онъ галстухъ, какъ завязалъ его, въ складкахъ домашняго сюртука, въ запонкахъ, въ рисункѣ утренней цвѣтной рубашки изъ плотнаго оксфорта—сквозила потребность художника.

— Молодцомъ вы!—заговорилъ и Елкинъ.—Какъ работаете, какъ живете! И здоровье у васъ какое—заглядѣнье!..

— Ничего, ничего! Дѣлишками доволенъ. Только Петербургъ одолѣваетъ. Вотъ въ прошломъ году квартиру эту нашелъ. Ну, кусается,—на такомъ мѣстѣ. Видъ. Мастерская тутъ же. Я сейчасъ вамъ покажу. И вдругъ—вы помните, небось?—два мѣсяца точно киселемъ какимъ небо-то вымазано было. Цвѣтъ на всемъ—дымъ съ изгарью, желтый туманъ. Пишешь въ этой изгари: портреты, картины, эскизы. Проглянетъ солнышко—обольетъ всѣ твои холсты—ка́къ взглянешь. Мерзость! Отвратъ! Ни одной живой краски. Хоть въ печку! А это все заказы, къ спѣху! Какъ быть? Обидно и горько. Что-жъ бы вы думали? Въ разгаръ зимы—работищи куча—все это побросалъ и въ Парижъ. Тамъ холодъ, руки въ волдыряхъ; знаете эти... анжелюры... Но солнце бываетъ. И натурщицы есть. Тамъ только и двинулъ впередъ свою большую вещь; а здѣсь пробавляюсь портретами...

Онъ говорилъ скоро, но съ мелодіей московскаго выговора, какъ-то подмывательно. Елкину стало еще пріятнѣе отъ близости этого человѣка,

— Молодцомъ!—повторялъ онъ.

— Ну, а вы какъ? — знаю, профессоръ... Здоровьище-то

какъ? Не первый сортъ? Вамъ бы на югъ. Вѣдь здѣсь черезъ двѣ недѣли—адъ кромѣшный.

Елкинъ только усмѣхнулся. Художникъ понялъ эту усмѣшку.

— Портретикъ, что ли?

И прибавилъ мысленно: «не поздно ли, другъ, задумалъ?»

— Портретикъ!—разсмѣялся Елкинъ.—Шутникъ вы. Нѣтъ, я по другому. Одна ваша работа...

— Заинтересовались? — перебилъ его Рощинъ, и глаза его пошли точно иглами.—Что-жъ, это лестно. Не хотите ли взглянуть на текущія работки? И квартирой похвастаюсь. Нѣсколько лѣтъ собиралъ. Брикъ-à-бракъ люблю. Не всѣ у насъ любятъ; а я люблю. Думаю, что художнику непростительно жить, какъ чиновнику изъ коммиссаріата.

XII.

Рощинъ подхватилъ его и повелъ въ мастерскую. Они вступили въ обширный — четыре окна на рѣку—салонъ, гдѣ свѣтъ покрывалъ теперь всю заднюю стѣну и переливалъ по сотнѣ выпуклостей, драпировокъ, позолоты, скульптурныхъ вещей, металлическихъ блюдъ и золотыхъ кубковъ, развѣшанныхъ по стѣнамъ. Старые гобелены отражали солнце блѣдными, желтыми и розоватыми отблесками своихъ поблеклыхъ красокъ. Въ нихъ было что-то нѣжное, тихо улыбающееся, неуловимо изящное, рядомъ съ яркими чувственными занавѣсами изъ восточныхъ атласистыхъ полосъ и бархатныхъ ковровъ, развѣшанныхъ тамъ и сямъ. Картины, начатые портреты, эскизы безъ рамокъ лежали, висѣли и стояли на мольбертахъ и подставкахъ. Сверху опускалась лампа-люстра, старой бронзы. Шаръ, по серединѣ ея, бросалъ острые лучи на полъ и на ближайшую черную раму одного портрета.

— Покажите, покажите! — попросилъ Елкинъ, кивнувъ головой на портретъ.

— Сейчасъ, сейчасъ. Минуточкой. Въ столовую и кофейную мою заверните, голубчикъ.

Въ столовой старинный фаянсъ и фарфоръ, по стѣнамъ и въ двухъ рѣзныхъ черныхъ шкапахъ, придавалъ небольшой комнатѣ настроеніе и складъ художественнаго хранилища. Кофейная—вся въ арабскихъ лѣтнихъ тканяхъ, укутанная сверху до низу, гдѣ самый звукъ голосовъ сейчасъ же упалъ и смягчился—обдала Елкина разрѣженнымъ воздухомъ.

— Тамъ, въ мастерской, вольнѣе дышать,—сказалъ онъ.

Они вернулись туда. Отъ этихъ впечатлѣній у Елкина пошли круги передъ глазами. Онъ тяжело опустился на старинную табуретку. Но ему стало сейчасъ же хорошо. Онъ испытывалъ начало сильнаго нервнаго возбужденія. Въ такой прекрасной декораціи ему надо говорить и разспрашивать о ней. Сердце застучало въ груди.

— Одобряете?—спросилъ художникъ.

— Еще бы!.. А у меня къ вамъ просьба.

— Все что угодно.

Нетвердо, отводя глаза отъ Рощина, Елкинъ объяснилъ, что ему хочется насладиться еще портретомъ женщины, которую —онъ этого не скрылъ—видѣлъ и живую.

Художникъ сначала разсмѣялся и потрепалъ гостя по плечу, стоя надъ нимъ.

— Такъ вы вотъ какъ?.. А?.. Что-жъ! Хорошо. Вкусъ прекрасный! Это, голубчикъ, первая женщина въ Питерѣ. Намъ можете повѣрить. Только вотъ вѣдь въ чемъ штука...

Елкинъ испуганно и жалко поглядѣлъ на него.

— На выставку портретъ попалъ случайно. Просили тамъ. Онъ не продажный. Это былъ заказъ.

— А не картина?—Вѣдь въ костюмѣ?—пролепеталъ Елкинъ.

— Точно. Въ костюмѣ. Она такъ одѣвалась на костюмированный балъ. И чтò это за прелесть, я вамъ скажу! Какое чувство художественное! И умница, и веселая, и дѣтокъ какъ любитъ...

— Дѣтокъ?—вырвалось у Елкина.

— Да, у ней цѣлыхъ трое. Мужъ хорошій господинъ, суховатъ немного, знаете—изъ здѣшнихъ петербургскихъ выкормковъ; но ничего... Какъ же быть-то? Портретъ для мужа и писанъ. У него въ кабинетѣ виситъ. Надъ письменнымъ столомъ. Поѣдемте къ нимъ. Я васъ представлю. Люди хорошіе. Моднятся, но не очень.

— Нѣтъ, нѣтъ!—замоталъ Елкинъ головой.

— Ахъ, батюшки, да что же это, я? Совсѣмъ точно отшибло. Вѣдь если вы почувствовали съ-разу эту несравненную прелесть, такъ вотъ вамъ она въ другомъ видѣ.

— Какъ?—почти захлебнувшись, выговорилъ Елкинъ.

— Я ея портретъ пишу. Ужъ настоящій, во весь ростъ, и дѣтки будутъ. Тѣхъ послѣ. Знаете, съ ребятишками—коммиссія.

Елкинъ поднялся. Художникъ подошелъ къ одному изъ мольбертовъ. Портретъ—длинный въ ширину—былъ завѣшанъ. Когда Рощинъ отдернулъ темный каленкоръ, изъ загрунтованнаго фона,

въ лѣвомъ углу полотна, выдѣлилась, точно выплыла, въ столбѣ солнечнаго свѣта, ея голова, наклоненная, смотрящая нѣсколько внизъ, съ распущеннымъ локономъ вдоль правой щеки. Только голова и была отдѣлана съ шеей и высокой фрезой, изъ прозрачнаго тюля.

— Ну ка̀къ, ну ка́къ?—торопилъ Рощинъ. — Она — живая или нѣтъ?

— Живая!—трепетными губами повторилъ Елкинъ.

Его наполнило глубокое, благодарное чувство къ художнику.

— Вотъ такіе портреты — я радъ писать!—продолжалъ Рощинъ; но гость его не слушалъ.—Это—натура. А то, голубчикъ, меня одолѣли наши барыни. Одной улыбка удастся, или розанъ хорошо вплететъ... а за ней и всѣ пошли. И чтобъ непремѣнно такая же улыбка. Критика ругается. На пятиалтынные, говорятъ, размѣниваешь талантъ. Картины пиши! А какъ тутъ писать, коли солнце-то отпускается нам̆ъ про великій праздникъ?..

«Мать, трое дѣтей, мужъ», повторилъ про себя Елкинъ. Да, глаза смотрятъ на ребенка. Такъ улыбается только мать, двадцати-двухъ лѣтъ. Она сама его кормила. И двухъ остальныхъ. Но мужа не надо въ картинѣ. Не надо. Это—оскверненіе! Да его, слава Богу, и не будетъ».

— Докторъ! — крикнулъ ему въ ухо Рощинъ, — да вы въ экстазѣ! Какъ васъ забрало. И счастливчикъ же вы,—знаете что́?

— Что?

— Главнаго-то я вамъ и не досказалъ. Она черезъ десять минутъ здѣсь будетъ.

— Здѣсь?

Воздухъ совсѣмъ изсякъ въ груди Елкина. Онъ схватился за горло, но опять поборолъ малодушное чувство. Ему захотѣлось бѣжать. Онъ не выдержитъ ея взгляда. Какъ же это? — Сейчасъ? Она будетъ тутъ, въ этой мастерской. Умрешь! А отчего бы и не умереть? Славно! Онъ сдѣлалъ глубокую и сладкую передышку.

— Что́, голубчикъ!.. Задалъ я вамъ баню? Ха-ха-ха!..

Рощинъ опять потрепалъ его по плечу. Его искренняя веселость точно пѣнистое вино подлила догорающему тѣлу больного нѣсколько драгоцѣнныхъ капель жизни.

— Я, ничего,—съумѣлъ выговорить Елкинъ и отеръ лобъ.

Рѣзкій звонокъ швейцара заставилъ ихъ обоихъ обернуться.

— Она!.. Ну, не трусить... Небеса—въ одномъ взглядѣ! Вы въ сорочкѣ родились, докторъ.

XIII.

Шелесть платья, чуть слышный тукъ-тукъ походки по ковру. Портьеру откинулъ Рощинъ. Въ дверяхъ стояла она, въ блѣдно-голубомъ пеньюарѣ, съ фрезой. Кружева и ленты извивались вдоль ея стана до самаго пола. Въ волосы вплетена бархатка, одинъ локонъ отброшенъ.

Дрожь, неудержимая, страшная и сладкая пробѣжала по тѣлу Елкина. Онъ стоялъ у мольберта и схватился рукой объ уголъ портрета.

Глаза красавицы вопросительно, но не сердито, обратились къ хозяину.

— Извиненія прошу, — пріятельскимъ тономъ заговорилъ Рощинъ.—Нарушилъ нашъ пароль. Вы добрая. Сейчасъ поймете.

«Онъ меня выдастъ!» испугался Елкинъ и замеръ.

— Докторъ Елкинъ зашелъ ко мнѣ неожиданно. А онъ мнѣ жизнь спасъ...

— Какъ?—радостно и удивленно спросила она и сейчасъ же узнала Елкина.

— Да такъ, отъ раны лечилъ. И какъ лечилъ! Я бы его долженъ былъ прогнать. Заговорились, да еслибъ вы знали...

Рощинъ спохватился и только встряхнулъ волосами.

Елкинъ сдѣлалъ два шага къ двери и чуть слышно вымолвилъ:

— Я сейчасъ.

— Я васъ не гоню,—сказала она и пригладила себѣ рукой волосы.—Мы еще успѣемъ. Вѣдь да, Валентинъ Александровичъ? ..

— Съ вами десять минутъ стоятъ цѣлаго сеанса. Ручку-то пожалуйте.

И онъ, на ходу, поцѣловалъ протянутую ему руку. Портретъ былъ уже завѣшанъ.

— Мы не очень быстро двигаемся,—сказала она,—и обернулась лицомъ къ Елкину. Его видъ поразилъ ее. Глаза потухли на мгновеніе. Жалость схватила ее.

— Докторъ, черезъ пять минутъ мы васъ удалимъ. Пріѣздьте—гостья будете,—обратился Рощинъ къ ней. А у меня ничего не приготовлено. Простите, голубушка. Я—мигомъ!

И онъ выбѣжалъ изъ мастерской.

Двѣ-три секунды стояло молчаніе. Елкинъ не въ силахъ былъ говорить. Ему почуялось, что воздуху у него нѣтъ уже

ни капли, — говорить нечѣмъ. Онъ смотрѣлъ на нее, чего-то ожидая. Только бы уйти отсюда, или совсѣмъ изъ жизни и унести ее съ собой въ глазахъ, въ мозгу. Это такъ и бываетъ со всѣми осужденными на казнь. Онъ читалъ.

Она подалась къ нему на два шага и улыбнулась.

— Сядьте, пожалуйста, докторъ. Вы устали. Вы... больны?

Елкинъ послушался, какъ дитя. Она нагнулась къ нему и спросила:

— Вы были въ то воскресенье тамъ...

— Въ моленной?

— Какъ?..—Она тихо засмѣялась.—Да, въ моленной?

— Былъ.

— Я васъ узнала.

Вотъ она беретъ табуретъ и садится противъ него, близко-близко. Глаза у него застилаетъ и сквозь туманъ свѣтятся зрачки ея глазъ, и блеститъ ротъ, и жилки просвѣчиваютъ подъ кожей. Въ мастерской еще прибыло свѣту. Ему кажется, что все это грезы.

И вдругъ, онъ опустился на коверъ, ноги согнулись, руки вытянулись къ ней. Надломленный, онъ зарыдалъ и приложился губами къ ея платью. Его опьянило, въ головѣ стучитъ. Онъ уже не слышитъ, что̀ произносятъ его губы.

— Я трупъ, — шепталъ онъ, — силясь вдохнуть побольше воздуху.—Я мертвецъ. Мнѣ жить недѣлю, двѣ... а то и два часа. Вы слышите... Никогда не любилъ... Увидалъ васъ тамъ... на выставкѣ... портретъ. Рощина работа. Жемчужина... Они пѣли: вы—жемчужина... Живите. Простите. Я грязь. Я гниль. Не позволяйте мнѣ цѣловать ваши колѣни. Заражу васъ...

Она не отшатнулась. Краска покрыла ея лицо, а глаза съ испугомъ и умиленіемъ согрѣвали этого человѣка, въ агоніи, въ невиданномъ ею возбужденіи страсти, восторга, просвѣтленія...

— Что вы, что вы?—вырвалось у ней.

— Красота, красота! Я—въ гробу, вы видите. Милостыню прошу, милостыню.. еще разъ поглядѣть... У васъ любовь святая, дѣтски. Но вѣдь я милостыню? И благословлю...

Онъ схватилъ ея руку, поцѣловалъ два раза безумно-радостно и отшатнулся, съ ужасомъ въ закатывающихся зрачкахъ.

— Сотрите!..—шепталъ онъ угасающимъ голосомъ... — сейчасъ! Прилипнетъ!..

Руки ея протянулись къ нему. Голова Елкина упала влѣво на плечо и все тѣло рухнуло на бокъ, къ ногамъ ея. Она бро-

силась на полъ, поглядѣла ему въ глаза, схватила машинально за руку, вскрикнула и лишилась чувствъ.

Рощинъ вбѣжалъ съ палитрой и ящикомъ. Ящикъ выпалъ у него изъ рукъ. Онъ все понялъ. Елкинъ былъ—трупъ. Красавица проснется...

Онъ стоялъ все съ палитрой, которая такъ и застыла на большомъ пальцѣ лѣвой руки. Мертвецъ у него въ квартирѣ. Молодая женщина, бездыханная, на полу. Но испуга не было въ сѣрыхъ иглистыхъ глазахъ артиста. На губахъ вспыхнула улыбка. Все лицо, вся поза говорили, какъ художникъ внезапно и могуче овладѣлъ человѣкомъ: онъ любовался. Картина была найдена!..

П. Боборыкинъ.

Дуббельнъ. Іюль, 1880.

УЧЕНІЕ

О

НЕ-СВОБОДѢ ВОЛИ

съ практической стороны.

По особенной близости психологическихъ вопросовъ къ жизни и по недостаточности психологическаго образованія даже въ интеллигентныхъ слояхъ нашего общества, теоретическую разработку психологическихъ задачъ слѣдовало бы всегда сопровождать полнымъ и яснымъ указаніемъ тѣхъ практическихъ послѣдствій, которыя вытекаютъ изъ устанавливаемыхъ положеній. Иначе практическіе выводы дѣлаются самими читателями, и если они оказываются неправильными, то за теоретической работой остается нареканіе, что она сѣетъ заблужденія. Такимъ именно практическимъ приложеніемъ къ разработывавшимся мною нѣкогда теоретическимъ вопросамъ слѣдуетъ считать настоящую замѣтку. Появленіемъ своимъ она, правда, очень запоздала, но не по моей винѣ.

Дѣло пойдетъ о практическихъ послѣдствіяхъ ученія о несвободѣ воли.

На первый взглядъ послѣдствія эти неисчислимы, потому что ученіе, измѣняя радикально уголъ зрѣнія человѣка на поступки ближняго и его собственныя дѣйствія, касается всѣхъ тѣхъ частныхъ и общественныхъ отношеній, которыя явно или скрытно построены на признаніи въ человѣкѣ свободной воли. Притомъ перемѣны, вносимыя ученіемъ во взгляды на человѣческія отношенія, имѣютъ, при поверхностномъ знакомствѣ съ теоріей, очень злостный характеръ. Поясню это нѣсколькими примѣрами.

Прежде за всякимъ человѣческимъ дѣйствіемъ стоялъ свободный человѣкъ, борющійся съ злыми искушеніями и остающійся свободнымъ даже въ паденіи. Теперь за поступкомъ стоитъ рабъ своего характера, вкусовъ, наклонностей, желаній, страстей и проч., идущій роковымъ образомъ въ сторону, куда его толкаетъ душевный складъ. За свободнымъ оставалась заслуга борьбы при побѣдѣ и вина въ случаѣ паденія; за рабомъ же конечно нельзя признать ни того, ни другого. — *Выводъ:* преступленіе и заслуги сдаются въ архивъ, а вмѣстѣ съ ними и всѣ тѣ драгоцѣнныя качества въ людяхъ, которыя мы привыкли выводить изъ сильной воли, напримѣръ: настойчивость, мужество, вѣрность и пр. — качества, которыя, какъ примѣры, имѣютъ огромное воспитательное значеніе.

При старомъ ученіи договоры отъ общины къ члену и отъ человѣка къ человѣку гарантировались свободой дѣйствій договаривающихся; теперь же гарантіи нѣтъ. — Какъ можетъ принять на себя какое бы то ни было обязательство человѣкъ, не свободный въ своихъ дѣйствіяхъ? — *Выводъ:* подрывая одну изъ основъ общежитія, ученіе расшатываетъ общественные устои.

Не менѣе гибельными кажутся послѣдствія, вытекающія изъ перемѣны взгляда человѣка на свои собственныя дѣйствія. Разъ онъ возъимѣлъ убѣжденіе, что не несетъ отвѣтственности, что́ бы ни сдѣлалъ, какая ему нужда работать надъ собой съ цѣлью моральнаго и умственнаго совершенствованія, если охоты къ такой работѣ не оказывается! — *Выводъ:* въ мысли о не-свободѣ воли скрывается корень такой нравственной распущенности, предѣла которой и предвидѣть нельзя.

Нѣтъ сомнѣнія, что ученіе, которое ведетъ къ такимъ страшнымъ послѣдствіямъ, заслуживало бы имени «проклятаго». Но по счастью, *легко* показать, что перечисленные только-что ужасы никоимъ образомъ изъ него не вытекаютъ; — легко потому, что практика, какъ я постараюсь доказать, кладетъ въ основу частныхъ и общественныхъ отношеній не метафизическія фикціи, въ родѣ философской свободы воли, стоящей внѣ законовъ земли, а данныя (конечно, въ обобщенной формѣ), выработанныя частнымъ и общественнымъ опытомъ. Единственное исключеніе изъ этого правила составляетъ господствующій взглядъ на смыслъ «наказанія»; но даже здѣсь, какъ увидимъ, практика безпрерывно уклоняется отъ господствующей теоріи.

Для бо́льшей наглядности доказательствъ, я буду развивать ученіе о свободѣ и не-свободѣ воли рядомъ.

По ученію о свободѣ:
Всѣ умственныя и нравственныя данныя личности, равно какъ всѣ внѣшнія условія, предшествующія совершенію поступка [1]), играютъ роль *побудителей* къ дѣйствію въ томъ или другомъ направленіи. Выборъ же послѣдняго приписывается волѣ, какъ верховной инстанціи, стоящей внѣ арены борющихся побужденій, и потому въ сущности свободной.

По ученію о не-свободѣ:
Всѣ умственныя и нравственныя данныя личности, равно какъ всѣ внѣшнія условія, предшествующія совершенію поступка, играютъ роль и побудителей и *опредѣлителей* дѣйствія. Изъ нихъ дѣйствительнымъ опредѣлителемъ является однако въ каждомъ частномъ случаѣ то изъ побужденій, которое взяло перевѣсъ надъ всѣми прочими. Какъ только перевѣсъ состоялся—характеръ поступка опредѣленъ неизбѣжно.

Теоретически разница между обоими взглядами громадная: въ одномъ случаѣ въ человѣкѣ признается существованіе очень крупной спеціальной душевной способности, а въ другомъ она совершенно отрицается. Но пойдемъ дальше.

По ученію о свободѣ:
Всѣ умственные и нравственные побудители къ поступку, наполняющіе своею борьбою сознаніе человѣка, составляютъ лишь часть его духовной личности, но часть очень крупную, потому что никто же не станетъ отрицать вліянія на характеръ поступковъ *всего* душевнаго склада человѣка. Другую часть, пополняющую личность до цѣлаго, представляетъ воля.

По ученію о не-свободѣ:
Всѣ умственные и нравственные побудители къ поступку, наполняющіе своею борьбою сознаніе человѣка, резюмируютъ собою *всю* его умственную и нравственную личность въ данную минуту; потому что по этому ученію, всякое душевное движеніе, какъ бы просто оно ни было, представляетъ собою результатъ всего предшествующаго и настоящаго развитія человѣка.

Если, слѣдовательно, въ одномъ случаѣ поступокъ приписывается совокупному дѣйствію всѣхъ душевныхъ силъ человѣка, то и во второмъ онъ съ неменьшимъ правомъ долженъ приписываться всей личности какъ цѣлому.

По ученію о свободѣ:
Контингентъ борющихся побужденій поставляется главнѣйшимъ образомъ страстями, моральнымъ чувствомъ и разумомъ. Борьба между ними сознается человѣкомъ; и такъ какъ воля выбираетъ то или другое изъ подсказываемыхъ ей побужденіями направленій, то выборъ всегда бываетъ сознательный.

По ученію о не-свободѣ:
Контингентъ побужденій родится изъ тѣхъ же главныхъ источниковъ; слѣдовательно, и здѣсь въ борьбѣ подаютъ свой голосъ совѣсть и разумъ. Борьба во всѣхъ ея фазахъ и здѣсь сознается человѣкомъ; слѣдовательно, сознается, какъ причина поступка, и то побужденіе, которое преодолѣло всѣ прочія, равно какъ его отношеніе во время борьбы къ голосу совѣсти и разума.

[1]) Строго говоря, внѣшнія условія не слѣдовало бы отдѣлять отъ умственныхъ и нравственныхъ данныхъ личности, потому что они дѣйствуютъ не иначе, какъ черезъ посредство послѣднихъ.

Итакъ, по обоимъ ученіямъ поступокъ сознателенъ и въ происхожденіи его участвуютъ совѣсть и разумъ, т.-е. въ обоихъ случаяхъ

поступокъ съ одинаковымъ правомъ можетъ приписываться человѣку, какъ нравственно-разумному существу.

Съ теоретической стороны, разница между обоими случаями продолжается въ прежней мѣрѣ изъ-за придатка свободной воли, но практически придатокъ уже теряетъ значеніе. Въ самомъ дѣлѣ, при свободѣ воли, поступокъ выходитъ хорошимъ или дурнымъ, смотря по тому, *согласуется* ли воля съ показаніями совѣсти и разума, или нѣтъ; а при не-свободѣ—*вытекаетъ* ли поступокъ или *не вытекаетъ* изъ показаній совѣсти и разума. Практически это конечно одно и то же.

Кромѣ того изъ послѣдняго сопоставленія видно, что человѣкъ, сознавая, какое именно изъ побужденій вызвало то или другое рѣшеніе, не можетъ не понимать — дурно или хорошо затѣваемое имъ дѣло и къ какимъ вѣроятнымъ послѣдствіямъ оно приведетъ его. Если при этомъ онъ не вовсе лишенъ моральнаго чувства, то рѣшенія въ дурную сторону вызываютъ протесты совѣсти и разума; они (т.-е. совѣсть и разумъ) принимаютъ на себя роль обвинителей, а человѣкъ становится въ положеніе отвѣтчика передъ ихъ судомъ. Укоры совѣсти и разума, завися исключительно отъ ихъ присутствія или отсутствія, будутъ конечно одинаково свойственны какъ послѣдователю ученія о свободѣ воли, такъ и его теоретическому противнику. Значитъ и послѣдній,

какъ существо нравственно-разумное, отвѣтственъ передъ судомъ собственной совѣсти и разума.

Изъ того же сопоставленія вытекаетъ далѣе, что человѣкъ, прислушиваясь многократно къ борьбѣ побужденій въ собственномъ сознаніи передъ принятіемъ рѣшеній, *неизбѣжно* приводится къ убѣжденію въ *возможности* для себя поступать на много разныхъ ладовъ при одинаковыхъ условіяхъ, — поступать разсчетливо и неразсчетливо, благоразумно и глупо, дурно и хорошо, и пр. Такую же возможность онъ переноситъ конечно съ себя на другихъ людей. Съ предвзятою мыслью о свободѣ воли, эту возможность истолковываютъ какъ результатъ такой свободы, что̀ и выражается словами «свобода выбора». Если же предвзятой мысли нѣтъ, то, не давая теоретическаго толкованія правильно построенному и правильно обобщенному наблюденію, его выводятъ изъ разнообразія участвующихъ въ рѣшеніи побужденій, все равно какъ натуралистъ сводитъ разнообразіе

формъ явленія на разнообразіе участвующихъ въ его происхожденіи факторовъ.

Въ примѣненіи къ вопросамъ практической жизни, обобщенное наблюденіе безъ теоретическаго толкованія сохраняетъ одинаковое значеніе, признавать ли за человѣкомъ свободную волю, или нѣтъ —

въ обоихъ случаяхъ всякому человѣку напередъ приписывается возможность дѣйствовать въ данныхъ условіяхъ на много ладовъ, т.-е. и хорошо, и дурно.

Но если принимать въ разсчетъ теоретическое толкованіе, то разница между послѣдователями свободной воли и отрицателями ея будетъ и на практикѣ громадная.

По ученію первыхъ: —

за всякимъ человѣкомъ предполагается не только возможность дѣйствовать на много ладовъ, но еще и *абсолютная* возможность дѣйствовать въ какомъ-нибудь одномъ направленіи, именно такъ, а не иначе,—въ силу присущей человѣку *абсолютной* свободы выбора.

По ученію же противниковъ: —

идти дальше общей возможности дѣйствовать на много ладовъ нельзя — можно лишь гадательно предполагать съ бóльшею или меньшею вѣроятностью, что хорошій человѣкъ поступитъ какъ слѣдуетъ, а скверный — гадко.

Это единственный случай, гдѣ оба ученія ведутъ на практикѣ къ разнорѣчивымъ взглядамъ на человѣческія дѣйствія,— случай, который я буду разбирать ниже.

Заручившись этими общими данными, я уже могу приступить къ разбору тѣхъ нареканій на ученіе о не-свободѣ воли, которыя были намѣчены въ началѣ статьи.

Когда заключается договоръ отъ общины къ члену или отъ лица къ лицу, ни съ той, ни съ другой стороны не можетъ быть увѣренности, что договоръ будетъ непремѣнно выполненъ, такъ какъ дѣло идетъ о будущемъ,—нужна только обоюдная увѣренность въ *возможности* его выполненія обѣими сторонами. Но такая предполагаемая возможность существуетъ и въ отношеніи человѣка, лишеннаго свободной воли, коль скоро онъ остается морально-разумнымъ, потому что возможность разнообразныхъ дѣйствій человѣка въ каждомъ данномъ случаѣ опредѣляется не присутствіемъ или отсутствіемъ свободной воли, а суммою различныхъ побужденій къ дѣйствіямъ, которая зависитъ отъ умственныхъ, моральныхъ и чувственныхъ данныхъ. Правда, въ числѣ условій, гарантирующихъ выполнимость дого-

вора, ставится *свобода дѣйствій* договаривающихся; но подъ этими словами разумѣется, какъ всякій знаетъ, практическая свобода, зависимость человѣка только отъ самого себя, неподчиненность его дѣйствій чужой волѣ, а никакъ не философская свобода. Послѣдняя составляла бы скорѣе помѣху при заключеніи договоровъ, вводя въ предвидѣніе факторъ, несвязанный никакими условіями; тогда какъ роковая зависимость поступковъ отъ умственныхъ и моральныхъ данныхъ придаетъ наоборотъ предвидѣнію прочность. Кто не знаетъ въ самомъ дѣлѣ, что на практикѣ вѣрность договору обезпечивается всего болѣе честностью обѣихъ сторонъ, или совѣстью?

Значитъ, участь договоровъ вовсе не зависитъ отъ того, есть ли у людей свободная воля или нѣтъ—все дѣло въ ихъ сознательности, совѣсти и разумѣ.—Пока эти способности не помрачены и не извращены, договоръ при обоихъ воззрѣніяхъ на волю одинаково возможенъ, притомъ съ одинаковою вѣроятностью его выполнимости, при равенствѣ моральныхъ и умственныхъ данныхъ.

Но можетъ быть совѣсть и разумъ у людей, исповѣдующихъ ученіе о не-свободѣ воли, иные, чѣмъ у ихъ теоретическихъ противниковъ? Можетъ быть, совѣсть и разумъ помрачаются и извращаются именно этимъ ученіемъ? Тогда очевидно вся приведенная выше аргументація падаетъ, потому что она построена на одинаковости совѣсти и разума при обоихъ воззрѣніяхъ на волю.

Нечего, кажется, и говорить, что тутъ рѣчь можетъ идти только о развращающемъ дѣйствіи ученія на совѣсть, такъ какъ она является главнымъ факторомъ въ дѣлѣ обезпеченія вѣрности договорамъ. Притомъ же разумъ, сколько извѣстно, отличается несравненно меньшею податливостью всѣмъ вообще вліяніямъ, чѣмъ совѣсть.

Такимъ образомъ мы приведены къ разсмотрѣнію самаго существеннаго пункта во всемъ вопросѣ—къ разсмотрѣнію вліянія мысли о не-свободѣ воли на моральное чувство человѣка.

Относительно мѣста, занимаемаго моральнымъ чувствомъ въ ряду прочихъ психическихъ проявленій, споровъ между психологами нѣтъ. Какъ чувство (sentiment, Gefühl), оно входитъ въ разрядъ тѣхъ неразложимыхъ на составныя части душевныхъ состояній, которыя сопутствуютъ самымъ разнообразнымъ актамъ (начиная отъ простого ощущенія до абстрактнаго мышленія и отъ простѣйшаго движенія до сложнаго поступка включительно) и выражаются въ сознаніи различными степенями удовольствія

или отвращенія. Собственно же моральнымъ чувствомъ называется тотъ комплексъ соотвѣтственныхъ душевныхъ состояній, который родится изъ общенія людей другъ съ другомъ. Любовь, уваженіе, довѣріе—вотъ главные представители моральнаго чувства и вмѣстѣ съ тѣмъ тѣхъ драгоцѣнныхъ узъ, которыми держится семья и общество; любовь къ добру и правдѣ, вѣрность долгу и снисходительность къ ближнему—вотъ главные залоги моральности человѣка, въ какомъ бы кругу онъ ни дѣйствовалъ. По этимъ немногимъ примѣрамъ читатель уже видитъ, что моральное чувство составляетъ основу и регулятора всякаго общежитія.

Но какъ же оно развивается? Хотя въ этомъ отношеніи между психологами и есть разнорѣчія въ подробностяхъ, но въ отношеніи къ нашему случаю эти подробности неважны, потому что именно въ существенномъ для насъ пунктѣ всѣ согласны между собою. Чтобы выразить мою мысль какъ можно удобопонятнѣе, я скажу такъ: законъ развитія моральнаго чувства тотъ же, что законъ развитія вкусовъ вообще, и въ частности вкуса къ прекрасному. По ученію эволюціонистовъ (т.-е. постепенности психологическаго развитія человѣческихъ расъ) у всѣхъ вообще народовъ, жившихъ вѣка въ общежитіи, по началамъ развивающейся морали, почвой для воспріятія моральнаго воспитанія служатъ врожденные инстинкты добра и зла, наслѣдуемые вмѣстѣ съ общежительными инстинктами. Самое же воспитаніе, какъ это ясно вытекаетъ изъ тождества условій развитія моральнаго и эстетическаго чувства и какъ это давнымъ-давно дознано на практикѣ педагогіей, требуетъ непремѣнно нагляднаго обученія по образцамъ и практическихъ упражненій. Подобно тому, какъ въ эстетикѣ практическая цѣль образованія сводится на выработку вкуса къ внѣшней красотѣ, такъ и въ области морали конечной цѣлью обученія можетъ быть только развитіе вкуса къ внутренней красотѣ человѣка вообще или въ частности вкуса къ красотѣ человѣческихъ поступковъ, выражающихся такими словами, какъ мужество, вѣрность, кротость, доброта и пр. Если воспитателю удалось развить въ питомцѣ вкусъ къ добру, уваженіе къ мужеству и правдѣ (не одно только пониманіе, что все это значитъ, потому что одно пониманіе не дѣлаетъ еще человѣка моральнымъ!), это значитъ, что онъ съумѣлъ ассоціировать въ его душѣ представленіе о всѣхъ этихъ качествахъ съ трепетнымъ чувствомъ не то радости, не то удовлетворенія, которое сопровождаетъ у нравственнаго человѣка видъ добраго, справедливаго и мужественнаго поступка, или совершеніе таковаго имъ самимъ. Разъ такой

вкусъ развитъ, онъ уже стимулируетъ человѣка къ добру, какъ къ источнику наслажденій.—Разъ онъ развитъ у человѣка, заглохнуть ему уже очень трудно.

Какъ же, спрашивается, можетъ вліять мысль о не-свободѣ воли на вкусъ къ моральному, т.-е. къ моральнымъ поступкамъ?

Очевидно вліянія не можетъ быть никакого, потому что нравственная цѣнность поступка опредѣляется его цѣлями, отношеніями къ лицу, обществу и видимыми условіями совершенія, а никакъ не скрытною отъ насъ психо-генетическою стороною.—Отъ того, изъ какихъ именно мотивовъ и путемъ какихъ процессовъ родился данный поступокъ, можетъ зависѣть только вмѣняемость его въ заслугу или охужденіе тому лицу, которымъ онъ совершенъ—никакъ не болѣе. Великодушные и благородные поступки могутъ дѣлаться человѣкомъ изъ тщеславія, холоднаго эгоистическаго разсчета и даже съ обманными цѣлями; но поступокъ не теряетъ черезъ это характера великодушія и благородства. Вотъ, если бы моральная сторона человѣческихъ дѣйствій, выражаемая словами, хорошій, дурной, добрый, злой, великодушный, подлый и пр., зависѣла хоть сколько-нибудь отъ внутренняго происхожденія изъ свободной воли, тогда конечно ученіе о не-свободѣ разрушало бы мораль.

На эти теоретическія разсужденія о несоизмѣримости вкусовъ съ абстрактными выводами и о невозможности ихъ вліянія другъ на друга по этой именно причинѣ, я предчувствую возможность слѣдующаго возраженія.

«Лишая человѣка свободной воли, вы превращаете его въ автомата и утверждаете, что вкусъ къ человѣческимъ поступкамъ черезъ это не измѣняется! Обезобразивъ вашей теоретической операціей весь духовный обликъ человѣка, вы измѣняете вкусъ къ нему, какъ цѣлому, не только къ отдѣльнымъ проявленіямъ его личности!»

Какъ ни вѣско съ перваго взгляда это возраженіе, но въ основѣ его лежитъ рядъ недоразумѣній.

Мысль о свободѣ воли, несмотря на ея значительную распространенность между людьми, есть не болѣе, какъ теоретическое объясненіе для извѣстной стороны явленій,—то, что обыкновенно называютъ научной истиной или научной гипотезой, смотря по тому, представляетъ ли объясненіе полную достовѣрность или нѣтъ. Если бы присутствіе свободной воли въ человѣкѣ было столько же ясно, какъ присутствіе, напримѣръ, глазъ или ушей; то и споровъ-бы объ ней не было. Если же споры есть, значитъ та сторона явленій, къ которымъ она прилагается,

какъ объясненіе, можетъ быть объяснена и помимо нея. Другими словами, ни въ содержаніи, ни въ характерѣ этихъ явленій нѣтъ никакихъ спеціальныхъ признаковъ свободной воли,—иначе это были бы тѣ же уши и глаза.

Ученіе не можетъ, слѣдовательно, уродовать ни содержанія, ни характера тѣхъ фактовъ, изъ которыхъ умозаключается свободная воля; а факты эти суть человѣческіе поступки по преимуществу, т.-е. тѣ именно проявленія человѣческой личности, которыми вызываются наши симпатіи и антипатіи. Значитъ, съ этой стороны поводовъ къ перемѣнѣ вкуса къ человѣческимъ дѣйствіямъ мысль о не-свободѣ воли не представляетъ.

Она не измѣняетъ въ сущности и смысла той внутренней борьбы, которая предшествуетъ совершенію поступка, потому что роль свободной воли цѣликомъ переходитъ на побужденіе, пересиливающее всѣ прочія. Сильная воля, презирающая опасность для жизни, превращается въ крѣпкое моральное чувство, побѣждающее страхъ смерти; воля безъ моральной подкладки—въ какой-нибудь закоренѣлый инстинктъ или страсть и т. п.

Не измѣняется ни на іоту и та сторона человѣческой дѣятельности, изъ-за которой больше всего человѣкъ противопоставляется автомату, именно разнообразіе дѣятельности при одинаковыхъ съ виду условіяхъ, потому что и съ свободной волей и безъ нея за человѣкомъ остается возможность одинаково разнообразныхъ дѣйствій въ каждомъ данномъ случаѣ.

Не устраняется наконецъ и присущее намъ чувство свободы въ дѣйствіяхъ, потому что ученіе ставитъ человѣка не подъ чужой гнетъ, а въ зависимость отъ самого себя, т.-е. своихъ собственныхъ желаній и интересовъ.

Разбираемое ученіе дѣйствительно урѣзываетъ у человѣка нѣкоторый придатокъ, навязанный ему теоретически, но такой, который, не будучи необходимымъ для произведенія дѣйствій, ставитъ человѣка внѣ законовъ земли, т.-е. той среды, гдѣ онъ дѣйствуетъ.

Итакъ, развращающаго дѣйствія на мораль мысль о не-свободѣ воли имѣть не можетъ; слѣдовательно, человѣкъ и безъ свободной воли остается правоспособнымъ въ дѣлѣ заключенія договоровъ и принятія на себя обязательствъ, т.-е. правоспособнымъ членомъ обществъ.

Перехожу теперь къ вопросу о вмѣняемости дѣйствій въ заслугу и вину.

Когда человѣкъ какимъ-либо поступкомъ приноситъ добро

другому человѣку или обществу, говорятъ, что онъ заслужилъ передъ человѣкомъ или обществомъ. При этомъ въ душу ему заглядывать не полагается, съ цѣлью узнать, изъ какихъ именно мотивовъ и какимъ способомъ родился поступокъ; а, взвѣсивши его полезность и внѣшнія трудности совершенія, человѣка прямо благодарятъ или даже еще награждаютъ. Благодарностью и наградой признается слѣдовательно извѣстная цѣнность поступка помимо его внутренняго способа происхожденія и еще принадлежность поступка лицу, которымъ онъ совершенъ. Этотъ видъ заслуги остается очевидно неизмѣннымъ, будетъ ли человѣкъ съ свободной волей или нѣтъ.

Въ другихъ случаяхъ совершителю поступка заглядываютъ въ душу, и если находятъ, что дѣйствіе, при нравственной доброкачественности, вытекаетъ изъ чистыхъ побужденій, то моральныя качества поступка переносятъ на самого человѣка и награждаютъ его симпатіей. Здѣсь поступокъ ставится въ личную заслугу, и степень награды, т.-е. симпатія, стоитъ уже въ прямой связи не только съ качествами, но и съ внутреннимъ генезисомъ поступка.

Доля симпатіи, вытекающая изъ качествъ самаго поступка, будетъ зависѣть конечно отъ личнаго моральнаго вкуса каждаго человѣка, но точно также и другая половина, связанная съ представленіемъ о внутреннемъ генезисѣ.—Одни цѣнятъ въ людяхъ больше всего рискливую отвагу и мѣряютъ доблесть преимущественно трудностями борьбы, предполагающими сильныя страсти и сильную волю. Другіе предпочитаютъ твердое, спокойное мужество, безъ всякихъ внутреннихъ колебаній, т.-е. ту незыблемую прочность мотива, опредѣляющаго дѣйствіе, передъ которой уже молчатъ постороннія побужденія. Для однихъ въ свободѣ воли человѣка иногда дѣйствительно лежитъ причина къ возвышенію цѣнности поступка и личности, именно когда говорится, что человѣкъ могъ бы поступить и менѣе доблестно, не рискуя ни честью, ни добрымъ именемъ. Но и для отрицателей свободной воли эта сторона дѣла не пропадаетъ даромъ— и они ставятъ подобные поступки въ особенную заслугу, какъ свидѣтельство особенно твердыхъ моральныхъ принциповъ въ человѣкѣ. Словомъ, награждая совершителя поступка симпатіей или антипатіей, люди руководятся личными моральными вкусами; а на нихъ ученіе о не-свободѣ воли вліять не можетъ. Слѣдовательно, то, что называется вмѣненіемъ поступковъ въ личную заслугу, остается въ прежнемъ положеніи.

Единственныя перемѣны, вытекающія изъ ученія о несвободѣ воли, касаются взгляда на преступленіе, вину и наказаніе.

По счастію, именно здѣсь, въ этомъ наиболѣе щекотливомъ пунктѣ я могу опереться на авторитетъ нашего извѣстнаго криминалиста, моего почтеннаго друга Н. С. Таганцева, которому принадлежитъ въ русской литературѣ честь сравнительной критической оцѣнки теоріи вмѣняемости преступленій въ вину съ точки зрѣнія признанія и отрицанія свободной воли [1]). Вотъ его главный выводъ [2]):

«Дѣйствія человѣка, какъ добрыя, такъ и злыя, полезныя и вредныя и, слѣдовательно, въ частности и преступленія, подобно всѣмъ міровымъ явленіямъ, безусловно подчинены закону причинности. Мы не можемъ сказать, что извѣстное преступленіе могло быть или не быть: оно должно было совершиться, какъ скоро существовала извѣстная сумма причинъ и условій, его вызвавшихъ»...

Этимъ выводомъ я и воспользуюсь, чтобы развить нашъ вопросъ на примѣрѣ. Но при этомъ, подъ словомъ наказаніе я буду разумѣть не то широкое понятіе, какое придается ему криминалистами,—какъ спеціальный видъ борьбы съ преступленіемъ, какъ въ общественныхъ его послѣдствіяхъ, такъ и въ самомъ источникѣ, т.-е. въ лицѣ, какъ дѣятелѣ,—а просто ту сумму практическихъ дѣйствій или мѣръ, которыя принимаются противъ личности преступника.

Если по близости поселенія завелся дикій звѣрь и нанесъ ущербъ жизни или хозяйству одного изъ членовъ общины, то устраненіе зла въ образѣ дикаго звѣря становится интересомъ и долгомъ всей общины. Звѣрь не преступникъ, но населенію отъ этого не легче—онъ вреденъ своими кровожадными инстинктами. Инстинкты эти прирождены ему и уничтожиться не могутъ; поэтому звѣрь безъ всякихъ дальнѣйшихъ разсужденій долженъ быть уничтоженъ.

Завелся въ общинѣ членъ X и нанесъ своему сосѣду матеріальный ущербъ совершенно такой же, какъ дикій звѣрь въ первомъ случаѣ. Опять интересъ и долгъ всей общины—устраненіе зла. Но здѣсь случай уже сложнѣе; и обсужденіе его принимаетъ не одинаковый оборотъ, смотря по тому, признается ли въ человѣкѣ свобода воли или нѣтъ.

---

[1]) Курсъ русск. уг. права, Н. С. Таганцева. Вып. 1. Спб. 1874.

[2]) Тамъ же, стр. 67.

При свободѣ воли общій ходъ разсужденія будетъ таковъ:

X нарушилъ договоръ. Какъ существо сознательно-разумное, онъ понималъ смыслъ договора; какъ существо нравственное, онъ зналъ, что̀ добро, что̀ зло; наконецъ, какъ существо свободное въ выборѣ дѣйствій, онъ могъ удержаться отъ зла, что̀ бы его ни толкало въ эту сторону.

X—преступникъ.

При не-свободѣ воли общій ходъ разсужденій будетъ:

X нарушилъ договоръ. Какъ существо сознательно-разумное, онъ понималъ смыслъ договора; какъ существо нравственное, онъ зналъ, что̀ добро, что̀ зло; но какъ существо не свободное въ выборѣ своихъ дѣйствій, онъ не могъ при данныхъ внѣшнихъ и внутреннихъ условіяхъ не совершить своего злаго поступка.

X—не преступникъ.

За этимъ разсужденіемъ *X* съ свободной волей сажаютъ подъ запоръ, а потомъ начинается провѣрка (т.-е. слѣдствіе и судъ), подходитъ ли онъ подъ формулу преступника, и прежде всего—дѣйствовалъ ли *X* при совершеніи поступка сознательно, съ полнымъ разумомъ. Этимъ устанавливается, можно ли вообще считать его отвѣтственнымъ за дѣйствія или нѣтъ. Затѣмъ начинается разборъ всѣхъ внѣшнихъ условій, сопровождавшихъ дѣяніе, и подвергается оцѣнкѣ настоящая и прошлая внутренняя жизнь *X*, чтобы выяснить по возможности психо-генезисъ проступка. Изъ этой 2-й части разбирательства практически должны выясниться два пункта—для присяжныхъ, гдѣ они есть, степень вмѣняемости въ вину (невиновность, виновность съ смягчающими обстоятельствами и безъ нихъ), а для судей, постановляющихъ приговоръ,—степень преступности воли.

Первою своею частью судебное разбирательство вполнѣ соотвѣтствуетъ приведенному выше общему ходу разсужденія; а второю только въ случаяхъ, когда *X* оказывается или совсѣмъ невиновнымъ (когда, напримѣръ, зло причинено имъ нечаянно, или какъ послѣднее средство самозащиты и т. п.), или виновнымъ безъ смягчающихъ обстоятельствъ. Когда же *X* объявляется виновнымъ и въ то же время заслуживающимъ снисхожденія, а судьи смягчаютъ изъ-за послѣдняго придатка къ вердикту наказаніе, *практическое рѣшеніе становится въ прямое противорѣчіе съ вышеприведенной формулой*. Если *X* виновенъ, значитъ онъ дѣйствовалъ сознательно, съ полнымъ разумомъ, зная, что собирается сдѣлать зло и, оставаясь *свободнымъ* не приводить такого рѣшенія въ исполненіе. Откуда же взяться снисхожденію? Оно выходитъ, какъ всякій знаетъ, изъ благороднѣйшаго источника—евангельской заповѣди, подумать о себѣ прежде чѣмъ бросать въ преступника камнями и изъ присущей всякому сильному нравственному человѣку снисходительности къ

слабостямъ и провинкамъ ближняго. Каждый разъ, что судебное разбирательство открываетъ въ преступникѣ не столько нравственную испорченность, сколько слабость характера, или такое несчастное совпаденіе искушающихъ обстоятельствъ, при которомъ и хорошему человѣку устоять трудно — суровая формула преступленія, вытекающая изъ ученія о свободѣ воли, отрицается общественной совѣстью, а не смягчается, какъ говорять обыкновенно,—отрицается потому, что изъ посылки «свободная воля» выводъ одинъ—«виновенъ». Смягчающее же обстоятельство можетъ имѣть смыслъ только тогда, если признать волю способной подчиняться побужденіямъ; но тогда она уже не будетъ свободной. Въ судебной, или по крайней мѣрѣ въ адвокатской практикѣ, признанія послѣдняго рода встрѣчаются ежеминутно, именно когда преступникъ выставляется жертвой той среды, въ которой онъ вращался, когда говорится о гнетѣ нищеты, невѣжества, о развращающемъ дѣйствіи праздности и т. п.

Теперь оставимъ пока *X*, судившагося по принципу свободы воли, и будемъ судить его, какъ человѣка несвободнаго въ своихъ дѣйствіяхъ.

Нужно ли при этомъ условіи судить вообще? Конечно, уже потому, что *X*, какъ не дикій звѣрь, могъ причинить зло нечаянно или какъ послѣднее средство самозащиты; а съ другой стороны нужна же обществу какая-нибудь гарантія противъ него съ той минуты, какъ довѣрять ему болѣе уже не возможно. Стало быть и въ этомъ случаѣ судъ долженъ выяснить, дѣйствовалъ ли *X* сознательно и въ полномъ разумѣ, каковы были мотивы поступка, равно какъ всѣ внѣшнія и внутреннія условія его совершенія... Словомъ, вся судебная процедура должна оставаться прежней, потому что интересы общества требуютъ разрѣшенія вопроса, можетъ ли *X* оставаться въ его средѣ и пользоваться прежнимъ довѣріемъ и правами, или нѣтъ. Соотвѣтственно этому разбирательство выясняетъ и теперь всю внѣшнюю и внутреннюю исторію поступка, стараясь выставить какъ можно рельефнѣе умственную и нравственную личность *X*. Вердиктъ присяжныхъ вышелъ бы, можетъ быть, по формѣ нѣсколько иной, но въ сущности прежній.—Слова: невиновенъ, виновенъ и виновенъ съ снисхожденіемъ замѣнились бы, напримѣръ, словами: совершилъ поступокъ нечаянно, не будучи въ полномъ разумѣ, или, наоборотъ, сознательно и преднамѣренно; испорченъ глубоко или съ надеждой на исправленіе.—Вердиктъ не могъ бы выдти въ сущности иной на томъ уже основаніи, что

всѣ данныя для сужденія, выясняемыя судебнымъ разбирательствомъ, остались бы прежнія.

Но какъ быть съ наказаніемъ? Если имѣть въ виду одну только практическую (но вмѣстѣ съ тѣмъ и самую существенную) сторону дѣла, именно охраненіе интересовъ общества отъ посягательства на нихъ людей испорченныхъ, не умѣющихъ пользоваться правами свободной безконтрольной жизни (слова свободный и безконтрольный я употребляю здѣсь, разумѣется, въ самомъ обиходномъ смыслѣ), то логическій выводъ можетъ быть только одинъ: такіе люди не могутъ оставаться въ обществѣ и пользоваться правами свободной безконтрольной жизни, есть ли у нихъ свободная воля или нѣтъ. Но при этомъ нарушается повидимому интересъ справедливости—наказываютъ только виновнаго, а человѣкъ безъ свободной воли виновнымъ быть не можетъ. На это отвѣтить не трудно. При не-свободѣ воли, общество не можетъ смотрѣть на пороки своихъ членовъ иначе, какъ на продукты наслѣдственнаго предрасположенія, невѣжества, грубости нравовъ, дурнаго воспитанія, недоумія, бѣдности, праздности, лѣности и пр.; поэтому оно не имѣетъ права относиться съ злобой къ своимъ порочнымъ членамъ и тѣмъ менѣе наказывать ихъ въ видѣ возмездія за дурныя дѣла. Но общество *обязано* взять въ свои руки такихъ людей и заботиться объ ихъ исправленіи, все равно, какъ оно обязано брать съ тою же цѣлью умалишенныхъ и больныхъ. Если бы оставленіе такихъ людей на свободѣ и безъ надзора было совмѣстимо съ интересами общества, и содѣйствовало цѣли исправленія скорѣе, чѣмъ лишеніе свободы и принудительныя работы, если бы при этомъ отношеніе людей къ порочному собрату могло оставаться, со стороны любви къ нему, уваженія и довѣрія, совершенно прежнимъ, то общество поступало бы конечно противно своимъ интересамъ и справедливости, запирая порочныхъ людей въ тюрьму и заставляя ихъ работать. Но дѣло въ томъ, что опытовъ оставлять преступниковъ свободными и безъ надзора въ прежней средѣ, я думаю, не бывало, да и быть не можетъ. Масса всегда будетъ сторониться человѣка, признаннаго порочнымъ, никогда не станетъ ему вѣрить, и тѣмъ менѣе любить его или уважать. Въ смыслѣ наказанія, положеніе преступника на прежнемъ мѣстѣ среди всеобщей непріязни и недовѣрія было бы гораздо ужаснѣе, чѣмъ въ тюрьмѣ или на каторгѣ, и повело бы вѣроятно или къ самоубійству или къ страшному озлобленію, съ рядомъ новыхъ преступленій.—Вмѣсто того, чтобы исправиться, порочный человѣкъ сталъ бы еще хуже.

Внѣшняя сторона дѣйствій, которыми общество ограждаетъ себя отъ порочныхъ членовъ, остается слѣдовательно неизмѣнной, признается ли въ человѣкѣ свободная воля или нѣтъ. Измѣняется только смыслъ ихъ въ томъ отношеніи, что на мѣсто возмездія становится исправленіе.

Прочитавъ эти замѣтки, многіе непремѣнно скажутъ: «Это все кабинетныя утопіи человѣка, незнакомаго съ практическими условіями примѣненія отвлеченныхъ доктринъ къ общественной жизни, не сознающаго или не хотящаго понять, что примѣненіе самыхъ чистыхъ ученій связано съ недомолвками, одностороннимъ пониманіемъ и даже намѣренно-превратнымъ толкованіемъ;— что плоды всякаго ученія зависятъ не только отъ его сущности, но и отъ почвы, на которую оно падаетъ». Для поясненія приведутъ можетъ быть въ видѣ подходящаго крупнаго историческаго примѣра инквизицію, которая практиковалась яко бы ради интересовъ ученія любви и милосердія.

Читатель видитъ, что эту сторону дѣла я знаю если не на практикѣ, то по слухамъ, и очень ясно понимаю, что разобрать вопросъ въ этомъ направленіи было бы очень важно. Къ сожалѣнію, разборъ этотъ въ систематической формѣ представляетъ непобѣдимыя трудности. Въ самомъ дѣлѣ, перечислить всѣ мыслимыя послѣдствія случаевъ, когда, съ одной стороны, превратно понимается и толкуется ученіе, а съ другой—измѣняется воспринимающая его почва, т.-е. умъ, характеръ и моральность, нѣтъ никакой возможности. Цѣль могла бы быть достигнута только при посредствѣ общей формулы, устанавливающей отношеніе между ученіемъ и почвой, а объ этомъ конечно и думать нечего. Тѣмъ не менѣе я считаю себя обязаннымъ подѣлиться съ читателемъ тѣми отрывочными выводами, къ которымъ я пришелъ на этомъ пути и которые считаю достовѣрными.

1) Какъ бы злостно ни извращалось ученіе о не-свободѣ воли, извращеніе не можетъ быть заведено за предѣлы мысли, что человѣкъ не только не отвѣтственъ за свои поступки передъ судомъ общества, но и передъ собственной совѣстью. За обществомъ субъектъ съ такимъ убѣжденіемъ не признаетъ права карать его что̀ бы онъ ни сдѣлалъ, изъ-за логической невозможности вмѣнять поступки въ вину (при этомъ онъ проглядываетъ, что общество имѣетъ право не терпѣть въ своей средѣ и на свободѣ вредныхъ членовъ); а для себя онъ ничего не считаетъ обязательнымъ, изъ-за безполезности сопротивляться своей природѣ

(при этомъ проглядывается логическій выводъ изъ ученія, что въ отношеніи къ будущему для всякаго человѣка открыта *возможность* всякихъ дѣйствій вообще и въ частности *возможность хорошихъ* дѣйствій, если стараться объ образованіи ума и сердца).

2) Даже въ подобной редакціи, которая можетъ вытечь лишь изъ крайняго недомыслія, ученіе способно только сглаживать дорогу къ злымъ дѣламъ, и никакъ не служить для нихъ опредѣлителемъ. Доказательство на это очень просто.—Злыя дѣла могутъ вытекать только изъ побужденій въ родѣ корысти, ненависти, озлобленія, личной мести, т.-е. вообще страстей; или изъ какихъ-либо крайне страстныхъ представленій, помрачающихъ разумъ и подавляющихъ моральное чувство. Своею страстностью такія идеи фанатизируютъ человѣка, и тогда онъ идетъ изъ-за нихъ на рискъ всякаго злого дѣла. Но къ страстямъ прицѣпить ученіе нельзя, къ фанатизирующимъ идеямъ тоже,—потому что кто же пойдетъ на рискъ злого дѣла, чтобы доказать только свою неотвѣтственность передъ обществомъ и собственной совѣстью?

3) Путь къ злымъ дѣламъ извращенное ученіе облегчаетъ трояхимъ образомъ: какъ доводъ не дорожить судомъ общественнаго мнѣнія, какъ доводъ противъ показаній собственной совѣсти и наконецъ какъ поблажка нѣкоторымъ изъ пассивныхъ свойствъ характера.

4) Поощряющее къ злу дѣйствіе 1-го довода, насколько оно вытекаетъ изъ ложно понятаго ученія, можетъ видоизмѣняться очень разнообразно, смотря по темпераменту человѣка, а именно его горячности, наклонности къ гнѣву и ненависти. Въ самомъ дѣлѣ, изъ убѣжденія, что общество не имѣетъ права карать проступки, и увѣренности, что оно тѣмъ не менѣе ихъ покараетъ, должно родиться нѣкоторое враждебное настроеніе къ обществу, чувство отчужденія отъ него и равнодушіе къ его интересамъ. Но у однихъ враждебность будетъ нейтрализоваться мыслью (прямо вытекающей изъ собственной невмѣняемости, mutatis mutandis), что̀ и карающему, хотя бы несправедливо, обществу нельзя ставить его дѣйствій въ вину. У другихъ, съ малой наклонностью къ гнѣву, враждебность выразится слабо. Наконецъ, у третьихъ, наклонныхъ къ ненависти, — сильнѣе. Насколько именно эти разныя степени враждебности могутъ облегчать злое дѣло, направленное противъ общества, рѣшить я не берусь – вѣрно одно: если затѣвается зло изъ равнодушія къ обществу, доходящаго до презрѣнія къ его суду и интересамъ, тѣмъ болѣе зло изъ ненависти къ обществу,—то въ этомъ презрѣніи и ненависти враждебность, вытекающая изъ ученія, со-

ставляетъ самую ничтожную долю. Ненависть впередъ, за ожидаемую еще несправедливую кару, не можетъ конечно сравниться съ ненавистью, уже дѣйствующею.

5) Успокоивающее дѣйствіе извращеннаго ученія на собственную совѣсть кажется на первый взглядъ ужаснымъ по послѣдствіямъ, особенно когда ученіе падаетъ на безнравственную почву. Но такой взглядъ ошибоченъ. Когда совѣсти совсѣмъ нѣтъ, нѐчему и успокоиваться—человѣкъ, одинаково равнодушный къ добру и злу, не нуждается въ извиненіи передъ собственными глазами затѣваемаго дурного дѣла. Такіе люди дѣйствительно ужасны; но только потому, что они безнравственны. Если моральное чувство еще не совсѣмъ заглохло въ человѣкѣ, то успокоительный доводъ лжеученія можетъ его добить; но здѣсь все дѣло зависитъ отъ того, добивается ли крупный или слабый остатокъ. Въ первомъ случаѣ облегченіе къ злу со стороны ученія будетъ сильнѣе, во второмъ слабѣе—не говорю прямо *сильно* и *слабо* на томъ основаніи, что главнымъ побужденіемъ къ злу (на основаніи 1-го пункта) будетъ все-таки не ученіе, степень участія котораго неопредѣлима, а страсть.

6) Укоры совѣсти въ отношеніи дѣлъ уже совершенныхъ называются, какъ всякій знаетъ, стыдомъ и раскаяніемъ. Въ противность упорству и нераскаянности ихъ считаютъ пробужденіями совѣсти,—разумѣется, если они искренни и за ними не скрывается какого-либо себялюбиваго разсчета, да еще въ уронъ ближнему. Отношеніе извращеннаго ученія къ этимъ душевнымъ состояніямъ будетъ очевидно такое же, какъ къ протестамъ совѣсти передъ проступкомъ. Оно будетъ способствовать упорству и нераскаянности, мѣшая выразиться на дѣлѣ пробудившейся совѣсти. Но, конечно, чѣмъ сильнѣе послѣдняя, тѣмъ меньше практическое значеніе тормаза и наоборотъ.

7) По своему общему характеру, ученіе способно скорѣе смирять человѣка, чѣмъ возбуждать въ немъ горделивость; поэтому въ извращенной формѣ оно можетъ способствовать развитію и укрѣпленію скорѣе пассивныхъ, чѣмъ активныхъ чертъ характера—апатичности, лѣности, празднолюбію, нерѣшительности и т. п. Я увѣренъ даже, на основаніи несомнѣнной примѣнимости общихъ законовъ созвучія къ воспринятію впечатлѣній, что ученіе усвояется преимущественно людьми съ неактивнымъ характеромъ. Эту сторону дѣйствія извращеннаго ученія я считаю очень вредной въ смыслѣ воспитательнаго вліянія на характеръ; но очень маловажной въ дѣлѣ предрасположенія къ злу, потому что отношеніе къ злымъ дѣламъ лѣни, апатіи и нерѣшительности крайне отдаленное.

Теперь слѣдовало бы говорить о роли почвы, со стороны умственной и моральной, но все существенное по этому вопросу уже содержится въ приведенныхъ 7 пунктахъ. Въ самомъ дѣлѣ, крайняя степень извращенія ученія, совмѣстная лишь съ очень значительнымъ недомысліемъ, была показана въ пунктѣ 1-мъ; а въ послѣдующихъ пунктахъ до 6-го включительно постоянно доказывалось, что злостность дѣла стоитъ въ прямомъ отношеніи не къ извращенности ученія—во всѣхъ случаяхъ оно разсматривалось извращеннымъ до крайнихъ предѣловъ,—а къ ненормальности почвы. Поэтому для полноты вопроса мнѣ остается упомянуть лишь о случаѣ, когда неизвращенное ученіе падаетъ на добрую почву.

Доказывая роковую зависимость человѣческихъ поступковъ отъ условій внѣшней и внутренней среды, оно учитъ: снисходительности къ ближнему и смиренію въ отношеніи къ себѣ; незыблемости добродѣтели въ истинно-нравственныхъ людяхъ и возможности исправленія дурныхъ, т.-е. вѣрѣ въ добро и исправимость зла.

Упрочивая довѣріе къ людямъ вообще, ученіе сводитъ на болѣе положительную почву и оцѣнку собственныхъ силъ—упрочиваетъ довѣріе человѣка къ себѣ въ предѣлахъ этой оцѣнки.

Ставя дѣйствія человѣка въ роковую зависимость отъ его умственнаго и моральнаго развитія, ученіе служитъ стимуломъ къ работѣ надъ собой, съ цѣлью умственнаго и нравственнаго совершенствованія. Съ свободной волей можно еще, пожалуй, разсчитывать, авось она выручитъ. Съ ученіемъ о не-свободѣ авось исчезаетъ—какова почва, таковы и поступки.

Но что же дѣлать, чтобы ученіе падало на почву не извращеннымъ?

Общество должно заботиться о просвѣщеніи разума своихъ членовъ, должно учить ихъ добру, правдѣ и труду и непремѣнно примѣромъ, потому что моральное чувство, подобно эстетическому, требуетъ неизбѣжно нагляднаго обученія.

И. Сѣченовъ.

ИЗЪ АНРИ КАЗАЛИСА

ОКЕАНИДЫ.

Несчастный Прометей, отъ мукъ изнемогая,
Бывало, съ тихою отрадою глядитъ,
Какъ въ брызгахъ темныхъ волнъ плыветъ къ нему, блистая
Красой и свѣжестью, толпа Океанидъ.

Какъ серебро звучалъ ихъ лепетъ шаловливый,
Ихъ чистый взоръ сіялъ небесной синевой—
И духъ озлобленный, мятежный и пытливый,
Въ ихъ близости вкушалъ цѣлительный покой.

И мы, гонимые суровою судьбою,
Иль удрученные неравною борьбою,
Находимъ миръ въ иныхъ привѣтливыхъ очахъ.

Страдая, мы полны отраднаго сознанья,
Что жизнь, какъ океанъ, таитъ въ своихъ волнахъ,
Намъ въ утѣшеніе, прекрасныя созданья.

В. Лихачевъ.

БОНАПАРТИЗМЪ

при

МАКЪ-МАГОНѢ

Страница изъ исторіи современной Франц и.

— Souvenirs de la présidence du maréchal de Mac-Mahon, par Ernest Daudet.

Наступилъ май 1874 года; торжество реакціи сдѣлалось очевиднымъ. Наконецъ, правительство Тьера пало; Франція вручила свою судьбу «солдату». Забывъ все прошлое, орлеанисты и легитимисты слились и подняли голову, бонапартисты слѣдили внимательно за всѣмъ. Въ одномъ были они согласны всѣ, а именно, что республиканскій режимъ—это только необходимое зло, изъ котораго рано или поздно возможно будетъ выбраться. Глава Франціи по прежнему назывался президентомъ; но въ глазахъ реакціи это былъ только намѣстникъ короля. Повсюду царствовало безпокойство, тревога, неопредѣленность.

Кабинетъ маршала Макъ-Магона, какъ извѣстно, былъ составленъ подъ условіемъ «септенната»—продленія его власти на семь лѣтъ. Стоявшій во главѣ министерства герцогъ де-Брольи старался угодить всѣмъ. Онъ отдалъ портфели Депейру, де-Ларси, чтобы снискать расположеніе у правой и праваго центра; вручилъ управленіе финансами Маню, угождая бонапартистамъ; онъ даже прошелъ молчаніемъ хвастливое заявленіе ультра-легитимистовъ, что они дали голоса за продленіе власти подъ условіемъ, чтобы это не могло служить препятствіемъ «досрочной

реставраціи». Двуличный, скрытный герцогъ стремился только выиграть время. Онъ боялся утерять консервативное большинство, которое весьма легко могло измѣниться не въ его пользу вступленіемъ, по дополнительнымъ выборамъ, депутатовъ республиканскаго или радикальнаго оттѣнка. Ожидать скораго окончанія работъ «коммиссіи тридцати», на обязанности которой лежало составленіе конституціонныхъ и органическихъ законовъ—нельзя было; оставалось принять другія мѣры, хотя временныя, но тѣмъ не менѣе дѣйствительныя. Герцогъ изобрѣлъ для этого два средства: 1) составленъ былъ новый законъ о мэрахъ, по которому предоставлялось правительству смѣнять и назначать ихъ по своему усмотрѣнію, т.-е. предполагалось строптивый и явно-враждебный правительству элементъ сдѣлать послушнымъ его орудіемъ для такъ-называемаго «избирательнаго вліянія»; и 2) оставить присмирѣвшіе муниципальные совѣты до 1875 года, такъ какъ съ новыми выборами, основываясь на законѣ 1871 г., по которому за ними оставалось значеніе «прямого выраженія всеобщей подачи голосовъ», они могли стать ненавистными правительству. Герцогъ не стѣснялся, что это было верхомъ реакціонерства, что этимъ покушалось на дорогое для страны право всеобщей подачи голосовъ, что этимъ закрывались уста муниципалитету—единственному органу, сдерживавшему правительство и имѣвшему возможность апеллировать голосомъ народа. Онъ смѣло внесъ эти проекты въ національное собраніе; но, несмотря на консервативное большинство, законъ этотъ былъ отвергнутъ—и замѣчательно,—отвергнутъ, благодаря удару, направленному со стороны маркиза де-Франльё, члена ультра-легитимистской группы. На этотъ разъ герцогъ де-Брольи не растерялся. Министерство для виду подало въ отставку, маршалъ для виду принялъ ее, объявивъ, что долженъ сперва подумать. Вмѣстѣ съ тѣмъ началась закулисная работа; стали созывать, усовѣщивать, успокоивать, наконецъ, даже стращать краснымъ знаменемъ и петролемъ. Объясняя министерскій кризисъ, печать того времени указывала, что министерство только считается однороднымъ, но что оно представляетъ изъ себя амальгаму политическихъ партій, борьба которыхъ отражается на исполнительной власти, превращая ее въ смѣлое орудіе вѣчно бушующаго парламентаризма. Вопреки всѣмъ правиламъ и обычаямъ, многіе совѣтовали тогда маршалу составить экстра-парламентарное министерство, на что́ указывалъ также и Эмиль Жирарденъ. Но маршалъ упорно молчалъ. Онъ былъ твердо увѣренъ, что все пройдетъ благополучно. И дѣйствительно, въ засѣданіи 12-го января произошло что-то семейное,

домашнее, даже трогательное. Выступилъ депутатъ правой стороны Одранъ-де-Кердрель и началъ умолять, чтобы національное собраніе не выказывало себя слишкомъ требовательнымъ, а министерство слишкомъ мнительнымъ и щекотливымъ. И то и другое оказались чувствительными; министерство осталось, а собраніе 39 голосами большинства утвердило законъ о мэрахъ—законъ самой злѣйшей централизаціи.

Герцогъ де-Брольи торопился исполненіемъ этого закона и съ неимовѣрною поспѣшностью началъ расчистку «авгіевой конюшни». «Journal Officiel» каждый день печаталъ о десяткахъ новыхъ смѣщеній и перемѣщеній. Не избѣгли этой участи нѣсколько изъ мэровъ-депутатовъ. Бывшихъ своихъ союзниковъ, легитимистовъ, герцогъ теперь не боялся и не стѣснялся высказываться передъ ними сторонникомъ существующаго порядка. Въ одномъ циркулярѣ префектамъ онъ прямо и категорично заявилъ о ненарушимости семилѣтняго президентства Макъ-Магона, какъ власти «законной, установленной и освященной верховнымъ рѣшеніемъ національнаго собранія». Но такой поворотъ въ политикѣ правительства отшатнулъ отъ него крайнихъ правой стороны, возбудилъ ихъ противъ праваго центра, поселилъ у легитимистовъ полный раздоръ, лѣвымъ далъ возможность сплачиваться, бонапартистамъ егозить и перебѣгать отъ одного центра къ другому—словомъ, одни стали будировать, другіе негодовать и явился окончательный разладъ между всѣми партіями. Надъ страною висѣла полная неопредѣленность. Монархисты остались безъ монархіи и безъ короля; республиканцы безъ республики, такъ какъ маршалъ всячески избѣгалъ этого названія. Желалъ ли маршалъ укрѣпить за собою власть, готовилъ ли онъ реставрацію и въ пользу кого, шелъ ли герцогъ де-Брольи за президентомъ или оставался тайнымъ сторонникомъ легитимистовъ—ничего этого никто не зналъ, не понималъ и не догадывался. Эта-то двуличность, ноопредѣленность и загадочность положенія, столь искусно поддерживаемыя герцогомъ, и послужили главною причиною паденія его министерства.

I.

Мы предпослали этотъ небольшой очеркъ съ цѣлью ввести читателя въ содержаніе интересной, въ извѣстномъ смыслѣ, книги Эрнеста Додэ, посвященной воспоминаніямъ о президентствѣ Макъ-Магона. Книга составлена хотя и благосклонною и снисхо-

дительною рукою, но на основаніи новыхъ, не опубликованныхъ актовъ и данныхъ. Изъ жизни французской республики она обнимаетъ всего только пять лѣтъ (1874—1879), полныхъ глубокаго историческаго и соціальнаго смысла. Страна изъ конца въ конецъ разгромлена. На-скоро-склеенное правительство служитъ приманкою для алчныхъ адептовъ претендующихъ династій. Толпа ловкихъ политическихъ интригановъ всевозможныхъ фракцій ищетъ якоря спасенія въ народномъ голосованіи, обманывая и впутывая народъ въ свои интриги и темные происки. Несмотря на все это, силою одного только народнаго сознанія, неустаннаго труда и энергіи, постепенно слагающіяся формы государственнаго устройства, согласованныя съ нуждами и желаніями общества, берутъ верхъ надъ своекорыстными стремленіями поклонниковъ разрушеннаго абсолютизма, а внутреннее благоустройство и быстро накопляющіяся богатства страны удивляютъ всю Европу и возбуждаютъ зависть тѣхъ, которые, повидимому, унизили и разгромили Францію. Эти пятилѣтняя внутренняя борьба здоровыхъ общественныхъ силъ и стремленій съ темными инстинктами эксплуататоровъ, прикрывающихся маскою патріотизма и династической преданности, сохранитъ надолго за собою интересъ историковъ и публицистовъ. Въ нашемъ очеркѣ мы воспользуемся преимущественно новыми матеріалами, которые обнародовалъ Додэ въ своей книгѣ.

Еще 18-го марта 1874 года, въ годовщину провозглашенія коммуны 1871 года, среди глубокаго молчанія, взошелъ на трибуну національнаго собранія радикальный депутатъ Шаллемель-Лакуръ и сдѣлалъ запросъ министерству касательно политическаго положенія страны. Ораторъ указывалъ на двусмысленное поведеніе кабинета, на происки легитимистовъ, и требовалъ, чтобы министерство высказалось опредѣленно и ясно, расположено ли оно смотрѣть на стремленія къ измѣненію существующей формы правленія, какъ на преступныя попытки и революціонныя покушенія. Отвѣчая Шаллемелю, герцогъ де-Брольи со всею туманностью своей макіавелевской политики намекнулъ только, что законность пророгаціонной власти маршала Макъ-Магона вотирована на семь лѣтъ національнымъ собраніемъ. Тогда вмѣсто герцога легитимистскій депутатъ Казеновъ-де-Прадинъ съ-разу разсѣялъ всѣ недоразумѣнія: «пророгація власти маршала Макъ-Магона, заявилъ онъ, нисколько не можетъ мѣшать возвращенію короля, и если бы графъ Шамборъ былъ призванъ до истеченія семилѣтняго срока, то честность маршала заставитъ его уступить ему мѣсто». Трудно представить себѣ, какое глубокое впечатлѣніе произвело это наглое заявленіе ультра-

легитимиста. Яснѣе и опредѣленнѣе высказаться было нельзя. Правительство увидѣло, что бывшіе его союзники зашли слишкомъ далеко и что во всякомъ случаѣ слѣдовало остановить подобнаго рода дерзкія поползновенія, компрометтирующія маршала. На слѣдующій день въ «Journal Officiel» появилось письмо Макъ-Магона къ герцогу де-Брольи, въ которомъ онъ подтверждалъ прежде данное обѣщаніе, что онъ будетъ требовать уваженія къ существующему порядку вещей. Но эта запоздалая торжественность обѣщанія еще болѣе взволновала собраніе. Правая вся отшатнулась отъ министерства и уже тогда было видно, что оно виситъ на волоскѣ. Спустя нѣсколько дней явилось новое обстоятельство. Передъ самымъ закрытіемъ собранія ультра-легитимистскій депутатъ Даригель неожиданно предложилъ законопроектъ, чтобы 1-го іюня собраніе высказалось относительно окончательнаго образа правленія во Франціи. Собраніе снова заколыхалось. Предложеніе было отклонено; но для этого герцогу пришлось еще сильнѣе отпарировать напоръ легитимистовъ и тѣмъ еще сильнѣе возстановить противъ себя всѣхъ правыхъ. Между тѣмъ въ самомъ кабинетѣ шелъ разладъ такой же, какъ въ собраніи. Мы уже говорили о разнохарактерности министерства и о полной зависимости членовъ его отъ политическихъ партій. Разумѣется, поставленный ребромъ вопросъ о формѣ правленія самъ собою выдѣлилъ членовъ легитимистовъ отъ остальныхъ, повидимому, державшихся настоящаго status quo. Ожидался только поводъ къ несогласіямъ и онъ не замедлилъ явиться. Газета «l'Union» нападала на септеннатъ, на маршала, на главу министерства. Издателя газеты, Лорети, и его сотрудниковъ привлекли къ отвѣтственности; противъ этого возсталъ министръ-легитимистъ де-Ларси, заявляя, что если не будетъ отмѣнено взысканіе, то онъ выйдетъ въ отставку; Депейра, министра юстиціи, въ это время не было въ Парижѣ; остальные отвѣтили де-Ларси, что, защищая власть маршала, они не намѣрены щадить своихъ членовъ. Произошелъ полный раздоръ. Выписали Депейра. Кабинетъ собрался въ елисейскомъ дворцѣ подъ предсѣдательствомъ маршала. Герцогъ де-Брольи съ свойственнымъ ему ехидствомъ высказался, что, защищая септеннатъ, не слѣдуетъ однако настаивать на взысканіи за противоположныя мнѣнія и можно ограничиться однимъ опроверженіемъ съ подробнымъ уясненіемъ мнѣній министерства. Противъ этого возсталъ герцогъ Деказъ. Онъ настаивалъ на необходимости болѣе энергической защиты правленія маршала и подвергнуть «l'Union» запрещенію хотя бы на восемь дней. Де-Ларси, напротивъ, не находилъ въ томъ ни-

какой необходимости. Денейра замѣтилъ, что если преслѣдовать «l'Union», то нельзя оставить безъ взысканія газету «Liberté», помѣстившую наканунѣ письмо Эмиля Олливье, въ которомъ онъ отрицалъ право собранія. Герцогъ Брольи, не защищая «Liberté», на этотъ разъ энергично высказался за септеннатъ. Де-Ларси настаивалъ на своемъ, герцогъ де-Брольи и Туртонъ выразили желаніе выдти въ отставку. Много стоило труда маршалу согласить своихъ непримиримыхъ министровъ однороднаго министерства и рѣшилъ наконецъ тѣмъ, что Денейра, министръ юстиціи, издастъ циркуляръ прокурорамъ съ указаніемъ на необходимость законной защиты противъ всякаго рода нападеній на существующій образъ правленія Франціи, и что этотъ циркуляръ будетъ напечатанъ въ «Journal Officiel».

Это новое правительственное удостовѣреніе окончательно ожесточило легитимистовъ. Они поняли, наконецъ, что въ теченіи года ихъ водили за носъ. Но они не падали духомъ. Пользуясь вакантнымъ временемъ, они то старались пугать герцога, то манили къ себѣ де-Ларси и Депейра, то адресовались къ самому маршалу, желая опутать и привлечь его къ себѣ подъ предлогомъ оказываемой ими помощи карлистамъ. Наконецъ, наступили засѣданія собранія. Рѣзкій споръ начался изъ-за очереди разсмотрѣнія представленныхъ къ 15-му мая правительствомъ законопроектовъ. Правительство желало пропустить сперва проекты конституціонныхъ законовъ о выборахъ и объ учрежденіи второй палаты, а затѣмъ уже приступить къ разсмотрѣнію муниципальныхъ законовъ. Противъ этого возстали крайніе правые. Голосомъ Эрну они предъявили кабинету ультиматумъ, что первымъ долженъ быть разсмотрѣнъ муниципальный законъ,—а объ остальныхъ двухъ мы знать не хотимъ, заявили легитимисты. Герцогъ не испугался: «я предпочитаю пасть, чѣмъ стать слѣпымъ орудіемъ крайней правой»—высказался онъ гордо. Всѣ ожидали борьбы не на жизнь, а на смерть. Съ самаго утра 15-го мая, пустыя въ обыкновенные дни улицы Версали были переполнены народомъ. На скамьяхъ депутатовъ видны были и Тьеръ, и Ледрю-Ролленъ, и принцъ Жуанвильскій, посѣщавшіе собраніе только въ важныхъ, исключительныхъ случаяхъ. На трибунѣ явился президентъ коммиссіи тридцати, Батби, громадный, неуклюжій, и густымъ басомъ просилъ національное собраніе назначить день для разсмотрѣнія избирательнаго законопроекта. Его смѣнилъ маленькій, коротенькій депутатъ правой, Тери, и заявилъ, что собраніе желаетъ предварительно разсмотрѣть муниципальный законъ. Герцогъ де-Брольи высказался

кратко, что правительство считаетъ необходимымъ приступить къ немедленному разсмотрѣнію избирательнаго закона. Глава крайней правой стороны, Люсьенъ Брёнъ, возражалъ премьеру, послѣдній упорствовалъ. Заходили huissiers съ урнами, и Бюффе объявилъ, что министерство получило шестьдесятъ четыре голоса меньшинства (381 противъ 317), причемъ большинство состояло изъ трехъ лѣвыхъ, пятидесяти легитимистовъ и изъ половины бонапартистовъ, въ томъ числѣ и Руэра. Словомъ, двуличный, хитрившій герцогъ, какъ оказалось, не угодилъ никому. Впрочемъ, на оппозицію лѣвыхъ онъ не разсчитывалъ.

На этотъ разъ кабинетъ герцога де-Брольи подалъ дѣйствительныя отставки и маршалъ ихъ принялъ. На прощальной аудіенціи Брольи и Деказъ указали маршалу на Бюффе и Гуляра, которые весьма скоро могли бы положить конецъ министерскому кризису. Макъ-Магонъ хорошо понималъ, что немыслимо было составить министерство изъ коалиціи, разрушившей старый кабинетъ. Тогда пришлось бы призвать и Гамбетту, и Казимира Перье, и Люсьена Брёна, и Руэра. Маршалъ вызвалъ Бюффе и просилъ его составить министерство. Бюффе наотрѣзъ отказался, заявляя, что онъ нужнѣе національному собранію, чѣмъ кабинету. Когда маршалъ, взывая къ патріотизму, напомнилъ ему свое собственное призваніе, то Бюффе, какъ передаетъ Додэ, отвѣтилъ маршалу: «О! разница большая въ настоящемъ положеніи и тогдашнемъ. Васъ просили согласиться немедленно занять президентскій постъ, ибо ваше согласіе одно только и могло спасти страну отъ погибели. Теперь этого нѣтъ. Вы себѣ найдете министровъ, мое же мѣсто въ собраніи. Не могу сказать, съумѣю ли прекратить министерскій кризисъ,—продолжалъ Бюффе,—между тѣмъ, уступая вашему желанію, я рискую возбудить президентскій кризисъ, слѣдствіемъ котораго неминуемо было бы возвышеніе Дюфора, а это было бы шагомъ къ ослабленію консервативной партіи». Оставалась надежда на Гуляра. Гуляръ игралъ не послѣднюю роль при Тьерѣ, онъ много сдѣлалъ для Франціи своими переговорами съ Германіею, въ собраніи представлялъ собою консервативный элементъ, приверженецъ существующаго порядка, монархистъ подъ условіемъ уступокъ со стороны графа Шамбора, и какъ бы то ни было, для Тьера былъ большой ударъ, когда Гуляру пришлось передать портфель Казимиру Перье. На предложеніе Макъ-Магона сдѣлаться главою кабинета Гуляръ не отказался, но заявилъ маршалу, что при настоящихъ условіяхъ можетъ быть только двѣ политики—политика рѣшимости и уступчивости; онъ пред-

почитаетъ вторую. Маршалъ на все соглашался. Нѣсколько дней хлопоталъ Гуляръ за составленіемъ министерства; но къ кому онъ ни обращался—всѣ отказывались. Маршалъ терпѣливо ждалъ.

Не зная закулисныхъ подробностей, газеты пускались во всевозможныя предположенія и сегодня опровергали то, чтó вчера выдавали за несомнѣнное. Замѣчательно, что Гуляръ, если вѣрить Додэ, ѣздилъ совѣтоваться съ Дюфоромъ. Онъ не предлагалъ ему портфеля, но хотѣлъ узнать его мнѣніе, какъ выпутаться изъ кризиса. Дюфоръ обѣщалъ поддержку министерству Гуляра, но подъ условіемъ, чтобы 1-й пунктъ конституціоннаго закона, т.-е. признаніе республики, былъ утвержденъ. Сознавая невозможность пропустить этотъ законъ тотчасъ же, Дюфоръ предлагалъ Гуляру нѣсколько комбинацій, при выясненіи которыхъ, между прочимъ, обнаружилось, что виновникомъ паденія министерства Брольи отъ лѣвыхъ былъ не кто иной, какъ Ваддингтонъ, и что безъ герцога Деказа составить новое министерство невозможно. Во всякомъ случаѣ, для Гуляра представлялись громадныя затрудненія, и главное—трудно было составить новое министерство, объединить разъѣхавшееся большинство собранія. Призваніе Деказа удовлетворяло многихъ и легитимистовъ, и бонапартистовъ, и республиканцевъ; но Деказъ настаивалъ на призваніи своихъ прежнихъ сослуживцевъ, Фурту и Депейра, способныхъ удовлетворить только крайнихъ правыхъ. Призвать Ваддингтона, значитъ удовлетворить лѣвый центръ, пожалуй, нѣкоторыхъ изъ праваго центра, но за то возстановить противъ будущаго министерства всѣхъ правыхъ. Кромѣ того, нужно было и удовлетворить хотя бы однимъ портфелемъ бонапартистовъ. Тогда всѣ заговорили о соединеніи центровъ. Герцогъ Одиффре-Пакье доказывалъ, что безъ сліянія центровъ немыслимо большинство; но правая умѣренная все еще упорствовала. Но не съ этимъ только пришлось бороться Гуляру. Онъ не зналъ, какой держаться программы—оставаться ли въ переходномъ положеніи, утвердить ли республику или клонить дѣло къ монархіи или имперіи? Кабинетъ у него кое-какъ составился: онъ, Одиффре-Пакье, Деказъ, де-Кюмонъ, Тальянъ, Сиссэ, де-Монтаньякъ, де-Лавернь, Матьё-Боде, Сезаннъ и Ваддингтонъ; но какъ быть съ программою? Рѣшили такъ, къ чему склоненъ былъ Гуляръ —выжидать, т.-е. держаться септенната, а въ будущемъ, чтó Богъ дастъ, отложивъ установленіе конституціонныхъ законовъ до 20-го ноября 1880 года. Дѣло, повидимому, уладилось; но вдругъ возстала умѣренная правая. Вступленіе въ кабинетъ членовъ изъ лѣваго центра, и притомъ креатуръ Дюфора, казалось

имъ опаснымъ для консервативныхъ интересовъ и всѣ они отказались отъ поддержки. Видя разноголосицу, Гуляръ ретировался и всѣ его старанія рушились прахомъ. Здѣсь маршалъ вышелъ изъ своей неподвижности. Главою кабинета онъ сдѣлалъ военнаго министра Сиссэ, упросилъ остаться Деказа, Фурту, за ними примкнули къ кабинету Кюмонъ, Тальянъ, Монтаньякъ, Мань, получили портфели Кальо (публичн. раб.), Гриваръ (земледѣлія) и такимъ образомъ въ нѣсколько часовъ министерскій кризисъ прошелъ благополучно. Новое министерство объявило, что оно будетъ стоять внѣ всякихъ партій, но будетъ только строго консервативнымъ. Объявленіе это ни къ чему не служило, потому что и безъ того правительственнаго большинства въ палатѣ не было. Тамъ царствовала полная дисгармонія. Вопросъ—республика или монархія—перепуталъ всѣхъ. Въ іюньскихъ сессіяхъ чуть было не прошло предложеніе Казимира Перье о признаніи французской республики, но на другой же день четыре голоса большинства были покрыты заявленіемъ четырехъ депутатовъ, что они не могли дать своего голоса противъ предложенія «по независящимъ обстоятельствамъ» и въ числѣ ихъ были Сиссэ и Деказъ. Съ другой стороны, было отвергнуто значительнымъ большинствомъ предложеніе Ларошфуко-Бизаччіа о безотлагательномъ признаніи законной монархіи. Между тѣмъ, бонапартисты, пользуясь этою сумятицею въ собраніи и въ кабинетѣ, подъ шумокъ, устроили свой тайный комитетъ и работали на выборахъ съ видимымъ успѣхомъ. Въ республиканскомъ департаментѣ Ньевры, къ удивленію всѣхъ, взялъ верхъ бонапартистъ де-Бургуанъ надъ республиканскимъ кандидатомъ Гюденомъ. Легитимисты не отставали отъ бонапартистовъ. Въ «l'Union» появился манифестъ графа Шамбора, убѣждавшій французовъ призвать его на царство, а когда правительство пріостановило за это газету на 15 дней, то злополучному министерству чуть не грозило паденіе. Самому неподвижному президенту пришлось выступить съ посланіемъ къ собранію, убѣждая его рѣшить наконецъ вопросъ объ образѣ правленія и поторопить работы «коммиссіи тридцати» относительно конституціонныхъ законовъ. Тѣмъ не менѣе до самаго конца года, подъ вліяніемъ легитимистовъ, собраніе отклоняло вотированіе конституціонныхъ законовъ, что́ и было главною причиною всѣхъ затрудненій, такъ какъ неопредѣленность парализовала правительственныя дѣйствія и возбуждала министерскіе кризисы. Всякій разъ, какъ только возбуждался вопросъ объ окончательномъ устройствѣ правленія, крайняя правая возставала и, не желая окончательной организаціи

республики, старалась удержать переходящее положеніе, чтобы не позволить маршалу «заставить короля ожидать въ передней» (de ne pas faire antichambre au roi), въ случаѣ если ему вздумается вступить на престолъ. Въ такой полной неопредѣленности государственнаго устройства закончился 1874 годъ.

II.

Не смотря на балы, даваемые президентомъ, на открытіе новой оперы и на другія торжества, въ сферѣ политической жизни Франціи въ началѣ 1871 года была крайняя путаница. Министерство Сиссэ свалено, какъ министерство, не имѣвшее никакой опоры въ парламентскомъ большинствѣ; сліяніе центровъ не состоялось; вся правая расползлась, одна надежда оставалась на лѣвыхъ, которые дѣйствительно стали группироваться и, благодаря Гамбеттѣ, стали признавать извѣстнаго рода дисциплину, положивъ въ окончательномъ своемъ рѣшеніи или провозглашеніе республики, или распущеніе собранія.

Въ то время, когда 4-го января двѣсти пятьдесятъ тысячъ гражданъ провожали останки отца «всеобщаго голосованія», Ледрю-Роллена, при единодушномъ крикѣ: «да здравствуетъ республика!» — въ елисейскомъ дворцѣ происходили въ третій разъ совѣщанія главъ консервативныхъ группъ о способахъ образованія парламентскаго большинства, способнаго дать хотя какую-нибудь организацію септеннату. На этомъ третьемъ совѣщаніи вмѣстѣ съ Брольи и Бюффе были приглашены маршаломъ вожаки лѣваго центра—Дюфоръ, Сэ и Казимиръ Перье. Результатомъ совѣщаній, какъ извѣстно, явилось посланіе маршала, прочитанное въ палатѣ 6-го января, въ которомъ онъ снова предлагалъ собранію ускорить окончаніемъ переходное положеніе и поторопиться разсмотрѣніемъ конституціонныхъ законовъ. Дѣлать было нечего, — нужно было на что-нибудь рѣшиться. Въ томъ же засѣданіи, по интригамъ правыхъ, президентъ «коммиссіи тридцати» предложилъ-было поставить на очередной порядокъ только законопроектъ о сенатѣ; но Бюффе положилъ конецъ этимъ новымъ проискамъ, признавъ безъ новаго голосованія чтеніе въ очередномъ порядкѣ всѣхъ конституціонныхъ законовъ, начиная съ проекта объ организаціи общественной власти. Съ 21-го января начались пренія. Самый главный вопросъ — быть или не быть республикѣ—заняло засѣданія 21-го, 22-го и съ 25-го по

29-е января. Много высказано было въ это время съ трибуны по истинѣ блестящихъ, имѣющихъ историческое значеніе рѣчей, какъ рѣчь Жюль Фавра, въ особенности Лабулэ; много вырвалось изъ груди истинныхъ гражданъ страны прочувствованныхъ словъ, наконецъ много истинной гражданской доблести высказалось въ средѣ лѣвыхъ и настолько же хитрости, двоедушія у правыхъ и тупого упрямства со стороны крайнихъ правыхъ. Къ сожалѣнію, въ предѣлахъ нашего очерка мы не можемъ возстановить въ памяти читателей этотъ въ высшей степени интересный моментъ парламентской жизни Франціи. Мы ограничимся только напоминаніемъ, что, по проискамъ Брольи, 29 января въ 4 часа 25 минутъ, предложеніе лѣваго центра о признаніи безповоротной республики было отвергнуто большинствомъ 23-хъ голосовъ, и если чѣмъ можно было честнымъ людямъ въ то время утѣшаться, то только сознаніемъ, что республиканцы выказали дружное единодушіе, а партіи реакціи оказались раздѣленными и очевидно неспособными образовать собою большинство для поддержки «правительства борьбы». На этомъ и основывали республиканцы свои силы при дальнѣйшихъ преніяхъ о конституціонныхъ законахъ. Замѣчательно то, что начало торжества республики вытекло, во-первыхъ, не изъ прямого признанія ея, но изъ добавочной статьи предложенія Андрѐ Валлона, депутата реакціонернаго, но вотировавшаго за предшествующее предложеніе Лабулэ, отвергнутаго, какъ говорили, собраніемъ, и во-вторыхъ, республика была признана, какъ-бы косвеннымъ образомъ, статьею, спеціально опредѣляющею порядокъ избранія и замѣщенія президента, но президента *республики*. Какъ бы то ни было, 30 января 1875 года, хотя въ формѣ поправки къ докладу «коммиссіи тридцати», но совершилось признаніе республики и совершилось однимъ голосомъ большинства 353 противъ 352! Замѣтимъ, что на сторонѣ трехъ монархическихъ партій стояли сила, вліяніе, средства, титулы, правительственная поддержка; на сторонѣ же республиканцевъ была одна только гражданская доблесть и полное единодушіе, по которому ни одинъ самый крайній изъ крайнихъ не отстранился отъ голосованія. Благодаря этому единодушію, vox populi взялъ верхъ надъ интригами проходимцевъ и затѣмъ безцвѣтному септеннату съ неизвѣстною реставраціею была прочитана отходная. «Коммиссія тридцати» по предложенію Вантавана выработала-было личный септеннатъ; но логика вещей заставила національное собраніе замѣнить его не только безличнымъ септеннатомъ, но полною рес-

публикою съ президентомъ, избраннымъ на семь лѣтъ. Реакціонеры хотѣли-было открыть себѣ лазейку и вотировать за личное право президента республики распускать собраніе — но и здѣсь сдѣлана была поправка, что это онъ можетъ сдѣлать только съ согласія сената. Что касается преній при чтеніи законопроекта о сенатѣ, то здѣсь произошло замѣчательное явленіе. Предложеніе, чтобы сенатъ былъ выборнымъ — проходитъ; предложеніе, чтобы для каждаго департамента было опредѣлено по три сенатора — проходитъ; соединенныя эти два предложенія въ одно — также проходятъ; но затѣмъ, послѣ прочтенія письма маршала, что онъ недоволенъ голосованіемъ, и когда начали голосовать законопроектъ въ общемъ составѣ, каждый параграфъ котораго въ отдѣльности былъ принятъ, онъ вдругъ провалился большинствомъ 368 противъ 345. Такое неслыханное политическое шарлатанство привело въ неистовство всѣхъ лѣвыхъ и окончилось грозною энергическою рѣчью Гамбетты, въ которой онъ съ потрясающимъ экстазомъ обратился къ правому центру, а въ особенности къ правительству съ слѣдующими словами: «кто въ теченіи двухъ лѣтъ требуетъ настоятельно конституціи? Вы! И кто-же сегодня ее разрушилъ, какъ не вы же?». На другой день, какъ передаетъ Додэ, маршалъ призвалъ герцога де-Брольи, просилъ составить новое министерство и думалъ сдѣлать положительное coup d'état. Онъ хотѣлъ, чтобы конституціонные законы были уничтожены, чтобы организованы были его личныя права для управленія страною въ монархическомъ духѣ. Правая крайняя уже составляла себѣ планы, кому роздать портфели; собралась уже изъ 60 человѣкъ депутація, которая прямо предложила маршалу пріостановить пренія о конституціонныхъ законахъ; но здѣсь произошло что-то непонятное: маршалъ объявилъ депутаціи, что, по совѣту Бюффе, онъ признаетъ возможнымъ предоставить собранію еще разъ возможность снабдить страну конституціею. Поворотъ этотъ объяснили тогда тѣмъ, что не всегда могутъ удаваться coup d'état, а взаимная ненависть между генералами Кленшаномъ и Ладмиро, между герцогомъ Омальскимъ, Канроберомъ и Дюкро не говорили въ пользу крутыхъ и экстраординарныхъ мѣръ. Чтобы спасти республику, оставалось одно — сойтись правому и лѣвому центру. Делегаты ихъ собрались 12 февраля у герцога Одиффре-Пакье, причемъ рѣшили во чтò бы то ни стало достигнуть, чтобы маршалъ отказался отъ преимущества, даннаго ему первоначальнымъ проектомъ — назначать семьдесятъ-пять сенаторовъ. Къ удивленію мно-

гихъ, маршалъ сдѣлалъ и эту уступку. Легитимисты съ бонапартистами, ождавшіе съ часу на часъ coup d'état, повѣсили носъ. Въ ночь съ 17-го на 18-е законопроектъ Валлона, измѣненный и редижированный согласно взглядамъ обоихъ центровъ, былъ напечатанъ и розданъ депутатамъ. Рѣшено было изъ 300 сенаторовъ 75, выбранныхъ собраніемъ по большинству голосовъ, оставить несмѣняемыми; а остальные должны были выбираться на 9 лѣтъ отъ одного до пяти на департаментъ, сообразно численности его населенія. Началось голосованіе. Въ этотъ разъ всѣ лѣвые еще разъ показали примѣръ единодушія, и, благодаря убѣжденіямъ Гамбетты, высказаннымъ имъ въ собраніи крайнихъ лѣвыхъ, большинство самыхъ упорныхъ якобинцевъ подъ знакомымъ имъ лозунгомъ: salus populi—suprema lex,—рѣшило подать свой голосъ. Благодаря этому, 29 февраля измѣненный обоими центрами проектъ Валлона вотировался 422 голосами противъ 261, а 25 февраля во Франціи была объявлена конституція. Великое дѣло основного государственнаго устройства, такимъ образомъ, послѣ 4-хъ лѣтъ неопредѣленности, совершилось. По закрытіи зимнихъ сессій члены праваго центра, которые до конца упорствовали противъ лѣвыхъ, отправились къ маршалу, изъявляя свое сожалѣніе, что они не могли присоединиться къ его партіи, хотя увѣряли его въ своей преданности. Маршалъ былъ радъ, что наконецъ вышелъ изъ затрудненій, въ которыхъ находился съ 20 ноября 1873 года.

Въ своей книгѣ Додэ старается оправдать то по истинѣ возмутительное двоедушіе, съ которымъ вела себя правая за все время этихъ парламентскихъ бурь. Противорѣчія здѣсь нѣтъ,—говоритъ авторъ. Правые всегда настаивали на необходимости окружить конституціонными постановленіями власть маршала, данную ему 20 ноября, и на первомъ планѣ они всегда ставили устройство верхней палаты, служащей точкою опоры исполнительной власти и «противовѣсомъ» собранію, возникшему изъ всеобщаго голосованія (suffrage universel). Все это хорошо; но ихъ династическія интриги, монархическіе происки, ихъ рѣчи противъ республики? Съ большою натяжкою приходится Додэ расшаркиваться передъ этою группою, а относительно титулованнаго воротилы ея, герцога Брольи, онъ даже впадаетъ повидимому въ легендарныя сказанія. Когда пришла рѣшительная минута,—пишетъ онъ,—герцогъ вышелъ въ корридоръ, прислонился къ стѣнѣ и углубился въ размышленія. — Надѣюсь, вы вотируете, герцогъ,—сказалъ ему одинъ изъ друзей. Могу-

ли я это сдѣлать?—отвѣтилъ нерѣшительно герцогъ. Другъ побѣжалъ за Деказомъ. Деказъ началъ убѣждать герцога: «это необходимо для блага страны, этого желаетъ маршалъ»... Герцогъ вотировалъ. Все это очень сантиментально, но вполнѣ неправдоподобно. Не изъ такихъ людей герцогъ, чтобы могъ рѣшать политическіе вопросы подъ внушеніемъ мимолетнаго влеченія. Здѣсь дѣйствовали другія пружины. Еще въ началѣ засѣданій Валлонъ сказалъ съ трибуны, что считающіе себя консерваторами во всякомъ случаѣ будутъ побѣждены. Вся выгода ихъ будетъ состоять только въ томъ, что республика въ этомъ случаѣ образуется помимо ихъ и противъ нихъ. Вотъ это «противъ нихъ» и заставило герцога дать свой голосъ за республику. Ему не нужно было привыкать къ политическому шарлатанству. Воздвигло во Франціи республику одно только единодушіе и честность всѣхъ трехъ группъ лѣвой стороны.

Посмотримъ теперь, что сталось съ давно провалившимся министерствомъ. Вечеромъ 25 февраля министры подали отставки, которыя, разумѣется, были тотчасъ же приняты. Но составленіе новаго министерства возбудило не меньшія затрудненія, чѣмъ установленіе конституціонныхъ законовъ. Прежде прочихъ маршалъ рѣшилъ адресоваться къ Бюффе, справедливо сознавая, что тотъ, кто содѣйствовалъ вотированію конституціонныхъ законовъ, естественно долженъ быть призванъ къ примѣненію ихъ. Бюффе не было въ Парижѣ; между тѣмъ въ «Journal Officiel» было объявлено, что маршалъ поручаетъ составить министерство Бюффе и что «какъ послѣ, такъ и прежде вотированія конституціонныхъ законовъ, президентъ республики твердо рѣшился удержать консервативные принципы, которые составляютъ базисъ его политики». Хотя въ этихъ словахъ слишкомъ ясно высказывалось мнѣніе правыхъ, но лѣвые пока приняли мнѣніе Бюффе и онъ покорился своему вызову. Бюффе рѣшилъ, что герцогъ Деказъ (министръ иностранныхъ дѣлъ) и генералъ Сиссэ (военный министръ) останутся по-прежнему, что Дюфоръ будетъ министромъ юстиціи, Валлонъ — министромъ просвѣщенія. Но тотчасъ же возникло затрудненіе. Президентъ настаивалъ, чтобы одинъ членъ правой, т.-е. изъ тѣхъ, которые вотировали противъ конституціи, принялъ участіе въ кабинетѣ, и именно указывалъ на Кердреля. Бюффе сперва старался отклонить намѣреніе президента, потомъ согласился, но съ тѣмъ, чтобы вмѣсто Кердреля былъ приглашенъ де-Мо, противъ чего не спорили ни Дюфоръ, ни лѣвые. Къ сожалѣнію, остальныхъ членовъ Бюффе никакъ не могъ организовать: то призванные отказывались, то призванныхъ не

хотѣли признавать та или другая изъ парламентскихъ партій. Кончилось тѣмъ, что 7-го марта первый министръ просилъ маршала выбрать на его мѣсто другого. Маршалъ просилъ Бюффе подождать до другого дня и обратился къ герцогу Одиффре-Пакье принять портфель министерства внутреннихъ дѣлъ. Герцогъ прямо отказался, говоря, что противъ этого возстануть бонапартисты. «Ваше появленіе въ кабинетѣ положитъ конецъ кризису, — сказалъ маршалъ: — оно удовлетворитъ обѣ стороны, такъ какъ я увѣренъ, что вы будете самымъ умѣреннымъ министромъ». Герцогъ продолжалъ настаивать на отказѣ. «Полноте, —продолжалъ маршалъ:—правда, у меня существуетъ привязанность къ бонапартистамъ, но они тревожатъ меня. Лучше всего быть умѣреннымъ; но есть одинъ человѣкъ, которымъ я не пожертвую, это — Леонъ Рено». Герцогъ все-таки остался непоколебимъ. При выѣздѣ изъ Парижа на станцію St.-Lazare, друзья Пакье не переставали убѣждать его согласиться принять портфѣль, чтобы положить конецъ кризису. Онъ согласился. «Если мое присутствіе дѣйствительно такъ необходимо, то, разумѣется, мнѣ приходится согласиться, хотя для меня это очень тяжело». Словомъ, человѣка убѣдили, упросили. Представьте же его удивленіе, когда на другой день онъ узнаетъ, что дѣла приняли совсѣмъ другой оборотъ,—что де-Мо отказался, а что, будто бы, его и Валлона маршалъ рѣшилъ отклонить отъ кабинета. Слухи эти оказались вполнѣ вѣрными. Когда онъ увидѣлся съ маршаломъ, тотъ предложилъ ему портфель министра народнаго просвѣщенія, объясняя, что размышленія и совѣты убѣдили его выбрать министромъ внутреннихъ дѣлъ Бюффе. Разумѣется, Пакье отказался вовсе отъ портфеля; но это подняло страшную бурю въ собраніи. Ходили самые противорѣчивые слухи. Говорили, что, отклоняя Валлона, маршалъ отклонялъ партію легитимистовъ, — что, отбирая портфель министра внутреннихъ дѣлъ отъ герцога Одифре-Пакье, онъ подчинялся вліянію бонапартистовъ. Въ галереяхъ Тюльери то-и-дѣло слышались слова: «Пакье — министръ внутреннихъ дѣлъ! Никогда! Мы этого не допустимъ, не болѣе, чѣмъ Леона Рено». Разсказывали также, будто бы Пакье требовалъ призванія на службу генераловъ Бурбаки и Аббатуччи и что, будто бы, отказъ въ этомъ и послужилъ главною причиною его отреченія. Но Додэ увѣряетъ, что это чистѣйшая ложь, такъ какъ герцогъ при многихъ свидѣтеляхъ воскликнулъ: «тѣ, которые говорятъ, что, будто бы, я предлагалъ маршалу разныя условія, весьма ошибаются. Я вступалъ

въ кабинетъ безъ какихъ бы то ни было требованій, съ обязательствомъ всюду слѣдовать за г. Бюффе». Такое положеніе дѣлъ раздражило лѣвыхъ и центръ. Видимое дѣло, что маршалъ имѣлъ намѣреніе составить внѣ-парламентское министерство. Но этого никакъ не хотѣли допустить. Доходили до того, что соглашались лучше на coup d'état. Лѣвый и правый центры приготовили-было проектъ запроса, въ которомъ полагали побудить президента при составленіи министерства руководствоваться парламентскими правилами и обычаями. Была даже рѣчь послать къ нему депутатовъ. Маршалъ уступилъ. Въ концѣ слѣдующаго дня, благодаря стараніямъ Деказа и Боше, министерство было составлено изъ тѣхъ же самыхъ лицъ, которыхъ хотѣлъ первоначально призвать Бюффе, исключая, конечно, герцога Одиффре-Пакье, который уже выбранъ былъ вице-президентомъ національнаго собранія двумя центрами и лѣвою. 11-го марта «Journal Officiel» опубликовалъ составъ новаго министерства Бюффе, положивъ такимъ образомъ и съ этой стороны конецъ кризису, такъ долго терзавшему Францію.

Но этимъ еще не окончились всѣ опасности для страны. Предстояли пренія по поводу избирательнаго закона о депутатскихъ выборахъ, о правѣ пересмотра конституціи. Министерство Бюффе оказалось крайне реакціоннымъ и вполнѣ податливымъ для происковъ герцога Брольи, де-Фаллу и другихъ интригановъ. Этому министру, человѣку самыхъ ординарныхъ способностей, по наущенію тайныхъ руководителей и въ угоду маршалу, хотѣлось оставить республику безъ республиканцевъ и затѣмъ все зданіе ея передать на-руки «ревизіонистовъ» изъ всѣхъ трехъ группъ приверженцевъ претендующихъ династій. И дѣйствительно, взглянувъ на законы о депутатскихъ выборахъ, какими они вышли послѣ преній, можно было быть вполнѣ увѣреннымъ, что свободѣ Франціи угрожала конечная гибель и что большинство 25-го февраля распалось навсегда. Къ счастью, за версальскимъ собраніемъ оставлено было право выбора 75-ти несмѣняемыхъ сенаторовъ. Этимъ и воспользовались друзья свободы для укрѣпленія республики.

Еще задолго до начала преній, назначенныхъ на 9-е декабря, всѣ группы консерваторовъ выбрали депутатовъ для сношеній другъ съ другомъ по устройству большинства. Началъ переговоры правый центръ. Ему легко было сойтись съ правыми; но какъ сойтись съ лѣвымъ центромъ? Желалъ ли онъ этого соединенія; какія условія имъ могутъ быть предъявлены; наконецъ,

кто ихъ кандидаты? — все это вопросы, и вопросы крайне щекотливые. На первый же запросъ, лѣвый центръ прямо обнаружилъ свою программу: 1) положительное исключеніе всякой кандидатуры не изъ собранія; 2) не менѣе положительное исключеніе всѣхъ членовъ правой, не вотировавшихъ 25-го февраля конституцію и не примкнувшихъ къ ней открыто; и, наконецъ, 3) предоставленіе кандидатуръ всѣмъ тремъ фракціямъ лѣвой. Въ заключеніе лѣвый центръ добавилъ, что ихъ программа есть общая и съ умѣренной, и съ крайней лѣвой, и что безъ нихъ онъ ничего не предпринимаетъ. Разумѣется, правый центръ отвергнулъ такое предложеніе, въ которомъ съ одного взмаха пера была вычеркнута вся группа крайнихъ правыхъ, группа, съ которою правый центръ шелъ вмѣстѣ около пяти лѣтъ. Подъ вліяніемъ Тьера, лѣвый центръ предлагалъ еще разъ консерваторамъ союзъ съ Гамбеттою и Бароде, но и этотъ союзъ не состоялся. Додэ передаетъ, что, будто бы, это предложеніе было сдѣлано черезъ одного публициста, пользовавшагося довѣріемъ представителей лѣвой стороны, который, будто бы, предлагалъ одному представителю праваго центра, подъ условіемъ содѣйствія низверженію министерства Бюффе, союзъ, какъ для сенатскихъ, такъ и депутатскихъ выборовъ, на что̀, будто бы, этотъ депутатъ отвѣтилъ полнымъ отказомъ. Вообще авторъ старается набросить тѣнь на дѣйствія лѣваго центра и нещадно громитъ де-ла-Рашетта и его группу за измѣну правой и поддержку не только лѣваго центра, но и лѣвыхъ крайнихъ. Но всѣ эти упреки не имѣютъ никакого смысла и основанія. Дѣло въ томъ, что здѣсь становилась на карту свобода страны, и сенатскіе выборы имѣли рѣшающее значеніе, такъ какъ на депутатскіе выборы, при сильномъ давленіи правительства, разсчитывать въ то время было нельзя. Потеряй республиканцы большинство въ сенатѣ, смѣло можно было сказать, что Макъ-Магонъ не задумался бы приступить къ «пересмотру» конституціи, повернувъ ее на путь монархическихъ интересовъ. Поэтому здѣсь была борьба на жизнь или смерть. Лѣвые воспользовались тѣмъ, что бонапартисты отказались отъ прямого дѣйствія на выборахъ; они знали, что Руэръ прямо сказалъ: «сенатъ былъ созданъ противъ насъ, конституція — также: намъ должно остаться свободными отъ всякаго обязательства». Они знали также, что бонапартисты отказались намѣтить отъ себя кандидатовъ и что правая, только заискивая въ нихъ, помѣстила въ свой списокъ Гамиля и Ванта. Лѣвые воспользовались также тѣмъ, что чистые легитимисты не могутъ дѣйствовать за-одно съ тѣми изъ легитимистовъ, которые, подъ

маскою «союза консерваторовъ», присоединились къ орлеанизму. Лѣвые, оставаясь, какъ и прежде, въ полномъ единодушіи, воспользовались слабостью и разобщенностью монархистовъ. Согласіе депутата де-ла-Рашетта съ Жюль-Симономъ вытекало изъ обоюдныхъ интересовъ и Рашеттъ весьма основательно объяснилъ значеніе этого единенія въ «l'Union», говоря, что лучше предпочитать враговъ открытыхъ, чѣмъ тайныхъ, т.-е. лѣвыхъ, чѣмъ правый центръ, который создалъ республику противъ короля и роялистовъ. Затѣмъ Додэ не мѣшало бы вспомнить, какъ честно и открыто держали себя лѣвая и лѣвый центръ въ отношеніи своихъ явныхъ враговъ-союзниковъ: всѣ 17 кандидатуръ чистыхъ легитимистовъ были вотированы ими единогласно. Всѣ эти слова автора, направленныя противъ легитимистовъ, что, «стыдясь торжествомъ, купленнымъ цѣною союза, они начали оправдываться, прежде чѣмъ ихъ стали обвинять», что «побѣдители очернили побѣжденныхъ», слишкомъ отзываются духомъ партіи, чтобы имъ можно было придать значеніе безпристрастной исторіи. Какъ бы то ни было, свобода для Франціи восторжествовала: 57 мѣстъ въ сенатѣ принадлежали республиканцамъ. Этотъ сенатъ, созданный по шаблону герцога де-Брольи, съ цѣлью требовать пересмотра конституціи для обращенія ея въ монархическую, становится теперь оплотомъ республики. При дальнѣйшихъ департаментскихъ выборахъ, на остальныя 225 мѣстъ разсчитывать ревизіонистамъ было нельзя, такъ какъ консервативный союзъ самъ собою разрушился, а личный составъ муниципальныхъ, окружныхъ и генеральныхъ совѣтовъ говорилъ не въ ихъ пользу.

Къ шести часамъ 31-го декабря всѣ предложенія были голосованы, и національное собраніе 1871 года, потушившее коммуну, заключившее миръ, организовавшее уплату контрибуціи за безумно начатую войну, наконецъ — выработавшее конституцію 25-го февраля, окончило свою миссію. «Теперь, — сказалъ герцогъ Одиффре-Пакье въ прощальной рѣчи, — поставленъ оплотъ противъ деспотизма и анархіи, и намъ остается только поручить его сохраненіе честности маршала Макъ-Магона, патріотизму двухъ будущихъ палатъ и благоразумію страны». — «Да здравствуетъ президентъ республики!» закричали центры; «да здравствуетъ Франція!» закричали правые; «да здравствуетъ Франція и республика!» подхватили лѣвые. Этимъ закончился 1875 годъ парламентской жизни для побѣжденной, но обновленной и окрѣпшей Франціи.

III.

Говоря о внутреннемъ устройствѣ Франціи, нельзя не коснуться внѣшнихъ ея отношеній, тѣмъ болѣе, что въ книгѣ Додэ есть объ этомъ предметѣ не мало интересныхъ указаній и совершенно новыхъ необнародованныхъ данныхъ. Мы уже говорили, что 26 ноября 1873 года на другой день организаціи септенната, въ министерствѣ Брольи герцогъ Деказъ принялъ портфель министра иностранныхъ дѣлъ. Въ то время сношенія Франціи съ Германіею еще отзывались дипломатическими осложненіями, послѣдовавшими послѣ войны. Берлинскій кабинетъ нарочно не прекращалъ ихъ; окончательная сдача территоріи, подготовленная политикою Тьера, происходила въ сентябрѣ мѣсяцѣ, а уже въ апрѣлѣ явились разнаго рода недоразумѣнія, подогрѣваемыя услужливою нѣмецкою прессою. Наибольшее неудовольствіе вытекало отъ духовенства и клерикалы наиболѣе осложняли отношенія и къ Германіи, и къ Италіи. Епископъ въ Нанси, т.-е. въ оккупаціонной территоріи за нѣсколько рѣзкихъ противъ Германіи словъ былъ призванъ въ германскій судъ и присужденъ къ двухлѣтнему заключенію. Съ окончаніемъ оккупаціи, Бисмаркъ настаивалъ на приведеніи приговора въ исполненіе и вообще выражалъ крайнее неудовольствіе на католическое духовенство, чѣмъ ставилъ отношенія кабинетовъ крайне натянутыми, какъ это было видно изъ бумагъ Арнима. Не менѣе затрудненій министерство иностранныхъ дѣлъ встрѣтило въ Италіи и Испаніи. Клерикалы были сила во Франціи; ими создался септеннатъ, а потому нельзя было не поддержать папу, тѣснимаго Италіею и бисмарковскою объединительною политикою. Для успокоенія святого отца было послано судно «Ореновъ». Понятное дѣло, что такая постановка отношеній была крайне невыгодна для Франціи—она сближала Италію съ Германіею. Вотъ почему какъ только министерство Брольи успѣло окрѣпнуть въ собраніи, такъ въ то же время «Ореновъ» былъ отозванъ и съ Италіею установились самыя дружескія отношенія. Съ Испаніею возникли-было затрудненія, по поводу того, что испанцы обвиняли французскихъ чиновниковъ, что они даютъ помощь карлистамъ; но въ скоромъ времени тамъ восторжествовалъ роялизмъ и король Альфонсъ объявилъ герцогу, что объ «испанскомъ вопросѣ» не будетъ болѣе рѣчи. Казалось бы, что политическій горизонтъ просіялъ для Франціи. Но бѣда шла не оттуда, откуда могли ее ожидать французы. Въ началѣ марта графъ Мюнстеръ, германскій послан-

никъ въ Лондонѣ, встрѣтившись съ графомъ Жарнакомъ, французскимъ посломъ, сообщилъ ему, что «у князя Бисмарка разстроились сильно нервы, что ему нуженъ отдыхъ и что по всей вѣроятности онъ возьметъ шестимѣсячный отпускъ». Дѣйствительно, нервное разстройство Бисмарка не заставило себя долго ждать. Прежде прочаго онъ началъ придираться къ Италіи, и къ Бельгіи. Виктора-Эммануила они обязывали, чтобы тотъ не допускалъ папу Пія IX писать рѣчи, непріязненныя Германіи, а бѣдному королю Леопольду онъ указывалъ, что въ бельгійскихъ газетахъ появляются статьи, противныя его политикѣ, причемъ напоминалъ ему, что онъ долженъ быть нейтральнымъ. Этого мало. По мановенію его руки, нѣмецкая пресса заговорила, что Бельгію и Италію поддерживаетъ Франція, что Франція увеличиваетъ свои войска, скупаетъ лошадей и видимо готовится къ чему-то, наконецъ, что она замышляетъ союзъ съ Вѣною и Римомъ, подъ покровительствомъ папы. Въ Европѣ увидали, откуда дуетъ вѣтеръ, и болѣе другихъ опредѣленно высказалась англійская пресса, указывая, что Францію вызываютъ на рѣшительный шагъ.

Величайшимъ счастіемъ было для Франціи, что тогдашнимъ посланникомъ въ Берлинѣ былъ графъ Гонто-Биронъ, человѣкъ необыкновеннаго ума и таланта, любимецъ берлинской аристократіи и императорскаго семейства въ особенности. Биронъ испугался придирчивости нѣмецкой прессы и обратился по этому поводу къ Бюлову; но Бюловъ отвѣтилъ, что не стóитъ обращать вниманія на такіе неоффиціальные óрганы какъ «Post», хотя относительно «Norddeutsche Allgemeine Zeitung» промолчалъ. Додэ передаетъ, что Бисмаркъ въ то время прямо высказывался, что Франція усиливаетъ войска и къ чему-то готовится, а Мольтке высказывался еще опредѣленнѣе: «Франція готовится къ войнѣ; но мы имѣемъ право предупредить ее, прежде чѣмъ она будетъ совершенно готова». Тѣмъ болѣе можно было теперь опасаться нашествія, что въ Мюнхенѣ тоже заговорили о военныхъ приготовленіяхъ, что Радовицъ былъ посланъ въ Петербургъ, и хотя князь Горчаковъ расхохотался, когда тотъ началъ убѣждать его объ опасности для Германіи, грозившей со стороны Франціи, но этимъ самымъ намѣренія Бисмарка уже въ то время вполнѣ опредѣлились. Въ Вѣнѣ начали громко говорить, что Бисмаркъ объявитъ войну Франціи. «Times» напечаталъ письмо изъ Берлина, въ которомъ говорилось, что Германія не могла спокойно видѣть, какъ скоро Франція оправилась отъ войны, и перенести того, что полученные пять милліардовъ не обогатили Германіи.

«Наши торговля, искусства, соціальное положеніе, финансы не въ состояніи были вынести вооруженія въ продолженіи 50-ти лѣтъ, чтобы воспользоваться завоеваніемъ, сдѣланнымъ въ теченіи шести мѣсяцевъ. Если мы уменьшимъ войска,—говорили пруссаки,—Франція аттакуетъ насъ; если мы будемъ содержать ихъ то же количество, мы разоримся: намъ необходимо покорить Францію».

Для Франціи положеніе было очень серьёзное. Получивъ отъ Гонто-Бирона сообщенія, Деказъ тотчасъ же сообщилъ объ этомъ французскимъ посланникамъ при всѣхъ европейскихъ дворахъ и въ особенности генералу Лефло въ Петербургѣ и Гавару въ Лондонѣ. Замѣчательно, что Дёрби полагалъ, что ударъ готовится для Австріи; но обстоятельства весьма скоро разъяснили ему положеніе дѣла. «Такой поступокъ,—сказалъ онъ Гавару,—возбудитъ всеобщее порицаніе. Даю вамъ слово, что англійское правительство не отступитъ отъ своего долга. Я уже объявилъ графу Мюнстеру, что я не вѣрю слухамъ на счетъ намѣреній Германіи. Францію укорять не въ чемъ и Бисмарку едва ли есть разсчетъ поддерживать угрожающіе слухи въ Европѣ». Слова Дёрби не были пустыя слова. Онъ тотчасъ же послалъ соотвѣтственныя инструкціи лорду Одо-Росселю и письмо королевы къ Вильгельму, гдѣ категорически было говорено за ненарушимость европейскаго мира. Настроеніе Россіи уже было извѣстно. Когда Лефло началъ отклонять обвиненія, направленныя на версальскій кабинетъ, князь Горчаковъ отвѣтилъ: «Вы правы, вамъ нечего защищать ваше правительство. Мнѣ хорошо извѣстно, что оно поддерживаетъ европейское спокойствіе и теперь старается не уничтожить его. Любезный генералъ, добавилъ онъ, мнѣ остается вамъ сказать только одно: крѣпитесь, крѣпитесь!» Эти слова напомнили генералу Лефло слова, сказанныя ему государемъ императоромъ во время смотра. «Вы слишкомъ богаты,—говорилъ князь Горчаковъ, видѣвши другой разъ Лефло,—чтобы не быть опасными. Заплаченные вами милліарды возвращаются къ вамъ—и вотъ предметъ страха Бисмарка. Я ему это высказалъ, потому что мы возмущены его поступками. Я вамъ обѣщаюсь дѣйствовать у Бисмарка, государь съ своей стороны будетъ дѣйствовать у императора». Государь принялъ Лефло очень милостиво. Онъ выразилъ свое расположеніе Макъ-Магону и прибавилъ: «Успокойте Деказа. Я ѣду въ Берлинъ и постараюсь сохранить миръ. Нельзя объявлять войны безъ причины. Если Германія объявитъ вамъ войну, она сдѣлаетъ ту же ошибку, какую сдѣлалъ Наполеонъ въ 1810 году, и это было бы рискомъ и

гибелью», добавилъ онъ, понижая голосъ. Между тѣмъ правительственныя власти во Франціи боялись, недоумѣвали и ожидали конца. «Pourquoi désarmerions-nous, puisque nous n'avons pas armé», говорилъ Деказъ. Здѣсь Додэ передаетъ интересный случай. Нужно замѣтить, что представителемъ Германіи въ Парижѣ былъ князь Гогенлоэ, человѣкъ честный, стойкій, осторожный и пріобрѣтшій всеобщее расположеніе. Какъ-то разъ онъ высказался, что не хочетъ оставаться въ Парижѣ во время разрыва. «Когда я объявлю, что уѣзжаю, вы поймете тогда, чтò это будетъ значить». Эти слова дошли до Деказа. Можно представить себѣ страхъ Деказа, когда въ одно прекрасное утро князь Гогенлоэ объявилъ ему, что онъ въ тотъ же вечеръ ѣдетъ въ отпускъ. Князь понялъ опасенія герцога и поспѣшилъ прибавить: «Но я вернусь черезъ нѣсколько дней».—«Счастливаго пути и скораго возвращенія»,—отвѣтилъ Деказъ,—полный сомнѣнія и грусти. Впрочемъ, Гогенлоэ не уѣхалъ въ тотъ вечеръ; взамѣнъ того имъ былъ сдѣланъ оффиціальный запросъ о вооруженіи Франціи. Деказъ не принялъ этого заявленія. Увидавъ въ тотъ же день князя Орлова, Деказъ описалъ ему всю опасность для Франціи и умолялъ его о защитѣ петербургскаго кабинета. «Что же вы будете дѣлать, если васъ аттакуютъ?» спросилъ съ участіемъ князь Орловъ. — «Чтò будемъ дѣлать?—твердо отвѣтилъ Деказъ:—мы уйдемъ за Луару, соберемъ тамъ всѣ наши войска и предоставимъ Германіи полную свободу завладѣть остальною Франціею».— «Вы этого не сдѣлаете», возражалъ растроганный Орловъ.—«Мы это сдѣлаемъ и это уже рѣшено,—отвѣтилъ Деказъ:—пусть Европа спокойно смотритъ на Францію завоеванную, опустошенную и не защищающую себя!» Въ этотъ день князь Орловъ видѣлся съ маршаломъ.

Въ это же время извѣстный корреспондентъ «Times'а» Бловицъ помѣстилъ статью, въ которой констатировалъ фактъ, что въ Германіи составилась партія, намѣревавшаяся перейти границы Франціи, подступить къ самому Парижу, расположиться на Авронской возвышенности и, направивъ пушки въ столицу, потребовать отъ страны уступки Бельфора и контрибуціи въ 10 милліардовъ франковъ съ разсрочкою уплаты ихъ на 20 лѣтъ. Такими разбойническими намѣреніями Германія, или партія прусскихъ юнкеровъ, хотѣла исполнить «національную обязанность» и окончить дѣло 1871 года, устранивъ угрожающую будущность. Впрочемъ, Бловицъ высказалъ сомнѣніе, чтобы подобнаго рода корсарскій захватъ былъ приведенъ въ исполненіе, что и у нѣмцевъ должна же проснуться честь и

возобновиться въ памяти трактатъ, запечатлѣнный императорскимъ словомъ. Письмо это какъ-бы служило торжественнымъ предупрежденіемъ Европы. Многіе утверждали, что оно написано было по инниціативѣ Деказа; но, какъ бы то ни было, оно сильно способствовало разстройству плановъ Бисмарка. Нѣмецкія газеты приняли мирное направленіе и тѣ же услуживавшія Бисмарку изданія, которыя еще недавно печатали бездну лживыхъ тенденціозныхъ телеграммъ, теперь стали опровергать воинственное настроеніе. «Все это надѣлала продажная нѣмецкая пресса: наплела цѣлый рядъ лжи, а теперь все сваливаетъ на католическую прессу»—сказалъ одинъ русскій дипломатъ. Додэ отдаетъ справедливость Англіи и Россіи. Еще до пріѣзда русскаго императора въ Берлинъ, Бисмаркъ зналъ, что. несмотря на дѣла, затѣявшіяся на Востокѣ, онъ тѣмъ не менѣе не отступитъ отъ своихъ правъ вмѣшательства въ дѣла Европы. Оба императора встрѣтились въ Берлинѣ, и въ тотъ же день князь Горчаковъ телеграфировалъ въ Парижъ и Лондонъ, что миръ не будетъ нарушенъ. Черезъ нѣсколько дней графъ Дёрби повторилъ Гавару, что въ день прощанія русскаго государя съ германскимъ императоромъ графъ Шуваловъ получилъ отъ государя телеграмму, вполнѣ обезпечивающую европейское спокойствіе. «Война покуда отстранена,—сказалъ Дёрби,—что́ будетъ далѣе, неизвѣстно. Однако съ увѣренностью можно сказать, что изъ-за васъ Германія не объявитъ войны Россіи, а вамъ не объявить войны, несмотря на Россію». Додэ, какъ поклонникъ консервативнаго центра, въ этотъ эпизодъ внѣшнихъ сношеній Франціи ставитъ Деказа на ступень истиннаго величія. «Время это,—говоритъ Додэ,—не можетъ быть потеряно для исторіи Франціи и было-бы неблагодарностью забыть заслуги государственнаго человѣка, который столь много сдѣлалъ для соотечественниковъ. Человѣкъ,—продолжаетъ онъ далѣе,—чье имя соединено съ мирнымъ окончаніемъ этого кризиса, не менѣе былъ полезенъ отечеству, чѣмъ тотъ, при посредствѣ котораго не задолго до этого послѣдовало освобожденіе оккупаціонной территоріи». Додэ, повидимому, не долюбливаетъ «маленькаго гражданина». Оно и понятно. Чиновнику правительства консервативныхъ принциповъ иначе и быть нельзя, какъ возвеличивая своихъ, ронять и порицать чужихъ. Въ особенности это бьетъ въ глаза, гдѣ авторъ касается взаимныхъ отношеній Тьера къ Деказу и ставитъ Тьера центромъ заговора противъ угнетеннаго герцога.

Всѣмъ извѣстно, что политика герцога Деказа въ восточныхъ дѣлахъ была крайне безцвѣтна. Министръ иностранныхъ

дѣлъ Франціи рѣшилъ слѣдовать на буксирѣ за берлинскимъ и вѣнскимъ кабинетами, отстраняя отъ себя всякое рѣшающее слово. Разумѣется, такое невмѣшательство было не по сердцу Тьеру, уже давно слѣдившему за восточными дѣлами и привыкшему изъ этихъ дѣлъ ставить для Франціи вопросъ первостепенной важности, изъ-за котораго проливались не одни чернила дипломатитескихъ канцелярій, но и лилась французская кровь. Тьеръ былъ недоволенъ политикою Деказа, герцогъ не поддавался совѣтамъ Тьера. Вотъ главная и единственная причина размолвки между ними. Додэ находитъ еще другія. Еще ранѣе, говоритъ онъ, Тьеръ, какъ бывшій министръ короля Луи-Филиппа, изъ желанія привлечь для своей кандидатуры на президентство болѣе голосовъ, объявилъ себя сторонникомъ монархіи, основанной на правахъ двухъ линій Бурбоновъ. Герцогъ Деказъ запомнилъ эти слова, считалъ ихъ обязательствомъ, а Тьера нарушителемъ даннаго слова. Тьеръ не могъ также, по словамъ Додэ, простить Деказу, что онъ одинъ остался изъ коалиціи, которая его свергла. Въ салонахъ Тьера то-и-дѣло говорили противъ герцога; послѣ февральскихъ выборовъ онъ началъ вербовать себѣ союзниковъ, сошелся съ Гамбеттою, привлекъ къ власти Жюль-Симона, подъ условіемъ, что портфель министра иностранныхъ дѣлъ будетъ переданъ въ преданныя руки. И все это дѣлалось, по мнѣнію Додэ, для того только, чтобы свергнуть Деказа. Онъ даже объясняетъ этимъ побужденіемъ союзъ бонапартистовъ съ Гамбеттою. Удивительно, говоритъ Додэ, какъ могъ состояться союзъ такого консерватора, какъ Рауль-Дюваль, и такого «демократа» какъ Гамбетта. Они расходились въ каждой мысли, преслѣдовали различныя цѣли и, несмотря на это, имъ не разъ приходилось встрѣчаться въ выборномъ колесѣ и не разъ говорить однѣ и тѣ же рѣчи. Это непонятное сліяніе огня съ водою Додэ приписываетъ не столько боязни усиленія революціонеровъ, сколько вліянію гостиной княгини Трубецкой, въ которой оба они были постоянными посѣтителями. Въ политическихъ сферахъ существуетъ мнѣніе, — по словамъ Додэ, — будто-бы гостиная княгини Трубецкой была центромъ единенія обоихъ депутатовъ и будто-бы изъ нея Тьеръ предпринималъ всѣ свои интриги противъ Деказа. Разумѣется, все это вздоръ. Гостиная княгини Трубецкой служила дѣйствительно центромъ, гдѣ сосредоточивались всѣ мнѣнія касательно восточнаго вопроса; но едва-ли въ интересахъ этой гостиной была поддержка Тьера въ его парламентской дѣятельности, а тѣмъ болѣе поддержка Гамбетты, т.-е. укрѣпленіе республиканскаго большинства, которое уже

въ то время предвѣщало паденіе Макъ-Магона. Дѣйствительно, Деказа хотѣли смѣстить, но хотѣли изъ-за того же общаго принципа—сдѣлать министерство вполнѣ солидарнымъ съ парламентскимъ большинствомъ. Выборъ падалъ сперва на графа Сентъ-Валльера, потомъ на Леона Сэ, наконецъ, даже хотѣли, чтобы занялъ этотъ постъ Жюль-Симонъ (онъ былъ въ то время первымъ министромъ). Додэ иронически замѣчаетъ, что дебютъ Жюль-Симона былъ не очень удаченъ. Разъ ему пришлось въ качествѣ перваго министра говорить съ однимъ дипломатомъ о восточныхъ дѣлахъ. Желая высказать взглядъ Тьера, онъ будто-бы не съумѣлъ выразиться и наговорилъ бездну обидныхъ для нѣкоторыхъ кабинетовъ намековъ. Тѣмъ не менѣе Жюль-Симонъ сошелся съ Деказомъ, и затѣмъ ни Тьеръ, ни Гамбетта особенно не заботились о смѣщеніи Деказа, хотя ими и указывались кандидаты, какъ Гонто-Биронъ, Шодорди и другіе. Правда, печать не переставала затрогивать герцога. Le Siècle, la Gironde, l'Indépendance Belge — всѣ они писали противъ него. Въ особенности обвиняли его за задержку телеграммы, извѣщавшей о паденіи Мидхада-паши. Но все это были частныя нападки, на которыя даже не отвѣчалъ герцогъ. Болѣе серьёзнымъ представляется вопросъ—былъ-ли Жюль-Симонъ противъ Деказа вмѣстѣ съ Тьеромъ и Гамбеттой или нѣтъ? Если онъ сдѣлался его другомъ впослѣдствіи, это весьма плохо рекомендовало бы перваго министра и во всякомъ случаѣ указывало бы на его политическую неустойчивость. Додэ утверждаетъ, что Жюль-Симонъ не зналъ о намѣреніи смѣстить герцога и не принималъ въ этомъ никакого участія. Вѣское доказательство этому онъ видитъ въ словахъ самого Жюль-Симона. При маршалѣ, при герцогѣ Одиффре-Пакье, при Деказѣ онъ безъ всякаго вызова, вслѣдствіе однихъ газетныхъ слуховъ, объявилъ, что онъ не искалъ власти и готовъ оставить ее, если на него взводятъ подобнаго рода двуличность. Весьма сожалѣю,—сказалъ онъ,—что исключительность моего положенія лишаетъ меня возможности предупредить подобнаго рода сплетни. Тѣмъ не менѣе Жюль-Симонъ уже въ то время терялъ прежнее значеніе въ нѣкоторыхъ кружкахъ республиканской партіи и уже тогда во многихъ рушились надежды о возможности для него согласовать консервативные и республиканскіе интересы.

IV.

Оторванный отъ лагерной жизни и не успѣвъ запастись вмѣстѣ съ военною славою политическимъ образованіемъ, маршалъ Макъ-Магонъ былъ призванъ на трудный постъ президента республики, остававшейся почти безъ республиканцевъ. Какъ же маршалъ выполнилъ свою миссію, какъ оправдалъ довѣріе, оказанное ему страною? Маршалъ случайно сдѣлался Монкомъ, но не былъ Вашингтономъ. Особенность его ума,—справедливо замѣчаетъ Додэ,—склоняла его думать, что республиканская партія—это убѣжище противниковъ общественнаго порядка, что искать въ ней консерваторовъ нельзя и что самъ онъ былъ призванъ съ единственною цѣлью защищать страну отъ давленія этой партіи. Этимъ самымъ Макъ-Магонъ, не замѣчая того, терялъ подъ собою почву и—что̀ главное—становился не главою страны, а главою обыкновенной партіи; онъ не могъ возвыситься при помощи своей конституціонной независимости до роли независимаго охранителя возникавшихъ учрежденій и умиротворителя глубоко раздѣленнаго общества. Маршалъ хотѣлъ быть властнымъ водителемъ судебъ Франціи, искалъ консервативныхъ устоевъ въ отбросахъ разлетѣвшихся монархій и имперій, и никакъ не могъ или не хотѣлъ понять, что властность и безотвѣтственность возможна въ монархическомъ правленіи, но немыслима въ республиканскомъ. И кого призывалъ къ себѣ въ совѣтчики этотъ «честный солдатъ»? Фурту, Брольи, Шато-Латура, Бюффе—лицъ, представлявшихъ изъ себя квинтъ-эссенцію политическаго шарлатанства и интригъ, прикрывавшихъ себя консервативною мантіею, и со всею безцеремонностью преслѣдовавшихъ одни свои личные, партійные или монархическіе интересы, нисколько не заботясь ни о благѣ страны, ни объ интересахъ народа. Но здравый смыслъ народа не позволилъ этимъ шарлатанамъ издѣваться надъ страною, несмотря на то, что они имѣли въ своемъ распоряженіи до 100,000 раболѣпныхъ чиновниковъ, всѣми силами старавшихся направить народный голосъ на изъявленіе желаній въ правительственномъ направленіи.

Въ началѣ 1876 года на сенаторскихъ и депутатскихъ выборахъ народъ категорически высказалъ, чего онъ желаетъ. За республику было выбрано департаментами 29 сенаторами болѣе чѣмъ противъ нея; а на февральскихъ выборахъ въ нижнюю палату большинство дошло до 195 голосовъ, при полномъ пора-

женіи оффиціальныхъ кандидатуръ даже такихъ, какъ Бюффе, Брольи и проч. И замѣчательнѣе всего то, что за республику болѣе другихъ высказалось сельское населеніе, даже въ тѣхъ мѣстностяхъ, куда никакъ не могла проникнуть республиканская пропаганда и гдѣ руководителемъ политической мысли могъ быть только мелкій чиновникъ и священникъ. Словомъ—народъ, чернь, если не сознавалъ ясно, то инстинктомъ чувствовалъ, гдѣ политическая правда, и гдѣ фальшь, обманъ, маска. Населеніе хорошо видѣло, что съ 1873 года администрація дѣлала все, чтобы идти противъ прямыхъ и непосредственныхъ его интересовъ. Здравый смыслъ сельчанъ рѣшительно отказывался вѣрить, чтобы плохо маскированныя оффиціальныя кандидатуры могли искренно служить республикѣ, а не скрывать за собою интересы той или другой династіи. Выборами 20-го февраля французскій народъ сказалъ: установите среди насъ не маскированный «нравственный порядокъ», а дѣйствительный порядокъ, основанный на свободѣ, замѣните шальную реакцію благоразумнымъ прогрессомъ, дайте для народнаго голоса свободное проявленіе и затворите двери затхлыхъ катакомбъ, схороненныхъ династій. Одинъ только президентъ республики не хотѣлъ слушать голоса народа и не хотѣлъ знать результатовъ февральскихъ выборовъ. Онъ все-таки продолжалъ стоять на прежнихъ консервативныхъ тенденціяхъ, уже давно подточенныхъ категорически изъявленнымъ желаніемъ народа.

Всеобщее голосованіе 20-го февраля и 5-го марта низвело до $^2/_5$ общее число представителей монархической коалиціи въ новой палатѣ. Ясно, что дѣло 24-го мая погибло безвозвратно и всякія реакціонныя иллюзіи отсюда становились бредомъ сумасшедшаго. Маршалу Макъ-Магону оставалось или выходить въ отставку, если онъ дѣйствительно сознавалъ себя связаннымъ неразрывными узами съ дѣломъ «правительства борьбы», или онъ долженъ былъ взглянуть на республиканскую организацію своей власти какъ на оправданіе своего избранія, подчиниться вполнѣ измѣненіямъ, происшедшимъ въ странѣ, если онъ желалъ оставаться вѣрнымъ своему девизу—j'y suis et j'y reste. На первое у него не хватило твердости характера, на второе политическаго такта. «Честный солдатъ» ровно ничего не смыслилъ въ политикѣ, о чемъ онъ и самъ не разъ заявлялъ. Однако какъ бы ни былъ онъ несвѣдущъ, все-таки и слѣпой увидалъ бы, что всѣ совѣты и внушенія доктринеровъ, засѣдавшихъ въ совѣтѣ министровъ, гдѣ онъ предсѣдательствовалъ, слѣдовало примѣнять какъ разъ въ противоположномъ смыслѣ. Между тѣмъ съ уве-

личеніемъ числа смѣнявшихся министровъ, дурныхъ совѣтниковъ у маршала все прибавлялось. Каждый слетѣвшій министръ, потерявшій право на оффиціальные совѣты президенту, тѣмъ не менѣе имѣлъ къ нему доступъ, появлялся за-просто въ елисейскомъ дворцѣ и могъ вліять на него, насколько имѣлъ возможности. Газеты писали, напримѣръ, что Бурбаки, спрошенный разъ маршаломъ, какого онъ мнѣнія о положеніи дѣлъ во Франціи, безъ околичностей отвѣчалъ: «по-моему, имѣется три выхода: или президенту оставить свой постъ, чего онъ не сдѣлаетъ, такъ какъ это было-бы малодушіемъ; или возстановить Наполеона IV или Генриха V; или вымести (balayer) обѣ палаты». И маршалъ промолчалъ на этотъ добрый совѣтъ. Впрочемъ, маршалъ не въ состояніи былъ выполнить ни одной изъ этихъ программъ; онъ путался, метался, видимо не понималъ, что́ вокругъ него происходитъ, и представлялъ изъ себя то упрямаго властолюбца, то опустившаго руки повелителя, предоставившаго окружающимъ дѣлать какъ знаютъ.

Бюффе, потерпѣвшій окончательное пораженіе на сенаторскихъ и депутатскихъ выборахъ, подалъ въ отставку. Новое вѣяніе опредѣлилось слишкомъ очевидно, чтобы могло быть незамѣченнымъ даже такимъ недальновиднымъ политикомъ, какимъ былъ Макъ-Магонъ. Дѣлать было нечего, онъ бросился въ объятія Дюфора и просилъ его уладить дѣло сообразно новымъ обстоятельствамъ, но съ возможно меньшимъ измѣненіемъ состава министерства. Дюфоръ посовѣтовалъ маршалу обратиться къ Казимиру Перье; но такъ какъ Казимиръ Перье встрѣтилъ со стороны маршала множество затрудненій относительно выполненія предложенной имъ программы, то Перье, не довѣряя подъ этими условіями прочности кабинета, отказался отъ составленія кабинета. Та-же исторія повторилась и съ Дюклеркомъ, искреннимъ, но умѣреннымъ республиканцемъ. Наконецъ Ваддингтонъ, кандидатъ на портфель Валлона, предложилъ Рикара, президента лѣваго центра, но не удостоеннаго выбора въ депутаты. Макъ-Магонъ обрадовался этому указанію. Въ сенатѣ были противъ Рикара. Члены праваго центра и правой умѣренной отказались за него вотировать, признавая въ немъ самаго несговорчиваго лѣваго централиста. Но Макъ-Магонъ выступилъ противъ большинства, поочередно призывалъ сенаторовъ обѣихъ группъ и достигъ наконецъ, что Рикаръ былъ выбранъ. Дѣло такимъ образомъ уладилось, хотя замѣтимъ, что открытіе обѣихъ палатъ (8-го марта 1876 г.) произошло при отсутствіи правильно-организованнаго кабинета. Здѣсь нужно замѣтить, что

послѣ открытія палатъ при самой простой обстановкѣ, лишенной какихъ бы то ни было манифестацій, которыхъ такъ боялись реакціонеры, по почину Гамбетты въ первый разъ собрались сенаторы и депутаты всѣхъ трехъ группъ республиканцевъ, которые такъ долго были разобщены при національномъ собраніи. Это первое «общее собраніе» (réunion plenière) республиканскаго большинства обѣихъ палатъ заявило съ особою торжественностью обстановки для всеобщаго свѣдѣнія, что оно будетъ оказывать свое содѣйствіе и сочувствіе только такому однородному (homogène) кабинету, который поставитъ своею задачею управлять страною въ строго-республиканскомъ смыслѣ, сообразно съ духомъ конституціи и народною волею. Но и такое внушительное предостереженіе маршалъ Макъ-Магонъ пропустилъ мимо ушей: составъ новаго министерства, съ Дюфоромъ во главѣ, не отвѣчалъ парламентскому большинству, такъ какъ въ него вошли четыре старые участника министерства Бюффе—генералъ Сиссэ, герцогъ Деказъ, Леонъ Сэ и самъ Дюфоръ, и, кромѣ того, Дюфоръ назначенъ былъ не вице-президентомъ совѣта министровъ, какъ это было прежде, но президентомъ, т.-е. этимъ самымъ президентъ республики ставилъ себя совершенно безотвѣтственнымъ. Безспорно, что составъ новаго министерства могъ-бы удовлетворять парламентскія требованія 1873 года для приведенія въ дѣйствіе консервативной республики (тамъ были Дюфоръ, Рикаръ, пожалуй Деказъ), но теперь, послѣ ясно опредѣлившихся результатовъ голосованія, это министерство оказалось слишкомъ консервативнымъ и даже реакціоннымъ. Если въ сенатѣ республиканское большинство могло составиться только при совмѣстномъ вотированіи конституціонныхъ орлеанистовъ съ лѣвыми, то за то въ палатѣ депутатовъ средній уровень демократизма и республиканскій элементъ были преобладающими. Достаточно указать на выборъ Греви, двухъ вице-президентовъ, наконецъ на то, что во всѣ коммиссіи, во всѣ бюро были выбраны почти исключительно республиканцы. Макъ-Магонъ сдѣлалъ уступку, но не въ достаточной мѣрѣ. Онъ разсчитывалъ на усиленное содѣйствіе сената, но забылъ то, что страна категорически высказалась за республику и что всякое министерство, которое задумало бы идти противъ этого теченія, неизбѣжно будетъ низвергнуто. Послѣдующія событія не замедлили оправдать подобнаго рода логическія послѣдствія.

Эрнестъ Додэ, будучи чиновникомъ прежнихъ министерствъ (le directeur des journaux officiels), поклонникъ консерватизма съ легкою примѣсью удовлетворенія отдаленныхъ стремленій

орлеанистовъ, рисуетъ намъ освѣженіе исполнительной власти Франціи, какъ зло, приведшее Макъ-Магона къ оставленію президентскаго поста. Подъ узкимъ взглядомъ бюрократа, онъ не хочетъ сознаться, что палата депутатовъ не только имѣла право, но и обязанность требовать, чтобы административный составъ государственнаго управленія былъ тотъ же самый и дѣйствовалъ въ томъ же духѣ, какой преобладалъ у большинства палаты. Рикаръ, министръ внутреннихъ дѣлъ, хорошо понималъ это. Когда Додэ пришлось подавать въ отставку, то, по его словамъ, министерство нужно было брать приступомъ. Оно было переполнено сенаторами и депутатами съ ихъ кандидатами. Додэ не могъ проникнуть къ министру иначе какъ черезъ секретный ходъ.—«Вы видите,—встрѣтилъ его Рикаръ, измученный и усталый,—это просто адъ!... Мнѣ бы хотѣлось удержать васъ. Во мнѣ вы найдете защиту. На ваше мѣсто имѣется шесть претендентовъ и всѣ имѣютъ поддержку. Назначая вамъ преемника, я буду имѣть шесть человѣкъ недовольныхъ, не считая ихъ покровителей». Додэ отказался отъ предложенія. «Вотъ нѣсколько писемъ, которыми просятъ назначенія на ваше мѣсто,—сказалъ Рикаръ:—всѣ вакансіи имѣютъ по нѣскольку кандидатовъ. Но если я рѣшился сдѣлать все, что необходимо, то я не рѣшусь сдѣлать того, что несправедливо». Въ такомъ положеніи, по всей вѣроятности, находились и прочіе министры. Но если измѣнился характеръ правительства, то должно было измѣниться и управленіе. Дѣятели 24 мая, Брольи и компанія, не менѣе рьяно очищали административный механизмъ и замѣнили прежній тьеровскій составъ чиновниковъ новымъ; но дѣятельность этого новаго состава и заставила народъ при выборахъ высказаться противъ нихъ—до того они были хороши и надежны въ дѣлѣ защиты народныхъ интересовъ. Додэ ставитъ какъ-бы въ укоръ Макъ-Магону, что онъ соглашался на подобнаго рода уступки и жертвовалъ дѣятелями, которые были виновны только въ томъ, что служили политикѣ 24-го мая; въ другомъ мѣстѣ, напротивъ, авторъ справедливо разсуждаетъ, что виновенъ былъ Макъ-Магонъ въ томъ, что желалъ видѣть республику безъ республиканцевъ, дѣятелями однихъ консерваторовъ, которые возвели его въ президентство. Ясно, что у автора не сложилось твердаго политическаго взгляда, и за отсутствіемъ дальновидности, онъ мѣшаетъ въ одну кучу и взгляды, выработанные бюрократическою дѣловитостью, и взгляды, высказанные французскими публицистами на основаніи фактовъ политической и соціальной жизни, какую пережила Франція въ этотъ короткій періодъ своего перерожденія. Бѣда вся въ томъ,

что маршалъ былъ ниже своего призванія. Онъ не понималъ истиннаго значенія того момента, какой переживала Франція, и вотъ почему онъ не хотѣлъ и не умѣлъ стать выше борьбы партій, былъ неосторожень, рѣшителенъ тамъ, гдѣ нужно было предоставить дѣло времени, безхарактеренъ тамъ, гдѣ требовался вѣскій голосъ главы страны. Онъ видѣлъ волненія настоящаго, неизвѣстность будущаго, требованія однихъ, нетерпимость другихъ и рѣшительно не понималъ, гдѣ найдти исходъ изъ этихъ треволненій. Главное, что онъ видѣлъ — одну только новую форму и внѣшность государственнаго устроенія, не подозрѣвая, что за этою формою и внѣшностью скрываются живыя силы народа, именно тѣ силы, которыя онъ знать не хотѣлъ, но которыя тѣмъ не менѣе опредѣлили на выборахъ 20-го февраля все будущее Франціи и самого его заставили покинуть президентство.

Говоря о Рикарѣ, Додэ не упомянулъ, что это одинъ изъ достойнѣйшихъ гражданъ Франціи, когда-либо получавшихъ министерскій портфель. Честный, прямой, стойкій демократъ, не измѣнившій ни разу въ теченіи всей жизни своимъ мнѣніямъ, онъ до сихъ поръ оставилъ о себѣ самое лучшее воспоминаніе. Несмотря на давленіе Макъ-Магона и нѣкоторыхъ изъ своихъ товарищей, онъ стойко поддерживалъ республиканскія учрежденія и въ одномъ изъ своихъ циркуляровъ прямо высказался: «необходимо прекратить сомнѣніе, оскорбительное для правительства, покончить съ тѣми недовѣріями, которыя, въ прошедшее время, могли имѣть себѣ оправданіе, и искоренить изъ образа мыслей партій тѣ надежды, которыя нынѣ стали мятежническими». Этотъ достойный государственный человѣкъ умеръ 12-го мая 1876 г. Всѣ органы печати (за исключеніемъ бонапартистовъ) высказались, что потеря его должна вызвать національный трауръ, и требовали, чтобы похороны были сдѣланы на государственный счетъ. Похороны были совершены съ особою церемоніальностью и масса народа не пропустила отдать послѣдній долгъ вѣрному служителю республики. Замѣтимъ, что Рикаръ, выйдя изъ народа, умеръ совершеннымъ бѣднякомъ, не оставивъ своей семьѣ никакого состоянія.

Мы упомянули о Рикарѣ, чтобы показать, что и такой человѣкъ былъ для Макъ-Магона только какъ терпимое и неизбѣжное зло въ правленіи. Онъ не долюбливалъ ни его, ни его системы. Единственный человѣкъ, который могъ занять открывшійся постъ министра внутреннихъ дѣлъ, былъ товарищъ Рикара по занятіямъ, де-Марсеръ. Этого назначенія желали всѣ министры,

а республиканская печать находила это неизбѣжнымъ. Но маршалъ, слѣдуя внушенію коалиціи своихъ интимныхъ совѣтниковъ — Брольи, Бюффе и др.—долго сопротивлялся и согласился только тогда, когда весь кабинетъ сталъ угрожать ему отставкою. Словомъ, и на этотъ разъ, какъ ни упирался Макъ-Магонъ, онъ вынужденъ былъ опять подтвердить свое обращеніе на республиканскій путь. Разумѣется, все это раздражало его и мало-по-малу доводило до рѣшительнаго шага, который онъ и сдѣлалъ 16-го мая 1877 года.

Третій новый годъ въ президентство маршала Макъ-Магона начинался министерскимъ кризисомъ. Въ этотъ 1877 годъ полетѣло министерство Дюфора,—министерство, способное въ другое время удовлетворить парламентскимъ желаніямъ. Замѣчательно, что паденіе Дюфора явилось какъ-то незамѣтнымъ, и до того незамѣтнымъ, что на совѣщаніи 6-го декабря 1876 года, на которомъ были предсѣдатели обѣихъ палатъ и Дюфоръ, маршалъ долженъ былъ спросить: какимъ образомъ было свергнуто министерство и которою изъ палатъ? Греви увѣрилъ маршала, что это не было дѣломъ палаты депутатовъ, а Дюфоръ призналъ, что его заставило подать въ отставку сенатское голосованіе. Но Одиффре-Пакье замѣтилъ при этомъ, что сенаторы, вотируя противъ какой бы то ни было амнистіи, въ то же время ничего не имѣли противъ министерства, и еслибы Дюфоръ захотѣлъ голосованія о довѣріи, то получилъ бы заявленіе отъ большинства 180 голосовъ. Простодушный маршалъ принялъ это за наличную монету: «въ такомъ случаѣ,—заключилъ онъ,—если мое министерство не понесло пораженія ни въ одной изъ палатъ и имѣетъ въ обѣихъ большинство, то я могу его просто возстановить». Онъ не понималъ того, что министерство Дюфора не удовлетворяло ни палатѣ депутатовъ, ни сенату. Стѣсняя во всемъ своихъ министровъ и въ особенности Дюфора въ дѣлѣ замѣщенія магистратуры новыми лицами, требуя защиты именемъ закона для тенденцій, явно противныхъ республиканской свободѣ, онъ тѣмъ самымъ сдѣлалъ положеніе своего перваго министра невозможнымъ. Съ другой стороны, своимъ давленіемъ на сенатъ маршалъ дѣлалъ то, что и тѣ небольшія уступки, какія находилъ возможнымъ Дюфоръ дѣлать республиканцамъ, были отвергаемы сенатомъ. Между тѣмъ въ палатѣ депутатовъ шли пренія о бюджетѣ. Палата пріостанавливала голосованіе этого вопроса, весьма основательно находя, что нельзя поручать общественныя суммы министерству, составъ котораго неизвѣстенъ. Закрытіе общественнаго сундука показало, наконецъ, Макъ-Магону, что

возстановить прежній кабинетъ нѣтъ никакой возможности, и что, волею-неволею, онъ долженъ обратиться къ Жюлю-Симону, — именно къ тому Жюлю-Симону, на котораго указывало большинство палаты депутатовъ, который еще такъ недавно въ знаменитой своей рѣчи проводилъ параллель между индивидуальнымъ ничтожествомъ маршала и исключительною значительностью поста, придуманнаго для него, про котораго еще такъ недавно говорилъ «Фигаро», что «ввести Жюля-Симона въ совѣтъ министерства—это значитъ ввести туда Тьера, т.-е., другими словами, внести туда ядъ, къ какому прибѣгали только члены семьи Борджіа!» Скрѣпя сердце, маршалъ рѣшился на это, но подъ условіемъ, чтобы портфель министра юстиціи остался за Дюфоромъ. Съ своей стороны, Жюль-Симонъ не соглашался на послѣднее условіе, хорошо зная, что палата желаетъ безусловно очищенія магистратуры, чего при Дюфорѣ сдѣлать было бы нельзя. Въ елисейскомъ дворцѣ царствовало полное смятеніе. И безъ того раздраженный неудачею комбинаціи министерства Дюфора-Симона, маршалъ поддерживался въ этомъ раздраженіи своими приближенными, бонапартистами, которые будили въ немъ недовѣріе къ Жюль-Симону, другу Тьера, республиканцу 1848 г., и 4-го сентября маршалъ потерялъ голову. Дѣлать было все-таки нечего, онъ посылалъ за Жюлемъ-Симономъ; но втайнѣ онъ уже тогда рѣшилъ сбросить съ себя цѣпи, которыя наложила на него палата депутатовъ. Когда маршалъ ввелъ Жюля-Симона въ кабинетъ министровъ, и пока герцогъ Деказъ редактировалъ декретъ о новомъ министерствѣ, онъ обратился къ Жюлю-Симону съ злою ироніею: «теперь-то вы начнете у меня все переворачивать!» — «Будьте покойны, — отвѣтилъ самымъ серьёзнымъ тономъ Симонъ: — я съумѣю отнестись съ уваженіемъ ко всему, что̀ установилось обстоятельствами. Лицамъ, честно служившимъ республикѣ, нечего опасаться никакихъ перемѣнъ». Такимъ образомъ къ концу третьяго года президентства Макъ-Магона во главѣ управленія Франціею сошлись двѣ крайности. Это была послѣдняя степень уступки со стороны маршала и высшая степень гарантіи свободы Франціи, какой могли достигнуть республиканцы при Макъ-Магонѣ съ его солдатско-властными убѣжденіями. Брольи, Бюффе, Дюфоръ и Жюль-Симонъ — вотъ рядъ возвышающейся степени развитія силъ республиканцевъ, за которымъ слѣдуетъ новая борьба, возвратная лихорадка тѣхъ же самыхъ монархическихъ и имперіалистскихъ стремленій, которыя только-что побиты были единодушіемъ лѣвыхъ, вѣскимъ голосомъ народа, но теперь снова подняли голову, опираясь на оскорбленное

солдатское самолюбіе маршала. Но народъ французскій уже успѣлъ почувствовать результаты истинной свободы, и всѣ дѣйствія этой камарильи разлетѣлись прахомъ передъ всемогущимъ словомъ народной массы. Три года тому назадъ эта камарилья взвела на постъ Макъ-Магона; теперь она привела его къ низверженію. Вотъ самый существенный признакъ, указывающій на поступательное развитіе государственныхъ учрежденій во Франціи въ смыслѣ наибольшаго развитія гарантій свободы для ея гражданъ.

V.

Чего-же желали республиканцы? Самаго простого, законнаго и справедливаго. Они желали и требовали, чтобы административный персоналъ всѣхъ вѣдомствъ — гражданскаго, духовнаго, судебнаго и военнаго подчиненъ былъ министрамъ, дѣйствительно отвѣтственнымъ передъ парламентомъ, и чтобы весь этотъ персоналъ, содержимый средствами народа, служилъ и распространялъ уваженіе къ тому государственному строю, котораго желаетъ народъ. Положимъ, маршалъ Макъ-Магонъ не сочувствовалъ республикѣ; но что-же дѣлать, когда монархическія попытки не удались и народъ захотѣлъ республики? Онъ обязанъ былъ поддерживать и охранять ее. Самъ же онъ говорилъ когда-то, что «я—только делегатъ большинства собранія, которое есть живое выраженіе закона». Если такъ, то палата имѣла республиканское большинство и онъ долженъ былъ быть первымъ республиканцемъ. Затрудненія заключались въ томъ, что существовало двѣ палаты и, слѣдовательно, два большинства. Въ законѣ 1875 года опущено было указаніе, чтобы министерство согласовалось съ большинствомъ палаты депутатовъ, какъ это существуетъ въ англійской конституціи, и приняло другой способъ регулированія законодательной и исполнительной властей — распущеніе палаты съ согласія сената. Но маршалъ хорошо могъ знать и предвидѣть, что за распущеніемъ палаты по новымъ выборамъ явится еще бо̀льшее республиканское большинство. Затѣмъ, ему извѣстенъ былъ также законъ 1872 года, по которому, въ случаѣ, если бы версальскія палаты стали жертвою какого-либо покушенія, то законодательная власть переходитъ къ генеральнымъ совѣтамъ, т.-е. что для государственнаго переворота не достаточно было набрать въ столицѣ шайку приверженцевъ и съ помощью ихъ арестовать нѣсколько сотъ сенаторовъ и депутатовъ,

а нужно было въ заговоръ вовлечь всю армію и по всей Франціи произвести многочисленные аресты генеральныхъ совѣтниковъ. Слѣдовательно, для маршала Макъ-Магона представлялась такого рода альтернатива: или онъ долженъ былъ слѣдовать республиканскому теченію, или сложить съ себя званіе президента. Другого исхода не было.

О 16-мъ маѣ писалось многое. Дѣйствительно, здѣсь произошло что-то неожиданное, непонятное, темное. На похоронахъ сенатора Пикара пронесся слухъ о внезапной отставкѣ Жюля-Симона. На другой день узнали, что Жюль-Симонъ получилъ обидное, дерзкое письмо отъ маршала, что за нимъ кабинетъ въ полномъ составѣ подалъ въ отставку и что, кромѣ Деказа и Леона Сэ, отъ остальныхъ отставки были приняты. Проходитъ еще день и въ «Journal Officiel» напечатаны были декреты маршала, которыми назначалось новое министерство съ герцогомъ Брольи во главѣ и съ Фурту, министромъ внутреннихъ дѣлъ. Затѣмъ были прочитаны въ палатахъ президентскія посланія о закрытіи парламента до 16-го іюня.

Эрнестъ Додэ говоритъ, что актъ 16-го мая былъ личнымъ и внезапнымъ дѣломъ одного маршала, что будто бы неосторожные совѣты однихъ и безплодныя насилія другихъ «раскалили его до-бѣла», и онъ принялъ самое крайнее рѣшеніе. Какъ бы то ни было, но вся Европа удивилась этому шагу маршала. Всеобщее безпокойство, затрудненія въ политическихъ сношеніяхъ, возрожденіе надеждъ сторонниковъ имперіи, недовольство провинцій—таковы были послѣдствія 16-го мая. Даже тѣ, которые наталкивали маршала на рѣшительный шагъ, и тѣ должны были сознаться, что предпріятіе было преждевременно и во всякомъ случаѣ не популярно. Даже самъ двуличный Брольи и тотъ, по словамъ Додэ, будто бы сказалъ: «Кто бы это ожидалъ отъ маршала?! Но падать духомъ нечего. Насъ внизъ головою кинули въ воду—надо плавать». Между тѣмъ ни Брольи, ни кто другой изъ совѣтниковъ маршала—а ихъ было много—не предупредили его, не уяснили ему настоящаго положенія дѣла. Всякій изъ его камарильи заботился о своихъ личныхъ интересахъ, о достиженіи своихъ завѣтныхъ плановъ. Эту коалицію, достигшую теперь власти, Додэ старается съ наивностью заштатнаго чиновника оправдать въ глазахъ потомства. Эти люди стремились упрочить спокойствіе страны, говоритъ онъ, и исторія проститъ имъ ошибки ихъ въ виду благихъ ихъ намѣреній, протестуя противъ палаты, забывшей права, открытыя для каждаго осужденнаго. Исторія оцѣнитъ поведеніе ихъ не какъ измѣну,

но какъ законное исполненіе преимущества главы государства, который довѣрилъ имъ правленіе. Въ одномъ соглашается Додэ, что обстоятельства, изъ которыхъ они черпали власть, группировали около нихъ агентовъ и сторонниковъ изъ худшихъ враговъ республики. Не знаемъ, что скажетъ исторія далекаго будущаго, но въ настоящее время очевидно, что избранное министерство съ сонмомъ своихъ «агентовъ изъ худшихъ враговъ республики» положило начало неизгладимому недоразумѣнію между маршаломъ и народомъ и привело къ тому, что многіе изъ его сторонниковъ безповоротно стали въ ряды его враговъ.

На-полъ дорогѣ остановиться было нельзя, нужно было достигнуть распущенія палаты. Въ жаркомъ посланіи маршалъ указывалъ сенату, что между нимъ и палатою депутатовъ существуетъ разобщенность, и просилъ сенатъ прекратить такое положеніе дѣла конституціоннымъ порядкомъ, объявляя себя готовымъ повиноваться вердикту страны. Сенатъ не могъ отвѣтить ему отказомъ, иначе онъ ставилъ бы на карту спокойствіе страны и именно въ то время, когда политическія страсти достигли высшей степени напряженности. Палата была распущена; съ 13-го іюня начались выборы депутатовъ. Министерству Брольи предстояло или побѣдить, или умереть. Понятно, что герцогъ не стѣснялся способами для правительственнаго давленія на выборы. Множество самыхъ безобразныхъ заискиваній у черни, масса подтасовокъ и тому подобныхъ темныхъ, неприличныхъ дѣлъ сопровождали выборы правительственныхъ кандидатовъ. Брольи заставлялъ Макъ-Магона поддерживать министерство и нерѣдко заставлялъ его высказываться словами, которыя навсегда его компрометтировали. Но вся эта махинація, вся подпольная работа привела къ самому ничтожному результату: она уменьшила республиканское большинство всего только на 40 голосовъ, но за то усилила республиканцевъ борьбою и увеличила ихъ тріумфъ. Результатъ выборовъ 13 октября и 4 ноября еще разъ показалъ, что Франція желаетъ республики и отклоняетъ всякаго рода династическія поползновенія. Макъ-Магонъ долженъ былъ понять это. Но онъ упорствовалъ; онъ возмущался мыслью уступить вновь выбраннымъ депутатамъ, боясь, что они примутъ его уступку за полную капитуляцію; онъ нѣсколько разъ пытался составить внѣпарламентское министерство и тѣмъ еще болѣе разжигалъ страсти, увеличивалъ число недовольныхъ. Только строгая рѣчь герцога Одиффре-Пакье вывела изъ упорства маршала и произвела неожиданный исходъ дѣла: онъ одобрилъ программу Дюфора, взявшагося составить министерство; 14 декабря это министерство

предстало передъ палатою и прочло рѣчь, осуждающую политику семи послѣднихъ мѣсяцевъ. Кризисъ 16 мая такимъ образомъ прошелъ спокойно.

Авторъ излагаемой нами книги старается набросить тѣнь на послѣдующія дѣйствія палаты и министерства Дюфора. Побѣда не успокоила и не убѣдила побѣдителей. Не довольствуясь возвращеніемъ къ общественной дѣятельности тѣхъ, которыхъ Брольи отстранилъ, и отставкою его креатуръ, министерство, по мнѣнію Додэ, переходило всѣ границы, чтобъ выказывать особую услужливость лѣвымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, «удрученный противорѣчивыми совѣтниками, жертва безумнаго упорства и неумолимыхъ требованій, не желая покинуть людей, которые поддерживали его роковое предпріятіе (16 мая), храбрый солдатъ, подъ напоромъ ужасныхъ опасеній, разорвалъ лживую, полную страстей занавѣсь, сталъ передъ правдою и побѣжденный патріотизмомъ понялъ наконецъ, что глава страны не унижается, когда уступаетъ законному ея требованію» — картинно рисуетъ Макъ-Магоновскій чиновникъ. Но эта апологія маршалу и укоръ республиканцамъ съ министерствомъ Дюфора самымъ очевиднымъ образомъ противорѣчитъ дѣйствительному характеру тогдашнихъ обстоятельствъ и политическому положенію враждовавшихъ сторонъ. Дѣло въ томъ, что республиканцы съ Гамбеттою во главѣ хорошо видѣли, что Макъ-Магонъ только покорился, но не переродился, и что при случаѣ онъ не отстанетъ отъ своихъ анти-республиканскихъ посягательствъ. Палата хорошо знала и видѣла, сколько приходилось бороться министерству Дюфора съ упорствомъ маршала и какъ туго выполнялись ея законныя требованія. Передъ ея глазами оставалось наконецъ 16-е мая и непозволительно-грубое отношеніе маршала къ бывшему хранителю печати Жюлю-Симону. Впереди стояли дополнительные сенаторскіе выборы. Камарилья, окружавшая маршала, сильно разсчитывала на большинство въ сенатѣ. Она не теряла надежды, что при посредствѣ этого большинства снова явится опора въ лицѣ сената, и, по рецепту его создателя Брольи, маршалу снова развяжутся руки. Да и самъ Дюфоръ не хотѣлъ стать внѣ парламентскихъ желаній, чтобы не сдѣлаться игрушкою въ рукахъ маршала, какъ это оказалось съ Жюль-Симономъ. Маршалъ уступалъ министерству, но уступалъ не въ той формѣ, какъ это рисуетъ Додэ, а вслѣдствіе необходимости и съ самыми желчными признаками недовольства. Всѣмъ было тяжело, неловко. Если что поддерживало эту неестественную аккомодацію, такъ это внѣшнія обстоятельства: восточная война, берлинскій конгрессъ и потомъ выставка. Міръ

увидалъ, что самоуправляемая Франція живетъ и крѣпнетъ. Роскошное проявленіе силы республики заставило большинство либеральныхъ легитимистовъ примкнуть къ республиканцамъ, а Макъ-Магона волею-неволею высказаться за республику. На выставкѣ французскій народъ показалъ примѣръ міру, какихъ результатовъ можетъ достигнуть цивилизація подъ условіемъ свободнаго труда и свободныхъ учрежденій, а вслѣдъ за этимъ онъ ясно, категорически, превзошедши всѣ ожиданія, высказалъ, что онъ желаетъ самъ управляться собою и дорожитъ республиканскою формою правленія. Изъ 83 выбывшихъ сенаторовъ, департаментами 5 января были выбраны 66 республиканцевъ и только 16 реакціонеровъ. Послѣдняя надежда на реакціонный возвратъ рушилась. Удаленіе маршала становилось дѣломъ неизбѣжнымъ.

Мы пройдемъ мимо ноябрьскихъ сессій 1878 года, такъ какъ парламентскія бури успокоивались предстоящею неизвѣстностью сенаторскихъ выборовъ, назначенныхъ на 5-е января. Обѣ стороны были сдержанны, уступчивы — ожидали результата. Въ январѣ открылись парламентскія засѣданія. Результатъ выборовъ былъ извѣстенъ. Правительству предстояло отвѣтить на весьма существенные вопросы, поставленные страною на разрѣшеніе: оставленіе за государствомъ права раздачи ученыхъ степеней; даровое, обязательное, первоначальное обученіе; упраздненіе верховнаго совѣта общественнаго образованія; уничтоженіе религіозныхъ недозволенныхъ конгрегацій; перемѣщеніе жандармскаго управленія изъ военнаго министерства въ министерство внутреннихъ дѣлъ; объявленіе полной амнистіи коммунарамъ 1871 г. и, наконецъ, преслѣдованіе виновныхъ 16-го мая. На всѣ эти вопросы министерство Дюфора отвѣтило своею программою, прочитанною 14-го января Дюфоромъ въ сенатѣ, Марсеромъ въ палатѣ депутатовъ. На всѣ эти вопросы программа отвѣчала если не вполнѣ, то съ значительною дозою опредѣленности и удовлетворенія. Такъ, программа весьма ясно высказалась относительно обязательнаго образованія, и возстановленія права государства на выдачу ученыхъ степеней; относительно амнистіи приводилось, что 14 и 15 января президентомъ подписано было 2,250 прощеній и что если не принято общее помилованіе, то только въ виду всеобщаго волненія въ Европѣ, произведеннаго покушеніями на германскаго императора, королей Испаніи и Италіи. Касательно жандармеріи говорилось, что дѣйствія ея будутъ состоять подъ наблюденіемъ особой смѣшанной коммиссіи изъ лицъ министерствъ военнаго, внутреннихъ дѣлъ и юстиціи. Наконецъ, относительно замѣщенія скомпрометтирован-

шихъ себя лицъ изъ административнаго персонала програмна отвѣтила уклончиво, что министерство заставитъ уважать существующій порядокъ, окрѣпшій большинствомъ республиканскихъ членовъ въ сенатѣ. Здѣсь должно замѣтить объ одномъ обстоятельствѣ, которое послужило главною причиною президентскаго кризиса. По закону 1874 года, слѣдовало каждые три года смѣнять или перемѣщать командировъ всѣхъ 18-ти корпусовъ. Маршалъ Макъ-Магонъ не исполнялъ этого закона. Смѣнено было всего только три или четыре корпусныхъ командира. Програмна министерства ограничилась по этому поводу заявленіемъ, что законъ о командованіи корпусовъ будетъ тщательно исполняться и дозволяемыя исключенія будутъ примѣняться только въ случаѣ существенныхъ надобностей службы. Эта уклончивость вызвала неудовольствіе въ палатѣ депутатовъ; въ сенатѣ же програмна прошла съ одобреніемъ.

Между тѣмъ еще ранѣе маршалъ, видя невозможность сопротивляться, смѣнилъ военнаго министра Бореля; но вмѣстѣ съ тѣмъ высказался прямо Дюфору, что онъ ни въ какомъ случаѣ не согласится на то, чтобы 1) преданы были сторонники 16-го мая суду и 2) на всеобщую смѣну корпусныхъ командировъ армейскихъ корпусовъ. Если падетъ министерство,—сказалъ онъ рѣшительно Дюфору,—я вмѣстѣ съ вами оставлю постъ президента. Всѣ видѣли, что существованіе министерства Дюфора соединено съ устраненіемъ президента. Тѣмъ не менѣе, прослушавъ министерскую программу, лѣвые рѣшили сдѣлать правительству запросъ, чтобы оно яснѣе высказалось на счетъ будущихъ своихъ намѣреній. Пренія назначены были на 20 января. Въ продолженіи трехъ дней, которые оставались до срока, сенатъ всѣми силами старался спасти министерство. Съ своей стороны, маршалъ, какъ передаетъ Додэ, совѣтовалъ и доказывалъ Дюфору, что нельзя отказываться отъ власти, прежде чѣмъ истощатся всѣ способы, чтобы удержать ее.—«Я былъ очень молодъ, говорилъ маршалъ, но я помню хорошо то чувство при паденіи Карла X, которое говорило мнѣ, что причиною революціи была неуступчивость министра Полиньяка. Позже я видѣлъ низверженіе Луи-Филиппа и сознавалъ, что и оно произошло по той же причинѣ». Гамбетта былъ ни за, ни противъ Дюфора. Наконецъ, состоялось собраніе, которое должно было или покончить министерскій кризисъ, или осложнить его правительственнымъ. Пренія были жаркія. Думали, что Гамбетта выскажется противъ министерства, но этого онъ не сдѣлалъ и кабинетъ былъ спасенъ отъ неминуемой гибели. Макъ-Магонъ до того былъ увѣренъ въ паденіи кабинета, что

отправился съ своимъ штабомъ въ Версаль и имѣлъ уже наготовѣ свое прошеніе объ отставкѣ. Въ это время большинствомъ 92 голосовъ въ палатѣ произошелъ очередной переходъ, формулированный такимъ образомъ: «палата депутатовъ, довѣряя заявленію правительства, убѣждена, что кабинетъ, получившій полную свободу дѣйствій, не будетъ колебаться, послѣ великаго національнаго событія 8-го января, въ предоставленіи республиканскому большинству законнаго удовлетворенія, давно требуемаго имъ именемъ страны, въ особенности, относительно измѣненій въ административномъ и судебномъ персоналѣ». Маршалъ встрѣтилъ Дюфора крайне недружелюбно.—«Какъ могли вы согласиться на подобнаго рода повелѣніе?—спросилъ онъ Дюфора:—палата дала вамъ не удостовѣреніе въ довѣріи къ министерству, а просто приказъ».—«Это сдѣлано для того, чтобы спасти министерство и предотвратить низложеніе президента»,—отвѣтилъ сухо Дюфоръ. Маршалъ остался недоволенъ; Дюфоръ выѣхалъ изъ дворца; сожалѣли, что его министерство еще сохранилось.

Прошло нѣсколько дней. Явилось нѣсколько смѣщеній въ полицейской префектурѣ; смѣщено было нѣсколько генеральныхъ прокуроровъ. Ясно было, что министерство рѣшилось строго выполнить желаніе палаты. День ото дня положеніе маршала становилось все болѣе щекотливымъ. Къ этому времени онъ узналъ, что парламентская слѣдственная коммиссія готовитъ представленіе о преданіи суду министровъ 18 мая и 22 ноября. Это было слишкомъ много и онъ рѣшился «удалиться», ожидая только удобнаго случая. Прежде другихъ явился къ нему за подписью декрета объ отставкѣ высшихъ чиновниковъ финансовой администраціи Леонъ Сэ. Маршалъ отложилъ свою подпись до слѣдующаго дня и затѣмъ, увидавшись съ Дюфоромъ, сказалъ ему:—«я не хочу, не могу подписать декрета. Леонъ Сэ слишкомъ горячится».—«Это случайность, что ему пришлось явиться первымъ,—отвѣтилъ Дюфоръ,—мы всѣ обязаны исполнить законъ 20-го января». «И вы мнѣ всѣ принесете къ подписи подобнаго рода декреты?» спросилъ взволнованно маршалъ.—«У насъ у каждаго готовы свои списки. Мы должны это сдѣлать. Маршалъ согласится съ нами, иначе намъ придется удалиться, а преемники наши должны будутъ сдѣлать то же».—«Я тоже удалюсь съ вами», сказалъ маршалъ.—«Это вѣрный шагъ скомпрометтировать тѣхъ, кого вы хотите протежировать», отвѣтилъ лукаво Дюфоръ. На другой день маршалъ подписалъ декретъ Сэ. 28-го января, по обыкновенію, въ елисейскомъ дворцѣ было засѣданіе министровъ подъ предсѣдательствомъ маршала. Барду, министръ

народнаго просвѣщенія и исповѣданій, предложилъ смѣнить директора исповѣданій, человѣка, котораго особенно любилъ маршалъ; маршалъ подписалъ декретъ; затѣмъ военный министръ указывалъ необходимость смѣнить 10 корпусныхъ командировъ, такъ какъ этого требуетъ законъ и желаетъ палата. Здѣсь маршалъ не выдержалъ болѣе. Измѣнившись въ лицѣ, онъ воскликнулъ: «нѣтъ, этого декрета я не подпишу. Генералы выбраны на второе трехлѣтіе и они должны остаться до этого срока. Конституція довѣрила мнѣ командованіе войсками и я не въ правѣ разстроивать ихъ. Всѣ эти генералы—примѣрные служаки, я не имѣю права обидѣть ихъ; я лучше самъ уйду. Считаю для себя безчестнымъ согласиться на подобнаго рода предложеніе». Съ этими словами маршалъ вышелъ. Въ тотъ же вечеръ было новое совѣщаніе министровъ. Рѣшили поддерживать свои предложенія. На другой день Дюфоръ объявилъ маршалу о неизбѣжной необходимости сдѣлать предложенныя измѣненія въ администраціи. Маршалъ упорствовалъ.—«Тогда примите мою отставку», сказалъ Дюфоръ.—«Нѣтъ; я не могу составить себѣ министерство изъ настоящаго большинства; я рѣшился удалиться», проговорилъ свое послѣднее слово Макъ-Магонъ. По городу ходили самые разнообразные слухи, то, что маршалъ уступилъ, то, что онъ принялъ отставку министровъ. Лѣвые сената и палаты депутатовъ, послѣ отказа Дюфора, заблаговременно рѣшили кандидатуру Греви. Посланники телеграфировали своимъ правительствамъ, намекая на отставку маршала.

Наступило 30-е января 1879 г. Въ сопровожденіи двухъ адъютантовъ маршалъ явился въ Версаль. Министры всѣ были въ сборѣ.—«Итакъ, господа,—обратился къ нимъ Макъ-Магонъ, —ваше рѣшеніе остается неизмѣннымъ?» Министры молчали. «Ваше молчаніе отвѣчаетъ за васъ. Съ своей стороны, и я остаюсь на своемъ рѣшеніи: я принесъ свою отставку. Вотъ письма на имя президентовъ палатъ». Маршалъ громко прочиталъ ихъ и спросилъ, не подпишутся ли министры? Дюфоръ весьма основательно отклонилъ предложеніе, указывая, что это акты, касающіеся лично одного маршала; онъ взялся только доставить ихъ по назначенію. Министры подошли къ маршалу, жали ему руки, глубоко сожалѣя о случившемся. Маршалъ былъ тронутъ. Онъ выразилъ надежду, что его преемникъ будетъ также преданъ странѣ, какъ и онъ самъ. Дюфоръ выразилъ ему отъ лица всѣхъ глубокое уваженіе. Доде говоритъ, что Дюфоръ передавалъ одному журналисту, что маршалъ не переставалъ держать себя честно за все время кризиса, и что будто бы,

когда министры прочитали письма къ президентамъ, они рѣшили просить маршала перемѣнить слова: «предпріятія, покушающіяся на достоинство и безопасность арміи» — словами: «предпріятія, противныя интересамъ арміи» — и маршалъ на это согласился. Затѣмъ маршалъ велѣлъ приготовить карету съ тѣмъ, чтобы первому сдѣлать визитъ вновь выбранному президенту.

Совершенно просто, какъ будто бы ничего не происходило, занялъ свое обычное мѣсто въ палатѣ депутатовъ Жюль Греви. По прочтеніи протокола предшествовавшаго засѣданія, онъ принялъ внесенные депутатами законопроекты, затѣмъ, поднявшись съ кресла, заявилъ, съ обыкновенною своею мягкой серьёзностью, что имъ получено письмо отъ президента республики, которое здѣсь же прочитали громко и безъ всякихъ подчеркиваній, среди холоднаго молчанія палаты. По прочтеніи онъ приказалъ занести сообщеніе маршала въ протоколъ, самое же посланіе передалъ для отправленія въ архивъ. Съ истинно олимпійскимъ спокойствіемъ Греви прочиталъ потомъ статьи изъ конституціи, относящіяся къ этимъ обстоятельствамъ и добавилъ, что зала для засѣданія конгресса будетъ готова къ пяти часамъ. Занятія палаты были пріостановлены. Очевидцы говорили, что всю эту процедуру президентъ палаты совершилъ съ простотой, которая граничила съ ироніей.

Въ четверть пятаго парламентскій архитекторъ извѣстилъ сенатское бюро, что зала конгресса готова.. Мартель, президентъ сената, его вице-президенты и секретари, предшествуемые приставами, въ парадныхъ костюмахъ, открыли торжественное шествіе черезъ салоны «великаго короля», по обѣимъ сторонамъ которыхъ были разставлены шпалерами солдаты. Въ половинѣ пятаго засѣданіе конгреса было объявлено открытымъ; къ 8-ми часамъ голосованіе было окончено. Изъ 713 голосовавшихъ получили: Жюль Греви — 563; генералъ Шанзи — 99 гол.; Гамбетта — 5; генералъ Ладмиро — 1; герцогъ Омальскій — 1 и генералъ Галифе — 1 голосъ. Какъ получившій абсолютное большинство, Жюль Греви былъ объявленъ президентомъ республики на семь лѣтъ. Принявъ весьма скромно протоколъ своего избранія, Греви сдѣлалъ визитъ маршалу, затѣмъ съ обыкновеннымъ поѣздомъ, самымъ буржуазнымъ образомъ, возвратился домой въ свою квартиру третьяго этажа улицы Сентъ-Арно. Никакой помпы не было, лишь нѣсколько домовъ были иллюминованы; но за то на другой день новый президентъ сталъ получать тысячами адреси отъ муниципальныхъ совѣтовъ и избирательныхъ коми-

тетовъ, общій смыслъ которыхъ заключался въ томъ, что страна рада окончанію режима, ошибочно охранявшаго реакцію.

Додэ—большой поклонникъ маршала. Поставить на пьедесталъ бывшаго президента ему удается, однако, не по отношенію къ своей родинѣ, а по отношеніямъ, какія создались между имъ и царствующими династіями. Своимъ личнымъ характеромъ, —говоритъ авторъ,—своею военною славою, маршалъ Макъ-Магонъ во все время своего правленія занялъ между императорами и королями подобающее мѣсто, много помогавшее дипломатическимъ сношеніямъ Франціи. Эрцгерцогъ Альбрехтъ австрійскій, по словамъ Додэ, выражая уваженіе къ маршалу сказалъ: «маршалъ защищалъ армію, ту превосходную армію, которую онъ мнѣ показывалъ и которую я также любилъ, какъ онъ самъ. Нельзя не хвалить его за это». Высказывая безпокойство на счетъ вліянія, какое можетъ оказать отставка маршала на австрійскую политику въ Европѣ, эрцгерцогъ продолжалъ: «Въ теченіи 10-ти лѣтъ я былъ защитникомъ Франціи въ Австріи. При маршалѣ мнѣ было это легко; каково будетъ теперь—не знаю». Разумѣется, ни чинъ, ни имя, ни военная слава не окружаютъ буржуазнаго Греви; тѣмъ не менѣе политическое положеніе Франціи нисколько не упало за его президентство. А Франція того только и желаетъ, чтобы впереди стояла сама страна, а не выбранные ею представители, гордые своимъ величіемъ. Въ этомъ случаѣ она менѣе всего желаетъ походить на Европу, а скорѣе можетъ стать примѣромъ для нея.

VI.

Послѣдовательныя побѣды республиканской партіи, перерожденіе консервативной, успѣхи демократіи составили для Франціи новое политическое положеніе, подверженное новымъ соціальнымъ вліяніямъ. Всеобщій голосъ народа высказался за республику, и она должна и будетъ существовать во Франціи. Какія побуждающія причины заставили народъ сказать свое слово за республику—это все равно. Безспорно одно, что въ продолженіи столѣтія страна имѣла слишкомъ много печальной опытности, чтобы голосъ ея могъ быть легкомысленъ и легковѣсенъ. Слишкомъ много пролито крови, слишкомъ часто разлетались въ прахъ неосуществимыя надежды, чтобы Франція могла вѣрить въ геній случайныхъ личностей. Франція отрезвлена и едва ли пойдетъ на старыя приманки. Ей дорого стоили ея увлеченія.

Республика родилась во дни невзгодъ. Раздѣленіе династическихъ партій и непоправимыя ошибки консерваторовъ докончили начатое Тьеромъ и продолженное Гамбеттою. Республика усилилась раздоромъ ея противниковъ, которые были отвергнуты народомъ. «Если вся масса избирателей была роялистскою въ 1815 году, орлеанскою въ 1830 и имперіалистскою въ 1852-мъ, то въ 1876 году она живо вспомнила свои прошлые промахи и, несмотря на всевозможныя ухищренія въ добыванію желаемыхъ плебисцитовъ, свободно высказала свое желаніе навсегда покончить съ отжившими, дорого стоившими народу формами правленія».

Новое политическое положеніе страны требуетъ и новыхъ политическихъ доблестей отъ лицъ, которыя поставлены во главѣ правленія. Додэ, которому мы слѣдуемъ въ своемъ изложеніи, преподаетъ въ концѣ книги совѣты какъ правымъ, такъ и лѣвымъ группамъ. Разумѣется, всѣ эти совѣты, согласно бюрократическимъ склонностямъ автора, носятъ на себѣ характеръ умѣренности и аккуратности. Правые не будьте крайними правыми, покоритесь республикѣ и живите только воспоминаніями о старинныхъ временахъ монархіи; лѣвые не будьте крайними лѣвыми, вспомните коммуну, петроль и всѣ ужасы революціи — вотъ въ сущности совѣты Додэ. Всю парламентскую жизнь Франціи онъ хочетъ сосредоточить въ двухъ центрахъ, образуя изъ нихъ нѣчто въ родѣ тори и виговъ. Съ того самаго дня, говоритъ онъ правымъ, когда разрушилась надежда на возстановленіе монархіи, рушилась также надежда на возстановленіе имперіи. Многое удерживаетъ васъ: чувство благодарности къ коронѣ, создавшей французское единство, возбудившей и развившей народный геній, потомъ кровавыя воспоминанія республики, ея непрочность, нетерпимость, опасный радикализмъ. Вамъ трудно стать республиканцами, которые въ вашихъ глазахъ ставятъ республику выше отечества и такіе же слѣпые политики, какъ эмигранты, которые ничему не выучились, ничего не забыли. Вамъ трудно сознаться, что времена перемѣнились и что если всѣ прежнія опасности существуютъ понынѣ, то онѣ въ значительной степени потеряли бы силу, если бы монархисты и имперіалисты примкнули къ республикѣ и, убѣжденные или покорившіеся, взялись бы защищать новыя установленія, утвержденныя народною волею. Что̀ бы сдѣлали, — продолжаетъ Додэ убѣждать правыхъ, — сторонники монархіи при явномъ бунтѣ противъ республики, и откажутъ ли они въ ея одобреніи, зная все свое безсиліе возстановить конституціонное

королевство? Нельзя допустить, чтобы они довольствовались быть безсильными и недовольными и старались придать Франціи видъ оппозиціи, лишенной патріотизма и всякаго величія. Они не станутъ разрушать спокойствія страны, стращать своихъ соперниковъ чужеземнымъ вмѣшательствомъ, вызывать катастрофы для своего отечества. Но если ихъ довѣріе къ парламентскимъ началамъ беретъ верхъ надъ ихъ надеждами и они рѣшились остаться послушными гражданами, имъ ничего не остается болѣе, какъ оказать свое независимое, умственное, честное содѣйствіе нынѣ существующему правительству. Отъ сторонниковъ монархизма не требуется ничего, чтó было бы несогласно съ ихъ достоинствомъ; имъ не надо быть душою и тѣломъ преданными республикѣ, ихъ не заставляютъ жечь своихъ кумировъ, которымъ они поклоняются. Дѣло только въ одномъ: будучи французами, имъ слѣдуетъ понять, что Франція погибаетъ отъ несогласій, и перенесть на почву все расширяющейся республики защиту консервативныхъ мыслей и либеральныхъ учрежденій. Въ политикѣ дѣлается, чтó возможно, а не то, чтó хочется. Нельзя не сообразоваться съ возможностями дня. Теперешнее правленіе, консервативная республика, доступна всякаго рода реформамъ. Ея судьба зависитъ отъ умѣренности ея основателей болѣе, чѣмъ отъ терпѣливости тѣхъ, которые принуждены были принять ее. Кто теперь противъ законнаго правительства? Монархическія партіи, распадающіяся съ каждымъ днемъ. Всѣ лучшіе люди изъ нихъ должны понять, что паденія существующаго правленія никто не желаетъ и что, слѣдовательно, Франціею долженъ управлять консервативный союзъ на почвѣ окрѣпшей республики. Сторонники свободныхъ учрежденій должны найти убѣжище для нихъ. Если вѣрно то, что послѣ неудачнаго опыта возстановить роялизмъ, однимъ убѣжищемъ является республиканская конституція, то также вѣрно и то, что единеніе консерваторовъ можетъ быть только на конституціонной почвѣ. Если свобода будетъ подвергаться опасности со стороны ли лѣвыхъ или правыхъ, если внѣшнему миру грозитъ опасность, одна только республика въ состояніи выставить защиту; всякая защита помимо законной почвы была бы тщетной, или довела бы до имперіализма, т.-е. до паденія представительныхъ учрежденій. Итакъ, — восклицаетъ Додэ,—передовые консерваторы обязаны не только подчиниться республиканскому правленію, но и поддерживать его всѣми силами. Они должны доказать государству, что они не противники его и стараться заслужить довѣріе страны своимъ стойкимъ политическимъ поведеніемъ. Если бы они ясно формулировали свою

програму и отстраняли бы всякую солидарность съ людьми систематической оппозиціи, они могли бы составить партію тори и стать защитницею и крѣпостью парламентскаго порядка. Тогда можно было бы сказать, что республика—это лучшее изъ всѣхъ монархій («la meilleure des royautés»).

Такъ совѣтуетъ и убѣждаетъ Додэ правыхъ; лѣвымъ онъ говоритъ нѣсколько иначе. Республиканцы овладѣли властью и держатъ ее съ одобренія націи. Все, что̀ хорошо они дѣлаютъ, возвышаетъ ихъ, что̀ дурно—прощается и терпится. Исходною благодатью для лѣвыхъ Додэ ставитъ 16-е мая. Оно соединило ихъ; умѣреннымъ вселило рѣшимость и энергію, крайнимъ умѣренность и терпѣніе, всѣхъ научило благоразумію. Но соединившіеся въ этомъ союзѣ оставались вѣрными другъ другу только до того времени, пока не убѣдились въ республиканскомъ большинствѣ обѣихъ палатъ. Послѣ этого, желая съ своей точки зрѣнія составить прогрессивное правительство и дать республикѣ движеніе впередъ, они перессорились, и ихъ несогласія достигли въ настоящее время громадныхъ размѣровъ. Тьеръ полагалъ, что республиканцы «будутъ толковать, спорить, но не разъединятся»; однако этого не послѣдовало. Какъ только выступили на разрѣшеніе вопросы общественные, религіозные, каждая группа съ одинаковымъ жаромъ стала защищать свое мнѣніе, и такъ какъ форма правленія перестала интересовать ихъ, то между ними произошелъ полный разрывъ. Что̀ бы ни поступало на пренія—отношенія государства къ церкви, принципъ несмѣняемости судей, задачи относительно устройства арміи, воспитанія, народнаго продовольствія, измѣненія въ гражданскихъ законахъ—умѣренные лѣвые группировались отдѣльно, составляли оппозицію крайнимъ, стараясь найти себѣ поддержку во вчерашнихъ противникахъ, пока сегодняшніе союзники, которые примкнули къ нимъ не ради защиты принциповъ, но ради защиты республиканскаго знамени, настаиваютъ на выполненіи радикальной программы. Для спасенія республики отъ напора радикализма, по мнѣнію Додэ, остается одно средство, чтобы умѣренные республиканцы примкнули къ консерваторамъ, слѣдуя въ этомъ совѣту Фрейсинэ, не разъ повторявшаго, что побѣдители должны идти на встрѣчу побѣжденнымъ. Такое единеніе тѣмъ болѣе возможно въ глазахъ Додэ, что и у лѣвыхъ и у правыхъ существуетъ полное разобщеніе и разноголосица. Тогда-бы съ помощью остатковъ наиболѣе либеральной части монархической партіи можно было-бы создать конституціонную правую. По мнѣнію Додэ, необходимо существованіе умѣренно-консервативной партіи

или, иначе, правыхъ республиканцевъ, въ которомъ могутъ найти прочный союзъ умѣренные консерваторы, потерявшіе надежду возстановить монархію, съ умѣренными республиканцами. Додэ не доволенъ настоящими порядками. Удаленія отъ должностей благонамѣренныхъ и честныхъ людей изъ-за того только, что они не имѣютъ за собою республиканскаго прошедшаго и чтобы удержать за собою парламентское большинство—въ глазахъ Додэ дурной признакъ времени. Разъ Тьеръ сказалъ: L'avenir est au plus sage; Додэ добавляетъ: да, будущность принадлежитъ республикѣ, если только умѣренные республиканцы, соединясь съ либеральными монархистами, помѣшаютъ ей ввергнуться въ кровь и безуміе.

Вотъ почти вся политическая программа автора. Эрнестъ Додэ не принадлежитъ конечно къ крупнымъ политическимъ писателямъ, но его мнѣнія имѣютъ значеніе въ томъ отношеніи, что въ послѣднее время они стали все чаще и чаще появляться во французской политической печати. Пугая краснымъ знаменемъ и петролемъ, публицисты этого направленія рекомендуютъ составить въ парламентѣ безцвѣтное, деревянное большинство, силою котораго можно было-бы остановить всю прогрессирующую законодательную дѣятельность настоящей республики и закрыть рты черезъ-чуръ рьяныхъ ораторовъ, предъявляющихъ реформы во имя блага народа. Для нихъ необходимо, чтобы республиканскія формы окаменѣли, чтобы большинство явилось подавляющею властью, чтобы исполнительная власть со всѣмъ своимъ бюрократическимъ механизмомъ явилась несокрушимою силою и—тогда будетъ безразлично: или помѣстить на президентское кресло хоть истукана, или воздвигнуть тронъ для любой претендующей династіи. Но все это далеко не убѣдительно для французскаго общества. Республиканская форма тогда только живуча, когда въ нее свободно входитъ жизнь со всѣми своими желаніями, стремленіями, страстями и увлеченіями. Этотъ притокъ свѣжихъ силъ возбуждаетъ борьбу и различныя теченія, равнодѣйствующая которыхъ опредѣляетъ поступательное развитіе страны. Золотая середина, на политическомъ языкѣ правые и лѣвые центры—не опредѣляютъ политической жизни страны, они только служатъ сдерживающимъ началомъ, какъ маховое колесо въ машинахъ; дѣлаютъ же жизнь борьба правыхъ и лѣвыхъ группъ. Въ этой-то борьбѣ и заключается вся жизнь свободныхъ учрежденій свободной страны, этою же борьбою гарантируется свободное изъявленіе народной воли и желаній, которыя ищетъ внести народъ въ свое законодательство. Пугать петролемъ—это избитая монета

охранительства. Надо вспомнить, когда народъ дрался за революцію и разливалъ петроль?—послѣ долгихъ лѣтъ крутого деспотизма и подавленія народной воли. Разъ народная воля имѣетъ свободный выходъ въ свободныхъ ею созданныхъ учрежденіяхъ, ей нечего идти по пути крови и пожаровъ, когда есть болѣе легкій и ближайшій путь удовлетворенія. Для свободной Франціи теперь нисколько не страшны возвращенные коммунисты и ихъ соціальныя увлеченія, такъ какъ вопросъ объ осуществленіи этихъ увлеченій имѣетъ свободный доступъ для общественнаго обсужденія, можетъ быть занесенъ въ парламентскія пренія и ихъ государственная примѣнимость можетъ быть отвергнута также свободно, какъ всякія покушенія роялистовъ и имперіалистовъ. Незачѣмъ создавать безжизненный оплотъ консерватизма, какъ это рекомендуетъ Додэ, когда въ самой живучести свободныхъ республиканскихъ формъ лежитъ наиболѣе сильный залогъ правды и справедливости. Повторяемъ, что авторъ книги, какъ политическій мыслитель, не можетъ остановить на себѣ вниманія; но въ книгѣ своей онъ приводитъ весьма много интересныхъ данныхъ изъ недавняго прошлаго политической жизни Франціи, данныхъ, которыми мы воспользовались для нашего очерка и которыя заключаютъ въ себѣ весь интересъ книги.

Е. Р.

ѲЕДОНЬКА

Очеркъ изъ южно-русскаго быта.

«Если бы Ѳедонькѣ ноги, былъ бы первый парень на селѣ». Такъ обыкновенно выражались насчетъ Ѳедоньки односельчане его, обыватели Бѣлорѣчки. Съ другой стороны, находились и такіе, которые примѣняли къ Ѳедонькѣ пословицу: «Если бы свиньѣ да рога, такъ она всѣхъ бы людей поколола», прибавляя, что именно въ виду этого Ѳедонькѣ и не даны рога. Была, наконецъ, и третья партія—самая крайняя, которая безпощадно утверждала, что Ѳедонька есть логическое послѣдствіе несомнѣнной истины, которая гласитъ, что «Богъ шельму мѣтитъ», и на этомъ основаніи называла Ѳедоньку не иначе, какъ шельмой. Впрочемъ, несмотря на кажущееся различіе мнѣній, всѣ партіи сходились на томъ, что Ѳедонька, хоть и безногій, но именно есть «безногій чортъ» и во всякомъ случаѣ «продувной малый».

Изъ одного этого можно видѣть, что на сторонѣ какой бы партіи ни была правда, Ѳедонька во всякомъ случаѣ былъ деревенскій герой.

Съ виду Ѳедонька не имѣлъ ничего общаго съ героями древности, а скорѣй былъ похожъ на одного изъ тѣхъ рапсодовъ, которые воспѣли ихъ подвиги и послѣдователи которыхъ у насъ донынѣ воспѣваютъ единственнаго своего героя—Лазаря. Впрочемъ, для того, чтобъ изучить Ѳедоньку въ этомъ отношеніи, нужно наблюдать его въ различные моменты его дѣятельности. Когда онъ сидитъ на завалинкѣ у хаты своей кумы Ѳеклы, или съ ловкостью корабельнаго шкипера управляетъ своей миніатюрной лодкой, по справедливости именуемой «душегубкой», или, наконецъ, по какому-то, повидимому, странному случаю,

торжественно засѣдаетъ за чайнымъ столомъ у мѣстнаго батюшки отца Николая, съ ловкостью московской купчихи поднося блюдце ко рту на трехъ пальцахъ,—если наблюдать Ѳедоньку въ одинъ изъ этихъ моментовъ—онъ представляется настоящимъ бариномъ. Онъ обладаетъ прекрасными длинными усами, которые ясно свидѣтельствуютъ, что предки этого человѣка были настоящіе казаки; на груди его располагается громадная черная борода, въ которой, правда, пробивается уже не одна сѣдина; энергичныя упругія губы, орлиный носъ, а надъ нимъ пара блестящихъ темныхъ глазъ, еще выше—широкій открытый лобъ, одинъ изъ тѣхъ лбовъ, которымъ присвоено названіе «умныхъ». Черные вьющіеся волосы даютъ его лицу особую выразительность; онъ это очень хорошо знаетъ, и поэтому окружаетъ ихъ особеннымъ попеченіемъ. Онъ расчесываетъ ихъ непремѣнно три раза въ сутки, обнаруживая при этомъ капитальную гребенку, которой самъ онъ присвоилъ названіе «архіерейской». Одежда Ѳедоньки отличается нѣкоторой оригинальностью. По одеждѣ онъ ни мужикъ, ни баринъ, но если выбирать между этими двумя границами, то онъ все-таки ближе подойдетъ къ послѣдней. Судя по одеждѣ, это былъ человѣкъ значительно пропитанный культурными идеалами нашего времени и даже больше,—онъ сдѣлалъ нѣкоторыя смѣлыя нововведенія и комбинаціи повидимому совсѣмъ не идущихъ къ дѣлу принадлежностей туалета. Начать съ того, что голова его была украшена фуражкой министерства народнаго просвѣщенія, фуражкой, которая отъ давности и засаленности, правда, казалась далеко отставшей отъ своего министерства, но тѣмъ не менѣе очень еще напоминала его. Въ праздничные дни Ѳедонька даже цѣплялъ на нее кокарду собственнаго издѣлія, и тогда въ подлинности его фуражки никто не могъ сомнѣваться. Шея его была повязана довольно объемистымъ платкомъ безъ всякаго цвѣта — точь-въ-точь такъ, какъ повязывались шеи помѣщиковъ 40-хъ годовъ. Затѣмъ слѣдовалъ потертый коричневый пиджакъ, который въ прежнее время видѣли на Бѣлорѣченскомъ поповичѣ, пріѣзжавшемъ въ немъ изъ семинаріи, и такъ какъ пиджакъ за отсутствіемъ пуговицъ не застегивался, то изъ-за него совершенно свободно выглядывалъ бѣлый жилетъ, на которомъ блестѣли густо нашитыя въ два ряда пуговицы различной формы и различныхъ министерствъ. Общаго между ними было только то, что онѣ всѣ очень блестѣли. Затѣмъ шли чрезвычайно узенькія, точно дѣтскія брюки, на которыхъ самую видную роль играли лампасы. Здѣсь собственно оканчивается Ѳедонька-баринъ и идетъ ужъ Богъ знаетъ что

такое. Ноги у Ѳедоньки совсѣмъ коротенькія и обуты онѣ въ дѣтскіе сапоги, и лежатъ онѣ передъ нимъ въ такомъ свободномъ положеніи, точно совсѣмъ не принадлежатъ ему. Но здѣсь удобнѣе будетъ перейти къ другому моменту дѣятельности Ѳедоньки, когда онъ передвигается съ мѣста на мѣсто. Про Ѳедоньку въ такихъ случаяхъ говорили, что онъ «ходитъ сидя», и это была совершенная правда. Его маленькія ножки состояли при немъ только для виду, и единственное употребленіе, какое изъ нихъ могъ сдѣлать Ѳедонька, это, сидя на завалинкѣ, спустить ихъ внизъ, чтобы имѣть видъ настоящаго человѣка. Ѳедонька весьма краснорѣчиво могъ разсказать занимательную исторію о томъ, какъ, будучи еще двѣнадцатилѣтнимъ мальчикомъ — сорви-головой, онъ перебилъ себѣ обѣ ноги и какъ съ тѣхъ поръ эти ноги такъ ужъ болѣе не росли и не дѣйствовали. Передвигался Ѳедонька на рукахъ, и благодаря долголѣтней практикѣ достигъ до такой виртуозности, что могъ ползать «шагомъ», «рысью» и «вскачь». Мало этого. При помощи однѣхъ только рукъ онъ совершенно свободно взбирался на повозку, взлѣзалъ на лошадь и вообще дѣлалъ все то, что̀ въ его положеніи, повидимому, нельзя было дѣлать. Я очень хорошо понимаю, что читатель можетъ соскучиться, читая длинное описаніе внѣшности моего героя. Но я никакъ не могъ избѣжать этого. Его костюмъ оттого такъ разнокалиберенъ и пестръ, что самъ Ѳедонька человѣкъ очень разносторонній; будь у него ноги, какъ слѣдуетъ, и ходи онъ, какъ ходятъ всѣ смертные,—это былъ бы обыкновенный мужикъ со всѣми его нравственными аттрибутами. Ноги сдѣлали его человѣкомъ достопримѣчательнымъ.

Нѣтъ такого дѣла, которое не боялось бы Ѳедоньки. Онъ мастеръ всякаго дѣла, и знаетъ онъ это дѣло не поверхностно, какъ-нибудь, а совершенно основательно.

Раннимъ майскимъ утромъ, чуть только засвѣтилась заря, Ѳедонька уже показался на Бѣлорѣченской улицѣ и ползетъ по направленію къ рѣкѣ. Трудно сказать, откуда онъ ползетъ, потому что онъ не имѣетъ опредѣленнаго жилья, а ночуетъ, гдѣ Богъ приведетъ. Чаще всего лѣтомъ онъ ночуетъ на своей «душегубкѣ», гдѣ онъ больше всего чувствуетъ себя, какъ дома.

Вотъ передъ нимъ крутой берегъ, по которому онъ спускается съ искусствомъ человѣка, имѣющаго ноги. У берега маленькая лодка—это и есть его «душегубка». Ѳедонька вскарабкался въ лодку, вооружился весломъ и отчалилъ отъ берега. Утро прекрасное; полный душистаго аромата весенній воздухъ можетъ привести въ восторгъ все обладающее способностью ды-

шать. Въ немъ слышится запахъ и свѣжей полевой травы, и нѣжной сирени и фіалки и опьяняющій ароматъ акацій. Серебряными кажутся молодые зеленые листья вербъ—они еще покрыты утренней росой. На болотистый берегъ ставка прилетѣлъ ранній куликъ и уже энергично копается въ грязи своимъ длиннымъ остроконечнымъ носомъ. Галки зашевелились въ гнѣздахъ и подняли страшный гвалтъ; заговорили о чемъ-то и шпаки, только-что прилетѣвшіе на лѣтнія квартиры, а огромный аистъ, всю ночь на одной ногѣ простоявшій на трубѣ поповой хаты, теперь сталъ на обѣ ноги, вытянулъ шею и затрещалъ своимъ безконечно длиннымъ клювомъ. Вдали же на самомъ востокѣ показалась румяная полоса, затѣмъ точно зардѣлось багровое пламя и наконецъ выплыло веселое весеннее солнце и обдало своими лучами и ставокъ, и степь и голубое небо и началась жизнь...

А Ѳедонька невозмутимо загребаетъ воду своимъ маленькимъ весломъ. Ему нѣтъ рѣшительно никакого дѣла до красотъ природы. Онъ привыкъ къ этакимъ утрамъ, да притомъ онъ человѣкъ занятой. Челнокъ его плыветъ по направленію къ громадному кусту камыша. Тамъ онъ нѣкоторое время таинственно лавируетъ, затѣмъ останавливается, и Ѳедонька забрасываетъ удочки. Здѣсь еще, конечно, ничего не было бы особеннаго; кто же изъ обывателей деревни не ловитъ по утрамъ рыбу, коль-скоро у него есть досугъ? Дѣло въ томъ, что у всякаго другого хорошій или дурной ловъ зависитъ отъ случая, тогда какъ Ѳедонька идетъ на вѣрное и никогда не ошибается. Онъ до того изучилъ нравы и привычки всей рыбы, населяющей Бѣлую рѣчку, что всегда можетъ съ увѣренностью сказать, въ какомъ мѣстѣ рѣки въ данное время преобладаетъ судакъ, окунь, карпъ, и въ какомъ приблизительно количествѣ можетъ быть поймана та и другая рыба. Вотъ теперь онъ подплылъ къ камышевому кусту, имѣя въ виду поймать десятка три окуней, и дѣйствительно—не успѣлъ онъ забросить удочки, какъ окуни пошли одинъ за другимъ переселяться изъ рѣки на дно «душегубки». Если бы Ѳедонькѣ нуженъ былъ судакъ, онъ не остановился бы у камышеваго куста, а отплылъ бы гораздо дальше и навѣрное привезъ бы кумѣ своей десятка три судаковъ. То же самое съ карпомъ. На карпа Ѳедонька не поѣхалъ бы чуть-свѣтъ, а выждалъ бы, пока взойдетъ солнце, и затѣмъ уже направилъ бы свою душегубку въ самый конецъ рѣки, гдѣ стоитъ помѣщичья винокурня. И не было еще случая, чтобы Ѳедонька ошибся въ разсчетѣ. Благодаря этому въ селѣ даже распространился слухъ, будто Ѳедонька

умѣетъ «заговаривать» рыбу, «знаетъ слово». Ѳедонька не опровергалъ этихъ слуховъ. Иные же просто объясняли это тѣмъ, что «рыба *любитъ* Ѳедоньку»!

Не менѣе рѣшительно повелѣвалъ Ѳедонька и дичью, во множествѣ населявшей Бѣлорѣченскіе камыши и болота. Ружье его очень мало напоминало о какой бы то ни было системѣ; сотни разъ оно было склеиваемо и починяемо имъ самимъ, но это нисколько не мѣшало Ѳедонькѣ считаться первымъ охотникомъ чуть не въ цѣлой губерніи. Если бы вы видѣли Ѳедоньку охотящимся, вы заподозрѣли бы, что онъ обладаетъ какой-то магической силой, которая заставляетъ дичь повиноваться ему. Мнѣ самому какъ-то пришлось отправиться съ нимъ на дрофъ.

Помню я, былъ жаркій-прежаркій день, солнце палило по южному. Даже неугомонныя галки превратили свою безконечную болтовню и смирно сидѣли на полѣ или въ своихъ гнѣздахъ, раскрывъ ротъ и тяжело дыша. Только стадо чаекъ, большихъ любительницъ лѣтней жары, съ своимъ заунывнымъ чиканьемъ, вертѣлось высоко надъ нивой, или спускалось внизъ и чернымъ пятномъ покрывало берегъ рѣки. Скотъ не пасется—жара отбила аппетитъ. Забравшись по возможности глубже въ рѣку, такъ что въ воздухѣ остается только вытянутая вверхъ голова, простаиваетъ онъ такимъ образомъ нѣсколько часовъ сряду. Неукротимый оводъ бьетъ лошадей, которыя въ путахъ скачутъ по полю, точно бѣшеныя. Жизнь какъ-то засыпаетъ и точно съ нетерпѣніемъ ждетъ вечера съ его благодатной прохладой. Въ такую пору дрофы любятъ важно расхаживать по полю цѣлыми стадами. Когда мы издали завидѣли добычу, Ѳедонька изъявилъ желаніе сойти съ повозки: «поѣзжайте-ка вы, а я вотъ здѣсь подожду!» сказалъ онъ мнѣ съ затаеннымъ намѣреніемъ въ концѣ-концовъ посмѣяться надо мной. Я согласился и, ничего не подозрѣвая, отправился одинъ. Я былъ плохой охотникъ, и тогда же доказалъ это, потому что, несмотря на всѣ мои ухищренія подъѣхать и подойти—дрофы улетали отъ меня, какъ отъ огня. Я вернулся къ Ѳедонькѣ съ отчаяніемъ, а онъ хохоталъ что было мочи.

— Э-эхъ вы, охотникъ! Только дичь умѣете распугивать; а еще книжки читаете. А вѣдь оно только сообразить малость, и все тутъ. Вы думали, что дрофа такъ вотъ повернется къ вамъ головой и... стрѣляйте молъ,—ваше благородіе, меня, глупую. Ну, нѣтъ. Гдѣ онѣ сѣли?

Я указалъ.

— Ну-ка я теперь. Посмотримъ, далеко ли онѣ улетятъ отъ

меня!—самоувѣренно заявилъ Ѳедонька и тутъ же предложилъ мнѣ повиноваться ему. По его указанію я распрегъ лошадь и снялъ ящикъ повозки съ передней оси, такъ что передняя ось на колесахъ была совершенно свободна; затѣмъ были отвязаны оглобли и Ѳедонька заставилъ меня перетащить чуть не цѣлую копну тутъ же расположеннаго сѣна. Сѣно было уложено на оси въ видѣ копны и Ѳедонька принялся дѣйствовать. Онъ совершенно спрятался подъ сѣномъ и сталъ медленно подвигаться вмѣстѣ съ копной на колесахъ по направленію къ тому мѣсту, гдѣ сидѣли дрофы. Чѣмъ ближе онъ подвигался къ дрофамъ, тѣмъ медленнѣе двигалась его копна; наконецъ онъ остановился и вдругъ выстрѣлилъ изъ-подъ сѣна. Стадо испуганно понеслось надъ нивами. Я побѣжалъ къ Ѳедонькѣ и онъ торжественно указалъ мнѣ на пару дрофъ, убитыхъ на-повалъ.

— Всему есть свой порядокъ! — объяснялъ онъ мнѣ, — а дрофа тоже, хотя и глупая птица, а порядокъ любитъ. Вотъ ежели порядокъ соблюдешь, такъ она и не уйдетъ отъ рукъ.

Ѳедонька объяснилъ, что дрофу иначе и не убьешь, какъ только такимъ образомъ; что она такимъ образомъ принимаетъ охотника за настоящую копну сѣна, которыхъ по полю раскидано множество, и потому подпускаетъ очень близко.

Въ селѣ прямо увѣряли, что «птица боится Ѳедоньки» и находились легковѣрные, которые приглашали Ѳедоньку въ сады, на баштаны и т. д. *только присутствовать*. «Ужъ если онъ тамъ, ни одна не осмѣлится». Но Ѳедонька, не желая потерять репутацію, всякій разъ отказывался, мотивируя свой отказъ тѣмъ, что «это самому очень дорого стбитъ», чѣмъ еще больше напускалъ туману на свою особу.

Особенной заботливости со стороны Ѳедоньки удостоивались утки, обитавшія въ Бѣлорѣченскихъ камышахъ. Онъ называлъ ихъ не иначе, какъ «своимъ хозяйствомъ» и дѣйствительно постоянно занимался ими. Можетъ быть, это потому, что онъ «имѣлъ къ нимъ пристрастіе», какъ онъ самъ это объяснялъ, а можетъ быть потому, что эта птица жила исключительно въ его районѣ, такъ какъ онъ большую часть жизни проводилъ на водѣ въ своей душегубкѣ. Какъ бы то ни было, но Ѳедонька не только зналъ, гдѣ какая утка несется, но большинству изъ нихъ даже далъ имена.

Сидитъ, напримѣръ, Ѳедонька подъ вечеръ на завалинкѣ и, устремивъ свой острый взоръ въ сторону рѣки, слушаетъ сплетни кумы Ѳеклы, матери всѣхъ Бѣлорѣченскихъ сплетницъ. Лѣтній вечеръ хорошъ. Съ поля вѣтерокъ несетъ прохладу и запахъ

степной травы; птицы возвращаются къ гнѣздамъ, только-что пригнали съ поля «череду»; дышется легко, все отдыхаетъ послѣ жаркаго дня. Ѳедонька, убаюканный мелодическимъ сплетничаньемъ кумы, повидимому совсѣмъ погрузился въ поэтическія грёзы. Вдругъ онъ поднимаетъ голову и начинаетъ усиленно слѣдить за чѣмъ-то глазами.

— Что это ты?—спрашиваетъ его кума.

— А, мошенница! Ишь куда она летаетъ! а!—восклицаетъ Ѳедонька.

— Кто она?

— Маланья—шельма, Маланья!

— А-а!—произноситъ кума, понявъ, что Маланья—это не кто иной какъ одна изъ выслѣженныхъ Ѳедонькой утокъ.

— Поди ты, куда она летаетъ, каналья! Въ Глинища! Должно быть, тамъ любовника имѣетъ!—продолжаетъ соображать Ѳедонька, и это онъ совершенно серьёзно принимаетъ къ свѣдѣнію, и можно навѣрное сказать, что судьба утки-Маланьи съ этой минуты измѣняется. Если рѣшено было убить ее къ осени, то эта же участь постигнетъ ее недѣли черезъ двѣ.

— Съ этимъ народомъ иначе нельзя!—разсуждалъ Ѳедонька, разумѣя подъ «народомъ» все тѣхъ же утокъ:—сегодня она въ Глинища, черезъ недѣлю дальше, а тамъ и совсѣмъ пропадетъ! Развѣ можно допускать?

Вообще утокъ онъ такъ зналъ, что иногда ловилъ ихъ живьемъ въ гнѣздахъ и въ такомъ видѣ приносилъ кумѣ. Охота — это было главное занятіе Ѳедоньки. Когда у него не было работы, онъ обращался къ охотѣ и добывалъ во всякое время ровно столько дичи, сколько ему вздумается. И въ этой сферѣ, какъ и во всѣхъ другихъ, онъ являлся вполнѣ основательнымъ человѣкомъ. Если онъ выслѣдитъ кулика, который ему понравится, онъ не устремится за нимъ тотчасъ же, а прежде всего начнетъ изучать его. Онъ разслѣдуетъ, откуда куликъ прилетаетъ и куда летаетъ; какія болота онъ предпочитаетъ изъ всѣхъ бѣлорѣченскихъ болотъ; издали распознаетъ, настолько ли онъ жиренъ, чтобы стоило на него тратить порохъ,— и тогда уже включитъ его въ число «своихъ». И убьетъ онъ его при самыхъ лучшихъ условіяхъ, именно такихъ, при которыхъ промахъ невозможенъ. Его нисколько не смущаетъ то обстоятельство, что всѣ кулики похожи другъ на друга; онъ умѣетъ найти въ каждомъ изъ нихъ такую особенность, которая даетъ возможность всегда отличить его отъ другихъ. Тотъ оказывается «угрюмымъ», другой «бойкимъ», третій какъ-то особенно виляетъ

хвостомъ, отчего получаетъ наименованіе «виляя»—и такимъ образомъ безчисленное множество обитателей камышей и болотъ бѣлорѣченскихъ укладывается въ обширной памяти Ѳедоньки.

Иной разъ онъ неизвѣстно почему начинаетъ ходить печальный и озабоченный.

— Чтò случилось?—спрашиваетъ кто-нибудь.

— Да вотъ вамъ. Слѣдишь, слѣдишь, пять дней слѣдишь кулика—и вдругъ онъ улетѣлъ куда-то. Но куда? На Бѣлорѣчкѣ нѣтъ, въ кисилевскомъ болотѣ тоже нѣтъ... съѣздить развѣ на сербинскую дачу!..—И Ѳедонька ѣздилъ на сербинскую дачу и въ концѣ-концовъ таки-отыскивалъ бѣглаго кулика.

По праву считая выслѣженную дичь «своимъ хозяйствомъ», Ѳедонька оберегалъ это хозяйство, какъ зѣницу ока. Чуть заведется въ Бѣлорѣчкѣ какой-нибудь заѣзжій охотникъ, Ѳедонька считаетъ его своимъ кровнымъ врагомъ. Онъ начинаетъ вредить ему всѣми способами, и въ концѣ-концовъ достигаетъ того, что охотникъ ни съ чѣмъ покидаетъ Бѣлорѣчку. Наканунѣ вывѣдаетъ онъ, въ какія мѣста завтра отправляется охотникъ, съѣздитъ туда ночью и до утра распугаетъ всю дичь, оставивъ себѣ укромныя мѣста, про которыя, конечно, не разузнать ни одному охотнику. За то, если охотникъ обратится къ его покровительству, то дѣло пойдетъ совсѣмъ иначе. Положимъ, вы пріѣхали въ Бѣлорѣчку поохотиться. Прежде всего вы, разумѣется, справляетесь на счетъ заправскаго охотника, который знаетъ всѣ бойкія мѣста. Вамъ единогласно указываютъ на Ѳедоньку. Если вы станете его разспрашивать, онъ дастъ вамъ нѣсколько отвѣтовъ, которые не только ничего не разъяснятъ вамъ, но, напротивъ, еще больше запутаютъ васъ. Но стòитъ только вамъ поманить его рублемъ, какъ онъ дѣлается, повидимому, вашимъ пріятелемъ и открываетъ вамъ секреты съ такимъ видомъ, точно это все, что онъ знаетъ. Но каждый новый рубль вызываетъ съ его стороны новый секретъ, открываетъ новыя болота, раздвигаетъ камыши и прямо приводитъ васъ къ утинымъ гнѣздамъ.

Ѳедонька не то, чтобы зналъ всякое ремесло, но онъ всегда могъ выучиться всякому ремеслу съ удивительною легкостью. Я помню такой несложный случай. Сидѣлъ Ѳедонька у рѣки, мимо проходитъ Еремѣй—мужикъ громадныхъ размѣровъ, извѣстный на селѣ своею способностью гнуть пятаки. Еремѣй былъ босъ и несъ въ рукѣ сапогъ.

— Что несешь?—спросилъ его Ѳедонька.

— А вотъ не починишь ли сапогъ? Ты вѣдь все умѣешь!—смѣясь, отвѣчалъ Еремѣй.

— А что-жъ?! Ты думаешь, не починю? Хе, хе! хочешь новыя сошью? Дай только товаръ.

— А не врешь?

— Попробуй! Товаръ есть?

— Товаръ-то есть, да ты испортишь?

Такой отзывъ видимо разозлилъ Ѳедоньку. Какимъ образомъ Еремѣй могъ подумать, что онъ чего-нибудь не умѣетъ? Вѣдь это нѣкоторымъ образомъ посягательство на его авторитетъ. У него заискрились глаза.

— Ладно; коли испорчу, отвѣчаю тремя десятками утокъ. Хочешь? Давай товаръ, только условіе: эти старые мнѣ подари.

Еремѣй согласился, принесъ ему старые сапоги и товаръ, и Ѳедонька немедленно принялся за работу. Онъ прежде всего распоролъ старый сапогъ и дѣлалъ это медленно и чрезвычайно внимательно. Онъ тщательно изслѣдовалъ и измѣрилъ каждую составную часть сапога и изучилъ распредѣленіе этихъ частей. Надъ иной мелочью онъ сидѣлъ молча четверть часа и не шелъ дальше, пока основательно не усвоивалъ ее. Когда порка была кончена, онъ еще разъ внимательно осмотрѣлъ всѣ части и затѣмъ принялся сшивать ихъ въ прежнемъ порядкѣ. Разумѣется, сшивалъ онъ на живую нитку, только «для примѣра», какъ онъ самъ пояснилъ. Затѣмъ также медленно, по порядку, онъ опять все распоролъ. И когда вся эта работа была кончена, Ѳедонька торжественно поднялъ глаза и объявилъ, что онъ теперь уже сапожникъ. Дѣйствительно, дня черезъ три Еремѣй получилъ сапоги, сшитые почти безукоризненно.

Такимъ же точно путемъ Ѳедонька доходилъ до всякаго ремесла, какое только въ данную минуту требовалось.

Понятное дѣло—не всякій могъ доходить до этого. И это вовсе не потому, чтобы Ѳедонька обладалъ какими-нибудь выдающимися способностями, а просто потому, что у него *не было ногъ.*

Съ той минуты, какъ Ѳедонька потерялъ ноги, его судьба сложилась не такъ, какъ у его сверстниковъ. Они въ дѣтствѣ еще отбывали «панщину», выросли—получили волю, обзавелись семьями, узнали нужду и закабалились тяжелому труду, назойливой заботѣ дня, не оставляющей досуга думать и выдумывать. Ничего этого не случилось съ Ѳедонькой. Потерявъ ноги, онъ уже не годился ни въ какую мужицкую работу. Его взяли ко двору и заставляли «перья щипать» или «клубокъ держать»—а это что за работа? Чаще всего онъ ничего не дѣлалъ, пресмыкаясь у господъ въ качествѣ «карлика» или урода, или вообще чего-то

исключительнаго, и получая подачку съ господскаго стола. Бывали даже такіе случаи, что въ ряду помѣщичьихъ развлеченій Ѳедонька представлялъ отдѣльный и весьма интересный нумеръ. Соберутся гости у помѣщика, пойдуть разныя увеселенія, пока не истощится скучная программа.

— Господа!—возглашаетъ кто-нибудь изъ хозяевъ,—не хотите ли Ѳедоньку?!

— Отлично, это очень интересно!—кричать гости.

Является Ѳедонька и по командѣ выдѣлываетъ разныя, повидимому, не хитрыя штуки.

— Ну-ка — взлѣзай на столъ! Браво! Теперь сыграй на скрипкѣ за спиной... отлично!

И Ѳедонька взлѣзаетъ на столъ, кладетъ скрипку за спину и играетъ казачка и т. д. Помѣщикъ доволенъ, гости довольны и Ѳедонька доволенъ. Но игра еще не кончена.

— Теперь только для мужчинъ! Ѳедонька будетъ плавать!—изобрѣтаетъ кто-то.

И Ѳедонька ползетъ къ рѣкѣ, раздѣвается и плаваетъ. За это ему даютъ нѣсколько гривенниковъ и удаляютъ его. Но долго еще его подвиги служатъ предметомъ разговора для гостей.

Здѣсь-то Ѳедонька пріобрѣлъ манеру говорить «образованнымъ языкомъ», запомнилъ даже нѣсколько французскихъ фразъ, въ родѣ: «venez·ici», которыя адресовались ему въ качествѣ господской собаки, когда «панычамъ» угодно было забавляться. Его не сѣкли потому, во-первыхъ, что вѣчно считали больнымъ, да еще потому, что онъ до того изловчился въ разныхъ забавныхъ штукахъ, что всегда умѣлъ положить на милость господскій гнѣвъ.

Вообще ему жилось тогда недурно. Здѣсь онъ усвоилъ вкусъ къ «партикулярному платью», получая отъ маленькихъ господъ заношенные сюртуки. Одно время видѣли его щеголявшимъ въ гимназическомъ мундирѣ, пока не увидѣлъ это самъ помѣщикъ, который нашелъ это оскорбительнымъ для дворянства, и приказалъ Ѳедонькѣ снять мундиръ или спороть пуговицы. Главное же, что при такихъ условіяхъ у Ѳедоньки было много досуга. Нужно было чѣмъ-нибудь наполнить этотъ досугъ, и онъ волей-неволей занимался разными изобрѣтеніями. Его научили читать и онъ читалъ все, чтó попадалось подъ руку, была ли то библія, сказка, стишки, или философскій трактатъ. На досугѣ онъ присматривался къ жизни и пріобрѣлъ мало-по-малу значительную практическую смѣтку. Все, чтó представлялось для него новымъ, онъ принималъ къ свѣдѣнію, переваривалъ по-своему и прила-

галъ къ своему запасу опытности. У него не было никакого таланта или влеченія къ чему-нибудь одному, опредѣленному, и потому онъ безъ разбора брался за все, чтò попадалось подъ руки, брался именно потому, что имѣлъ безконечный досугъ. Увидѣлъ онъ какъ-то на базарѣ скрипку и далъ себѣ слово во что бы то ни стало пріобрѣсть ее, и пріобрѣлъ. Долго онъ прилаживался къ заинтересовавшему его инструменту—это было первое, чтò поставило его въ затрудненіе. Онъ рѣшился обратиться къ панычамъ. Это очень много посмѣшило панычей, но тѣмъ не менѣе ему показали, какъ надо держать скрипку, смычокъ и всякія приспособленія, показали шутя и бѣгло, но Ѳедонькѣ довольно было и этого. Онъ все замѣтилъ и приложилъ къ дѣлу; не прошло и двухъ мѣсяцевъ, а онъ ужъ потѣшалъ дворню, наигрывая на скрипкѣ «Ой за гаемъ, гаемъ». Впослѣдствіи онъ до того усовершенствовался въ этомъ искусствѣ, что могъ играть, держа скрипку за спиной, а потомъ и разными другими способами.

Такъ и выросъ Ѳедонька въ качествѣ барскаго забавника, мотая на усъ все, чтò попадалось на глаза. Когда пришла «воля», онъ въ качествѣ больного не получилъ ни кола, ни двора. Здѣсь-то ему и пришлось разматывать все, чтò было намотано на усъ, и прилагать всѣ старанія къ тому, чтобы остаться «человѣкомъ», а не пойти по міру «въ телѣжкѣ», въ качествѣ нищаго. Вмѣсто земли, ему дали «душегубку» и съ этой минуты онъ сталъ считать себя властителемъ всѣхъ окрестныхъ водъ. У него завелось старое, Богъ знаетъ откуда добытое ружье, цѣлая коллекція удочекъ, и по мѣрѣ того, какъ онъ усвоивалъ какое-нибудь ремесло,—разныя ремесленныя орудія.

Ѳедоньки есть чуть не въ каждой южнорусской деревнѣ. Отъ остальныхъ крестьянъ они только отличаются какимъ-нибудь уродствомъ. У того въ дѣтствѣ ногу отшибло какимъ-нибудь непредвидѣннымъ обухомъ, тотъ лишенъ руки, третій горбатъ и т. д. Всѣ они, благодаря случайному уродству, не могутъ заниматься обязательнымъ крестьянскимъ трудомъ, у всѣхъ поэтому много досуга, благодаря которому они до всего доходятъ своимъ умомъ. Плохо пришлось бы деревнѣ безъ Ѳедоньки. Въ жаркую лѣтнюю пору, когда вся деревня страшно работаетъ мускулами и проливаетъ потъ ведрами, когда дорогá всякая минута,—у мужика оборвался хомутъ—кто поможетъ? Кто станетъ читать псалтырь, когда нужно сопроводить на тотъ свѣтъ какую-нибудь убогую душу? Все Ѳедонька. Оттого ему всюду пріютъ и всякій прощаетъ ему то, чего не простилъ бы другому.

Да, несчастье сдѣлало положеніе Ѳедоньки предметомъ зави-

сти односельчанъ. Ѳедонька не имѣлъ никакихъ обязательствъ, всему научился и жилъ припѣваючи; онъ былъ нуженъ всякому, — безъ него нельзя было бы обойтись. Вѣдь онъ былъ носителемъ всѣхъ деревенскихъ наукъ и искусствъ.

Встрѣчаете вы, напримѣръ, Ѳедоньку ползущаго по улицѣ съ толстой книгой, подвязанной къ спинѣ посредствомъ какой-то «поворотки»; вы удивляетесь, что онъ имѣетъ отмѣнно печальный видъ, точно у него умерла кума, или Богъ знаетъ куда улетѣли выслѣженныя утки.

— Куда ползешь?

— А вотъ къ Трофиму Короткому!..

— Что это ты такой сумрачной?

— А не видите, псалтырь несу. Значитъ, покойникъ у Трофима... Старуха у него скончалась. Нельзя же съ псалтыремъ пѣсни по улицѣ распѣвать.

Ѳедонька читаетъ псалтырь почти надъ всѣми покойниками. Положимъ, что въ селѣ существуетъ дьякъ, который имѣетъ это своею прямою обязанностью, но дьячка пригласить, — надо платить ему, по меньшей мѣрѣ полтинникъ, да того и гляди— еще попроситъ мѣрку жита; тогда какъ Ѳедонька «по-божески» довольствуется «шкаликомъ» водки да пирогомъ на закуску. Понятное дѣло, что шкаликъ—это собственно номинальная величина, выпьетъ же Ѳедонька какъ разъ столько, чтобы къ утру свалиться подъ лавку (это у него называется «зачитаться»); но эти добавочные шкалики вмѣстѣ съ нимъ распивались и хозяевами, которые съ горя по покойникѣ считали долгомъ накачиваться «за упокой души», такъ что выходило незамѣтно.

Бумагу ли какую прочитать, либо написать прошеніе, Ѳедонька все это можетъ сдѣлать «въ лучшемъ видѣ». Мѣстный писарь давно уже смотрѣлъ на него, какъ на своего личнаго врага. Онъ рѣшительно не могъ видѣть равнодушно Ѳедоньку, и всякій разъ при встрѣчѣ съ нимъ старался по мѣрѣ силъ своихъ выразить презрѣніе. Иногда же онъ разражался цѣлою рѣчью въ такомъ родѣ:

— Ахъ ты тля ползучая, необразованная! Туда же лѣзетъ по письменной части! Ты гдѣ обучался, безногая тварь? у господъ на конюшнѣ, а? Тебѣ кто указалъ соваться въ писарское дѣло? Да знаешь ли ты, что̀ такое писарское дѣло? и прочее.

Больше же всего не любилъ его писарь за краснорѣчіе, представителемъ котораго, какъ и подобаетъ писарю, онъ хотѣлъ одинъ считаться въ деревнѣ; а между тѣмъ Ѳедонька могъ говорить такимъ же «благороднымъ языкомъ», какъ и онъ. Но

что̀ могъ подѣлать онъ съ Ѳедонькой, за котораго постояла бы вся деревня.

Больше всего по вкусу приходился Ѳедонька бѣлорѣченской молодежи. Дѣвки любили его за прибаутки, которыхъ онъ зналъ безчисленное множество на всякіе случаи; притомъ же онъ обладалъ привлекательной наружностью и числилъ въ своемъ прошломъ не одинъ романъ. Парни любили его за пѣсни. Никто не зналъ такихъ, какъ Ѳедонька, и никто не умѣлъ такъ мастерски исполнять ихъ, какъ Ѳедонька. И ужъ какъ онъ пѣлъ ихъ своимъ высочайшимъ фальцетомъ, который, казалось, могъ идти до безконечности. Соберется вокругъ него молодежь въ свѣтлый весенній вечеръ гдѣ-нибудь за селомъ и пристаетъ:

— Дядя Ѳедонька! Пой пѣсни!

Ѳедонька никогда не отказывается. Это «дядя», правда, ему не очень нравится, въ виду того, что вокругъ него жмутся румяныя да пригожія дѣвки. Но сѣдина въ бородѣ, какъ неотразимый фактъ, заставляетъ его смириться. Онъ вздохнетъ только и прибавитъ: «Ахъ, было время!» Вспомнитъ свою молодость и спроситъ:

— Какую вамъ? Благородную, или... настоящую?

— Валяй сперва благородную!

И Ѳедонька затягиваетъ:

«Куда-бъ я полетѣла?
Кого мнѣ больше жаль?
Я птичкой бы запѣла,
Прошла-бъ моя печаль!»

И что это за пѣсня! Глубокая, задушевная тоска слышится въ этихъ высочайшихъ переливахъ его голоса.

Онъ продолжаетъ съ нѣжностью, вытягивая впередъ свои толстыя губы и искренно запуская глаза подъ лобъ:

«Люблю тебя, мой ангелъ!
Люблю тебя, мой свѣтъ!
Я—дѣвица невѣста,
Ты—парень взрослыхъ лѣтъ!»

Дальше нѣжность исчезаетъ съ его лица, глаза дѣлаются страшными и въ голосѣ начинаетъ слышаться отчаяніе:

«Смѣйся, смѣйся, варрварръ!
Ты смѣйся надо мной;
И будешь ты наказанъ
Отъ Господа судьбой!“

Заканчиваетъ Ѳедонька до невозможности высокой нотой, приводя въ восторгъ слушателей. Нѣкоторое время всѣ стоятъ молча, понуривъ головы, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ пѣсни. Потомъ вдругъ кто-то очнется прежде всѣхъ и возгласитъ:

— Ну, теперь настоящую!

Появляется гармонія и оказывается въ рукахъ Ѳедоньки.

«Танцовала рыба зъ ракомъ,
А петрушка съ постернакомъ,
А капуста съ буракомъ,
А дивчина съ казакомъ»...

Тутъ ужъ у него оказывается другая манера, другой голосъ. Прежняго Ѳедоньки—печальнаго, какъ не бывало. Онъ весь превращается въ веселье; въ его голосѣ звучитъ что-то безшабашное, что-то заигрывающее и вызывающее. Парни подхватываютъ, кто-то пляшетъ «казачка»; шумъ, смѣхъ, веселье,—и всему этому причиной Ѳедонька.

Свадьба. На улицѣ, у завалинки, движеніе, пляска, и посреди этого шума слышится тоненькій пискъ скрипки, наигрывающей какую-нибудь веселую украинскую пѣсню. Вы, не справляясь, можете съ увѣренностью сказать, что на скрипкѣ играетъ Ѳедонька—кому же больше? Онъ сидитъ на завалинкѣ, спустивши свои ноги, которыя до того малы, что едва достигаютъ до земли. Голова его склонилась на плечо, глаза смотрятъ какъ-то совсѣмъ безсмысленно, онъ пьянъ до безконечности, но пальцы еще выдѣлываютъ неимовѣрныя штуки, смычокъ быстро скользитъ по струнамъ, и много еще будетъ пить Ѳедонька, а доиграетъ до конца. Ѳедонька не безъ грѣховъ, а самый главный его грѣхъ—это то, что онъ любитъ выпить, не пьетъ онъ долго, все крѣпится и копитъ деньгу, торгуя рыбой, утками и разной дичью—и вдругъ объявляетъ, что ему все это надоѣло. Тогда его каждый вечеръ обыкновенно видятъ въ кабакѣ.

— Зачѣмъ ты не жалѣешь своей головы, Ѳедонька?—спрашиваетъ его въ такихъ случаяхъ кто-нибудь изъ «трезвыхъ».

— А чтó мнѣ жалѣть ее? кому она нужна?

Ѳедонька лгалъ, утверждая, что его голова никому не нужна. Кума Ѳекла была живымъ возраженіемъ на эту клевету. Всякій разъ, когда Ѳедонька оказывался подъ лавкой въ кабакѣ, она приходила, забирала его въ охабку, снабжая при этомъ самыми нравоучительными эпитетами, и уносила къ себѣ. Эта кума стóитъ того, чтобъ о ней сказать два слова. Начать съ того, что она никогда съ Ѳедонькой не крестила и неизвѣстно, съ

чего стала его кумой. А между тѣмъ коварная молва утверждала, что нѣкогда, лѣтъ десять назадъ, между ними были чрезвычайно нѣжныя отношенія. Это было года черезъ два послѣ того, какъ кума лишилась мужа, сосланнаго очень далеко за какую-то добродѣтель. Когда же Ѳекла постарѣла, то осталась просто «кума», а Ѳедонька перенесъ свои симпатіи на другой предметъ. Кума была, разумѣется, огорчена, но и до сихъ поръ питала къ Ѳедонькѣ нѣжныя чувства. Главное проявленіе этихъ нѣжныхъ чувствъ состояло въ забираніи его въ охабку въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ былъ мертвецки пьянъ. Впрочемъ, нельзя сказать, чтобы это уваженіе въ кумѣ было слѣпое, безсознательное. Она уважала его за то, чѣмъ онъ могъ бы быть, еслибъ не мѣшала его безалаберность. Блестящій примѣръ своей ловкости и вмѣстѣ съ тѣмъ негодности Ѳедонька показалъ на *лавочкѣ*. Въ компаніи съ кумой открылъ онъ какъ-то въ деревнѣ лавочку, въ которой торговалъ рыбой и дичью. Дѣла компаніи шли самымъ блестящимъ образомъ, кума была довольна и уже начала было мало-по-малу поправлять свое разоренное хозяйство, какъ вдругъ въ одинъ прекрасный вечеръ лавочка оказывается въ кабакѣ въ качествѣ пропитой.

— И чтò ты сдѣлалъ? и какъ тебя угораздило?—укоряла его кума.

— Знаешь что, кума!—утѣшалъ ее Ѳедонька:—сказано: не бывать плѣшивому кудрявымъ. Все одно — не сегодня, такъ завтра пропилъ-бы.

Не проходило ни одного года, чтобы у Ѳедоньки не завязывался новый романъ; но въ послѣднее время, вотъ уже года четыре, Ѳедонька значительно остепенился въ этомъ отношеніи и остановился на одномъ «предметѣ». Это была дѣвица не первой молодости, изъ сосѣдняго хутора Арнаутки, съ которой Ѳедонька жилъ, по его выраженію, «дворянскимъ бракомъ». Исторія этого брака была украшена романическими эпизодами, о которыхъ самъ Ѳедонька любилъ разсказывать подъ веселую руку. Дѣло въ томъ, что дѣвица въ скоромъ времени подарила Ѳедонькѣ сына, и такой неожиданный результатъ скоро сдѣлался извѣстенъ всей окрестности. Мѣстный батюшка о. Николай, человѣкъ строгихъ правилъ, немедленно пригласилъ къ себѣ преступную дѣвицу и объяснилъ ей всю недоброкачественность ея поступка, краснорѣчиво изобразивъ ей то, чтò ожидаетъ ее въ загробной жизни, если она не покается. Дѣвица совершенно искренно боялась Бога, и результатомъ бесѣды было то, что она рѣшилась поступить въ монастырь. Монастырь стоялъ въ двухъ

верстахъ отъ Бѣлорѣчки на самомъ берегу, по ту сторону ставка. И вотъ дѣвица надѣла черное платье и поселилась въ келіи. Ѳедонька сначала упалъ-было духомъ, но скоро оправился и рѣшилъ, что съ перемѣной мѣстожительства его «предмета» дѣло по существу не измѣнилось, и на этомъ основаніи началъ дѣйствовать. Онъ регулярно каждый вечеръ объѣзжалъ на своей душегубкѣ монастырь и оглашалъ окрестность своей любимой пѣсней:

„Куда-бъ я полетѣла?" и проч.

Онъ основательно разсчитывалъ, что дѣвица, поступивъ въ монастырь, въ своихъ монашескихъ молитвахъ иной разъ вспомнитъ о немъ. Неизвѣстно, какъ думала объ этомъ дѣвица, только въ монастырѣ о ней отзывались съ восхищеніемъ и говорили, что она подаетъ примѣръ добродѣтельной жизни. Она не пропускала ни одной службы церковной и вѣчно уединялась. Словомъ, все шло, какъ нельзя лучше. Родственники дѣвицы при встрѣчѣ съ знакомыми говорили съ величайшимъ умиленіемъ: «а, наша-то, наша! просто святая сдѣлалась! То-и-дѣло, что молится; ни съ кѣмъ не говоритъ!» Что за дѣло до того, что демонъ въ видѣ Ѳедоньки каждый день объѣзжаетъ монастырскую окрестность?.. Однако не прошло и года, какъ дѣвица пришла изъ монастыря въ гости въ Арнаутку и скоро о. Николаю оттуда же принесли крестить.

Для вторичнаго исправленія дѣвица поступила въ услуженіе къ самому о. Николаю. Старый батюшка исправно каждый день читалъ ей подходящія мѣста изъ Златоуста; дѣвица слушала со вниманіемъ и иной разъ даже проливала слезы покаянія. Ѳедонька и здѣсь не шелъ дальше своихъ заповѣдныхъ береговъ, объѣзжая ихъ на душегубкѣ. А крестить все-таки пришлось и въ третій разъ. Тогда о. Николай махнулъ рукой.

Впрочемъ, о. Николай самъ всегда отдавалъ должную дань уваженія Ѳедонькиной опытности и уму. Батюшка, можно сказать, даже любилъ Ѳедоньку за его положительныя качества и при встрѣчѣ съ нимъ всегда относился къ нему отечески.

— Эхъ, Ѳедонька, Ѳедонька! Какъ это ты души своей не жалѣешь? Вспомни, что̀ будетъ на томъ свѣтѣ. Развѣ тебѣ не хочется въ рай?

— Э, батюшка! Да развѣ пустятъ въ рай-то мою безногую душу!—отвѣчалъ на это Ѳедонька, чѣмъ вызывалъ со стороны батюшки цѣлую бурю негодованій и цѣлый рядъ самыхъ убѣдительныхъ доказательствъ того, что душа ни въ какомъ случаѣ

не можетъ быть безногой и что Ѳедонькиной душѣ очень не трудно попасть въ рай, если онъ покается. Ѳедонька всякій разъ обѣщалъ покаяться.

Больше всего не нравилось батюшкѣ, что Ѳедонька развращалъ прихожанъ своими пѣснями и игрой на скрипкѣ. Пѣсни Ѳедоньки были дѣйствительно отмѣннаго содержанія, а игра была забористая, такъ что не плясать подъ нее не было никакой возможности. «Ну, грѣшилъ-бы себѣ самъ, это ужъ что, съ этимъ ничего не подѣлаешь! Но зачѣмъ народъ развращать?» — разсуждалъ батюшка.

У Ѳедоньки были свои особенныя отношенія съ батюшкой. Нужно замѣтить, что батюшка былъ чрезвычайно убѣжденный человѣкъ и въ то же время относительно овецъ своей паствы легковѣрный до послѣдней степени. Стоило только какому-нибудь заблудшему прихожанину придти къ батюшкѣ и сказать, что онъ кается, какъ батюшка забывалъ и прощалъ всѣ грѣхи, ласкалъ и поилъ чаемъ кающагося грѣшника. Ѳедонька хорошо зналъ эту слабость батюшки и какъ нельзя лучше пользовался ею.

Надоѣло ему скитаться по селу, ѣсть селедку да черный хлѣбъ,—онъ надѣваетъ манишку, чиститъ свой пиджакъ, принимаетъ благоприличный видъ и ползетъ по направленію къ батюшкиному дому.

Здѣсь онъ объявляетъ, что имѣетъ до батюшки важное дѣло. Зовутъ его въ кабинетъ.

— Что скажешь, Ѳедонька?—спрашиваетъ батюшка.

— А вотъ пришелъ попросить у васъ книжечку божественную для души почитать!—смиренно отвѣчаетъ Ѳедонька, глядя при этомъ батюшкѣ прямо въ лицо своими глазами, въ которыхъ изображается настоящее умиленіе.

— А-а! Давно бы такъ! Вотъ это доброе дѣло, вотъ это я люблю! Да только ты врешь, злодѣй, врешь вѣдь?

— Чтобъ я съ этого мѣста не двинулся! Покарай меня...

— Тс! не смѣй такъ говорить! это грѣхъ великій! А водку бросилъ?

— Съ этихъ поръ не стану и нюхать ее проклятую!

— А не врешь?

— Вотъ покарай!..

— Не смѣй ты мнѣ этакихъ словъ говорить!—сердится батюшка:—а ну что, какъ и въ самомъ-то дѣлѣ покараетъ? И такъ безъ ногъ сидишь, какой тебѣ еще кары. Я и такъ вѣрю. А скрипка гдѣ? Небось, скрипки не бросилъ?

Ѳедонька открывалъ узелокъ, который былъ съ нимъ и вынималъ оттуда скрипку.

— А вотъ, чтобы вы не сомнѣвались, такъ я на вашихъ глазахъ...

При этихъ словахъ Ѳедонька совершенно неожиданно разбивалъ скрипку объ полъ, но такъ искусно, что получались очень крупные куски.

— Ну, теперь вѣрю, вотъ ужъ теперь совсѣмъ вѣрю!—говорилъ вполнѣ удовлетворенный батюшка. Тутъ же являлась Ѳедосья и, едва сдерживая смѣхъ, собирала остатки Ѳедонькиной скрипки. При этомъ Ѳедонька смотрѣлъ на нее такимъ выразительнымъ взглядомъ, что она тотчасъ-же прятала эти остатки въ укромномъ мѣстѣ.

— Ну, вотъ тебѣ и книжка, Ѳедоня!—говорилъ батюшка, подавая ему «Путь ко спасенію» или что-нибудь въ этомъ родѣ, и тотъ садился гдѣ-нибудь въ углу кабинета и внимательно занимался спасеніемъ души.

Однажды мнѣ пришлось зайти къ батюшкѣ именно въ то время, когда Ѳедонька каялся. Я вошелъ въ кабинетъ, батюшка былъ въ сосѣдней комнатѣ. Увидѣвъ маленькую фигуру, какъ разъ такъ, что голова приходилась въ уровень съ подоконникомъ, я отъ удивленія отступилъ назадъ. «Ѳедонька сидитъ у батюшки въ кабинетѣ, читаетъ божественную книжку и имѣетъ благочестивый видъ!» Приходило сомнѣніе, не обманъ ли это чувствъ,—однако-жъ это было такъ. Ѳедонька слѣдилъ глазами по книжкѣ и усиленно шепталъ губами—это обозначало, что онъ читаетъ. Видъ у него былъ какой-то приглаженный, прилизанный. Онъ даже сдѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ меня, такъ, дескать, внимательно читаетъ.

— Ѳедонька!?—удивился я:—Ты что́ же тутъ дѣлаешь?

— Какъ видите! Спасаю душу!—отвѣтствовалъ онъ, и при этомъ на лицѣ его заиграло что-то двусмысленное.

— Ты спасаешь душу?—переспросилъ я. Онъ обидѣлся.

— А что-жъ, вы думаете, у меня души нѣтъ? Или она уже такъ грѣшна, что ее и спасать не полагается? Вотъ и спасу; на зло вамъ спасу.

Онъ зналъ, что это только начало спасенія, и могъ съ точностью опредѣлить, что́ будетъ дальше. Къ вечеру, когда въ залѣ батюшкиной квартиры появлялся самоваръ, изъ залы доносился голосъ батюшки.

— Ѳедоня! а Ѳедоня! Ползи-ка сюда! Выпьемъ чайку вмѣстѣ.

И Ѳедоня ползъ въ залу, неизмѣнно сохраняя благочестивый

видъ и въ одну секунду карабкался на стулъ. Прежде чѣмъ предложить ему чаю, батюшка разспрашивалъ его о прочитанномъ, на чтб Ѳедонька давалъ самые точные, пунктуальные отвѣты.

— Ну, теперь ты знаешь, какъ нужно душу спасать. Какъ-же? Разскажи, чтб прочиталъ!

— Надобно входить въ общеніе съ Богомъ.

— А чтб это значитъ—входить въ общеніе съ Богомъ?

Ѳедонька нѣкоторое время предавался размышленію, а потомъ увѣренно отвѣчалъ:

— Въ церковь ходить!..

— Да въ церковь-то ходить—мало. Еще чтб требуется?

— А еще размышленія...

— Какія-же размышленія? Размышленія могутъ быть разныя.

— Извѣстно,—благочестивыя: о Богѣ, объ ангелахъ.

— А еще чтб требуется?—допытывалъ батюшка.

— Не пѣть пѣсней соблазнительнаго содержанія, а пѣть только божественныя пѣсни; не играть на скрипкѣ...

Онъ особенно подчеркнулъ послѣднее, какъ-бы говоря при этомъ: «вотъ, дескать, я и разбилъ скрипку».

— Вотъ, вотъ! А какъ-же ты все это дѣлаешь? А?

— Не пить водки!—твердо прибавлялъ Ѳедонька, очень хорошо зная, что батюшкѣ больше всего нравятся послѣдніе отвѣты, прямо до него, Ѳедоньки, относящіеся.

— Ну, не то, чтобы совсѣмъ не пить; а черезъ мѣру—это грѣхъ великій; я самъ пью рюмку водки передъ обѣдомъ; это не только не грѣхъ, а даже полезно для здоровья... Такъ значитъ теперь ты ужъ знаешь, какъ нужно жить по-христіански?

— Да-а! Теперь ужъ знаю!

— А чтб, если черезъ мѣсяцъ ты все это забудешь и поведешь прежнюю жизнь? Чтб тогда?

— Тогда?—съ рѣшимостью отвѣчаетъ Ѳедонька:—тогда отрубите мнѣ голову!.. Пусть я останусь безъ рукъ, безъ глазъ и безъ всего!..

— Вотъ ты и грѣшишь! Вотъ и грѣшишь уже!—останавливаетъ его батюшка:—ну, развѣ можно накликать на себя такія несчастія?

— Знаю, что не вру и не боюсь ничего!—утѣшаетъ Ѳедонька. Разговоръ заканчивался чаемъ. Матушка наливала чай и предлагала Ѳедонькѣ. Матушка очень хорошо понимала, что Ѳедонька ни больше, ни меньше, какъ строитъ штуки, но она знала также, что Ѳедонька ей пригодится для домашняго оби-

хода, и потому только недовѣрчиво улыбалась, но не высказывала своего взгляда. Въ виду того, что Ѳедонька не имѣлъ опредѣленнаго жилья, батюшка оставлялъ его у себя въ качествѣ спасающаго душу. Самъ батюшка смотрѣлъ на это, какъ на величайшее доброе дѣло, какое только можно сдѣлать. Ѳедонькѣ отводилась маленькая комнатка, которая имѣлась у батюшки при кухнѣ на всякій случай, и онъ мало-по-малу окончательно «водворялся». Каждое утро онъ являлся въ кабинетъ батюшки и отдавалъ ему дань, читая въ продолженіи получаса какую-нибудь душеспасительную книжку, а затѣмъ поступалъ въ распоряженіе матушки. Матушка старалась извлечь изъ него наибольшую пользу, немедленно снабжала она его удочками, порохомъ, дробью, онъ ѣздилъ на охоту и привозилъ рыбу и дичь. Онъ чинилъ замки, хомуты, а при случаѣ и матушкины башмаки, и за то всякій разъ призывался къ столу и угощался чаемъ. Разныя замѣчанія его по хозяйственной части матушка принимала къ свѣдѣнію, потому что онъ зналъ толкъ и въ хозяйствѣ. Когда матушка хотѣла нанять работника, она непремѣнно совѣтовалась съ Ѳедонькой, который лично зналъ почти весь наемный людъ въ окружности. «Этого не нанимайте. Проведетъ; пьяница. Я самъ пьянствовалъ съ нимъ три дни и три ночи»... и т. д.

Такимъ образомъ Ѳедонька, по собственному его выраженію, «поправлялся» на бѣломъ хлѣбѣ, пока ему это не надоѣдало. Когда же онъ чувствовалъ себя достаточно «поправившимся» и ему опять хотѣлось «вольной жизни», онъ вдругъ внезапно исчезалъ изъ батюшкинаго дома и въ тотъ же день оказывался въ кабакѣ. Этимъ онъ объявлялъ батюшкѣ формальный разрывъ; пожитки его тайно передавались кумѣ. Въ числѣ пожитковъ передавались и осколки скрипки, которые Ѳедонька искусно склеивалъ и скрипка опять получалась, какъ слѣдуетъ.

— Такъ еще лучше!—говорилъ онъ по этому поводу:—говорятъ, склеенная скрипка даетъ больше звуку, чѣмъ цѣлая.

При встрѣчѣ съ батюшкой онъ обвинялъ во всемъ дьявола.

— Попуталъ лукавый! крѣпился, крѣпился,—кажись, чуточку еще — и совсѣмъ готовъ; анъ нѣтъ, не выдержалъ. Совался! а все лукавый, все онъ!

— Когда бы ты самъ не былъ лукавъ, такъ оно лучше было бы!—говорилъ на это батюшка, но, впрочемъ, тутъ же на половину прощалъ Ѳедоньку, признавая, что въ этой исторіи дѣйствительно важную роль игралъ «лукавый».

И Ѳедонька грѣшилъ по прежнему, а надоѣдало—онъ опять

къ батюшкѣ и непремѣнно надуетъ и увѣритъ батюшку, что кается искренно.

Мнѣ часто приходилось встрѣчать Ѳедоньку на улицѣ, въ саду, на берегу и всякій разъ онъ непремѣнно останавливался и заводилъ разговоръ. Прежде всего онъ испрашивалъ позволенія:

— А побесѣдовать можно?

И начиналъ бесѣдовать. Бесѣды эти были не какія-нибудь деревенскія; здѣсь обнаруживалось, что Ѳедонька первой руки философъ. Тэмы его разсужденій выбирались совершенно случайно и онъ дѣлалъ часто странные и ничѣмъ, повидимому, не мотивированные скачки изъ одной области въ другую. То занимаетъ его вопросъ, почему человѣкъ безъ грѣха не можетъ прожить на свѣтѣ.

— Гм, вотъ хоть-бы я! Положимъ—грѣшенъ, дѣйствительно не безъ этого. Но развѣ я по желанію грѣшу? Развѣ мнѣ душа такъ-таки и не дорога? Такъ уже человѣкъ созданъ, что безъ грѣха не можетъ.

И онъ приходилъ мало-по-малу въ самое умильное настроеніе и выражалъ рѣшимость, какъ можно меньше грѣшить.

— А по настоящему—оно все вѣдь это пустяки!—вдругъ совершенно неожиданно поражалъ онъ:—никто этого не доказалъ, нигдѣ этого не сказано порядкомъ...

Оказывалось, что Ѳедонька говоритъ на основаніи священныхъ книгъ, которыя онъ читалъ на клиросѣ. Въ особенности его смущало то обстоятельство, что Соломонъ имѣлъ 300 женъ и 700 наложницъ и «ему ничего, сошло! А развѣ по закону это можно?» Но вслѣдъ за тѣмъ онъ вдругъ перескакивалъ на луну, и начиналъ доискиваться причины ея пятенъ. Ходячему объясненію про Каина и Авеля онъ не придавалъ значенія и требовалъ болѣе раціональнаго объясненія. Когда же онъ узналъ, что луна есть нѣчто большое и похожее на землю, то пришелъ въ негодованіе по поводу того, что столько земли пропадаетъ даромъ.

— Люблю я бесѣдовать съ ученымъ человѣкомъ!—съ какимъ-то таинственнымъ умиленіемъ говорилъ Ѳедонька:—все онъ тебѣ разскажетъ; не только что про землю, онъ тебѣ разскажетъ, что и на лунѣ дѣлается... А наша-то необразованность деревенская—что она знаетъ? О чемъ съ нею поговорить можно? Развѣ—что въ кабакъ пойдешь.

Однажды въ лѣтнюю пору, раннимъ утромъ, мнѣ пришлось проходить берегомъ бѣлорѣченскаго ставка въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ Ѳедонька имѣлъ обыкновеніе оставлять свою душегубку. Утро было хорошее. Прозрачный воздухъ оглашался веселымъ говоромъ безчисленнаго множества разнокалиберныхъ птицъ; поверхность ставка, гладкая какъ зеркало, то тамъ, то здѣсь вдругъ встрепенется легкой трепещущей зыбью. Это вскинулся окунь, которому захотѣлось на мгновеніе увидѣть утреннее сіяющее солнце. Въ деревнѣ тихо. Все убралось въ поле. Только малые ребятишки бродятъ по берегу безъ рубашекъ, болтаются въ лужѣ, которую сами для этой цѣли развели, или строятъ крѣпости изъ песку и камней, которыми усѣянъ берегъ. А кругомъ со всѣхъ сторонъ ставка зеленѣютъ старыя вѣтвистыя вербы, сквозь которыя виднѣется безконечная желтая степь.

Ѳедонька сидѣлъ на косогорѣ надъ самымъ берегомъ и задумчиво глядѣлъ въ даль. Никогда я не видѣлъ его такимъ печальнымъ, какъ въ эту минуту. Душегубки на берегу не было.

— О чемъ задумался?—спросилъ я его.

Ѳедонька глубоко вздохнулъ и не съ-разу отвѣчалъ.

— Э-эхъ! Вонъ они, голубушки мои, ишь ты, какъ разыгрались!—произнесъ онъ наконецъ, указывая на камышъ, откуда вылетѣла цѣлая стая утокъ. — Кажись, такъ бы вотъ и похваталъ живьемъ, да руки коротки!

— Что такъ? За чѣмъ же дѣло стало?

— За чѣмъ?—печально переспросилъ онъ:—не видите, что ли? Нѣтъ моей душегубки, а что́ я могу безъ нея подѣлать?

— Какъ нѣтъ? Куда-жъ она дѣвалась?

— Куда дѣвалась? Извѣстно—куда!.. Пропилъ, вотъ и все. А что́ я теперь безъ душегубки? Только и осталось, что Лазаря распѣвать на большой дорогѣ... Ишь ты, какъ ихъ носитъ!— опять обратился онъ къ уткамъ,—на радостяхъ, должно быть; пронюхали, канальи, что у Ѳедоньки нѣтъ теперь душегубки, —и давай летать на зло ему передъ самымъ его носомъ! Ну, показалъ бы я вамъ, какъ потѣшаться надо мной... И окунь тоже: ишь, какъ его вскидываетъ! Мошенникъ! Э-эхъ! Душегубка, душегубка! Загубила ты мою душу!

Мѣсяца два Ѳедонька печаловался по душегубкѣ. И горе это было совсѣмъ особенное. Съ другого горя Ѳедонька запилъ бы во всю мочь, завалился бы подъ лавку въ кабакъ и забылъ бы обо всемъ на свѣтѣ. А тутъ у него отбило охоту даже отъ водки. И куда дѣвалась его веселость? Не слышно отъ него ни пѣсенъ, ни прибаутокъ. Даже съ кумой Ѳеклой почти не говорилъ.

Ѳедонька. Залѣзетъ въ хату и, понуривъ голову, сядетъ гдѣ-нибудь въ углѣ, да такъ и просидитъ нѣсколько часовъ сряду.

— Да что съ тобой сдѣлалось?—уговаривала его кума,—это даже грѣхъ. Такъ не горюютъ даже по живомъ человѣкѣ, а то по душегубкѣ! Душегубка—дѣло наживное!

— Да, поди-ка наживи!—угрюмо отвѣчалъ Ѳедонька.

Дѣло дошло даже до того, что кума для того только, чтобы утѣшить Ѳедоньку, рѣшилась отступить отъ своего принципа. Прежде она не давала Ѳедонькѣ покою за его любовь къ водкѣ, а теперь вдругъ даже сама предложила.

— Ты бы хоть водки стаканчикъ выпилъ, авось полегчаетъ! хочешь—принесу?!

— Не хочу я твоей водки!—рѣшительно отвѣчалъ Ѳедонька:—мнѣ противно глядѣть на нее.

А Ѳедонька, взволнованный, выползалъ изъ хаты, садился на завалинку и глядѣлъ въ даль безъ конца. Вдали виднѣлся кусокъ голубого неба, съ одной стороны тянулся рядъ камышевыхъ кустовъ, съ другой зеленыя вербы. Онъ глядѣлъ на камышевые кусты и его сердце начинало сильно биться, кровь приливала къ головѣ, какое-то ощущеніе одиночества охватывало все его существо и онъ не въ силахъ былъ удержаться отъ слёзъ.

— Точно въ тюрьмѣ сидишь! Никакой у тебя свободы нѣтъ!—сквозь слезы говорилъ онъ.

Наконецъ, кума не выдержала. Видя страданія Ѳедоньки, она сама мучилась не меньше его. Нужно было это какъ-нибудь покончить. «Изъ-за чего человѣкъ будетъ мучиться?» Придумала она пойти на заработки. Какъ разъ въ это время у батюшки мазали хату; пошла и она туда и за недѣлю заработала рубль съ излишкомъ. Кое-что еще продала и въ концѣ-концовъ ей удалось сколотить капиталъ на душегубку.

И снова глаза Ѳедоньки засіяли счастіемъ,—онъ получилъ свободу, его выпустили изъ тюрьмы—и пошло все по прежнему. Опять онъ сидитъ на своей душегубкѣ, опять повелѣваетъ рыбой и дичью,—только еще рѣшительнѣе, чѣмъ прежде держитъ ихъ въ повиновеніи, потому что не можетъ забыть, какъ онѣ надъ нимъ потѣшались, когда онъ, печальный, сидѣлъ на берегу бѣлорѣченскаго става.

Помирился Ѳедонька и съ водкой.

И. П.

НАУКА и ЛИТЕРАТУРА

въ

СОВРЕМЕННОЙ АНГЛИИ

ПИСЬМО ТРИНАДЦАТОЕ [1]).

I.

1) *Spencer Walpole*: a History of England from the conclusion of the Great War in 1815. London, 3 vol., 1878—1880.—2) *E. Smith*: William Cobbett, a biography, London, 2 vol., 1878.—3) *Justin Mac Carthy*: a History of our own times, from the accession of queen Victoria to the general election of 1880. London, 4 vol. 1880.

«Эти томы,—говоритъ Спенсеръ Вальполь въ своемъ предисловіи,—составляютъ начало исторіи Англіи, которую предполагается довести отъ 1815 г. до самой ближайшей къ намъ эпохи. Никакой періодъ англійской исторіи не представляетъ большаго интереса для того, кто занимается историческими изслѣдованіями».

«Въ первые годы, протекшіе послѣ Ватерлоо, англичане были менѣе свободны, чѣмъ въ какую-либо другую эпоху со времени революціи 1688 г. Огромное большинство націи не имѣло права голоса въ парламентѣ. Власть сосредоточивалась въ рукахъ нѣсколькихъ богатыхъ людей, естественно склонныхъ удерживать захваченную ими монополію въ своихъ рукахъ. Налоги были плохо задуманы и вмѣстѣ съ тѣмъ плохо распредѣлены. Смерть была карою, назначаемою закономъ какъ для самыхъ тяжкихъ

[1]) См. „Вѣстникъ Европы“, іюль, 1880.

преступленій, такъ и для самыхъ незначительныхъ проступковъ. Съ бѣдняками обращались какъ съ преступниками, а администрація «poor Laws» почти каждаго работника производила въ бѣдняки. Какъ ни были тяжки и притѣснительны законы, но олигархія, управлявшая Англіей, постоянно требовала другихъ, еще болѣе тяжкихъ и притѣснительныхъ. Въ продолженіи пяти лѣтъ, истекшихъ послѣ Ватерлоо, свобода печати была ограничена, законъ «Habeas Corpus» отмѣненъ, право сходокъ отнято и домашніе обыски дозволены».

Вотъ мало лестная картина, но весьма точная и правдивая того положенія, въ какомъ находилась свободная Англія въ началѣ XIX вѣка. Авторъ не радикалъ, его едва можно назвать либераломъ, и можно быть увѣреннымъ, что его характеристики если и рѣзки, то вполнѣ безпристрастны. Его можно скорѣе упрекнуть въ противоположной наклонности; а именно: въ слишкомъ большой снисходительности. Главныя лица, подъ главенствомъ коихъ совершились всѣ эти преступленія, были тѣ самыя лица, которыя на вѣки и по справедливости заклеймены Шелли въ слѣдующихъ знаменитыхъ стихахъ:

I met Murder in the way:
He had a mask like Castlereagh;
Next came Fraud, and he had on
Like Lord Eldon an ermine gown;
Like Sidmouth next, Hypocrisy,
On a crocodile, came by [1]).

Лордъ Кэстльри—сначала въ должности статсъ-секретаря по ирландскимъ дѣламъ, затѣмъ въ должности министра иностранныхъ дѣлъ—былъ корифеемъ палаты общинъ, какъ представитель нескончаемаго торійскаго управленія, длившагося съ 1812 по 1827 г., во главѣ котораго стояли лордъ Ливерпуль и К°. Главу этого правительства потомки помнятъ всего менѣе: «самонадѣянный во всемъ, что ни предпринималъ, лордъ Ливерпуль былъ вполнѣ ничтожный человѣкъ», говоритъ Спенсеръ Вальполь. Это большое счастіе для него: по крайней мѣрѣ его имя перейдетъ къ потомству только въ готскомъ альманахѣ и другихъ оффиціальныхъ ежегодникахъ: онъ изъ тѣхъ лицъ, которыми исторія пренебрегаетъ. Лордъ Эльдонъ былъ великимъ канцлеромъ, тѣмъ самымъ, который въ извѣстномъ процессѣ присудилъ отдать дѣтей

[1]) Я встрѣтилъ на своемъ пути Убійство: на немъ была маска, сходная съ лицомъ Кестльри;—за нимъ шествовалъ Обманъ и онъ былъ облеченъ, какъ лордъ Эльдонъ, въ горностаевую мантію, затѣмъ шло Лицемѣріе, верхомъ на крокодилѣ и съ лицомъ, похожимъ на Сидмоута.

Шелли, послѣ смерти его первой жены, на воспитаніе къ одному духовному лицу англиканской церкви.

«Объ остальныхъ не стóитъ и упоминать»—какъ говоритъ старикъ Корнель. За исключеніемъ, впрочемъ, Каннинга, человѣка съ рѣдкимъ дарованіемъ, но имѣвшаго глупость слишкомъ долго участвовать въ этой шайкѣ, хотя въ концѣ своей карьеры сдѣлалъ похвальное усиліе отдѣлиться отъ нея. Онъ былъ за это достойно награжденъ: когда онъ умеръ, связавъ свое имя съ политикой, вызвавшей Наваринъ и освобожденіе грековъ, то народъ, котораго онъ сталъ единственной надеждой, проявилъ на его похоронахъ знаки самой сильной и самой искренней горести. Такимъ образомъ Каннингъ возстановилъ честь своего имени, между тѣмъ какъ Кестльри, преслѣдуемый общественнымъ презрѣніемъ, равно какъ и галлюцинаціями больного мозга, покончилъ съ собою, перерѣзавъ себѣ бритвою горло (22 августа 1822). Ему былъ тогда всего 51 годъ отъ роду.

Говорили, что преступныя насилія правительства оправдывались поведеніемъ реформаторовъ, называвшихся тогда *радикалами:* терминъ, потерявшій съ тѣхъ поръ въ силѣ, но въ то время звучавшій такъ, какъ нынѣ слово «соціалистъ». Но чего же однако они требовали? Одинъ изъ самыхъ знаменитыхъ изъ нихъ, Вилльямъ Коббеттъ, точно показываетъ намъ это въ своемъ «Political register» (1816): народъ именно требуетъ дѣйствительной реформы, возстановленія его правъ, безъ нарушенія чужихъ. Права народа, согласно Великой Хартіи, согласно конституціи и стариннымъ законамъ королевства, заключаются въ слѣдующемъ: «населеніе не можетъ быть облагаемо налогами безъ его согласія и должно ежегодно избирать своихъ представителей. Каждый, кто платитъ налогъ, долженъ высказать на него свое согласіе, а этого онъ не можетъ сдѣлать, если не будетъ подавать голоса за избраніе членовъ въ парламентѣ».

Что касается подробностей, то требовалась общая подача голосовъ и закрытая баллотировка. Сравнительно съ тѣмъ, что существовало, это могло казаться въ глазахъ нѣкоторыхъ лицъ безумнымъ и разрушительнымъ; однако, за исключеніемъ нѣкоторыхъ оттѣнковъ, эта программа осуществилась и притомъ безъ возмущеній, безъ потрясеній, благодаря сообразительности правительства, которое, уступивъ во̀ время, хотя и не по доброй волѣ, спасло страну отъ ужасовъ междоусобной войны. Такимъ образомъ третья англійская революція—это названіе всего болѣе здѣсь умѣстно—совершилась безъ возмущенія и безъ кровопролитія: революція такая же знаменательная и такая же важная, какъ и всѣ дру-

гія, и превратившая правленіе Великобританіи въ демократію. Правда, это демократія не безусловная, но по крайней мѣрѣ большая масса народа, огромное большинство плательщиковъ податей, принимаетъ нынѣ косвенное участіе въ управленіи дѣлами, которое пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ предоставлено было въ руки чистѣйшей и, слѣдовательно, мерзѣйшей олигархіи.

Да! перемѣна была очень крупная и нѣтъ ничего преувеличеннаго въ словахъ Вальполя:

«Большая половина членовъ палаты общинъ», — говоритъ онъ,—«обязана была своимъ полномочіемъ прямому вмѣшательству двухъ-сотъ пятидесяти богатыхъ лицъ. Депутатскія полномочія продавались и покупались какъ билеты въ оперу и подкупъ царилъ во-очію всѣхъ въ тѣхъ немногихъ округахъ, гдѣ народъ могъ еще принимать участіе въ голосованіи. Тотъ же пріемъ существовалъ и въ самой палатѣ: члены парламента продавали свои голоса министерству съ той же безцеремонностью, какую проявляли на своихъ выборахъ» (т. 2, стр. 260).

Вотъ каковъ былъ въ общихъ чертахъ составъ «избирательнаго корпуса», собраннаго случайно, изъ кусковъ и обрывковъ, явившихся отъ смѣси свободныхъ германскихъ учрежденій съ усложненіями феодальной системы, въ общемъ приправленной, само собой разумѣется, римскимъ правомъ. Существовали бурги, или города, и графства. Въ первыхъ не было ничего опредѣленнаго: здѣсь всѣ «householders», арендаторы домовъ были избирателями; тамъ всѣ, кто платилъ налоги, арендовали они домъ или нѣтъ; въ третьемъ мѣстѣ одни только члены городского совѣта. Въ графствахъ было больше правильности: всѣ «freeholders» (собственно говоря—владѣльцы, не зависящіе ни отъ какого лорда, а только отъ короля), владѣющіе землей, приносящей ежегоднаго дохода 40 шиллинговъ, имѣли право голоса. Но эта независимость существовала лишь въ теоріи: на практикѣ всѣ эти избиратели находились подъ непосредственнымъ вліяніемъ лорда, царившаго въ графствѣ. Что касается бурговъ, или мѣстечекъ, то въ случаѣ, если избирательный корпусъ былъ многочисленъ, избирателей подкупали по одиночкѣ; а если онъ состоялъ только изъ немногихъ лицъ или если право голоса принадлежало одному совѣту или одной корпораціи, то ихъ подкупали всѣхъ гуртомъ. Въ этомъ отношеніи очень рельефный примѣръ представляетъ исторія бурга или мѣстечка Сэдбери, которое путемъ афишъ объявило свой голосъ продажнымъ и предлагало его тому, кто больше дастъ.

Такъ происходило дѣло собственно въ Англіи; въ Шот-

ландіи же было еще хуже. Право голоса принадлежало такъ-называемымъ «superiorities», и было чѣмъ-то въ родѣ феодальнаго права, принадлежавшаго лицамъ, не имѣвшимъ въ дѣйствительности никакой собственности. И это право продавалось и покупалось, какъ и все остальное. Въ мѣстечкахъ избирательный корпусъ состоялъ изъ членовъ городского совѣта. Короче сказать: Шотландія насчитывала не больше 5000 избирателей. Депутатъ города Эдинбурга, заключавшаго въ себѣ тогда 165,000 жителей, избирался 35 лицами.

Въ Шотландіи произошелъ тотъ случай, который хотя и часто приводился, но всегда неправильно толковался, а потому его стóитъ разсказать въ подробности. Въ графствѣ Бьютъ, насчитывавшемъ 14,000 жителей, существовало всего 24 «freeholders» и большинство изъ нихъ не владѣло никакимъ имуществомъ въ округѣ.

«Во время выборовъ въ Бьютѣ,—мы приводимъ здѣсь слова лорда-адвоката Шотландіи,—въ эпоху, о которой еще нѣкоторые помнятъ, только одно лицо, кромѣ шерифа и «returning officer» присутствовало на избирательномъ митингѣ. Это лицо спокойно заняло кресло, открыло собраніе, произвело перекличку «freeholders», откликнулось на свое собственное имя, предложило и поддержало свое собственное избраніе, пустило его на голоса и было избрано единогласно» [1]).

Эти вещи приходится выписывать изъ оффиціальныхъ документовъ, чтобы имъ повѣрили, а между тѣмъ все это дѣйствительно бывало. Революція 1688 г., разумѣется, спасла англійскія вольности, но онѣ снова потерпѣли крушеніе и самое злостное: безъ шума, безъ потрясеній, онѣ завязли въ олигархической грязной тинѣ. Правящіе классы старались, однако, замаскировать недостатки системы. Во многихъ случаяхъ они благоразумно пользовались своей монополіей и предоставляли мѣста депутатовъ талантливымъ молодымъ людямъ, въ которыхъ думали найти способности государственныхъ людей.

Но это могло быть только пальятивомъ. Кромѣ нелѣпой стороны, во всемъ этомъ былъ еще элементъ глубоко-безнравственный и унизительный, зародышъ паденія столь же быстраго, какъ и неизбѣжнаго. Уже въ 1766 г. лордъ Чатамъ объявилъ, что представительство бурговъ или мѣстечекъ составляетъ «гнилую часть конституціи». Знаменитый трибунъ Уильксъ, оклеветан-

---

[1]) Рѣчь лорда-адвоката Шотландіи во время преній о биллѣ реформы 28 сентября 1831 г. „Hansard's Parliamentary Debates", 3 series, vol. VII, p. 529.

ный и непонятый, внесъ десять лѣтъ спустя билль о «disfranchisment» гнилыхъ мѣстечекъ, но въ эту эпоху виги не послѣдовали за нимъ и вскорѣ событія на континентѣ и торжество реакціи въ Англіи совершенно и надолго устранили всякую надежду на реформу.

Къ счастію, есть сила вещей, противъ которой не могутъ устоять ни недобросовѣстность, ни апатія. Между тѣмъ, какъ старые бурги положительно разлагались, новая Англія возрождалась къ жизни. Она появилась на нашихъ глазахъ, какъ Минерва, во всеоружіи и готовая къ борьбѣ, и потребовала себѣ мѣста въ политической и общественной жизни. Манчестеръ, Лидсъ, Бирмингемъ сдѣлались значительными городами и развились такъ быстро, что можно было подумать, что они вызваны къ жизни магическимъ жезломъ. Лондонъ распространился далеко за свои прежнія границы: Мерилебонъ, Финсбёри, Ламбетъ, Гриничъ стали многолюдными мѣстечками, слившимися, такъ-сказать, во-едино съ метрополіей. И ни одинъ изъ этихъ городовъ не имѣлъ представителя. Брайтонъ, большая и модная морская станція, тоже была лишена представителя, но за то сосѣдняя деревушка Сифордъ имѣла ихъ два.

И съ цѣлью увѣковѣчить такой порядокъ дѣлъ, консерваторы представляли доводы, которые, хотя и очень не новы, но служатъ и по сіе время. «Даровать право представительства большимъ городамъ значило бы сдѣлать имъ самый худшій подарокъ въ мірѣ,—писалъ въ 1821 г. первый министръ, лордъ Ливерпуль:—населеніе такимъ образомъ постоянно подвергалось бы вліянію партій и это мѣшало бы ему мирно трудиться и поддерживало бы въ немъ духъ безпорядка и вражды... Я нисколько не желаю образованія избирательныхъ бурговъ въ родѣ Вестминстера, Ноттингема и пр. Я ихъ считаю болѣе испорченными, тѣмъ всякій другой округъ, и убѣжденъ, что представители, которыхъ они послали бы въ парламентъ, не могутъ, по самому характеру своему и общественному положенію, быть заинтересованными въ сохраненіи общественнаго порядка». Въ настоящее время сказали бы: «*нравственнаго порядка*», но сущность аргументаціи остается та же самая.

Въ 1817 г., послѣ промежутка въ двадцать лѣтъ, вопросъ о реформѣ снова всплылъ, какъ въ парламентѣ, такъ и на улицѣ. Крикъ радикаловъ на митингахъ нашелъ отголосокъ въ палатѣ общинъ. Въ концѣ сессіи 1819 г. сэръ Френсисъ Бёрдеттъ предложилъ цѣлыхъ двадцать-шесть резолюцій, требовавшихъ учрежденія избирательныхъ округовъ, всеобщей подачи голосовъ и за-

крытой баллотировки. Правда, что тогда произошелъ фактъ единственный въ своемъ родѣ: ни одинъ членъ не подалъ голосъ за Бёрдетта, но за то 106 голосовъ оказались противъ него.

Но несправедливо было бы заключить вмѣстѣ съ Спенсеромъ Вальполемъ, что вопросъ былъ схороненъ подъ всеобщимъ смѣхомъ. Въ этотъ самый моментъ на политической сценѣ появился молодой человѣкъ, которому предстояла честь довести до конца это славное предпріятіе. Лордъ Джонъ Россель, третій сынъ шестого герцога Бедфордскаго, родившійся въ 1792, былъ уже членомъ парламента отъ родительскаго мѣстечка Тевистокъ. Небольшого роста, тщедушный на видъ, онъ сначала не подавалъ блестящихъ надеждъ. У него не было также краснорѣчія Каннинга; но въ преніяхъ, въ роли «debater'а», онъ вскорѣ доказалъ, что не имѣетъ себѣ соперниковъ. Хотя онъ и призналъ предложеніе Бёрдетта несвоевременнымъ, однако потребовалъ «disfranchisment» мѣстечка Граннпоундъ, отличившагося въ вышеуказанномъ духѣ. Правда, онъ также ничего тогда не добился, но при каждомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ онъ возвращался къ своей идеѣ и неустанно твердилъ о ней.

Само собой разумѣется, что не торійскій парламентъ 1820 г. могъ удовлетворить въ этомъ пунктѣ общественное мнѣніе, равно какъ и не парламентъ 1827, хотя послѣдній и вотировалъ подъ руководствомъ Пиля освобожденіе католиковъ. Но вотъ наступилъ «славной памяти» 1830 годъ. Георгъ IV умеръ съ медальономъ миссисъ Фицгербертъ на шеѣ, — безпристрастіе требуетъ, чтобы мы указали хоть на эту черту вѣрности, единственную, которую можно привести въ его пользу. Этому королю стараго порядка наслѣдовалъ его братъ, герцогъ Кларансвій, который былъ по крайней мѣрѣ честный человѣкъ. Парламентъ былъ распущенъ, какъ водится, и по странному стеченію обстоятельствъ выборы начались какъ разъ въ ту недѣло, въ которую во Франціи послѣдовала іюльская революція.

Само собой разумѣется, что это не помѣшало торіямъ составить, по обыкновенію, большинство въ новой палатѣ. Но только партія была разстроена и не могла простить Веллингтону и Пилю ихъ роли въ дѣлѣ освобожденія католиковъ. Пиль въ особенности былъ ненавидимъ, по словамъ Брума, до такой степени, что невозможно передать. 2-го ноября король открылъ парламентъ и намекнувъ въ своей рѣчи на революцію на континентѣ и на внутреннюю смуту, объявилъ, что оплакиваетъ первую и съумѣетъ подавить вторую. «Намъ говорятъ,—восклицалъ въ тотъ же день лордъ Грей въ палатѣ лордовъ,—намъ

говорятъ, что опасность стучится къ намъ въ двери, что гроза уже появилась на горизонтѣ и ураганъ приближается. Намъ рекомендуютъ взять оружіе въ руки и баррикадировать свои двери. Но наилучшимъ способомъ для этого было бы, милорды, привлечь любовь согражданъ, удовлетворить ихъ справедливыя требованія и—позвольте высказать главное—преобразовать парламентъ».

И въ самомъ дѣлѣ пора было за это взяться. Уже во всемъ королевствѣ граждане совѣщались о томъ, какимъ путемъ добиться этой цѣли. Въ Бирмингемѣ составился «Политическій Союзъ», могущественная ассоціація, имѣвшая много членовъ, свою кассу, свои митинги и своего «великаго агитатора», Томаса Атвуда. Съ одного конца Великобританіи до другого готовилось громадное возстаніе, подобное тѣмъ страшнымъ бурямъ, которыя волнуютъ самые глубокіе слои океана, прежде чѣмъ проявиться на поверхности. Революція была неизбѣжна—мирная или кровопролитная, смотря по выбору правительства.

Надо прочитать не въ книгѣ Спенсера Вальполя, но въ превосходномъ сочиненіи г-жи Гарріетъ Мартино́ разсказъ объ этой эпопеѣ: потому что это цѣлая эпопея. Надо видѣть, какъ первый парламентъ былъ распущенъ, послѣ отверженія перваго билля о реформѣ; какъ новые выборы довершили торжество «реформаторовъ»; какъ 2-й билль, принятый общинами, былъ отвергнутъ лордами (22 сентября 1831); какъ 3-й билль чуть-было не подвергся той же участи, между тѣмъ какъ кровавое возмущеніе вспыхнуло въ Дёрби, Бристолѣ, Ноттингемѣ; какъ наконецъ консерваторы рѣшили скорѣе подвергнуться риску вызвать революцію, нежели пропустить билль (май 1832).

Но нація не дремала. Вездѣ частныя дѣла пріостановились; всѣ исключительно были заняты общественнымъ дѣломъ; по дорогамъ толпились люди, ждавшіе новостей; во многихъ городахъ били въ набатъ; въ другихъ прикрывали бюстъ короля чернымъ крепомъ. Въ Лондонѣ, городской совѣтъ, собравшійся въ чрезвычайное засѣданіе, провозгласилъ общественными врагами всѣхъ тѣхъ, кто участвовалъ въ оппозиціи новому закону.

Въ то же самое время онъ вошелъ въ сношенія съ различными политическими ассосіаціями, готовыми идти на Лондонъ, въ случаѣ необходимости. Великій «Бирмингемскій Союзъ», насчитывавшій 200,000 человѣкъ, долженъ былъ стать лагеремъ на «Hampstead Heath» и соединиться тамъ съ другими ассосіаціями, долженствовавшими прибыть съ юга. «Все заставляетъ думать,—

говоритъ миссъ Мартино,—что то, что происходило въ Бирмингемѣ, опредѣлило исходъ столкновенія» [1]).

И дѣйствительно, митингъ-monstre произошелъ въ этомъ городѣ и на немъ члены союза обязались отказаться платить налоги до тѣхъ поръ, пока законъ не будетъ принятъ. Въ то же самое время удостовѣрились, что много солдатъ бирмингемскаго гарнизона принадлежали къ союзу. Такимъ образомъ «великій» Веллингтонъ, побѣдитель при Ватерлоо, оказался безсильнымъ противъ народа, вооруженнаго только своей волей и своимъ гнѣвомъ: когда лордъ Грей былъ снова призванъ и поставленъ во главѣ кабинета, и когда король согласился назначить неограниченное число перовъ, чтобы обезпечить принятіе закона, Веллингтонъ и его свита рѣшились прекратить свою оппозицію. Съ сотню лордовъ ушли вмѣстѣ съ нимъ изъ палаты на время преній. Такимъ образомъ билль о реформѣ могъ наконецъ пройти въ верхней палатѣ, гдѣ его вотировали 106 голосовъ противъ 22, 4-го іюня 1832; королевское одобреніе дано было 7-го іюня.

Вотъ въ чемъ заключались главныя измѣненія, введенныя въ представительную систему Великобританіи. Число членовъ отъ земледѣльческихъ округовъ увеличено было съ 94 до 159; всѣ бурги, или мѣстечки, насчитывавшіе менѣе 2,000 жителей, были упразднены. Такимъ образомъ исчезло 56 избирательныхъ бурговъ, назначавшихъ 111 депутатовъ; но за то большіе города получили право выбирать представителей, и въ бургахъ вообще всякое лицо, платящее за наемъ дома 10 фунтовъ стерлинговъ въ годъ, стало избирателемъ. Система была закончена только въ 1868, расширеніемъ права голоса и въ особенности въ 1871 г., благодаря принятію закрытой баллотировки; но 1832 годъ остается памятной эпохой, когда олигархія пала, революція восторжествовала и для молодой Англіи наступила несравненная эра мира, величія и свободы.

Нѣсколько времени спустя умеръ человѣкъ, принимавшій дѣятельное участіе въ реформаторскомъ движеніи. Горячій памфлетистъ, неутомимый писатель, превосходно владѣвшій англійскимъ языкомъ, Виллья́мъ Коббетъ отъ природы обладалъ большими дарованіями, но онѣ парализировались отчасти недостаткомъ образованія. Сынъ крестьянина, поступившій волонтеромъ въ армію и служившій солдатомъ, этотъ англійскій Прудонъ самъ образовалъ себя, какъ и тотъ, пользуясь свободными ми-

---

[1]) *Harriet Martineau*, History of England during the thirty years peace. Book IV, chapt. 5.

нутами, остававшимися у него отъ военной службы, для того, чтобы списывать и учить наизусть англійскую грамматику. Онъ пріобрѣлъ такимъ образомъ совершенное знаніе родного языка и писалъ на немъ съ замѣчательной правильностью, благодаря, разумѣется, также и больше всего своимъ природнымъ дарованіямъ.

Но этого недостаточно для образованія мыслителя и философа. Можно писать на своемъ родномъ языкѣ вполнѣ правильно и быть все-таки невѣждой, и такъ всегда будетъ съ тѣми, кто, по несчастью, бываетъ лишенъ благодѣяній полнаго школьнаго образованія. Мы видимъ въ немъ новый примѣръ тому. Какъ и знаменитый уроженецъ Франшъ-Конте, на котораго онъ во многомъ походитъ, Коббетъ никогда не могъ составить себѣ окончательнаго мнѣнія ни о чемъ. Въ его сочиненіяхъ находишь все что угодно: самыя ретроградныя идеи и самыя передовыя, и, по правдѣ сказать, первыя попадаются чаще, чѣмъ вторыя.

Можно до нѣкоторой степени извинить его, когда въ 1796 г., тридцати лѣтъ отъ роду, онъ возбуждаетъ ненависть американцевъ на своего несчастнаго соотечественника, Пристлея, котораго преслѣдовала, разорила и изгнала, какъ свободнаго мыслителя, бирмингемская чернь [1]). «Французская революція его любимый конёкъ,—говоритъ онъ между прочими любезностями,—и я не поручусь, что онъ не согласится для того, чтобы обезпечить ея успѣхъ, присутствовать при избіеніи всего человѣческаго рода». Но оставимъ это: намъ могутъ возразить, что Коббетъ, какъ и многіе другіе, началъ консерваторомъ, что и у него былъ свой путь въ Дамаскъ и пр. Къ несчастію, существуетъ книга, изданная имъ въ 1824 г., когда ему было 58 лѣтъ, и эта книга останется клеймомъ на его памяти. Эту книгу никто не читаетъ, да и найти ее трудно, но мнѣ показалось любопытнымъ извлечь изъ нея слѣдующій отрывокъ, по истинѣ невѣроятный. Дѣло идетъ объ исторіи реформаціи въ Англіи и главнымъ образомъ объ интересной жертвѣ, павшей вслѣдствіе реставраціи Стюартовъ:

«Что касается Сиднея (Альджернона Сиднея),—говоритъ Коббетъ,—онъ былъ однимъ изъ руководителей движенія «въ божественномъ дѣлѣ» послѣдняго царствованія и былъ однимъ изъ коммиссаровъ, назначенныхъ для суда надъ Карломъ I... При реставраціи Карла II, онъ искалъ убѣжища за границей. Но такъ какъ онъ сознаlъ заблужденія своей молодости, то король, по совѣту одного католическаго монаха, помиловалъ его. Со всѣмъ тѣмъ онъ составилъ впослѣдствіи заговоръ, чтобы низвергнуть

---

[1]) См. его „Observations on the emigration of Dr J. Priestley". Philadelphia, 1796.

правительство короля или по меньшей мѣрѣ устранить отъ престола брата этого монарха. Если какой-нибудь человѣкъ *заслуживалъ позорной смерти*, такъ это Сидней. Онъ не отрицалъ, онъ не могъ отрицать существованія заговора и своего въ немъ участія. Онъ могъ пожаловаться только на одно: въ политическихъ преступленіяхъ по англійскому закону должно быть два свидѣтеля, а противъ него показывалъ только одинъ. И вотъ, когда лицамъ, бранящимъ католицизмъ, слѣдовало бы покраснѣть, если бы только это было возможно; потому что этотъ самый законъ, этотъ законъ, спасшій жизнь столькимъ невиннымъ людямъ, этотъ законъ, долженствовавшій вдохнуть благодарность въ душу каждаго англичанина къ тому, кто его издалъ, этотъ законъ изданъ какъ разъ той католической королевой Маріей, которую цѣлыя поколѣнія людей невѣжественныхъ прозвали «Маріей Кровожадной» [1]),—той королевой, супругомъ и пособникомъ которой былъ тотъ самый Филиппъ II, котораго всѣ эти низкіе клеветники изображаютъ католическимъ и кровожаднымъ тираномъ» [2]).

Невозможно надѣлать больше грубыхъ ошибокъ въ такихъ короткихъ строкахъ и болѣе погрѣшить противъ здраваго смысла и справедливости. Безъ сомнѣнія, желаніе угодить ирландцамъ и католикамъ въ тотъ моментъ, какъ толковали объ ихъ эмансипаціи, было побужденіемъ, двигавшимъ Коббетомъ, и въ этомъ онъ успѣлъ сверхъ мѣры.

Достаточно сказать, что его книга была переведена на испанскій языкъ. Но что̀ сказать и какое извиненіе придумать для его оцѣнки казни Сиднея, которую безпристрастная исторія давно уже помѣстила въ разрядъ юридическихъ убійствъ,—этого кроткаго и героическаго Сиднея, мнѣнія котораго, среди фанатизма той эпохи, были мнѣніями свободнаго мыслителя и мудреца: «какъ Россель умеръ съ твердостью христіанина,—говоритъ Маколей,—такъ Сидней умеръ съ твердостью стоика». Нѣтъ, ничто не смоетъ съ памяти Коббета оскорбленія, нанесеннаго имъ этому добродѣтельному человѣку, этому мученику за правое дѣло; ничто, ни даже его усилія провести народныя требованія,—усилія, оставшіяся безплодными, несмотря на популярность автора, благодаря плачевной неустойчивости идей, благодаря, скажемъ лучше, тѣмъ анти-научнымъ и ретрограднымъ мнѣніямъ, которыя всегда жили

[1]) Этимъ словомъ обыкновенно переводятъ „bloody Mary“, но оно не вполнѣ передаетъ это народное выраженіе, равнозначущее эпитету „гнусный“, „убійца“ и пр.

[2]) A History of the Protestant Reformation in England and Ireland, by *William Cobbett*. London. 1824, p. 383.

въ немъ. Его послѣдній біографъ, Э. Смитъ, написалъ скорѣе панегирикъ, нежели серьёзный и полный этюдъ, и тѣ, кто пожелаетъ составить себѣ правильное понятіе о знаменитомъ реформаторѣ, должны обратиться къ его произведеніямъ, между прочимъ, къ приведеннымъ мною выше.

Сынъ и внукъ крестьянина, Коббетъ, какъ и Прудонъ, любитъ похвалиться своимъ плебейскимъ происхожденіемъ. Было бы пошло съ его стороны стыдиться его, но, увы! совершенно безумно было и гордиться имъ. Существуютъ роковые законы расы, наслѣдственности, которыхъ не можетъ избѣжать никакой умъ, въ особенности если къ этому присоединится недостаточное или запоздалое образованіе, и къ англійскому памфлетисту можно примѣнить то, что Сентъ-Бёвъ сказалъ о Прудонѣ: «онъ слишкомъ былъ близокъ къ своимъ прародителямъ по крови. Онъ слишкомъ былъ близокъ къ своей матери—землѣ, онъ слишкомъ былъ близокъ къ слѣпымъ силамъ природы, вошедшимъ въ его темпераментъ, въ самое его сложеніе».

Въ заключеніе мнѣ остается указать на четыре тома, посвященные Джюстиномъ Макъ-Карти исторіи Великобританіи въ царствованіе королевы Викторіи. Присоединивъ его сочиненіе къ книгѣ Спенсера Вальполя, мы получимъ полную исторію Англіи въ XIX столѣтіи. Я сказалъ по поводу послѣдней, что въ ней не чувствовалось большой необходимости, такъ какъ мы имѣемъ книгу миссъ Мартино. Но тѣмъ не менѣе въ трехъ томахъ Вальполя находятся части отлично обработанныя, съ справками, примѣчаніями и доказательствами въ подкрѣпленіе его взглядовъ, которые показываютъ, что мы имѣемъ дѣло съ настоящимъ историкомъ.

Нельзя сказать того же самаго о Макъ-Карти. Пріятный романистъ, онъ вздумалъ стать лѣтописцемъ. «Не будемъ форсировать свое дарованіе», говоритъ баснописецъ весьма основательно, и мы имѣемъ тому новое доказательство. Авторъ и его друзья, я знаю, не затруднятся отвѣтить мнѣ: они укажутъ мнѣ на безспорный успѣхъ произведенія. Дѣйствительно, общимъ крикомъ, по крайней мѣрѣ среди либераловъ и приверженцевъ Гладстона, было: «это великолѣпно! это читается, какъ романъ!» Дѣйствительно! Самыя названія главъ имѣютъ веселый видъ и напоминаютъ гораздо болѣе «Roman comique» Скаррона, нежели Тита-Ливія, или хотя бы Маколея; напр.: «Король умеръ! да здравствуетъ королева!» «Question de jupons» (по-французски), «Синай», «Гдѣ былъ лордъ Пальмерстонъ?» и пр. Въ особенности мнѣ нравится послѣднее. Это наводитъ васъ на разныя мысли

и шутка становится особенно мила, когда увидишь, что въ этой главѣ трактуется конецъ 1853 г. и начало крымской войны.

Но что-же однако! Можно придумать нелѣпыя заглавія и написать превосходныя главы. Но это физически невозможно для того, кто не имѣетъ самыхъ элементарныхъ свѣдѣній въ политической наукѣ. Вотъ какъ, напримѣръ, авторъ опредѣляетъ то, что «на *воровскомъ* языкѣ континентальной демократіи называется революціей?» (in the slang of continental democracy). «Революція,—говоритъ онъ,—была принципомъ, утверждавшимъ на всемъ пространствѣ Европы низверженіе абсолютной власти королей, и слово выражено это такъ хорошо, какъ никакое другое» ст. I, стр. 108).

Можно было бы напомнить пріятному разсказчику, что принципъ, который континентальная демократія на своемъ «воровскомъ» языкѣ называетъ революціей, этотъ принципъ, великолѣпно характеризованный Гегелемъ въ знаменитой главѣ «Die Aufklärung und die Revoluzion»,—гораздо обширнѣе и сложнѣе, чѣмъ ему это представляется.

Фразы, подобныя вышеприведенной, при всей своей краткости, характеризуютъ человѣка и книгу. Говорю это, не отрицая живости изложенія и ума автора, и въ этомъ отношеніи его сочиненіе будетъ по вкусу лицамъ, желающимъ получить поверхностное знакомство съ исторіей современной Англіи; но кто желаетъ серьёзно изучить ее, тѣмъ можно посовѣтовать лучше подождать послѣднихъ томовъ сочиненія Спенсера Вальполя,—или наконецъ въ ожиданіи ихъ заглянуть въ сочиненіе Молесворта [1]).

II.

1) *Sir J. Gardner Wilkinson:* The manners and customs of the ancient Egyptians, a new edition revised and corrected by *Samuel Birch*, keeper of the Egyptian and Oriental antiquities in the British Museum. London, 3 vol., with illustrations. 1878.— 2) *Le Page Renouf:* The origin and growth of Religion, as illustrated by the religion of ancient Egypt. London. 1 vol. 1880.

Не знаю, есть ли еще какой-нибудь народъ, исторія котораго представляла бы столько интереса, какъ исторія древнихъ

[1]) The History of England 1830—1874. Abridged edition. London; 1 vol. 1877. —Мы должны также указать на изданіе послѣднихъ томовъ сочиненій, о которыхъ я говорилъ въ предыдущихъ письмахъ: 1) „The life of the Prince Consort", by Sir Thomas Martin. London, vol. V, 1880. 2) „The history of the english people", by Green. Vol. III—IV. 1880.

египтянъ, этихъ, по истинѣ допотопныхъ, въ библейскомъ смыслѣ, обитателей долины Нила, съумѣвшихъ сохраниться до нашихъ временъ въ видѣ мумій, и право—недурно сохраниться. За четыре тысячи лѣтъ до той эпохи, когда наши предки, арійцы, вышли изъ мрака каменнаго періода, эти люди уже играли на арфѣ и носили парики, не уступавшіе парику пышной памяти короля Лудовика XIV, строили Лабиринтъ и Серапеумъ, украшали Ѳивы и Мемфисъ сотнями великолѣпныхъ зданій,

...avec leurs vastes salles
Où, sans jamais lever leurs têtes colossales,
Veillaient, assis en cercle et se regardant tous,
Des Dieux d'airain, posant les mains sur leurs genoux [1]).

Да, въ богахъ недостатка не было. Всѣ труды Лепсіусовъ, Бругшей и Маріэль-беевъ, не могли еще вполнѣ расчистить тотъ хаосъ божествъ, не считая кошекъ, крокодиловъ, ибисовъ и другихъ священныхъ животныхъ—почти всю нильскую фауну. Эта египетская задача занимаетъ насъ не только съ точки зрѣнія науки о религіяхъ; вся антропологія съ ея различными отраслями, этнологія, лингвистика, исторія цивилизаціи, научная политика съ живымъ интересомъ ожидаютъ ея окончательнаго рѣшенія.

Къ несчастію, вышеназванныя книги не даютъ этого рѣшенія; за то по крайней мѣрѣ онѣ доставляютъ матеріалъ для него. Сэръ Гарднеръ Вилькинсонъ провелъ когда-то въ Египтѣ 12 лѣтъ, и въ 1837 г. напечаталъ первое изданіе своего обширнаго труда, интереснаго для насъ, между прочимъ, и какъ примѣръ тѣхъ услугъ, которыя можетъ оказать для науки человѣкъ не особенно талантливый, но трудолюбивый. Онъ умеръ въ 1875 г.; посмертному изданію его сочиненій придаютъ особенную цѣну примѣчанія и дополненія въ самомъ текстѣ, сдѣланныя Самуэлемъ Бёрчемъ, знаменитѣйшимъ египтологомъ Англіи. Не всѣмъ доступны сочиненія Лепсіуса; что же касается превосходнаго труда д-ра Бругша [2]), то онъ ограничивается исключительно исторіей въ тѣсномъ смыслѣ. Имѣя подъ руками сочиненіе Вилькинсона, доступное для всѣхъ по цѣнѣ, вы найдете въ немъ цѣлый репертуаръ египтологіи во всемъ, что касается религіи, нравовъ, законовъ, обычаевъ и проч.; — все это иллюстрировано безчисленными снимками съ памятниковъ.

[1]) *Victor Hugo*, Les Orientales (Le feu du ciel):... „съ ихъ обширными залами, гдѣ бронзовые боги, никогда не поднимавшіе своихъ колоссальныхъ головъ, сидѣли въ кружкѣ, глядя другъ на друга и положивъ руки на колѣни“.

[2]) Geschichte Aegyptens unter den Pharaonen, 1877.

«Теперь,—говоритъ Геродотъ,—я подробнѣе опишу Египетъ, такъ какъ въ немъ больше чудесъ, чѣмъ въ любой изъ другихъ странъ» (II, 35). И дѣйствительно, древній историкъ посвящаетъ много прекрасныхъ главъ своей книги описанію этихъ чудесъ; чудеса казались новымъ ученымъ, а особливо случайнымъ эллинистамъ, такъ невѣроятны, что они объявили Геродота вралемъ и «бабой». Но въ одинъ прекрасный день, Юнгъ и Шампольонъ догадались, что іероглифы служили вмѣсто буквъ; разобрали ихъ, и съ тѣхъ поръ Геродотъ занялъ подобающее ему мѣсто въ первомъ ряду историковъ. Тацитъ уже 1500 лѣтъ назадъ зналъ, что эти фигуры означаютъ буквы, *litera aegyptia*, какъ онъ ихъ называетъ. Долго бились ученые, пока убѣдились, что азбука была первоначально изобрѣтена египтянами, а не финикіянами. Между тѣмъ тотъ же Тацитъ говоритъ: «египтяне выдаютъ себя за изобрѣтателей азбуки; они говорятъ, что финикіяне, народъ, занимающійся мореплаваніемъ, перенесли ее изъ Египта въ Грецію, и такимъ образомъ прославились, какъ изобрѣтатели того, что на самомъ дѣлѣ узнали отъ другихъ». (Annales, XI, 14). Если бы ученые обратились къ великому лѣтописцу, т.-е. руководствовались его драгоцѣнными указаніями—имъ не пришлось бы потратить даромъ столько труда. Но древніе представлялись тогда интересными только съ литературной стороны, и ихъ научнаго значенія не хотѣли видѣть.

Наконецъ, ученые взялись за умъ. Въ настоящее время, такой египтологъ, какъ Масперо, находитъ самымъ удобнымъ напечатать комментаріи ко второй книгѣ Геродота,—не съ тѣмъ, чтобы опровергать и поправлять его, но скорѣе съ тѣмъ, чтобы указать на замѣчательное согласіе греческаго текста съ египетскими памятниками и папирусами. Съ такимъ же безконечнымъ презрѣніемъ, какъ къ «отцу исторіи», относились и къ Манеѳону, этому злополучному жрецу; въ особенности къ его хронологіи, такъ мало совпадавшей съ прежними традиціями и мнѣніями. Теперь, Маріэль-бей, удивительныя открытія котораго извѣстны всему міру, Маріэль-бей принимаетъ за основаніе египетской исторіи хронологію этого самого Манеѳона, и нимало не затрудняется отнести за 5000 лѣтъ до нашей эры царствованіе перваго извѣстнаго исторіи египетскаго царя: египетская цивилизація достигла уже полнаго блеска въ ту эпоху, представляющуюся намъ баснословной—такъ она далека отъ насъ.

Уже одна провѣрка древнихъ, сдѣланная новѣйшими учеными, была очень важнымъ пріобрѣтеніемъ. Но результатъ ока-

лался еще богаче: открыли нѣсколько новыхъ фактовъ, исправили другіе.

Такъ, напримѣръ, теперь знаютъ, на основаніи сохранившихся памятниковъ, что различіе между сословіями не было такъ рѣзко, какъ утверждаютъ Геродотъ и Діодоръ. «Жрецъ,— говоритъ Бёрчъ,—часто былъ военачальникомъ и въ то же время наблюдалъ за общественными работами, и ничто не мѣшало его сыновьямъ сдѣлаться писарями или чиновниками». Но, вообще говоря, небольшое число знатныхъ фамилій держало въ своихъ рукахъ всѣ доходныя мѣста государства и передавало ихъ изъ поколѣнія въ поколѣніе, какъ это и теперь еще дѣлается въ цивилизованныхъ странахъ; это обстоятельство оправдываетъ мнѣніе греческихъ писателей.

Къ сожалѣнію, современные египтологи мало еще прибавили къ нашимъ свѣдѣніямъ о религіи и нравахъ. Скажу болѣе,— я рѣшаюсь утверждать, что въ этомъ отношеніи извѣстія Геродота, и въ особенности Діодора, несравненно яснѣе и поучительнѣе всѣхъ декламацій виконта де-Руже и другихъ по поводу книги погребальныхъ обрядовъ (*Todtenbuch*). Эти послѣдніе представляютъ намъ современниковъ пирамидъ почитателями единаго Бога, усердными монотеистами, способными соперничать съ Моисеемъ и пророками. И все это на основаніи немногихъ загадочныхъ фразъ, разбросанныхъ тамъ и сямъ, преимущественно въ «книгѣ мертвыхъ», фразъ, которыя можно объяснить на десять ладовъ! Впрочемъ, это несчастное стремленіе видѣть повсюду монотеизмъ присуще многимъ современнымъ ученымъ: встрѣтится имъ въ Гомеровыхъ поэмахъ эпитетъ Зевса «царь боговъ и людей», — съ нихъ этого довольно; остальные боги совершенно умаляются въ ихъ глазахъ, а повелитель боговъ принимается за единаго бога, тогда какъ на самомъ дѣлѣ мы видимъ здѣсь просто примѣръ того, какъ понятіе о земной іерархіи начальниковъ, князей и царей переносится, въ силу антропоморфическаго процесса, на іерархію небесную.

Лепажъ Ренуфъ въ своей книгѣ очень основательно возстаетъ противъ этого направленія. «Въ выраженіяхъ *nuk pu nuk — sum qui sum*, которыя попадаются иногда въ «книгѣ мертвыхъ», еще нельзя,—говоритъ онъ,—видѣть опредѣленіе божества, тѣмъ болѣе, что въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ встрѣчаются эти выраженія, нѣтъ и рѣчи о таинственныхъ доктринахъ, трактующихъ о природѣ божества». По этому примѣру можно судить и объ остальныхъ; при помощи этихъ загадочныхъ выраженій,

часто непонятныхъ и для самихъ ихъ авторовъ, не трудно приписать цѣлому народу самыя трансцендентальныя доктрины.

Авторъ, о которомъ я только-что упоминалъ, думаетъ, что египетская миѳологія, не имѣющая ничего общаго съ монотеизмомъ, можетъ быть уподоблена миѳологіи индо-европейскихъ племенъ. Напримѣръ, Озирисъ *(Гезири)* женится на своей сестрѣ *Гезъ (Изида)* еще въ то время, когда находятся во чревѣ своей матери, *Нутъ*. Изида—это Аврора; отъ Озириса у ней родится сынъ *Гаръ* (Горусъ), олицетворяющій собой солнце въ полдень. Братъ Озириса—*Сетъ*, т.-е. ночь или мракъ (греческій Тифонъ), его жена *Небти*—т.-е. заходящее солнце; онъ убиваетъ Озириса, который съ этихъ поръ царствуетъ въ подземномъ мірѣ и судитъ мертвыхъ. Я знаю, что и на этомъ пути легко увлечься въ фантазіи и придаю значеніе взглядамъ Ренуфа, только какъ весьма серьёзнымъ указаніямъ; онъ, безъ сомнѣнія, намѣтилъ вѣрный путь, но наука трудна, а въ особенности наука о религіяхъ; и въ ней особенно нужно воздерживаться отъ слишкомъ поспѣшныхъ заключеній, къ которымъ до сихъ поръ слишкомъ склонны были ея адепты.

Слѣдовало бы также отдѣлаться отъ того таинственнаго, душеспасительнаго тона, которымъ очень часто отличаются описанія страны пирамидъ. Египтяне, кажется, сдѣлались любимымъ конькомъ спиритуалистовъ, изгнанныхъ изъ всѣхъ другихъ областей. Чистота, нравственность, безсмертіе души, покорность судьбѣ и проч. и проч.—вотъ неистощимая тэма для нашихъ современныхъ авторовъ. Даже такой серьёзный ученый, какъ Масперо находитъ всѣ эти качества въ позахъ и выраженіи лицъ статуй: «голова имѣетъ обыкновенно характеръ инстинктивной кротости и даже грусти», говоритъ онъ; «продолговатый ротъ улыбается покорно и почти скорбно» и т. п. [1]). Такова сила воображенія подъ вліяніемъ предвзятой мысли! Я очень радъ, что могу опереться на авторитетъ Бругша, который энергично возстаетъ противъ этой маніи изображать египтянъ печальными философами и живыми муміями. И въ этомъ случаѣ древніе авторы согласны съ памятниками. Я ограничусь тѣмъ, что укажу на 167 рисунокъ у Вилькинсона, изображающій египтянку высшаго свѣта, которая облегчаетъ желудокъ послѣ слишкомъ обильнаго пиршества; служанка подбѣгаетъ слишкомъ поздно, протягивая одну руку, чтобы поддержать голову госпожи и держа въ другой какой-то сосудъ, ad hoc вѣроятно, но въ данномъ случаѣ безполезный.

---

[1]) *Maspero*, Histoire ancienne de peuples de l'Orient. Paris. 1875. p. 16.

Что касается женщинъ, онѣ пользовались въ этой странѣ гораздо большей свободой и привилегіями, чѣмъ во многихъ другихъ. Это крайне интересный предметъ; но я могу только указать на него, и рекомендовать читателю, желающему расширить свои познанія на этотъ счетъ, книгу ученаго Бахофена [1]) — неисчерпаемый источникъ свѣдѣній о «женскомъ правѣ» въ древности.

III.

J. A. Froude: Caesar, a sketch. London, 1879.

Жюль Труба, секретарь Сентъ-Бёва, издатель посмертныхъ сочиненій своего патрона, разсказываетъ интересный анекдотъ. Наполеонъ III только-что далъ новое доказательство своихъ умственныхъ способностей, издавъ исторію Цезаря. Я не говорю объ исполненіи; но самая идея рѣшительно нелѣпа со стороны человѣка, которому всячески слѣдовало стараться отклонить возможныя параллели. Всѣ оффиціальные и оффиціозные журналы разсыпались въ похвалахъ, исключая «Constitutionnel», гдѣ писалъ тогда Сентъ-Бёвъ.—«Что-же статья?—сказалъ ему однажды главный редакторъ. «Какая статья?»—«Статья о Цезарѣ; о какой же другой статьѣ можетъ быть теперь рѣчь? я обѣщалъ ее сегодня утромъ Конти (секретарь императора), вы напишете ее, неправда-ли?» И такъ какъ редакторъ настаивалъ, несмотря на отказъ своего собесѣдника, великій критикъ вышелъ изъ себя и закричалъ: «А! вы хотите меня обезчестить! Моя критика только тѣмъ и хороша, что никогда не льститъ. Моя литературная честность—вотъ единственная гарантія моего таланта. Я не могу свободно говорить объ этой книгѣ въ «Constitutionnel'ѣ»; эта книга имѣетъ цѣну только благодаря помѣщеннымъ въ ней документамъ, которые доставлены учеными». Такъ Сентъ-Бёвъ и не написалъ статьи; но, возвратившись домой подъ впечатлѣніемъ спора, продиктовалъ три замѣчательныя страницы о «двухъ родахъ Цезарей»: однихъ истинныхъ, т.-е. Цезаряхъ по своей природѣ и генію, затѣмъ—цезаряхъ втораго порядка, или случайныхъ, тупыхъ, трудолюбивыхъ и какъ-бы искусственныхъ [2]).

На дѣлѣ, вторые цезари чрезвычайно вредятъ первымъ. Никогда исторія и потомство не произнесли бы такого суроваго

---

[1]) Das Mutterrecht. Stuttgart. Krais und Hofmann. 1861.

[2]) *Сентъ-Бевъ,* Nouveaux Lundis, t. XIII, p. 456. Paris. 1872.

приговора надъ *истиннымъ* Наполеономъ, еслибъ не кровавое начало и позорный конецъ второй имперіи. Можно безошибочно сказать, что третій Бонапартъ нанесъ смертельный ударъ славѣ перваго. Мало того: этотъ позорный деспотизмъ, родившійся изъ настоящихъ подонковъ общества въ ту минуту, когда его всего менѣе можно было ожидать, неблагопріятно отразился и на деспотахъ прежнихъ временъ. Только большая смѣлость и глубокое философское убѣжденіе могли заставить Огюста Конта написать въ 1853 году, черезъ 18 мѣсяцевъ послѣ coup d'état, слѣдующія строки о Цезарѣ: «Такимъ образомъ, западный диктаторъ, способный повидимому только на военные подвиги, намѣревался преобразовать военную жизнь въ промышленную; это доказывается замѣчательными трудами и даже попытками, изъ которыхъ многія остались не оконченными. Но позорное убійство, столько же безумное, сколько презрѣнное, и въ которомъ метафизическій фанатизмъ подкрѣпилъ аристократическую ярость, доказало, какое вліяніе можетъ оказать личное покушеніе на историческія судьбы общества» [1]).

Приведенныя слова, при другихъ идеяхъ Конта, вовсе не заключаютъ въ себѣ апологію королевской власти; рѣчь идетъ только объ убійствѣ спеціальнаго лица, называвшагося Цезаремъ—имя котораго, болѣе или менѣе искаженное, служитъ еще и теперь для величанія вождей народа; это лицо признается необходимымъ, если не для спасенія римской республики, то по крайней мѣрѣ для спасенія римской цивилизаціи.

Дѣйствительно, вопросъ долженъ разсматриваться съ этой точки зрѣнія, какъ и дѣлаетъ Фрудъ; онъ разрѣшилъ его согласно Конту и Моммзену.

Знаменитый историкъ Англіи въ эпоху Тюдоровъ и владычества Англіи въ Ирландіи въ XVIII столѣтіи и въ этой новой своей книгѣ проявилъ всю силу и весь блескъ, которыми обыкновенно отличаются его произведенія. Въ силу своего прирожденнаго дарованія и по странному противорѣчію, этотъ авторъ только и дѣлаетъ, что опровергаетъ свою же собственную теорію: отчаянный противникъ философіи исторіи, онъ постоянно разсуждаетъ, какъ историкъ-философъ. Читая его произведенія, вы можете быть увѣрены, что рядомъ съ заключеніями, иногда рискованными, найдете однако чрезвычайно интересные и справедливые взгляды. Вотъ, напримѣръ, его описаніе римской республики въ эпоху Цезаря.

[1]) *Politique Positive*, III, p. 388.

«Эпоха Катона и Помпея, Цицерона и Юлія Цезаря возстаетъ передъ нами живая и ясная, тѣмъ болѣе живая, что она во многихъ отношеніяхъ аналогична съ современной эпохой; это періодъ расцвѣта древней цивилизаціи, когда умственныя способности достигли своего полнаго развитія,—тѣ же думы и сомнѣнія, что и теперь, та же борьба и даже надежды волновали умы по поводу великихъ всемірныхъ вопросовъ, по поводу нравственности и политики, поэзіи, искусствъ и самой религіи. То была эпоха матеріальнаго прогресса и матеріальной цивилизаціи; эпоха гражданской свободы и умственной культуры, эпоха памфлетовъ и эпиграммъ, салоновъ и обѣдовъ, сенатскаго большинства и избирательныхъ подкуповъ. Въ теоріи, самыя высшія должности въ государствѣ были открыты для самаго смиреннаго гражданина; на практикѣ онѣ были доступны только для людей съ туго-набитымъ кошелькомъ, или для краснобаевъ, отличавшихся на трибунѣ... Религія, бывшая нѣкогда основой закона, руководившая поступками людей, превратилась въ простое мнѣніе. Образованные люди отступились отъ нея. Храмы еще строились съ возрастающимъ великолѣпіемъ, внѣшніе обряды тщательно соблюдались. Но атмосфера была насыщена всякаго рода лицемѣріемъ: нравственнымъ, религіознымъ, политическимъ. Самые искренніе мыслители были тѣ, которые, подобно Лукрецію, свободно излагали свои мнѣнія, называли идею о Провидѣніи бредомъ, и провозглашали, что человѣкъ и міръ—явленія матеріальныя, происшедшія въ силу естественныхъ законовъ изъ столкновенія атомовъ съ тѣмъ, чтобы со временемъ снова распасться на атомы».

Это сравненіе эпохи Цезаря съ современной эпохой придаетъ еще бо́льшую привлекательность книгѣ Фруда. Далѣе онъ говоритъ: «можетъ быть, господствующія нынѣ стремленія и идеи приведутъ общество къ такимъ же результатамъ черезъ небольшое число поколѣній, если только не произойдетъ обновленія въ идеяхъ. И надо прибавить, что если только это возрожденіе не совершится въ какой бы то ни было формѣ, то силы, управляющія ходомъ исторіи, приведутъ къ паденію такъ-называемыхъ свободныхъ учрежденій. Народныя формы правленія возможны только тогда, когда личности руководятся въ своемъ поведеніи принципами нравственности, когда долгъ беретъ верхъ надъ удовольствіемъ, правосудіе надъ выгодой».

Оставляю пока въ сторонѣ вопросъ о томъ, дѣйствительно ли обѣ эпохи тождественны, есть ли даже между ними хоть какая-нибудь аналогія. Что римское государство за 50 л. до Р. Х. находилось въ періодѣ относительнаго разложенія—это всякій

знаетъ; остается только изслѣдовать дѣйствительныя причины этого разложенія, и рѣшить вопросъ о томъ, насколько диктатура Цезаря и имперія были необходимы для поддержанія status quo и замедленія катастрофы. Я знаю, что, по прекрасному выраженію Фруда, «римская нація росла, какъ растетъ дубъ, свободно развиваясь на почвѣ строгой нравственности, причемъ каждый гражданинъ носилъ законъ въ своей душѣ,—вотъ почему она и достигла безпримѣрной степени политической свободы». Но я утверждаю также, что эти люди, столь способные къ свободѣ, въ теченіи 400 лѣтъ добивались этой свободы и уравненія политическихъ правъ и пользовались ими только съ 366 до 133 г., т.-е. немногимъ больше 200 лѣтъ; затѣмъ убійство Тиверія Гракха партіею вельможъ на-долго отсрочило рѣшеніе вопроса о равенствѣ и свободѣ.

Итакъ, если римляне были не въ примѣръ прочимъ достойны свободы по своей нравственности, то нужно сознаться, что они не долго пользовались ею. Притомъ, развѣ они были обязаны религіи этою нравственностью? Этотъ вопросъ требуетъ объясненія: Фюстель де-Куланжъ въ своей очень ученой, но мало философской книгѣ [1]) далъ намъ фантастическую картину древней религіи, которая могла быть только религіей семьи, касты, самое бо́льшее—города; въ силу ея государство было религіозной общиной, внутри которой не существовало индивидуальной свободы, и проч. и проч. Такимъ образомъ, тамъ не могло быть ни независимости, ни широкихъ идей, ни братства: для этого нужно было христіанство. Таковы, по крайней мѣрѣ, заключенія автора.

Но дѣло въ томъ, что религія древнихъ не имѣетъ ничего общаго съ тѣмъ, что́ впослѣдствіи понималось подъ этимъ именемъ. Она заключала въ себѣ не только нравственность, но и патріотизмъ; не потому люди были патріотами, что были религіозны—такъ было, можетъ быть, во времена самыя отдаленныя, до-историческія; въ эпохи же цивилизованныя, историческія, человѣкъ бывалъ религіозенъ, потому что былъ патріотомъ. Религія служила только символомъ, въ дѣйствительности обожали городъ, т.-е. отечество, умирали за отечество, «pro patria mori».

Такимъ образомъ, говорить объ упадкѣ римскихъ нравовъ и религіи подъ вліяніемъ греческой литературы и философіи—значитъ впадать въ грубый анахронизмъ, смѣшивать современныя, христіанскія понятія съ понятіемъ древнихъ. Фрудъ только слегка коснулся этого предмета. Но если кто превзошелъ всякую мѣру

[1]) *La Cité antique.*

нелѣпаго въ этомъ отношеніи,—такъ это бывшій министръ народнаго просвѣщенія во Франціи, Викторъ Дюрюи, авторъ исторіи римлянъ, напечатанной нѣсколько лѣтъ тому назадъ и встрѣченной полнымъ равнодушіемъ публики. Теперь ее хотятъ пустить въ ходъ при помощи всевозможныхъ картинокъ и иллюстрацій. Я не сталъ бы и упоминать объ этой плохой компиляціи Моммзена, еслибъ не эти попытки сдѣлать ее популярной.

Въ ней въ полномъ блескѣ изложено нелѣпое ученіе, о которомъ я упоминалъ. По мнѣнію Дюрюи, Греція погубила Римъ; Карнеадъ занесъ сюда свою скептическую философію, возбудилъ презрѣніе къ богамъ; и вотъ, съ этого времени Римъ начинаетъ копировать Грецію въ наукѣ, въ литературѣ, въ искусствахъ, переводитъ, подражаетъ безъ устали. «Тотъ родъ литературы, въ которомъ болѣе всего было сдѣлано успѣховъ, комедія, не имѣла ничего римскаго». Взгляните же, въ чемъ выразилось паденіе: Лукрецій — этотъ римлянинъ, передавшій будущимъ поколѣніямъ прославленное ученіе Демокрита и Эпикура; Цицеронъ не могъ бы явиться безъ греческой культуры, Виргилій — тоже, какъ и всѣ остальные, которыхъ безполезно здѣсь упоминать. Да, конечно, всѣ римскія произведенія были только копіями съ греческихъ. Но такъ какъ римляне, подобно спартанцамъ, были неспособны создать собственную литературу и искусство, то нужно похвалить ихъ за умѣнье усвоить чужую цивилизацію; и нельзя не признать, что благодаря этой неоцѣненной помощи они могли въ теченіе многихъ вѣковъ поддерживать свое величіе и господство.

Одинъ геніальный человѣкъ, но плохой философъ, уже давно сталъ это говорить [1]).

Напрасно Дюрюи вздумалъ браться за это дѣло послѣ Руссо. Подобныя вещи могутъ пройти только подъ покровомъ несравненнаго краснорѣчія; притомъ же Руссо вовсе не имѣлъ претензій на научность. Но когда вамъ повторяютъ въ нелѣпомъ видѣ чужія восклицанія: «brisez-moi ces marbres, brulez-moi ces tableaux»—этого нельзя пропустить, не заклеймивъ по достоинству безстыднаго человѣка, поносящаго древнюю Грецію —надо думать, безсознательно — за ея цивилизацію, это прекрасное, благородное воплощеніе человѣческаго разума.

Упадокъ и паденіе Рима произошли въ силу политическихъ

1) J. J. Rousseau. Discours sur les Sciences et les arts.

«O Fabricius! qu'aurait pensé votre grande âme, si pour votre malheur rappelé à la vie, vous eussiez vu la face pompeuse de cette Rome sauvée par votre bras et que votre nom respectable avait plus illustrée que touts ses conquêtes!»

причинъ; литература и философія спасли бы его, еслибъ его можно было спасти. Онѣ явились слишкомъ поздно. Республика уже готова была рухнуть, вслѣдствіе владычества олигархіи. Разрушается только тотъ порядокъ, который уже отжилъ свой вѣкъ; для римской жизни этотъ часъ уже пробилъ. На самомъ дѣлѣ, онъ пробилъ давно,—еще въ тотъ день, когда первый Гракхъ палъ въ крови на римской площади, убитый наемными убійцами аристократіи.

Могъ ли Цезарь, побѣдитель оптиматовъ, спасти государство, не установивъ постоянной диктатуры, а возвративъ власть народной партіи, партіи плебеевъ? Этотъ важный вопросъ Фрудъ рѣшаетъ отрицательно, согласно съ Контомъ и почти всѣми компетентными людьми, всѣми современными историками Рима; я не говорю о безчисленныхъ декламаціяхъ, которыя, какъ бы ни были похвальны ихъ мотивы, не имѣютъ ничего общаго съ научной теоріей и здравой критикой фактовъ. Еще нѣсколько словъ: врядъ-ли возможно, чтобы римскій народъ, допустившій убійство обоихъ Гракховъ, имѣлъ достаточно энергіи, чтобы сохранить за собой власть, если бы ему возвратили ее. Однако, онъ все-таки не бросился добровольно въ рабство, и когда Цезарь, движимый слабостью, такъ мало идущею къ его блестящимъ качествамъ, допустилъ въ видѣ опыта предложить себѣ корону, онъ могъ убѣдиться, что исторія Тарквиніевъ и перваго Брута еще не забыта народомъ. Такимъ образомъ, народъ римскій имѣлъ по крайней мѣрѣ ту заслугу, что сохранилъ за государствомъ его старинный и славный титулъ. Многіе назовутъ этотъ титулъ пустой формулой, которой не слѣдуетъ придавать особеннаго значенія. Но точно также не слѣдуетъ и умалять его; слова такъ же, какъ и вещи, имѣютъ свое значеніе, и древній символъ «Senatus populusque Romanus» въ теченіи вѣковъ поддерживалъ воспоминаніе о древней славѣ и свободѣ.

IV.

1) *A. C. Swinburne*, a Study of Shakespeare. London, 1880. 2) *A new Variorum Edition of Shakespeare*, by H. Furness. London and Philadelphia; 3) *Hallewell-Philipps*. Memoranda of the tragedy of Hamlet. London, 1879.

Прежде всего слѣдуетъ указать на это новое «editio variorum» Шекспира, которое изготовляетъ въ Америкѣ Фёрнессъ. До сихъ поръ еще не было такого полнаго изданія; а въ данномъ случаѣ «полный» можетъ считаться синонимомъ совершеннаго.

Послѣднее изданіе въ этомъ родѣ, изданіе 1821 г., уже давно распродано; необходимо было новое; но самые смѣлые отступали передъ такой геркулесовской работой. Такимъ образомъ, почитатели Шекспира обязаны великою благодарностью человѣку, который рѣшился взять на себя этотъ трудъ, и мы можемъ только рекомендовать имъ пріобрѣтать это изданіе по мѣрѣ его выхода въ свѣтъ. Съ 1873 г. появились четыре пьесы; остальныя будутъ появляться по мѣрѣ возможности. Впрочемъ, способъ изданія имѣетъ ту выгоду, что облегчаетъ покупку: «Macbeth» и «Romeo and Juliet» стоятъ по 15 шиллинговъ каждая; «Hamlet», въ 2 томахъ, стоитъ 30 шиллинговъ.

Можно благодарить трудолюбиваго издателя и за то, что онъ сохранилъ старую и—прибавимъ—законную орѳографію имени Шекспира: «Shakespeare». Эта орѳографія соблюдается и въ трехъ вышеозначенныхъ сочиненіяхъ, принадлежащихъ поэту и «scholar'у», котораго репутація внѣ всякаго сомнѣнія. Это — реакція противъ способа, введеннаго новымъ «Shakspere Society», основаннымъ въ 1874 г. и нашедшимъ достойнаго представителя въ лицѣ предсѣдателя, Фёрнивалля, литератора, какихъ много, замѣняющаго умъ «сердечными качествами» и вполнѣ заслужившаго титулъ «blackguard'a», со стороны Суинбёрна, который подвергался неприличнымъ нападкамъ съ его стороны.

«New Shakspere Society» имѣетъ, конечно, въ числѣ своихъ членовъ людей образованныхъ; но направленіе массы самое плачевное. Главное занятіе состоитъ въ очищеніи Шекспировскихъ стиховъ: считаютъ стопы, цезуры, стихи, въ которыхъ одинъ слогъ лишній, стихи, въ которыхъ этотъ лишній слогъ односложное слово, и проч. и проч. Все это вещи полезныя, если не дѣлать изъ нихъ главной и единственной цѣли своихъ занятій, какъ дѣлаютъ эти господа. Прибавьте сюда презрѣніе къ «такъ-называемымъ эстетическимъ» книгамъ, какъ они ихъ называютъ, т. е. къ критическимъ трудамъ Гервинуса, Виктора Гюго и проч.

Собственныя книги членовъ общества не заслуживаютъ вовсе названія эстетическихъ и, вѣроятно, никто не будетъ въ претензіи на Суинбёрна за то, что онъ осмѣялъ это странное общество на послѣднихъ страницахъ своего «Study of Shakspeare». Такъ, напримѣръ, одинъ изъ самыхъ главныхъ членовъ этого общества, посредствомъ вышеупомянутыхъ пріемовъ, пришелъ къ весьма неожиданнымъ заключеніямъ, въ родѣ слѣдующаго: «Юлій Цезарь», въ томъ видѣ, какъ мы его знаемъ, не оригинальная

пьеса Шекспира; это сокращеніе, сдѣланное Бенъ-Джонсономъ. Вотъ доказательство: Джонсонъ всегда пишетъ «Antony» безъ h, Шекспиръ постоянно пишетъ это слово съ h, за исключеніемъ упомянутой пьесы [1]). Я не преувеличиваю; приводится, правда, еще около дюжины подобныхъ аргументовъ; но это самый важный. Сказать правду, это не дѣлаетъ чести англійской критикѣ. Читая заглавіе новой поэмы Виктора Гюго [2]), невольно вспоминаешь объ этихъ ученыхъ: хорошо, если бы авторъ мѣтилъ только въ имъ подобныхъ!

Фёрниваль и его друзья добились принятія новой ореографіи «Shakspere», между прочимъ и со стороны библіотекаря «British Museum». Но если Шекспиръ писалъ свое имя различнымъ образомъ, то во всѣхъ современныхъ ему сочиненіяхъ, также какъ и въ его собственныхъ, это имя пишется съ общепринятою ореографіей: «Shakespeare». Мало того, весь міръ, въ теченіе почти 300 лѣтъ, писалъ его такимъ образомъ; такъ оно вырѣзано на мраморѣ и бронзѣ въ главныхъ городахъ Европы; такъ что великая англійская библіотека—первая библіотека въ мірѣ—совершенно некстати обезобразила въ своихъ каталогахъ имя, уже освященное потомствомъ. И безъ сомнѣнія эта реформа, несмотря на примѣръ сверху, не осуществится; читатель найдетъ обыкновенную ореографію имени автора «Гамлета» въ трехъ сочиненіяхъ, означенныхъ въ заголовкѣ этой главы, принадлежащихъ извѣстнымъ ученымъ (одинъ изъ нихъ знаменитый поэтъ), хорошо знающимъ шекспировскую литературу.

Впрочемъ, надо отдать справедливость «Новому Обществу» —оно очень ревностно старается возбудить и распространить охоту къ изученію Шекспира. Его перепечатки первыхъ «quarto» представляютъ значительный интересъ и даютъ возможность людямъ, не имѣющимъ доступа въ «British Museum», видѣть и оцѣнить первыя изданія шекспировскихъ пьесъ, сдѣланныя еще при жизни автора, но, къ сожалѣнію, слишкомъ малочисленныя. Я укажу также на однотомное изданіе Фёрниваля [3]) съ текстомъ Деліуса, и съ интереснымъ предисловіемъ ученаго издателя; въ немъ вы найдете всѣ справки, необходимыя для основательнаго изученія Шекспира. Это изданіе представляетъ также и другія выгоды; во-первыхъ, относительно умѣренная цѣна (12 шилл.)— обстоятельство весьма существенное въ виду сравнительнаго пре-

---

[1]) См. *Fleay*, Shakespeare manual. 1876.

[2]) „*L'âne*“.

[3]) «*The Leopold Shakspere*» with an Introduction by F. J. Furnivall; illustrated. London, Paris and New-York. 1 vol. in 8°, 1056 pag. 1877.

восходства книги; во-вторыхъ, пьесы расположены по возможности въ хронологическомъ порядкѣ и стихи понумерованы, что весьма важно для цитатъ; наконецъ—изданіе совершенно полное; кромѣ «Titus Andronicus» помѣщена и «Two noble Kinsmen», въ которой есть удивительныя мѣста, несомнѣнно принадлежащія Шекспиру. Можетъ быть, излишне было помѣщать трагедію «Edward III», авторъ которой до сихъ поръ не извѣстенъ, и которую врядъ ли можно приписать Шекспиру. Но заглавіе книги совершенно нелѣпо и вполнѣ характеризуетъ «New Shakspere Society». Пусть изданіе посвящено принцу Леопольду, если этого такъ уже хотѣлось, но писать «Leopold Shakspere» —это верхъ смѣшного.

Впрочемъ, какимъ бы изданіемъ вы ни обладали, но для серьёзнаго изученія Шекспира вамъ будетъ необходимъ «Shakespeare Lexicon» Александра Шмидта и справочный словарь Nares'а, если только у васъ нѣтъ превосходнаго изданія Dyce'а, къ которому приложенъ словарь. Слѣдуетъ также пріобрѣсть отдѣльныя пьесы, изданныя Clark'омъ и Wright'омъ въ «Clarendon Press Series», гдѣ многочисленныя примѣчанія даютъ ключъ ко всѣмъ затрудненіямъ относительно языка, театра, исторіи и проч.; только эстетическая часть, которой посвящены предисловія, хромаетъ. Пока напечатано только 12 пьесъ, но въ томъ числѣ самыя популярныя, какъ, напримѣръ, «Гамлетъ», «Макбетъ», «Король Лиръ», «Буря». Къ этимъ необходимымъ книгамъ можно прибавить книжку Fleay, гдѣ есть многочисленныя указанія касательно старинного театра и первыхъ изданій; но не слѣдуетъ придавать значеніе кропотливымъ изслѣдованіямъ самого автора и его теоріямъ относительно «Макбета» и «Юлія Цезаря». Наконецъ, полезно имѣть «Shakespearian grammar» Abbott'а необходимую для яснаго пониманія текста.

Но все это только сырой, необработанный матеріалъ; необходимо критическое освѣщеніе; и въ этомъ отношеніи помогутъ великіе комментаторы, Гервинусъ, Викторъ Гюго; только отецъ, а не сынъ, Франсуа Викторъ, превосходно переведшій Шекспира на французскій языкъ, но снабдившій каждую пьесу очень плохими комментаріями. Можно, пожалуй, присоединить сюда Даудена, Крейсига и, кстати, послѣднее сочиненіе Суинбёрна; но самое лучшее—ограничиться предыдущими, а въ особенности остерегаться, какъ чумы, тѣхъ, которые рядятъ Шекспира въ современное платье, дѣлаютъ изъ него романтика, и — что хуже всего—католика, или, какъ говорятъ въ Англіи,

«a christian». «Другъ мой,—говоритъ Фаустъ Вагнеру,—минувшіе вѣка для насъ—книга, запечатанная семью печатями:

Was ihr den Geist der Zeiten heisst
Das ist im Grund der Herren eigner Geist,
In dem die Zeiten sich bespiegeln».

Эту поразительную истину, такъ удивительно выраженную въ стихахъ, слѣдуетъ запомнить каждому критику. Типичный комментаторъ-фантазёръ есть напримѣръ Ульрици, который какъ будто поставилъ себѣ задачей, на пространствѣ двухъ объемистыхъ томовъ, оскорблять здравый смыслъ и истину.

А между тѣмъ вовсе не такъ трудно уяснить себѣ истинную философію Шекспира, и нигдѣ она не выражается съ такою силой, какъ въ пьесѣ, всѣми признанной за chef-d'oeuvre Шекспира, именно въ «Гамлетѣ». Какое огромное количество чернилъ и усилій потрачено для его объясненія. Объ этомъ только слабое понятіе даетъ изданіе Фёрнесса, гдѣ приведенъ разборъ и резюме болѣе 125 англійскихъ и иностранныхъ критиковъ, такъ что сказать что-нибудь новое объ этомъ предметѣ довольно трудно. Т. Рейнахъ вздумалъ недавно перевести «Гамлета» стихами на французскій языкъ, снабдивъ переводъ предисловіемъ, въ которомъ, между прочими чудесами, доказывается превосходство сына Гертруды надъ сыномъ Агамемнона. «Орестъ дышетъ ненавистью, Гамлетъ милосердіемъ, первый готовитъ мщеніе, второй искупленіе и раскаяніе» и проч. и проч. Но все это уже находится у Ульрици, французскому автору слѣдовало бы цитировать того служителя евангелической церкви, который восклицаетъ: «Вся эта пьеса написана въ интересахъ самой возвышенной христіанской нравственности; грѣшникъ могъ ее написать, святой могъ бы въ ней поучиться».

Къ сожалѣнію, литературной критикѣ приходится имѣть дѣло со всевозможными нелѣпостями и мистицизмомъ, тѣмъ болѣе, что нѣкоторыя выраженія въ этой пьесѣ даютъ поводъ къ недоразумѣніямъ. Мы уже имѣли случай говорить, что есть собственно три «Гамлета»: одинъ вовсе не принадлежитъ Шекспиру; другой передѣланъ имъ изъ перваго и только немногимъ отличается отъ него; третій, — настоящій «Гамлетъ», пересмотрѣнный, дополненный и значительно исправленный Шекспиромъ. Слѣдуетъ даже считать ихъ четыре, если не отождествлять съ первымъ «Гамлетомъ» (1587 г.) нѣмецкую пьесу о «Наказанномъ братоубійцѣ» или «Prinz Hamlet aus Denmark».

Дѣйствительно, Альбертъ *Конъ* доказалъ въ весьма интерес-

ной книгѣ [1]), что въ началѣ XVII вѣка англійскіе актеры играли комедію въ Германіи, и что канвою для означенной пьесы служилъ «Гамлетъ», игранный на нѣмецкой сценѣ еще во времена Шекспира. Нѣкоторые утверждали, что это могла быть простая передѣлка настоящаго «Гамлета» сообразно вкусамъ эпохи. Но вкусъ въ эту эпоху вовсе не былъ такъ дуренъ, чтобы требовать измѣненій, въ родѣ слѣдующаго: вмѣсто королевскихъ шпіоновъ, которымъ поручено убить Гамлета, являются два «bravi»; они бросаются на принца, но тотъ падаетъ на землю, такъ что они убиваютъ другъ друга. Подобнаго рода фарсы встрѣчаются въ «Friar Bacon» Грина и указываютъ на эпоху, уже минувшую; въ то время развитіе шло быстро, такъ что Кидъ и Гринъ очень далекъ отъ Марло и отъ Шекспира несмотря на то, что они были современниками!

Характернѣе всего, по моему мнѣнію, прекрасные стихи, изъ которыхъ состоитъ прологъ, служащій предисловіемъ къ трагедіи. Ничего подобнаго не встрѣчается у Шекспира. Но многія драмы Кида начинаются такимъ образомъ. И если кто-нибудь возьметъ на себя трудъ прочесть «Spanish Tragedy», съ ея ghost'омъ, съ ея аллегорическимъ лицомъ «Revenge» (месть), онъ легко найдетъ аналогію между идеями этой пьесы и тѣми, которыя выражены въ «Гамлетѣ». Я не могу основательно разобрать этотъ вопросъ; но убѣжденъ, что нѣмецкая пьеса о «Наказанномъ братоубійцѣ» есть только воспроизведеніе перваго «Гамлета», написаннаго, какъ мнѣ кажется, Томасомъ Кидомъ. Этимъ-то именно смѣшеніемъ идей Кида съ идеями Шекспира объясняются варіанты, если не характера, то философіи «Гамлета». Въ знаменитомъ монологѣ «To be or not to be», въ первомъ изданіи «Гамлета» (1603), попадаются стихи, въ которыхъ идетъ рѣчь о «вѣчномъ судьѣ», о «свѣтлыхъ надеждахъ», о будущей жизни:

Who would this endure
But for a hope of something after death?

Извѣстно, какой видъ приняли эти стихи въ окончательномъ изданіи: опасеніе замѣнило надежду, — измѣненіе чрезвычайно любопытное, какъ справедливо замѣтилъ Маршаль [2]). Но здѣсь не только надежды вѣрующаго замѣняются опасеніемъ скептика: Гамлетъ рѣшительно возстаетъ противъ остатковъ суевѣрія, противъ сомнѣнія, которое еще волнуетъ его. Итакъ, похожъ ли онъ

[1]) *Albert Cohn*, Shakespeare in Germany. 1865.

[2]) *A study of Hamlet*. London. 1875.

на христіанина, какимъ его силятся представить Ульрици и иными — онъ, который старается обнаружить всѣ слабыя стороны христіанской морали, дѣлающей насъ всѣхъ трусами: «makes cowards of us all».

Есть и другія различія, и возможность подобныхъ сравненій заставляетъ насъ раздѣлить восторгъ Суинбёрна по поводу открытія перваго «Гамлета», «этой безцѣнной находки, обязанной своимъ спасеніемъ хищничеству и счастливой алчности жаднаго издателя». Мы можемъ слѣдить шагъ за шагомъ за работой поэта, мы видимъ, какъ этотъ несравненный геній, котораго имѣли глупость обвинять въ презрѣніи къ славѣ и къ потомству, — съ любовью пересматриваетъ свою пьесу, стараясь насколько возможно согласить ее съ своими убѣжденіями. Всего характернѣе въ этомъ отношеніи измѣненіе словъ умирающаго Гамлета: «Heaven receive my soul!» — восклицаетъ онъ въ первой пьесѣ; «The rest is silence» — его послѣднія слова во второй. Комментаріи тутъ излишни.

А между тѣмъ они такъ и просятся на языкъ; было бы очень интересно изслѣдовать условія, эпоху и среду, подъ вліяніемъ которыхъ онъ дѣйствовалъ; доказать, что этотъ современникъ Джордано Бруно, Монтэня и Рабле былъ человѣкъ возрожденія, а не фанатикъ реформы. Какъ и Бруно, съ философіей котораго онъ повидимому знакомъ, онъ нѣсколько разъ указываетъ на круговоротъ матеріи и жизни; подобно Монтэню, онъ знаетъ, что «желаніе смерти есть желаніе свободы», что «умѣнье умирать освобождаетъ насъ отъ всякаго подчиненія и гнета». Вотъ почему Гамлетъ, этотъ типъ нерѣшительности и подчиненія, является человѣкомъ, у котораго желаніе смерти ничѣмъ не оканчивается, — человѣкомъ, который не умѣетъ умереть.

Относительно характера Гамлета существуютъ двѣ теоріи: одна принадлежитъ Гёте, и по моему мнѣнію, это единственная теорія, выдерживающая критику; другая, возобновленная Вердеромъ [1]), и поддерживаемая Суинбёрномъ и Галлуэлемъ. По мнѣнію послѣднихъ, Гамлетъ есть настоящій герой, которому только обстоятельства мѣшаютъ дѣйствовать. Теорія Вердера показалась новою, но еще въ 1778 Стивенсъ указалъ на быстроту и рѣшительность Гамлета при убійствѣ Розенкранца и Гильденштерна.

Суинбёрнъ останавливается особенно на второмъ большомъ монологѣ Гамлета. Намъ постоянно указываютъ на первый мо-

1) Vorlesungen über Hamlet. Berlin. 1875.

нологъ, говоритъ онъ, и пропускаютъ при чтеніи, а также и на сценѣ монологъ IV акта. Гамлетъ отправляется въ Англію; въ равнинѣ, черезъ которую ему нужно проходить, чтобы достигнуть берега, онъ встрѣчаетъ войско молодого Фортинбраса, идущее въ Польшу для завоеванія «жалкаго клочка земли». «Тутъ важно только названіе,—говоритъ ему капитанъ, къ которому онъ обращается,—я не далъ бы за него пяти дукатовъ». По этому случаю Гамлетъ воодушевляется такъ же, какъ послѣ декламаціи актера: эти люди идутъ сражаться изъ-за пустяка, а онъ, у котораго отецъ убитъ, а мать—развратница, онъ ничего не предпринимаетъ, онъ не двигается съ мѣста. О! съ этой минуты, восклицаетъ онъ:

My thoughts be bloody or be nothing worth!

И вмѣсто того, чтобы вернуться назадъ и заколоть короля, спокойно продолжаетъ свой путь, и отправляется въ Англію. Пожалуй, мы согласимся, что этотъ монологъ рѣшителенъ; но на этомъ дѣло и кончается; и здѣсь, какъ и прежде, все оканчивается словами: *words! words! words!*

Напрасно указываютъ на казнь двухъ шпіоновъ. Прежде всего, это находится въ легендѣ, въ романѣ, въ первоначальной пьесѣ, а извѣстно, что Шекспиръ никогда не уклонялся отъ избранной имъ тэмы, не измѣнялъ ея въ существенныхъ чертахъ. Мало того, Гамлетъ дѣйствуетъ въ этомъ случаѣ подъ вліяніемъ минутной вспышки, подъ вліяніемъ слишкомъ сильнаго возбужденія, лихорадочнаго толчка, также какъ при убійствѣ Полонія, при убійствѣ Клавдія.

Въ этомъ-то и заключается величіе трагедіи, это и возвышаетъ ее на одинъ уровень съ величайшими драмами древности. Здѣсь мы видимъ живую природу, столкновеніе человѣческой воли съ сѣтью безчисленныхъ и вѣчныхъ причинъ или, лучше сказать, законовъ. Прежде всего слѣдуетъ уяснить себѣ, что Шекспиръ употребляетъ въ одномъ и томъ же смыслѣ слова: случай, судьба, провидѣніе, божество; это—не популярная идея о случаѣ, не антропоморфическое представленіе о божествѣ, но научная доктрина о необходимости, о фатумѣ. Это не такъ-называемый мусульманскій фатализмъ, въ силу котораго человѣкъ бездѣйствуетъ, подчиняясь тому, чтó считаетъ волею свыше: этотъ фатализмъ, дѣйствительно подавляющій индивидуальность, составляетъ принадлежность всѣхъ религіозныхъ сектъ; онъ парализуетъ силы человѣка. Напротивъ, научная доктрина о естественномъ и необходимомъ порядкѣ вещей допускаетъ человѣче-

свую волю. Отвѣтственная или безотвѣтственная, каковы бы ни были внѣшнія причины, каковы бы ни были неизбѣжные элементы, образующіе ее, эта воля играетъ свою роль, принимаетъ участіе въ общей гармоніи существъ и вещей. Слабая, нерѣшительная воля, какъ у Гамлета и массы другихъ людей, обыкновенно безсильна; внѣшнія причины получаютъ въ этомъ случаѣ рѣшающее значеніе, такъ что герой въ этой великой драмѣ— ничто, внѣшнія событія—все, какъ часто случается и въ жизни.

Говорятъ еще, что Шекспиръ хотѣлъ дать намъ урокъ! Люди, помѣшанные на морали, готовы представлять этого великаго человѣка въ видѣ школьнаго педанта съ краснымъ носомъ и ферулою въ рукахъ! Нравственность автора «Гамлета», какъ и всѣхъ истинныхъ геніевъ, — въ его величіи, въ его возвышенномъ искусствѣ, а не въ аксіомахъ и наставленіяхъ *ad hoc*. Это нравственность мраморовъ Пареенона, а не катехизиса.

А. Реньяръ.

СПОРНЫЙ ВОПРОСЪ

НАШЕГО

СУДОУСТРОЙСТВА

I.

Происхожденіе и развитіе судебной реформы въ Россіи представляетъ и всегда будетъ представлять огромный интересъ. Этотъ интересъ будетъ существовать не для одного историка. Онъ существуетъ и для юриста и для изслѣдователя общественнаго самосознанія за послѣднія двадцать пять лѣтъ. Юристъ найдетъ въ исторіи судебной реформы широкую и блистательную картину кореннаго измѣненія формъ и условій отправленія правосудія,—встрѣтится съ законодательною работою, которая по своей цѣльности и значенію достойна глубокаго изученія. Изслѣдователь внутренней жизни русскаго общества въ исторіи возникновенія и примѣненія къ жизни судебныхъ уставовъ усмотритъ яркое отраженіе надеждъ и колебаній, стремленій и настроеній, которыми полна была жизнь общества въ эпоху, послѣдовавшую за періодомъ преобразованій. Слѣдя за практическимъ развитіемъ основныхъ началъ, провозглашенныхъ уставами, за ихъ оцѣнкою въ разное время и за тѣми препятствіями, которыя возникали на пути этого развитія; прислушиваясь къ нареканіямъ на то или другое начало и безпристрастно разсматривая поводы для этихъ нареканій,—изслѣдователь увидитъ, подъ вліяніемъ какихъ общихъ условій слагалась у насъ одна изъ важнѣйшихъ сторонъ общественной жизни—отправленіе правосудія.

Судебная реформа была тѣсно связана съ освобожденіемъ крестьянъ. Она вытекала изъ него непосредственно. Уничтожался домашній, вотчинный судъ для многихъ милліоновъ дотолѣ безправныхъ людей. Они должны были явиться не только носителями гражданскихъ правъ, но и непосредственными защитниками этихъ своихъ правъ на судѣ. Судъ расширялся, терялъ свой сословный характеръ. Но, расширяясь, онъ не могъ быть заключенъ въ прежнія, обветшалыя, узкія, лишенныя жизненной правды формы. Ихъ единодушно осуждало общественное мнѣніе, онѣ слишкомъ долго заслоняли и заглушали собою идею правосудія, ставя на мѣсто его условное и столь часто произвольное примѣненіе закона. Если по отношенію къ освобожденію крестьянъ, подъ внѣшнею готовностью, существовало большое внутреннее разногласіе, — если отдѣльныя группы, отдѣльные слои общества сомнѣвались еще въ своевременности и правомѣрности крестьянской реформы, въ томъ видѣ, въ какомъ она была намѣчена, то по отношенію къ суду всѣ были согласны между собою. Всѣ сословія, безъ различія, чувствовали на себѣ его недостатки и каждый, кому приходилось съ нимъ соприкасаться, выносилъ изъ него болѣе или менѣе удручающее впечатлѣніе. Обидчикъ и обиженный одинаково не вѣрили, чтобы по отношенію къ нимъ творилась не только *расправа*, но и *судъ*, — истецъ и отвѣтчикъ одинаково страдали отъ старой «московской волокиты», облеченной въ лишенныя внутренняго содержанія канцелярскія формы.

Необходимость измѣненія судебныхъ порядковъ чувствовалась всѣми, но не находила себѣ при тогдашнихъ общественныхъ условіяхъ опредѣленнаго внѣшняго выраженія. Въ законодательныя сферы сознаніе этой необходимости проникло однако довольно рано. Въ то время, когда въ нѣкоторыхъ университетахъ еще читались лекціи о совершенствахъ нашего судебнаго устройства и о превратности устройства французскаго, а ученая юридическая литература была вынуждена стоять на исключительно исторической почвѣ и заниматься изслѣдованіями о русской правдѣ и псковской судной грамотѣ—понемногу шли работы по судебному преобразованію и принимались мѣры къ улучшенію существующаго суда. Но—работы эти двигались медленно и въ узкихъ рамкахъ видоизмѣненія существующихъ учрежденій, не касаясь ихъ основныхъ началъ, — а мѣры были мѣрами палліативными. Главнѣйшая изъ нихъ—учрежденіе товарищей предсѣдателей палатъ гражданскаго и уголовнаго суда, назначаемыхъ отъ правительства, — не достигала своей цѣли. Товарищи предсѣдателя приносили съ собою энергію, любовь къ дѣлу и добросовѣстность.

Но энергія гасла въ мертвящей обстановкѣ, гдѣ ей приходилось постоянно разбиваться о формальности, затруднявшія доступъ къ живому существу дѣла, а серьёзная любовь къ дѣлу была каплею въ морѣ совершенно противоположныхъ проявленій. Притомъ низшіе суды—стоявшіе ближе къ народу—не знали товарищей предсѣдателя. Несмотря на разрозненныя усилія отдѣльныхъ личностей, въ общемъ картина отправленія правосудія была тяжелая, и Хомяковъ, являясь краснорѣчивымъ выразителемъ общаго мнѣнія, имѣлъ право съ горечью указывать, что Русь «въ судахъ полна неправды черной».

Поэтому въ словахъ манифеста 19 марта 1856 года: «да правда и милость царствуютъ въ судахъ»—выразились не только desiderata общества, но и его насущная, неотложная потребность. Слова эти являлись какъ-бы отвѣтомъ на вырвавшійся у негодующаго поэта упрекъ своей отчизнѣ.

Законодательное оживленіе конца 50-тыхъ годовъ быстро двинуло работы по судебному преобразованію. Вмѣстѣ съ тѣмъ, старый судебный строй пошелъ на уступки. Въ немъ сдѣланы были пробоины, чрезъ которыя проникли въ него новыя, чуждыя ему дотолѣ, начала. Полицейскій розыскъ былъ отдѣленъ отъ судебнаго изслѣдованія. Вмѣсто прежнихъ полицейскихъ чиновъ, которые клали фундаментъ всякому уголовному дѣлу, явились судебные слѣдователи. Затѣмъ и двери стараго суда отворились для публики. На ряду съ просителемъ, который одинъ имѣлъ доступъ въ судъ, возникъ «слушатель и зритель» того, чтó дѣлается въ судѣ. Но и слѣдователи и гласность уже не удовлетворяли ясно выразившейся потребности въ новыхъ формахъ для отправленія правосудія. Примѣняя къ условіямъ стараго суда новыя начала приходилось ихъ ограничивать, подгонять, урѣзывать—и они не достигали цѣли. Новое вино вливалось въ старые мѣхи и вливалось въ слишкомъ ограниченномъ количествѣ. Слѣдователь не былъ достаточно самостоятеленъ. Подчиненный прямо уѣздному суду—и косвенно губернскому прокурору и губернатору—онъ былъ въ значительной степени связанъ въ своихъ дѣйствіяхъ и не зналъ иногда въ чемъ найти опору. Уѣздный судъ не могъ ему помочь руководствомъ, не имѣлъ силы, да и умѣнья поддержать и защитить его своимъ авторитетомъ. Сознаніе того, что самымъ тщательнымъ образомъ произведенное слѣдствіе выцвѣтетъ и утратитъ свои живыя краски въ тискахъ формальныхъ доказательствъ, которыми исключительно жилъ и мыслилъ старый судъ—уничтожало интересъ дѣятельности слѣдователя,—а зависимость, въ связи съ слишкомъ ограниченнымъ содержа-

ніемъ—не способна была создать единый по своему образованію и нравственному развитію персоналъ слѣдователей. Двери суда были открыты для публики только на половину. Присутствіе постороннихъ допускалось лишь при докладѣ дѣла,—а докладъ не давалъ возможности вглядѣться въ тотъ живой матеріалъ, о которомъ въ немъ говорилось, такъ какъ судъ и самъ не изучалъ этотъ матеріалъ, производя въ сущности не разборъ дѣла въ его реальной обстановкѣ, а лишь разборъ содержанія бумагъ, имѣющихся въ дѣлѣ. Канцелярская тайна понемногу уступала мѣсто гласности,—но, уходя, оставляла за собою, какъ надежный щитъ и охрану, письменность производства.

Составители судебныхъ уставовъ понимали, что необходима коренная реформа,—что какъ ни подпирать, чинить и штукатурить старое зданіе, а все-таки въ немъ долго прожить будетъ невозможно. Надо было совершенно изъ него выселиться—и на новомъ мѣстѣ строго размежеваться съ сосѣдями, заведя свое собственное независимое хозяйство. Лучшіе люди науки и практики, составители уставовъ, смѣло взглянули на предстоявшую имъ задачу. Ихъ не напугали ни ея сложность, ни ея совершенная новизна. Они прислушивались къ голосамъ, которые рекомендовали среднія мѣры въ видѣ болѣе или менѣе обширныхъ новыхъ вставокъ въ старый судъ, или которые пророчили, что для вводимыхъ «новшествъ» не найдется людей,—но они не поддавались вліянію этихъ голосовъ. Опытъ введенія крестьянской реформы, нашедшей для своего примѣненія безкорыстныхъ и знающихъ дѣятелей, опытъ западной Европы, путемъ долгихъ и тревожныхъ колебаній дошедшей до тѣхъ формъ суда, которыя у насъ могли явиться результатомъ спокойной законодательной дѣятельности — былъ за нихъ. Для будущаго историка судебнаго дѣла въ Россіи будетъ чрезвычайно интересно прослѣдить по работамъ, подготовлявшимъ судебную реформу—ка́къ, по мѣрѣ критическаго анализа стараго суда во всѣхъ его проявленіяхъ, постепенно расширялся горизонтъ необходимыхъ преобразованій и ка́къ эти преобразованія, на которыя указывалось сначала лишь какъ на желательныя, мало-по-малу начинали казаться возможными и наконецъ представились неизбѣжными. Особую цѣнность имѣютъ въ этомъ отношеніи замѣчанія чиновъ судебнаго вѣдомства на основныя положенія преобразованія судебной части. Изъ нихъ видно, какъ разнообразно относились къ предстоящей реформѣ представители стараго суда. Всѣ сходились въ признаніи непригодности устарѣвшихъ формъ и пріемовъ отправленія правосудія, но сходились только въ этомъ. Большинство предсѣдателей палатъ, указывая

иногда въ яркихъ чертахъ на существующіе недостатки—смотрѣло однако съ тревогою и недовѣріемъ на предположенія измѣненія *всего* судебнаго строя,—товарищи предсѣдателей горячо привѣтствовали эти измѣненія и настаивали на ихъ возможно широкомъ примѣненіи, а губернскіе прокуроры подвергали по большей части подробной критикѣ новыя начала, сомнѣваясь въ ихъ примѣнимости къ русской жизни. Иногда самое осуществленіе новыхъ началъ понималось ими крайне своеобразно. Такъ, напримѣръ, одинъ изъ губернскихъ прокуроровъ давалъ свое согласіе на гласность судопроизводства, но съ тѣмъ однако, чтобы билеты для входа въ судъ продавались въ пользу богоугодныхъ заведеній по цѣнѣ, устанавливаемой по соглашенію предсѣдателя судебнаго мѣста съ губернаторомъ. Другой находилъ возможнымъ введеніе присяжныхъ, но обязывалъ ихъ однако письменно мотивировать свое рѣшеніе, чтобы можно было убѣдиться, что они его постановили основательно и не могутъ подлежать взысканію.

Составители уставовъ исполнили свою задачу съ умѣньемъ и любовью. Въ огромномъ рядѣ постановленій, представляющихъ одно гармоническое цѣлое—они неуклонно провели основные принципы и провели такъ глубоко, связали между собою такими неразрывными нитями, что принципы эти безъ существенныхъ повреждений просуществовали первое время, трудное время—и, будемъ надѣяться, просуществуютъ еще долго. Изъ «присутственнаго мѣста» они сдѣлали независимое учрежденіе и призвали въ него общество не только въ качествѣ слушателя, но и въ качествѣ участника его дѣятельности. Они отмежевали суду его собственную область и въ ней заставили дѣйствовать самостоятельнаго судью, вмѣсто прежняго административно - судебнаго чиновника, довѣряя ему, опираясь на его совѣсть, а не связывая его путами формальныхъ доказательствъ, изъ-за которыхъ сквозило постоянное недовѣріе. Живой человѣкъ вызванъ ими во всѣхъ стадіяхъ процесса предъ лицо суда и въ рѣшительные моменты окончательнаго обсужденія его вины поставленъ въ условія свободнаго состязанія.

Судебная реформа встрѣчена была единодушнымъ сочувствіемъ. По отношенію къ ней сначала почти ни въ комъ не было чувства горечи или утраты;—по поводу ея почти некому было жаловаться на свои нарушенные интересы. Она дала просторъ и достойный исходъ многимъ молодымъ силамъ—и прочитала отходную только надъ небольшою группою приказныхъ людей, которые давно уже ожидали своей служебной кончины и готовились къ ней. Сословное начало, на которомъ были по-

строены старые суды, помогло совершить упраздненіе ихъ безъ особой ломки личныхъ положеній. Сословные представители оставили свою судебную дѣятельность, ушли назадъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ получили возможность вернуться въ судъ въ качествѣ присяжныхъ, въ качествѣ мировыхъ судей. Общественному сочувствію отвѣчало и отношеніе новыхъ судебныхъ дѣятелей къ своей задачѣ. Исполненные увѣренности въ успѣхѣ своего дѣла, искренно его любя,—они стремились поставить его на подобающую высоту. А высота эта, по мнѣнію большинства изъ нихъ, была большая. Знаніе и способности, отсутствіе которыхъ пророчили скептическіе голоса, выдвинулись въ размѣрахъ превзошедшихъ ожиданія, и новыя учрежденія скоро, безъ колебаній и особыхъ приспособленій, вошли въ свою роль. Нѣкоторыя изъ нихъ съ-разу сдѣлались популярными, хотя съ первыхъ же шаговъ столкнулись съ массою самыхъ разнообразныхъ, мелочныхъ, мѣстныхъ интересовъ. Такимъ, въ особенности, оказался «мировой», съ которымъ народъ сроднился очень быстро — и не только въ уѣздахъ, гдѣ онъ уже привыкъ къ мировому посреднику, но и въ городахъ и въ столицахъ.

Съ тѣхъ поръ прошло четырнадцать лѣтъ.... Введенной спокойно и почти безъ всякой внутренней борьбы судебной реформѣ пришлось въ этотъ періодъ пережить много испытаній. Реакція противъ судебныхъ уставовъ проявилась не съ-разу, не въ видѣ систематическаго противъ нихъ похода. Началась партизанская война — не менѣе, если не болѣе утомительная, чѣмъ бой въ открытомъ полѣ. У судебныхъ уставовъ не «объявлялось» никогда безусловныхъ и прямыхъ противниковъ;—никто, повидимому, не порицалъ и не отрицалъ принциповъ, положенныхъ въ ихъ основаніе. Никто не желалъ возвращенія къ старымъ судебнымъ порядкамъ. Но примѣненіе основныхъ началъ реформы, приложеніе ихъ къ окружающему быту, придача имъ плоти и крови въ практической жизни—вызывало рѣзкія и горячія нападенія и воззванія къ мѣропріятіямъ, которыя, направляясь на кажущееся неправильнымъ примѣненіе принципа, въ сущности разрушали бы и самый принципъ. Всѣ стороны новыхъ судебныхъ учрежденій испытали эти нападенія по-очереди. Мировой институтъ, судебные слѣдователи, прокуратура, адвокатура и присяжные засѣдатели были подвергаемы безпощадной и, по большей части, крайне односторонней критикѣ. Первымъ по-очереди вызвалъ противъ себя нареканія мировой институтъ— и замѣчательно, что вызвалъ ихъ въ то время, когда стоялъ особенно хорошо и дѣйствовалъ особенно правильно, т.-е. въ

первые годы реформы, во второй половинѣ 60-тыхъ годовъ, когда въ немъ не замѣчалось еще, въ особенности въ провинціи, того упадка, отрицать который нынѣ, каковы бы ни были его причины, значило бы закрывать глаза предъ дѣйствительностью. Мировой судъ коснулся одного изъ самыхъ больныхъ мѣстъ общественнаго быта 60-тыхъ годовъ. Крѣпостное право создавало не только спеціальныя отношенія между двумя слоями общества, но и прививало къ жизни спеціальныя привычки, которыя неуловимо проникали во всю окружающую жизнь и придавали нѣкоторымъ ея явленіямъ особую окраску. Съ освобожденіемъ крестьянъ—крѣпостныя отношенія исчезли,—но крѣпостныя привычки остались. Съ ними-то прежде всего пришлось столкнуться мировымъ судьямъ, ближайшимъ представителямъ равнаго для всѣхъ суда. Inde irae... Крайнія нападенія на адвокатуру еще у всѣхъ въ памяти—и односторонность ихъ невозможно отрицать. Ѣдкость прозвищъ, придуманныхъ для нѣкоторыхъ сторонъ дѣятельности нѣкоторыхъ изъ адвокатовъ—не можетъ искупить ни несправедливости огульныхъ обвиненій противъ представителей учрежденія, неразрывно связаннаго съ кореннымъ началомъ новаго суда—состязаніемъ сторонъ, ни забвенія той тяжелой и безкорыстной помощи, которую оказывала адвокатура отправленію правосудія въ массѣ уголовныхъ, подъ-часъ очень долгихъ процессовъ. Но наиболѣе упорныя, почти непрерывающіяся, то ослабѣвающія, то усиливающіяся нареканія вызывалъ противъ себя судъ присяжныхъ. Нареканія эти принимали разнообразныя формы,—то выражаясь въ смутномъ недовольствѣ дѣятельностью присяжныхъ, то давая поводъ къ указанію и требованію практическихъ мѣръ противъ этого учрежденія.

Настало время разобраться во всѣхъ нареканіяхъ на порядки, созданные судебными уставами. Благодушное игнорированіе указаній на слабыя ихъ стороны, указаній хотя бы и преувеличенныхъ и неправильныхъ — недостойно той цѣли, которой призваны служить эти уставы. Имъ нечего бояться критики — и *добросовѣстная* критика не можетъ имъ повредить. Она никогда не коснется основныхъ началъ потому, что не можетъ же она опираться на другія начала, уже осужденныя и юридическимъ развитіемъ и исторіею страны. Она можетъ только указать на неправильныя формы, въ которыя вылились эти начала. Но на этой почвѣ, при условіи безпристрастнаго разбора всѣхъ существующихъ данныхъ, споръ и изслѣдованіе могутъ быть только полезны. Судебные уставы выработаны не для пустого простран-

ства. Жизнь ихъ вызвала—къ жизни они и примѣняются. Считать ихъ какою-то окаменѣлостью, застывшею въ своей неподвижности,—считать ихъ за нѣчто непогрѣшимое и стоящее на мѣстѣ, когда жизнь уходитъ впередъ—невозможно. Періодъ нареканій противъ уставовъ выработалъ два крайнихъ типа: — къ одному принадлежатъ люди, готовые «съ легкимъ сердцемъ» и крайнею близорукостью перекроить уставы вдоль и поперекъ, не отличая и не умѣя отличать въ нихъ существеннаго отъ внѣшняго и не сознавая, что часто такъ-называемое «измѣненіе» равносильно уничтоженію;—къ другому принадлежатъ ортодоксы уставовъ, полагающіе, что они дѣйствительно охраняютъ дорогія имъ учрежденія, защищая каждую запятую въ уставахъ, становясь на охрану чуть не ихъ опечатокъ и упорно отворачиваясь отъ реальныхъ проявленій примѣненія этихъ уставовъ, не желая ни слышать о нихъ, ни вглядываться въ нихъ. Если представители перваго типа далеко не безвредны по практическимъ результатамъ, которыми могутъ, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, сопровождаться опыты надъ «измѣненіемъ судебныхъ уставовъ», за то представители второго, несмотря на симпатичность своихъ побужденій, — болѣе чѣмъ плохіе защитники этихъ же уставовъ. Высокомѣрное отношеніе къ тому, чѣмъ можетъ быть иногда силенъ противникъ и нежеланіе сознать и изучить свои, легко исправимыя, слабыя стороны—всегда и во всякой борьбѣ оказывало вредныя услуги.

Нельзя отрицать, что по прошествіи 14-ти лѣтъ судебныя учрежденія наши не совсѣмъ тó, что ожидалось отъ нихъ при введеніи уставовъ. Кое-что въ нихъ слишкомъ скоро обветшало, а иное приняло совсѣмъ нежеланныя формы. Личный составъ ихъ—уже не тотъ, исполненной энергіи и горделивой вѣры въ свое дѣло, составъ шестидесятыхъ годовъ. Кое-гдѣ въ новые мѣха просочилось старое вино, — многіе устали, утратили свѣжесть взглядовъ,—органическая связь между отдѣльными учрежденіями ослабѣла,—рутина понемногу усаживается на мѣстѣ живого дѣла и образъ судебнаго дѣятеля начинаетъ мало-по-малу затемняться образомъ судейскаго чиновника. Этихъ явленій отрицать нельзя и съ ними необходимо считаться....

Съ другой стороны съ теченіемъ времени оказалось, что обстановка, въ которой должны дѣйствовать новые суды, часто не согласуется съ началами, которыя они должны примѣнять,—что существуютъ условія дѣятельности, не предусмотрѣнныя составителями уставовъ, но отражающіяся на ней весьма рельефно, что многое намѣчено въ слишкомъ общихъ чертахъ, а иногда

проведено черезчуръ теоретично и рѣзко, вопреки требованіямъ жизни,—что, наконецъ, мѣстнымъ и временнымъ обстоятельствамъ придана слишкомъ большая свобода воздѣйствія на практическое примѣненіе судебныхъ уставовъ. Обнаруженіе небольшихъ недостатковъ и недосмотровъ вполнѣ естественно въ громадномъ зданіи, созданномъ судебною реформою. Самая незначительность ихъ блестящимъ образомъ доказываетъ, какъ хороша, какъ прочна вся работа въ цѣломъ....

Четырнадцать лѣтъ существованія учрежденія—достаточный періодъ времени, чтобы дать поводы и матеріалы для оцѣнки дѣятельности, организаціи и жизнеспособности учрежденія. Первый шагъ на этомъ пути долженъ состоять въ разсмотрѣніи упрековъ, которые ему дѣлаются.

Такихъ упрековъ нашему суду дѣлается много. Самые настойчивые изъ нихъ направляются противъ присяжныхъ засѣдателей. Поэтому изслѣдованіе практическихъ условій ихъ дѣятельности является и своевременнымъ и даже необходимымъ. Пусть это будетъ лишь слабый опытъ, пусть вопросъ будетъ затронутъ не вполнѣ и не глубоко. Если этотъ опытъ вызоветъ болѣе обширныя и подробныя изслѣдованія — цѣль его будетъ достигнута.

II.

Введеніе у насъ суда присяжныхъ было рѣшительнымъ шагомъ со стороны составителей судебныхъ уставовъ.—Ни организація до-реформенныхъ судебныхъ мѣстъ въ Россіи, ни исторія русскихъ судебныхъ учрежденій не представляли готовыхъ формъ для этого суда,—не давали ему точки опоры ни въ прошломъ уголовнаго судопроизводства, ни въ историческихъ воспоминаніяхъ.

Существовавшіе въ эпоху судебниковъ судебные мужи и цѣловальники не могутъ въ строгомъ смыслѣ считаться прототипомъ русскихъ присяжныхъ засѣдателей. Они не были судьями въ настоящемъ смыслѣ слова. Между ними и судьею была проведена граница. Судья — воевода, намѣстникъ, тіунъ—творилъ судъ, т.-е. разбиралъ дѣло и постановлялъ приговоръ, а судные мужи и цѣловальники «сидѣли» съ нимъ, чтобы «беречи правду, по крестному цѣлованію, безъ всякой хитрости». Беречь правду—значило наблюдать, чтобы судъ творился, согласно установившемуся обычаю, чтобы все, что̀ записывается въ судный списокъ, происходило въ дѣйствительности. Свидѣтели всего происходя-

щаго на судѣ—они удостовѣряли своею подписью, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и показаніемъ, достовѣрность содержанія суднаго списка и получали съ него копію. Такимъ образомъ цѣловальники входили въ составъ лицъ, которыя содѣйствовали, по смыслу царскаго судебника, правильному производству суда, но ихъ функціи были ограничены и по существу дѣла они не высказывались. Притомъ цѣловальники существовали не повсемѣстно, не при всѣхъ судахъ. Съ первой половины XVII столѣтія общины, которыя въ XVI столѣтіи горячо испрашиваютъ себѣ право имѣть своихъ цѣловальниковъ при судѣ воеводъ и намѣстниковъ, перестаютъ заботиться объ этомъ правѣ,—цѣловальники утрачиваютъ свой первоначальный характеръ и къ половинѣ XVII вѣка совершенно исчезаютъ.

Не въ этомъ исчезнувшемъ и позабытомъ учрежденіи могли найти составители уставовъ основы для устройства суда присяжныхъ. Современный судъ не нуждается болѣе въ присутствіи выборныхъ исключительно для надзора за правильностью дѣйствій, за исполненіемъ обрядовъ. Наука и практика выработали болѣе простыя и опредѣленныя средства гарантировать участвующихъ въ дѣлѣ, и цѣловальники XVI вѣка представляли не многимъ бо̀льшій матеріалъ для организаціи суда присяжныхъ, чѣмъ понятые и добросовѣстные отжившихъ судебныхъ порядковъ. Учрежденіе цѣловальниковъ указывало лишь на то, что правительство, въ періодъ наибольшаго развитія земской жизни въ древней Руси, признавало возможнымъ призывать выборныхъ отъ мѣстнаго общества для присутствованія при отправленіи уголовнаго суда. Но задача суда присяжныхъ—и выше, и шире. Воскрешенное изъ мертвыхъ, учрежденіе цѣловальниковъ нисколько не подвинуло бы до-реформеннаго судоустройства. Дѣло шло о передачѣ самаго суда, самаго произнесенія приговора въ другія руки,—о призывѣ въ судъ представителей общества не для присутствія, въ качествѣ наблюдателей и достовѣрныхъ свидѣтелей происходящаго, а объ обязанности ихъ являться выразителями общественной совѣсти въ произносимомъ ими приговорѣ.

Сословная организація старыхъ судовъ представляла участіе выборнаго элемента въ самомъ разрѣшеніи дѣла. Сословные засѣдатели при постановленіи приговора подавали голоса наравнѣ съ выборнымъ предсѣдателемъ и коронномъ товарищемъ предсѣдателя. Есть мнѣніе, что они были своего рода присяжными засѣдателями. Нѣкоторые юристы-практики, дѣйствовавшіе при старыхъ судахъ, утверждаютъ, что сословные засѣдатели и даже сенаторы въ старыхъ департаментахъ сената являлись только

судьями фактической стороны дѣла—и, разрѣшая вопросъ о виновности, предоставляли представителямъ короннаго элемента, т.-е. канцеляріи, разрѣшеніе и разработку вопроса о наказаніи. Дѣятельность ихъ была дѣятельностью присяжныхъ—и лишь со введеніемъ судебныхъ уставовъ явились у насъ настоящіе судьи. Поэтому составители уставовъ нашли готовую почву для суда присяжныхъ, нашли организацію, въ которой этотъ судъ уже дѣйствовалъ много лѣтъ, но только въ другой формѣ. Задача ихъ сводилась не къ созданію чего-либо новаго, не къ заимствованію чего-либо чужого, а лишь къ видоизмѣненію существующаго.

Съ этимъ взглядомъ нѣтъ возможности согласиться. Между сословными засѣдателями и присяжными—цѣлая пропасть. Они существенно разнятся не только по своему происхожденію, по условіямъ своего появленія въ судѣ—но и по объему своей дѣятельности. Одни представители сословій, другіе представители общества во всей его совокупности,—одни пассивные дѣятели суда, дѣйствующаго на основаніи теоріи формальныхъ доказательствъ,—другіе активные судьи по совѣсти, не стѣсняемые формальными предписаніями закона, не вдвинутые въ узкія рамки предустановленныхъ доказательствъ.

Устанавливая органическую связь и преемство между засѣдателями стараго суда и присяжными, забываютъ одно—теорію формальныхъ доказательствъ. Эта теорія одна изъ первыхъ пала подъ ударами надвигавшейся реформы. Отмѣна ея—основное начало новаго судопроизводства. Гласность и устность суда, самостоятельность судей—все это было бы сдѣлано на половину, все это не достигало бы своей цѣли—если бы осталась теорія формальныхъ доказательствъ. Она опутывала бы судей и связывала ихъ во всѣхъ случаяхъ, гдѣ живое существо дѣла не укладывается въ заранѣе отмѣренныя и взвѣшенныя формы, гдѣ механическая, внѣшняя оцѣнка доказательствъ идетъ въ разрѣзъ съ ихъ содержаніемъ и дѣйствительною силою.

Сословные засѣдатели дѣйствительно могли разрѣшать только вопросъ о виновности,—предоставляя предсѣдателю или секретарю позаботиться о «приличныхъ дѣлу законахъ» по вопросу о наказаніи. Но развѣ, разрѣшая вопросъ о виновности, они были свободны? Развѣ не стояла предъ ними цѣлая система обязательныхъ правилъ, въ которыхъ было опредѣлительно указано, *что* они имѣютъ право считать доказательствомъ и *какой* итогъ должны они подводить тѣмъ или другимъ даннымъ дѣла? Развѣ они могли, проникнувшись твердымъ убѣжденіемъ, сказать «виновенъ» и знать, что ихъ приговоръ останется въ силѣ, и не

распадется при формальной провѣркѣ и не замѣнится «оставленіемъ въ подозрѣніи», которое никого не удовлетворяло и ничего не разрѣшало?

Присяжные засѣдатели рѣшаютъ дѣла по внутреннему убѣжденію, которое складывается свободно и независимо, согласно съ тѣмъ, что̀ они видятъ и слышатъ на судѣ. Это коренное свойство суда присяжныхъ. Отъ нихъ не ожидается и не можетъ быть требуема мотивировка ихъ рѣшенія. Оно слагается подъ вліяніемъ внутренной переработки той массы разнородныхъ впечатлѣній, которыя производитъ на нихъ разбирательство дѣла. Довѣріе или недовѣріе къ тѣмъ или другимъ доказательствамъ — есть дѣло ихъ совѣсти.

Не въ такомъ положеніи находился засѣдатель стараго суда. Законъ требовалъ отъ него признанія виновности лишь при *совершенныхъ* доказательствахъ. Когда онъ обращался къ главному доказательству—къ показаніямъ свидѣтелей, ему говорилось, что эти показанія не имѣютъ силы, буде не даны подъ присягою и притомъ двумя свидѣтелями, если только одинъ изъ нихъ не мать или отецъ, показывающіе противъ своихъ дѣтей... Когда онъ встрѣчался съ инымъ искреннимъ и правдивымъ показаніемъ, ему говорилось, что оно не идетъ въ счетъ, такъ какъ свидѣтель въ качествѣ «явнаго прелюбодѣя», или «портившаго тайно межевые знаки», или «иностранца, поведеніе котораго не извѣстно»—не можетъ принимать присяги... Когда онъ обращался къ различнымъ показаніямъ, даннымъ подъ присягою, законъ рекомендовалъ ему давать предпочтеніе знатному предъ незнатнымъ, духовному предъ свѣтскимъ, мужчинѣ предъ женщиною, ученому предъ неученымъ... Если, наконецъ, сословный засѣдатель находилъ, что, несмотря на отсутствіе «совершенныхъ» доказательствъ, есть масса уликъ, которыя приводятъ его къ несомнѣнному убѣжденію въ виновности подсудимаго, совершившаго мрачное дѣло и ловко спрятавшаго особенно выдающіеся концы въ воду—и заявлялъ, что надо постановить обвинительный приговоръ, то секретарь имѣлъ право представить ему «съ должною благопристойностью» о томъ, что его разсужденія несогласны съ законами. Секретарь могъ въ подобномъ случаѣ указать сословному засѣдателю на необходимость оставленія подсудимаго только въ подозрѣніи или на возможность дать ему для «очищенія подозрѣнія» присягу, въ которой, между тѣмъ, отказывалось, по тому же дѣлу, иностранцу, «поведеніе котораго неизвѣстно»...

Итакъ—не въ исторіи русскаго права и не въ старомъ судѣ пришлось составителямъ судебныхъ уставовъ искать опоры для

своей рѣшимости ввести судъ присяжныхъ. Имъ пришлось обратиться къ нравственнымъ свойствамъ русскаго народа,—опереться на вѣру въ его способности и въ духовныя силы своей страны.

Теперь, когда судъ присяжныхъ введенъ и много лѣтъ уже дѣйствуетъ у насъ,—когда пригодность его для русскаго народа въ глазахъ всякаго безпристрастнаго наблюдателя не можетъ подлежать сомнѣнію, вопросъ о введеніи этой формы у насъ представляется, повидимому, естественнымъ и простымъ. Но не такимъ представлялся онъ тогда, когда обсуждались и писались основныя положенія преобразованія судебной части. Тогда раздавались голоса, предрекавшіе этому суду полную неудачу,—указывавшіе, что необдуманно и неосторожно призывать творить судъ людей, гражданское развитіе которыхъ было такъ долго задержано и которые привыкли лишь къ крѣпостному труду или къ всепоглощающимъ заботамъ о насущныхъ потребностяхъ. Опасенія эти исходили не отъ однихъ противниковъ реформы. Сомнѣніе въ пригодности этого суда для Россіи высказывалось людьми, желавшими новому суду вообще преуспѣянія и видѣвшими въ немъ одно изъ средствъ дальнѣйшаго развитія гражданственности. Между ними вставилъ и свое вѣское слово высокоталантливый ученый юристъ, лекціи котораго «о судебно-уголовныхъ доказательствахъ», читанныя въ 1860 году, оканчивались заявленіемъ о невозможности суда присяжныхъ для Россіи. Тамъ, говорилъ онъ, гдѣ народъ до того нравственно простъ, что часто не разумѣетъ преступности большинства преступленій,—гдѣ онъ до того политически простъ, что считаетъ судъ страшилищемъ, а осужденныхъ несчастными,—гдѣ мѣсто уваженія предъ закономъ занимаетъ страхъ предъ начальствомъ и самый законъ разсматривается какъ начальственный приказъ—тамъ не можетъ быть и рѣчи о судѣ присяжныхъ.

Тревожныя предсказанія и сомнѣнія не поколебали однако составителей уставовъ. Ихъ не устрашило сострадательное отношеніе простого русскаго человѣка къ *осужденному*, къ «несчастному», и они смѣло положились на здравый смыслъ и нравственную чуткость народа.

Въ этомъ довѣріи къ своему народу, въ уваженіи къ его уму и воспріимчивости—великая заслуга составителей судебныхъ уставовъ. Она не забудется исторіею и—несмотря ни на какіе временные, преходящіе и частичные недостатки суда присяжныхъ — дастъ имъ право стоять на ряду съ дѣятелями великаго дѣла освобожденія крестьянъ.

Судъ присяжныхъ слишкомъ глубоко затрогиваетъ многія

стороны общественной жизни и устройства. Поэтому онъ всегда и почти повсюду вызывалъ въ первые годы своего существованія нападенія на свою дѣятельность и переживалъ періодъ сначала глухого недовольства со стороны отдѣльныхъ лицъ и цѣлыхъ общественныхъ группъ, а потомъ и открытой, рѣзкой критики и сомнѣній въ его цѣлесообразности и даже разумности. Для живого учрежденія борьба неизбѣжна. Ею покупается настоящая прочность.

Изъ главнѣйшихъ странъ западной Европы одна лишь Англія не представляетъ такихъ нападеній на судъ присяжныхъ. Тамъ онъ сложился исторически, постепенно, — выработался путемъ обычая и опыта — и составилъ неразрывную принадлежность всего общественнаго строя. Нападенія на его существо почти немыслимы въ англійскомъ обществѣ,—они были бы равносильны отрицанію всей правовой исторіи страны. Даже и въ тревожное время конца XVIII столѣтія,—когда нѣкоторые приговоры присяжныхъ могли раздражать и пугать тѣхъ, кто боялся вліянія событій, происходившихъ во Франціи — нельзя найти въ Англіи слѣдовъ сомнѣнія въ судѣ присяжныхъ, какъ въ учрежденіи. Бывали нареканія и даже проявленія негодованія на *извѣстныхъ* присяжныхъ, по *извѣстному* дѣлу,—но лишь только это. То же повторяется и теперь, по отношенію къ Ирландіи.

Во Франціи было время сильныхъ и горячихъ нападеній на судъ присяжныхъ. При обсужденіи code d'instruction criminelle было сдѣлано много указаній на разныя уклоненія этого суда въ предшествовавшіе годы подъ вліяніемъ разгара политическихъ страстей,—было весьма эксплуатировано впервые всплывшее на поверхность дѣло Лезюрка и самъ Наполеонъ упорно и настойчиво ратовалъ противъ суда присяжныхъ. Но законодатели тогдашней Франціи съумѣли придать настоящую цѣну временнымъ уклоненіямъ молодого учрежденія въ бурную революціонную эпоху — и, отнеся его ошибки и недостатки съ полною справедливостью не къ нему самому, а къ этой эпохѣ—удержали судъ присяжныхъ во французскомъ судоустройствѣ. Общество сознало, что между этимъ судомъ и возвращеніемъ къ судебнымъ порядкамъ стараго режима самою исторіею вырыта цѣлая пропасть — и нападенія на институтъ присяжныхъ замѣнились нареканіями на ихъ практическую дѣятельность, которая выражалась въ слишкомъ малой уголовной репрессіи. Упреки суду присяжныхъ за слишкомъ большой °/о оправдательныхъ приговоровъ особенно сильно стали раздаваться послѣ 1830 года и побудили законодательную власть тщательно и безъ предубѣжденія противъ при-

сяжныхъ присмотрѣться въ причинѣ этого явленія. Причина нашлась въ томъ затрудненіи, въ которое ставились присяжные невозможностью смягчать иногда суровое наказаніе, когда они видѣли, что подсудимый, по своимъ личнымъ свойствамъ или обстоятельствамъ дѣла, не заслуживалъ такой безпощадности. Колеблясь между безусловнымъ обвиненіемъ и оправданіемъ, находя первое жестокимъ, а второе несправедливымъ — присяжные во многихъ случаяхъ не мирились съ знаменитымъ изреченіемъ «dura lex—sed lex!» и предпочитая несправедливость жестокости,—выносили оправдательный приговоръ. Въ 1836 году имъ дано было право признавать въ дѣяніи подсудимаго circonstances attenuantes—и число неосновательныхъ приговоровъ значительно уменьшилось. Съ этимъ уменьшеніемъ замолкли и нападенія на судъ присяжныхъ, и онъ окончательно, твердо и безповоротно, установился во Франціи. Теперь, когда присяжные произносятъ оправдательные приговоры, несмотря на очевидную наличность преступленія и на сознаніе подсудимаго—уже не раздается прежнихъ обвиненій. Законодательная власть относится къ этому суду съ довѣріемъ, а общественное мнѣніе старается найти причины такихъ приговоровъ не въ присяжныхъ, а въ условіяхъ общественнаго быта, въ нравахъ и, наконецъ, въ отживающихъ свой вѣкъ обязательныхъ нормахъ. Недавнее литературное оживленіе по поводу дѣлъ Маріи Бьеръ, Тилли и др.—и выводы, къ которымъ, отыскивая причины оправданій, пришли большія литературныя имена Франціи — служатъ лучшимъ доказательствомъ, что время близорукихъ нареканій на присяжныхъ прошло во Франціи безвозвратно.

Германія впервые приняла судъ присяжныхъ какъ нововведеніе, слѣдовавшее за наполеоновскими орлами. Освободительно-національное движеніе заставило этотъ судъ отступить назадъ и заперло его исключительно въ рейнскихъ провинціяхъ, — но 1848 г. снова вызвалъ его къ жизни въ Германіи. И въ ней онъ не миновалъ нападеній. Только они шли другимъ путемъ, чѣмъ во Франціи. Представители науки раздѣлились на два лагеря—и противники суда присяжныхъ, съ Гіе-Глунекомъ во главѣ, стали упорно доказывать, что судъ этотъ не представляетъ достаточныхъ гарантій для правильнаго отправленія правосудія. Сначала распря шла лишь въ области юридической литературы, но война 1870—1871 г. расширила поле борьбы. Реакція противъ всего французскаго отразилась и на судѣ присяжныхъ. Это *французское* учрежденіе стало признаваться негоднымъ для Германіи. Счастливая война съ «исконнымъ врагомъ» доказала,

по мнѣнію многихъ нѣмецкихъ юристовъ, что Германія должна во всемъ—и даже въ судебной организаціи—опираться на свои національныя учрежденія. Юристы обратились къ далекому прошлому Германіи и къ нѣкоторымъ его видоизмѣненнымъ остаткамъ въ ея недавнемъ прошломъ. Былъ указанъ судъ шёффеновъ,—выборныхъ засѣдателей, которые должны вмѣстѣ съ судьями составлять одну коллегію—равно разрѣшая и вопросъ о виновности и вопросъ объ уголовной карѣ. Законодательство пришло на помощь къ этимъ взглядамъ и отчасти воспринявъ ихъ—создало судъ шёффеновъ при участковомъ судѣ (Amtsgericht) новой имперіи. Но судъ присяжныхъ не сошелъ со сцены въ Германіи. Его не рѣшились ни упразднить, ни подвергнуть значительнымъ урѣзкамъ. Онъ функціонируетъ на ряду съ шёффенами, введенными съ 1 октября новаго стиля 1879 года—и будущее еще должно показать, насколько послѣдній достигаетъ своей цѣли и можно ли предпочитать такую форму смѣшаннаго суда—чистому суду представителей общественной совѣсти.

Рѣзкая ученая критика суда присяжныхъ, впрочемъ, не умолкаетъ въ Германіи. Извѣстный криминалистъ Биндингъ и знаменитый Игерингъ («Zweck im Recht») выступаютъ въ послѣднее время противъ этого суда. Первый доказываетъ, что судъ присяжныхъ не выдерживаетъ критики какъ учрежденіе юридическое,—второй, со свойственною ему оригинальностью взгляда, утверждаетъ, что судъ присяжныхъ есть только одна изъ стадій, изъ переходныхъ формъ судебной организаціи. Форма эта полезна, быть можетъ даже необходима, для установленія правильныхъ отношеній власти и гражданъ, для постановленія новыхъ общественныхъ учрежденій подъ охрану общественной совѣсти. Но разъ это достигнуто и учрежденія упрочились,—вошли въ свою колею,—дѣятельность суда присяжныхъ должна прекратиться, потому, что она имѣетъ задачи политическія, а не юридическія. «Der Mohr hat seine Schuldigkeit gethan», говоритъ Игерингъ словами Шиллера, «der Mohr kann gehen!»..

У насъ судъ присяжныхъ не вызывалъ противъ себя нареканій лишь самые первые годы своего существованія. Но теперь и въ обществѣ, и въ литературѣ такія нареканія раздаются весьма часто.—Отдѣльные случаи чрезвычайно обобщаются, каждый предполагаемый промахъ присяжныхъ по отдѣльному дѣлу приписывается свойствамъ самаго учрежденія — и все это заносится въ грозный обвинительный актъ противъ суда присяжныхъ. На ихъ счетъ безъ дальнихъ разсужденій заносится и шаткость

обвиненія, и ошибки суда при веденіи дѣла и недостатки уголовнаго закона...

Вмѣстѣ съ тѣмъ за послѣднее десятилѣтіе законодательство наше, судя по нѣкоторымъ признакамъ, стало по отношенію къ суду присяжныхъ какъ-бы въ выжидательное положеніе,—стало на него смотрѣть не какъ на прочное учрежденіе, которое надо развивать, а какъ на опытъ, которымъ еще не сказано послѣдняго слова въ дѣлѣ нашего современнаго судоустройства. Приговоры присяжныхъ, вызывающіе противъ себя особенныя нареканія, подаютъ обыкновенно поводъ и къ слухамъ о возможности значительныхъ ограниченій этого суда и всякаго рода изъ него изъятій. Къ счастію, слухи эти не имѣютъ по бóльшей части прочныхъ основаній, но съ другой стороны до сихъ поръ не было предпринято и серьёзныхъ законодательныхъ попытокъ къ изученію и устраненію причинъ, которыми обусловливаются приговоры, идущіе въ разрѣзъ съ господствующими взглядами. Вся законодательная дѣятельность относительно присяжныхъ за послѣднія 10-ть лѣтъ ограничилась изъятіемъ изъ ихъ вѣдомства дѣлъ по преступленіямъ противъ порядка управленія и призывомъ въ составъ присяжныхъ весьма ограниченнаго числа военныхъ чиновъ. Если сюда же отнести отдѣльныя мѣры—воспрещеніе земству давать нуждающимся присяжнымъ изъ крестьянъ денежную помощь на время пребыванія ихъ на сессіяхъ суда и возбужденіе вопроса о лучшемъ составленіи списковъ присяжныхъ—то этимъ исчерпается почти все, что̀ сдѣлано по отношенію къ этому суду. Но этого очень мало для учрежденія, противъ котораго раздаются почти непрерывающіяся обвиненія и которое поставлено, очевидно, въ неблагопріятныя условія дѣятельности. Если смотрѣть на него какъ на учрежденіе, имѣющее право на долгое и прочное существованіе, то нельзя оставаться въ бездѣйствіи относительно этихъ условій. Постоянныя нападенія съ одной стороны и отсутствіе всесторонняго изученія и сочувственныхъ улучшеній—съ другой, не могутъ не поселять справедливой тревоги во всѣхъ, кому дорогъ институтъ присяжныхъ и кто сознаетъ его огромное нравственное значеніе для страны.

Судъ присяжныхъ въ Россіи похожъ на дорогое и полезное растеніе. Опытный и знающій садоводъ, въ лицѣ составителей судебныхъ уставовъ, перенесъ его изъ чужихъ краевъ на нашу почву, вполнѣ для него пригодную,—и затѣмъ, уступилъ другимъ возращеніе этого растенія. Пока оно не пустить глубокихъ корней и не распустится во всей своей силѣ—необходимо

не оставлять его на произволъ судьбы, а заботливо слѣдить за нимъ, охранять его отъ непогоды, защищать отъ дурныхъ внѣшнихъ вліяній, окопать и оградить такимъ образомъ, чтобы не было поводовъ и возможности срѣзать съ него кору или обламывать его вѣтви.

Принявъ съ довѣріемъ къ народнымъ силамъ учрежденіе, ранѣе созданное другими странами, недостаточно относиться къ нему съ теоретическимъ сочувствіемъ. Необходимо, чтобы всѣ, кто любитъ и цѣнитъ это учрежденіе, поддерживали его ростъ и здоровое развитіе прямодушнымъ изученіемъ и посильнымъ устраненіемъ условій, препятствующихъ этому развитію.

Нападенія на дѣятельность присяжныхъ отличаются у насъ двоякимъ характеромъ. Обыкновенно они возникаютъ вдругъ, по какому-нибудь отдѣльному случаю... Въ томъ или другомъ судѣ назначается къ слушанію такъ называемое «громкое» дѣло. Задолго до его разбирательства оглашаются главнѣйшія подробности преступленія и комментируются самымъ различнымъ образомъ; — оно начинаетъ интересовать, а иногда даже и волновать общественное мнѣніе, — на основаніи отрывочныхъ свѣдѣній предсказывается съ большою увѣренностію тотъ приговоръ, который долженъ быть произнесенъ, и исходъ процесса рисуется большинству въ видѣ несомнѣннаго и опредѣлительнаго вывода о виновности подсудимаго или, въ очень рѣдкихъ случаяхъ, о его невиновности. Но когда наступаетъ давно жданный день приговора — присяжные выносятъ рѣшеніе, идущее въ разрѣзъ съ общими ожиданіями. Тогда поднимается цѣлая буря упрековъ и нареканій. Присяжные оказываются тупыми, неразвитыми, лишенными нравственнаго чутья, запуганными людьми, неспособными къ критикѣ, безсильно утопающими въ потокахъ судебнаго краснорѣчія. Являются намеки на ихъ тенденціозность и даже подкупность. Судъ присяжныхъ признается учрежденіемъ вреднымъ,—а правосудіе навсегда погибшимъ на Руси. Потомъ, мало-по-малу, негодованіе утихаетъ, начинаютъ раздаваться успокоительные голоса—и вскорѣ дѣло, вызвавшее иногда столько шуму, сдается въ архивъ общественной жизни.

Нападенія этого рода возникаютъ по временамъ и не продолжаются постоянно, — это, такъ сказать, нападенія спорадическія. Страстность ихъ не соотвѣтствуетъ ихъ основательности— и въ этомъ ихъ внутренняя слабость.

По большинству «громкихъ» дѣлъ, противъ самыхъ горячихъ нападеній могутъ быть спокойно выставлены доводы о томъ,

что нельзя судить объ исходѣ, который долженъ былъ получить процессъ—по газетнымъ отчетамъ и одностороннимъ, написаннымъ подъ вліяніемъ «злобы дня», корреспонденціямъ. На основаніи этихъ свѣдѣній и судовъ и пересудовъ людей, слышавшихъ о дѣлѣ «что-то» посреди пустой салонной болтовни—можно получить лишь мимолетное впечатлѣніе и построить на немъ непрочное мнѣніе, отъ котораго, безъ особаго труда, можно впослѣдствіи и отступить. Но присяжные произносятъ не *мнѣніе*, а *приговоръ*, который, по бóльшей части, безповоротно и окончательно рѣшаетъ судьбу подсудимаго. Для нихъ важно не то, что̀ *говорятъ* о дѣлѣ, а то, что̀ будетъ *сказано* предъ ними, въ той залѣ суда, входя въ которую они торжественно клянутся судить на основаніи того, что̀ увидятъ и услышатъ въ ней—въ ней одной. Предъ ними съ торжественною медлительностью развивается процессъ и проходитъ, во всѣхъ подробностяхъ, житейская драма, вылившаяся въ суровыя формы уголовнаго преступленія,—они иногда въ теченіе многихъ дней видятъ предъ собою живыхъ людей и испытываютъ на себѣ неуловимыя на бумагѣ впечатлѣнія, производимыя личностью, манерою, голосомъ, способомъ выраженія свидѣтелей, подсудимаго и потерпѣвшаго — и тою неосязаемою правдивостью или ложью, которая слышится въ показаніяхъ и объясненіяхъ, независимо отъ ихъ содержанія. Присяжныхъ спрашиваютъ не о томъ, совершилъ ли подсудимый преступное дѣяніе, а виновенъ ли онъ въ томъ, что совершилъ его;—не фактъ, а внутренняя его сторона и личность подсудимаго, въ немъ выразившаяся, подлежатъ ихъ сужденію. Своимъ вопросомъ о виновности судъ установляетъ особый промежутокъ между фактомъ и виною—и требуетъ, чтобы присяжные, основываясь исключительно на «убѣжденіи своей совѣсти» и памятуя свою великую нравственную отвѣтственность, наполняли этотъ промежутокъ соображеніями, въ силу которыхъ подсудимый оказывается человѣкомъ виновнымъ или невиновнымъ. Въ первомъ случаѣ своимъ приговоромъ присяжные признаютъ подсудимаго человѣкомъ, который могъ властно и твердо бороться съ возможностью факта преступленія и вырваться изъ-подъ ига причинъ и побужденій, приведшихъ его на скамью подсудимыхъ, — который имѣлъ для этого настолько же нравственной силы, насколько ея чувствуютъ въ себѣ сами присяжные.

Въ то же время законъ открываетъ предъ ними широкій горизонтъ милосердія, давая имъ право признавать подсудимаго заслуживающимъ снисхожденія «по обстоятельствамъ дѣла». Изъ всѣхъ «обстоятельствъ дѣла» самое важное, безъ сомнѣ-

нія, личность подсудимаго, съ его добрыми и дурными свойствами, съ его бѣдствіями, нравственными страданіями и матеріальными испытаніями. Но гдѣ возникаетъ вопросъ о перенесенномъ страданіи, тамъ рядомъ съ нимъ является и вопросъ объ искупленіи вины. Зачерпнутые изъ глубины общественнаго моря и уходящіе снова, послѣ дѣла, въ эту глубину, ничего не ищущіе и, по бóльшей части, остающіеся безвѣстными, обязанные хранить тайну своихъ совѣщаній,—присяжные не имѣютъ соблазна рисоваться своимъ рѣшеніемъ и выставлять себя защитниками той или другой теоріи. Осуждать ихъ за приговоръ, сомнѣваясь въ его справедливости, можетъ лишь тотъ, кто, вмѣстѣ съ присяжными, самъ изучилъ и изслѣдовалъ обстоятельства дѣла и предъ лицомъ подсудимаго, свобода и честь котораго зависятъ отъ одного его слова, вопрошалъ свою совѣсть и въ ней, а не въ голосѣ страстнаго негодованія, нашелъ отвѣтъ, идущій въ разрѣзъ съ приговоромъ. Такихъ осужденій слышать однако не приходится.

Гораздо серьёзнѣе, глубже и, повидимому, основательнѣе нападенія другого рода, которыя можно назвать хроническими. Въ нихъ идетъ рѣчь не о приговорахъ присяжныхъ по отдѣльнымъ, исключительнымъ дѣламъ, а о постоянной дѣятельности ихъ по ряду однородныхъ дѣлъ, причемъ, несмотря на полную доказанность преступленія и на несомнѣнную виновность подсудимаго—присяжные выносятъ въ большинствѣ случаевъ оправдательные приговоры. Преступленія, вызывающія эти приговоры— обыкновенно просты и ясны, нарушеніе закона въ нихъ очевидно, сложныхъ мотивовъ они не представляютъ, и самъ подсудимый, въ большинствѣ случаевъ, покорно клонитъ свою повинную голову. Самые свидѣтели не могутъ быть заподозрѣны и показаніе ихъ не расшатывается и не разрушается строгимъ перекрестнымъ допросомъ, потому, что свидѣтели эти своимъ краснорѣчивымъ молчаніемъ, своимъ внѣшнимъ видомъ, всего громче говорятъ противъ подсудимаго. Это—документы, цифры, отчеты, виды на жительство и т. д. Казалось бы, говорятъ обыкновенно, что въ такихъ дѣлахъ все соединяется, чтобы доставить торжество карающему правосудію и поддержать нарушенный законъ, а между тѣмъ присяжные, сплошь да рядомъ, выносятъ оправдательные приговоры. Явный и сознательный нарушитель правилъ паспортной системы,—чиновникъ, совершившій подлогъ,— сельскій староста, растратившій общественныя деньги—выходятъ изъ суда, услышавъ отъ присяжныхъ, что они «невиновны»—и спасительный страхъ предъ закономъ въ нихъ и въ имъ подоб-

ныхъ замѣняется увѣренностью въ безнаказанности. При такихъ условіяхъ—паспортъ теряетъ свое значеніе и общество не гарантируется ничѣмъ, что въ видѣ на жительство обозначено именно то лицо, которое его выдаетъ за свой,—а цѣлый строй служебныхъ отношеній и должностныхъ обязанностей потрясается въ своемъ основаніи. Вотъ почему, продолжаютъ критики нашего суда присяжныхъ, — постоянная повторяемость оправдательныхъ приговоровъ, далеко превышающихъ, въ процентномъ отношеніи, приговоры обвинительные,—произносимыхъ различнымъ составомъ присяжныхъ, въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи по дѣламъ о преступленіяхъ по должности и противъ паспортныхъ правилъ—заставляетъ съ тревогою смотрѣть на упорство присяжныхъ въ этомъ отношеніи. Здѣсь уже не единичные промахи, ошибки или увлеченія въ приговорахъ, а неправильное отношеніе присяжныхъ къ своей задачѣ, къ своимъ обязанностямъ, возведенное въ систему, обратившееся въ своего рода обычай. Такое отношеніе идетъ въ разрѣзъ съ цѣлями правосудія и указываетъ на непригодность и неподготовленность присяжныхъ для участія въ разсмотрѣніи цѣлаго ряда спеціальныхъ дѣлъ. Непригодность эта въ свою очередь вызываетъ вопросъ о томъ, можетъ ли государство вообще довѣрять безконтрольную судебную власть людямъ, которые оказываются ниже своей задачи въ такихъ несложныхъ, въ сущности, вопросахъ, какъ признаніе виновности лица, проживающаго съ чужимъ паспортомъ или растратившаго казенныя деньги — и не отрицающаго, очень часто, своей вины. Неспособные правильно судить въ дѣлѣ, гдѣ фактическая сторона ясна и почти не требуетъ доказательствъ, могутъ ли присяжные представлять гарантію правильности рѣшенія въ дѣлахъ, гдѣ самый фактъ еще не доказанъ и гдѣ нужна сложная работа логики, памяти и проницательности, чтобы признать самое событіе преступленія? Повидимому, отвѣтъ долженъ быть отрицательный. Такимъ образомъ, вооруженное цифрами большого количества оправданій по паспортнымъ и должностнымъ дѣламъ, возникаетъ настойчивое обвиненіе противъ суда присяжныхъ...

Поэтому ближайшее разсмотрѣніе дѣятельности присяжныхъ засѣдателей по преступленіямъ противъ паспортной системы и по преступленіямъ должности вызывается практическою необходимостью. Надо вглядѣться въ эту дѣятельность поближе и уяснить, въ самихъ ли присяжныхъ кроется причина явленія, на которое указываютъ ихъ противники, опираясь на цифровыя данныя.

III.

Три главныхъ вида преступленій противъ правилъ о паспортахъ, указываемыхъ нашими уголовными законами, состоитъ въ *поддѣлкѣ* паспорта, т.-е. въ составленіи ложнаго паспорта или измѣненіи въ настоящемъ паспортѣ имени,—въ *переправкѣ* его, т.-е. въ измѣненіи въ немъ указаннаго срока или мѣстопребыванія и, наконецъ, въ *проживательствѣ* по чужому паспорту или въ отдачѣ своего паспорта другому лицу для этой цѣли. Всѣ эти преступленія (улож. о нак. ст. 975, 976 и 977) облагаются строгими исправительными наказаніями и влекутъ за собою—ссылку на житье и отдачу въ арестантскія отдѣленія и рабочій домъ. Такъ какъ наказанія эти сопряжены съ потерею всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ — то и обвиняемые въ преступленіяхъ противъ паспортной системы подлежатъ суду присяжныхъ засѣдателей.

Число оправдательныхъ приговоровъ по этимъ дѣламъ весьма значительно. Такъ, напримѣръ, изъ дѣлъ с.-петербургскаго окружнаго суда оказывается, что въ періодъ времени съ мая 1866 года (время открытія судебныхъ засѣданій окружнаго суда въ С.-Петербургѣ) по май 1880 года—всего было въ разсмотрѣніи присяжныхъ 216 дѣлъ по паспортнымъ преступленіямъ, къ которымъ было, въ качествѣ обвиняемыхъ привлечено 281 лицо. Изъ этого числа—оправдательные приговоры произнесены по 135 дѣламъ, причемъ оправдано 170 человѣкъ, т.-е. на 100 рѣшеній состоялось 62,5% оправдательныхъ относительно 60,5% всѣхъ привлеченныхъ къ дѣламъ подсудимыхъ. По отдѣльнымъ видамъ паспортныхъ преступленій числа эти располагались слѣдующимъ образомъ: о *проживательствѣ съ чужимъ видомъ* было 154 дѣла съ 204 подсудимыми:—изъ послѣднихъ осуждено 69 человѣкъ по 52 дѣламъ, оправдано 135 человѣкъ по 102 дѣламъ; —о *подлогѣ паспорта* 38 дѣлъ съ 51 подсудимымъ:—изъ нихъ осуждено 35 человѣкъ по 23 дѣламъ и оправдано 16 по 15 дѣламъ, и наконецъ — о *переправкѣ* паспорта 24 дѣла съ 26 обвиняемыми, причемъ осуждено 7 человѣкъ по 6 дѣламъ и оправдано 19 человѣкъ по 18 дѣламъ.

Эти цифры подаютъ поводъ къ нападеніямъ на дѣятельность присяжныхъ засѣдателей, о которыхъ мы уже говорили. Нападенія эти, однако, несправедливы. Разсмотрѣніе дѣлъ о паспортныхъ преступленіяхъ и тѣхъ условій, въ которыя бываютъ поставлены присяжные, когда имъ приходится произносить свои

приговоры о «лихихъ людяхъ», нарушающихъ стройное осуществленіе паспортной системы—приводить къ убѣжденію, что не въ присяжныхъ лежитъ причина чрезвычайнаго количества оправданій. Она кроется въ свойствѣ самыхъ преступленій—и въ томъ вліяніи, которое эти свойства оказываютъ на судебную процедуру относительно обвиняемаго.

Преступленія противъ паспортныхъ правилъ—преступленіе противъ системы. Въ нихъ нѣтъ непосредственно потерпѣвшаго, нѣтъ обиженнаго, притѣсненнаго подсудимымъ, лишеннаго своего права. Нѣтъ не только потерпѣвшаго человѣка, но нѣтъ и опредѣленнаго учрежденія — банка, присутственнаго мѣста, конторы и т. п., которое могло бы считаться потерпѣвшимъ. Здѣсь чистое нарушеніе системы правилъ, признанныхъ законодательствомъ необходимыми для поддержанія общественнаго порядка. Такихъ правилъ много относительно различныхъ сторонъ общественной жизни—и нарушеніе бо́льшей части изъ нихъ сопряжено съ причиненіемъ кому-либо вреда или опасности. Таковы правила карантинныя, правила объ огражденіи личной безопасности и т. п. При обвиненіи кого-либо въ ихъ нарушеніи всегда возможно и даже необходимо указаніе на то, что дѣйствіе подсудимаго грозило опасностью, напримѣръ, распространеніемъ повальной и заразительной болѣзни—цѣлому ряду лицъ, иногда цѣлому краю,—или что неисполненіе имъ постановленій, ограждающихъ личную безопасность, имѣло своимъ послѣдствіемъ чью-нибудь смерть, увѣчье, страданіе. Въ этихъ случаяхъ *возможное* зло такъ очевидно, *причиненное* зло такъ осязательно, что потерпѣвшаго искать не приходится. Онъ тутъ, предъ судомъ—или въ живомъ, реальномъ образѣ обиженнаго, пострадавшаго человѣка или въ образѣ, твердо рисуемомъ яснымъ сознаніемъ общей опасности. Но ничего подобнаго нѣтъ въ паспортныхъ дѣлахъ. Обвинитель можетъ указывать суду лишь на нарушеніе закона, на преступное уклоненіе отъ правилъ, ограждающихъ цѣлую паспортную систему. На вопросы—кому причиненъ вредъ? кто пострадалъ? обвинитель можетъ только отвѣтить:—закону, системѣ... Но это вредъ отвлеченный, понятный для человѣка получившаго учено-юридическое образованіе, но совершенно недоказательный для лица, взятаго изъ общества, изъ народа, чтобы судить «вреднаго» человѣка. Нѣтъ потерпѣвшаго, нѣтъ явнаго вреда, нѣтъ нагляднаго насилія, нѣтъ слѣдовъ хитрости, коварства со стороны обвиняемаго—и присяжные невольно обращаются къ самому преступленію. Они стараются въ его внутренней сторонѣ найти данныя для того, чтобы по совѣсти признать преступникомъ

подсудимаго. Быть можетъ, разсмотрѣніе внутренней стороны паспортнаго преступленія укажетъ на такое напряженіе порочныхъ побужденій, на такой умыселъ—которые придаютъ этому преступленію особую опасность и важность—подобно тому, какъ въ отравленіи коварство средства, а въ поджогѣ—безграничность ускользающихъ отъ воли поджигателя послѣдствій дѣлаютъ эти преступленія особенно тяжкими. Но и съ этой стороны присяжные не встрѣчаютъ ничего, могущаго указать имъ ни на важность дѣянія подсудимаго, ни на его собственную испорченность. Преступленіе совершается просто и безъ особыхъ приготовленій, послѣдствія его скорѣе всего и даже почти исключительно отражаются на самомъ обвиняемомъ, а играющіе въ обвинительной рѣчи иногда такую большую роль «злая воля» и «преступный умыселъ» направляются не на какое-либо живое лицо, а на безжизненный документъ, связывающій человѣка по рукамъ и ногамъ. Ни мщенія, ни ненависти, ни корысти, не находятъ присяжные во внутренней сторонѣ паспортнаго преступленія,—нѣтъ и свободнаго выбора и обдумыванія средствъ, нѣтъ и пользованія плодами преступленія въ ущербъ другимъ,—нѣтъ, наконецъ, и подавленнаго въ себѣ обвиняемымъ голоса совѣсти, которая могла бы трепетать и отвращаться отъ замышляемаго недобраго, мрачнаго, вреднаго дѣла. Все, напротивъ, просто, несложно. Средства преступленія такъ сказать предуказаны самымъ содержаніемъ паспорта—и въ томъ, что содѣяно обвиняемымъ, вмѣсто внутренней борьбы съ совѣстью и внѣшняго, очевиднаго вреда—невольно усматривается родъ жалкой и по бо́льшей части неудачной самообороны противъ системы, связавшей обвиняемаго, въ его житейской обстановкѣ, цѣлою сѣтью стѣснительныхъ и тяжелыхъ правилъ.

Не найдя особыхъ данныхъ для осужденія и во внутренней сторонѣ преступленія, присяжные обращаются невольно къ вопросу о томъ: что́ же сдѣлалъ въ дѣйствительности вреднаго и дурного подсудимый и за что̀ его слѣдуетъ сурово покарать? Тогда-то на первый планъ выступаютъ, сами собою, *обстановка* этихъ преступленій и *бытовыя особенности*, ихъ вызывающія. Тогда-то выступаетъ снова паспортная система—но не въ качествѣ потерпѣвшаго лица, а въ видѣ житейскаго явленія, испытаннаго и провѣреннаго присяжными на самихъ себѣ. Люди жизни, они совершенно законно обращаются къ жизни и въ ней ищутъ отвѣта на тревожащіе ихъ вопросы. Судьи по убѣжденію совѣсти, они знаютъ, что отъ нихъ ожидается приговоръ не *юридическій*, а *правосудный* въ настоящемъ

смыслѣ слова. Не заглушая своихъ сомнѣній формальными указаніями закона, они безтрепетно вглядываются въ житейскія явленія и въ ихъ внутренномъ смыслѣ ищутъ себѣ поддержки и указанія. Узкое юридическое пониманіе можетъ не мириться съ тѣмъ, что въ приговорахъ ихъ по такимъ дѣламъ «совершилъ» и «виновенъ» — очень часто вовсе не являются синонимами, — но широкое правовое чувство никогда не оскорбится этимъ. Строгій законникъ можетъ не соглашаться съ такими приговорами и даже негодовать на нихъ, но законодатель, который захочетъ быть живымъ выразителемъ потребностей своего народа, долженъ будетъ прислушаться къ такимъ приговорамъ и въ нихъ найти указаніе—куда должна быть направлена его дѣятельность.

Наша паспортная система представляетъ собраніе отжившихъ свой вѣкъ правилъ. Они давно осуждены и теоріею, и практикою. Ни одно изъ европейскихъ государствъ не знаетъ такого развитія паспортныхъ правилъ, какъ Россія, — ни въ одномъ изъ нихъ паспортъ не соприкасается со столькими сторонами общественной и частной жизни, какъ у насъ, тормазя одну, затрудняя другую. Англія никогда, впрочемъ, не знала паспорта и всѣ ограниченія свободы передвиженія, которыя въ ней встрѣчаются, относятся исключительно къ бродягамъ (wagabonds) и обставлены притомъ рядомъ существенныхъ формальностей. Введенное во время наполеоновскихъ войнъ правило о предъявленіи иностранцами ихъ паспортовъ, — какъ мѣра временная и исключительная, давно уже вышло изъ употребленія и исполненіе его предоставлено вполнѣ на волю иностранцевъ. На континентѣ паспортъ имѣлъ большее распространеніе, но и тамъ онъ никогда не имѣлъ иного значенія, какъ средства облегченія полицейскаго надзора. Уже съ начала нынѣшняго столѣтія паспортъ признается ненадежнымъ орудіемъ такого надзора. При господствѣ строгихъ паспортныхъ правилъ развитіе благосостоянія проигрываетъ болѣе, чѣмъ выигрываетъ безопасность. Поэтому мало-по-малу за паспортомъ остается лишь значеніе удостовѣренія о личности, которое никакого отношенія къ свободѣ передвиженія имѣть не можетъ. Первый шагъ въ этомъ отношеніи дѣлаетъ Пруссія, въ 1817 году, — ея примѣру слѣдуютъ всѣ германскія государства и Австрія. 1868 г. застаетъ во всей Германіи полное отсутствіе обязательныхъ паспортовъ, за исключеніемъ случаевъ войны или внутреннихъ смутъ, угрожающихъ опредѣленной территоріи, когда такіе паспорты могутъ быть временно вводимы (§ 9 сѣверо-германскаго

закона о паспортахъ 12-го октября 1867 года). Франція сохраняетъ долѣе другихъ странъ западно-европейскаго континента довольно строгія паспортныя постановленія и законодательство ея задерживается въ облегченіи паспортныхъ правилъ войною 1870 и событіями 1871 года. Практика, однако, мало-по-малу выводитъ изъ употребленія всѣ стѣснительныя мѣры по паспортному надзору, еще остающіяся въ законѣ, которыя, впрочемъ, даже и при самомъ строгомъ ихъ примѣненіи никогда бы не отражались такъ на народной жизни, какъ наши.

Изъ многихъ неудобствъ, усугубляющихъ тяжесть жизни простого русскаго человѣка—паспортъ есть одно изъ тягчайшихъ. Въ томъ видѣ, какъ онъ существуетъ у насъ, онъ прежде всего стѣсняетъ свободу передвиженія людей рабочаго класса, ограничивая кругъ ихъ промысловъ и заработковъ, затрудняя перенесеніе производительной силы туда, гдѣ въ ней чувствуется наибольшая нужда—и вообще являясь тормазомъ въ экономическомъ развитіи страны. Но не одну свободу передвиженія изъ одной мѣстности въ другую стѣсняетъ нашъ паспортъ,—онъ тяготѣетъ и надъ пользованіемъ свободою въ постоянномъ мѣстѣ жительства рабочаго русскаго человѣка. Если это послѣднее неудобство не даетъ себя особенно чувствовать, то лишь потому, что мѣстная административная власть не всегда желаетъ пользоваться правами, которыми вооружила ее паспортная система. Но она всегда, въ лицѣ того или другого своего представителя, можетъ пожелать пользоваться ими—и тогда паспортъ дастъ себя почувствовать и безъ предпринятія отдаленной отлучки. Общее правило о томъ, что никто не можетъ отлучиться изъ мѣста своего жительства безъ паспорта, стѣсняетъ каждый шагъ обязательнаго владѣльца этого документа, вводя его въ трату времени и денегъ для исполненія разныхъ формальностей. Людьми, знакомыми съ паспортною системою, еще при первомъ возникновеніи вопроса о ея преобразованіи, было заявляемо, что если исполнять законъ въ точности — то безъ письменнаго вида крестьянинъ не можетъ отлучиться въ приходскую церковь, если она находится въ другомъ селеніи, — не можетъ отвезти продуктовъ своего хозяйства на сосѣдній базаръ. Постоянно, при каждомъ почти шагѣ за предѣлы своего села, онъ можетъ опасаться, что каждый представитель мѣстной полицейской власти арестуетъ его, какъ безпаспортнаго или подвергнетъ, смотря по своему темпераменту, другимъ болѣе или менѣе тягостнымъ стѣсненіямъ. Достаточно припомнить, что до сихъ поръ не отмѣненъ законъ (т. XIV, уст. о пасп., ст. 601), который всякую отлучку съ мѣста жительства

безъ паспорта признаетъ побѣгомъ и даже поимщику такого бѣглаго обѣщаетъ въ награду три рубля сер.

Но паспортъ вызываетъ не эти только неудобства въ нашей народной жизни. Онъ отдаетъ народъ на произволъ низшихъ административныхъ агентовъ, давая широкое поле для приложенія этого произвола. Волостной писарь, старшина и сборщикъ податей держатъ въ своей власти отлучившагося на заработки крестьянина. Они опредѣляютъ размѣръ его недоимки и количество слѣдующаго съ него по раскладкѣ платежа; они же могутъ не соблаговолить выслать ему паспортъ, обыкновенно никому не отдавая въ этомъ отчета. Практика показываетъ, что иногда и общество, къ которому принадлежитъ отлучившійся на заработки, пользуется тѣмъ, что онъ *долженъ* находиться въ мѣстѣ своей отлучки, и облагаетъ его чрезмѣрными платежами, угрожая невыдачею новаго паспорта. А въ городахъ ждутъ владѣльца паспорта другого рода паспортные мытари, въ лицѣ письмоводителей полицейскихъ кварталовъ и разной другой мелкой канцелярской братіи, изобрѣтательной на фантастическіе сборы съ темнаго пришлаго люда.

Столь разумно приноровленная къ условіямъ народной жизни, паспортная система очевидно нуждается въ особой охранѣ и поддержкѣ со стороны закона карательнаго и предупредительнаго. И поддержка оказывается, не рѣдко съ энергіею, достойною лучшаго дѣла. Паспортъ требуется настойчиво, отсрочки чрезвычайно ограничены въ числѣ—и потерявшій паспортъ или неполучившій его съ родины обращается очень скоро въ безпаспортнаго, въ «таинственнаго незнакомца», котораго никто не соглашается держать у себя и котораго полиція спѣшитъ выпроводить по этапу на родину или, усумнившись въ его объясненіяхъ, заключить подъ стражу, впредь до полученія свѣдѣній оттуда, откуда онъ себя «показываетъ». Въ лучшемъ случаѣ, т.-е. когда нѣтъ подозрѣнія въ бродяжествѣ, ему приходится все-таки просидѣть въ пересыльной тюрьмѣ вплоть до этапнаго дня, и затѣмъ, медленно влача срамъ и тяжесть своего положенія, явиться на родину, пройдя по этапу сотни верстъ... Пересыльныя тюрьмы нашихъ столицъ предъ наступленіемъ отправленія арестантскихъ партій представляютъ особенно тяжелое зрѣлище относительно безпаспортныхъ. Очень часто это люди дѣйствительно ни въ чемъ даже противъ паспортныхъ правилъ неповинные. Потерялъ паспортъ или засунулъ куда-нибудь, или долго не получалъ изъ волости,—а ежедневный всепоглощающій трудъ не далъ возникнуть мысли объ исполненіи нѣкоторыхъ формальностей, по боль-

шей части, впрочемъ, и невѣдомыхъ простому человѣку — и вдругъ, въ одинъ прекрасный день, пришлось очутиться въ острогѣ. Вздыхаетъ человѣкъ, молчаливо скорбитъ или тихо и робко жалуется «начальству», посѣщающему острогъ и торопливо объясняющему, что таковъ, молъ, законъ, — а день отправки приближается... И вотъ этапъ и новыя встрѣчи съ людьми «бывалыми», которые шутятъ надъ горькимъ недоумѣніемъ безпаспортнаго. Сначала они кажутся чужды и непріязненны, но потомъ къ нимъ приходится привыкнуть, — идя съ ними рука объ руку, вмѣстѣ ночуя и питаясь изъ одного котла.—Притомъ они знаютъ такъ много интереснаго, разсказываютъ такъ много новаго, такъ подшучиваютъ надъ тѣмъ, что́ прежде казалось страшно, такъ весело смѣются надъ тѣмъ, что́ казалось грѣшно... И когда предъ «безпаспортнымъ» мелькнетъ его деревушка, онъ, быть можетъ, посмотритъ на предстоящую въ ней жизнь другими глазами, чѣмъ посмотрѣлъ бы прежде, и вступитъ въ свою семью, хотя и съ пустыми руками вслѣдствіе прерванной острожнымъ сидѣніемъ и этапнымъ хожденіемъ работы, но съ иными, почерпнутыми у новыхъ знакомцевъ болѣе широкими и оригинальными взглядами на житейскія отношенія вообще — и на паспортъ въ особенности. Вредное, деморализующее вліяніе нашихъ тюремъ и способовъ пересылки слишкомъ общеизвѣстно, чтобы о немъ распространяться. Оно сознано вполнѣ и въ законодательныхъ сферахъ. Но тѣмъ не менѣе оно существуетъ и отражается несомнѣннымъ образомъ на «безпаспортныхъ»...

Положеніе, создаваемое существующими паспортными правилами для большинства тѣхъ, кто просрочитъ или потеряетъ паспортъ или почему-либо навлечетъ на себя неудовольствіе своего сельскаго начальства, почти безвыходное. Оно ставитъ во множествѣ случаевъ роковую альтернативу—или острогъ и этапъ, или преступленіе. Но первый выходъ сопряженъ съ прекращеніемъ работы, съ покинутіемъ насиженнаго гнѣзда, — второй даетъ возможность надѣяться сохранить и работу и обжитый уголъ. Одни покоряются и, махнувъ на все рукою, принимаютъ званіе безпаспортныхъ и идутъ на родину;—другіе борятся, пріобрѣтаютъ чужой или поддѣльный паспортъ и живутъ въ тяжеломъ ожиданіи дня, когда они обратятся въ обвиняемыхъ и подсудимыхъ.

Таковы свойства и практическія послѣдствія паспортной системы въ томъ видѣ, въ какомъ она существуетъ у насъ.

Что́ же однако покупается цѣною этой системы, со всѣми ея свойствами и послѣдствіями? Обезпечиваетъ ли ея приложеніе

сохраненіе порядка и упроченіе общественной безопасности, — доставляетъ ли она полицейской власти могущественное орудіе для предупрежденія преступленій или, наконецъ, представляетъ ли источникъ государственнаго дохода, неизбѣжный и незамѣнимый?

Отвѣтъ на эти вопросы — и отвѣтъ, исходящій изъ вполнѣ компетентной среды, вполнѣ отрицательный. Еще съ 1857 года правительство занялось вопросомъ объ улучшеніи паспортной системы. Въ этомъ году была учреждена при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ особая паспортная коммиссія для выработки болѣе правильныхъ основаній для нашей паспортной системы. Въ 1871 году была учреждена при государственной канцеляріи новая коммиссія, облеченная весьма широкими правами. Ей было предоставлено обсудить проектъ, составленный на основаніи работъ коммиссіи 1857 года, и выслушать доводы депутатовъ отъ различныхъ министерствъ, которые своими словесными объясненіями замѣняли въ этомъ случаѣ письменныя заключенія, представляемыя, по заведенному порядку, министрами въ государственный совѣтъ. Въ коммиссію были приглашены представители сословныхъ и общественныхъ учрежденій, — министерскіе депутаты были люди близко стоявшіе къ дѣлу—и живые вопросы, возбуждаемые дѣйствительными потребностями жизни, нашли себѣ выраженіе и разработку въ трудахъ этой коммиссіи. Многое существенное, хотя, конечно, не все, предположено было измѣнить и отмѣнить въ нашей паспортной системѣ,—много интересныхъ заявленій пришлось выслушать коммиссіи по поводу этихъ измѣненій. Извѣстно, напримѣръ, что представителемъ полицейской власти въ Петербургѣ, бывшимъ с.-петербургскимъ оберъ-полиціймейстеромъ и командированными имъ депутатами было разъяснено, что для успѣшности полицейскаго надзора паспортъ не только не необходимъ, но затрудняетъ полицію въ преслѣдованіи дѣйствительныхъ преступниковъ, обременяетъ ее множествомъ излишней работы и, ложась тяжелымъ бременемъ на людей ни въ чемъ неповинныхъ и даже побуждая ихъ къ нарушеніямъ закона, только помогаетъ нарушителямъ порядка ускользать отъ надзора полиціи. Извѣстно также, что бывшимъ министромъ финансовъ М. X. Рейтерномъ была неоднократно высказываема мысль, что финансовое вѣдомство готово было бы отказаться отъ дохода съ паспортнаго сбора, простиравшагося до 2.400,000 рублей сер. въ годъ, если бы паспортная система могла быть измѣнена такимъ образомъ, чтобы новыя правила существенно облегчали передвиженіе народа и этимъ давали бы

возможность увеличиться народной производительности и благосостоянію. Временная потеря государства была бы при этомъ вознаграждена этимъ увеличеніемъ благосостоянія.

Итакъ, паспортъ не нуженъ для полиціи. Отъ него готовъ отказаться и фискъ. У полиціи будетъ, съ отмѣною паспорта, больше средствъ слѣдить за вредными людьми и меньше поводовъ смѣшивать съ ними людей безвредныхъ. Усиленное и свободное передвиженіе производительныхъ силъ подниметъ экономическій строй страны и—безъ сомнѣнія—косвенными налогами возвратитъ казнѣ съ излишкомъ то, что̀ она утратитъ, отказавшись отъ паспортнаго сбора.

Почему же не отмѣняется паспортъ? Почему не замѣняется весь сложный паспортный аппаратъ введеніемъ какихъ-либо удостовѣреній о личности, получаемыхъ на безсрочное время, нигдѣ обязательно не прописываемыхъ и предъявляемыхъ лишь по спеціальному требованію полицейской и судебной власти? Отчего труды коммиссіи 1871 года заглохли въ законодательныхъ инстанціяхъ и «поросли травой забвенья»?

Оттого, что, къ несчастію, у насъ паспортный вопросъ связанъ съ податнымъ, и наша устарѣлая, давно осужденная здравою финансовою наукою, податная система нуждается въ паспортѣ, какъ въ одномъ изъ орудій поддержанія своего существованія. Паспортъ привязываетъ платежную, податную единицу къ податному центру. Въ этомъ его настоящее значеніе, дающее ему жизненную силу, несмотря на логику фактовъ и на отказъ отъ него тѣхъ, дѣятельности которыхъ онъ, повидимому, долженъ бы былъ служить подспорьемъ. Невыдача паспорта, въ случаѣ неуплаты недоимки или впредь до взноса слѣдующихъ платежей, является тяжелымъ средствомъ въ рукахъ мѣщанскихъ и крестьянскихъ обществъ. Когда такое общество начинаетъ пользоваться этимъ средствомъ въ широкихъ размѣрахъ, послѣднее пріобрѣтаетъ бѣдственный характеръ и, ограничивая отлучки для отработки недоимокъ, скорѣе ведетъ къ ихъ увеличенію и даже къ полному разоренію недоимщика. Поэтому общества не всегда широко пользуются своимъ правомъ не выдавать паспортъ. Но, къ сожалѣнію, при оцѣнкѣ способовъ практическаго осуществленія нашей податной системы, обыкновенно это право невыдачи паспорта принимается въ разсчетъ и служитъ однимъ изъ главныхъ аргументовъ въ пользу существующей паспортной системы. Поэтому, когда возникаетъ вопросъ объ уничтоженіи дѣйствующихъ паспортныхъ правилъ—обыкновенно говорится: «да! все это справедливо, но какъ же быть съ

податями? — надо сперва измѣнить систему взиманія сборовъ и самый характеръ сборовъ, а это дѣло сложное, трудное, de longue haleine»... И такимъ образомъ устарѣлая податная система и нецѣлесообразная, тягостная система паспортная поддерживаютъ и обусловливаютъ одна другую. Abyssus abyssum invocat!..

Свойства паспортной системы отражаются и на судебномъ ходѣ дѣлъ, возникающихъ по нарушеніямъ паспортныхъ правилъ. Человѣкъ, имѣющій фальшивый, передѣланный или чужой видъ на жительство — не имѣетъ вида законнаго. Но безъ законнаго вида нельзя нигдѣ жить, нельзя имѣть опредѣленнаго мѣстожительства. Даже и гостепріимный домъ Вяземскаго неохотно растворяетъ свои двери безпаспортнымъ. Обвиняемый въ преступленіи, влекущемъ потерю правъ состоянія, подлежитъ содержанію подъ стражею. Онъ избавляется отъ этого обыкновенно лишь представленіемъ залога или поручительства. Но «безпаспортному» по большей части негдѣ взять потребной для этого суммы или найти человѣка, который рискнулъ бы за него поручиться, принявъ на себя денежную отвѣтственность. Да и кромѣ того —«безпаспортный» не имѣетъ осѣдлости, онъ *не можетъ* жить на свободѣ. И его заключаютъ подъ стражу. Начинаются справки, сношенія съ мѣстомъ выдачи ему паспорта, производство экспертизы, допросы свидѣтелей для провѣрки правильности его показанія. Разстоянія на Руси большія, переписка ведется не торопливо, справки по запутаннымъ общественнымъ книгамъ наводятся медленно — и обвиняемый сидитъ въ тюрьмѣ мѣсяцы, а иногда и болѣе года.—Наконецъ, онъ предстаетъ на судъ. Присяжные знаютъ, что̀ такое паспортная система,—многіе изъ нихъ, быть можетъ, на себѣ или на близкихъ испытали ея тяжелую руку. Предъ ними подсудимый, о безупречномъ прошломъ котораго имѣются иногда самыя лучшія свѣдѣнія и дѣяніе котораго никому не причинило вреда. Онъ уже наказанъ долгимъ заключеніемъ за то нарушеніе, которое онъ сдѣлалъ. И присяжные произносятъ оправдательный приговоръ, потому что, будучи представителями суда по совѣсти, они не могутъ холодно и бездушно произнести слово осужденія въ большинствѣ дѣлъ о паспортныхъ преступленіяхъ.

Предварительное заключеніе обвиняемаго, длящееся долго, всегда вліяетъ на приговоръ присяжныхъ. Оно не можетъ не вліять,—и очень сильно вліять,—и по этимъ дѣламъ, которыя почти неразрывно съ нимъ связаны.

На 16-ть оправданныхъ съ 1866 года по 1880 годъ присяжными въ Петербургѣ—по обвиненію въ *подлогѣ* паспорта

11 человѣкъ содержались подъ стражею до суда болѣе *трехъ мѣсяцевъ*, а именно: одинъ 4 мѣсяца, четыре—5 мѣсяцевъ, два 7 мѣсяцевъ, два—10 мѣсяцевъ, одинъ—годъ и одинъ—13 мѣсяцевъ;—изъ 19-ти оправданныхъ по обвиненію въ *передѣлкѣ паспорта*—8 человѣкъ содержались болѣе *трехъ мѣсяцевъ*, а именно: по 4, 5, 6, 7, 9 и 11 мѣсяцевъ и по году и году и 2 мѣсяцамъ. Наконецъ, по обвиненію въ *проживательствѣ съ чужимъ паспортомъ*—болѣе трехъ мѣсяцевъ содержалось 49 оправданныхъ, и въ томъ числѣ семь человѣкъ—по 5 мѣсяцевъ, 10—по 8 мѣсяцевъ, 6—по 10 мѣсяцевъ, 6—по году, два—по полтора года, два по году и 8 мѣсяцевъ и одинъ — два года и 8 мѣсяцевъ...

Всматриваясь въ приговоры присяжныхъ по паспортнымъ дѣламъ—никакъ нельзя сказать, чтобы оправданіе давалось ими безъ оцѣнки всѣхъ обстоятельствъ дѣла—или подъ вліяніемъ тѣхъ свойственныхъ столичнымъ присяжнымъ гуманитарныхъ соображеній, которымъ обыкновенно любятъ противопоставлять «трезвую строгость» приговоровъ присяжныхъ въ уѣздахъ.

Присяжные города Петербурга и уѣздовъ петербургской губерніи дѣйствительно разнятся строгостью своихъ приговоровъ. Это общій въ Россіи фактъ. Присяжные столицъ и губернскихъ городовъ относятся къ подсудимому мягче, чѣмъ присяжные въ уѣздныхъ городахъ. Какъ судъ общественный, судъ присяжныхъ отражаетъ на себѣ взглядъ мѣстнаго общества, во всей его совокупности, на преступленіе и на силу тѣхъ или другихъ доказательствъ. Но есть преступленія, къ которымъ повсюду присяжные относятся одинаково, безразлично отъ мѣстности, гдѣ происходитъ судъ. *Таковы преступленія по должности и паспортныя*. По отношенію къ нимъ городъ и уѣздъ дѣйствуютъ совершенно единодушно. Такъ, въ періодъ съ 1866 по 1880 годъ изъ 216 дѣлъ по паспортнымъ преступленіямъ—въ Петербургѣ разсмотрѣно 173, въ уѣздахъ петербургской губерніи—43 дѣла; по нимъ всего состоялось оправдательныхъ приговоровъ—135 и изъ нихъ 108 въ Петербургѣ и 27 въ уѣздахъ, т.-е. около $62\frac{1}{2}\%$ въ обоихъ случаяхъ.

Эти приговоры послѣдовали почти исключительно по чисто-паспортнымъ преступленіямъ, т.-е. такимъ, гдѣ нарушеніе паспортныхъ законовъ не служило средствомъ къ совершенію другого преступленія или не было съ нимъ соединено. Какъ только поддѣлка паспорта сдѣлана, чтобы удобнѣе совершить какое-либо похищеніе,—или чужой видъ пріобрѣтенъ, чтобы избѣжать на-

казанія или понести его подъ именемъ другого (такихъ случаевъ было въ практикѣ с.-петербургскаго окружнаго суда два)—присяжные въ огромномъ большинствѣ случаевъ произносятъ обвинительный приговоръ. Изъ 216 дѣлъ, о которыхъ говорено выше,—*совокупность преступленій, т.-е. соединеніе паспортнаго преступленія съ другимъ существовала въ 26 случаяхъ и только въ двухъ изъ нихъ послѣдовало оправданіе.*

Но не только строгое отношеніе къ употребленію паспорта, какъ средства для другого преступленія, замѣчается у присяжныхъ. Самое оправданіе по чисто-паспортнымъ дѣламъ они даютъ не равномѣрно по всѣмъ родамъ нарушеній карательнаго закона, ограждающаго паспортную систему. Они дѣлаютъ сознательный выборъ между нарушеніями, и чѣмъ важнѣе нарушеніе, тѣмъ скупѣе становятся они на оправданіе.

Самый легкій видъ паспортныхъ преступленій—*передѣлка паспорта*, т.-е. измѣненіе въ немъ срока или мѣстопребыванія и предъявленіе такого измѣненнаго документа (ст. 976 улож. о наказ.). По нему и больше всего оправдательныхъ приговоровъ. На 26 обвиняемыхъ по 24 дѣламъ—оправдано 19. Обыкновенно переправка паспорта или отсрочки, выданной изъ полиціи, дѣлается въ срокѣ, на который они выданы, когда у обвиняемаго не было средствъ обмѣнить паспортъ на новый,—нѣчего было послать въ деревню, или когда отсрочкѣ истекалъ срокъ, а изъ деревни или изъ мѣщанской управы отдаленнаго города не присылался давно и тщетно ожидаемый паспортъ. Иногда измѣненіе дѣлается въ обозначеніи возраста. Такъ, въ 1873 году судился въ Петербургѣ оффиціантъ большой гостинницы, передѣлавшій свои лѣта на паспортѣ и прибавившій себѣ годъ, для того, чтобы имѣть узаконенный возрастъ для женитьбы на горничной той же гостинницы, которая готовилась быть матерью его ребенка. Онъ содержался до суда пять мѣсяцевъ въ тюрьмѣ и былъ оправданъ. Въ 1872 году также былъ оправданъ мѣщанинъ г. Солигалича Дунинъ, измѣнившій срокъ на паспортѣ для того, чтобы не отсылать его въ теченіе нѣкотораго времени на родину, такъ какъ безъ подлиннаго паспорта его не соглашались вѣнчать.

Болѣе серьёзно преступленіе, предусмотрѣнное 977 ст. уложенія—*проживательство съ чужимъ видомъ*, и по нему оправданія составляютъ лишь $^2/_3$ всего числа приговоровъ. Въ дѣлахъ этого рода предъ присяжными очень часто раскрывается во всей неприглядности картина тяжелаго, подъчасъ невыносимаго семей-

наго положенія простой русской женщины. Побои пьянаго мужа, растаскиванье имъ всего, что великимъ трудомъ накоплено въ хозяйствѣ, попреки, оскорбленія и вѣчная грызня со стороны свекрови—дѣлаютъ жизнь «вѣковѣчной печальницы» въ крестьянской семьѣ до того постылою, что иногда единственнымъ выходомъ является самоубійство или побѣгъ. Но побѣгъ грозитъ возвращеніемъ на новыя истязанія. Необходимъ паспортъ. Иногда, на счастье бѣглянки, находятся «добрые люди», которые снабжаютъ ее паспортомъ. «Вотъ, возьми мой,—говорила въ дѣлѣ крестьянки Мигриной вдова-солдатка Манухина,—мнѣ скоро умирать надо,—здѣсь въ деревнѣ его у меня никто не спрашиваетъ, авось и Господь Богъ не потребуетъ».—Въ практикѣ петербургскаго окружнаго суда былъ рядъ подобныхъ дѣлъ. Когда у крестьянки есть дѣти, они ее удерживаютъ на мѣстѣ и заставляютъ страдать глухо и безнадежно,—но если ихъ нѣтъ—она уходитъ, живетъ гдѣ-нибудь въ большомъ городѣ многіе годы и только случайно раскрывается ея «преступленіе». Замѣчательно, что ни въ одномъ дѣлѣ о проживательствѣ въ Петербургѣ жены, ушедшей отъ побоевъ и притѣсненій мужа, не было указаній, чтобы у подсудимой были дѣти. Иногда смерть дитяти подаетъ поводъ женщинѣ къ уходу отъ мужа, чтобы стать кормилицею. Такъ возникло три дѣла о крестьянкахъ ямбургскаго и новоладожскаго уѣздовъ, которыя, потерявъ маленькаго ребенка, ушли противъ воли мужей—во всѣхъ трехъ случаяхъ пьяницъ и расточителей—въ Петербургъ и проживали въ немъ (двѣ въ воспитательномъ домѣ) по чужимъ паспортамъ въ качествѣ кормилицъ. Въ шести дѣлахъ о проживательствѣ крестьянокъ по чужимъ паспортамъ—побои и жестокое обращеніе мужей были доказаны несомнѣнными свидѣтельскими показаніями,—а подсудимыя, содержавшіяся отъ 5 до 9 мѣсяцевъ подъ стражею, оказались, по отзывамъ тѣхъ, у кого онѣ служили, честными, скромными и трудолюбивыми женщинами.

Между прочимъ, присяжнымъ пришлось разбирать въ 1870 году дѣло крестьянки Болвиной, которая явилась въ маѣ 1869 года въ полицію и заявила, что 20 лѣтъ уже живетъ по чужому виду, будучи въ дѣйствительности крестьянкою порховскаго уѣзда, Зиновіею Кирилловой. 16 лѣтъ отъ роду она была выдана замужъ за 69-ти-лѣтняго старика, который обращался съ ней жестоко и былъ ей «противенъ». Она рѣшилась бѣжать—и прожила въ двухъ мѣстахъ въ качествѣ горничной и няни все время. Мужъ давно умеръ, но желаніе видѣть родину развилось въ ней съ такою силою, что она просила судить ее, но только дать воз-

можность снова побывать у себя «дома».—Подобныя же дѣла возникли въ 1874 году относительно крестьянки Кирпиченковой, за 12 лѣтъ передъ тѣмъ ушедшей отъ мужа, вскорѣ затѣмъ умершаго, и 8 лѣтъ безпорочно прожившей въ нянях при дѣтяхъ председателя иностранной ремесленной управы, который явился на судъ горячо свидѣтельствовать въ ея пользу,—и въ 1879 году о крестьянкѣ Чебуриной, которая за 25 лѣтъ передъ тѣмъ ушла отъ побоевъ мужа и свекрови, но была возвращена по этапу и, запасшись чужимъ паспортомъ, снова бѣжала и безпорочно прожила въ Петербургѣ 17 лѣтъ, и изъ нихъ послѣднія 6 лѣтъ сидѣлкою въ больницѣ, откуда перешла прямо въ тюрьму, гдѣ и просидѣла до суда 10 мѣсяцевъ. Приговоръ присяжныхъ по всѣмъ этимъ дѣламъ понятенъ. Они безусловно, безъ долгихъ совѣщаній, оправдали всѣхъ подсудимыхъ, несмотря на собственное сознаніе и наличность факта преступленія. Интересно было бы однако посмотрѣть на коронныхъ судей, у которыхъ хватило бы силы осудить этихъ женщинъ, не войдя вмѣстѣ съ тѣмъ съ ходатайствомъ объ ихъ помилованіи.

Затѣмъ, между дѣлами, вызвавшими оправданіе по проживательству по чужому виду—въ трехъ случаяхъ положительно доказана потеря обвиняемымъ своего паспорта и находка чужого, съ которымъ онъ и сталъ жить, и въ трехъ случаяхъ также доказанъ невѣдомый обмѣнъ паспортовъ между неграмотными рабочими-судовщиками, жившими временно вмѣстѣ; въ 11 случаяхъ доказано несомнѣнное отсутствіе средствъ для полученія отсрочки и въ нѣкоторыхъ случаяхъ непреодолимыя препятствія къ полученію паспорта, несмотря на крайнюю, гнетущую необходимость отлучиться. Въ послѣднемъ отношеніи характеристично дѣло 1877 года о крестьянкѣ гдовскаго уѣзда М. и ея дочери Д., которыя ушли въ Петербургъ, чтобы лечиться отъ наслѣдственнаго сифилиса, купивъ себѣ чужіе паспорты, такъ какъ общество не разрѣшало имъ, почему-то, отлучки. Наконецъ, оправданія безусловно произносились присяжными во всѣхъ дѣлахъ, гдѣ обвиняемыми являлись близкіе родственники, обыкновенно братья, передавшіе одинъ другому паспортъ, впредь до полученія однимъ изъ нихъ отсрочки или новаго паспорта. Присяжные оправдали также, въ 1875 году, иностранца Гессе, давшаго свой паспортъ иностранцу Тидге для немедленной поѣздки за границу къ тяжко-больной женѣ, причемъ собственный паспортъ Тидге былъ самовольно удержанъ хозяиномъ, у котораго онъ служилъ мастеромъ, за 40 рублей долга.

Третье—и наиболѣе важное преступленіе противъ устава о паспортахъ—*поддѣлка вида на жительство*, т.-е. составленіе ложнаго паспорта или измѣненіе въ настоящемъ паспортѣ имени (улож. о нак. ст. 975). Поддѣлка паспорта, особливо когда она выражается въ составленіи совершенно новаго документа, требуетъ особыхъ приготовленій и является преступленіемъ гораздо болѣе серьёзнымъ, чѣмъ переправка паспорта или проживаніе по чужому виду. И присяжные это вполнѣ сознаютъ. *По дѣламъ о поддѣлкѣ паспорта они оправдываютъ менѣе 25%, всѣхъ обвиняемыхъ*, т.-е. даютъ обвинительные приговоры въ размѣрѣ, превышающемъ средній нормальный % обвиненій по общимъ преступленіямъ, который колеблется въ послѣдніе годы между 68%—65%. Такъ, на 51 обвиняемаго въ поддѣлкѣ паспорта съ 1866 по 1880 годъ присяжные оправдали въ Петербургѣ лишь 16 человѣкъ.

Поддѣлка паспорта совершается иногда лишь для удовлетворенія внезапной, преходящей потребности. Но разъ поддѣлка сдѣлана—и не открыта тотчасъ—паспортъ принимается въ прописку и съ нимъ приходится поневолѣ жить. Всякое заявленіе о его потерѣ — будетъ и несвоевременно и опасно. И тянутся годы, въ теченіе которыхъ обвиняемый честно трудится, но не можетъ вырваться изъ-подъ гнета, наложеннаго на него поддѣльнымъ паспортомъ, пока случайно не открывается поддѣлка и онъ не попадаетъ на скамью подсудимыхъ. Эта безвыходность положенія, въ связи съ хорошими свѣдѣніями о жизни подсудимаго и съ долгимъ содержаніемъ подъ стражею, вліяютъ безъ сомнѣнія на приговоръ присяжныхъ. Изъ оправданныхъ ими въ Петербургѣ подсудимыхъ всѣ сидѣли до суда по нѣскольку мѣсяцевъ въ тюрьмѣ и, кромѣ того, трое изъ нихъ прожили безпорочно по 4 и по 5 лѣтъ по ложному паспорту,—двумъ было болѣе 70 лѣтъ отъ роду, когда они предстали на судъ, а одинъ, бывшій унтеръ-офицеръ, не получая отъ начальства разрѣшенія на бракъ, сдѣлалъ фальшивый паспортъ на имя отставного почтальона и съ этимъ паспортомъ женился и прослужилъ 4 года письмоводителемъ у станового пристава до самаго открытія своего преступленія.

Таковы условія, въ которыя поставлены присяжные по паспортнымъ дѣламъ. Требовать отъ нихъ иной дѣятельности, чѣмъ та, которую они проявляютъ, значитъ ждать отъ нихъ рѣшеній, которыя, никого не удовлетворяя, подъ ложною внѣшнею правильностью скрывали бы великую внутреннюю несправедливость.

Русскій судъ присяжныхъ, произнося свои оправдательныя рѣшенія относительно обвиняемыхъ, преступленіе которыхъ обусловилось недостатками паспортной системы, является настоящимъ судомъ, въ приговорахъ котораго должна звучать не одна формальная правда, но громко вопіющая правда жизненная. Не порицать надо этотъ судъ за такіе приговоры, но прислушиваться къ нимъ и видѣть въ нихъ живыя указанія на тѣ стороны общественнаго устройства, въ которыхъ требованія жизни опередили остановившееся въ своемъ движеніи законодательство.

А. Кони.

РАЗДВОЕННОЕ КОПЫТО

Романъ миссъ Брэддонъ *).

Съ англійскаго.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Глава I.—Наслѣдникъ.

Снѣгъ валилъ густыми хлопьями, вся окрестность представляла видъ безформенной бѣлой массы, когда Джонъ Тревертонъ мчался въ глухую полночь съ поѣздомъ юго-западной желѣзной дороги. Въ эту мрачную ночь на поѣздѣ было мало пассажировъ, а потому на долю мистера Тревертона досталось цѣлое купé второго класса. Онъ пытался-было заснуть, но попытка эта оказалась безуспѣшной; продремавъ минуть пять, онъ внезапно пробуждался, и затѣмъ бодрствовалъ въ теченіи добраго часа времени, размышляя о затрудненіяхъ, встрѣчавшихся ему въ жизни и ненавидя самого себя за безуміе, сдѣлавшее его жизнь такою, какою она стала. За послѣднее время жизнь не легко давалась нашему герою. Вообще говоря, Джону Тревертону—что называется—«не повезло». Карьеру свою онъ началъ службой въ одномъ изъ блестящихъ полковъ, причемъ обладалъ небольшимъ состояніемъ, но растратилъ все, что имѣлъ, вышелъ изъ полка и въ настоящее время кое-какъ перебивался, причемъ никто, кромѣ его самого, не съумѣлъ бы рѣшить вопросъ: чѣмъ онъ, собственно говоря, живетъ?

*) Заглавіе романа: „The Cloven Foot", *Раздвоенное копыто*—есть техническое выраженіе, смыслъ котораго можетъ быть переданъ русской пословицей: „шила въ мѣшкѣ не утаишь".

Направлялся онъ въ одну изъ мирныхъ деревенекъ Девоншира,—тихій уголокъ, пріютившійся подъ сѣнью Дартмора, откуда Тревертонъ только-что получилъ телеграмму съ извѣстіемъ, что одинъ изъ его богатыхъ родственниковъ умираетъ и зоветъ его къ своему смертному одру. Было время, когда онъ надѣялся унаслѣдовать состояніе этого родственника, не потому, чтобы старикъ особенно имъ интересовался, но потому собственно, что Джонъ былъ единственнымъ родственникомъ Джаспера Тревертона; но и эта надежда улетучилась, когда одинокій холостякъ взялъ къ себѣ въ домъ пріемыша, дѣвочку сиротку, къ которой, по слухамъ, сильно привязался. Бывшій капитанъ никогда этой молодой особы не видалъ, и трудно предположить, чтобы онъ питалъ къ ней особенно нѣжныя чувства. Онъ вбилъ себѣ въ голову, что она непремѣнно интригантка, которая, конечно, съумѣетъ повести дѣло такъ, чтобы заставить старика завѣщать ей все свое имѣніе.

«Никогда не благоволилъ онъ особенно ко мнѣ или къ моимъ,—говорилъ себѣ Джонъ Тревертонъ,—но не будь этой дѣвушки, можетъ быть и оставилъ бы мнѣ свои деньги, за неимѣніемъ другихъ наслѣдниковъ».

Въ теченіи своего скучнаго ночного путешествія, онъ почти безпрерывно размышлялъ объ этомъ предметѣ, и почти готовъ былъ досадовать на себя за то, что подвергъ себя такому безпокойству ради человѣка, который, чего добраго, и полушки ему не оставитъ. Впрочемъ, Джонъ Тревертонъ не былъ совершенно дурнымъ человѣкомъ, хотя его лучшія, чистѣйшія чувства значительно притупились отъ грубаго соприкосновенія со свѣтомъ. У него были пріятныя, откровенныя манеры и красивое лицо, благодаря которому многія женщины его любили, хотя пользы ему отъ того было немного. Онъ не отличался особой строгостью принциповъ; напротивъ, былъ снисходителенъ къ собственнымъ слабостямъ, каковое свойство его природы, за послѣдніе десять лѣтъ его жизни, нерѣдко вовлекало его въ проступки. Характеръ у него былъ уживчивый, онъ имѣлъ привычку смотрѣть лишь на пріятную сторону предметовъ, пока въ нихъ оставалась хоть какая-нибудь пріятность, и хронически избѣгалъ всякихъ серьёзныхъ размышленій; подобныя свойства, какъ извѣстно, не присущи вообще сильнымъ личностямъ. Тѣмъ не менѣе привлекательность его манеръ не страдала отъ этой, таившейся въ немъ безхарактерности, и онъ нравился болѣе многихъ людей, стоявшихъ гораздо выше его въ нравственномъ отношеніи.

Въ часъ пополуночи поѣздъ остановился у маленькой станціи, въ сорока миляхъ на западъ отъ Экзетера, печальное зданіе возвышалось надъ открытой платформой, дулъ сильный вѣтеръ, снѣгъ валилъ по-прежнему, когда Джонъ Тревертонъ вышелъ изъ вагона; онъ былъ единственный пассажиръ, ѣхавшій до этого уединеннаго мѣста. Онъ зналъ, что домъ, куда ему приходилось отправляться, находится въ нѣсколькихъ миляхъ отъ станціи и прямо обратился къ сонному начальнику станціи съ вопросомъ, возможно ли, въ такое позднее время, добыть хотя какой-нибудь экипажъ?

— Экипажъ ожидаетъ джентльмена изъ Лондона,—былъ отвѣтъ, сопровождаемый подавленнымъ зѣвкомъ:—вѣроятно вы и есть этотъ джентльменъ, сэръ.

— Экипажъ изъ тревертонскаго зàмка?

— Да, сэръ.

— Благодарю васъ; да, я тотъ, кого ожидаютъ.

«Вѣжливо, по крайней мѣрѣ», пробормоталъ Джонъ Тревертонъ, направляясь къ экипажу, завернувшись до самыхъ глазъ въ широкое пальто, съ дорожнымъ одѣяломъ на плечѣ.

Его ожидалъ гигъ, съ человѣкомъ, скорѣе похожимъ на садовника, въ должности кучера.

— Вотъ и я, голубчикъ,—весело закричалъ онъ:—а, ты давно дожидаешься?

— Нѣтъ, сэръ, миссъ Малькольмъ сказала, что вы пріѣдете съ этимъ поѣздомъ.

— Такъ это миссъ Малькольмъ прислала тебя?

— Да, сэръ.

— А каковъ нынче мистеръ Тревертонъ?

— Больно плохъ, сэръ. Доктора говорятъ, что старому джентльмену остается жить всего нѣсколько часовъ. Миссъ Малькольмъ сказала мнѣ:—Яковъ, ты поѣдешь со станціи такъ скоро, какъ только лошадь бѣжать можетъ, папа очень желаетъ видѣть мистера Джона передъ смертью. Она всегда называетъ старика отцомъ, сэръ, такъ какъ онъ усыновилъ ее десять лѣтъ тому назадъ, и съ тѣхъ поръ воспитывалъ какъ родную дочь.

Во время этого разговора путники тряслись по неровной мостовой узкой улицы, главной улицы небольшого поселка, очевидно величавшаго себя *городомъ*, такъ какъ на площади, отъ которой расходились въ разныя стороны двѣ дороги, возвышалось полуразрушенное, старое зданіе, напоминавшее *ратушу*, и виднѣлся подъ навѣсомъ рынокъ, окруженный желѣзной рѣшеткой. Джонъ Тревертонъ уловилъ въ темнотѣ контуръ старой каменной церкви,

и по крайней мѣрѣ трехъ методистскихъ часовень. Затѣмъ, въ одну минуту, городъ исчезъ, и экипажъ загремѣлъ по обыкновенной девонширской дорогѣ, окаймленной высокими изгородями, за которыми виднѣлись горы, съ таявшими на темномъ фонѣ ночного неба очертаніями.

— А твой господинъ очень любитъ эту миссъ Малькольмъ? —спросилъ Джонъ Тревертонъ, когда лошадь, промчавшись мили полторы въ карьеръ, стала медленно взбираться на гору, которая, казалось, никуда вести не могла, такъ какъ трудно было вообразить, чтобы дорога, извивавшаяся среди горъ, подобно змѣѣ, могла имѣть опредѣленное назначеніе.

— Ужасно, сэръ?—Кромѣ ея, онъ, кажется, никого и не любилъ-то.

— Ну, а другіе, также ее любятъ?

— Какъ сказать, сэръ; да, миссъ Малькольмъ, ничего, любятъ, хотя нѣкоторые и считаютъ ее гордой, думаютъ, что она чванится, видя, какъ мистеръ Тревертонъ ее балуетъ. Она не легко знакомится; молодыя барышни наши, какъ дочки сквайра Каррю и другія не сошлись съ ней, какъ этого можно было бы ожидать. Я это много разъ слыхалъ отъ жены своей, а она уже двадцать лѣтъ служитъ горничной въ зàмкѣ. Но все же миссъ Малькольмъ добрая барышня, ласковая со всѣми, кто ей по душѣ, и моя Сусанна ничего противъ нея сказать не можетъ. Каждый изъ насъ имѣетъ свои странности, сэръ; нельзя же и миссъ Малькольмъ обойтись безъ нихъ,—заключилъ возница философскимъ тономъ.

«Гмъ», пробормоталъ Джонъ Тревертонъ: «поди—напыщенная барышня, да и вдобавокъ интригантка».

— Не слыхалъ ли ты, чѣмъ она была, каково было ея общественное положеніе и т. д., когда мой двоюродный братъ Джасперъ усыновилъ ее?—спросилъ онъ громко.

— Нѣтъ, сэръ. Мистеръ Тревертонъ все это держалъ въ тайнѣ. Онъ уѣзжалъ изъ зàмка на цѣлый годъ, и привезъ ее съ собой изъ этого путешествія, ни единымъ словомъ не предупредивъ о томъ своихъ домашнихъ. Онъ сказалъ только старушкѣ ключницѣ, что взялъ къ себѣ пріемной дочерью эту дѣвочку, сиротку, дочь своего стариннаго друга, и съ этой минуты по сей часъ болѣе этого предмета не касался. Миссъ Малькольмъ тогда было лѣтъ семь, восемь, она была прехорошенькой дѣвочкой, а выросши стала настоящей красавицей.

«Красавицей!—вотъ оно чтó! такъ эта ловкая особа вдобавокъ

и хороша собой». Джонъ Тревертонъ порѣшилъ, что ея красота не будетъ имѣть вліянія на его о ней мнѣніе.

Возница готовъ былъ продолжать разговоръ, но спутникъ его перестаилъ предлагать ему вопросы; онъ и безъ того сознавалъ, что задалъ ихъ больше, чѣмъ бы слѣдовало; ему было нѣсколько совѣстно за свою болтливость; а потому конецъ путешествія прошелъ въ молчаніи. Поѣздка показалась Джону Тревертону крайне продолжительной, частью вслѣдствіе ощущаемаго имъ нетерпѣнія, частью вслѣдствіе изгибовъ безконечной дороги, то подымавшейся въ гору, то спускавшейся въ долину, но въ сущности со времени отъѣзда со станціи прошло немногимъ болѣе получаса, когда наши путники въѣхали на деревенскую улицу, вдоль которой въ столь поздній часъ не виднѣлось ни единаго огонька, кромѣ слабо мигавшей лампы надъ дверью почтовой конторы. То была деревня Газльгёрстъ, близъ которой находился газльгёрстскій зàмокъ. Доѣхавъ до конца этой мирной улицы, путешественники свернули на большую дорогу, окаймленную высокими вязами, казавшимися совершенно черными на темномъ фонѣ ночного неба, и остановились передъ большими желѣзными воротами.

Кучеръ передалъ возжи своему спутнику, а самъ сошелъ съ козелъ и отворилъ ворота. Джонъ Тревертонъ медленно въѣхалъ въ извилистую аллею, ведшую къ дому, большому зданію изъ краснаго кирпича, съ многочисленными узкими окнами и массивной каменной, съ рѣзьбою, раковиной надъ дверью, къ которой вела широкая, каменная лѣстница подковой.

Джонъ Тревертонъ разсмотрѣлъ все это при свѣтѣ звѣздъ, въ то время, какъ онъ шагомъ подъѣзжалъ ко входной двери. Его очевидно ждали съ нетерпѣніемъ, такъ какъ дверь отворилась, прежде чѣмъ онъ успѣлъ выдти изъ экипажа, и старикъ-слуга выглянулъ изъ нея. Увидавъ Джона Тревертона, онъ широко распахнулъ передъ нимъ входную дверь. Садовникъ или грумъ повелъ лошадь, запряженную въ гигъ, къ калиткѣ, приходившейся сбоку отъ дома, и очевидно ведшей на конюшню. Джонъ Тревертонъ вошелъ въ залу, показавшуюся ему, послѣ его скучной поѣздки, необыкновенно красивой и веселой: то была большая четырехъ-угольная комната, со стѣнами, увѣшанными фамильными портретами и стариннымъ оружіемъ, съ поломъ изъ бѣлаго и чернаго мрамора, устланнымъ шкурами различныхъ дикихъ звѣрей... Съ одной стороны залы находился большой, старинный каминъ, съ ярко-пылавшимъ въ немъ пламенемъ, одинъ видъ котораго былъ пріятнѣе путнику въ эту

холодную ночь, чѣмъ пища или питье. Комната была наполнена большими стульями изъ рѣзного дуба, съ темно-красными бархатными подушками, стульями, смотрѣвшими удобнѣе и лучше, казалось, приспособленными для отдохновенія человѣческаго тѣла, чѣмъ большинство подобныхъ сѣдалищъ; на самомъ концѣ залы красовался большой, античный буфетъ, украшенный оригинальными сосудами и бутылко-образными вазами изъ настоящаго китайскаго фарфора.

Джонъ Тревертонъ успѣлъ разсмотрѣть всѣ эти предметы, сидя у камина съ протянутыми на рѣшетку его длинными ногами, пока старикъ-слуга ходилъ доложить миссъ Малькольмъ о пріѣздѣ гостя.

«Славный домикъ,—разсуждалъ онъ самъ съ собою:—подумать только, что я никогда здѣсь не бывалъ, благодаря безумію отца моего, который поссорился со старымъ Джасперомъ Тревертономъ и никогда не потрудился даже попытаться поправить дѣло, что̀ бы для него, конечно, особыхъ трудностей не представило,—сто̀ило только пустить въ ходъ небольшую дозу дипломатіи. Желалъ бы я знать очень-ли богатъ старикъ? Такой домъ можно поддерживать, имѣя въ годъ тысячи двѣ фунтовъ, но мнѣ помнится, что у Джаспера Тревертона вшестеро больше этого».

Старикъ дворецкій вернулся минутъ черезъ пять съ извѣстіемъ, что миссъ Малькольмъ будетъ очень рада видѣть мистера Тревертона, если онъ пожалуетъ къ ней. Что касается до стараго барина, то онъ уснулъ, и спитъ спокойнѣе, чѣмъ вообще спалъ за послѣднее время.

Джонъ Тревертонъ поднялся, вслѣдъ за своимъ проводникомъ, по широкой лѣстницѣ съ массивными, дубовыми перилами. Здѣсь, какъ и въ залѣ, были фамильные портреты по стѣнамъ; старинное оружіе и старый фарфоръ наполняли всѣ свободные уголки. На верху лѣстницы была галлерея, освѣщенная сверху; изъ нея выходило множество дверей. Дворецкій отворилъ одну изъ нихъ и ввелъ Джона Тревертона въ веселенькую, освѣщенную лампой гостиную. Тяжелая, зеленая шелковая портьера, висѣвшая надъ дверью, ведшей въ сосѣднюю комнату, была спущена. На высокой каминной доскѣ, украшенной необыкновенно-изящной рѣзьбой, изображавшей цвѣты и купидоновъ, виднѣлся цѣлый рядъ прозрачныхъ, какъ яичная скорлупа, чашечекъ съ таковыми же блюдцами, и оригинальнѣйшій чайникъ. Комната смотрѣла уютно, казалась чисто домашнимъ уголкомъ; уютность

эта тѣмъ пріятнѣе поразила Джона Тревертона, что у него, съ самой юности, не было своего родного угла.

У камина сидѣла дама, одѣтая въ темно-синее платье, рѣзко, но очень красиво оттѣнявшее ея каштановые волосы и прозрачную блѣдность ея лица. Когда она встала и повернулась къ Джону Тревертону, онъ тотчасъ замѣтилъ, что она дѣйствительно красавица; кромѣ того, въ ея красотѣ было нѣчто, чего онъ не ожидалъ, несмотря на всѣ росказни его возницы.

— Слава-Богу, что вы пріѣхали во́-время, мистеръ Тревертонъ,—проговорила она серьёзно, такъ серьёзно, что Джонъ Тревертонъ тутъ же, въ душѣ, обозвалъ ее лицемѣркой. Что̀ ей за дѣло до его пріѣзда? Какія чувства могутъ они питать другъ къ другу, кромѣ ревности?

«Чего добраго, она такъ спокойна на счетъ духовной старика, что можетъ позволить себѣ роскошь: *быть учтивой*», подумалъ онъ, усаживаясь противъ нея у камина, послѣ того какъ они обмѣнялись нѣсколькими вѣжливыми, но стереотипными замѣчаніями относительно его путешествія.

— Неужели нѣтъ надежды на выздоровленіе моего двоюроднаго брата?—вскорѣ рѣшился спросить онъ.

— Ни малѣйшей,—печально проговорила Лора Малькольмъ. —Лондонскій докторъ былъ здѣсь сегодня въ послѣдній разъ; онъ бывалъ каждую недѣлю въ теченіи двухъ мѣсяцевъ, а сегодня объявилъ, что больше ему пріѣзжать не придется; онъ не думаетъ, чтобы папа́, — я всегда называла вашего двоюроднаго брата этимъ именемъ,—пережилъ ночь. По отъѣздѣ доктора онъ какъ-то утихъ, успокоился, и теперь спитъ очень мирнымъ сномъ. Можетъ быть, онъ и протянетъ нѣсколько долѣе чѣмъ предполагалъ докторъ, но тѣмъ не менѣе я никакой надежды не имѣю.

Все это она проговорила спокойно, сдержанно, но въ этомъ спокойствіи, въ этой сдержанности было болѣе скорби, чѣмъ обыкновенно заключается въ шумныхъ воздыханіяхъ. Въ выраженіи лица, въ тонѣ молодой дѣвушки проглядывало нѣчто похожее на отчаяніе, какая-то мрачная безнадежность; она, казалось, думала, что жизнь ея утратитъ всякій смыслъ со смертью друга и покровителя ея молодости.

Джонъ Тревертонъ пристально разсматривалъ ее, а она сидѣла у камина съ опущенными глазами, причемъ ясно обнаруживалась красота ея длинныхъ рѣсницъ. Да, она точно прекрасна. Это фактъ,—сомнѣніе немыслимо. Одни эти темные глаза скрасили бы любое некрасивое лицо, а въ этомъ лицѣ не было ни единаго недостатка, который имъ приходилось бы выкупать.

— Вы, кажется, очень привязаны къ моему двоюродному брату, миссъ Мальбольмъ?—вскорѣ замѣтилъ мистеръ Тревертонъ.

— Я горячо люблю его,—отвѣчала она, поднявъ на него свои глубокіе, темные глаза, въ которыхъ отражалась грусть.— Мнѣ, съ самаго дѣтства, кромѣ его некого было любить; къ тому же, онъ былъ такъ добръ ко мнѣ. Я была бы болѣе чѣмъ неблагодарна, еслибъ не любила его такъ, какъ люблю.

— А все же жизнь ваша вѣрно была не легкая, вы постоянно были съ глазу на глазъ со старымъ чудакомъ; я сужу о Джасперѣ Тревертонѣ по разсказамъ моего отца; я увѣренъ, что вамъ съ нимъ, по временамъ, бывало тяжело.

— Я очень скоро научилась понимать его и сносить всѣ маленькія колебанія въ его расположеніи духа. Я знала, что сердце его благородно.

«Гмъ», подумалъ Джонъ Тревертонъ: «женщинамъ эти вещи удаются лучше, чѣмъ мужчинамъ. Я бы не въ силахъ былъ просидѣть взаперти со старымъ брюзгой хотя бы одну недѣлю».

Когда эта мысль промелькнула въ умѣ его, онъ порѣшилъ, что миссъ Малькольмъ конечно подходитъ подъ общій типъ льстецовъ, способныхъ вынести что угодно въ настоящемъ, ради надежды на значительную выгоду въ будущемъ.

«Горе ея, конечно, притворное», говорилъ онъ самъ себѣ. «Не стану же я о ней лучшаго мнѣнія, только потому, что у нея прекрасные глаза».

Они нѣкоторое время просидѣли молча другъ противъ друга; Лора Малькольмъ казалась совершенно погруженной въ собственныя мысли; присутствіе Джона Тревертона ее, повидимому, ни мало не стѣсняло. Отъ времени до времени онъ бросалъ задумчивые взгляды на ея гордое и, несмотря на всю его красоту, несимпатичное лицо. Наружность миссъ Малькольмъ выражала холодность, вся фигура ея дышала самоувѣренностью, и за это новый знакомый ея готовъ былъ не взлюбить ее. Онъ вошелъ въ этотъ домъ предубѣжденнымъ противъ нея, болѣе того—съ установившейся къ ней антипатіей.

— Я, конечно, вамъ обязанъ присылкой телеграммы, вызвавшей меня сюда?—спустя нѣсколько времени, проговорилъ онъ.

— О нѣтъ, не непосредственно мнѣ. Вашъ двоюродный братъ пожелалъ, чтобы за вами послали, но желаніе это онъ выразилъ только въ понедѣльникъ, хотя я много разъ его спрашивала: не хочетъ-ли онъ повидаться съ вами, единственнымъ, оставшимся въ живыхъ, родственникомъ его. Еслибъ я знала вашъ адресъ, я бы, быть можетъ, рискнула попросить васъ прі-

ѣхать и безъ его разрѣшенія, но я понятія не имѣла: куда писать.

— Значитъ, двоюродный братъ впервые заговорилъ обо мнѣ, только третьяго дня?

— Только третьяго-дня. До того, онъ на всѣ мои вопросы давалъ короткіе, нетерпѣливые отвѣты, прося меня не докучать ему, увѣряя, что онъ никого видѣть не хочетъ, но въ понедѣльникъ заговорилъ о васъ, и сказалъ мнѣ, что желалъ бы васъ повидать. Онъ не имѣлъ понятія о вашемъ мѣстопребываніи, но думалъ, что телеграмма, адресованная на имя старика стряпчаго, завѣдывавшаго дѣлами вашего отца, будетъ вамъ доставлена. Я послала депешу по продиктованному имъ адресу.

— Стряпчему было не легко розыскать меня, но, получивъ вашу телеграмму, я времени не терялъ. Я, конечно, не стану увѣрять васъ, что питаю привязанность къ человѣку, котораго отъ роду не видалъ, но тѣмъ не менѣе мнѣ пріятно, что Джасперъ Тревертонъ вспомнилъ обо мнѣ въ послѣднія минуты своей жизни. Я пріѣхалъ изъ уваженія къ нему, какъ человѣкъ совершенно независимый, ибо вовсе не разсчитываю унаслѣдовать хотя бы одинъ шиллингъ изъ всего его состоянія.

— Я не вижу, почему бы вамъ не разсчитывать унаслѣдовать его имѣніе, мистеръ Тревертонъ, — спокойно отвѣтила Лора Малькольмъ. — Кому же ему и оставить его, если не вамъ?

Джонъ Тревертонъ счелъ этотъ вопросъ новымъ образчикомъ ея безцѣльнаго лицемѣрія.

— Разумѣется, вамъ, — отвѣчалъ онъ, — его пріемной дочери, заслужившей его привязанность цѣлыми годами терпѣливой покорности всяческимъ его капризамъ и фантазіямъ. Вамъ, конечно, отлично извѣстны его намѣренія по этому вопросу, миссъ Малькольмъ, и ваше притворное невѣдѣніе имѣетъ одну цѣль — ввести меня въ заблужденіе.

— Мнѣ очень жаль, что вы такого дурного обо мнѣ мнѣнія, мистеръ Тревертонъ. Я не знаю, *какъ* вашъ двоюродный братъ распорядился своими деньгами, но знаю одно: мнѣ онъ изъ нихъ ничего не оставилъ.

— Почему же вы это знаете?

— Онъ мнѣ самъ говорилъ это, и не одинъ разъ. Взявъ меня къ себѣ пріемной дочерью онъ далъ обѣтъ, что не оставитъ мнѣ ничего изъ своего состоянія. Люди, которыхъ онъ любилъ, выказали по отношенію къ нему большую лживость и неблагодарность; онъ увидѣлъ все своекорыстіе ихъ чувствъ къ нему. Это его сильно раздражило, и когда онъ принялъ меня

подъ свое покровительство, побуждаемый къ тому чувствами чистаго милосердія, онъ рѣшилъ, что подлѣ него будетъ хоть одно существо, которое будетъ любить его ради его самого, или не станетъ притворяться, что питаетъ къ нему какое-нибудь чувство. Онъ поклялся въ этомъ въ первый же вечеръ по пріѣздѣ нашемъ въ этотъ домъ, и обстоятельно объяснилъ мнѣ значеніе этой клятвы, хотя я въ то время была совершеннымъ ребенкомъ.

— «Меня, въ мою жизнь, окружало столько льстецовъ, Лора, сказалъ онъ, что каждое улыбающееся лицо возбуждаетъ во мнѣ недовѣріе. Твоя улыбка будетъ искренней, голубка моя, у тебя не будетъ никакихъ причинъ лгать». Когда мнѣ минуло восьмнадцать лѣтъ, онъ положилъ на мое имя шесть тысячъ фунтовъ, съ тѣмъ, чтобы я, по его смерти, не осталась безъ всякихъ средствъ къ существованію, но воспользовался этимъ случаемъ чтобы напомнить мнѣ, что кромѣ этого подарка я ничего не должна ожидать отъ него.

По мѣрѣ того, какъ Джонъ Тревертонъ слушалъ, дыханіе его становилось все учащеннѣе, а выраженіе лица оживлялось. Положеніе дѣлъ совершенно видоизмѣнялось, въ силу клятвы, произнесенной много лѣтъ тому назадъ, старымъ чудакомъ. Долженъ же онъ, въ самомъ дѣлѣ, кому-нибудь оставить свои деньги. Чтó, если и вправду онъ оставитъ ихъ ему, Джону Тревертону?

Въ теченіи нѣсколькихъ минутъ сердце его сильно билось, окрыленное надеждой, но потомъ вдругъ упало. «Не гораздо-ли болѣе вѣроятно», подумалъ онъ, «что Джасперъ Тревертонъ найдетъ какой-нибудь способъ обойти букву своей клятвы, въ пользу возлюбленной пріемной дочери, чѣмъ завѣщать все свое достояніе родственнику, который для него въ сущности посторонній человѣкъ?»

«Нечего мнѣ себя дурачить», сказалъ себѣ Джонъ Тревертонъ, «у меня нѣтъ и тѣни надежды на подобное счастіе, и я увѣренъ, что эта молодая дѣвица прекрасно это знаетъ, хоть и достаточно хитра, чтобы прикидываться неимѣющей никакого понятія о намѣреніяхъ старика».

Вскорѣ явился дворецкій съ извѣстіемъ, что ужинъ для мистера Тревертона поданъ въ столовой нижняго этажа: въ отвѣтъ на это приглашеніе, Джонъ спустился съ лѣстницы, попросивъ предварительно миссъ Малькольмъ послать за нимъ, какъ только больной проснется.

Столовая была роскошно меблирована массивнымъ, открытымъ буфетомъ и стульями изъ рѣзного дуба; длинныя узкія окна ея были драпированы темно-краснымъ бархатомъ. Надъ

буфетомъ красовалось старинное венеціанское зеркало; другое, круглое, нѣсколько поменьше, висѣло надъ старинным же бюро съ инкрустаціей, занимавшимъ весь простѣнокъ между окнами, на противоположномъ концѣ комнаты. На стѣнахъ виднѣлось нѣсколько хорошихъ картинъ голландской школы, на высокой каминной доскѣ изъ рѣзного дуба возвышались двѣ красивыя фарфоровыя вазы, голубыя съ бѣлымъ. Дрова весело трещали въ широкомъ каминѣ, небольшой круглый столъ съ разставленными на немъ блюдами былъ придвинутъ къ самому краю турецкаго ковра, разостланнаго предъ каминомъ, и смотрѣлъ очень хорошо, по крайней мѣрѣ на глаза мистера Джона Тревертона, усѣвшагося на одномъ изъ широкихъ дубовыхъ стульевъ.

Онъ былъ очень взволнованъ, а потому и ѣсть ему не хотѣлось, хотя поваръ и приготовилъ ужинъ, которымъ могъ бы соблазниться любой анахоретъ; за то онъ отдалъ должную дань справедливости бутылкѣ отличнаго вина, и просидѣлъ нѣсколько времени неподвижно, то прихлебывая изъ стакана и задумчиво озираясь по сторонамъ, то разсматривая оригинальные, старинные серебряные кубки, и таковыя же блюда на буфетѣ, то любуясь произведеніями Ванъ-Куина и Остада, рѣзко выдѣлявшимися на стѣнахъ изъ темнаго дуба. Кому достанется все это, когда Джаспера Тревертона не станетъ? Вся обстановка цѣлаго дома говорила о богатствѣ, возбуждавшемъ въ душѣ нашего героя какую-то странную, почти свирѣпую жажду этого богатства. Какъ измѣнилась бы вся жизнь его, еслибъ ему было суждено унаслѣдовать хотя-бы половину всего имущества его двоюроднаго брата. Онъ думалъ о томъ несчастномъ существованіи изо-дня въ день, какое влачилъ за послѣдніе годы, утомленно вздыхалъ и снова принимался думать о томъ, что̀ онъ сдѣлаетъ, если получитъ хотя какую-нибудь долю изъ состоянія старика. Онъ просидѣлъ, погруженный въ раздумье, до самаго прихода слуги, явившагося доложить ему, что мистеръ Тревертонъ проснулся и желаетъ его видѣть. Онъ послѣдовалъ за этимъ человѣкомъ до гостиной, въ которой только-что видѣлъ миссъ Малькольмъ. Она была теперь пуста, но занавѣска, висѣвшая передъ дверью въ сосѣднюю комнату, была отдернута, и черезъ эту-то дверь Джонъ вошелъ въ спальню Джаспера Тревертона.

Лора Малькольмъ сидѣла у кровати; когда Джонъ вошелъ, она поднялась съ мѣста, и тихонько выскользнула въ другую дверь, оставивъ его наединѣ съ его двоюроднымъ братомъ.

— Садитесь, Джонъ,—сказалъ старикъ слабымъ голосомъ,—указывая на пустой стулъ у своего изголовья.

— Позднёнько мы встрѣчаемся,—продолжалъ онъ послѣ небольшой паузы,—но, можетъ быть, намъ обоимъ не мѣшаетъ повидаться одинъ разъ, передъ моей смертью. Не стану говорить о ссорѣ отца вашего со мной. Вамъ это вѣроятно все извѣстно. Очень можетъ быть, что мы оба были виноваты, но уже со вчерашняго дня этому горю помочь нельзя. Богъ видитъ, что я когда-то любилъ его; да, было время, когда я горячо любилъ Ричарда Тревертона.

— То же самое и онъ говаривалъ мнѣ, сэръ,—тихо отвѣтилъ Джонъ:—мнѣ очень прискорбно, что онъ поссорился съ вами, а еще прискорбнѣе, что онъ не искалъ примиренія.

— Отецъ вашъ всегда былъ гордецомъ, Джонъ. Можетъ быть, я его за это еще больше любилъ. Большинство людей, находящихся въ его условіяхъ, стали бы ухаживать за мной ради моихъ денегъ. Онъ этого никогда не дѣлалъ.

— Это не было въ его характерѣ, сэръ. У него, безъ сомнѣнія, были свои недостатки, но корысть не имѣла между ними мѣста.

— Я это знаю,—отвѣтилъ Джасперъ Тревертонъ,—вы также, Джонъ, ни разу не навѣстили меня, не пытались вкрасться въ мое довѣріе. А между тѣмъ, вамъ, я полагаю, извѣстно, что вы единственный изъ моихъ родственниковъ, оставшійся въ живыхъ?

— Да, сэръ, мнѣ это извѣстно.

— И вы оставили меня въ покоѣ и все предоставили судьбѣ. Что-жъ, вы не раскаетесь въ томъ, что вели себя съ достоинствомъ, и не докучали мнѣ?

Лицо Джона Тревертона вспыхнуло, сердце его забилось такъ же сильно, какъ билось въ ту минуту, когда Лора Малькольмъ говорила ему объ обѣтѣ, данномъ его родственникомъ.

— Смерть моя превратитъ васъ въ богатаго человѣка,—замѣтилъ Джасперъ; онъ по прежнему говорилъ съ усиліемъ и такъ тихо, что Джону приходилось склоняться къ самой подушкѣ его, чтобы слышать, что онъ говоритъ: — подъ однимъ только условіемъ; но этому условію вы, я полагаю, легко подчинитесь.

— Вы очень добры, сэръ,—пробормоталъ молодой человѣкъ, слишкомъ взволнованный, чтобы говорить связно. — Повѣрьте, что я этого вовсе не ожидалъ.

— Вѣрю, — отвѣтилъ тотъ и продолжалъ:—нѣсколько лѣтъ тому назадъ я произнесъ глупую клятву, обязался не оставлять

своего состоянія единственному существу, которое истинно люблю. Кому же мнѣ оставить его, если не вамъ, моему ближайшему родственнику? Я ничего не знаю, чтò бы говорило противъ васъ. Я жилъ вдали отъ свѣта, скандалы его не доходили до ушей моихъ; я не знаю, хорошую или дурную репутацію заслужили вы среди своихъ согражданъ; но я знаю, что вы сынъ человѣка, котораго я нѣкогда любилъ, и что въ вашей власти будетъ осуществить мои желанія, не буквально можетъ быть, но все-таки въ указанномъ вамъ духѣ. Остальное я предоставляю Провидѣнію.

Проговоривъ эти словà, умирающій откинулся на подушки, и молчалъ въ теченіи нѣсколькихъ минутъ, словно отдыхая отъ утомленія, сопряженнаго съ произнесеніемъ такой длинной рѣчи. Джонъ Тревертонъ ждалъ, чтобы онъ снова заговорилъ, ждалъ — и сердце его переполнялось бурнымъ чувствомъ радости, — и онъ по временамъ оглядывалъ комнату, въ которой находился. То былъ обширный покой, съ великолѣпной старинной мебелью, со старинными же картинами по стѣнамъ, такими же, какія украшали стѣны столовой. Темно-зеленыя бархатныя занавѣски, висѣвшія у трехъ высокихъ оконъ, были задернуты; въ промежуткахъ между ними виднѣлись старинные шкапики изъ чернаго дерева, съ рѣзьбой и серебряной инкрустаціей. Джонъ Тревертонъ разсматривалъ всѣ эти предметы и видѣлъ уже въ нихъ, послѣ вышеприведенныхъ словъ умирающаго, свою собственность. Какая разница съ только-что покинутой имъ, мизерно-претенціозной лондонской квартирой, съ ея убогой роскошью и ветхими стульями и столами.

— Чтò вы думаете о моей пріемной дочери, Джонъ Тревертонъ? — вскорѣ спросилъ старикъ, устремивъ свои мутные глаза на двоюроднаго брата.

Молодой человѣкъ нѣсколько колебался, не зная, чтò отвѣтить. Вопросъ засталъ его врасплохъ. Мысли его бродили далеко отъ Лоры Малькольмъ.

— Я нахожу, сэръ, что она замѣчательно хороша собой, — отвѣтилъ онъ, — и полагаю, что она очень любезна, но, право, я не имѣлъ еще возможности составить себѣ опредѣленнаго мнѣнія объ этой молодой особѣ.

— Конечно, вы о ней никакого понятія имѣть не можете; она понравится вамъ больше, когда вы ближе ознакомитесь съ ней; въ этомъ я не сомнѣваюсь. Мы съ ея отцомъ нѣкогда были близкими друзьями. Мы были вмѣстѣ въ Оксфордскомъ университетѣ, совершили продолжительное путешествіе по Испаніи и Италіи, и оставались въ хорошихъ отношеніяхъ, пока обстоя-

тельства не разлучили насъ. Теперь мнѣ уже не совѣстно говорить о причинѣ нашей ссоры. Мы любили одну и ту же женщину, и она отвѣчала Стефену Малькольму. Мнѣ тогда казалось—не знаю, справедливо или нѣтъ, что со мной поступили, въ данномъ случаѣ, не такъ какъ бы слѣдовало; мы со Стефеномъ разстались, чтобы больше не встрѣчаться друзьями, до той самой минуты, когда я нашелъ его на смертномъ одрѣ. Наша общая страсть однако измѣнила ему, и онъ женился лишь нѣсколько лѣтъ спустя. Затѣмъ я узналъ, что онъ находится въ очень затруднительныхъ обстоятельствахъ. Я розыскалъ его, нашелъ точно въ самомъ жалкомъ положеніи, и принялъ къ себѣ его единственную дочь—круглую сироту. Не могу вамъ выразить, какъ дорога она мнѣ стала, но я поклялся, что ничего ей не оставлю и не нарушилъ клятвы, хотя нѣжно люблю ее.

— Но вы все же, хотя сколько-нибудь, обезпечили ея будущность, сэръ?

— Да, я старался обезпечить ея будущность; дай Богъ, чтобы она была счастлива. А теперь позовите пожалуйста моего слугу, Джонъ. Я и такъ уже слишкомъ много говорилъ.

— Одно только слово, прежде чѣмъ я позову этого человѣка, сэръ. Позвольте мнѣ сказать вамъ, что я неблагодарный, — проговорилъ Джонъ Тревертонъ, опускаясь на колѣни у кровати и сжимая въ своихъ рукахъ исхудалую руку старика.

— Докажите это, когда меня не станетъ, Джонъ, постаравшись осуществить всѣ мои желанія. А теперь покойной ночи,— вамъ всего лучше лечь спать.

— Не позволите-ли вы мнѣ провести остатокъ ночи подлѣ васъ, сэръ? я вовсе не хочу спать.

— Нѣтъ, нѣтъ, вамъ совершенно не къ чему дежурить. Если завтра утромъ я буду въ силахъ повидаться съ вами еще разъ, то мы свидимся, а до тѣхъ поръ прощайте.

Тонъ старика былъ рѣшительный. Джонъ Тревертонъ вышелъ изъ комнаты въ боковую дверь, выходившую на галлерею. Здѣсь онъ нашелъ камердинера Джаспера Тревертона, серьёзнаго на видъ, сѣдовласаго человѣка, дремавшаго на подоконникѣ. Джонъ сказалъ ему, что онъ нуженъ въ комнатѣ больного, а самъ отправился въ кабинетикъ. Миссъ Малькольмъ все еще сидѣла тамъ, въ задумчивой позѣ, и глядѣла на огонь.

— Какъ вы нашли его? — спросила она, быстро поднявъ голову, какъ только Джонъ Тревертонъ вошелъ въ комнату.

— Онъ не показался мнѣ такимъ слабымъ, какимъ я ожи-

далъ увидѣть его, судя по вашимъ словамъ. Онъ говорилъ со мной вполнѣ сознательно.

— Я очень этому рада. Ему какъ будто стало лучше послѣ этого продолжительнаго сна. Я позвоню Триммера; онъ укажетъ вамъ вашу комнату, мистеръ Тревертонъ.

— Неужели вы сами не ляжете спать, миссъ Малькольмъ? Теперь скоро три часа.

— Нѣтъ. Я не въ силахъ спать въ такое тревожное время. Кромѣ того, я каждую минуту могу ему понадобиться. Я, можетъ быть, прилягу на этомъ диванѣ, не задолго до разсвѣта.

— И вы такъ уже нѣсколько ночей дежурите?

— Болѣе недѣли, но я не утомилась. Я думаю, что когда душа такъ истомлена, то тѣло неспособно ощущать усталость.

— Я боюсь, какъ бы со временемъ вы не почувствовали тяжелой реакціи, — возразилъ мистеръ Тревертонъ, и такъ какъ Триммеръ, старикъ дворецкій, во время ихъ разговора, уже появился въ комнатѣ со свѣчой въ рукѣ, то онъ пожелалъ миссъ Малькольмъ покойной ночи.

Комната, въ которую Триммеръ привелъ Джона Тревертона, находилась на другомъ концѣ дома; яркій огонь пылалъ въ каминѣ ея. Несмотря на поздній часъ мистеръ Тревертонъ еще долго сидѣлъ въ раздумьѣ у камина, прежде чѣмъ легъ спать, и даже когда онъ улегся подъ сѣнью шелковыхъ занавѣсей, окружавшихъ мрачную кровать съ колоннами, то сонъ бѣжалъ отъ глазъ его. Голову его наполняли радостныя мысли. Безчисленные планы на будущее, по большей части эгоистическіе — тѣснились, перегоняя другъ друга, въ мозгу его. Всю ночь провелъ онъ въ такомъ лихорадочномъ состояніи, и когда, наконецъ, холодный свѣтъ зимняго утра проникъ сквозь занавѣси на окнахъ, а стѣнные часы пробили восемь, онъ почувствовалъ, что за ночь нисколько не освѣжился.

Простоватый на видъ, похожій на деревенскаго парня, молодой человѣкъ, подчиненный дворецкаго, принесъ гостю теплой воды для бритья и на разспросы его отвѣчалъ, что мистеръ Тревертонъ-старшій провелъ тревожную ночь и нынче утромъ чувствуетъ себя хуже.

Джонъ Тревертонъ быстро одѣлся и прямо направился въ кабинетикъ, рядомъ съ комнатой больного. Здѣсь онъ засталъ Лору Малькольмъ, казавшуюся очень блѣдной и исхудалой послѣ своего ночного дежурства. Она подтвердила слова молодого слуги. Джасперу Тревертону было гораздо хуже. Къ утру онъ началъ бредить, и теперь никого не узнаетъ. Его старый

другъ викарій приходилъ къ нему, читалъ надъ нимъ молитвы для болящихъ, но умирающій не былъ въ состояніи принять въ нихъ никакого участія. Лора боялась, что конецъ очень близокъ.

Мистеръ Тревертонъ пробылъ нѣсколько времени съ миссъ Малькольмъ, а затѣмъ спустился въ столовую, гдѣ нашелъ отличный ранній завтракъ, торжественно разставленный для него одного. Ему показалось, что старикъ дворецкій какъ-то особенно почтительно обращается съ нимъ, точно знаетъ, что онъ — будущій владѣтель Тревертонскаго замка. Позавтракавъ, онъ вышелъ въ садъ, очень обширный, но разбитый по старинному, съ прямыми дорожками, вытянутыми въ струнку, лужайками и цвѣточными куртинами, имѣющими форму геометрическихъ фигуръ. Здѣсь Джонъ Тревертонъ расхаживалъ нѣсколько времени, куря сигару, и задумчиво поглядывая на большой домъ изъ краснаго кирпича, многочисленныя окна котораго сверкали на холодномъ январьскомъ солнцѣ, и отъ котораго, казалось, такъ и вѣяло отдыхомъ.

— Это будетъ начало новой жизни,—говорилъ онъ себѣ;— я чувствую себя на десять лѣтъ моложе со времени моего вчерашняго свиданія со старикомъ.

Мнѣ въ нынѣшнемъ году минетъ тридцать лѣтъ. Я довольно молодъ, чтобы начинать жизнь съизнова, и довольно старъ, чтобы разумно распорядиться своимъ богатствомъ.

Глава II.—Завѣщаніе Джаспера Тревертона.

Джасперъ Тревертонъ протянулъ еще съ недѣлю по пріѣздѣ родственника; недѣля эта показалась безконечной будущему наслѣднику, желавшему, чтобы старикъ поскорѣй убрался. И точно, что за радость была для него въ этихъ послѣднихъ дняхъ, когда онъ лежалъ въ постели, безпомощный, истомленный, измученный, и по большей части бредилъ. Джонъ Тревертонъ навѣщалъ его ежедневно по одному, иногда и по два раза въ день, оставался у него въ комнатѣ по нѣскольку минутъ, сочувственно глядѣлъ на него, придавая лицу своему приличное случаю выраженіе, и дѣйствительно жалѣлъ о немъ, но мысли его такъ и неслись впередъ, къ той счастливой минутѣ, когда въ рукахъ его будетъ состояніе этого слабаго страдальца, когда онъ будетъ свободенъ и начнетъ новую жизнь, яркія картины которой проносились теперь въ его мечтахъ, подобно райскимъ видѣніямъ.

По прошествіи шести однообразныхъ дней, между которыми

для Джона Тревертона не существовало никакого различія, такъ какъ онъ ежедневно неизмѣнно выкуривалъ сигару во время одинокой прогулки по саду, завтракалъ и обѣдалъ одинъ въ большой столовой, причемъ у него на умѣ было одно—наслѣдство, бывшее почти у него въ рукахъ. Настала, наконецъ, ночь, въ теченіи коей порвалась слабая нить, еще привязывавшая Джаспера Тревертона къ жизни; рука его оставалась въ рукѣ Лоры Малькольмъ, лицо было обращено къ ней, на поблеклыхъ губахъ мелькала слабая улыбка, когда волны невѣдомаго океана уносили его; такъ онъ и скончался. За этимъ событіемъ послѣдовало три или четыре тяжелыхъ дня; тишина, царившая въ полутемныхъ комнатахъ, казалась невыносимой Джону Тревертону, для котораго смерть была ужасной, непривычной гостьей. Въ теченіи этихъ дней онъ старался какъ можно меньше оставаться въ домѣ, и проводилъ бо́льшую часть времени въ длинныхъ прогулкахъ по полямъ, предоставивъ всѣ распоряженія по похоронамъ викарію, мистеру Клеру, ближайшему другу Джаспера Тревертона, и стряпчему мистеру Сампсону, повѣренному покойнаго.

Наконецъ, насталъ и день похоронъ. Церемонія, согласно выраженному Джасперомъ Тревертономъ непремѣнному желанію, была самая скромная; по окончаніи ея, владѣльца Тревертонскаго за́мка опустили въ тотъ же склепъ, въ которомъ многіе изъ его предковъ спали послѣднимъ, долгимъ сномъ. Моросилъ мелкій дождь, надъ головами молящихся нависло свинцовое небо, придававшее старому кладбищу необыкновенно унылый видъ; но мысли Джона Тревертона, стоявшаго у открытой могилы, были далеко, молитвенныя слова похоронной службы не долетали до его слуха.

Завтра онъ возвратится, по всѣмъ вѣроятностямъ, въ Лондонъ, съ сознаніемъ, что богатство и власть достались ему на долю, и начнетъ ту новую жизнь о которой такъ охотно мечталъ.

Онъ возвратился въ домъ, гдѣ съ чувствомъ облегченія замѣтилъ поднятыя шторы и проникавшій въ комнаты печальный свѣтъ сѣренькаго зимняго дня. Завѣщаніе должны были прочесть въ гостиной, прекрасной комнатѣ, съ бѣлыми съ золотомъ обоями, шестью длинными окнами и двумя каминами, по одному на каждомъ концѣ комнаты.

Мистеръ Сампсонъ, стряпчій, усѣлся у стола, приготовляясь прочесть завѣщаніе, въ присутствіи викарія, мистера Клера, Лоры Малькольмъ, и старшихъ слугъ за́мка, столпившихся въ небольшую группу у самыхъ дверей.

Духовное завѣщаніе было написано чрезвычайно просто. Начиналось оно съ мелкихъ распоряженій насчетъ подарковъ старымъ слугамъ, небольшой пенсіи Андрею Триммеру, дворецкому, и нѣсколькихъ суммъ, отъ пятидесяти до двухъ-сотъ фунтовъ, завѣщанныхъ кучерамъ и женской прислугѣ. Томасу Сампсону завѣщатель отказалъ, въ весьма лестныхъ выраженіяхъ, сто гиней, а викарію Теодору Клеру — старинное серебро. Покончивъ съ мелочами, завѣщатель остальную свою собственность, какъ личную, такъ и наслѣдственную, оставлялъ своему двоюродному брату Джону Тревертону, подъ условіемъ, чтобы вышеупомянутый Джонъ Тревертонъ женился на его возлюбленной и пріемной дочери Лорѣ Малькольмъ, въ теченіи года со дня его, завѣщателя, кончины. За это время, имѣніе, а равно всѣ доходы съ него получаемые, должны находиться въ завѣдываніи и подъ охраной душеприказчиковъ Теодора Клера и Томаса Сампсона. Въ случаѣ же, еслибъ этотъ бракъ, въ теченіи выше указаннаго періода времени, не былъ заключенъ, то все имѣніе переходитъ въ руки вышеупомянутыхъ душеприказчиковъ Клера и Сампсона, и должно быть ими обращено въ деньги, а таковыя употреблены на сооруженіе больницы въ сосѣднемъ городѣ Бичамптонѣ.

На лицѣ миссъ Малькольмъ выразилось нѣчто похожее на испугъ, при чтеніи этого страннаго распоряженія. Лицо Джона Тревертона покрылось внезапной блѣдностью, отнюдь не лестной для молодой дѣвушки, участь которой была связана съ оригинальнымъ условіемъ, поставленнымъ ему, какъ наслѣднику. Положеніе обоихъ было очень неловкое. Какъ только чтеніе завѣщанія было окончено, Лора поднялась съ мѣста и вышла изъ комнаты, не сказавъ ни слова. Слуги удалились тотчасъ по ея уходѣ, а Джонъ Тревертонъ остался наединѣ съ викаріемъ и стряпчимъ.

— Позвольте поздравить васъ, мистеръ Тревертонъ,—сказалъ Томасъ Сампсонъ, складывая завѣщаніе, и подходя къ камину, у котораго сидѣлъ Джонъ Тревертонъ,—вы будете очень богатымъ человѣкомъ.

— Черезъ годъ, мистеръ Сампсонъ,—неувѣренно отвѣтилъ тотъ,—и все же подъ условіемъ, что миссъ Малькольмъ захочетъ стать моей женой, чего можетъ и не быть!

— Наврядъ ли она пойдетъ противъ желанія своего пріемнаго отца, мистеръ Тревертонъ.

— Богъ вѣсть. Женщинѣ рѣдко нравится мужъ, выбранный кѣмъ-либо другимъ. Я не хочу смотрѣть въ зубы даровому коню, быть неблагодарнымъ моему двоюродному братцу Джасперу, отъ

котораго ровно ничего не ожидалъ съ недѣлю тому назадъ; но не могу не сказать, что онъ поступилъ бы гораздо благоразумнѣе, раздѣливъ свое состояніе между миссъ Малькольмъ и мной, и оставивъ насъ обоихъ свободными.

Онъ говорилъ медленно, задумчиво, и былъ страшно блѣденъ, даже губы его побѣлѣли. Ни радости, ни торжества въ немъ не было замѣтно; на его красивомъ лицѣ появилось выраженіе тревоги, разочарованія, придававшее ему необыкновенно изможденный видъ.

— Рѣдкій мужчина счелъ бы Лору Малькольмъ бременемъ, при какомъ угодно состояніи, мистеръ Тревертонъ, — замѣтилъ мистеръ Клеръ. — Что до меня, то я думаю, что для васъ болѣе счастія предвидится въ обладаніи такой женой, чѣмъ въ пользованіи богатствомъ вашего двоюроднаго брата, какъ бы велико оно ни было.

— Предполагая, что она захочетъ имѣть меня мужемъ, — снова нерѣшительно проговорилъ Джонъ Тревертонъ.

— У васъ впереди цѣлый годъ, чтобы завоевать ее, — возразилъ викарій, — и судьба будетъ къ вамъ очень немилостива, если вы потерпите неудачу. Мнѣ кажется, я могу поручиться вамъ за то, что сердце миссъ Малькольмъ свободно. Конечно, она, подобно вамъ, нѣсколько поражена эксцентричностью этого условія. Ея положеніе гораздо непріятнѣе вашего.

Джонъ Тревертонъ ничего не возразилъ на это замѣчаніе; но во все время, пока онъ стоялъ у камина, и вслушивался въ похвалы, расточаемыя его отшедшему родственнику викаріемъ и стряпчимъ, на лицѣ его сохранялось растерянное выраженіе.

— Чтó, миссъ Малькольмъ останется въ этомъ домѣ? — вскорѣ спросилъ онъ.

— Я хорошенько не знаю, чего она пожелаетъ, — возразилъ мистеръ Клеръ, — но думаю, что было бы хорошо, еслибъ домъ былъ предоставленъ въ ея распоряженіе. Я полагаю, что мы съ вами, мистеръ Сампсонъ, въ качествѣ душеприказчиковъ, имѣемъ право сдѣлать ей это предложеніе, — съ согласія мистера Тревертона, конечно.

— Разумѣется.

— Я искреннѣйшимъ образомъ готовъ содѣйствовать всякимъ комбинаціямъ, могущимъ доставить удовольствіе этой молодой особѣ, — какъ-то механически проговорилъ Джонъ Тревертонъ. — Я полагаю, что здѣсь меня больше ничто не удерживаетъ. Завтра я могу возвратиться въ городъ.

— Не пожелаете ли вы осмотрѣть имѣніе передъ вашимъ

возвращеніемъ въ Лондонъ, мистеръ Тревертонъ?—спросилъ Томасъ Сампсонъ.—Вамъ бы не мѣшало ознакомиться съ нимъ хорошенько, такъ какъ почти навѣрное можно сказать, что оно будетъ ваше. Если вамъ только будетъ не въ тягость нашъ простой образъ жизни, то я съ своей стороны былъ бы очень радъ, если бы вы прожили у меня съ недѣльку. Никто лучше меня не знаетъ этого имѣнія, я вамъ могу показать всякій сучокъ.

— Вы очень добры, мистеръ Сампсонъ. Я очень радъ буду воспользоваться вашимъ гостепріимствомъ.

— Вотъ это по-дружески. Когда же вы къ намъ пожалуете? Нынче вечеромъ? Мы, кажется, должны обѣдать всѣ вмѣстѣ. Почему бы вамъ не отправиться со мной къ намъ послѣ обѣда? Ваше присутствіе здѣсь можетъ только стѣснять миссъ Малькольмъ.

Разъ Джонъ Тревертонъ принялъ приглашеніе стряпчаго, у него не было основанія откладывать свое посѣщеніе, а потому они условились, что онъ, вмѣстѣ съ мистеромъ Сампсономъ, послѣ обѣда, отправится пѣшкомъ къ нему. Но до своего отбытія ему казалось необходимымъ проститься съ Лорой Малькольмъ, и эта мысль приводила его въ какое-то тягостное смущеніе. Тѣмъ не менѣе выполнить это слѣдуетъ, и хорошо было бы, еслибъ удалось повидаться съ ней въ приличный для такого визита часъ; а потому въ сумерки, незадолго до обѣда, онъ пришелъ въ кабинетикъ, любимую комнату миссъ Малькольмъ, и засталъ ее тамъ съ открытой книгой на колѣняхъ. Передъ ней на столѣ стоялъ небольшой поднос, съ чайнымъ приборомъ. Она взглянула на него безъ малѣйшаго смущенія; лицо ея было очень блѣдно, и чрезвычайно печально. Онъ усѣлся противъ нея; прошло нѣсколько минутъ, прежде чѣмъ онъ подобралъ слова, для выраженія того простого заявленія, которое ему предстояло сдѣлать.

Это спокойное, прекрасное лицо, обращенное къ нему съ выраженіемъ серьёзнаго ожиданія, смущало его до такой степени, что онъ никогда и не воображалъ, чтобы что-нибудь такъ могло его смутить.

— Я принялъ приглашеніе мистера Сампсона пробыть у него нѣсколько дней, передъ моимъ возвращеніемъ въ городъ, и пришелъ проститься съ вами, миссъ Малькольмъ—проговорилъ онъ, наконецъ.—Мнѣ казалось, что въ такое время, каково настоящее, вамъ всего пріятнѣе быть совершенно одной.

— Вы очень добры. Я не думаю здѣсь долго оставаться.

— Я надѣюсь, что вы здѣсь окончательно поселитесь. Ду-

шеприказчики, мистеръ Сампсонъ и мистеръ Клеръ, этого очень желаютъ. Не думаю, чтобы мой голосъ тутъ много значилъ; но повѣрьте, что и я искренно желаю, чтобы вы не торопились покидать ваше старое жилище.

— Вы очень добры. Не думаю, чтобы я могла жить одна въ этомъ миломъ старомъ домѣ, въ которомъ была такъ счастлива. У меня есть, въ сосѣдней деревнѣ, почтенное знакомое семейство, отдающее квартиры въ наемъ. Я бы охотнѣе переѣхала къ нимъ, какъ только мои вещи будутъ уложены. Вы вѣдь знаете, мистеръ Тревертонъ, что мнѣ есть чѣмъ жить. Шесть тысячъ фунтовъ, подаренные мнѣ вашимъ двоюроднымъ братомъ, приносятъ двѣсти слишкомъ фунтовъ ежегоднаго дохода.

— Поступайте по собственному желанію, миссъ Малькольмъ; я не могу позволить себѣ вмѣшиваться въ ваши дѣла, хотя принимаю живое участіе въ вашемъ благосостояніи.

Вотъ все, чтὸ онъ рискнулъ сказать въ этотъ ранній періодъ ихъ взаимныхъ отношеній. Онъ находилъ свое положеніе невыразимо неловкимъ, и не могъ надивиться самообладанію Лоры Малькольмъ. Чтὸ ему говорить? чтὸ ему дѣлать? Чтὸ онъ можетъ сказать такого, чтὸ бы не показалось ей продиктованнымъ самыми корыстными побужденіями? Какое свободное чувство могло когда-либо возникнуть между этими двумя людьми, связанными лишь общностью интересовъ по наслѣдству обширнаго помѣстья, — людьми, которые встрѣтились совершенно посторонними, и неожиданно поставлены были въ зависимость отъ обоюдныхъ каприэовъ?

— Могу я навѣстить васъ, прежде чѣмъ уѣду изъ Газльгёрста, миссъ Малькольмъ? — вскорѣ, съ какимъ-то отчаяніемъ, спросилъ онъ.

— Я буду очень рада видѣть васъ, когда бы вы ни вздумали пріѣхать.

— Вы очень добры. Нынче вечеромъ я васъ больше не буду безпокоить, такъ какъ увѣренъ, что вамъ необходима тишина и полнѣйшій отдыхъ. Теперь мнѣ надо идти обѣдать съ мистеромъ Сампсономъ и викаріемъ. Боюсь, что бы это не было мрачное пиршество. Прощайте.

Онъ протянулъ ей руку, въ первый разъ со дня ихъ встрѣчи. Ея рука была холодна, и слегка дрожала въ его рукѣ. Онъ удержалъ ея руку въ своей нѣсколько долѣе, чѣмъ бы слѣдовало, и впервые взглянулъ на нее съ выраженіемъ чего-то похожаго на нѣжное состраданіе въ глазахъ. Да, она была очень хорошенькая. Лицо ея нравилось бы ему еще больше безъ этого

холоднаго, гордаго выраженія, но онъ не могъ отрицать, что она красавица, и чувствовалъ, что любой молодой человѣкъ могъ бы гордиться подобной женой. Тѣмъ не менѣе онъ не могъ уяснить себѣ: какимъ образомъ онъ-то завоюетъ ее; и ему показалось, что состояніе, на которомъ онъ въ мечтахъ строилъ такіе планы за послѣднее время, теперь далеко, далеко отодвинулось отъ него. Обѣдъ не былъ такимъ печальнымъ пиромъ, какимъ онъ заранѣе представлялъ его себѣ. Люди вообще склонны относиться довольно легко къ исчезновенію стараго друга, а потому и викарій со стряпчимъ довольно-таки весело толковали о своемъ отшедшемъ сосѣдѣ. Они обсуждали его маленькія чудачества, его добродѣтели, его слабости, въ очень пріятномъ тонѣ, и отдавали полную справедливость его прекрасному вину, по части котораго онъ, по словамъ мистера Клера, никогда не былъ такимъ знатокомъ, какимъ почиталъ себя. Часа два просидѣли они за дессертомъ, прихлебывая бургонское, которымъ Джасперъ Тревертонъ особенно гордился, причемъ изъ всѣхъ троихъ, повидимому, одного только Джона Тревертона тревожили мрачныя мысли.

Было десять часовъ, когда мистеръ Сампсонъ предложилъ направить стопы къ его жилищу. Онъ послалъ передъ обѣдомъ записочку сестрѣ, съ извѣщеніемъ о предполагаемомъ посѣщеніи мистера Тревертона, и заказалъ въ гостинницѣ экипажъ, въ которомъ они съ гостемъ и подкатили къ занимаемому имъ чистенькому, веселенькому домику въ современномъ вкусѣ, съ крошечными, но чрезвычайно уютными комнатками, казавшимися такими чистенькими и новенькими, что Джонъ Тревертонъ подумалъ: невозможно, чтобы въ нихъ кто-нибудь жилъ, а мебель-то ужъ навѣрное только сегодня принесли отъ обойщика.

Томасъ Сампсонъ былъ молодой человѣкъ и холостякъ. Онъ наслѣдовалъ отъ отца прекрасно поставленную адвокатскую контору и самъ значительно улучшилъ положеніе своихъ дѣлъ, такъ какъ обладалъ большою способностью пробивать себѣ дорогу въ жизни и горячей любовью къ деньгамъ. У него была одна только сестра, жившая съ нимъ вмѣстѣ. Она была недурна; блѣдная, съ невыразительной физіономіей, холодными, свѣтло-голубыми глазами и прямыми шелковистыми волосами неподдающагося описанію оттѣнка каштановаго цвѣта.

Эта молодая особа, которую звали Элизой, очень вѣжливо привѣтствовала Джона Тревертона. Въ окрестностяхъ Газльгёрста было мало мужчинъ, которыхъ можно было бы сравнить съ этимъ красавцемъ, обладающимъ чисто военной осанкой, и къ тому же

миссъ Сампсонъ, которой содержаніе духовной Джаспера Тревертона не было извѣстно, предполагала, что этотъ красивый молодой человѣкъ есть новый владѣлецъ зáмка и всѣхъ его угодій. Ради его она потратила много труда на убранство запасной спальни, которую украсила безчисленными фантастическими подушечками для булавокъ, коробочками для колецъ, стклянками изъ богемскаго хрусталя для духовъ,—предметами, вообще несовмѣстимыми съ мужскимъ понятіемъ о комфортѣ. Изъ желанія угодить ему, она приказала не жалѣть угольевъ, и какъ можно ярче растопить каминъ въ выше описанной нарядно-убранной комнатѣ, показавшейся Тревертону, послѣ обширныхъ покоевъ зáмка, необыкновенно маленькой и жалкой.

— Я знаю комнату еще болѣе жалкую,—сказалъ онъ самъ себѣ,—эта, по крайней мѣрѣ чиста и опрятна. Онъ легъ въ постель, и заснулъ лучше, чѣмъ спалъ въ теченіи многихъ ночей, но все время видѣлъ во снѣ Лору Малькольмъ. Ему снилось, что ихъ вѣнчаютъ, но что лицо ея, въ то время, какъ она стоитъ съ нимъ предъ алтаремъ, начинаетъ какъ-то странно видоизмѣняться, и превращается въ другое, ему слишкомъ хорошо знакомое лицо.

Глава III. — Таинственный посѣтитель.

На слѣдующій день погода была прекрасная, и мистеръ Сампсонъ съ гостемъ тотчасъ послѣ ранняго завтрака сѣли въ догкартъ и отправились на осмотръ. Они проѣхали значительное пространство между утреннимъ завтракомъ и обѣдомъ, и Джонъ Тревертонъ имѣлъ удовольствіе обозрѣть обширныя поля, имѣющія, по всѣмъ вѣроятіямъ, стать его собственностью; но фермы, лежащія отъ Газльгѣрста на разстояніи прогулки, не составляли и трети всѣхъ владѣній Джаспера Тревертона. Мистеръ Сампсонъ сообщилъ своему спутнику, что все имѣніе приноситъ около одинадцати тысячъ фунтовъ въ годъ валового доходу, и что, кромѣ того, съ денегъ, помѣщенныхъ въ банкѣ, получается до трехъ тысячъ фунтовъ ежегодно. Старикъ началъ свою карьеру только съ шестью тысячами фунтовъ въ годъ, но часть его владѣнія граничила съ землей города Бичамптона, и когда пахотная земля пошла подъ постройки, это увеличило ея стоимость разъ въ семь. Жилъ онъ скромно, ежегодно округлялъ свои владѣнія, выгодно помѣщалъ свои капиталы, и состояніе его, наконецъ, достигло настоящей цифры. Подобное богатство представлялось Джону Тревертону волшебнымъ

сюмъ. Мистеръ Сампсонъ говорилъ о немъ такъ, какъ будто оно уже, окончательно и безповоротно, находилось въ рукахъ его спутника. Его здравый, юридическій умъ не въ состояніи былъ и вообразить возможности какихъ-либо сентиментальныхъ возраженій со стороны лэди или джентльмена противъ выполненія условія, долженствовавшаго утвердить за ними обоими владѣніе этимъ чуднымъ помѣстьемъ. Понятно, что мистеръ Тревертонъ, въ урочное время, сдѣлаетъ миссъ Малькольмъ формальное предложеніе, и она его приметъ. Дикое идіотство, какое сказалось бы въ отказѣ, со стороны джентльмена или лэди, сообразоваться съ такимъ легкимъ условіемъ, едва ли не заходитъ за предѣлы человѣческаго безумія.

Разсматривая вопросъ съ этой точки зрѣнія, мистеръ Сампсонъ былъ пораженъ мрачнымъ и унылымъ видомъ своего товарища; эта унылость казалась ему вполнѣ противоестественной для человѣка, въ его условіяхъ. Въ глазахъ Джона Тревертона, когда онъ глядѣлъ на обширныя, пустынныя поля, на которыя указывалъ ему стряпчій, загоралась искра восторга, но, черезъ минуту, лицо его снова становилось мрачнымъ, и онъ выслушивалъ описанія своего будущаго имѣнія съ разсѣяннымъ видомъ, совершенно непонятнымъ для Томаса Сампсона. Стряпчій рискнулъ сказать ему это, когда они, уже въ сумерки, возвращались домой.

— Видите ли, дорогой Сампсонъ, не всякій человѣкъ чашку до рту доноситъ,—отвѣтилъ Джонъ Тревертонъ своимъ обычнымъ, небрежнымъ тономъ, казавшимся большинству его знакомыхъ особенно симпатичнымъ.—Я долженъ сознаться, что условія, при которыхъ имѣніе это мнѣ завѣщано, меня сильно озадачили, крѣпко разочаровали. Мой двоюродный братъ Джасперъ сказалъ мнѣ, что его смерть сдѣлаетъ изъ меня богатаго человѣка. Вмѣсто этого у меня впереди цѣлый годъ ожиданія, причемъ осуществленіе всѣхъ моихъ надеждъ на обладаніе этимъ состояніемъ находится въ полной и совершенной зависимости отъ фантазій и капризовъ молодой дѣвушки.

— Надѣюсь, вы ни минуты не думали, что миссъ Малькольмъ откажетъ вамъ?

Тревертонъ такъ долго не отвѣчалъ на этотъ вопросъ, что стряпчій вскорѣ повторилъ его нѣсколько громче, вообразивъ, что перваго его вопроса Тревертонъ не слыхалъ.

— Думаю ли я, что она откажетъ мнѣ?—разсѣянно повторилъ мистеръ Тревертонъ.—Право, не знаю. Женщины склонны къ романическимъ взглядамъ на денежные вопросы. У нея,

кромѣ того, есть чѣмъ жить. Это она мнѣ высказала вчера вечеромъ, она можетъ тоже предпочесть выдти за кого-нибудь другого. Самыя выраженія этого завѣщанія какъ-бы разсчитаны на то, чтобы вооружить противъ меня гордую независимую дѣвушку.

— Но она же знаетъ, что отказавъ вамъ, она лишитъ васъ помѣстья, и пойдетъ наперекоръ желаніямъ своего друга и благодѣтеля. Наврядъ ли она будетъ такъ неблагодарна. Повѣрьте, она сочтетъ своей обязанностью принять ваше предложеніе. Къ тому же, это вовсе не непріятная обязанность—выдти за человѣка, имѣющаго четырнадцать тысячъ фунтовъ въ годъ. Клянусь честью, мистеръ Тревертонъ, вы должны быть очень плохого о себѣ мнѣнія, если воображаете, что Лора Малькольмъ *можетъ* отказать вамъ.

Джонъ Тревертонъ на это замѣчаніе ничего не отвѣтилъ, и пребывалъ въ молчаніи до самаго конца прогулки. Онъ нѣсколько оживился за обѣдомъ, и старался быть какъ можно любезнѣе съ хозяиномъ и хозяйкой. Миссъ Сампсонъ подумала, что онъ самый пріятный молодой человѣкъ, какого она когда-либо встрѣчала, особенно когда онъ согласился, послѣ обѣда, засѣсть съ ней за шахматы, и отъ полнѣйшей апатіи и разсѣянности позволилъ ей выиграть три игры подъ-рядъ.

— Какъ вы находите миссъ Малькольмъ, мистеръ Тревертонъ? — спросила она, нѣсколько времени спустя, уже разливая чай.

— Ты не должна предлагать мистеру Тревертону вопросовъ по этому предмету, Элиза,—сказалъ ей братъ, смѣясь.

— Почему?

— По причинѣ, которую я обсуждать не воленъ.

— Въ самомъ дѣлѣ!—процѣдила миссъ Сампсонъ, внезапно сжавъ свои тоненькія губы.—Я не имѣла понятія, то-есть я думала, что Лора Малькольмъ почти незнакома съ мистеромъ Тревертономъ.

— Вы были совершенно правы въ вашемъ предположеніи, миссъ Сампсонъ,—отвѣчалъ Джонъ Тревертонъ,—я не вижу никакой причины налагать свое veto на этотъ предметъ. Я нахожу миссъ Малькольмъ очень красивой, манеры ея замѣчательно граціозными и исполненными достоинства, — вотъ и все, что я теперь могу о ней сказать, такъ какъ мы, по вашему справедливому замѣчанію, едва другъ съ другомъ знакомы. Насколько я могу судить, она мнѣ показалась горячо привязанной къ моему двоюродному брату Джасперу.

Элиза Сампсонъ презрительно покачала головой.

— Она имѣла основаніе любить его,— проговорила она.— Вамъ, конечно, извѣстно, что она была совершенно нищая, когда онъ привезъ ее къ себѣ домой, и, кромѣ того, семья ея, кажется, не отличалась добропорядочностью.

— Мнѣ кажется, что вы ошибаетесь, миссъ Сампсонъ,— довольно горячо отвѣтилъ Джонъ Тревертонъ:—мой двоюродный братъ Джасперъ говорилъ мнѣ, что они со Стефеномъ Малькольмомъ были друзья и товарищи по университету. Можетъ быть, онъ и умеръ въ бѣдности, но я ничего не слыхалъ такого, что̀ бы давало поводъ думать, что онъ уклонился съ прямой дороги.

— Неужели?—промолвила миссъ Сампсонъ,—конечно, вамъ лучше знать; все, что̀ двоюродный братъ вашъ говорилъ вамъ— несомнѣнно справедливо. Сказать по правдѣ, мнѣ миссъ Малькольмъ никогда не нравилась. Въ ней есть какая-то сдержанность, которой я никогда не могла переварить. Я знаю, что мужчинамъ она очень нравится, но не думаю, чтобы у нея когда-либо было много женщинъ-друзей. А что можетъ быть для молодой дѣвушки важнѣе друга-женщины?—сентенціозно заключила барышня.

— А! такъ мужчинамъ она очень нравится,— повторилъ Тревертонъ: — значитъ ей уже представлялись случаи выйдти замужъ?

— Объ этомъ мнѣ ничего не извѣстно, но человѣка влюбленнаго въ нее по уши я знаю.

— Съ вашей стороны не будетъ нескромностью назвать этого джентльмена.

— О, нѣтъ. Могу васъ увѣрить, что я самолично открыла эту тайну: миссъ Малькольмъ никогда не удостоивала говорить со мной о своихъ дѣлахъ. Это—Эдуардъ Клеръ, сынъ викарія; я частенько видала ихъ вмѣстѣ. Онъ вѣчно, бывало, найдетъ предлогъ завернуть въ за̀мокъ: то ему нужно потолковать съ мистеромъ Тревертономъ о старинныхъ книгахъ, то о документахъ Археологическаго общества, и т. д., но всякому было ясно, что онъ единственно ради миссъ Малькольмъ проводитъ тамъ такъ много времени.

— Какъ вы думаете, нравился онъ ей?

— Богъ вѣдаетъ. Довольно трудно добраться до ея мыслей, на чей бы то ни было счетъ. Я разъ предложила ей этотъ вопросъ, но она холодно и гордо, какъ всегда, увернулась отъ него,

сказавъ, что любитъ мистера Клера, какъ друга, и прочее въ томъ же родѣ.

На лицѣ Томаса Сампсона, за все время этого разговора, проглядывало смущеніе.

— Вы не должны слушать глупыхъ сплетенъ сестры моей, мистеръ Тревертонъ, — проговорилъ онъ: — вообще вездѣ трудно помѣшать женщинѣ заниматься сплетнями, но въ такой трущобѣ, какъ нашъ Газльгёрстъ, имъ, кажется, больше и дѣлать-то нечего.

Джонъ Тревертонъ принималъ такое живое участіе въ этомъ разговорѣ, на какое самъ не считалъ себя способнымъ, по отношенію къ Лорѣ Малькольмъ. Чтó ему до нея? почему онъ ощущаетъ такую ревнивую досаду на этого невѣдомаго Эдуарда Клера? Развѣ всѣ, самыя глубокія его чувства, не враждебны ей? Развѣ она не стала особенно непріятной ему съ тѣхъ поръ, какъ онъ ознакомился съ содержаніемъ духовнаго завѣщанія своего родственника?

— У этого человѣка что-то на душѣ, Элиза, — сказалъ мистеръ Сампсонъ, стоя на коврѣ у камина и задумчиво грѣясь, когда гость его удалился на покой. — Помяни мое слово, Элиза, у Джона Тревертона что-то есть на душѣ.

— Что тебя заставляетъ это думать, Томъ?

— Да помилуй, онъ ни мало не радуется состоянію, которое унаслѣдовалъ, или унаслѣдуетъ черезъ годъ. А не въ человѣческой природѣ, чтобы джентльменъ, получающій четырнадцать тысячъ фунтовъ въ годъ, которыхъ никогда не ожидалъ, принялъ это благополучіе такъ равнодушно, какъ принимаетъ онъ.

— Кáкъ черезъ годъ, что ты хочешь сказать, Томъ? Развѣ помѣстье теперь не ему принадлежитъ?

— Нѣтъ, Элиза, въ томъ-то и штука. — И мистеръ Сампсонъ сообщилъ сестрѣ содержаніе духовной Джаспера Тревертона, предупредивъ ее, чтобы она отнюдь никому не сообщала все то, чтó узнала по этому предмету, подъ страхомъ его вѣчнаго неудовольствія.

На слѣдующій день Томасъ Сампсонъ былъ слишкомъ занятъ, чтобы посвятить себя своему гостю; а потому Джонъ Тревертонъ отправился на длинную прогулку, съ картой помѣстья, принадлежавшаго къ тревертонскому зáмку, въ карманѣ. Онъ обогнулъ многое множество полей и луговъ, стоялъ у калитокъ, ведшихъ въ садики фермъ, любовался уютными домиками, обширными овинами и громадными копнами сѣна, лѣнивыми быками, коровами и овцами, уходившими по-колѣно въ соломенную под-

стилку, и спрашивалъ себя: неужели онъ когда-нибудь будетъ владѣть всѣмъ этимъ?

Онъ зашелъ далеко, и возвращался домой въ сумерки, тихими шагами и съ задумчивымъ видомъ. Въ разстояніи какой-нибудь мили отъ Газльгёрста онъ оставилъ узенькую дорожку, окаймленную съ обѣихъ сторонъ изгородями, по которой шелъ до сихъ поръ, и вышелъ на лугъ, пересѣкаемый тропинкой для пѣшеходовъ, по направленію къ деревнѣ. Нѣсколько впереди его виднѣлась женская фигура, въ траурѣ. Манера держать голову показалась ему знакомой; онъ поспѣшилъ вслѣдъ за дамой, и вскорѣ шелъ рядомъ съ Лорой Малькольмъ.

— Вы выходите довольно поздно, миссъ Малькольмъ,—замѣтилъ онъ, не зная хорошенько что сказать.

— Въ это время года сумерки наступаютъ такъ быстро. Я навѣщала одно семейство въ Торлеѣ, мили за полторы отсюда.

— Вы часто, я полагаю, навѣщаете бѣдныхъ?

— Да, я издавна привыкла проводить два или три дня въ недѣлю среди нихъ. Они прекрасно меня знаютъ и понимаютъ; и, хотя многіе и жалуются на бѣдныхъ, я всегда находила въ нихъ и благодарность и привязанность.

Джонъ Тревертонъ задумчиво смотрѣлъ на нее. На щекахъ ея, въ этотъ вечеръ, горѣлъ яркій румянецъ, темные глаза ея сверкали такимъ блескомъ, какого онъ никогда еще въ нихъ не видалъ. Онъ прошелъ рядомъ съ нею всю дорогу до Газльгёрста, разговаривая сначала о деревенскихъ жителяхъ, которыхъ она теперь навѣщала, а потомъ о ея пріемномъ отцѣ, потерю коего она, повидимому, чувствовала такъ глубоко. Обращеніе ея въ этотъ вечеръ отличалось откровенностью и естественностью, и когда Джонъ Тревертонъ разстался съ нею у воротъ замка, въ душѣ его уже засѣло убѣжденіе, что она столь же очаровательна, сколь прекрасна.

А между тѣмъ, когда онъ повернулся спиной къ высокимъ желѣзнымъ воротамъ и направился къ жилищу мистера Сампсона, изъ груди его вырвался короткій, нетерпѣливый вздохъ; только цѣною усилія удалось ему сохранить нѣкоторое подобіе веселости въ теченіи цѣлаго длиннаго вечера, въ обществѣ брата и сестры Сампсонъ и толстенькаго, краснощекаго фермера, приглашеннаго къ обѣду, съ тѣмъ чтобы потомъ составить дружескую пульку. Весь слѣдующій день Джонъ Тревертонъ провелъ въ догкартѣ съ мистеромъ Сампсономъ, осматривая новыя фермы, и составлялъ себѣ уже болѣе ясное понятіе, чѣмъ прежде, о размѣрахъ и свойствахъ той части Тревертонскаго помѣстья, какая

лежала отъ Гаальгёрста на разстояніи прогулки въ экипажѣ. Онъ объявилъ своему хозяину, что вынужденъ возвратиться въ городъ утромъ завтрашняго дня съ раннимъ поѣздомъ. Послѣ обѣда мистеру Сампсону пришлось удалиться къ себѣ въ кабинетъ, чтобы съ часокъ поработать надъ какимъ-то важнымъ документомъ, а потому Джонъ Тревертонъ, не цѣнившій особенно высоко удовольствіе, доставляемое продолжительной бесѣдой съ глазу на глазъ съ прекрасной Элиной, надѣлъ шляпу и вышелъ изъ дому, чтобы выкурить сигару на улицѣ.

Его увлекла мечта, или другое чувство, котораго онъ самъ не могъ бы опредѣлить, по направленію къ зáмку; можетъ быть, ему просто показалось, что узенькая дорожка, вдоль высокой садовой стѣны, къ которой обращенъ боковой фасъ дома, славное мѣстечко, гдѣ пріятно выкурить сигару отдаваясь размышленіямъ. Онъ расхаживалъ нѣсколько времени, взадъ и впередъ, по этой уединенной дорожкѣ,—раза два или три доходилъ до желѣзныхъ воротъ, и не замѣчая разстилавшагося передъ нимъ сада, похожаго на паркъ, смотрѣлъ на фасадъ дома; сквозь плотно-притворенныя ставни не проникалъ ни единый лучъ свѣта.

— Желалъ бы я знать, былъ-ли бы я счастливъ,—задалъ онъ себѣ вопросъ,—если бы сталъ владѣльцемъ этого дома, имѣя прекрасную жену и значительное состояніе? Было время, когда я воображалъ, что могу существовать только въ водоворотѣ лондонской жизни, но, можетъ быть, я бы сдѣлался, пожалуй, недурнымъ сельскимъ жителемъ, если бы только былъ счастливъ. Возвращаясь на свою дорожку послѣ одной изъ этихъ остановокъ передъ желѣзными воротами, Джонъ Тревертонъ, къ удивленію своему, замѣтилъ, что онъ уже не одинъ на этой дорожкѣ. Высокій мужчина, завернутый въ широкое пальто, съ закрытой складками шерстяного шарфа нижней частью лица, медленно прохаживался взадъ и впередъ, передъ узенькой деревянной дверью, продѣланной въ садовой стѣнѣ. При невѣрномъ свѣтѣ невозможно было разсмотрѣть наружность этого человѣка, тѣмъ болѣе, что лицо его было закрыто полями шляпы и складками шарфа; Джонъ Тревертонъ подозрительно поглядѣлъ на него, идя мимо калитки, и прошелъ дальше, до самаго конца дорожки. Когда онъ повернулъ назадъ, то съ удивленіемъ замѣтилъ, что калитка отворена, и незнакомецъ стоитъ на порогѣ, разговаривая съ кѣмъ-то, находящимся въ саду. Джонъ быстро подался назадъ, желая, сколько можно, разсмотрѣть того, съ кѣмъ незнакомецъ говоритъ; и, приблизясь къ садовой двери, услыхалъ голосъ, ему очень хорошо знакомый, голосъ Лоры Малькольмъ.

— Намъ рѣшительно нечего опасаться, что намъ помѣшаютъ, —говорила она,—и я предпочитаю бесѣдовать съ вами въ саду.

Незнакомецъ, казалось, колебался, пробормоталъ что-то на счетъ «слугъ», и наконецъ вошелъ въ садъ, дверь котораго немедленно за нимъ затворилась.

Джонъ Тревертонъ почти окаменѣлъ отъ этого случая. Кто могъ быть этотъ человѣкъ, котораго миссъ Малькольмъ принимаетъ украдкой? Кто могъ это быть какъ не тайный поклонникъ, какой-нибудь обожатель, о которомъ она знала, что онъ недостоинъ ея, и котораго посѣщенія принимала такимъ постыднымъ образомъ. Открытіе это чрезвычайно поразило Тревертона; но ничѣмъ инымъ онъ не умѣлъ объяснить себѣ случая, котораго только-что былъ свидѣтелемъ. Онъ закурилъ новую сигару, рѣшившись ждать на дорожкѣ выхода этого человѣка. Прошло минутъ двадцать, наконецъ дверь въ садовой стѣнѣ отворилась, незнакомецъ вышелъ и удалился быстрыми шагами; Джонъ слѣдовалъ за нимъ на приличномъ разстояніи. Онъ вошелъ во дворъ гостинницы, находившейся не вдалекѣ отъ зàмка, гдѣ его ожидалъ гигъ, въ которомъ дремалъ человѣкъ, державшій возжи въ рукахъ. Незнакомецъ легко вскочилъ въ экипажъ, взялъ возжи изъ рукъ слуги и быстро укатилъ, къ великому разочарованію мистера Тревертона, который не разсмотрѣлъ даже лица его, и не имѣлъ никакой возможности прослѣдить его дальше. Онъ, правда, вошелъ въ маленькую гостинницу, потребовалъ себѣ содовой воды и водки, чтобы только имѣть возможность спросить, кто этотъ господинъ, чтò сейчасъ уѣхалъ; но хозяинъ только и зналъ, что гигъ остановился у его дверей съ полъ-часа тому назадъ и что лошади приказано было дать сѣна.

— Человѣкъ, остававшійся при лошади и экипажѣ, пришелъ сюда за стаканомъ водки для джентльмена,—сказалъ онъ,—но лица джентльмена я не видалъ. Джонъ Тревертонъ послѣ этого возвратился къ Сампсонамъ, чувствуя себя очень неловко. Онъ рѣшилъ повидаться съ миссъ Малькольмъ на слѣдующее утро, до своего отъѣзда изъ Газльгёрста, съ тѣмъ чтобы узнать хоть что-нибудь о таинственномъ пріемѣ незнакомца въ широкомъ пальто. Вслѣдствіе этого онъ измѣнилъ свои планы, и хотѣлъ ѣхать въ Лондонъ съ поѣздомъ, отходившимъ послѣ полудня; въ часъ онъ явился въ зàмокъ.

Миссъ Малькольмъ была дома, и его снова провели въ кабинетикъ, гдѣ онъ впервые увидалъ ее. Онъ сообщилъ ей о своемъ предполагаемомъ отъѣздѣ, чтò не должно было ее особенно удивить, такъ какъ онъ говорилъ ей то же самое при ихъ

послѣдней встрѣчѣ на лугу. Затѣмъ они поговорили немного о постороннихъ предметахъ; она съ полнымъ самообладаніемъ, онъ съ очевиднымъ смущеніемъ; наконецъ, послѣ довольно неловкой паузы, онъ началъ:

— Ахъ, да, кстати, миссъ Малькольмъ, есть одно обстоятельство, о которомъ я считаю своимъ долгомъ поговорить съ вами. Можетъ быть, оно и не имѣетъ той важности, какую я склоненъ придавать ему, но въ такомъ уединенномъ деревенскомъ домѣ, въ какомъ вы живете, нельзя не быть слишкомъ осторожнымъ. Вчера вечеромъ, довольно поздно, я пошелъ пройтись и выкурить сигару; мнѣ пришлось проходить по узенькой дорожкѣ, идущей вдоль вашего сада.

Онъ остановился на минуту. Лора Малькольмъ вздрогнула; ему показалось, что она стала блѣднѣе, чѣмъ была прежде, чѣмъ онъ заговорилъ объ этомъ дѣлѣ, но глаза ея смотрѣли на него съ твердымъ, хотя и вопросительнымъ выраженіемъ, не стараясь вовсе избѣгать его взгляда. Онъ продолжалъ:

— Я увидалъ мужчину высокаго роста, очень закутаннаго въ пальто и шарфъ, съ совершенно закрытымъ лицомъ, расхаживающаго взадъ и впередъ, передъ маленькой дверью въ садовой стѣнѣ. Пять минутъ спустя, къ моему великому удивленію, дверь отворилась и незнакомецъ былъ впущенъ въ садъ. Таинственность, которой все это было облечено, не могла не внушить опасеній каждому, кто только принимаетъ участіе въ обитателяхъ этого дома. Я, разумѣется, заключилъ, что это одна изъ служанокъ, тайкомъ впустила какого-нибудь своего поклонника.

Онъ не въ силахъ былъ, говоря это, твердо встрѣтить взглядъ Лоры Малькольмъ,—спокойное выраженіе въ ея глазахъ и теперь не измѣнилось. Джонъ Тревертонъ, а не она, замялся и опустилъ глаза.

— Какого-нибудь своего поклонника,—повторила миссъ Малькольмъ. Значитъ, вамъ извѣстно, что незнакомца въ садъ впустила женщина?

— Да,—отвѣчалъ онъ, сильно озадаченный ея самообладаніемъ. Я слышалъ женскій голосъ. Когда неизвѣстный вышелъ, я далъ себѣ трудъ послѣдовать за нимъ, и открылъ, что въ здѣшнихъ мѣстахъ его никто не знаетъ,—фактъ, который, разумѣется, дѣлаетъ всю эту исторію еще болѣе подозрительной. Я знаю, что грабежи обыкновенно совершаются при содѣйствіи кого-либо изъ прислуги; знаю, кромѣ того, что имущество, въ этомъ домѣ находящееся, такого рода, что можетъ привлечь на себя вниманіе

разбойниковъ по профессіи; вотъ почему я счелъ своей обязанностью сообщить вамъ обо всемъ мною видѣнномъ.

— Вы очень добры, но, по счастью, я могу совершенно успокоить васъ насчетъ серебра и другихъ цѣнныхъ предметовъ, въ этомъ домѣ находящихся. Человѣкъ, котораго вы видѣли вчера вечеромъ, не разбойникъ, а въ садъ впустила его — я.

— Неужели?

— Да. Это одинъ мой родственникъ, желавшій повидаться со мной, но не желавшій явиться сюда оффиціально и служить предметомъ толковъ и разговоровъ всѣхъ Газльгёрстскихъ жителей. Онъ писалъ мнѣ, что скоро будетъ проѣздомъ въ нашихъ мѣстахъ, и желалъ со мной видѣться безъ свидѣтелей. Нѣтъ, серьёзно; ему вздумалось пріѣхать сюда съ наступленіемъ ночи и уѣхать, какъ онъ полагалъ, незамѣченнымъ.

— Надѣюсь, вы не сочтете меня навязчивымъ, изъ-за того только, что я заговорилъ объ этомъ, миссъ Малькольмъ?

— Нисколько. Съ вашей стороны вполнѣ естественно заботиться о безопасности дома.

— И о вашей; надѣюсь, вы повѣрите, что мысли мои болѣе заняты вашей безопасностью, чѣмъ корыстолюбивыми опасеніями на счетъ цѣлости стариннаго серебра и картинъ. А теперь, такъ какъ я покидаю Газльгёрстъ, миссъ Малькольмъ, то могу-ли освѣдомиться о вашихъ планахъ на будущее?

— Они почти не заслуживаютъ этого названія. Я намѣрена переѣхать изъ этого дома на квартиру, о которой говорила съ вами надняхъ — вотъ и все.

— Не думаете-ли вы, что вамъ покажется очень скучно жить одной? Не лучше-ли бы вамъ было пріютиться въ какомъ-нибудь пансіонѣ, словомъ, гдѣ-нибудь гдѣ бы вы имѣли общество?

— Я уже думала объ этомъ, но едва-ли мнѣ придется по душѣ однообразная рутина школы или пансіона; я приготовилась къ мысли, что жизнь моя будетъ скучновата, но мѣста здѣшнія я очень люблю; кромѣ того, я здѣсь не лишена друзей.

— Я полагаю. У васъ, конечно, множество друзей въ Газльгёрстѣ.

— Нѣтъ, немного. Я не обладаю способностью составлять себѣ дружескія связи. На свѣтѣ всего два или три человѣка, въ чей привязанности я увѣрена, они одни понимаютъ меня.

— Надѣюсь, что сердце ваше не вполнѣ недоступно новымъ притязаніямъ. Есть вопросъ, котораго я, покамѣстъ, касаться не смѣю; было бы жестоко приступать къ вамъ съ нимъ въ такое время, когда я знаю, что душа ваша полна тоскою по умер-

шемъ; но когда настанетъ благопріятная минута, позвольте мнѣ уповать, что дѣло мое не вполнѣ безнадежно.—Онъ говорилъ очень неувѣренно, чтó казалось страннымъ въ такомъ опытномъ, свѣтскомъ человѣкѣ. Лора Малькольмъ смотрѣла на него все тѣмъ же твердымъ взглядомъ, какимъ встрѣтила его взглядъ, когда онъ говорилъ о ночной встрѣчѣ наканунѣ.

— Когда настанетъ благопріятная минута, вы найдете меня готовой повиноваться желаніямъ моего благодѣтеля,—спокойно отвѣтила она.—Я не считаю, чтобы соблюденіе условій, выраженныхъ въ его духовномъ завѣщаніи, могло доставить счастіе кому-нибудь изъ насъ; но я любила его слишкомъ нѣжно, чту его память слишкомъ искренно, чтобы воспротивиться осуществленію его плановъ.

— Почему бы этому завѣщанію не упрочить нашего счастія, Лора?—спросилъ Джонъ Тревертонъ, съ внезапной нѣжностью.— Неужели нѣтъ надежды, чтобы я когда-либо заслужилъ вашу любовь?

Она печально покачала головой.

— Любовь очень рѣдко развивается въ нашихъ съ вами условіяхъ, мистеръ Тревертонъ.

— Мы можемъ составить счастливое исключеніе изъ общаго правила. Но я сказалъ, что не хочу говорить объ этомъ сегодня. Я желаю только, чтобы вы повѣрили, что я не весь ушелъ въ разсчеты, что мнѣ легче будетъ лишиться этого состоянія, чѣмъ заставить васъ вступить въ ненавистный для васъ бракъ.

Миссъ Малькольмъ ничего не отвѣчала на эту рѣчь; и, поговоривъ еще нѣсколько минутъ о постороннихъ предметахъ, Джонъ Тревертонъ простился съ нею.

— Она приметъ мое предложеніе,—говорилъ онъ себѣ, выйдя изъ дому.—По крайней мѣрѣ, изъ словъ ея это можно было заключить; остальное—моя забота. Дѣло, по крайней мѣрѣ, начато. Но кто можетъ быть этотъ человѣкъ, почему онъ посѣтилъ ее такимъ тайнымъ, неблагороднымъ образомъ? Еслибъ мы были иначе поставлены, по отношенію другъ къ другу, еслибъ я любилъ ее, я бы настоялъ на болѣе полномъ объясненіи.

Онъ возвратился къ Сампсонамъ, желая проститься со своими друзьями. Стряпчій былъ совсѣмъ готовъ, чтобы везти его на станцію, и заставилъ его обѣщать, что онъ опять прикатитъ въ Газльгёрстъ, какъ только ему будетъ можно, и оснуетъ въ его домѣ свою главную квартиру, въ эту, и во всѣ прочія свои поѣздки.

— Много-таки вамъ еще придется объясняться въ любви,

считая отъ нынѣшняго дня и до конца года,—не безъ юмора замѣтилъ мистеръ Самсонъ.

Онъ былъ въ очень хорошемъ расположеніи духа, такъ какъ въ это самое утро далъ мистеру Тревертону денегъ взаймы, на очень выгодныхъ условіяхъ, и принималъ личное живое участіе въ любовныхъ дѣлахъ и женитьбѣ этого джентльмена.

Джонъ Тревертонъ возвратился въ городъ почти въ такомъ-же задумчивомъ настроеніи, въ какомъ находился во время путешествія въ Газльгёрстъ. Какъ онъ ни обдумывалъ свое житейское плаваніе, впереди ему виднѣлись опасныя скалы, и онъ сомнѣвался въ своей способности избѣжать ихъ.

Въ самой глубокой дали мелькали огни гавани; но между этой гаванью и утлой ладьей, заключающей въ себѣ его судьбу, сколько еще мелей и рифовъ,—онъ долженъ извѣдать всю ихъ опасность, прежде чѣмъ спокойно бросить якорь!

Глава IV.—Шикò.

Около этого времени, въ числѣ разнообразныхъ объявленій, украшавшихъ стѣны, желѣзно-дорожныя арки и прочія втунѣ пропадающія пространства города Лондона, появилось одно таинственное, двусложное слово, виднѣвшееся повсюду: *Шикò*,—гигантскими желтыми буквами, по черному фону. Самый близорукій глазъ непремѣнно увидитъ эту надпись, самый апатичный умъ возъимѣетъ, по поводу ея, хотя смутное недоумѣніе. Шикó! Что это значитъ? Человѣческое ли это имя, или названіе неодушевленнаго предмета? Для ѣды эта штука, или для туалета? Можетъ, шарлатанское лекарство для людей, или мазь, залечивающая раны на лошадиныхъ ногахъ? Новый это экипажъ, кэбъ, долженствующій замѣнить извѣстный всему свѣту кэбъ Гансома, или вновь изобрѣтенная машина для срѣзыванія рѣпы? Можетъ быть это названіе новаго періодическаго изданія? Шикó! Въ самомъ звукѣ было что-то увлекательное. Два коротких слога легко соскальзывали съ языка: Шикò. Уличные бродяги изо всей силы своихъ легкихъ орали это слово, не зная, и вовсе не желая узнать его значенія. Но прежде чѣмъ эти громадныя афиши утратили свою первоначальную свѣжесть, большая часть блестящей лондонской молодежи, медицинскіе студенты, клерки, служащіе у разныхъ стряпчихъ, легкомысленные джентльмены изъ военнаго министерства, болѣе скромные юноши изъ Сомерсетъ-гоуза, городскіе франты въ блестящихъ шляпахъ, всегда

направлявшіеся къ лежащей на западъ сторонѣ города, въ то время, когда солнце склонялось къ закату, разузнали все на счетъ Шикб. Шикб была m-lle Шикб, первая танцовщица въ королевскомъ принца Фредерика театрѣ; и, кромѣ того, по словамъ авторитетовъ военнаго министерства, одна изъ красивѣйшихъ женщинъ въ Лондонѣ. Ея манера танцовать отличалась скорѣй смѣлостью, чѣмъ особливымъ искусствомъ. Она не была послѣдовательницей школы Тальони. Грація, изящество, цѣломудренная красота, присущія этой давно-исчезнувшей школѣ, были ей совершенно неизвѣстны. Она бы стала надъ вами смѣяться, еслибъ вы заговорили съ ней о поэзіи въ движеніяхъ. Но за то, когда дѣло доходило до легкихъ прыжковъ черезъ всю сцену, до пируэтовъ, продѣлываемыхъ наноскахъ, до выставленія на показъ самыхъ прелестныхъ рукъ въ мірѣ, до смѣлаго изгиба полной, бѣлой шеи,—такого изгиба, какого ни одинъ скульпторъ не придалъ своей мраморной вакханкѣ,—Ла-Шикб не имѣла соперницъ.

Она была настоящая француженка. Въ этомъ не было сомнѣнія. Она не происходила изъ англійскихъ домовъ Брауна, Джонса или Робинзона, не родилась и не выросла въ лондонской грязи, не была крещена просто-на-просто Сарой или Мэри, чтобы впослѣдствіи превратиться въ Селестину или Маріетту. Заира Шико была сорная трава, выросшая на галльской почвѣ. Она себя называла истой парижанкой, но ея выговоръ и нѣкоторые обороты рѣчи выдавали ее, просвѣщенное ухо ея соотечественниковъ угадывало ея провинціальное происхожденіе. Отличающаяся своими вѣрноподданническими чувствами и благочестіемъ, Бретань имѣла честь быть родиной Шико. Ея невинное дѣтство протекло подъ фиговыми деревьями, и близъ реликвій святыхъ угодниковъ, въ Орэ. До девятнадцати-лѣтняго возраста она не видывала ни длиннаго ряда ослѣпительныхъ бульваровъ, исчезающаго, передъ ея глазами, въ невидимой дали, ни безчисленныхъ фонарей, ни волшебныхъ кіосковъ; а между тѣмъ, все это было неизмѣримо внушительнѣе и прекраснѣе, чѣмъ скверъ Дюгесклена въ Динанѣ, иллюминованный десятью-тысячами фонариковъ, въ праздничную ночь. Здѣсь, въ Парижѣ, жизнь—какъ будто, безконечный праздникъ. Парижъ—отличный учитель, грандіозный просвѣтитель провинціальныхъ умовъ. Парижъ объяснилъ Шико, что она прекрасна. Парижъ растолковалъ Шико, что гораздо пріятнѣе вертѣться и прыгать, въ тѣсныхъ рядахъ, составленныхъ изъ другихъ Шико, въ различныхъ волшебныхъ представленіяхъ, какъ-то: «Спящая красавица», или «Олень съ золотымъ ошейникомъ», будучи при этомъ облеченной въ очень

коротенькое платьице, сверкая золотомъ и блестками, съ распущенными по плечамъ волосами, въ атласныхъ ботинкахъ по два наполеондора за пару,—чѣмъ работать на набережной среди прачекъ. Шико пріѣхала въ Парижъ съ цѣлью заработать себѣ средства къ жизни, и она заработывала ихъ, очень пріятнымъ для себя образомъ, въ качествѣ фигурантки въ коръ-де-балетѣ; она, конечно, была нуль въ общей суммѣ наслажденій, доставляемыхъ зрителю этими великолѣпными феерiями, но у этого нуля были чудные глаза, роскошные волосы, стройная фигура и юношеская свѣжесть, привлекавшіе вниманіе отдѣльныхъ лицъ.

Вскорѣ она стала красой балета и сдѣлалась чрезвычайно непріятна главнымъ танцовщицамъ, которыя считали красоту ея дерзостью и пользовались всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы осадить ее. Но въ то же время, какъ ея полъ относился къ ней неласково, представители болѣе суроваго пола были очень нѣжны съ прекрасной Шико. Балетмейстеръ училъ ее различнымъ pá, которыхъ не показывалъ ни одной изъ ея товарокъ, находившихся подъ его руководствомъ; онъ находилъ возможность, отъ времени до времени, давать ей соло; онъ ее толкалъ въ первые ряды; по его совѣту, она переселилась изъ большого театра, въ которомъ не имѣла никакого значенія, въ другой театръ поменьше, въ студенческомъ кварталѣ. То былъ очень популярный, маленькій театръ на лѣвомъ берегу Сены, среди лабиринта узкихъ улицъ и высокихъ домовъ, между медицинской школой и Сорбонной; здѣсь она вскорѣ всѣхъ затмила. «Это была самая миленькая изъ моихъ крысъ»,—съ сожалѣніемъ восклицалъ балетмейстеръ, когда Шико ушла отъ него. «Эта дѣвочка пойдетъ далеко»,—говорилъ режиссеръ, сердясь на себя за то, что позволилъ этой красивѣйшей изъ своихъ корифеекъ выскользнуть у него изъ рукъ,—«въ ней есть шикъ».

Въ студенческомъ театрикѣ Шико нашла судьбу свою, другими словами—здѣсь впервые увидалъ ее ея мужъ. Онъ былъ англичанинъ, велъ довольно бурную жизнь среди этого самаго студенческаго квартала Парижа, жилъ изо-дня въ день, былъ очень бѣденъ, очень уменъ, плохо подготовленъ къ тому, чтобы и самого-то себя прокормить. Онъ былъ одаренъ тѣми разнообразными талантами, которыми рѣдко достигаютъ серьёзныхъ результатовъ. Онъ писалъ масляными красками, гравировалъ, пѣлъ, игралъ на трехъ или четырехъ инструментахъ со вкусомъ и выраженіемъ, но техника его была плоха. Онъ писалъ для комическихъ журналовъ, но журналы эти обыкновенно отказывали въ помѣщеніи его произведеній, или небрежно относились къ нимъ.

Изобрѣти онъ какія-нибудь спички или придумай усовершенствованіе для швейной машины, онъ, можетъ быть, и нажилъ бы себѣ состояніе; но его таланты, весьма пригодные въ гостиной, едва-едва спасали его отъ голодной смерти. Не особенно подходящій обожатель былъ онъ для молодой особы изъ провинціи, желавшей играть въ жизни большую роль; но онъ былъ красивъ, хорошо воспитанъ, на немъ лежалъ тотъ особенный отпечатокъ благорожденности, котораго не изгладитъ ни бѣдность, ни цыганская жизнь; по мнѣнію Шико, онъ былъ самый привлекательный человѣкъ, какого она когда-либо встрѣчала. Словомъ, ему нравилась красивая танцовщица, а она обожала его. Увлеченіе было обоюдное; то была первая страсть и въ ея, а также и въ его жизни. Оба крѣпко вѣрили въ свои таланты и въ будущее; оба думали, что имъ нужно только жить, чтобы получить и богатство и славу.

Шико отъ природы не была разсчетлива. Она любила деньги, но только такія, которыя могла тотчасъ истратить; ей нужны были деньги на красивыя платья, на хорошіе обѣды, на вино, которое бы пѣнилось и играло на солнцѣ, на прогулки въ наемныхъ экипажахъ по Булонскому лѣсу. О деньгахъ, откладываемыхъ на будущее, на болѣзнь, на старость, на безчисленныя житейскія потребности, она никогда и не думала. Никогда не читавши Горація,—можетъ быть не слыхавши даже объ его существованіи,—она была глубоко проникнута его философіей. Ловить минуту удовольствія и предоставить завтрашнему дню заботу о немъ—таково было начало и конецъ ея премудрости. Она любила молодого англичанина и вышла за него замужъ, зная, что у него нѣтъ гроша, кромѣ золотой монеты, которой онъ долженъ былъ заплатить за ихъ свадебный обѣдъ, нисколько не заботясь о послѣдствіяхъ ихъ брака; она, посреди своего счастія, также мало понимала, также мало разсуждала, какъ ребенокъ. Имѣть красиваго мужчину, джентльмена по рожденію и воспитанію, своимъ любовникомъ и рабомъ, привязать единственнаго человѣка, овладѣвшаго ея воображеніемъ, на-вѣки къ своимъ юбкамъ—таково было понятіе Шико о счастіи. Она была энергическая молодая женщина, и до сей минуты пробивала себѣ путь въ жизни безъ помощи родныхъ, друзей, безъ чьей-либо заботы о ней, безъ совѣтовъ, безъ указаній, точно соломенка, увлекаемая теченіемъ жизненной рѣки,—но не лишенная твердаго, собственнаго представленія о томъ, куда она желаетъ быть занесенной. Въ мужѣ она не желала видѣть опекуна. Она не ожидала, что онъ станетъ работать для нея, будетъ содер-

жать ее; она совершенно примирилась съ мыслью, что хлѣбъ заработывать будетъ она. Эта дочь народа придавала особую цѣну имени *джентльмена*.

Тотъ фактъ, что мужъ ея принадлежитъ къ высшей породѣ людей, искупалъ въ ея глазахъ множество недостатковъ. Что онъ непостояненъ, беззаботенъ, человѣкъ порывовъ, что онъ, начавъ утромъ усердно работать надъ картиной, къ вечеру съ отвращеніемъ броситъ ее, казалось ей естественнымъ. Это—порода. Можно ли заставить охотничью лошадь выполнять ту же работу, которую безъ единаго признака непокорности исполнитъ терпѣливая рабочая лошадь?

Шико дорожила мыслью о превосходствѣ мужа надъ трудящейся толпой, изъ которой произошла она. Самые его пороки были въ глазахъ ея добродѣтелями.

Они поженились; и такъ какъ Шико была, въ своемъ маленькомъ мірке, особой не безъ значенія, а молодой англичанинъ ничѣмъ ровно себя не заявилъ, то мужъ, какими-то судьбами, принялъ женино имя: его повсюду называли господинъ Шико.

Странную жизнь вели эти люди въ своихъ бѣдно-меблированныхъ комнатахъ, въ третьемъ этажѣ грязноватаго дома, въ грязноватой улицѣ студенческаго квартала,—странную, беззаботную, разсѣянную жизнь; ночь у нихъ обращалась въ день, деньги шли какъ вода, ничего не требовали они отъ жизни, ничего не брали съ нея, кромѣ удовольствія, грубаго чувственнаго удовольствія, доставляемаго хорошимъ обѣдомъ и выпивкой; возбуждающаго удовольствія, доставляемаго игрой или прогулками, при лунномъ свѣтѣ, по Булонскому лѣсу, или идиллическаго удовольствія, доставляемаго воскресными прогулками по парижскимъ ближайшимъ окрестностямъ, по берегу серебристой Сены въ длинные лѣтніе дни, когда самый изнѣженный лѣнивецъ могъ, безъ особеннаго усилія, подняться съ постели въ полдень; прогулки эти всегда заканчивались обѣдомъ въ какомъ-нибудь деревенскомъ трактирчикѣ, гдѣ всегда имѣлась бесѣдка, увитая виноградомъ, въ которой можно было обѣдать, и откуда можно было слѣдить за приготовленіемъ обѣда на кухнѣ съ широкимъ окномъ, выходившимъ на дворъ и въ садъ; а также прислушиваться къ стуку шаровъ, долетавшему изъ низенькой билльярдной. Бывали зимнія воскресенья, когда они не считали вовсе нужнымъ вставать до самыхъ сумерекъ, когда газъ уже зажигался на бульварахъ, и было время подумать о томъ: гдѣ бы сегодня пообѣдать. Такъ провели Шико первые два года своей супру-

жеской жизни. Ясно, что подобное существованіе поглощало все, какъ есть, жалованье m-me Шико, и на черный день ничего не откладывалось. Живи Шико въ мірѣ, въ которомъ дождь и дурная погода были бы неизвѣстны, она не могла менѣе тревожиться относительно будущаго, чѣмъ тревожилась теперь. Она заработывала свои деньги весело и тратила ихъ по-барски; властвовала надъ мужемъ въ силу своей замѣчательной красоты; грѣлась на солнышкѣ, въ упоеніи отъ своего временнаго благоденствія; пила болѣе шампанскаго, чѣмъ слѣдовало въ видахъ сохраненія здоровья и женственности; съ каждымъ годомъ становилась немножко грубѣе; никогда не раскрывала книги, ни мало не заботилась о развитіи своего ума; пренебрегала всѣмъ, что̀ служитъ истиннымъ украшеніемъ жизни; живописную мѣстность, сельскій ландшафтъ считала хорошимъ фономъ для буйной веселости и пьянаго разгула пикника, но болѣе ни на что негодными. Она никогда не переступала порога церкви, рука ея никогда не подавала милостыни; она жила для себя и въ свое удовольствіе. Совѣсти въ ней было столько же, сколько въ бабочкѣ, чувства долга — меньше, чѣмъ въ птицѣ.

Если Джэкъ Шико и упрекалъ себя за тотъ образъ жизни, который они вели съ женою, и за расточительность, то онъ не выражалъ словами угрызеній своей совѣсти. Можетъ быть, его удерживало ложное чувство деликатности, и онъ находилъ, что жена имѣетъ право распоряжаться своей собственностью по своему усмотрѣнію. Его личные заработки были незначительны, и къ тому же непостоянны; отъ времени до времени онъ продавалъ торговцамъ картинами акварельный эскизъ, или редакторъ извѣстнаго журнала печаталъ его театральную рецензію. Деньги, поступавшія въ столь неопредѣленные сроки, уплывали такъ же быстро, какъ наживались.

— Джэкъ продалъ картину, — воскликнула жена: — мой чудакъ вздумалъ работать. Поѣдемте обѣдать въ гостинницу Красной Мельницы. Джэкъ уплатитъ счетъ.

Затѣмъ приходилось только кликнуть штуки двѣ легкихъ, открытыхъ колясокъ, стоящихъ, въ этомъ городѣ удовольствій, на каждомъ перекресткѣ и соблазняющихъ лѣнивцевъ на различныя экскурсіи, созвать человѣкъ шесть избранныхъ друзей данной минуты, и наконецъ отправиться въ любимый ресторанъ, заказать отдѣльную комнату, хорошенькій обѣдъ и любимое шампанское, поѣхать прокатиться по зеленому лѣсу, пока поваренки задыхаются надъ своими кастрюлями, возвратиться къ шумному пиру, съѣсть обѣдъ на открытомъ воздухѣ, можетъ быть — подъ

лучами полуденнаго солнца, такъ какъ къ семи часамъ Шико уже должна быть въ театрѣ, а въ восемь вся парижская богема будетъ уже ждать, съ нетерпѣніемъ и разинутыми ртами, минуты, когда выбѣжитъ на сцену танцовщица съ дикими глазами и распущенными по плечамъ волосами. Шико съ теченіемъ времени дѣлалась все болѣе и болѣе похожа на вакханку. Ея манера танцовать становилась все смѣлѣе и смѣлѣе; ея жесты производили на публику электрическое дѣйствіе. Эти дикія движенія были не лишены вдохновенія, но то было вдохновеніе вакханки, а не спокойная грація дріады или морской нимфы. Издали ею можно было любоваться, но всякій, кому дорога была спокойная жизнь, долженъ былъ избѣгать ея. Всѣ коротко ее знавшіе, говоря о ней, не стѣснялись въ своихъ выраженіяхъ, уже на второй годъ ея супружеской жизни, и на третій сезонъ ея пребыванія на сценѣ студенческаго театра.

— Шико начинаетъ пить какъ рыба,—говорилъ Антуанъ изъ оркестра, Жильберу, изображавшему комическихъ стариковъ:—желалъ бы я знать: бьетъ ли она мужа, когда хватитъ лишнее?

— Они, кажется, живутъ какъ кошка съ собакой,—отвѣчалъ актеръ:—одинъ день солнце свѣтитъ, на другой буря. Рено, живописецъ, комната котораго въ одномъ съ ними этажѣ, говорилъ мнѣ, что иной разъ, когда въ квартирѣ Шико погода бываетъ плохая, то вмѣсто градинъ летятъ чашки, блюдца и пустыя бутылки изъ-подъ шампанскаго. Тѣмъ не менѣе они страстно любятъ другъ друга.

— Я бы не особенно высоко цѣнилъ подобную любовь,—возразилъ скрипачъ.—Когда я женюсь, я за красотой гнаться не буду. Не желалъ бы я имѣть такую красивую жену, какъ Шико, хоть бы мнѣ это ничего не стоило. Женщина этого закала создана на то, чтобы быть вѣчнымъ мученіемъ своего мужа. Я нахожу, что Джэкъ совсѣмъ не тотъ малый, какимъ онъ былъ до женитьбы. Отъ женитьбы—онъ перешелъ въ минорный тонъ.

Когда Шико были мужемъ и женою года три, способность m-me Шико привлекать зрителей въ залу маленькаго театра въ студенческомъ кварталѣ начала замѣтно ослабѣвать. Публика въ партерѣ стала рѣдѣть, студенты зѣвали или разговаривали громкимъ шопотомъ во время исполненія танцовщицей блистательнѣйшихъ па́. Самая красота ея перестала очаровывать. Обычнымъ посѣтителямъ театра она приглядѣлась.

— Казенно, какъ журнальная статья,—говорилъ одинъ.

— Извѣстно, какъ куполъ дома Инвалидовъ, — замѣчалъ другой: — это утомляетъ, по неволѣ разочаруешься въ Шико.

Шико видѣла, что звѣзда ея клонится къ закату, и по своему живому характеру, ставшему еще порывистѣе прежняго за послѣдніе три года, не очень-то хорошо принимала измѣну судьбы. Она возвращалась домой изъ театра въ отвратительнѣйшемъ настроеніи духа, протанцовавъ цѣлый вечеръ передъ пустыми скамейками и апатичной публикой, и Джэку Шико приходилось выносить все на своихъ плечахъ. Въ такихъ случаяхъ она затѣвала съ нимъ ссору, изъ-за соломенки, изъ-за ничего. Она, въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ, бранила студентовъ, обѣгавшихъ театръ. Она еще болѣе сердилась на тѣхъ, которые приходили и не аплодировали. Она распекала Джэка за его безпомощность. Ну, чтó онъ за мужъ? Онъ ровно ничего не могъ сдѣлать, чтобы хоть сколько-нибудь отстоять ея интересы. Выйди она за кого-нибудь другого, напримѣръ, за любого изъ этихъ молодыхъ людей, пишущихъ въ газеты, она бы давнымъ-давно была ангажирована на одинъ изъ бульварныхъ театровъ. Она была бы предметомъ восторговъ лучшей парижской публики. Она бы заработывала тысячи. Но мужъ ея не имѣлъ никакого вліянія ни на режиссеровъ, ни на газеты, даже на столько, чтобы тиснуть хвалебную замѣтку въ самый послѣдній изъ маленькихъ журналовъ. Отчаяніе—да и только.

Это распеканье подѣйствовало на Джэка Шико. Онъ, отъ природы, былъ добродушный человѣкъ, любившій жить не задумываясь. Во всѣхъ ихъ ссорахъ зачинщицей была жена. Когда летали чашки, блюдца и пустыя бутылки, Юпитеръ, метавшій эти громы—была она. Джэкъ былъ слишкомъ мужественъ, чтобы ударить женщину, слишкомъ гордъ, чтобы унизиться до одного уровня со своей женой. Онъ страдалъ и молчалъ. Ошибку свою онъ понялъ уже давно. Ослѣпленіе было минутное, раскаяніе—продолжительное. Онъ зналъ, что связалъ себя съ скверно-воспитанной фуріей, низкаго происхожденія. Онъ зналъ, что для него единственная возможность избѣгнуть самоубійства—это закрыть глаза на все окружающее и извлекать изъ своего позорнаго существованія хотя подобіе удовольствія. Упреки жены, уязвивъ его, возбудили въ немъ энергію. Онъ написалъ съ полъ-дюжины писемъ старымъ друзьямъ въ Лондонъ, — людямъ болѣе или менѣе соприкосновеннымъ съ прессой, или съ театральнымъ міромъ, прося ихъ доставить Шико ангажементъ. Въ этихъ письмахъ онъ говорилъ о ней только какъ о женщинѣ умной, въ карьерѣ которой онъ принимаетъ участіе; женой своей онъ ее не при-

зналъ. Онъ позаботился вложить въ конверты вырѣзки изъ парижскихъ газетъ, въ которыхъ красота, шикъ, талантъ и оригинальность танцовщицы были расхвалены до небесъ. Результатомъ этихъ его хлопотъ было посѣщеніе мистера Смолендо, предпріимчиваго владѣльца театра принца Фредерика, пріѣхавшаго въ Парижъ съ цѣлью найти новинку, и ангажементъ m-me Шико на этотъ театръ былъ рѣшенъ. Мистеръ Смолендо за послѣднее время сильно покровительствовалъ балету. Его декораціи, машины, освѣщеніе и костюмы считались изъ лучшихъ въ цѣломъ Лондонѣ. Всѣ ходили въ театръ принца Фредерика. Прежде, въ этихъ стѣнахъ, былъ просто концертный залъ, нѣчто въ родѣ café-chantant; лишь за послѣдніе годы онъ преобразился въ театръ. Всѣ драмы, роскошно обставленныя феерiи, фантастическіе балеты и комическія оперетки, имѣвшія успѣхъ на парижскихъ сценахъ, ставились мистеромъ Смолендо на сценѣ театра принца Фредерика. Онъ умѣлъ отрыть самыхъ хорошенькихъ актрисъ, лучшихъ танцовщицъ, свѣжіе голоса. Его хоры, его балетъ были лучшими въ Лондонѣ.

Словомъ, мистеръ Смолендо открылъ тайну театральныхъ успѣховъ. Онъ зналъ, что доведенная до совершенства обстановка всегда окупится. Красота Шико была поразительна и неоспорима. На этотъ счетъ не могло быть двухъ мнѣній. Ея манера танцовать отличалась оригинальностью и нѣкоторымъ искусствомъ. Мистеръ Смолендо видалъ лучшихъ танцовщицъ, прошедшихъ несравненно болѣе строгую школу, но тамъ, гдѣ Шико недоставало умѣнья, она брала ловкостью и смѣлостью.

— Ея не хватитъ на цѣлый рядъ сезоновъ. Она—точно эти породистыя лошади, которыя черезъ годъ-другой никуда не годны,—говорилъ себѣ мистеръ Смолендо,—но она возьметъ городъ приступомъ, и въ теченіи трехъ первыхъ своихъ сезоновъ принесетъ мнѣ больше барышей, чѣмъ любая звѣзда, какія были на сценѣ моего театра, съ тѣхъ поръ какъ я сталъ антрепренеромъ.

Шико очень обрадовалась предложенію лондонскаго режиссёра, сулившаго ей жалованье больше того, какое она получала въ студенческомъ театрѣ. О Лондонѣ она думала неохотно, представляя его себѣ городомъ тумана и легочныхъ болѣзней; но тѣмъ не менѣе была очень рада покинуть сцену, на которой,—она это чувствовала,—лавры ея такъ быстро увядаютъ. Она не поблагодарила мужа за его вмѣшательство и продолжала бранить его за то, что онъ не доставилъ ей ангажемента на какой-нибудь изъ бульварныхъ театровъ.

— Для меня ѣхать въ вашъ печальный Лондонъ—все равно что похорониться,—восклицала она,—но это все же лучше, чѣмъ танцовать передъ собраньемъ идіотовъ и кретиновъ.

— Лондонъ, право, не такое скверное мѣсто,—отвѣчалъ Джэкъ Шикó, безучастно, какъ человѣкъ, которому жизнь наскучила, и который могъ оживиться лишь подъ вліяніемъ сильныхъ, возбудительныхъ средствъ:—Это огромная толпа, въ которой можно затеряться. Никто тебя не знаетъ, ты никого не знаешь. Чувство стыда пріятно притупляется въ душѣ человѣка, разъ онъ попалъ въ Лондонъ. Онъ можетъ ходить по улицамъ, не чувствуя, что на него показываютъ пальцемъ. Толпѣ совершенно все равно, откуда онъ явился: изъ смирительнаго дома или изъ дворца. Никому до васъ дѣла нѣтъ.

Шикó переплыли каналъ и наняли квартиру въ улицѣ близъ Лейстеръ-сквэра, возлѣ котораго, какъ извѣстно, находится театръ принца Фредерика. То была грязная улица, не имѣвшая никакой привлекательности въ глазахъ иностранца, но улица эта, со временъ Гаррика и Уоффингтона была излюблена актерами и актрисами, и мистеръ Смолендо посовѣтовалъ супругамъ Шикò поискать тамъ квартиру. Онъ назвалъ имъ трехъ или четырехъ хозяекъ, сдававшихъ квартиры *«артистамъ»*; выборъ m-me Шикò остановился на одномъ изъ указанныхъ имъ помѣщеній.

Квартира, понравившаяся ей лучше другихъ, состояла изъ двухъ обширныхъ комнатъ въ первомъ этажѣ, меблированныхъ съ громкой притязательностью, которая показалась бы отвратительной эстетически развитому человѣку, и которая особенно какъ-то оскорбляла артистическій вкусъ Джэка. Стулья, обитые дешевымъ бархатомъ, пестрыя, вышитыя по канвѣ занавѣски на окнахъ, потускнѣвшіе часы и канделябры, привели m-me Шикó въ восторгъ. Это все почти по-парижски,—говорила она мужу.

Гостиная и спальня соединялись дверью. Была еще третья комнатка,—чистая клѣтка, съ выходившимъ на сѣверъ окномъ, здѣсь Джэкъ можетъ рисовать.

Удобство это примирило Джэка съ печальной роскошью гостиной, съ сомнительной опрятностью спальни, съ унылымъ видомъ улицы, въ которой, среди частныхъ домовъ, разбросано было съ полдюжины грязныхъ лавчонокъ.

— Какъ твой Лондонъ невзраченъ! — восклицала Шикó: — неужели весь городъ такой?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Джэкъ съ своей цинической гримасой.— Есть и болѣе веселыя улицы, въ которыхъ живутъ порядочные люди.

— Кого ты называешь порядочными людьми?

— Людей, платящихъ подоходный налогъ съ двухъ или трехъ тысячъ фунтовъ въ годъ.

Джэкъ освѣдомился о прочихъ жильцахъ. Слѣдовало узнать, что за сосѣди у нихъ будутъ.

— Я не щепетиленъ, — говорилъ Джэкъ по-французски женѣ, — но не желалъ бы жить бокъ-ó-бокъ съ разбойникомъ.

— Или со шпіономъ, — подхватила Заира.

— У насъ въ Лондонѣ шпіоновъ нѣтъ. Эта профессія никогда не могла стать твердой ногой по сю сторону канала. Хозяйка была худощавая вдова, съ цѣлымъ рядомъ фальшивыхъ локончиковъ на лбу, въ чепцѣ, украшенномъ искусственными цвѣтами, трепещущими на своихъ проволочныхъ стебляхъ. Кончикъ ея длиннаго носа былъ красноватъ, глаза стекловидные; все это намекало на употребленіе крѣпкихъ напитковъ.

— Въ этихъ комнатахъ у меня только и живетъ, что одна дама, — объяснила она, — очень умная особа, совершенная лэди, миссисъ Рауберъ, играющая главныя роли въ Шекспировскомъ театрѣ. Вы, конечно, слыхали о ней. Она знаменитая, великая женщина.

Господинъ Шикó покаялся въ своемъ невѣжествѣ. Онъ такъ долго жилъ въ Парижѣ, что ничего не слыхалъ о миссиссъ Рауберъ.

— А, — вздохнула хозяйка, — вы не знаете, какъ много вы потеряли. Роль лэди Макбетъ она исполняетъ не хуже миссисъ Сиддонсъ.

— А вы когда-нибудь видѣли миссисъ Сиддонсъ?

— Нѣтъ, но мать моя говорила мнѣ о ней. Она не могла, въ этой роли, быть выше миссисъ Рауберъ. Вамъ надо, какъ-нибудь, собраться ее посмотрѣть. У васъ пройдетъ морозъ по кожѣ.

— И она почтенная старушка? — освѣдомился Джэкъ Шикó.

— Аккуратна какъ часы. Въ церковь ходитъ каждое воскресенье, утромъ и вечеромъ. Никакихъ горячихъ ужиновъ. Корочка хлѣба, кусокъ сыра и стаканъ—это оставляются ей на столѣ; дверь отворяетъ своимъ ключомъ, ждать ее не нужно. Въ два часа, когда нѣтъ репетиціи, котлета и кружка пива; какое-нибудь простое кушанье, которое не простынетъ на печкѣ, если репетиція поздняя. Она образцовая жилица. Случайныхъ доходовъ съ нея нѣтъ, но платитъ она аккуратно, каждую субботу, настоящая лэди.

— А,—сказалъ Джэкъ,—очень пріятно. А наверху? Во второмъ этажѣ у васъ, вѣроятно, другой образецъ порядочности?

Хозяйка слегка кашлянула, точно будто у нея захватило дыханіе, глаза ея устремились на окно; она, казалось, спрашивала совѣта у сѣраго, октябрьскаго неба.

— Кто ваши верхніе жильцы?—съ оттѣнкомъ нетерпѣнія повторилъ вопросъ свой Джэкъ Шикб.

— Жильцы? нѣтъ, сэръ, у меня во второмъ этажѣ только одинъ джентльменъ. Я не отдаю квартиры семейнымъ. Дѣти—такія шаловливыя обезьянки, вѣчно бѣгаютъ, взадъ и впередъ, по лѣстницамъ, съ опасностью жизни вывѣшиваются изъ оконъ, или оставляютъ входную дверь настежь. А какъ они портятъ мебель! Никто этого не понимаетъ, кромѣ тѣхъ, кто прошелъ черезъ это испытаніе. Нѣтъ, сэръ, за послѣднія шесть лѣтъ ребенокъ не переступалъ моего порога,

— Я спрашивалъ васъ не о дѣтяхъ,—сказалъ Шикб,—а о вашемъ жильцѣ.

— Онъ не женатый джентльменъ, сэръ.

— Молодой?

— Нѣтъ, сэръ, среднихъ лѣтъ.

— Актеръ?

— Нѣтъ, сэръ. Онъ ничего не имѣетъ общаго съ театромъ.

— Чтб же онъ такое?

— Видите ли, сэръ, онъ джентльменъ, это всякому ясно, но джентльменъ, прожившій свое состояніе. По его привычкамъ видно, что у него было большое состояніе, и что онъ почти все спустилъ. Онъ не такъ аккуратно платитъ, какъ бы я того желала, но все-таки платитъ, и не причиняетъ никакого безпокойства, такъ какъ часто уѣзжаетъ на цѣлую недѣлю, причемъ, разумѣется, плата за квартиру идетъ та же.

— Ему пожалуй, это и все равно, если онъ не платитъ,—сказалъ Шикб.

— О, нѣтъ, онъ все же платитъ, сэръ. Онъ оттягиваетъ, но деньги свои я получаю. Бѣдная вдова не можетъ терять на лучшемъ изъ жильцовъ.

— Какъ зовутъ этого джентльмена?

— Мистеръ Дероль.

— Это похоже на иностранную фамилію.

— Можетъ быть, сэръ, но джентлменъ—англичанинъ. Я, вообще говоря, не имѣла почти дѣла съ иностранцами,—замѣтила хозяйка, бросивъ бѣглый взглядъ на m-me Шикб,—хотя ихъ не мало живетъ въ нашемъ околоткѣ.

Квартира была нанята, и для Джэка Шикó съ женою настал новый періодъ ихъ существованія. Въ жизни лондонской недоставало многаго, чтó дѣлало ихъ жизнь въ Парижѣ выносимой: безпечной веселости, болѣе яснаго неба, удовольствій, присущихъ *богемѣ* французской столицы, и Джэкъ Шикó чувствовалъ, что густая, черная завѣса опустилась надъ его молодостью со всѣми ея заблужденіями, а онъ остался одинъ среди холоднаго, будничнаго свѣта, измученнымъ, разочарованнымъ, преждевременно состарѣвшимся человѣкомъ. Ему недоставало веселыхъ удалыхъ товарищей, помогавшихъ ему забывать заботы. Онъ скучалъ о прогулкахъ въ экипажѣ по густому лѣсу, о поѣздкахъ въ окрестные кабачки, о веселыхъ ужинахъ тянувшихся далеко зá-полночь, о всѣхъ развлеченіяхъ, которыми изобиловала его парижская жизнь. Лондонскія удовольствія казались ему скучными, тяжелыми. Лондонскіе ужины не представляли ничего кромѣ ѣды и питья; причемъ уничтожалось слишкомъ много устрицъ, выпивалось слишкомъ много вина.

Надежды мистера Смолендо осуществились вполнѣ. Шикó произвела фуроръ на сценѣ принца Фредерика. Громадныя афиши, красовавшіяся на всѣхъ лондонскихъ аркахъ и заборахъ, достигли своей цѣли. Каждый вечеръ театръ бывалъ биткомъ набитъ.

При появленіи Шикó раздавались единодушныя рукоплесканія. Снова вдыхала она опьяняющую атмосферу успѣха; день ото дня становилась болѣе дерзкой, болѣе безпечной, тратила больше денегъ, пила больше шампанскаго, сильнѣе пристращалась къ удовольствіямъ, лести и нарядамъ. Мужъ глядѣлъ на все это съ мрачнымъ выраженіемъ въ лицѣ. Они уже не были болѣе той влюбленной парочкой, которая вышла рука объ руку изъ мэріи,—улыбающаяся, счастливая, намѣревавшаяся раздѣлить свой свадебный обѣдъ съ своими избранными друзьями. Жена бывала теперь ласкова только порывами, мужъ—всегда смотрѣлъ уныло; унынія этого ничто, кромѣ вина, изгнать изъ души его не могло, и оно, подобно семи евангельскимъ злымъ духамъ, возвращалось въ бóльшей силѣ, послѣ временнаго изгнанія. Жена любила мужа ровно настолько, чтобы обнаруживать отчаянную ревность, если онъ оказывалъ малѣйшее вниманіе другой женщинѣ. Мужъ давнымъ-давно перересталъ ревновать; онъ дорожилъ только собственной честью. Среди посѣтителей театра принца Фредерика былъ одинъ, котораго можно было встрѣчать тамъ почти каждый вечеръ. То былъ мужчина лѣтъ двадцати-пяти, высокій, широкоплечій, съ рѣзкими чертами

лица, съ соколиными глазами; одѣтый въ поношенное платье, носящій на всей своей внѣшности отпечатокъ неряшливости, но тѣмъ не менѣе смотрящій джентльменомъ. Всякому было ясно, что ничья забота не окружаетъ его, что онъ, можетъ быть, терпитъ крайнюю нужду, но какъ бы низко онъ ни палъ, все-же онъ оставался джентльменомъ.

Это былъ студентъ медицины, одинъ изъ самыхъ рьяныхъ тружениковъ въ госпиталѣ св. Ѳомы; онъ избралъ эту профессію потому, что любилъ ее, и любовь его возрастала вмѣстѣ съ его трудами. Многіе, коротко его знавшіе, утверждали, что онъ долженъ оставить слѣдъ въ исторіи своего вѣка. Онъ былъ не такой человѣкъ, чтобы имѣть быстрый успѣхъ, выдвинуться при помощи счастливаго случая. Онъ не спѣша принимался за работу, изслѣдовалъ до дна всякій колодецъ, въ который спускался, брался за каждый предметъ такъ рѣшительно, какъ-будто это — его спеціальность, предавался изученію каждаго научнаго вопроса съ лихорадочнымъ пыломъ влюбленнаго, но работалъ надъ нимъ съ упорствомъ и самоотверженіемъ греческаго атлета. Что касается обыденныхъ житейскихъ удовольствій: вина, картъ, скачекъ и всякихъ кутежей,—молодой медикъ ими совершенно пренебрегалъ. Онъ такъ рѣдко посѣщалъ театры, что тѣ изъ товарищей его, которые теперь каждый вечеръ видали его въ театрѣ принца Фредерика, удивлялись его частымъ появленіямъ въ подобномъ мѣстѣ.

— Чтó нашло на Джерарда,—восклицалъ Джо Латимеръ, обращаясь къ Гарри Броуну.—Я думалъ, онъ презираетъ балетъ, а между тѣмъ вотъ же третій разъ вижу его здѣсь; онъ смотритъ во всѣ глаза, и съ такимъ напряженнымъ вниманіемъ, точно слѣдитъ за анатомическимъ ножомъ въ рукахъ Поджета.

— Неужели ты не догадываешься, чтó это все значитъ?— воскликнулъ Броунъ:—Джерардъ влюбленъ.

— Влюбленъ!

— Да, по уши влюбленъ въ Шикó; отъ роду не видывалъ я такого несомнѣннаго случая: всѣ симптомы замѣчательно развиты; сидитъ въ первомъ ряду и смотритъ все время, пока она на сценѣ, ни на минуту глазъ съ нея не сводитъ, бредитъ о ней, намъ толкуетъ, увѣряетъ, что она самая красивая женщина, какая только жила на свѣтѣ со временъ неизвѣстной особы, служившей моделью для статуи Венеры, открытой въ пещерѣ на островѣ Милосѣ. Вотъ бы штука была—знать эту молодую особу, обнять ее, а безъ сомнѣнія кто-нибудь да обни-

малъ. Да, Джорджъ Джерардъ пропалъ, уничтоженъ. Ужъ очень это трогательно.

— А m-lle Шикó, говорятъ, замужняя женщина? — спросилъ Латимеръ.

— Замужняя. Мужъ постоянно при ней дежуритъ. Каждый вечеръ ожидаетъ ее у двери, ведущей на сцену, стоитъ у кулисъ, пока она танцуетъ. Шикó чрезвычайно положительная особа, хотя такимъ не смотритъ. А, вотъ и Джерардъ. Ну что, старина, болѣзнь достигла кризиса?

— Какая болѣзнь?—лаконически спросилъ Джерардъ.

— Лихорадка, именуемая любовью.

— Неужели вы воображаете, что я влюбленъ въ новую танцовщицу, потому только, что часто захожу сюда взглянуть на нее?

— Не могу иначе объяснить твоего присутствія здѣсь. Ты не театралъ.

— Я прихожу смотрѣть на Шикó просто потому, что она, лицомъ и станомъ, самая красивая женщина, какую я когда-либо видѣлъ. Прихожу, какъ пришелъ бы живописецъ поглядѣть на совершенство человѣческой красоты, или анатомъ — полюбоваться законченностью божьяго произведенія, существомъ вышедшимъ въ божественной мастерской—безъ единаго недостатка.

— Слыхалъ-ли ты чтó-нибудь подобное? — воскликнулъ Латимеръ.—Онъ приходитъ смотрѣть на танцовщицу и говоритъ объ этомъ, точно это какая-то религія.

— Поклоненіе красотѣ есть религія искусства,—серьёзно отвѣтилъ Джерардъ.—Я уважаю Шикó и поклоняюсь ей. У меня, на ея счетъ нѣтъ ни одной недостойной мысли.

Латимеръ слегка коснулся, двумя пальцами, своего лба, и взглянулъ на своего друга Броуна.

— Кончено!—сказалъ Латимеръ.

— Далеко зашло!—возразилъ Броунъ.

— Пойдемъ пробовать устрицы, Джерардъ, проведемъ вечеръ вмѣстѣ,—убѣдительно проговорилъ Латимеръ.

— Благодарю, нельзя. Я пойду домой и засяду за дѣло.

Они разстались, весельчаки пошли туда, куда влекла ихъ страсть къ удовольствіямъ; человѣкъ, любившій трудъ ради наслажденія, имъ доставляемаго, вернулся къ своимъ книгамъ.

Глава V.—Разочарованіе влюбленнаго.

Лора Малькольмъ осталась въ замкѣ. Викарій, мистеръ Клеръ, убѣдилъ ее отказаться отъ мысли взять квартиру въ близьлежащей деревнѣ. Жаль было бы покинуть милый старый домъ, убѣждалъ онъ ее. Домъ, предоставленный попеченіямъ прислуги, неминуемо приходитъ въ разрушеніе; въ этомъ же домѣ столько сокровищъ искусства, столько красивыхъ, дорогихъ вещей, доселѣ бывшихъ на рукахъ у Лоры. Почему бы ей не остаться въ этомъ убѣжищѣ ея юныхъ лѣтъ, до тѣхъ поръ, когда выяснится окончательно: суждено-ли ей царить въ этомъ домѣ, въ качествѣ хозяйки, или покинуть его навсегда?

— Ваше пребываніе здѣсь не стѣснитъ свободы вашего выбора,—ласково сказалъ мистеръ Клеръ,—еслибъ вы до истеченія года убѣдились, что не можете рѣшиться стать женой Джона Тревертона.

— Онъ можетъ и не сдѣлать мнѣ предложенія,—прервала его Лора съ странной улыбкой.

— Онъ его сдѣлаетъ. Онъ явится къ вамъ и предложитъ вамъ руку и сердце,—можете быть въ этомъ увѣрены, дорогая. Никакому молодому человѣку не должно быть трудно влюбиться въ такую дѣвушку, какъ вы, а мнѣ думается, что Джонъ Тревертонъ вполнѣ достоинъ привязанности любой женщины. Не вижу причины, почему бы вашему браку не быть бракомъ по любви съ обѣихъ сторонъ, несмотря на оригинальное завѣщаніе моего стараго друга.

— Боюсь, что этому никогда не бывать, — со вздохомъ отвѣчала Лора: — мистеръ Тревертонъ никогда не будетъ въ состояніи смотрѣть на меня, какъ на всякую другую женщину. Я всегда буду казаться ему преградой на пути къ его свободѣ, къ его счастью. Онъ вынужденъ выказывать притворную привязанность ко мнѣ, или отказаться отъ великолѣпнаго состоянія. Если онъ корыстолюбивъ, онъ колебаться не станетъ. Онъ возьметъ состояніе и меня, а я буду презирать его за его готовность взять жену, выбранную для него другимъ. Нѣтъ, дорогой мистеръ Клеръ, для насъ съ Джономъ Тревертономъ нѣтъ никакой надежды на счастіе.

— Дорогое дитя мое, если вы убѣждены, что этотъ бракъ не составитъ вашего счастія, вы имѣете полную возможность отказать ему,—замѣтилъ викарій.

Блѣдныя щеки Лоры вспыхнули.

— Это бы значило обречь его на нищету и пойти наперекоръ желаніямъ его двоюроднаго брата,—отвѣтила она, запинаясь.—Я бы возненавидѣла себя за подобный эгоизмъ.

— Въ такомъ случаѣ, дорогая моя, вамъ придется покориться; если вы съ Джономъ Тревертономъ и не будете такъ страстно влюблены другъ въ друга, какъ тѣ молодыя пары, которыя идутъ противъ желанія родителей и вѣнчаются тайно,—или вѣнчались, когда я былъ молодымъ человѣкомъ,—то все же вы будете наслаждаться спокойнымъ счастьемъ и уживетесь такъ же хорошо, какъ уживаются принцы и принцессы, браки которыхъ устроиваются при помощи дипломатическихъ переговоровъ, съ согласія иностранныхъ державъ.

— Извѣстно-ли вамъ что-нибудь о мистерѣ Тревертонѣ?—задумчиво спросила Лора.

— Очень немногое. Онъ единственный сынъ, кажется даже, единственное дитя. Отецъ и мать его умерли, когда онъ былъ еще мальчикомъ, надъ имуществомъ его была учреждена опека. По достиженіи совершеннолѣтія онъ получилъ порядочное состояніе и прожилъ его, какъ прожилъ бы всякій праздный молодой человѣкъ, лишенный друзей, способныхъ дать ему добрый совѣтъ, руководить имъ. Карьеру онъ началъ службой въ арміи, но, спустивъ свои деньги, оставилъ полкъ. Я не имѣю ни малѣйшаго понятія о томъ, чтó онъ дѣлалъ съ тѣхъ поръ.

Итакъ, рѣшено было, что Лора останется въ зàмкѣ, съ такимъ количествомъ слугъ, какое будетъ признано необходимымъ для содержанія всего дома въ полномъ порядкѣ; жалованье людямъ будетъ выплачиваться изъ доходовъ съ имѣнія, кормить ихъ будутъ на тѣ же деньги; сама-же Лора будетъ содержать себя на свои собственныя, скромныя средства. Она была молодая особа замѣчательно независимаго характера, рѣшимость ея была непоколебима.

— Деньги эти теперь ничьи,—говорила она.—Я не трону ни одного пенни.

Какъ ни печальны были воспоминанія, связанныя съ этимъ домомъ, какъ ни тяжела была пустота, образовавшаяся въ знакомыхъ комнатахъ съ исчезновеніемъ одного любимаго образа, какъ ни грустно молчаніе, котораго не нарушитъ уже никогда его голосу, Лорѣ пріятнѣе было остаться въ своемъ старомъ убѣжищѣ, чѣмъ покинуть его. Даже безмолвные, неодушевленные предметы, среди которыхъ она такъ долго жила, были ей близки, говорили ея сердцу. Въ чужомъ домѣ она почувствовала бы себя бездомной сиротой. Здѣсь — она всегда чув-

ствовала себя дома. Если тѣнь умершаго и бродила по комнатамъ, то этотъ призракъ—другъ ея, онъ смотритъ на нее любящими глазами. Никогда не противорѣчила она своему пріемному отцу, не пренебрегала заботами о немъ, не огорчала, не оскорбляла его. Къ ея горю не примѣшивалось угрызеній совѣсти. Она думала о немъ съ глубочайшей грустью, но безъ боли.

Викарій желалъ, чтобы миссъ Малькольмъ взяла себѣ компаньонку. Было не мало безпріютныхъ молодыхъ особъ незапятнанной репутаціи и хорошаго происхожденія, которыя, безъ сомнѣнія, съ радостью и безъ жалованья поступили бы къ ней, единственно ради пріятной, исполненной удобствъ жизни. Но Лора объявила, что ей компаньонки не требуется.

— Вы должны считать меня необыкновенно пустоголовой, если воображаете, что я не могу жить безъ молодой особы однихъ со мною лѣтъ, которая бы сидѣла противъ меня и откликалась точно эхо на всѣ мои мимолетныя фантазіи, или гуляла бы со мной и помогала мнѣ восхищаться видами, или совѣтовала бы мнѣ что̀ заказать къ обѣду,—говорила она.—Нѣтъ, дорогой мистеръ Клеръ, мнѣ не нужно другого общества, кромѣ общества Селіи, отъ времени до времени. Вы позволите ей приходить навѣщать меня очень часто, не правда-ли?

— Такъ часто, какъ вамъ будетъ угодно, или, вѣрнѣе, такъ часто, какъ ее можно будетъ освободить отъ занятій по приходу.—отвѣтилъ викарій.

— Ахъ, да, всѣ вы, въ викаріатѣ, труженики,—воскликнула Лора.

— Иные изъ насъ работаютъ довольно усердно,—со вздохомъ отвѣтилъ мистеръ Клеръ.—Желалъ бы я, чтобы сынъ мой наконецъ рѣшился, и началъ трудиться нѣсколько энергичнѣе.

— Погодите, придетъ время.

— Надѣюсь, хотя мнѣ почти надоѣло ждать этого времени.

— Онъ уменъ, онъ артистъ,—сказала Лора.

— Умъ его, однако, позволилъ ему оставить университетъ безъ ученой степени, а артистическимъ способностямъ не прокормить его,—съ горечью отвѣтилъ викарій.

Этотъ единственный сынъ викарія былъ для него вѣчнымъ источникомъ мученій. Эдуардъ Клеръ—общій любимецъ, никому не вредитъ онъ кромѣ самого себя. Такъ говорили о немъ на деревнѣ. Онъ былъ красивъ, уменъ, симпатиченъ, но лишенъ всякой устойчивости. Онъ былъ похожъ на перо, носимое по волѣ вѣтра. Ему доселѣ не удалось найти ту работу, для испол-

ненія которой онъ присланъ въ этотъ міръ, но онъ очень скоро догадался, на какую работу онъ не годится. Такъ, въ университетѣ онъ нашелъ, что общій курсъ англійскаго классическаго образованія не соотвѣтствуетъ исключительному складу его ума. Гораздо бы лучше пошелъ онъ въ Гейдельбергѣ или въ Боннѣ! Открытіе это онъ сдѣлалъ уже тогда, когда потерялъ три года въ Оксфордѣ, и стоилъ отцу своему около тысячи фунтовъ.

Викарій желалъ, чтобы его единственный сынъ вступилъ въ ряды служителей церкви; Эдуарда и воспитывали въ этихъ видахъ; но послѣ своей неудачи съ полученіемъ степени, Эдуардъ понялъ, что служеніе церкви противно его совѣсти. Взгляды его слишкомъ широки.

— Человѣкъ, поклоняющійся Эрнесту Ренану такъ горячо, какъ покланяюсь ему я, не имѣетъ права быть пасторомъ,—съ милой откровенностью объявилъ Эдуардъ, и бѣдному мистеру Клеру пришлось отказаться отъ своихъ любимыхъ надеждъ, потому только, что сынъ его—поклонникъ Ренана. Остановившись на этомъ рѣшеніи, Эдуардъ остался дома, много, хотя безо всякой системы, читалъ, немного писалъ, въ хорошую погоду рисовалъ съ натуры, удилъ рыбу, ходилъ на охоту, вообще проводилъ время самымъ пріятнымъ образомъ, причемъ лучшими днями его жизни были тѣ, которые проводилъ онъ въ за́мкѣ.

Джасперъ Тревертонъ искренно уважалъ викарія и любилъ сына ради отца. Эдуардъ всегда былъ желаннымъ гостемъ въ за́мкѣ при жизни старика, а такъ какъ сестра его была лучшимъ другомъ Лоры Малькольмъ, то вполнѣ естественно, что молодой человѣкъ часто бывалъ въ обществѣ Лоры.

Теперь же на его посѣщенія милаго стараго за́мка, гдѣ онъ всегда чувствовалъ себя какъ дома, библіотеки, въ которой любилъ читать, сада, на правильныхъ дорожкахъ котораго съ такимъ наслажденьемъ выкуривалъ свою сигару, былъ наложенъ неожиданный запретъ. Миссъ Малькольмъ дала ему понять, черезъ посредство сестры, что не считаетъ себя болѣе въ правѣ принимать его. Дружба ея къ нему нимало не уменьшилась, но теперь ему уже неприлично заходить во всякое время или проводить половину своихъ вечеровъ въ библіотекѣ, какъ въ былые дни.

— Не понимаю, къ чему ведутъ подобныя стѣсненія между старыми друзьями,—съ обиженнымъ видомъ замѣтилъ Эдуардъ.— Мы съ Лорой точно братъ и сестра.

— Очень можетъ быть, Недъ; но вѣдь всѣ знаютъ, что ты и Лора не братъ съ сестрой; я думаю, что въ Газльгёрстѣ най-

дется не мало людей, полагающихъ, что ты питаешь къ ней чувство гораздо болѣе сильное, чѣмъ братская привязанность. Еслибъ мы съ ней тонули, я знаю, которую изъ насъ ты попытался-бы спасти.

— Ты умѣешь плавать,—проворчалъ Эдуардъ, вспомнивъ знаменитый отвѣтъ Талейрана.—Что-жъ, мнѣ остается покориться судьбѣ. Миссъ Малькольмъ, конечно, считаетъ себя невѣстой таинственнаго наслѣдника, который, повидимому, не торопится со своимъ ухаживаньемъ. Еслибъ старикъ Тревертонъ завѣщалъ мнѣ подобную надежду, я бы ухватился за нее, не колеблясь ни минуты.

— А меня такъ восхищаетъ деликатность, побуждающая мистера Тревертона держаться первое время нѣсколько въ тѣни,— замѣтила Селія.

— Почему ты знаешь, что его удерживаетъ деликатность?— воскликнулъ Эдуардъ.—Почему ты знаешь, что не какой-нибудь романъ, а можетъ быть и унизительная связь, вообще, что не какія-нибудь прежнія отношенія, или обязательства, связываютъ ему руки и мѣшаютъ идти дальше съ Лорой? Ни одинъ человѣкъ въ мірѣ, не будучи къ тому вынужденъ, не могъ бы пренебречь подобнымъ случаемъ или рисковать своими надеждами на успѣхъ. Если онъ оскорбитъ Лору, она именно такая дѣвушка, что можетъ отказать ему, несмотря на всѣ соображенія на счетъ богатства.

— Не думаю, чтобы она такъ поступила, не имѣя на то особенно серьёзныхъ причинъ. Въ Лорѣ очень сильно говоритъ чувство долга, а она считаетъ своимъ долгомъ, по отношенію къ пріемному отцу, содѣйствовать осуществленію его желаній. Я думаю, что она бы пожертвовала этому долгу своей личной склонностью.

— Это значитъ: заходить слишкомъ далеко,—съ неудовольствіемъ замѣтилъ Эдуардъ.—Я начинаю думать, что она влюбилась въ этого господина, хотя онъ и блеснулъ здѣсь какъ метеоръ.

— Онъ провелъ здѣсь около двухъ недѣль,—замѣтила Селія,—и Лора видѣлась съ нимъ нѣсколько разъ. Я не хочу сказать, чтобы она была влюблена въ него; у нея слишкомъ много здраваго смысла, чтобы такъ быстро влюбиться,—но я увѣрена, что онъ ей не противенъ.

— Ну, тамъ, гдѣ начинается любовь, здравому смыслу конецъ. Я такъ думаю, что она влюблена въ него; неужели она тебѣ въ этомъ не признавалась, Селія? дѣвушки любятъ толковать о подобныхъ вещахъ.

— Ну что ты смыслишь о дѣвушкахъ?

— Ровно ничего. У меня есть сестрица, принадлежащая къ этой породѣ: эта всегда у меня подъ рукой, могу снимать съ нея копіи. Ну-ка, Селія, будь разъ въ жизни доброй сестрой. Что тебѣ говорила Лора о Джонѣ Тревертонѣ?

— Ничего. Она особенно сдержанна относительно этого вопроса; я знаю, что онъ ей непріятенъ, а потому рѣдко касаюсь его.

— Счастливецъ же онъ. Отъ роду не ненавидѣлъ я никого такъ, какъ ненавижу его. У меня сидитъ въ головѣ, ни на чемъ кромѣ моего инстинкта не основанная мысль, что онъ—негодяй.

— Безотчетныя мысли, это—убѣжденія, совпадающія съ нашими желаніями,—не такъ ли? философствовала Селія.—Мнѣ отъ души тебя жалко, дорогой Недъ; я знаю, что ты любишь Лору; тебѣ должно быть очень тяжело сознавать, что ее завѣщали другому. Но серьёзно, женился ли бы ты на ней, еслибъ она ничего не имѣла, кромѣ своего личнаго, незначительнаго дохода?

— Шесть тысячъ фунтовъ вѣрнаго дохода,—задумчиво проговорилъ Эдуардъ.—Недалеко бы ушли съ этимъ молодой человѣкъ и молодая женщина, отличающіеся утонченнымъ вкусомъ. Какъ бы мы нѣжно другъ друга ни любили, какъ бы мы ни были счастливы, я боюсь, Селія, что мы умерли бы съ голоду, причемъ единственное наслѣдство дѣтей нашихъ заключалось бы въ самомъ законномъ правѣ ихъ на пособіе изъ приходскихъ суммъ. Я думалъ, что этотъ противный старикашка щедро обезпечитъ ее.

— Ты не имѣлъ никакого права это предполагать, зная, что онъ поклялся ей ничего не оставить.

— Всегда нашлась бы возможность какъ-нибудь обойти это. По-моему, его завѣщаніе просто постыдное: какъ не совѣстно принуждать благородной души дѣвушку выходить за человѣка, выбраннаго имъ,—человѣка, котораго онъ самъ ни разу не видалъ, когда составлялъ завѣщаніе.

— Онъ, однако, пожелалъ видѣть передъ смертью молодого мистера Тревертона. Я увѣрена, что если бы тотъ произвелъ на него неблагопріятное впечатлѣніе, онъ, въ послѣднюю минуту, измѣнилъ бы свое завѣщаніе.

Разговоръ этотъ происходилъ почти черезъ четыре мѣсяца по смерти Джаспера Тревертона. Изгороди начинали зеленѣть, птицы съѣли всѣ до послѣдняго цвѣты шафрана, фіалки были въ полномъ цвѣту, трава росла такъ быстро, что ее приходилось скашивать каждую недѣлю; садъ зáмка представлялъ пріятное мѣсто для прогулки, съ его покрытыми цвѣтомъ деревьями и

распускающимися цвѣтами; пѣніе птицъ оживляло его, онѣ весело сообщали другъ другу, что наконецъ настала настоящая весна, что зимніе дни и твердая какъ камень, окованная морозомъ, земля, составляютъ уже достояніе прошлаго.

Эдуардъ Клеръ считалъ себя самымъ несчастнымъ молодымъ человѣкомъ. Онъ былъ красивъ; мало того, по общему приговору его интимнаго кружкà, онъ былъ замѣчательно хорошъ собой; онъ былъ умнѣе и образованнѣе большинства молодыхъ людей его лѣтъ и его круга. Если онъ до сихъ поръ ничѣмъ еще не заявилъ себя, то этому причина—никакъ не недостатокъ способностей,—самодовольно говорилъ онъ себѣ. Онъ просто не принимался еще за дѣло. Онъ не считалъ, что обязанность каждаго человѣка принимать возможно бóльшее участіе въ суммѣ общаго труда. Такой способный молодой человѣкъ, какъ онъ, можетъ посмотрѣть пока въ сторонкѣ, какъ другіе работаютъ, сознавая, что эту работу онъ выполнилъ бы гораздо лучше ихъ, еслибъ только за нее взялся.

Четыре года тому назадъ, при первой его поѣздкѣ въ Оксфордъ, онъ рѣшилъ, что будетъ мужемъ Лоры Малькольмъ. Джасперъ Тревертонъ, конечно, оставитъ ей прекрасное состояніе, вѣроятно даже все свое помѣстье. Должно быть, есть множество средствъ обойти эту глупую клятву. Старикъ могъ оставить свое имущество Лорѣ по дарственной записи. Онъ могъ оставить его въ рукахъ душеприказчиковъ, для ея свободнаго пользованія доходами, съ него получаемыми. Такъ или иначе, она будетъ его наслѣдницей. Эдуардъ былъ въ этомъ совершенно убѣжденъ, видя глубокую привязанность Джаспера къ его пріемной дочери. А потому, когда молодой студентъ замѣтилъ, что онъ начинаетъ влюбляться въ прелестное личико Лоры, въ ея милыя манеры, то онъ и не сталъ бороться съ Купидономъ, могущественнѣйшимъ изъ завоевателей. Влюбиться въ Лору значило вступить на широкую дорогу, ведущую къ житейскимъ успѣхамъ, и притомъ гораздо болѣе прямымъ путемъ, чѣмъ ведетъ къ нимъ церковь или адвокатура. Съ объясненіемъ онъ не спѣшилъ, онъ не былъ увлекающимся молодымъ человѣкомъ, напротивъ, онъ дѣйствовалъ всегда медленно и осторожно. Сдѣлать Лорѣ предложеніе и получить отказъ, значило бы лишиться ея общества. Онъ думалъ, что нравится ей, но желалъ окончательно убѣдиться въ силѣ ея чувства, прежде чѣмъ открыто объявить себя ея обожателемъ. Его положеніе въ качествѣ ея друга было слишкомъ выгодно, чтобы необдуманно поставить его на карту.

Глава VI.—Шикѐ поставила на своемъ.

Медленно, неохотно, уползла зима въ свою берлогу, предоставивъ мѣсто свѣжей, непріятной веснѣ. То была самая длинная, самая печальная зима, какую только когда-либо переживалъ Джэкъ Шикѐ. Онъ не удивлялся болѣе тому, что, по понятіямъ живущихъ на материкѣ, самоубійство составляетъ естественное послѣдствіе лондонскихъ тумановъ. Никогда не чувствовалъ онъ большей склонности къ самоуничтоженію какъ въ туманные декабрьскіе вечера, въ мрачныя январьскія сумерки, когда онъ шагалъ по скучнымъ, сѣрымъ улицамъ, подъ унылымъ, сѣрымъ небомъ, куря свою сигару и размышляя о томъ, въ какую печальную развалину превратился онъ самъ, а также и вся жизнь его. А десять лѣтъ тому назадъ онъ выступилъ на шумную житейскую арену съ такими яркими надеждами, съ такимъ почтеннымъ честолюбіемъ, съ такой дерзкой увѣренностью въ будущемъ, которое должно было дать ему все, чтó есть лучшаго въ мірѣ. Чего онъ достигъ? Чѣмъ онъ сталъ? *Мужемъ Шикѐ*, т.-е. существомъ, которое само по себѣ на столько ничтожно, безполезно, неизвѣстно, что никто никогда не давалъ себѣ труда освѣдомиться о его настоящемъ имени. Имя жены его—имя, прославленное танцовщицей, богиней студентовъ-медиковъ и различныхъ клерковъ,—годилось и для него. Самъ по себѣ онъ былъ—ничто. Онъ былъ только мужъ Шикѐ, женщины, которая пила какъ рыба. Это было тяжелое положеніе для человѣка, въ которомъ чувство стыда не было совершенно убито. Въ пользу Джэка Шикѐ говорило уже то, что въ этотъ періодъ его жизни, когда отчаяніе впустило свои когти въ его наболѣвшее сердце, когда любовь и симпатія уступили мѣсто безмолвной и тайной ненависти, онъ не былъ однако ни жестокъ, ни рѣзокъ съ женою. Никогда не говорилъ онъ ей суроваго, ѣдкаго слова; пока въ немъ жила хотя слабая вѣра въ ея способность къ исправленію, онъ усовѣщивалъ ее, говорилъ съ ней о ея безумныхъ привычкахъ, говорилъ всегда сдержанно, часто очень ласково; а когда увидѣлъ, что на перемѣну нѣтъ надежды, то замолчалъ и ни въ чемъ не укорялъ ее.

Она еще не нанесла ему того оскорбленія, которое честь запрещаетъ мужу прощать. Настолько она была вѣрна ему, и любила его по-своему; кидалась на него какъ фурія, когда была ни трезва, ни пьяна, и называла его своимъ ангеломъ, своей кошечкой въ припадкахъ глупой нѣжности, когда, бывало,

всласть напьется. Онъ, который такъ часто ссорился съ ней, прежде чѣмъ возненавидѣлъ ее, могъ теперь выносить ея буйство и оставаться спокойнымъ. Онъ не умѣлъ дать волю своему гнѣву, который могъ увлечь его невѣдомо куда. Онъ чувствовалъ то же, что̀ чувствуетъ человѣкъ, стоящій на краю черной пропасти, съ завязанными глазами, но сознающій, что пропасть тутъ, у ногъ его. Одинъ невѣрный шагъ можетъ быть роковымъ. Что касается до спроса на его маленькіе таланты, то ему болѣе посчастливилось въ этомъ мрачномъ Лондонѣ, чѣмъ въ оплакиваемомъ имъ Парижѣ. Онъ получилъ постоянное мѣсто рисовальщика при одномъ изъ юмористическихъ изданій; каррикатуры, которыя онъ набрасывалъ въ то время, какъ сердце его ныло отъ горя, а голова горѣла, забавляли праздную лондонскую молодежь, напоминая ей Кама и Гаварни. При помощи своего карандаша онъ заработывалъ около двухъ фунтовъ въ недѣлю, что было болѣе чѣмъ достаточно, и удовлетворяло всѣмъ его потребностямъ; Шико могла все свое жалованье тратить на себя, что̀ ей было вполнѣ по душѣ. Каждый вечеръ въ ея уборной бывала бутылка шампанскаго, она допивала ее, прежде чѣмъ выходила на сцену для своего большого па̀. Пока она воздерживалась отъ водки, это еще равнялось трезвости. Она была женщина съ очень ограниченными понятіями, и подобно тому, какъ въ Санъ-Франциско одно шампанское считается виномъ, напитки болѣе низкаго разбора не удостоиваются этого благороднаго имени,—такъ и по мнѣнію Шико шампанское было единственное вино, которое стоило пить. Когда она чувствовала, что его возбуждающаго дѣйствія для нея недостаточно, она прибавляла въ него водки, и тогда Шико слѣдовало избѣгать.

Зима, въ этомъ году, была продолжительная. Хотя зеленые скаты всѣхъ сельскихъ дорожекъ и всѣ ложбины среди обнаженнаго лѣса были уже усѣяны бѣлой буквицей и фіалками, зимній вѣтеръ все еще потрясалъ деревья въ лѣсу и рѣзко завывалъ среди лондонскихъ дымовыхъ трубъ.

Наступилъ мартъ, вѣтеръ продолжалъ завывать какъ левъ до самаго начала апрѣля.

Мартъ былъ сухой, пыльный, холодный, щедрой рукой сѣявшій смерть и кораблекрушенія, отвратительный мартъ, болѣе способный внушать людямъ мысль о самоубійствѣ, чѣмъ даже ноябрьскіе туманы.

Но и этому печальному марту пришелъ конецъ. Лондонскій *сезонъ* вступилъ уже въ свои права. Шико привлекала теперь не только студентовъ-медиковъ, клерковъ, молодежь изъ военнаго

министерства, но и цвѣтъ аристократіи—верхній слой ягодъ въ общественной корзинкѣ, гвардейцевъ, носившихъ перчатки, № которыхъ былъ 9½, изнѣженныхъ франтовъ, щеголявшихъ въ дамскихъ перчаткахъ на четыре пуговицы № 6¾,—существъ до такой степени изнѣженныхъ, что одно слово, шопотомъ сказанное, черезъ телефонъ, могло унести ихъ на край земли. Представители этихъ двухъ противоположныхъ породъ, атлеты и эстетики, или, другими словами, силачи, наѣздники, гребцы, охотники и кулачные бойцы съ одной стороны и составители коллекцій фарфора, помѣшанные на искусствѣ, вообще люди, по своимъ качествамъ подходившіе къ породѣ ручныхъ кошекъ, съ другой, встрѣчались и смѣшивались въ партерѣ театра принца Фредерика, ни въ чемъ иномъ не походя другъ на друга, какъ только въ оцѣнкѣ таланта Шико.

Въ началѣ апрѣля мистеръ Смолендо поставилъ новый балетъ, смѣшной и нелѣпый по сюжету, какъ большая часть подобныхъ произведеній, но по части декорацій, костюмовъ и сценическихъ эффектовъ, долженствовавшій превзойти всѣ балеты, какіе только когда-либо давались на сценѣ этого театра. Все въ новомъ балетѣ было разсчитано на прославленіе Шико. Она была центральной фигурой въ картинѣ, «Малой Медвѣдицей» сценическаго неба, всѣ головы склонялись передъ ней; главныя танцовщицы были ея прислужницами, сотня фигурантовъ распростиралась передъ ея трономъ, полтораста статистовъ, нарочно приглашенныхъ для этого торжественнаго представленія, преклонялись къ ея ногамъ. Заключительная картина, постановка которой обойдется мистеру Смолендо такъ дорого, что онъ боится и останавливаться на этой мысли, была апоѳеозъ Шико.

Красивая, бойкая, полупьяная крестьянка поднималась на небо при помощи цѣлаго механическаго приспособленія, сдѣланнаго изъ желѣза. Зрѣлище было удивительное. Атлеты называли его «славной штукой». Эстетики замѣчали, что оно «невыразимо-трогательно».

Заключительная картина эта должна была изображать коралловыя пещеры Индійскаго океана. Шико была сирена, привлекавшая пловцовъ, зазывавшая ихъ на погибель подъ волнами. Она жила въ украшенной драгоцѣнными каменьями пещерѣ, въ покоѣ, сверкавшемъ сафирами, изумрудами, лапись-лазули, залитомъ радужнымъ свѣтомъ, среди котораго она и ея сестры сирены, въ своихъ золотыхъ, блестящихъ, чешуйчатыхъ костюмахъ, танцовали, ни на минуту не останавливаясь. Въ концѣ, она

поднималась среди цѣлаго океана голубаго газа, въ движущейся рамкѣ изъ розовыхъ кораллововъ.

Машина, на которой она совершала свой полетъ, отличалась довольно сложнымъ устройствомъ и требовала самой тщательной работы со стороны театральнаго плотника. Покуда машина правильно дѣйствовала, она не представляла никакой опасности, но малѣйшая задержка, самая легкая небрежность въ управленіи ею, могли повлечь за собой опасность и даже имѣть роковыя послѣдствія.

— Мнѣ эта штука вовсе не нравится,—сказалъ Джэкъ Шико, когда увидѣлъ жену свою одѣтую въ будничное платье, съ обшитымъ кружевомъ носовымъ платкомъ, завязаннымъ у подбородка, на подобіе кокетливаго ночного чепца, поднимающейся къ потолку среди пыли и мрака, неразлучныхъ съ репетиціей.— Эта вещь мнѣ кажется опасной. Не можете-ли вы обойтись безъ нея, Смолендо?

— Невозможно; это лучшій нумеръ во всей сценѣ. Опасности никакой, увѣряю васъ. Робертсъ—лучшій плотникъ въ Лондонѣ.

Люди, служившіе мистеру Смолендо, были всегда лучшими въ своемъ родѣ. Онъ имѣлъ способность добыть себѣ первоклассные таланты всѣхъ родовъ, отъ примадонны до завѣдывающаго газовыми рожками включительно.

— Онъ, кажется, толковый, но, говорятъ, характерный человѣкъ.

— Талантливые люди никогда не отличаются хорошими характерами,—небрежно отвѣтилъ Смолендо.—Любезность—добродѣтель дураковъ.

Господинъ Шико не поддался этимъ убѣжденіямъ. Онъ отозвалъ жену въ сторону и умолялъ ее отказаться отъ этого полета въ коралловой бесѣдкѣ.

— Какъ бы не такъ,—коротко отвѣтила она.—Я знаю, что̀ мнѣ къ лицу. Я буду прелестна съ распущенными по плечамъ волосами въ этой коралловой рамкѣ. Тебѣ нечего бояться, другъ мой. Опасности нѣтъ. Да еслибъ я и убилась,—право, я не думаю, чтобы это разбило твое сердце. Давно уже ты настолько не дорожишь мной.

Она щелкнула пальцами передъ его носомъ, съ однимъ изъ ей одной свойственныхъ смѣлыхъ жестовъ, казавшихся особенно очаровательными постороннимъ. Джэкъ Шико содрогнулся. Да, это ужасная истина. Ея смерть была бы его освобожденіемъ изъ неволи. Ея смерть? Узналъ-ли бы онъ себя, повѣрилъ-ли бы въ

свое тождество, еслибъ она умерла и если бы онъ снова получилъ возможность ходить по всему свѣту, сталъ господиномъ самого себя, имѣлъ свои надежды, свои честолюбивыя цѣли, носилъ свое имя, не стыдился смотрѣть людямъ въ лицо, не былъ бы болѣе извѣстенъ подъ именемъ мужа Шико?

Онъ серьёзно убѣждалъ ее оставить въ покоѣ машину, возносившую ее до театральнаго неба. Къ чему ей рисковать? Любая корифейка годится на это, увѣрялъ онъ.

— Да, и корифейка выкажетъ свою красоту и получитъ всѣ рукоплесканія. Я не такая дура, чтобы предоставить ей эту возможность. Не теряй словъ, по-пусту, Джэкъ. Я намѣрена это сдѣлать.

— Разумѣется,—съ горечью отвѣтилъ онъ,—развѣ ты когда-нибудь отказалась отъ каприза, чтобы доставить мнѣ удовольствіе.

— Можетъ быть, и никогда. Я существо капризное. По капризу вышла я за тебя замужъ, и ты по капризу женился на мнѣ, а теперь мы обѣ искренно надоѣли другъ другу. Жалко, не правда-ли?

— Я стараюсь исполнять мой долгъ передъ тобой, другъ мой,—серьёзно, со вздохомъ, отвѣтилъ онъ.

Разумѣется, Шико настояла на своемъ, будучи одной изъ тѣхъ женщинъ, которыя, разъ принявъ какое-либо рѣшеніе, уже не могутъ отказаться отъ него, какъ горный потокъ, разлившійся отъ дождей, не можетъ измѣнить направленія своего теченія. Новый балетъ имѣлъ успѣхъ, заключительная картина была торжествомъ Шико. Она точно была прелестна, поза ея была безукоризненнѣе всѣхъ позъ, когда-либо приданныхъ мраморнымъ статуямъ; она стояла, съ поднятыми надъ головой, полными, бѣлыми руками и отбрасывала назадъ свѣсившіяся коралловыя вѣтви, причемъ ея длинные, черные волосы окутывали ее всю, на подобіе мантіи. Эти большіе, роскошные волосы были одной изъ ея главныхъ прелестей, ихъ можно было запомнить, несмотря на то, что все въ ней было прекрасно.

Машина работала великолѣпно. Въ первый вечеръ Джэкъ стоялъ за кулисами, встревоженный, бдительный.

Отрывокъ изъ разговора за его спиной, долетѣвшій до него въ ту самую минуту, когда коралловая бесѣдка поднималась, не долженъ былъ его успокоить.

— Нынче все идетъ прекрасно,—сказалъ одинъ изъ театральныхъ машинистовъ своему помощнику,—они оба трезвы, но когда она пьяна, и онъ пьянъ, тогда да сжалится Господь надъ нею.

Джэкъ отправился разыскивать мистера Смолендо, какъ только опустился занавѣсъ.

— Что-жъ,—восклицалъ сіяющій режиссёръ,—успѣхъ блистательный. Денежки къ намъ въ руки поплывутъ. Триста вечеровъ выдержитъ у меня это представленіе.

— Мнѣ крайне не нравится этотъ полетъ жены. Я только-что слышалъ, что человѣкъ, управляющій машиной, пьяница.

— Голубчикъ мой, весь этотъ народъ пьетъ,—весело отвѣтилъ Смолендо.—Но Робертсъ сокровище. За дѣломъ—онъ всегда трезвъ.

Снова Джэкъ попытался уговорить жену; попытка эта оказалась столь же тщетной, какъ и прежняя.

— Еслибъ ты не былъ глупецъ, ты бы заставилъ Смолендо платить мнѣ пять фунтовъ въ недѣлю лишнихъ, ради опасности, которой я подвергаюсь, вмѣсто того, чтобы приставать съ этимъ ко мнѣ,—рѣшила она.

— Я не намѣренъ превращать вопросъ о твоей безопасности въ денежный,—отвѣтилъ онъ, и послѣ этого между ними уже болѣе не было рѣчи о полетѣ въ коралловой бесѣдкѣ; тѣмъ не менѣе, слова машиниста преслѣдовали Джэка Шикó.

«Когда она пьяна». Горько было вспомнить эти слова. Хотя привычки жены уже давно были ему извѣстны, его коробило при мысли, что всѣмъ и каждому,—самому послѣднему изъ театральныхъ прислужниковъ,—знакомы ея пороки.

Въ концѣ апрѣля у Шикó была серьёзная ссора съ женой. Возникла она изъ-за свертка, оставленнаго у дверей, ведшихъ на сцену, для доставленія танцовщицѣ; въ сверткѣ заключался золотой браслетъ, въ кожаномъ футлярѣ, на которомъ было оттиснуто имя одного изъ самыхъ модныхъ и дорогихъ ювелировъ Уэстъ-Энда. Не было никакихъ указаній на то, откуда это приношеніе; но на узенькой полоскѣ бумаги, спрятанной подъ массивнымъ, золотымъ обручемъ, было нацарапано плохимъ, мелкимъ почеркомъ:

«Приносится въ знакъ благоговѣнія предъ геніемъ».

Шикó съ торжествомъ отнесла домой подарокъ и показала его мужу; солидный золотой обручъ, плоскій, широкій, массивный, напоминавшій звено цѣпи, отличавшійся строгой простотой, красовался на ея полной, бѣлой рукѣ. То было украшеніе, достойное древне-греческой танцовщицы.

— Ты, разумѣется, отошлешь его,—сказалъ Джэкъ, хмуро поглядывая на подарокъ.

— Но, другъ мой, куда же мнѣ отослать его?

— Ювелиру. Онъ долженъ знать своего покупателя.

— Я не такъ проста. Принять анонимный подарокъ ровно ничего не значитъ. Я, разумѣется, оставлю его у себя.

— Не думалъ я, чтобы ты пала такъ низко.

Шикό на это отвѣтила дерзостью, съ обѣихъ сторонъ посыпались очень крупныя выраженія. Дама оставила у себя браслетъ; джентльменъ на слѣдующій же день отправился къ ювелиру, изъ мастерской котораго происходилъ браслетъ, и старался выпытать у него имя покупателя.

Ювелиръ былъ чрезвычайно вѣжливъ, но памяти не имѣлъ никакой. Джэкъ Шикό тщательно описалъ браслетъ, но ювелиръ сталъ увѣрять его, что онъ, въ теченіи недѣли, продалъ такихъ дюжину.

— Я полагаю, что вы ошибаетесь,—сказалъ Шикό, фасонъ этого браслета совершенно необыкновенный. Я никогда не видалъ подобнаго,—и онъ повторилъ свое описаніе.

Ювелиръ съ кроткой улыбкой покачалъ головой.

— Фасонъ, правда, новый,—сказалъ онъ,—но могу васъ увѣрить, что мы продали ихъ нѣсколько, вполнѣ соотвѣтствующихъ вашему описанію. Мнѣ совершенно невозможно припомнить...

— Понимаю,—сказалъ Шикό,—вамъ неугодно выдать выгоднаго покупателя. Я думаю, что и назначеніе браслета вамъ извѣстно. Магазины, подобные вашему, наврядъ ли бы процвѣтали, еслибъ не относились снисходительно къ порокамъ своихъ патроновъ.

Пустивъ въ ювелира этой стрѣлой, Шикό вышелъ изъ магазина.

Онъ возвратился къ себѣ на квартиру съ тѣмъ, чтобы уложить свои вещи въ небольшой чемоданчикъ и затѣмъ отправиться куда глаза глядятъ. На что его женѣ заботы мужа? Она не желала ни принимать его совѣтовъ, ни подчиняться ему. Она избрала свой путь въ жизни и пойдетъ по этому пути до роковаго конца. Неужели его слабая рука преградитъ ей дорогу? Въ глазахъ этой дочери народа, съ ея притупившейся совѣстью и непреоборимой волей, эта рука значила не болѣе соломенки, валявшейся у нея подъ ногами.

— Отнынѣ я съ нею покончилъ,—сказалъ онъ себѣ.—Законъ не разведетъ насъ такъ, какъ развела она. Если она забудетъ свои обязанности относительно меня, законъ разлучитъ насъ. Я буду безпощаденъ.

Пока онъ укладывалъ свой чемоданчикъ, въ головѣ его блес-

нула мысль. То была ужасная мысль, онъ поблѣднѣлъ отъ нея въ первую минуту, но тѣмъ не менѣе принялъ ее къ сердцу. Онъ уѣзжалъ на неопредѣленное время. Онъ учредитъ надъ женою надзоръ. Ея нахальство, ея дерзость возбудили въ немъ самыя мрачныя подозрѣнія. Женщина, бросающая ему въ лицо такой открытый вызовъ, должна быть способна на все.

— Кому могу я довѣриться,—спрашивалъ онъ себя, прерывая свои приготовленія и стоя на колѣняхъ передъ открытымъ чемоданомъ.—Хозяйкѣ—миссиссъ Эвитъ? Нѣтъ, она хитрая и, къ тому же, у нея слишкомъ длинный языкъ. Стаканъ грога развяжетъ этотъ языкъ во всякое время, и она выдастъ меня женѣ. Мнѣ нуженъ мужчина. Дероль! Да, какъ разъ годится, у него всѣ качества необходимыя для этого ремесла.

Шико заперъ чемоданъ свой на ключъ, затянулъ ремни, и вынесъ его на площадку лѣстницы. Затѣмъ онъ бѣгомъ поднялся во второй этажъ, и постучалъ въ дверь первой комнаты.

— Войдите,—сказалъ слабый голосъ, и Джэкъ Шико вошелъ.

Въ комнатѣ пахло водкой и старыми сигарами; сама же она была еще болѣе жалкая, чѣмъ гостиная перваго этажа, плачевная копія съ этого плачевнаго оригинала. Замѣтно было то же покушеніе на убранство, потускнѣвшее дерево, пестрыя ситцевыя занавѣски и таковые же чахлы на стульяхъ, съ розами и лиліями, почти исчезнувшими подъ слоемъ грязи. Дешевый коверъ былъ совершено изношенъ и представлялъ цѣлую пустыню канвы, съ мелькающимъ тамъ и сямъ оазисомъ въ видѣ отцвѣтшей вышивки, намекавшимъ на прежнее богатство почвы. Окна потускнѣли отъ лондонской грязи и лондонскаго дыма, и придавали еще болѣе мрачный видъ холодному небу и темной улицѣ, которыми можно было любоваться черезъ ихъ стекла. Потрескавшійся и нависшій потолокъ побурѣлъ отъ многолѣтняго дыма. Грязь была преобладающимъ впечатлѣніемъ, которое комната эта оставляла въ умѣ посѣтителя.

На старомъ диванѣ лежалъ настоящій хозяинъ квартиры и блаженно дремалъ; нумеръ «Daily Telegraph» выскользнулъ изъ его ослабѣвшей руки. Остатки холостого завтрака, на половину опорожненная яичная скорлупа, обломки жаренаго хлѣба, треснувшая кофейная чашка, свидѣтельствовали, что онъ еще недавно утолялъ свой голодъ.

Онъ лѣниво приподнялся со смятой подушки и, уставившись на гостя, продолжительно и громко зѣвнулъ.

— Милый мой!—воскликнулъ онъ:—такъ рано! Что случилось, что вы поднялись этакую рань?

Наружность его была недюжинная. Онъ былъ высокъ, широкоплечъ, съ худыми, мускулистыми руками, прямымъ носомъ, большими, нѣсколько выдающимися потускнѣвшими глазами, бѣлки которыхъ были залиты кровью отъ многолѣтняго прожиганія жизни, жидкими сѣдыми волосами, которые онъ носилъ очень длинными, съ цѣлью сдѣлать ихъ скудость менѣе замѣтной, съ цвѣтомъ лица, имѣющимъ какой-то свинцовый оттѣнокъ съ прибавкой къ этому желчныхъ пятенъ,—то былъ цвѣтъ лица человѣка, для котораго свѣжій воздухъ есть рѣдкая роскошь,—съ тонкими губами и высокимъ, узкимъ лбомъ. На немъ былъ надѣтъ потертый сюртукъ, застегнутый на всѣ пуговицы, истрепанный, черный атласный галстухъ, сѣрыя панталоны, туго-натянутыя поверхъ старыхъ сапогъ,—сапогъ, начавшихъ свою карьеру въ качествѣ бальныхъ.

Несмотря на жалкую одежду свою, человѣкъ этотъ такъ и смотрѣлъ джентльменомъ. Въ томъ, что этотъ джентльменъ палъ такъ низко, какъ только можетъ пасть человѣкъ благовоспитанный внѣ стѣнъ долговой тюрьмы, не было никакого сомнѣнія. Порокъ наложилъ на него свою печать, наложилъ такъ глубоко, что самое клеймо преступника не больше этой печати отлучило бы его отъ всего добропорядочнаго. Надо было быть очень молодымъ и совершенно лишеннымъ житейскаго опыта, чтобы довѣрять господину Деролю какое-либо хорошее дѣло. Но Джэкъ Шико выказалъ большую проницательность, избравъ Дероля, въ качествѣ подходящаго орудія, для исполненія грязной работы. Онъ былъ изъ того же матеріала, изъ котораго сдѣланъ французскій «мушаръ».

— Я очень встревоженъ, Дероль,—отвѣтилъ Джэкъ, падая на стулъ.

— Дорогой мой, тревога—наше нормальное состояніе въ этой жизни,—лѣниво отвѣтилъ Дероль:—мудрѣйшій изъ евреевъ хорошо это зналъ. Человѣкъ рожденъ для горя, подобно тому какъ искра летитъ кверху. Самое большое, что̀ можетъ посовѣтовать философія, это—относиться къ горю какъ можно легче, какъ отношусь я. Всѣ житейскія бѣды прошли по моему многогрѣшному тѣлу, но я не раздавленъ.

Тонъ говорившаго былъ дружескій и въ то же время фамильярный. Джэкъ Шико̀ и жилецъ второго этажа познакомились вскорѣ по переселеніи четы Шико̀ въ улицу Сибберъ.

Они встрѣчались на лѣстницѣ, сначала улыбались, потомъ стали кланяться, потомъ останавливались поболтать, по бо̀льшей части побранить погоду, затѣмъ пошли нѣсколько дальше, на-

чали толковать о событіяхъ дня, о страшномъ убійствѣ, описанномъ въ утреннихъ газетахъ, о пожарѣ, разразившемся на дорогѣ въ Милуэль, о надеждахъ на войну, о колебаніяхъ въ политической атмосферѣ. Нѣсколько времени спустя Джэкъ Шикб пригласилъ Дероля къ себѣ въ комнату, и они начали играть въ экартè, будучи оба первокласными игроками, по три пенни за point. Вскорѣ экартè окончательно вошелъ въ обычай, они стали играть раза два или три въ недѣлю, пока m-me Шикб стояла на носкахъ и приводила въ восторгъ золотую молодежь столицы. Джэкъ нашелъ, что его новый знакомый—человѣкъ на выдумки тароватый, обладающій обширной опытностью. Въ началѣ своей жизни онъ занималъ хорошее общественное положеніе, отличался—судя по его словамъ,—въ военной службѣ, подъ начальствомъ такихъ людей, какъ Гау и Гардингъ, а затѣмъ, медленно спускаясь, со ступеньки на ступеньку, дошелъ до своего настоящаго положенія. Это постепенное нисхожденіе заставило его пройти черезъ такія странныя и разнообразныя условія, что изъ его наблюденій надъ всѣмъ, чтб есть въ жизни самаго оригинальнаго и самаго худшаго, можно было бы составить такую же объемистую книгу, какъ: «Les Misérables». Человѣкъ этотъ умѣлъ говорить. Онъ никогда не повторялъ одинъ и тотъ же разсказъ. Джэку порой казалось, что происходитъ это оттого, что онъ тутъ же выдумываетъ свои исторіи, и тотчасъ забываетъ ихъ. Дероль не обнаруживалъ никакихъ претензій на добродѣтели, которыми не обладалъ; напротивъ, онъ скорѣй выставлялъ на видъ свои пороки. Единственныя качества, какія онъ выказывалъ, были: небрежность въ денежныхъ дѣлахъ, которую онъ почиталъ щедростью, и грубое понятіе о чести, такое же, какое, говорятъ, существуетъ у воровъ. Джэкъ выносилъ его, презиралъ, но позволялъ ему забавлять себя. Будь онъ королемъ, онъ бы охотно держалъ этого человѣка, одѣтаго въ пеструю одежду, у ступеней своего трона и прислушивался къ остротамъ, во вкусѣ Рабле, какія онъ бросалъ бы въ улыбающіяся лица придворныхъ.

— Что же сегодня за особенное горе, Джэкъ? — спросилъ Дероль, выбирая, изъ многочисленныхъ предметовъ, валявшихся на каминной doскѣ, трубочку, и лѣниво наполняя табакомъ почернѣвшую головку ея.—Финансовое, полагаю я?

— Нѣтъ, меня жена тревожитъ.

— Естественная кара за то, что женились на самой красивой женщинѣ во всемъ Парижѣ. Чего же собственно боитесь вы?

— Она получила подарокъ отъ неизвѣстнаго обожателя, и

потому, что подарокъ анонимный, воображаетъ, что имѣетъ полное право принять его.

— Въ чемъ же тутъ бѣда?

— Вы должны это понимать. Анонимный подарокъ — пробный камень. Обожатель увидитъ жену мою танцующей съ его браслетомъ на рукѣ, и сочтетъ ее такой же продажной, какъ та дѣвушка, которая продала Римъ изъ-за такой же пустой бездѣлушки. За его первымъ приношеніемъ послѣдуетъ второе, затѣмъ пойдутъ письма, сначала, быть можетъ, анонимныя, но когда, посредствомъ ловкой лести, онъ сравняетъ дорогу, ведущую къ позору, то онъ выскажется, и тогда...

— Если ваша жена не лучшая женщина, чѣмъ вы ее считаете, предвидится опасность. Вы это хотѣли сказать? — спокойно спросилъ Дероль, медленно попыхивая изъ своей трубочки.

— Нѣтъ, — покраснѣвъ отъ негодованія, отвѣтилъ Шикó. Онъ еще не палъ такъ низко, чтобы слушать, какъ жену его поносятъ, хотя и ненавидѣлъ ее.—Нѣтъ, еслибъ жена моя была женщина, способная увлечься подобнаго рода соблазномъ, мы бы съ ней давнымъ-давно разстались. Но я не хочу оставить ее на жертву преслѣдованіямъ этого мерзавца. Мы съ ней поссорились изъ-за его дрянного браслета, и я намѣренъ ее оставить на нѣсколько дней, пока мы оба не придемъ въ лучшее расположеніе духа. Я не хочу оставить ее безъ всякаго покровительства, теперь, когда этотъ ловкій негодяй пожалуй сторожитъ ее на пути отъ ея квартиры до театра. Я бы желалъ, чтобы кто-нибудь, человѣкъ, которому бы я довѣрялъ...

— Наблюдалъ за ней во время вашего отсутствія? — сказалъ Дероль.—Считайте это дѣло сдѣланнымъ, голубчикъ мой. Мы съ m-me Шикó отличнѣйшіе друзья. Я изъ ея поклонниковъ и она, мнѣ кажется, симпатично ко мнѣ относится. Я буду ея рабомъ и охранителемъ на все время вашего отсутствія, ея отцомъ,— только моя преданность превзойдетъ отцовскую.

— Она ничего не должна знать, — воскликнулъ Джэкъ.

— Разумѣется, нѣтъ. Женщины — дѣти, только немного больше ростомъ, съ ними и обращаться надо какъ съ дѣтьми. Пилюли, которыя мы имъ даемъ, должны быть обсыпаны сахаромъ, порошки разведены въ малиновомъ сиропѣ. Я такъ буду ухаживать за m-me Шикó, что она съ радостью позволитъ мнѣ сопровождать ее въ театръ и обратно; но я буду держать ея неизвѣстнаго обожателя на почтительномъ разстояніи, съ такимъ же успѣхомъ, съ какимъ злѣйшій изъ драконовъ когда-либо сторожилъ красоту.

— Тысячу разъ благодарю васъ, Дероль. Я не останусь въ долгу. Прощайте.

— Вы намѣрены переплыть каналъ?

Шикб не сказалъ, куда онъ ѣдетъ, а Дероль былъ слишкомъ скроменъ, чтобы повторить свой вопросъ. Онъ порою хвасталъ, одурѣвъ отъ вина, что куда бы ни дѣвалась его нравственность, умѣнья держать себя онъ не потерялъ.

Джэкъ Шикб оставилъ женѣ коротенькую записку, набросанную карандашемъ.

«Дорогая Заира», писалъ онъ, «такъ какъ мы плохо ладимъ другъ съ другомъ, намъ обоимъ будетъ полезно разстаться на нѣсколько дней. Я ѣду въ деревню подышать свѣжимъ воздухомъ, меня здѣсь тошнитъ отъ запаха газа и водки. Береги себя, ради самой себя, если не ради меня.—Твой Д. Ш.».

О. П.

САТИРА ЩЕДРИНА

Очерки изъ современной литературы.

—Круглый Годъ; соч. М. Е. Салтыкова (Щедрина). Спб. 1880.

Давно уже русскій писатель не производилъ на современное ему общество такого глубокаго впечатлѣнія, какъ г. Салтыковъ. Каждое новое его произведеніе читается съ жадностью, всѣ о немъ говорятъ, спорятъ, значительное большинство восхищается имъ. Даже тѣ, у которыхъ морозъ долженъ былъ бы пробѣгать по тѣлу при чтеніи, какъ молотомъ бьющей, сатиры, не отваживаются вступать въ открытую борьбу съ мощнымъ писателемъ и въ бо́льшей части случаевъ относятся къ нему если не съ любовью, то по крайней-мѣрѣ—съ внѣшнимъ уваженіемъ. Только немногіе отъ времени до времени тщетно стараются попасть въ него, если не комкомъ грязи, то какимъ-нибудь безсмысленнымъ браннымъ словомъ, которое, разумѣется, обращается противъ тѣхъ, кто его произноситъ. Враги литературныхъ произведеній г. Салтыкова должны надѣвать на себя маску; кому же охота узнавать себя въ воспроизведенныхъ авторомъ лицахъ. Впрочемъ, нужно сказать и то, что многіе изъ тѣхъ, кому должны были бы быть куда какъ солоны произведенія г. Салтыкова, читая ихъ, весело смѣются, точно не о нихъ и идетъ рѣчь. Одни изъ такихъ читателей по наивности не понимаютъ, что, смѣясь надъ типами сатирика, они смѣются надъ самими собой, другіе же обладаютъ такою толстою кожею, что слово на нихъ уже перестало дѣйствовать. Они такъ увѣрены, что «настоящая» сила, а не какая-то нравственная сила литературы, на сторонѣ ихъ «хищническихъ» стремленій и дѣйствій, что они охотно сами же смѣются надъ нравственнымъ пригвожденіемъ ихъ къ позорному

столбу. Когда совѣсть сгинула, когда люди потеряли способность краснѣть, тогда бичъ сатиры скользитъ по нимъ, не вызывая ни малѣйшей боли. Но удары, наносимые хотя и по безчувственному тѣлу—не безплодны; они спасаютъ другихъ, еще не зачумленныхъ, отъ паденія въ ту зловонную яму, которая душитъ въ людяхъ и чувство стыда, и понятіе о человѣчности.

Задача сатиры, впрочемъ, не заключается въ томъ, чтобы исправлять отдѣльныхъ людей, отдѣльныя группы общества; нѣтъ, поле ея шире, она стремится внести сознаніе въ затуманенное общество, она толкаетъ, будитъ цѣлое общество своимъ горькимъ смѣхомъ, она, какъ въ зеркалѣ, должна отражать общественную немочь, общественную порочность, она говоритъ: смотрите и любуйтесь! И если сатира сильна, если она съумѣла затронуть болѣзненныя струны общественнаго организма, тогда она пріобрѣтаетъ широкое общественное значеніе. Такое именно благотворное общественное значеніе пріобрѣлъ г. Салтыковъ цѣлою длинною цѣпью своихъ произведеній, начиная отъ «Губернскихъ Очерковъ» и кончая послѣднею вышедшею его книгою «Круглый Годъ». Если нѣтъ нужды говорить, что этотъ рядъ сочиненій упрочилъ за г. Салтыковымъ небывалое почти въ русской литературѣ вліяніе, — за то нельзя не остановиться передъ вопросомъ о характерѣ этого вліянія.

Значеніе писателя опредѣляется не только силою его таланта, но главнымъ образомъ тѣми идеями, которыя онъ вноситъ въ общественную жизнь, тѣми добрыми или дурными сѣменами, которыя онъ сѣетъ на общественной почвѣ. Нѣтъ спора, что какими бы прекрасными идеями и высокими идеалами ни обладалъ человѣкъ, но если онъ лишенъ всякаго таланта, то такой человѣкъ, пользуясь уваженіемъ въ частной сферѣ своей дѣятельности, никогда не пріобрѣтетъ крупнаго вліянія въ широкой области литературы. Но точно также нѣтъ сомнѣнія и въ томъ, что какимъ бы яркимъ талантомъ ни обладалъ писатель, но если идеи, которыя онъ высказываетъ въ своихъ произведеніяхъ, будутъ бѣдны, немощны или, еще хуже, если своими произведеніями онъ будетъ сѣять одни плевелы, то такой писатель, если и можетъ подъ-часъ пользоваться популярностью среди своихъ современниковъ, — за то въ будущемъ, и не далекомъ, а близкомъ, онъ будетъ осужденъ на забвеніе.

Пробѣгите мысленно исторію литературы, и не только русскую, но европейскую, переберите писателей, оставшихся въ памяти потомства, и что́ вы увидите? Сохранились имена только тѣхъ талантовъ, которые двигали общество своими произведеніями

по пути прогресса, которые пробуждали добрыя чувства, которые боролись за торжество справедливыхъ началъ надъ несправедливыми, свѣта надъ тьмою, свободы надъ безправіемъ, любви надъ ненавистью. Надъ тѣми же, которые своими произведеніями и выраженными въ нихъ идеями потворствовали низкимъ инстинктамъ современнаго имъ общества, отстаивали общественные предразсудки, становились служителями гнета, — надъ тѣми исторія поставила черный крестъ.

Спора нѣтъ, талантъ — великое дѣло, талантъ притягиваетъ къ себѣ современниковъ, и мы видимъ, что, сплошь и рядомъ, общество увѣнчиваетъ лаврами писателя за воспроизводимые имъ художественные образы, за мастерское умѣнье разсказывать, относясь съ поразительнымъ безразличіемъ къ тѣмъ идеямъ, которыя прячутся за этими образами, къ тѣмъ зазорнымъ мыслямъ, которыя кроются въ мастерскихъ разсказахъ. Такой писатель, благодаря своему таланту, будетъ несомнѣнно пользоваться вліяніемъ на современное общество; но, не говоря уже о томъ, что такое вліяніе представляется вреднымъ для здороваго роста общества, оно, безъ сомнѣнія и къ счастью, оказывается столь же эфемернымъ, какъ эфемерны и самыя произведенія такого писателя. Чтобы освѣтить нашу мысль примѣромъ, мы сошлемся на одно явленіе въ современной русской литературѣ. Каждый читатель и безъ насъ назоветъ писателя, который, безспорно, пользуется въ настоящее время весьма значительнымъ вліяніемъ и популярностью. Его рѣчи, дневники, романы читаются съ такою же жадностью, какъ и произведенія г. Салтыкова. Каждое появленіе его общество встрѣчаетъ шумными оваціями, въ которыхъ, впрочемъ, столько же восторга, сколько и недомыслія. Чѣмъ же однако вызывается такое восторженное отношеніе общества къ этому писателю? Несомнѣнно, присущимъ ему талантомъ, независимо отъ его порядочно обскурантнаго міросозерцанія, отъ его проповѣди самодовольнаго квіетизма, облекаемыхъ имъ въ смутныя и потворствующія самымъ дурнымъ инстинктамъ общества идеи «новаго слова» и «всечеловѣчества». Общество, ослѣпленное талантомъ автора, доставившаго ему въ свѣтлый періодъ его дѣятельности не одно высокое наслажденіе, рукоплещетъ и преклоняется передъ тѣмъ самымъ, отъ чего оно съ негодованіемъ и отвращеніемъ отворачивается, когда тѣ же самыя идеи предлагаются ему другими людьми, принадлежащими къ одному лагерю съ этимъ писателемъ, но не обладающими его талантомъ. Едва ли можно ошибиться, говоря, что исторія отнесется болѣе строго къ писателю, надѣленному отъ природы недюжиннымъ дарова-

ніемъ, но отдавшимъ его на служеніе извращеннымъ идеямъ и на прославленіе и идеализацію самаго грубаго и перемѣшаннаго съ мистицизмомъ міросозерцанія. О вкусахъ, разумѣется, спорить трудно. Быть можетъ, и найдутся люди, которымъ завидно будетъ такое вліяніе, какъ въ нашей же литературѣ находились и находятся люди, которымъ спать не даютъ лавры Менцелей и Коцебу.

Прямо на противоположномъ полюсѣ подобнаго вліянія на общество стоитъ вліяніе, принадлежащее г. Салтыкову. Если одно должно быть названо вреднымъ, то другое безусловно благотворнымъ. Вліяніе и значеніе этого законнаго вождя современной литературы основано совершенно на иныхъ данныхъ, чѣмъ значеніе, оставляя даже въ сторонѣ г. Достоевскаго, такихъ писателей, какъ гг. Тургеневъ, гр. Толстой, Островскій, Григоровичъ и Гончаровъ. Велика служба, которую сослужилъ каждый изъ этихъ писателей русскому обществу, его просвѣтленію и движенію впередъ, и долго, разумѣется, не изгладятся изъ памяти потомства имена авторовъ: «Записокъ Охотника», «Войны и мира», «Антона Горемыки», «Сна Обломова», «Грозы» и «Свои люди сочтемся». Но самое свойство талантовъ этихъ писателей, ихъ художественныя задачи и самыя общественныя условія, которыми обставлена была цвѣтущая пора ихъ дѣятельности, все это вмѣстѣ взятое дѣлало для нихъ совершенно невозможнымъ пріобрѣсть такое непосредственное общественное значеніе, какое пріобрѣлъ г. Салтыковъ. Всякія сравненія, поэтому, между г. Салтыковымъ и другими современными писателями были бы совершенно неумѣстны. Разныя задачи, разныя цѣли обусловливаютъ и разное отношеніе къ явленіямъ общественной жизни.

Писатели, которыхъ мы назвали — чистые художники, ихъ задача — объективно относиться къ жизни, воспроизводить образы, вырванные изъ жизни, но прошедшіе черезъ горнило ихъ творчества. Если художникъ-беллетристъ вноситъ въ свое произведеніе, не закутывая въ туманныя облака, свои личныя симпатіи и антипатіи, если онъ навязываетъ выводимымъ имъ ббразамъ свои идеи, ему говорятъ, что онъ тенденціозенъ, и эту тенденціозность ставятъ ему въ укоръ. Да что ставятъ! Самъ художникъ горячо защищается противъ тенденціозности, точно противъ какого-то постыднаго порока; объективность онъ считаетъ самымъ драгоцѣннымъ камнемъ своего литературнаго вѣнца. Писатель-художникъ, это — зритель, больше — великій судья, но не боецъ, бросающійся въ борьбу общественной жизни, со всѣми своими симпатіями и антипатіями, съ открытымъ забраломъ, со всею

своею личною, ему присущею субъективною силою. Писатель-художникъ своими бразами, воспроизводимыми фигурами произноситъ какъ-бы приговоръ надъ общественною жизнію, ея явленіями, ея дѣйствующими лицами. Неизбѣжная объективность заставляетъ его держаться на извѣстномъ разстояніи отъ того кипучаго боя между людьми, тянущими назадъ и рвущимися впередъ, безъ котораго общественная жизнь является какъ-бы заживо схороненною. Совсѣмъ въ другомъ положеніи является сатирикъ. Онъ на половину художникъ, на половину публицистъ. Онъ не спеленанъ объективностью; онъ не скрываетъ своихъ субъективныхъ воззрѣній; его произведенія не требуютъ томовъ комментарія для разъясненія вопроса, какъ въ дѣйствительности относится самъ авторъ къ тому или другому общественному явленію. Онъ не зритель, не судья, онъ боецъ, первый бросающійся въ бой; если онъ не смѣшивается съ толпою, то только для того, чтобы руководить ею, онъ громко заявляетъ, на чьей сторонѣ его симпатіи и антипатіи, онъ не скрываетъ того, что̀ онъ любитъ, какъ не скрываетъ и того, что̀ ненавидитъ. И вотъ именно своею-то любовью и своею ненавистью и дорогъ для русскаго общества г. Салтыковъ. Тутъ главный ключъ его общественнаго вліянія и значенія.

Мы не станемъ спорить противъ того, что самая сильная сторона г. Салтыкова заключается не въ мастерскихъ художественныхъ бразахъ, хотя, говоря это, мы вовсе не думаемъ сказать, что такихъ бразовъ нельзя встрѣтить въ произведеніяхъ нашего сатирика. Достаточно напомнить читателю такія, точно изъ бронзы отлитыя, фигуры, какъ Іудушка и Арина Петровна въ «Семействѣ Головлевыхъ», чтобы признать, что и въ этомъ отношеніи г. Салтыковъ можетъ помѣряться съ лучшими изъ нашихъ художниковъ-беллетристовъ. Но если и нужно допустить, что въ созданіи яркихъ, неувядаемыхъ бразовъ г. Салтыковъ уступаетъ, напримѣръ, своему непосредственному предшественнику, великому художнику Гоголю, за то г. Салтыковъ во всей исторіи русской литературы не знаетъ себѣ равнаго, когда дѣло идетъ о томъ, чтобы схватить типическія черты переживаемаго обществомъ времени, чтобы живо подмѣтить тотъ или другой новый народившійся типъ и освѣтить его со всею яркостью своего мощнаго таланта. Никогда до г. Салтыкова ни одинъ писатель не былъ еще такимъ вѣрнымъ выразителемъ думъ и настроенія лучшей части русскаго общества, и вотъ почему, если для современниковъ произведенія этого писателя представляются въ высшей степени цѣнными, то для будущаго историка русскаго

общества, когда онъ подойдетъ къ переживаемой нами эпохѣ, не будетъ болѣе драгоцѣннаго клада, какъ сочиненія г. Салтыкова, въ которыхъ онъ найдетъ живую и вѣрную картину современнаго общественнаго строя. Люди, нравы, а главное—условія жизни—все для него станетъ понятнымъ и яснымъ.

Необычайно чуткій ко всякой злобѣ дня, онъ всегда умѣетъ освѣтить ее своеобразно и каждый разъ заставляетъ задумываться читателя надъ тѣми общими условіями, которыми обставлена наша общественная жизнь. Условія эти не создались сегодня или вчера, временами только они болѣе обостряются, но для того, чтобы ясно отдавать себѣ въ нихъ отчетъ, нужно постоянно помнить о той тѣсной, преемственной связи, которая существуетъ между ними и всѣмъ прошлымъ русскаго общества. Г. Салтыковъ знаетъ это лучше, чѣмъ кто-либо другой, и потому мастерски рисуетъ тотъ хроническій недугъ, ту наслѣдственную болѣзнь русскаго общества, которая такъ часто порождаетъ чуть не сказочныя уродливости въ его жизни и создаетъ ту нравственную испорченную атмосферу, въ которой сплошь и рядомъ задыхаются самыя благія начинанія. Характеры, типы, событія являются продуктами этой атмосферы, и потому въ сочиненіяхъ нашего сатирика они такъ тѣсно переплетаются между собою. Вотъ почему всѣ его произведенія отзываются только горькою правдою. Иной разъ можетъ казаться, что нѣкоторыя черты являются у автора преувеличенными, изображаемыя лица какъ-бы отзываются шаржемъ, но, вдумавшись въ то, что̀ онъ описываетъ, вы придете къ убѣжденію, что въ сущности и нѣтъ никакого преувеличенія. Впечатлѣніе преувеличенности выносится только потому, что сатирикъ схватываетъ самыя рѣзкія, рельефныя черты, отбрасывая детали, ихъ окружающія, а эти-то подробности и скрадываютъ отъ неособенно проницательнаго взгляда всю уродливость воспроизводимыхъ имъ чертъ общественной жизни.

Всѣ достоинства этого замѣчательнаго писателя мы встрѣчаемъ и въ послѣдней изданной имъ книгѣ «Круглый Годъ», хотя, по нашему мнѣнію, какъ ни важна она по своему общественному значенію, она все-таки не принадлежитъ къ самымъ яркимъ произведеніямъ нашего сатирика.

Книга эта представляетъ собою какъ-бы дневникъ за тяжелый 1879 годъ, но дневникъ не гнетущихъ событій, быстро слѣдовавшихъ одно за другимъ, а дневникъ тѣхъ скрытыхъ, назойливыхъ и мучительныхъ думъ, которыя каждый мыслящій человѣкъ долженъ былъ переживать въ это время. Время же это нельзя лучше характеризовать, чѣмъ сдѣлалъ это въ двухъ стро-

кахъ г. Салтыковъ, говоря, что это былъ «страшный годъ, который неизгладимыми чертами врѣзался въ сердцѣ каждаго русскаго. Даже въ худшія эпохи, ничего подобнаго этому злосчастному году лѣтописи русской жизни едва ли представляли». Писать въ такое время сатирическіе очерки было дѣломъ не легкимъ. Нужна была большая любовь къ своему дѣлу, къ литературѣ, горячая привязанность къ своей родинѣ, а главное—нуженъ былъ весь талантъ автора «Круглаго Года», съ его неизсякаемымъ рудникомъ самаго чистаго юмора, съ его искусствомъ преодолѣвать всѣ трудности, поставленныя на пути русскаго писателя, чтобы въ «этотъ злосчастный годъ» не бросить перо и не замолчать.

Случалось ли вамъ, читатель, испытывать неотвязчивую хандру, щемящую тоску, когда все вамъ становилось немило, когда все, казалось, теряло всякую вѣру въ себя и въ другихъ, когда въ вашей душѣ поднималась злоба на все и на всѣхъ, и вы чувствовали, что злоба эта безсильна, когда будущее ваше, вашихъ близкихъ, цѣлой родины рисовалось вамъ въ самыхъ мрачныхъ краскахъ, когда безсильная ненависть заглушала всѣ благородные порывы, всѣ надежды и упованія? Близкое съ такимъ именно настроеніемъ состояніе переживало еще слишкомъ недавно большая доля русскаго общества. Представьте же себѣ, что въ такія минуты, дни или мѣсяцы, къ вамъ является другъ, который не вторитъ вашей не только безплодной, но вредной распущенности, но приноситъ съ собой живое слово ободренія, поднимающее вашъ душевный тонъ, который показываетъ вамъ во всей наготѣ людей, погрузившихъ васъ въ мрачное отчаяніе, и вы убѣждаетесь, что новаго ничего не приключилось, что продолжается только старая, никогда не прекращавшаяся пѣсня, и что если вы прежде питали надежды, то нѣтъ причинъ не питать ихъ и теперь. Вы чувствуете, что отъ такого слова ободренія пахнуло точно свѣжимъ вѣтромъ, грудь начинаетъ легче дышать и вы мало-по-малу возвращаетесь—не скажу къ хорошему, но къ вашему нормальному настроенію. Такимъ другомъ для русскаго общества и бываетъ въ трудныя минуты г. Салтыковъ.

Нѣтъ, разумѣется, особенныхъ основаній и въ настоящее время русскому обществу настраиваться на праздничный ладъ; ничего не случилось такого, чтобы это общество имѣло право гордиться успѣхами своей общественности: какъ было въ «доброе старое время», такъ и теперь, оно также, по-прежнему безсильно, по-прежнему оно можетъ говорить только «рабьимъ» языкомъ, языкомъ чувствующаго свое ничтожество просителя, который,

низко кланяясь и неустанно благодаря, вручаетъ свою судьбу въ руки благодѣтеля. «Хочу—милую, хочу—казню!»—сохранилось въ прежней силѣ, и никто не долженъ дерзать спрашивать, за чтò милуютъ, за чтò казнятъ? На то добрая воля Ѳеденекъ Неугодовыхъ. Къ такому сознанію русское общество давно привыкло, оно сдѣлалось его нормальнымъ состояніемъ, и если общество не плаваетъ въ немъ какъ рыба въ водѣ, за то и не задыхается, какъ можно было бы ожидать, отъ недостатка свѣжаго воздуха. Находятся даже такіе возлюбивцы русскаго народа, которые въ этомъ-то состояніи и находятъ залогъ силы и великой будущности своей родины. Имъ мало того, чтò есть, они полагаютъ, что идеалъ осуществится только тогда, когда люди превратятся въ «подлыхъ людишекъ». Слишкомъ живо въ памяти общества то недавнее ихъ время, когда идеалъ такихъ людей былъ весьма близокъ къ осуществленію. Какой-то невообразимый кошмаръ сдавливалъ грудь русскаго общества. Привыкшее къ угнетенному состоянію, оно чувствовало теперь—угнетеніе въ квадратѣ; всѣ, кто только сознавалъ горечь и униженіе, а такихъ все-таки было не мало, уходили въ свою скорлупу и не имѣли мужества,—да и кто рѣшится винить ихъ за то,—выражать хотя слабымъ голосомъ свое несочувствіе развернувшей крылья реакціи. Куда было до протеста противъ различныхъ уродливостей, когда общество дрожало, испытывая лихорадочный ознобъ, и когда лихорадочное состояніе доходило до бреда, во время котораго люди, устрашенные неустанно раздававшимся окрикомъ: «согну въ бараній рогъ», отзывались на этотъ окрикъ только однимъ: гните насъ больше! мало! мало! Такая приниженность была омерзительна. И вотъ, въ это-то время одинъ только писатель съ изумительнымъ талантомъ воплощалъ въ себѣ чувство собственнаго достоинства всего русскаго общества. Когда все молчало или сквернословило, одинъ г. Салтыковъ выражалъ то, чтò чувствовали, но не смѣли заявлять, пришибленные люди. Его голосъ звучалъ диссонансомъ въ томъ многочисленномъ хорѣ, который съ цинизмомъ торжествовалъ свою побѣду надъ искалѣченною человѣчностью и свободою мысли. «Круглый Годъ» останется единственнымъ живымъ протестомъ противъ «злосчастнаго года». Къ нему мы теперь и обратимся.

Намъ нѣтъ надобности подробно говорить о той общей идеѣ, которая проходитъ черезъ послѣднюю книгу г. Салтыкова. Это та самая идея, которая проникаетъ насквозь всѣ его сатирическія произведенія. Трудно проглядѣть въ его сочиненіяхъ не ту фальшивую, громко заявляющую о себѣ любовь къ русскому

народу, во имя которой то лицемѣрные, то ограниченные люди требуютъ чуть не истребленія болѣе образованной части этого самаго народа, или какъ принято съ хихиканьемъ говорить—«интеллигенціи» страны,—а серьёзную, правдивую любовь и къ русскому народу и къ русскому обществу. Г. Салтыковъ не противополагаетъ народъ обществу, какъ это дѣлается своеобразными радѣтелями о народномъ благѣ,—нѣтъ, онъ народу и обществу противополагаетъ наши бытовыя формы, проѣденныя грубымъ, необразованнымъ и потому жестокимъ бюрократизмомъ. Зло, парализирующее здоровый ростъ общества и цѣлаго народа, это безправіе, проникающее во всѣ сферы, въ частную жизнь человѣка, въ семью, въ общество, въ весь народный бытъ. Безправіе, разлагающее всякаго рода дѣятельность; оно душитъ литературу, искусства, всѣ профессіональныя дѣятельности; оно тяготѣетъ надъ промышленностью, торговлею, всюду оно даетъ себя чувствовать, всюду оно торжествуетъ надъ тѣмъ, чтó зовется и правдою и правомъ. Съ верхнихъ оно постепенно сходитъ до самыхъ низшихъ ступеней, представители его занимаютъ самыя различныя общественныя положенія, приличный сановникъ и futur-ministre Ѳеденька Неугодовъ и необтесанный Колупаевъ —это плоды одного и того же дерева, они дѣйствуютъ во имя одного и того же принципа, одинъ на поприщѣ государственной дѣятельности, другой—на поприщѣ кабака.

Да, пожалуй, возразятъ намъ, но все это отрицательныя идеи, укажите же намъ въ сатирѣ г. Салтыкова положительныя идеи, ясные идеалы. Но, читатель, неужели вамъ не надоѣли всѣ эти безсодержательныя фразы о положительныхъ идеяхъ, всѣ эти требованія опредѣленныхъ идеаловъ. Не говоря уже о томъ, чтó всѣмъ должно быть слишкомъ хорошо извѣстно, и въ «Кругломъ Годѣ» есть превосходныя страницы, въ которыхъ авторъ съ неподражаемымъ юморомъ трактуетъ о томъ же вопросѣ, что нынѣшнее положеніе литературы вовсе не таково, чтобы давать писателю возможность съ полною ясностію, безъ всякихъ изворотовъ, безъ искусственныхъ затемнѣній выставлять свои положительные идеалы. Развѣ можно забывать, что наша литература при всякомъ удобномъ и даже неудобномъ случаѣ попадаетъ въ опалу, что она не имѣетъ законнаго существованія, оффиціально признаннаго, что съ нею всегда обращались какъ съ нелюбимою падчерицею, какъ съ злополучнымъ подкидышемъ! Пусть пропадаетъ! туда ей и дорога! Гдѣ же тутъ до ясныхъ идеаловъ! Поддерживала бы лишь кое-какъ свое скудное существованіе, съ нея и того довольно! Какъ бы ни велико было значеніе русскаго

писателя, хотя бы то былъ и г. Салтыковъ, но пусть онъ попробуетъ оставить свой «езоповскій языкъ», пусть онъ попробуетъ устранить свой «добродушный смѣхъ», который такъ часто горекъ для читателя, но во сто кратъ горче для самого писателя, и кто знаетъ, не пришлось ли бы намъ распроститься съ ободряющей сатирой г. Салтыкова. Намъ такъ чужда свободная рѣчь, такъ много у насъ запретныхъ плодовъ, мы такъ привыкли къ подневольному слову, что достаточно одного сколько-нибудь прозрачнаго намека на то, чтó выходитъ изъ обыкновенной области гласной и негласной цензуры, что мы первые чуть не съ священнымъ ужасомъ восклицаемъ: какъ это пропустили! Если можно только радоваться, что такія восклицанія стали въ послѣдніе мѣсяцы раздаваться чаще и чаще, то какъ же горько положеніе литературы и общества, не стыдящагося такихъ восклицаній! Какъ смотритъ на такое положеніе г. Салтыковъ, мы еще увидимъ это, говоря далѣе о «Кругломъ Годѣ». Но всѣ эти фразы объ отрицательныхъ идеяхъ, объ отсутствіи положительныхъ идеаловъ, фальшивы и въ другомъ отношеніи. Неужели лучшіе люди сороковыхъ годовъ, когда они говорили объ уродливости крѣпостного права, когда они рисовали безчеловѣчное обращеніе съ рабами, когда они указывали на безобразія стараго суда съ его подъячими, приказными, съ его взяточничествомъ, неужели въ ихъ рѣчи не было ничего иного, кромѣ отрицательныхъ идей, неужели подъ этимъ отрицаніемъ не слышно было біеніе пульса живыхъ идеаловъ! Такъ точно и теперь. Кто же не понимаетъ, что когда писатель изображаетъ безправіе русскаго общества и цѣлаго народа, когда онъ рисуетъ въ лицахъ узкій, тупой бюрократизмъ, отравляющій своимъ прикосновеніемъ все, до чего онъ дотрогивается, когда на сцену выводится неграмотный, обираемый и разоряемый мужикъ и широкими чертами очерчивается расхищеніе «на законномъ основаніи»,—что за этими отрицательными идеями скрываются весьма ясныя и положительныя идеи относительно необходимости болѣе правильнаго общественнаго строя?

Да, наконецъ, когда-же и кто изъ русскихъ писателей имѣлъ возможность выставлять положительные идеалы инымъ путемъ, чѣмъ тотъ, которому слѣдуетъ г. Салтыковъ, за исключеніемъ, разумѣется, тѣхъ писателей, которые для того, чтобы не быть стѣсненными въ развитіи своихъ идей, рѣшались на страшную жертву и покидали навсегда свою родину. Тѣ же, которые писали въ Россіи, должны были, напротивъ, всегда дѣлать такъ, чтобы ихъ положительные идеалы обрисовывались какъ можно меньше. Ка-

ковы были идеалы Гоголя въ здоровую эпоху его дѣятельности? Мы можемъ догадываться, судить о томъ, чтó ему было дорого и чтó ненавистно, по отрицательнымъ идеямъ «Мертвыхъ Душъ», «Ревизора», но положительныхъ идей, по которымъ можно было бы опредѣлить его общественныя воззрѣнія, мы не находимъ въ эту эпоху. Онъ получилъ возможность открыто говорить о своихъ идеалахъ только въ періодъ своего паденія, но идеалы автора «Переписки съ друзьями»—не идеалы великаго Гоголя. Свободно говорить о своихъ идеалахъ могутъ писатели только той заплѣсневѣвшей литературной школы, которая пресерьёзно доказываетъ, что беззаконіе и безправіе и составляютъ залогъ великой будущности и счастья русскаго народа. Но о такихъ писателяхъ говорить не стóитъ. Если они искренны, то ихъ можно только жалѣть, если же они держатся такихъ воззрѣній, чтобы имѣть возможность въ мутной водѣ ловить рыбу, тогда они принадлежатъ чему угодно, но только не литературѣ. Нужно всегда помнить, что лучшіе изъ представителей даже той литературной партіи, которая написала на своемъ знамени даже оффиціально признанныя традиціи,—не имѣли возможности свободно высказываться въ Россіи и должны были печатать свои произведенія заграницей.

Можно-ли, спрашивается, теперь предъявлять къ г. Салтыкову безсмысленное требованіе, чтобы онъ болѣе ясно выражалъ свои идеи и раскрывалъ свои идеалы. Нѣтъ, общая идея г. Салтыкова какъ нельзя болѣе ясна, и кто недостаточно усвоилъ ее себѣ, тотъ пусть хорошенько вдумается и вчитается въ ту книгу, которая послужила намъ поводомъ, чтобы заговорить о г. Салтыковѣ.

Мы не станемъ подробно говорить о каждомъ изъ двѣнадцати очерковъ, входящихъ въ составъ «Круглаго Года»—наша цѣль вовсе не заключается въ томъ, чтобы познакомить читателя съ содержаніемъ послѣдней книги г. Салтыкова, чтó легко можетъ сдѣлать и каждый изъ нашихъ читателей самъ. Намъ хочется только показать, какъ ярко выражена въ этомъ сочиненіи основная идея г. Салтыкова, и какъ то разлагающее начало, противъ котораго съ такою мощью борется авторъ «Круглаго Года», отражается на самомъ обществѣ и ея представительницѣ—литературѣ. Незавидная доля этого общества станетъ еще болѣе понятною, когда мы посмотримъ на выразителя и вмѣстѣ на продуктъ этого разлагающаго начала—безправія русской жизни, на Ѳеденьку Неугодова, этого вершителя судебъ своей родины и одного изъ столповъ отечества.

Не будемъ держаться порядка «Круглаго Года»,—начнемъ съ литературы.

Вопросъ о положеніи русской литературы и литераторовъ занимаетъ въ послѣднемъ произведеніи г. Салтыкова едва ли не самую значительную часть. Оно и понятно. Во-первыхъ, положеніемъ литературы въ странѣ опредѣляется и положеніе всей общественности. Если литература не имѣетъ простора, если она забита, если судьба ея зависитъ отъ произвола различныхъ Неугодовыхъ, можно быть увѣреннымъ, что и вся общественная жизнь, въ смыслѣ политическомъ, прозябаетъ, что люди испытываютъ тѣ же неудобства, какъ литературныя произведенія, что они точно также забиты, и что судьбою ихъ по своему усмотрѣнію распоряжаются тѣ же Неугодовы. Кто отстаиваетъ, слѣдовательно, независимость литературы, тотъ отстаиваетъ и независимость цѣлаго общества. Одного этого было бы уже совершенно достаточно, чтобы понять, отчего г. Салтыковъ такъ часто обращается къ несладкому положенію русской литературы. Но помимо этого есть еще и вторая причина, отчего г. Салтыковъ такъ часто возвращается къ этой любимой своей тэмѣ. Литературная дѣятельность—это вся его жизнь; болѣе тридцати лѣтъ своей жизни онъ отдалъ на служеніе этому тяжелому дѣлу. Въ литературѣ, какъ онъ самъ говоритъ, онъ испыталъ всѣ радости, она доставляла ему высшія наслажденія, но та же литература слишкомъ часто бывала для него злой мачихой, оскорблявшей, издѣвавшейся надъ нимъ и заставлявшей переживать его самыя мучительныя минуты жизни. Никто лучше г. Салтыкова не знакомъ съ жалкимъ положеніемъ русскаго писателя, зависящаго въ своей дѣятельности отъ всякихъ «случаевъ». обязаннаго глубоко хоронить свои самыя завѣтныя думы и вынужденнаго, какъ гимнастъ, ходить по канату, высоко поднятому надъ пропастью. Оступился, упалъ... и завтра, какъ говоритъ г. Салтыковъ словами Державина: «гдѣ ты человѣкъ!»...

То, что̀ пишетъ г. Салтыковъ по поводу положенія литературы и литераторовъ, имѣетъ, помимо общаго значенія, еще и другое, непосредственно относящееся къ самому автору. Для будущаго критика страницы эти послужатъ дорогимъ матеріаломъ, такъ какъ онѣ даютъ ключъ къ объясненію манеры писать г. Салтыкова. Мы говоримъ: для будущаго критика, потому что до сихъ поръ, несмотря на болѣе чѣмъ четверть вѣка продолжающуюся литературную дѣятельность автора «Губернскихъ Очерковъ», «Помпадуровъ», «Благонамѣренныхъ рѣчей», «Ташкентцевъ», «Семейства Головлевыхъ», «Круглаго Года» и мно-

гихъ другихъ, столь же замѣчательныхъ и сильныхъ произведеній,—настоящей оцѣнки этого таланта, которымъ справедливо могла бы гордиться не только русская, но и любая изъ болѣе богатыхъ европейскихъ литературъ, еще не было сдѣлано, и по двумъ причинамъ. Первая изъ нихъ заключается въ томъ, что у насъ нѣтъ въ настоящее время ни одного крупнаго критическаго дарованія, и Богъ знаетъ, когда въ Россіи снова народится литературный критикъ, который могъ бы сдѣлать для г. Салтыкова то, что сдѣлано было для его предшественниковъ Бѣлинскимъ, и для одного изъ его современниковъ, Островскаго, Добролюбовымъ. Другая причина, не менѣе, конечно, серьёзная, это настоящее положеніе литературы. Едва ли возможна будетъ серьёзная оцѣнка этого писателя, правдивое и прямое разъясненіе всѣхъ его произведеній до тѣхъ поръ, пока положеніе литературы будетъ оставаться такимъ, какимъ изображаетъ его, и уже безъ всякаго преувеличенія, г. Салтыковъ.

Теперь, когда зашла рѣчь о пересмотрѣ законовъ о печати, хотя кому не извѣстно, какіе это были именно законы и почему они назывались законами, сатира г. Салтыкова по поводу положенія русской литературы получаетъ особенно важное значеніе. Сомнѣнія нѣтъ, что еще и еще разъ раздадутся противъ нашей литературы всѣ тѣ обвиненія, которыя сыпались на нее въ продолженіи послѣднихъ долгихъ лѣтъ, такъ какъ немыслимо, чтобы люди, которые въ теченіи всей своей служебной карьеры доказывали, что въ литературѣ кроются всѣ «корни и нити» зла, что она должна быть «пресѣчена» и «искоренена», чтобы эти люди отказались отъ своего убѣжденія и вдругъ возлюбили литературу. Сатира г. Салтыкова даетъ отвѣтъ на эти обвиненія, и въ этотъ отвѣтъ пусть вдумаются тѣ, кто желаетъ добра Россіи и признанія у насъ за человѣческою мыслію права выдти неискаженною съ печатнаго станка. Какъ въ зеркалѣ, отражается въ сатирѣ автора «Круглаго Года» та роль козла отпущенія, которую волею судебъ разыгрываетъ у насъ литература. Какая бы бѣда ни стряслась, всегда и во всемъ виновата литература. Всплыветъ гдѣ-нибудь наружу грубое злоупотребленіе властей и въ печати раздастся слабый голосъ—даже не порицанія, а только робкій вопросъ: хорошо ли такъ поступать?—какъ тотчасъ слышатся обвиненія: это литература, которая все раздуваетъ, и какое ей дѣло! Обнаруживается ли невѣроятное расхищеніе, вопіющее по своему цинизму, и печать обмолвится о немъ словечкомъ, какъ тотчасъ слышатся голоса: литература подрываетъ авторитетъ власти, она нападаетъ на то, что̀ было признано за

благо высшими государственными учрежденіями! Произойдетъ ли гдѣ-нибудь волненіе—и не дай Богъ, среди молодежи,—какъ всѣ Ѳеденьки Неугодовы въ одинъ голосъ, хоромъ затянутъ: это литература подъуськиваетъ, литература виновна, она распущена, подтянуть ее!

Литература для нашихъ «правящихъ» классовъ это—«всякій», дерзающій разсуждать о неподвѣдомственныхъ ему вопросахъ. Глубокою ироніею звучатъ слова сатирика, когда онъ говоритъ, что какая бы у насъ ни находилась коммиссія, отъ ея «ста одного тома трудовъ» не ускользнетъ и литература. Какъ суженаго конемъ не объѣдешь, такъ ни одна коммисія не объѣдетъ этого «всякаго»—литературы. «*Всякій* будетъ угрожать, *всякій* будетъ обсуждать, *всякій* будетъ выкладывать, что ему Богъ на сердце положитъ! *Всякій!* И вотъ картоны съ наклеенными бумажками откладываются въ сторону и на сцену выходитъ литература. Сначала произносится слово «распущенность», потомъ «неуваженіе авторитетовъ», потомъ «вредное направленіе вообще» и наконецъ... «потрясеніе основъ».

Какъ ни давно уже у насъ сложилась фраза: «теперь, когда господствуетъ гласность»,—въ дѣйствительности такой гласности еще никогда не существовало. Гласность, касающаяся трактирныхъ скандаловъ, гласность лакейской брани, изливаемой на нечиновныхъ лицъ,—сколько угодно; но гласность серьёзная, касающаяся крупныхъ общественныхъ интересовъ, дѣлъ государственныхъ, любящихъ келейность, до сихъ поръ называется «сованіемъ своего носа» въ неотносящіяся до гражданъ дѣла, «хожденіемъ въ чужой монастырь съ своимъ уставомъ».

Быть можетъ, тѣ страницы, гдѣ сатирикъ разсуждаетъ о планахъ «искорененія» русской литературы, съ которыми носятся, какъ съ любимымъ дѣтищемъ, и юные еще и убѣленные сѣдиною администраторы въ родѣ Ѳеденьки Неугодова, покажутся нѣкоторымъ, болѣе добродушнымъ читателямъ преувеличенными; но пусть тогда они вдумаются, почему литература, съ одной стороны, не только часто, но сплошь и рядомъ не отзывается на самые жгучіе вопросы общественной жизни, почему она молчитъ о различныхъ «иллюзіяхъ», которыя занимаютъ всѣ умы, и почему, съ другой стороны, она такъ падка на личныя перебранки, на грязные пасквили, на переливаніе изъ пустого въ порожнее и тогда, быть можетъ, то, что̀ казалось преувеличеннымъ, станетъ фотографически вѣрнымъ. Что̀ означаетъ этотъ длинный перечень, такъ недавно только сдѣлавшійся извѣстнымъ обществу вопросовъ первостепенной важности, которые были изъяты из

обращенія въ литературѣ, какъ не стремленіе «искоренить» литературу, или по крайней мѣрѣ сдѣлать ее недостойною самаго названія литературы. Когда будущій историкъ остановится передъ литературою семидесятыхъ годовъ, и пораженный ея низкимъ уровнемъ, широкимъ разливомъ гнойныхъ нечистотъ, захочетъ произнести надъ нею рѣзкое слово осужденія, пусть онъ прочтетъ тогда сатиру г. Салтыкова, и нѣтъ сомнѣнія, что, вмѣсто обвиненія, онъ отнесется къ ней съ состраданіемъ. Увы! даже сами обскуранты будутъ признаны заслуживающими снисхожденія, такъ какъ въ концѣ-концовъ эти виртуозы цинизма имѣютъ значеніе не сами по себѣ, а только благодаря тому высокому покровительству, которое они находятъ у Неугодовыхъ и «графовъ Твердоонто». Не они, такъ другіе! Было бы болото, черти будутъ! Если вообще, въ болѣе или менѣе нормальное время, отъ литературы требуютъ, чтобы она держала руки по швамъ, то горе ей, бѣдной и сирой, когда подвертывается «случай». Тогда нѣтъ ей пощады, нѣтъ спасенія. На что другое, а на такіе «случаи» у насъ всегда урожай. «Обильна,—говоритъ г. Салтыковъ—ахъ, какъ обильна сдѣлалась за послѣднее время русская жизнь этими «случаями». И все какъ-то литературу они задѣваютъ. Идетъ себѣ литература обычнымъ скромнымъ ходомъ, убѣжденная, что для всякаго ясно, что процессъ литературнаго мышленія представляетъ нѣкоторыя особенности, отличныя отъ процесса мышленія канцелярскаго служителя, а изъ-за угла ее стережетъ «случай»...» Въ обыкновенное время, всѣ изобрѣтенія, подобныя «разбойникамъ печати», «мошенникамъ пера» разныхъ литературныхъ «кликушъ» представляются сатирику совершенно безсильными потугами «заклеймить живыя силы русской литературы какимъ-нибудь хоть завѣдомо клеветническимъ, но хлесткимъ словомъ», но совсѣмъ иначе представляются такія изобрѣтенія, когда подходитъ «случай». Тогда усердные люди вытаскиваютъ изъ арсенала, гдѣ хранятся сотни обвинительныхъ актовъ противъ литературы, всякій хламъ, и все пускаютъ въ ходъ; тогда,—замѣчаетъ сатирикъ,—«приходится убѣдиться, что дѣйствительно въ печати существуютъ и разбойники, и мошенники, и клеветники, и что, стало быть, литература не совсѣмъ тотъ храмъ, при видѣ котораго бьются чистыя и честныя сердца, и безъ котораго міръ былъ бы постылъ и безславенъ».

Какъ на бѣднаго Макара всѣ шишки валятся, такъ на литературу начинаетъ тогда валиться градъ самыхъ разнообразныхъ, но одинаково тяжкихъ обвиненій. Литература «служитъ проводникомъ заблужденій въ общество», литература съ «упорствомъ

ищетъ осмѣять и подорвать священнѣйшія основы нашего общества», словомъ, не будь литературы, Россія превратилась бы въ Аркадію. Трудно живѣе схватить, чѣмъ это дѣлаетъ г. Салтыковъ, ту злобу «легіона сорванцовъ, у которыхъ на языкѣ «государство», а въ мысляхъ «пирогъ съ казенной начинкой»,—злобу противъ литературы, въ которой они усматриваютъ опаснаго для ихъ благополучія врага.

« — Нѣтъ, если ужъ вы хотите, чтобъ я говорилъ, «гудитъ» Ѳеденька Неугодовъ,—то я буду говорить. Серьёзно спрашиваю васъ: съ какого права ваша литература нападаетъ на коренныя основы нашей жизни? кто далъ ей это полномочіе? Кто разрѣшилъ ей въ такомъ видѣ представлять семью, собственность... государство?

« — Да въ какомъ же, мой другъ, въ какомъ?

« — Въ гнусномъ-съ. Повторяю, кто далъ ей полномочіе судить и рядить?»

Вотъ къ искорененію этого пагубнаго свойства «судить и рядить», т.-е. того, чтó составляетъ самую сущность, жизнь литературы, и направлены усилія нашихъ охранителей во вкусѣ... да, впрочемъ, «что въ имени тебѣ моемъ». Утопающіе хватаются и за соломенку; они тщетно надѣются, «что не будь вмѣшательства литературы, не существовало бы ни вопросовъ, ни волненій». Горькое заблужденіе. Не литература, а сама жизнь вызываетъ вопросы и волненія, и подрываетъ не настоящія, а фальшивыя и лицемѣрныя основы, за которыми прячутся, какъ за крѣпкимъ щитомъ, всевозможные Неугодовы. Основы этихъ послѣднихъ ничего не имѣютъ общаго ни съ собственностью, ни съ семьею, ни съ государствомъ.

Литература, по мнѣнію Неугодовыхъ, могла бы процвѣтать, пользоваться уваженіемъ, приносить пользу, если бы она только вмѣсто того, чтобы оказывать «противодѣйствіе», оказывала «помощь», т.-е., по выраженію сатирика, «писала диѳирамбы». Зачѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, разсуждаютъ они, этотъ унылый тонъ, этотъ подборъ «неутѣшительныхъ» явленій; зачѣмъ,—говорятъ они,—«забивать мысль читателя все будничными, да будничными представленіями, а не освѣжать ее бесѣдою о предметахъ возвышенныхъ, вызывающихъ пареніе; зачѣмъ пригибать человѣка все къ землѣ, да къ землѣ»... Литература, по мнѣнію такихъ господъ, должна была бы закрывать глаза на всѣ уродливыя проявленія безправія, на господствующую ложь, на торжествующее лицемѣріе—этотъ «гной», «язву», «гангрену» общества. Если она заговариваетъ о такихъ предметахъ, то они называютъ

это «заговоромъ» литературы. «Да заговоръ же и есть,—отвѣчаетъ сатирикъ.—Только не тотъ, которому въ законѣ присвоивается названіе преступленія, а тотъ, который испоконъ вѣковъ разлитъ въ воздухѣ, едва ли когда-нибудь прекращался. Это заговоръ, въ которомъ принимаетъ участіе не одна литература, а все и вся. Значитъ, язвы на столько обострились, что никому не даютъ ни отдыха, ни срока; значитъ, не только писать, но и думать ни объ чемъ иномъ нельзя; значитъ, доколѣ будутъ существовать язвы, дотолѣ будетъ идти рѣчь объ нихъ».

Безсмысленныя обвиненія литературы, не той, конечно, лакейской литературы, которая сдѣлала себѣ изъ «диѳирамбовъ» всему, чтò носитъ на себѣ печать реакціи, и изъ клеветъ на все, чтò стремится противодѣйствовать лжи и безправію, одно лишь выгодное и щедро оплачиваемое ремесло,—обвиненія въ «проведеніи заблужденій» въ среду русскаго общества, «подрываніи священныхъ основъ» и въ систематическомъ возбужденіи неудовольствія среди русскаго люда противъ вѣковыхъ устоевъ нашего общественнаго быта, несомнѣнно доказываютъ только одно—это враждебное отношеніе къ литературѣ. Такое враждебное отношеніе къ литературѣ, возлѣ которой на часахъ стоятъ неусыпные стражи, вооруженные предостереженіями, пріостановками, запрещеніями и другими не менѣе усовершенствованными орудіями для укрощенія безпокойныхъ, не можетъ не отзываться значительными неудобствами для «дѣйствующихъ» писателей. Такія «неудобства» болѣе, чѣмъ кто-либо другой долженъ испытывать на себѣ сатирикъ, призванный «порицать порокъ». Благодаря имъ, противъ г. Салтыкова отъ поры до времени раздаются обвиненія, которыя намъ представляются въ высшей степени неосновательными и вызываемыми исключительно или неискренностью, или легкомысліемъ обвинителей, въ томъ, что сатирикъ маскируетъ свои симпатіи и антипатіи, что онъ не высказывается достаточно ясно и скрываетъ свое «знамя».

Въ одномъ изъ очерковъ «Круглаго Года» г. Салтыковъ подводитъ итогъ этимъ обвиненіямъ и отвѣчаетъ на нихъ съ убійственною для обвинителей ироніей, изъ-за которой не трудно разсмотрѣть всю горькую серьёзность его отвѣта.

Прежде всего г. Салтыковъ отмѣчаетъ одну черту, съ удивительною силою вліяющую на литературу, черту, свойственную однако не однимъ писателямъ, а всему русскому обществу. Черта эта—боязнь. «Мы, русскіе,—говоритъ онъ,—какъ-то черезъчуръ ужъ охотно боимся и притомъ боимся всегда съ увлеченіемъ. Начинаемъ мы бояться почти съ пеленокъ; сначала, боимся

родителей, потомъ начальства... Я знаю, что это дурная привычка—и ничего болѣе. Но она до такой степени крѣпко засѣла въ насъ, что побѣдить ее ужасно трудно. Ужъ сколько столѣтій русское государство живетъ славною и вполнѣ самостоятельною жизнію, а мы, граждане этого государства, все еще продолжаемъ себя вести, какъ будто надъ нами тяготѣетъ монгольское иго, или австріакъ насъ въ плѣну держитъ»... Кто не согласится, что черта эта подмѣчена удивительно удачно. Первая мысль всегда у насъ не о томъ, ка́къ слѣдуетъ поступить въ каждомъ данномъ случаѣ, лишь только онъ касается общественной жизни, а о томъ, ка́къ отнесется къ нашему поступку «начальство». Такъ въ земствѣ, такъ въ судѣ, такъ въ литературѣ. Трудно, конечно, за такую боязнь винить тѣхъ, кто всосалъ ее съ молокомъ матери, но отрицать ее значило бы лгать. Спросите у каждаго добросовѣстнаго литератора, занимающагося изслѣдованіемъ общественной жизни, о чемъ онъ больше всего помышляетъ, когда пишетъ свою статью? О томъ ли, чтобы мысль его была по возможности ярче выражена? О, нѣтъ! онъ вамъ скажетъ, что половина умственной работы пропадаетъ на то, чтобы написать свою статью такъ, чтобы сначала пропустилъ редакторъ, если изданіе такъ-называемое безцензурное, а затѣмъ, чтобы этому редактору не досталось отъ кого слѣдуетъ, чтобы не надѣлать ему хлопотъ предложеніемъ вырѣзать статью, и это еще въ лучшемъ случаѣ, когда «начальство» оказывается милостивымъ. Какъ же тутъ быть? Вотъ и придумывается «езоповскій языкъ» «рабья манера писать», которая, какъ выражается сатирикъ, «при соотвѣтственномъ положеніи общества вполнѣ естественна». Сатиру г. Салтыкова, по его собственнымъ словамъ, обвиняютъ въ «двоедушіи», въ «обманѣ», но это двоедушіе, котораго въ дѣйствительности не существуетъ, есть только «полезная сдержанность», которую авторъ «Круглаго Года» приноситъ «въ жертву на алтарь отечества». Тѣ, которые его обвиняютъ, желали бы, разумѣется, чтобы г. Салтыковъ отбросилъ всякую сдержанность, чтобы онъ заговорилъ смѣлымъ языкомъ пророка, бичующаго пороки и обрекающаго общество на конечную гибель, но они желали бы этого вовсе не потому, чтобы сатира г. Салтыкова была не ясна, чтобы она мѣтко не попадала каждый разъ въ намѣченную цѣль, а исключительно въ надеждѣ, что, благодаря недостатку сдержанности, для этого удивительнаго писателя «произойдетъ молчаніе». Сатира его раздражаетъ, жжетъ, бьетъ не въ бровь, а прямо въ глазъ, а писатель какъ на зло умѣетъ обходить подводные камни и не даетъ повода «сократить»

его на законномъ основаніи. Конечно, можно бы и безъ повода, но все-таки какъ-то неудобно, все-таки прорублено, хотя и небольшое, но тѣмъ не менѣе окно въ Европу. Нѣтъ, г. Салтыковъ прекрасно дѣлаетъ, что не превращается, какъ того хотѣли бы его своеобразные доброжелатели, въ пророка, извергающаго громы: во-первыхъ, потому, что такая роль смѣшна, а во-вторыхъ и потому, что такая роль можетъ безнаказанно исполняться однимъ г. Катковымъ и его сподвижниками.

Другое преступленіе, въ которомъ кается сатирикъ, это отсутствіе у него «знамени», на которомъ можно было бы прочесть его завѣтныя думы. Но кто обвиняетъ его въ немъ? Лишь тѣ, которые держатъ въ своихъ рукахъ знамя, на которомъ огромными буквами написаны два слова: «распивочно и на выносъ». Существуютъ, конечно, и другія знамена, но выставлять ихъ до поры до времени не представляется удобнымъ, если гражданинъ желаетъ сохранить свою осѣдлость. Сатирикъ не прочь и отъ того знамени, на которомъ написано: семья, собственность и государство; но только онъ не признаетъ той семьи, представителями которой являются такія «куколки», какъ изображаемая имъ Nathalie Неугодова или противоположная ей Арина Петровна Головлева, онъ ненавидитъ тотъ принципъ собственности, который олицетворяется въ Деруновыхъ и Колупаевыхъ, и скептически относится къ такому государству, столпами котораго являются Ѳеденьки Неугодовы, Удавы, Дыбы, графы Твердоонтó, «эти поборники государственнаго союза», которые видятъ въ государствѣ только пирогъ, «къ которому ловкіе люди могутъ во всякое время подходить и закусывать».

Открыто, безъ всякихъ метафоръ, безъ всякаго риска могутъ, по словамъ сатирика, говорить только тѣ «гады», которые въ несмѣтномъ количествѣ заползли въ литературу и «кружатся, хохочутъ, ликуютъ, брызжутъ слюнями». Ихъ пѣсня знакомая: «земство отмѣнить, судъ присяжныхъ уничтожить, цензуру возстановить, крѣпостное право возродить».

Таковы общія черты, которыми рисуетъ авторъ «Круглаго Года» положеніе русской литературы и литераторовъ не изъ породы «гадовъ». Не казистое, разумѣется, положеніе, но оно не можетъ измѣниться къ лучшему до тѣхъ поръ, пока не измѣнится и самое положеніе общества, судьбу котораго всегда дѣлитъ литература.

О положеніи общества можно говорить съ различныхъ точекъ зрѣнія. Можно обсуждать его съ политической точки зрѣнія, т.-е. подвергнуть разсмотрѣнію вопросъ, какими правами оно

пользуется, какими нѣтъ, участвуетъ ли оно въ управленіи общественными дѣлами, или освобождено отъ этой тяжелой обязанности, имѣетъ ли оно голосъ въ рѣшеніи жизненныхъ для него вопросовъ, или разъ навсегда оно отказалось отъ своего голоса, точно ли опредѣлены его права и обязанности, или они зависятъ отъ «усмотрѣнія» и т. д. и т. д. Можно разсматривать положеніе общества съ экономической точки зрѣнія, съ юридической, заняться вопросомъ о степени его невѣжества или образованности, словомъ—тэма самая богатая, просторъ для анализа и наблюденія громадный. Г. Салтыковъ, зная хорошо предѣлы русской литературы, сторонится отъ изображенія политическаго положенія общества, обходитъ и экономическое и юридическое и сосредоточиваетъ свою сатиру на нравственномъ состояніи русскаго общества. Правда, впрочемъ, и то, что нравственное состояніе и есть тотъ итогъ, который подводится послѣ длиннаго сложенія, это общій выводъ изъ всѣхъ данныхъ, которыя представляются для опредѣленія общественнаго положенія.

Такъ какъ мы говоримъ теперь только по поводу «Круглаго Года», то мы и ограничимся только однимъ небольшимъ очеркомъ, посвященнымъ этому вопросу въ разбираемой книгѣ. Очеркъ этотъ носитъ названіе «Вечерокъ». Само собою разумѣется, что изображеніе нравственнаго положенія русскаго общества въ произведеніяхъ г. Салтыкова, въ цѣлой его сатирѣ, занимаетъ весьма большое мѣсто, и если бы мы захотѣли пользоваться всѣми сочиненіями этого писателя, то получилась бы крупная и яркая картина. Быть можетъ, мы и постараемся это сдѣлать въ другой разъ, но теперь наша задача гораздо ўже и мы остановимся только на одной или двухъ чертахъ общественнаго настроенія, отмѣченныхъ нашимъ сатирикомъ.

Какъ самою характерною чертою русской литературы является боязнь ея говорить смѣлымъ, достойнымъ языкомъ о язвахъ, подтачивающихъ общественный организмъ, такъ та же боязнь служитъ и отличительною чертою нравственнаго состоянія русскаго общества. Мы идемъ и озираемся, точно спрашиваемъ себя: да имѣемъ ли мы право идти по этой дорожкѣ? мы говоримъ шопотомъ, опасаясь, что насъ подслушаютъ самыя стѣны; всякое наше дѣйствіе, всякій поступокъ отличается нерѣшительностью, внутреннимъ противорѣчіемъ, точно мы опасаемся каждую минуту услышать окрикъ: ты что̀ тутъ дѣлаешь? Мы все норовимъ сдѣлать исподтишка, по секрету, и г. Салтыковъ какъ нельзя болѣе правъ, говоря, что нѣтъ другого народа, среди котораго было бы такъ распространено сообщать «по секрету»

какъ у насъ, русскихъ. Одинъ другому не можетъ сообщить безъ «секрета», что завтра собирается сходить въ оперу и послушать, ну хоть бы «Вильгельма Телля». А ну какъ начальство заподозритъ, что ты идешь въ оперу не для оперы, а только чтобы усладить свой слухъ звукомъ: «свобода!» Какъ же тутъ обойтись безъ секрета. Воля наша ослабла, энергія улетучилась, мы идемъ не твердою поступью, а бродимъ точно въ потьмахъ, какъ слѣпые, опасаясь постоянно на что-либо наткнуться и расшибить себѣ лобъ. Только въ одномъ есть смѣлость, рѣшительность—это въ стремленіи отождествить казенное имущество съ своимъ собственнымъ, и безъ труда, при помощи одной ловкости или обмана, поживиться на счетъ ближняго.

Мы до того запуганы, до того забыли о чувствѣ собственнаго достоинства, что готовы унижаться, и увы! вовсе не по приказанію «начальства», а исключительно по собственному вдохновенію, по единой привычкѣ къ униженію. «Начальство» никогда не должно опасаться, что мы злоупотребимъ предоставленными намъ правами; напротивъ, мы не посмѣемъ даже воспользоваться ими во всемъ ихъ объемѣ. И сколько примѣровъ изъ хроники современной общественности можно привести тому, какъ люди начинали ползать, пресмыкаться передъ властью, и притомъ вовсе не по приказанію, а вполнѣ добровольно, въ силу унаслѣдованнаго благонравія.

Причина такого угнетеннаго состоянія лежитъ въ привитой къ намъ боязни, никогда не покидающей насъ не только во всѣхъ нашихъ дѣйствіяхъ, но даже во всѣхъ помыслахъ нашихъ. Послѣдствіемъ такой притупляющей боязни является въ концѣ-концовъ тяжелая апатія, точно въ цѣпи заковывающая общество. Если хорошенько покопаться, то на днѣ этой апатіи, быть можетъ, и можно отыскать застывшую злобу, но она такъ глубоко, глубоко лежитъ, что на поверхности нѣтъ и слѣда самой легкой зыби. Если и выдаются минуты, когда общество точно встрепенется, то онѣ во всякомъ случаѣ мимолетны и не оставляютъ по себѣ и слѣда. Вспыхнетъ на мигъ огонекъ, но прежде чѣмъ успѣлъ онъ освѣтить вокругъ, снова мракъ, огонекъ потухъ.

Вотъ это-то нравственное состояніе русскаго общества и освѣщаетъ своей сатирой г. Салтыковъ. Сама боязнь какая-то неопредѣленная,—«боимся мы или не боимся?» сатирикъ не знаетъ, какой дать отвѣтъ. «Очевидно,—говоритъ онъ,—что въ душевномъ недомогательствѣ, которое угнетало насъ, сама по себѣ заключалась значительная доля неясности, мѣшавшей назвать

его по имени. Прямой острой боязни не было, но было безпокойство, была тупая боль. Одна изъ тѣхъ болей, при которыхъ, какъ говорится, не знаешь гдѣ мѣста найти, которыя зудятъ и сверлятъ весь организмъ, не давая свободной минуты, чтобы оглядѣться и обдумать выходъ»... При такомъ состояніи люди, разумѣется, путнаго ничего дѣлать не могутъ; всякая дѣятельность отравляется горькимъ сознаніемъ «безсилія, которое на все существованіе, на всю дѣятельность кладетъ унылый, почти постыдный отпечатокъ». Когда съ одной стороны сосетъ боязнь, съ другой—мутитъ сознаніе своего безсилія, тогда люди толкомъ и говорить не могутъ, а не то, чтобы дѣйствовать. Вотъ почему, когда люди сходятся, то въ большинствѣ случаевъ бесѣды ихъ, говоря словами автора «Круглаго Года», «имѣютъ характеръ угнетенный, отрывочный, какъ это всегда бываетъ съ людьми, которые совсѣмъ о другомъ думаютъ и только ради приличія языкомъ шевелятъ. Одна мысль явственно давитъ всѣхъ: ужели дѣйствительность, среди которой мы живемъ, есть дѣйствительность конкретная, а не кошмаръ»?..

Многіе ли изъ читателей, спрашивается, не проводили такихъ «вечеровъ», какой описываетъ г. Салтыковъ. Соберутся нѣсколько человѣкъ и начнутъ вести бесѣду. Долго она не клеится, о всѣхъ дрязгахъ жизни двадцать разъ переговорено, все то же, хочется чего-нибудь поживѣе, но лишь только вопросъ коснется какой-нибудь «злобы дня», какого-нибудь жгучаго предмета, такъ тотчасъ раздается чей-нибудь голосъ: «ахъ, господа, и что вамъ за охота объ этомъ говорить! развѣ вы не знаете»... Затѣмъ нѣсколько минутъ молчанія, снова разговоръ о дрязгахъ, чесаніе языка насчетъ ближняго, и вдругъ опять у кого-нибудь прорвется словечко о жгучемъ предметѣ—ну, смотрите, какъ бы чего-нибудь не вышло! еще разъ раздается предостереженіе, обливающее собесѣдниковъ ушатомъ холодной воды. Но храбрость возвращается, предостереженіе не дѣйствуетъ, «опасный» разговоръ завязывается, и вдругъ таинственный голосъ звучитъ въ ушахъ каждаго изъ собесѣдниковъ: «Philippe ici!» Никакого «Филиппа» и нѣтъ, но мысль о немъ такъ въѣлась въ насъ, что она парализуетъ разсудокъ. Но пусть двери затворятся наглухо, тайна «опаснаго» разговора обезпечена, можно бесѣдовать въ волю. Кто-нибудь съ паѳосомъ начинаетъ говорить: «господа! по нынѣшнему времени, больше, нежели когда-либо, требуется не уныніе, а дерзновеніе!..» Но лишь только такія слова произнесены, какъ всѣ собесѣдники умолкаютъ, и каждый, если не говоритъ вслухъ, то думаетъ: «такъ не угодно ли за

собственный счетъ и помолодечествовать». Разговоръ послѣ этого окончательно падаетъ, и всѣ рады, когда наконецъ произнесено будетъ рѣшительное слово: господа, не будемъ золотого времени терять, теперь время «годить». Зеленые столы раскрыты, мужчины играютъ въ винтъ или вистъ; дамы, если не играютъ, бесѣдуютъ о будущемъ благотворительномъ вечерѣ, на которомъ такая-то будетъ въ атласномъ, а такая-то въ бархатномъ платьѣ. Затѣмъ—ужинъ, и «вечерокъ» благополучно оканчивается. На другой день головная боль и снова одолѣваетъ угнетенное состояніе.

Да и можетъ ли общество находиться въ иномъ настроеніи, можетъ ли оно гордо держать свою голову и играть самостоятельную роль, когда вершителями его судебъ являются молодые и старые Ѳеденьки Неугодовы.

Ѳеденька Неугодовъ въ сатирѣ г. Салтыкова является еще пока въ образѣ «провинціальнаго мальчика», но обладающаго уже всѣми свойствами, чтобы превратиться въ зрѣлаго, солиднаго по своей внѣшности, хотя и по прежнему легкомысленнаго, господина Неугодова. Онъ, едва вылѣзши изъ курточки, подобно своимъ старшимъ собратьямъ, грозитъ все и всѣхъ «согнуть въ бараній рогъ», онъ уже возмущается преступною «распущенностью» и доказываетъ чужими словами необходимость «подтянуть». Онъ уже теперь облизываетъ пальчики при видѣ казеннаго пирога, изъ котораго стремится «урвать» лакомый кусочекъ, да и какъ ему въ этому не стремиться, когда Ворожбецкій-Пѣтухъ, одного съ нимъ выпуска, «ужъ успѣлъ ухватить полторы тысячки чернозёмцу». Словомъ, какъ говоритъ сатирикъ, «изъ молодыхъ, да ранній».

Для такихъ людей слово «отечество» не существуетъ. Они громко смѣются надъ тѣми, которые говорятъ, что «отечеству надлежитъ служить, а не играть его»; они остаются глухи къ убѣжденію того государственнаго человѣка, который, по словамъ г. Салтыкова, всегда такъ напутствовалъ отъѣзжающихъ чиновниковъ: «удивляюсь я, говорилъ онъ, какъ вы, русскіе, такъ мало любите свое отечество! какъ только получаете возможность, такъ сейчасъ же начинаете грабить». Но имъ этого мало; чувствуя себя всесильными, они желаютъ, чтобы всѣ трепетали передъ ними, они потрясаютъ указательнымъ перстомъ, какъ выражается сатирикъ, и громко кричатъ, обращаясь къ обществу: вотъ я тебя! Для чего же, спрашивается, они грозятъ, стращаютъ, запугиваютъ, «дразнятъ»? Да для того, чтобы не ослабѣвало уваженіе къ «авторитету»; они полагаютъ, что угроза и наглость

могутъ съ избыткомъ замѣнить и умъ, и честность, и законное требованіе, чтобы съ людьми обращались и справедливо и человѣчно. «Но понимаете ли вы сами, спрашиваетъ сатирикъ, всю непосильность взятой вами на себя задачи? Во-первыхъ, вы, очевидно, смѣшиваете уваженіе къ авторитету съ испугомъ, потому что хотите утверждать первое механически, а механически утверждается только испугъ. Во-вторыхъ, какъ ни законно желаніе, чтобы авторитетъ былъ окруженъ уваженіемъ, но насколько же можетъ содѣйствовать этому дурная привычка дразниться... Дразнясь, вы больше оскорбляете, пробуждаете въ сердцахъ несравненно бо́льшую массу горечи, нежели даже допускаемая прямыя жестокости». Но ко всякимъ обращаемымъ къ нимъ совѣтамъ они относятся презрительно, они не желаютъ ничего ни видѣть, ни слышать, ни понимать; они видятъ только появленіе нѣкоторыхъ зловѣщихъ признаковъ, указывающихъ на то, что торжество ихъ не можетъ быть вѣчно, они съ ужасомъ смотрятъ на какихъ-то чуждыхъ и ненавистныхъ имъ людей, которые говорятъ: пощадите, такъ вѣдь нельзя! и они еще больше закусываютъ удила и пуще прежняго грозятъ «подтянуть, согнуть въ бараній рогъ».

Пусть тѣ, которые утверждаютъ, что г. Салтыковъ умѣетъ только смѣяться надъ всѣмъ и надъ всѣми, и что сатира его не согрѣта ни горячею любовью, ни страстною ненавистью, пусть они вдумаются хотя бы въ эту короткую выдержку:

«— Пойми меня: можно пройти по странѣ съ огнемъ и мечемъ, можно разорить ее, испепелить, изсушить... Это будетъ нелѣпо, жестоко, по татарски; но ежели изъ сего должно произойти возрожденіе—дѣлать нечего, пусть такъ. Но.... «подтянуть». Подтянуть, согнуть въ бараній рогъ—право тутъ даже идеи никакой нѣтъ! Это только уродливые образы, которыхъ въ натурѣ невозможно даже воспроизвести. Ну, представь себѣ Россію взнузданною или въ видѣ бараньяго рога... вѣдь нельзя себѣ это представить? не правда ли? нельзя?

— Да, но вѣдь вы понимаете, что я говорю au figuré.

— Понимаю. Но есть предметы, о которыхъ au figuré просто непозволительно говорить. Бываютъ случаи, когда инословіе становится поперекъ горла, когда отъ него гноемъ пахнетъ. Вспомни, голубчикъ, вѣдь Россія—твое отечество!»

Чѣмъ старше становятся Ѳеденьки Неугодовы, тѣмъ ихъ принципы, которые сводятся къ двумъ словамъ: искоренить и истребить, болѣе крѣпнутъ; получая значеніе, они изъ области слова переходятъ въ область дѣла. Не все, разумѣется, удалось имъ

«искоренить и истребить», но, во всякомъ случаѣ, они могутъ гордиться—имъ все-таки удалось причинить много зла своему «отечеству». Искоренить не искоренили, а урѣзали все-таки достаточно. Они торжествовали, когда урѣзывалось земство, и оно подчинялось административной власти; они ликовали, когда къ суду относились недовѣрчиво и урѣзывалась сфера его юрисдикціи; они праздновали свою побѣду, когда литература и общество посажены были на скамью подсудимыхъ и урѣзывалась даже та призрачная свобода печати, которая должна была играть роль фонтанели въ золотушномъ организмѣ. Они желали до конца загнать внутрь болѣзнь, думая только о своихъ настоящихъ выгодахъ и нимало не помышляя о будущемъ. Но не все же будетъ праздникъ на улицѣ Неугодовыхъ, «не вѣчно, говоря словами сатирика, будутъ проповѣдывать, что крестьянская реформа есть источникъ всѣхъ золъ, что судъ присяжныхъ—злонамѣренная комедія, что свободная печать—вертепъ мошенниковъ пера, что человѣчность равна сочувствію»... Не вѣчно также, можно прибавить, наше общество будетъ играть роль спеленутаго младенца. Когда-нибудь, да сдѣлается же оно совершеннолѣтнимъ со всѣми аттрибутами такого совершеннолѣтія. Но когда наступитъ эта желанная пора—вотъ тревожный вопросъ.

Когда наступитъ? Все то безправіе русской жизни, которое съ силою истинно великаго таланта воспроизводитъ въ своей сатирѣ г. Салтыковъ, та придавленная, не лгущая и не парадирующая своимъ цинизмомъ и «диѳирамбами» литература, то жалкое положеніе общества, живущее со дня на день, въ постоянной боязни, унизительномъ страхѣ, не знающее ни личныхъ, ни общественныхъ гарантій, та «лава», тотъ «гной» душащаго бюрократизма, «грозящаго», «дразнящаго», «грабящаго» и наслаждающагося «подтягиваніемъ» и «взнуздываніемъ» Россіи—все это представляется какимъ-то кошмаромъ, уродливыми призраками, которые могутъ исчезнуть только съ появленіемъ «солнечнаго луча». Но увы! какъ не сказать вмѣстѣ съ сатирикомъ: «я не знаю, когда этотъ солнечный лучъ появится».

Мы увѣрены только въ одномъ, что когда наступитъ этотъ радостный день, когда «солнечный лучъ» освѣтитъ и согрѣетъ темную и холодную общественную жизнь русскаго народа, тогда по всей справедливости будетъ оцѣнено громадное значеніе сатиры г. Салтыкова и имя его станетъ однимъ изъ самыхъ дорогихъ и славныхъ именъ въ русской литературѣ.

Евг. Утинъ.

НАШЕ
ГОРОДСКОЕ САМОУПРАВЛЕНІЕ

Изъ общественной жизни города Петербурга *).

Уже два четырехлѣтія прошли съ тѣхъ поръ, какъ Петербургъ обновился городскимъ общественнымъ управленіемъ. На него возлагались немалыя надежды; дѣло касалось интереса, въ своемъ родѣ первостепеннаго, всѣмъ близкаго: гдѣ и какъ вы живете, чѣмъ вы дышите, что̀ ѣдите и пьете, и что̀ вы за все это платите, — развѣ это не сама реальная жизнь?

И вотъ, въ 1873 водворилось у насъ по всѣмъ этимъ дѣламъ самоуправленіе: мы сами распоряжаемся ими. Правда, это „сами"— собственно хвастовство; но думалось сначала, что дѣло пойдетъ лучше, чѣмъ прежде, что если намъ, обывателямъ, тогда, до Городового Положенія, жить было не очень ладно, то теперь, должно быть, поживется лучше и легче. Свободные думскіе люди могутъ вдоволь объ этомъ надуматься, и имъ не особенно мѣшаютъ. Они спорили и спорятъ даже съ министрами—и выигрываютъ.

Однако,—по крайней мѣрѣ на разстояніи этихъ восьми лѣтъ,— ожиданія не очень оправдались. Нѣтъ ничего ни лучше, ни легче, ни дешевле. Всѣ въ этомъ убѣдились, и на думу махнули рукой. Что̀ же дѣлаютъ думскіе гласные, наши представители, наши полузаконодатели?..

....

*) Въ «Вѣстникѣ Европы» прошлаго года помѣщена была статья, относящаяся къ тому же предмету («В. Е.», 1880, апрѣль: „Наши 252 представителя"); мы сочли не лишнимъ возвратиться еще разъ къ вопросу, и теперь возбуждающему много толковъ и споровъ.—*Ред.*

Вступленіе Петербурга съ новымъ городовымъ положеніемъ на болѣе широкій путь происходило при обстоятельствахъ очень благопріятныхъ. Не предстояло сочинять что-либо новое, когда нужно было дѣйствовать; не приходилось для образованія кадровъ брать новыхъ людей, ни къ чему не подготовленныхъ, вмѣсто мастеровъ своего дѣла, уже испытанныхъ. Въ новые мѣхи вливалось вино старое. Имена думской интеллигенціи прежняго состава перешли полностію и въ новую думу. Люди, стоявшіе на верху прежняго зданія, украсили и новое. И при вторыхъ выборахъ, въ 1877 году, эти лица неизмѣнно остались. Нашлось даже пятеро такихъ гласныхъ, которые въ этомъ званіи безпрерывно служили общественному дѣлу съ древнѣйшихъ временъ петербургскаго самоуправленія, съ первой думы 1846 года.

Съ другой стороны, избраніе исполнительныхъ органовъ также облегчало представителямъ ихъ путь. Ломки не требовалось. Покойный Н. И. Погребовъ, прослужившій столицѣ вѣрой и правдой цѣлыя двѣнадцать лѣтъ въ должности головы, былъ избранъ въ нее и при новомъ порядкѣ. Не потому, что de mortuis nil nisi bene, но по правдѣ можно сказать, что онъ, посвятивъ городской общественной службѣ лучшіе свои годы, умѣлъ—что вовсе не легко—расположить къ себѣ ту разнокалиберную массу, которая до 1878 года носила названіе общей, а теперь носитъ имя просто городской думы.—Прежде—какъ мы уже объясняли—дворянинъ, чиновникъ, купецъ, мѣщанинъ, сидѣли каждый за своей загородкой и черезъ нее не перелѣзали; теперь эти перегородки сломаны, и сдѣланы другія, чтобы отдѣлять толстый карманъ отъ тощаго. Ни тѣ, ни другія не облегчали положенія городского предводителя. Покойный голова, при благопріятныхъ особенностяхъ личнаго характера, имѣлъ еще двѣ другія особенности, которыя привлекли къ нему главныя группы думскаго состава. Принадлежа, по происхожденію, къ купечеству, Николай Ивановичъ былъ естественно свой человѣкъ среди гласныхъ купцовъ, и ниже ихъ стоящихъ мѣщанъ и ремесленниковъ. Вся эта сила стояла за него горой. Съ другой стороны, какъ человѣкъ съ университетскимъ образованіемъ, онъ могъ понимать думскую интеллигенцію и самъ былъ ей понятенъ. Кромѣ того, онъ былъ человѣкъ доступный для каждаго, и это, помимо даже приведенныхъ причинъ, располагало къ нему. Все это выразилось въ той оваціи, которую бывшая общая дума, наканунѣ своего распущенія, 5-го декабря 1872 года, сдѣлала Погребову. Это же сказалось въ выборѣ его думою преобразованною: сперва,—въ 1873 году, 195 голосами изъ 215, и потомъ—въ 1877 году, 197 изъ 227.

Не менѣе, казалось, улыбались новой думѣ и другія обстоятель-

ства. Въ товарищи головы избранъ былъ человѣкъ честный, благонамѣренный, образованный, и хотя кончилъ курсъ въ высшемъ привилегированномъ заведеніи, человѣкъ чрезвычайно трудолюбивый. Въ составъ членовъ городской управы однимъ изъ первыхъ избранъ бывшій наканунѣ городской секретарь, въ теченіи десяти лѣтъ несшій эту должность, пріобрѣвшій поэтому большую опытность и заслужившій довѣріе.

Все складывалось очень хорошо, даже отлично. Голова — человѣкъ хорошій, товарищъ его—усердный и дѣятельный, одинъ изъ членовъ управы—сама думская опытность,—чего лучше? И финансы города были въ положеніи очень порядочномъ. Вотъ что, между прочимъ, писало городское общество въ адресѣ Погребову 1872 г.:

„Двѣнадцать лѣтъ назадъ, при вступленіи вашемъ, средства города были крайне скудны и за недостаткомъ ежегодныхъ доходовъ приходилось истощать запасные капиталы для удовлетворенія обыкновенныхъ текущихъ издержекъ, а многія, возникавшія въ то время полезныя предположенія, вовсе отклонялись. Въ этотъ же періодъ времени положеніе городской кассы на столько улучшилось, что, независимо отъ увеличившихся ежегодныхъ затратъ на столичную полицію, мировыя учрежденія, на строительную часть, на содержаніе городскихъ стипендіатовъ въ разныхъ заведеніяхъ и пріютахъ, городъ не затруднился удѣлить значительныя суммы на такія потребности, какъ, наприм., по принятію санитарныхъ мѣръ во время эпидемій, по устройству образцовыхъ больничныхъ бараковъ, на ремесленное училище, на устройство новыхъ кладбищъ; въ послѣднее же время, также на городскія средства, предприняты сооруженія, которыя много украсятъ нашу столицу, а именно: разведеніе обширнаго сквера на Адмиралтейской площади и открытіе набережной Невы вдоль Адмиралтейства".

Ограничимся этой выпиской, прибавивъ лишь на основаніи дальнѣйшихъ строкъ письма, что запасные капиталы были возстановлены, и что преуспѣяніе городского хозяйства за это время было очевидно.

Поослабивъ болѣе или менѣе высокій тонъ приведенной выписки, неизбѣжный какъ въ похвальной одѣ временъ былыхъ, такъ и въ благодарственномъ адресѣ нашихъ дней, все-таки получимъ ту истину, что дѣла думы шли недурно, а денежная часть даже и поправилась, и запасныхъ средствъ опять поднакопилось. Не могли же, въ самомъ дѣлѣ, городскіе представители, хотя бы и въ привѣтственномъ восхваленіи, завѣдомо лгать.

Поэтому новорожденной городской думѣ, въ лицѣ своихъ частію

прежнихъ, частію вновь избранныхъ 252-хъ представителей приниматься за дѣло было нетрудно.

И дѣло пошло. Засѣданія, доклады, коммиссіи, пренія, заявленія, протесты, обжалованія,—все завертѣлось какъ въ калейдоскопѣ. Сотни вопросовъ, самыхъ разнообразныхъ—крупныхъ и мелкихъ, дѣльныхъ и пустыхъ, общественныхъ и личныхъ, поднимались, ложились въ кипы докладовъ, обсуждались. Порядокъ выборовъ, инструкціи, устройство набережной, изслѣдованіе невской воды, урегулированіе города, газъ въ зарѣчныхъ частяхъ, извощичій промыселъ, устройство кладбищъ, конно-желѣзныя дороги, освѣщеніе улицъ, тюрьмы, удаленіе нечистотъ, смѣта расходовъ, водопроводы, дороговизна мяса, оцѣнка имуществъ, и еще инструкціи, вознагражденія и проч., и проч. И все это, почти въ полгода, перебывало на думскомъ форумѣ, вызывая иногда бурные дебаты.

Прежде всего является вопросъ: какъ посѣщаютъ гласные засѣданія думы, той думы, въ которую они добровольно поступили, а можетъ быть даже и очень искали поступить? Признаютъ-ли они, что эти посѣщенія есть первое и необходимое проявленіе той обязанности предъ обществомъ, которую они на себя приняли, что дѣятельность думскаго гласнаго *внѣ* посѣщеній думы почти не существуетъ? Помнятъ-ли они, что они являются повинными предъ всѣмъ обществомъ, не только своихъ избирателей, но всей столицы, негодующей на ихъ легкомысліе, если они взяли на себя непосильный трудъ и если они къ нему небрежны.

Изъ 252-хъ собралось въ первый день перваго четырехлѣнія 237. Они принесли тогда узаконенную присягу. Въ первый день второго четырехлѣтія явился 231 гласный, — тоже для присяги. Исполнивъ этотъ долгъ, многіе считаютъ себя очевидно исполнившими и все дѣло. Въ первомъ періодѣ посѣщеніе гласными первыхъ засѣданій выражается въ рядѣ такихъ цифръ: 237, 197, 215 (выборъ головы), 189, 192; во второмъ—231, 230 (выборъ головы), 204, 186, 155. Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, наприм. въ октябрѣ, когда дѣятельность послѣ лѣта опять оживляется, цифры идутъ такъ: въ первомъ созывѣ—76, 97, 80, 77, 78, 85, 85,—средняя 83; и во-второмъ созывѣ—128, 112, 124, 109, 120, 102, 125, 111, — средняя 116. Если взять тотъ же октябрь и прослѣдить его чрезъ всѣ годы, то средняя мѣсячная цифра гласныхъ, присутствовавшихъ въ засѣданіяхъ, будетъ: въ 1873 году—83, въ 1874—142, въ 1875—88, въ 1876—88; во второмъ періодѣ: въ 1877—116, въ 1878—126, въ 1879—107. Двѣ изъ этихъ

цифръ, нарушающія нѣкоторымъ образомъ порядокъ, требуютъ пояснений. Въ послѣднемъ четырехлѣтіи болѣе выдается цифра 1878 года. Но тутъ было скопленіе обстоятельствъ, которыя экстренно привлекали, не говоримъ дѣятелей, а любителей ощущеній. Въ октябрѣ 1878 года, покойный Погребовъ заявилъ рѣшительный отказъ отъ должности головы,—дѣло любопытное; потомъ рѣчь шла о выкупѣ газоваго предпріятія,—дѣло для иныхъ небезъинтересное: может поступить въ городское завѣдываніе, будутъ мѣста, оклады; въ этомъ же октябрѣ предложеніе кандидатовъ въ головы на мѣсто Погребова,—дѣло существенное, а затѣмъ вопросъ о наградахъ, да еще съ нѣкоторымъ скандаломъ — какъ не идти? Что касается до цифры 1874 года, то двухъ словъ довольно для разъясненія: конно-желѣзныя дороги. Не мудрено, что въ октябрѣ 1874 года было въ засѣданіи одинъ разъ 132 гласныхъ, другой 134, а потомъ, когда нужно было баллотировать концессіонера, то даже два раза сряду по 192. Это, разумѣется, утомительно, и вслѣдъ затѣмъ на разсмотрѣніе годового бюджета пришло только 82.

Разсмотрѣніе ничтожныхъ, повидимому, цифръ посѣщенія гласными думскихъ засѣданій имѣетъ не мало назидательнаго. Идетъ въ думѣ рѣчь о предметахъ несомнѣнно серьёзныхъ, въ родѣ, наприм., утвержденія смѣтъ, ревизіи отчетовъ, пониженія цѣнъ на хлѣбъ и мясо, устройства санитарной части, промысловъ — число присутствующихъ держится въ нѣсколькихъ десяткахъ, далеко не достигая сотни. Даже такіе, всѣхъ захватывающіе вопросы, какъ установленіе новыхъ налоговъ и сборовъ, въ томъ числѣ знаменитый личный налогъ на трудъ,—не возбуждаютъ вниманія и участія, и гласные такъ же изрѣдка сидятъ на своихъ неудобныхъ скамьяхъ [1]). Вотъ на выдержку нѣсколько цифръ: въ 1874 году, разсмотрѣніе смѣты первый разъ вполнѣ по новому положенію, т.-е. когда дума сама, непосредственно, утверждаетъ ее,—дѣло, казалось бы, немаловажное—73, 80, 72, 84, 76; въ 1876 году установленіе сборовъ—97, 82, 73; въ 1880, смѣты и отчеты—80, 88, 80, 108, 95, 114, 107; ревизія отчета, пониженіе цѣнъ на мясо, закрытіе кладбищъ въ городѣ—56, 52, 52. Наоборотъ, когда на очереди стоятъ выборы, или другія близкія сердцу дѣла, водопроводное, желѣзно-конное,—совсѣмъ другія цифры. Выборъ въ оцѣночныя коммиссіи—115, 129, 123; выборъ мировыхъ судей—193, 168, 198; мостъ чрезъ Неву—

[1]) Неудобныя скамьи—теперь анахронизмъ. Съ конца минувшаго года гласные сидятъ амфитеатромъ, въ «удобныхъ и покойныхъ» креслахъ, имѣются трибуны и все прочее. Передѣлки сдѣланы главнымъ образомъ потому, что прежняя зала и скамьи могли «весьма вредно вліять на здоровье ораторовъ»... На эти удобства разрѣшено израсходовать 12,450 руб.

138, 142, 144, 158; конно-желѣзныя дороги—109, 173, 132, 134, 192, 192; увеличеніе тарифа—123, 125.

Если взять среднія цифры за оба четырехлѣтія,—послѣднее, впрочемъ, не истекло еще вполнѣ и нѣкоторыхъ цифръ у насъ еще нѣтъ теперь въ виду,—то получатся слѣдующіе валовые выводы: въ первое четырехлѣтіе, на каждое засѣданіе, по разсчету 43-хъ мѣсяцевъ приходилось по 95 гласныхъ; на второе, по сложности 32-хъ мѣсяцевъ—по 115. Нужно думать, что если бы сосчитать всѣ цифры за этотъ послѣдній періодъ по его окончаніи, то средняя довольно понизилась бы, такъ какъ къ концу бо́льшая небрежность въ посѣщеніи засѣданій сдѣлалась очевидною. Въ сентябрѣ 1880 г. наличность 56—60 гласныхъ была дѣломъ обычнымъ. Тѣмъ не менѣе нельзя не указать на то, что гласные второго выбора исправнѣе посѣщали засѣданія, особенно въ первые два года; но за то въ лѣтніе мѣсяцы они давали себѣ каникулы болѣе или менѣе совсѣмъ свободные отъ занятій, чего не было въ первомъ четырехлѣтіи.

Какъ бы то ни было, но собранія были вообще не многолюдны, какъ видно уже вскорѣ по открытіи первой думы. Если гласные лѣниво собирались, такъ что нужно было нерѣдко и подолгу выжидать, пока наберется узаконенный minimum, то, напротивъ, они всегда очень поспѣшно убирались во-свояси, далеко не дождавшись конца засѣданія. Со стороны дѣятельныхъ гласныхъ начали возникать жалобы. Какъ часто приходится читать въ думскихъ журналахъ: „такъ какъ за симъ оставалось въ собраніи менѣе 1/5 части гласныхъ, то разрѣшеніе дѣла отложено до слѣдующаго засѣданія". Какъ часто примѣнялась статья городового положенія, предоставляющая обсуждать дѣла на слѣдующее засѣданіе при какомъ бы ни было числѣ гласныхъ — что́ пожалуй еще гораздо хуже,—какъ часто и при какомъ ничтожномъ числѣ присутствующихъ рѣшались дѣла существенной важности! Налогъ на личный трудъ и другіе сборы, напр., разсматривался и установлялся въ нѣсколькихъ засѣданіяхъ, въ которыхъ число баллотирующихъ было не разъ 59, 56; былъ даже случай, когда рѣшеніе состоялось большинствомъ 22 противъ 12 (по дѣлу объ отмѣнѣ прописочнаго сбора). Въ 1874, одно дѣло рѣшено даже 17-ю голосами противъ 13—это изъ 252!

Насколько составъ наличныхъ гласныхъ такъ сказать таетъ въ продолженіи даже одного вопроса, видно изъ хода того же дѣла о личномъ налогѣ. Засѣданіе 5-го мая 1876 года открылось удовлетворительно — при 100 гласныхъ. Обсуждались два первые параграфа проекта. Первый прошелъ безъ затрудненій; на второмъ, объ изъятіи отъ сбора нѣкоторыхъ лицъ, произошли разногласія. Когда затѣмъ поставили на баллотировку вопросъ объ освобожденіи лицъ, имѣющихъ

торговыя или прикащичьи свидѣтельства, оказался отрицательный результатъ: перевѣсъ 39-ти голосовъ противъ 27-ми, т.-е. всѣхъ, подававшихъ голоса было только 66—цѣлая треть первоначальнаго числа успѣла уже уйти. При рѣшеніи второго вопроса, объ освобожденіи разныхъ временныхъ рабочихъ, послѣдовалъ также отказъ 45-ю голосами противъ 17. Наконецъ, вопросъ объ освобожденіи духовенства рѣшенъ утвердительно при 56-ти присутствовавшихъ, перевѣсомъ 29-ти противъ 27-ми. А казалось бы, что можетъ быть болѣе близко каждому общественному дѣятелю, какъ не вопросъ о налогахъ.

И при такихъ-то условіяхъ, и съ такою небрежностью издаются нашимъ столичнымъ самоуправленіемъ законы, ложащіеся тяжелѣйшимъ бременемъ на все населеніе. Общество и печать возмутились въ свое время указаннымъ плодомъ думскаго законодательства; но еще возмутительнѣе процедура вызрѣванія этого плода. Такъ понимаютъ эти „лучшіе люди" свои права и обязанности.

Лѣность гласныхъ въ посѣщеніи думскихъ засѣданій влекла за собой, естественно, медленность въ ходѣ занятій и въ разрѣшеніи дѣлъ. Напримѣръ вопросъ о займѣ для постройки моста Александра II назначался къ слушанію послѣдовательно четыре раза, только потому, что въ первыя три засѣданія не прибыло законной половины гласныхъ. По этой же причинѣ дѣла несомнѣнно серьёзныя, какъ преданіе суду одного коммиссара, растратившаго городскія деньги, или о переложеніи мостовой повинности изъ натуральной въ денежную, переносились съ засѣданія на засѣданіе, по разсчету одной думской коммиссіи, до 22-хъ разъ. Дѣло помянутаго коммиссара, принятое новою думою въ числѣ старыхъ дѣлъ, влачилось по программамъ за неприбытіемъ нужнаго числа гласныхъ, еще и въ минувшемъ 1880 году; о мостовыхъ же такъ и не разсуждалось. Въ спискахъ дѣлъ, назначенныхъ къ разсмотрѣнію думы, даже въ послѣднее время, нерѣдко попадались такія, доклады о которыхъ напечатаны въ „Извѣстіяхъ" еще въ 1874 и даже въ 1873 годахъ. Изъ свѣдѣній, представляемыхъ головой, видно, что дѣла, рѣшеніе коихъ предположено въ извѣстный періодъ, никогда не успѣваютъ разрѣшиться въ свое время и въ большомъ числѣ переходятъ недоимкой на слѣдующіе сроки.

Не разъ, не два говорилось въ думскихъ засѣданіяхъ о такой вопіющей медленности, наконецъ одинъ изъ нихъ, одинъ изъ старѣйшихъ, вноситъ (въ 1875) уже формальное заявленіе о томъ, что необходимо принять какія-нибудь мѣры къ тому, чтобы гласные съѣзжались въ возможно бо́льшемъ числѣ. Правда, онъ еще не увидѣлъ тогда, гдѣ корень зла, тѣмъ не менѣе это былъ первый серьёзный шагъ, первый приступъ къ дѣлу.

Итакъ, что сдѣлать, чтобы гласные являлись на засѣданіе?—Дума съ этою цѣлью образовала коммиссію изъ 6-ти лицъ, которая осенью того же года и внесла свой докладъ. Оказалось, „что нѣкоторые гласные въ продолженіе двухъ лѣтъ со времени ихъ избранія не были ни въ одномъ засѣданіи"; нѣкоторые были только по разу, по два.

Коммиссія проектировала разныя мѣры, въ изложеніе которыхъ вдаваться не станемъ. Скажемъ только, что она отклонила мысль о штрафованіи гласныхъ за неявку, и предложила, во-1-хъ, измѣненіе нѣкоторыхъ узаконеній о порядкѣ рѣшенія дѣлъ, и во-2-хъ, нѣсколько мѣръ, совершенно къ порученію ея не относившихся, наприм., о совмѣстимости должностей по государственной и иной службѣ съ городскою, о производствѣ содержанія и т. д. Она почти исключительно занялась внутреннимъ распорядкомъ дѣлъ въ думскихъ засѣданіяхъ, отодвинувъ на самый дальній планъ основную свою задачу. Впрочемъ, это нерѣдко случается съ думскими коммиссіями.

Черезъ полгода докладъ коммиссіи обсуждался думою. Основное положеніе его: гласныхъ, не явившихся въ нѣсколько засѣданій сряду и не приславшихъ отзыва, замѣнять кандидатами, было отвергнуто. Но дума согласилась ходатайствовать предъ правительствомъ о разрѣшеніи въ нѣкоторыхъ случаяхъ продолжать обсужденіе дѣлъ, не смотря на убыль гласныхъ во время засѣданія. Кромѣ того, принять предложенный коммиссіей сборникъ постановленій о правахъ и обязанностяхъ думы и о дѣлопроизводствѣ въ ней.

Сборникъ соотвѣтствовалъ своему названію: въ него включено 120 пунктовъ какъ изъ закона, такъ и изъ разновременныхъ правилъ. Но въ немъ оказалось и новое правило. Каждый прибывающій гласный отмѣчается въ выставленномъ при входѣ въ думскія залы спискѣ, и въ журналъ засѣданія заносится, кто именно прислалъ отзывъ о неприбытіи.

Собственно говоря, не стоило бы на этомъ мелочномъ правилѣ и останавливаться, но въ настоящемъ случаѣ оно для насъ интересно. Цѣлые полтора года употребила дума на то, чтобы обдумать и принять мѣры къ побужденію своихъ членовъ быть добросовѣстнѣе въ посѣщеніи засѣданій. И что же въ результатѣ? Одна мѣра—просить позволенія рѣшать дѣла, которымъ законъ придаетъ особое значеніе, съ бо́льшею легкостію, при меньшемъ числѣ гласныхъ; другая—записывать приходящихъ гласныхъ въ спискѣ, и непришедшихъ, но извѣстившихъ, въ журналѣ. Но развѣ первая мѣра есть отвѣтъ на вопросъ, и развѣ она побуждаетъ лѣниваго и небрежнаго быть болѣе прилежнымъ и дѣятельнымъ? На нашъ взглядъ, если серьёзныя дѣла предоставляется рѣшать меньшимъ числомъ, то лѣнивымъ оттого

еще привольнѣе. Прежде все-таки, такъ или иначе, побезпокоятъ: крупныя дѣла, пожалуйте, будьте на лицо, положите шаръ; а теперь можно забыть и думать о пользахъ и нуждахъ общественныхъ, и никто не потревожитъ.

Вторая мѣра (странно даже примѣнять къ ней это слово), какъ ни ничтожна она сама по себѣ, обставлена еще разными облегченіями. Приходя въ собраніе, вамъ слѣдуетъ отмѣтить свою явку,— дѣло кажется не сложное; но вы не обязываетесь даже написать свое имя: правило предоставляетъ вамъ въ печатномъ спискѣ поставить противъ фамиліи двѣ, только двѣ, буквы: *яв*, т.-е. явился. Но если и это вамъ трудно, можете довѣрить „все это сдѣлать" особому лицу, командированному изъ городской канцеляріи. Потомъ, если угодно, вы можете отправиться домой: дѣло сдѣлано. По окончаніи засѣданія приводятъ въ извѣстность тѣхъ кто не явился — до васъ это не относится: вы закрѣпили свою наличность—и „около (sic) неявившихся дѣлается сокращенная отмѣтка: *не яв.*, т.-е. не явился", и ихъ считаютъ.

Итакъ, отмѣтка въ спискахъ, — вотъ весь плодъ полутора-годового рѣшенія задачи: какъ заставить людей ходить въ засѣданія. Въ итогѣ, какъ прежде среднее число бывавшихъ въ нихъ не превышало 70—80—90, такъ оно осталось и теперь. Включеніе въ журналъ именъ тѣхъ, кто не явился, но прислалъ извѣщеніе, оказалось также сущимъ пустякомъ: только очень немногіе исполняютъ этотъ обрядъ. Оно, впрочемъ, и понятно. Если люди уклоняются отъ исполненія своего долга, то какая же имъ охота еще публично выставлять свое имя, посылая извѣщенія? Они помнятъ, что ихъ имена въ этомъ случаѣ и въ журналы будутъ записаны и въ извѣстіяхъ напечатаны. Гораздо лучше отдѣлаться молчкомъ.

Но довольно. Пришлось продолжительно остановиться на мелочахъ, потому что наше городское представительство возвело ихъ въ крупное дѣло. Оно забыло только одну бездѣлицу. Забыло, что исполненіе долга, каковъ бы онъ ни былъ, требуетъ извѣстной высоты нравственнаго и умственнаго развитія, и чѣмъ этотъ уровень выше, тѣмъ обязанности исполняются добросовѣстнѣе, безъ всякихъ школьныхъ отмѣтокъ. Оно не могло выбраться изъ нынѣшнихъ неудобствъ, и никогда не выберется, пока не пуститъ живого, освѣжающаго теченія образованія и знанія.

Уже и изъ приведеннаго видно отчасти, что дума, организовавъ какъ будто себя при началѣ существованія, въ сущности осталась безформенной массой. Какъ ни казалось бы естественнымъ, сперва

установить самый механизмъ, вывѣрить его, и потомъ уже начать работу,—однако этого именно и не случилось съ думой. Наша машина принадлежала къ числу тѣхъ нерѣдкихъ на Руси сооруженій, которыя во время работы нужно постоянно исправлять, подвинчивать, подлаживать.

Исполнительные органы думы — голова, его товарищъ и управа въ лицѣ своихъ выборныхъ членовъ, именно въ силу своей роли исполнителей, должны были прежде всего получить отъ своего довѣрителя необходимыя инструкціи. Это прямо предуказалъ и законъ, который (55 ст. гор. пол., п. 11) ясно говоритъ, что городской думѣ предоставляется „опредѣленіе общаго порядка дѣйствій исполнительной общественной власти и снабженіе ея инструкціями о завѣдываніи ввѣряемыми ей дѣлами". Повѣренный не приступаетъ къ дѣйствіямъ, не получивъ правильнаго и даже формальнаго уполномочія, съ объясненіемъ того, чтó онъ можетъ дѣлать и противъ чего довѣритель спорить и прекословить не будетъ. Это—общее правило между частными людьми. Тѣмъ болѣе оно должно бы быть между многогласнымъ учрежденіемъ съ одной стороны, и многими уполномоченными—съ другой. Разный взглядъ на дѣло, разное пониманіе предѣловъ правъ и обязанностей не только между двумя сторонами, но и въ средѣ каждой изъ сторонъ, неизбѣжны, и тѣмъ сложнѣе и запутаннѣе становятся отношенія между довѣрителемъ и уполномоченнымъ. Поэтому опредѣленіе всѣхъ главныхъ пунктовъ довѣренности представлялось необходимымъ прежде всего. Въ другой статьѣ положенія (76) опять точно выражено, что „порядокъ занятій управы, а равно указаніе дѣлъ, подлежащихъ коллегіальному обсужденію управы или единоличнымъ распоряженіямъ городского головы или членовъ управы опредѣляются инструкціями думы". Самой управѣ предоставлено лишь распредѣленіе дѣлъ между ея членами.

Къ удивленію, городская дума отнеслась къ этому капитальному дѣлу съ крайнимъ равнодушіемъ; она какъ будто совсѣмъ не знала указанія закона. Разсуждая, вскорѣ по своемъ преобразованіи, объ обязанностяхъ головы и его товарища, она предоставила распредѣлить эти обязанности имъ самимъ, съ тѣмъ, чтобы они, не далѣе полугода, представили на обсужденіе думы свои „подробныя соображенія и заключенія" по сему предмету. Изъ сличенія этого порученія съ только-что приведеннымъ закономъ очевидно, что это далеко не одно и то же. Голова и его товарищъ такъ вѣроятно и поняли свое право и свои обязанности: они представили думѣ о распредѣленіи между ними обязанностей, но въ самой сжатой формѣ и безъ всякихъ „соображеній", нѣсколько параграфовъ, занявшихъ всего полторы странички думскихъ „Извѣстій". Они пренебрегли требова-

ніемъ думы, и имѣли на то право: законъ предоставляетъ распредѣленіе дѣлъ между членами управы ей самой, — а товарищъ головы тотъ же членъ управы.

Съ другой стороны, эта послѣдняя составила, не ранѣе, впрочемъ, какъ чрезъ полгода по открытіи думы, журналъ о распредѣленіи занятій между ея членами, и, хотя законъ не требовалъ, внесла и его на утвержденіе думы. Мотивами журналъ также не изобиловалъ.

Такимъ образомъ, столь важное дѣло, какъ постановка главнаго исполнительнаго органа, съ самаго начала пошло вкривь и вкось. Дѣлается то, что́ не нужно, и не дѣлается то, что́ необходимо.

Проектированныя правила дума ввела въ видѣ опыта на одинъ годъ и поручила, вмѣстѣ съ тѣмъ, управѣ составить, въ теченіи этого года, и представить на окончательное утвержденіе подробныя инструкціи по всѣмъ отраслямъ городского управленія и хозяйства. Но не то требовалось. Нельзя же серьёзно признать органическимъ правиломъ напримѣръ то, что одинъ членъ завѣдуетъ казначействомъ, а другой хозяйствомъ въ такихъ-то частяхъ города. Сила инструкціи должна заключаться въ указаніи, *какъ* завѣдывать, а этого-то въ данномъ случаѣ и не было.

Тѣмъ временемъ возбудили еще вопросъ о порядкѣ веденія дѣлъ въ подготовительныхъ коммиссіяхъ, назначаемыхъ думою по разнымъ случаямъ. Проектированіе этихъ правилъ поручили той же управѣ, хотя онѣ вовсе до нея не касаются и ей нѣтъ никакого дѣла до распорядковъ въ думскихъ коммиссіяхъ.

И, тѣмъ не менѣе, эти правила черезъ мѣсяцъ уже были внесены въ думу. Состояли они изъ 18 пунктовъ. Но пункты по бо́льшей части были самые элементарные: необходимо для засѣданія не менѣе трехъ членовъ (tres faciunt collegium), дѣла рѣшаются по большинству голосовъ; при равенствѣ голосъ предсѣдателя даетъ перевѣсъ; въ дѣлахъ многосложныхъ могутъ быть назначаемы субъ-коммиссіи; докладъ, если одобренъ, подписывается членами; меньшинство сохраняетъ право защищать свое мнѣніе въ думѣ, и т. п. Есть даже пункты мало грамотные.

Могутъ сказать, что это все мелочи. Но зачѣмъ же возводить мелочи въ дѣло, заниматься ими въ полномъ собраніи, и занимать управу, заваленную дѣломъ по горло? И неужели вообще нужна эта и подобная ей регламентація для „подготовительныхъ“ коммиссій. Вѣдь всѣ ихъ сужденія не имѣютъ и не могутъ имѣть никакого рѣшающаго характера. Просто собираются нѣсколько человѣкъ для предварительнаго обсужденія дѣла, которое всякій потомъ, въ общемъ собраніи, можетъ сколько хочетъ отстаивать по-своему. Такъ нѣтъ; непремѣнно нужно этой внѣшней канцелярской дѣловитости.

Но если управа съ этой инструкціей такъ поспѣшила, то дума не нашла нужнымъ подражать ей. Она дала инструкціи для подготовительныхъ коммиссій вылежаться весь 1874 и весь 1875 годъ, и только во второй половинѣ 1876 подняли ее, и утвердили. Зачѣмъ? Едва ли кто-нибудь изъ 75-ти представителей, утверждавшихъ ее, давалъ себѣ въ томъ отчетъ.

Что касается до судьбы инструкцій управѣ, то она была иная. Если въ приведенномъ случаѣ спѣшила управа и медлила дума, то здѣсь и первая не торопилась. А, кажется, было о чемъ похлопотать. Безпорядокъ, возможный во всякомъ новомъ дѣлѣ, въ новой думѣ нашелъ себѣ тучную почву и пустилъ крѣпкіе корни. Жалобы на медленный ходъ дѣлъ, которыя накоплялись, не переставали раздаваться отовсюду. Дума въ своихъ засѣданіяхъ тратила время на выслушиваніе разныхъ, ни къ чему не ведущихъ заявленій, которыя всецѣло относились къ области вѣдѣнія управы. Тѣмъ не менѣе эти заявленія даже дебатировались, и въ концѣ-концовъ передавались той же управѣ. Чуть не каждый гласный-ораторъ считалъ священнымъ долгомъ ежечасно врываться въ дѣятельность управы, тянуть ее къ отвѣту, давать указанія, подставлять ножку. Товарища головы при этомъ порядкѣ хватило едва на годъ, и онъ сталъ уже проситься въ отставку. Управа работала въ потьмахъ, не зная что̀ она можетъ и ка̀къ можетъ дѣлать. Дума, тоже, судила-рядила о томъ, что̀ попадетъ подъ руку, и опять принималась за управу.

Для послѣдней, впрочемъ, можетъ быть, это было и на-руку. Что̀ бы ни сдѣлала, и изъ какихъ бы побужденій ни сдѣлала,—она ни за что въ дѣйствительности не отвѣчаетъ: не дано инструкцій. Но и сами думскіе enfants terribles, къ удивленію, оставались въ отношеніи къ инструкціямъ довольно спокойными; при всей своей любви къ „запросамъ“, они рѣдко избирали эту тэму.

Итакъ, прошло три года,—а настоящихъ инструкцій управа не имѣла. Первое четырехлѣтіе городского самоуправленія, на которое все мыслящее общество изъ своего вынужденнаго далека глядѣло съ такимъ живымъ интересомъ, — это четырехлѣтіе приближалось уже къ концу, а 252 представителя не опредѣлили еще своихъ отношеній къ своему уполномоченному и не дали ему формальной довѣренности. Управа довольно аккуратно исполнила данное ей порученіе. Она представила думѣ докладъ свой и проектъ инструкцій, опоздавъ только на два мѣсяца противъ назначеннаго ей годового срока. Но дума лишь черезъ четыре мѣсяца принялась за его разсмотрѣніе, и „въ виду сложности и обширности настоящаго дѣла, собраніе признало полезнымъ предварительное разсмотрѣніе онаго поручить особой коммиссіи, съ тѣмъ чтобы она представила думѣ

свои соображенія и заключенія". Новая коммиссія занималась „соображеніями" почти полтора года и представила ихъ думѣ когда истекало уже четырехлѣтіе. Такъ оно и истекло, а городская ладья оставалась безъ руля, и въ такомъ видѣ попала въ руки новыхъ кормчихъ, — нынѣшняго думскаго состава, теперь также отживающаго послѣдніе дни.

Къ чести его, онъ не замедлилъ заняться инструкціями и посвятилъ имъ послѣдовательно нѣсколько майскихъ засѣданій 1877 г. Но едва ли этимъ и не ограничилась его заслуга. Не станемъ слѣдить за ходомъ дѣла, какъ оно ни интересно въ своихъ подробностяхъ: это завело бы слишкомъ далеко. Довольно сказать только, что по поводу инструкцій обсуждали, наприм., увеличеніе числа членовъ управы, по однимъ—до семи, по другимъ—даже до одиннадцати; приступили къ вопросу ни больше, ни меньше какъ объ упраздненіи полицейской врачебной части и о замѣнѣ ея новымъ, собственно городскимъ учрежденіемъ; порѣшили отобрать отъ правительства право утверждать фасады и планы его зданій и требовать, чтобы оно непремѣнно спрашивало на то позволенія управы. Это ломка цѣлой отрасли государственнаго управленія не останавливала думскихъ дѣятелей; но тутъ же они затруднились просить объ измѣненіи какого-то неудобнаго правила о мясныхъ лавкахъ; — эти правила утверждены-де въ извѣстномъ порядкѣ...

И удивляются еще, что ихъ представленія остаются безъ послѣдствій!..

Наконецъ съ инструкціями покончили. Разсмотрѣли ихъ даже по параграфамъ, а ихъ было не мало въ трехъ отдѣлахъ и девяти главахъ. Состоялось и рѣшеніе; но при этомъ оказалось, что инструкціи, ими уже утвержденныя, не вполнѣ согласны съ основнымъ думскимъ закономъ... Поэтому рѣшили поручить прежней коммиссіи, во-первыхъ, „согласовать инструкцію съ городовымъ положеніемъ", и, во-вторыхъ „установить окончательную редакцію въ такой формѣ, чтобы она вполнѣ опредѣляла права и обязанности управы". Это былъ вѣнецъ четырехлѣтнихъ трудовъ и мѣсячныхъ преній. Дума дѣйствуетъ на основаніи городового положенія, и только на основаніи его; а въ итогѣ—ея рѣшенія надо согласовать съ этимъ кореннымъ закономъ. А если коммиссія встрѣтитъ вещи несогласимыя; причемъ будутъ тогда столь трудно давшіяся рѣшенія? Или коммиссія, установляя редакцію и имѣя, кромѣ того, непремѣнно въ виду полное опредѣленіе правъ и обязанностей управы, натолкнется на такія пробѣлы въ одобренныхъ уже пунктахъ, что найдетъ нужнымъ пополнить ихъ, и будетъ пополнять, разумѣется, по своему

усмотрѣнію. Причемъ же будутъ всѣ принятые уже думою многочисленные параграфы?..

Управа, составляющая проектъ, коммиссія, его разсматривающая и измѣняющая, дума in pleno, окончательно обсуждающая и рѣшающая,—и потомъ опять та же коммиссія все пересматривающая, согласующая съ закономъ, пополняющая и опредѣляющая предѣлы правъ и обязанностей... И это цѣлые четыре года!

Но, еще и въ 1880 году не разъ дума занимается 'дѣлоустройствомъ управы, и доднесь продолжаетъ существовать коммиссія „о мѣрахъ къ успѣшному ходу дѣлъ въ думѣ...“

Но, скажутъ намъ, если дѣйствительно думскіе порядки не ладны, то есть довольно выборныхъ людей, всегда готовыхъ быть для дѣла усердными слугами. Въ разныхъ должностяхъ, коммиссіяхъ, при разныхъ дѣлахъ, не говоря о самой управѣ, предлагаютъ себя выборные люди, и это доказываетъ доброе желаніе гласныхъ послужить на пользу общую.

Да, скажемъ и мы, довольно есть гласныхъ готовыхъ послужить, и не только въ коммиссіяхъ, но и въ разныхъ должностяхъ. Но при этомъ необходимо отвѣтить на нѣсколько вопросовъ. Много ли такихъ, которые имѣютъ пользу общую, не говоримъ—единственною, но хотя бы главною цѣлью? Равны ли между собою гласные по своему положенію и значенію, какъ таковые? Они, пожалуй, не равны, пока состоятъ еще избирателями, но разъ они въ спискѣ 252-хъ,—всякое различіе должно исчезать. Но, при такихъ условіяхъ, возможно ли подчиненіе равнаго равному? Казалось бы, эти положенія не мирятся между собою. Если А равенъ Б, то онъ будетъ дурнымъ его подчиненнымъ: въ случаѣ несогласія съ его приказаніемъ, какъ начальника, онъ укажетъ на свое съ нимъ равенство какъ гласнаго, и не исполнитъ того, что̀ тотъ требуетъ. Отъ этого пострадаетъ дѣло. Если же онъ исполнитъ волю его вопреки своему мнѣнію, ибо получаетъ жалованье, съ которымъ разстаться не желаетъ, то перестанетъ быть ему равнымъ, и это неравенство перенесетъ и въ думскія засѣданія, гдѣ окажутся одинъ гласный неравный другому.

Между тѣмъ это равенство составляетъ основу правильнаго рѣшенія дѣлъ. Съ другой стороны, по отзыву самого исполнительнаго о́ргана думы, „вольнонаемные довѣренные люди“ выполняютъ порученія, т.-е. приказанія, нисколько не хуже выборныхъ лицъ, взятыхъ изъ числа гласныхъ. Это лестно для первыхъ и нелестно для вторыхъ; тѣмъ болѣе, казалось бы, не слѣдъ быть гласнымъ въ должностяхъ, подчиненныхъ ихъ думскимъ собратамъ.

Эта ненормальность становится еще рѣзче, когда подчиненный гласный получаетъ не опредѣленное жалованье, а другія матеріальныя выгоды, въ родѣ барышей отъ поставокъ, напримѣръ. Тутъ отношенія совершенно спутываются. Гласный наблюдающій долженъ глядѣть за каждымъ шагомъ гласнаго исполняющаго. Это есть несомнѣнный знакъ недовѣрія къ дѣйствіямъ послѣдняго; но первый не можетъ и не долженъ уклоняться отъ него, ибо иначе не исполнитъ прямой своей обязанности наблюдателя. Одинъ говоритъ — хорошо, другой говоритъ — худо, врывается въ матеріальные интересы его. Однако оба они, по думской залѣ, равны.

Поэтому должно бы быть непремѣнно, чтобы одинъ гласный не былъ въ роли подчиненнаго у другого, по крайней мѣрѣ въ кругу вѣдѣнія думы. Онъ не долженъ быть ни чиновникомъ думы или управы, ни подрядчикомъ. Между тѣмъ, что̀ же мы видимъ? Начальникъ чертежной, прямо подвѣдомый даже не всей управѣ, а ея члену, управляющему строительнымъ отдѣленіемъ,—гласный. Техникъ при этомъ отдѣленіи—гласный. Казначеи, также подчиненные члену управы и товарищу головы,—гласные. Городской землемѣръ — тоже гласный. Концессіонеръ конно-желѣзной дороги—опять гласный. Контрагентъ по освѣщенію, разные подрядчики: по очисткѣ мостовыхъ, по всякимъ каменнымъ и ремонтнымъ работамъ, по водопроводамъ и механическимъ устройствамъ,—все гласные и гласные.

Нужно-ли далѣе выяснять такое положеніе дѣлъ? И можно-ли удивляться, что городскія постройки плохи—и ничего, это сходитъ съ рукъ; что на городскихъ площадяхъ и мостахъ грязнѣе, чѣмъ передъ самымъ плохимъ домомъ,—и это тянется изъ года въ годъ; что на строительныя дѣла частныя лица не находятъ ни суда, ни расправы, и не найдутъ во вѣки вѣковъ; что фонари горятъ не ярче ночниковъ и проч. Чему тутъ удивляться? Вы помогли мнѣ, я помогъ вамъ, дѣло сдѣлано, а прочее все вздоръ. Станетъ-ли гласный архитекторъ спорить противъ гласнаго начальника чертежной? Разумѣется, нѣтъ, иначе откажись отъ построекъ. Станетъ-ли гласный подрядчикъ возражать сочлену помогшему получить подрядъ, или другому подрядчику, котораго могутъ позвать, и зовутъ, какъ гласнаго, въ коммиссію для провѣрки работъ и счетовъ перваго? Будутъ-ли требовательны къ казначеямъ тѣ гласные, которымъ при полученіи городскихъ денегъ эти послѣдніе окажутъ предупредительную быстроту и любезность? Все это—тѣ мелкія дроби, изъ которыхъ слагается крупная величина — настоящіе думскіе порядки; онѣ же составляютъ подкладку рвенія нѣкоторыхъ, чтобы не сказать многихъ, къ общественному дѣлу.

Но здѣсь по крайней мѣрѣ дѣло на чистоту: хочу извлекать

пользу изъ моей близости къ городскому дѣлу,—и не скрываю; къ тому же прямо могу понести и отвѣтственность. Въ коммиссіяхъ думы совсѣмъ другое дѣло. Объ отвѣтственности какой-нибудь, разумѣется, и помину быть не можетъ. Хочетъ коммиссія сдѣлать что-нибудь—хорошо; не хочетъ — никто ея не потревожитъ и напоминаніемъ. Отчетовъ о ходѣ занятій въ большинствѣ не требуется, сроковъ не назначается, а если ихъ иногда по заявленію какого-нибудь сердитаго гласнаго и укажутъ, — то это ровно ничего не значитъ, и о срокѣ можно нисколько не заботиться. Если и чиновники думы не стѣсняются такими мелочами, если городской юрисконсультъ находитъ, наприм., возможнымъ по $2^1/_2$ года удержать дѣла неподвижно и не откликаться на запросы, если и члены управы, и городской секретарь тоже не торопятся представлять думѣ требуемое къ назначенному времени,—то сама дума, въ лицѣ своихъ коммиссій, вполнѣ неуязвима.

По преобразованіи думы, она однимъ изъ первѣйшихъ своихъ рѣшеній упразднила бывшія прежде постоянныя коммиссіи, и признала за благо учреждать, по мѣрѣ надобности, особыя коммиссіи на каждый отдѣльный предметъ. Нельзя отрицать, что съ этой стороны было оживленіе дѣятельности. Если въ 1871 году такихъ коммиссій было 9, въ 1872 году всего 6, то въ 1875-мъ городской голова насчитывалъ уже 19. Иныя имѣли кратковременныя порученія, другія переходили изъ года въ годъ, иныя получали характеръ постояннаго исполнительнаго органа.

Одною изъ первыхъ учредилась, или, вѣрнѣе, возобновилась, такъ называемая оцѣночная коммиссія для недвижимыхъ имуществъ. Взглянемъ на нее нѣсколько поближе.

Оцѣночный сборъ въ пользу городовъ, въ видѣ извѣстнаго процента съ чистаго дохода, получаемаго отъ недвижимыхъ имуществъ или въ видѣ нѣкотораго процента съ той суммы, въ которую они оцѣнены, введенъ повсемѣстно городовымъ положеніемъ, какъ одна изъ статей городского дохода. Для Петербурга же онъ давно не былъ новостью: общая оцѣнка была произведена еще въ 1846 году. Съ того времени окладныя книги думы сдѣлались какимъ-то невозможнымъ анахронизмомъ, и въ нихъ были просто нелѣпости. Еще ревизіонная коммиссія 1864 года указывала на нихъ, и прежняя дума, и даже высшее правительство находили необходимымъ произвести общую переоцѣнку имуществъ. Съ того же времени, благодаря домовладѣльческой горячкѣ и тому, что дома перестраивались и надстраивались на всѣ лады, а домохозяева все возвышали

цѣны на квартиры, доходность домовъ очень возросла; между тѣмъ платежи въ городской доходъ оставались все прежніе. Поэтому переоцѣнка признавалась дѣломъ настоятельнымъ.

Тѣмъ не менѣе дѣло это затягивалось. Новая дума также не приступила къ нему рѣшительно, а остановилась сперва лишь на образованіи коммиссіи для оцѣнки собственно однѣхъ новыхъ построекъ, которыя, принося владѣльцамъ доходъ, остаются, за невнесеніемъ въ окладныя книги, совсѣмъ свободными отъ налога. Коммиссію проектировали въ числѣ шести членовъ, подъ предсѣдательствомъ члена управы. Каждому члену назначено по 1,200 руб. въ годъ; столько же, кромѣ того, на канцелярію. Было много разныхъ сужденій по этому, близкому домовладѣльцамъ дѣлу; иные, вѣроятно болѣе бережливые гласные, признавали даже вовсе ненужнымъ учрежденіе и самой коммиссіи, въ виду предстоящей общей переоцѣнки.

На засѣданіи, назначенномъ для выбора членовъ коммиссіи, дума оживилась: набралось 120 гласныхъ. Кандидатовъ предложено ни бóльше, ни меньше какъ 56; несомнѣнно 1,200 рублей имѣли свое значеніе. Надо было выбрать шестерыхъ. Пробаллотировали—и оказались избранными только двое. Вновь написали записки для предложенія кандидатовъ, и на этотъ разъ ихъ насчитывалось 41. Въ слѣдующемъ, третьемъ, засѣданіи выбаллотировали изъ нихъ только одного, и то лишь перевѣсомъ 5-ти голосовъ; прочіе оказались забаллотированными. Выборы были неуспѣшны; но это уже не первый случай: при выборѣ членовъ управы нужно было проходить чрезъ тѣ же мытарства,—плодъ „радѣнія родному человѣчку". Перспектива 3-хъ тысячъ и даже 1,200 плѣняетъ многихъ, каждый кладетъ шаръ своему кровному или близкому, и топитъ другого, не столь близкаго.—Но и не только въ члены, въ кандидаты къ нимъ, т.-е. въ запасные на всякій случай,—то же явленіе: только въ октябрѣ изъ 28-ми лицъ выбрали одного, въ ноябрѣ двоихъ, и затѣмъ остались еще трое неизбранными.

Ясно видно изъ этого, съ какимъ трудомъ производятся выборы не только въ управу, но и въ коммиссіи.—Но въ томъ же засѣданіи, гдѣ такъ сильно рвали 1,200 рублей, что они никому недоставались,—совершенно спокойно выбрали и назначили двухъ членовъ для опредѣленія отношеній столицы къ мѣстнымъ земскимъ учрежденіямъ и выбрали, ни бóльше, ни меньше, какъ 25 членовъ отъ города въ губернское земское собраніе. Также безъ труда образовалась около того же времени и подготовительная коммиссія изъ 18 лицъ для пересмотра правилъ общей переоцѣнки. Ларчикъ просто открывается: здѣсь не было никакихъ окладовъ. Да и одни-ли эти оклады такъ сильно тянули хотя бы въ члены оцѣночной коммиссіи? Не манило-ли

къ нимъ еще что-нибудь всѣ эти десятки гражданъ, большинство которыхъ не заявило себя обществу ни однимъ дѣйствіемъ, ни единымъ словомъ въ засѣданіи...

Но пока избранная коммиссія занималась пересмотромъ правилъ общей переоцѣнки, которая, какъ сказано, была не особенно по душѣ гласнымъ домовладѣльцамъ,—генералъ Треповъ доводилъ до свѣдѣнія Государя о безотложной необходимости ея въ видахъ увеличенія недостаточныхъ городскихъ средствъ и испрашивалъ высочайшаго соизволенія на опредѣленіе для того шестимѣсячнаго срока. Эта мѣра, писалъ онъ въ докладѣ, „могла бы послужить твердымъ основаніемъ къ *настоятельному* требованію о производствѣ переоцѣнки". Не заключается-ли въ этомъ „твердомъ основаніи къ настоятельному требованію" печальнаго, но вѣрнаго приговора всей системѣ представительства по новому положенію? Въ дѣлѣ городской пользы, притомъ наиболѣе справедливомъ, нужны настоятельныя требованія со стороны. Еще въ 1868 году послѣдовало о переоцѣнкѣ высочайше утвержденное мнѣніе государственнаго совѣта; но какъ она была не выгодна для домовладѣльческаго своекорыстія, то цѣлыя пять лѣтъ прошли въ проволочкахъ, пока, наконецъ, не явилась сила и не заставила сдѣлать то, что̀ должно бы быть сдѣлано по собственному сознанію долга.

Впрочемъ, и въ этихъ обстоятельствахъ нашлись люди, пытавшіеся пооттянуть. Нѣкоторые гласные начали пугать думу невозможностью исполнить дѣло въ назначенный срокъ, затруднительностію въ выборѣ лицъ, которыя взяли бы на себя тяжкій трудъ при такихъ условіяхъ (не оттого-ли, что желающихъ нѣсть числа?) и другими подобными страхами. Поэтому предлагали ходатайствовать о продленіи срока. Большинство, однако, оказалось противнаго мнѣнія, и, находя, что при многихъ оцѣночныхъ коммиссіяхъ дѣло представляется исполнимымъ, рѣшило приступить къ дѣйствіямъ.

Для выполненія задачи учредили одну центральную и 24 мѣстныя коммиссіи; первая составлена изъ предсѣдателя и четырехъ членовъ, прочія изъ трехъ членовъ каждая.—Но и при этомъ домовладѣльческіе инстинкты не преминули заявить себя. Предложено, и принято большинствомъ 53-хъ голосовъ противъ 36, избирать какъ въ центральную, такъ и въ мѣстныя коммиссіи исключительно изъ домовладѣльцевъ. Нужна опытность; другими словами, пусть чужой глазъ не проникаетъ въ тайники отношеній домовладѣльца къ его жильцамъ.

Затѣмъ, естественно, поставленъ вопросъ: слѣдуетъ ли дать членамъ коммиссій вознагражденіе? 56 противъ 34 разрѣшили его утвердительно. И назначено оно въ размѣрѣ 3,000 руб. каждому въ

центральной коммиссіи; кромѣ того, 6,000 руб. на наемъ состава канцеляріи и 3,000 руб. на бланки. Въ мѣстныхъ коммиссіяхъ дано каждому члену по 1,800 руб. Итого полтораста тысячъ рублей за полугодовую работу...

Легко представить себѣ, что̀ происходило здѣсь при выборахъ. Не будемъ слѣдить за всѣми перипетіями: онѣ характерны, но однообразны, и все въ томъ же направленіи. Довольно сказать, что дѣломъ спѣшили, и, несмотря на то, еще въ половинѣ февраля—а начато было въ декабрѣ—не могло составиться полнаго комплекта коммиссій. Бывало такъ, что баллотируются 78 кандидатовъ, а выберутъ только четверыхъ. Потомъ ужъ начали пробаллотировывать и забракованныхъ; только бы получить сколько слѣдуетъ. Семь изъ этихъ коммиссій составились полностію изъ домовладѣльцевъ-купцовъ, были купцы и въ другихъ, были и мѣщане.

Трудъ свой коммиссіи завершили къ концу 1874 года. По докладу опять генерала Трепова, имъ объявлена монаршая благодарность. Дума, кромѣ того, отъ своего лица выразила „признательность и благодарность". Именно и то и другое вмѣстѣ.

Кончились дѣйствія мѣстныхъ коммиссій,—возстановили опять прежнюю, въ видѣ постоянной коммиссіи изъ трехъ членовъ, для вновь возникающихъ построекъ, съ тѣми же 1,200 р. каждому и съ 1,200 р. на канцелярскіе расходы. Но кромѣ оцѣночной коммиссіи были еще особые цѣновщики: и ихъ дѣло было производить оцѣнки по требованіямъ разныхъ присутственныхъ мѣстъ и должностныхъ лицъ. На нихъ отпускалось особо 1,800 руб. Теперь нашли удобнѣйшимъ передать ихъ дѣло той же оцѣночной коммиссіи. И передали, вмѣстѣ съ деньгами. Всего, слѣдовательно, постоянная оцѣночная коммиссія обходится городской кассѣ въ 6,600 рублей.

Между тѣмъ переоцѣнка имуществъ привела къ тому результату, что стоимость ихъ, вмѣсто 134 милліоновъ по оцѣнкѣ 1846 г., возвысилась до 222 милліоновъ, т.-е. на 88 мил. Но въ эти послѣднія цифры вошли оцѣнки и казенныхъ квартиръ, занимаемыхъ чинами разныхъ вѣдомствъ, обложенныхъ теперь также процентнымъ сборомъ въ доходъ города, чего до 1874 года не было. Этихъ оцѣнокъ включено на 15 милліоновъ. Если исключить ихъ изъ указанной суммы, то окажется, что частное домовладѣніе въ продолженіи 28-ми лѣтъ съ 1846 года возрасло на 73 милліона, или по средней сложности на годъ около $2^1/_2$ мил. Такъ ли это, — не знаемъ, но кажется, не такъ. Кромѣ новыхъ построекъ сюда же вошли, или должны были войти, и результаты возвышенія квартирныхъ цѣнъ, — возвышенія, какъ извѣстно, ни съ чѣмъ не сообразнаго. Правда, домовладѣльцы, или оцѣночныя коммиссіи, выключили изъ дохода всѣ расходы, и

уже принимали въ основаніе только чистый доходъ, а расходы,—говорятъ они,—въ послѣднее время крайне возвысились. Здѣсь не мѣсто входить въ подробности этихъ разсчетовъ; но безспорно, что всѣ разсчеты—въ пользу владѣльца; большая часть въ исчисленіи расходовъ, падающихъ на домовладѣльца, выше дѣйствительности. Расходъ на дворниковъ, наприм., по правиламъ оцѣночной коммиссіи, смотря по доходу съ дома, составляетъ отъ 180 до 720 руб., и на столько меньше взимается и оцѣночный сборъ. Между тѣмъ есть множество домовъ, въ которыхъ дворникъ, съ подручными, не получаетъ отъ домохозяина ничего, или какіе-нибудь 3—4 рубля въ мѣсяцъ; остальная плата вся выбирается съ жильцовъ (то же и со швейцарами), однако за эти только двѣ статьи слагаются съ оцѣнки большого дома цѣлые десятки тысячъ рублей.

Но, допустимъ, что возвышеніе, т.-е.—удвоеніе и утроеніе цѣнности квартиръ съ 1846-го года все безъ остатка поглощено возвысившимися расходами. Остается надстройка старыхъ и постройка новыхъ домовъ, фабрикъ, бань и т. п., которая по выводамъ коммиссій оцѣняется въ годъ всего въ $2^1/_2$ мил.; другими словами, доходъ домовладѣльцевъ ежегодно увеличивался только на 250,000 р. Въ этомъ позволительно очень усомниться. Всѣмъ извѣстно, какія массы домовъ строятся въ Петербургѣ ежегодно; и все это только для 250 т. руб. на всѣ 10,000 домовъ. Въ 28 лѣтъ, значитъ, средняя доходность дома увеличилась всего на 700 руб. Такъ, по крайней мѣрѣ, слѣдуетъ изъ трудовъ оцѣночныхъ коммиссій.

Каждому, однако, извѣстно нѣчто другое, именно, что эти 700 рублей въ годъ набавились съ тѣхъ поръ едва ли не на каждую квартиру въ ту же цѣну. А по отзывамъ свѣдущихъ людей, лѣтъ двадцать пять назадъ рѣдкій домъ, отмѣнно доходный, давалъ 8 процентовъ; обыкновенный же 4—5. Теперь не рѣдкость 10 процентовъ, а на видномъ мѣстѣ, съ магазинами, и до 12-ти. Недоумѣваемъ, какъ же это примирить съ приведенными цифрами. И почему же развилась такая домостроительная горячка, и почему стоимость земли возрасла баснословно?

Пусть совѣсть гласныхъ скажетъ: заслужили-ли оцѣночныя коммиссіи „признательность и благодарность“ не отъ гласныхъ, а со стороны городского населенія.

Мы взглянули съ подробностію на это дѣло, потому что въ немъ дѣйствовала наибольшая сумма нашихъ столичныхъ представительныхъ силъ. Но не безъинтересно будетъ поглядѣть еще, что̀ сталось съ оцѣночнымъ дѣломъ, когда оно вновь предстало предъ 252-мя.

По городовому положенію размѣръ оцѣночнаго сбора не установленъ въ точности и назначеніе его предоставляется самимъ думамъ; указанъ только высшій предѣлъ—10% съ чистаго дохода, или 1% съ оцѣночной суммы. До конца 1874 года домовладѣльцы платили его въ этомъ высшемъ размѣрѣ. Управа,—должно ей отдать справедливость,—добросовѣстно взглянула на дѣло, и помня, что городу предстоитъ множество капитальныхъ расходовъ, представила думѣ, что и на будущее время слѣдуетъ остаться въ прежнемъ размѣрѣ сбора, т.-е. одного процента съ оцѣнки, и штрафъ за несвоевременный взносъ взимать также по одному проценту въ мѣсяцъ съ суммы недоимки.

Разсуждать объ этомъ собралось не въ примѣръ много: 138 гласныхъ.

Надо припомнить, что еще съ 1863 года на владѣльцахъ недвижимости лежитъ государственный налогъ, замѣнившій подушную подать съ мѣщанъ. Казалось бы, прошло больше земской давности, къ налогу этому привыкли—въ томъ смыслѣ, что съ квартирантовъ онъ выбирается съ лихвою, и можно бы его оставить въ покоѣ. Но нѣтъ. На бѣду, государственный совѣтъ, съ января 1875 года, взамѣнъ освобожденія городской кассы отъ нѣкоторыхъ расходовъ по воинской квартирной повинности, доходившихъ до 100 тыс. р. въ годъ, установилъ новый налогъ въ размѣрѣ 73% съ суммы прежняго государственнаго налога. При новой оцѣнкѣ эти налоги, оба вмѣстѣ, составляли до 2% чистаго дохода. Извѣстная часть гласныхъ тотчасъ завопила о крайнемъ обремененіи домовладѣльцевъ, и требовала принять эти 2% прямо расходомъ изъ городской кассы, тѣмъ болѣе, что въ отношеніи къ послѣдней прибавкѣ была и легальная возможность. Здѣсь необходимо небольшое поясненіе. Городская казна составляется изъ разныхъ доходовъ: и съ рабочаго адресный сборъ, и съ извощика сборъ за промыселъ, и съ трактира акцизъ, и съ домовладѣльца оцѣночный сборъ,—все идетъ на образованіе городской кассы. Домогаясь перенесенія на нее государственнаго налога, представители ни больше ни меньше какъ освобождали себя отъ него, а взамѣнъ того предлагали причитающуюся казнѣ сумму, до полмилліона, взять изъ того сундука, въ который вложили свою долю и торговецъ, и извощикъ, и рабочій. Улучшеній по городу настолько же меньше, а домовладѣльцамъ настолько же барыша.

Просвѣщенная и благоразумная часть гласныхъ возражала противъ такого сваливанія тяготы на плечи другого, находя, что если повинность наложена на домовладѣльцевъ, то они и должны нести ее, тѣмъ болѣе, что городская касса такъ бѣдна. Однако протесты ихъ остались втунѣ. Большинствомъ 58-ми противъ 22-хъ (нача-

лось засѣданіе при 138-ми) принять на городскую казну налогъ, платимый домовладѣльцами уже цѣлый десятокъ лѣтъ; на нее же принять и послѣдній налогъ. Оцѣночный собственно сборъ оставленъ затѣмъ прежній, т.-е. по 1% съ оцѣночнаго рубля.

Такимъ образомъ, когда все дорожаетъ, когда всѣ, какъ бѣдный, такъ и достаточный человѣкъ (не домовладѣлецъ), — чувствуютъ стѣсненія въ средствахъ жизни, гласные домовладѣльцы нашли нужнымъ поднести себѣ и своимъ собратамъ подарокъ въ полмилліона ежегоднаго дохода. За-одно облегчили себя и на случай неисправности во взносѣ оцѣночнаго сбора: вмѣсто цѣлаго процента пени въ мѣсяцъ положили только половину. Процентъ въ мѣсяцъ, т.-е. 12 процентовъ въ годъ—дѣйствительный штрафъ, замедлять уплатой невыгодно; а полпроцента, или 6 годовыхъ, совсѣмъ другое дѣло; за такіе проценты ныньче денегъ не достанешь, и быть должникомъ городской казны выгодно. Не оттого ли въ недоимкѣ числится четвертая часть сбора?

Но уже черезъ нѣсколько дней явилось разочарованіе. Городская управа,—припомнимъ, что ея проектъ провалился,—представила думѣ, что по смѣтѣ 1875 года оказывается дефицитъ въ 505 т. рублей, что предстоятъ еще новые и крупные расходы, въ томъ числѣ 365 тыс. на погашеніе займа для моста чрезъ Неву, что весь недостатокъ доходовъ составляетъ до 1.880,000 руб., и что потому предшествовавшее постановленіе, уменьшая поступленіе на 560 тысячъ, повергнетъ управу въ серьёзное затрудненіе. Ударъ былъ сильный. Правда, можно было спросить, неужели 5 дней назадъ управа ничего этого не знала, что допустила состояться такому постановленію? Но гласные были поражены, и вопроса этого не поставили. Затѣмъ товарищъ головы разъяснилъ, что и казенныя имущества привлечены къ платежу налога именно потому, что у города нѣтъ средствъ, и что получая этотъ новый источникъ дохода, городское управленіе обязано употребить его наиполезнѣйшимъ способомъ. Поэтому ораторъ рѣшительно высказывался противъ подарковъ домовладѣльцамъ, и требовалъ принятія на счетъ ихъ и платежа обоихъ государственныхъ налоговъ и оставленія уплаты оцѣночнаго сбора въ высшемъ размѣрѣ.

Противъ этого, въ своемъ родѣ самоотверженнаго требованія возсталъ, нынѣ уже умершій и оплаканный думою, одинъ изъ „либеральнѣйшихъ“ гласныхъ того времени, титулованный, защитникъ меньшей братіи въ лицѣ извощиковъ, парижскій изгнанникъ [1]).

[1]) Въ журналѣ 16 апрѣля 1876 г., по случаю заявленія о смерти его значится: Затѣмъ гг. присутствующіе гласные, подъ вліяніемъ грустнаго впечатлѣнія по слу-

Онъ находилъ, что предлагаемое взиманіе оцѣночнаго сбора въ высшемъ размѣрѣ могло бы быть допущено только въ такомъ случаѣ, если бы въ томъ же размѣрѣ взимаемъ былъ сборъ и съ другихъ предметовъ обложенія. Между тѣмъ есть много такихъ предметовъ, которые по настоящее время вовсе не обложены еще никакими сборами, какъ, напримѣръ, квартиры. Предложеніе свое графъ Шуваловъ желалъ подвергнуть особому обсужденію.

По этой теоріи выходило такъ: домовладѣльцы постепенно поднимали цѣны, т.-е. сборъ съ нанимателей квартиръ, между прочимъ потому, что сами обложены государственными налогами; теперь они желаютъ освободиться отъ платежа этихъ налоговъ, продолжая получать возвышенную плату съ квартирантовъ; а такъ какъ за симъ оказывается недочетъ полмилліона въ годъ,—то и заставить пополнить его тѣхъ же нанимателей квартиръ особымъ еще съ нихъ сборомъ.

Между тѣмъ нашлись гласные, которые нанесли думскому постановленію и еще одинъ ударъ. Они додумались, что вѣдь собственно на то, чтобы принять государственные налоги съ домовладѣльцевъ на городскую кассу, необходимо еще согласіе министровъ внутреннихъ дѣлъ и финансовъ. Передъ этимъ рачители своихъ кармановъ совсѣмъ спасовали, и отъ уплаты своей повинности изъ городского сундука волей-неволей должны были отказаться. Прежнее постановленіе было отмѣнено. Но они вовсе не отказались отъ того, чтобы взять свое, если не прямо, то косвенно. Такъ какъ налоги, которые мы теперь опять на себя приняли, составляютъ по переоцѣнкѣ до 2 процентовъ, то понизимъ на эти 2 процента нашу уплату оцѣночнаго сбора въ пользу города, т.-е. вмѣсто 10-ти будемъ платить только 8 процентовъ съ дохода. Тогда останемся на законной почвѣ, и съ министрами не надо будетъ соглашаться, а полмилліона все-таки себѣ сохранимъ. Что же касается до затрудненій у управы и ея дефицита,—то это дѣло не наше. Пробаллотировали: 49 голосовъ оказались за 8 процентовъ; за обложеніе въ 10 проц. нашлось только 21. —По бывшему же предложенію о налогѣ на квартиры не было сдѣлано никакого постановленія, какъ будто его и не вносилось, и все обошлось благополучно. А оцѣночный сборъ, вмѣсто того, чтобы явиться по смѣтѣ въ суммѣ 2.223,000 руб., принялъ болѣе скромную величину 1.778,000.

чаю такой внезапной утраты уважаемаго человѣка и полезнаго общественнаго дѣятеля «чувствовали себя не въ состояніи продолжать занятія въ настоящемъ засѣданіи, и поэтому собраніе было закрыто».

Не одна оцѣночная коммиссія получаетъ жалованье. Одною изъ первыхъ учредилась коммиссія по устройству адмиралтейской набережной,—и на эту коммиссію назначено по 12 тыс. руб. въ годъ. Затѣмъ рѣшена была постройка постояннаго моста вмѣсто Литейнаго. Дѣло отдано оптовому строителю за опредѣленную сумму; особая коммиссія учреждена лишь для надзора. Но, узнавъ уже вѣроятно изъ опыта, какъ иногда трудятся люди при опредѣленномъ жалованьи, предложила дать членамъ болѣе работающимъ и большее вознагражденіе, т.-е. платить по засѣданіямъ, съ выдачею за каждое жетоновъ. Пріемъ практическій и разумный; но насколько онъ свидѣтельствуетъ о достоинствѣ выборнаго персонала, на который предполагается воздѣйствовать подобнаго рода шпорами — судить не будемъ. На жетоны назначена сумма по 12,000 р. въ годъ, кромѣ того, на канцелярію по 8000, изъ городскихъ суммъ; кромѣ того, отъ строителя, на наемъ десятниковъ, техниковъ и пр. 5,000 р. —Итого 25,000 р. въ годъ.

Дума приняла это представленіе управы, и затѣмъ началось баллотированіе. Одинъ изъ достойнѣйшихъ гласныхъ, нынѣ уже, къ сожалѣнію, умершій, возсталъ-было противъ вознагражденія коммиссіи, находя, что сооруженіе моста настолько важно и полезно для населенія, что, безъ сомнѣнія, найдутся въ средѣ гласныхъ желающіе положить въ это дѣло трудъ свой безвозмездно. Но предложеніе не было принято. Началась гонка за жетонами. Предсѣдателя выбрали безъ затрудненій, но съ членами повторилась старая исторія, которая случалась и при выборѣ членовъ управы, и оцѣночныхъ коммиссій. На 6 вакансій баллотировалось 57 человѣкъ, — и выбрали только двоихъ. Составили новые списки; оказалось 44 кандидата,— избранъ ужъ только одинъ. Правда, что избранные не принадлежали, судя по именамъ ихъ, къ числу тѣхъ, кто искалъ только жетоновъ, но большая масса голосовъ противъ нихъ говорила, что раздача 12-ти тысячъ нѣсколькимъ счастливцамъ многимъ не давала покоя.

Въ это-то именно время, въ виду неуспѣшности выборовъ, и послѣдовало упомянутое предложеніе не давать вознагражденія. Очевидно, имѣлось въ виду расхолодить слишкомъ ужъ горячее рвеніе любителей дорогого наблюденія за тѣмъ, какъ другіе дѣла дѣлаютъ. Это, впрочемъ, ни къ чему не повело. Защитники ихъ стали говорить о несправедливости предложенія, о томъ, что нужно въ такомъ случаѣ отнять содержаніе у членовъ управы и другихъ коммиссій, его получающихъ, что виновато не вознагражденіе, а порядокъ выборовъ и т. д. Вопросъ, хотя уже прежде рѣшенный думою утвердительно, поставленъ опять на голоса и опять принятъ силь-

нымъ большинствомъ. Тогда баллотировали изъ прежнихъ кандидатовъ, и получили остальныхъ троихъ членовъ, впрочемъ и то едва-едва: одинъ перевѣсомъ 4-хъ, а другой лишь 2-хъ голосовъ.

Такимъ образомъ составилась эта коммиссія, которая и наблюдала во все время постройки моста, съ нѣкоторыми перемѣнами личнаго состава. И получили гг. члены и председатель за свои труды жетоновъ на 58,000 руб. Кромѣ того, расходы канцелярскіе и чертежные, и пр. 67,415 руб. Коммиссія не признала, впрочемъ, нужнымъ составить общій отчетъ, по крайней мѣрѣ его нѣтъ въ „Извѣстіяхъ" и мы должны были удовольствоваться свѣдѣніемъ цифръ изъ годовыхъ отчетовъ.

Итого 125,000 руб. слишкомъ за надзоръ.

И, несмотря на надзоръ, стоившій столько денегъ, не одна человѣческая жизнь погребена подъ мостовыми кессонами.

Въ заключеніе, одинъ изъ гласныхъ, не пріобщившихся цѣннымъ жетонамъ, предложилъ новый жетонъ. „Было бы пріятно тѣмъ лицамъ, которыя прямо или косвенно принимали участіе въ сооруженіи этого моста, имѣть у себя знакъ, выражающій участіе въ этомъ дѣлѣ". Поэтому онъ „предложилъ въ память постройки моста установить жетонъ, воспользоваться которымъ могли бы тѣ, которые во время сооруженія моста занимались дѣлами городского общественнаго управленія", т.-е. которые тоже „пахали".—И такое предложеніе дума нашла возможнымъ обсуждать особо; оно впрочемъ не встрѣтило поддержки, и взято обратно.

Къ числу дѣлъ начатыхъ еще въ старой думѣ, принадлежало и устройство загородныхъ кладбищъ. Высочайшая воля объ этомъ выражена была въ 1871 году, а въ концѣ 1872 года одно кладбище, преображенское, по линіи николаевской желѣзной дороги, было уже открыто. Для устройства дѣла существовала городская коммиссія, которая продолжала дѣйствовать и при новомъ составѣ думы. Возникло-было предположеніе передать устройство второго кладбища, по финляндской дорогѣ, самой управѣ, но она отклонила отъ себя этотъ трудъ и предложила для того особую исполнительную коммиссію. Мотивомъ послужило то, что кладбищенское дѣло представляетъ новую отрасль хозяйства, требуетъ особаго надзора и близкаго знакомства со всѣми обстоятельствами, при которыхъ послѣдовало устройство кладбищъ. Но, кажется, всякое дѣло требуетъ надзора и близкаго знакомства съ нимъ; слѣдуетъ ли изъ этого, что необходимо увеличивать число ступеней, по которымъ приходится думскимъ дѣламъ восходить и нисходить? Кладбищенская коммиссія, согласно,

впрочемъ, закону, подчинена управѣ. Надъ управой стоитъ еще дума; подъ коммиссіей находится мѣстная кладбищенская администрація. Не очень ли сложенъ весь этотъ механизмъ въ такомъ несложномъ дѣлѣ? Цѣлыхъ четыре инстанціи. Впрочемъ, управа предполагала коммиссіи задачу, главнымъ образомъ, организаціонную, съ тѣмъ, что по окончательномъ устройствѣ кладбищъ все будетъ передано ей и войдетъ въ обычныя рамки.

Проектъ управы съ нѣкоторымъ видоизмѣненіемъ принятъ думою въ началѣ 1874 года. Коммиссія образована изъ предсѣдательствующаго члена управы, и трехъ членовъ — гласныхъ, съ окладомъ въ 720 руб. каждому въ годъ на разъѣзды. Завѣдываніе кладбищами назначено передать отъ коммиссіи управѣ тогда, когда дума признаетъ это возможнымъ.

Баллотироваться желающихъ было не столько, какъ въ оцѣночныя коммиссіи или для надзора за постройкой моста. Самое дѣло нѣсколько непріятно; да и 720 руб. за такое дѣло будто бы маловато. Тѣмъ не менѣе нашлось 22 записанныхъ въ кандидаты. Изъ нихъ въ одинъ пріемъ выбрали всѣхъ трехъ членовъ.

Въ концѣ 1874 года освящено и второе, успенское кладбище, открытое для погребенія съ слѣдующаго января. Дѣло коммиссіи, такимъ образомъ, приходило къ концу.

Но годъ идетъ за годомъ, а коммиссія продолжаетъ существовать и до сихъ поръ, и въ городскую смѣту неизмѣнно вносится ежегодно 2,880 руб. на разъѣзды четыремъ лицамъ, ее составляющимъ. Между тѣмъ доходъ съ обоихъ кладбищъ по смѣтѣ 1880 г. составлялъ всего 11,600 руб., а всѣ расходы по содержанію кладбищъ 51,519 р. За шесть лѣтъ, по окончаніи устройства второго кладбища, проѣзды коммиссіи обошлись болѣе 17,000 рублей; но какія мѣры для развитія дѣла родились отъ того—не видать. Правда, хороненіе на загородныхъ кладбищахъ, другими словами меньшее наполненіе городскихъ,—что и составляло цѣль устройства первыхъ,—встрѣчаетъ серьёзныя затрудненія въ духовномъ вѣдомствѣ. Оно отстаиваетъ свои интересы, связанные съ городскими кладбищами, и не только коммиссія, но и дума, и цѣлыя министерства не могутъ побороть ихъ. Но можно желать, чтобы загородныя кладбища сдѣлались доступнѣе горожанамъ по удобству сообщенія; чтобы можно было дѣйствительно пользоваться желѣзными дорогами для частаго передвиженія туда и обратно; чтобы на самихъ кладбищахъ была для посѣтителей хоть какая-нибудь уютность; чтобы кладбища не представляли, особенно преображенское, и особенно зимой, какой-то необъятной степи или тундры, гдѣ отъ мятелей и вьюгъ нельзя удержаться на ногахъ. Все это отгоняетъ отъ нихъ даже небогатыхъ, нетребовательныхъ

людей. Мѣры, способныя устранить эти и подобныя неудобства, находятся въ рукахъ города, и въ частности коммиссіи. Однако объ этомъ „Извѣстія“ молчатъ годами, и даже не помѣщаютъ, какъ прежде, отчетовъ о дѣятельности кладбищенской коммиссіи.

Коммиссія депутатовъ по надзору за конно-желѣзными дорогами также обходится, если не въ 25, то въ $12^1/_2$ процентовъ городского отъ нихъ дохода. Здѣсь не мѣсто входить въ подробности этого дѣла, начавшагося еще въ дореформенной думѣ и осуществленнаго новѣйшими представителями, впрочемъ, не всегда къ ихъ славѣ. Отмѣтимъ лишь нѣкоторыя черты.

Въ началѣ дѣло тянулось вяло. Старая „коммиссія о пользахъ и нуждахъ“ внесла свой докладъ о конно-желѣзныхъ дорогахъ еще въ 1871-мъ году; но ему назначено было остаться неподвижно въ ожиданіи новыхъ порядковъ. По ихъ введеніи, въ іюнѣ 1873, докладъ былъ предложенъ къ разсмотрѣнію, но, за неполученіемъ его нѣкоторыми гласными, отложенъ, и вновь явился передъ думою не ранѣе какъ черезъ полгода, въ половинѣ ноября. Все засѣданіе прошло въ преніяхъ о томъ, какъ и кому обсуждать и подготовить подробности дѣла, и заключилось, наконецъ, избраніемъ новой коммиссіи изъ 7-ми; ей поручено разсмотрѣть въ деталяхъ всѣ представленные проекты, обсудить предположенія прежней коммиссіи и внести за тѣмъ подробный докладъ. Содержанія коммиссіи не присвоено никакого, и выборы въ нее состоялись безъ затрудненія.

Докладъ коммиссіи напечатанъ въ апрѣльской книжкѣ „Извѣстій“ 1874 года, и съ начала мая, началось уже его обсужденіе. Дѣло признавалось „въ высшей степени полезнымъ и неотложнымъ“. Обсужденію доклада и всѣхъ возникавшихъ заявленій посвящено сряду восемь засѣданій. Особенно, впрочемъ, напряженнаго интереса къ этому дѣлу, хотя и „неотложному“, не было замѣтно со стороны гласныхъ: ихъ не собиралось ни разу даже и ста человѣкъ, а бывало иногда 70, даже 67. Нѣкоторые пункты возбуждали особенно сильные споры, напр.: сумма и порядокъ сбора въ городской доходъ, очистка путей отъ снѣга и т. п. Нѣкоторые гласные, повидимому, прямо глядящіе на дѣло, настаивали, чтобы сборъ взимать съ вагона и съ версты, какъ не требующій сложнаго контроля. Но верхъ взяло предложеніе коммиссіи о взиманіи сбора съ валового дохода. Въ отношеніи къ порядку отдачи концессіи, съ торговъ или безъ торговъ, послѣднее предложеніе взяло верхъ, но только перевѣсомъ одного голоса (37 противъ 36). Рѣшено, что зимнее движеніе по всей сѣти признается обязательнымъ. Принятъ однообразный

тарифъ въ 5 коп. внутри вагона и 3 коп. на имперіалѣ. Наконецъ, избраніе предпринимателя дума единогласно нашла нужнымъ предоставить себѣ самой.

Въ сентябрѣ конно-желѣзныя дороги опять заняли вниманіе думы, но уже при иной обстановкѣ. Въ первое же засѣданіе явилось не 70, и не 67, а 173 гласныхъ. Очевидно, они прониклись значеніемъ дѣла, и какъ записано въ журналѣ засѣданія 25 сентября, „многіе изъ гг. гласныхъ" заявили желаніе, чтобы вопросъ объ устройствѣ конно-желѣзныхъ дорогъ былъ выведенъ изъ очереди и поставленъ прежде другихъ.

9-го октября былъ знаменательный день: предстояла баллотировка предпринимателя. Гласные собрались въ числѣ почти небываломъ— 192 человѣка. Правда, по городу ходили предъ тѣмъ самые дикіе слухи, упоминались въ разговорахъ „промессы" и другія, еще болѣе дурныя слова. Многіе искренно или притворно волновались и возмущались. Что-то было очень ненормальное, и то на того, то на другого указывали пальцемъ. Такъ или иначе, собрались au grand complet.

Когда гласные почти приступили къ баллотировкѣ концессіонера, одинъ изъ нихъ, умный и пользующійся несомнѣннымъ значеніемъ, неожиданно облилъ всѣхъ холодной водой. Онъ возвратился къ состоявшемуся уже постановленію, которымъ дума избраніе этого предпринимателя предоставила себѣ, указывалъ на неправильность такого взгляда, на то, что гласные не имѣютъ данныхъ для оцѣнки соискателей, что концессіонеръ есть тотъ же подрядчикъ, а ихъ выбираетъ управа, и т. д. Но что́ хуже всего—было упомянуто о „нѣкоторыхъ постороннихъ вліяніяхъ", которыя могутъ повести къ „ошибкамъ" при выборѣ въ средѣ многочисленнаго собранія думы.

Трезвый взглядъ нашелъ себѣ сильную поддержку во многихъ гласныхъ. Но еще больше нашлось такихъ, которые не боялись ошибокъ вслѣдствіе постороннихъ вліяній: они находили, что дѣло безповоротно рѣшено единогласнымъ постановленіемъ думы. Забывалось, впрочемъ, что то „единогласіе" представляло лишь третью часть наличнаго теперь числа. Но таковы ужъ порядки: основанія дѣла установляютъ десятки голосовъ, а на примѣненіе этихъ основаній, на исполненіе, являются сотни. Положили шары — и оказалось 105 за прежнее постановленіе и 85 противъ него. Наиболѣе нетерпѣливые требовали немедленной баллотировки и концессіонера — разумѣется, въ виду той же важности дѣла; но по нѣкоторымъ побочнымъ обстоятельствамъ пришлось запастись терпѣніемъ до слѣдующаго раза.

18 октября — опять 192 гласныхъ! Но опять произошло нѣчто непріятное. По приглашеніи къ баллотировкѣ концессіонера нѣкото-

рые изъ гласныхъ заявили, что они, въ числѣ шести человѣкъ, подали городскому головѣ протестъ противъ вторичнаго постановленія думы о выборѣ въ полномъ собраніи ея, а потому отказываются отъ участія въ баллотировкѣ. Къ нимъ присоединился въ самомъ засѣданіи еще одинъ. Итого семеро. Противъ законности ихъ протеста возражалъ, къ удивленію, бывшій тогда товарищъ головы. Намъ кажется, что въ немъ ничего незаконнаго нѣтъ, ибо это въ сущности было „особое мнѣніе", которое и пріобщено къ дѣлу. Но что подача его была поступокъ честный,—это не подлежитъ сомнѣнію; онъ былъ кромѣ того и благоразуменъ, такъ какъ производилась баллотировка закрытая. Они не желали быть заподозрѣнными въ двуличности, въ чемъ можетъ статься согрѣшили иные, на словахъ ратуя противъ, а въ темнотѣ баллотировальнаго ящика кладя за. Къ сожалѣнію, хорошіе примѣры не заразительны. Семеро такъ и остались одни; между тѣмъ, казалось бы, логически должны бы къ нимъ примкнуть и всѣ остальные изъ 85-ти, подавшихъ въ прошломъ засѣданіи голоса противъ избранія концессіонера самой думой.

Въ результатѣ оказалось, что верхъ взяла компанія гг. Губонина и Башмакова. Она одолѣла всѣхъ прочихъ семерыхъ конкурентовъ большинствомъ 125 противъ 48. Въ числѣ поверженныхъ былъ и знаменитый докторъ Струсбергъ: ему положили 9 избирательныхъ шаровъ!

Затѣмъ дѣло пошло своимъ чередомъ... Но такъ какъ по контракту, принятому думой, концессіонеры уплачиваютъ городской сборъ не съ постоянной величины, а съ измѣняющейся, съ валового дохода, то оказалось необходимымъ установить особый ближайшій контроль. Minimum сбора въ первыя 10 лѣтъ опредѣленъ по 12,000 рубл. Поэтому дума позднѣе разсуждала о депутатахъ отъ города для наблюденія какъ за вѣрностію счетовъ по сборамъ, такъ и вообще за исправностью движенія. Предполагалось назначить троихъ, но дума остановилась на пяти. Избранъ въ томъ засѣданіи только одинъ [1]).

Въ октябрѣ, не приступая еще къ выбору остальныхъ депутатовъ, дума занялась тѣмъ же вопросомъ: слѣдуетъ ли имъ давать вознагражденіе? Обязанности ихъ по контракту состоятъ въ ревизованіи, разъ въ годъ, книгъ и инвентаря и въ общемъ наблюденіи, безъ всякаго вмѣшательства въ самую администрацію. Вѣроятно въ виду несложности труда, нѣкоторые гласные находили возможнымъ предложить нести его безвозмездно. Другіе были за вознагражденіе.

---

[1]) Это было въ іюнѣ 1875. Двое еще выбраны въ октябрѣ, одинъ въ январѣ 1876 г. и одинъ въ сентябрѣ.

Послѣдніе перевѣсили 50-ью шарами противъ 39. Въ отношеніи размѣра, одни желали дать по 600 рубл. постояннаго оклада каждому, другіе въ процентахъ съ ожидаемаго городского дохода, именно $12^1/_2$ процентовъ на всѣхъ пятерыхъ; 56 противъ 33-хъ сказались за это послѣднее. Оно представляло изъ себя тоже своего рода шпоры. При minimum'ѣ въ 12,000 это составляло всего 1,500 руб., т.-е. по 250 руб. въ годъ на депутата, — не блестящее вознагражденіе. Поэтому-то они и должны стараться наблюдать, чтобы сборы шли въ гору.

Цѣль въ этомъ отношеніи достигнута. По смѣтѣ 1880 г. въ раздѣлъ депутатамъ отнесено уже 3750 руб., т.-е. не по 250, а по 750 р. на каждаго. Разумѣется, это лучше. Но, спрашивается, на сколько же еще лучше будетъ послѣ того, какъ прибавили „копѣйку"? И главное, нужно-ли было прибавлять эту копѣйку, если и безъ нея доходъ города, судя по смѣтѣ, возросъ съ 12 до 33 тысячъ, а валовой сборъ, слѣдовательно, съ 600 т. до полутора милліона? На сколько же достигнута цѣль въ другомъ отношеніи, т.-е. храненія интересовъ обывателей, — извѣстно всѣмъ и каждому изъ публикацій о переломанныхъ рукахъ и ногахъ этихъ самыхъ обывателей, а еще лучше изъ этой самой копѣйки. Гласные очень боялись, чтобы желѣзно-конное дѣло не попало въ чьи-либо руки, кромѣ тѣхъ, которые его держали. Когда рѣчь зашла о возвышеніи тарифа, то въ думу поступило предложеніе другой компаніи, имѣвшей въ виду выкупить предпріятіе у несостоятельнаго, будто-бы, общества и учредить товарищество, которое эксплуатировало бы конно-желѣзныя дороги безъ повышенія тарифа, и вообще на условіяхъ болѣе выгодныхъ для города. Нѣкоторые гласные полагали поручить управѣ разсмотрѣть это предложеніе, — что̀ казалось бы естественнымъ; но большинство 74-хъ противъ 10 воспротивилось,—и развязно наложило на бѣдныхъ людей копѣйку. На которой сторонѣ были городскіе депутаты, миссія коихъ, получая $12^1/_2$ процентовъ, оберегать интересы обывателей?..

Можно привести еще не мало примѣровъ того, что дѣла, поручаемыя думою коммисіямъ или отдѣльнымъ лицамъ, чуть не начинались прямо съ вопроса о вознагражденіи.

Назначаютъ депутата при обществѣ водопроводовъ,—ему окладъ; затѣмъ при другомъ,—тоже: сперва обоимъ по 600 руб.; потомъ возвысили одному до 1,500 руб.

Проектируютъ выкупить водопроводы у общества. Самый принципъ еще не рѣшенъ и дѣло потомъ осталось по прежнему въ рукахъ общества,—а уже мѣсто и окладъ готовы: особая исполни-

тельная коммисія, предсѣдатель—5,000 р., два члена—по 2,500 р., канцелярія—26,590 р.; всего 36,590 руб. Общество расходуетъ только 34 тысячи.

Проектируютъ принять больницы въ вѣдѣніе города; чуть не первый пунктъ: попечителямъ при каждой изъ нихъ дать по 3,000 руб. въ годъ. Затѣмъ то же для коммиссій по санитарному надзору, по конторѣ хлѣбной пристани, по постройкѣ скотобоенъ, по ревизіи отчетовъ управы.

Оклады дали мѣсто одному странному, но также характерному эпизоду. Въ 1875 году одинъ изъ гласныхъ внесъ предложеніе объ установленіи правила, чтобы одно и то же лицо не занимало одновременно болѣе двухъ должностей, которымъ присвоено жалованье, или вообще денежное вознагражденіе. Предложеніе это разсмотрѣно думою, и, большинствомъ 63-хъ голосовъ противъ 22-хъ, даже еще болѣе радикально рѣшено, что выборное лицо можетъ получать вознагражденіе только по одной должности. Но прошелъ одинъ только годъ, и въ 1876 году другая коммиссія, о которой было уже упомянуто выше, предложила отмѣнить это ограниченіе. И дума отмѣнила его 48-ю голосами противъ 38-ми. Но собственно рѣшеніе коммиссіи въ этомъ смыслѣ состоялось еще въ сентябрѣ предшествовавшаго года, правило же установлено было въ мартѣ. Очевидно, оно не пользовалось сочувствіемъ. Самъ гласный, сдѣлавшій первоначальное предложеніе, былъ членомъ этой коммиссіи и примкнулъ къ ея мнѣнію. Чтó все это значитъ? Не значитъ ли это, съ одной стороны, нѣкоторая необдуманность, какъ автора предложенія, такъ и думы? а съ другой, вѣроятнѣе всего, что среди 252 очень мало людей, которые могли бы дѣйствительно работать, и приходится поэтому возвращаться все къ тѣмъ же немногимъ, которыхъ и видимъ постоянно и здѣсь и тамъ. Не всѣ коммиссіи пользуются окладами,—безпристрастіе побуждаетъ повторить это; но и исканіе и даже требованіе вознагражденія является иногда дѣломъ очень естественнымъ, когда люди небогатые назначаются за-разъ къ нѣсколькимъ дѣламъ, берущимъ не мало ихъ времени. Поэтому вознагражденія не ставились бы въ укоръ, если бы ими оплачивался дѣйствительный и полезный трудъ. Къ сожалѣнію, въ немаломъ числѣ случаевъ, дѣятельность оплаченныхъ работниковъ изъ числа гласныхъ представляется только форменною, а потому и безплодною.

Привлеченіе свѣжихъ умственныхъ силъ, привлеченіе обильное, во что бы ни стало,—вотъ панацея для улучшенія хода нашихъ думскихъ дѣлъ. Оговоримся, впрочемъ. Это привлеченіе должно быть вполнѣ легально. Всякіе обходы, въ родѣ, напримѣръ, взятія образованными людьми, неимѣющими правъ избирателей, промысловыхъ

свидѣтельствъ только для того, чтобы пріобрѣсти эти права,—противны, даже возмутительны для людей истинно-порядочныхъ. Это былъ бы подлогъ, во всякомъ случаѣ ложь, и люди, готовые примириться съ нею—не тѣ, въ комъ нуждается самоуправленіе. Высокія нравственныя правила, какъ плодъ истиннаго образованія, — вотъ точка опоры для плодотворности всякой дѣятельности и нашей думы въ особенности. Притомъ она, и всѣ, кого дѣла ея прямо или косвенно касаются, должны помнить, что результаты, ею достигнутые, всегда будутъ служить однимъ изъ сильнѣйшихъ примѣровъ и рычаговъ для развитія нашей общественной и даже политической организаціи.

К. Орд.

КАБИНЕТНАЯ РЕФОРМА

УѢЗДНЫХЪ УЧИЛИЩЪ

Реформа преобразованія блаженной памяти уѣздныхъ училищъ въ городскія прошла въ литературѣ почти незамѣченной. Ни въ газетахъ, ни въ журналахъ эта реформа не обсуждалась съ тою серьёзностью, какой надобно было бы желать. Извѣстно, что уѣздныхъ училищъ разсѣяно было по лицу русской земли около полутысячи и въ нихъ обучалось подростающее молодое поколѣніе низшихъ и значительной части среднихъ классовъ населенія. Иначе говоря, въ уѣздныхъ училищахъ воспитывалось гораздо больше дѣтей и юношей, чѣмъ въ гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ. Казалось бы, что уже одинъ этотъ фактъ долженъ былъ обратить вниманіе печати на реформу уѣздныхъ училищъ, тѣмъ болѣе, что печать наша всегда съ интересомъ относилась къ положенію народнаго образованія и всѣмъ его перипетіямъ. Напримѣръ, объ объемѣ и содержаніи программъ сельскихъ школъ, ихъ направленіи въ смыслѣ общаго или профессіональнаго образованія были исписаны чуть не томы и даже въ изданіяхъ не спеціально педагогическихъ. Словомъ, нашимъ уѣзднымъ училищамъ не посчастливилось; затѣмъ, не счастливилось также и городскимъ училищамъ, втихомолку возросшимъ на развалинахъ уѣздныхъ. Правда, впрочемъ, и то, что до весьма недавняго времени свобода критики началъ учебныхъ системъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія была стѣснена до крайней степени. Наконецъ, вопросъ классическаго и реальнаго образованія такъ сильно волновалъ нашу литературу, что совершившаяся въ самый разгаръ рѣшенія этого вопроса реформа уѣздныхъ училищъ, именно 31 мая 1872 года, прошла безъ критики и толковъ. Позднѣе, года два или три назадъ, въ педагогическихъ журналахъ появлялись статьи,

указывавшія тѣ или иные недостатки городскихъ училищъ. Статьи эти своевременно получили возраженіе на страницахъ нашего оффиціальнаго журнала министерства народнаго просвѣщенія, причемъ авторъ возраженія не рѣдко, вмѣсто спокойной и безпристрастной оцѣнки мнѣній своихъ противниковъ, пускался въ иронизированіе и намеки на то, что, молъ, намъ приходится говорить съ людьми, еле-еле соскочившими со школьной скамейки, еще не проникнувшимися *духомъ* городскихъ училищъ, и потому естественно нападающими на нихъ. Слѣдя за этой педагогической борьбой, не лишенной вмѣшательства человѣческихъ страстей, намъ всегда казалось, что защитники городскихъ училищъ, выступавшіе подъ покровительствомъ казенной обертки журнала министерства народнаго просвѣщенія, на ряду съ разными учеными филологами по части греческой и римской словесности, въ сущности сами хорошо сознаютъ многіе и сильные недостатки организаціи городскихъ училищъ.

Намъ пришлось нѣсколько лѣтъ заниматься преподаваніемъ въ городскихъ училищахъ разныхъ мѣстностей Россіи. Интересуясь постановкой этого дѣла, мы вели довольно обширную переписку съ знакомыми учителями и начальниками этихъ училищъ, лично при встрѣчахъ разсуждали съ ними, и такимъ образомъ у насъ получился нѣкоторый запасъ матеріала для сужденія о предметѣ.

Главное отличіе городскихъ училищъ отъ уѣздныхъ заключается въ устройствѣ учебной и воспитательной части. Принципъ, положенный въ основаніе этого устройства, взятъ съ заграничнаго образца, именно нѣмецкаго. Принципъ этотъ, уже отвергнутый, да, кажется, и совсѣмъ не примѣнявшійся самими нѣмцами въ школахъ, подобныхъ нашимъ городскимъ училищамъ, состоитъ въ томъ, что школьный учитель для правильнаго руководства воспитаніемъ и обученіемъ своихъ учениковъ долженъ знать ихъ природу и наклонности въ мельчайшихъ подробностяхъ. Очевидно, что пріобрѣсти такія знанія онъ можетъ въ томъ лишь случаѣ, когда часто соприкасается со своими учениками и въ различныхъ условіяхъ. Дѣтская природа своеобразно выражается на урокахъ ариѳметики и грамматики и т. д., а знаніе этихъ своеобразностей и даетъ учителю мѣрку, или указаніе на пріемы, которые онъ долженъ примѣнять какъ средство для воспитанія той или иной черты характера; да и самое обученіе при этихъ условіяхъ будетъ, безъ сомнѣнія, имѣть болѣе плодотворные результаты. Отсюда тотъ естественный выводъ, что для достиженія сказанной цѣли учитель обязанъ преподавать въ школѣ всѣ положенные предметы, если она одноклассная, и въ классѣ, если она дѣлится на нѣсколько классовъ, т.-е. онъ является преподавателемъ классным. На элементарной ступени обученія и вообще образованія

классное преподаваніе желательно и необходимо. Итакъ, вся задача при опредѣленіи системы преподаванія въ данной школѣ сводится на то, куда отнести эту школу: къ элементарнымъ или болѣе высшимъ? Городскимъ училищамъ присвоено названіе элементарныхъ, и потому въ нихъ установлена классная система; въ уѣздныхъ училищахъ, какъ извѣстно, была предметная. Что же такое элементарная и не-элементарная, или средняя школа?

Обыкновенно элементарную школу опредѣляютъ какъ такую, въ которой знанія сообщаются, во-первыхъ, не въ строгой послѣдовательности, во-вторыхъ, въ весьма ограниченной части науки. Кромѣ того, говорятъ, назначеніе элементарной школы—не столько давать знанія, сколько воспитывать, т.-е. прививать нужныя въ жизни привычки. Не трудно видѣть большой произволъ въ такомъ опредѣленіи. Наши гимназіи суть среднія школы, между тѣмъ обученіе наукамъ въ нихъ ведется, по крайней мѣрѣ, въ низшихъ классахъ, вовсе не въ той строгой послѣдовательности, какая соотвѣтствуетъ наукѣ; а объемъ гимназическихъ знаній никакъ нельзя назвать предѣломъ науки, точно также какъ нельзя отрицать и того, что въ гимназіяхъ не учатъ лишь, но и воспитываютъ. Стало быть, въ сущности, названіе—элементарная школа, сообщаютъ только очень грубые признаки, и на этомъ основаніи нужно быть слишкомъ осторожнымъ при выборѣ системы преподаванія. Городскія училища, какъ уже замѣчено выше, причислены къ элементарнымъ школамъ, т.-е. предполагается, что предметы, положенные по ихъ программѣ, будутъ проходиться и въ незначительномъ объемѣ, и не въ систематическомъ научномъ порядкѣ. На самомъ же дѣлѣ мы встрѣчаемъ явленіе какъ разъ обратное. Въ организацію городскихъ училищъ положена цѣль общаго образованія, которое достигается непремѣнно прохожденіемъ опредѣленнаго систематическаго курса знаній, какой и назначенъ для городскихъ училищъ. Курсъ этотъ мало того, что довольно расширенъ по предметамъ однороднымъ съ уѣздными училищами, но въ него, кромѣ того, входятъ и другіе предметы, не преподававшіеся въ уѣздныхъ и не преподающіеся въ гимназіяхъ. Программа городскихъ училищъ, сравнительно съ программою уѣздныхъ, по меньшей мѣрѣ, шире въ два раза; а чтобы мнѣніе это не показалось голословнымъ, мы позволимъ себѣ отмѣтить увеличеніе программы по отдѣльнымъ предметамъ. По закону Божію прибавлена краткая церковная исторія и ученіе о богослуженіи; по русскому языку добавлены: церковно-славянская грамматика, понятія о главныхъ формахъ словесныхъ произведеній: описаніи, повѣствованіи, характеристикѣ и разсужденіи, и 12 біографій нашихъ извѣстныхъ писателей; въ программу ариѳметики вошло рѣшеніе задачъ посредствомъ уравненій съ 1 и 2

неизвѣстными; по геометріи добавлено много теоремъ на планиметрію и стереометрію; по исторіи и географіи подробнѣе проходится русская, а по географіи и всеобщая. Въ программу естествовѣдѣнія, совсѣмъ неизвѣстнаго въ уѣздныхъ училищахъ, включены: зоологія, ботаника, минералогія, физіологія и физика. Чтобы судить объ объемѣ этихъ, вновь прибавленныхъ предметовъ, достаточно взглянуть на тотъ длинный, пестрый перечень животныхъ, растеній, минераловъ и проч., который занимаетъ въ программѣ нѣсколько печатныхъ листковъ.

Фактъ сильнаго увеличенія программы городскихъ училищъ передъ уѣздными, слѣдовательно, несомнѣненъ и постараемся тверже запомнить его для вѣрности послѣдующихъ разсужденій.

Начиная съ городскихъ училищъ и спускаясь ниже и ниже по лѣстницѣ учебныхъ заведеній, мы найдемъ много школъ съ самыми разнообразными программами, все школъ элементарныхъ. Элементарная школа—городское училище, потомъ уѣздное, потомъ сельскія министерскія одноклассныя и двухклассныя училища, потомъ приходское городское и начальное сельское. Система преподаванія во всѣхъ училищахъ (за исключеніемъ уѣздныхъ, устроенныхъ на дурной будто бы ладъ)—классная, хотя каждому, вникавшему въ дѣло, становится очевиднымъ, что программы этихъ училищъ съ одинаковою системою преподаванія далеко не одинаковы по задачамъ и объему. Цѣль сельскаго начальнаго и приходскаго училищъ—научить читать, писать и первымъ правиламъ ариѳметики. Въ министерскихъ сельскихъ двухклассныхъ училищахъ полагается уже геометрія, исторія, географія и естествовѣдѣніе, но предметы эти назначены въ весьма ограниченныхъ размѣрахъ, приблизительно въ объемѣ курса 1 отд. 2 кл. городского училища; такъ что полный курсъ названныхъ сельскихъ министерскихъ училищъ,—если за величину его принять въ разсчетъ время прохожденія, — равенъ $^5/_6$ курса городскихъ училищъ; въ дѣйствительности же онъ не составляетъ и $^1/_4$ части его, потому что систематическое, т.-е. вполнѣ солидное изученіе предмета начинается въ городскомъ училищѣ только со 2 отд. 2 класса и, постепенно разростаясь, заканчивается черезъ 3 года, во 2 отд. 3 класса. Указаніе на такую разницу въ объемѣ и методѣ прохожденія курса городскихъ училищъ даетъ намъ право сдѣлать замѣчаніе, что классная система преподаванія, полезная въ сельскихъ и приходскихъ училищахъ, не примѣнима къ училищамъ городскимъ. Ниже мы подробнѣе разовьемъ нашу мысль, а теперь пойдемъ далѣе.

Для учителя начальнаго сельскаго училища считается удовлетворительнымъ образованіе въ объемѣ городского или уѣзднаго училища; для учителя городского училища нужна трехлѣтняя спеціальная

подготовка въ учительскомъ институтѣ. Разумѣется, благодаря этому обстоятельству, учитель городского училища обладаетъ бо́льшими научными свѣдѣніями теоретическими, и отчасти практическими указаніями, какъ вести дѣло преподаванія. Такой, предположимъ, вполнѣ подготовленный учитель долженъ въ городскомъ училищѣ, въ 3-мъ классѣ, преподавать равномѣрно-правильно по всѣмъ перечисленнымъ нами предметамъ и обучать еще черченію и рисованію. Итого на обязанность городского учителя возлагается не ничтожный трудъ по 12 предметамъ. Во 2 классѣ учитель преподаетъ 2 предметами менѣе. Но не будемъ забывать, что городскія училища принадлежатъ къ разряду элементарныхъ, такъ сказать, обреченныхъ на классную систему преподаванія; признавая пока эту систему просто какъ существующій фактъ, разберемъ, какое вліяніе оказываетъ она на учебно-воспитательное дѣло.

Едва ли кто станетъ оспоривать, что вѣчно живая и неизмѣнно развивающаяся педагогика требуетъ, особенно отъ учителей элементарныхъ школъ, большого вниманія къ себѣ; иначе говоря, если учителя элементарныхъ школъ не хотятъ остановиться на однажды избранныхъ, сплошь и рядомъ весьма ошибочныхъ методическихъ и другихъ пріемахъ преподаванія, то они должны слѣдить за развитіемъ не только методики предметовъ, но даже и науки, которая всегда служила основаніемъ для совершенствованія методикъ обученія и воспитанія. Такъ именно и поступаютъ учителя, не механически, а сознательно относящіеся къ своему деликатному труду, отлично понимая, что разорвать связь съ внѣшнимъ міромъ, въ которомъ идетъ борьба мнѣній и взглядовъ на любимое ими дѣло, значитъ обречь это дѣло на застой и мертвечину. Мы не разумѣемъ здѣсь *приготовленія къ урокамъ*, на которое только и осуждаютъ учителей городскихъ и другихъ элементарныхъ училищъ, — какъ будто заранѣе зная, что ни у одного изъ ихъ учителей не явится желанія хоть немножко расширить тѣ предѣлы методики, которымъ онъ былъ обученъ, напримѣръ, въ учительскомъ институтѣ. Никто изъ преподавателей институтовъ не знакомъ практически съ условіями преподаванія при классной системѣ, и потому ни сами они, ни ихъ воспитанники не представляютъ себѣ отчетливо тѣхъ методическихъ и другихъ затрудненій, которыя встрѣчаются на каждомъ шагу учителю городского училища. Практическія же упражненія въ преподаваніи въ училищахъ, устроенныхъ при институтахъ, слишкомъ кратковременны и отрывочны для того, чтобы будущіе учителя могли хорошо вникнуть въ условія классной системы занятій.

Наконецъ, такъ какъ къ педагогикѣ до сего времени приложима пословица: „всякій молодецъ на свой образецъ“, то немудрено впасть

въ грубыя ошибки по отношенію къ одной школѣ со всѣми ея наличными особенностями, принявши за образецъ педагогическихъ пріемовъ другую школу съ другими характерными особенностями. Итакъ, въ интересахъ самой элементарной школы необходимо, чтобы учителя имѣли достаточно времени на разработку и совершенствованіе избраннаго ими предмета педагогики. Необходимо, чтобы силы учителя не развлекались массою возлагаемыхъ на него учебныхъ предметовъ, изъ которыхъ въ городскомъ училищѣ даже одного довольно, чтобы поглотить всѣ свободныя минуты учителя.

Положеніе учителя городского училища при классной системѣ преподаванія есть именно таково, что онъ при самыхъ лучшихъ намѣреніяхъ долженъ ограничиться тупымъ хожденіемъ по тропинкѣ, указанной ему въ учительскомъ институтѣ. Будучи практически знакомыми съ обязанностями городского учителя и исполненіемъ ихъ по мѣрѣ силъ, мы скажемъ, не преувеличивая, что классная система способна дѣйствовать на учителя весьма разлагающимъ образомъ, отнимая у него возможность заняться тѣмъ, что̀ онъ преподаетъ, и этимъ пріучая къ поверхностности вообще. Многіе, и это лучшіе учителя, обыкновенно избираютъ одинъ какой-нибудь предметъ, оставляя прочіе чуть не на произволъ судьбы. Масса же, убѣдившись въ безсиліи вести равномѣрно-толково, хотя бы и шаблонно, преподаваніе по *всѣмъ* предметамъ, махаетъ на него рукой и впадаетъ въ умственную апатію, выражаемую словами: „ничего не подѣлаешь"... Если справедливо мнѣніе, что учрежденія создаютъ характеры людей, то за классной системой въ городскихъ училищахъ надо признать великую способность поселять въ учителяхъ равнодушіе и отвращеніе къ ихъ труду. Мы не противники классной системы въ болѣе низшихъ элементарныхъ школахъ, каковы: сельскія министерскія училища, приходскія и начальныя сельскія. Объемъ программъ этихъ училищъ, во-первыхъ, внѣ сомнѣнія очень скроменъ, сравнительно съ городскими, и потому трудъ учителя не ложится на него тяжелымъ ярмомъ. Во-вторыхъ, ученіе въ сельскихъ и даже приходскихъ училищахъ занимаетъ гораздо меньше времени въ году, чѣмъ въ городскомъ, что̀ легко позволяетъ учителю разобраться со всѣми вопросами, возбужденными въ его головѣ преподаваніемъ.

Чтобы покончить съ обзоромъ классной системы обученія въ городскихъ училищахъ, скажемъ кое-что объ одномъ и неизбѣжномъ затрудненіи учителя, вызываемомъ этой системой. Мы говоримъ объ исправленіи письменныхъ работъ. Никто не оспориваетъ огромнаго, благотворнаго значенія самостоятельныхъ ученическихъ работъ. Укрѣпляя знанія, сообщая навыкъ выражать на письмѣ свои мысли, работы эти постепенно пріучаютъ учениковъ къ выполненію все боль-

шаго и большаго усидчиваго труда; общественное же значеніе такой привычки не требуетъ доказательствъ. Но ученики прежде всего ученики, а не взрослые люди, у которыхъ есть и инціатива, и сознаніе важности труда; ученики же, бываетъ, смотрятъ на него какъ на обязанность, иногда и непріятную. Нельзя ожидать отъ всѣхъ учениковъ пониманія необходимости данной работы, и потому нужно требовать точнаго и отчетливаго исполненія хотя и непріятныхъ имъ работъ. Въ этомъ отношеніи малѣйшее со стороны учениковъ незнаніе ошибокъ и прочихъ слабыхъ сторонъ самостоятельныхъ занятій отзывается крайне вредно и на дальнѣйшихъ работахъ.

Ни противники, ни защитники классной системы преподаванія въ городскихъ училищахъ не отрицаютъ, что учителю этихъ училищъ ежедневно представляется для провѣрки громадное число письменныхъ работъ. Дѣйствительно, работъ этихъ въ любомъ классѣ, особенно же во 2-мъ и 3-мъ набирается въ одинъ день до 150—300. Разсчетъ весьма простой. Обыкновенно въ городскихъ училищахъ самый большой классъ второй; въ немъ нерѣдко (во всѣхъ знакомыхъ намъ училищахъ) занимается 80—100 учениковъ. Учитель этого класса въ день даетъ 4 и не менѣе 3-хъ уроковъ (когда бываетъ законъ Божій). Если онъ заставитъ учениковъ выполнить самостоятельныя работы только по двумъ предметамъ, получится около 200, а если по всѣмъ тремъ, наберется и 300 работъ. Добросовѣстное, т.-е. внимательное и полезное для учениковъ исправленіе этихъ работъ настоятельно въ виду изложенныхъ нами основаній. А какъ провѣрять ихъ, на то есть много указаній, раздававшихся изъ среды учителей и въ печати. Возьмемъ самый, повидимому, легчайшій способъ исправленія, рекомендованный до нѣкоторой степени оффиціально, въ „Ж. М. Н. П." [1]). Авторъ способа, стремясь къ сокращенію времени, потрачиваемаго учителями на пересмотръ и исправленіе работъ дома, предлагаетъ дѣлать это въ классѣ, отрывая отъ каждаго часоваго урока минутъ 10, много 15. Просимъ читателя на минуту послѣдовать за нами въ ариѳметическихъ вычисленіяхъ. Раздѣлимъ все число учениковъ (80—100) 2-го класса на двѣ группы, въ каждой по 40—50 человѣкъ, хотя младшая группа всегда больше на $1/_3$, а то и на $1/_2$. Учитель преподаетъ 45 минутъ (по системѣ того же автора) въ одномъ отдѣленіи, а другое отдѣленіе занято писаніемъ работъ. Въ 45 минутъ, данныхъ на работу, ученикъ напишетъ непремѣнно 20 строкъ. На бѣглый пересмотръ и краткое, отрывочное указаніе ошибокъ въ двадцатистрочной работѣ положимъ $1/_2$ минуты; умноживши $1/_2$ минуты на число работъ, имѣемъ 25 ми-

---

[1]) См. статью къ вопросу объ организаціи учебной части. 1879, ноябрь, стр. 15.

нутъ, потребныхъ на самый поверхностный, „по военному", обзоръ работъ,—обзоръ, исключающій сколько-нибудь основательное разъясненіе ошибокъ и проч. Въ результатѣ недочетъ на 10 минутъ по 1-й работѣ, а по 3-мъ и 4-мъ на 30 и 40 минутъ. Такое отношеніе къ труду учениковъ, быть можетъ съ интересомъ ожидающихъ поправокъ учителя, мало того, что грубо, потому что слишкомъ явно,—хотя и невольно,—небрежно, но легко сопровождается пропускомъ ошибокъ и грамматическихъ, и логическихъ, и ошибокъ противъ содержанія, когда рѣчь идетъ о переложеніи прочитаннаго. Ученики же другого отдѣленія въ эти 10—15 минутъ и подавно не извлекутъ для себя никакой пользы. Предоставляемъ судить читателю о воспитательномъ вліяніи подобныхъ провѣрокъ письменныхъ работъ. Вопросъ объ исправленіи работъ—самое больное мѣсто учителей городскихъ училищъ и недаромъ врачевателемъ этого наболѣвшаго мѣста выступилъ въ „Ж. М. Н. П." авторъ поименованной нами въ примѣчаніи статьи. Желая во что бы то ни стало отстоять предвзятую мысль о необременительности для учителей письменныхъ работъ, онъ съ усмѣшкой поучаетъ, что большинство работъ, если бы учителя были опытнѣе, должны исправляться въ классѣ, а на долю домашней провѣрки выпадаетъ очень малое число ихъ, именно: „письменныя работы, имѣющія цѣлію правильное изложеніе мыслей, и письменныя работы, служащія для провѣрки усвоенныхъ свѣдѣній, напр. письменное изложеніе уроковъ по закону Божію, исторіи". Мы скажемъ на это, что уроки по закону Божію сюда не относятся, ибо преподаются законоучителемъ, а потомъ позволимъ спросить: гдѣ исправлять работы по ариѳметикѣ, геометріи, русскому языку (записываніе грамматическихъ правилъ, грамматическій и синтаксическій разборъ примѣровъ, изложеніе прочитанныхъ статей своими словами, сочиненія на тэмы), географіи, ботаникѣ, минералогіи, физіологіи, физикѣ? Или авторъ признаетъ эти работы ненужными, или же на столько пустыми, что о нихъ и говорить не стоитъ, или же просто-на-просто не упомянулъ о нихъ съ умысломъ, чтобы не удлиннять списка работъ... Вѣрно одно, что какъ бы авторъ ни считалъ убѣдительнымъ свой взглядъ на провѣрку работъ, но всѣ его аргументы, въ томъ числѣ и ссылка на „новость дѣла, неопытность учителей и предвзятость мнѣній", убѣждаютъ лишь въ оффиціально предвзятомъ взглядѣ его, высказанномъ, впрочемъ, съ большою самоувѣренностью, свойственною „сочинителю" оффиціальному.

Обратимся къ другой сторонѣ классной системы обученія—воспитательной. Въ началѣ нами указывалось вліяніе, какое она должна имѣть на учащихся, по принципу введенія ея въ школу. Люди, по всей вѣроятности, служащіе выразителями мнѣній организаторовъ

городскихъ училищъ, наивно заявляютъ міру, что „только при существованіи одного учителя въ классѣ, только при соединеніи въ рукахъ одного лица какъ учебной, такъ и воспитательной части, возможно на практикѣ примѣненіе принциповъ воспитывающаго обученія“ [1]). Стало быть, въ гимназіяхъ и прочихъ школахъ, гдѣ нѣтъ классной системы обученія, принципъ воспитывающаго обученія на практикѣ абсолютно не примѣняется? Тамъ же читаемъ: „Извѣстно, что въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ въ прежнее время обученіе совершенно отдѣлялось отъ воспитанія. Для преподаванія существовали учителя, которые только и заботились о сообщеніи свѣдѣній, положенныхъ по программѣ; воспитательная же часть находилась въ рукахъ особыхъ надзирателей, воспитателей и проч. Такое раздѣленіе двухъ тѣсно связанныхъ дѣятельностей противорѣчитъ основнымъ началамъ здравой педагогики, въ особенности по отношенію къ начальнымъ школамъ“ [2]). Въ гражданскихъ и военныхъ гимназіяхъ, реальныхъ училищахъ и т. д. дѣло именно такъ и донынѣ поставлено. Пожалѣемъ же объ отсутствіи въ нихъ началъ „здравой педагогики“ и постараемся какъ-нибудь разобраться въ безпредѣльномъ хаосѣ представленій о воспитаніи.

У всякаго человѣка есть своя односторонность. Съ точки зрѣнія этой односторонности онъ смотритъ на весь міръ, переработывая его, если необходимо, по своей узкой мѣркѣ. Если этотъ міръ дѣти, то онъ также сообщаетъ имъ свою односторонность, сколько можетъ, и они пріучаются къ тому же одностороннему міровоззрѣнію, вліяющему на нихъ гораздо сильнѣе, чѣмъ на взрослыхъ. Сравнительная узкость и даже шаблонная ординарность міровоззрѣнія учителей извѣстны всѣмъ. Такою узкостью міровоззрѣнія учитель руководствуется при взглядѣ на обученіе и воспитаніе дѣтей. Благодаря ей, онъ развиваетъ въ нихъ непремѣнно только извѣстный рядъ привычекъ и любимый ему строй мыслей и чувствъ. Всѣ, такъ - сказать, идеальныя стремленія учениковъ будутъ запечатлѣны нравственной физіономіей учителя. Учитель добръ и снисходителенъ или злопамятенъ и вспыльчивъ—таковы и ученики его. Небрежность учителя въ костюмѣ, въ манерахъ, отражается въ распущенности учениковъ въ тѣхъ же предметахъ. При классной системѣ преподаванія эта, иногда рѣзко бьющая въ глаза своеобразная манерность и односторонность учителя дѣйствуетъ на учениковъ въ громадной степени; потому что свойственныя ему душевныя наклонности, стремленія и проч. находятъ примѣненіе въ складѣ мыслей и характера учениковъ, въ на-

---

[1]) См. того же автора. „Ж. М. Н. П.“ 1879, октябрь, стр. 3.

[2]) См. тамъ же, стр. 2.

правленіи, формѣ и содержаніи ихъ устныхъ отвѣтовъ и письменныхъ работъ. Ежедневнаго четырехчасового вліянія въ продолженіи цѣлаго года или двухъ и трехъ лѣтъ слишкомъ достаточно, чтобы прочно привить ученикамъ тѣ же односторонніе особенности, какими обладалъ и учитель. Но особенности особенностямъ рознь; есть такія, которыя можно одобрить въ значительной мѣрѣ, есть такія, о которыхъ можно спорить, и есть, наконецъ, такія, которыя слѣдуетъ лишь порицать. У насъ учреждены спеціальныя фабрики учителей—учительскіе институты и семинаріи. По свойственной намъ русской привычкѣ, отъ этихъ фабрикъ ждутъ исключительно только хорошихъ учителей, правильно и всесторонне развитыхъ, и совсѣмъ не допускаютъ мысли, что заведенія эти, какъ закрытыя и спеціализированныя, находясь въ условіяхъ, благопріятствующихъ одностороннему воспитанію и образованію,—могутъ давать обществу и школѣ учителей съ вліяніемъ положительно неодобрительнымъ или по ихъ умственной, или нравственной узкости и односторонности. Какія привычки воспитаютъ въ ученикахъ подобные учителя при классной системѣ, которая заботливо удаляетъ ихъ отъ вліянія другихъ учебныхъ силъ въ теченіи года, а то и нѣсколькихъ лѣтъ? Мы всѣ по опыту знаемъ, что съ пріятнымъ или непріятнымъ воспоминаніемъ о воспитавшихъ насъ учебныхъ заведеніяхъ, у насъ соединяется представленіе образа того или иного преподавателя. Нерѣдко случается, что, перенесясь мыслью въ отдаленные прошлые годы, годы горькихъ слёзъ отъ невыученнаго урока и прочихъ мелкихъ школьныхъ треволненій, мы натыкаемся на одни мрачныя физіономіи дѣйствительно мрачныхъ учителей съ поползновеніями на чубъ и уши. Душно и тоскливо отъ этихъ воспоминаній. Но иной разъ мелькаетъ свѣтлая полоса—и выдѣляется милый образъ какого-нибудь даже приватнаго учителя, преподававшаго какой-нибудь очень незначительный предметъ. Мы далеки отъ того, чтобы рисовать учителей городскихъ училищъ съ одними мрачными чертами, но надо же согласиться, что классная система даетъ больше простора своеволію одного учителя, которое иногда и при добрыхъ намѣреніяхъ приноситъ злые плоды. Система эта не оставляетъ мѣста благотворному, быть можетъ, вліянію, какое могло бы идти отъ другихъ учителей и хотя отчасти уравновѣшивало бы дурное и одностороннее.

Не всѣ учителя выкроены по одной мѣркѣ: одинъ обладаетъ умомъ, талантомъ и живостью, возбуждая учениковъ и подвигая ихъ на дальнѣйшее развитіе; другой изображаетъ собою только собраніе механическихъ правилъ, которые онъ равнодушно, капля по каплѣ, опускаетъ въ мозги учениковъ. Прекрасное, задушевное слово перваго вызоветъ тысячи, хотя неясныхъ, но сильныхъ позывовъ къ

самосовершенствованію и безъ всякихъ наказаній можетъ смирить самаго строптиваго ученика; монотонная рѣчь второго, еле-еле воспринимаемая съ зѣвотой и скукой, забудется даже въ ближайшемъ будущемъ, и всѣ результаты воспитанія, которыхъ онъ достигаетъ съ величайшими усиліями, это—тишина въ классѣ.

Защитники классной системы преподаванія въ городскихъ училищахъ увѣряютъ, что предметные учителя всегда заботятся только исключительно о выполненіи учебныхъ программъ и о лучшемъ усвоеніи учащимися преподаваемыхъ предметовъ,—воспитательныя же цѣли они отодвигаютъ назадъ. Тѣ же защитники ссылаются на то, что въ воспитательныхъ мѣрахъ нужны единство и послѣдовательность, приводя даже русскую пословицу: „у семи нянекъ дитя безъ глазу". Откровенно говоря, намъ непонятно, почему хорошіе классные учителя, какихъ ожидаютъ отъ учительскихъ институтовъ, способные отлично воспитывать при классной системѣ, могутъ тотчасъ обращаться въ дурныхъ при предметной? Учителю служитъ стимуломъ хорошаго преподаванія и заботъ о воспитаніи учащихся одно—добрая совѣсть, т.-е. сознаніе важности принятаго дѣла. Если это сознаніе глубоко въ самомъ учителѣ, онъ будетъ сердечно скорбѣть о недостаткахъ и порокахъ учениковъ и будетъ всѣмъ сердцемъ стремиться къ исправленію ихъ. Если же сознаніе это не успѣло проникнуть въ учителя, его вліяніе, т.-е. отсутствіе воспитательнаго вліянія, скажется въ нѣсколько разъ безобразнѣе при классной системѣ. Горько ошибаются тѣ, которые думаютъ, что, поручивши такому учителю отдѣльный классъ съ отвѣтственностью за его успѣхи въ обученіи и воспитаніи, уже сдѣлано все, и воспитаніе, и обученіе пойдетъ быстрыми шагами подъ надзоромъ этого, хотя и неважнаго учителя. Силою трудно заставить человѣка хорошо выполнять данное дѣло, это возможно лишь при желаніи и любви къ нему. Между тѣмъ классная система есть именно насиліе надъ влеченіемъ учителей городскихъ училищъ къ преподаванію такихъ-то, интересующихъ и нравящихся имъ предметовъ,—насиліе, отнимающее возможность работать надъ любимымъ дѣломъ и ведущее къ истощенію физическому и нравственному.

Резюмируемъ сказанное. Прогрессъ воспитанія и обученія зависитъ не отъ классной системы преподаванія, а отъ нравственнаго уровня учителей и ихъ попеченія объ учащихся—качества, при которыхъ будетъ достигнуто и единство, и послѣдовательность въ воспитательныхъ мѣрахъ. Здѣсь, очевидно, пословица о семи нянькахъ была бы приложима только тогда, когда бы учителя городскихъ училищъ набирались, какъ бывало въ уѣздныя училища, гдѣ они, безъ всякой точной подготовки, зачастую не знали хорошенько даже

обыкновеннѣйшихъ пріемовъ воспитанія. Мы гораздо лучшаго мнѣнія объ учебномъ персоналѣ городскихъ училищъ, прошедшемъ педагогическій курсъ учительскаго института, и стоимъ за то только, что облегченіе учителей, до невѣроятности обремененныхъ нынѣ учебно-воспитательными занятіями, пойдетъ на пользу самой же школѣ; воспитаніе этимъ вовсе не подорвется, а сдѣлается шире и благодѣтельнѣе для учащихся,—и ужъ въ крайнемъ случаѣ останется таково же, какъ и сейчасъ. Учителя и школу мы не отдѣляемъ, а считаемъ ихъ двумя слитными организмами. Поэтому мы не разсматриваемъ облегченіе учителей отъ излишняго труда, какъ ихъ *личное* облегченіе, а признаемъ въ этомъ интересъ самой школы. И, наоборотъ, намъ кажется непонятно, какимъ образомъ желаніе успѣшности учащихся можетъ требовать пренебреженія къ удобствамъ учащихъ. Какъ будто неудобства учителей есть необходимое удобство школы; или подавленіе учителя работою способствуетъ росту и процвѣтанію школы...

Физическое и нравственное ослабленіе учителей городскихъ училищъ не подлежитъ сомнѣнію послѣ описанія тѣхъ, не преувеличивая, громадныхъ и безпрерывныхъ трудовъ, которые должны выполняться учителями при классной системѣ преподаванія. Это всеобщее истощеніе организма учителей дѣлаетъ ихъ слабонервными и раздражительными, что̀ въ свою очередь отзывается на всемъ ходѣ обученія и особенно на воспитательныхъ пріемахъ. Съ цифрами въ рукахъ мы доказали, что у добросовѣстнаго учителя теперь даже нѣтъ времени на то, чтобы надлежащимъ образомъ подготовляться къ занятіямъ и слѣдить за педагогической литературой; а между тѣмъ начинаетъ раздаваться голосъ, настаивающій на новомъ прибавленіи уроковъ въ городскомъ училищѣ [1]). Какъ бы это заявленіе ни было одиноко, тѣмъ не менѣе весьма любопытны причины, приводимыя въ его защиту.

Первая причина, что дѣти того же возраста, какъ и въ городскихъ училищахъ, обучающіяся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, занимаются гораздо болѣе. Что̀ сказать на это? только то, что худой примѣръ не заслуживаетъ подражанія; а что примѣръ этотъ дѣйствительно худой, то подтверждается сотнями исключенныхъ изъ гимназій и реальныхъ училищъ. Такъ дорого окупать небольшой % выдерживающихъ угнетательную массу занятій мы не считаемъ удобнымъ для русскаго юношества. И затѣмъ надо помнить, что 5 часовъ обученія въ соотвѣтствующихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній возлагаются не на одного классваго учителя,—противъ чего

[1]) „Ж. М. Н. П.“, 1880, ноябрь, статья того же автора, стр. 14.

главное мы и споримъ. Если же принять въ соображеніе всѣ классные часы учениковъ городского училища, то и нынѣ у нихъ занято 5 часовъ въ сутки какъ во 2, такъ и 3 классѣ (4 ч. научными предметами и 1 ч. пѣніемъ или гимнастикой). Наконецъ, попытка исправить недостатки системы увеличеніемъ числа часовъ—одна изъ тѣхъ, къ которымъ приложима пословица: „съ больной головы на здоровую".

Вторая причина состоитъ въ томъ, что если бо̀льшее число уроковъ и можно назвать обременительнымъ для учителей (а для учениковъ?), то не слѣдуетъ забывать, что „во всякой общественной дѣятельности, а тѣмъ болѣе въ дѣятельности учебно-воспитательной, личные удобства и интересы должно ставить на второмъ планѣ". Признавая этотъ доводъ сильнѣе перваго, не обойдемъ молчаніемъ, что если бы точно также разсуждали и другіе общественные дѣятели, то едва ли бы явилась необходимость увеличенія занятій существующихъ учителей,—такъ какъ самымъ главнымъ основаніемъ удержанія классной системы служитъ все-таки недостатокъ средствъ на школу.

Третья причина приводится та, что „жалованье учителямъ городскихъ училищъ противъ учителей уѣздныхъ училищъ увеличено вдвое, такъ что они не могутъ терпѣть нужды въ постороннихъ занятіяхъ". Допустимъ, что жалованье учителей удвоено; относится ли сюда это замѣчаніе? Ни мало, потому что рѣчь идетъ не только объ учителяхъ, но и объ ученикахъ, объ успѣшности ихъ занятій при бо̀льшемъ числѣ уроковъ и при тѣхъ же преподавательскихъ силахъ. Но такъ какъ замѣчаніе объ увеличеніи содержанія сдѣлано, то не умолчимъ и о немъ, потому что на такихъ аргументахъ, вѣроятно, еще не разъ будутъ выѣзжать защитники существующаго устройства городскихъ училищъ. Уѣздные учителя получали отъ 25 до 30 рублей въ мѣсяцъ, давая maximum 12 уроковъ въ недѣлю. Учителя городскихъ училищъ получаютъ съ квартирными (при готовыхъ квартирахъ на 6 р. 25 к. меньше) 50 руб. при 21—22 недѣльныхъ урокахъ въ классѣ (2-мъ и 3-мъ). А жизнь не ждала и не ждетъ и пользованіе ея благами даже въ уѣздныхъ городахъ до того *вздорожало*, что пресловутаго „увеличеннаго" жалованья не хватаетъ и на скромное существованіе. Стало быть, это лишь видимое увеличеніе есть невольная уступка времени, безъ которой не могли обойтись и люди, назначавшіе учительскіе оклады—самые мизерные изъ всѣхъ штатныхъ окладовъ въ имперіи. И еще хотятъ, чтобы число уроковъ было повышено до 28.

Объяснивши, насколько съумѣли, затрудненія, встрѣчаемыя при классномъ преподаваніи въ городскихъ училищахъ, обратимся къ разсмотрѣнію самой программы ихъ. Въ основу распредѣленія учеб-

наго матеріала по каждому предмету положенъ концентрическій методъ, состоящій въ томъ, что сообщаемыя по предметамъ свѣдѣнія постепенно расширяются въ видѣ концентрическихъ окружностей, причемъ объектомъ, или центромъ ихъ является учащійся. Выборъ предметовъ произведенъ также съ цѣлію *развить* ученика, а не сообщить ему какія-нибудь прикладныя знанія, полезныя только въ практическомъ отношеніи. Цѣль подобнаго выбора и расположенія матеріала та, чтобы ученикъ, выходящій почему-либо изъ училища до окончанія курса, выносилъ съ собою опредѣленный, стройный запасъ знаній, даже и элементарныхъ, который, давая ему нѣкоторое умственное и нравственное развитіе, служилъ бы основаніемъ для дальнѣйшаго самостоятельнаго совершенствованія. Мысль концентраціи предметовъ весьма хороша,—но къ сожалѣнію трудно поддается примѣненію ея по всѣмъ наукамъ и недостаточно ясно и твердо проводится въ разбираемыхъ нами программахъ. Неясность представленія о самой концентраціи видна, напр., въ томъ, что одни предметы, какъ законъ Божій и ариѳметика, расположены такъ, что ученикъ даже 1-го класса имѣетъ общее понятіе о всѣхъ частяхъ изучаемаго имъ предмета, а въ послѣдующихъ классахъ изученіе того же предмета есть одно расширеніе сообщенныхъ уже знаній. Напротивъ, трудно отыскать такую же идею концентраціи въ прочемъ учебномъ матеріалѣ, и было бы очень желательно, чтобы эта плодотворная идея была разработана по отношенію и къ другимъ предметамъ, такъ какъ безъ этого низшіе классы училищъ остаются какими-то недодѣланными; и напрасно увѣряютъ, будто ученики этихъ классовъ при выходѣ изъ училища выносятъ стройныя свѣдѣнія.

Объемъ программъ можно назвать удовлетворительнымъ для полнаго (а не начальнаго образованія, которое дается въ сельскихъ и приходскихъ школахъ, чѣмъ онѣ и отличаются отъ городскихъ училищъ) элементарнаго образованія, но съ маленькою оговоркою. Такъ въ русской и всеобщей исторіи не дурно было бы сообщать свѣдѣнія о жизни народа на различныхъ ступеняхъ его умственнаго, нравственнаго и экономическаго развитія. А то главная сила и сердце исторіи, народъ, почти исчезаетъ за этой прочной декораціей именъ, чиселъ, названій городовъ, битвъ... Такъ что, въ сущности, исторія не даетъ ученикамъ ни малѣйшаго понятія о томъ, какихъ усилій стоило народамъ добраться до ихъ нынѣшняго состоянія. Но упрекъ, дѣлаемый нами программѣ исторіи въ городскихъ училищахъ, сглаживается отчасти тѣмъ, что таковъ уже порядокъ преподаванія и составленія руководствъ для всѣхъ нашихъ учебныхъ заведеній. Въ курсѣ зоологіи и ботаники не мѣшало бы уменьшить число се-

мействъ и видовъ растеній и животныхъ, потому что, обременяя память, они мало что вносятъ въ развитіе учениковъ.

Остается черченіе и рисованіе, преподаваемыя тѣми же классными учителями. Выскажемъ сначала свой взглядъ на значеніе этихъ предметовъ. Умѣнье хорошо рисовать и чертить есть, быть можетъ, наипрактичнѣйшее и наиполезнѣйшее знаніе, какое только способно дать городское училище дѣтямъ небогатыхъ родителей. Такой пользы не принесутъ ученикамъ даже ремесла, введенныя въ иныхъ училищахъ, ибо навыкъ въ ремеслѣ требуетъ долгаго времени, какимъ совсѣмъ не располагаетъ 6-тилѣтній курсъ городскихъ училищъ. Дѣйствительно, вѣрно схватить глазомъ предметъ и воспроизвести его на бумагу или полотно важно какъ для ученаго ботаника, зоолога, такъ и для простого ремесленника, которому рисованіе и черченіе во многихъ случаяхъ — первое подспорье; нужны они и еще въ тысячахъ разныхъ другихъ спеціальностей. Словомъ сказать, если городское училище научитъ своихъ питомцевъ рисованію и черченію, оно окажетъ имъ незамѣнимую услугу, — какъ вообще оно поможетъ ихъ образованію не столько тѣмъ, что они будутъ, часто безъ связи, знать много научныхъ фактовъ и еще больше терминовъ, сколько тѣмъ, что вмѣстѣ съ развитіемъ познавательной способности, дастъ имъ въ руки орудіе практическаго труда. Сознаніе громадной важности рисованія и черченія стало проникать въ общество только очень недавно, и потому немудрено, что прежде эти предметы находились въ школахъ въ загонѣ. Въ такомъ же положеніи они остаются въ городскихъ училищахъ и до сего времени. На нихъ смотрятъ какъ на предметы случайные, внесенные въ программу для одной полноты ея и или совсѣмъ не преподаютъ ихъ, или же преподаютъ чрезвычайно неумѣло и плохо. Отъ классныхъ учителей нельзя и требовать много, лучшаго преподаванія, а почему—сейчасъ пояснимъ. Трехлѣтняго курса учительскихъ институтовъ едва хватаетъ на то, чтобы пройти научные предметы; рисованіе и черченіе имѣютъ отъ 1 до 5 час. въ недѣлю съ чистописаніемъ. Поступаютъ въ институтъ сплошь и рядомъ буквально неумѣющіе нарисовать или начертить нѣсколько прямыхъ линій. Приходится начинать съ азовъ, а отъ нихъ въ три года далеко не уйдешь. Результатъ же тотъ, что будущіе учителя ни сами не умѣютъ рисовать и чертить и не чувствуютъ къ этому занятію никакого влеченія, ни учениковъ не научатъ. Еще хуже въ этомъ дѣлѣ прикомандировывавшіеся къ институтамъ учителя, которымъ рисованіе и черченіе преподавались одинъ годъ. Глубокая по нашему мнѣнію ошибка классной системы въ томъ, что она возложила преподаваніе рисованія и черченія на классныхъ учителей. Научить ри-

совать и чертить можетъ только долго занимавшійся этимъ дѣломъ человѣкъ, знающій кромѣ самой техники и способы преподаванія. Кому приходилось сравнивать искусство рисовать и чертить учениковъ уѣздныхъ училищъ,—гдѣ обученіе велось отдѣльными учителями-художниками,—и городскихъ, тотъ согласится съ нами, что первые стоятъ неизмѣримо выше и въ вѣрности очертаній, и пониманіи перспективы и техникѣ тѣней. Въ рисункахъ учениковъ уѣздныхъ училищъ нерѣдко замѣчалась самостоятельная художественность, а чертежи отличались правильностью и чистотою отдѣлки; въ рисункахъ учениковъ городскихъ училищъ, прошедшихъ полный курсъ, кромѣ подражанія и плохой привычки къ наложенію штриховъ, трудно отыскать что-нибудь; чертежи ихъ въ большинствѣ совѣстно и назвать этимъ именемъ. Конечно, намъ возразятъ, что городскія училища не задаются цѣлями профессіональныхъ рисовальныхъ школъ; но для чего же понижать уровень знаній, сравнительно съ уѣздными училищами, которыя преобразованы именно по неудовлетворительности ихъ образовательнаго вліянія?

Но дѣло не въ содержаніи и объемѣ разсмотрѣнныхъ нами программъ городскихъ училищъ, а въ исполненіи ихъ. Исполнить же обширныя и многовѣщательныя программы при классной системѣ отказываются даже лучшіе и самые добросовѣстные учителя. Это мы свидѣтельствуемъ, какъ непреложную истину. Но это не все. Высшее, т.-е. 2-е отдѣленіе 3-го класса городскихъ трехклассныхъ училищъ (въ другихъ вообще высшее отдѣленіе, или высшій классъ) полагается—очень разумно—и на повтореніе пройденнаго курса, хотя годичнаго времени этого отдѣленія едва хватаетъ на прохожденіе курса собственно только того же отдѣленія. А повтореніе цѣлаго курса городскихъ училищъ обыкновенно остается на многотерпѣливой бумагѣ; значитъ, ошибки, случавшіяся въ теченіи 6 лѣтъ ученья, не исправляются, пробѣлы не пополняются; т.-е. ровно ничего не дѣлается въ пользу такъ-называемой *организаціи знаній*. А безъ этого, учащіеся, кончивши полный курсъ, вступаютъ въ жизнь съ отрывками фразъ и мыслей.

До сихъ поръ, говоря о городскихъ училищахъ, мы разумѣли только одинъ, самый главный видъ ихъ, именно трехклассныя; каждый классъ такихъ училищъ дѣлится на два отдѣленія, стало быть всѣхъ отдѣленій 6; въ каждомъ отдѣленіи ученикъ учится одинъ годъ. Учителей на трехклассное училище назначается по числу классовъ; законоучитель отдѣльно. Кромѣ того „положеніе" о городскихъ училищахъ разрѣшаетъ назначать въ 1-й классъ учительскаго помощника, на каждые 30 человѣкъ сверхъ 50-ти. Вполнѣ сочувствуя такой мѣрѣ, полезной при затрудненіяхъ въ занятіяхъ съ перепол-

неннымъ классомъ, нельзя не пожалѣть, что приглашеніе помощниковъ учителя ограничено только однимъ 1-мъ классомъ (§ 16). Курсъ 1-го класса и продолжительность занятій въ немъ и такъ не велики; и хотя мы не настаиваемъ на удаленіи помощниковъ учителей изъ 1-го класса, но не мѣшало бы обратить вниманіе на трудъ учителей прочихъ классовъ, которые также переполняются учениками свыше нормы, указанной въ „положеніи", а между тѣмъ помощники учителя заниматься въ нихъ не имѣютъ права. Въ самомъ дѣлѣ, черезъ два, три года во всякомъ училищѣ съ многолюднымъ 1-мъ классомъ значительная часть учениковъ его постепенно перейдетъ во 2-й, а потомъ и въ 3-й классъ. Стало быть, и во 2-мъ, и въ 3-мъ классѣ очутится по 80 учениковъ и болѣе, какъ оно и есть теперь во многихъ училищахъ. Намъ бы казалось, напротивъ, что во 2-мъ и 3-мъ классахъ норму для назначенія учительскаго помощника слѣдовало уменьшить сообразно съ количествомъ предметовъ; это было бы справедливѣе и гуманнѣе. Но помимо трехклассныхъ, нормальныхъ городскихъ училищъ существуютъ еще двухклассныя и одноклассныя, устроиваемыя въ небольшихъ городахъ. Училища эти отъ трехклассныхъ (и даже четырехъ, пяти и шести-классныхъ, рѣдко-рѣдко гдѣ учрежденныхъ) ничѣмъ не отличаются: ни продолжительностію курса, ни величиною программы; такъ что съ-разу не понятно, отчего же это сдѣлано такое уклоненіе отъ нормальнаго типа городскихъ училищъ. Объясненіе этой странности мы найдемъ въ запискѣ, сопровождавшей появленіе въ свѣтъ проекта городскихъ училищъ и напечатанной въ „Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія" за 1869 годъ. Записка говоритъ, что еще во времена уѣздныхъ училищъ пришлось въ нѣкоторыхъ городахъ третьи классы закрыть, по отсутствію въ нихъ учениковъ; поэтому открывать въ такихъ городахъ училища съ 3 классами было бы напрасною тратою денегъ. Но вѣдь ужъ если не открывать трехклассное училище, то не нужно было бы открывать соотвѣтствующихъ 3-му классу двухъ отдѣленій и въ одноклассномъ,—т.-е. надо бы курсъ его уменьшить съ 6 лѣтъ на 4 года. Но курсъ не уменьшенъ, трудъ учителя сдѣланъ чуть не каторжнымъ, обученіе и воспитаніе низведено на много ступеней ниже и неизвѣстно для какой пользы. Мысль, что нынѣ не будетъ учениковъ въ 3-мъ классѣ училищъ малолюдныхъ городовъ—чистый анахронизмъ, такъ какъ теперь даже и въ этихъ городахъ почти невозможно отыскать отрицателей образованія, хотя бы лишь въ виду воинской повинности. Если же одноклассныя и двухклассныя училища устроены по отсутствію средствъ на содержаніе лучшихъ, трехклассныхъ училищъ, то весьма странно желать видѣть такіе же результаты отъ одноклассныхъ училищъ, какъ и

отъ трехклассныхъ. То-есть, или одноклассныя училища годны для намѣченной цѣли, или негодны. Въ первомъ случаѣ экономичнѣе было бы устроивать вездѣ одноклассныя или двухклассныя; во-второмъ слѣдовало бы ихъ вездѣ закрыть, или нигдѣ не открывать; потому что коль скоро возможны одноклассныя городскія училища, то не трудно додуматься и до двухклассныхъ гимназій... Пониманіе несоотвѣтствія одноклассныхъ и двухклассныхъ училищъ съ потребностями образованія и правильнымъ положеніемъ учебно-воспитательнаго дѣла въ школѣ начинаетъ, впрочемъ, выясняться; и хотя „Журналъ министерства народнаго просвѣщенія“ и выступаетъ въ защиту ихъ, прописывая рецепты, какъ заниматься съ 3 и болѣе отдѣленіями и проч., но уже одна потребность въ такой защитѣ свидѣтельствуетъ о сознаніи неудовлетворительности этого рода училищъ.

Разбирая организацію городскихъ училищъ, мы намѣтили нѣсколько пунктовъ, которые должны быть приняты во вниманіе при обсужденіи условій воспитанія и обученія для достиженія главной цѣли городскихъ училищъ — дать образованіе дѣтямъ низшихъ и вообще несостоятельныхъ сословій. Первое условіе, это — перемѣна классной системы преподаванія на предметную. Удерживать классную систему во всѣхъ классахъ городскихъ училищъ только ради ея единообразія, значитъ ронять и воспитательное, и учебное дѣло этихъ училищъ. Въ дѣйствительности, городскія училища представляютъ смѣшанный типъ начальныхъ и высшихъ элементарныхъ школъ. Курсъ начальнаго училища охватывается 1-мъ классомъ, курсъ высшаго элементарнаго училища заключается во 2-мъ и 3-мъ классахъ. Поэтому и систему преподаванія слѣдуетъ примѣнить также смѣшанную, классно-предметную. Преподаваніе въ 1-мъ классѣ можно поручить одному учителю съ помощникомъ, если общее число учащихся будетъ выше 50; но со 2-го класса преподаваніе должно совершаться предметными учителями, такъ какъ только при такомъ преподаваніи возможно правильное выполненіе программы и приложеніе болѣе разумныхъ воспитательныхъ пріемовъ съ коллективнымъ участіемъ и наблюденіемъ всего состава учителей. Въ предполагаемой нами системѣ, каждое городское училище должно бы имѣть не менѣе *пяти* классовъ: въ училищахъ же съ меньшимъ числомъ классовъ полагалась бы и пропорціонально уменьшенная программа. Введеніе предметной системы имѣетъ за себя и еще одинъ аргументъ — возможность замѣны учителя, во время его болѣзни, другимъ учителемъ. Не всякому извѣстно, какъ отражаются на ученикахъ городскихъ училищъ болѣзни учителей. Обыкновенно ученики тогда совсѣмъ распускаются домой или же, для очистки совѣсти, имъ даютъ

письменныя работы, никѣмъ, впрочемъ, не просматриваемыя, значитъ, по пользѣ равносильныя роспуску по домамъ. Кого винить въ этомъ? Только ужъ никакъ не другихъ учителей, у которыхъ и своего дѣла по-горло.

Второе условіе покажется, быть можетъ, слишкомъ требовательнымъ, такъ какъ для исполненія его необходимо программу городскихъ училищъ измѣнить весьма существенно, именно связать ее съ програмами среднихъ школъ. Для этого есть два пути. Одинъ путь—преподаваніе языковъ, главнымъ образомъ тормазящихъ учениковъ городскихъ училищъ; другой—урѣзка програмы ихъ и сокращеніе числа учебныхъ лѣтъ. Неразсчетливость перваго способа въ денежномъ отношеніи очевидна; кромѣ того, въ уѣздномъ городѣ трудно и найти учителей языковъ. Остановимся на второмъ. Немного выше мы сказали, что городскія училища суть высшія элементарныя школы, составляющія переходную ступень отъ низшихъ къ среднимъ. Какъ бы программа ихъ ни была широка, во всякомъ случаѣ это теперь училища обособленныя, отдѣленныя и не дающія вмѣстѣ съ тѣмъ образованія, равнаго среднимъ школамъ. Ученики, кончающіе курсъ городскихъ училищъ, принадлежатъ бóльшей частью къ низшимъ классамъ: крестьянамъ и мѣщанамъ. Для людей этихъ классовъ важно прежде всего не общее образованіе, какое они получаютъ въ городскихъ училищахъ и которое, къ тому же, само по себѣ очень ограниченно и не можетъ быть пополнено поступленіемъ въ среднія учебныя заведенія, — для нихъ нужно образованіе прикладное, ремесленное. Разумѣется, иные ученики захотятъ продолжить свое образованіе въ среднихъ школахъ, иные же должны будутъ удовлетвориться только тѣмъ, чтó пріобрѣтутъ въ городскомъ училищѣ. Для первыхъ, слѣдовательно, нужно открыть двери среднихъ школъ; для вторыхъ необходимо ввести во всѣхъ городскихъ училищахъ ремесленные классы, смотря по потребности мѣстнаго населенія въ тѣхъ или другихъ ремеслахъ.

При такой постановкѣ городскихъ училищъ шестилѣтній курсъ ихъ, растянутый теперь до послѣднихъ предѣловъ, надо сократить по крайней мѣрѣ до 4 лѣтъ, хотя бы лишь въ тѣхъ городахъ, гдѣ существуютъ еще приходскія училища, соотвѣтствующія первому классу городскихъ училищъ. Если при этомъ уменьшеніи учебныхъ лѣтъ понадобится сократить и объемъ програмы — и то не бѣда: это было бы даже очень полезно, такъ какъ, не задерживая долго учащихся въ своихъ стѣнахъ, въ ущербъ ихъ дѣлу и нуждамъ семьи, городскія училища тѣмъ самымъ предоставляли бы желающимъ всѣ средства къ продолженію образованія въ среднихъ школахъ или къ поступленію въ ремесленный классъ, изъ котораго черезъ 2—3

года вышелъ бы работникъ такого же возраста, какой имѣютъ ученики, кончающіе нынѣ курсъ въ городскихъ училищахъ, т.-е. 15—16 лѣтъ.

Вообще городскія училища, въ ихъ учебной части, нуждаются въ большихъ измѣненіяхъ, которыя избавили ли бы ихъ отъ замкнутости, на какую они обречены теперь. Плодить недоучекъ, лишенныхъ права образованія въ гимназіяхъ и неспособныхъ приняться за какой-нибудь физическій трудъ, невыгодно для семьи, общества и государства. Должность писаря за 8—10 руб. жалованья—вотъ единственная профессія, доступная ученикамъ городскихъ училищъ. Но и писарство во многихъ городахъ недостижимо для всѣхъ.

Мы должны наконецъ сдѣлать еще нѣсколько замѣчаній по поводу нѣкоторыхъ §§ положенія о городскихъ училищахъ. Есть при нихъ педагогическіе совѣты; созваніе ихъ по 23 § предоставлено завѣдующимъ училищами, или инспекторамъ, почти всегда такимъ же бюрократамъ, какими слыли во время оно штатные смотрителя. Бюрократу же противно до глубины души коллективное обсужденіе и рѣшеніе разныхъ вопросовъ, касающихся воспитанія, обученія и хозяйства училищъ; потому что, разъ онъ бюрократъ, и имѣетъ въ рукахъ маленькій хлыстикъ власти, всякое обсужденіе сообща кажется ему посягновеніемъ на его личность и власть. Поэтому нисколько не странно, что во многихъ училищахъ педагогическіе совѣты не собираются цѣлые годы, и учителя до того привыкли къ абсолютному самовластію завѣдующихъ училищами, что положительно забыли о пресловутыхъ совѣтахъ. Извѣстны намъ и такія училища, гдѣ учителя пробовали требовать созванія педагогическихъ совѣтовъ, и за то прослыли у начальства за неблагонадежныхъ и платились выговорами, а то и мѣстами. Да и какъ требовать у завѣдующихъ училищами исполненія 26 § положенія, когда по § 23-му они считаются полными начальниками ввѣренныхъ имъ училищъ и имъ подчиняются всѣ служащіе при училищахъ лица? Кстати, непонятно, въ чемъ должно выражаться подчиненіе учителей завѣдующимъ? Въ вопросахъ педагогическихъ учителя подчиняются рѣшеніямъ совѣта (§ 28); въ дѣла хозяйства они не вмѣшиваются; остаются развѣ порученія и приказанія, несогласныя съ личнымъ достоинствомъ учителя. Вѣрно одно, что, основываясь на 23 § положенія, завѣдующіе училищами имѣютъ въ рукахъ обширное и неподлежащее никакому контролю право отравлять жизнь и дѣятельность учителей тысячами мелочей, доносами по начальству, плохими рекомендаціями и проч. Чтобы дать педагогическимъ совѣтамъ училищъ настоящую жизнь и силу, слѣдовало бы дозволить созваніе совѣтовъ не только по предложенію завѣдующаго, но и по желанію большинства членовъ совѣта или

секретаря его, избираемаго совѣтомъ каждый годъ. Что же касается до 23 §, то съ великою пользою для училищъ его можно было бы уничтожить, обративъ завѣдующихъ въ исполнителей и наблюдателей за исполненіемъ постановленій совѣта.

Мысли, изложенныя нами здѣсь съ нѣкоторою подробностью, о значеніи и интересахъ городскихъ училищъ подтверждались не одинъ разъ мнѣніями лицъ изъ разныхъ мѣстъ Россіи [1]). Ссылаемся на это, какъ на фактъ проникнувшаго въ общество сознанія о необходимости преобразованія городскихъ училищъ. Сужденій своихъ мы не выдаемъ за непреложную истину, но думаемъ, что обстоятельное рѣшеніе этого вопроса можетъ быть найдено только при помощи *учительскаго съѣзда* учителей городскихъ училищъ всѣхъ губерній Россіи, гдѣ дѣйствуютъ новыя училища.

Н. П—ловъ.

[1]) См., напримѣръ, корреспонденцію изъ Чернигова, „Страна", 1880 г., № 69, и статью „Уѣздныя училища", „Новое Время", 1880 г., № 1636.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-е января, 1881.

Общій характеръ истекшаго года.—Преобладающая его черта—перемѣна въ личномъ составѣ министерства народнаго просвѣщенія.—Различіе между отрицаніемъ ломки и отказомъ отъ дѣятельности.—Послѣднія событія въ университетской жизни въ связи съ гимназическою «зрѣлостью».—Вліяніе ученическихъ «Правилъ» 1874 года на такую «зрѣлость».—Система «сообщеній», и «Правила о взысканіяхъ».—Обзоръ управленія государственными имуществами за послѣднія 25 лѣтъ, и различныя направленія вѣдомства въ теченіи всего этого времени. — Вопросъ о системѣ правильнаго употребленія казенныхъ земель.

I.

Если минувшій годъ еще не принесъ намъ никакихъ существенныхъ и прочныхъ измѣненій въ общемъ строѣ нашей публичной жизни,—если провозглашая ему: De profundis, мы можемъ помянуть добромъ лишь нѣкоторыя личныя перемѣны въ составѣ нашей администраціи и нѣкоторыя временныя облегченія, окончательно не вошедшія въ законъ,—онъ все же будетъ долго памятенъ самымъ разнообразнымъ слоямъ русскаго общества уже однимъ полнымъ нравственнымъ крушеніемъ системы народнаго просвѣщенія, съ ея „принципами", съ ея „средствами" и съ ея „цѣлями",—системы, замѣчательной развѣ тѣми результатами, которыхъ она достигла, и за которые намъ придется расплачиваться не одинъ годъ. Мы, правда, еще не знаемъ достовѣрно, насколько выразилось это всѣми сознанное и всѣми желанное крушеніе въ оффиціальныхъ общихъ мѣрахъ по министерству народнаго просвѣщенія; „Собраніе Узаконеній", „Правительственный Вѣстникъ" и самый „Журналъ Министерства" сообщали объ этомъ очень мало свѣдѣній; но эта часть государственнаго управленія такъ важна, такъ тѣсно связана съ общимъ ходомъ внутреннихъ дѣлъ въ Россіи, ея нужды и требованія такъ неотложны, что, надо думать, колебанія въ дѣлѣ такой громадной важности уже

не будутъ продолжительны, и крушеніе системы, съ настоящимъ качествомъ которой мы знакомимся вполнѣ только теперь, хотя и заднимъ числомъ, — останется не однимъ фактомъ общественнаго сознанія и общей радости, но и выразится на практикѣ такъ же ясно, какъ сказалось оно въ сознаніи всего русскаго общества. Мы сами нѣсколько разъ повторяли, что въ школьномъ дѣлѣ надобно всего болѣе остерегаться „ломки“, — но благоразумное отрицаніе ломки не можетъ быть принимаемо въ смыслѣ отказа отъ дѣятельности.

Чтобы вполнѣ найтись въ нашемъ нынѣшнемъ внутреннемъ положеніи, чтобы понять до конца смыслъ такихъ явленій въ средѣ лучшей части нашей молодежи, университетской, какими обозначился въ Москвѣ конецъ истекшаго года, необходимо отъ времени до времени подводить фактическіе и нравственные итоги не тому только, что мы пріобрѣтаемъ новаго,—тѣмъ болѣе, что это новое, какъ мы замѣтили, не особенно богато содержаніемъ,—но и тому, что ему непосредственно предшествовало; мы только теперь получаемъ всходы того посѣва, который сѣялся 14 лѣтъ съ усердіемъ достойнымъ лучшаго дѣла въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, высылающихъ свои контингенты въ университетъ съ аттестатами „зрѣлости“. Чтò могло именно „созрѣть“ въ молодомъ человѣкѣ, только-что переступившемъ со школьной скамьи на скамью академическую? На чтò онъ употребитъ первые годы своихъ свободныхъ занятій? Созрѣло ли въ немъ теплое чувство любви и привязанности къ своему наставнику, которое онъ могъ бы перенести готовымъ и на профессора? Научился ли онъ дорожить вскормившею его школой, когда вступилъ въ alma mater? Или онъ зрѣлъ только потому, что въ немъ созрѣли совершенно иныя чувства, съ которыми онъ и не замедлилъ отнестись къ университету? На всѣ эти вопросы можно отвѣчать вовсе не гадательно, а съ ясными доказательствами въ рукахъ. Передъ нами „Правила для учениковъ гимназій и прогимназій министерства народнаго просвѣщенія“, утвержденныя бывшимъ министромъ въ маѣ 1874 года,—правила, подъ вліяніемъ которыхъ обучалось и воспитывалось нѣсколько молодыхъ поколѣній, дошедшихъ до университета. Въ свое время мы не могли говорить о нихъ, а теперь они являются драгоцѣннымъ историческимъ документомъ. Эти „Правила“ брали мальчика съ десятилѣтняго возраста, брали ребенка, и съ-разу ставили его въ условія, чуждыя и антипатичныя его нѣжному и правдивому возрасту, съ-разу опутывали его сѣтями оффиціальной фальши. На первой страницѣ, съ первыхъ же строкъ мальчику, „ученику гимназій и прогимназій“, вмѣнялось въ обязанность „постоянно имѣть въ виду цѣль ученія вообще“—„возрости Создателю нашему во славу“ и т. п.; отъ него требовалось, чтобы онъ шелъ въ школу съ цѣлью,

которая едва ли была по силамъ самимъ составителямъ этихъ правилъ,—съ цѣлью „быть совершеннымъ, яко же Отецъ нашъ небесный!“ Это ли не фальшь, это ли не легкое, канцелярское обращёніе съ святыней, способное только оттолкнуть юную душу и привести ее къ полному отрицанію? По тѣмъ же „Правиламъ“, ученики „обязаны“ посѣщать общественное богослуженіе въ воскресные и праздничные дни, „а также и вечеромъ наканунѣ этихъ дней“; правила предписывали имъ даже самое благоговѣніе, съ какимъ должно вести себя въ церкви, запрещая имъ даже „переходить съ мѣста на мѣсто и разговаривать между собою“; они предписывали говѣть „въ страстную седмицу“, „причемъ тѣ, *коимъ дозволено исполнять эти христіанскія обязанности* внѣ прямого надзора и наблюденія учебнаго начальства, обязаны представить сему послѣднему свидѣтельство отъ своего духовника о томъ, что были у него на исповѣди и причастились св. тайнъ“. Но всего замѣчательнѣе то, что „Правила“ „предписывали всѣмъ вообще ученикамъ, насколько они могутъ, *содѣйствовать* благолѣпію богослуженія въ гимназической или назначенной для посѣщенія учениками гимназіи церкви“.

Нельзя придумать ничего болѣе способнаго оттолкнуть юную душу отъ церкви и вѣры, убить въ мальчикѣ религіозное чувство, чѣмъ это канцелярское залѣзаніе въ эту чистую душу, отъ природы открытую всему живому и доброму, съ принудительными и формальными цѣлями, именно только формальными, потому что прочныя, глубокія внутреннія цѣли никогда не достигаются такими средствами. Мы не говоримъ уже о томъ, что значительное большинство гимназистовъ не живетъ въ стѣнахъ гимназій, что, проживая въ болѣе или менѣе отдаленномъ разстояніи отъ учебнаго заведенія, оно поставлено въ необходимость, ради формальнаго исполненія правилъ, отправляться въ гимназію даже и въ праздничный день отдыха, и не только въ праздничные дни, но „также и вечеромъ наканунѣ этихъ дней!“ Скажите, что, при такихъ условіяхъ, проще и естественнѣе — безпрекословное ли и точное исполненіе подобныхъ „Правилъ“ мальчиками и юношами, или недовольство и ропотъ, которые въ юныхъ умахъ такъ легко переходятъ въ отрицаніе?

„Правила“, такъ грубо направляющія религіозную совѣсть учащихся къ индифферентизму, не могутъ быть менѣе подробны и обстоятельны въ регламентаціи самаго ученія. Тутъ предусмотрѣно все, тутъ ничего не предоставлено ни умѣнью директора руководить учениковъ и устроять общій порядокъ въ заведеніи, ни благотворному вліянію порядочныхъ учителей на учащихся, ни тѣмъ менѣе внутренней порядочности послѣднихъ. „Правила“ не упускаютъ „воспретить самовольный выходъ ученика изъ класса во время урока и

предоставить испрашивать на то дозволеніе преподавателя лишь въ случаѣ крайней необходимости"; они заботливо предписывають ученикамъ „передъ началомъ каждаго урока, до прихода преподавателя, приводить въ порядокъ и приготовлять тѣ книги, тетради и прочія учебныя и письменныя принадлежности, кои имъ понадобятся". Каждый ученикъ непремѣнно долженъ занимать въ классѣ заранѣе назначенное ему мѣсто и не долженъ перемѣнять его самовольно, не испросивъ на то дозволенія классснаго наставника. Не забыто и установленіе обязательной позы для учениковъ: „Во время уроковъ ученики обязаны сидѣть прямо, хотя бы и прислонясь къ спинкѣ скамьи, но не облокачиваясь и не разваливаясь, и отнюдь не должны ни разговаривать, ни шептаться между собою" и пр. и пр. Тутъ предусмотрѣны и регламентированы жесты, нескромные вопросы учителю, все до послѣднихъ мелочей. Каждый ученикъ пріобрѣтаетъ отъ гимназіи или прогимназіи тетрадь, въ которую онъ обязанъ записывать „со всею точностію" то, что̀ задано преподавателемъ къ слѣдующему уроку, и ежедневно представлять эту тетрадь родителямъ или родственникамъ, „на попеченіи коихъ онъ находится". Но всего оригинальнѣе заключительный параграфъ „Правилъ" „относительно ученія", вмѣняющій ученику въ обязанность „вполнѣ добросовѣстно" приготовляться къ каждому уроку, и употреблять на каждый урокъ и на каждую письменную работу „столько времени и столько труда, сколько необходимо для вполнѣ отчетливаго и возможно лучшаго усвоенія преподаннаго или заданнаго". Но развѣ все это не правила для правилъ, развѣ все это не сдѣлано для того, чтобы обратить мальчика въ манекена,—и такъ какъ подобное превращеніе всегда оказывается на дѣлѣ невозможнымъ, то развѣ такой манекенъ, почувствовавъ первое свободное дыханіе, не попадетъ на естественную, хотя и печальную для него мысль, что настоящая свобода состоитъ въ томъ, чтобы жить и дѣйствовать безъ всякихъ правилъ? Онъ уже знаетъ, что̀ нужно разумѣть вообще подъ правилами, и не иначе ихъ представляетъ, какъ только одною модификаціею тѣхъ „правилъ", въ которыхъ держали его нѣсколько лѣтъ.

Отношенія къ начальникамъ и наставникамъ должны быть основаны, по тѣмъ же „правиламъ", не на какихъ-нибудь благородныхъ мотивахъ симпатіи учителей къ юношеству и уваженіи учениковъ къ преподавателямъ, сочувственно относящимся къ нимъ и къ своему дѣлу, а единственно на „безпрекословномъ повиновеніи". Нравственные мотивы вообще совсѣмъ изгнаны изъ этой системы, подобіе которой представляютъ намъ нѣкоторыя католическія коллегіи, а также приснопамятные прусскіе регулятивы. Такъ, „Правила" пред-

усматриваютъ, кого изъ наставниковъ и начальниковъ ученики должны „привѣтствовать вѣжливымъ поклономъ", они требуютъ, чтобъ ученики непремѣнно называли начальниковъ и наставниковъ „по имени и отчеству", слѣдовательно не смѣли употреблять выраженій: г. директоръ или г. учитель. Доводя регламентацію нравственныхъ побужденій до послѣдняго абсурда, „Правила" требуютъ, чтобы ученики „относились къ своимъ наставникамъ и начальникамъ съ полнымъ довѣріемъ и откровенностью", и, сами основанныя на глубокой фальши, предписываютъ ученикамъ быть „вполнѣ правдивыми вообще и особенно въ отношеніи къ своимъ начальникамъ и наставникамъ, избѣгая всякаго лицемѣрія, притворства, лжи и обмана". Виртуозность въ регламентаціи чувства рѣдко доводилась до такого высоко-художественнаго совершенства даже и въ прошломъ нашего отечества, столь обильнаго педагогическими опытами и столь бѣднаго образованіемъ. Разумѣется, по тѣмъ же „Правиламъ", ученики обязаны быть и между собою не только „вѣжливы", но еще и „доброжелательны и дружелюбны". Они должны дорожить не только своею честью, не только честью своего заведенія, но и „въ отдѣльности честью своего класса"; обязательные для нихъ „полное довѣріе и откровенность къ наставникамъ и начальникамъ" должны выражаться на практикѣ въ томъ, что они обязаны сами „не терпѣть въ своей средѣ вредныхъ товарищей и *сообщать* (!) о нихъ своему классному наставнику". Въ „Правилахъ" не объяснено, какимъ образомъ дѣти 12—14 лѣтъ могутъ рѣшить вопросъ о „вредныхъ" товарищахъ—и потому на поверхности всего этого остается для ребенка вполнѣ понятнымъ одно: „сообщать" кому слѣдуетъ—чтобы тѣмъ самымъ убѣдить наставника не столько во вредномъ направленіи своего товарища, сколько въ собственномъ благонравіи. Что такія „сообщенія" (въ школѣ этотъ пріемъ давно уже имѣетъ свое техническое названіе) ставили однихъ на дорогу безнравственности, другихъ озлобляли,—все это понятно само собою и не требуетъ особаго объясненія. Но что̀ скажетъ педагогія о системѣ воспитанія нравственнаго чувства, основанной на „сообщеніи"?

Въ томъ же духѣ, съ тою же регламентаціей мельчайшихъ подробностей быта и чувствъ гимназистовъ составлены параграфы тѣхъ же „Правилъ" объ образѣ жизни приходящихъ учениковъ, о соблюденіи гимназистами порядка и приличія внѣ стѣнъ учебнаго заведенія, о дежурныхъ по классу, объ ученическихъ квартирахъ и квартирныхъ дежурныхъ изъ числа учениковъ.

Но выше всего, что̀ когда-либо производила педагогическая регламентація, были „Правила о взысканіяхъ", также утвержденныя бывшимъ министромъ народнаго просвѣщенія въ маѣ 1874 года, и,

сколько намъ извѣстно, формально еще не замѣненныя другими. Это—настоящій уголовный кодексъ, который старается предвидѣть повсюду одни преступленія, какъ будто нормальное учебное заведеніе состоитъ изъ однихъ несовершеннолѣтнихъ преступниковъ; можно себѣ представить, какое подавляющее впечатлѣніе должно производить чтеніе этихъ правилъ на нѣжный организмъ ребенка.

Признавая главнѣйшею цѣлью взысканій нравственное исправленіе учениковъ, первый параграфъ этихъ „Правилъ“ ставитъ назначеніе взысканій въ полную зависимость отъ педагогическихъ соображеній начальника учебнаго заведенія и прочихъ наставниковъ юношества, но—только первый параграфъ. За нимъ слѣдуютъ другіе, повидимому выписанные изъ какой-нибудь старой, престарой, сухой и бездушной нѣмецкой педагогической книжки, помимо всякаго соотношенія и связи съ русской жизнію, съ характерными національными особенностями русскаго юношества. „Взысканіе, по самымъ свойствамъ своимъ, должно, по возможности, соотвѣтствовать свойствамъ самаго проступка и быть какъ бы естественнымъ его послѣдствіемъ“,—сухо, хотя и туманно говорится въ третьемъ параграфѣ „Правилъ о взысканіяхъ“. „Такъ, лѣность наказывается принудительною работой, излишняя болтливость или неуживчивость—удаленіемъ отъ товарищей, высокомѣріе — униженіемъ, ложь — недовѣріемъ, необузданность, грубое непокорство или проявленіе злости—заключеніемъ въ карцеръ на хлѣбъ и на воду и даже удаленіемъ изъ учебнаго заведенія въ болѣе или менѣе тяжкомъ его видѣ, и т. д.“.

На этой педагогической риторикѣ съ примѣсью іезуитскаго „униженія“ за „высокомѣріе“ построена вся система взысканій, примѣнявшаяся въ нашихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ съ 1874 года. Мы охотно вѣримъ, что въ этотъ долгій промежутокъ времени изъ каждаго десятка директоровъ случайно могъ выпасть на долю той или другой гимназіи или прогимназіи одинъ, который руководствовался болѣе простыми, искренними и здоровыми побужденіями въ своей педагогической практикѣ. Но и для него эти правила были, тѣмъ не менѣе, обязательны, и онъ могъ горько поплатиться, какъ и платились нѣкоторые, за самостоятельное къ нимъ отношеніе.

Въ нашихъ университетахъ теперь не мало студентовъ, вышедшихъ изъ гимназій этой системы. Окончившіе въ нихъ курсъ ученія поступаютъ въ университеты съ знаменитымъ аттестатомъ зрѣлости, свидѣтельствующимъ объ ихъ отличной подготовкѣ къ университетскому курсу со стороны познаній, и даже со стороны ихъ умственной и нравственной развитости. Между тѣмъ, на практикѣ, въ жизни, уже оказались факты, ярко свидѣтельствующіе о томъ, что между обладателями аттестатовъ зрѣлости встрѣчаются экзем-

пляры, несмотря на эти „Правила", или, вѣрнѣе сказать, именно въ силу ихъ,—поразительной дикости. Нѣкоторые наши юноши просто дичають въ классическихъ гимназіяхъ системы, сулившей Россіи на словахъ блага основательнаго образованія и нравственнаго развитія. Если юноша, ворвавшійся на лекцію московскаго профессора, чтобы грубо прекратить ее,—если молодые люди, явившіеся на квартиру ректора въ Москвѣ и о которыхъ можно было сказать, что они чуть не сдѣлали въ ней обыска, обладали аттестатами зрѣлости, то можно поздравить наши классическія гимназіи не упраздненной еще системы и всю эту систему; подъ ея вліяніемъ орудіе культуры стало орудіемъ одичанія, что̀, впрочемъ, всегда бываетъ съ системами, произвольно измышленными и искусственно навязанными цѣлому поколѣнію, съ системами, гдѣ на первомъ планѣ стоитъ не здравая педагогія, а политика.

„Московскія Вѣдомости", при первомъ извѣстіи о такъ-называемой „исторіи" въ московскомъ университетѣ, едва удержались отъ восклицанія: „слава Богу, дождались!"—но пусть эти публицисты подумаютъ о томъ, не приходится ли теперь другимъ пожинать плоды тѣхъ, которые сѣяли при полнѣйшемъ сочувствіи этихъ же самыхъ „Московскихъ Вѣдомостей". Онѣ открыли даже свои столбцы письмамъ студентовъ противъ университетскаго начальства; но что̀ бы они сказали, еслибъ что-либо подобное сдѣлала другая газета при прежнемъ министерствѣ, въ другомъ смыслѣ? Мы не скажемъ того же о нихъ: иначе и не могутъ дѣйствовать люди, у которыхъ въ рукахъ на всякій случай есть въ запасѣ другой аршинъ. Мы не можемъ ожидать отъ этихъ людей ничего, кромѣ злорадства въ виду трудностей, съ какими сопряжено дѣло возвращенія нашей школы на настоящій ея путь, лежащій далеко внѣ всякихъ усилій совлечь ея на путь политики. Они полагаютъ, что недальновидные припишутъ все „новому теченію" и „новымъ людямъ"; но много ли найдется такихъ недальновидныхъ, которые не сообразятъ такой простой истины: если бы университеты и университетская жизнь портила молодежь, то, безъ сомнѣнія, такая порча отразилась бы на ней годъ или два спустя, т.-е. въ высшихъ курсахъ; на дѣлѣ мы видимъ обратное: успѣвъ въ университетѣ привыкнуть къ свободѣ, молодые люди не ищутъ злоупотребленій ею; наклонность же къ тому является какъ разъ подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ тѣхъ „Правилъ", образчики которыхъ мы представили выше—т.-е. въ первые годы университетской жизни. Да и тутъ что̀ именно поражаетъ прежде всего: на 400—500 человѣкъ оказывалась небольшая горсть юношей, болѣе энергическихъ, которымъ не стоило особеннаго труда увлечь за собою другихъ. Можно ли представить себѣ болѣе наглядное доказательство

отсутствія всякой самостоятельности и энергіи въ большинствѣ молодежи, по природѣ доброй и способной увлечься чѣмъ бы то ни было,—а откуда было добыть въ школѣ такую самостоятельность, когда „Правила“ поставили себѣ задачею подавить всякую самостоятельность и подмѣнить ее одною внѣшнею моралью, не исключавшую „сообщеній“, когда „Правила“ заботились только о развитіи одной способности „повиновенія“; при первомъ же случаѣ, эта способность повиноваться и выразилась въ легкомъ подчиненіи обезличенной массы двумъ, тремъ энергическимъ вожакамъ? Намъ ничего не остается, какъ сказать составителямъ этихъ „Правилъ“: tu l'a voulu, Georges Dandin!

II.

Мы довольно часто имѣемъ дѣло съ разными отчетами высшихъ государственныхъ учрежденій; эти отчеты хотя и поверхностно обрисовываютъ положеніе той или другой стороны государственной жизни, но зато отличаются нѣкоторою цѣльностью и даютъ возможность разомъ окидывать взглядомъ всю совокупность предметовъ того или другого вѣдомства. Къ сожалѣнію, опубликованіе подобныхъ отчетовъ у насъ вовсе не является послѣдствіемъ опредѣленной системы; оно поставлено въ зависимость отъ случайныхъ взглядовъ и пріемовъ того или другого учрежденія. Обратимся, напримѣръ, къ государственному хозяйству въ тѣсномъ смыслѣ. Съ государственнымъ бюджетомъ мы довольно подробно знакомимся изъ отчетовъ государственнаго контроля; съ положеніемъ обширной государственной желѣзно-дорожной операціи—изъ „Статистическихъ сборниковъ“ министерства путей сообщенія; съ банковымъ дѣломъ и нѣкоторыми явленіями изъ сферы министерства финансовъ — изъ „Ежегодниковъ“ этого министерства. Но вѣдомство государственныхъ имуществъ до послѣдняго времени являлось какою-то заповѣдною областью, о которой почти ничего не было публиковано, между тѣмъ какъ эта область—одна изъ самыхъ любопытныхъ. Государственныя имущества представляютъ такой источникъ, который даетъ казнѣ доходъ безъ обремененія населенія налогами, почему развитіе этой стороны государственнаго хозяйства составляетъ очень важный для населенія вопросъ. У насъ увеличиваются государственные долги, возростаютъ другіе государственные расходы—и все это покрывается почти исключительно налогами, безъ помощи упомянутаго источника, хотя, казалось бы, оплатѣ долговъ всего приличнѣе производиться на счетъ существующаго запаса государственныхъ средствъ, представляемаго

названными имуществами. Сколько этихъ имуществъ, какъ они распредѣляются по мѣстностямъ, какой даютъ доходъ и въ чемъ причина ничтожности этого дохода, когда быстрый ростъ доходности частныхъ недвижимыхъ имуществъ представляетъ одно изъ самыхъ выдающихся экономическихъ явленій послѣдняго времени? Подобные вопросы такъ и оставляются неразъясненными, между тѣмъ, какъ въ обществѣ то-и-дѣло слышится о разныхъ ненормальностяхъ въ названной выше области государственнаго хозяйства. Изрѣдка лишь появляются какія-нибудь отрывочныя свѣдѣнія, въ родѣ опубликованныхъ въ 1873 году въ трудахъ извѣстной „Коммиссіи по изслѣдованію положенія сельскаго хозяйства". Количество казенныхъ земель на столько неясно, что, напримѣръ, показанія двухъ оффиціальныхъ учрежденій въ этомъ отношеніи не сходятся между собою; последнее мы видимъ, напримѣръ, въ разнорѣчіяхъ упомянутой выше Коммиссіи и вышедшей недавно статистики поземельной собственности, изданной Центральнымъ статистическимъ комитетомъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Если же сличить эти показанія съ показаніями земствъ, то разнорѣчія между ними еще болѣе бросятся въ глаза.

Рѣдкость появленія свѣдѣній о государственныхъ имуществахъ служитъ для насъ однимъ изъ побужденій къ тому, чтобы остановиться на отпечатанномъ въ нынѣшнемъ году „Обзорѣ управленія государственными имуществами за послѣднія 25 лѣтъ"; впрочемъ, обзоръ этотъ и безъ того заслуживалъ бы особаго вниманія, несмотря на то, что онъ, какъ юбилейный, представляетъ болѣе казовую исторію своего вѣдомства и притомъ въ значительной степени наполненъ описаніемъ преобразованій департаментовъ и мѣстныхъ органовъ министерства, перечисленіемъ узаконеній съ означеніемъ ихъ годовъ и чиселъ и т. под. Не касаясь безъ особой надобности этой узко-спеціальной стороны, обратимъ вниманіе главнымъ образомъ на роль государственныхъ имуществъ въ нашемъ государственномъ хозяйствѣ и на общій характеръ дѣятельности завѣдывавшаго ими министерства, въ теченіи послѣдней четверти столѣтія.

Роль вѣдомства государственныхъ имуществъ двадцать лѣтъ тому назадъ была совсѣмъ отлична отъ нынѣшней. Тогда главною его задачею было управленіе государственными крестьянами и опека надъ ихъ хозяйствомъ, то-есть, оно завѣдывало почти половиною сельскаго населенія государства; прочія же его функціи стояли на второмъ планѣ и отчасти даже подчинялись главной. Эти функціи состояли въ управленіи казенными оброчными статьями, лѣсами, въ попечительности объ успѣхахъ сельскаго хозяйства вообще, въ управленіи учебными заведеніями, земледѣльческими, садоводственными, лѣсными,

и т. под. Относительно государственныхъ крестьянъ вѣдомство государственныхъ имуществъ было и администраторомъ, и опекуномъ, и полиціею, и помощникомъ. Оно завѣдывало не только ихъ оброчными повинностями, но и податьми, и натуральными повинностями, оно же регулировало ихъ земельное пользованіе, отводя, добавляя и урѣзая ихъ надѣлы; словомъ, это былъ полный „хозяинъ" для половины нашего сельскаго населенія. Поэтому, сравнивать, напримѣръ, прежній бюджетъ министерства государственныхъ имуществъ съ нынѣшнимъ—значило бы сравнивать далеко не одинаковыя вещи; съ передачею государственныхъ крестьянъ въ завѣдываніе общихъ учрежденій и съ окончательнымъ ихъ поземельнымъ устройствомъ значительная часть бюджета министерства должна была перейти въ другое вѣдомство. Тогдашніе доходы министерства имѣли совсѣмъ не то значеніе, что нынѣшніе.

Съ наступленіемъ періода реформъ, роль министерства государственныхъ имуществъ значительно возвысилась, хотя только на время, такъ какъ ему пришлось быть однимъ изъ главныхъ дѣятелей въ этихъ реформахъ. Прежнее, крайне дробное дѣленіе сельскаго населенія на сословія, различавшіяся между собою и правами, и хозяйственнымъ устройствомъ, и по роду повинностей, и по управленію, должно было уступить новой системѣ — единства и дѣленія людей лишь по роду занятій. Періодъ реформъ, какъ извѣстно, засталъ не только сословія помѣщичьихъ и государственныхъ крестьянъ, но и военныхъ поселянъ и пахатныхъ солдатъ (служившихъ собственно удовлетворенію потребностей войскъ), и иностранныхъ поселенцевъ съ особыми правами и преимуществами, и крестьянъ горнозаводскихъ, и т. д. Часть этихъ сословій, прежде подведенія своего подъ общій уровень свободныхъ сельскихъ обывателей, должна была пройти періодъ пребыванія въ вѣдомствѣ государственныхъ имуществъ, чтобы потомъ выдти изъ него въ состояніи устройства по новому образцу. Такой же періодъ должна была пройти и часть бывшаго крѣпостного населенія — крестьяне мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ, предоставленные въ казенное вѣдомство на основаніи положеній 19 февраля 1861 года. Законъ 18 января 1866 года положилъ начало устройству управленія всѣхъ проживающихъ въ казенныхъ селеніяхъ сельскихъ обывателей—на общихъ основаніяхъ положеній 19 февраля, передачѣ ихъ въ вѣдѣніе общихъ учрежденій, и окончательному ихъ поземельному устройству, послѣ чего опека вѣдомства государственныхъ имуществъ устранялась сама собою. Тутъ на долю этого вѣдомства выпала весьма серьёзная задача — важнѣйшая изъ всѣхъ, какія оно когда-либо разрѣшало — задача поземельнаго устройства слишкомъ 20-милліоннаго населенія (по

ревизскому счету 1858 года), и эта задача—надо согласиться—выполнена съ значительнымъ успѣхомъ, такъ что если Россія считается страною, имѣющею обезпеченное землею сельское населеніе, то этому всего болѣе содѣйствовали работы въ вѣдомствѣ государственныхъ имуществъ. Хотя государственные крестьяне, по управленію и податямъ, были переданы въ вѣдѣніе общихъ учрежденій еще въ 1866 году, но отводъ имъ земель, также какъ колонистамъ, южнымъ (военнымъ) поселянамъ и т. под., производился еще чинами вѣдомства государственныхъ имуществъ. Всѣ они получили значительные надѣлы и въ большинствѣ случаевъ могутъ считаться устроенными хорошо, а иностранные поселенцы въ этомъ отношеніи получили даже особенныя преимущества предъ русскими. Періодъ поземельнаго устройства государственныхъ крестьянъ можетъ быть названъ самымъ блестящимъ періодомъ въ исторіи вѣдомства государственныхъ имуществъ.

Государственные крестьяне центральной, сѣверной и южной Россіи получили землю на правѣ собственности, по „владѣннымъ записямъ", за умѣренную оброчную подать, однако съ правомъ правительства на переоброчку по прошествіи 20 лѣтъ; часть этихъ крестьянъ получила еще лѣсные надѣлы. Крестьяне западныхъ губерній, по „люстраціоннымъ актамъ", получили надѣлы на правѣ обязательнаго выкупа, срокъ котораго окончится въ 1913-мъ году; крестьяне трехъ прибалтійскихъ губерній пріобрѣли землю по „регуляціоннымъ актамъ" за оброчную повинность, но съ нѣкоторымъ затрудненіемъ въ выкупѣ отъ этой повинности, такъ какъ при выкупѣ у нихъ оброки капитализируются изъ 4%, между тѣмъ какъ у прочихъ государственныхъ крестьянъ—изъ 5%, а у бывшихъ помѣщичьихъ—изъ 6%; то-есть, прибалтійскіе крестьяне при выкупѣ должны выплачивать свою годовую повинность, помноженную на 25, тогда какъ прочіе множатъ на 20 и $16^2/_3$. Въ настоящее время, поземельное устройство сельскихъ обывателей, бывшихъ въ вѣдомствѣ государственныхъ имуществъ, остается не оконченнымъ въ четырехъ сѣверо-восточныхъ губерніяхъ (вологодской, олонецкой, пермской и вятской)—гдѣ оно задерживается климатическими и топографическими условіями; въ черниговской и полтавской—гдѣ оно замедляется неокончаніемъ генеральнаго межеванія, и въ архангельской—гдѣ оно пріостановлено распоряженіемъ правительства. Остаются также еще неразрѣшенными вопросы о поземельномъ устройствѣ государственныхъ крестьянъ Сибири, астраханскихъ калмыковъ, извѣстной сарептской колоніи и евреевъ-земледѣльцевъ Новороссіи. Но вообще размѣръ остающихся работъ этого рода представляется уже относительно ничтожнымъ. Главная часть задачи—совершена.

Не станемъ приводить цифровыхъ данныхъ о достоинствѣ позе-

мельнаго устройства государственныхъ крестьянъ, о размѣрахъ ихъ надѣловъ и повинностей, хотя въ „Обзорѣ“ этому предмету посвящены особыя таблицы; это уже область особаго вопроса—объ экономическомъ положеніи сельскаго населенія, о которомъ слѣдуетъ говорить спеціально и въ послѣднее время говорится довольно часто. Повторимъ только замѣчаніе, что упомянутое поземельное устройство совершилось вообще довольно удовлетворительно, и обратимся къ новой роли государственныхъ имуществъ и завѣдывающаго ими управленія; эта роль съ окончаніемъ и даже съ нынѣшнимъ сокращеніемъ работъ по устройству крестьянъ существенно измѣнилась. Сфера вѣдомства министерства государственныхъ имуществъ сократилась болѣе чѣмъ на половину. Управленіе оставшимися за казною землями, лѣсами и рыбными ловлями, дающими казнѣ всего нѣсколько милліоновъ чистаго дохода, едва покрывающихъ 1% государственнаго бюджета, да содержаніе нѣсколькихъ спеціальныхъ учебныхъ заведеній—очень скромная задача для отдѣльнаго министерства. При такомъ положеніи, казалось, самъ собою долженъ былъ возникнуть вопросъ: быть или не быть отдѣльному министерству для столь скромной задачи? Однако, какъ-бы для предотвращенія этого вопроса, для министерства нашлись новыя занятія: въ 1875 году въ составъ его перешелъ отъ министерства финансовъ горный департаментъ, а въ 1874 году отошло къ нему государственное коннозаводство. Такимъ образомъ, прибавились два новые департамента, вдобавокъ къ прежнимъ—„лѣсному“ и „департаменту земледѣлія и сельской промышленности“,—да, кромѣ того, окончаніемъ поземельнаго устройства и оброчными статьями завѣдываетъ „временный отдѣлъ“,—внѣшній объемъ министерства остался довольно значительнымъ.

III.

Перейдемъ собственно къ значенію государственныхъ имуществъ. Въ прежнее время, до поземельнаго устройства государственныхъ крестьянъ казенныя земли представляли собою, главнымъ образомъ, запасъ для удовлетворенія крестьянскихъ нуждъ. Оказывался недостатокъ въ надѣлахъ, обнаруживались послѣдствія прироста населенія, являлась надобность обезпечить какихъ-нибудь переселенцевъ—казенныя земли являлись тутъ готовымъ запасомъ для добавочныхъ прирѣзокъ и отводовъ. Но съ выдачею крестьянамъ „владѣнныхъ записей“ порывалась связь между государственными крестьянами и государственными землями. Прирѣзки и добавки устранены въ принципѣ. По закону 31-го марта 1867 года: „послѣ выдачи владѣнныхъ

записей, ни размноженіе въ какомъ-либо обществѣ народонаселенія, ни другія обстоятельства не могутъ дать сельскому обществу права домогаться увеличенія надѣла, предоставленнаго оному во владѣніе". Каково-же должно быть назначеніе такъ обособившагося казеннаго владѣнія? Возникала необходимость установить въ этомъ отношеніи опредѣленный принципъ; однако онъ, какъ оказывается, не установился и до настоящаго времени.

На казенныя земли можно было взглянуть, главнымъ образомъ, какъ на источникъ государственнаго дохода, т.-е. какъ на средства къ поправленію бюджетныхъ балансовъ или къ облегченію налоговъ населенія; въ такомъ случаѣ, главное требованіе, обращаемое къ нимъ, должно бы состоять въ доставленіи каждою десятиною возможно бо́льшаго дохода. На эти земли можно было также смотрѣть какъ на поприще для примѣненія возможно лучшихъ системъ земледѣльческаго хозяйства, то-есть, какъ на способъ пропагандированія этихъ системъ, вмѣстѣ съ усиленіемъ земельной доходности, что́ обусловливается господствомъ системы собственнаго казеннаго хозяйства, вмѣсто системы сдачи земель въ аренду, при которой способы обработки остаются старые. Наконецъ, на казенныя земли можно было взглянуть еще (и это всего правильнѣе) какъ на важный государственный запасъ для удовлетворенія нуждъ земледѣльческаго населенія, въ составѣ котораго есть много людей неустроенныхъ поземельно и которое, кромѣ того, отъ размноженія должно неизбѣжно съ каждымъ годомъ чувствовать бо́льшую тѣсноту; то-есть, казенныя земли должны были помогать лучшему разселенію крестьянъ, колонизаціи степей и исправленію ошибокъ крестьянской реформы. Что же оказывается на самомъ дѣлѣ, какъ у насъ относятся къ казеннымъ землямъ? Для выясненія этого обратимся къ фактическимъ даннымъ, которыя тутъ же покажутъ и количество казенныхъ имуществъ и расположеніе ихъ по мѣстностямъ.

Въ составѣ государственныхъ имуществъ главными элементами представляются лѣса и такъ-называемыя оброчныя статьи, состоящія преимущественно изъ земель (кромѣ земель, есть рыбныя ловли— между ними каспійскія, мельницы, усадьбы и т. под.). О лѣсахъ рѣчь будетъ ниже, а такъ какъ рыбныя ловли и т. п. доставляютъ относительно ничтожную долю дохода оброчныхъ статей, то мы здѣсь и остановимся преимущественно на земляхъ.

Кромѣ прежняго запаса земель, въ теченіе послѣдняго 25-ти-лѣтія казна пріобрѣла еще новыя, и въ значительномъ количествѣ. Такъ, за упраздненіемъ военныхъ поселеній, азовскаго казачьяго войска и т. под., въ вѣдомство государственныхъ имуществъ перешло 622 тысячи десятинъ; съ выходомъ за-границу крымскихъ татаръ и но-

гайцевъ—350 тысячъ; съ размежеваніемъ башкирскихъ земель—415 тысячъ десятинъ. Пріобрѣтались еще земли изъ частнаго владѣнія, напримѣръ, по случаю конфискаціи имѣній въ западномъ краѣ (250 тысячъ десятинъ), покупкою имѣнія Его Высочества Великаго Князя Николая Николаевича (153 тыс. дес.) и т. д. Наконецъ, приняты, если не въ полную казенную собственность, то по крайней мѣрѣ въ распоряженіе казны имѣнія восточныхъ монастырей, находящіяся въ Бессарабіи (250 тыс. дес.). Сверхъ всего этого, какъ видно, частію совершилось, частію предстоитъ еще значительное увеличеніе казенныхъ земель въ башкирскихъ дачахъ Оренбургскаго края. Общій итогъ состоявшагося увеличенія казенныхъ земель за 25 лѣтъ превышаетъ 2 милліона десятинъ.

Разсматриваемый „Обзоръ" даетъ намъ распредѣленіе 3.893,000 десятинъ и „свободныхъ казенныхъ земель" по губерніямъ, съ показаніемъ нынѣшней ихъ доходности. Вотъ это распредѣленіе:

Губерніи:	Число десятинъ.	Доходъ десятины:
Курляндская и Лифляндская . . .	123,600	3 р. — к.
Тамбовская	78,000	4 „ 70 „
Воронежская и Харьковская . . .	126,800	2 „ 17 „
Новороссійская	675,000	1 „ 50 „
Саратовская	221,700	1 „ 26 „
Самарская	1.367,000	60 „
Астраханская	551,900	25 „
Уфимская и Оренбургская	182,500	21 „
Пермская	345,000	30 „
Прочія	221,000	—

Итакъ, главныя массы земель находятся въ степныхъ мѣстностяхъ—въ Самарской губерніи, въ Новороссіи, въ низовьяхъ Волги и въ Пермской губерніи. Въ большую часть этихъ мѣстностей у насъ уже стремится крестьянская эмиграція, вызываемая тѣснотою губерній внутреннихъ, давняго заселенія. Впрочемъ, уцѣлѣла еще казенная земельная собственность и въ нѣкоторыхъ центральныхъ губерніяхъ. Ничтожность извлекаемаго изъ казенныхъ земель дохода очевидна. Чтó, напримѣръ, сказать о подесятинномъ доходѣ въ 4 руб. 70 коп. въ тамбовской, или 2 руб. 17 коп. въ воронежской и харьковской губерніяхъ, гдѣ, хотя бы по показаніямъ коммиссіи по изслѣдованію сельскаго хозяйства, частныя земли даютъ аренду вдвое и втрое больше, да еще безъ издержекъ на администрацію? Бросается также въ глаза 60-копѣечный доходъ въ самарской губерніи, хотя, впрочемъ, положительнаго заключенія тутъ сдѣлать нельзя, такъ какъ мы не знаемъ — въ какой степени заселены мѣста, гдѣ преимущественно находятся казенныя самарскія дачи. Ясно, что

казенныя земли слишкомъ плохо питаютъ государственную казну, то-есть, вовсе не выполняютъ роли существенной помощи государственному бюджету. По послѣдней смѣтѣ вѣдомства государственныхъ имуществъ казенныя оброчныя земли даютъ всего около 3½ милліоновъ рублей дохода, т.-е. покрываютъ едва ½% расходнаго бюджета Россіи, или 2% платежей по государственному долгу.

Не выполняютъ казенныя земли также и другой роли—поприща для примѣненія лучшихъ системъ земледѣльческаго хозяйства. Это видно уже изъ того, что онѣ эксплуатируются путемъ сдачи въ аренду, а не путемъ казеннаго хозяйства. Да и эта сдача въ аренду отличается крупными недостатками, безъ которыхъ невозможна была бы низкая цѣна. Не разъ уже возникали жалобы на то, что казенныя земли сдаются слишкомъ крупными участками, которые могутъ быть снимаемы только капиталистами, которые потомъ передаютъ землю крестьянамъ за высшую цѣну. Подобный способъ разомъ лишаетъ выгодъ и казну — получающую низкій доходъ, и крестьянъ—платящихъ дорогую цѣну, и оставляетъ только крупный барышъ скупщикамъ. Въ разсматриваемомъ обзорѣ, правда, говорится, что вѣдомство государственныхъ имуществъ старается сдѣлать казенныя земли болѣе доступными для земледѣльцевъ, что для этого раздробляетъ участки, допускаетъ торги вмѣсто уѣздныхъ городовъ въ волостныхъ правленіяхъ, довольствуется вмѣсто залоговъ мірскими крестьянскими ручательствами,—но цифры показываютъ, что эти средства далеко не приспособлены къ цѣлямъ. Такъ, напримѣръ, „Обзоръ" сообщаетъ, что въ шести губерніяхъ прежніе 1625 участковъ, „пространствомъ свыше 3 милліоновъ десятинъ, разбиты были на 3,490 участковъ", а въ другомъ мѣстѣ говоритъ, что въ восьми губерніяхъ 452 статьи, пространствомъ болѣе 700 тысячъ десятинъ, разбиты на 1078 участковъ. Выходитъ, что въ первомъ случаѣ средняя величина участка равняется около 1000 десятинъ, а въ послѣднемъ—около 700 десятинъ. При такомъ размѣрѣ, стали ли участки вполнѣ доступны крестьянамъ? Много ли помогутъ тутъ переводы торговъ изъ уѣздовъ въ волости? Для 700 или 1000 десятинъ, съемщикъ можетъ съѣздить и въ городъ, переводъ же торговъ въ волость, пожалуй, означаетъ только переводъ ихъ въ сравнительно бо́льшую глушь, гдѣ, чего добраго, скупщику будетъ сподручнѣе обработывать свои дѣлишки. Что арендованіе казенныхъ земель крестьянамъ мало доступно, — на это указываетъ и прошлогоднее ходатайство херсонскаго земства объ облегченіи для крестьянъ условій аренды, такъ какъ нынѣшнія условія благопріятны однимъ только промышленникамъ.

Переходимъ къ третьему вопросу—удовлетворяютъ ли казенныя

земли потребностямъ умножающагося населенія въ землѣ? Положимъ, послѣ поземельнаго устройства государственныхъ крестьянъ порвалась связь казенныхъ земель съ нуждами *сосѣднихъ* крестьянскихъ обществъ, но служатъ ли, по крайней мѣрѣ, эти земли запасомъ для крестьянъ государства вообще, насколько имѣется тутъ въ виду способствованіе развитію крестьянскаго поземельнаго устройства? На это, кромѣ общеизвѣстныхъ жалобъ въ неудовлетвореніи переселенцевъ въ восточныя и южныя губерніи, отчасти даетъ объясненіе нижеслѣдующій эпизодъ, относящійся къ довольно громкой нынѣ исторіи раздачи уфимскихъ земель.

Оренбургскій генералъ-губернаторъ—какъ передаетъ „Обзоръ"—во всеподданнѣйшемъ отчетѣ по управленію краемъ съ 1868 по 1871 годъ, между прочимъ, объяснилъ, что въ недалекомъ будущемъ, въ силу размежеванія башкирскихъ земель „до 3 милліоновъ десятинъ земли должно поступить въ число государственныхъ имуществъ; что земля эта, вмѣстѣ съ бывшею уже тогда въ вѣдѣніи казны, составитъ массу казенныхъ земель, которыя почти не приносятъ *никакого* дохода, а между тѣмъ Оренбургскій край весьма бѣденъ землевладѣльческимъ элементомъ, крайне необходимымъ при введеніи земскихъ и мировыхъ судебныхъ учрежденій. Въ виду этого, генералъ-адъютантъ Крыжановскій выразилъ общее предположеніе о безвозмездномъ отводѣ, въ видѣ пожалованія, казенныхъ земель въ Оренбургскомъ краѣ". Министерство государственныхъ имуществъ нашло, что „съ увеличеніемъ числа казенныхъ земель на нѣсколько милліоновъ десятинъ, и при необходимости извлекать изъ нихъ какой бы то ни было доходъ, этотъ доходъ упадетъ до суммы, которою нельзя будетъ покрыть расходовъ управленія"; поэтому, оно „остановилось на мысли, что продажа на льготныхъ условіяхъ представитъ гораздо болѣе ручательства въ успѣхѣ *дѣла*" (не видно—какого дѣла?). Таковы-то были соображенія, послужившія основаніемъ вновь установившемуся правилу—„изъ свободныхъ казенныхъ земель въ оренбургской и уфимской губерніяхъ продавать участки отъ 500 до 2,000 десятинъ лицамъ, избраннымъ по соглашенію генералъ-губернатора съ министромъ государственныхъ имуществъ, за сумму, опредѣленную по капитализаціи изъ 5% оцѣночнаго дохода, съ уплатою при совершеніи купчей не менѣе $^1/_{10}$ покупной цѣны и съ разсрочкою остальной части на 37 лѣтъ по банковымъ правиламъ", т.-е. съ уплатою по 6% въ годъ. Такимъ образомъ, если доходъ десятины опредѣлили въ 15 коп., то покупная стоимость ея будетъ 3 рубля, и пріобрѣтателю придется, уплативъ единовременно 30 копѣекъ, выплачивать остальное по 14 коп. въ годъ. „Общее пространство всѣхъ проданныхъ на семъ основаніи участковъ составляетъ 461,300 дес.,

а продажная сумма—871 тысяча рублей", т.-е. кругомъ вышло по 1 р. 90 коп. за десятину. Какъ видно, уфимскія земли играли тутъ очень значительную роль, потому что еще до того перехода въ казну земель, о которыхъ представлялъ генералъ Крыжановскій, въ уфимской губерніи, по показанію сельско-хозяйственной коммиссіи 1872 года, числилось, сверхъ 232 тысячъ десятинъ казеннаго лѣса, 43 тысячи десятинъ казенной земли, а изъ графическаго изображенія, приложеннаго къ разсматриваемому „Обзору", видно, что *теперь* въ уфимской губерніи осталось менѣе 3 тысячъ десятинъ свободныхъ казенныхъ земель!

Этотъ эпизодъ показываетъ, что у насъ не только не установилось опредѣленной системы въ отношеніи къ пользованію казенными землями, но на послѣднія даже смотрятъ, какъ бы на нѣкотораго рода тягость, съ которою казнѣ надо развязаться поскорѣе. Открылось огромное казенное имущество—и первый вопросъ, возникшій при этомъ, былъ: куда дѣвать такую массу? Какъ бы сбыть ее поскорѣе! Казалось бы, если правительство такъ богато землею, если оно такъ мало нуждается въ ней, что предполагалось даже даромъ раздавать ее,—то вотъ прекрасный источникъ для пособія колонизаціи (которая, кстати, подняла бы и цѣну сосѣднихъ казенныхъ земель), вотъ средства для починки прорѣхъ крестьянской реформы! Однако нѣтъ, тутъ возникло совсѣмъ другое предположеніе—устроивать новыя „имѣнія", подъ благовиднымъ предлогомъ усиленія элемента, нужнаго для будущаго земства и мирового суда. Правда, подобные предлоги намъ не незнакомы; они практиковались и прежде, причемъ вмѣсто оффиціально искомыхъ цѣлей нерѣдко достигалось лишь устройство личныхъ дѣлъ людей, стоявшихъ „у раздачи" казеннаго имущества. Свѣжій примѣръ тому представляла раздача казенныхъ земель въ западномъ краѣ, тоже мотивировавшаяся необходимостью усиленія русскаго землевладѣльческаго элемента для земства и пр.; тамъ, напримѣръ, только въ трехъ юго-западныхъ губерніяхъ крупные участки получили 5 губернаторовъ, семейство мѣстнаго генералъ-губернатора и не мало другихъ крупныхъ генераловъ, сдѣлавшихъ карьеру въ высшихъ сферахъ, которые, конечно, никогда не будутъ ни мѣстною земскою рабочею силою, ни дѣйствительными мировыми судьями; изъ прочихъ чиновниковъ многіе попродавали уже свои земли, и вышло, что внѣшнія заботы о земствѣ претворились, ни болѣе, ни менѣе, какъ въ систему личныхъ наградъ и спекуляцій. То же, судя по новѣйшимъ извѣстіямъ, случилось и въ Оренбургскомъ краѣ, гдѣ дѣло совершалось еще въ большей глуши: крупные чины и вообще стоявшіе у „дѣла" разобрали массу земель, часть ее перепродали и т. д., да вдобавокъ еще и съ

землями произошло рѣзкое превращеніе: то, что *считалось* у казны бездоходнымъ и неценнымъ, послѣ отчужденія въ частныя руки вдругъ оказалось и доходнымъ, и цѣннымъ, и легко находящимъ выгоднаго покупателя.

Раздача казенныхъ земель, впрочемъ, была не только въ восточномъ краѣ, но и въ кавказскихъ мѣстностяхъ—ставропольской губерніи, на Кубани и т. д., а этихъ мѣстностей разсматриваемый „Обзоръ" не касается.

Понятно, что вопросъ о системѣ употребленія казенныхъ земель и о прекращеніи раздачи ихъ на-право и на-лѣво — очередной вопросъ, тѣмъ болѣе, что въ земляхъ теперь чувствуется все бо́льшая и бо́льшая нужда. Съ такимъ предметомъ нельзя обращаться „какъ-нибудь".

Лѣса казеннаго вѣдомства представляютъ огромную массу—123 милліона десятинъ, которая однако сосредоточена главнымъ образомъ въ мѣстахъ малодоступныхъ для эксплуатаціи—на сѣверѣ и востокѣ, въ губерніяхъ: архангельской, вологодской, олонецкой и пермской, изъ которыхъ въ одной первой около половины всѣхъ казенныхъ лѣсовъ. Вѣдомство государственныхъ имуществъ заботится о „лѣсоустроительныхъ работахъ", которыя должны повести и къ бо́льшей правильности хозяйства, и къ увеличенію казеннаго дохода. Не заходя въ эту спеціальную область, скажемъ только, что доходъ отъ лѣсовъ постепенно повышается, хотя медленно и вообще сидитъ на невысокомъ уровнѣ. Въ послѣднемъ году, о которомъ говоритъ „Обзоръ", т.-е. въ 1878 г., лѣсной доходъ составлялъ $10^1/_2$ милліоновъ р., а стоимость лѣсного управленія—$6^1/_2$ милліоновъ, то-есть чистый барышъ казны покрывалъ почти $^2/_3$% государственнаго бюджета. Средняя валовая доходность лѣсной десятины колеблется между 2,7 коп. (въ сѣверной полосѣ) и 2 р. 21 к. (въ южной).

IV.

Итакъ, мы видимъ, что рядомъ съ отсутствіемъ опредѣленнаго принципа въ пользованіи казенными имуществами, съ малодоступностью ихъ для земледѣльцевъ, доходъ отъ нихъ поступаетъ очень незначительный. „Обзоръ", конечно, ссылается на то, что въ 1855 г. этотъ доходъ былъ еще меньше, такъ что въ теченіи 25 лѣтъ въ этомъ отношеніи достигнутъ даже замѣтный прогрессъ, но вѣдь это довольно слабое утѣшеніе: оно говоритъ только то, что не всѣ послѣдствія совершившагося въ Россіи подъема земельной цѣны пропали для казны. Болѣе правильная оцѣнка выгодности нынѣшняго ка-

зеннаго хозяйства можетъ быть дѣлаема посредствомъ сравненія доходности казенныхъ имуществъ съ доходностью частныхъ, находящихся въ тѣхъ же мѣстностяхъ. А подобное сравненіе, какъ мы видѣли, далеко не утѣшительно.

Въ задачи министерства государственныхъ имуществъ входитъ еще содѣйствіе земледѣльческому и лѣсному хозяйству страны вообще. Въ этихъ видахъ содержатся образцовыя лѣсничества, вводятся лучшія культуры, распространяются опыты посадки деревьевъ, дѣлаются опыты орошенія безводныхъ мѣстъ и осушенія болотъ (въ Полѣсьѣ, въ рязанской и новгородской губерніи, изъ которыхъ въ первомъ, по показанію „Обзора", достигнуты уже очень большіе результаты, въ видѣ канализированія 850 тысячъ десятинъ), содержатся спеціальныя учебныя заведенія, оказывается содѣйствіе сыроваренію и маслодѣлію, производятся разныя изслѣдованія по рыболовству, по борьбѣ съ вредными животными и т. д. Собираются также и печатаются свѣдѣнія о положеніи сельскаго хозяйства въ Россіи вообще. Труды сельско-хозяйственной коммиссіи 1872 года всѣмъ извѣстны, а въ послѣдніе годы министерство рѣшилось продолжать собираніе подобныхъ данныхъ и ежегодно издавать ихъ. Впрочемъ, должно сознаться, что послѣдніе опыты подобныхъ изданій довольно плохи: данныя собираются кѣмъ случится, безъ системы, и печатаемые матеріалы не только крайне отрывочны, но заключаютъ въ себѣ грубѣйшія ошибки, какія едва ли могутъ быть терпимы въ оффиціальныхъ изданіяхъ. На эти ошибки были уже указанія въ печати.

Не останавливаясь долго на только-что упомянутыхъ частныхъ мѣрахъ (практическимъ результатамъ которыхъ мудрено подводить итоги), коснемся, двумя словами, только учебнаго дѣла, то-есть спеціальныхъ учебныхъ заведеній вѣдомства государственныхъ имуществъ, и распространенія сельско-хозяйственныхъ знаній. Въ число актовъ распространенія хозяйственныхъ знаній „Обзоръ" включаетъ изданіе „Хозяйственно-статистическаго атласа европейской Россіи", „Почвенной карты", книги „О температурѣ воздуха въ Россійской имперіи", изданіе „Земледѣльческой газеты" и журналы „Сельское хозяйство и лѣсоводство". — Что же касается учебныхъ заведеній, то въ этомъ отношеніи развитіе дѣятельности вѣдомства государственныхъ имуществъ идетъ довольно умѣренно, и рядомъ съ фактами открытія новыхъ училищъ встрѣчаются факты закрытія прежнихъ. Въ началѣ отчетнаго двадцатипятилѣтія существовалъ Горы-Горецкій земледѣльческій институтъ, три среднихъ сельско-хозяйственныхъ училища, восемь учебныхъ фермъ, 13 училищъ садоводства, Лисинское и Липецкое лѣсное училища, и двѣ лѣсныя школы. Институтъ переведенъ былъ въ Петербургъ, гдѣ постепенно преобра-

зовался въ лѣсной институтъ. Потомъ въ Москвѣ устроена Петровская земледѣльческая академія; что же касается низшихъ училищъ и фермъ, то нѣкоторыя изъ нихъ были закрыты (въ томъ числѣ липецкое и двѣ лѣсныя школы), и вообще въ этомъ отношеніи дѣло подвинулось мало.

Во всякомъ случаѣ, и юбилейный отчетъ министерства государственныхъ имуществъ показываетъ, что въ сферѣ послѣдняго, выражаясь скромно, остается желательнымъ очень многое, и не въ смыслѣ только какихъ-нибудь частныхъ мѣропріятій, но въ смыслѣ радикальнаго измѣненія общей системы управленія государственными имуществами. Скупость на земли для нуждающагося производительнаго класса и широкая раздача ихъ, якобы за излишествомъ, чиновнымъ людямъ за-даромъ, игнорированіе такого крупнаго вопроса, какъ переселенческій, и вообще вопросъ о крестьянскомъ малоземельи, сдача земель въ аренду за низкую цѣну для казны и при условіяхъ малой доступности ихъ для земледѣльцевъ и благопріятности спекуляціямъ скупщиковъ—это, конечно, очень неудовлетворительная система.

МАЛОРУССКОЕ СЛОВО.

Правительство въ настоящее время нашло возможнымъ подвергнуть пересмотру законоположенія о печати, конечно, съ цѣлію дать возможно большій просторъ интеллигентному движенію въ русскомъ обществѣ. Считаю нелишнимъ коснуться по этому поводу одного вопроса, который никакъ не слѣдуетъ оставлять безъ вниманія.

Съ 1876 года все, что относилось къ малорусской народности, стало испытывать затрудненія къ появленію въ печати. Изданіе всякой книги, написанной на малорусскомъ нарѣчіи, обставлялось препятствіями и требовало сношенія съ главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати; подобныя затрудненія ложились и на малорусскія книги, печатаемыя въ Галичинѣ, относительно ихъ доставки; затруднялось даже изданіе музыкальныхъ нотъ для малорусскихъ пѣсенъ. Даже въ чисто русскихъ сочиненіяхъ приведеніе малорусскихъ рѣчей возбуждало у цензоровъ сомнѣніе и потребность обращаться за разрѣшеніемъ въ главное управленіе по дѣламъ печати. Сообразно со всѣмъ этимъ, мѣстныя власти, какъ мы узнаёмъ изъ газетъ, не разрѣшали спектаклей съ пьесами на малорусскомъ нарѣчіи и концертовъ съ пѣніемъ малорусскихъ пѣсенъ. Между тѣмъ прежде, издавна, ничего подобнаго не бывало, и малорусская народность съ своимъ нарѣчіемъ, господствующая почти на всемъ югѣ имперіи, находила себѣ мѣсто во всѣхъ литературныхъ родахъ, въ произведеніяхъ беллетристическихъ, во всѣхъ историческихъ, археологическихъ, филологическихъ, этнографическихъ изслѣдованіяхъ невозбранно, наравнѣ со всѣми народностями россійской имперіи. Сколько намъ извѣстно, на малорусскомъ нарѣчіи не появлялось ничего преступнаго, да и не могло появиться, потому что всѣ малорусскія книги выходили въ свѣтъ по установленному порядку, съ разрѣшенія правительственной власти, а если бы гдѣ-нибудь за рубежомъ Россіи или въ ея предѣлахъ, но тайно, появилось на немъ что-либо такое, что казалось бы недозволительнымъ по содержанію, то отвѣтственность за то могла падать исключительно на самое сочиненіе или на его автора, но никакъ не на нарѣчіе, на которомъ оно написано, подобно тому, какъ никто бы не подумалъ за подобныя сочиненія, явившіяся на иныхъ какихъ-либо діалектахъ, запрещать употребленіе самыхъ діалектовъ въ печати. Мы не станемъ доискиваться путей, какими могло образоваться такое ограниченіе, и думаемъ, что здѣсь причи-

ною было недоразумѣніе, истекавшее отъ представленія подлежащимъ властямъ въ превратномъ видѣ нѣкоторыхъ вопросовъ, касающихся этого предмета. Тѣмъ не менѣе, такія мѣры отзываются неблагопріятными послѣдствіями и въ обществѣ и въ простомъ народѣ.

1) Многія лица, даровитыя и свѣдущія въ своей сферѣ, находятъ для себя легче и удобнѣе писать на малорусскомъ нарѣчіи, чѣмъ на русскомъ языкѣ. Одни—потому, что берутъ задачею изображать прошедшую или настоящую жизнь малоруссовъ съ ихъ рѣчью и народнымъ складомъ міровоззрѣнія; другіе—потому, что сами лучше владѣютъ роднымъ нарѣчіемъ, чѣмъ книжнымъ русскимъ языкомъ, который, хотя имъ хорошо извѣстенъ, но все-таки остается у нихъ изученнымъ, а не природнымъ. При невозможности печатать по-малорусски, они лишаются возможности излагать свои мысли такъ, какъ они считаютъ для себя лучшимъ.

2) Ограниченія по отношенію къ малорусской рѣчи переходятъ на ученыя занятія, касающіяся исторіи, этнографіи, географіи, археологіи, филологіи малорусскаго народа, потому что все это, по самой природѣ вещей, связывается съ народною рѣчью. Такое отношеніе къ послѣдней угрожаетъ подозрѣніями и стѣсненіями людямъ, рѣшающимся посвятить свою дѣятельность разнымъ видамъ изученія края, и примѣръ тому показываетъ упраздненіе въ Кіевѣ юго-западнаго отдѣла географическаго общества, который въ изданныхъ двухъ томахъ своихъ записокъ успѣлъ уже дать наукѣ немаловажный вкладъ; въ цѣломъ ученая дѣятельность цѣлой корпораціи отдѣла не перестаетъ заслуживать уваженія и не можетъ подвергаться какому бы то ни было порицанію. Изученіе же малорусской народности съ ея мѣстнымъ нарѣчіемъ, занимающей такую огромную и, надобно прибавить, наилучшую полосу Европейской Россіи, есть предметъ первой необходимости во всемъ, гдѣ только явится соприкосновеніе власти, науки и общества съ этимъ народомъ.

3) Ограниченія по отношенію къ малорусской рѣчи въ печати производятъ въ малорусскомъ краѣ скорбное чувство даже въ такихъ лицахъ, которыя сами никогда не писали по-малорусски и не занимались малорусскою народностію, но, будучи жителями края, невольно начинаютъ принимать къ сердцу то, что̀ они привыкли видѣть около себя. Едва ли будетъ кому-нибудь желательно, чтобы подобный образъ дѣйствій возбуждалъ недовольство тамъ, гдѣ его вовсе не было.

4) Неразрѣшеніе пѣнія пѣсенъ въ концертахъ, изданія нотъ и устройства спектаклей съ малорусскими пьесами, кромѣ того, что возбуждаетъ непріятное чувство въ мѣстной публикѣ, привыкшей прежде къ такого рода увеселеніямъ, не можетъ быть полезнымъ и въ интересахъ искусства и расширенія эстетическаго вкуса, исторгая

изъ сферъ музыкальной и сценической превосходнѣйшіе изящные элементы, какими всегда хвалились и вся Россія и цѣлая Славянщина.

Вотъ тѣ нежелательныя вліянія, которыя ограниченіе въ малорусской рѣчи оставляетъ въ литературѣ, наукѣ и интеллигентномъ обществѣ. Не меньшіе, а думаемъ, что еще бо̀льшіе нежелательные результаты оказываютъ эти мѣры и среди простого сельскаго народа, говорящаго малорусскимъ нарѣчіемъ.

1) Обыкновенно думаютъ, что образованіе сельскаго народа во всей имперіи можетъ успѣшно совершаться на нашемъ книжномъ русскомъ языкѣ. Это мнѣніе ошибочно. Нашъ книжный языкъ, ставшій и разговорнымъ языкомъ интеллигентнаго общества, по причинамъ всѣмъ болѣе или менѣе извѣстнымъ (которыя излагать здѣсь не мѣсто) сложился такъ, что наша рѣчь, обращенная къ простолюдину, даже великоруссу, не всегда ему бываетъ вполнѣ понятною, не только потому, какъ иные хотятъ объяснить, что касается предметовъ, недоступныхъ простолюдину по недостатку образованія, но и по своему лексическому, этимологическому и синтаксическому построенію. Поэтому для преподаванія начальныхъ предметовъ въ сельскихъ училищахъ слѣдуетъ составлять руководства, по возможности примѣняясь къ простонародному складу рѣчи и избѣгая словъ и оборотовъ, хотя между нами усвоенныхъ, но чуждыхъ еще простолюдину. Въ краяхъ, гдѣ въ сельскомъ народѣ господствуетъ малорусское нарѣчіе, такое правило непримѣнимо. Малорусское нарѣчіе до того отдѣлилось отъ великорусскаго, что для малорусскихъ сельскихъ дѣтей нужно составлять такія руководства, въ которыхъ бы разомъ, обучаясь научному предмету, обучались также и русскому языку, а потому въ руководствахъ необходимо прилагать и малорусскій текстъ излагаемаго по-русски предмета. Составленіе такихъ руководствъ требуетъ дозволенія.

2) Читать проповѣди на малорусскомъ нарѣчіи въ церквахъ священникамъ не дозволяется. Прежде, еще недавно, читались такія проповѣди, и особенно прекрасныя поученія отца Гречулевича пользовались большимъ вниманіемъ народа. Теперь ихъ не читаютъ. Между тѣмъ погруженная въ мелкіе обыденные разсчеты масса этого народа коснѣетъ въ такомъ прадѣдовскомъ невѣжествѣ, что во многихъ отношеніяхъ можетъ назваться скорѣе языческою, чѣмъ христіанскою, религіозные предметы являются у малорусскаго простолюдина съ примѣсью самыхъ чудовищныхъ представленій! Не трудно встрѣтить такихъ, которые не имѣютъ даже яснаго понятія о единствѣ божіемъ, считаютъ особымъ богомъ каждое изображеніе, видѣнное на иконахъ въ храмѣ; многіе не знаютъ самыхъ общеупотреби-

тельныхъ молитвъ, коверкаютъ ихъ безъ милосердія или сочиняютъ свои чрезвычайно безобразныя [1]). Въ послѣднее же время вездѣ между малороссами, какъ замѣчаютъ многіе, распространяется отчужденіе отъ церкви, холодность даже къ ея наружной сторонѣ, какое-то враждебное отношеніе къ духовенству, внѣдряется какой-то житейскій, практическій индифферентизмъ, испаряется та поэзія, которая такъ была присуща малорусскому племени, начинаетъ царить какая-то пошлость, мелкость, мертвенность. Только духовенство своимъ вліяніемъ могло бы одухотворить народъ снова, поддерживать въ немъ вѣру, сообщать ему дары свѣта, а для этого нужно поставить духовныхъ въ безпрепятственную возможность говорить къ народу въ церкви понятнымъ для народа языкомъ. Сверхъ того, въ малорусскомъ народѣ завелось и распространяется противное православію ученіе, извѣстное подъ названіемъ штунды. Это секта христіанско-раціональная, одна изъ тѣхъ, которыя, признавая св. писаніе за основу вѣры, толкуютъ его по-своему такъ, что отвергаютъ обрядность и весь іерархическій строй вселенской церкви со всѣми его преданіями. Здѣсь не мѣсто толковать о происхожденіи и подробностяхъ этой секты; скажемъ только, что главнымъ поводомъ ко вступленію въ штунду составляетъ у малороссовъ нерасположеніе къ своему духовенству за то, что оно, какъ укоряютъ его сектанты, вовсе не поучаетъ народъ, а ограничивается исполненіемъ обрядовъ, заботясь болѣе всего собирать за нихъ для себя съ народа деньги. Чтеніе св. писанія составляетъ у сектантовъ единственное благочестивое упражненіе и къ нимъ изъ за-границы контрабанднымъ способомъ привозятся экземпляры перевода Новаго Завѣта, напечатанные въ Галичинѣ на малорусскомъ нарѣчіи. Мѣстныя власти преслѣдуютъ штундистовъ и надѣются, какъ кажется, искоренить ихъ полицейскими мѣрами, чтó, какъ говорятъ, не вполнѣ удается, такъ какъ секта растетъ все шире и шире. Были бы дѣйствительнѣе средства чисто духовныя. Переводить Новый Завѣтъ на малорусское нарѣчіе не дозволяется, а между тѣмъ въ Малороссію проникаетъ переводъ, составленный въ чужомъ государствѣ и притомъ пріобрѣтается болѣе

[1]) Такъ напримѣръ, извѣстную пасхальную пѣснь малорусскіе поселяне, слыша въ церкви и не понимая, перековеркали такъ: „Христосъ воскресъ гей изъ мертвыхъ смертвыю смертвопрà (?!) и сусіди вгоробей (?!) живодарова!“ А вотъ молитва, которую про себя читаетъ малоруссъ во время литургіи, когда діаконъ возглашаетъ: двери, двери! „Шарпни (т.-е. продерни) мене, Господи, по души и по тилу и по всихъ моихъ кисточкàхъ и по всій моій родни. Хрестъ на мени, хрестъ на голови, хрестъ на грудяхъ, хрестъ на спинѣ, хрестъ на рукахъ, хрестъ на ногахъ, увесь я въ хрестахъ, якъ вивця (по другому варіанту свиня) въ рипьяхахъ!“ Такихъ простонародныхъ молитвъ множество.

сектантами, отчего послѣдніе получають возможность лучше безграмотныхъ православныхъ мужиковъ имѣть свѣдѣнія въ вѣрѣ и чрезъ то удобнѣе могутъ распространять свое ученіе, сманивая православныхъ. Не лучше ли, еслибъ св. синодъ разрѣшилъ употребленіе въ народѣ такого малорусскаго перевода Новаго Завѣта, который былъ одобренъ святѣйшимъ синодомъ и распространялся чрезъ духовныхъ пастырей, чѣмъ допускать, мимо воли властей, проникать иному переводу изъ Галичины и притомъ исключительно для пользы сектантовъ въ ущербъ православію? Равнымъ образомъ было бы полезно, въ тѣхъ же видахъ сохраненія православной церкви отъ штунды, чтобы духовные пастыри дѣйствовали противъ распространенія внѣдряющейся секты поученіями, составленными рѣчью вполнѣ понятною для прихожанъ. Вспомнимъ при этомъ, что малорусское духовенство нѣкогда отстаивало православіе не отъ такихъ ученій, измышленныхъ на-скоро умствующими мужицкими головами, а отъ латинства, устремившагося на восточную церковь со всею арматурою западной учености. Въ тѣ времена малорусскіе духовные пастыри были, по своему времени, превосходно образованы, умѣли говорить съ народомъ и пользовались вездѣ народнымъ уваженіемъ. Оттого такъ долго малорусскій край могъ хвалиться тѣмъ, что когда въ Великой Руси возникали ереси за ересями, расколы за расколами, туда не проникало въ народъ никакое лжеученіе.

Намъ, въ качествѣ возраженія, могутъ поставить на видъ то, чѣмъ обыкновенно стараются дать благовидный поводъ къ ограниченіямъ малорусскаго слова. Это—желаніе сдѣлать нашъ общій русскій языкъ литературы и образованнаго общества единымъ языкомъ народа на всемъ пространствѣ имперіи. Такое желаніе раздѣляемъ и мы, и не можемъ не раздѣлять его, такъ какъ сами съ дѣтства говоримъ и думаемъ на этомъ языкѣ. Но мы хотимъ, чтобы это желаніе осуществилось прочно и дѣйствительно, а не призрачно. Это возможно только при совершенной свободѣ всѣхъ нарѣчій и языковъ нашей имперіи. Насильственное и принудительное обученіе русскому языку, сопровождаемое предвзятымъ стараніемъ уничтожить областные способы рѣчи, не будетъ самымъ прямымъ и успѣшнымъ путемъ къ данной цѣли. Обратимся къ исторіи. Она укажетъ намъ безчисленные примѣры, когда принудительныя мѣры, предпринимаемыя хотя бы съ очевидно благими цѣлями, возбуждали противодѣйствія, замедлявшія естественное теченіе желаннаго дѣла и порождавшія новыя препятствія, съ которыми приходилось бороться. Въ нашей русской исторіи найдутся такіе примѣры. Вспомнимъ хоть старообрядство и расколы. Еслибъ, предпринявши исправленіе богослужебныхъ книгъ, не преслѣдовали Аввакумовъ, Лазарей, Епифаніевъ и прочихъ привержен-

цевъ прежней привычки,—не было бы ни соловецкой осады, ни скитовъ въ дремучихъ лѣсахъ и болотахъ, откуда исходило по всей Руси противодѣйствіе господствующей церкви, ни ужасныхъ самосожженій, не было бы того множества разнообразныхъ сектъ, на которыя разбился расколъ, не являлось бы необходимости государственнымъ властямъ заботиться объ ихъ искорененіи. Дѣло книжнаго исправленія совершилось бы тихо и спокойно, и теперь вся Россія давно бы уже крестилась тремя перстами, довольна была бы „новыми“ книгами, а старыми дорожила бы не болѣе, какъ археологическими памятниками. Никому, конечно, не желательно, чтобъ изъ малорусскаго нарѣчія вышло что-нибудь похожее на расколъ, да мы и не ожидаемъ ничего подобнаго; но нельзя же поручиться, чтобъ со временемъ не вышло какихъ-нибудь такихъ нежелательныхъ осложненій, какихъ въ настоящее время не въ силахъ мы предвидѣть и опредѣлить, въ особенности въ виду распространяющейся штунды, если противъ нея не поставятся противодѣйствующія мѣры, отнюдь не полицейскія, а народно-просвѣтительныя. Во всякомъ случаѣ, если малорусскому писательству предоставится полная свобода, отъ этого не произойдетъ никакой преграды распространенію русскаго языка между малоруссами. Русскій языкъ уже сталъ для послѣднихъ культурнымъ языкомъ, русскій языкъ обладаетъ богатою литературою, составляющею общее достояніе образованнаго класса какъ великоруссовъ, такъ и малоруссовъ, и потому всегда талантливый малоруссъ, владѣющій русскимъ языкомъ, поддастся приманкѣ писать по-русски уже по одной той причинѣ, что его сочиненія станутъ расходиться въ бо̀льшемъ количествѣ. Преподаваніе въ сельскихъ школахъ съ учебными руководствами, въ которыхъ для уразумѣнія не легко-понимаемой малорусскими крестьянскими дѣтьми книжной русской рѣчи, будутъ прилагаться объясненія по-малорусски, станетъ только содѣйствовать усвоенію общаго русскаго языка въ сельскомъ населеніи. Русскій языкъ въ малорусскомъ краѣ, оставаясь языкомъ администраціи, законодательства и высшей культуры, всегда будетъ возбуждать въ массѣ народа желаніе усвоить его ради своей практической пользы, въ особенности, когда указанный выше способъ обученія въ селахъ станетъ помогать легчайшему его усвоенію. Если же о̀бокъ русскаго языка будетъ оставаться и литературно развиваться малорусская литература, то, принося свою мѣстную пользу, она безъ ущерба русской литературѣ будетъ существовать для домашняго обихода, какъ выразился когда-то о ней одинъ изъ славянофильскихъ о̀рnamed, еще въ шестидесятыхъ годахъ текущаго столѣтія. Укажемъ въ заключеніе на примѣры Германіи, Франціи, Англіи... Вѣдь существуютъ же въ этихъ странахъ провинціальныя

нарѣчія: провансальское, бретонское, нижне-нѣмецкое, валлійское, шотландское: никому не запрещается писать на нихъ, никакими мѣрами не препятствуютъ ихъ развитію, нигдѣ не возникаетъ опасенія, чтобъ они могли вредить господствующему культурному государственному языку; всѣ они существуютъ у себя именно для домашняго обихода и никому оттого нѣтъ вреда никакого. Въ такомъ положеніи находится и малорусское нарѣчіе, и если оно перестанетъ встрѣчать на пути своего развитія ограниченія, все-таки оно не можетъ быть ничѣмъ, кромѣ того, чѣмъ ему быть придется по силѣ вещей.

Вотъ соображенія, которыя, по нашему мнѣнію, надлежало бы не оставить безъ вниманія при пересмотрѣ нашихъ законоположеній о печати. Пусть въ видахъ дарованія возможно бóльшей свободы русскому слову, избавится малорусское нарѣчіе отъ всякихъ ограниченій какъ въ печати, такъ и въ церковномъ поученіи.

Н. Костомаровъ.

МАЛОРУССКО-ГАЛИЦКІЯ ОТНОШЕНІЯ.

Замѣтка.

Въ предшествующей статьѣ указаны главныя стороны вопроса о допущеніи малорусскаго языка въ первоначальной школѣ, литературѣ и общественной жизни (въ концертахъ, чтеніяхъ и т. п.) и опровергаются возраженія, какія ставятся противъ этого допущенія. Но кромѣ изложенныхъ здѣсь внутреннихъ обстоятельствъ вопроса, есть еще внѣшнія, такъ-сказать между-племенныя обстоятельства, которыя также настоятельно указываютъ на необходимость дать малорусскому языку и литературѣ иныя условія, чѣмъ тѣ, какія созданы для нихъ съ 1876 года.

Какъ бы сурово ни проводились мѣропріятія, они не въ состояніи не только въ нѣсколько лѣтъ, но въ цѣлые десятки лѣтъ сколько-нибудь замѣтно измѣнить существующія этнографическія отношенія и стремленія. Природа будетъ влетать въ окно, если будетъ заперта дверь. Малорусское племя не ограничивается предѣлами Россіи. Нѣсколько милліоновъ этого племени живутъ въ австрійской имперіи, именно въ Галиціи и сѣверной Венгріи. Галичане (русскіе)—несо-

средственные сосѣди и единоплеменники нашихъ малоруссовъ юго-западнаго края. Они раздѣлены политической границей, но—въ образованномъ слоѣ обѣихъ сторонъ—тѣсно связаны единствомъ языка, общностью старыхъ историческихъ преданій, общностью новѣйшей литературы, въ которой общественному чувству дороги и поэтическія выраженія народности и средство къ научному изученію ея различныхъ сторонъ. Галицко-русская народность, подъ нѣмецко-польскимъ владычествомъ, долго была въ состояніи дремоты, и если ея новѣйшее возрожденіе, съ 1830-хъ годовъ, имѣло извѣстный успѣхъ, то именно благодаря той опорѣ, какую оно нашло въ начавшемся ранѣе, и гораздо болѣе богатомъ учеными и литературными силами, движеніи нашемъ малорусскомъ. Небольшое вниманіе къ историческимъ фактамъ галицко-русскаго возрожденія убѣдитъ выше всякихъ сомнѣній, что эта народность не могла бы достигнуть своего оживленія безъ той нравственно-національной связи, которая продолжала соединять ее съ единоплеменниками за русской границей. Историческіе труды русскихъ ученыхъ, малорусскаго происхожденія, разъясняли прошлыя судьбы племени; ихъ труды этнографическіе раскрывали богатство поэтическихъ преданій и бытовыхъ особенностей, тождественныхъ или близко сходныхъ у обѣихъ частей племени; поэтическіе и беллетристическіе труды нашихъ малорусскихъ писателей доставляли галичанамъ произведенія на ихъ родномъ языкѣ, иногда большого литературнаго достоинства. Всего этого никакъ не могли бы создать сами галичане при бѣдности ихъ матеріальныхъ средствъ, при отсутствіи русской школы, при являвшемся отсюда недостаткѣ дѣятелей и учено-литературнаго опыта. Такъ было съ тридцатыхъ годовъ и продолжалось до самаго послѣдняго времени. Имена русско-малорусскихъ ученыхъ и этнографовъ, работавшихъ для южно-русской исторіи и изученія народности, высоко цѣнятся у галичанъ, какъ ихъ собственные авторитеты—Максимовичъ, Костомаровъ, Кулишъ, Чубинскій и проч.; имена нашихъ малорусскихъ писателей считаются собственной славой, какъ Котляревскій, Гулакъ-Артемовскій, Квитка, Левицкій и проч.; Шевченко сталъ у галичанъ любимѣйшимъ, почти своимъ національнымъ, поэтомъ; изъ его сочиненій дѣлаются популярныя изданія, пишутся его популярныя біографіи, объясненія его сочиненій. Произведенія нашихъ малорусскихъ писателей появлялись въ галицкихъ журналахъ, и проч.

Мѣры 1876 года, стѣсненіе малорусскаго языка въ литературѣ, закрытіе кіевскаго отдѣла географическаго общества, произвели у русскихъ галичанъ очень тягостное впечатлѣніе. Въ самомъ дѣлѣ, при указанномъ отношеніи галицко-русскаго національнаго движенія къ нашей малорусской литературѣ, стѣсненіе послѣдней было для

перваго тяжелымъ ударомъ: это стѣсненіе непосредственно отражалось на галичанахъ, съ одной стороны ограничивая литературныя средства ихъ національной борьбы противъ нѣмецко-польскаго и (у русскихъ въ Венгріи) венгерскаго напора, съ другой—вселяя чувство недовѣрія къ отношеніямъ обще-русскимъ, откуда, вмѣсто помощи, шла къ нимъ теперь вражда и притѣсненіе: — ихъ національные враги должны были очень порадоваться мѣрамъ 1876 года.

Въ нашей литературѣ много разъ и въ прежнее время, и въ самые послѣдніе годы говорилось о нашей нравственно-національной обязанности — не забывать оторваннаго исторіей отпрыска русскаго племени, давать его развитію опору нашего сочувствія и т. п. Но дать эту опору возможно для насъ только однимъ путемъ—черезъ посредство нашей малорусской литературы. Со времени мѣръ 1876 намъ не встрѣтилось, въ самыхъ „славянскихъ" кругахъ нашей литературы, никакой рѣчи объ этой сторонѣ дѣла, хотя продолжались выраженія братскихъ чувствъ и т. п. Сколько ни говорятъ у насъ, и отчасти у самихъ галичанъ, объ единствѣ обще-русскомъ (у галичанъ, есть цѣлая партія съ такими стремленіями, и ея органъ, извѣстная газета „Слово" пишется даже на русскомъ —очень плохомъ—языкѣ), но достаточно имѣть хотя общее понятіе о современной галицкой литературѣ, чтобы увидѣть, что она есть—по цѣлому своему характеру — именно южно-русская, и что когда-то придетъ обще-русское единство, галицкая литература можетъ развиваться только силами своей мѣстной народности, и поэтому въ настоящее время наша единственная связь съ нею совершается и можетъ, пока, совершаться только при посредствѣ нашей малорусской литературы. —Но можетъ ли установиться дѣйствительная связь, довѣріе и взаимодѣйствіе, когда галицкіе южно-руссы будутъ видѣть у насъ притѣсненіе той доли русской народности, къ которой они сами принадлежатъ, съ которой они тождественны?

Въ галицкихъ изданіяхъ,—доходившихъ къ намъ въ послѣдніе годы только урывками, по случайнымъ разрѣшеніямъ „иностранной" цензуры или не особеннымъ хлопотамъ,—мы именно видѣли примѣры этого послѣдняго настроенія, какъ въ другихъ славянскихъ изданіяхъ въ Австріи видѣли также нежеланіе вести рѣчь о мѣрахъ 1876 года, чтобы не дать своимъ противникамъ оружія противъ русско-славянскихъ отношеній и сочувствій...

Съ обще-русской національной точки зрѣнія,—если бы она была правильно сознаваема въ обществѣ или могла бы быть свободно высказываема,—надо было бы желать утвержденія тѣсной связи нашей южно-русской литературы съ такою же южно-русской литературой въ Галиціи, а вовсе не обрыванія этой связи, къ которому должно вести

стѣсненіе нашей малорусской литературы. Въ самомъ дѣлѣ, если бы только возможно было систематическое выполненіе этого стѣсненія, оно могло бы, не говоря о безплодномъ и вредномъ подавленіи естественнаго народнаго чувства въ южномъ русскомъ населеніи—окончательно оборвать нашу національную связь съ галицкой Русью, и отдать послѣднюю на рискъ полнаго угнетенія враждебными ей элементами,—что̀ въ концѣ-концовъ не было бы полезно и для нашей юго-западной Россіи. Правительство, которое есть политическій представитель національности, не можетъ, безъ ущерба національному авторитету, не имѣть той болѣе широкой „обще-русской" точки зрѣнія, о которой мы говоримъ.

Къ сожалѣнію, этотъ вопросъ, столь ясный и несложный по существу, въ послѣднее время былъ запутанъ у насъ всякими, и ненамѣренными заблужденіями о характерѣ малорусскаго литературнаго движенія, и намѣренными клеветами, которыя стремились внушить самому правительству огульное подозрѣніе противъ этого движенія. Литература въ послѣдніе годы поставлена была относительно этого вопроса такъ, что не имѣла никакой возможности опровергать эти клеветы и выяснить настоящее положеніе дѣла; доносы творились келейно; обвиненія могли высказываться въ печати, защита—нѣтъ. На мѣстѣ, опасно было даже обнаруживать особенную любовь къ своей мѣстной родинѣ и народности; исключительныя экстралегальныя мѣропріятія, въ послѣднее время примѣнявшіяся столь обильно, направлялись и противъ такъ-называемаго „украинофильства".

Нельзя не желать, чтобы и для этого вопроса, какъ для множества другихъ, наступила наконецъ возможность открытаго и свободнаго обсужденія въ печати. Въ послѣднее время было уже высказано нѣсколько серьёзныхъ замѣчаній о тягостной неудовлетворительности существующихъ нынѣ правилъ, которая отражается не только въ кругахъ научно-литературныхъ, но и въ самой народной жизни послѣдствіями, нежелательными и съ правительственной точки зрѣнія (статьи въ „Педагогической Хроникѣ", „Церковно-Общественномъ Вѣстникѣ", „Недѣлѣ", нѣкоторыхъ газетахъ).

А. Пыпинъ.

„РАДИЩЕВСКІЙ МУЗЕЙ" А. П. БОГОЛЮБОВА.

Прошлымъ лѣтомъ, во время пушкинскаго праздника въ Москвѣ, ко многимъ пріятнымъ впечатлѣніямъ, какія бывали въ эти дни, присоединилось для насъ еще одно, совсѣмъ постороннее празднику, но какъ будто входившее въ его программу: дѣло шло опять о художественныхъ интересахъ русскаго общества. Благодаря любезному предложенію нашего извѣстнаго художника А. П. Боголюбова, мы имѣли случай видѣть въ его домѣ замѣчательное художественно-археологическое собраніе, которое пожертвовано имъ городу Саратову и въ непродолжительномъ времени (по окончаніи строющагося въ Саратовѣ дома для его помѣщенія) должно быть перевезено туда и открыто подъ именемъ „Радищевскаго Музея".

О предпріятіи г. Боголюбова упоминалось не одинъ разъ въ столичныхъ газетахъ, но всегда слишкомъ коротко, чтобы можно было составить понятіе и о цѣляхъ, съ которыми дѣлалось это пожертвованіе, и о составѣ коллекціи будущаго музея. Только въ саратовскихъ газетахъ сообщены были о послѣднемъ нѣкоторыя свѣдѣнія, и, кромѣ того, корреспондентъ „Кронштадтскаго Вѣстника" съ пушкинскаго праздника сдѣлалъ довольно подробное описаніе какъ самаго дома г. Боголюбова, очень оригинальнаго и красиваго, такъ и художественнаго собранія. (Домъ принадлежитъ г. Боголюбову вмѣстѣ съ братомъ, Н. П. Боголюбовымъ, извѣстнымъ въ литературѣ вышедшей недавно „Исторіей корабля"). Къ этому описанію мы и должны отослать читателя, который бы желалъ получить понятіе о настоящемъ расположеніи коллекціи въ московскомъ домѣ гг. Боголюбовыхъ: этотъ артистическій уголокъ очень любопытенъ.

Дальше мы упомянемъ о составѣ коллекціи г. Боголюбова; но въ особенности мы хотѣли бы обратить вниманіе на самый смыслъ предпріятія г. Боголюбова, его общественно-образовательное значеніе и интересъ. Мы воспользуемся при этомъ, въ извѣстной мѣрѣ, свѣдѣніями, сообщенными намъ самимъ г. Боголюбовымъ.

Живя нѣкогда въ Германіи, въ извѣстномъ своей художественной школой Дюссельдорфѣ, г. Боголюбовъ познакомился съ талантливымъ, хотя не первостепеннымъ, нѣмецкимъ художникомъ Михелисомъ. Средства, которыя пріобрѣталъ своими работами, Михелисъ употреблялъ на покупку разнаго художественнаго bric-à-brac, такъ что его мастерская и квартира были наполнены сверху до

низу какъ лавка антиквара. Потомъ онъ женился и перебрался со всѣмъ своимъ добромъ въ свой родной городъ Ульмъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ, г. Боголюбовъ встрѣтилъ Михелиса больнымъ и истощеннымъ въ Киссингенѣ. Этимъ временемъ Михелисъ испыталъ тяжелыя личныя утраты, потерялъ жену и двухъ дѣтей, и остался одинокимъ и больнымъ. Свой разсказъ обо всемъ этомъ Михелисъ заключилъ изложеніемъ своего плана—устроить въ окрестностяхъ Ульма музей и рисовальную школу, гдѣ онъ самъ будетъ учителемъ, а потомъ все это передать на попеченіе центральнаго нѣмецкаго кунстъ-ферейна, т.-е. художественнаго общества... Эта мысль глубоко заняла и нашего художника. Онъ началъ съ тѣхъ поръ собирать картины, мѣняться съ товарищами и иностранными художниками на свои работы, выработалъ въ себѣ любовь къ художественнымъ древностямъ, которая обратилась потомъ въ страсть. Оглянувшись разъ на свои пріобрѣтенія, г. Боголюбовъ нашелъ, что своими коллекціями не уступитъ Михелису... И въ личной жизни нашего художника постигли подобныя тяжелыя испытанія, и онъ рѣшилъ—охранить свои собранія въ будущемъ отъ риска безучастной растраты и дать имъ лучшее назначеніе — предоставивъ ихъ на пользу художественнаго просвѣщенія въ нашемъ отечествѣ.

Собранныя произведенія искусства должны были образовать музей, къ которому примыкала бы рисовальная школа. Мѣстомъ былъ выбранъ Саратовъ: здѣсь были воспоминанія родства; здѣсь была родина знаменитаго и многострадальнаго А. Н. Радищева, родного дѣда г. Боголюбова,—имя это могло съ честью стать въ названіи музея; но здѣсь справедливо также видѣлся г. Боголюбову и одинъ изъ главныхъ пунктовъ внѣ-столичной мѣстной и народной жизни.

Когда собранія достигли значительнаго обилія, г. Боголюбовъ сталъ думать объ осуществленіи своей мысли. Года три тому назадъ онъ сообщилъ свое намѣреніе одному изъ своихъ друзей въ Петербургѣ, прося его содѣйствія въ практическомъ обезпеченіи предположенному пожертвованію. Саратовскимъ губернаторомъ былъ тогда г. Галкинъ-Врасскій. Получивъ сообщеніе о предпріятіи г. Боголюбова, онъ очень ревностно отнесся къ нему. Въ декабрѣ 1877, саратовская дума получила первое извѣстіе о пожертвованіи одновременно отъ г. Галкина и отъ городскихъ представителей, бывшихъ по дѣламъ города въ Петербургѣ.

По полученнымъ свѣдѣніямъ оказывалось, что г. Боголюбовъ жертвовалъ по своей смерти богатую коллекцію картинъ и другихъ художественныхъ предметовъ, и значительный денежный капиталъ, съ цѣлью устройства въ Саратовѣ художественнаго музея и при немъ рисовальной школы. Коллекція состояла изъ собранія картинъ,

свыше 70-ти, извѣстныхъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ, и болѣе ста этюдовъ масляными красками; далѣе изъ рисунковъ и акварелей самого г. Боголюбова, болѣе 200; изъ произведеній скульптурныхъ; наконецъ изъ большого собранія предметовъ художественно-археологическихъ, старинныхъ мебелей, бронзъ, стекла, росписной посуды, древней и новой, серебра и проч. Эти вещи цѣнились не ниже 50 т. руб., не считая произведеній самого г. Боголюбова, которыя цѣнились не ниже этой суммы. Сверхъ того, для рисовальной школы г. Боголюбовъ завѣщевалъ, послѣ своей смерти и своего старшаго брата [1]), 25 т. руб. и для лучшихъ учениковъ три стипендіи при академіи художествъ, въ 300 руб., на живопись, архитектуру и ваяніе. Условіемъ выполненія всего этого г. Боголюбовъ ставилъ только одно, чтобы городъ далъ для музея постоянное, приличное и прочное помѣщеніе.

Дума, какъ естественно, приняла „съ признательностью" предложеніе г. Боголюбова и высказала свою готовность исполнить условіе. Она вступила въ сношенія съ уполномоченными г. Боголюбова—членомъ государственнаго совѣта К. П. Побѣдоносцевымъ и г. Галкинымъ-Врасскимъ, желая получить отъ него прямыя указанія относительно размѣровъ зданія, необходимыхъ для помѣщенія музея и рисовальной школы; дума желала также, чтобы въ томъ же зданіи дано было помѣщеніе для биржевого зала. Сношенія затянулись; въ маѣ 1880 года дума была извѣщена, что г. Боголюбовъ просилъ извѣстнаго архитектора г. Штрома составить планъ зданія, для чего дума должна была доставить подробный планъ мѣстности, назначаемой для этой постройки. Въ другомъ письмѣ того же мая 1880, г. Галкинъ извѣщалъ, что г. Боголюбовъ еще расширилъ свое пожертвованіе, предоставляя, послѣ себя и своего брата, и принадлежащій имъ домъ въ Москвѣ, что̀ вмѣстѣ съ упомянутымъ капиталомъ составило бы въ общей сложности цѣнность не менѣе 100 т. р. Онъ соглашался на желаніе города объ устройствѣ въ томъ же зданіи биржевого зала, и съ своей стороны предлагалъ, чтобы для лучшаго обезпеченія рисовальной школы и ремонта допущены были въ зданіи нѣкоторые магазины („чистой" торговли—напримѣръ, магазины книжные, музыкальные, оптическіе и т. п.).

Городъ нѣсколько мѣшкотно велъ это дѣло. Послѣ новыхъ разсужденій, дума не нашла удобнымъ предположенное раньше ею самой совмѣщеніе биржевой залы и музея въ одномъ зданіи, и самую постройку биржевого зданія затруднилась брать на себя, предоставивъ ее самому биржевому обществу. Наконецъ, въ засѣданіи

[1]) Николая Петровича Б.

21-го іюня 1880 г. въ думѣ сдѣланъ былъ обстоятельный докладъ о положеніи дѣла и указана необходимость немедленнаго рѣшенія о выборѣ мѣста для постройки музея и о доставленіи архитектору подробнаго плана мѣстности. Докладчикъ (г. Ѳоминъ, заступавшій мѣсто городского головы) находилъ наконецъ, что, сообщая г. Боголюбову о рѣшеніи, городъ долженъ былъ бы выразить ему свою признательность черезъ особаго депутата или инымъ образомъ. При обсужденіи доклада прежде всего было сказано, что доселѣ городъ сносился съ г. Боголюбовымъ только черезъ третьихъ лицъ, что слѣдовало бы вступить съ нимъ въ прямыя отношенія и закрѣпить связь, образовавшуюся между нимъ и городомъ, выразивъ ему высокое уваженіе и благодарность городского представительства. Это предложеніе было принято съ полнымъ сочувствіемъ и единогласно рѣшено просить г. Боголюбова принять на себя званіе почетнаго гражданина города Саратова—что вскорѣ и было исполнено и газеты сообщили телеграфный отвѣтъ г. Боголюбова. Далѣе, дума выбрала, съ своей стороны, мѣсто для постройки—на Театральной площади, въ центрѣ города и одномъ изъ самыхъ оживленныхъ его пунктовъ; помѣщеніе въ зданіи магазиновъ нашла неудобнымъ, какъ въ виду опасности пожара, такъ и несоотвѣтственности расположенія вмѣстѣ учрежденій образовательныхъ съ торговыми и промышленными заведеніями; но она желала, чтобы въ зданіи музея нашла мѣсто городская публичная библіотека [1]).

Такова оффиціальная исторія этого дѣла. Мы сообщимъ теперь нѣсколько подробностей о самомъ собраніи, которое такимъ благороднымъ путемъ должно стать собственностью г. Саратова и которое мы имѣли случай видѣть.

Это собраніе,—въ настоящую минуту составляющее обстановку мастерской и пріемныхъ комнатъ въ домѣ гг. Боголюбовыхъ,— есть дѣйствительно настоящій музей, способный привести въ восторгъ любителя искусства, — начиная съ оригинальной изящности самаго дома и до послѣдней вещицы коллекцій. Это—настоящій уголокъ знаменитаго музея Клюньи. Было бы долго перечислять всѣ картины, рисунки, скульптуры, артистическія мебели, статуэтки, альбомы, майолики, бронзы и т. д.; да и подобное перечисленіе только записному любителю и знатоку могло бы дать ясное понятіе о содержаніи коллекціи. Упомянемъ только немногія, особенно замѣчательныя вещи. Старыя славы нашего искусства представлены здѣсь двумя этюдами К. П. Брюллова (одинъ—„Христосъ передъ народомъ", кар-

[1]) См. саратовскія газеты: „Волга", 1880, №№ 324, 331, 333, 340, 342; „Саратовскій Листокъ", №№ 130, 136 и друг.

тина въ Исакіевскомъ соборѣ), нѣсколькими этюдами и пейзажами А. Иванова (голова одной изъ фигуръ знаменитой картины, находящейся въ Москвѣ); далѣе—„нормандскій видъ“ Рѣпина, „лѣсъ“ Шишкина, головка цыганки знаменитаго портретиста Харламова, пейзажи Дюкера, Беггрова, Васильева, картины трехъ Маковскихъ (Константина, Николая, Владиміра), Гуна, разныя вещи Худякова, Давыдова, Бронникова, Дмитріева, Васнецова, Савицкаго, В. П. Верещагина, Шиндлера и проч. Обширное собраніе акварелей, рисунковъ перомъ и карандашомъ, между прочимъ: Бруни, Гуна, Бронникова, Константина Маковскаго, Зичи, Шишкина, и проч. Здѣсь и акварель Т. Шевченка, рисунки И. С. Тургенева (между прочимъ, собственный портретъ въ каррикатурѣ), рисунки В. А. Жуковскаго. Наконецъ, цѣлый рядъ картинъ, этюдовъ (изъ Нормандіи и пр.) самого А. П. Боголюбова, между прочимъ, нѣсколько эпизодовъ изъ послѣдней войны. Изъ иностранныхъ художниковъ здѣсь представлены Андрей Ахенбахъ и Освальдъ Ахенбахъ, Добиньи, Изабè, Филиппъ, Палицци, Кнаусъ, Жирарде, Карлъ Мейеръ, Бриджемапъ, Шельфутъ, и другіе.

Очень много любопытнаго представляютъ предметы художественной археологіи: рыцарскія латы и вооруженія; разнаго рода мебели: рѣзныя стулья, столы, шкафы, ларцы — временъ Генриха II, Людовика XIII, Людовика XV, мебели старо-испанской, португальской, итальянской, нѣмецкой работы, и старыя русскія издѣлія; столы, этажерки, шкафы уставлены стариннымъ хрусталемъ, бронзой, vieux Saxe, серебромъ разныхъ временъ и народовъ; замѣчательное собраніе такъ-называемыхъ майоликъ и расписной посуды, старой и новой, и т. п.—Особый отдѣлъ собранія могутъ составить предметы личныхъ воспоминаній г. Боголюбова: фотографіи изъ путешествій его по Волгѣ съ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ; гравюра портрета Его Высочества работы Крамского; оригинальные рисунки Цесаревича и Цесаревны; портретъ покойной жены А. П. Боголюбова, писанный знаменитымъ въ свое время портретистомъ Макаровымъ; портретъ Н. П. Боголюбова, работанный Крамскимъ; очень любопытные альбомы.

Собраніе и доселѣ продолжаетъ возростать. Такъ, г. Боголюбовъ сообщалъ намъ недавно, что М. М. Антокольскій даритъ будущему музею всѣ слѣпки своихъ работъ—пріобрѣтеніе рѣдкое и цѣнное.

Мы заговорили о „Радищевскомъ Музеѣ“ не для того, чтобы только указать на это замѣчательное пожертвованіе, какихъ у насъ, къ сожалѣнію, дѣлается слишкомъ мало. Уже одна рѣдкость подобныхъ жертвованій велитъ высоко уважать эти прекрасные примѣры заботы объ интересахъ общественнаго образованія, направлен-

ной здѣсь на такую сторону этого образованія, которая у насъ до сихъ поръ особенно была заброшена,— и надо желать, чтобы это предпріятіе привлекло въ болѣе сильной степени вниманіе общества, чѣмъ было до сихъ поръ. По своей цѣли служить развитію интересовъ искусства въ нашемъ обществѣ, предпріятіе г. Боголюбова становится въ ряду съ извѣстнымъ пожертвованіемъ барона Штиглица въ Петербургѣ (рисовальная школа), съ пожертвованіемъ П. М. Третьякова въ Москвѣ (пріобрѣтеніе для города Верещагинскаго собранія). Но есть одна сторона въ предпріятіи г. Боголюбова, по которой оно остается пока единственнымъ въ своемъ родѣ. Это именно — помѣщеніе имъ своего музея и рисовальной школы въ провинціи.

Выбирая Саратовъ мѣстомъ своего предпріятія, г. Боголюбовъ имѣлъ отчасти упомянутые ранѣе личные мотивы, но имъ въ особенности руководила мысль, что не должны же средства просвѣщенія сосредоточиваться только въ двухъ громадныхъ центрахъ, какъ Петербургъ и Москва, и что не должно забывать, что милліоны людей, не чуждыхъ искусству, живутъ вдалекѣ отъ этихъ центровъ, безъ всякой помощи. Мысль—чрезвычайно плодотворная и свидѣтельствующая о живомъ пониманіи потребностей нашего образованія; мысль простая и глубоко справедливая, но которая, при всемъ томъ, до сихъ поръ мало останавливаетъ на себѣ вниманіе, забывается или пренебрегается. Въ самомъ дѣлѣ, если желать прочныхъ успѣховъ нашей образованности, то одною изъ основныхъ заботъ общества и правительства должна быть забота о размноженіи мѣстныхъ провинціальныхъ центровъ науки и искусства. Въ послѣдніе годы въ нашей публицистической литературѣ замѣтно распространилось убѣжденіе въ необходимости поднимать мѣстную жизнь, дать просторъ и движеніе ея органамъ; но рѣчь шла почти исключительно объ отношеніяхъ административныхъ и экономическихъ. Но, понятно, что великую важность имѣетъ здѣсь и вопросъ образованія. Отъ времени до времени высказываются пожеланія объ основаніи новыхъ университетовъ; но наши общественныя пожеланія имѣютъ такъ мало авторитета, да и въ массѣ общества еще такъ мало сознанія, что до сихъ поръ эти толки остаются почти безъ всякаго результата. Если мы чувствуемъ, что одно изъ нашихъ бѣдствій есть именно „бездонное“ невѣжество народа и легкомысліе общества, что они,—кромѣ всего другого,—отзываются въ грубости и вмѣстѣ испорченности провинціальнаго быта, въ дикихъ нравахъ „темнаго царства“, въ промышленной неумѣлости и экономической безпомощности народа,—то распространеніе средствъ образованія должно бы стать однимъ изъ первостепенныхъ интересовъ. Не говоря о страшной заброшенности народныхъ массъ, скудость образованія поражаетъ и въ среднихъ,

даже „высшихъ“ классахъ глухой провинціи. — Не разъ приводимы были статистическія цифры нашихъ образовательныхъ средствъ (школъ, газетъ и журналовъ, выходящихъ книгъ, процента грамотности и т. п.) сравнительно съ европейскими; наши цифры поражали своей относительной ничтожностью, указывавшей въ цѣломъ самое начальное состояніе просвѣщенія. Эти параллели способны были бы серьёзно испугать за наше національное дѣло; ничтожность этихъ цифръ можетъ означать наконецъ политическую опасность. Замѣчаніе, что во французско-прусской войнѣ 1870 и 1871 г. побѣдила „школа“,—не лишено серьёзнаго смысла...

У насъ нерѣдко говорятъ о даровитости нашего народа, разсказываютъ съ чувствомъ національной гордости о замѣчательныхъ самоучкахъ, выходящихъ изъ народа. Эти послѣдніе разсказы производятъ на насъ, наоборотъ, самое тяжелое впечатлѣніе. Чтó есть исторія „самоучки“, какъ не безотрадная картина борьбы дарованія съ нищетой образовательныхъ средствъ, борьбы тяжелой, физически и морально, и почти всегда безплодной? Самоучка сдѣлаетъ вещи, изумительныя въ тѣхъ условіяхъ, въ какихъ онъ работалъ; но изобрѣтенія, которыя онъ дѣлаетъ, его чуть не геніальныя выдумки, давно существуютъ въ наукѣ или искусствѣ; онъ тратитъ умъ и талантъ, чтобы отыскать ступени знанія, которыя могла бы открыть ему обыкновенная школа по его спеціальности.

Искусство имѣло и имѣетъ у насъ рядъ именъ, по справедливости знаменитыхъ; но внѣшній кругъ его дѣятельности донынѣ крайне ограниченъ. Высшія школы искусства (живописи, скульптуры, архитектуры, музыки, драмы) существуютъ—за какими-нибудь двумя-тремя исключеніями—только въ столицахъ, и здѣсь разсчитаны только на опредѣленное число адептовъ; художественныя собранія есть только въ Петербургѣ и Москвѣ. Интересъ и вкусъ къ искусству, какъ и средства для его изученія ограничены такой небольшой долей общества, что по обыкновеннымъ понятіямъ искусство,—если не служитъ прямо для практической цѣли,—есть только роскошь, комфортъ, предназначенный для удовольствія достаточныхъ классовъ, и то лишь столичныхъ жителей. Только для нихъ существуютъ галлереи, выставки, концерты; театръ, правда, значительно распространенъ и въ провинціи,—но устройство театра для народа (даже въ столицахъ) остается донынѣ тщетной заботой людей, желавшихъ доставить народу эту небольшую долю художественнаго развлеченія и поученія.

Эта слабость интересовъ искусства въ нашемъ обществѣ есть, конечно, одинъ изъ крупныхъ и печальныхъ недостатковъ нашей образованности. Можетъ быть, что простая причина этой слабости сво-

дится въ экономической бѣдности, которая, вообще говоря, не оплачиваетъ искусства, не даетъ средствъ для его существованія;—но, съ другой стороны, у насъ мало и думаютъ объ этомъ. Множество полезнаго въ этомъ отношеніи могло бы быть однако сдѣлано и тѣми средствами, какія въ состояніи было бы доставить наше общество—если бы и въ правящихъ сферахъ и въ обществѣ привилось сознаніе высокаго воспитательнаго значенія искусства въ жизни не только личной, но общественной и національной. Правда, у насъ не мало говорится объ искусствѣ, но въ сущности все только въ сферѣ его высшихъ проявленій, для тѣснаго привиллегированнаго круга, — какъ будто не зная, что есть болѣе обширные круги общества и народа, для которыхъ также должны бы существовать (хотя бы въ скромной степени) эти интересы, и что есть разныя градаціи искусства, популярныя и прикладныя, которыя могутъ и должны требовать къ себѣ вниманія. Наша „художественная“ критика—въ литературѣ и въ искусствахъ—любитъ быть очень строгой;—въ литературномъ произведеніи, въ картинѣ, скульптурѣ розыщетъ и сурово осудитъ всѣ недостатки, всѣ прорухи противъ „художественности“. Въ искусствахъ, которыми въ концѣ-концовъ мы крайне бѣдны, мы такъ требовательны, что можемъ свысока отнестись къ Верещагину и Антокольскому; нечего говорить о томъ, какъ третируются второстепенности. Критика подобнаго рода видимо не имѣетъ яснаго представленія объ истинныхъ размѣрахъ и отношеніяхъ наблюдаемыхъ ею явленій. Она не умѣетъ ни объяснить обществу дѣйствительно замѣчательныхъ явленій, ни оцѣнить справедливо явленій второстепенныхъ, которыя не могутъ быть судимы съ точки зрѣнія высшаго художества и однако имѣютъ свое мѣсто и цѣну въ общемъ объемѣ художественнаго воспитанія общества. За этими притязаніями и у критики, и у самихъ художниковъ всего чаще забываются потребности болѣе обширныхъ круговъ общества и ихъ эстетическаго воспитанія. Съ одной стороны, развивается самомнѣніе, съ другой—не замѣчаются самыя основныя потребности.

Въ общемъ положеніи нашихъ художественныхъ интересовъ, въ особенности надо отмѣтить два крупные недостатка: крайнюю безпомощность провинціи относительно художественнаго образованія, и недостатокъ связи между высшей школой художества и практическимъ ремесломъ и производствомъ. Наша провинція почти абсолютно лишена художественныхъ собраній, и образованный (болѣе или менѣе) домосѣдъ-провинціалъ можетъ во всю жизнь не увидѣть порядочной картины и скульптуры: только въ послѣдніе годы „общество передвижныхъ выставокъ“ начало помогать этому недостатку,—конечно, только въ ограниченной степени. Слѣдовательно, для про-

винціи—кромѣ литературы—остается мертвой буквой все то „благотворное, облагораживающее вліяніе искусства", о которомъ такъ много говорится. Люди съ художественными вкусами,—а такіе люди, конечно, есть вездѣ, — осуждены оставаться безъ пищи для одной изъ лучшихъ сторонъ нравственной жизни; и сколько дарованій должно заглохнуть безъ помощи и руководства! И вездѣ, конечно, произведенія искусства сосредоточены въ большихъ центрахъ, но вездѣ въ Европѣ, кромѣ центровъ столичныхъ есть масса второстепенныхъ,—какихъ мы совсѣмъ не имѣемъ. Не говоря объ Италіи, Испаніи, Франціи, Англіи, гдѣ накопилось столько разнообразныхъ сокровищъ искусства и отъ исторической жизни, и отъ новыхъ поисковъ и пріобрѣтеній, напримѣръ Германія имѣетъ первостепенныя, высоко замѣчательныя хранилища въ Берлинѣ, Вѣнѣ, Дрезденѣ, Мюнхенѣ, Дюссельдорфѣ. Наши громадныя пространства дѣлаютъ, разумѣется, Петербургъ и Москву несравненно менѣе доступными для провинціи, чѣмъ названные города для провинціи нѣмецкой, или Парижъ, Ліонъ и Марсель для провинціи французской.

Съ другой стороны, то, что мы замѣтили о недостаткѣ связи нашего налично существующаго искусства съ практическимъ ремесломъ и производствомъ, едва ли требуетъ доказательствъ. Сколько по всей Европѣ есть талантливыхъ рисовальщиковъ, граверовъ, живописцевъ, лѣпщиковъ, которые, ограничивая свои притязанія, даютъ столько прекрасныхъ трудовъ прикладного и популярнаго свойства,—тогда какъ у насъ „художникъ" (часто очень и очень второстепенный) стремится непремѣнно быть мастеромъ и творцомъ, питаетъ къ „ремеслу" великое пренебреженіе и въ концѣ-концовъ—ничего не дѣлаетъ:—говоримъ не свое только мнѣніе, но и мнѣніе, которое слышали отъ лицъ, близко знающихъ нашу художественную среду. Въ результатѣ—слабое внѣшнее распространеніе нашего искусства, скудость его практическаго развитія,—все это не даетъ развиться и спросу, на недостатокъ котораго у насъ обыкновенно жалуются. Извѣстно, напр., въ какомъ жалкомъ положеніи находится наше гравировальное искусство: чтобы имѣть хорошую гравюру, напр., портретъ для изданія, надо обращаться въ Парижъ или въ Лейпцигъ, или заказывать ее въ государственномъ учрежденіи, работающемъ исключительно прекрасно (съ иностранными мастерами) потому, что оно заготовляетъ государственныя бумаги. Гдѣ въ какомъ-нибудь производствѣ требуется участіе художества, на фабрикахъ и т. п., навѣрное работаетъ не русскій художникъ, а выписанный французъ или нѣмецъ, какъ на заводахъ механическихъ и тому подобныхъ, англичанинъ или американецъ—получающіе, разумѣется, изобильные оклады. У насъ много, быть можетъ, слишкомъ много, го-

ворится, о нашихъ національныхъ особенностяхъ, достоинствахъ, дарованіяхъ,—и, кажется, пора бы думать о томъ, чтобы доставить этимъ достоинствамъ и дарованіямъ возможность развиться и обнаруживаться не въ надеждахъ только, а въ дѣйствительности. Таланты должны извлекаться не изъ одного только привиллегированнаго сословія; надо, чтобы не гибли тѣ, которые есть въ народной средѣ, чтобы они могли и внѣ столицы найти какую-нибудь опору; надо, наконецъ, чтобы художественный вкусъ, болѣе или менѣе развитый школою, пригодился для практической жизни, для промышленнаго труда и ремесла.

Въ виду этихъ настоятельныхъ потребностей нашего художественнаго образованія, и хочетъ устроить г. Боголюбовъ свое провинціальное предпріятіе,—и въ этомъ, по нашему мнѣнію, заключается особая общественная цѣнность его предпріятія.

Насколько намъ извѣстно по личнымъ сообщеніямъ г. Боголюбова, онъ намѣревается устроить „Радищевскій Музей“ такъ, чтобы онъ не былъ похожъ на тѣ казарменныя помѣщенія, гдѣ виденъ только полъ, потолокъ, и стѣны, завѣшанныя картинами; напротивъ, чтобы видно было жилье, не роскошное, но полное вкуса и изящества (въ четыре залы или просторныя комнаты), въ томъ родѣ, какъ устроенъ его домъ въ Москвѣ, и еще лучше, если возможно. Что касается школы, то, чтобы обезпечить ея разумное и цѣлесообразное управленіе, г. Боголюбовъ полагаетъ поставить ее въ прямую зависимость отъ извѣстнаго художественно-промышленнаго учрежденія барона Штиглица въ Петербургѣ,—которое, по мнѣнію г. Боголюбова, должно бы стать центромъ, откуда должны были бы распространиться по разнымъ краямъ нашего отечества благое вліяніе и забота о подобныхъ нормальныхъ школахъ: это должно бы быть дальнѣйшей цѣлью замѣчательнаго петербургскаго учрежденія, поставленнаго въ наилучшія условія для своего процвѣтанія, при богатыхъ средствахъ и разумномъ управленіи.

Остается желать, чтобы городъ Саратовъ скорѣе исполнилъ свою долю въ устройствѣ дѣла—постройкой зданія для музея, школы и библіотеки,—чтобы жертвователь могъ видѣть осуществленіе предпріятія, для котораго желаетъ еще самъ поработать, и въ его цѣломъ распорядкѣ, и въ расширеніи новыми пріобрѣтеніями. Мы упоминали, что еще въ послѣднее время къ коллекціи прибавилось приношеніе г. Антокольскаго; когда помѣщеніе будетъ окончено, г. Боголюбовъ намѣренъ устроить, во имя искусства, коллекту картинами и древностями,—чтó, при обширныхъ его связяхъ и знакомствахъ, можетъ еще сильно обогатить музей; г. Боголюбовъ уже встрѣтилъ въ этомъ отношеніи немало вліятельныхъ сочувствій.

Итакъ, дѣло стоитъ за городомъ. Мы знаемъ, что въ настоящее тяжелое время силы города могутъ быть вполнѣ поглощены другой заботой: краю еще грозятъ бѣдствія голода. Но когда придутъ болѣе спокойныя времена, городъ долженъ бы положить всѣ старанія, чтобы достойнымъ образомъ выполнить свое дѣло. Саратовъ уже теперь—центральный пунктъ нижняго Поволжья по своему экономическому и торговому значенію. Надо желать, чтобы къ этому присоединилось и другое значеніе — образовательнаго пункта... Была уже рѣчь объ основаніи здѣсь университета; теперь по крайней мѣрѣ онъ могъ бы начать свои труды въ этомъ направленіи содѣйствіемъ къ исполненію предпріятія г. Боголюбова. Пусть не случится того обстоятельства, о которомъ съ опасеніемъ упоминалъ докладъ 21-го іюня 1880,—что слишкомъ большое замедленіе можетъ охладить добрую волю жертвователя... Дума заявила г. Боголюбову свою благодарность; но надо бы желать, чтобы въ городскомъ обществѣ выросло болѣе сознательное отношеніе къ этому дѣлу, которое при разумномъ и дѣятельномъ содѣйствіи общества можетъ стать у насъ замѣчательнымъ и первымъ въ своемъ родѣ провинціальнымъ учрежденіемъ. Интересы науки и искусства, къ сожалѣнію, мало цѣнятся у насъ людьми практическихъ профессій; но думаемъ, что въ свое время въ саратовскомъ обществѣ и его представительствѣ найдется достаточно образованныхъ людей, которые съумѣютъ оцѣнить важность ожидаемаго учрежденія.

А. Пыпинъ.

ИНОСТРАННАЯ ПОЛИТИКА.

Общее положеніе дѣлъ на близкомъ и далекомъ Востокѣ.

Минувшій годъ оставляетъ новому году два неразрѣшенныхъ международныхъ вопроса, и притомъ два восточныхъ вопроса: европейско-турецкій и русско-китайскій. Мы говоримъ: „неразрѣшенныхъ“ —не потому, чтобы было особенно трудно предвидѣть, какъ должны они въ концѣ-концовъ разрѣшиться, не потому, чтобъ они могли угрожать общему миру, но потому что эти вопросы, особенно европейско-турецкій, могутъ еще затянуться на долгое время, упражняя дипломатовъ въ многописаніи и въ искусствѣ прикрывать международными заявленіями, по вопросамъ болѣе или менѣе отдаленнымъ, ближайшія и сокровеннѣйшія международныя цѣли.

Графъ Бейстъ когда-то жаловался на то, что нѣтъ больше Европы. Эта потерянная Европа нашлась, наконецъ, въ послѣдніе годы, сначала на дополнительной берлинской конференціи, потомъ въ Рагузской гавани, облеченная въ броню и вооруженная огнемъ и мечомъ. Но пожалуй было бы лучше, еслибъ она на этотъ разъ не нашлась совсѣмъ; по крайней мѣрѣ, неожиданно отыскавшись, она не совершила ничего похожаго на какой-нибудь героическій подвигъ. Одно время можно было опасаться даже, что этотъ великанъ потерпитъ полнѣйшее фіаско въ своей притворно-воинственной попыткѣ помѣряться нравственными силами съ ощипаннымъ, обнищавшимъ пигмеемъ, называемымъ Турціей. Послѣ долгихъ переговоровъ, подкрѣпленныхъ еще въ прошломъ августѣ присутствіемъ соединенныхъ флотовъ Европы, этотъ пигмей какъ-бы соблаговолилъ наконецъ сдать Дульциньо черногорцамъ. Разсчитываютъ, что еслибъ европейскія государства соединили суммы, израсходованныя ими на морскую демонстрацію, то на итогъ этихъ суммъ они могли бы купить Дульциньо и султана, и при этомъ не испортить себѣ ни одной капли крови.

Порѣшивъ такимъ жалкимъ образомъ черногорскій вопросъ, и обратно отозвавъ, вслѣдъ затѣмъ, свои грозныя морскія силы, Европа осталась однако же лицомъ къ лицу съ двумя другими народностями, принятыми ею подъ свою защиту, на берлинскомъ конгрессѣ— греческою и армянскою. Но она такъ погружена въ свои собственные, чисто-европейскіе международные интересы и разсчеты, что

можетъ пройти еще много времени, прежде чѣмъ будутъ вполнѣ исполнены ея же постановленія, положившія конецъ послѣдней войнѣ Россіи съ Турціей. Берлинскій конгрессъ, какъ извѣстно, присудилъ Греціи двѣ турецкія провинціи; послѣ конгресса, представленные на немъ державы обратились къ Портѣ съ нотой, въ которой настоятельно требовали передачи этихъ провинцій греческому правительству. Послѣднее, съ своей стороны, стало вооружаться, несмотря на плохое состояніе своихъ финансовъ; оно вполнѣ разсчитывало на содѣйствіе Европы исполненію собственныхъ ея постановленій; но европейскія державы уже теперь даютъ понять всѣми своими дѣйствіями, что онѣ не сдѣлаютъ для Греціи даже и того—ничтожнаго усилія, какое было ими сдѣлано для Черногоріи. А положеніе Греціи на Балканскомъ полуостровѣ въ ихъ глазахъ очень важно, какъ противовѣсъ русскому вліянію на балканскихъ славянъ; такимъ по крайней мѣрѣ представлялось оно до сихъ поръ многимъ европейскимъ державамъ; но очевидное ли безсиліе самой Греціи, или увѣренность въ томъ, что русское вліяніе на Балканскомъ полуостровѣ сильно парализовано многими и многими событіями послѣ берлинскаго конгресса,—или, наконецъ, то и другое соображеніе, взятыя вмѣстѣ, охладили европейскую дипломатію къ греческому дѣлу. Теперь уже нѣтъ больше рѣчи даже и о такой маленькой и безвредной морской демонстраціи, какая была предпринята для исполненія берлинскихъ постановленій относительно Черногоріи; дипломатія предлагаетъ теперь только учрежденіе третейскаго суда для уладенія непримиримыхъ, повидимому, разногласій между Греціей и Турціей, если обѣ эти державы предварительно согласятся безусловно принять его рѣшеніе. Но третейскій судъ въ данномъ случаѣ, послѣ рѣшеній, состоявшихся на берлинскомъ конгрессѣ, уже не можетъ быть посредникомъ между двумя названными державами: ему придется разбирать не только существующія между ними разногласія, но и несогласія между ихъ притязаніями и постановленіями берлинскаго договора. Третейскій судъ явится, такимъ образомъ, судьею въ собственномъ дѣлѣ,—и все это для того, чтобъ обойти затрудненія, неизбѣжно представляющіяся всякій разъ, когда, такъ или иначе, затронутъ восточный вопросъ, и когда столкновеніе на востокѣ легко можетъ повлечь за собой столкновеніе на западѣ.

Очень любопытны въ этомъ отношеніи дипломатическія бумаги, представленныя французскимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ палатамъ въ концѣ декабря, послѣ сдачи Дульциньо черногорцамъ,—инструкціи, данныя французскимъ правительствомъ адміралу Лафону, командиру французской эскадры, входившей въ составъ союзнаго флота подъ Дульциньо. Эти инструкціи предвидятъ отказъ турецкихъ

властей сдать городъ, предвидятъ даже возможность движенія черногорскаго войска для завладѣнія имъ силой, съ согласія главнокомандующаго соединенныхъ морскихъ силъ Европы, но позволяютъ только обнадежить черногорскаго князя, что онъ будетъ поддержанъ „присутствіемъ“ европейскаго флота. Ни на что другое, кромѣ одного „присутствія“, французское правительство не уполномочивало своего адмирала. Въ другихъ бумагахъ по тому же черногорскому дѣлу, французскій министръ иностранныхъ дѣлъ Фрейсинè, предшественникъ нынѣшняго Бартелеми Сентъ-Илера, постоянно повторялъ всѣмъ державамъ, что Франція имѣетъ въ виду лишь „простую морскую демонстрацію“, лишь „нравственное давленіе на Турцію“, и „ни въ какомъ случаѣ не намѣрена сдѣлать ни одного пушечнаго выстрѣла“. Австрія, за которою, какъ извѣстно, стоитъ Германія, подталкивающая ее въ своемъ смыслѣ въ дѣлахъ международныхъ, также приняла твердое рѣшеніе—не дѣлать ничего такого, что могло бы поставить ее въ открыто непріязненное отношеніе къ Турціи. Порта не могла не знать этого настроенія трехъ державъ, какъ не могла не видѣть, что, при настоящемъ положеніи дѣлъ и настоящихъ международныхъ отношеніяхъ, ни одна мѣра по отношенію къ ней не могла быть принята державами иначе, какъ съ общаго согласія. Отсюда то странное положеніе, въ какое былъ поставленъ адмиралъ Сеймуръ, начальствовавшій въ качествѣ старшаго по службѣ моряка надъ соединенными европейскими эскадрами. Въ прошломъ сентябрѣ, когда черногорскій вопросъ казался совсѣмъ улаженнымъ, и сдача Дульциньо—дѣломъ рѣшеннымъ, когда адмиралъ Сеймуръ прибылъ въ Цетинье, чтобы окончательно сговориться съ черногорскимъ правительствомъ, турецкій генералъ, Риза-паша, вдругъ объявилъ, что признáетъ переходъ черногорскаго войска черезъ границу за объявленіе войны и отразитъ силу силой. Торжественно принятый въ Цетиньѣ, гдѣ князь черногорскій заявилъ ему готовность атаковать городъ при содѣйствіи союзныхъ эскадръ, адмиралъ, какъ удостовѣряютъ обнародованныя теперь дипломатическія бумаги, отказался отвѣчать, въ военномъ совѣтѣ, на вопросъ Божо Петровича о томъ, поддержатъ ли державы нападеніе черногорцевъ на албанцевъ и турокъ. Адмиралъ былъ вынужденъ тутъ же заявить, что полученныя имъ инструкціи не позволяютъ ему становиться на эту почву. Военный совѣтъ разошелся, не принявъ никакого рѣшенія, и англійскій адмиралъ поспѣшилъ возвратиться въ Гравозу. Едва ли черногорцы такъ же торжественно стрѣляли изъ пушекъ, провожая адмирала, какъ они стрѣляли, встрѣчая его и надѣясь на прямое содѣйствіе эскадръ.

Правда, англійская дипломатія не осталась равнодушною къ этой

новой выходкѣ турецкаго правительства. По возвращеніи адмирала Сеймура изъ Цетинья, она предложила державамъ перевести всѣ соединенныя эскадры изъ Адріатическаго моря въ Смирну, и занять этотъ портъ въ видѣ обезпеченія, чтобы понудить Турцію къ исполненію берлинскаго договора относительно Черногоріи, Греціи и Арменіи. Но это предложеніе, принятое Россіей и Италіей, было рѣшительно отвергнуто Австріей, слѣдовательно и Германіей, а за ними и Франціей. Голоса державъ раздѣлились, а разногласіе въ такомъ дѣлѣ, еслибъ оно было предпринято одиѣми державами, могло бы повести къ европейскимъ усложненіямъ. Англія, впрочемъ, и предлагала занятіе Смирны лишь подъ условіемъ общаго согласія державъ, какъ средство безвредное для интересовъ торговли и безопасное при участіи всѣхъ союзныхъ эскадръ.

Англійское предложеніе не могло осуществиться; но одно извѣстіе о немъ, какъ видно изъ обнародованной во Франціи дипломатической переписки, такъ напугало турецкое правительство, почерпающее изъ Смирны значительную часть государственнаго дохода, что оно поспѣшило заявить свою готовность сдать Дульциньо черногорцамъ безусловно. Но, разумѣется, греческій и армянскій вопросы снова оставлены при этомъ Портой въ сторонѣ, и ихъ-то передаетъ минувшій годъ своему преемнику.

Судя по слухамъ, гораздо ближе къ разрѣшенію другой восточный вопросъ, нѣкоторое время порождавшій не только слухи о возможности войны между Россіей и Китаемъ, но и военныя приготовленія съ обѣихъ сторонъ. Война всегда бѣдствіе и зло, даже и тогда, когда она необходимое зло, а тѣмъ болѣе, когда она, такъ-сказать, предметъ роскоши и затѣя политикановъ. Если она и бываетъ иногда спасительнымъ кризисомъ, то кризису непремѣнно предшествуетъ серьёзная, опасная болѣзнь, которой лучше избѣжать предохранительными гигіеническими мѣрами, чѣмъ доводить ее до отчаянныхъ размѣровъ. Въ данномъ случаѣ, кризисъ постигнулъ бы не Россію, а Китай. Не нужно быть слишкомъ самонадѣяннымъ патріотомъ, чтобы сомнѣваться въ способностяхъ китайцевъ помѣряться силами съ Россіей. Но частный вопросъ объ Илійской области и главномъ городѣ ея Кульджѣ, изъ-за которыхъ обострились въ теченіе минувшаго года международныя отношенія Китая и Россіи, представляютъ сторону общеинтересную, общечеловѣческую, на которую не безъ основанія указываетъ г. Мартенсъ въ вышедшей недавно въ Брюсселѣ любопытной брошюрѣ о современномъ русско-китайскомъ разногласіи [1]). Брошюра, очевидно,

[1]) Le conflit entre la Russie et la Chine, ses origines, son développement et sa portée universelle. Etude politique. Par F. Martens. Bruxelles, 1880.

писана для иностранцевъ, для западно-европейской публики. Она излагаетъ исторію взаимныхъ отношеній Россіи и Китая съ семнадцатаго столѣтія, знакомитъ съ содержаніемъ договоровъ, заключенныхъ между этими двумя сосѣдними государствами, съ дипломатическими нравами китайцевъ и отношеніями ихъ къ другимъ европейскимъ державамъ. Авторъ пользовался для составленія своей брошюры не только печатными, но и неизданными матеріалами, прислушивался къ отзывамъ людей, имѣвшихъ случай лично ознакомиться съ Китаемъ, и пришелъ къ весьма поучительнымъ выводамъ, одинаково интересннымъ и для Россіи, и для Европы. Многіе упрекаютъ сочиненія г. Мартенса въ нѣсколько доктринерскомъ характерѣ, и въ этомъ упрекѣ, быть можетъ, есть нѣкоторая доля справедливости; но наибольшая доля этой ихъ особенности должна быть отнесена къ самой спеціальности г. Мартенса—международному праву, существующему пока больше въ теоріи, чѣмъ въ жизни, въ дѣйствительности, готовой и способной въ каждую данную минуту нанести самые жестокіе удары международно-юридическому умозрѣнію. Международное право обѣщаетъ очень многое въ будущемъ, но очень мало давало въ прошедшемъ и мало даетъ въ настоящемъ. Мы сейчасъ видѣли это на турецкихъ дѣлахъ. Но новая брошюра г. Мартенса болѣе историческаго и фактическаго, чѣмъ формально-юридическаго содержанія, и высказываемая ею основная мысль несомнѣнно имѣетъ свою живую сторону.

Г-нъ Мартенсъ объясняетъ серьёзный разладъ, происшедшій между Китаемъ и Россіей, не столько кульджинскимъ вопросомъ, сколько общими причинами, съ каждымъ годомъ усиливающими раздраженіе народа и военной партіи при пекинскомъ дворѣ противъ всѣхъ вообще европейцевъ. Россіи, по его мнѣнію, случайно пришлось стать козломъ очищенія за всѣ неправды и обиды, нанесенныя европейцами странѣ, ревниво охраняющей свою независимость, свою тысячелѣтнюю оригинальную культуру, свою національность. Россія ни разу не воевала съ Китаемъ; несмотря на очень близкое сосѣдство, несмотря на странныя и отвергнутыя Россіей притязанія, заявленныя китайскимъ правительствомъ въ теченіе двухъ столѣтій, мирныя отношенія между этими государствами серьёзно не нарушались ни разу. Китайское правительство пыталось, правда, относиться сначала къ московскому государству, потомъ къ петербургскому правительству, какъ къ своему вассалу; до половины текущаго столѣтія оно упорно отказывалось допустить постоянное дипломатическое представительство Россіи въ Пекинѣ и имѣть своего постояннаго представителя въ Петербургѣ; сношенія между обоими правительствами происходили всегда въ пограничныхъ мѣстностяхъ, а не въ правитель-

ственныхъ центрахъ обоихъ государствъ. Въ 1653 году, когда московскимъ государствомъ была отправлена первая дипломатическая миссія, подъ начальствомъ Байкова, послѣдній долженъ былъ подчиниться требованію мандариновъ и исполнить „коу-тоу“, т.-е. девять разъ пасть ницъ передъ богдыханомъ и буквально „бить челомъ“, т.-е. стукнуться лбомъ объ полъ, что, по китайскимъ понятіямъ, равнялось признанію московскимъ правительствомъ своей вассальной зависимости отъ китайскаго императора. И хотя, несмотря на свое подчиненіе китайскому этикету, Байковъ все-таки не добился отъ китайскаго правительства никакихъ уступокъ въ пользу торговыхъ сношеній русскихъ съ китайцами, хотя и впослѣдствіи, уже послѣ нерчинскаго договора 1689 года, перваго международнаго акта между Россіей и Китаемъ, китайское правительство не переставало ставить всякія затрудненія торговлѣ русскихъ съ китайцами,—дѣло ни разу не доходило до полнаго разрыва и войны. Русскіе, взятые въ плѣнъ задолго передъ тѣмъ въ Албазинѣ, городѣ, заложенномъ русскими удальцами на Амурѣ въ половинѣ семнадцатаго вѣка, спокойно жили въ Пекинѣ, причисленные къ странѣ богдыхана Канъ-ци, имѣли свою церковь, построенную для нихъ насчетъ китайской казны, и своего священника, по смерти котораго само китайское правительство вызвало для нихъ новое духовное лицо изъ Тобольска. По его требованію, въ Пекинъ была отправлена при Петрѣ Великомъ первая русская духовная миссія, положившая основаніе тому извѣстному учрежденію, члены котораго не мало способствовали изслѣдованію Китая и ознакомленію Россіи съ его нравами, языкомъ и исторіей. Но попытка Петра Великаго завязать постоянныя дипломатическія сношенія съ китайскимъ правительствомъ и оградить интересы торговыхъ сношеній между русскими и китайцами, не имѣла успѣха. Измайловъ, посланный имъ въ Пекинъ, совсѣмъ не достигъ предположенной Петромъ цѣли. Но по смерти Канъ-ци и Петра, русское правительство воспользовалось перемѣной царствованія и задумало отправить въ Китай чрезвычайное посольство, чтобы возвѣстить объ этой перемѣнѣ, и кстати уладить спорные вопросы о границахъ и торговыхъ сношеніяхъ между обоими государствами. Этому посольству, во главѣ котораго стоялъ Савва Рагузинскій, удалось заключить съ китайцами, въ 1727 году, тотъ кяхтинскій договоръ, которымъ въ теченіи больше чѣмъ столѣтія опредѣлялись торговыя и дипломатическія сношенія Россіи съ Китаемъ. Замѣчательно, что во время переговоровъ, предшествовавшихъ заключенію этого трактата, уполномоченные Китая, строго придерживаясь установленнаго этикета и чинопочитанія, рѣшительно отказались допустить, чтобы титулъ русскаго императора предшествовалъ титулу богдыхана, и это

затрудненіе было обойдено постановленіемъ, по которому отнынѣ оффиціальныя сношенія между обоими правительствами должны происходить не отъ имени государей, а исключительно между китайскими чиновниками „цхонгли-яменъ", со стороны Китая, и сенатомъ и тобольскимъ губернаторомъ со стороны Россіи, и которое оставалось въ силѣ до самаго послѣдняго времени. Имена русскаго императора и богдыхана совсѣмъ не упоминались въ оффиціальной и дипломатической перепискѣ съ китайскимъ правительствомъ. По договору 1727 года, границами между обоими государствами были признаны рѣка Кяхта со стороны Россіи и Орогоитская гора со стороны Китая. Между этими двумя пограничными линіями должны были происходить торговыя сношенія Россіи съ Китаемъ, подъ надзоромъ коммиссаровъ, назначаемыхъ обоими правительствами. Русскіе караваны могли ходить въ Пекинъ только одинъ разъ въ три года, въ составѣ не болѣе двухъ-сотъ человѣкъ. Пятая статья кяхтинскаго договора предоставляла Россіи присылать въ Пекинъ троихъ русскихъ священниковъ, названныхъ въ договорѣ „ламами", которымъ китайское правительство обязывалось выдавать продовольствіе, какъ выдавалось оно проживавшему въ Пекинѣ духовному лицу. Въ силу той же статьи, Рагузинскій могъ оставить въ Пекинѣ, для изученія языковъ, четырехъ мальчиковъ и двоихъ молодыхъ людей, уже знающихъ языки русскій и латинскій. Имъ назначалось помѣщеніе въ домѣ, отведенномъ для русскихъ, и китайское правительство принимало на себя расходы по ихъ обученію. Такая школа оказалась совершенно необходимою. Въ переговорахъ между китайцами и русскими употребляется то китайскій, то манчжурскій, то латинскій языкъ, и трактаты писались или на этихъ трехъ языкахъ, или на двухъ изъ нихъ. Переводчики были существенно нужны въ интересѣ обѣихъ сторонъ.

Единственнымъ поводомъ къ неудовольствіямъ на Россію со стороны китайскаго правительства въ семнадцатомъ и восемнадцатомъ вѣкѣ были многочисленные инородцы, переходившіе изъ Китая въ Россію, и выдачи которыхъ постоянно и напрасно требовали китайскія власти, ссылаясь на договоры, обязывавшія выдавать перебѣжчиковъ. Но, за исключеніемъ этого пункта, отношенія Китая къ Россіи, никогда не покушавшейся мѣшаться въ его внутреннія дѣла, были вполнѣ мирныя. За невыдачу перебѣжавшихъ инородцевъ, китайскія власти въ царствованіе Екатерины II не разъ прерывали кяхтинскую торговлю, и ставили большія затрудненія сношеніямъ между обоими государствами. Въ 1805 году, когда правительство Александра I нашло нужнымъ отправить въ Пекинъ торжественное посольство, съ графомъ Головкинымъ во главѣ, китайскія власти,

давая ему обѣдъ въ пограничномъ городѣ Ургѣ, потребовали, чтобы посолъ, прежде чѣмъ сѣсть за обѣдъ, исполнилъ передъ ними, въ честь богдыхана, тѣ девять земныхъ поклоновъ, о которыхъ мы упомянули выше. Тридцать-три дня продолжались потомъ переговоры, вызванные этимъ страннымъ требованіемъ. Графъ Головкинъ соглашался исполнить обычные поклоны передъ самимъ богдыханомъ въ Пекинѣ, но рѣшительно отказывался отъ исполненія ихъ передъ губернаторомъ и мандаринами Урги. Графу Головкину не оставалось ничего другого, какъ возвратиться изъ Урги въ Кяхту на русскую территорію, и потомъ въ Петербургъ. Съ тѣхъ поръ, до самаго 1851 года, до кульджинскаго договора, всѣ оффиціальныя сношенія между обоими правительствами происходили черезъ посредство кяхтинскихъ властей съ одной стороны, и властей города Урги—съ другой. Русско-китайская торговля была сосредоточена въ Кяхтѣ и очень близкомъ отъ него китайскомъ городѣ Маймаченѣ; караваны уже совсѣмъ перестали ходить въ Пекинъ. Если которое-нибудь изъ двухъ сосѣднихъ государствъ могло быть недовольно и раздражено образомъ дѣйствій другого, то, конечно, это была Россія. Мы не отрицаемъ большихъ злоупотребленій, въ которыхъ не разъ были уличены русскіе купцы, торговавшіе съ Китаемъ. Ихъ обманы справедливо возмущали китайскую совѣсть, и отбивали у китайцевъ охоту имѣть съ ними дѣло. Но формальныя притязанія китайскаго правительства къ Россіи, то напыщенное высокомѣріе, съ которымъ оно всегда отказывалось относиться къ другому правительству, какъ къ равному и столь же полноправному юридическому лицу, могло быть только оскорбительно для послѣдняго.

Въ сороковыхъ годахъ, когда Англія силою заставила Китай открыть англійской торговлѣ доступъ въ нѣкоторые порты, Россія имѣла полное основаніе потребовать тѣхъ же уступокъ въ свою пользу. Она предпочла, однако же, войти въ дружественные переговоры съ Китаемъ. Въ теченіе одиннадцати лѣтъ, между обоими государствами состоялись четыре договора, доставившіе Россіи безъ войны тѣ же самыя выгоды, которыя были пріобрѣтены другими державами путемъ военныхъ дѣйствій. Намъ кажется, г. Мартенсъ недостаточно оцѣниваетъ въ этомъ случаѣ крупное значеніе энергіи и настойчивости, выказанной западными державами, и облегчившей намъ достиженіе серьёзныхъ цѣлей въ нашихъ сношеніяхъ съ Китаемъ. Въ 1851 году былъ заключенъ кульджинскій договоръ, открывшій кульджинскую область русской торговлѣ и предоставившій Россіи право назначать консуловъ въ два города: Тарбагатай и Или. Тотъ же договоръ возстановлялъ караванную торговлю и обезпечи-

валъ ея безопасность. Между прочимъ, имъ былъ удачно разрѣшенъ спорный вопросъ о перебѣжчикахъ; по десятой статьѣ договора, русскія и китайскія власти обязывались къ взаимной выдачѣ однихъ только преступниковъ; русскій уполномоченный, Е. П. Ковалевскій, устранилъ такимъ образомъ навсегда китайскія требованія о выдачѣ цѣлыхъ инородческихъ кочевьевъ. Семь лѣтъ спустя, въ 1858 году, былъ подписанъ въ Айгунѣ новый договоръ, по которому китайское правительство уступало Россіи лѣвый берегъ Амура, отъ рѣки Аргуни до самаго моря, и допустило безпрепятственныя торговыя сношенія между русскими и китайцами по рѣкамъ Уссури, Амуру и Зунгарѣ. Не дальше двухъ недѣль послѣ того, какъ состоялся этотъ договоръ объ амурской области, когда Англія и Франція предписывали свои условія китайскому правительству,—графъ Путятинъ заключилъ въ Тянь-Цинѣ новый торговый договоръ съ Китаемъ, опредѣлявшій за-ново дипломатическія и торговыя сношенія между Россіей и Китаемъ. Россія пріобрѣтала право имѣть своего постояннаго дипломатическаго агента въ Пекинѣ и своихъ консуловъ въ семи китайскихъ портахъ, открытыхъ этимъ договоромъ для русской торговли, и всѣ права наиболѣе благопріятствуемыхъ націй. Договоръ 1860 года, подписанный генераломъ Игнатьевымъ въ Пекинѣ, былъ уже дальнѣйшимъ развитіемъ тянь-цинскаго трактата: онъ опредѣлилъ болѣе выгоднымъ для Россіи образомъ пограничную черту между обоими государствами со стороны при-Амурской области и открылъ для русской торговли внутреннія области Китая.

Соображая всѣ обстоятельства этой долгой и оригинальной исторіи дипломатическихъ и торговыхъ сношеній Россіи съ Китаемъ, г. Мартенсъ серьёзно полагаетъ, что западныя державы дѣйствовали на Китай только силой, а Россія—только убѣжденіемъ. Это мнѣніе дѣйствительно можетъ подать поводъ къ обвиненію почтеннаго автора въ доктринерствѣ и въ пристрастіи. Въ той же брошюрѣ, о которой мы говоримъ, онъ самъ не разъ упоминаетъ о томъ, что китайцы, въ своихъ сношеніяхъ съ европейцами, поддаются только энергическому образу дѣйствій противной стороны и ея силѣ. А потому мы сильно сомнѣваемся въ томъ, чтобы графъ Путятинъ, прибывъ въ Тянь-Цинъ въ 1857 году, когда Англія и Франція энергически добивались уступокъ отъ китайскаго правительства, дѣйствительно „убѣдилъ ихъ, какъ велика разница между образомъ дѣйствій Россіи и двухъ западныхъ державъ". Китайцы не такъ просты, чтобы не понять, что, имѣя на своихъ плечахъ трудный разсчетъ съ двумя сильными морскими державами, они не могутъ становиться въ непріязненныя отношенія еще и къ третьей. Въ этомъ случаѣ ихъ сообразительность едва ли

уступаетъ въ чемъ-нибудь сообразительности графа Путятина. Почипъ въ дѣлѣ открытія Китая для европейской торговли, и въ томъ числѣ для русской, принадлежитъ, слѣдовательно, западнымъ державамъ, и было бы и странно, и не нужно сглаживать или проходить молчаніемъ такой очевидный историческій фактъ, подтверждаемый сравнительно недавними договорами Китая съ Англіей, Франціей, Россіей, Соединенными Штатами, Германіей, Австро-Венгріей и другими христіанскими государствами.

Но можно согласиться съ авторомъ относительно вредныхъ сторонъ англійскаго и французскаго вліянія для Китая. Англія всѣхъ энергичнѣе и всѣхъ рѣшительнѣе воспользовалась тѣми правами, которыя предоставлены ей договорами съ Китаемъ. Въ началѣ текущаго столѣтія, англійскіе купцы имѣли доступъ только въ Кантонъ; ихъ личная свобода и имущество вполнѣ зависѣли отъ произвола китайскихъ властей. Теперь они вполнѣ зависятъ единственно отъ своихъ національныхъ властей, и англійская торговля занимаетъ первое мѣсто въ шестнадцати китайскихъ портахъ. Торговый обмѣнъ между Англіей и Китаемъ дошелъ до громадной цифры—45 мил. ф. ст., или 450 милл. рублей. Такимъ образомъ, значительная часть англійской промышленности существуетъ и держится единственно благодаря договорамъ, открывшимъ ей китайскіе порты. Представители и участники англійской торговли съ Китаемъ, не довольствуясь достигнутыми выгодами, уже громко требуютъ допущенія торговыхъ судовъ во всѣ китайскія рѣки и отмѣны всякихъ внутреннихъ таможенъ между областями китайской имперіи. Новая война съ Китаемъ для этой цѣли вполнѣ отвѣчала бы ихъ желаніямъ. Но эта лихорадочная дѣятельность англійской торговли, какъ и привилегированное положеніе англичанъ въ Китаѣ, очень печально отзываются на самихъ китайцахъ. Силою заставивъ китайское правительство допустить привозъ опіума изъ Индіи, Англія ввозитъ его ежегодно на 120 милл. рублей, обогащая тѣмъ не только свою торговлю, но и бюджетъ Индіи, получающей 60 милл. въ видѣ пошлинъ съ вывозимаго изъ Индіи опіума. Китайскіе патріоты хорошо понимаютъ, что ихъ народъ потребляетъ отраву, чтобы доставлять барыши англійскимъ торговцамъ и выгоды остъ-индскому бюджету. Всѣ жалобы китайцевъ и протесты нѣкоторыхъ государственныхъ людей самой Англіи были до сихъ поръ безсильны положить конецъ этой страшной торговлѣ. Ненависть китайцевъ къ такому положенію дѣлъ и къ его виновникамъ естественно распространяется на всѣхъ европейцевъ, на всѣхъ „заморскихъ чертей“, которымъ они приписываютъ наводненіе ихъ рынковъ этимъ ядомъ, упадокъ соб-

ственной промышленности, свое собственное безостановочное обѣднеціе, хотя справедливость требуетъ замѣтить, что съ той точки зрѣнія надобно желать повсюду и вездѣ уничтоженія торговли одуряющими напитками и отреченія отъ увеличенія бюджетнаго дохода этимъ путемъ. Другой предметъ ненависти китайцевъ—католическіе миссіонеры, которымъ дѣятельно покровительствуетъ Франція. Въ силу новыхъ договоровъ, китайское правительство обязано не только допустить полную свободу вѣроисповѣданій и богослуженія, но и оказывать особенное покровительство миссіонерамъ, возвратить имъ всѣ зданія и все имущество, когда-либо у нихъ конфискованныя, хотя бы эти зданія давно уже получили иное назначеніе. Отсюда очень частыя и тяжелыя столкновенія между китайцами и миссіонерами. Послѣдніе присвоили себѣ даже право суда надъ туземцами, принявшими христіанство, составляя нѣчто въ родѣ государства въ государствѣ. Даже протестантскіе миссіонеры, и тѣ не чужды подобныхъ притязаній. Понятно, послѣ этого, почему извѣстный князь Кунъ, прощаясь съ отъѣзжавшимъ англійскимъ посланникомъ, сэръ-Росерфордомъ Олкокомъ, сказалъ ему: „Благоволите увезти съ собою опіумъ и миссіонеровъ".

Г-нъ Мартенсъ совершенно справедливо говоритъ, что пропаганда православной церкви крайне незначительна въ Китаѣ, и что члены русской духовной миссіи въ Пекинѣ не заявляютъ ничего похожаго на подобныя притязанія, — но, можетъ быть, и потому, что они и не имѣютъ на то силы, ни видовъ на матеріальную поддержку. Кромѣ того, намъ все-таки сдается, что авторъ слишкомъ обобщилъ національное раздраженіе китайцевъ противъ всѣхъ европейцевъ, признавъ ихъ образъ дѣйствій въ вопросѣ о Кульджѣ прямымъ результатомъ одного только этого раздраженія. Китайцы не любятъ иностранцевъ, это правда; они ненавидятъ неутомимую энергію англичанъ со всѣми ея несомнѣнно темными сторонами; ихъ оскорбляетъ нахальство чужеземныхъ миссіонеровъ; но все это не имѣетъ никакого прямого отношенія къ Россіи и кульджинскому вопросу. Намъ сдается также, что почтенный авторъ отчасти увлекся примѣромъ тѣхъ европейскихъ государственныхъ людей и публицистовъ, которые такъ много приписывали вліянію, то „воинственной", то „миролюбивой партіи" въ Россіи, раньше и во время послѣдней войны съ Турціей. Г-нъ Мартенсъ примѣняетъ теперь эти соображенія къ Китаю, и приписываетъ разладъ Китая съ Россіей „военной партіи съ знаменитымъ генераломъ Цо-Цунъ-Таномъ во главѣ". Дѣло представляется намъ нѣсколько проще.

Китайцы завладѣли Дзунгаріей и восточною частью Туркестана, по-

слѣ ожесточенной борьбы, въ половинѣ прошлаго вѣка, и соединили эти двѣ области въ одну, которую назвали Илійскою, по имени рѣки Или, и которую часто называли потомъ и Кульджинскою, по имени главнаго города ея, Кульджи. Населеніе области составляли монголы (дзюнгары) и дунгане, исповѣдующіе магометанство. Послѣдніе искони питали непримиримую ненависть къ китайцамъ, и подвергались за это жестокимъ гоненіямъ, не разъ вынуждавшимъ ихъ къ бунту, усмиреніе котораго сопровождалось обыкновенно жестокимъ кровопролитіемъ. Но въ 1865 году дунганамъ удалось выгнать китайцевъ и учредить свое самостоятельное правительство. Сильное броженіе среди магометанъ, вызванное этимъ успѣхомъ инсургентовъ, и затрудненія, причиненныя имъ торговымъ сношеніямъ Россіи, расширявшей тогда свои владѣнія въ Средней Азіи, побудили русское правительство занять Кульджинскую область въ 1871 году, причемъ китайскому правительству были объяснены причины этой мѣры. Ему было заявлено, что въ виду его бездѣйствія и безпрерывныхъ вторженій дунганъ на русскую территорію и нападеній на русскихъ купцовъ, за безопасность которыхъ оно ручалось, Россія заняла Кульджу, но не желаетъ присоединять ее къ своимъ владѣніямъ, и обѣщаетъ возвратить ее Китаю, когда въ этой области упрочатся порядокъ и спокойствіе.

Нѣсколько лѣтъ, китайцы не затрогивали болѣе этого вопроса; но въ 1876 году, удостовѣрившись, что предположенная Россіею цѣль уже вполнѣ достигнута, и что Россія предстоятъ серьёзныя затрудненія въ восточномъ вопросѣ, пекинское правительство потребовало возвращенія Кульджи. Россія, съ своей стороны, не отказывала въ этомъ Китаю, но требовала возмѣщенія расходовъ, которые она несла въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, и обезпеченій отъ повторенія подобныхъ безпорядковъ на будущее время. Для переговоровъ объ условіяхъ возврата въ Петербургъ былъ посланъ изъ Пекина, одинъ изъ высшихъ китайскихъ сановниковъ и родственникъ богдыхана, Чунъ-Хоу, съ полномочіями, которыя были признаны вполнѣ достаточными. Но договоръ, заключенный имъ въ Ливадіи, въ октябрѣ 1879 года, не былъ ратификованъ богдыханомъ, и самъ Чунъ-Хоу приговоренъ къ смерти за то, что превысилъ свои полномочія. Договоръ этотъ до сихъ поръ не былъ обнародованъ оффиціально; но газеты сообщали его содержаніе въ восемнадцати пунктахъ, содержавшихъ тѣ условія, на которыхъ Россія соглашалась возвратить Кульджу китайскому правительству, и которыя, очевидно, были причиною отказа въ ратификаціи договора и суда надъ подписавшимъ его уполномоченнымъ.

Подобный оборотъ дѣла, по нашему мнѣнію, еще отнюдь не доказываетъ, чтобы китайское правительство, сочувствуя народной ненависти къ европейцамъ, непремѣнно желало довести дѣло до войны съ Россіей и до общей народной рѣзни съ европейцами. Онъ показываетъ только, что оно желало бы получить Кульджу обратно на болѣе выгодныхъ условіяхъ, и доказательствомъ тому служитъ прибытіе въ Петербургъ новаго китайскаго уполномоченнаго, съ которымъ русское правительство ведетъ теперь переговоры о томъ же дѣлѣ. Говорятъ, переговоры идутъ успѣшно, и надо желать, чтобъ этотъ слухъ подтвердился. Война съ Китаемъ, обѣщая намъ, быть можетъ, приращеніе военной славы, принесла бы мало существенныхъ выгодъ, на-время сильно повредила бы русской торговлѣ, и потребовала бы съ нашей стороны большихъ финансовыхъ затратъ— не совсѣмъ кстати.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1-е января, 1881.

I.

Отношеніе протестантизма къ Россіи въ XVI и XVII вѣкахъ. Сочиненіе Ивана *Соколова*, Москва, 1880.

Это—книга болѣе чѣмъ въ 500 страницъ убористой печати. Судя по цензурному разрѣшенію отъ „совѣта московской духовной академіи", это есть вѣроятно диссертація.

Сочиненіе распадается на двѣ главныя части: въ первой говорится объ отношеніяхъ протестантизма къ Россіи сѣверо-восточной; во второй—къ Россіи юго-западной. Въ отдѣльныхъ главахъ первой части изложены: внѣшнее гражданское положеніе протестантовъ въ Россіи какъ условіе возникновенія и развитія ихъ общинъ,—судьба протестантской пропаганды въ Россіи,—постепенный ходъ ея развитія; противодѣйствіе, оказанное ей со стороны церкви и общества, и ближайшія послѣдствія этой борьбы,—отношеніе протестантской пропаганды къ рускому расколу,—возможность вліянія протестантства на образованіе мистическихъ раскольничьихъ сектъ, — вліяніе его на развитіе просвѣщенія въ Россіи, на нравственное состояніе русскаго общества, на его церковно-практическую жизнь. Во второй части поставлены подобные вопросы относительно юго-западной Россіи: внѣшнее и внутреннее состояніе протестантизма въ этомъ краѣ,—постепенный упадокъ протестантскихъ общинъ, открывающійся изъ внѣшней исторіи ихъ церквей и обзора ихъ внутренней церковной жизни, — попытки къ вѣроисповѣдному соединенію протестантизма съ православіемъ, окончившіяся заключеніемъ религіозно-политическаго союза между ними, и судьбы этого союза,—послѣднія судьбы протестантской пропаганды среди православныхъ, — вліяніе протестантства на внутреннее состояніе южно-русской православной церкви.

Эта программа выполняется авторомъ съ большимъ ученымъ аппа-

ратомъ (расположеннымъ, очень неудобно, въ концѣ книги, на 76 страницахъ примѣчаній, имѣющихъ нѣсколько нумерацій, особо для каждой главы). Авторъ не ограничивается однимъ собраніемъ и сопоставленіемъ фактовъ и ищетъ ихъ исторической связи, старается нарисовать цѣльную картину избраннаго имъ историческаго явленія. Это послѣднее и есть, конечно, настоящая цѣль историческаго изслѣдованія, и читатель долженъ быть благодаренъ автору, который бы давалъ ему руководящую нить въ дебряхъ фактовъ, часто темныхъ, мало обслѣдованныхъ: прошедшее возстановляется дѣйствительнымъ образомъ именно только тогда, когда его событія освѣщаются общей мыслью и послѣдовательной связью.

Къ сожалѣнію, въ настоящемъ случаѣ авторъ повелъ своего читателя, не расчистивъ достаточно тропинку черезъ эти дебри, такъ что читатель не разъ можетъ усумниться, вѣрно ли ведетъ его авторъ къ желаемой цѣли. Предоставляя спеціальной критикѣ подробный разборъ положеній г. Соколова, мы остановимся на двухъ-трехъ общихъ его выводахъ, которые способны вызвать упомянутыя недоумѣнія. Намъ кажется, что авторъ слишкомъ увлекся желаніемъ дать цѣльную систему и обобщить свои наблюденія,—когда фактовъ для этого было *недостаточно*, да и тѣ, какіе есть, не были авторомъ внимательно осмотрѣны. Исторія отношеній протестантства къ Россіи была, правда, до сихъ поръ мало изслѣдована; но едва ли сомнительно то, что факты его вліянія въ русской жизни были отрывочны, чаще случайны, чѣмъ послѣдовательны и преднамѣренны. Между тѣмъ авторъ, въ своемъ стремленіи непремѣнно обобщать, даетъ читателю такую картину отношеній протестантства къ русскому народу, которая производитъ очень странное впечатлѣніе.

Разсказавъ исторію старыхъ отношеній протестантства въ Россіи и упомянувъ (уже за предѣлами спеціально поставленной программы) объ его роли при Петрѣ и во времена Бирона,—когда (по тогдашнимъ жалобамъ, очень преувеличеннымъ въ пылу полемики) „въ православномъ государствѣ о православной вѣрѣ нельзя было открыть уста“ безъ страха наказанія,—упомянувъ наконецъ о возстановленіи въ русской церковной жизни „стараго уклада“ при Елисаветѣ, авторъ слѣдующимъ образомъ резюмируетъ свое изложеніе:

„Таковъ конецъ всей агитаціи *темной*, *безличной* этой силы (?)—протестантской пропаганды, столь измѣнчивой и *неуловимой* (?), то ослабѣвавшей и изнемогавшей, то оживавшей и усиливавшейся,—подобно потокамъ, текущимъ въ подземныхъ руслахъ и *изрѣдка* всплывающимъ на поверхность земли,—точившейся по всѣмъ (?) путямъ, которыми овладѣла нѣмецкая культура на Руси, дѣйствовавшей вездѣ и нигдѣ, чрезъ всѣхъ и чрезъ никого (!). Одна эта скрытность и

боязливость, подражательность и поддѣлка, которою большею частію характеризуются ея дѣйствія, есть обличеніе ея слабости и безсилія предъ пререкаемымъ ею православіемъ—всегда прямымъ, открытымъ, торжественно исповѣдующимъ и защищающимъ свою истину. И всегда эта *подземная сила* (!) проторгалась вовнѣ, когда давленіе на нее сверху, со стороны правительства, ослабѣвало, или когда внѣшнія благопріятныя условія тянули ее наружу (?). Всегда она, на всемъ своемъ *подземномъ теченіи*, *брызгала* (?) однѣми и тѣми же каплями и струями—возраженіями и нареканіями. Въ самомъ началѣ, въ царствованіе Грознаго, она высыпала весь почти запасъ своихъ возраженій, своего ученія, начиная съ иконоборческихъ идей. Послѣ первой же осѣчки, она почти на полвѣка притихла, но, *вынырнувъ* (!!) на просторъ, начала наводнять общество всѣми своими „потопными глаголами", изливая ихъ въ разное время, то въ бурныхъ порывистыхъ волнахъ, то въ тихихъ, мягкихъ отпрыскахъ, просачиваясь во всѣ норы (поры?) семейно-общественной жизни. Замутивъ собою какую-нибудь (?) четверть вѣка съ небольшимъ, она на столько же времени снова скрылась и едва струилась въ своемъ *мрачномъ подземельи*. Въ концѣ вѣка, примѣнительно къ знаменіямъ новаго времени, она два раза излилась всѣмъ своимъ потокомъ,—и по *обычаю такъ тихо*, *вкрадчиво* (выше однако были „бурныя порывистыя волны"?); свѣжія новыя струи она могла *привнести* какія-либо *двѣ*, *не больше*, т.-е. выставила два доселѣ скрываемыя ученія о предопредѣленіи и оправданіи. И кому же показались свѣжими и пріятными эти новыя струи! „Между стаканами, напившіеся непробудные пьяницы—тѣ преимущественно дерзали состязаться объ оправданіи нашемъ токмо вѣрою во Христа Іисуса". Хлѣбопоклонники вы, съ досады и отчаянія могла упрекнуть русскихъ обезоруженная пропаганда; идолослужители вы, проговорила она наконецъ давнишній упрекъ; хулою и ругательствами на св. иконы, храмы начала она свое дѣло, тѣми же хулами и ругательствами, столь недостойными просвѣщенныхъ преній (?), и кончила она. Вотъ послѣднее озлобленное слово ея, высказанное не столько въ укоризну православія, сколько въ обличеніе ея собственнаго безсилія. Вотъ вообще измѣнчивыя и безнадежныя судьбы, и общій искательный характеръ пропаганды, такой двуличный, коварный, тонкій, уклончивый, но послѣдовательный и настоятельный" (стр. 158—159).

Даже читатель не самый требовательный найдетъ, что эта декламація (притомъ еще такая грубо нескладная) не есть исторія. Автору видимо желательно было широкими чертами нарисовать изучаемое имъ историческое движеніе; но самая спутанность картины—подземнаго потока, брызгающаго каплями и струями; пропаганды,

изливающейся „всѣмъ своимъ потокомъ“, но „тихо и вкрадчиво“, и т. п.,—эта спутанность выдаетъ нескладицу и недоконченность самой мысли автора. Этотъ странный „подземный потокъ“ не даетъ никакого яснаго понятія о предметѣ, и если бы мы помирились даже съ неудачной картиной, она внушаетъ разныя недоумѣнія. Начать съ того, что указываемая авторомъ „скрытность и боязливость“ протестантской пропаганды сравнительно съ „всегда прямымъ, открытымъ, торжественно исповѣдующимъ свою истину православіемъ“, объясняется совершенно просто тѣмъ, что послѣдователи протестантства были очень малочисленны въ *чужой* странѣ, вообще нерасположенной къ иноземцамъ, и „боязливость“ была основательна. Самъ авторъ тутъ же рядомъ говоритъ о „давленіи“ на него. Но не отличались ли этой боязливостью и православные подъ иновѣрной властью, протестантской или католической? Далѣе, сказать, что пропаганда „точилась по *всѣмъ путямъ*, которыми овладѣла нѣмецкая культура на Руси“—есть произвольная фраза; напротивъ, было и есть много путей, которыми овладѣла нѣмецкая культура и по которымъ пропаганда вовсе не „точилась“: напр. нѣмецкіе военные чиновники, ремесленники, сами пасторы вовсе не были пропагандистами,— напротивъ, нѣмцы вообще держались, издавна и донынѣ, своими замкнутыми кружкàми, и случаи пропаганды „на путахъ культуры“ были вовсе не правиломъ, а рѣдкимъ исключеніемъ.

Наконецъ, всѣмъ этимъ изреченіямъ г. Соколова о „подземныхъ теченіяхъ“, „мрачныхъ подземельяхъ“, „обличенномъ безсиліи“ протестантства, объ его „проторганіяхъ“ и т. п., странно противорѣчатъ собственныя заключенія автора, изъ которыхъ оказывается, что „мрачное подземелье“ оказало значительное и полезное вліяніе не то что на внѣшнюю, образовательную или промышленную культуру, но на самую внутреннюю жизнь православной церкви. Въ послѣдней главѣ своей книги (стр. 408—450), опредѣляя вліяніе протестантства въ юго-западной Россіи, авторъ прямо высказываетъ, что „періодически-вспыхивавшая борьба и дружественный союзъ православныхъ съ протестантами, въ пору процвѣтанія протестантизма, *способствовали обновленію и улучшенію* внутренней *церковной общественной жизни* православныхъ“; что протестантизмъ *содѣйствовалъ преобразованію церковныхъ братствъ* въ западной Руси,—тѣхъ знаменитыхъ братствъ, которыя оказали такія великія заслуги въ національной борьбѣ западной Руси и Польши, православія и католицизма, и занимаютъ такое высокое мѣсто въ исторіи русскаго просвѣщенія XVI—XVII вѣка; далѣе, что протестантизмъ оказалъ „содѣйствіе развитію *многихъ общественныхъ добродѣтелей:* человѣколюбія, честности, благотворительности, трудолюбія“; что, наконецъ, вообще, „протестан-

тизмъ не только не нанесъ существеннаго вреда западно-русской православной церкви, но содѣйствовалъ *обезпеченію* отчасти ея *внѣшняго*, и *возвышенію внутренняго состоянія*".—И все это доброе вліяніе изъ „мрачнаго подземелья", которое авторъ расписывалъ такъ усердно!?

Авторъ, правда, и здѣсь не подарилъ протестантизму признанія его достоинствъ, и кончаетъ опять суровыми обличеніями (кому они нужны?). Передъ православіемъ, какъ истинной церковью, протестантизмъ „обнаружилъ полнѣйшую несостоятельность и безсиліе". „И какихъ средствъ онъ не пробовалъ, для привлеченія ея на свою сторону, начиная отъ серьёзныхъ научныхъ убѣжденій и кончая мелкою интригою, нечестнымъ подлогомъ! Куда онъ не закидывалъ своихъ сѣтей... И нигдѣ ему не было успѣха: новое, очевидное доказательство, что онъ можетъ имѣть мѣсто въ церкви и *странѣ* (?), гдѣ *царитъ ложь* (?), крайнія злоупотребленія и извращеніе, что онъ не есть истинная религія, но еще бо́льшее извращеніе и искаженіе той религіи (римской), которую онъ берется исправить. У предѣловъ православнаго міра потокъ протестантизма замеръ *навсегда* (?)" (стр. 449—450).

Приведенныя тирады сказаны, конечно, не языкомъ трезваго ученаго; въ историческомъ изслѣдованіи совсѣмъ не у мѣста эти раздражительные эпизоды теологіи обличительной, особенно когда авторъ, какъ мы видѣли, не потрудился даже сгладить противорѣчія своихъ рѣшеній. Наконецъ, и здѣсь опять нѣтъ исторической правды. И на этотъ разъ опроверженіе главныхъ приговоровъ автора доставляетъ его же собственная книга. „У предѣловъ православнаго міра потокъ протестантизма замеръ навсегда", — говоритъ онъ; но какъ же „потокъ", если остановился, могъ имѣть въ этомъ православномъ мірѣ то, часто весьма счастливое вліяніе, о которомъ авторъ только-что передъ тѣмъ говорилъ? А въ другомъ мѣстѣ авторъ посвящаетъ особую главу соображеніямъ о вліяніи протестантства на образованіе нѣкоторыхъ изъ нашихъ сектъ, именно мистическихъ, какъ молоканская, духоборческая, секта людей божіихъ;—стало быть, „потокъ" не только не замеръ, но оказалъ дѣйствіе въ самой народной массѣ. И что слово: „навсегда", также здѣсь совсѣмъ неумѣстно, оказывается изъ того, что протестантство оказало подобное дѣйствіе даже и въ наше время, въ образованіи такъ-называемой „штунды", самое названіе которой есть нѣмецко-протестантское. Наконецъ, не подлежитъ сомнѣнію то вліяніе, какое протестантизмъ оказывалъ у насъ въ общей суммѣ западныхъ вліяній на нашу школьную и литературную образованность, въ прошломъ и нынѣшнемъ столѣтіи,—оказывалъ, конечно, не въ формѣ прямого перехода

русскихъ въ протестантство (это предупреждалось притомъ очень дѣйствительными мѣрами уголовнаго законодательства), а въ формѣ новыхъ религіозно-историческихъ и раціоналистическихъ воззрѣній. Неужели нашъ историкъ не знаетъ объ ихъ существованіи?

Приведенное выше изображеніе „подземнаго теченія", просачивавшагося будто бы „во всѣ поры семейно-общественной жизни", авторъ объясняетъ еще слѣдующими чертами, относящимися къ предполагаемому вліянію протестантства на расколъ.

Когда расколъ раздѣлился на нѣсколько враждебныхъ партій, протестантство — „*старается подойти* къ нѣкоторымъ изъ этихъ партій, внести въ нихъ свои идеи и учрежденія". Но какъ это происходило, автору, несмотря на его категорическіе приговоры, разумѣется, въ сущности неизвѣстно. „Тутъ,—продолжаетъ онъ,—коварная его пропаганда принимала самый разнообразный, измѣнчивый и неуловимый характеръ". „Дружныхъ, послѣдовательныхъ усилій ея *не видно* въ этой области; изрѣдка, урывками, разными таинственными (?) руками (личностями) [1]), посредствомъ обмана и обольщеній, она подбрасывала (!) къ той или другой партіи свои крайнія сектантскія воззрѣнія" и т. д. (стр. 162). То-есть, говоря безъ отчаянныхъ фразъ, эта пропаганда была совсѣмъ случайна и отрывочна.

Читателю вѣроятно также, какъ намъ, бросается въ глаза сходство фразеологіи автора съ изреченіями нашихъ публицистовъ извѣстнаго разбора объ „интригѣ", о „нитяхъ заговора", о „таинственной рукѣ" и т. п. въ примѣненіи къ современнымъ волненіямъ. У публицистовъ есть свои разсчеты говорить подобнымъ языкомъ; но употреблять этотъ языкъ историку, для XVI—XVII столѣтія, и ненаучно, и ...странно до смѣшного. Добросовѣстнѣе было бы указывать факты и толковать ихъ въ ихъ дѣйствительномъ размѣрѣ.—Почему авторъ знаетъ, что протестантство „старалось подойти" и „подбрасывало", а не къ нему сами обращались, имъ интересуясь, или съ нимъ случайно совпадали, идя собственнымъ путемъ религіознаго размышленія? А если принимать взгляды автора, какимъ глупымъ стадомъ представляются эти люди, которымъ стóитъ „подбросить", чтобы сбить ихъ съ пути въ какую-нибудь нелѣпость и превратное ученіе! Авторъ не имѣетъ понятія о томъ, что съ большими массами людей никакое „подбрасыванье" ничего не сдѣлаетъ, если въ нихъ не развивается самостоятельно своя собственная мысль, свои исканія и требованія.

Къ сожалѣнію, эта страсть обобщать безъ достаточнаго основанія овладѣваетъ авторомъ и въ критикѣ частныхъ фактовъ. Богословско-

1) Объясняетъ самъ авторъ.

полемическое сочиненіе противъ „люторства", 20-хъ годовъ XVII-го вѣка (см. стр. 72 и слѣд.), есть уже для него достаточный мотивъ декламировать о хитрыхъ „дальновидныхъ планахъ" протестантства (въ сѣверо-восточной Россіи) и обличать,—хотя, по его собственнымъ словамъ тутъ же рядомъ, „никакихъ другихъ данныхъ объ этомъ не сохранилось за все время отъ 1615 до 1643"; хотя о самомъ сочиненіи, на основаніи котораго авторъ декламируетъ, неизвѣстно, произошло ли оно на сѣверѣ или на югѣ Россіи. По мнѣнію автора, это все равно! (примѣч., стр. 20).

Говоря о внѣшнемъ положеніи протестантовъ въ московской Россіи, авторъ, замѣтивъ нѣкоторыя колебанія русскаго правительства относительно протестантовъ, находитъ, что тѣмъ не менѣе Россія показывала тогда къ нимъ большую вѣротерпимость. И она представляется автору тѣмъ болѣе рѣдкой и замѣчательной, „когда сравнить положеніе протестантовъ въ нашемъ государствѣ съ положеніемъ ихъ въ собственномъ отечествѣ". Онъ указываетъ затѣмъ „параллель, или, лучше, несоизмѣримость двухъ равныхъ величинъ" (?), т.-е. указываетъ, что въ Европѣ протестантство было причиной жестокихъ преслѣдованій и цѣлыхъ религіозныхъ войнъ, когда у насъ протестанты жили въ полномъ благополучіи (стр. 7—8). Но въ этой „несоизмѣримости двухъ равныхъ величинъ" авторъ не обратилъ вниманія на одно простое, но весьма существенное обстоятельство. Тамъ, въ западной Европѣ, протестантизмъ былъ *свой*, давній и глубокій историческій вопросъ, который естественно и поднялъ церковные, политическіе и общественные интересы и личныя страсти до крайняго возбужденія, кончившагося кровопролитіемъ; у насъ, въ московской Россіи, это былъ вопросъ совсѣмъ *чужой*, и по церковнымъ, и по національнымъ отношеніямъ: правительство было равнодушно къ спору двухъ-трехъ исповѣданій, но оно очень дорожило иноземцами, какъ практически ему полезными людьми, которыхъ оно само нанимало и вызывало, и ему просто не было дѣла до ихъ религіи. Но видѣть въ этомъ равнодушіи какую-нибудь настоящую „вѣротерпимость"—странно, даже нелѣпо. Протестантамъ предоставляли молиться, какъ они хотятъ, у себя дома, какъ предоставляли и татарамъ; но если бы замѣчено было поползновеніе выдти изъ своего круга и напр. обращать въ эту вѣру православныхъ, если бы чужая вѣра вздумала выдти изъ рамокъ покорнаго подчиненія и хотѣла заявить себя активно, то и правительство и народъ не оставили бы никакого сомнѣнія о своемъ настроеніи. Какъ вообще относились въ старой Россіи къ чужимъ вѣрамъ, это достаточно извѣстно: наше православіе было въ понятіяхъ всей народной массы, сверху до низу, не только единственная истинная вѣра, но всѣ другія вѣры считались просто

„погаными"—въ томъ самомъ смыслѣ, въ какомъ это слово употребляется теперь. Такимъ поганымъ было въ особенности католичество, чуть не на ряду съ магометанствомъ; для протестантовъ также, вообще говоря, не дѣлалось исключенія. Странно, какъ именно этого не замѣтилъ или не принялъ въ соображеніе авторъ. *Факты* подобнаго рода не могли, конечно, не встрѣтиться въ его собственной книгѣ (напр., стр. 157, 158, 161; примѣч. стр. 16 и мн. др.).

Значительная доля произвола допущена авторомъ также въ его разсужденіяхъ о предполагаемомъ вліяніи протестантства на образованіе нашихъ раскольничьихъ сектъ. Это вліяніе представляется автору то догадкой, то несомнѣннѣйшимъ фактомъ; обобщенія дѣлаются очень легко. Въ интересахъ критики читатель пожелаетъ, чтобы авторъ больше затруднялся въ этомъ отношеніи (напр., кромѣ всей главы объ этомъ предметѣ, стр. 169—200, примѣчаніе о молоканахъ, стр. 32).

Недостатки указаннаго свойства, къ сожалѣнію, очень вредятъ книгѣ, на которую авторъ потратилъ не мало труда. Гораздо лучше было бы, если бы онъ собралъ, опредѣлилъ и строго классифицировалъ факты, не пускаясь въ обличительную теологію,—которая завела его только въ ненужную, безвкусную и иногда совершенно фальшивую декламацію.

Есть и недосмотры другого рода, также нежелательные въ подобномъ трудѣ. Собственныя имена писателей и историческихъ лицъ, даже очень извѣстныхъ, переданы часто крайне небрежно; а послѣдніе листы книги, кажется, печатались безъ корректуры. Бюшинга, напр., авторъ называетъ Бушингъ (примѣч. стр. 4 и др.); польскія имена искажены въ невообразимой степени. Изъ польской исторической литературы авторъ пользовался почти только Лукашевичемъ и Красинскимъ, въ *нѣмецкихъ* переводахъ, и не потрудясь узнать польской азбуки, пишетъ польскія имена по-нѣмецки. Выходитъ нѣчто ужасное: Сцисцковскій (стр. 298) т.-е. Шишковскій: Хоцисцевскій (стр. 309) т.-е. Хоцишевскій; Цебрцидовскій (прим., стр. 42), т.-е. Зебржидовскій, хотя въ другомъ мѣстѣ это имя поставлено вѣрно (стр. 356); далѣе: Орцеховскій вм. Оржеховскій и пр. Одна мѣстность названа такъ, что даже невозможно и выговорить: „въ Груцдцькѣ" (стр. 296) и проч. и проч. Самихъ авторитетовъ своихъ авторъ называетъ Люкашевичемъ и Кразинскимъ. Хоть бы надоумилъ автора совѣтъ московской духовной академіи.

II.

О воспитаніи съ гигіенической точки зрѣнія. Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ годичномъ собраніи императорскаго казанскаго университета, 5 ноября 1880 года, доцентомъ *Ир. Скворцовымъ.* Казань, 1880.

Издавна и донынѣ провинціальныя изданія туго доходятъ до петербургской книжной торговли и публики: причины этого разныя— и то, что рѣдко въ провинціи являются книги широкаго общественнаго и литературнаго интереса, который бы вызывалъ запросъ; а чаще то, что и при существованіи этого интереса мѣстные авторы и книгопродавцы мало заботятся о томъ, чтобы сдѣлать книгу извѣстной.

Что въ провинціальной литературѣ являются вещи, заслуживающія полнаго вниманія, примѣромъ служитъ и книжка г. Скворцова. Форма „рѣчи",—сочиненія, размѣръ котораго ограниченъ временемъ, отмѣреннымъ для его публичнаго прочтенія,—бываетъ неудобна тѣмъ, что стѣсняетъ развитіе подробностей содержанія,— и въ настоящемъ случаѣ читатель можетъ иногда пожалѣть, что въ нѣкоторыхъ частностяхъ авторъ былъ слишкомъ кратокъ; но „рѣчь" имѣетъ и свое удобство—какъ цѣльный трактатъ о предметѣ.

Г. Скворцовъ выбралъ своей тэмой предметъ, который имѣетъ величайшую общественную важность. Извѣстно, что въ послѣднія десятилѣтія вопросы воспитанія трактовались у насъ съ такой ревностью какъ никогда; педагогическая литература чрезвычайно развилась; педагогическая практика стремилась воспринять то, что̀ писалось въ книжкахъ, принялась исполнять на дѣлѣ предписанія „методики", и уже скоро стала хвастаться „научностью" и „раціональностью" своихъ пріемовъ. Признаѐмъ охотно, что дѣйствительно во многихъ случаяхъ собственно обученіе улучшилось, но не только цѣлое воспитаніе, но въ частности и обученіе, въ рукахъ самихъ педагоговъ теоретиковъ и спеціалистовъ, еще очень далеки отъ настоящей раціональности. Не говоримъ о постановкѣ оффиціальныхъ учебныхъ заведеній — особенно гимназій министерства и университетовъ,—которая перепортила столько крови всему обществу и испортила столько молодыхъ жизней; спеціалисты новѣйшей педагогіи, можетъ быть, не въ силахъ были бороться противъ этой постановки,—хотя, кажется, могли бы высказываться о ней больше, чѣмъ это было; но и въ болѣе тѣсномъ кругѣ собственной педагогики и обученія, наша „раціональная" педагогія въ концѣ-концовъ стала возбуждать недовольство и недовѣріе общества. Извѣстное нападеніе гр. Л. Н. Толстого было ошибочно въ той долѣ, гдѣ онъ предлагалъ собственныя свои теоріи,—но оно было чрезвычайно справед-

ливо во многихъ случаяхъ, гдѣ онъ раскрывалъ настоящіе абсурды новѣйшихъ „раціональныхъ" воспитателей и обучителей. Впрочемъ, съ нихъ, кажется, какъ съ гуся вода.

Книжка г. Скворцова вызываетъ опять тѣ же вопросы о томъ, чѣмъ должна быть раціональная педагогія,—жаль только, что авторъ касается очень кратко тѣхъ сторонъ дѣла, здравое уразумѣніе которыхъ было бы чрезвычайно поучительно для большинства нашихъ учителей и воспитателей.

Въ началѣ рѣчи, г. Скворцовъ отвергаетъ очень еще распространенное понятіе о гигіенѣ, какъ сборѣ практическихъ наставленій о сохраненіи здоровья въ обыденной житейской обстановкѣ, и указываетъ, что по настоящимъ понятіямъ о предметѣ такія наставленія составляютъ только нѣчто въ родѣ приложенія къ содержанію этой науки. Современная гигіена, во-первыхъ, занимается по преимуществу не личными, а общественными интересами здоровья, составляя часть цѣлой науки о человѣческомъ обществѣ; и во-вторыхъ, не дробитъ человѣка, а беретъ его цѣликомъ со всѣми его тѣлесными, умственными и нравственными качествами. Цѣль ея—общее изученіе вліяній природы и бытовой обстановки на развитіе человѣка; указаніе тѣхъ путей, которыми это развитіе можетъ быть ведено нормально, доставляя и физическое здоровье и нравственное довольство; и указаніе тѣхъ вредныхъ сторонъ быта, которыя должны быть устраняемы для этой правильности развитія.

„По всей вѣроятности,—говоритъ авторъ,—педагоги по профессіи мнѣ сдѣлаютъ возраженіе, что я забираюсь въ чуждую для меня область такъ-называемой педагогики. Я на это заранѣе могу дать такой отвѣтъ: истинная научная педагогика мыслима лишь при томъ условіи, что предметъ ея попеченій, т.-е. молодой развивающійся человѣческій организмъ извѣстенъ ей не только со стороны формальной психологіи, обоснованной нерѣдко на недоказанныхъ общихъ положеніяхъ, но со стороны всѣхъ своихъ свойствъ и способностей, изученныхъ при помощи такъ-называемаго естественно-историческаго метода, чуждающагося всякихъ предвзятыхъ измышленій, какого бы происхожденія они ни были. Съ этой точки зрѣнія, *педагогика*, по существу своего содержанія, должна со временемъ стать *частью гигіены*, обнимающей всю человѣческую жизнь съ указанной точки зрѣнія. Да и теперь гигіена считаетъ своимъ долгомъ, во имя человѣческаго здоровья и счастья (можно бы прибавить: и во имя здраваго смысла), всесторонне разслѣдовать все дѣло воспитанія при посредствѣ свойственныхъ ей методовъ и на основаніи или добытыхъ ею самой, или заимствованныхъ изъ другихъ источниковъ основныхъ положеній, касающихся общихъ условій человѣческой жизни и здоровья".

Сдѣлается ли педагогія только частью гигіены, это можетъ быть пожалуй безразличнымъ; все равно, ка́къ внѣшнимъ образомъ распредѣлится содержаніе науки,—но что данныя общей гигіены должны больше получить мѣсто въ педагогіи, чѣмъ теперь въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія,—объ этомъ и теперь уже заботятся разумнѣйшіе педагоги. На словахъ умѣютъ толковать объ этомъ и наши педагоги,—но жаль, что слова ихъ до сихъ поръ очень мало переходили въ дѣло тамъ, гдѣ въ этомъ настояла бы серьёзная надобность. При всей скудости нашихъ школьныхъ средствъ, сравнительно съ потребностями общества, у насъ—въ большомъ числѣ случаевъ—уже несомнѣнно развилось то отвратительное педагогическое зло, которое извѣстно подъ названіемъ „школьнаго гнета“.

Въ разныя историческія эпохи, у разныхъ народовъ воспитаніе имѣло, разумѣется, весьма разнообразный характеръ по различію природы и историческаго быта, который создавалъ свои воспитательные идеалы. Воспитаніе различнымъ образомъ понимается и выполняется, смотря по бытовымъ условіямъ разныхъ слоевъ народа. Авторъ проводитъ рядъ параллелей между воспитаніемъ крестьянскимъ и воспитаніемъ высшихъ сословій; первое, конечно, крайне бѣдно во многихъ отношеніяхъ, но и въ послѣднемъ авторъ указываетъ много слабыхъ сторонъ, о которыхъ до сихъ поръ еще мало заботится „раціональная“ педагогія, — такъ что даже первобытное крестьянское воспитаніе имѣетъ надъ нимъ свои преимущества.

„Крестьянскій ребенокъ очень рано начинаетъ пользоваться нѣкоторой самостоятельностью, а барскій, наоборотъ — очень поздно. Что́ же получается въ результатѣ такой разницы? А то, что въ то время, какъ крестьянскій ребенокъ уже свободно ползаетъ, барскій—только еще сидитъ въ подушкахъ или на рукахъ у няни, да и пуская его ползать, область движенія его ограничиваютъ разостланнымъ ковромъ, одѣяломъ и пр. Въ то время, какъ первый уже цѣпко хватается за что-нибудь и хорошо удерживаетъ захваченный предметъ, второй беретъ неумѣло и взятое скоро выпускаетъ изъ рукъ. И вообще крестьянскій ребенокъ раньше свыкается со всей окружающей его обстановкой; онъ раньше перестаетъ при ходьбѣ спотыкаться и падать, чѣмъ долго водимый на помочахъ ребенокъ барскій... Играя на свободѣ, крестьянскій ребенокъ, не стѣсняясь, бѣгаетъ, жестикулируетъ, кричитъ, — ребенокъ же барскій постоянно находится подъ градомъ замѣчаній, предостереженій и запрещеній со стороны своихъ охранителей. Результатъ получается такой, какого и слѣдовало ожидать. Въ то время, какъ мужиченокъ проявляетъ уже много тѣлесной силы и выносливости, а какъ слѣдствіе того, и много смѣ-

лости,—барченокъ бываетъ слабъ, легко устаетъ — и оттого труслив. Перваго работа подзадориваетъ къ дальнѣйшимъ напряженіямъ своихъ силъ; для второго она обращается въ тягость, такъ какъ легко вызываетъ чувство болѣзненнаго утомленія"... „Семилѣтній мальчуганъ Некрасова,—замѣчаетъ авторъ въ другомъ мѣстѣ, —съ достоинствомъ говорящій, что въ ихъ семьѣ только два мужика-работника — тятька да онъ, нисколько не противорѣчитъ дѣйствительности"... „Дѣло тѣлеснаго развитія становится въ средѣ обезпеченныхъ классовъ еще хуже, какъ скоро ребенка начнутъ *развивать умственно*".

Мы не будемъ останавливаться на томъ, что̀ говоритъ авторъ о воспитаніи умственномъ и нравственномъ, и укажемъ вниманію читателей,—и особенно господъ педагоговъ,—послѣднія страницы книжки (стр. 51 и слѣд.), гдѣ указываются съ гигіенической точки зрѣнія зловредные недостатки, къ сожалѣнію очень распространенные въ современномъ *школьномъ ученьѣ*.

Еще въ недавнія времена въ европейской школѣ, параллельно съ господствомъ метафизической психологіи и формальной логики, на эту почву сводилось и воспитаніе, и школа стремилась воспитывать только духовную сторону человѣка. Великіе умы XVIII вѣка осудили уже эту односторонность, а новѣйшая (истинно) раціональная педагогія, исходя изъ общихъ біологическихъ и частныхъ физіологическихъ свойствъ, стремится обезпечить и физическое и духовное развитіе, не насилуя ни той, ни другой стороны, и уравновѣсить ихъ въ цѣльной связи. — Но хотя нынѣшніе педагоги не рѣшатся противорѣчить необходимости этой цѣльности въ теоріи и сами много говорятъ объ этомъ въ книжкахъ, на практикѣ школа слишкомъ часто забываетъ это основное требованіе.

Авторъ имѣлъ полное право сказать объ этихъ современныхъ педагогахъ: „Въ настоящее время, по какой-то исторической случайности (можетъ быть, просто: по грубой невнимательности или непониманію своего дѣла) педагоги обыкновенно знаютъ много мудреныхъ вещей, но не знаютъ свойствъ того матеріала, изъ котораго они берутся формировать людей,—и, кромѣ того, остаются глухи къ тѣмъ общественнымъ потребностямъ, которыя вопіютъ о себѣ на всѣхъ путяхъ... А между тѣмъ только знаніе однихъ и чуткость къ другимъ могутъ обезпечивать такое разумное отношеніе воспитателя къ воспитанникамъ, какое одно только можетъ вести къ достиженію намѣчаемыхъ воспитанію цѣлей.—Между прочимъ, воспитателю въ обширномъ смыслѣ слова болѣе чѣмъ кому-либо другому необходимо *помнить, что и онъ былъ молодъ*. Безъ этой памяти,

онъ постоянно будетъ ошибаться, такъ какъ къ дѣламъ и мыслямъ своихъ питомцевъ будетъ прикладывать свою несоизмѣримую мѣрку, выработанную обыкновенно не на обще-человѣческой аренѣ мышленія и дѣйствія, а на аренѣ узкой, ограниченной *притупляющей спеціальности*"... „Только непониманію задачъ и цѣлей воспитанія мы обязаны существованіемъ такихъ явленій, какъ *школьныя болѣзни*, какъ еще болѣе—*воспитательный* или *школьный гнетъ*. Послѣднее явленіе—чистый абсурдъ, который могъ появиться только благодаря неразумной постановкѣ дѣла и который прямо отрицаетъ создавшую его систему"... „Право, какъ-то странно видѣть, что та система человѣческаго поведенія, которая имѣетъ единственною цѣлью благо человѣка, приводитъ къ тому, что въ результатѣ получается хилый, искривленный, близорукій человѣкъ. Онъ, можетъ быть, знаетъ и Драконовскіе законы, и Алкивіадовы шалости, и особенности Гомеровскаго стихосложенія, и Цицероновскія рѣчи,—да какой же будетъ отъ этого ему толкъ, какую помощь они ему окажутъ при его тѣлесномъ безсиліи, нравственной слабости?"

Авторъ приводитъ цѣлый рядъ авторитетныхъ свидѣтельствъ—врачей, изучавшихъ гигіеническое положеніе школьнаго дѣла въ разныхъ странахъ и съ негодованіемъ осуждающихъ тѣ насилія, какимъ подвергаетъ школа молодую, неокрѣпшую природу учениковъ и ученицъ,—обремененіемъ уроками, непосильными умственными задачами, отягощеніемъ памяти, нервическими тревогами глупыхъ экзаменовъ, отсутствіемъ физическаго движенія и отдыха. Одинъ изъ этихъ врачей называлъ подобное веденіе прямо—человѣкоубійственнымъ; другіе, въ томъ числѣ и русскіе врачи, приходили наконецъ къ убѣжденію, что для уничтоженія этого зла необходимо назначать къ каждой школѣ оффиціальнаго врача, который бы контролировалъ ея гигіеническія условія—и въ смыслѣ физическаго здоровья и для огражденія учениковъ отъ чрезмѣрнаго усердія школяровъ.

Въ самомъ дѣлѣ нѣтъ, кажется, другого средства.

Эти протесты, собранные нашимъ авторомъ, идутъ изъ различныхъ странъ. Къ сожалѣнію, они совершенно примѣнимы и къ русской школѣ, которая страдаетъ тѣми же недостатками, и быть можетъ, еще въ худшей степени, нежели въ Германіи или Англіи,—такъ какъ вѣроятно наше учащее сословіе едва ли выше англійскаго и нѣмецкаго въ пониманіи педагогической задачи. —Наши классическія гимназіи цѣлыхъ четырнадцать лѣтъ были настоящимъ бичемъ семьи. Страшно сказать, что вопіющимъ недостаткамъ этой системы приписывали даже многія молодыя жертвы послѣднихъ политическихъ процессовъ.

Но и безъ этого, кому, нѣсколько знакомому съ нашими гимназіями, классическими и реальными, мужскими и женскими, казенными и частными, неизвѣстно, что если не всѣ, то большинство изъ нихъ могутъ доставить обильные примѣры упомянутыхъ недостатковъ, противныхъ всякой здравой педагогіи,—крайняго обремененія учащихся, доходящаго до болѣзненнаго ихъ истощенія.

Надо желать, чтобы наши гигіенисты обратили, наконецъ, серьёзное вниманіе на школьный гнетъ, котораго даже не сознаютъ производящіе его господа педагоги. Быть можетъ, голосъ общества, поддержанный врачами, нѣсколько образумитъ ихъ.

III.

Dizionario biografico degli scrittori contemporanei, ornato di oltre 300 ritratti, diretto da Angelo de Gubernatis. Firenze, 1879—1880. Больш. 8°. (Біографическій словарь современныхъ писателей, украшенный около 300 портретами, подъ редакціей Анджело де-Губернатиса).

Анджело де-Губернатисъ,—имя, знакомое читателямъ „Вѣстника Европы",—есть очень извѣстный итальянскій ученый, поэтъ и журналистъ; писатель чрезвычайно дѣятельный, онъ своими учено-литературными корреспонденціями участвовалъ также въ изданіяхъ англійскихъ, французскихъ, русскихъ. Нѣсколько лѣтъ назадъ онъ задумалъ настоящее изданіе, съ прошлаго года началъ его печатаніе и теперь довелъ до конца. Обширныя литературныя связи доставили ему хорошихъ сотрудниковъ изъ всѣхъ краевъ Европы и, кромѣ того, изъ Америки и Индіи; иностранные писатели, къ которымъ онъ обращался, охотно доставляли ему автобіографическія замѣтки или списки сочиненій. Такимъ образомъ собрался обширный матеріалъ „Біографическаго Словаря", занимающаго 1268 страницъ мелкаго шрифта, въ два столбца. Цѣлью г. де-Губернатиса было, какъ онъ говоритъ,—„сколько было ему возможно, сблизить мыслящую и пишущую Италію съ наиболѣе просвѣщенной частью иностранныхъ народовъ"; вмѣстѣ съ тѣмъ изданіе сдѣлалось замѣчательнымъ фактомъ международной литературы, первымъ въ своемъ родѣ (въ настоящее время начато подобное предпріятіе въ Парижѣ, извѣстнымъ издателемъ Глезеромъ). Въ самомъ дѣлѣ, до сихъ поръ ни одинъ біографическій словарь, ни одна энциклопедія не давали такой многолюдной галлереи писателей изъ всѣхъ странъ и національностей Европы,—гдѣ (не говоря о самой Италіи) не только обильно представлены могущественныя литературы западной Европы: Франціи, Англіи, Германіи, но и странъ второстепенныхъ, и наиболѣе скромныхъ народностей—Бельгіи, Голландіи, Швейца-

ріи, Швеціи, Норвегіи, Даніи, Финляндіи, Испаніи, Португаліи, Румыніи, Греціи, Турціи, Венгріи, наконецъ славянскихъ земель: кромѣ Россіи, также Польши, Чехіи, Сербіи, Хорватіи. При самомъ началѣ издатель впередъ считалъ возможнымъ пропуски и неполноты; въ концѣ понадобилось почти до двухъ-сотъ страницъ для дополненій, и издателю пришлось прибавить еще длинный рядъ *итальянскихъ* писателей, о которыхъ онъ не получилъ біографическихъ свѣдѣній и проситъ сообщить ихъ для второго изданія. Но вообще, выборъ біографій очень богатъ, между прочимъ, напр., и изъ русской литературы. Біографіи не всегда состоятъ изъ голыхъ фактическихъ данныхъ; въ нѣкоторыхъ случаяхъ дается и характеристика литературнаго дѣятеля; въ русскихъ біографіяхъ есть иногда неровности, но вообще онѣ заключаютъ очень вѣрныя указанія.

IV.

Русскія мелодіи.—Легенды, лирическія стихотворенія и поэмы.—Первый итальянскій переводъ съ русскимъ текстомъ Е. В. Фулька и Д. Чіамполи, съ предисловіемъ проф. Анджело де-Губернатисъ. Лейпцигъ, 1881.—Melodie russe.—Leggende, liriche, poemetti, etc. per E. W. Foulques e D. Ciàmpoli. Небольшого формата, 304 стр.

Въ этомъ сборникѣ представлены въ стихотворныхъ итальянскихъ переводахъ: Пушкинъ, Жуковскій, Рылѣевъ, Баратынскій, Дельвигъ, Козловъ, Крыловъ, Лермонтовъ, Кольцовъ, Огаревъ, Некрасовъ, Майковъ, Полонскій, Михайловъ, Минскій и Омулевскій. Выборъ стихотвореній могъ бы быть удачнѣе, но и въ этомъ видѣ сборникъ имѣетъ нѣчто характерное.

Въ итальянскомъ предисловіи, де-Губернатисъ замѣчаетъ, что русскіе до сихъ поръ мало заботились о томъ, чтобъ познакомить другіе народы съ своей литературой. Изъ всѣхъ народовъ Европы русскіе, быть можетъ, меньше всѣхъ знаютъ литературное тщеславіе; „большіе русскіе писатели, посѣщавшіе Европу, вообще не заботились о томъ, чтобы представить себя писателями; они путешествовали обыкновенно какъ простые смертные, ни болѣе, ни менѣе, не дѣлая шуму, не оставляя никакого блестящаго слѣда своего проѣзда“ (т.-е., не лишнее было бы немного пошумѣть?). Исключеніе составляетъ одинъ г. Тургеневъ, котораго, въ его парижской жизни, сопровождала его великая популярность въ Россіи и имя котораго стало извѣстно и въ Европѣ по французскимъ переводамъ.—Интересъ настоящаго сборника, по словамъ де-Губернатиса, не нуждается въ объясненіи.

Что касается переводовъ, предисловіе хвалитъ ихъ точность, но хвалитъ, впрочемъ, въ мѣру. Де-Губернатисъ самъ замѣчаетъ, что

обычная итальянская манера, съ какой сдѣланы переводы, манера, отличающаяся страстью къ украшеніямъ, не можетъ вполнѣ передать русской поэзіи, которая, напротивъ, отличается простотой и правдивостью. Онъ приводитъ нѣсколько образчиковъ; напримѣръ, стихи Пушкина изъ „Черной шали" (поставленной въ сборникѣ на первомъ планѣ!): „Когда легковѣренъ и молодъ я былъ, младую гречанку я страстно любилъ", по-итальянски выходитъ такъ: „Когда моимъ мыслямъ улыбались обманчивые образы, я отдалъ сердце одной дочери Эллады". Или въ „Бѣглецѣ" Лермонтова, стихи: „Отецъ и два родные брата за честь и вольность тамъ легли", переданы такъ: „Тамъ умеръ отецъ и умерли два брата, съ крикомъ (gridando): честь и свобода". Де-Губернатисъ замѣчаетъ объ этомъ: „Этотъ *крикъ* есть вещь гораздо болѣе театральная, чѣмъ простое *легли*, пораженные въ битвѣ; и кромѣ того—вещь, быть можетъ, болѣе латинская, чѣмъ славянская, и еще болѣе реторическая, чѣмъ романская".

Замѣчаніе весьма справедливо. Впрочемъ, переводъ не вездѣ такъ реториченъ; есть стихотворенія, переданныя очень недурно.—А. А.

ИЗВѢСТІЯ

Отъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, предварительныя свѣдѣнія относительно третьяго международнаго географическаго конгресса въ Венеціи.

I.

Третій Международный Географическій Конгрессъ соберется въ Венеціи 3/15 сентября будущаго 1881 года, и будетъ торжественно открытъ предсѣдателемъ Парижскаго Географическаго Общества, который передастъ руководство Конгрессомъ Итальянскому Географическому Обществу. Засѣданія Конгресса будетъ продолжаться до 10/22 сентября 1881 года.

Одновременно съ Третьимъ Географическимъ Конгрессомъ, имѣетъ быть учреждена Международная Географическая Выставка, которая будетъ открыта отъ 20 августа (1 сентября) 1881 г. по крайней мѣрѣ до 19 сентября (1 октября). Лучшимъ изъ экспонентовъ будутъ присуждены медали и дипломы по назначенію Международнаго Жюри

Конгрессъ и Выставка будутъ состоять подъ высокимъ покровительствомъ Его Величества короля Итальянскаго Гумберта I и, кромѣ того, особаго попечительнаго Комитета, состоящаго изъ бывшаго Министра Народнаго Просвѣщенія *Чезаре Корренти*, князя *Джіузеппе Джіованелли*, бывшаго предсѣдателя Итальянскаго Географическаго Общества *Кристофоро Негри* и *Серего Алигьери*, графа *Данте*.

II.

Всѣ работы по подготовленію Конгресса и Выставки будутъ переданы Итальянскимъ Географическимъ Обществомъ особому Организаціонному Комитету (Comitato ordinatore), который имѣетъ состоять изъ слѣдующихъ четырехъ отдѣленій:

1) Главное административное отдѣленіе (Ufficio centrale).

2) Ученое отдѣленіе, подготовляющее матеріалъ для Конгресса (Sezione scientifica preparatrice del congresso).

3) Распорядительное отдѣленіе по устройству Выставки (Sezione ordinatrice).

4) Отдѣленіе итальянскихъ географическихъ работъ.

Организаціонный Комитетъ имѣетъ своимъ предсѣдателемъ Президента Географическаго Общества, а Секретаремъ—Секретаря Общества. Каждое Отдѣленіе избираетъ себѣ одного вице-предсѣдателя и одного или двухъ секретарей.

III.

Конгрессъ предполагается возможнымъ раздѣлить на слѣдующіе семь отдѣловъ:

1) Отдѣленіе математической географіи, геодезіи и топографіи.

2) Гидрографія и морская географія.

3) Географія физическая, метеорологія, геологія, зоогеографія и географія растеній.

4) Географія историческая, этнографія, географія филологическая, исторія географіи.

5) Географія торговая и экономическая. Статистика.

6) Методологія. Преподаваніе географіи.

7) Географическія открытія и путешествія.

IV.

Члены Конгресса раздѣляются на членовъ-жертвователей и дѣйствительныхъ членовъ (Membri donatori et m. adherenti). Званіе члена-жертвователя получаютъ лица, дѣлающія взносъ не ниже 40 франковъ; званіе членовъ дѣйствительныхъ получаютъ лица, вносящія 15 франковъ.

Имена членовъ-жертвователей будутъ опубликованы въ особомъ спискѣ.

Всѣ члены Конгресса получаютъ членскій билетъ для входа въ засѣданія общихъ собраній, въ засѣданія отдѣленій и на Выставку. Независимо отъ того, имъ будетъ доставленъ впослѣдствіи томъ Трудовъ Конгресса, имѣющій быть изданнымъ при Итальянскомъ Географическомъ Обществѣ. Наконецъ, членамъ Конгресса будетъ, по всей вѣроятности, предоставлено право пользоваться пониженнымъ тарифомъ на итальянскихъ желѣзныхъ дорогахъ и на линіяхъ пароходныхъ сообщеній.

Лица, желающія получить болѣе подробныя свѣдѣнія относительно Конгресса и Выставки, а также записаться въ число членовъ Конгресса, благоволятъ обращаться къ секретарю Императорскаго Русскаго Географическаго Общества письменно, или лично въ помѣщеніи Общества, у Чернышева моста, въ домѣ м-ва народнаго просвѣщенія, по вторникамъ и пятницамъ, отъ $7^1/_2$ до 9-ти час. вечера.

М. Стасюлевичъ.

ПРІЕМЫШИ

Очеркъ изъ жизни брошенныхъ дѣтей.

По пустынной улицѣ, раскаленной лѣтнимъ полуденнымъ жаромъ, раздается сильный дѣтскій плачъ. Этотъ крикъ, врываясь сквозь закрытыя жалузи солиднаго барскаго дома, сливается со звуками шопеновскаго вальса, только-что начатаго Юлинькой, и мѣшаетъ ей играть.

— Однако какъ они долго ревутъ, Nathalie,—говоритъ Юлинька, отходя отъ фортепьяно, на которомъ бренчала съ ранняго утра, то начиная одну пьесу, то бросая ее и начиная другую. Nathalie, очень занятая вышиваньемъ малороссійской рубашки, разглаживаетъ свое шитье, дѣлая какія-то соображенія, и ничего не отвѣчаетъ. У ногъ ея, свернувшись клубкомъ, лежитъ громадная меделянская собака на красной постелькѣ, изящно сдѣланной Nathalie. Нѣсколько поодаль, въ темномъ углу, сидитъ, точно закаменѣлая, третья сестра — Зина; сидитъ она часа уже три, сжавши губы, держа руки на колѣняхъ и безсмысленнымъ взглядомъ смотритъ вдаль передъ собой. Въ другомъ углу, въ широкомъ креслѣ, дремлетъ мать, закрывши лицо большой газетой.

— Непремѣ-ѣнно, непремѣнно уѣду въ Швейцарію... Ненавижу Россію!..—прерываетъ Зина внезапно свое молчаніе, съ жестомъ упорства ударяя рукой въ колѣно.

А дѣтскій плачъ все раздается на улицѣ.

Юлинька подходитъ къ окну и распахиваетъ зеленыя жалузи. Нагрѣтый воздухъ врывается въ прохладный залъ; яркіе лучи солнца заиграли на паркетномъ полу, на пестро-вышитой мало-

россійской рубахѣ Юлиньки, на ея черныхъ, какъ вороново крыло, волосахъ.

— Чего тебѣ, мальчикъ, что ты кричишь?—спрашиваетъ она нараспѣвъ, высовываясь изъ окна.

Но отвѣта нѣтъ и крикъ все тотъ-же.

— Nathalie, смотри, смотри, пожалуйста! Какіе милые!

— Ахъ, въ самомъ дѣлѣ,—говоритъ Nathalie, подбѣгая и тоже высовываясь изъ окна вмѣстѣ съ своимъ вышиваньемъ.— Особенно мальчикъ... Какія неуклюжія манеры! Ха-ха-ха!

Тотъ, котораго хвалили, былъ бѣлокурый, босоногій мальчикъ, лѣтъ шести, одѣтый въ одну лишь нанковую рубашонку. Онъ былъ безъ шапки и, почесывая себѣ спину, ревѣлъ во все горло. Ему вторила, держась за него, трехлѣтняя дѣвочка, одѣтая въ такой же костюмъ, какъ ея старшій братишка.

— Тять-а-а!.. Тять-ка!—кричалъ мальчикъ въ пространство, переставъ плакать. Дѣвочка прислушалась немного къ крику братишки и потомъ снова залилась уже вмѣстѣ съ нимъ.

— Нѣтъ, надо пойти ихъ взять! Ужасная жара; ils auront mal à la tête.—Юлинька схватила маленькій шолковый зонтикъ, подбѣжала къ лѣстницѣ, быстро сбѣжала во дворъ, отворила калитку и очутилась передъ дѣтьми.

— Скажи-ка мнѣ, мальчикъ, чего тебѣ? Кто васъ обидѣлъ?— говорила она, садясь на корточки передъ ними и беря ихъ за руки.

Увидѣвъ передъ собою разряженную барышню, дѣти сразу перестали ревѣть; дѣвочка выпучила большіе глаза, которые терла одной ручкой, тогда какъ другой она продолжала крѣпко держаться за брата. Юлинька вытерла мальчику платочкомъ его загорѣлое и грязное лицо и повела дѣтей на верхъ.

Собака, почуявъ приближеніе чужихъ, подняла голову и сердито зарычала.

— Цыцъ, Русланъ,—пригрозила Наташа, бросившись на встрѣчу къ дѣтямъ, которые, между тѣмъ, робко и дико оглядывали непривычные для нихъ предметы. Мальчикъ на все смотрѣлъ исподлобья, а дѣвочка грызла кулакъ.

— Quels yeux, Nathalie, quels beaux yeux! Zina, regarde!— кричала Юлинька въ восторгѣ отъ своей находки.

Зина апатично поворачиваетъ свои безсмысленные, но злые глаза и произноситъ: «Quels idiots!..»

— Чей ты?.. Чей ты?—продолжали между тѣмъ въ одинъ голосъ Юлинька съ Наташей разспрашивать мальчика.

— Ѳе-до-та...—отвѣчалъ мальчикъ, глядя исподлобья.

— Какого Θедота?

— Θе-до-та.

— А ка́къ тебя звать?

— Вань-ка-а.

— А тебя какъ звать, дѣвочка?

— Е-на Маш-ка-а,—отвѣтилъ Ванька вмѣсто сестры, которая продолжала молча и удивленно смотрѣть на все большими глазами.

— А гдѣ твой папа, Ваня?

— Гдѣ *тятя*, Юлинька, надо спросить. «Тятя, тятя, наши сѣти притащили мертвеца»—помнишь?!

— Гдѣ твой тятя?

— Тятька мой?.. За баранками... поѣхалъ... Вонъ куда!..

При упоминовеніи барановъ, Маша, успѣвшая придти въ себя отъ перваго изумленія, начинаетъ тереть кулакомъ глаза и вдругъ залилась вновь.

— Ужо́ тятька привезетъ... барановъ-то!—внезапно поборовъ волненіе и робость, утѣшилъ Ваня сестру.—Дай ей... хлѣбца-то... Мой тятька пріѣдетъ, *отдасъ!*—храбро обратился онъ, въ заключеніе, къ Юлинькѣ.

Дѣвушки расхохотались.

— Comme il est drôle!.. Милый, славный... голубчикъ!—приговаривали онѣ, бросившись его цѣловать съ двухъ сторонъ.

— Mais, Julie, que fais-tu? Il est sale!.. И потомъ, кто знаетъ... скверная болѣзнь!—проговорила мать, отрываясь отъ газеты.—Horreur, horreur!—внезапно вскрикиваетъ она, блѣднѣя —Regarde!

По лбу Вани, лѣниво переваливаясь, спускалось жирное насѣкомое. Дѣвушка инстинктивно отшатнулась.

— Уведи, уведи его!.. Дай имъ гривенникъ и оставь, гдѣ взяла...

— Mais, maman, il fait chaud! Что́ съ вами?!

— Онъ загадитъ домъ...

— Я ихъ сейчасъ вымою... Акулина, Акулина!—кричитъ Юлинька, высовывая свой изящный бюстъ въ окно, выходящее на дворъ.

— Чего-съ?

— Есть теплая вода?

— Есть, барышня.

— Пойдемте,—говоритъ Юлинька,—подобравъ юбки и взявши осторожно дѣтей за руки, спускается съ ними съ лѣстницы въ кухню.

Несмотря на косые взгляды прислуги, Юлинька собственноручно взялась за мытье дѣтей, предварительно приказавъ смотрѣть, не пріѣдутъ-ли за ними. Юлинька терла съ большимъ усердіемъ, совершенно такъ, какъ она это дѣлала, когда мыла любимыхъ собаченокъ. Она перемѣнила воду не меньше четырехъ разъ.

— Это ужасъ, ужасъ—какая грязь!—восклицала она, чувствуя, какъ ея красивое личико покрывалось краской негодованія... противъ безжалостныхъ родителей Вани.

Дѣти вели себя во время всѣхъ этихъ операцій очень терпѣливо. Теплая вода и намыленная мочалка пріятно щекотали ихъ маленькія тѣла, не привыкшія къ такой роскоши. Только Машѣ, когда ей намылили лицо, сдѣлалось вдругъ страшно оттого, что она не видитъ около себя Вани; она раскрыла одинъ глазъ, чтобъ убѣдиться въ его присутствіи, но мыло начало щипать ея глазокъ и она начала кряхтѣть.

— Ну ты!.. толкнулъ ее Ваня, и она тотчасъ замолчала.

— Никогда такой грязи не видала!—продолжала, между тѣмъ, негодовать Юлинька, снова принимаясь за голову Вани.— Гдѣ твоя мама?

— Мамка моя... въ гробикѣ!—отвѣтилъ Ваня, отфыркиваясь отъ мыла, которое залѣзало ему въ ротъ.

Когда дѣти были вымыты, Юлинька хватилась, что одѣть ихъ не во что. Надѣть на чистое тѣло грязныя лохмотья—ей показалось ужасно. Она стояла въ недоумѣніи передъ дѣтьми, закутанными въ простыни, когда вошедшая Наташа выручила ее изъ затрудненія.

— Пошли-ка къ Лидіи Васильевнѣ; у нея для Вани найдется платье. А Машѣ мою кофту можно дать.

Черезъ полчаса Ваня и Маша сидѣли въ столовой передъ ѣдой. На Ванѣ была нѣсколько длинная, но превосходная малиновая рубашка, подпоясанная кушакомъ и бѣлые панталоны; Маша была одѣта тоже въ очень длинную, но красиво вышитую ночную кофту Наташи. Дѣти ѣли очень много, запихивая въ ротъ обѣими руками колбасу и бѣлый хлѣбъ. Ваня нѣсколько разъ отдыхалъ, утомленный жеваніемъ, а Юлинька съ Наташей смотрѣли на него теперь съ восторгомъ.

Но возвращенія отца дѣтей ждали напрасно. До самаго вечера и Юлинька съ Наташей и горничная Дуня высматривали въ окно, когда кто-нибудь проходилъ по улицѣ, но никакого мужика не было видно. Разъ Юлинька спросила даже проходившаго артельщика въ фартукѣ:

— Вы дѣтей ищете?

Артельщикъ въ отвѣтъ только ухмыльнулся въ бороду, отвѣтивъ:—На что̀ они мнѣ?!

Когда полуденный жаръ спалъ и солнце стало закатываться за крыши высокихъ домовъ, барышни вышли съ дѣтьми даже за ворота—выглядывать Ванина отца. Но онъ не приходилъ. Становилось свѣжо. Пришлось дѣтей опять ввести въ комнаты, потому что имъ захотѣлось спать. Тогда барышни рѣшили уложить ихъ, справедливо полагая, что если отецъ оставилъ дѣтей у ихъ дома, то можетъ и справиться объ нихъ тамъ же. Ваню и Машу передъ сномъ снова накормили, причемъ Ваня взялъ кусокъ булочки для «татьки». Маша немедленно послѣ ѣды уснула, а Ваня остался, сидя на кровати, «посторожить покель татька придетъ». Но скоро сонъ сталъ смыкать глаза ребенка, голова его склонялась на грудь, онъ схватывался, раскрывалъ глаза съ изумленіемъ, но тотчасъ снова засыпалъ, продолжая однако держать кусочекъ булки въ рукахъ. Наконецъ голова его спустилась ниже, упала на тюфякъ и Ваня заснулъ крѣпчайшимъ сномъ у ногъ своей сестренки.

Юлинька и Наташа зашли навѣдаться къ дѣтямъ и, увидѣвъ эту картину, освѣщенную луной,—пришли въ восторгъ.

— Какъ это живописно, неправда-ли?—сказала Юлинька, затрудняясь найти слово.—Правда?

— Ахъ да, ужасно, ужасно живописно! Наташа нагнулась и осторожно поцѣловала мальчика въ лобъ.—Надо-бы его подстричь—замѣтила она.

— Да, но его отецъ... знаешь, мнѣ бы очень хотѣлось оставить ихъ у насъ. Что же такое? У насъ много мѣста... Все равно—такая скука!

— Pourquoi pas? Навѣрно отецъ ихъ бросилъ... Это подкидыши.

— Нѣтъ, я думаю, отецъ ихъ пьянъ... въ кабакѣ; утромъ онъ можетъ пріѣхать.

— Что-же, можно сказать, что у насъ ихъ нѣтъ...

— Ахъ, нѣтъ... знаешь, я бы ихъ воспитала... Можно бы отдать ихъ въ гимназію... et puis, qui sait?.. изъ Вани, можетъ быть, выйдетъ прокуроръ... comme Serge.

Дѣвушки съ восторгомъ посмотрѣли другъ другу въ глаза. Долго говорили онѣ на эту тэму, разгорячая все болѣе и болѣе свое воображеніе. Подъ вліяніемъ этихъ мыслей онѣ разстались далеко за полночь, крѣпко поцѣловавшись на прощанье. Юлинька осталась спать въ одной комнатѣ съ дѣтьми. Наташа же спала вмѣстѣ съ Зиной. Въ комнатѣ Юлиньки постоянно стояли двѣ

кровати, потому что нерѣдко случалось, что Зина прогоняла Наташу изъ своей комнаты и тогда та уходила спать къ Юлинькѣ.

Ваня проснулся на зарѣ, когда въ домѣ еще всѣ спали. Въ комнатѣ было довольно темно отъ опущенныхъ занавѣсокъ. Ваня сѣлъ на кровати, оглядываясь съ изумленіемъ, не понимая, гдѣ находится. Но потомъ онъ ощупалъ около себя кусокъ вчерашней булки и сейчасъ же все вспомнилъ. Первымъ желаніемъ его было найти отца. Онъ мужиковато спустился съ кровати и черезъ полуотворенныя двери комнаты прошелъ въ корридоръ. Но тутъ двери оказались затворенными, замки же были слишкомъ высоки, чтобъ онъ могъ ихъ достать рукою. Ваня забился въ темный уголъ и сталъ смотрѣть въ скважины двери, но оттуда ничего не было видно, тогда онъ нагнулся и, глядя подъ дверь, сталъ ласковымъ шопотомъ, звать отца: — «Тятя, тят-я-я!.. Нá булочки-то... А я съ Машей у барыни... Тятя!..» — позвалъ онъ наконецъ громко. Отвѣта не было. Въ полутьмѣ корридора слышно было только тихое, нѣсколько жужжащее всхрапываніе горничной Дуни. Ваня началъ тихо рыдать. Сердитое рычаніе, раздавшееся почти надъ его ухомъ, заставило его вздрогнуть. Передъ нимъ, свирѣпо оскаливъ зубы, съ поднятымъ горизонтально хвостомъ, стоялъ въ воинственной позѣ Русланъ. Ваня попятился въ уголъ. Собака продолжала рычать, дѣлая голосомъ какія-то переливы. Ванѣ стало страшно, онъ робко махнулъ ручкой, проговоривъ:—Пошелъ! Русланъ отступилъ, но немедленно бросился на ребенка, залаявъ. Ваня заревѣлъ не своимъ голосомъ. На крикъ выбѣжала полуодѣтая Дуня, изъ другой двери показалась заспанная Юлинька въ одной рубашкѣ, которую она придерживала около груди.

— Чего ты, чертёнокъ, ревешь?—крикнула Дуня съ порога.

— Кушъ, кушъ,—раздался въ то же время голосъ Юлиньки, которая отогнала собаку и взяла Ваню за руку. Ребенокъ, продолжая всхлипывать, прижался къ ея тѣлу.

— Охота вамъ, барышня, возиться съ этими чертенятами! Покою отъ нихъ не будетъ!—замѣтила полусонная Дуня.

— Не твое дѣло, Дуня, уйди!

— Julie,—крикнула томно изъ своей спальни мать—у меня мигрень, а ты тамъ поднимаешь возню!.. Oh! mon Dieu!..

Но Юлинька увела уже мальчика въ свою комнату и захлопнула дверь. Мальчикъ продолжалъ тихо плакать, приговаривая:—Гдѣ мой тятька?.. Отведи меня къ тятькѣ!..

Въ это время проснулась Маша. Оказалось, что простыня изъ-подъ нея—хоть выжми... Это очень опечалило Юлиньку.

Она сама, хотя съ нѣкоторымъ отвращеніемъ, перемѣнила ее, но никому о томъ не сказала. Ей очень хотѣлось оставить дѣтей у себя, и она знала, что если недостатокъ Маши сдѣлается извѣстнымъ, то всѣ, даже Наташа, будутъ противъ этого. Семейство Коротовыхъ было очень чистоплотно.

Чай пили на террассѣ, выходившей въ садъ. На широкомъ столѣ, накрытомъ бѣлой скатертью, шипѣлъ серебряный самоваръ съ такимъ же чайникомъ, стояли большіе граненые стаканы, корзины съ сдобными сухарями и булками. Сама барыня сидѣла въ большомъ соломенномъ креслѣ, разсматривая, по своему обыкновенію, планы имѣнія. Уже десять лѣтъ тянулся раздѣлъ этого имѣнія и конца ему не предвидѣлось изъ-за разныхъ семейныхъ исторій и дрязгъ. Госпожа Коротова казалась весьма разстроенной; она внезапно открыла, будто планъ составленъ въ ущербъ ея семейству остальными наслѣдниками. Поэтому Юлинька сочла необходимымъ повести атаку издалека. Прежде всего она подучила Ваню «подойти къ ручкѣ» матери. Старуха была очень тронута.

— Представьте, maman, этотъ Русланъ чуть не съѣлъ мальчика!—начала Юлинька, откусывая сухарикъ.—Такой гадкій!

— Отецъ-таки не пріѣхалъ за ними! Oh! ces paysans russes. Ce sont des bêtes fauves... Что-жъ дѣлать, надо ихъ отвезти въ полицію.

— Что вы, что вы, maman!—заволновалась Юлія, не выдержавъ роли.—Бѣдныя сиротки, всѣ ихъ бросили!.. Нѣтъ, maman, je vous supplie, оставьте ихъ! Vous savez... вы сами говорите— Богъ, ну такъ вотъ... Что же имъ теперь дѣлать, не на улицу же...

— Mais, Julie, ты забываешь, расходы... Кто съ ними будетъ возиться?..

— Я, я сама буду за ними ходить... Nathalie, tu m'aideras, n'est-ce pas? Oh! maman! Богъ... Вотъ увидите, вотъ увидите.

Госпожа Коротова расчувствовалась и промолчала.

Вошла стремительно Зина, съ шумомъ отодвинула стулъ, зазвонила стаканами, пролила крынку съ молокомъ.

— Sont-ils encore ici?—спросила она, бросивъ злой взглядъ въ пространство. Потомъ она съ гадливостью посмотрѣла на Ваню, который почему-то ея боялся и смотрѣлъ на нее исподлобья.—Какой онъ идіотъ!—Зина безсмысленно засмѣялась.

Въ тотъ же день Юлинька съ Наташей усердно взялись за составленіе гардероба своимъ пріемышамъ. Дѣвушки только и говорили о нихъ, ежеминутно желали ихъ видѣть. Но Ваня этого желанія, повидимому, не раздѣлялъ. Онъ дичился своихъ благодѣтельницъ, не любилъ ихъ поцѣлуевъ и постоянно норовилъ уйти съ Машей во дворъ или въ садъ. Тутъ они ѣли всякую дрянь, обрѣзки яблокъ, дынь; играли въ пескѣ и пачкали платье до невозможности. Это очень надоѣдало Юлинькѣ, тѣмъ болѣе, что и прислуга и мать всегда пилили ее за это. Съ дѣтьми было очень много возни. Однажды Ванѣ дали вишень. Ваня взялъ и намазалъ ими лицо, чтобъ позабавить сестренку. Дѣвочка очень рада была и закатывалась со смѣху. Ваня къ величайшему ея восторгу намазалъ и ее—и потомъ повелъ въ комнату показать барышнямъ. Мать сидѣла въ это время съ дочерьми на балконѣ. Едва показались на лѣстницѣ красныя лица дѣтей—старая барыня вскрикнула—и съ ней чуть не сдѣлался обморокъ.

Дня черезъ два послѣ поступленія дѣтей къ Коротовымъ, пріѣхала Лидія Васильевна съ своимъ маленькимъ сынкомъ. Это былъ прелестный, стройный мальчикъ съ черными волосами, завитыми въ локоны. Онъ былъ съ голыми икрами, въ легкой лѣтней рубашкѣ. Соломенная шляпа оттѣняла его прозрачное матовое личико, которое какъ будто освѣщалось его прекрасными бѣлыми зубками, когда онъ улыбался. Мать чрезвычайно гордилась своимъ маленькимъ «итальянцемъ», котораго всѣ баловали. Особенно же онъ былъ любимцемъ барышень. У Жана были гибкія, длинныя руки, которыми онъ охватывалъ шею барышень и крѣпко цѣловалъ ихъ. Жанъ вообще любилъ ласкаться ко всякимъ «тётямъ». При всемъ этомъ онъ былъ весьма послушенъ и искрененъ.

— Voilà des пріемыши,—кислосладко улыбаясь, сказала старуха, когда Юлинька почти насильно втащила дѣтей въ залъ.—Julie, охота возиться съ ними... Des sentiments généreux, vous savez...

— О, ея мужъ будетъ счастливъ съ нею. Она будетъ идеальная мать,—отвѣтила Лидія.—Да, мальчикъ недуренъ, но какой волченокъ.

— Нѣтъ, вы посмотрите, какіе чудные глаза!—восторгалась Юлинька.

— Да... но дѣвочка... elle a l'air d'une idiote... Гдѣ твоя мать, голубчикъ.

— Померла,—отвѣтилъ Ваня исподлобья.

— Pauvres petits!—вздохнула Лидія, слегка отталкивая дѣтей.

— Mais ces paysans, quels monstres! Придти бросить, такъ-сказать, кровь свою... Невинныхъ младенцевъ... На улицѣ... C'est atroce!

— Ужасно! звѣрь и тотъ... У насъ, напр., Белла такъ-то огрызается, когда трогаютъ щенятъ.

Между тѣмъ Юлинька повела дѣтей въ садъ поиграть. Ей очень хотѣлось, чтобъ Ваня подружился съ Жаномъ. Грубыя манеры Вани, особенно его нелюдимость очень были непріятны Юліи, и она надѣялась, что общеніе съ маленькимъ «итальянцемъ» подѣйствуетъ въ этомъ смыслѣ на Ваню благотворно. Сначала Ваня стоялъ въ отдаленіи, слегка конфузясь, но съ любопытствомъ слѣдилъ за всѣми движеніями барчонка. А барчонокъ бѣгалъ по саду, изящно и даже съ нѣкоторымъ кокетствомъ играя въ серсо́. Барышни залюбовались его движеніями. Въ Ванькѣ стали просыпаться смутныя чувства симпатіи къ Жану.

— Играйте вмѣстѣ, Жанъ!—сказала Юлинька, когда Жанъ, утомившись, живописно облокотился на ея колѣно, перекинувъ ногу на ногу.—Играйте вмѣстѣ! Son père l'a abandonné!

Жанъ беретъ веревочку, приближается къ Ванѣ и начинаетъ машинально прыгать, смотря на него.

— Ты тятькѣ-то твоему скажи, чтобъ не сѣкъ мово... заработаетъ—отдасъ... Енъ отдасъ...—внезапно выпаливаетъ Ванька.

— Тётя, тётя!—бѣжитъ Жанъ къ Юлинькѣ:—онъ проситъ, чтобъ папа не сѣкъ его отца... Фюить! фюить! ха-ха-ха!

Юлинька тоже смѣется:—глупый!

— Твой отецъ пьяница, грязный!.. Правда, тётя?—говоритъ Жанъ, помолчавъ.

— Нѣтъ, ёнъ не пьяница... Акулькинъ—тотъ пьяница... Енъ утопъ,—начинаетъ Ванька вновь послѣ нѣкотораго молчанія:—наши парни смотрятъ, а ёнъ плывё-ё-ётъ... Акулькинъ-то тятька! Сапоги-то, небось, стащили—босой!..

Наивное лицо Вани внезапно воодушевилось и покраснѣло. Хорошее выраженіе приняли его большіе, нѣсколько сконфуженные глаза. Жанъ подошелъ поближе къ Ванѣ, который смотрѣлъ на него съ нѣкоторымъ уваженіемъ.

— А я былъ въ Парижѣ съ мамой,—говоритъ Жанъ.

— А я былъ у дяди Микиты,—хвастаетъ также Ванька.

Жанъ опять бѣжитъ къ Юліи:

— Тётя, тётя,—говоритъ онъ, охватывая руками ея шею:— я ему говорю: я былъ въ Парижѣ, а онъ говоритъ—былъ у Никиты... ха-ха-ха! Онъ думаетъ—все равно!.. Глупый!..

Но Юлинька разговариваетъ о чемъ-то очень оживленно съ Наташей и не слушаетъ своего любимца.

— Зачѣмъ у тебя патлы какъ у дѣвки?—говоритъ Ваня, дѣлаясь все смѣлѣй и трогая шелковые волосы Жана.

— Оставь, негодяй!—отвѣчаетъ безъ злобы, но съ нѣкоторымъ презрѣніемъ Жанъ, отталкивая Ваню локтемъ.—Хочешь, давай въ лошадки играть?—предложилъ онъ вдругъ.

— Давай,—согласился Ваня.

— Она будетъ лошадкой, я кучеромъ, а ты бариномъ; ты бѣги сзади. Жанъ немедленно запрягъ Машу, всунулъ ей въ ротъ веревочку; Ваня сталъ сзади. Жанъ, въ позѣ лихого кучера, сталъ дергать возжи, но дѣвочка продолжала стоять, не трогаясь съ мѣста. Жанъ пришелъ въ азартъ, началъ сердиться на импровизированную лошадку и тянуть сильнѣе; наконецъ онъ сообразилъ и палочкой отъ серсо ударилъ ее по ногамъ. Дѣвочка страшно заплакала; въ ту же минуту стоявшій сзади Ваня, забывъ свою роль, вцѣпился въ роскошные волосы Жана. Жанъ, въ свою очередь, неистово заревѣлъ. Перепуганныя барышни бросились къ ребятишкамъ и съ трудомъ оторвали Ваню отъ барчонка. Когда Жанъ увидѣлъ, что онъ не одинъ, то съ яростью бросился на Ваню и началъ его бить въ животъ ногами. Разсерженная Юлинька оттащила наконецъ за руку Ваню.

— Пошелъ вонъ, гадкій мальчишка,—сказала она:—останешься безъ обѣда за это; пошелъ, я уже не люблю тебя.

Затѣмъ она притянула къ себѣ Жана, который продолжалъ всхлипывать, и начала поправлять его растрепанные волосы и бѣлый воротничокъ.

— Вотъ ужъ правда, сколько волка ни корми — все въ лѣсъ глядитъ!—важно сказала Наташа, помогая Юліи.

На Ваню теперь уже не обращали вниманія, и вотъ, воспользовавшись этимъ, онъ рѣшилъ уйти отъ барышень къ себѣ въ деревню и найти тятьку. Маша, уцѣпившись за рубашку брата, тащилась за нимъ. Ваня свернулъ съ аллеи между деревьями, пробрался между кустами, сквозь которые онъ видѣлъ высокую бѣлую стѣну. Маша зацѣпилась за розовый кустъ, Ваня дернулъ,

желая освободить ее, но при этомъ вѣтка сильно ударила дѣвочку по лицу. Маша заплакала.

— Ну ты... не реви!—шопотомъ сказалъ ей братъ.—Вонъ тамъ нашъ тятька!—и онъ показалъ таинственно на бѣлую стѣну. Но, добравшись туда, Ваня увидѣлъ, что тамъ не пройти. Онъ прошелъ вдоль стѣны взадъ и впередъ, смотрѣлъ на-право и на-лѣво, полѣзъ опять въ кусты и назадъ, но выхода не было. Приведенный въ отчаяніе, уставши искать, Ваня усѣлся у стѣнки, и горячія, горькія слезы полились изъ его глазъ.

Между тѣмъ вѣтеръ колыхалъ вѣтви старыхъ деревьевъ, зашептавъ широкой листвой; сѣрыя тучи понеслись по небу, застилая солнце. Ваня ничего почти не видитъ и не слышитъ. Машѣ сдѣлалось холодно, она прижалась къ брату, положивъ на его колѣни свою голову, и начала дремать. Ваня вспоминаетъ деревню съ похилившимися деревянными крышами домовъ и гладкую бѣлую дорогу, которая широкою лентой вилась между домами и терялась въ лѣсной дали. Бывало, захочетъ—и грязными, босыми ножками онъ мчится, свободный какъ птица, по утоптанной тропинкѣ далеко за деревню—въ лѣсъ. Съ нимъ и Ѳедька, и Груша, и Пантелѣй. Мчатся они съ крикомъ и визгомъ, никого не боясь, ни о чемъ не думая. Ваня забылъ, что дома нѣтъ хлѣба, нѣтъ матери... нѣтъ тятьки. Черезъ часъ онъ будетъ голоденъ и Маша тоже. Будутъ они плакать отъ голода и, не доплакавшись ни до чего, засыпать голодными, чтобы, проснувшись ночью, начинать свой концертъ. Ваня забылъ свои деревенскія горести теперь, а ихъ у него уже было много...

Была глубокая мартовская полночь. Высоко на блѣдно-синемъ холодномъ небѣ стояла луна, обливая мягкимъ свѣтомъ маленькую деревушку. Морозъ сковалъ громадныя лужи въ зеркала, блиставшія алмазными переливами, вонючую навозную грязь превратилъ въ камень и посыпалъ серебряной морозной пылью. Въ этотъ часъ домовой играетъ на просторѣ, заплетая и расплетая гривы лошадямъ. Ихъ топотъ да хрустѣніе сѣна на зубахъ прерываютъ могильную тишину. Собаки не лаютъ, имъ холодно. Свернувшись калачикомъ, онѣ спятъ у амбаровъ подъ крылечкомъ или на стогахъ сѣна. Изрѣдка какая-нибудь изъ нихъ зарычитъ, поднимая голову и опять свернется... Все спитъ глубокимъ полуночнымъ сномъ. Только въ избѣ, что̀ стоитъ особнякомъ на выѣздѣ изъ деревни—нѣтъ сна.

На полу, въ томъ углу, гдѣ Христосъ въ полинялой синей

ризѣ смотритъ скорбными глазами во མракѣ комнаты на серебряный лунный столбъ, который ворвался сквозь заплѣсневѣлое маленькое оконце,—въ томъ углу на тряпкахъ ворочается человѣческое существо. То мать Вани лежитъ въ горячкѣ. Около нея спокойно спитъ маленькая Маша, разрумянившись и сопя. Ваня въ одной рубашкѣ сидитъ у ногъ матери, проснувшись отъ ея стоновъ.

— Охъ, охъ, охъ! — раздаются замирающіе стоны больной. —Охъ!—внезапно вскрикиваетъ она, поднимаясь. Лунный свѣтъ озарилъ ее желтое лицо, обрамленное черными сбившимися волосами, которые падали ей на плечи; старый армякъ, закрывавшій ее до шеи, — спалъ, обнаруживъ рубашку, тощую шею и костлявую грудь.

— Господи Іисусе Христе!.. Іисусе Христе, помилуй... помилуй насъ! — кричитъ больная отчаяннымъ, почти злобнымъ, хриплымъ голосомъ.—Уфъ!—и она безпомощно повалилась назадъ.

— Небось, мамка, полегчаетъ!—повторяетъ Ваня чьи-то слова, дрожа отъ холода.

— Испить, Ваня, испить!..

Ваня встаетъ и неуклюжей походкой идетъ къ ушату съ водой. Большимъ деревяннымъ ковшикомъ онъ набираетъ немного воды и несетъ, расплескивая ее на ноги, къ матери. Она облокачивается на руку и жадно глотаетъ оставшуюся влагу. Вотъ она бросила взоръ на блѣдное лицо дрожащаго отъ холода ребенка и повисла на его маленькой головкѣ.

— Испить, Ваня, охъ!.. — кричитъ она опять. Но прежде чѣмъ онъ подноситъ воду, больная валится на постель. Ее начинаетъ трясти и подергивать. Она принимается какъ-то странно стонать и выть. Такъ воютъ недобитыя собаки. Ваню охватываетъ ужасъ. Онъ начинаетъ не своимъ голосомъ ревѣть:

— Перестань... мамка!.. Мам-ка-а-а!..

Мамка не перестаетъ и воетъ. Ваня реветъ изо всей мочи, какъ-бы желая своими рыданіями заглушить страшные стоны матери... Но эти звуки дѣлаются все тише и рѣже... Вотъ еще одна страшная судорога, и мать какъ-то вытянулась, голыя ноги ея показались изъ-подъ армяка. Ваня, усталый, жалобно плачетъ, прислушиваясь изрѣдка къ своимъ собственнымъ рыданіямъ. Ковшикъ, съ расплескавшейся водой, стоитъ около него. Наступило тяжелое могильное молчаніе. Ваня натягиваетъ армякъ на похолодѣвшія ноги матери.

— Мамка, мамка!—начинаетъ онъ вновь. Наступившая ти-

шина пугаетъ его. Отвѣта нѣтъ. Ваня опять заревѣлъ, но уже слабымъ, усталымъ голосомъ, часто прислушиваясь къ своимъ собственнымъ рыданіямъ. Отяжелѣвшая голова его стала опускаться все ниже и ниже; наконецъ, усталый, измученный, онъ повалился на ноги трупа и заснулъ крѣпчайшимъ сномъ.

Луна по прежнему освѣщала эту картину, но теперь тутъ все успокоилось...

Это было ранней весною. Отецъ Вани ушелъ на чугунку работать. Вѣрнѣе, даже не «ушелъ», а погналъ его староста вмѣстѣ съ прочими недоимщиками къ подрядчику, который внесъ за нихъ подати.

Ваню и Машу кормили сосѣди, какая-то безродная старуха ходила къ нимъ ночевать, чтобъ не страшно имъ было однимъ. Ванѣ сказали, что мать его у «божиньки». Онъ видѣлъ, какъ ее снесли на кладбище, но это не произвело на него особеннаго впечатлѣнія, скучалъ первое время, но скоро привыкъ къ своему новому положенію и только больше привязался къ своей сестренкѣ. Онъ, по прежнему, цѣлые дни проводилъ, играя на улицѣ, и всегда Маша держалась за его рубашку или стояла около какъ тѣнь. Когда ей нужно было что-нибудь, она требовала это отъ него или начинала плакать. Ваня немедленно являлся на помощь и гордился тѣмъ, что могъ унимать и защищать ее.

Онъ сталъ себя чувствовать большимъ и даже манеры усвоилъ себѣ такія въ отношеніи къ ней.

— Машка! — кричалъ онъ ей часто черезъ дорогу, стоя у воротъ Авдотьиной избы:—подь обѣдать-то!.. Ай не слышишь?!.. И когда дѣвочка начинала ковылять въ его сторону своими маленькими ножками, онъ дѣловито шелъ ей на встрѣчу, бралъ за руку и, еще болѣе согнувшись и переваливаясь съ боку на бокъ, по-мужицки, вводилъ въ избу.—Ишь, дѣвка загулялась и про ѣду забыла!—объяснялъ онъ компаніи бородатыхъ мужиковъ, уплетавшихъ пустыя щи.

Мѣсяца три спустя пришелъ отецъ Вани, больной лихорадкой, съ палкой и котомкой на плечахъ.

— Мать-то померла, Ванька?—спросилъ онъ, останавливаясь у дѣтей, игравшихъ на улицѣ.—Сиротки, стало быть! и затѣмъ онъ поплелся къ дому. Ванька побѣжалъ за нимъ:

— Хлѣбца принесъ ли?

Отецъ, кряхтя, медленно, съ роздыхами снималъ котомку и рыжій армякъ. Ванька сѣлъ на отцовскую палку верхомъ, съ любопытствомъ глядя на него. Маша пряталась за брата.

— Чего хоронишься, тятька это! Боится она тебя, думаетъ — чужой.

— Чего бояться, хворый я.

— Били тебя?

— Не били, а хворъ,—говорилъ отецъ, очутившись въ бѣлой рубахѣ и развязывая съ трудомъ котомку. Ванька догадался, въ чемъ дѣло и смотрѣлъ со вниманіемъ на руки отца.

— Наткось вотъ!—сказалъ отецъ, вынимая два разныхъ и очень черствыхъ кусочка хлѣба: одинъ бѣлый, французскій, а другой, тоже бѣлый, но домашній. Дѣти жадно набросились на лакомство, раскрашивая хлѣбъ на полъ. Отецъ нагнулся, собралъ крошки и слизнулъ съ ладони своимъ бѣлымъ языкомъ. Затѣмъ онъ легъ, кряхтя, на скамейку. Ваня остался около, все еще продолжая сидѣть верхомъ на палкѣ. А ты, тятька, гдѣ былъ?

— Верстъ двѣсти буде!.. Въ т—й губерніи... Работашь, работашь, по поясъ въ водѣ... а ѣды не даютъ... Хреста на ихъ нѣту!.. Народу мретъ—стрась...

— А ты-то не померъ?

— Нѣтъ... Заболѣешь—гонятъ: «поди вонъ, дармоѣды»... Шелъ, шелъ; спасибо, добрые люди... не то пòмеръ бы безъ покаянія.

— Испить, хочешь ли?

— Дай ковшикъ, Ваня! — Отецъ притянулъ рукой дѣвочку и погладилъ ее по головѣ.

— Ты, тятька, не уходи. Ужò выросту—вмѣстѣ пойдемъ!

— Выростешь, долго ждать!

— А у меня скоро борода будетъ, тогда и выросту.

— Годовъ пятнадцать еще до бороды-ты... Податей-то вотъ не выплатилъ... За двѣ души плати! Сказывалъ староста — недоимщиковъ сѣчь.

— А на что подати, тятька?

— Платить ихъ надо-ть, не то сѣкутъ... Вотъ какъ!

— А кто тебя сѣчь-то будетъ?

— Баринъ пріѣдетъ такой, тогда и будутъ. Да я отпрошусь, заработаю—отдамъ!.. Я имъ отдамъ.

Такъ произошла встрѣча между родителемъ и Ванькой. Ванька не отходилъ отъ отца, который ему разсказывалъ разныя разности, совершенно какъ взрослому. Ванѣ было бы даже очень весело, еслибъ не голодъ, дававшій себя часто чувствовать. Котомка оказалась не неистощимой и скоро въ ней настала пустота. Сначала занимали у сосѣдей, но у нихъ самихъ ничего не было. Почти всѣ мужики разбрелись изъ села на заработки, остались старики да бабы, которые бòльшею частью ходили по сосѣднимъ

селамъ и даже въ городъ уходили побираться. Отецъ Вани и хотѣлъ, да не могъ ходить, у него дѣлалась одышка отъ слабости. Разъ дѣти расплакались отъ голода; достать чего-нибудь съѣстного было негдѣ. Отецъ лежалъ мрачный, раздумывая какъ бы утолить голодъ.

— Ваня!—сказалъ онъ наконецъ ласково.—Подь въ усадьбу къ барину... Христовымъ именемъ... Проси, небось,—дасъ... Хлѣбецъ-то у нихъ бѣлый—ничаво.

— Енъ прибьетъ...

— За что тебя бить!.. Ручку-то такъ-отъ протяни: «Подайте милостыньки, Христа ради!» При этомъ отецъ, привставши на лавкѣ, сдѣлалъ униженный поклонъ, протянувъ руку. Его суровосерьёзные сухіе глаза не гармонировали съ этимъ движеніемъ. Большіе бѣлки этихъ глазъ какъ-то странно отдѣлялись на изможденномъ грязно-желтомъ фонѣ лица, обрамленномъ рѣдкой клочковатой бородой.

— Что-жъ, поды! Да Машку съ собой возьми! — добавилъ отецъ, молчаливо смотрѣвшему на него Ванѣ. Машу онъ посылалъ изъ хитро придуманнаго плана разжалобить барина.

— Я те картузъ свой дамъ, — продолжалъ онъ соблазнять ребенка. Ѳедогъ взялъ картузъ (ему подарили его на дорогѣ), ударилъ объ колѣни, чтобъ выбить пыль, и затѣмъ, подозвавъ сына, надвинулъ ему картузъ на затылокъ, иначе онъ закрылъ бы ему не только глаза, но и носъ и ротъ. Почувствовавъ картузъ на своей головѣ, Ванька возгордился и даже расхрабрился. Ему захотѣлось непремѣнно пройтись по деревнѣ въ отцовскомъ картузѣ, чтобъ его увидѣли деревенскіе мальчишки. Выйдя изъ дому, Ваня побѣжалъ прежде къ своему пріятелю Петькѣ и, захвастaвъ, забылъ совсѣмъ о цѣли своего путешествія. Но отецъ, слѣдившій за нимъ изъ окна,—крикнулъ ему:—«Ванька-а-а! ай забылъ?!» Тогда Ванька на самомъ дѣлѣ отправился по направленію къ усадьбѣ.

Усадьба эта находилась недалеко отъ деревни, на горкѣ, откуда она кокетливо показывала одну свою красную крышу, потонувши въ зелени. Домъ находился въ глубинѣ просторнаго, чистаго и вымощеннаго двора, по которому бродили индюки, цесарки, бѣлые гуси, голландскіе пѣтухи и кохинхинскія куры. При входѣ, на лѣстницѣ, стояли большія кадки съ олеандрами, розами, левкоями. Посреди двора стояла щегольская, четырехмѣстная карета, налѣво были службы.

Дойдя на почтительное разстояніе отъ воротъ, Ванька съ сестренкой остановились.

— Глянь, Машка, куры-то какія!—сказалъ братъ, указывая на цесарокъ и съ боязливымъ любопытствомъ заглядывая во дворъ. Въ это время индюки надулись, распустивъ по шеѣ свои красныя ожерелья и закудахтали. Ваня со страхомъ попятился назадъ. Но такъ какъ индюки затѣмъ повернулись и величественно ушли прочь, то Ваня снова приблизился, перейдя черезъ дорогу, къ другой сторонѣ воротъ. Но войти Ваня не рѣшился и все вертѣлся около воротъ, то приближаясь, то удаляясь. Вотъ вышелъ толстобрюхій кучеръ въ бѣлой рубахѣ съ красными ластовицами и сталъ закладывать въ карету вороныхъ лошадей съ серебряной упряжью. Ванька совсѣмъ вытаращилъ глаза на этихъ невиданныхъ коней. Убѣдившись, что кучеръ не обращалъ на него вниманія, онъ осмѣлился даже войти во дворъ и оперся о ворота. Онъ такъ внимательно слѣдилъ за всѣми движеніями коней и кучера, что совсѣмъ не замѣтилъ, какъ на крыльцѣ показалась фигура бѣлокураго молодого человѣка, изящно одѣтаго въ легкій лѣтній костюмъ и въ шолковой красной рубашкѣ. Около него стояла красивая стройная барыня. Они подошли къ дѣтямъ, ласково смотря на нихъ и говоря что-то между собою непонятное. Мужчина, натягивая перчатки, нагнулся къ Ванѣ и спросилъ:

— Что ты тутъ дѣлаешь?

— Хлѣбца дайте... Тятька у Христа возьметъ — отдасъ... Ванька отвѣчалъ тихимъ-тихимъ шопотомъ, испуганно смотря ласковому барину въ глаза. Баринъ не понялъ и тщетно нѣсколько разъ переспросилъ. Въ это время подали карету; молодой человѣкъ погладилъ Ваньку и пустился догонять барыню. Быстро покатилась щегольская карета, увлекаемая парой могучихъ, какъ львы, лошадей. Мальчикъ слѣдилъ глазами, какъ она исчезла въ облакѣ пыли, затѣмъ повернулся... и ушелъ домой. Въ домъ онъ не вошелъ. Онъ даже представленія не имѣлъ о томъ, что ему можно войти туда, внутрь. Онъ воображалъ, что, разъ войдя, онъ оттуда никогда не выйдетъ — провалится въ пропасть какую-нибудь и конецъ. Возвращался онъ домой, не спѣша, останавливаясь то тамъ, то сямъ, и, наконецъ, около завалинки дома затѣялъ съ Петькой какую-то безконечную игру.

А Ѳедотъ, между тѣмъ, былъ очень голоденъ и считалъ минуты, когда дѣти возвратятся съ хлѣбомъ. Услыхавъ голосъ Ваньки, онъ бросился на улицу.

— Что же, не дали хлѣбца?

— Не даютъ.

— Ты кого видѣлъ?

— Барина и барыню.

Ѳедотъ не спрашивалъ дальше и невѣрной походкой, безъ шапки, самъ отправился куда-то прямо, по улицѣ, то почесывая себѣ спину, то опуская руки по бедрамъ, какъ плети. Барина было очень трудно видѣть; это былъ молодой человѣкъ, недавно женатый, у котораго съѣзжалось много гостей, устраивались охоты и т. д. Попроси Ѳедотъ у него, то навѣрное получилъ бы не только хлѣба, но, можетъ быть, и гривенникъ въ придачу. Но пришлось обращаться къ управляющему, къ экономкѣ или кухаркѣ, которымъ надоѣли нищіе и они безъ дальнихъ церемоній гнали ихъ вонъ со двора. Это было очень тяжелое время для односельцевъ Ѳедота. Голодъ царилъ во всей деревнѣ.

«Эхъ, кабы я одинъ-то былъ — прожилъ бы!» думалъ въ особенно скверныя минуты Ѳедотъ. Пошелъ бы опять на чугунку, тамъ хлѣбца бы вволю... тоже шшей бы, кашицы — охъ, ну-тя! Въ бѣдномъ ртѣ его показалась слюна, въ носу щекоталъ запахъ воображаемыхъ щей съ саломъ. Онъ забылъ совсѣмъ, что на чугункѣ работаютъ въ лужахъ, что тамъ онъ свою лихорадку нажилъ, что тамъ его обираютъ, что тамъ люди мрутъ... Въ его воображеніи были только обѣды, подававшіеся имъ въ первые дни поступленія къ подрядчику. Счастливое время! Подъ вліяніемъ этихъ картинъ въ голову Ѳедота закралась мысль: въ воспитательный домъ дѣтей отдать. Когда эта мысль врѣзалась ясно въ его головѣ, онъ самъ испугался ея: «Господи Іисусе Христе... помилуй мя окаяннаго!—говорилъ онъ, осѣняясь большимъ крестомъ.—Лукавый соблазняетъ... тьфу... тьфу!»... Но ѣсть, ѣсть хочется—ужасъ! Онъ встаетъ, выпиваетъ громадный ковшикъ съ водой, ложится и засыпаетъ.

И снится ему, что сидитъ онъ передъ низенькимъ круглымъ столомъ, на которомъ дымится громадная миска со щами, жирными, вкусными; въ другой мискѣ—каша, желтая, прежелтая отъ громаднаго количества сала. Цѣлый большой ржаной хлѣбъ передъ нимъ, да большая вычурно вырѣзанная деревянная ложка. Нѣкоторое время онъ сидитъ, не вѣря глазамъ своимъ; большая, блаженная улыбка озаряетъ лицо его. Наконецъ онъ бросается къ хлѣбу, отрѣзываетъ себѣ громадную краюху, придвигаетъ миску, со щами, поглядывая въ то же время на кашу, беретъ ложку и... вдругъ передъ нимъ встаетъ блѣдный образъ Матрены съ горящими черными глазами; волосы ея распущены, она пришла *оттуда*.

— Сальце-то во щахъ—Ванино, говядинка—Машина! Съѣлъ ты дѣтушекъ своихъ безвинныхъ, аспидъ, аспидъ, аспидъ...

Кровь застыла въ жилахъ Ѳедота, ротъ судорожно сжался, а волосы начали шевелиться на головѣ. Онъ хочетъ открыть ротъ, сказать что-то Матренѣ, но нижняя челюсть только стучитъ, дрожа, объ верхнюю и не даетъ ему слова вымолвить...

— Съ нами крестная сила! съ нами крестная сила!—кричитъ Ѳедотъ, вскакивая:—Оставь меня, Матренушка, уйди, *туда*, уйди!...

Онъ садится на печкѣ и крестится долго, долго. «Согрѣшилъ я помысломъ, окаянный! Это мать ваша, дѣтушки, заступница!.. А-ахъ!»—приклонилъ Ѳедотъ свою голову къ стѣнкѣ, а горячія слезы полились градомъ по его лицу—заплакалъ онъ крѣпко, какъ баба, приговаривая:—Господи, Господи, помози мнѣ!

Плакалъ онъ долго и мысленно молился. Черезъ нѣкоторое время онъ усталъ. На душѣ его сдѣлалось какъ-то легче, свѣтлѣе. Его вновь стало клонить ко сну.

Прошло еще нѣсколько дней голода. Впечатлѣніе ночного видѣнія изгладилось. Ѳедотъ сталъ строить различные планы, вступать въ различныя сдѣлки съ совѣстью.

Разъ утромъ, послѣ безсонной ночи, всталъ онъ рано и пошелъ къ кумѣ Авдотьѣ, старостиной женѣ:

— Что, лошадка-то у васъ слободна?—спросилъ онъ.

— На́ что тебѣ?

— Надо-ть,—угрюмо отвѣтилъ Ѳедотъ и, помолчавъ, прибавилъ:

— Ребятишекъ въ воспитательный хочу... Не въ моготу мнѣ...—Голосъ его прервался и онъ посмотрѣлъ на Авдотью взоромъ, который выражалъ: «Что-жъ, рѣжь меня, коли охота, мнѣ все едино».

— И тамъ люди живутъ, ничаво!—также сурово отвѣтила Авдотья.—Сивку-то бери... Да ты когда обернешься?

— Къ вечеру обернусь.

— А то самимъ надо-ть будетъ.

Ѳедотъ молча сталъ запрягать веревочной упряжью Авдотьину клячу и минутъ черезъ пять подъѣхалъ къ воротамъ своей избы. Молча, не говоря ни слова, онъ взялъ изодранную женину кофту, полотняные штаны Ваньки, тоже изодранные на колѣняхъ, постоялъ, осмотрѣлъ тупымъ взглядомъ комнату и вышелъ. Дѣти играли во дворѣ. Онъ также молча взялъ ихъ, посадилъ на телѣгу, перекрестился, взялъ возжи и, направляя лошадь, тихо пошелъ возлѣ телѣги, выѣзжая изъ села.

— Ѳедотъ Иванычъ, Ѳедотъ Иванычъ! Стой!..—раздался издали чей-то голосъ. Ѳедотъ вздрогнулъ и посмотрѣлъ назадъ. Сзади, запыхавшись, бѣжала Авдотья, неся что-то въ рукахъ...

— Наткось, на́!—говорила она, тыкая дѣтямъ какія-то лепешки. На глазахъ ея застыла крупная слеза. Она перекрестила дѣтей и, не говоря ни слова, пустилась бѣжать назадъ. Тогда Ѳедотъ сѣлъ на телѣгу и погналъ клячу по пыльной кочковатой дорогѣ.

Все время онъ сидѣлъ къ дѣтямъ спиной, не проронивъ ни слова и стараясь не смотрѣть на нихъ даже тогда, когда подавалъ имъ пить изъ цыбарки. Онъ какъ-бы боялся, что одинъ взглядъ на нихъ могъ измѣнить его намѣреніе. Со своей стороны и дѣти почему-то молчали, робко оглядываясь по сторонамъ.

Часовъ черезъ шесть ѣзды телѣга стала подъѣзжать къ городу.

Ванька, къ удивленію своему, увидѣлъ блестѣвшіе на солнцѣ купола церквей, каменныя глыбы домовъ и глаза его разбѣжались. Отецъ думалъ-было въ началѣ спросить какого-нибудь прохожаго, гдѣ воспитательный, но почему-то побоялся и сталъ вертѣться между узкими переулками, не рѣшаясь выѣхать на большую и оживленную улицу. Когда Ѳедотъ очутился противъ дома Коротовыхъ, онъ торопливо оглянулся, остановилъ лошадь посреди улицы и торопливо высадилъ дѣтей на мостовую.

— Погодьте... за баранками сбѣгаю...—обратился онъ суетливымъ шопотомъ къ Ванькѣ. Затѣмъ онъ вскочилъ обратно на облучокъ телѣги, и въ то время, какъ дѣти стали съ удивленіемъ разсматривать невиданные дотолѣ громадные городскіе дома, онъ завернулъ, не оглядываясь, за уголъ, надвинувъ шапку на брови и хлеща съ ожесточеніемъ клячу свою.

— Будешь ты трижды, анаѳема, проклятъ!... Будь ты проклятъ!.. Будь ты проклятъ!—раздается надъ нимъ чей-то громовый торжественный голосъ изъ-за стука и скрипа колесъ; въ зеленой полутьмѣ, застилающей его зрѣніе, два острыхъ черныхъ огненныхъ глаза покойницы Матрены впились въ него съ ненавистью. Ѳедотъ сильнѣе хлещетъ свою лошадь, которая тщетно дѣлаетъ всѣ усилія, чтобы выполнить требованія своего хозяина. Она высоко вздымаетъ свои тощія ноги, ужъ не бѣжитъ, а какъ-то смѣшно переваливается съ заднихъ ногъ на переднія, но Ѳедотъ все хлещетъ и хлещетъ. Все ему кажется, что кто-то гонится за нимъ. Сзади, какъ будто, Ванька бѣжитъ теперь за нимъ, все выростая и выростая до размѣровъ гиганта, а самъ Ѳедотъ съ своей клячей дѣлается меньше и меньше.

Бѣжитъ Ванька по сѣрой дорогѣ на своихъ длинныхъ, босыхъ ногахъ, свѣтлые волосы его, цвѣта спѣлаго ржаного колоса, высятся въ синемъ воздухѣ, а ротъ его точно большая черная пропасть, въ которую сейчасъ имѣетъ провалиться Ѳедотъ вмѣстѣ съ своей клячей. «Вернуться-бы?... Нѣтъ, нѣтъ, не вернуться!» въ собачьемъ ожесточеніи реветъ какъ-то нутромъ Ѳедотъ. Прежде онъ боялся и трусилъ, теперь—кончено! Когда собаки гонятся за звѣремъ, онъ сначала бѣжитъ, спасается; но когда его догонятъ, тогда звѣрь оборачивается къ преслѣдователю и съ какой-то отчаянной храбростью, оскаливъ зубы, рычитъ и защищаетъ себя... Такъ вотъ и Ѳедотъ теперь оскалилъ зубы. Холодный потъ льется по мертвенно-блѣдному лицу, глаза съ какимъ-то сквернымъ огонькомъ безсмысленно уперлись въ пространство, а телѣга стучитъ и прыгаетъ по изрытой мостовой, поднимая цѣлое облако пыли...

Быстро прискакалъ Ѳедотъ обратно въ деревню и опять разнемогся. Стала его опять трясти лихорадка всю ночь, но онъ не обращалъ на нее вниманія. Рано утромъ на другой день онъ всталъ, обмоталъ котомку вокругъ спины, взялъ въ руки посохъ и ушелъ шатающейся походкой вонъ изъ села. Черезъ нѣсколько дней онъ затерялся въ черной массѣ желѣзно-дорожныхъ рабочихъ...

А Ванька все сидитъ у стѣнки сада и горько, задумчиво плачетъ.

— Глупый Ванька! Чего ты жалѣешь ее, эту сѣрую деревню, гдѣ твое маленькое, какъ у птички, сердце столько выстрадало, чего тебѣ въ ней, зачѣмъ она тебѣ?..

Но Ванька въ отвѣтъ роняетъ слезы и кричитъ отчаяннымъ голосомъ:

— Тять-а-а! Тятька-а, приходь!

Не придетъ онъ! Въ тифозной палатѣ земской больницы онъ лежитъ теперь на «абчественный» счетъ и видитъ огненные языки, которые лижутъ его голову и грудь и руки.

— Святые ангелы, заступники, помилуйте меня, окаяннаго!—лепечетъ онъ своимъ одеревенѣлымъ языкомъ, разметавшись на зеленой койкѣ. «Typhus abdominalis», гласитъ дощечка на его кровати. И больше ничего не знаетъ о немъ добрый докторъ, который лечитъ его.

Съ Машей барышнямъ было чрезвычайно много хлопотъ. Она никакъ не могла привыкнуть къ условіямъ цивилизованной

жизни. Никто въ домѣ не хотѣлъ убирать послѣ нея. Горничная, которую Юлинька пробовала заставить это дѣлать,—отвѣчала:

— Стану я съ этакими тварями возиться!.. Не токмо восемь, двадцать рублей давайте и то не хочу!—Но за то и кухарка, и горничная и прачка—всѣ давали совѣты, какъ отъучить дѣвочку отъ ея порока.

— Баловство это, вотъ что!—говорила прачка, у которой у самой были дѣти:—какъ только такое дѣло съ моими приключится, я сейчасъ вотъ что: на́-на́-на́, стерва!—и она иллюстрировала свои слова...

— Оставь, оставь!—заступалась Юлинька...

— Наша барышня деликатныя, станутъ онѣ это дѣлать!—замѣчала горничная прачкѣ.—А все-таки, барышня, я вамъ скажу: ежели не учить, такъ она всегда такъ будетъ. Вы бы ее, примѣрно, безъ обѣда оставляли, право! Али-бы хотя въ уголъ ставили!

— Ну, ты... я те поставлю!—нахмуренно отзывался изъ угла Ваня, показывая Дунѣ свой маленькій кулачокъ.

— Молчи, чертёнокъ! А то я тебя живо отшлепаю! Ишь, дрянь!..

— Мой тятька пріѣдетъ, онъ-те задастъ! Онъ васъ однимъ пальцемъ поборетъ. Вотъ что!

Кухарка, которая по своей спеціальности стояла ближе другихъ къ медицинѣ, предлагала какую-то траву. Но трава, которой по ея совѣту поили дѣвочку на ночь, обнаруживала обратное дѣйствіе...

Но непріятность присутствія въ домѣ Маши не ограничивалась только этимъ. Недостатокъ ея скрывался отъ старой барыни и Зины. Юлинька стала подкладывать подъ нее клеенку, простыни же выносилъ въ амбаръ Ваня. Машу ненавидѣла Зина. Возненавидѣла она ее съ перваго взгляда. Каждый день она говорила за столомъ.

— Et la petite il faut la renvoyer.

— Pourquoi donc?

— Elle a l'air si méchant, si méchant.

Юлинька съ Наташей смѣялись, глядя на мать.

— Богъ знаетъ, что ты, Зина, говоришь! Дѣвочкѣ всего три года...

— Ненавижу, ненавижу ее. Она... подлая!—произносила Зина съ какимъ-то усиліемъ отъ сильной злобы.

Юлинька съ Наташей опять смѣялись. Но мать холодно прерывала ихъ смѣхъ:

— Разумѣется, ихъ надо отправить...

— Où donc?

— Dans un пріютъ, конечно. Гдѣ же намъ съ ними возиться зимою.

— Ни за что, ни за что не отправлю!—утверждала Юлинька.

— Нѣтъ, ты отправишь!—хлопала кулакомъ по столу разъяренная Зина.—Je suis malade... Она мнѣ разстраиваетъ нервы, твоя вонючая дѣвчонка!

Юлинька съ Наташей уходили изъ-за стола. Тогда Зина начинала разговоръ съ матерью.

— Tu me donnera de l'argent.

— Зачѣмъ?—спрашивала мать, сжимая губы.

— Je vais partir изъ этой сутолоки.

— Куда?

— Въ Швейцарію.

— Незачѣмъ тебѣ туда.

— Нѣтъ, есть зачѣмъ; есть, есть!—кричала Зина.—Ты не имѣешь права такъ дѣлать. Отецъ намъ деньги оставилъ. Онѣ не твои, не твои!

Поднималась страшная буря; стаканы звенѣли, столъ трясся. Мать уходила съ разстроенными нервами жаловаться къ Юлинькѣ. Она находила, что для успокоенія Зины слѣдуетъ отправить дѣвочку. Мальчикъ же пусть останется, ничего.

— Ахъ, мама, будто она сегодня въ первый разъ. Ей лишь бы капризничать. Сегодня дѣвочку отослать, завтра Руслана прогнать потребуетъ. Вѣдь это невыносимо!

Мать въ отвѣтъ только закатывала глаза и охала. Юлинька собственно не за Машу заступалась. Дѣвочка ей никогда особенно не нравилась. Да и никому она не нравилась. Видъ имѣла глупый и даже тупой. Но Юлинькѣ не хотѣлось исполнять капризовъ Зины, и потомъ ей были непріятны хлопоты съ опредѣленіемъ дѣвочки въ пріютъ. Пока происходили эти переговоры, произошелъ случай, который еще болѣе обострилъ ненависть сердитой барышни къ дѣтямъ. Выше уже сказано, что Зина ѣла очень много и всегда отборные куски, которые брала на счетъ другихъ. Часто она забиралась въ кладовую, сольетъ себѣ сливки, остальное молоко прольетъ (потому что вниманіемъ она вообще не могла похвалиться), потомъ усядется за изящный бюро и начинаетъ меланхолически ѣсть часа два-три подъ-рядъ. Кухарка увидитъ это и летитъ къ старой барынѣ, требуетъ разсчета. Мать обращается къ Зинѣ съ упреками:

— Зачѣмъ же ты всѣ сливки слила? Вѣдь это для масла...

— Потому что мнѣ захотѣлось.

— Что же ты одна въ домѣ, что ли?

— Оставьте меня,—стучитъ Зина кулакомъ, опрокидывая чашку со сливками на бюро; это приводитъ ее въ сильнѣйшее раздраженіе.—Все копите... Вы не имѣете права... Это все наше... Все копить, все копить!—обращается Зина уже къ стѣнкѣ.— Хочется ѣсть и ѣшь, а то ждать! Кому хочется, тотъ и ѣшь!..

Мать, хлопнувъ дверью, уходила. Часто Зина съѣдала всѣ лакомства, предназначенныя для другихъ. Тогда она забирала нѣсколько тарелокъ, до-верху наполненныхъ разными разностями, садилась передъ ними, идіотски улыбалась, увѣрившись, что одна владѣтельница всѣхъ тарелокъ, и начинала какъ мышка грызть своими маленькими зубками. Зина все дѣлала или старалась дѣлать изящно. Послѣ ѣды она начинала чистить зубы, на что уходило не менѣе часа. Стоитъ передъ тазомъ въ своей комнатѣ (гдѣ можно было задохнуться отъ сильнаго запаха камфоры; камфорой были обсыпаны всѣ вещи Зины), стоитъ, подтыкавши платье, засучивши рукава, и третъ зубы щеточкой, которую держитъ двумя пальцами.

Разъ, когда Зина сидѣла передъ лакомствами, Ваня съ сестренкой зашли въ комнату и стали смотрѣть барышнѣ въ глаза какъ собачонки. Дѣти съ жадностью слѣдили за длиннымъ процессомъ того, какъ Зина брала двумя пальчиками конфетку, облизывала ее сначала вообще и потомъ маленькими грызками отправляла въ ротъ. При входѣ дѣтей Зина опустила въ тарелку свои злые глазки, чтобы показать дѣтямъ, что она не обращаетъ на нихъ никакого вниманія. Дѣти подумали, что она дѣйствительно ихъ не видитъ и стали заходить съ разныхъ сторонъ. Когда они подошли ужъ очень близко, она подобрала платье какъ-бы для того, чтобы не запачкаться. Наконецъ Ваня не вытерпѣлъ и тономъ взрослаго мужика сказалъ:

— Чтó Машкѣ-то не дашь? Ишь ты кобыла какая, а она махонькая!

— Сволочь!—выронила Зина, не оглянувшись и продолжая грызть конфетки.

— Ца-рю помочь, а ты чорту кочерга!—неуклюже и резонерски отвѣтилъ Ваня.

— Ахъ, ты мерзавецъ!—вскочила разъяренная барышня. Носъ и щеки вокругъ него побагровѣли, въ тупыхъ глаза ея мелькнулъ огонекъ. Она толкнула мальчика въ плечо. Онъ оттянулъ руку, не уступая поля сраженія. Тогда она схватила его за шиворотъ, дотащила къ порогу и сильно толкнула. Мальчикъ хлоп-

нулся объ полъ носомъ, изъ котораго полила кровь. Ваня заревѣлъ. Дѣвочка въ это время оставалась около стола. Зина схватила ее и ударила нѣсколько разъ по спинѣ. Поднялся страшный гвалтъ, на который сбѣжался весь домъ. Зина впала въ истерику. Едва она пришла въ себя, какъ она стала ревѣть слабымъ голосомъ.—Сейчасъ, сейчасъ эту подлую дѣвчонку вонъ!..

Судьба дѣвочки была рѣшена. Въ тотъ же день Юлинька съ Катей собрались съ ней въ сосѣдній городъ. Ванѣ не сказали, куда ее везутъ. Заложивъ руки за спину, съ сильно распухшимъ носомъ, онъ молча смотрѣлъ, какъ совершались приготовленія къ отъѣзду. Въ возокъ сначала юркнулъ одинъ маленькій чемоданчикъ, потомъ другой—побольше, потомъ нѣсколько ящичковъ и узелковъ, наконецъ вышли барышни въ сопровожденіи матери и начали усаживаться. Когда онѣ усѣлись и помѣстили между собою молчаливо вылупившую глаза Машу, старуха Коротова заботливо перекрестила ихъ. Бѣдная старуха считала себя всегда наканунѣ несчастья, все считала, что надъ ней «разразится». Затѣмъ Юлинька улыбнулась мальчику, крикнула:—«Прощай, Ваня!» и лошади дернули. Прекрасный Русланъ, завидѣвъ, что его любимица Наташа уѣзжаетъ, со всѣхъ ногъ бросился ее догонять.

Барышни возвратились только на другой день къ вечеру. Наташа вошла блѣдная, сильно взволнованная. Юлинька шла за нею, печально потупивъ глаза. «Свершилось! Да будетъ воля Твоя», подумала мать, полумертвая отъ испуга.

— Qu'est ce qu'il est arrivé? Parlez donc, parlez!—трагически проговорила она наконецъ.

— Ah, mamam, un grand malheur: j'ai perdu Rouslane!.. Ah, c'est ma faute, c'est ma faute! Юлинька мнѣ говорила, чтобы посадить его съ нами...—Наташа залилась горькими слезами, причитывая: «c'est ma faute, c'est ma faute!»

— Гдѣ, гдѣ вы его затеряли? Сейчасъ послать Ѳедора... Не плачь, ma chère, не волнуйся!.. Онъ свищетъ хорошо... Мы его найдемъ... Авдотья, Дуня! Позовите Ѳедора... Да можете дьякона съ нимъ послать... у него голосъ здоровый.

Поднялась страшная суматоха. Кто побѣжалъ за Ѳедоромъ, кто за дьякономъ. Но когда все было готово, Наташа рѣшила ѣхать сама, увѣряя, что Русланъ ее узнаетъ скорѣе, чѣмъ другихъ. Всю ночь продолжались розыски и только къ утру увѣнчались успѣхомъ. Это было большое ликованіе.

На Ваню никто въ это время не обращалъ вниманія. Онъ не кричалъ, не плакалъ, никого не разспрашивалъ. Безъ Маши ему сдѣлалось очень скучно. Но онъ думалъ, что она скоро пріѣдетъ назадъ. Въ ожиданіи этого онъ апатично переходилъ съ мѣста на мѣсто. Когда ему шатанье надоѣло, Ваня брался за свои игры, т.-е. рылся въ пескѣ или раскладывалъ домики изъ бревнушекъ, подаренныхъ ему Юлинькой. Но и въ играхъ онъ не забывалъ свою сестренку, и представлялъ себѣ, что она присутствуетъ тутъ же, около него. «Сиди, Машка, тутъ, стряпай, а я поѣду въ лѣсъ дрова рубить!» говорилъ онъ ей какъ старый мужикъ, взваливая на плечи воображаемый топоръ. Но такая игра скоро надоѣдала Ванѣ; онъ бросалъ ее, выходилъ на улицу, постоитъ немного, затѣмъ опять неуклюже взбирался по лѣстницѣ на верхъ, походитъ по балкону, снова спустится внизъ, забредетъ на кухню, гдѣ смотритъ на огонь, пока кухарка не прогонитъ его вонъ.

Когда Юлинька возвратилась, то почувствовала какой-то особенный приливъ нѣжности къ Ванѣ, начала его шумно цѣловать, дергать и поворачивать.—Уфъ, какой ты сонный!—смѣялась она, думая своимъ дерганьемъ развеселить ребенка.

— Гдѣ Машка?—апатично спросилъ онъ ее.

Юлинька въ отвѣтъ стала разсказывать ему быстро-быстро и притомъ очень шумно и длинно, что «Машѣ теперь будетъ очень-очень хорошо; такъ хорошо, такъ хорошо, потому что очень хорошо». Ее будутъ учить, она будетъ «все, все, все умѣть. Она будетъ славная дѣвочка; барышней будетъ». Ваня слушалъ вяло эти рѣчи, и когда Юлинька кончила, онъ спросилъ:

— А спать она здѣсь буде?

— Нѣтъ, милый, тамъ и спать будетъ.

Ваня посмотрѣлъ на Юлиньку апатичнымъ взглядомъ и отошелъ. Черезъ минуту раздались его громкія, жалобныя рыданія. Юлинькѣ стало его очень жалко. Она подбѣжала, стала его цѣловать, принесла ему конфектъ и заглушила его рыданія. Ваня посмотрѣлъ на нее глазами, на рѣсницахъ которыхъ дрожали слезы, и спросилъ:

— А она придетъ сюда?

— Какъ же, милый; на Рождество мы возьмемъ ее; она тогда будетъ большая, большая, какъ ты.

Съ тѣхъ поръ Ваня сталъ ждать. Все, чтó давали ему, онъ пряталъ, чтобъ отдать Машѣ. Каждый день и даже нѣсколько разъ на день, онъ приставалъ къ Юлинькѣ съ разспросами: «чтó нынче Рождество длинное такое? Ужъ Машка будетъ съ

меня!» А то онъ разсуждалъ такъ: «а я сегодня посплю, да завтра, да еще завтра, да еще, еще, еще, такъ потомъ и будетъ Рождество?» Юлиньку очень тѣшили эти вопросы; она пользовалась ими, чтобы научить Ваню считать. А то онъ все считалъ такъ: «разъ, два, три, пятнадцать, стонадцать». Но онъ былъ очень разсѣянъ и учился плохо. Печать какой-то горькой, безысходной тоски легла на блѣдномъ личикѣ Вани. Подъ его тонкой черепной покрышкой совершалась какая-то дѣятельная работа, которая была совсѣмъ не по силамъ ребенка. Иногда, непосредственно послѣ ласкъ Юлиньки, его нижняя губа внезапно начинала дрожать, печальные глаза наполнялись слезами, рука, въ которой было зажато пирожное, приготовленное для Маши, разжималась и онъ начиналъ жалобно рыдать. Его рыданія были какія-то не-дѣтскія, въ нихъ была такая грусть, которая передавалась самой Юлинькѣ. Онъ плакалъ, не закрывая лица, поднявъ глаза къ верху.

— Чтò съ тобой, Ваня?—спрашивала Юлинька. Но Ваня въ отвѣтъ только жалобнѣе и горше рыдалъ.

Съ тѣхъ поръ какъ Машу увезли, онъ все больше и больше сталъ вертѣться около Юлиньки. Бывало, она сидитъ за фортепьяно, а онъ блуждаетъ по паркетнымъ поламъ, вялый, скучный; подойдетъ къ вазѣ съ цвѣтами, долго смотритъ на нее, потомъ подойдетъ къ окну, пройдется по діагонали комнаты и вдругъ обернетъ голову къ Юлинькѣ:

— Машка-то... ёна что дѣлаетъ таперича?

— *Теперь*—надо сказать, Ваня.

— Таперь...

— Нѣтъ,—тéперь.

— Те-пé-ры!—силится выговорить ребенокъ.

Юлинька утѣшаетъ его, что ей тамъ хорошо.

— Раслана тамъ нѣту?

— Нѣтъ; тамъ попъ есть, тамъ хорошо; тамъ очень-очень хорошо!

— А Зинка есть?

Юлиньку коробитъ немножко отъ этого вопроса; она отвѣчаетъ сухо—нѣтъ! и начинаетъ перебирать клавиши.

Ваня задумчиво слѣдитъ за ея пальцами:

— А Ванька-то тамъ есть?

— Какой Ванька?

— Какъ я, такой.

Юлинька смѣется:—нѣтъ, голубчикъ!

— Нѣту-ти?—переспрашиваетъ онъ сквозь слезы. Лицо его

опять начинаетъ искривляться отъ задержанныхъ рыданій:—вотъ я лошадку-то куплю, я поѣду къ ей... къ Машкѣ-то къ нашей!..

Эти вѣчныя слезы ребенка очень разстраивали Юлиньку. Ребенокъ видимо таялъ изо-дня въ день. Его все перестало интересовать, даже игры, даже конфекты... Лицо его стало какъ-то особенно блѣдно и прозрачно, что́, хотя дѣлало его красивѣе, несомнѣнно доказывало однако присутствіе какой-то болѣзни. Это замѣтила прежде всѣхъ прачка и разъ, смотря на него, сказала Юлинькѣ:

— Не жилецъ онъ на бѣломъ свѣтѣ; вотъ убей меня Богъ, увидите. Видала я такихъ!.. Вотъ посмотрите, барышня,—добавила прачка, тыкая пальцемъ на переносицу Вани,—ежели эта синяя жила покажется,—ну, значитъ, поминай какъ звали. Это Богъ знаменіе свое показуетъ.

— Ну, оставь глупости! Еще при ребенкѣ говоришь такія вещи!..

— Да оно не пойметъ!.. А померъ бы и вамъ руки бы развязалъ, право!..

— Оставь, тебѣ говорятъ!—топнула ножкой Юлинька.—Кто тебя спрашиваетъ!.. Юлинька очень разсердилась. «Какіе эти мужики грубые, вотъ ужъ правду про нихъ!.. Руки бы развязалъ... Руки бы развязалъ!» Завертѣлось у нея въ головѣ. «Нѣтъ, я его очень, очень люблю!» Юлинька повернула голову къ Ванѣ, который, обернувшись къ стѣнѣ, апатично водилъ пальцемъ по обоямъ. «Какія манеры только, Богъ знаетъ что́! И какой онъ неласковый! Все еще мужикъ не выдохся. Впрочемъ, теперь онъ ужъ не такой волчонокъ, какъ прежде... Ваня, иди сюда!» Ваня посмотрѣлъ на Юлиньку, постоялъ у стѣнки и потомъ неуклюже заковылялъ къ ней. Юлинька стала его цѣловать въ припадкѣ нѣжности, но онъ продолжалъ стоять какъ пень, не отвѣчая на ласки. Юлинька разсердилась, ей показалось это неблагодарностью со стороны ребенка. У Юлиньки были въ это время нервы нѣсколько разстроены. Дѣло въ томъ, что отправка Маши вовсе не успокоила Зины. Она по прежнему продолжала воевать и требовать денегъ для поѣздки въ Швейцарію. Мать не давала и, благодаря этому, въ домѣ происходила постоянная война, въ которой волей-неволей приходилось принимать участіе.

Въ разгарѣ этой баталіи Коротовыхъ посѣтила Лидія Васильевна, пріѣхавшая изъ деревни. Хотя эта молодая барынька имѣла всегда весьма цвѣтущій видъ, но почему-то она всегда лечилась у разныхъ знаменитостей. Одна изъ нихъ присовѣтовала теперь

Лидіи Васильевнѣ отправиться въ Парижъ къ еще бóльшей знаменитости. (Вѣроятно русская знаменитость знала, что Лидія Васильевна была въ очень хорошихъ отношеніяхъ со своимъ старикомъ мужемъ). Но такъ какъ красивая барынька имѣла много враговъ, то не рѣшилась ѣхать въ Парижъ одна и пригласила съ собой Юлиньку. Искушеніе было очень велико (когда еще поѣдешь на свой счетъ!) и Юлинька немедленно согласилась.

Въ тотъ же вечеръ Юлинька при помощи Наташи стала приготовляться къ отъѣзду.

— Ты присмотришь за нимъ, le petit Ваня,—n'est-ce pas?—говорила ликующая Юлинька, отрываясь отъ укладки цѣлой груды бѣлья въ свой громадный сундукъ.

— О, разумѣется, разумѣется!—отвѣчала Наташа, подавая ей безконечное количество воротничковъ.—Je ferai pour toi tout ce que je peux... Mais enfin, по правдѣ сказать, je le trouve un peu сонливымъ... А пелеринку куда?

— Mets la du côté... Я ее одѣну въ дорогу.

— Ахъ, да; не забудь же, пожалуйста, les mouchoirs, какъ у Лиды... три дюжины. Она покупала въ Grands magasins du Louvre... Не забудешь!

— Ахъ, милая, вѣдь это всякій ребенокъ знаетъ—«Magasins du Louvre».

— Какъ бы мнѣ хотѣлось съ тобой, какъ я тебѣ завидую! Ты уже второй разъ въ Парижѣ.

— Да поѣдемъ теперь, право! Что тебя удерживаетъ?

— А Русланъ—mon pauvre petit, мнѣ жалко его оставить.

— Вѣдь я же оставляю Ваню.

— Да, Ваня—человѣкъ, и потомъ Руслана могутъ украсть... Нѣтъ, нѣтъ, ни за что, ни за что не оставлю его... Ахъ, Боже мой, чуть не забыла! Ошейникъ же не забудь Руслану.

Барышни разговаривали такъ до разсвѣта, а утромъ Юлинька укатила, заказавъ Ванѣ быть веселымъ и не плакать. За это она обѣщала ему навезти много гостинцевъ изъ Парижа.

Почему-то въ послѣднее время Ваня сталъ очень часто простуживаться. Правда, лѣто было на исходѣ, пошли дожди и настали очень холодные вечера. Но прежде Ваня никогда не былъ такъ воспріимчивъ къ холоду. Теперь онъ сильно кашлялъ по ночамъ, въ груди его сильно хрипѣло. Наташа обложила ему шею ватой съ камфорой и обмотала теплымъ платкомъ. Простуда проходила на нѣсколько дней, но потомъ снова появлялась.

Иногда утромъ Ваня закашливался такъ, что все его блѣдное личико синѣло, глаза выступали изъ орбитъ. Глаза его въ послѣднее время какъ-то ввалились, зрачки расширились и лихорадочно блестѣли. Бѣлки же были очень красные. Сонъ Вани сдѣлался неспокоенъ. Все ему снились съ нѣкотораго времени тяжелые сны, отъ которыхъ онъ просыпался съ тяжелой головкой.

Едва онъ закрывалъ глаза, какъ передъ нимъ выросталъ его врагъ Русланъ и, сердито рыча, оскаливалъ зубы. Ваня прогоняетъ его, но Русланъ выросталъ все больше и больше, закрывая все его поле зрѣнія. Зубы его зловѣще блистали, а красные глаза смотрѣли такъ, что Ванѣ дѣлалось холодно, и онъ пускался бѣжать. Но что-то помимо воли заставляло его оглянуться назадъ и онъ видѣлъ, какъ Русланъ, тряся головой и ушами, располагался надъ какой-то добычей, которую придерживалъ передними лапами; разгрызаемыя кости хрустѣли на зубахъ его. Ваня протягиваетъ шею и видитъ, что Русланъ грызетъ Машу. Ваня съ ужасомъ оглядывается назадъ и просыпается. Въ комнатѣ все тихо и темно, но Русланъ все что-то грызетъ да грызетъ. Ужасъ Вани растетъ все сильнѣй и сильнѣй и вдругъ онъ страшно заревѣлъ. Наташа просыпается, чиркаетъ спичкой и, зажигая свѣчку, пугливымъ шопотомъ спрашиваетъ:

— Что съ тобой?.. Тише, маму разбудишь. Чтò съ тобой?

— Боюсь,—отвѣчаетъ ребенокъ, заглушая рыданія.

— Чтò, тебѣ приснилось что-нибудь?—спрашиваетъ Наташа, оглядываясь.

— Да! — говоритъ мертвенно-блѣдный ребенокъ. — Сядь здѣсь!

Наташа садится и ребенокъ крѣпко жмется къ ней своимъ горячимъ, вспотѣвшимъ тѣломъ.

— Наташа, твой Русланъ Машку не съѣстъ?—продолжаетъ съ ужасомъ ребенокъ. Этотъ ужасъ сообщается молодой дѣвушкѣ.

— Н-нѣтъ,—медленно отвѣчаетъ она и ей дѣлается какъ-то нехорошо.

— А кто вотъ это? — съ еще бòльшимъ ужасомъ спрашиваетъ Ваня.

— Гдѣ?..—и Наташа боится слѣдить по направленію, указываемому глазами ребенка.

— Вонъ... вонъ... у двери...

— Гдѣ?!.. Наташѣ дѣлается холодно и страшно. Передъ

ней во мракѣ полурастворенной двери медленно шатается что-то бѣлое.

— Наташа, это ёнъ... ёнъ пришелъ...

— Кто?!—шопотомъ спрашиваетъ дѣвушка.

— Ёнъ насъ зарѣжетъ!—вскрикиваетъ ребенокъ, впиваясь въ нее руками. Наташа вырывается отъ него и въ ужасѣ бѣжитъ со свѣчкой, крича:—Авдотья! Дуня!..

Вбѣгаетъ растрепанная и заспанная Дуня. Наташѣ немного стыдно своего страха.

— Что-то Ваня какъ-будто разболѣлся. Ужасъ, чтó онъ такое говоритъ!

Дуня бросаетъ на него сердитый взглядъ, но, разсмотрѣвши блуждающіе и раскраснѣвшіеся глаза его, ставитъ свѣчку и нѣкоторое время молчитъ:

— Сглазили его, должно быть, —рѣшаетъ она.

— Кто?

— А я почемъ знаю!

Ваня между тѣмъ успокоивается немного и лежитъ, смотря на свѣчку. Наташа шопотомъ разсказываетъ Дунѣ бредъ ребенка.

— Сглазили и есть,—рѣшаетъ она окончательно.—Обмыть надо...

Всю ночь горѣла свѣчка. Дуня легла тутъ же въ комнатѣ, чтобы придать больше храбрости Наташѣ. Подъ утро ребенокъ забылся въ полуснѣ, но много и сильно стоналъ.

Утромъ ему сдѣлалось какъ будто лучше; онъ всталъ, но ѣсть ничего не могъ и скоро слегъ снова. Впрочемъ, онъ ни на что не жаловался. Жару у него не было.

— Зачѣмъ же ты лежишь?—спросила Наташа.

— Такъ!—отвѣтилъ онъ. Наташа подарила ему красивенькій кошелекъ съ нѣсколькими серебряными монетами, и это его очень заняло. Онъ сѣлъ на кровати и забавлялся тѣмъ, что перекладывалъ изъ кошелька на ладонь и наоборотъ.

— А я себѣ лучше лошадку куплю. Куплю и уѣду, правда?

— Купи, купи, голубчикъ!—отвѣчала Наташа.

Она думала, что тѣмъ болѣзнь Вани кончится, и потому не звала доктора. Кромѣ того, она боялась испугать мать, если та увидитъ въ своемъ домѣ доктора. Утромъ Зина сдѣлала такую сцену матери, что разстроила ее ужасно. Цѣлый день та пролежала съ мигренью и Наташѣ пришлось все возиться около нея. Но къ вечеру у Вани жаръ страшно усилился. Онъ опять сталъ сильно бредить и никого не узнавалъ. Всю ночь Наташа

съ Дуней не спали, прикладывая къ головѣ его мокрыя полотенца. На другое утро, хотя ему опять сдѣлалось легче, но вставать онъ уже не могъ. Лицо его еще больше осунулось и его трудно было узнать. Послали за докторомъ.

Докторъ явился только къ вечеру. Это былъ молодой и очень добросовѣстный человѣкъ и потому онъ очень долго изслѣдовалъ своего маленькаго больного.

— Плохо!—сказалъ онъ наконецъ, многозначительно оттопыривъ губы.—Meningitis acuta! Организмъ и безъ того очень истощенный. Чтó, у него былъ испугъ, душевное волненіе какое-нибудь?

— Нѣтъ, никакого, кажется. Мы его держали какъ родного... Онъ пріемышъ...

— Ммм... такъ, такъ!—промычалъ докторъ.—Exitus letalis несомнѣненъ, а впрочемъ, давайте вотъ... Позвольте перышко и бумаги!—Онъ прописалъ какое-то питье, расшаркался, отказался отъ платы и ушелъ.

Прошло два дня, въ теченіи которыхъ Ваня не приходилъ въ себя. Въ бреду онъ вспоминалъ деревню, Машку, Грушку, представлялъ себѣ, что онъ на улицѣ родного села играетъ съ дѣтишками. — Сюды, ребятки, сюды! Го-го-го! — заржалъ онъ однажды ночью громко, на всю комнату...

Весь домъ говорилъ о скорой смерти мальчика. И, странно! на кухнѣ говорили теперь о немъ не иначе, какъ о «Ванѣ-сироткѣ». А прачка увѣряла даже молчаливо слушавшую ее братію, что душа Вани вознесется прямо на небо и будетъ радоваться между свѣтлыми ангелами. Старая барыня не выходила изъ своей комнаты. Она очень боялась близости умиравшаго и нервы ея еще болѣе разстроились.

Однажды вечеромъ, Наташа подошла къ постели больного Вани и была поражена осмысленнымъ взглядомъ его большихъ сѣрыхъ глазъ.

— Наташа,—сказалъ Ваня,—мой тятя пріѣхалъ съ Машкой?

— Нѣтъ, милый, онъ не пріѣхалъ.

— Нѣтъ, пріѣхалъ; я ихъ видѣлъ... Я съ ними поѣду... Вотъ какъ!

Наташа постояла и вышла. Она уже не спала въ одной комнатѣ съ Ваней. На ея мѣстѣ поселилась Дуня.

Часовъ въ 11 ночи Дуня, блѣдная, вбѣжала въ кухню, гдѣ вся прислуга сидѣла за самоваромъ, и, запыхавшись, проговорила:

— Померъ!

Присутствующіе, какъ одинъ человѣкъ, осѣнили себя широкимъ крестомъ.

Было свѣжее солнечное утро начала сентября, когда изъ растворенныхъ вратъ дома Коротовыхъ двинулась маленькая кучка прислуги вслѣдъ за кучеромъ Степаномъ, который несъ бѣлый атласный гробикъ Вани. У воротъ стоялъ больной мужичонко; при видѣ похоронной процессіи, онъ, блѣднѣя, снялъ истертый картузъ; при этомъ движеніи волосы его разсыпались на его тощей головѣ. Онъ подошелъ къ одной бабѣ въ шали и робко спросилъ:

— Кого, матушка, хоронятъ?

— Пріемыша, голубчикъ, пріемыша, — отвѣчала та. — Барышни двухъ пріемышей взяли: сестру да брата; мальчикъ-то вотъ померъ. Вишь, гробикъ-то какой снарядили... Господь-Богъ наградитъ за это... О-охъ, наградитъ!

— А дѣвчонка жива-ли?—продолжалъ спрашивать мужикъ, еле раздвигая свои сухія, бѣлыя губы.

— Быдто жива! Въ пріютъ ее отдали...

Мужичонко отошелъ и, понуривъ голову, тихо поплелся за красивымъ бѣлымъ гробикомъ.

Этотъ мужикъ былъ отецъ Вани.

И. Полоцкій.

ПРЯМЫЕ НАЛОГИ

ВЪ

РОССІИ

Опытъ устройства ихъ на подоходномъ основаніи.

I.

Расходы государственные, точно также какъ и частные, представляютъ два отличные вида. Первый составляютъ расходы *текущіе*, *оборотные*, поступающіе на содержаніе учрежденій и предпріятій уже существующихъ. Таковы расходы государственной росписи на содержаніе наличнаго состава войска, чиновниковъ, суда, существующихъ почтовыхъ, телеграфныхъ и желѣзнодорожныхъ сообщеній и пр. Второй составляютъ расходы на основаніе новыхъ учрежденій, предпріятій и пр. Таковы расходы на учрежденіе новыхъ путей сообщенія, портовъ, казенныхъ фабрикъ, заводовъ, новыхъ военныхъ сооруженій. Этого рода расходы могутъ быть названы *основными*, въ отличіе отъ текущихъ или оборотныхъ.

Всякое развивающееся государство нуждается въ расходахъ того и другого рода точно такъ же, какъ и всякое частное хозяйство. На счетъ оборотныхъ расходовъ поддерживается государственный строй въ его насущномъ видѣ. Безъ вклада основного капитала немыслимо улучшеніе какъ частнаго, такъ и государственнаго хозяйства.

Расходы перваго рода составляютъ безусловную необходимость, безъ которой не можетъ продолжаться ни государственная жизнь, ни частное хозяйство. Расходы основные суть такіе, примѣненіе которыхъ происходитъ въ болѣе ограниченныхъ случаяхъ и оправдывается улучшеніями и выгодами, которыя ожидаются отъ такихъ капитальныхъ затратъ.

Источникомъ тѣхъ и другихъ расходовъ въ частныхъ хозяйствахъ служатъ доходы. Изъ этихъ доходовъ прежде всего уплачиваются такъ-называемые текущіе расходы; остатокъ составляетъ такъ-называемый чистый частный доходъ, который частью проживается и истрачивается, частью служитъ источникомъ сбереженій и новыхъ основныхъ расходовъ.

Чѣмъ меньшая часть чистаго дохода проживается и чѣмъ бо́льшая часть его сберегается или обращается на извѣстныя предпріятія, тѣмъ быстрѣе, конечно, возрастаетъ и національное богатство.

Источникомъ тѣхъ и другихъ расходовъ для государства служатъ *налоги*.

Налоги эти (за исключеніемъ нѣкоторыхъ чисто хозяйственныхъ операцій самого государства) не имѣютъ другихъ источниковъ, кромѣ средствъ подданныхъ государства; поэтому величина чистаго національнаго дохода сокращается еще на всю сумму налога, который взыскивается въ государствѣ.

Налогъ, смотря по его величинѣ, можетъ уплачиваться страной или изъ суммы частныхъ доходовъ, которая именуется національнымъ доходомъ, или, за недостаткомъ его, обращается на самый національный капиталъ.

Пока текущіе расходы покрываются національнымъ доходомъ, до тѣхъ поръ государственное богатство поддерживается на разъ достигнутомъ имъ уровнѣ, но въ немъ не основывается ни новыхъ частныхъ, ни государственныхъ предпріятій; государство можетъ быть не богатѣетъ, но и не бѣднѣетъ.

Если за покрытіемъ такихъ текущихъ расходовъ національный доходъ оставляетъ еще избытокъ, то этотъ избытокъ можетъ быть (оставаясь частнымъ доходомъ) употребленъ на новыя частныя предпріятія; или, обращаясь въ налогъ, на новыя государственныя предпріятія, и государство можетъ богатѣть. Если этого избытка не остается, то налогъ взимается уже не иначе, какъ съ національнаго капитала; и хотя могутъ быть исключительные случаи, въ которыхъ можетъ оправдываться обращеніе частнаго капитала въ средства государства, тѣмъ не менѣе случаи эти должны быть лишь исключительные и временные.

Но если національный доходъ не покрываетъ даже текущихъ расходовъ и налогъ захватываетъ часть національнаго капитала для текущихъ расходовъ, то страна, какъ говорится, проживаетъ свой капиталъ и стремится къ обѣднѣнію.

Отсюда вытекаетъ то первое положеніе для всякой раціональной теоріи налоговъ, что обыкновенный текущій налогъ долженъ падать исключительно на національный доходъ и не долженъ выходить изъ его предѣловъ.

Но такой налогъ, который бы поглощалъ весь чистый доходъ частныхъ лицъ, не оставлялъ бы ничего ровно, никакихъ средствъ для развитія частной предпріимчивости. Между тѣмъ эта предпріимчивость составляетъ непремѣнный членъ и условіе развитія во всякой странѣ, какъ бы она ни была груба и первобытна. Поэтому очевидно, что всякая правильная система налоговъ не только должна быть основана на чистомъ доходѣ страны, но размѣръ налога долженъ быть таковъ, чтобы налогъ поглощалъ въ суммѣ лишь извѣстный % этого чистаго дохода, оставляя свободное поле и средства для развитія на счетъ остатка новыхъ частныхъ предпріятій.

Въ большинствѣ по крайней мѣрѣ европейскихъ государствъ, не исключая и Россіи, оно дѣйствительно такъ и есть. Но, прежде чѣмъ мы обратимся къ самымъ численнымъ отношеніямъ налога къ чистому доходу отдѣльныхъ странъ, скажемъ нѣсколько словъ о тѣхъ формахъ, въ которыхъ взыскивается обыкновенно налогъ,—такъ какъ въ нашихъ разсчетахъ мы очевидно должны имѣть въ виду всѣ виды налога, и такъ какъ налогъ не всегда имѣетъ явную, а иногда принимаетъ скрытую форму, которая, очевидно, не можетъ быть оставлена безъ вниманія.

Правильный явный налогъ, налогъ въ собственномъ смыслѣ, о которомъ мы должны разсуждать, прежде всего представляетъ два вида. Онъ взыскивается или съ расхода частныхъ лицъ въ моментъ совершенія расхода, и въ этомъ случаѣ носитъ названіе косвеннаго налога—въ видѣ всякаго рода пошлинъ, акцизовъ и проч.; или же взимается въ видѣ опредѣленнаго платежа съ дохода частныхъ лицъ, и въ такомъ случаѣ носитъ названіе прямого налога.

Первая форма налога имѣетъ болѣе удобства по своей простотѣ, избавляя государство отъ предварительнаго приведенія въ ясность платежныхъ средствъ потребителей; но вмѣстѣ съ тѣмъ она имѣетъ и свою слабую сторону.

Такъ какъ расходы, производимые частными лицами, могутъ производиться и дѣйствительно производятся какъ изъ дохода,

такъ и изъ капитала, то и налогъ этотъ взимается въ первой инстанціи также какъ съ доходовъ, такъ и съ капитала безразлично и покрытіе его въ общей сложности національнымъ доходомъ, или нѣтъ,—вполнѣ зависитъ отъ благоразумія или разсудительности самихъ потребителей. Поэтому и возвышеніе этихъ сборовъ ничего не говоритъ еще о возвышеніи національнаго дохода, а можетъ быть только слѣдствіемъ растраты національнаго капитала и временнымъ возвышеніемъ, за которымъ слѣдуетъ упадокъ величины тѣхъ же сборовъ.

Прямой налогъ представляетъ болѣе практическихъ затрудненій въ самомъ его распредѣленіи, но онъ за то можетъ быть прямо разсчитываемъ съ дохода.

Какъ бы то ни было, практика европейскихъ государствъ удерживаетъ до сихъ поръ обѣ формы налога и такой порядокъ имѣетъ за себя болѣе теоретическихъ основаній, чѣмъ обыкновенно думаютъ спеціальные сторонники того или другого рода налоговъ. При ближайшемъ разсмотрѣніи оба вида налоговъ составляютъ своего рода систему, въ которой каждый является существеннымъ членомъ и дополненіемъ другого.

Ограниченіе всей системы податей одними косвенными налогами представляется несостоятельнымъ уже потому, что налоги эти не могутъ распространяться на всѣ разнообразныя статьи потребленія или расхода гражданъ, а ограничиваются всегда только извѣстными.

Облагая преимущественно предметы роскоши, система косвенныхъ налоговъ съ перваго взгляда какъ будто дѣйствительно захватываетъ избытки или ложится на дѣйствительный чистый доходъ отдѣльныхъ лицъ; но по этому самому она должна быть строга въ выборѣ предметовъ обложенія и не захватывать предметовъ перваго потребленія, составляющихъ необходимый расходъ хозяйства, а только такіе предметы, потребленіе которыхъ можетъ обращаться въ сбереженіе.

Понятно однако, что въ этомъ видѣ она захватываетъ лишь ту часть чистаго дохода, которая обращается на потребленіе предметовъ роскоши или избытка, ею обложенныхъ, и не касается чистаго дохода, истрачиваемаго какъ на предметы ею необложенные, такъ и вовсе не истрачиваемаго, а сберегаемаго. Съ этой стороны система прямыхъ налоговъ имѣетъ именно цѣлью пополнить эти недостатки и подчинить налогу тѣ виды и части чистаго дохода, которые остаются нетронутыми косвенными налогами.

Точно также невозможно ограничиться и одними прямыми

налогами, потому что опредѣленіе чистаго дохода отдѣльныхъ лицъ на практикѣ не только связано съ большими затрудненіями, но какъ бы оно ни было выполнено, всегда представляетъ извѣстную сумму ошибокъ и можетъ быть только приблизительнымъ. Поэтому система косвенныхъ налоговъ является такимъ же неизбѣжнымъ дополненіемъ прямого налога и служитъ ей въ то же время весьма удобной практической повѣркой. Такъ какъ она распространяется преимущественно на предметы избытка, то возвышеніе и пониженіе дохода казны отъ косвенныхъ сборовъ служитъ вмѣстѣ съ тѣмъ барометромъ тягости окладныхъ налоговъ. Пока косвенные налоги возрастаютъ (не случайно и временно конечно), до тѣхъ поръ это можетъ служить признакомъ неотяготительности существующей величины окладныхъ сборовъ; и наоборотъ, сокращеніе дохода отъ косвенныхъ сборовъ можетъ служить указаніемъ на непосильные итоги прямыхъ податей.

Искусство финансоваго законодателя и должно состоять въ такомъ сочетаніи этихъ двухъ видовъ налога, при которомъ, взятые вмѣстѣ, они даютъ казнѣ наибольшій доходъ. Поэтому же въ странѣ, въ которой прямые налоги часто на долгое время остаются неизмѣненными, естественно ожидать возрастанія косвенныхъ сборовъ и перевѣса послѣднихъ надъ первыми въ итогахъ казеннаго дохода.

Этотъ наибольшій доходъ, конечно, не долженъ выходить изъ предѣла чистаго дохода страны, но не стѣснять сбереженій и частной предпріимчивости, то-есть можетъ во всякомъ случаѣ быть расчитанъ лишь на извѣстную долю чистаго дохода. Нужно сказать, что эта доля въ странахъ съ различнымъ развитіемъ частной предпріимчивости должна быть различна: въ странахъ съ слабо-развитой предпріимчивостью она можетъ быть выше, въ странахъ съ болѣе развитой—ниже.

Иными словами, въ Россіи, напримѣръ, гдѣ значительная доля почина въ дѣлѣ предпріимчивости должна принадлежать еще государству, эта доля можетъ быть значительнѣе, чѣмъ въ Англіи и даже западной Европы вообще.

Кромѣ указанныхъ явныхъ формъ, которыя носятъ названіе налога, въ наукѣ и въ росписяхъ есть формы скрытыя: такую составляетъ, между прочимъ, произвольный выпускъ бумажныхъ денегъ или принудительный безпроцентный заемъ.

Если такой выпускъ дѣлается на покрытіе особенныхъ капитальныхъ расходовъ, то онъ можетъ еще оправдываться,—въ нѣкоторыхъ, исключительныхъ случаяхъ,—цѣлью послѣдующихъ, хотя бы отдаленныхъ, результатовъ такой затраты національнаго

капитала; но когда онъ употребляется на покрытіе текущихъ расходовъ, то это равносильно проживанію государствомъ національнаго капитала, ибо очевидно—все равно, въ какой формѣ поступаетъ въ руки и израсходуется казной эта часть національнаго капитала—въ формѣ ли открытаго налога или скрытаго.

То, что мы сказали сейчасъ о принудительныхъ безпроцентныхъ займахъ, примѣняется косвенно и къ той массѣ процентныхъ займовъ, которые, въ случаѣ ихъ употребленія на текущіе расходы, представляютъ еще худшую форму проживанія національнаго капитала, скрывающую обѣднѣніе страны, ибо неизбѣжнымъ послѣдствіемъ ихъ является прибавка къ расходамъ государства на проценты по этимъ долгамъ. Затраты ведутъ неизбѣжно къ еще большему дефициту въ бюджетѣ, а слѣдовательно къ новымъ дальнѣйшимъ долгамъ на покрытіе такихъ дефицитовъ. Поэтому, разъ начавшись, уплата текущихъ расходовъ долгами представляетъ покатую плоскость, по которой государство стремится съ усиленной скоростью къ все большимъ и большимъ недочетамъ, а долги его растутъ какъ лавина.

Независимо отъ этого, безпроцентный долгъ производитъ всегда и извѣстное перераспредѣленіе въ системѣ явныхъ налоговъ.

Простой примѣръ объяснитъ дѣло. Положимъ, что рѣчь идетъ о прямомъ налогѣ, который взыскивается съ дохода. Для всѣхъ лицъ, состоящихъ на пенсіи или жалованьи государства или частныхъ лицъ, опредѣляемомъ постоянными окладами, этотъ налогъ опредѣляется извѣстною частью ихъ оклада. Пока расходы покрываются налогомъ, до тѣхъ поръ эта доля остается соразмѣренной съ платежами, взимаемыми съ другихъ доходовъ; но разъ являются суррогаты въ видѣ выпуска бумажныхъ денегъ, ведущихъ или къ паденію курса бумажнаго рубля или вздорожанію продуктовъ, дѣло измѣняется, и всѣ лица, получающія опредѣленное содержаніе, оказываются уплачивающими возвышенный налогъ: они платятъ, во-первыхъ, налогъ явный, въ видѣ оклада, и, во-вторыхъ, налогъ скрытый, въ видѣ лажа; ибо на нихъ падаетъ прежде всего тяжесть безпроцентнаго долга.

Спрашивается, можно ли подъ цифрой налога разумѣть въ этомъ случаѣ одну его явную цифру, или слѣдуетъ также принимать въ соображеніе его дополненіе, проистекающее отъ безпроцентнаго долга? Очевидно, что цифра явнаго налога ничего не скажетъ въ этомъ случаѣ о всей величинѣ уплачиваемаго налога.

Но этого мало: присутствіе лажа и безпроцентные долги могутъ вліять даже на величину явныхъ налоговъ. Съ перваго взгляда можно было бы думать, что если названныя лица

и платятъ теперь въ сущности бо́льшую часть своего дохода, то государство, получая налогъ кредитными деньгами, само получаетъ теперь въ сущности менѣе; но это не совсѣмъ вѣрно. Въ видѣ прямыхъ налоговъ, уплачиваемыхъ по опредѣленнымъ прежнимъ окладамъ, государство получаетъ теперь въ сущности менѣе вслѣдствіе паденія курса денегъ; но косвенные его налоги обыкновенно при этомъ возростаютъ, такъ какъ средства или доходы производителей обыкновенно возростаютъ, по крайней мѣрѣ номинально, пропорціонально вздорожанію цѣнъ на продукты. Чѣмъ меньшей долей налогъ, взыскиваемый въ разъ установленной нормѣ съ опредѣленныхъ окладовъ лицъ или дворовъ и проч., входитъ въ общій итогъ налоговъ, тѣмъ менѣе теряетъ при этомъ государство и въ суммѣ можетъ даже и не терять, а даже выигрывать, то-есть получить теперь въ сущности и бо́льшій явный налогъ.

Итакъ, всякій государственный долгъ составляетъ всегда такую прибавку къ налогу, которая, въ случаѣ безпроцентной формы этого долга, помимо этой прибавки, непремѣнно вноситъ еще положительную путаницу въ распредѣленіи налога. Въ случаѣ же процентной его формы, хотя и не вліяетъ на распредѣленіе налога, но ведетъ собственно къ увеличенію явныхъ налоговъ для покрытія % отъ этихъ долговъ.

Послѣдствія безпроцентныхъ долговъ становятся особенно ощутительны, когда эти долги входятъ въ систему, составляютъ явленіе хроническое, ибо тогда перераспредѣленіе налоговъ, которое они вызываютъ, и измѣненіе цѣнъ на продукты начинаетъ совершаться непрестанно и податная система государства окончательно спутывается съ его кредитной системой,—такъ что при безпрестанномъ выпускѣ бумажныхъ денегъ становится невозможнымъ какое-либо точное разсужденіе о дѣйствительныхъ налогахъ, уплачиваемыхъ страной, и ихъ распредѣленіи.

Все это еще ухудшается тѣмъ, что безпроцентные долги обыкновенно не слѣдуютъ одни, а перемежаются съ процентными долгами, такъ что государство является обыкновенно обремененнымъ и тѣми и другими долгами, причемъ одни вызываютъ другіе.

Все это представляетъ столько неудобствъ, что лучшимъ средствомъ для государства, вступившаго на такой путь, считается выйти изъ него какъ можно скорѣе черезъ замѣну такихъ неявныхъ налоговъ явными.

Насколько это бываетъ возможно—это зависитъ отъ платежныхъ средствъ націи, отъ отношенія между ея чистымъ дохо-

домъ и существующими налогами явными и распредѣленіемъ этихъ налоговъ, но оно также зависитъ отъ взгляда, который принимается, на безпроцентный долгъ.

Если смотрѣть на него не какъ на настоящій долгъ, а какъ на взятый уже налогъ,—какъ это и слѣдуетъ по нашему мнѣнію,—то выходъ этотъ упрощается, такъ какъ дѣло главнымъ образомъ сводится къ тому, чтобы не дѣлать такихъ долговъ вновь, то-есть не выпускать вновь бумажныхъ денегъ, а дефициты покрывать путемъ налоговъ явныхъ. Но существуетъ мнѣніе, по которому безпроцентные долги разсматриваются какъ настоящіе долги, подлежащіе возврату; и въ такомъ случаѣ дѣло, конечно, значительно усложняется, но, какъ слѣдуетъ думать,—усложняется безъ надлежащей причины, ибо на самомъ дѣлѣ едва ли представляется даже возможнымъ отнестись къ безпроцентному долгу какъ къ настоящему долгу. Долгъ заключается добровольно и уплачивается лицу ссудившему. Безпроцентный заемъ не только берется принудительно, но въ рукахъ лица, его уплатившаго, не осталось никакого слѣда, по которому долгъ этотъ могъ бы быть возвращенъ тѣмъ, кому онъ слѣдуетъ или ихъ наслѣдникамъ. То же, что въ подобныхъ случаяхъ называется возвратомъ, не представляетъ вовсе возврата тѣмъ, кому слѣдуетъ, а чистый подарокъ случайнымъ обладателямъ кредитныхъ билетовъ во время возврата. Такъ, мы видѣли выше, что первые плательщики безпроцентныхъ долговъ бываютъ всегда всѣ лица, получающія опредѣленные оклады; они и несли на себѣ всю тяжесть этихъ долговъ во все время низкаго курса и дороговизны, вызванной бумажными деньгами.

Напротивъ того, производители или торговцы страдали при этомъ гораздо менѣе, а можетъ быть даже и выигрывали. Между тѣмъ, въ чьихъ рукахъ находятся тѣ деньги и капиталы, которые въ случаѣ *возврата* будутъ обмѣнены на золото, какъ не въ рукахъ производителей и торговыхъ классовъ; они, слѣдовательно, только и воспользуются возвратомъ и послѣдній составитъ во всякомъ случаѣ только подарокъ этому классу, тѣмъ болѣе несправедливый, что онъ можетъ быть сдѣланъ лишь на счетъ особаго налога, взимаемаго съ народа въ то время, когда существующихъ налоговъ оказывается и безъ того недостаточно на покрытіе дефицитовъ въ текущихъ расходахъ и болѣе существенныхъ нуждахъ.

При такихъ условіяхъ возвратъ этотъ является простой обрядностью, ради которой государство приноситъ своему самолюбію въ жертву истинные интересы своего народа.

Послѣ такихъ предварительныхъ объясненій, мы можемъ обратиться къ разсмотрѣнію тѣхъ количественныхъ отношеній, которыя существуютъ въ главнѣйшихъ европейскихъ государствахъ между величинами налоговъ и чистыми доходами.

Къ сожалѣнію, всѣ наши соображенія касательно отношеній между величинами національныхъ доходовъ съ одной стороны и налоговъ — съ другой, могутъ быть только приблизительными. Причина лежитъ въ трудности получить точныя свѣдѣнія о величинѣ доходовъ. Болѣе точныя свѣдѣнія относительно этой величины имѣются только для Англіи; для остальныхъ государствъ они уже болѣе гадательны; для Россіи ихъ не существуетъ вовсе. Поэтому для того, чтобы составить себѣ о нихъ хотя въ какой-либо степени приблизительное представленіе, мы должны будемъ прибѣгнуть къ болѣе искусственному окольному способу ихъ опредѣленія и довольствоваться результатами, предполагающими возможность ошибки въ довольно широкихъ предѣлахъ. Тѣмъ не менѣе, такъ какъ эти результаты все-таки должны имѣть свою степень вѣроятія, то мы считаемъ ихъ, за неимѣніемъ болѣе точныхъ, все-таки не безполезными, тѣмъ болѣе, что пока они должны служить лишь для самыхъ общихъ соображеній.

Національный доходъ Англіи, выведенный на основаніи данныхъ подоходнаго налога и др. и капитализируемый по способу англійскаго статистика Роберта Грифена, представляется профессоромъ Нейманомъ Шпалартомъ въ слѣдующемъ видѣ:

	Національный доходъ въ 1,000 ф. ст.	Коэффиціентъ для капитализаціи дохода.	Въ 1,000 ф. ст. національный капиталъ.
Земли	66,911	20	2.007,300
Зданія	34,638	15	1.419,570
Доходы арендаторовъ	66,752	10	667,520
Кредитныхъ бумагъ (кромѣ государственныхъ долговъ)	20,767	25	519,175
Желѣзныхъ дорогъ	26,215	25	655,375
Торговыхъ и промышленныхъ предпріятій	35,000	15	525,000
Всѣ остальные виды дохода	67,303	—	849,150
Всего на основаніи income-tax	377,586	—	6.643,120
Предпріятія торговли и промышленности, не подчиненныя подоходному налогу	107,000	(Средній % капитализаціи). 5,66%	1.905,000
Всего	484,586		8.548,120

Національный капиталъ Франціи по опредѣленію политико-эконома Фовилля (Econ. fr. 1878 № 52 и № 1 и 3, 1879 г.) опредѣляется въ 200 милліардовъ франковъ.

Земли	100
Зданія	25
Чистый вывозъ	15
Запасъ благородныхъ металловъ	8
Движимости и произведенія искусства	10
Земледѣльческій оборотный капиталъ	4
Домашнія и полевыя животныя	5
Земледѣльческія орудія	5
Капиталы, вложенные въ торговлю	5
Капиталы, вложенные въ ремесла	20
Арсеналы и морскія сооруженія	3
Всего	200

Самъ Фовилль принимаетъ это исчисленіе точнымъ до 10-ти милліардовъ, т.-е. ошибка не можетъ превосходить, по его мнѣнію, этой цифры.

Эти 200 милліардовъ фр. по 5,7% должны составить доходъ въ 11,4 милліардовъ фр.

Для Австріи Нейманъ Шпалартъ принимаетъ въ 1874 г. (Die Ernten und Wohlstand in Oestreich und Ungarn. Berl. 1874) національный доходъ отъ 5,500 до 6,000 милліоновъ гульденовъ, между тѣмъ какъ въ 1867 году тотъ же доходъ опредѣлялся въ 4,300 милл.

Но цифры эти, очевидно, слишкомъ высоки, если сравнить ихъ съ національнымъ доходомъ Англіи и Франціи, и потому едва ли могутъ быть употреблены съ дѣло безъ такой оговорки.

Для Соединенныхъ-Штатовъ на основаніи данныхъ оффиціальной статистики для 1870 г. тотъ же авторъ приводитъ слѣдующія данныя:

Населеніе	Націон. капиталъ въ милліонахъ доллар.	Капиталъ на душу.
38.558,000	30,069	776,96

что по среднему проценту дохода 5,7% доставитъ 1,714 милліоновъ долларовъ.

Раздѣливъ величину дохода на величину населенія, получимъ слѣдующую таблицу для дохода на душу въ національной монетѣ и рубляхъ:

	Національный доходъ.		Населеніе.	На душу.	Въ рубляхъ.
Англія . . .	484.586,000 ф. ст.	(1871)	32.016,592	15,10 ф. ст.	94,93
Франція . . .	11.400.000,000 фр.	(1872)	36.102,921	310,22 фр.	77,56
Австрія . . .	5.500.000,000 гул.	(1877)	37.351,420	147,73 гул.	91,21 к.
Сѣв. Ам. . .	1.714.000,000 дол.		38.558,000	44,286 долл.	59,20 к.

Для Австріи національный доходъ, выраженный въ гульденахъ, долженъ быть собственно пониженъ пропорціонально существовавшему въ 1877 г. лажу на гульденъ, но и въ этомъ случаѣ онъ составитъ все-таки 82 р. 9 к. на душу, что́ еще очевидно преувеличено. Поэтому, если оставить вовсе въ сторонѣ сомнительныя данныя для Австріи, то окажется, что вытекающій изъ приведенныхъ выше чиселъ, національный доходъ на душу возростаетъ съ населенностью,—какъ это и слѣдовало думать a priori. Съ другой стороны, нѣтъ никакихъ основаній, которыя бы дозволяли допустить, что такое возростаніе можетъ идти не только прогрессивно, но даже въ прямомъ отношеніи къ численности, а, напротивъ, существуютъ причины, заставляющія думать, что такое возростаніе можетъ быть только убывающее или замедляющееся. Первую изъ нихъ составляетъ неизбѣжный усиленный ростъ населенія, сопровождающій обыкновенное возвышеніе дохода. Такъ что если возростаетъ абсолютная величина капитала и дохода, то въ то же время увеличивается и число лицъ, на которыхъ приходится распредѣлять какъ капиталъ, такъ и доходъ; если же ростъ капитала даже опережаетъ ростъ населенія, то съ увеличеніемъ капитала, причитающагося на душу, уменьшается %, а съ нимъ вмѣстѣ, слѣдовательно, и доходъ. Иначе, впрочемъ, оно не можетъ быть, ибо въ противномъ случаѣ мы должны бы были допустить возможность безпредѣльнаго возростанія дохода на душу или національнаго богатства, что́ совершенно невѣроятно.

Отсюда слѣдуетъ само собой, что возростаніе дохода на душу пропорціональное населенію и постоянство дохода составляютъ двѣ одинаковыя крайности, изъ которыхъ одна отвѣчаетъ наибольшему предѣлу, въ которомъ можно только допустить à priori возростаніе дохода на душу, вторая—наименьшему. При первомъ предположеніи государство должно было бы безпредѣльно богатѣть и ростъ его населенія могъ бы быть по меньшей мѣрѣ одинаково быстрый при всѣхъ градусахъ населенности, что́, какъ извѣстно, невозможно. При второмъ, государства не могли бы вовсе богатѣть, что́ также не оправдывается практикой. Поэтому наиболѣе вѣроятное будетъ среднее предположеніе, по которому доходъ на душу, хотя и возростаетъ съ населеніемъ, но съ за-

медляющейся быстротой, такъ что возростаніе это въ концѣ-концовъ имѣетъ свой предѣлъ, къ которому и приближается по мѣрѣ роста населенности. Предположеніе это равносильно допущенію, что доходъ этотъ возростаетъ не пропорціонально населенности, а какой-либо дробной степени ея, и такъ какъ въ этомъ случаѣ мы не имѣемъ никакого основанія останавливаться спеціально или избрать преимущественно какую-либо изъ всѣхъ дробныхъ степеней, какія только заключаются между 0 и 1, то самая вѣроятная будетъ средняя изъ нихъ, т.-е. половина. Иными словами, мы должны допустить такое возростаніе пропорціональнымъ корню квадратному ихъ населенности, что̀, какъ сейчасъ увидимъ, оправдывается и числами предъидущей таблицы.

Какъ ни произвольно такое допущеніе, однако оно имѣетъ значеніе хотя грубаго приближенія къ дѣйствительности, которымъ мы можемъ пока довольствоваться за неимѣніемъ болѣе точнаго.

Допустивъ, что доходъ на душу возростаетъ пропорціонально корнямъ квадратнымъ населенностей, по извѣстнымъ населенностямъ въ числѣ душъ на 1 квадратный километръ,—получимъ слѣдующія величины національнаго дохода на душу для отдѣльныхъ государствъ [1].

	Населеніе въ душахъ на 1 квадр. килом.	Доходъ на душу въ рубляхъ.
Великобританія и Ирландія . .	101	94,86
Франція	65,7	76,84
Австрія	57,2	71,74
Германія	79,0	84,31
Италія	81,0	85,39
Россія (Европейская). . . .	14,4	36

Таблица эта даетъ числа, совпадающія съ вышеприведенными для Англіи и Франціи, для Германіи же и Италіи она даетъ числа слишкомъ высокія, что̀ прямо указываетъ на зависимость національнаго дохода не отъ одной населенности. Оно, впрочемъ, такъ и слѣдовало ожидать. А такъ какъ причины, понижающія въ дѣйствительности чистый доходъ въ такихъ второстепенныхъ государствахъ относительно экономическаго развитія,

---

[1]) Доходы эти опредѣлены по формулѣ:

$$p \sqrt{} = an,$$

гдѣ p доходъ на душу, n населенность въ числѣ душъ на 1 квадратный километръ, а a—постоянная опредѣленная изъ данныхъ для національнаго дохода Великобританіи, которыя болѣе всего точны, и принятая равной *90 руб.*; $\sqrt{a} = 9{,}486$.

какъ Германія и Италія, должны быть приблизительно однородны съ тѣми, которыя слѣдуетъ допустить и для Россіи, то и 36 руб. на душу, полученные для нашего національнаго дохода, по всей вѣроятности превышаютъ нашъ дѣйствительный доходъ. Поэтому доходъ этотъ мы можемъ разсматривать только какъ такой, какой могъ бы имѣть мѣсто въ случаѣ, еслибы прочія условія, помимо населенности, благопріятствовали ему настолько же, какъ въ Англіи и Франціи. Вычисляя ниже тотъ же доходъ эмпирически, для обложенія, мы убѣдимся, что онъ едвали превышаетъ размѣръ 20 р. на душу.

Величина налоговъ главнѣйшихъ европейскихъ государствъ, какъ она дана въ «Hofkalender» за 1880 г., представляется по разрядамъ въ слѣдующемъ видѣ, въ 1,000-хъ марокъ:

	Прямыхъ налоговъ.	Косвенныхъ.	Таможен. сбора.	Всего.	На душу.
Великобританія	289,149	485,964	409,985	1.185,098	36,78
Франція	364,175	785,129	203,925	1.353,233	77,45
Австрія	347,431	405,038	53,970	806,439	21,6
Германія	265,227	241,993	114,788	613,008	14,33
Италія	309,421	281,708	93,200	684,329	25,49
Россія	425,122	775,547	241,049	1.441,718	16,92

Здѣсь населеніе Россіи принято общее въ 85.138,754.

Въ общемъ итогѣ налоговъ на отдѣльные виды налоговъ приходится въ %:

	Прямыхъ налог.	Косвенныхъ.	Тамож. сбор.	Сумма косвенныхъ и тамож. сб.
Великобританія и Ирландія . .	0,24	0,41	0,35	0,76
Франція	0,20	0,58	0,22	0,80
Австрія	0,43	0,50	0,07	0,57
Германія	0,43	0,39	0,18	0,57
Италія	0,43	0,41	0,16	0,57
Россія	0,29	0,53	0,18	0,71

Пользуясь этими процентными данными, опредѣлимъ величину прямыхъ и косвенныхъ налоговъ и ихъ сумму на душу, въ маркахъ и рубляхъ:

	На душу марокъ: Прямые налоги.	Косвенные налоги.	Сумма марки.	Рубли.
Великобританія и Ирландія. . .	8,83	15,08	23,91	7,38
Франція.	7,49	21,72	29,21	9,
Австрія и Венгрія.	9,29	10,80	20,09	6,20
Германія	6,16	5,59	11,75	3,62
Италія	10,96	10,45	21,41	6,61
Россія	4,91	8,97	13,88	4,28

А сопоставляя эти данныя съ вычисленнымъ выше доходомъ для отдѣльныхъ государствъ на душу, получимъ для общей величины налоговъ въ доляхъ душевого дохода:

Великобританія и Ирландія	0,077	
Франція	0,117	
Австрія	0,086	
Германія	0,042	
Италія	0,077	
Россія . . от	0,118	до 0,224

Первая цифра для Россіи соотвѣтствуетъ предположенію для ея дохода на душу 36 руб., вторая въ 20 руб.; откуда должно слѣдовать, что общая сумма налоговъ въ Россіи вообще выходитъ изъ предѣловъ обложенія другихъ странъ, и во всякомъ случаѣ не изъ низкихъ. Вообще же обложеніе европейскихъ государствъ колеблется между 12% и 8,5% съ чистаго дохода.

Приступая къ преобразованіямъ или нововведеніямъ въ существующей системѣ податей, прежде всего слѣдуетъ опредѣлить себѣ цѣль, съ которою обдумывается преобразованіе.

Цѣль эта можетъ быть двоякая: во-первыхъ, возвышеніе существующаго дохода казны, или же болѣе уравнительная и совершенная раскладка и взиманіе уже существующихъ величинъ сборовъ.

Въ настоящемъ случаѣ мы спеціально займемся окладными или прямыми налогами, преобразованіе которыхъ считается необходимымъ въ виду обѣихъ названныхъ цѣлей. Въ этихъ видахъ мы и считали необходимымъ прежде всего предпослать вышеприведенныя разсужденія и изслѣдованіе о величинѣ этихъ налоговъ у насъ и въ другихъ государствахъ, объ отношеніи ихъ къ другимъ налогамъ и къ національному доходу.

Многое говоритъ дѣйствительно въ пользу возможности ожидать увеличенія государственнаго дохода при такомъ преобразованіи.

Во-первыхъ, продолжительная неизмѣнность, въ какой находились у насъ окладные сборы, если не считать налога на городскія имущества и земскихъ сборовъ. Во-вторыхъ, замѣтное возвышеніе косвенныхъ налоговъ за послѣднее время и успѣхъ нѣкоторыхъ вновь введенныхъ видовъ косвеннаго налога, какъ напр., гербоваго сбора.

Полученныя нами численныя данныя также показываютъ, что хотя величина обложенія у насъ на душу оказывается выше чѣмъ въ другихъ государствахъ Европы, но не выходитъ изъ возможныхъ предѣловъ, оставляя въ распоряженіи націи 78%

чистаго дохода,—конечно пока мы не беремъ въ разсчетъ ни выкупныхъ платежей, ни земскихъ сборовъ. Но вѣдь мы не брали въ разсчетъ подобныхъ расходовъ и для другихъ государствъ.

Отношеніе же прямыхъ налоговъ къ косвеннымъ у насъ столь же незначительно, какъ въ богатѣйшихъ государствахъ Европы—Англіи и Франціи, не нуждающихся собственно въ возвышеніи фискальнаго дохода и по превосходному положенію ихъ финансовъ и по развитой уже частной предпріимчивости; такъ что въ первой изъ нихъ, то-есть въ Англіи, подоходный налогъ разсматривается даже прямо какъ временный суррогатъ. Нѣтъ сомнѣнія, что въ обѣихъ изъ этихъ странъ прямой налогъ могъ быть увеличенъ въ случаѣ нужды безъ ущерба національному богатству. Но если въ такомъ увеличеніи представляется потребность въ этихъ странахъ, то нѣсколько въ иномъ положеніи находится Россія, гдѣ, съ одной стороны, бюджетные дефициты регулярно покрываются новыми долгами и выпусками бумажныхъ денегъ, между тѣмъ какъ успѣшность и даже возростаніе косвенныхъ сборовъ прямо указываетъ на присутствіе свободно тратящихся избытковъ. При такихъ условіяхъ одна замѣна новыхъ долговъ на покрытіе дефицитовъ податными средствами была бы значительнымъ улучшеніемъ нашего финансоваго положенія.

Но если въ общемъ итогѣ наши налоги представляются все-таки высокими въ сравненіи съ прочими государствами Европы, то они страдаютъ, съ другой стороны, еще одной особенностью, отъ которой главнымъ образомъ и должна зависѣть ихъ несомнѣнная тягость для плательщиковъ. Въ то время, какъ въ Европѣ общая сумма налога распредѣляется на всѣ сословія, прямые налоги имѣютъ форму подоходной подати въ тѣсномъ смыслѣ, сообразующейся съ платежными средствами отдѣльныхъ лицъ,—у насъ вся тягость налоговъ лежитъ почти исключительно на низшихъ сословіяхъ и падаетъ преимущественно на поземельные и промысловые заработки крестьянъ.

Поэтому никакое возвышеніе налоговъ немыслимо у насъ иначе, какъ подъ условіемъ введенія новой, болѣе раціональной системы ихъ распредѣленія, и разрѣшеніе вопроса объ ихъ распредѣленіи на новыхъ основаніяхъ должно предшествовать вопросу о доставленіи казнѣ высшаго дохода отъ налоговъ.

Такое равномѣрное распредѣленіе можетъ доставить лишь система, не только одинаково подчиняющая налогу всѣ сословія, не допускающая привилегій въ пользу того или другого класса, но система, въ которой распредѣленіе налога совершается про-

порціонально чистому доходу отдѣльныхъ видовъ промысловъ и занятій.

Это не отнимаетъ, однако, права у государства, особенно, когда рѣчь идетъ о возвышеніи налоговъ, сосредоточивать послѣднее на такихъ промыслахъ, которые представляются болѣе развитыми и находящимися вообще въ болѣе благопріятномъ положеніи, и, напротивъ, облагать въ меньшей степени такіе виды занятій и производствъ, которыя нуждаются въ поощреніи и находятся въ малоразвитомъ или переходномъ положеніи.

Путь, котораго слѣдуетъ держаться въ этомъ отношеніи при предполагаемомъ преобразованіи нашихъ прямыхъ налоговъ, опредѣляется весьма простымъ соображеніемъ.

Само собою разумѣется, что въ настоящее время не представляется болѣе основаній къ устраненію отъ обложенія въ надлежащей мѣрѣ такихъ отраслей народной экономической жизни и предпріимчивости и частныхъ доходовъ, которыя до сихъ поръ или вовсе не облагались или въ весьма скромной мѣрѣ или частью возникли и окрѣпли подъ вліяніемъ такихъ благопріятствовавшихъ имъ обстоятельствъ, а въ теченіи послѣдняго двадцатилѣтія получили еще бо́льшее развитіе, благодаря исключительнымъ условіямъ нашей денежной системы и предпріимчивости правительства. Къ числу такихъ слѣдуетъ отнести всю ту часть общественной предпріимчивости и доходовъ, въ центрѣ которыхъ стоитъ въ настоящее время значительная система учрежденій — краткосрочнаго и долгосрочнаго кредита, какой мы не знали еще весьма недавно и которая, сосредоточивая въ своихъ рукахъ свободныя средства страны путемъ учета векселей и ссудъ подъ залогъ бумагъ и земель, можетъ направлять эти средства къ оживленію торговли и промышленныхъ предпріятій.

Вокругъ этихъ кредитныхъ и развившихся при ихъ посредствѣ торговыхъ и промышленныхъ учрежденій образовывался неизбѣжно цѣлый многочисленный классъ, съ одной стороны —учредителей и акціонеровъ, съ другой—биржевыхъ дѣятелей, маклеровъ, явныхъ и скрытыхъ, директоровъ, высшихъ и низшихъ служащихъ, получающихъ значительные оклады. Вся эта жизнь, кромѣ налога на шелковыя ткани, французскія вина и гильдейскія свидѣтельства, не платитъ почти ничего государству.

Рядомъ съ этими учрежденіями и лицами, дѣятельностью правительства и на счетъ его долговъ создана серія новыхъ учрежденій и предпріятій, хотя не дающихъ ему дохода и содержимыхъ на его счетъ, каковы желѣзныя дороги, но которыя несомнѣнно

способствовали развитію той же торговли и промышленности и вокругъ которыхъ группируется также свое число лицъ, получающихъ значительное вознагражденіе за свой дѣйствительный или мнимый трудъ и также не подчиненныхъ никакому прямому налогу. Таковы профессіи коммиссіонеровъ, поставщиковъ желѣзныхъ дорогъ, директоровъ и служащихъ этихъ дорогъ, адвокатовъ и пр. Таковы заводы, работающіе для этихъ дорогъ скупщики лѣсовъ и поставщики шпалъ и дровъ и проч.

На счетъ доходовъ акціонеровъ названныхъ учрежденій и лицъ, ихъ составляющихъ и около нихъ группирующихся, на счетъ самыхъ этихъ предпріятій развилась городская жизнь въ центральныхъ пунктахъ и увеличилась цѣнность поземельной собственности и пр. Естественно, что всѣ эти доходы прежде всего могутъ быть подчинены новому налогу.

Въ нѣсколько иномъ положеніи осталась сельская промышленность или собственно земледѣльческая. Нельзя до сихъ поръ сказать, чтобы она не только получила такое же развитіе за последнее время, но даже вышла изъ не совсѣмъ опредѣленнаго положенія, въ которое вступила послѣ освобожденія крестьянъ.

Благодѣянія земельныхъ банковъ могли коснуться ея весьма мало, ибо собственно земледѣліе рѣдко гдѣ могло вынести ихъ высокій процентъ. Поэтому ихъ услуги могли оплатить развѣ скупщики лѣсовъ или основатели заводовъ и другихъ промышленныхъ предпріятій. Притомъ крестьянство вовсе не могло ими воспользоваться. Ненормальность разселенія, затрудненіе передвиженія, недостатокъ надѣловъ и величина выкупныхъ платежей мѣстами съ одной стороны, отсутствіе капитала и недостатокъ рукъ—съ другой, поэтому сдача земель исполу и ихъ продажа лицамъ, выступающимъ изъ средняго и низшаго класса, — стѣсненіе крестьянскихъ хозяйствъ извѣстными формами и упадокъ помѣщичьихъ, отливъ денегъ и дѣятельности въ болѣе выгоднымъ краткосрочнымъ городскимъ и промысловымъ операціямъ, благодаря болѣе легкому здѣсь доходу—все это не позволяетъ въ настоящее время разсматривать наше земледѣліе какъ источникъ, который могъ бы служить рессурсомъ новаго налога безъ ущерба своему развитію. Напротивъ, все заставляетъ видѣть здѣсь переходное, неустановившееся положеніе, въ виду котораго обложеніе этого источника должно быть наиболѣе осторожнымъ.

Вслѣдствіе этого наиболѣе правильный путь заключался бы, кажется, въ разложеніи прежде всего настоящаго итога прямыхъ налоговъ, почти исключительно упадающаго на. земледѣліе, на всѣ виды промысловъ, то-есть, въ преобразованіи существующаго

прямого налога изъ подушной формы въ болѣе раціональную, упадающую не на однихъ крестьянъ, а на всѣ виды доходовъ: отъ земли, торговли, промысла, капитала, городской собственности и личныхъ профессій — и въ обращеніи затѣмъ увеличенія дохода казны отъ прямыхъ налоговъ на тѣ виды чистаго дохода, которые всего болѣе могутъ быть обложены въ высшей мѣрѣ, что̀ можетъ быть сдѣлано затѣмъ уже просто черезъ возвышеніе % обложенія этихъ доходовъ въ нормѣ, необходимой для избѣжанія дефицитовъ.

II.

Мы должны обратиться теперь къ разсмотрѣнію самой формы установленія прямыхъ налоговъ и опредѣлить порядокъ, которымъ они всего удобнѣе могли бы быть устроены у насъ. Для этого мы, по общепринятому порядку, остановимся надъ способами взиманія этихъ налоговъ въ главнѣйшихъ европейскихъ государствахъ и численными результатами, которые они здѣсь даютъ. Этому предмету мы и посвятимъ настоящую главу, хотя предупреждаемъ читателя, что коснемся этого предмета лишь настолько, насколько это представляется необходимымъ въ виду нашей цѣли, и не думаемъ вовсе входить въ подробности отдѣльныхъ законодательствъ.

Всякій налогъ долженъ ограничиваться, какъ мы сказали, лишь извѣстнымъ % съ чистаго дохода страны, не захватывая всего этого дохода, и потому въ существѣ дѣла всякій налогъ долженъ быть собственно налогомъ подоходнымъ. Но самая форма взысканія и исчисленія дохода можетъ быть различна. Такъ, у насъ существуетъ до сихъ поръ форма исчисленія и взысканія прямого налога *по душамъ*.

Способъ этотъ, хотя самый первобытный и простой,—замѣтимъ здѣсь же,—не столь несообразенъ, какъ можно было бы думать на первый взглядъ, ибо разъ между богатствомъ и доходомъ страны и ея населеніемъ существуетъ извѣстное отношеніе, до сихъ поръ въ точности не установленное, но признаки котораго очевидны,—подушное обложеніе до извѣстной степени все-таки согласуется съ чистымъ доходомъ страны. Напомнимъ, что у насъ еще недавно, при крѣпостномъ правѣ, самая цѣнность имѣній опредѣлялась не иначе, какъ по числу душъ или числу готовыхъ рабочихъ. До сихъ поръ у насъ существуютъ плодородныя мѣстности, которыя даютъ мало, или не даютъ вовсе дохода

вслѣдствіе недостатка населенія. Поэтому разсчетъ дохода по числу рабочихъ рукъ, а не по качеству и количеству земли или силъ природы составляетъ естественный удѣлъ въ странахъ мало заселенныхъ—и до тѣхъ поръ, пока земля имѣетъ малую цѣнность въ сравненіи съ цѣнностью рабочихъ рукъ, пока послѣднихъ недостаточно для ея эксплуатаціи.

Второй способъ—это разсчетъ дохода по количеству имущества, земли или силъ природы. Способъ этотъ, по замѣчанію многихъ, имѣетъ тотъ недостатокъ, что при немъ налогъ взыскивается, подобно обложенію по душамъ—не съ дѣйствительнаго дохода, а воображаемаго, что могутъ быть земли и имущества, не приносящія дохода, между тѣмъ какъ таковыя подчиняются налогу наравнѣ съ прочими. Замѣчаніе это однако, по крайней мѣрѣ въ странахъ, густота населенія которыхъ достигла степени, на которой не остается или почти не остается земель, не приносящихъ дохода и неимѣющихъ цѣнности, какъ въ западной Европѣ (гдѣ является избытокъ рабочихъ рукъ и только небрежность или случайность обращаетъ имущество, какъ исключеніе, въ мертвый капиталъ),—не имѣетъ того вѣса, который ему приписываютъ. Не имѣетъ вѣса—потому, что собственно налогъ не можетъ да и не долженъ имѣть дѣла съ дѣйствительнымъ чистымъ доходомъ частныхъ лицъ, а только съ чистымъ доходомъ страны въ сложности. Онъ не можетъ этого, потому-что въ каждой странѣ есть извѣстный % людей, проживающихъ не чистый доходъ, а свои капиталы, и потому налогъ всегда будетъ захватывать часть этого дохода, хотя бы въ видѣ косвенныхъ налоговъ. Вопросъ, слѣдовательно, состоитъ въ томъ, чтобы налогъ въ его сложности оставлялъ свою долю для сбереженія и предпріятій націи вообще, а не всякаго отдѣльнаго частнаго лица. Но упомянутое замѣчаніе пріобрѣтаетъ серьёзное значеніе въ примѣненіи къ такимъ малонаселеннымъ мѣстностямъ, какія встрѣчаются въ предѣлахъ Россіи, въ которыхъ земля и имущество имѣютъ сами по себѣ весьма малую цѣнность по недостатку населенія, и гдѣ мѣрой дохода служитъ пока еще рабочая сила. Здѣсь можно впасть въ весьма грубую ошибку, исчисляя доходъ по землѣ или имуществу, не принимая въ соображеніе рабочихъ силъ; ибо здѣсь бездоходность земли и имуществъ составляетъ явленіе не исключительное, а часто естественное и неустранимое. Во всякомъ случаѣ очевидно, что разсчетъ налога по одному количеству земли составляетъ способъ столь же приблизительный, какъ и разсчетъ его по душамъ,—только одинъ разсчетъ болѣе подходитъ къ мѣстности, достаточно густо заселенной, другой болѣе

справедливъ для мѣстностей недостаточно заселенныхъ. Но тотъ же способъ становится гораздо болѣе точнымъ, если принимають въ соображеніе не одно количество, но качество и вообще доходность отдѣльныхъ облагаемыхъ мѣстностей и статей. Въ такомъ случаѣ имущественный налогъ обращается уже собственно въ подоходный и онъ еще ближе сливается съ такимъ, если самое обложеніе устанавливается не по цѣнѣ имущества, а по величинѣ дохода, хотя такой налогъ въ практикѣ иногда и не носитъ названія *подоходнаго*. Европейскія государства придерживаются до сихъ поръ такого усовершенствованнаго имущественнаго налога по отношенію къ недвижимой собственности. Такой налогъ по отношенію къ землѣ и недвижимостямъ существуетъ во Франціи, Австріи и Италіи, и даже Англіи, а у насъ въ видѣ поземельнаго сбора и подымной подати въ царствѣ польскомъ.

Названіе подоходнаго налога было спеціально присвоено нѣкоторымъ видамъ налоговъ, введеннымъ въ позднѣйшее уже время для обложенія такихъ доходовъ, которые не облагались ранѣе. Подоходной налогъ введенъ въ Англіи для всякаго вида дохода, какъ отъ земли и недвижимыхъ имуществъ, такъ и движимыхъ и личныхъ заработковъ; во Франціи, Италіи и Австріи — съ имуществъ движимыхъ и личныхъ профессій; въ Пруссіи — классный и классифицированный налоги.

Общимъ основаніемъ такого налога во всѣхъ названныхъ государствахъ служитъ чистый доходъ частныхъ лицъ или отдѣльныхъ имуществъ, который опредѣляется или собственными показаніями плательщиковъ, повѣряемыми затѣмъ спеціальными лицами, или прямо особыми лицами и учрежденіями съ правомъ обжалованія распоряженій послѣднихъ въ высшія инстанціи.

Затѣмъ въ однихъ государствахъ доходъ этотъ опредѣляется въ общей суммѣ на каждое лицо со всѣхъ его имуществъ, капиталовъ и пр. — такъ въ Пруссіи; въ другихъ — Италіи, Австріи — онъ опредѣляется по отдѣльнымъ видамъ имуществъ и заработковъ. Въ первомъ случаѣ онъ взыскивается съ общей суммы съ отдѣльныхъ лицъ, во второмъ — съ общей суммы имуществъ каждаго разряда.

Въ общей суммѣ съ дохода каждаго лица прямой налогъ взыскивается изъ названныхъ государствъ только въ Пруссіи; въ остальныхъ государствахъ налогъ этотъ слагается изъ отдѣльныхъ налоговъ, взыскиваемыхъ съ доходовъ отъ имуществъ различныхъ категорій. Категоріи эти въ сущности однѣ и тѣ же и сводятся къ тремъ доходамъ, отъ торговли и промысловъ, отъ процентныхъ бумагъ и капиталовъ, и отъ личныхъ занятій;

въ Англіи, гдѣ подоходная подать распространяется на доходы отъ земледѣлія, къ этимъ категоріямъ присоединяются доходы отъ земель и строеній, и арендъ.

При этомъ вездѣ извѣстные доходы исключаются вовсе отъ обложенія. Въ Австріи отъ подоходнаго налога на торговлю и промыслы избавлены лица, получившія простыя свидѣтельства на фабричныя и ремесленныя занятія, мелочные торговцы, разносчики, всѣ свободные ремесленники въ городахъ, художники, частные преподаватели и занимающіяся перевозкой вещей и людей. Отъ налога на доходъ съ капиталовъ освобождены: проценты сберегательныхъ кассъ, сиротскіе капиталы, а въ категоріи личныхъ занятій—второстепенные рабочіе и поденщики, оклады солдатъ и офицеровъ, состоящихъ на дѣйствительной службѣ, вообще такіе доходы этого рода, которые не превышаютъ 630 гульденовъ въ годъ на одно лицо. Наконецъ, изъемлются всякіе виды дохода, не превышающаго 315 гульденовъ въ годъ на одно лицо.

Въ Италіи—доходъ отъ торговли и промышленности и личныхъ профессій, когда сумма ихъ вмѣстѣ съ суммою дохода отъ ипотечныхъ долговъ или иныхъ обязательствъ не превышаетъ 400 лиръ; военные чины ниже офицера, и суммы, предоставленныя должностнымъ лицамъ на обязательные расходы.

Во Франціи—жители общинъ, въ которыхъ нѣтъ налога на потребленіе, доходъ которыхъ менѣе 400 фр., граждане въ какихъ бы то ни было общинахъ съ населеніемъ менѣе 25,000, если доходъ ихъ менѣе 800 фр. Кромѣ того: задѣльная плата рабочихъ, содержаніе нижнихъ чиновъ военнаго, морского и таможеннаго вѣдомствъ, наконецъ, учрежденія благотворительныя и воспитательныя.

Въ Англіи—вообще доходы ниже 100 фунт. ст., кромѣ доходовъ отъ пожизненныхъ рентъ, процентовъ и дивидендовъ, получаемыхъ изъ общественныхъ кассъ или состоящихъ подъ общественнымъ надзоромъ; зданія и земли, заведенія благотворительныя, госпитали, пріюты, общественныя школы, университеты и ученыя учрежденія, благотворительныя общества и учрежденія, сберегательныя кассы, учрежденія взаимной помощи, фонды которыхъ не превышаютъ 200 фунт. ст. и годичныя выдачи 30 фунтовъ.

Въ Пруссіи—лица, не имѣющія сполна 16 лѣтъ, состоящія на службѣ, рядовые и унтеръ-офицеры съ семействами, бѣдняки, пользующіеся общественнымъ вспоможеніемъ.

Отсюда видимъ, что изъятія отъ подоходнаго налога во всѣхъ

государствахъ приблизительно вращаются около одинаковыхъ разрядовъ лицъ и доходовъ.

Что касается самаго *размѣра* подоходной подати, то онъ слѣдующій:

Въ Австріи, для доходовъ отъ торговли, промысловъ и доходовъ съ капиталовъ и съ государственныхъ процентныхъ бумагъ налогъ составляетъ 5% съ чистаго дохода. Съ дохода же отъ личныхъ профессій чиновниковъ, адвокатовъ и пр., а также пенсій, налогъ этотъ—прогрессивный, составляя для дохода отъ 630 до 1050 гульденовъ 1% съ чистаго дохода; для доходовъ отъ 8,400 до 9,450 гульденовъ онъ взыскивается въ размѣрѣ 9%, а свыше 9,450 гульденовъ въ размѣрѣ 10% съ чистаго дохода.

Въ Италіи, подоходный налогъ какъ съ торговли, такъ и капиталовъ и личныхъ профессій взыскивается вообще въ размѣрѣ 8% съ чистаго дохода.

Во Франціи, налогъ съ доходовъ отъ движимыхъ имуществъ въ размѣрѣ 3%.

Въ Англіи, по 4 пенса съ фунта или $^4/_{240}$=1,6%, съ арендаторовъ же земель половина этой нормы.

Въ Пруссіи: налогъ этотъ представляетъ два вида: 1) *классный* налогъ дѣлится на три разряда, смотря по величинѣ дохода: доходъ перваго разряда платитъ отъ 13 пфениговъ до 76 пфениговъ въ мѣсяцъ, второй отъ 100 до 250 пфениговъ, третій отъ 3 до 6 марокъ; 2) *классифицированный* налогъ составляетъ отъ 7 марокъ до 1,800 марокъ въ мѣсяцъ, смотря по величинѣ дохода съ тѣмъ условіемъ, чтобы годовой размѣръ не превышалъ 3% съ чистаго дохода.

Такимъ образомъ %, въ которомъ подоходный налогъ взыскивается въ различныхъ государствахъ, весьма различенъ и въ этомъ отношеніи изъ приведенныхъ данныхъ нельзя вывести какого-либо общаго правила, кромѣ развѣ того, что % этотъ не превышаетъ въ крайнихъ случаяхъ 8 или 10%, такъ что обложеніе отдѣльныхъ доходовъ до этихъ предѣловъ не можетъ считаться противорѣчащимъ общепринятымъ пріемамъ.

Разнообразіе же въ процентахъ обложенія происходитъ частью оттого, что подоходный налогъ нигдѣ не составляетъ всей суммы прямыхъ налоговъ и входитъ только какъ часть въ общую систему другихъ прямыхъ налоговъ, взыскиваемыхъ съ имущества, и притомъ въ различныхъ государствахъ въ различной степени, такъ что величина % обложенія, принятая въ томъ или другомъ государствѣ для подоходнаго налога, собственно ничего не говоритъ о мѣрѣ или тягости обложенія, въ нихъ существующаго.

Что касается, наконецъ, самыхъ способовъ опредѣленія и взысканія, то они въ различныхъ государствахъ также не одинаковы.

Въ Австріи, доходъ каждаго лица, подлежащаго обложенію, опредѣляется прежде всего его личнымъ показаніемъ; но при этомъ изъемлются доходы отъ капиталовъ, отданныхъ въ ссуду, рентъ, государственныхъ и общественныхъ фондовъ, дивидендовъ, налогъ съ которыхъ взыскивается непосредственно, посредствомъ удержанія слѣдующаго процента кассами и учрежденіями или лицами, которыя получаютъ означенный доходъ и затѣмъ вносятъ его въ казну.

Въ Италіи, общая сумма подоходнаго налога, подлежащаго сбору, раскладывается по провинціямъ, которыя распредѣляютъ ихъ между отдѣльными общинами; распредѣленіе же на отдѣльныхъ лицъ основывается на показаніяхъ отдѣльныхъ лицъ объ ихъ доходахъ. Исключеніе дѣлается для опредѣленныхъ окладовъ, получаемыхъ изъ государственной казны, налогъ съ которыхъ прямо удерживается казной.

Во Франціи, по проекту національнаго собранія, основаніемъ взиманія должны были служить окладныя вѣдомости спеціальныхъ для каждаго кантона коммиссій, которыя, собирая необходимыя для обложенія свѣдѣнія, опредѣляли бы сумму слѣдующую съ каждаго плательщика.

Въ Англіи, общимъ основаніемъ обложенія служатъ собственныя показанія отдѣльныхъ плательщиковъ: на основаніи ихъ слѣдующіе съ отдѣльныхъ лицъ платежи опредѣляются фискальнымъ коммиссаромъ.

Въ Пруссіи, отнесеніе отдѣльныхъ лицъ къ тому или другому изъ трехъ классовъ для классной подати производится коммиссіями, состоящими изъ начальниковъ общинъ и членовъ, избираемыхъ общинными совѣтами. Оцѣнка отдѣльныхъ доходовъ для *классифицированной* подати производится особыми коммиссіями подъ предсѣдательствомъ особаго, назначеннаго отъ окружнаго начальства, коммиссара и членовъ, $^1/_3$ коихъ принадлежитъ къ окружному или общинному представительству и $^2/_3$ изъ подлежащихъ налогу жителей.

Такимъ образомъ въ однихъ государствахъ дается болѣе широкое примѣненіе началу взиманія съ общаго дохода отдѣльныхъ лицъ, какъ въ Пруссіи; въ другихъ — Италіи и Австріи — это начало ограничивается лишь тѣми случаями, гдѣ налогъ не можетъ быть опредѣленъ и взятъ непосредственно съ отдѣльныхъ видовъ дохода.

Обращаясь къ числамъ, которыя доставляются въ различныхъ государствахъ отдѣльными видами прямыхъ податей, взыскиваемыхъ съ имуществъ или доходовъ отъ нихъ, приводимъ ихъ отдѣльно для налоговъ отъ недвижимыхъ имуществъ, и движимыхъ.

Налоги съ недвижимыхъ имуществъ, земель и домовъ:

	Земли.	Дома.	Особыя подати: подоходная подать		Всего.
Англія	6.884	10.067	съ недвижимыхъ	18.973	37,924
			съ арендаторовъ	2,00	
Франція	43,37	10,41 (окна и			53,78
Австрія	22,78	14,6 двери)			37,38
Пруссія	12,048	6,293			18,341
Италія	30,95	15,33			46,28

Налогъ съ движимыхъ имуществъ, промысловъ, торговли и профессій:

Англія.		Франція.		Австрія.	
Съ рентъ и дивиденд.	4,790	Съ лицъ и движ.	15,340	Подоходной подати	20,80
Съ ремеслъ и торгов.	25,792	Съ пром. и торг.	30,010	Прочихъ сборовъ	9,73
Съ должностн. лицъ	3,009	Прочіе сборы	0,146		
	33,591		45,496		30,53

Пруссія.	
Классный налогъ	12,446
Классифицированный	9,405
Ремесленныя подати	5,624
Съ желѣзныхъ дорогъ	0,904
Прочихъ сборовъ	0,177
	28,556

Италія.	
Съ движимостей и капиталовъ вообще	43,396
Съ промысловъ и личныхъ занятій	38,612
	82,008

Таблица эта показываетъ, что налогъ отъ земель для приведенныхъ государствъ почти равняется удвоенному налогу отъ строеній; затѣмъ сумма тѣхъ и другихъ, кромѣ Пруссія—гдѣ онъ ниже, чѣмъ въ остальныхъ государствахъ — колеблется отъ 37 до 53 милл. руб.

Налоги же съ движимостей, торговли и промысловъ и прочихъ профессій въ Англіи, Франціи и Австріи почти равны налогамъ съ недвижимостей или нѣсколько менѣе ихъ; въ Италіи же и Пруссіи превышаютъ налогъ отъ недвижимости вдвое. Иными словами, въ общихъ суммахъ прямыхъ налоговъ не встрѣчается вовсе того разнообразія, какого можно было бы ожидать на основаніи различія въ процентахъ обложенія, принятыхъ для подоходной подати въ отдѣльныхъ государствахъ. Напротивъ, эти суммы и даже отношенія между итогами податей съ различныхъ видовъ имущества представляютъ

нѣкоторую правильность. Въ общихъ же ихъ суммахъ налоги эти очевидно гораздо болѣе сообразуются съ доходами, которыхъ стараются достигнуть отдѣльныя государства, или съ величиной потребностей государствъ, чѣмъ съ относительнымъ богатствомъ отдѣльныхъ странъ. Поэтому же проценты обложенія неизбѣжно должны быть выше, и самые налоги тяжелѣе въ болѣе бѣдныхъ государствахъ, чѣмъ болѣе богатыхъ; такъ оно по-крайней-мѣрѣ есть на самомъ дѣлѣ въ государствахъ Европы. Но эти общіе, вытекающіе изъ всей суммы прямыхъ налоговъ, проценты обложенія для отдѣльныхъ странъ не имѣютъ ничего общаго съ процентами, принятыми въ нихъ для *подоходной* подати, потому именно, что подать эта существуетъ только какъ дополненіе другихъ видовъ податей и входитъ въ общую сумму налоговъ въ различныхъ государствахъ въ различной степени.

Общій выводъ, который мы можемъ сдѣлать изъ предыдущаго изложенія, заключается въ слѣдующемъ:

Существующія системы прямыхъ налоговъ въ европейскихъ государствахъ представляютъ историческое наслоеніе нѣсколькихъ отдѣльныхъ видовъ налоговъ, между которыми подоходный налогъ составляетъ послѣднее звено. Послѣднее не только по времени установленія этого налога, но по самому его принципу; такъ какъ здѣсь начало обложенія по доходу нашло наиболѣе точное примѣненіе.

При такихъ условіяхъ, когда рѣчь идетъ о преобразованіи системы прямыхъ налоговъ во всемъ объемѣ, не можетъ быть, конечно, рѣчи о подражаніи какой-либо изъ западныхъ системъ обложенія въ точности, а только о наиболѣе совершенномъ приложеніи къ новой системѣ русскихъ прямыхъ налоговъ общаго начала подоходности.

При этомъ нельзя не обратить вниманія, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ начало подоходности можетъ быть проведено въ болѣе строгомъ видѣ, именно въ тѣхъ, гдѣ самый дѣйствительный доходъ составляетъ величину явную и легко уловимую, какъ, напримѣръ, относительно дохода отъ % бумагъ, акцій, жалованья и окладовъ чиновниковъ и пр.; въ другихъ, чистый доходъ можетъ быть опредѣленъ только приблизительно и болѣе или менѣе гадательно,—такъ относительно доходовъ отъ земли, фабрикъ, дохода докторовъ, маклеровъ, адвокатовъ и пр.

Въ этихъ случаяхъ естественное обложеніе можетъ основываться только на предполагаемомъ доходѣ. Въ этомъ выводѣ заключается общее начало, которое должно быть положено въ основаніи нашей системы обложенія. Что же касается самаго

способа подоходнаго обложенія, то изъ двухъ возможныхъ при этомъ порядковъ обложенія отдѣльныхъ видовъ имущества и ихъ дохода и обложенія отдѣльныхъ лицъ по всей суммѣ ихъ дохода, осторожность и удобство заставляютъ несомнѣнно остановиться на первомъ, т.-е. послѣдовательномъ обложеніи отдѣльныхъ видовъ имущества и доходовъ, тѣмъ болѣе, что этотъ способъ есть господствующій и въ податныхъ системахъ европейскихъ государствъ.

Опредѣленіе налоговъ по доходу, получаемому лицами отъ извѣстныхъ предпріятій, основанное на специальномъ предварительномъ опредѣленіи дохода отъ такихъ предпріятій, представляется неизбѣжнымъ для нѣкоторыхъ видовъ предпріятій по невозможности учесть и обложить этотъ доходъ инымъ путемъ. Таковы, напримѣръ, всѣ заводы и фабрики не-акціонерные, не имѣющіе открытыхъ балансовъ, и личные доходы отдѣльныхъ профессій. Но въ распространеніи этого способа на всѣ доходы отдѣльныхъ лицъ не представляется вовсе необходимости, такъ какъ этотъ доходъ опредѣляется проще иными путями, для цѣлаго ряда доходовъ; а вмѣстѣ съ тѣмъ не представляется и пользы отъ установленія налога по полному доходу отдѣльныхъ лицъ отъ различныхъ видовъ имущества. Способъ этотъ, хотя и принимается въ нѣкоторыхъ государствахъ западной Европы, не соединяетъ однако тѣхъ совершенствъ, которыя ему приписываютъ à priori, а напротивъ, страдаетъ тѣми недостатками, которые ставятъ его ниже способовъ обложенія отдѣльныхъ статей и заставляетъ прибѣгать къ нему только въ тѣхъ случаяхъ, когда опредѣлить налогъ невозможно инымъ путемъ.

Способъ этотъ, во-первыхъ, слишкомъ сложенъ, обходится дороже, сопряженъ съ естественнымъ уклоненіемъ значительной части дохода отъ налога, злоупотребленій, и наконецъ все-таки неравномѣренъ, ибо доходъ отдѣльныхъ лицъ, какъ бы онъ ни былъ точно опредѣленъ, измѣняется. Основываясь на личныхъ показаніяхъ каждаго, провѣряемыхъ затѣмъ фискальными чиновниками, онъ долженъ быть естественно сопряженъ со всѣми приведенными недостатками. Онъ представляетъ излишнее усложненіе тамъ, гдѣ налогъ съ дохода можетъ быть опредѣленъ и взятъ проще инымъ путемъ и потому сопряженъ съ меньшимъ расходомъ по взиманію. Наконецъ, онъ представляетъ довольно широкое поприще для утайки доходовъ умышленныхъ или даже естественныхъ, такъ какъ не всегда самое лицо можетъ опредѣлить въ точности свои доходы изъ года въ годъ измѣняю-

щіеся, вслѣдствіе чего способъ этотъ доставляетъ казнѣ менѣе налога.

У насъ же, по его новизнѣ и сложности процедуры, всѣ эти недостатки должны были бы сказаться еще въ бо́льшей степени, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, такъ что въ результатѣ, тратя много, казна получила бы менѣе, чѣмъ можно, и недостаточно все-таки уравнительное обложеніе. Вслѣдствіе этого мы и полагаемъ, что форму эту слѣдуетъ вообще отвергнуть. Вообще же слѣдуетъ принять за основаніе самостоятельное обложеніе отдѣльныхъ статей дохода по ихъ категоріямъ.

Въ такомъ случаѣ спеціальное изслѣдованіе дохода окажется необходимымъ только для такихъ имуществъ и статей, доходъ которыхъ не опредѣляется иначе; такъ, напримѣръ, частныхъ фабрикъ, промысловыхъ заведеній, конторъ и нѣкоторыхъ личныхъ профессій. Но и здѣсь, по крайней мѣрѣ, что́ касается личныхъ профессій, изслѣдованіе можетъ ограничиться предѣлами, необходимыми для опредѣленія лишь общихъ суммъ, которыя могутъ быть взяты съ той или другой категоріи профессій по мѣстностямъ; самое же распредѣленіе этихъ суммъ по отдѣльнымъ лицамъ можетъ быть предоставлено самимъ обществамъ и корпораціямъ, къ которымъ принадлежатъ эти лица.

III.

По приложенію къ государственной росписи на 1880 г. вся сумма прямыхъ налоговъ, взыскиваемыхъ по департаменту окладныхъ сборовъ, равняется 118.838,520 руб. Изъ этой суммы нашему обсужденію должны подлежать:

1. Подушная подать съ сельскихъ сословій, состоящихъ на общихъ окладахъ; 2. Окладной сборъ съ мѣщанъ.

съ бывшихъ госуд. крестьянъ	25.596,054
„ „ помѣщичьихъ	23.634,042
„ „ удѣльныхъ	2.631,037
	51.861,133
	1.360,868
	53.222,001

Затѣмъ изъ общей суммы прямыхъ налоговъ исключаются: 1) Оброчная подать государственныхъ крестьянъ и лѣсной налогъ, включенный во владѣльческія записи; половинная оброчная подать, платимая переселенцами на томъ же основаніи, какъ и выкупные платежи бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, состав-

ляя особую экономическую статью дохода отъ государственныхъ земель (35.370,000). 2) государственный поземельный (подесятинный налогъ на государственныя повинности) 7.515,091 р.— Впрочемъ, что касается оброчной подати для государственныхъ крестьянъ и государственнаго подесятиннаго сбора на земскія повинности, то они могутъ быть преобразованы на тѣхъ же началахъ, которыя будутъ приняты и для общихъ податей одновременно съ преобразованіемъ послѣднихъ и исключаются нами, какъ спеціальныя статьи для того, чтобы не усложнять разсчета. Далѣе, 3) Налогъ съ недвижимыхъ имуществъ въ городахъ, посадахъ и мѣстечкахъ. 4) Окладные сборы съ лицъ и мѣстностей, состоящихъ на особомъ положеніи. 5) Прямые налоги царства польскаго,—всѣ три какъ не входящіе въ систему предполагаемаго преобразованія. Изъ означенной суммы, на сельскія сословія, т.-е. крестьянъ, упадаетъ почти вся, кромѣ окладного сбора съ мѣщанъ (1.365,868 р.), т.-е. 51,861,133 р. или круглымъ счетомъ 52 милл. руб. Сумма эта, еслибы она дѣйствительно уплачивалась съ дохода отъ земли, подлежала бы раскладкѣ по землѣ между крестьянскимъ и землевладѣльческимъ сословіемъ. Но главное затрудненіе, рождающееся при ея распредѣленіи, заключается въ томъ, что собственно крестьянскія земли никогда не въ состояніи были бы вынести этого налога и что значительная его часть лежала бы на постороннихъ заработкахъ крестьянъ. Теперь извѣстная часть этого налога должна перейти на землевладѣльческій классъ, но только часть, соотвѣтствующая доходу этого класса отъ земли, не принимая въ разсчетъ промышленныя предпріятія этого класса, какъ-то: сахарныхъ заводовъ, винокурень, сыроварень, лѣсопиленъ, мельницъ и проч., подлежащихъ особому обложенію; на крестьянахъ же должна остаться часть, соотвѣтствующая какъ ихъ доходу отъ земли, такъ и отъ заработковъ.

По первоначальному проекту податной коммиссіи предполагалось возможнымъ обратить на землю не болѣе 8.057,278 руб., но при этомъ вводилась особая подворная подать съ крестьянскихъ дворовъ, которая собственно и должна была относиться къ крестьянскимъ заработкамъ и на послѣдніе обращался почти весь остальной крупный остатокъ прямого налога на однихъ крестьянъ. Очевидно, что при такихъ условіяхъ: 1) почти вся подать оставалась на тѣхъ же крестьянахъ, ибо на землевладѣльцевъ переводилось всего, въ видѣ поземельной подати, остальные 2,5 мил. руб.

Очевидно, что распредѣленіе должно быть установлено на совершенно новыхъ основаніяхъ, болѣе отвѣчающихъ дѣйствительнымъ доходамъ отдѣльныхъ классовъ отъ земли; и такъ какъ въ настоящемъ случаѣ рѣчь идетъ только о распредѣленіи общей суммы налоговъ на самыя общія категоріи, а не о распредѣленіи ихъ по мѣстностямъ и лицамъ, то оно и не можетъ представить особенныхъ затрудненій. При этомъ лучше всего принять за основаніе такой способъ, который, соблюдая интересы обоихъ классовъ, между которыми сумма налога подлежитъ распредѣленію, вмѣстѣ съ тѣмъ отвѣчалъ бы дѣйствительному положенію, въ которомъ находится въ настоящее время сельское хозяйство. Въ этомъ смыслѣ, основаніемъ для разсчета дѣйствительнаго чистаго дохода, получаемаго землевладѣльцами, можетъ ближе всего служить выработанный самой жизнью и распространившійся особенно среди переходнаго положенія, въ которомъ находится наше сельское хозяйство за послѣднее время,— способъ отдачи помѣщиками своихъ земель крестьянамъ изполу. Этотъ способъ, къ которому прибѣгаютъ землевладѣльцы, конечно, въ тѣхъ лишь случаяхъ, когда они не надѣются получить высшаго дохода при иномъ способѣ эксплуатаціи своихъ земель, долженъ поэтому служить средствомъ опредѣленія минимальнаго, получаемаго землевладѣльцами, дохода. Иными словами, доходъ съ владѣльческихъ земель, разсчитанный этимъ способомъ, во всякомъ случаѣ долженъ быть ниже дѣйствительнаго. Придерживаясь его, мы прежде всего и опредѣлимъ часть налога, которая можетъ быть переложена на собственно помѣщичьи земли.

Общее количество всей земли, бывшей у помѣщиковъ и крестьянъ, опредѣляется круглой суммой въ 105.200,000 десятинъ. Одна треть этой суммы, 35.779,014 дес. перешла къ крестьянству, а 69.421,094 десятинъ или $^2/_3$ остались у помѣщиковъ.

Количество земли, равное собственно крестьянскому надѣлу, составляетъ въ этой суммѣ 31.839,547 дес. или менѣе половины, оставшейся у землевладѣльцевъ земли. Если примемъ, что только эта земля обработывалась ранѣе и продолжаетъ обработываться теперь, и представимъ на минуту, что она отдана изполу, то чистый доходъ отъ нея при трехпольномъ хозяйствѣ по среднемъ урожаѣ въ 4,2 на десятинѣ, доставитъ

$$^2/_3 \frac{32}{2} \text{ милл. } 4{,}2 = 44{,}8 \text{ милл. четв. ржи,}$$

которыя по 5 руб. за четверть дадутъ

224 милл. рублей.

Среднiй урожай для помѣщичьихъ земель принятъ въ 4,2 по слѣдующему разсчету. Чистый сборъ хлѣбовъ съ пищевой площади Европейской Россiи по Янсону [1]) составляетъ (за вычетомъ посѣва) 246.983,300 гектолитровъ пшеницы. Пищевая поверхность 52.456,780 дес. или 4,7 гектол. или 2,23 четверти пшеницы на 1 дес., и слѣдовательно по $\frac{10}{8}$. 2,73 = 2,8 четверт. ржи съ десятины.

Допуская, что чистый урожай на крестьянскихъ поляхъ составляетъ $^1/_2$ урожая на помѣщичьихъ, и что пространство всей пахатной крестьянской земли, какъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, такъ и государственныхъ, взятое вмѣстѣ, составляетъ 60 м. дес., т.-е. превышаетъ вдвое предположенную только-что подъ обработкой землю помѣщиковъ, получимъ для средняго урожая 2,8 со всѣхъ земель слѣдующее выраженiе:

$$2{,}8 = \frac{x + {}^1/_2\, x - 2}{3}$$

гдѣ x урожай на помѣщичьихъ земляхъ. Откуда урожай на помѣщичьихъ земляхъ 4,2, а на крестьянскихъ 2,1 четв.

Ниже выведенной нормы нельзя положить земледѣльческiй доходъ землевладѣльцевъ, такъ какъ затѣмъ въ ихъ распоряженiи остается еще 30 слишкомъ милл. свободной земли и, слѣдовательно, доходы отъ луговъ, лѣсовъ, молока, масла, садовъ и проч. вовсе не приняты въ разсчетъ.

Такая же сумма, т.-е. другая половина дохода съ помѣщичьей земли, остающаяся крестьянамъ, и представляетъ очевидно сумму всѣхъ крестьянскихъ заработковъ на частныхъ земляхъ отъ земледѣлiя и притомъ возможныхъ въ лучшемъ случаѣ, т.-е. предполагая, что испольная система распространена на всѣ помѣщичьи земли. Между тѣмъ во многихъ случаяхъ эти заработки должны быть меньше, такъ какъ помѣщикъ, очевидно, въ тѣхъ случаяхъ, когда не сдаетъ земли исполу, а обработываетъ ее руками тѣхъ же крестьянъ по найму, въ результатѣ долженъ находить это выгоднѣе и, слѣдовательно, получить долю урожая бо́льшую, чѣмъ половина. Поэтому, принимая доходъ крестьянъ отъ ихъ заработка на владѣльческихъ земляхъ равнымъ чистому доходу на тѣхъ же земляхъ самихъ владѣльцевъ, мы во всякомъ случаѣ скорѣе преувеличиваемъ, чѣмъ уменьшаемъ этотъ доходъ. Поэтому сумма 224 милл. и должна собственно выразить максимумъ дохода крестьянъ всѣхъ наименованiй отъ земледѣльческихъ заработковъ на помѣщичь-

[1]) Сравнительная Статистика. Т. II.

ихъ земляхъ, на который можетъ быть обращенъ нами налогъ. Затѣмъ остается опредѣлить ихъ чистый доходъ отъ собственной земли.

Земельные надѣлы помѣщичьихъ крестьянъ едва-ли были-бы достаточны для ихъ прокормленія; а если принять въ разсчетъ, что на нихъ должны лежать притомъ еще выкупные платежи, земскіе сборы и, сверхъ того, значительная сумма косвенныхъ налоговъ, то ихъ, очевидно, слѣдуетъ вовсе исключить изъ разсчета, какъ не оставляющіе чистаго дохода.

Дѣйствительно у помѣщичьихъ крестьянъ земли 32 милл. десятинъ. Если даже $^2/_3$ ихъ подъ посѣвами, то при урожаѣ въ 2 четверти онѣ доставятъ

$$32.\,^2/_3.\,2 = \frac{128}{3} = 42{,}7 \text{ милл. четв.}$$

Помѣщичьихъ крестьянъ обоего пола около 19 милл., и такъ какъ для прокормленія одной души считается не менѣе 2,3 четвертей, то урожая ихъ дѣйствительно почти только достаетъ на одно прокормленіе.

Остаются земли крестьянъ государственныхъ и удѣльныхъ, въ общей сложности на душу превышающія почти вдвое земли бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, какъ это видно изъ слѣдующей таблицы:

	Число душъ.	Колич. земли.
Крестьяне государственные . . .	8.531,346	58.007,549 (надѣла) 2.003,634 (собственной)
Удѣльные	851.334	3.565,899
Бывшихъ помѣщичьихъ.	9.795,163	35.779.014

Для того, чтобы опредѣлить, какой придатокъ къ означенной чистой выработкѣ могутъ доставить государственные крестьяне, нужно опредѣлить предварительно, какое количество рабочей силы потребуется для вычисленнаго выше заработка на помѣщичьихъ земляхъ, и какое останется свободнымъ. 40 милл. крестьянъ обоего пола по 2,5 четверти потребятъ 100 милл. четвертей хлѣба по 2,1 четверти урожая съ десят., они потребуютъ 100 милл. десятинъ земли или 66 милл. дес. пашни (въ остаткѣ у крестьянъ 100—66=34 милл. десятинъ). Для обработки ихъ потребуется не менѣе 8 милл. работниковъ или 4 милл. для бывшихъ государственныхъ крестьянъ и 4 милл. для б. помѣщичьихъ. Считая по 18 милл. обоего пола тѣхъ и другихъ, и изъ нихъ 50% рабочихъ и полурабочихъ, у тѣхъ и другихъ остается около половины свободныхъ рабочихъ рукъ, т.-е. по 4 милл., и всего 8 милл. Обработка 30 милл. десятинъ помѣ-

щичьей земли займетъ (по формулѣ для одной дес. $4,8+6,7 \cdot 4,2=33$ дес.) [1]): $30.33=990$ милл. десят., или $\frac{990}{150}=6,9$ милл. рабочихъ, остается 1,3 милл. рабочихъ, которые на земляхъ государственныхъ крестьянъ, остающихся отъ прокормленія свободными, могутъ обработывать $\frac{1,3.150}{18,2}=10,7$ милл. десятинъ. Они доставятъ (на крестьянской землѣ) $10,7.2.{}^{2}/_{3}=14,3$ милл. четвертей ржи или по 5 руб. за четверть—71,5 м. руб. Слѣдовательно, весь чистый доходъ:

1) помѣщиковъ отъ ихъ земли	224	милл. руб.
2) крестьянъ отъ заработковъ на помѣщичьихъ земляхъ . .	224	„ „
3) государственныхъ земель	71,5	„ „
Всего доходъ крестьянъ. . .	295,5	„ „

Изъ этой суммы крестьяне уплачиваютъ питейный и соляной сборъ по меньшей мѣрѣ по 190,5 милл. рублей, остается 95 милл. руб., на которые можетъ быть обращенъ поземельный налогъ съ крестьянъ, который долженъ быть распредѣленъ на бывшихъ помѣщичьихъ и государственныхъ крестьянъ пропорціонально количеству ихъ пахатной земли.

У бывшихъ помѣщ. крестьянъ 30 милл. десят.

У государственныхъ » $30+10,7=40,7$ милл. дес.

Слѣдовательно, приходится дохода:

На долю бывшихъ помѣщ. крестьянъ $\frac{30}{70,7}95$ м. $=39$ милл.

На долю государ. и удѣльныхъ $\frac{40,7}{70,7}95=56$ милл. руб.

Если же изъ дохода помѣщиковъ исключить 4 милл. на косвенные налоги, то на ихъ долю придется все-таки 220 м. р. дохода. Если 50 милліоновъ подушной подати должно быть разложено на эти три разряда лицъ пропорціонально ихъ чистому доходу отъ земли, то придется налога:

На долю:

Помѣщиковъ . . . . $\frac{220}{315}50$ м. — $0,7.50=35$ милл.

Государств. и удѣльныхъ . . . $\frac{56,50}{315}$ $0,17.50=8,5$ милл.

Бывшихъ помѣщ. крестьянъ . . $\frac{39,50}{315}$ $0,13.50=6,5$ милл.

---

[1]) Число рабочихъ рукъ, потребное для обработки, опредѣлено по слѣдующей формулѣ стоимости обработки 1 дес. урожая при трехпольной системѣ въ рабочихъ дняхъ:

$$4,8+6,7x,$$

гдѣ x урожай, и первый членъ выражаетъ приготовительныя работы, второй—уборочныя; затѣмъ 1 земледѣльческій работникъ принятъ равнымъ 150 днямъ.

При этомъ налогъ долженъ былъ бы составить 15% чистаго дохода отъ земли.

Такое обложеніе въ сравненіи съ существующимъ въ Европѣ было бы слишкомъ высоко. Конечно, можно сказать, что и при этомъ обложеніи крестьянъ 15-ю милл. налога, вмѣсто 50-ти, которые они платятъ въ настоящее время, было бы чистымъ благодѣяніемъ, что для землевладѣльцевъ налогъ этотъ разсчитанъ собственно по доходу отъ 1/2 находящейся въ ихъ распоряженіи земли, что мы должны принять еще доходъ отъ помѣщичьихъ лѣсовъ.

Несмотря на то, мы считаемъ такое обложеніе все-таки слишкомъ высокимъ. Земля и земледѣліе даютъ вообще болѣе низкій % въ сравненіи съ капиталомъ движимымъ, и должны облагаться поэтому вообще слабѣе. У насъ же, гдѣ земледѣліе находится въ переходномъ положеніи, должна быть приложена особенная забота къ его охраненію. Поэтому мы считаемъ правильнымъ опредѣлить налогъ съ поземельнаго дохода въ возможно низшемъ % и не выше 5% съ чистаго дохода. Въ этомъ размѣрѣ онъ доставитъ:

Отъ владѣльческихъ земель	5% 220=11	милл. р.
Отъ земель б. помѣщичьихъ крестьянъ	5% 39= 1,95	" "
Отъ земель крестьянъ государственныхъ и удѣльныхъ . .	5% 56= 2,8	" "
Итого. . . .	15,75	мил. р.

Къ этой суммѣ слѣдуетъ прибавить налогъ отъ землевладѣльческихъ лѣсовъ; но, оставивъ даже вовсе въ сторонѣ эту статью, оказывается, что вообще съ земель можетъ быть получено не менѣе 16 мил. налога.

Изложеннымъ способомъ опредѣляются общія суммы, которыя будутъ подлежать взысканію съ трехъ главныхъ разрядовъ землевладѣльцевъ; затѣмъ распредѣленіе общихъ суммъ по губерніямъ должно производиться министерствомъ финансовъ на основаніи имѣющихся данныхъ объ относительной доходности отдѣльныхъ мѣстностей въ землевладѣльческомъ смыслѣ. Распредѣленіе же итоговъ, опредѣленныхъ для губерній по уѣздамъ и затѣмъ по обществамъ и лицамъ, должно составить дѣло земскихъ учрежденій тѣмъ же порядкомъ, какимъ производится раскладка земскихъ сборовъ.

За вычетомъ изъ 50 милліоновъ прямого налога общей суммы 16 милл., которая можетъ быть взята съ земли, остается 34 милл. р., которые подлежатъ сбору съ другихъ источниковъ, то-есть съ

дохода отъ движимаго имущества, капиталовъ и заработковъ лицъ различныхъ профессій.

IV.

Налоги, которые намъ предстоитъ теперь разсмотрѣть, могутъ быть раздѣлены на три категоріи:

1) Налоги отъ промысловъ и торговли.

2) Налоги отъ денежныхъ и другихъ движимыхъ капиталовъ. Налоги отъ кредитныхъ операцій.

3) Налогъ отъ личныхъ промысловъ.

Въ каждой изъ этихъ категорій мы отдѣлимъ статьи, которыя могутъ быть обложены не требуя для этого приблизительнаго и спеціальнаго изслѣдованія дохода ихъ, и статьи, требующія такого изслѣдованія.

Обращаясь прежде всего къ промышленности и торговлѣ, слѣдуетъ замѣтить, что извѣстные виды предпріятій этого рода должны быть исключены изъ счета, такъ какъ они подлежатъ уже давно обложенію. Таковы промыслы табачный, винокуренный; а затѣмъ существуетъ цѣлая серія заводовъ, фабрикъ и промысловъ, не обложенныхъ до сихъ поръ вовсе.

Всѣ эти предпріятія ведутся въ двухъ различныхъ формахъ: личной, доходъ которой скрытъ отъ публики, или въ формѣ акціонерной, при которой доходы частью и капиталы во всякомъ случаѣ составляютъ извѣстную величину. Очевидно, что всѣ акціонерныя предпріятія могутъ быть обложены непосредственно. Обложеніе ихъ возможно установить всего лучше по ихъ чистому доходу въ тѣхъ случаяхъ, когда таковой извѣстенъ, или же по ихъ основному капиталу. На этомъ основаніи не трудно опредѣлить величину налога, какую можетъ доставить эта часть промышленныхъ предпріятій. Предпріятія эти представляютъ 5 видовъ: банковыя, торговыя и промышленныя въ собственномъ смыслѣ, страховыя, пароходныя и желѣзно-дорожныя. Къ сожалѣнію, свѣдѣнія, которыя мы имѣемъ подъ рукою, касаются только 1876 г. Чистый же доходъ намъ извѣстенъ только для банковъ, и притомъ за 1875 г.

Слѣдующая таблица представляетъ итоги основныхъ капиталовъ акціонерныхъ предпріятій по категоріямъ, какъ они показаны въ «Ежегодникѣ» министерства финансовъ за 1877 г. въ милл. руб.

	Основной капиталъ.		Итого
Банковъ коммерческихъ	90400,000 бум.	руб.	715.040,810 руб. бум.
„ земельныхъ	29.700,000		
Торговыхъ и промышленныхъ обществъ	371.880,700 бум.	руб.	
	51.725,500 мет.	„	
Страховыхъ	42.240,000 „	„	и
Пароходныхъ	48.109,000 бум.	„	1.297.364,716 руб. мет.
	3.600,000 мет.	„	
Желѣзныхъ дорогъ.	133.414,381 бум.	„	
	1.242.039,216 мет.	„	

Чистая прибыль банковъ (въ 1875 году) была:

Банковъ коммерческихъ и акціонерныхъ . .	10.843,000
Взаимнаго кредита.	1.863,000
	12.706,000
Банковъ земельныхъ акціонерныхъ	2.176,000
Взаимнаго кредита.	5.116,000
	7.292,000
	19.998,000

Чистый доходъ другихъ акціонерныхъ обществъ мы опредѣлимъ приблизительно по ихъ основному капиталу. Для этого замѣтимъ, что биржевая или дѣйствительная цѣна акцій всѣхъ обществъ должна вообще опредѣляться и дѣйствительно опредѣляется по одному и тому же для всѣхъ %, заключающемуся въ ихъ дивидендахъ. Процентъ этотъ въ настоящее время 8. Поэтому для всѣхъ акцій, стоящихъ не ниже капитальной цѣны, 8% отъ ихъ основного капитала представятъ минимумъ дохода, и въ дѣйствительности гораздо выше. Понятно однако, что только предпріятія, удовлетворяющія этому условію, дѣйствительно могутъ существовать на коммерческомъ основаніи, то-есть безъ искусственной посторонней поддержки; поэтому приведенное положеніе мы можемъ принять вообще справедливымъ для всѣхъ существующихъ частныхъ обществъ безъ правительственной гарантіи, или даже съ гарантіей, но дающихъ означенный % съ основного капитала. Противное можетъ быть только исключеніемъ, ибо недающія этого дохода общества собственно должны ликвидироваться. Слѣдовательно, налогъ, разсчитанный по основному капиталу, выразитъ во всякомъ случаѣ только минимумъ налога, который можетъ получить и въ дѣйствительности получитъ казна отъ предпріятій этой категоріи.

Доходъ отъ обществъ этого рода изъ 8% на основной капиталъ составитъ:

	Основной капиталъ.	Доходъ.
Общества торговыя и промышленныя		
кредитными руб.	371.580,700	44 м. кред.
металлическ. „	51.725,500	
или	(83.278,000 кред.)	
страховыя.	42.240,000	
пароходныя кредит.	48.109,000	
„ метал.	3.600,000	
	(5.796,000 кред.)	
Итого въ кредит. руб.	551.000,700	

Металлическіе рубли переведены въ кредитные по курсу 62 коп. за рубль, или при помноженіи на 1,61.

Искусственно существуетъ на средства правительства почти вся серія желѣзно-дорожныхъ обществъ, исключая нѣкоторыхъ: николаевской, московско-рязанской и курско-харьковской дороги; чистый доходъ для всей этой серіи, кромѣ названныхъ, опредѣляется по размѣру гарантіи и вообще можетъ быть принятъ какъ отъ акцій, такъ и облигацій, въ 5% съ основного капитала.

Основной капиталъ.		Чистый доходъ.
133.414,381	кредит. руб.	
1.242.039,216	метал. „	
	или	106.654,876 руб. кред.
1.999.683,132	кредит. „	
2.133.097,113	кредит. руб.	

Опредѣляя налогъ въ размѣрѣ 7% отъ чистаго дохода, получимъ:

Чистый доходъ		Всего налога.
Отъ банковъ	20 милл.	
Акціонерныхъ обществъ:		
Существующихъ на коммерч. основ.	44 „	11.945,500 руб. кр.
Желѣзныхъ дорогъ	106,65 „	
	170,65 милл.	

Опредѣленіе дохода и обложеніе частныхъ заводовъ и фабрикъ, устроенныхъ не на акціонерномъ основаніи, въ дѣйствительности возможно лишь черезъ опредѣленіе въ частности дохода каждаго отдѣльнаго заведенія. Это одинъ изъ тѣхъ немногихъ случаевъ, гдѣ примѣненіе тяжелаго способа опредѣленія каждаго частнаго дохода, отдѣльно связаннаго съ подоходнымъ налогомъ въ тѣсномъ смыслѣ, представляется неизбѣжнымъ.

Для предварительныхъ же соображеній о величинѣ налога, который можетъ доставить эта часть промышленности, можно

руководствоваться данными относительно промышленныхъ заведеній, имѣющимися въ министерствѣ финансовъ.

Въ нашемъ распоряженіи находятся данныя лишь за 1873 годъ, напечатанныя въ «Ежегодникѣ» министерства финансовъ, т. VIII. Общая сумма производства всѣхъ промышленныхъ заведеній, необложенная налогами, равняется 332 мил. Принимая ихъ чистый доходъ только въ 30% этой суммы, получимъ для нихъ 99,60 милл. чистаго дохода, который по 7% налога отъ чистаго дохода доставятъ 4,9 милл. налога.

Переходимъ къ обложенію торговыхъ предпріятій.

Пошлина или косвенные налоги за право торговли и промысловъ доставляютъ въ настоящее время 14,5 милл. руб. круглымъ счетомъ. Обложеніе это, при которомъ не принимается вовсе, или почти вовсе, размѣръ торговыхъ операцій, относится къ тому положенію нашей торговли, въ которомъ она находилась лѣтъ 20 тому назадъ, до того оживленія оборотовъ и расширенія торговаго кредита, которое произошло въ послѣднее десятилѣтіе, благодаря усиленному выпуску бумажныхъ денегъ и образованію цѣлой системы банковаго коммерческаго кредита.

Несомнѣнно, что эта система банковъ, развивавшаяся въ такой мѣрѣ, конечно, благодаря усиленному выпуску кредитныхъ билетовъ, служила той сокровищницею, въ которую собирались свободныя деньги и которая приводила ихъ въ обращеніе, переводя въ распоряженіе торговли путемъ учета векселей и ссудъ подъ залогъ бумагъ. Отсюда получилось такое расширеніе кредита, которое было немыслимо прежде и которое прямо служило торговлѣ.

За такое расширеніе кредита торговля не платила и до сихъ поръ не платитъ казнѣ ничего ровно, ибо прежняя система обложенія путемъ гильдейскихъ и торговыхъ свидѣтельствъ не только не сообразовалась съ размѣромъ операцій, образовавшихся благодаря расширенію системы предпріятій, но и съ размѣрами операцій въ ихъ прежнемъ видѣ.

Только отчасти, косвеннымъ образомъ, путемъ гербоваго сбора за вексельную бумагу, коммерческій кредитъ облагался до извѣстной степени, но и то только въ той его части, которая имѣла учетно-вексельную форму; ссуды же подъ залогъ бумагъ и пр., не облагались вовсе. Поэтому, если существующая система обложеній и можетъ быть признана достаточною для торговли болѣе мелкой, не пользующейся банковымъ кредитомъ, то обложеніе болѣе крупной торговли, путемъ обложенія учетно-ссуд-

ныхъ операцій банковъ, представляется вполнѣ справедливымъ и раціональнымъ.

Учетно-ссудныя операціи государственнаго и коммерческихъ банковъ представляютъ въ теченіи года съ 1 августа 1879 года по 1 августа 1880 г. сумму, колеблющуюся между 482,6 и 442,5 милл. или среднимъ счетомъ въ 467,5 милл. руб., которые находимъ въ распоряженіи торговли.

Учетъ векселей и ссудъ обществъ взаимнаго кредита равняется 142,27 милл.,—ссудъ земельныхъ банковыхъ акціонерныхъ равняется 142,894 мил.,—взаимнаго кредита 621,822 милл.

Поэтому общая сумма настоящаго кредита, доставляемая всѣми этими банками торговлѣ и промышленности, составитъ:

Банками коммерческ. акц. . .	467.500,000	
Взаимнаго кредита	142.270,000	
		609.770,000
Земельними акціонерними . .	142.894,000	
Взаимнаго кредита	621.822,000	
		764.716,000
	1.374.486,000	

Если положить средній чистый доходъ торговыхъ и промышленныхъ предпріятій въ 10%, то чистый ихъ доходъ отъ такого кредита при учетѣ въ 7% будетъ 40,2 милл. р., облагая который въ размѣрѣ 7%, получимъ 2.818,000 налога.

Переходимъ къ налогамъ на капиталъ. Капиталъ, подлежащій обложенію, заключается или въ наличныхъ деньгахъ, или въ государственныхъ процентныхъ бумагахъ.

Изъ наличныхъ денегъ могутъ, да и должны, подлежать обложенію лишь приносящія доходъ ихъ обладателю, какъ вложенныя на текущіе счеты банковъ и обращающіяся на покупку закладныхъ листовъ земельныхъ банковъ.

Такъ какъ это именно тѣ суммы, которыя обращаются банками на учетно-ссудныя операціи или ссужаются земельными банками ихъ закладчикамъ, то сумма этихъ вкладовъ должна быть по меньшей мѣрѣ равна суммѣ ссудъ какъ коммерческихъ, такъ и земельныхъ банковъ; въ дѣйствительности же она больше. Поэтому и налогъ на эту часть капитала, положенный въ томъ же размѣрѣ, какъ и на ссуды — долженъ доставить по меньшей мѣрѣ тѣ же 2.818,000 руб.

Государство платитъ по своимъ долгамъ ежегодно сумму % или чистаго дохода владѣльцамъ государственыхъ процентныхъ бумагъ—170 милл. руб., обложеніе которыхъ въ размѣрѣ 7% доставитъ 12,6 милл.

Складывая теперь всѣ суммы налога, которыя должны получиться отъ промышленности, торговли и капиталовъ, получимъ:

	миллл.
Отъ банковыхъ, промышленныхъ и торговыхъ обществъ, акціонерныхъ и взаимнаго кредита	12
„ частныхъ промышленныхъ заведеній	5
„ учетно-ссудныхъ операцій.	2,8
„ частныхъ капиталовъ.	2,8
„ госуд. бумагъ	12
	34,6

Если къ нимъ прибавить 16 милл., которые доставятъ крестьяне и землевладѣльцы, то въ суммѣ получится уже 50,35 милл.

Но въ дѣйствительности должно получиться, конечно, болѣе, такъ какъ мы вообще старались брать въ основаніе нашихъ разсчетовъ доходы ниже дѣйствительныхъ.

Во всякомъ случаѣ, въ результатѣ вся подлежащая распредѣленію сумма прямыхъ налоговъ, если оставить въ сторонѣ окладной сборъ съ мѣщанъ, оказывается уже покрытою одними разсмотрѣнными до сихъ поръ налогами отъ земель, торговли, промысловъ и капиталовъ.

Затѣмъ полученная сумма должна еще увеличиться на счетъ неразсмотрѣнныхъ видовъ налога, а именно:

1) Налоги на доходы отъ личныхъ профессій. Какую величину можетъ доставить этотъ налогъ—*a priori* опредѣлить трудно, такъ какъ эта величина могла бы быть заранѣе извѣстна лишь для доходовъ отъ постоянныхъ окладовъ, пенсій, жалованій и пр. Доходы же отъ либеральныхъ профессій—докторовъ, маклеровъ, адвокатовъ и пр.—подлежатъ спеціальному опредѣленію. Причемъ, какъ мы уже замѣтили, здѣсь всего правильнѣе было бы для казны освободить себя отъ непосредственнаго обложенія лицъ, а имѣть дѣло съ мѣстными группами лицъ этихъ профессій, т.-е. корпораціями докторовъ, маклеровъ, адвокатовъ и проч. По опредѣленіи государствомъ общихъ суммъ, которыя могутъ быть взяты съ такихъ отдѣльныхъ корпорацій, самое разложеніе этихъ суммъ по отдѣльнымъ плательщикамъ можно было бы предоставить самимъ корпораціямъ.

2) Налогъ съ частныхъ банкирскихъ и коммиссіонныхъ конторъ, который не вошелъ въ нашъ разсчетъ, но который войдетъ самъ собою при опредѣленіи на практикѣ дохода съ частныхъ промышленныхъ заведеній,—это опредѣленіе будетъ производиться для каждаго заведенія особо, какъ объ этомъ сказано выше.

Едва ли вѣроятно, чтобы оба эти налога будутъ недоста-

точны для покрытія 1,3 милл. окладного сбора съ мѣщанъ, непокрытаго предыдущимъ распредѣленіемъ.

Въ заключеніе повторимъ вкратцѣ сказанное.

Отправляясь отъ того предположенія, что налогъ не долженъ выходить изъ предѣловъ извѣстнаго процента съ чистаго дохода, мы должны были прежде всего разсмотрѣть отношенія къ этимъ доходамъ абсолютныхъ величинъ налоговъ въ различныхъ государствахъ Европы и у насъ. Мы это и выполнили, насколько это представлялось возможнымъ при недостаткѣ точныхъ данныхъ. Убѣдившись, что величина русскихъ налоговъ, хотя и выходитъ изъ тѣхъ предѣловъ, въ которыхъ національный доходъ облагается въ другихъ мѣстахъ, мы пришли къ тому заключенію, что тягость русскихъ налоговъ заключается все-таки не столько въ ихъ абсолютной величинѣ, сколько въ нераціональномъ распредѣленіи. Вслѣдствіе этого мы и представили опытъ перераспредѣленія абсолютной ихъ суммы, не только оставляя въ сторонѣ сословныя различія, но распространяя обложеніе на всѣ виды имуществъ, какъ движимыхъ, такъ и недвижимыхъ.

Этотъ опытъ показалъ возможность изъ абсолютной суммы прямыхъ налоговъ, лежавшихъ до сихъ поръ исключительно на крестьянахъ, оставить на сельскихъ сословіяхъ или сельской недвижимой собственности менѣе $^1/_3$, а остальныя $^2/_3$ слишкомъ переложить на доходъ отъ имуществъ движимыхъ, промысловъ, мануфактуры, торговли и личныхъ профессій. При этомъ доходъ отъ земли предположенъ къ обложенію изъ 5%, доходъ отъ остальныхъ статей изъ 7%. Установленный въ этомъ видѣ налогъ можетъ быть введенъ въ видѣ основного налога, затѣмъ возвышеніе его, какое можетъ оказаться необходимымъ для избѣжанія дефицита, можетъ быть устанавливаемо ежегодно, смотря по состоянію росписи, через простое увеличеніе вышеприведенныхъ процентовъ обложенія въ видѣ добавочнаго налога.

Во всякомъ случаѣ справедливость требуетъ замѣтить еще, что опредѣленная выше сумма основного налога по всей вѣроятности ниже той, которая можетъ быть получена и даже получится въ дѣйствительности, такъ какъ нашъ разсчетъ не обнимаетъ всей величины національнаго дохода. Дѣйствительно, общая сумма національнаго дохода, которая будетъ обложена на приведенномъ основаніи, слѣдующая:

15,75 милл. налога съ земель, обложенныхъ изъ 5%,
соотвѣтствуютъ доходу съ земель въ . . . . . 315 м.
34,6 милл. прочихъ налоговъ съ дохода, облагаемаго
изъ 7%, соотвѣтствуютъ доходу въ. . . . . . 494,3 м.
Итого . . . . . 809,3 м. дох.

Раздѣлимъ эту сумму на населеніе европейской Россіи изъ 70 милл. душъ; окажется, что предполагаемая нами система налога представляетъ національный доходъ, не превышающій на душу $\frac{809,3}{70} = 11,56$ р.

(Правда, если не считать дохода отъ личныхъ профессій, частныхъ лѣсовъ и банкирскихъ и коммиссіонныхъ конторъ, которые не заключаются въ этой суммѣ и величину которыхъ нѣтъ возможности опредѣлить à priori). Если же къ приведенной суммѣ прибавить всю сумму косвенныхъ налоговъ, т.-е. 279 мил., то предположенное нами обложеніе будетъ отвѣчать національному доходу $\frac{1,088 \text{ милл.}}{70} = 15$ руб. на душу, а если присоединить къ нимъ 50 милл., не принятыхъ нами въ разсчетъ, особыхъ прямыхъ и государственныхъ земскихъ сборовъ, то $\frac{11,38}{70} = 16,25$ к. на душу. То-есть, въ итогѣ предполагаемый для обложенія національный доходъ во всякомъ случаѣ не достигаетъ еще вѣроятныхъ его размѣровъ. Такъ какъ этотъ доходъ, если и не достигаетъ размѣра 36 руб. на душу или 2,52 милліардовъ, какъ это мы допустили въ началѣ, то во всякомъ случаѣ выше 16 руб. 25 коп. на душу или 1,14 милліарда, которые предполагаютъ для обложенія. Поэтому же, допуская, что этотъ дѣйствительный доходъ достигаетъ только 20 руб. на душу, или 1,4 милліарда, можемъ думать, что разсчитанный нами выше налогъ могъ быть возвышенъ еще по крайней мѣрѣ на 18,37 милл., которые получаются при обложеніи изъ 7% лишнихъ 3,75 р. дохода на душу при 70 милл. населенія. Часть этихъ 18 милл. дѣйствительно получится отъ обложенія личныхъ профессій и другихъ, не вошедшихъ въ нашъ разсчетъ, доходовъ; какая—это заранѣе опредѣлить трудно, но во всякомъ случаѣ, не было бы ничего невозможнаго, если бы предполагаемая нами система обложенія на практикѣ доставила бы до 18 милл. лишняго налога противъ разсчитаннаго.

Ю. Жуковскій.

ЗАПИСКИ СТЕПНЯКА

X *).

СЕРАФИМЪ ЕЖИКОВЪ.

Стоялъ февраль.

Съ самаго Крещенья держалась ясная погода безъ вѣтровъ и мятелей, съ крѣпкими, сердитыми морозами. Глубокій снѣгъ, первоначально нападшій въ ту зиму еще до Введенія и обильно подновляемый во всѣ Филипповки, ни разу не сгонялся пáводками и теперь, скованный ноздреватымъ настомъ, мирно покоился на поляхъ. Благодаря отсутствію вѣтровъ, снѣгъ этотъ покрывалъ землю ровною, слегка волнистою пеленою; даже вокругъ жилищъ не было сугробовъ. Дороги, не заносимыя подземкою и не заметаемыя мятелью, были превосходны. Сани не ныряли по нимъ, какъ по волнамъ бушующаго моря, и даже ночью путникъ не могъ бы сбиться съ нихъ, ибо отчетливо чернѣлись на сѣромъ фонѣ зимней ночи правильные ряды соломенныхъ вѣшекъ, еще не разнесенныхъ бурею по степи и не поникшихъ подъ напоромъ бѣшеныхъ снѣговыхъ волнъ. Небо не завѣшивалось мглою и не закрывалось хмурыми тучами, но съ неутомимой яркостью синѣло и сверкало. Зори не погорали, зажигая небо зловѣщимъ багрянцемъ и, подобно пожару, пылая надъ пустынными снѣгами, но кротко и тихо сіяли, нѣжно окрашивая и степь и небо привѣтливымъ румянцемъ и предвѣщая все ту же постоянную погоду на завтра. Днемъ ослѣпительно блистало холодное солнце. По ночамъ высыпали безчис-

---

*) См. выше: 1880, ноябрь, стр. 35.

ленныя звѣзды, тускло мерцалъ млечный путь и свѣтила голубая луна, обливая молчаливыя поля меланхолически-сказочнымъ сіяніемъ.

Но постоянной погодѣ этой близился конецъ, и на Срѣтеніе, второго февраля, по небу забродили робкія тучки, а въ морозномъ воздухѣ повѣяло мягкостью. Вечеромъ, подавая самоваръ, Семенъ доложилъ мнѣ, что настъ ослабъ и не только человѣка, какъ прежде, но и собаки не сдерживаетъ—проваливается.

— Неужель оттепель будетъ?

— Безпремѣнно будетъ. Споконъ-вѣку вокругъ Срѣтенья отпускаетъ.

— Вѣрно ли это?

— Ужъ это будьте спокойны. Споконъ-вѣку примѣчено: «срѣтенскія оттепели»... какъ же!

На слѣдующій день пушистый иней покрылъ деревья и крыши, и хотя морозъ снова покрѣпчалъ и сурово знобилъ лицо, но тучи на небѣ сгущались, поднимался вѣтерокъ, а на рѣкѣ, безъ всякой причины, выступила изъ пролуби вода, желтоватымъ пятномъ расплывшаяся подъ снѣгомъ.

— Ну что, Семенъ, нѣтъ ли еще какихъ примѣтъ?—спросилъ я.

Семенъ донесъ мнѣ, что собаки цѣлое утро катались по снѣгу, пѣтухи кричали въ совершенно необычное для нихъ время и рамы въ кухнѣ заплакали.

— Быть погодѣ!—утвердительно заключилъ онъ и съ настойчивостью пригласилъ Михайлу дней на пять заготовить корму.

Четвертаго, въ день чудотворца Кирилла, съ самаго ранняго утра потянуло оттепелью. Влажный вѣтеръ медленно гналъ съ юга длинныя вереницы тяжелыхъ тучъ. Темная синева протянулась по кругозору и повисла надъ лѣсами и деревнями. Дороги и тропинки пожелтѣли. Снѣгъ уже не рѣзалъ глаза сверкающей бѣлизною, какъ то бываетъ въ яркій солнечный день, но отдавалъ мягкими, теплыми тонами.

Къ полуднямъ вѣтеръ усилился; теплое дыханіе его становилось рѣзкимъ и пронизывающимъ. Тучи сплотились въ какіе-то туманные клубы и все ниже и ниже опускались надъ полями. Синій цвѣтъ ихъ окраинъ сначала уступилъ мѣсто темносизому, почти черному, затѣмъ и этотъ цвѣтъ стушевался, и небо стало—одна сплошная, мутная мгла. Синева надъ горизонтомъ часъ отъ часу таяла и сливалась съ сѣрою мглою; лишь узкая, темноватая полоска, остатокъ этой синевы, упрямо обняла дали и не сливалась съ тучами, не поддавалась имъ.

Лѣса и деревни какъ будто придвинулись къ хутору и получили какую-то невѣдомую въ морозный день явственность и теплоту колорита. Молодыя ракиты на плотинѣ, оттаявъ отъ снѣга и вчерашняго инея, сиротливо распростирали по вѣтру свои гибкія, красноватыя вѣтви. Камышъ, точно обмытый талымъ вѣтромъ, бурыми волнами разбѣгался по вершинѣ и съ какой-то непріятной сухостью шуршалъ своими безжизненными стеблями.

Семенъ и Михайло торопливо носили кормъ съ гумна и изъ риги на дворъ; Анна заботилась о топливѣ. Лошади шумно фыркали въ конюшнѣ. Воробьи съ суетливымъ визгомъ копошились подъ пеленою амбара. Галки безтолково перелетали по крышамъ, садились на трубы и хрипливо кричали, обращая открытые клювы въ упоръ вѣтру.

Непогода близилась.

Къ вечеру еще ниже свѣсились тучи надъ полями. Казалось, стоило бросить шапку къ верху, и она застряла бы въ тучахъ. Повалилъ мокрый, пухлый снѣгъ. Дàли сначала завѣсились мятелью, какъ будто кисеею, затѣмъ потонули въ мутномъ, медленно зыблющемся морѣ, сквозь которое только смутно синѣли лѣса и чернѣлись поселки. Но скоро море это сгустилось и, споспѣшествуемое наступающей тьмою, покрыло непроницаемой завѣсой и дали, и лѣса, и деревни. Хуторъ остался лицомъ къ лицу съ снѣжною бездной, тихо, но неудержимо падающей съ неба.

Когда стемнѣло, вѣтеръ превратился въ бурю. Онъ загудѣлъ и заигралъ съ снѣжинками, закрутилъ ихъ вихремъ, понесъ подземкою. Мертвенно-тихое поле проснулось: заревѣло и застонало. Началась пурга.

— Нну-у, разгулялась погодка!—воскликнулъ Семенъ, черезъ силу добравшійся изъ кухни до дома, и долго кряхтѣлъ и отплевывался, протирая лицо, обивая сапоги и очищая одежду отъ липкаго снѣга.

Дѣйствительно, загуляла погода шальнымъ, безобразнымъ разгуломъ.

Семенъ напоилъ меня чаемъ, напился самъ и, накинувъ на плечи полушубокъ, отправился-было затворять ставни. Но буря воротила его, и ужъ натянувъ полушубокъ на рукава, онъ снова отправился бороться съ нею. И долго онъ возился съ дверями и гремѣлъ желѣзными затворами ставень. Мнѣ слышно было, какъ вьюга буйно вырывала изъ его рукъ ставни, порывисто хлопая ими по стѣнѣ, и въ то время, когда онъ усиливался притворить ихъ, она, словно поспѣшая, ударяла въ стекла непрерывными

волнами звенящаго снѣга. Когда же, наконецъ, удалось Семену затворить ставни, звенящіе звуки превратились въ глухой и смутный, слегка завывающій шумъ, на который утлыя доски ставень отвѣчали жалобнѣйшимъ скрипомъ.

— Диво творится!—съ нѣкоторымъ даже ужасомъ объявилъ мнѣ Семенъ, тяжело отдуваясь и отряхаясь отъ снѣга.—Зги Божіей не видно въ полѣ!—добавилъ онъ, отдохнувши, и, влѣзая на лежанку, съ сокрушеніемъ произнесъ:—упаси Господи злого татарина...

Я сѣлъ за книгу, но читать мнѣ не хотѣлось. Я всталъ и сталъ ходить по комнатѣ. Что-то смутно волновало меня, повергая не то въ тоску, не то въ какую-то нервную тревогу. Слабое пламя свѣчи, печально бросавшее круглый отсвѣтъ на бѣлый потолокъ, трескъ половицъ подъ моими ногами, непрестанный лязгъ маятника и тѣнь, тихо двигающаяся за мною, смутный шумъ вьюги за стѣнами и легкое поскрипываніе ставень—все это уносило меня въ какой-то щемящій міръ мечтательныхъ грёзъ и сказочныхъ представленій...

...Я ходилъ и думалъ, и вслушивался въ дикіе стоны вьюги.

И казалось мнѣ, что «диво» воочію встаетъ предо мною, и бушующее поле открываетъ мнѣ свои тайны.

Мнѣ казалось—я вижу, какъ въ тихое море падающаго снѣга съ невѣдомыхъ высотъ ринулась буря и прихотливо закрутила это море исполинской спиралью... Снѣжинки сначала тихо и неувѣренно, затѣмъ все быстрѣе и быстрѣе, затолклись и заиграли въ круговоротѣ... Буря ширится, наполняя пространство дикимъ завываніемъ... Буря захватываетъ уже не версты и не десятки квадратныхъ верстъ, а цѣлыя области своею бѣшеной пляской и вмѣстѣ съ тѣмъ несется впередъ по безграничному степному простору, съ безобразной, одуряющей быстротою... Кажется, нѣтъ силы, способной противостать ей и бороться съ нею... Но есть эта сила. Сила эта—постоянный вѣтеръ, не утихающій въ нижнихъ слояхъ атмосферы. По мѣрѣ того, какъ буря свирѣпѣетъ—онъ усиливается. Буря кружитъ снѣжную бездну, вертитъ и буровитъ ее,—вѣтеръ мечетъ ее изъ стороны въ сторону, разрываетъ въ клочья и изъ правильнаго, бѣшено толкущагося круговорота превращаетъ въ какую-то воющую, безформенную мглу... Буря сердится, плачетъ, гудитъ... Буря борется съ вѣтромъ, страшно терзаетъ и крутитъ несчастныя снѣжныя волны... Пространство уподобляется исполинскому котлу, въ которомъ съ ужаснымъ гуломъ клокочетъ и съ неба летящій и вздымаемый отъ земли снѣгъ. И вой разъяренныхъ звѣрей чу-

дится въ томъ гулѣ и стоны озлобленные, и вопли человѣческіе, терзающіе душу... То—вихрь. То его буйно-унылыя пѣсни стоятъ надъ полемъ.

Иногда буря осиливаетъ и тогда и дико-ревущую мглу, и воющіе вихри—весь бѣшено зыблющійся, безграничный, безсмысленный просторъ крутитъ и вертитъ она въ одномъ исполинскомъ хороводѣ...

То жалобно, то буйно стонетъ и рыдаетъ поле...

...Стихла буря. Подобно клочьямъ разобранной овчины, повисли тучи надъ полемъ. Кое-гдѣ промежъ тучъ засвѣтились туманныя звѣзды въ глубокой синевѣ. Зарѣдѣли хлопья снѣга. Смолкла адская музыка пурги, словно отдыхая отъ разгула. Лишь подземка тихо, но безпрерывно скользя, наметая сугробы въ ложбинахъ, громоздя бугры вокругъ жилищъ, а на дорогѣ—ухабы, нарушаетъ тишину, вдругъ вставшую надъ полемъ.

А даль насылаетъ новыя тучи. Угрюмая тьма снова обнимаетъ небо, и снова снѣжное море потопляетъ степь, а буря, словно спохватившись, крутитъ это море, мечетъ его во всѣ стороны, рыдаетъ, стонетъ и голоситъ... Вотъ ворвалась она въ осиновый лѣсокъ... Тронула покрытые гололедицей сучья, зашатала карявыя деревья... Стонъ и шумъ поднялись по лѣсу... Словно вопль цѣлаго сонма грѣшниковъ вырвался оттуда,—вырвался, заклокоталъ надрывающими диссонансами и слился въ общемъ, безумномъ, хорѣ тоскующаго, буйно рыдающаго ада...

...И казалось мнѣ—я вижу, какъ ринулась буря на утлыя хаты поселка. Завертѣлась, закружилась она вокругъ бѣдныхъ хатъ. Взгромоздила сугробы по пелены, зазвенѣла въ маленькія, закоптѣлыя оконца оледенѣвшимъ снѣгомъ, растрепала крыши и понесла по бушующему простору охапки черной, прогнившей соломы... Ударила дерзкимъ порывомъ въ церковную колокольню и заворотила церковную желѣзную крышу. Крыша загрохотала подобно далекимъ раскатамъ грома, и печальнымъ похороннымъ перезвономъ звякнули колокола... Звякнули и замолкли, а буря пронеслась въ поле и заплясала, и заплакала тамъ пронзительнымъ плачемъ... «Бѣсова свадьба»,—говоритъ народъ про погоду и съ суевѣрнымъ ужасомъ внимаетъ ея пѣснямъ.

Все живое приникло въ страхѣ; звѣрь въ сугробахъ и лѣсахъ, человѣкъ въ жилищахъ, подобныхъ сугробамъ...

... Я ходилъ и думалъ, и вслушивался въ дикіе стоны вьюги, похожіе на рыданіе...

И вслушиваясь въ это тоскливое рыданіе, рыданіе то-и-дѣло переходящее во что-то тоже нестерпимо-мрачное и сосущее, но

вмѣстѣ съ тѣмъ и ухарское до бѣшенства, мнѣ стало казаться, что адъ этотъ, изъ вѣка въ вѣкъ бушующій надъ великой равниной русской, самую жизнь этой равнины уподобилъ ужасной безпричинности своей и вообще повліялъ на исторію русскую далеко не такъ мало, какъ можетъ казаться съ перваго взгляда... О, далеко не такъ мало.

Подобно метелямъ и вьюгамъ, перемежающимъ глубокую, зимнюю тишину, мнѣ и Русь начинала представляться чѣмъ-то стихійнымъ, а пожалуй, даже и страшнымъ, ибо, какъ и всякая стихійная сила, загадочна до степени кровожаднаго сфинкса, съ легкимъ сердцемъ пожирающаго мудрецовъ... То, какъ мертвое, снѣжное поле лежитъ она, и печальная тишина властно царюетъ надъ ея сказочно-широкимъ просторомъ, по которому только тройки чтб есть духу мчатся, нагло попирая дороги степныя и съ буйнымъ звономъ оповѣщая міру о своей легкомысленной отвагѣ,—а то, какъ звѣрь всколыхнется, подниметъ грозную силу вплоть до облака, замечетъ вихремъ бойкія тройки, засыплетъ сугробами торныя дороги свои, зальетъ дикими стонами и воплями весь живущій міръ... а на утро снова тихо уляжется подъ рѣзвыя ноги лихихъ бѣгуновъ до новой бури, до новаго разгула.

... Я вздрогнулъ и взглянулъ въ окно. Ставень распахнулась и хлопнула, и хрипло загремѣла на желѣзныхъ петляхъ. Вьюга, подобно косматому чудищу, лѣзла въ стекла и сердито лизала ихъ. Я взглянулъ на часы: стрѣлка приближалась къ двѣнадцати. Хлопнула съ визгомъ въ другой разъ ставень; затрещала непрочная рама. Буйно метнулся вѣтеръ въ трубу и заголосилъ тамъ, точно баба надъ покойникомъ.

Я подошелъ къ окну и прислонился къ стекламъ. Мутная бездна угрюмо глядѣла оттуда на меня.

Мнѣ почудился стукъ. Я прислушался: ничего, кромѣ Семенова храпа да завыванія вьюги. Но какое-то неопредѣленное безпокойство овладѣло мною. Я подошелъ къ передней и снова прислушался. Немного спустя стукъ раздался явственно и торопливо.

Я разбудилъ Семена и окликнулъ: «кто тамъ?» Въ отвѣтъ послышался какой-то крикъ, почти заглушенный вѣтромъ, и снова посыпались удары въ двери. Несомнѣнно за дверьми былъ человѣкъ. Семенъ отворилъ входъ въ сѣни, я распахнулъ дверь въ комнаты. Въ сѣняхъ завизжала ворвавшаяся буря, заскрипѣлъ снѣгъ подъ ногами Семена; въ комнаты сначала бросилась студеная струя, сильно заколебавшая пламя свѣчи, бывшей въ моихъ рукахъ, а затѣмъ ввалилось что-то бѣлое и холодное. Это *бѣлое*

шумно вздохнуло, испустило какой-то неопредѣленный возгласъ и стремительно бросилось на коникъ. Это *бѣлое* — былъ человѣкъ, укутанный въ нѣкоторое подобіе тулупа и съ громаднымъ треухомъ на головѣ. Съ ногъ до головы онъ былъ занесенъ снѣгомъ.

— Шабашъ!.. хоть издыхай!..—отрывисто произнесъ онъ и уставилъ на меня мутный взглядъ. — Говорю, хоть издыхай!—настоятельно повторилъ онъ и въ изнеможеніи закрылъ глаза.

— Ты чей?—спросилъ я.

— Лѣсковскій, — отвѣтилъ онъ, вяло поднимая вѣки, и съ какимъ-то удивленіемъ снова устремляя взглядъ свой на меня.

— Съ какихъ Лѣсковъ?

— Съ Малыхъ.

— Откуда ѣдешь?

— Съ города.

— Одинъ?

— Съ учителемъ.

Мужикъ съ лукавствомъ усмѣхнулся.

— Съ какимъ учителемъ? Гдѣ онъ?—вскрикнулъ я въ ужасѣ.

— Въ саняхъ.

Семенъ выскочилъ на дворъ.

— Чей учитель?

— Лѣсковскій. Серафимъ Миколаичъ.

— Что же онъ не слѣзаетъ?

Мужикъ захохоталъ.

— Нейдетъ!

— Что такъ?

— Сумлѣвается.

— Въ чемъ?

— На счетъ ночевки сумлѣвается.

— Какъ сомнѣвается?

— Такъ. Допрежъ, говоритъ, спросись поди...

Мужикъ опять захохоталъ, но вдругъ схватился за ногу и вскрикнулъ:

— Ой,—зазнобилъ, ой, ой... Ахъ, лѣшій те... а-ахъ!..

Я взглянулъ на его ноги, онѣ были въ худыхъ лаптяхъ и рваныхъ, холодныхъ онучахъ, обвязанныхъ пеньковыми обрывочками.

Дверь снова отворилась, и въ ней опять показалось что-то бѣлое.

— Извините, ради Бога... Необходимость... По необходи-

мости... Не обезпокою ли?..—говорило *оно*. Голосъ дрожалъ и прерывался.

Мужикъ опять захохоталъ. «Все сумлѣвается!»—подмигнулъ онъ мнѣ и преспокойно сталъ совлекать съ себя какое-то отрепье и взбираться на лежанку.

— Мнѣ хошь околѣвай теперь!—воскликнулъ онъ,—и меренъ пущай околѣваетъ, и ты... Околѣвайте всѣ — мнѣ теперь все едино!.. Я вотъ ногу ознобилъ...

И онъ стоналъ, прерывая стоны руганью, и въ то же время лукаво кивалъ мнѣ на учителя, смѣялся и хватался за ногу.

Семенъ побѣжалъ прибирать лошадь. Я принялся разоблачать учителя. Онъ весь дрожалъ отъ стужи, но стыдливо отстранялъ отъ себя мои руки.

— Вы ужъ, пожалуйста...—лепеталъ онъ,—пожалуйста, не безпокойтесь... Не нужно бы... право не нужно бы хлопотать... Я бы въ избу... Намъ бы въ избу съ нимъ... Выпилъ онъ немного... холодно... Простите... Я право не знаю... Мнѣ бы въ избу...

— Куда вамъ въ избу—здѣсь ночуете.

— Ахъ, право бы не надо... Зачѣмъ здѣсь!.. Мы здѣсь намараемъ... Безпокойство вамъ... Въ избу бы... Мы утречкомъ бы завтра... Не взыщите... Чѣмъ свѣтъ бы... Не хлопочите, сдѣлайте милость!..

— Нѣтъ, ужъ меня коломъ отселѣ не выпрешь! — заявилъ мужикъ.

Серафимъ Николаичъ съ какимъ-то усиліемъ засмѣялся и снова сконфузился, и смущенно залепеталъ:

— Право мнѣ совѣстно... Вы ужъ простите его... Архипъ Лукичъ, ты ужъ не дебоширь пожалуйста... Видите, выпилъ онъ... Согрѣваетъ оно, знаете ли... Есть научныя данныя... Алкоголь... Вамъ, вѣроятно, извѣстно?.. Холодно, знаете!.. Видите—одежда... рубище... Мнѣ вотъ можно не пить... Я одѣтъ...

И снова попытался засмѣяться, и снова переконфузился. Все это время онъ что-то начиналъ разстегивать, что-то развязывать, но руки его не дѣйствовали. Наконецъ, я убѣдилъ его не препятствовать мнѣ и началъ производить раздѣванье. Изъ покрововъ на немъ только и было солиднаго, что валенки; все остальное могло быть носимо только по необходимости. Ватное пальтишко, увязанное большимъ женскимъ платкомъ, достигало лишь до колѣнъ. (Колѣни эти страшно дрожали). Дешевая барашковая шапка была глубоко надвинута на лицо. Кромѣ шапки лицо

это скрывалось и поднятымъ воротникомъ, изъ-за котораго торчала, судорожно дрожавшая, бородка, сплошь забитая инеемъ.

Онъ все не переставалъ проситься въ избу и извиняться за безпокойство. На силу убѣдилъ я его, что никакого безпокойства онъ мнѣ не причинитъ и доставитъ лишь одно удовольствіе.

По совлеченіи платка, пальто и иныхъ верхнихъ одеждъ, учитель оказался маленькимъ, узкогрудымъ человѣчкомъ въ «твиновомъ» пиджачкѣ и въ ситцевой, достаточно уже позаношенной рубашкѣ. Отрекомендовался онъ мнѣ Серафимомъ Ежиковымъ. Лицо его было не безъ пріятности. Правда, лицо это не было красиво, и черты его скорѣй поражали безобразіемъ, чѣмъ правильностью, но отъ этого безобразія вѣяло глубокой симпатичностью. Въ разговорѣ онъ часто и внезапно краснѣлъ, причемъ лицо его получало выраженіе чрезвычайно пріятной застѣнчивости и какого-то совершенно дѣвичьяго цѣломудрія. Часто также пытался онъ предупредительно улыбаться и смѣяться какимъ-то, какъ-бы заискивающимъ, смѣхомъ, но только *пытался*, ибо ни улыбки какой слѣдуетъ, ни смѣха у него не выходило; его темные, глубокіе глаза при этихъ попыткахъ постоянно оставались серьёзными и даже грустными.

Впослѣдствіи замѣтилъ я, что стоило его оставить самому себѣ, то-есть, не занимать его разговоромъ, не угощать и вообще не утруждать галантностью обхожденія,—онъ весь преображался: лобъ его тогда мучительно стягивался морщинами, на всемъ лицѣ замирала тоскливая гримаса, и худые, прозрачные пальцы нервно щипали рѣденькую, русую бородку. Казалось, какая-то упорная мысль постоянно буровила его голову.

Пока вскипѣлъ самоваръ, Ежиковъ, едва только обогрѣвшись, все возился съ ногою Архипа. И снѣгомъ, и виномъ онъ растиралъ ее, и успокоился лишь тогда, когда убѣдился, что опасности нѣтъ ни малѣйшей. Архипъ вообще разыгрывалъ при этомъ нѣкотораго идола. Снисходительно посмѣиваясь, протягивалъ онъ ногу и все подмигивалъ мнѣ на учителя, какъ-бы приглашая полюбоваться на подобнаго чудака. Казалось, Архипъ дѣлаетъ Ежикову великое одолженіе, позволяя растирать свою ногу. Помимо высокомѣрной снисходительности и насмѣшливаго подмигиванія, лицо Архипа выражало полнѣйшее равнодушіе. Только разъ соблаговолилъ онъ изъявить нѣкоторое неудовольствіе: это —когда Ежиковъ началъ растирать ногу виномъ.—«Эхъ-ма!— воскликнулъ тогда Архипъ, тоскливо взглядывая на вино,—въ нутро бы мнѣ ее, водку-то!» и еще долго спустя послѣ растиранія съ негодованіемъ повторялъ:—«Экую прорву винища из-

вели зря!.. Вѣдь обдумають канитель: божьимъ даромъ ноги поливать»...

Когда поданъ былъ самоваръ, мнѣ все-таки удалось внушить Ежикову нѣкоторую безцеремонность: онъ уже почти не отказывался отъ чая и съ замѣтнымъ удовольствіемъ выпилъ нѣсколько стакановъ.

— Зачѣмъ вы въ городъ-то ѣздили?—спросилъ я его за чаемъ.

— Знаете—увѣдомленіе было отъ управы...

— Это на счетъ чего же?

Онъ нѣсколько замялся.

— А видите ли: — наставникамъ нѣкоторое вознагражденіе полагается...

Слово «вознагражденіе» произнесъ онъ послѣ стыдливаго колебанья.

— А! такъ за жалованьемъ, значитъ, ѣздили?

— Да, да... Съ одной стороны это вѣрно... Невозможно, знаете... (Онъ какъ-бы оправдывался).

— Что же, получили?

— О, да!.. Оно, видите, не совсѣмъ получили... Я, напримѣръ, не получилъ... Но нѣкоторые получили... и даже многіе получили... Очень многіе! — добавилъ онъ поспѣшно, и такимъ тономъ, какъ-бы просилъ у меня извиненія за гг. раздавателей «вознагражденья».

— Какъ же это вы-то?

Ежиковъ покраснѣлъ.

— Право, не знаю, какъ вамъ сказать... Впрочемъ, оно, пожалуй, и понятно... Даже очень понятно!.. Я, знаете ли, опоздалъ нѣсколько. Другіе успѣли, пріѣхали во время, ну, а я опоздалъ... Согласитесь сами, нельзя же ждать!

— Денегъ, стало быть, недостало въ управѣ?

— Да, но видите... Видите, это такое дѣло... такое... Нужда вездѣ... Какъ хотите—обременительно!.. Очень обременительно... Вы знаете, вѣдь на *нихъ* очень много наложено... А была засуха... Они называютъ это *недородъ* (онъ застѣнчиво улыбнулся)... Это, знаете ли, все нужно... обсудить бы нужно!.. Налоги тамъ... Вообще... — тяжело! — Онъ вдругъ заволновался и вскочилъ со стула, но тотчасъ же опять усѣлся, не преминувъ и на этотъ разъ покрыться стыдливымъ румянцемъ.

— Изъ города вы рано выѣхали?—перемѣнилъ я разговоръ.

— А нѣтъ, не очень рано... Да вотъ...—онъ задумался,— да, да, метель ужъ была и порядочная-таки была метель...

— Зачѣмъ же вы въ такую погоду выѣзжали?

— А какъ вамъ сказать... Это надо объяснить, видите... (Онъ окончательно переконфузился). Овесъ знаете, и притомъ опять пища... О пищѣ тоже необходимо объяснить... Ужасно неудобно въ городѣ!.. и такъ, знаете ли... ужасно все дорого!.. Да, очень дорого... Ну я, видите, не успѣлъ въ управу... Другіе успѣли... Очень многіе успѣли!.. Многіе ужасно нуждались... О, какъ нуждались!.. Знаете ли, Венчуткинъ есть, Михѣй Иванычъ... Онъ семинаристъ, изъ учительской семинаріи... Жена у него больная такая, слабая, дѣти... Очень маленькія дѣти!.. Ну, и ни копѣйки... а?.. О, ужасно нуждались Венчуткины!.. И вдругъ, что же?—пріѣзжаетъ, знаете ли, Михѣй Иванычъ,—онъ впрочемъ пѣшкомъ пришелъ, но это все равно...—и такъ является онъ, ему прямо за три мѣсяца... (Намъ за три мѣсяца не выдавали... но это не важно!..). И такъ за три мѣсяца, — это съ чѣмъ-то тридцать-шесть рублей... И вообразите прямо-таки тридцать-шесть рублей и получилъ!.. О, онъ ужасно теперь счастливъ... И все это очень удачно, знаете...—Глаза Серафима Николаича засвѣтились чисто-дѣтской радостью. Говорилъ онъ торопливо и часто задыхался отъ волненія, особенно сильно овладѣвавшаго имъ во время разговора о чьей-либо нуждѣ, или о какомъ-нибудь горѣ.

— Ну да, такъ вотъ видите... (я ровно ничего не видѣлъ и только смутно догадывался, что изъ города выжилъ Ежикова голодъ)... выѣхали мы, и вдругъ буря эта... Знаете ли, у Кольцова есть...—Какъ-то необычайно просіявъ, неожиданно воскликнулъ онъ и задыхающимся голосомъ продекламировалъ (голосъ его при напряженіи оказался какимъ-то нервно звенящимъ и какъ будто надтреснутымъ):

Выходи-жъ ты, туча,
Съ темною грозою—
Обойми свѣтъ бѣлый,
Закрой темнотою...
Молодецъ удалый
Соловьемъ засвищетъ,
Безъ пути, безъ свѣта,
Свою долю сыщетъ...

Послѣ этого, для меня неожиданнаго порыва Серафимъ Николаичъ тотчасъ же смутился и низко нагнулся надъ стаканомъ, но не утерпѣлъ и, улыбнувшись дѣтски-восторженной улыбкой, снова заговорилъ:

— Неправда ли сила какая?.. Тутъ, знаете ли, есть что-то... Ужасно гордое что-то есть!.. И главное, могущественное... О,

это главное!.. Видите ли, это не Байронъ... Тамъ не мудрено, знаете: онъ на уровнѣ многихъ знаній стоялъ... Тамъ, видите ли, стонъ какой-то, озлобленіе этакое... А тутъ такое... такое непосредственное... и свѣжее... Чувство тутъ, а не сплинъ... Конечно, не сплинъ!.. Я, знаете ли, о чемъ... здѣсь вѣдь народъ выносилъ и... и это очень важно... Не правда ли?.. Именно, весь народъ, а не философія... не... не... ну, да не Система Натуры и не Руссо... Видите ли, я много думалъ...

Но что̀ думалъ Ежиковъ, осталось на этотъ разъ мнѣ неизвѣстнымъ, ибо онъ какъ-то взглянулъ на меня и окончательно переконфузился: я смотрѣлъ на него во всѣ глаза, недоумѣвая, гдѣ бы слышать сельскому учителю о Руссо и о Системѣ Натуры.

Съ этого момента Серафимъ Николаичъ какъ будто спохватился и ушелъ въ свою скорлупу. Получая неохотные и очень неопредѣленные отвѣты на всѣ мои выспрашиванія, я понялъ, наконецъ, что стѣсняю гостя, а потому безъ дальнихъ промедленій предложилъ ему спать. Спать онъ съ охотой согласился, но при укладываньи опять изъявилъ себя церемоннымъ человѣкомъ, ибо долго отказывался отъ подушекъ и одѣяла и долго увѣрялъ, что подушку ему замѣнитъ пальто (все еще мокрое), а вмѣсто одѣяла онъ «легко удовольствуется пиджачкомъ»...

Наконецъ, мы улеглись. Только что пробило три часа. Вьюга по прежнему мела и гудѣла, и завывала въ трубу.

На утро, когда я проснулся, до меня прежде всего донесся опять-таки шумъ вьюги. Погода не утихла. Изъ оконъ полузалѣпленныхъ снѣгомъ лился скудный, сумрачный свѣтъ.

Я взглянулъ на диванъ, гдѣ спалъ Ежиковъ—его тамъ не было. Въ печкѣ съ веселымъ трескомъ горѣли дрова; въ комнатѣ было свѣжо и легко. На столѣ уже кипѣлъ самоваръ. На дворѣ громоздились сугробы, и непроницаемымъ саваномъ кружилась метель.

Не успѣлъ я одѣться, какъ услышалъ изъ передней голосъ Ежикова.

— А? Право, какъ бы-нибудь... Я думаю, можно бы... Право, Архипъ Лукичъ...

— Не мудри,—кратко отозвался угрюмый Архиповъ голосъ.

— Помилуй же, какъ это можно: пріѣхали и будемъ объѣдать... Ты пойми, Лукичъ, нельзя же такъ... Ворвались и будемъ проживаться...

— Не мудри, сдѣлай милость.

— Ахъ какой ты, Лукичъ... Я, право, не знаю... У меня, знаешь... какъ бы тебѣ объяснить... У меня... вѣдь не успѣлъ я въ управу, знаешь...

— Успѣть-то ты успѣлъ!

— Какъ же успѣлъ... Что ты, Лукичъ!

— Успѣть-то ты успѣлъ,—невозмутимо повторилъ Архипъ, —а рохля ты, вотъ что я тебѣ скажу...

— Чудакъ ты... Ахъ какой ты чудакъ!.. Ты видѣлъ: успѣли которые—получили...

— Ты въ управу ходилъ?—уже съ сердцемъ спросилъ Архипъ.

— Ну, ходилъ...

— Секлетаря видѣлъ?

— Ну что же—видѣлъ!..

— Секлетарь просилъ съ тебя три цѣлковыхъ?

— Ахъ, Лукичъ...

— Нѣтъ, ты мнѣ скажи:—просилъ?

— Ну, просилъ...

— Просилъ!—передразнилъ Архипъ и съ пренебреженіемъ добавилъ:—ну, рохля ты послѣ этого и есть!

— Ахъ, какъ ты не можешь понять!.. Пойми—нельзя такъ... Нельзя, и я не могъ... Ты какой-то чудной, Архипъ Лукичъ... Какъ же это такъ взятку... Это подло, вѣдь... Это ужасно подло, и я тебѣ сколько разъ говорилъ...

— Ну ладно, ладно — завелъ канитель... — снисходительно перебилъ Ежикова Архипъ.

Они помолчали немного.

— Такъ ка̀къ, Лукичъ, право ѣхать бы намъ, а? — опять заговорилъ Ежиковъ.

— Чудакъ ты, па̀ря, погляжу я... Ты глянь за окно-то, видѣлъ?

— Несетъ немного...

— Несетъ? — Эхъ ты... Ты посмотрика-сь, избу-то видно ихнюю?..

— Что-жъ что избу... По вѣтру бы какъ...

Архипъ помедлилъ отвѣтомъ и, помедливъ, вдругъ воззвалъ, возвышая голосъ:

— Миколаичъ!

— Что?

— Ты въ теплѣ?

— Ну?

— Я въ теплѣ?

— Ну?

— Животъ въ приборѣ? (Подъ «животомъ» Архипъ вѣроятно подразумѣвалъ своего мерена).

— Ну?

— Хозяинъ малый пріятный?

— Ну?

— Ну, и не мудри.

Ежиковъ опять что-то сталъ возражать.

— Мы гдѣ?—опять спросилъ Архипъ.

— Ну, на Грязнушѣ...

— На Грязнушѣ?.. А Лѣски гдѣ?

— Что-жъ, по вѣтру, я думаю...

— Нѣтъ ты мнѣ скажи: Лѣски гдѣ?.. Сколько отъ ихъ верстъ, вотъ что, милый ты человѣкъ, мнѣ скажи...

— Пятнадцать, семнадцать...

— Хватай выше!

— Ну, двадцать, наконецъ...

— Хватай выше!

Наконецъ, помирились на двадцати-двухъ верстахъ.

— Ну, ты и молчи,—наставительно заключилъ Архипъ:— сдѣлай ты милость, помолчи!.. И я тебѣ прямо, Миколаичъ, скажу: вотъ видишъ, сижу я на печкѣ, въ теплѣ, а Иванычъ, ихній работникъ, за кулешомъ пошелъ... И нахлѣбаюсь я этого самаго кулешу да опять на печку и залѣзу... И скажи ты мнѣ тогда: «Архипъ! вотъ тебѣ осыпучая деньга—ступай въ Лѣски».. Ну, и какъ ты полагаешь, какой мой отвѣтъ будетъ?.. (Архипъ немного помолчалъ) — А возьму я вотъ этакъ-то, милячекъ ты мой, да на другой бокъ и перевалюсь...—(Послышалось нѣкоторое шуршаніе, какъ будто и въ самомъ дѣлѣ Архипъ повернулся на печи)—вотъ тебѣ весь мой и отвѣтъ!

— Да какъ же, Архипъ, ты не хочешь понять,—умоляющимъ голосомъ возразилъ Серафимъ Николаичъ: — какъ ты не хочешь понять, что намъ придется... даромъ все это!.. Заплатить, знаешь ли надо...

— Что ты толкуешь, толкушка!—вдругъ горячо и убѣжденно воскликнулъ Архипъ; — нешто въ такомъ разѣ берутъ деньги... Чудачина ты... Тутъ—произволеніе!.. Мы не зря какъ... А еще ученый!.. Эхъ!.. Ты прямо такъ и такъ: Миколай, молъ, Василичъ, я ежели простою у васъ какую малость, вы считать ефтаго не могите, потому—планида и все такое...—И съ выраженіемъ полнѣйшаго презрѣнія добавилъ:—а еще учили вашего брата!

Ежиковъ стремительно выбѣжалъ изъ передней. Онъ былъ

сильно взволнованъ. Виски и щеки его пылали румянцемъ, и на лбу мелкими каплями выступилъ потъ.

Мнѣ нѣтъ нужды посвящать читателя въ тѣ переговоры, которые имѣлъ я съ Ежиковымъ по поводу его болѣзненной деликатности. Скажу только, что между нами было рѣшено пріѣхать мнѣ какъ-нибудь въ Лѣски и прогостить у него ровно столько же дней и ночей, сколько пробудетъ у меня онъ... На этомъ компромиссѣ Серафимъ Николаичъ успокоился.

Установивши наши отношенія, мы засѣли за чай. Архипъ, уже успѣвшій нахлебаться кулешу, тоже былъ приглашенъ. Онъ помѣстился у притолки и съ неутомимымъ усердіемъ истреблялъ чашку за чашкою. Но истребляя чай, онъ въ то же время не уставалъ вести разговоры. И я замѣтилъ, что эти разговоры его велись имъ съ ехидной цѣлью: сконфузить, пристыдить учителя и, пожалуй, позабавить меня, выставляя на видъ его особенности, уморительно смѣшныя и странныя, по мнѣнію Архипа. Онъ какъ-бы давалъ мнѣ представленіе. И, само собою, въ представленіи этомъ игралъ роль воплощеннаго благоразумія, неизмѣримаго по своему превосходству надъ «малодушіемъ» Серафима Николаича.

Такъ, между прочимъ, получилось слѣдующее представленіе.

— Миколаичъ!—воскликнулъ Архипъ, съ обычнымъ своимъ угрюмымъ лукавствомъ.

— Что тебѣ, Лукичъ?

— Стосковались, поди!

— Кто?

— А «братья»-то!

Ежиковъ моментально вспыхнулъ.

— Ты, баринъ, поди не знаешь братьевъ-то нашихъ?—обратился ко мнѣ Архипъ.

Я, разумѣется, изъявилъ недоумѣніе. Серафимъ Николаичъ пылко и невнятно запротестовалъ.

— Помолчи, Миколаичъ,—остановилъ его Архипъ и, многозначительно помедливъ, снова обратился ко мнѣ:—...А вотъ, къ примѣру, ежели мнѣ жрать нечего, скотина какая была—подохла, подани стали, и самый я что ни на есть отерханный мужичишка... И ежели я, къ примѣру, изобиженъ кѣмъ, аль опять вздерутъ меня въ волостномъ за какія ни на есть художества... Что, аль сказать?—спросилъ онъ Ежикова, съ уморительнымъ простодушіемъ стягивая къ верху свои лохматыя брови.

— Да полно тебѣ... Ахъ, Лукичъ... Ахъ, да не слушайте его... Онъ ужасный... Онъ ужасно все понимаетъ...

— Ты погоди ужахаться-то... Что, аль, стыдно передъ бариномъ?.. Нѣ-этъ, милячекъ, мнѣ эти «братья»-то вотъ гдѣ сидятъ!—онъ патетическимъ жестомъ указалъ на затылокъ:—«Архипъ, становь самоваръ!.. Архипъ, бѣги за водкой!.. Лукичъ! Лупи съ пальтецомъ къ цѣловальнику... Архипъ Лукичъ! Тащи къ яму часики подъ закладъ... У Ѳомки корова издохла!.. У Макарки кобылу увели... Митрошку за пóдань вписали...» Нѣ-этъ, они, братъ, браты-то эти...

Ежиковъ что-то снова торопливо и возбужденно заговорилъ.

— Остынь,—хладнокровно перебилъ его Архипъ,—остынь, Миколаичъ, не закипай понапрасно... Ты мнѣ вотъ что лучше скажи: ты кто? мужикъ? ай не мужикъ?.. У тебя родители изъ какихъ, а?

Ежиковъ смущенно и молчаливо глоталъ чай.

Архипъ обвелъ его высокомѣрнымъ взглядомъ и снова обратился ко мнѣ.

— Нѣтъ, вы спросите у него...—предложилъ онъ мнѣ и, многозначительно помолчавъ, произнесъ громко и торжественно (не безъ примѣси нѣкоторой гордости):—енаралъ у насъ родитель-тѳ, а родительница что ни на есть самая великатная енаральша!..

Прошло нѣсколько минутъ не совсѣмъ легкаго молчанія. Серафимъ Николаичъ съ упрекомъ поглядѣлъ-было на Архипа, но видя, что тотъ ровно ни малѣйшаго вниманія на него не обращаетъ, въ смущеніи обратился къ своему стакану. Я тоже чувствовалъ нѣкоторую неловкость. Только Архипъ, какъ ни въ чемъ не бывало, тянулъ свой чай, отдувался и пыхтѣлъ, обливаясь чуть-ли не десятымъ потомъ. Онъ, кажется, даже и не замѣтилъ нашего конфуза.

Рѣчи свои Архипъ до сихъ поръ произносилъ (какъ я уже и сказалъ) съ какимъ-то угрюмымъ и, если можно такъ выразиться, важнымъ лукавствомъ. Но вдругъ онъ неожиданно поставилъ на полъ блюдечко съ чаемъ и разразился самымъ искреннимъ, самымъ подмывающимъ смѣхомъ. Мы тоже не могли не засмѣяться глядя на него и смѣялись съ добрую минуту. Наконецъ, съ трудомъ подавляя шумную веселость свою, Архипъ воскликнулъ:

— Миколаичъ!

Тотъ отозвался.

— Помнишь Миколу-то лѣтняго?

— Ахъ, оставь, оставь, пожалуйста, Лукичъ...—съ ужасомъ вскрикнулъ Ежиковъ и даже вскочилъ со стула. Но на Ар-

хипа это ни мало не подѣйствовало. Онъ удовольствовался только тѣмъ, что саркастически замѣтилъ ему: «Что, ай не любишь?» и затѣмъ, обращаясь ко мнѣ, продолжалъ:

— Лѣтось на Миколу, сижу я въ избѣ—онъ у меня хватеру-то держитъ—(Архипъ кивнулъ на Серафима Николаича, который порывисто шагалъ по комнатѣ и отъ времени до времени пытался остановить некстати откровеннаго разсказчика)... Ну, сижу я, братецъ ты мой,—только хвать—алешка [1])...— «Господинъ Серафимъ Миколаичъ здѣсь?» спрашиваетъ...— Нѣтъ, нѣту здѣсь господина Серафима, говорю. — «Гдѣ-жъ они?»—Съ ребятишками на леваду пошли.—А ужъ дѣло къ вечеру.—Тебѣ на что, говорю, господина Серафима?—«А мамана ихняя прiѣхамши, енаральша...»—Какъ такъ!.. Я схватился съ коника, бѣжать!.. Бѣгу я, братецъ ты мой, вижу этакъ у задворка карета... Ахъ дуй-те горой!.. Я на леваду... Вбѣжалъ я на леваду и только вижу лежитъ этотъ самый господинъ Серафимъ на брюхѣ и съ ребятками канитель разводитъ...

— Ты чтожъ это, другъ любезный, говорю ему, мать твоя енаральша и все такое, а ты тутъ съ мужицкими ребятишками прохлаждаешься!.. Ты какъ же это, а?.. Ну, нечего сказать, потазалъ [2])-таки я его... Такъ чтожъ ты думаешь?—упирается... Скажи ты, говоритъ, маманѣ, выбылъ, молъ... Есть, говоритъ, такое мое желанiе, маману эту не видать... А?.. Штукарь, тоже... Нѣтъ, говорю, ужъ это ты не привередничай, милячекъ, а ступай-ка Варвара на расправу... Ну, дѣлать ему нечего—пошелъ. Только шелъ, шелъ я за нимъ да на задворокъ и забѣги. Забѣгъ я на задворокъ, глянулъ въ карету—пуста... Я въ избу. Только вошелъ я въ избу, глядь, самая эта его мамана-енаральша... въ родѣ какъ на карачкахъ!.. Алешка мечется вокругъ ей, въ мурло ей чего-то тычетъ, а она только, братецъ ты мой, лапками перебираетъ... Ну, думаю, оказiя!..—Ты что—кричу на него (Архипъ опять кивнулъ на Ежикова),—аль ошарашилъ чѣмъ ее?—Промежъ насъ бываетъ это! иной разъ такъ-то сынокъ маменькѣ гвоздя отрубитъ, что любо-два (въ скобкахъ пояснилъ онъ)... Ну, нѣтъ, не видно, чтобъ ошарашилъ: ни шворня чтобъ, ни узды... А такъ, кулакомъ ежели—не способно ему: ишь онъ квелый какой! а мамана эта изъ себя баба хоть куда... Ядреная баба!..—Только малость годя очнулась... Очнулась она, и пошло у нихъ тутъ, я тебѣ скажу... И пошло,

---

[1]) Алешка—лакей. Слово это, кажется, свойственно всей крестьянской Россiи.
[2]) Распекъ.

и пошло!.. Онъ ей слово—она двадцать, онъ-то по нашински, она чортъ-те по каковскому норовитъ... Чесались, чесались... ахъ, пропасти на васъ нѣту!..—Миколаичъ!—воскликнулъ Архипъ послѣ краткаго молчанія и, не получивъ отвѣта, добавилъ:—серчаешь?—ну, пущай!..

— Ну, какой ты, Лукичъ!.. вовсе я не сержусь... Но я не знаю, какъ это... Я, вѣдь, помнишь, просилъ тебя... Это, право, же... да, это не... не...ловко!.. И мнѣ ужасно совѣстно... Вы непремѣнно меня извините, Николай Василичъ—и я не знаю, какой онъ... Это... это ужасная наивность... О, повѣрьте... и вы непремѣнно, непремѣнно, извините меня...

Всю эту тираду Ежиковъ произнесъ съ необычайной горячностью. Нужно замѣтить, что въ его рѣчи были нѣкоторыя слова, на которыя онъ напиралъ съ особенной настойчивостью, повторяя ихъ по нѣскольку разъ къ ряду и безпрестанно возвращаясь къ нимъ.

Пока Ежиковъ говорилъ, Архипъ степенно допилъ свой нѣсколько остывшій чай, а допивъ, съ таковой же степенностью попросилъ новую чашку и затѣмъ уже снова перебилъ Серафима Николаича.

— Нѣтъ, я объ чемъ, Миколаичъ... Скажи мнѣ въ ту пору эта самая твоя мамана: «Архипка! имѣешь ты къ сыну моему заблудящему подверженность?»—Имѣю, молъ. —«Ну, крути ты его, друга любезнаго, возжами и тащи ты его въ карету—есть такое мое намѣреніе къ енаральству его оборотить...»—И взяли бы мы тебя, сокола, съ ейнымъ алешкой подъ микитки...

— Вотъ, слушайте его!—вдругъ разсердился Ежиковъ,—вы не знаете, что такое... Ты не знаешь, что такое «енаральство»... Это вертепъ... Это... это ложь и развратъ... Ахъ, право, какъ это все...—онъ съ тоскою махнулъ рукой и ужъ исключительно обратился ко мнѣ:—видите! вотъ смотрите на него...—Годъ! цѣлый годъ живу съ нимъ... Говорю ему, читаю... И вдругъ является карета и онъ за эту карету мерзкую, за поганые эти гербы... О, вы не повѣрите, какъ это ужасно... Онъ знаетъ меня, знаетъ—не могу я «енаральствовать»... О, онъ знаетъ, что я живу имъ, Архипомъ, что я дышу Ѳомою, Макаромъ... Онъ знаетъ это, но является «енаральша» съ своимъ «алешкой», съ своей каретой, со всѣмъ своимъ подлымъ, чужеяднымъ престижемъ, и онъ готовъ силой водворить меня въ этотъ омутъ... Онъ, видите-ли, готовъ «возжами меня скрутить»... и скрутилъ бы... О, непремѣнно, непремѣнно бы скрутилъ... И вы не знаете, какъ это все ужасно...

— Вѣдь, онъ отъ любви...—возразилъ-было я.

— Ахъ, не это, не это...—съ тоскою воскликнулъ Ежиковъ и мучительно наморщилъ лобъ свой;—о, не это!.. Видите-ли, они... я не знаю... Но, они не понимаютъ... Именно—не понимаютъ... Вотъ что ужасно!.. (Тутъ опустивъ голосъ свой почти до шепота, онъ какъ-бы съ нѣкоторой болью повторилъ: «ужасно, ужасно»...) Я знаю, что «отъ любви»... Я знаю, *любя* онъ желалъ бы моего водворенія въ эту отравленную среду, гдѣ дармоѣдство—доблесть, а трудъ—позоръ... Знаю, ибо среда эта—идеалъ и Архипа, и Ѳомы, и Макара... И вы вдумайтесь въ это слово: *идеалъ* (слово это Ежиковъ произнесъ съ разстановкою)... и затѣмъ съ злобой добавилъ: О, дармоѣдство, возведенное въ кубъ, еще бы не идеалъ!..—Но я не объ этомъ... Но это пустяки... Главное—обойдутся они безъ меня!.. Вотъ что главное... И знаете-ли, это очень жалко... То-есть, вы понимаете, я не о себѣ говорю, я говорю: обойдутся они безъ интеллигенціи-то, и такъ обойдутся, что даже и пустоты-то не восчувствуютъ послѣ нея... Вы говорите: «любятъ»... Но, Боже мой, не любви надо, но нужно непремѣнно, чтобъ цѣнили они... цѣнили-бъ меня, но не любили... Безъ любви я обойдусь... да, я обойдусь безъ любви! (послѣднее Серафимъ Николаичъ повторилъ съ раздражительной настойчивостью и какъ-бы оспаривая кого-то)... Но безъ *цѣны*... Безъ цѣны я не могу жить, ибо она, цѣна эта, есть единственное мое raison d'être... О, единственный raison d'être!

Онъ внезапно замолчалъ и впалъ въ задумчивость, но вскорѣ снова воскликнулъ:

— Главное — обойдутся они безъ меня... Исчезни я изъ Лѣсковъ, и лѣсковцы пожалѣютъ меня, какъ *Миколаича*, но не пожалѣютъ въ немъ ничего, кромѣ «Миколаича»... О, это главное!.. Вы не повѣрите, какъ все это... Да, да, все это ужасно и тяжело... Вы спросите вотъ у него, что̀ я въ деревнѣ?.. Ну, спросите-ка!.. Онъ вамъ и скажетъ: «душевный человѣкъ»...

Архипъ на мгновеніе оторвался отъ блюдечка съ чаемъ и насмѣшливо скривилъ лицо. Но Ежиковъ ничего не замѣчалъ: засунувъ руку за бортъ своего пиджачка, онъ другою съ нервическимъ безпокойствомъ пощипывалъ свою бородку и то присаживался на кончикъ стула, то нетерпѣливо вскакивалъ съ него и быстрыми шагами мѣрилъ комнату. Взглядъ его глубокихъ глазъ былъ тусклъ и разсѣянъ. И казалось, не на васъ онъ былъ устремленъ, а куда-то внутрь, гдѣ съ мучительнымъ упорствомъ слѣдилъ за развитіемъ какой-то тяжелой мысли.

Вьюга съ неутомимымъ постоянствомъ била въ окна, металась и шумѣла. Сугробы видимо возвышались. Самоваръ едва замѣтно звенѣлъ однообразнымъ, надоскучнымъ звономъ.

— О, поймите же,—продолжалъ Ежиковъ,—что мнѣ вовсе, совсѣмъ, не нужно это милое качество «душевнаго человѣка»... Что такое «душевный человѣкъ»?—Тряпка вашъ душевный человѣкъ... Ну, да, тряпка!.. Но допустимъ—я тряпка... пускай такъ... Это онъ вѣрно насчетъ «пальтеца»-то сказалъ, и этого бы по настоящему дѣлать не слѣдовало... Но есть же во мнѣ что-нибудь, кромѣ-то тряпки? Есть же!.. и притомъ нѣчто неизмѣримо важнѣйшее, чѣмъ всѣ мои тряпичныя свойства... О, неизмѣримо важнѣйшее!.. Деревня бѣдна, да?.. Голодуха, дифтеритъ и проч., и проч... О, да, деревня очень бѣдна!.. И это ужасно важно, необыкновенно важно... Да, важно. Но видите ли, тутъ возникаетъ вопросъ, чтó важнѣй—то ли, что у Макарки хлѣба нѣтъ, или Макаркина вѣра, что солнце «въ лунки» [1]) на ночь прячется, и что власть какая-то миѳическая завтра землю передѣлитъ, и къ нему, Макаркѣ, барскій яровой клинъ отойдетъ (можетъ быть, «завтра», а можетъ быть и не завтра, а черезъ недѣлю, черезъ годъ, черезъ десять, лѣтъ наконецъ!—въ скобкахъ замѣтилъ Ежиковъ,—и эту неопредѣленность времени, вы замѣтьте... Вы не забудьте, что мнѣ *не зачѣмъ* навозить мой десятинный надѣлъ, ибо завтра, сегодня даже, къ моимъ услугамъ цѣлый барскій «клинъ»... О, вы это замѣтьте и не забудьте!) Итакъ, что важнѣе?.. Человѣкъ-тряпка — (они называютъ это «душевный человѣкъ»)—заложитъ «пальтецо» и накормитъ Макарку, а Макарка набьетъ брюхо да опять насчетъ «лунокъ» мечтать примется... О, я знаю, что я подлость говорю, презирая Макаркино брюхо... Вы простите и извините меня... Непремѣнно извините... Но все это вздоръ... Вы понимаете меня?—О, конечно, понимаете!.. Макаркино брюхо очень важно, чрезвычайно важно... Но съ другой стороны оно — галиматья... Или не такъ: оно важно, видите, но въ сравненіи съ «лунками» оно ничтожно... Именно, ничтожно. — Ну, вотъ теперь и скажите. «Душевный человѣкъ» — будемъ называть, какъ *они* — кромѣ того, что Макарку накормитъ, положимъ, имѣетъ еще цѣлый запасъ всяческихъ знаній, для деревни просто драгоцѣнныхъ: и объ «лункахъ» и... о прочемъ. Все, до чего додумалась наука по части «лунокъ», все, чтó выработали самыя здравыя человѣческія отношенія (это по части барскаго ярового клина)

[1]) Ямки.

—онъ предлагаетъ деревнѣ... И не думайте, чтобы деревня пренебрегала этимъ запасомъ... О, нѣтъ, иначе я бы не жилъ... Но, Боже мой—въ концѣ-концовъ Макаркина сытость (временная, замѣтьте, — ибо «пальтецо» у меня одно) составляетъ мое реноме, а мнѣнія всѣхъ этихъ Коперниковъ, Галилеевъ и Ньютоновъ насчетъ «луновъ»... О, за эти мнѣнія я прослываю «блаженнымъ», или нѣтъ, виноватъ, мужички благодушны... не «блаженнымъ», а блаженненькимъ» — (Серафимъ Николаичъ желчно разсмѣялся). — Знаете ли, какъ я думалъ о нихъ, объ ихъ бѣднотѣ... О, я не знаю... Я ночей не спалъ... Ахъ, помните «Мцыри» («юнкерскаго поэта»,—замѣтилъ онъ въ скобкахъ и опять желчно засмѣялся).

...Я эту страсть во тьмѣ ночной
Вскормилъ слезами и тоской...
Она, какъ червь, во мнѣ жила,
Изгрызла душу...

— Но это все вздоръ!—внезапно заключилъ онъ и внезапно же вспыхнулъ до корня волосъ,—и это не важно...—И вообразите! —съ новой силой воскликнулъ онъ, увлекаясь своею мыслью— все, къ чему я готовился, все, чѣмъ я запасался съ неутомимымъ рвеніемъ, все для чего я бросилъ гимназію съ ея Кикеронами, и Саллюстіями (у насъ почему-то произносили не Цицеронъ, а Кикеронъ), съ ея ранжиромъ и тупоумнѣйшимъ фарисействомъ—все это оказалось совершенно ненужнымъ... Всѣ эти тамъ физики, астрономіи, всѣ эти—замѣтьте *элементарныя*—понятія о Богѣ, о правдѣ, о свободѣ, все это, повторяю, оказалось самымъ чистосердечнѣйшимъ балластомъ... Впрочемъ, я ужъ говорилъ это... Знаете ли—я повторяюсь... Но это вздоръ и вы простите...—Ну, и что же? Ну, и не будь во мнѣ тряпичныхъ свойствъ (замѣтьте: чисто природныхъ), не таись во мнѣ качествъ душевнаго человѣка, и не сопровождайся эти качества ежемѣсячнымъ двѣнадцати-рублевымъ бюджетомъ (это въ морѣ-то, — что я говорю!—въ безднѣ-то народныхъ нуждъ...) деревня даже не узнала бы: другъ ли я ей, врагъ ли...—И вотъ, смотрите теперь: первѣйшій мой благопріятель, Архипъ Лукичъ, водворивъ меня посредствомъ возжей въ «енаральство», когда-нибудь за косушкой пожалѣлъ бы обо мнѣ, о «господинѣ Серафимѣ», (о, непремѣнно бы пожалѣлъ!), но никогда бы и не вспомнилъ о томъ запасѣ знанія, который исчезъ изъ деревни вмѣстѣ съ исчезновеніемъ господина Серафима... Знаете ли, это что-то такое... такое нелѣпое и такое даже ужасное, что я не знаю...

не знаю... Простите—я повторяюсь... Но... и извините, пожалуйста...

Ежиковъ вдругъ смутился и, какъ провинившійся школьникъ, опустился на стулъ.

Архипъ все время преспокойно тянулъ чай (Боже, сколько онъ опорожнилъ чашекъ!), отдувался и отиралъ платкомъ потъ, изрѣдка насмѣшливо покачивая своей огненно-рыжей головою. Послѣ того, какъ Серафимъ Николаичъ умолкъ, онъ шумно и наскоро высосалъ послѣднюю каплю чая съ блюдечка и произнесъ, обращаясь ко мнѣ:

— На счетъ лунокъ—это онъ вѣрно. Народъ глупъ. Народъ сказываетъ, что за моремъ лунки накопаны, одна подлѣ другой, и на закатѣ и на восходѣ... Вотъ въ эти лунки солнце и хоронится на ночь. Знамо, брешутъ!

— Это вѣрно, что брешутъ—согласился я,—какъ же солнце можетъ прятаться въ лунки, коли оно на утро совсѣмъ съ другой стороны выходитъ?

— А ужъ это планида!—развелъ руками Архипъ.

— Что за слово такое!—съ негодованіемъ вскрикнулъ Ежиковъ и, какъ ужаленный, вскочилъ со стула, — ну, что это за планида, скажи, сдѣлай милость!

— Вона! извѣстно что—произволеніе!

На этотъ разъ развелъ руками Ежиковъ.

— Вы вѣдь что думаете,—обратился онъ ко мнѣ,—вѣдь онъ говоритъ теперь: «народъ глупъ»,—но знаете ли, я положительно увѣренъ, что самъ онъ въ эти «лунки» вѣритъ и ни чѣмъ вы его съ нихъ не собьете... О, ни за что не собьете!.. И это, знаете, просто ужасно... Ужасно!..—Онъ опять скорыми и частыми шажками заходилъ по комнатѣ и порывисто задергалъ свою бородку.

Архипъ не сразу отвѣтилъ. Онъ сначала всталъ, степенно помолился, поблагодарилъ «за чай, за сахаръ» и, ужъ выходя изъ комнаты, небрежно проронилъ:

— Ужъ какъ ты тамъ хошь, Миколаичъ, а землѣ тоже вертѣться не приходится. Это ужъ прямо надо сказать. Это вѣдь, паря, не веретено!..

Впрочемъ, Архипъ не придавалъ, повидимому, особаго значенія солнечной системѣ, ибо разговоръ о ней поддерживалъ вяло. Далеко не съ такимъ интересомъ, какъ вопросъ о «братьяхъ» и «енаральствѣ».

— Видите, видите!—возмущался Серафимъ Николаевичъ не-

уваженіемъ Архипа къ авторитету «Коперниковъ, Галилеевъ и Ньютоновъ».

По уходѣ Архипа и послѣ того, какъ Ежиковъ почти совершенно уже успокоился, я полюбопытствовалъ узнать, въ чемъ же видитъ онъ raison d'être своего проживанія въ деревнѣ, если деревня эта остается совершенно чужда ему, какъ вмѣстилищу «драгоцѣнныхъ знаній».

— Какъ бы вамъ сказать..,—отвѣтилъ онъ,—какъ ни грустно признаться, но только роль капли долбящей камень даетъ мнѣ миръ съ моею совѣстью... Только роль капли. О, это не романтично, знаете, и отъ этой капли до бѣлой лошади красавца Лафайета и до красивыхъ шелковыхъ знаменъ очень далеко, но видите ли, вся суть-то пока въ этомъ... О, слова нѣтъ, это тяжело, ужасно тяжело, но это и единственный путь нашъ... И, знаете ли, у этого сухаго и какъ-бы невыразимо прозаичнаго пути есть своя подкладка, которая пожалуй что и любому поэту дала бы богатую тэму!.. (Ежиковъ оживился и заблестѣлъ)... Помирить народъ съ «дѣтьми бича», расширить его мысль, просвѣтить его разумъ, и, главное, снять повязку съ его глазъ, научить его различать враговъ отъ друзей своихъ... о, это, знаете ли, такая задача, такая... И задачу эту, именно, намъ, интеллигенціи, необходимо, неизбѣжно надо выполнить... И необходимо отъучить народъ судить о насъ либо какъ о барахъ, либо—о блаженныхъ шутахъ какихъ-то, о какихъ-то нѣмцахъ съ русской рѣчью—вотъ что необыкновенно важно!.. И этотъ путь—единственный путь нашъ... Это медленный путь, вы скажете?—О, несомѣнно медленный, я знаю, и это ужасно, но все-таки неизбѣжно... Я погорячился недавно и наговорилъ о *нихъ* много злыхъ вещей... Это, видите, опять-таки нельзя иначе,—это, знаете ли, плоть и кровь во мнѣ говоритъ, но не разумъ... О, нисколько не разумъ!.. Когда я злюсь на *нихъ*—во мнѣ говоритъ романтикъ, который скучаетъ иногда безъ шума развѣваемыхъ по вѣтру знаменъ и безъ видимаго разгрома враждебныхъ бастіоновъ... И это не важно... Пусть... пусть я не вижу слѣдовъ кропотливой работы... И не увижу... Разумъ и совѣсть мои говорятъ мнѣ: да, капля долбитъ камень... И я долблю... И вы замѣчайте прогрессъ: нынче меня, какъ колебателя основъ, мужики крутятъ возжами и преподносятъ господину становому приставу (и не подумайте за что-либо «важное» крутятъ, о, нѣтъ,—просто за «лунки».... и скручиваніе за «лунки»-то я именно и подразумѣваю), а завтра уже не крутятъ, а зовутъ «блаженнымъ», послѣ завтра еще уступка—меня величаютъ «блаженненькимъ»... И придетъ день... О, не-

премѣнно придетъ! — (восторженно воскликнулъ Серафимъ Николаичъ) — и народъ сердцемъ своимъ широкимъ полюбитъ «кающагося дворянина». И полюбитъ не за «душевность» его — этакъ-то онъ иногда и помѣщиковъ своихъ любилъ и отъ этого избави Боже, — а именно за знаніе и за честность... За честность полюбитъ, и это главное!

Ежиковъ замолчалъ и долго разсматривалъ своими близорукими глазами пробу чайной ложечки, но вдругъ порывисто бросилъ эту ложечку и снова заговорилъ:

— Да и куда идти намъ, если не въ деревню?.. Чѣмъ лѣчить намъ нашу «больную совѣсть» — ибо, что ни говори, а совѣсть-то у насъ больная... Я не знаю, знаете ли... Ужели гнѣздышки сооружать, на подобіе Молотова? Или въ лямку къ кулаку идти — къ желѣзно-дорожнику, фабриканту, крупному землевладѣльцу?.. И я даже недоумѣваю... служить ли вы насъ по акцизу пошлете или толочь воду въ качествѣ «господина товарища прокурора?».. Или не земцемъ ли, скажете, подвизаться? (Ежиковъ иронически скривилъ губы)... на побѣгушкахъ у его превосходительства. Да и помимо побѣгушекъ — случалось ли вамъ бывать въ уѣздныхъ земскихъ собраніяхъ. Случалось? — ну, не казалось ли вамъ, что собранія эти подобны столпотворенію вавилонскому: дворяне по-англійски «чешутъ» (какъ говоритъ Архипъ), купцы — по-китайскому, а мужики въ свою очередь по-зеландски норовятъ... Впрочемъ, мужички-то большею частью знаки вопрошенія изображаютъ... — Ну, да, такъ вотъ видите, и земцемъ какъ-то какъ будто совѣстно... О, я не говорю... я не гоню такъ-таки непремѣнно всѣхъ въ деревню... я только увѣряю, что нужнѣе-то всего мы именно въ деревнѣ, и тамъ, только тамъ, наше настоящее мѣсто! То-есть, оно видите, ступай, пожалуй, и въ земцы, но ужъ не ломай изъ себя Гамбеттъ микроскопическихъ, а смирись и приникни къ самой черной, къ самой, что ни на есть, низменной землѣ, и тогда, пожалуй, будетъ благо...

— А наука? — вставилъ я.

— Наука? — Иди, пожалуй, и науку воздѣлывать — хотя, знаете, и сомнительно, чтобъ на этомъ поприщѣ графъ Дмитрій Андреичъ тебѣ крылышки не подрѣзалъ...

— Все это такъ, милѣйшій Серафимъ Николаичъ, — возразилъ я, — и ваша подъяремная работа «капли» дѣйствительно заслуживаетъ всяческаго уваженія, но вотъ вопросъ: урядники-то?

— Что-жъ, урядники, — задумчиво произнесъ Ежиковъ, — вѣдь ежели по совѣсти-то говорить, основъ-то мы не колеблемъ... А

потому я, знаете ли, думаю: что-жъ, урядники...—Онъ замолчалъ и поникнулъ головою, но вдругъ взглянулъ на меня и разсмѣялся:—а ко мнѣ ужъ навѣдывался, знаете, какой-то отставной юнкеръ Палкинъ—сказалъ онъ—и даже Милля у меня проштудировалъ!.. Прямо такъ-таки во всей сбруѣ вломился и первымъ долгомъ за Милля... Боже, какихъ трудовъ стоило ему выговорить «*У-ти-ли-та-ріа-низмъ*»!

— Ну, и что-же?

— Заподозрилъ!—смѣясь, отвѣтилъ Ежиковъ.

— Ну, и подлежащимъ порядкомъ?

— О, да: къ господину становому приставу.

— А господинъ становой приставъ?

— Къ господину начальнику уѣзда.

— А господинъ начальникъ уѣзда?

— Оказался знающимъ грамоту.

— Стало быть, «ослобонили» Милля?

— О, нѣтъ—отобрали.

— Какъ же это?—удивился я.

— Нашли, видите, неумѣстнымъ сочиненіе «господина Милля» въ библіотекѣ сельскаго учителя и порекомендовали «вмѣсто неумѣстныхъ господъ Миллей» поревностнѣй штудировать «Золотую грамату» господина Ливанова.

— Какъ, эту... «Золотую грамату»?

— Эту... «Золотую грамату».

— Ну, а Палкину что?

— Ему за усердіе, знаете, три рубля..., — впрочемъ, безъ пропечатанія въ губернскихъ вѣдомостяхъ. — Но, видите, надо оправдать ихъ—голое невѣжество, знаете... и притомъ ужасно изломаны они... О, ужасно изломаны! Впрочемъ, Палкинъ исчезъ-таки. Вздумалъ онъ, знаете, на престольномъ праздникѣ «уставъ о предупрежденіи и пресѣченіи» пропагандировать, ну, и само собою, во всеоружіи: съ шашкой и револьверомъ. Ну и, разумѣется, сломалъ голову.

— Тоже «безъ пропечатанія»?—засмѣялся я.

— О, да, разумѣется!.. И вообразите, только «отставленъ»!.. Ну, что толковать объ этой мерзости!—все это, знаете, и смѣшно, и возмутительно... — Серафимъ Николаичъ съ пренебреженіемъ махнулъ рукой.

Но спустя четверть часа онъ снова возвратился къ этой тэмѣ и на этотъ разъ уже не съ смѣхомъ, а съ сокрушеніемъ.

— Да, это чрезвычайно важно,—сказалъ онъ,—и знаете ли, какая великая, непростительная ошибка будетъ все это...

— Что?—спросилъ я, не совсѣмъ понявъ Ежикова.

— Все это...,—разсѣянно отвѣтилъ онъ.—О, я не знаю, но сколько муки и горя натворитъ все *это*... Заслонить деревню отъ струи, которая въ сущности-то и неудержима, оградить деревню отъ простыхъ, добросовѣстныхъ работниковъ, о, это великая ошибка!.. И, знаете ли, куда бросится эта стремительная «живая» струя, если загородить ей доступъ въ деревню, если не дать ей возможности сослужить немудрую службу въ деревнѣ, службу въ качествѣ піонеровъ цивилизаціи, настоящей неподдѣльной цивилизаціи, и во всякомъ случаѣ не той, про которую говорилъ Потугинъ... О, я не знаю, но я мучительно чувствую эту новую дорогу... Мракъ и кровь, гибель и мука... Ужасно, ужасно!.. И что всего хуже—вѣдь и некуда больше... По совѣсти, некуда!.. Знаете, сказка есть такая, самая простая, мужицкая сказка... И вотъ, въ сказкѣ-то этой ѣдетъ по дорогѣ богатырь... Ѣдетъ онъ, видите ли, и достигаетъ перекрестка. На перекресткѣ столбъ и надпись: «Поѣдешь на право: тебѣ смерть, поѣдешь на лѣво—коню смерть»... А въ конѣ-то, между прочимъ, и вся суть!.. Такъ, знаете ли, вотъ, на подобіе богатыря этого, мнѣ и поколѣніе наше представляется...

Онъ оперся пылающимъ лбомъ на руку и съ печалью задумался.

— И вотъ еще вы замѣтьте, — вдругъ прервалъ онъ молчаніе и снова съ какой-то злобою разсмѣялся, — курьёзъ, замѣтьте: цѣлое поколѣніе насильно подѣлать романтиками, насильно поставить идеаломъ этому поколѣнію апоѳеозъ «марсельезы» (есть такая картинка романтика Дорэ), вытравлять урядникомъ скромный и сѣренькій идеалъ «капли, долбящей камень» — чѣмъ не курьёзъ и чѣмъ не смѣхъ... О, я не знаю, какъ все это...—Онъ внезапно остановился, помолчалъ и уже въ совершенно иномъ, бодромъ тонѣ добавилъ:—но будемъ надѣяться и не покладать рукъ!

— Будемъ долбить камень?—сказалъ я.

— Будемъ долбить камень, пока намъ позволятъ, — твердо отвѣтилъ Серафимъ Николаичъ.

— А не позволятъ?

— Тогда... тогда разобьемъ головы наши объ этотъ камень.

— Ради того, что съ Архипомъ спорить объ «лункахъ» стало невозможнымъ?

— Ради того *внутри* и ради «конечныхъ» идеаловъ снаружи.

— На что-же двойственность-то, это я не пойму?

— О, нѣтъ двойственности! Совсѣмъ нѣтъ... Но, видите ли, это я вамъ говорю такъ ясно и такъ... Ну, правдиво. Большинство этого вамъ не скажетъ... О, ни за что не скажетъ!.. Большинство поставитъ вамъ такую вѣху, до которой, пожалуй, что и въ тысячу лѣтъ не доберешься. Оно дорого цѣнитъ свои головы, и это понятно, — но въ душѣ, но сердцемъ своимъ, «нутромъ», какъ выразился бы Архипъ, — именно, о «лункахъ» оно только и хлопочетъ... И ничѣмъ вы меня не разувѣрите въ противномъ... О, ничѣмъ не разувѣрите!

Я допустилъ нескромность, спросилъ у Серафима Николаича, что, если его-то лично «вытравятъ» изъ деревни... Онъ долго не отвѣчалъ и, казалось, колебался, но когда отвѣтилъ, былъ блѣденъ и какъ-бы сконфуженъ тѣмъ, что̀ говорилъ. Вотъ, что̀ онъ отвѣтилъ мнѣ:

— Видите ли, я не знаю... Чрезвычайно трудно, знаете ли... И я никогда не думалъ объ этомъ... О, никогда не думалъ!.. Но если... Если, вы думаете, будетъ это, я, мнѣ кажется... Не знаю, но я разбилъ бы себѣ черепъ... И вы не думайте (онъ подхватилъ это очень живо), и вы не подумайте, что я правъ... О, конечно, не правъ... Но знаете ли... я ужасно... ужасно... не люблю романтизма!

— Но вы сами романтикъ! — воскликнулъ я.

— О, да, это мнѣ многіе говорятъ... — застѣнчиво улыбаясь, отвѣтилъ Ежиковъ, вспыхивая подобно не въ мѣру цѣломудренной невѣстѣ.

Мы въ тотъ день обѣдали, еще и еще пили чай, толковали о томъ о семъ и между прочимъ о литературѣ. Взгляды Ежикова на литературу были не безъ оригинальности. Ко всему въ литературномъ мірѣ онъ относился, памятуя деревенскіе интересы. Правда, интересы эти заставляли его иногда дѣлать и ошибки, и даже несправедливости. Это особенно случалось, когда онъ не могъ найти прямой и непосредственной связи извѣстнаго литературнаго произведенія съ деревней и ея интересами. Такъ, напримѣръ, не одобрялъ онъ антологію и, несмотря на присутствіе несомнѣнной эстетической жилки, не находилъ капли хорошаго въ Щербинѣ. Любимѣйшими его поэтами были Кольцовъ и Некрасовъ (впрочемъ, онъ не называлъ ихъ «лучшими» поэтами, а величалъ «симпатичнѣйшими»). Пушкина за Онѣгина, Капитанскую дочку и многія мелкія пьесы онъ боготворилъ, но пренебрежительно отзывался о его сказкахъ и называлъ красивой побрякушкой и «Цыганъ», и «Полтаву». Вообще, все то, въ чемъ цѣлостно отражался духъ народный, онъ почиталъ высоко.

Въ этомъ у него даже замѣчалось что-то какъ будто и славянофильское. Такъ, декламируя пьесу Пушкина «Зимній вечеръ» и до умиленія восторгаясь первыми двумя строфами, а особенно этимъ мѣстомъ:

...Что же ты, моя старушка,
Пріумолкла у окна?
Или бури завываньемъ
Ты, мой другъ, утомлена,
Или дремлешь подъ жужжаньемъ
Своего веретена?

Онъ чрезвычайно смѣшно и пылко вознегодовалъ на послѣднія строфы пьесы и упорно доказывалъ, что выраженіе поэта:

Выпьемъ, добрая подружка
Бѣдной юности моей,
Выпьемъ съ горя; гдѣ же *кружка?*

не свойственно народу русскому. «Это мѣсто пьесы—толковалъ онъ—прямо переноситъ меня куда-нибудь на берегъ Нѣмецкаго моря или въ Норвегію какую... Какъ выговоришь «гдѣ же кружка»? сейчасъ тебѣ пиво мерещится, а за пивомъ колбаса или ячменная лепешка»...

Иностранную литературу онъ понималъ и цѣнилъ, но какъ-то холодно, и только къ Шекспиру да Гёгеву «Гёцу» питалъ большую склонность. Байрона ненавидѣлъ, не любилъ Гюго да и вообще французовъ, помимо Беранже, но высоко ставилъ Ауэрбаха и Бретъ-Гарта. Особенно Ауэрбаховскіе деревенскіе разсказы да первую половину романа «На высотѣ» любилъ онъ. Мнѣ кажется, то свѣжее и здоровое міросозерцаніе, которое разлито и въ лучшихъ вещахъ Ауэрбаха и въ разсказахъ Бретъ-Гарта, особенно привлекало Ежикова. Вѣроятно, по этой же причинѣ восхищался онъ скучнѣйшимъ романомъ Шпильгагена «Нѣмецкіе піонеры». Самая натура, какъ мнѣ казалось, тянула его къ свѣту и здоровью; все больное въ мысли и даже все мрачное, все пессимистическое просто какъ-бы пугало его, и онъ съ какимъ-то ужасомъ отъ всего этого отмахивался руками. Вслѣдствіе этой-то врожденной склонности своей, о многихъ произведеніяхъ литературы онъ не могъ говорить равнодушно, а говорилъ съ искренней злобой и даже дрожаніемъ въ голосѣ. Такое негодованіе возбуждали, напримѣръ, въ немъ произведенія извѣстнаго беллетриста-психіатра.—«Онъ, злодѣй, жилы изъ себя тянетъ,—говорилъ про него Ежиковъ,—съ медленнымъ наслажденіемъ наматываетъ ихъ на руку, да и разглядываетъ въ ми-

кроскопъ... Извольте-ка сопутствовать ему въ этой работѣ!»— Безъ нервной дрожи не читалъ онъ и Байроновской «Тьмы» и Эдгара Поэ такъ просто проклиналъ.

По философіи взгляды его были не особенно опредѣленны. Несомнѣнно, впрочемъ, то, что онъ не совсѣмъ сочувствовалъ позитивистамъ; мнѣ даже казалось иногда, что онъ не прочь и отъ Гартмана, но во всякомъ случаѣ, безъ Гартмановскихъ мрачныхъ выводовъ. Впрочемъ, вѣрнѣе сказать, что по части философіи въ немъ была-таки путаница. Мнѣ думается даже, что и воззрѣнія деревни не остались безъ воздѣйствія на его философское міровоззрѣніе. Недаромъ, извѣстное переложеніе Пушкинымъ молитвы великопостной («Отцы-пустынники и жены непорочны») вызывало въ немъ какое-то, пожалуй даже, и наивное восхищеніе, и я увѣренъ, не одно только эстетическое наслажденіе заставляло проникаться его голосъ умилительной теплотою, когда онъ декламировалъ:

... Владыко дней моихъ! Духъ праздности унылой,
Любоначалія, змѣи сокрытой сей,
И празднословія не дай душѣ моей;
Но дай мнѣ зрѣть мои, о Боже! прегрѣшенья,
Да братъ мой отъ меня не приметъ осужденья,
И духъ смиренія, терпѣнія, любви
И цѣломудрія мнѣ въ сердцѣ оживи...

Вообще, въ немъ ничто не напоминало «нигилиста». Ни сапоги выше Шекспира, ни лягушку выше Пушкина онъ не ставилъ. Всему онъ отводилъ свое мѣсто: и Пушкину, и лягушкѣ, и Шекспиру, и сапогамъ. И даже мало, что Пушкину, онъ даже Фету удѣлялъ почетное мѣсто (а это ли не ересь!), и если былъ къ нему равнодушенъ, то только за космополитизмъ, который онъ опять-таки, вопреки Базарову, терпѣть не могъ.—«Сердцемъ я его не переношу,—жалился онъ мнѣ,—и это очень очень жаль, ибо послѣднее-то слово все-таки «космополитизмъ»!

Мало того—Фета не отрицалъ, онъ даже шелъ дальше... Онъ не отрицалъ, а любилъ и опять-таки удѣлялъ почетное мѣсто пейзажу—просто голому, безтенденціозному пейзажу съ полемъ на первомъ планѣ, съ ивой и озеромъ на второмъ. Онъ еще дальше шелъ: онъ восторгался «Діаной» Гудона, хотя и охуждалъ въ ней нѣкоторую аппетитность. (Впрочемъ, восторгался онъ въ статуѣ собственно не античной богиней, Діаной, а красотой безъ отношенія ко времени).

Но давая всему этому свое особое мѣсто, онъ въ то же время говорилъ: *этимъ* не время заниматься, *это* для насъ роскошь и

баловство, *это* отвлекаетъ отъ дѣла и т. д. Въ этомъ замѣчалась сознательная суровость къ себѣ, къ своимъ инстинктамъ цивилизованнаго человѣка, но отнюдь не отрицаніе и не злоба. Такъ, онъ съ какимъ-то комическимъ сокрушеніемъ признавался мнѣ, что не можетъ разстаться съ Пушкинымъ и продать копію съ пейзажа Мещерскаго; «хотя часто и часто слѣдовало бы продать»—добавлялъ онъ.

Вьюга во весь день не утихала. Сугробы до такой степени возвысились подъ окнами, что вечеромъ оказалось невозможнымъ закрыть ставни.

Вечеромъ разговоръ у насъ съ Ежиковымъ не возобновлялся. Онъ разыскалъ въ моей скудной библіотечкѣ какую-то, еще не читанную имъ, книгу и не отрывался отъ нея часовъ до четырехъ ночи, читая даже въ постели.

На утро я проснулся въ обычное время, но къ удивленію моему въ комнатѣ было еще темно. Я укрылся поплотнѣе и уже вознамѣривался снова заснуть, какъ вдругъ часы нежданно и и негаданно пробили восемь. Я зажегъ спичку и посмотрѣлъ на карманные: и на нихъ стрѣлка близилась къ восьми.

Въ комнатѣ царила какая-то подозрительная тишина. Эта тишина угнетала. Только въ трубѣ едва слышно гудѣла вьюга. Я оглядѣлся. Въ одно изъ оконъ проникала узкая полоса свѣта. По мѣрѣ того, какъ глаза мои привыкали къ полумраку—дѣло объяснялось. Насъ замело снѣгомъ! Снѣгъ голубоватой массой прилегъ къ стекламъ, не пропуская въ комнату ни шума вьюги, ни свѣта. Какъ я уже и сказалъ, только въ одно окно, какъ-бы украдкой, проникалъ день. Я подошелъ къ этому окну и долго, съ напряженіемъ, вглядывался въ кусочекъ стекла, не занесенный снѣгомъ: за этимъ стекломъ крутилась и вилась непроницаемая метель. Какое-то жуткое чувство обнимало меня, комната казалась мнѣ склепомъ. Мнѣ казалось, что еще мгновеніе, и я задохнусь въ этомъ склепѣ. Грудь моя какъ-то ныла и болѣла тоскующей болью. Среди глубокой тишины, прерываемой только безмятежнымъ дыханіемъ спящаго Ежикова, часы какъ-то особенно твердо и сухо отчеканивали тактъ.

И я вздохнулъ съ радостью, когда въ сѣняхъ послышался какой-то стукъ, и раздались голоса Архипа и Семена. Я наскоро одѣлся и вышелъ къ нимъ.

«Ну, оказія!» — встрѣтилъ меня Архипъ, а Семенъ немедленно подтвердилъ со вздохомъ: «Ужъ точно, что оказія».

Къ счастью, дверь на крыльцо отворялась внутрь. Когда мы отворили ее, передъ нами оказалась гладкая снѣжная стѣна.

Въ верхъ этой стѣны ударили лопатой: мягкая глыба грузно упала внизъ и разбилась мельчайшею пылью. Послѣ нѣсколькихъ такихъ ударовъ на насъ хлынулъ свѣтъ, и до слуха нашего донесся гулъ погоды. Снѣгъ, заслонявшій дверь намъ, стоявшимъ въ полумракѣ сѣней, казался голубымъ.

Черезъ часъ сообщеніе съ избою было возобновлено, и отъ оконъ отрыты сугробы; въ печахъ затрещали дрова, и ярко-мѣдный самоваръ весело заклокоталъ на столѣ.

Ежиковъ все еще спалъ. Такъ какъ о поѣздкѣ въ Лѣски нечего было и думать, ибо погода несла, кажется, еще пуще, чѣмъ вчера, — я и не сталъ будить его. Стали мы пить чай вдвоемъ съ Архипомъ.

— Ну, что Архипъ,—сказалъ я, желая навести разговоръ на вчерашнюю тэму,—какъ «браты-то» ждутъ васъ?

Архипъ усмѣхнулся, но къ удивленію моему, ироническаго отношенія къ учителю на этотъ разъ не выказалъ.

— Человѣкъ-душа,—сказалъ онъ,—миляга-парень!.. Небось, намъ не нажить такого, шалишь... Это такой... онъ, братъ, послѣднюю рубаху радъ съ себя спустить—абы на пользу.

— Ну, и любятъ его въ Лѣскахъ?—спросилъ я.

— Съ чего не любить, — любятъ. Только извѣстно, какой нашъ народъ,—народъ оголтѣлый. Гдѣ бы пожалѣть человѣка, а у насъ этого нѣту. У насъ этого нѣтъ, чтобъ по совѣсти. У насъ всякій норовитъ рубаху снять. Народъ безсовѣстный.

Мы нѣкоторое время пили чай въ молчаніи.

— Вотъ ономнясь было,—вымолвилъ Архипъ.—Есть у насъ мужикъ Вавилка. Вавилка Балабонъ. Ну, и помри, значитъ, у этого у Вавилки баба. Ну, чего тутъ толковать еще?—Померла, и шабашъ. Анъ-нѣтъ. То-то народъ-то у насъ, говорю, безсовѣстный. Пришелъ Вавилка къ Миколаичу, сидитъ да ноетъ. Миколаичъ книжку читаетъ, а онъ ноетъ! Ужъ онъ нылъ, нылъ... ахъ, пропасти на тебя нѣту... Ну, и что-жъ ты думаешь? Ничего этотъ Вавилка не проситъ, а только объ коровѣ... Ноетъ объ коровѣ, и шабашъ! Осталась отъ бабы-то дѣвчонка, отъ грудей, значитъ, ну, а коровы у Вавилки нѣту... Фу, будь ты провлятъ!.. Ну, нылъ онъ такъ-то, нылъ,—Миколаичъ взялъ часики да къ Арханилу (кабатчикъ)...—Архипъ помолчалъ и затѣмъ съ негодованіемъ воскликнулъ:—чтожъ ты думаешь, вѣдь купилъ Вавилѣ корову!

Онъ опять немного помолчалъ и, помолчавъ, съ жалостью добавилъ: «такъ и страдаетъ теперь безъ часиковъ».

— Вотъ на счетъ земли еще!—внезапно вспомнилъ Архипъ.

— Какой земли?

— А Куляевской. У Куляева у барина земля въ сдачу ходила. Ну и ходила она, братъ ты мой, въ разбродъ, въ рѣзницу; все въ рѣзницу ходила. Только, значитъ, Миколаичъ и говоритъ старикамъ: — «Старики, говоритъ, берите вы Куляевскую землю, чтобъ сообща, — я какъ ни-то обстараюсь».—Ну, порѣшили взять сообща. У Миколаича съ Куляевымъ бариномъ дружба, онъ и обстарался. Страсть хлопоталъ!..—Ну, сняли. Хорошо. И только, братъ ты мой, первый годъ посѣяли мы всѣмъ міромъ, въ одну запашку, какъ на барина, бывало, сѣвали. Посѣяли всѣмъ міромъ, все какъ слѣдъ, по совѣсти... Миколаичъ земли подъ ногами не чуетъ—радъ!.. Ну, только,—сказано народъ безсовѣстный,—какъ пришли, значитъ, подушныя Архаилка выкатилъ, выходитъ, десять ведеръ да за́далъ деньгами, ему и отошла Куляевская земля.

— Какъ отошла?

— А такъ: права передали.

— Стало быть, изъ подушныхъ ужъ онъ васъ выручилъ?

— Изъ подушныхъ выручилъ, какъ же!

Архипъ опять немного помолчалъ, а затѣмъ продолжалъ:

— То-то народъ-то безсовѣстный. Миколаичъ что?—Миколаичъ человѣкъ расейскій. Онъ какъ хлопоталъ, а они замѣстъ того... Архаилу!

— Да вѣдь нельзя было иначе?

— Это насчетъ подушныхъ?

— Да.

Архипъ глубокомысленно подумалъ и, подумавши, отвѣчалъ:

— Можно бы. Можно бы такъ: взять съ Архаила съ этого за кабакъ, за приговоръ, да въ подушное и оборотить.

— Ну, и что же не сдѣлали такъ?

— Загвоздка вышла. У насъ съ испоконъ вѣку заведено: деньги за кабакъ—на пропивку. Какъ придетъ Покровъ, на Покровъ мы ихъ и порѣшаемъ.

— Стало быть, поэтому и передали землю?

— Ничего не подѣлаешь. Тоже надо и Бога помнить. Батюшка-Покровъ винцо любитъ.—Тутъ Архипъ какъ-бы спохватился и совсѣмъ неожиданно добавилъ:—оголтѣлый народъ.

— Такъ всѣ и согласились кабачныя деньги пропить, а землю на подушное?

— Ну, нѣтъ. Какіе не пьющіе, тѣ рукъ не давали. Тоже ловки...

— Ну, я бы на вашемъ мѣстѣ оставилъ землю!

Архипъ изподлобья посмотрѣлъ на меня и съ горячностью отвѣтилъ:

— Я тебѣ говорю, народъ-то нашъ...—онъ загнулъ крѣпкое словцо.—Какъ сталъ Архаилка про землю: то да сё... Малый—пёсъ! Ну, и старики за нимъ: «какъ ты ее, то-ись, сообща будешь, ты пашешь на одрѣ, а я на меренѣ, ты косишь съ оттяжкой, а я по совѣсти, у те поясницу схватило, а я за тебя ворочай»... И такъ еще толковали:—«какъ будемъ аренду сбивать? Сосѣдъ завиляетъ—ты плати, сватъ запьетъ—у тебя голова съ похмѣлья»... Вотъ и расползлись.

— Ну, что же Серафимъ Николаичъ?

Архипъ съ сокрушеніемъ махнулъ рукою.

— Извелся! Я такъ и думалъ, въ запой войдетъ. Пуще всего Архаилка его убилъ... И чѣмъ вѣдь убилъ, пёсъ!—пустяковиной убилъ... Шла у насъ толковня на сходкѣ, про землю про эту. Только идетъ у насъ эта толковня, и вдругъ видимъ мы, зачалъ насъ Миколаичъ ругать. Ругательски почалъ ругать! И такъ онъ этимъ стариковъ пронялъ—старики даже застыдились... Застыдились они и, только видимъ мы, стали сбиваться... Дальше, больше... Глядь—Архаилка: «Аль вы ополоумѣли, старики,—говоритъ,—разуйте глаза-то!.. Кого вы слушаете!.. Ты лучше, Миколаичъ, чѣмъ про землю, про громъ да про молонью разскажи намъ дуракамъ, альбо про мѣсяцъ!..» Какъ тутъ, братъ ты мой, грохнемъ мы...—Извѣстно—глупъ народъ!

— Чему же вы засмѣялись?

— А смѣялись-то мы дѣлу. Миколаичъ гуторилъ какъ-то про грозу: тучи, говоритъ, въ родѣ какъ на манеръ ружья заряжены, и съ того громъ. Туча съ тучей столкнется—молонья.—Архипъ снисходительно и тихо засмѣялся.—Ну, и про мѣсяцъ опять... Да много кой-чего наплелъ!—Архипъ махнулъ рукою, какъ-бы обезсиленный наплывомъ смѣшныхъ воспоминаній.

— Ну, засмѣялись вы...—напомнилъ я.

— Ну, какъ грохнули мы съ дуру-то, онъ возьми и уйди со сходки. Такъ-такъ, братъ ты мой, его проняло—пришелъ я ко двору, а онъ безъ памяти. Насилу фершелокъ отходилъ!

— Долго ли человѣка обидѣть!—глубокомысленно добавилъ Архипъ послѣ нѣкотораго молчанія.

Ежиковъ все еще спалъ, и въ ожиданіи его пробужденія самоваръ долили.

— А выживутъ!—внезапно произнесъ Архипъ.

— Кого выживутъ?

— А его, Миколаича.

— Откуда?

— Отъ насъ, изъ Лѣсковъ.

— Кто же его выживетъ?

— Архаилка выживетъ, — съ непоколебимой увѣренностью сказалъ Архипъ:—онъ ему ножъ вострый, Миколаичъ-то. Ну, онъ его и выживетъ. Человѣкъ—пёсъ!

— Ну, вотъ еще,—усумнился я:—какъ такъ ни зачто, ни про что выжить?

— Ни за что, ни про что?—пылко возразилъ Архипъ, повидимому задѣтый за живое моимъ недовѣріемъ:—нѣтъ, ты Архаилку не знаешь!.. Нѣтъ, Архаилка, братъ, подведетъ!.. Это ужъ не сумлѣвайся—не таковскій!

— Какъ же онъ подведетъ?

— Архаилка-то?—оченно просто,—и съ азартомъ олицетворяя гнѣвнаго и ехиднаго Архаила, Архипъ воскликнулъ:—Первымъ ты долгомъ мужика не внушай! Какъ ты такъ можешь мужика внушать!.. И опять—застойка!—Нешто это порядокъ, за мужика заставлять, а? Аль ежели молонью взять—развѣ это порядокъ? аль опять—передѣлу не бывать, внушаешь... Какъ это возможно?.. И какъ это возможно на счетъ передѣлу, а?—Архипъ побѣдоносно взглянулъ на меня и, нѣсколько успокоившись, добавилъ:—А ты говоришь, не выживетъ! Еще какъ выживетъ-то—единымъ духомъ... Архаилъ—онъ пёсъ!

Наконецъ проснулся Ежиковъ. Онъ живо одѣлся и сконфуженный вышелъ къ намъ.

— Батюшки, какъ я заспался,—восклицалъ онъ,—извините, сдѣлайте милость!.. Такая книга интересная, и такъ долго не засыпалъ я...

Мы ему разсказали эпизодъ съ сугробами. Онъ ужаснулся и заскучалъ. Его видимо тянуло въ Лѣски. Онъ не разъ подходилъ къ окнамъ и тоскливымъ взоромъ всматривался въ погоду. Но погода была такова, что онъ даже не рѣшался заговаривать съ Архипомъ о поѣздкѣ.

И во время чая, и послѣ чая, когда Архипъ удалился уже въ переднюю, Ежиковъ перекидывался съ нимъ краткими словами, для меня часто совершенно непонятными.—Что-то Андрейка теперь дѣлаетъ?—спроситъ Ежиковъ—«А что ему, небось лаптишки плететъ, либо книжку читаетъ»,—отвѣтитъ Архипъ, и мягкая улыбка освѣтитъ скучающее лицо Серафима Николаича, послѣ Архипова отвѣта...—Добылъ ли работы Ѳома?—съ живѣйшимъ безпокойствомъ проронитъ онъ немного спустя.—«У Журавлева добудетъ!»—успокоиваетъ Архипъ, и опять тянется мол-

чаніе, и опять за молчаніемъ слѣдуетъ отрывистый вопросъ: — Не то ожеребилась кобыла у Пахома?...—или:—починили ли полушубокъ Михейкѣ! — или: — ахъ, кто-то Федосѣю условіе съ Архаилкой напишетъ!..

День длился. Вьюга завывала. Часы стучали. Семенъ вздыхалъ, а Ежиковъ уже и окончательно затосковалъ. То-и-дѣло подходилъ онъ къ окнамъ и напряженно оглядывалъ мутное небо. Если о чемъ говорилъ онъ, то говорилъ разсѣянно и скучно, постоянно срываясь со стула и измѣряя комнату безпокойными шагами.

Во время вечерняго чая, Архипъ сердито кряхтѣлъ, исподлобья наблюдая за Ежиковымъ и, противъ обыкновенія, былъ неразговорчивъ.

На утро, чѣмъ свѣтъ, онъ разбудилъ Ежикова. Всталъ и я. Ежиковъ торопливо одѣвался при свѣтѣ сальной свѣчки, трепетно мигавшей тусклымъ огонькомъ своимъ въ рукахъ Семена. Погода утихла. Серафимъ Николаичъ упрямо отказался отъ чая, который могъ бы быть готовымъ черезъ часъ. Его какъ-бы подмывало что-то и гнало. Лицо его свѣтилось радостнымъ возбужденіемъ, и пальцы чаще, чѣмъ когда-нибудь, дергали бородку. Онъ дружески рас-цѣловался со мною, не отказался отъ шубы, предложенной ему на дорогу и убѣдительно просилъ меня пріѣхать къ нему.

Я вышелъ проводить его на крыльцо. На синемъ небѣ еще не погасли звѣзды. Съ востока наплывалъ желтоватый и какъ-бы холодный разсвѣтъ. Вокругъ хутора и далеко за нимъ безпорядочными волнами громоздились сугробы. Синеватые тоны облегали поле. Изъ избы курился дымъ, высокимъ столбомъ омрачавшій небеса. Морозило. Вѣтеръ затихъ. Дали хмурились.

Дороги не было и слѣда. Путники мои тронулись цѣликомъ. Шаршавый Архиповъ меренокъ, то утопая въ сугробахъ выше колѣнъ, то неувѣренно ступая по насту, медленно тянулъ грузныя сани, въ которыхъ сгорбившись сидѣлъ Ежиковъ и сердито нахохлившись Архипъ.

Я долго смотрѣлъ имъ въ слѣдъ. Я смотрѣлъ до тѣхъ поръ, пока и фигуры путниковъ, и меренокъ, и грузныя сани не слились въ одно общее черное пятно и не потонули въ угрюмой сумеречной дали.

Во слѣдъ имъ, болѣзненнымъ, блѣдно-янтарнымъ блескомъ загоралась заря.

Ал. Эртель.

НОВАЯ БІОГРАФІЯ
БАЙРОНА

Byron, by John Nichol. English men of Letters. Ed. J. Morley. 1880.

Время, которому великій англійскій поэтъ завѣщалъ свою месть, дѣлаетъ свое дѣло. Имя Байрона, на время позабытое, появляется снова въ англійской печати; но вмѣсто слѣпой злобы, съ какой еще недавно относились къ Байрону въ Англіи, теперь преобладаетъ стремленіе къ безпристрастному суду надъ писателемъ и человѣкомъ. Приговоръ надъ личнымъ характеромъ поэта становится гораздо мягче прежняго; и если взглядъ на достоинство его главнѣйшихъ произведеній съ чисто художественной стороны приблизительно прежній, за то обращаютъ больше вниманія на ихъ направленіе. Такова и новая біографія лорда Байрона (сентябрь, 1880) профессора Николя, составленная по новѣйшимъ источникамъ, съ должнымъ вниманіемъ къ мнѣніямъ иностранцевъ. Его книжка, предназначенная для средняго уровня англійскихъ читателей, встрѣчена весьма сочувственно критическими журналами, хотя преобладающее настроеніе ея — симпатія къ личности поэта и къ тѣмъ именно произведеніямъ, которыя были прежде камнемъ преткновенія даже для его друзей и предметомъ ужаса и отвращенія для людей благочестивыхъ.

Въ началѣ книги Николь объясняетъ причины прежняго увлеченія поэтомъ въ первые годы его дѣятельности и затѣмъ поворота къ враждебному настроенію. Ссылаясь на извѣстный очеркъ Маколея [1]), онъ напоминаетъ, что конецъ XVIII и начало XIX сто-

[1]) Critical and historical essays: Moore's life of lord Byron. 1830.

лѣтій были въ Англіи періодомъ глубокаго упадка поэзіи. Общество сознало искусственность изящныхъ писателей царствованія Анны и скучало надъ безсодержательными и лживыми произведеніями ихъ подражателей. Оно обратилось къ писателямъ старымъ, но болѣе вѣрнымъ жизненной и художественной правдѣ, стало изучать Шекспира, отыскивать древнія баллады и народныя пѣсни, и относилось сочувственно даже къ плохимъ копіямъ этого жанра. То было время переворота, не только въ литературныхъ вкусахъ, но и въ понятіяхъ общества. Великія континентальныя событія не могли до извѣстной степени не поколебать и консервативную Англію. И тамъ проявилось броженіе, недовольство старымъ, порывы къ чему-то новому. Представители мирнаго литературнаго обновленія, тихаго обращенія къ природѣ, реализма идиллическаго и нравоучительнаго, не вполнѣ удовлетворяли общественное настроеніе. Требовалось нѣчто менѣе прѣсное, болѣе живое. Протестъ противъ заведеннаго порядка и свободное заявленіе правъ личности имѣли поэтому большіе шансы на успѣхъ,—но пока держались извѣстной границы.

Крупный поэтическій талантъ бываетъ обыкновенно выраженіемъ преобладающаго настроенія современниковъ—и Байронъ, какъ великій поэтъ, угадалъ и умѣлъ облечь въ слова то, чтб смутно волновало общество. Особенности его личнаго характера, аристократическое имя, красота, молодость, романическія приключенія усиливали обаяніе поэтическихъ произведеній, полныхъ оригинальности и неподдѣльной страсти. Его мрачные, тоскующіе, стремящіеся куда-то герои пришлись всѣмъ по душѣ. Его міросозерцаніе было какъ разъ впору либеральному большинству. Байронъ сдѣлался не только любимымъ поэтомъ, но всеобщимъ кумиромъ.

Но это первое увлеченіе было слишкомъ сильно, чтобы удержаться долго на одинаковой высотѣ или чтобы поклонники не обнаружили неразумной требовательности. Столкновенія и обоюдныя разочарованія были неизбѣжны. Во-первыхъ, поэтъ, по истинѣ великій, не можетъ быть простымъ отголоскомъ совершающагося; онъ опережаетъ свой вѣкъ, воспринимая болѣе тонкими органами разнообразныя вѣянія, еще недоступныя массѣ, и если зайдетъ много дальше средняго уровня, то ему этого, какъ слишкомъ хорошо извѣстно, не прощаютъ. Сверхъ того, человѣкъ, поставленный на пьедесталъ, не можетъ имѣть общечеловѣческихъ слабостей; ему навязываютъ особые законы и зорко слѣдятъ за ихъ исполненіемъ—задача не трудная, такъ какъ онъ у всѣхъ на виду.

Байронъ скоро переросъ свою среду и почувствовалъ тоску и отчужденіе; источники вдохновенія изсякали въ однообразной жизни; старыя пѣсни грозили прискучить публикѣ; кумиръ, при близкомъ разсматриваніи, оказывался человѣкомъ—а между тѣмъ обожаніе и восторги успѣли уже сдѣлаться для него привычкой и потребностью сердца. При столь напряженномъ положеніи вещей достаточно искры для взрыва. Такой искрой была размолвка Байрона съ женой—попранье законовъ своего общества, за которое пришлось поплатиться изгнаніемъ.

Съ этого времени начинается значеніе Байрона для Европы. При оцѣнкѣ послѣдняго англійскій біографъ опирается на компетентныхъ въ этихъ дѣлахъ нѣмцевъ, главнымъ образомъ на Эльце («Lord Byron», 1870), который, въ свою очередь, ссылается на извѣстнаго публициста Трейчке [1]) и критика Готшалля [2]). Всѣ они въ существенныхъ чертахъ одинаково опредѣляютъ это отношеніе Байрона къ Европѣ. Новыя впечатлѣнія, при жизненномъ опытѣ и послѣ пережитыхъ страданій, дали генію Байрона могучій толчокъ впередъ и открыли глаза англичанина, привыкшаго къ политическому интересу, на реальные животрепещущіе мотивы для скорби и протеста. Это тотчасъ же отозвалось на его произведеніяхъ. А новая аудиторія, по исключительнымъ обстоятельствамъ времени, была какъ нельзя болѣе подготовлена для воспринятія протестующихъ изліяній его поэзіи. Недовольство имѣло на континентѣ кровную почву, стремленія—осязательную цѣль, отстаиваніе человѣческихъ правъ—самый непосредственный смыслъ. Радикализмъ Байрона былъ выраженіемъ общаго чувства Европы. Его вліяніе отразилось на литературѣ всѣхъ главныхъ европейскихъ народовъ, всюду появились переводы и подражанія, и поэтъ снова увидалъ себя предметомъ общаго поклоненія. Восторги достигли апогея, когда онъ принялъ фактическое участіе въ борьбѣ за независимость Италіи и Греціи и скрѣпилъ свои симпатіи смертью.

Чѣмъ болѣе сживался Байронъ съ Европой, тѣмъ рѣзче уклонялся отъ англійской исключительности и англійскаго міросозерцанія. Долго кипѣла противъ него ненависть британцевъ, подстрекаемая не только его «ренегатствомъ» и радикализмомъ, но и постоянными стрѣлами, которыя онъ любилъ пускать въ личныхъ враговъ и неблагодарное, но близкое его сердцу отечество. Потомъ наступило забвеніе.

---

1) Historische und politische Aufsätze. „Lord Byron und der Radicalismus". 1867.

2) R. Gottschall, „Byron und die Gegenwart". Unsere Zeit 1866.

И Европа охладѣла къ своему любимцу, когда отъ словъ перешла къ дѣйствительной борьбѣ за свои интересы. Мятежный духъ героевъ Байрона пересталъ быть отголоскомъ духа времени. Люди нашли себѣ дѣло и успокоились. Періоды бурныхъ стремленій и завоеваній, духовныхъ и матеріальныхъ, смѣняются періодами покоя, мирной разработки пріобрѣтеннаго въ борьбѣ.

Но жизнь идетъ своимъ чередомъ, и прогрессъ возможенъ только при условіи, что сегодняшнее хорошее будетъ неудовлетворительно завтра и замѣнится лучшимъ; и въ настроеніи умовъ снова произошла перемѣна. При всей практичности, люди, наконецъ, по выраженію Трейчке, «опьянѣли отъ трезвости» и опять заволновались. «Наше время представляетъ нѣчто сходное съ явленіями первой четверти столѣтія, съ его отрицаніемъ, недовольствомъ, бурными стремленіями», говоритъ Николь; «мы склонны сочувствовать нашимъ дѣдамъ больше, нежели отцамъ. Въ воздухѣ носятся тѣ же вѣянія».

При такихъ условіяхъ, естественно было вспомнить о Байронѣ—поэтѣ борьбы, поэтѣ міровой скорби—и вновь увлечься его поэтической автобіографіей.

Его личности, вѣроятно, никогда нельзя будетъ отдѣлить отъ его произведеній. При всемъ общечеловѣческомъ интересѣ, они до того субъективны, что для полнаго ихъ пониманія неизбѣжны постоянныя ссылки на то или другое крупное или мелкое событіе изъ жизни автора. Благодаря массѣ воспоминаній, писемъ и бесѣдъ, сохраненныхъ почитателями и врагами, матеріалы для біографіи Байрона становятся такъ обильны, что по нимъ не трудно прослѣдить развитіе характера, притомъ именно со стороны тѣхъ вліяній, на которыя теперь особенно и справедливо обращаютъ вниманіе—со стороны наслѣдственности и первоначальнаго воспитанія. Подобное изученіе пріобрѣтаетъ особый интересъ, когда дѣло идетъ о геніальной и до такой степени завлекательной личности.

Русская литература имѣла свои увлеченія Байрономъ. Вліяніе его оставило неизгладимые слѣды въ нашей поэзіи въ лицѣ Пушкина и Лермонтова. И если теперь въ литературахъ европейскихъ вновь заняты прежнимъ любимцемъ, то, вѣроятно, и намъ будетъ не безъинтересно бросить взглядъ на современную оцѣнку его біографіи и главнѣйшихъ произведеній.

Маколей, указывая на поразительную смѣсь свѣтлыхъ и темныхъ сторонъ въ геніѣ, характерѣ и жизни Байрона, вспоми-

наетъ старую сказку о принцѣ, котораго волшебницы надѣлили при рожденіи чудными дарами, и который, тѣмъ не менѣе, не вышелъ ни добродѣтельнымъ, ни счастливымъ, потому что къ его колыбели явилась непрошенная злая колдунья и каждый даръ омрачила проклятьемъ. Лучшее сравненіе трудно придумать. Нужно только допустить одну маленькую поправку; именно, въ блестящихъ дарованіяхъ и въ недостаткахъ поэта нѣтъ внезапной и исключительной игры природы. Они представляютъ результатъ постепеннаго накопленія извѣстныхъ фамильныхъ свойствъ въ теченіи вѣковъ. Джорджъ Гордонъ Байронъ—истинный потомокъ своихъ предковъ и по отцу, и по матери. Въ предкахъ отца былъ цѣлый рядъ своеобразныхъ, смѣлыхъ, страстныхъ и безпокойныхъ натуръ. Добро и зло выражено въ нихъ рѣзкими чертами и то причудливо соединено въ одномъ человѣкѣ, то разграничено, напримѣръ, между родными братьями. Дурныя наклонности стоятъ рядомъ съ благороднѣйшими качествами, сумасбродство съ блестящими дарованіями, эгоизмъ съ самоотверженіемъ, нелюдимость съ общительностью, алчность или скупость съ безкорыстіемъ или мотовствомъ. Но всѣ Байроны люди болѣе или менѣе выдающіеся и родственно-сходные.

Между ними можно встрѣтить цѣлыя семьи, самоотверженно защищающія правое дѣло. Семеро братьевъ выходятъ въ поле подъ Эджгиллемъ за Стюартовъ «противъ измѣнниковъ». Четверо остаются на мѣстѣ. Остальные и ихъ потомки продолжаютъ стоять за короля и теряютъ все состояніе. «Trust Byron» остается на память въ фамильномъ гербѣ.

Рѣзко выдается пороками и сумасбродствами, безъ выкупающихъ достоинствъ, лордъ Уилльямъ (братъ дѣда). Его можно назвать случаемъ уклоненія отъ общаго уровня фамильныхъ свойствъ въ дурную сторону. Послѣ двусмысленнаго спасенія съ гибнущаго корабля—въ качествѣ капитана, онъ не долженъ былъ оставлять его—и еще болѣе сомнительной дуэли съ родственникомъ (одно только пэрство спасаетъ его отъ казни за убійство), презрѣніе общества побуждаетъ его удалиться въ родовое Ньюстедское аббатство. Здѣсь онъ дѣлается вскорѣ легендарнымъ «злымъ лордомъ». По общему убѣжденію, онъ знается съ нечистымъ. Всѣ его боятся. Онъ нелюдимъ и жестокъ; за ничтожную вину убиваетъ кучера; безъ всякой вины хочетъ утопить жену и т. п. Наконецъ, когда жена убѣгаетъ изъ дому, а смерть уноситъ сыновей и внука, старикъ остается одинъ въ громадномъ разоренномъ замкѣ. Чтобы разсѣять тоску, онъ приручаетъ сверчковъ, стрѣляетъ по цѣлымъ днямъ птицъ; строитъ уродливыя ба-

шенки на берегу озера, заводить здѣсь миніатюрную флотилію и разыгрываетъ морскія сраженія.

Совсѣмъ иной человѣкъ его братъ,—адмиралъ Байронъ, дѣдъ поэта. Онъ безстрашенъ, добръ и безкорыстенъ. Море—его страсть. Ни бури, на которыя онъ былъ особенно счастливъ, ни кораблекрушенія, со всѣми ужасами голода, мятежа команды и плѣна у дикарей не могли, до поздней старости, искоренить его страсти къ приключеніямъ. Адмиралъ пользовался большой популярностью между моряками. Матросы, къ которымъ онъ относился крайне гуманно, любили его, но плыть съ нимъ рѣшались лишь самые отважные [1]).

Замѣчательна и сестра этихъ двухъ Байроновъ, леди Изабелла Карлейль. Фамильная эксцентричность соединена въ ней съ умомъ, красотой и талантами. Она блистаетъ въ обществѣ, пишетъ стихи и колкія эпиграммы. Потомъ, безъ особенныхъ причинъ, и еще довольно молодою, удаляется отъ свѣта и живетъ, подобно старшему брату, угрюмой затворницей. Черты ея, но съ большей силой литературныхъ и другихъ дарованій, повторяются въ ея сынѣ (опекунѣ лорда Байрона).

Напротивъ, старшій сынъ адмирала (отецъ поэта), гвардейскій капитанъ, не имѣетъ ничего общаго съ почтеннымъ морякомъ. Страсть къ приключеніямъ проявляется, пожалуй, и въ немъ, но совсѣмъ въ иной сферѣ. «Шальной Джэкъ» кутила и мотъ на тогдашній французскій манеръ, и если не негодяй, то во всякомъ случаѣ человѣкъ свободный отъ нравственныхъ предразсудковъ [2]). Подобно большинству Байроновъ, онъ былъ очень хорошъ собой и не только умѣлъ сводить женщинъ съ ума, но и пользоваться своимъ обаяніемъ для практическихъ цѣлей. Отъ брака съ симпатичной маркизой Кармартенъ (въ жизни которой онъ игралъ весьма незавидную роль), у него осталась дочь Августа, сестра и другъ поэта. Второй женой его была миссъ Гордонъ, некрасивая и неумная, но очень богатая

---

[1]) Байронъ гордился своимъ дѣдомъ. Онъ пристрастился къ морю, читая въ дѣтствѣ описаніе приключеній адмирала, и любилъ намекать на „наслѣдство бурь и подводныхъ камней", доставшееся ему отъ дѣда, но только въ другой стихіи (станцы къ сестрѣ). Во II пѣсни Донъ-Жуана, въ описаніи бури, переложены въ стихи, почти дословно, нѣкоторыя мѣста дѣдовскихъ воспоминаній.

[2]) Байронъ не раздѣлялъ общаго предубѣжденія противъ отца (который умеръ, когда будущему поэту было съ небольшимъ три года) и всегда старался защищать его память. Возможно, что, несмотря на дурные поступки, это былъ скорѣе безразсудный и слабохарактерный, чѣмъ злой человѣкъ, и что увлеченіе женщинъ было основано не только на красотѣ, но и на симпатичныхъ свойствахъ его природы.

шотландка, происходившая по прямой линіи отъ Стюартовъ и безмѣрно чванившаяся этимъ обстоятельствомъ.

Между Гордонами тоже нѣтъ недостатка въ замѣчательныхъ людяхъ, но въ ближайшей роднѣ матери Байрона обнаруживается наклонность къ ипохондріи: отецъ кончилъ самоубійствомъ, дядя хотѣлъ отравиться. У миссъ Гордонъ наслѣдственное предрасположеніе выразилось, кромѣ хандры, раздражительнымъ, истерическимъ темпераментомъ и совершенной необузданностью въ поступкахъ.

Таковы элементы, изъ которыхъ долженъ былъ сложиться и сложился мудрёный характеръ Байрона (блестящее уклоненіе отъ уровня семьи въ положительную сторону). Всѣ фамильныя черты въ немъ на лицо. Но почему онѣ сгруппировались такъ счастливо, что онъ вышелъ геніальнымъ поэтомъ съ великой гуманной душой, и что пороки и недостатки предковъ отразились въ немъ только мелкими слабостями, остается, конечно, загадкой. Можно вспомнить о добрыхъ волшебницахъ; но нельзя отрицать и вліянія злой колдуньи, хотя бы въ томъ, что къ поразительной красотѣ ребенка былъ прибавленъ рѣзкій физическій недостатокъ, и что воспитаніе такой сложной природы было ввѣрено полоумной мистрисъ Байронъ.

Въ характерѣ Байрона, при необыкновенной впечатлительности, было множество задатковъ для добра и зла; множество, повидимому, несовмѣстимыхъ противорѣчій, требовавшихъ внимательнаго и разумнаго руководства съ самыхъ раннихъ лѣтъ. Между тѣмъ, воспитательница была совершенно недоступна какой бы то ни было серьёзной мысли, и вся обстановка дѣтства именно такова, что дурные инстинкты находили себѣ пищу, а добрые, по возможности, подавлены. Своевольный отъ природы и избалованный мальчикъ могъ ходить на головѣ, когда мать была въ духѣ и долженъ былъ, часто безъ всякой вины, терпѣть брань и побои при другомъ настроеніи. Онъ видѣлъ кругомъ одинъ произволъ и минутная прихоть стала для него закономъ. Уваженія къ матери онъ чувствовать не могъ и относился къ ея запрещеніямъ или выговорамъ со злобой, и они только подстрекали буйную энергію. Ничѣмъ путнымъ не занимали его ума; напротивъ, природное самолюбіе и тщеславіе доводили до крайнихъ предѣловъ. Эти недостатки получили особенное значеніе въ жизни Байрона. Недоброжелатели сдѣлали изъ нихъ рычагъ всѣхъ его поступковъ безъ различія; и даже въ глазахъ друзей эти черты омрачали порой его характеръ, не менѣе отсутствія твердыхъ правилъ. Но при условіяхъ его воспитанія,

нужно удивляться не тому, что они удерживались въ такой силѣ при обширномъ и тонкомъ умѣ, а тому, что его слишкомъ податливая природа могла сохранить благородные инстинкты. Въ самомъ дѣлѣ, несмотря на слабости Байрона и совершенно исключительныя искушенія его жизни, онъ вышелъ изъ нея съ честью и въ сущности никому не сдѣлалъ зла.

Въ чемъ состояли домашнія вліянія? Дома идутъ вѣчные толки про Стюартовъ (для матери нѣтъ лучшаго утѣшенія въ скорбяхъ), и къ 9 годамъ мальчикъ не только привыкаетъ считать происхожденіе и титулъ высшимъ качествомъ человѣка, но и предается на этотъ счетъ самостоятельнымъ соображеніямъ. «Чтó, видно у меня на лицѣ, что я теперь лордъ?» спрашиваетъ онъ конфиденціально мать, на другой день послѣ извѣстія о смерти лорда Уилльяма, вслѣдствіе которой этотъ титулъ перешелъ къ нему. Когда въ школѣ онъ въ первый разъ слышитъ новый титулъ передъ своимъ именемъ, волненіе заставляетъ его зарыдать (Байронъ былъ вообще крайне нервенъ съ дѣтства).

Послѣ Стюартовъ слѣдуютъ разсужденія о прежнемъ величіи и богатствѣ Гордоновъ и о позорѣ теперешней нищеты, за которую г-жа Байронъ, во всеуслышаніе, весьма винила сперва своего мужа (дѣйствительно промотавшаго состояніе обѣихъ женъ), а потомъ лорда Уилльяма. Самолюбіе мальчика страдало вдвойнѣ: онъ терпѣть не могъ, чтобы бранили отца или Байроновъ, и стыдился бѣдности.

Вообще, мать задѣвала его слабыя струны безъ всякой осторожности. Бѣшеныя вспышки смѣнялись у нея припадками ласки. Она то цѣловала его, восхищаясь его красотой и прелестью «отцовскихъ» глазъ, то била, называя «поганымъ щенкомъ» и «хромымъ уродомъ». Мысль о хромотѣ преслѣдовала Байрона, какъ извѣстно, всю жизнь, отражаясь печально и смѣшно на его характерѣ. Иначе и быть не могло: онъ много терпѣлъ изъ-за нея въ дѣтствѣ, и она же была связана съ жестокимъ ударомъ, поразившимъ его въ юношеской любви.

Уродливая нога сына была *idée fixe* г-жи Байронъ, предметомъ третьей категоріи ея сѣтованій и заботъ. Эту несчастную ногу вѣчно сопоставляли съ его милымъ личикомъ, и ребенокъ привыкъ обращать вниманіе на свою наружность и считать свою хромоту какимъ-то позоромъ. Кромѣ того, его сдавали съ рукъ на руки разнымъ шарлатанамъ, всячески истязавшимъ его. Къ физической боли онъ, впрочемъ, былъ очень терпѣливъ, но нравственныхъ страданій, даже легкихъ, не могъ выносить. Такимъ остался онъ на всю жизнь.

Кроткая нянька, накладывая бинты на ночь, послѣ манипуляцій костоправа, разсказываетъ маленькому Байрону сказки или поетъ псалмы. Ему очень больно, но онъ молчитъ и слушаетъ. «Что́ за красавчикъ», замѣчаетъ на прогулкѣ пріятельница няньки, «кабы не эта ножка»... «Не смѣй говорить!» злобно кричитъ мальчикъ, бросаясь на нее съ поднятымъ хлыстикомъ.—«Перестанемъ учиться,—говоритъ 10-лѣтнему мальчику добрый старикъ учитель (во время курса леченья шарлатана Лавендера),—я не могу видѣть вашихъ страданій въ этихъ колодкахъ!» «Нѣтъ, м-ръ Роджерсъ, пожалуйста, не уходите. Вы ничего не замѣтите, я не сморгну», отвѣчаетъ ученикъ.—За то виновника своихъ страданій, который, вдобавокъ, обращается съ нимъ свысока и осмѣливается послать за пивомъ, онъ ненавидитъ.

Въ безалаберномъ домашнемъ воспитаніи была, впрочемъ, одна въ своемъ родѣ хорошая сторона: его предоставляли самому себѣ, лишь бы онъ не мозолилъ глазъ. Учиться онъ не любилъ, за то увлекался чтеніемъ арабскихъ сказокъ, путешествій и разсказовъ изъ римской исторіи, въ часы, свободные отъ прогулокъ до которыхъ былъ страстный охотникъ. Живописная мѣстность Шотландіи и море, на берегахъ котораго онъ проводилъ много времени, врѣзались въ его воображеніи неизгладимыми чертами и служили тэмой для поэтическихъ воспоминаній въ первой молодости и въ зрѣлыхъ лѣтахъ (лучшія мѣста «Часовъ Досуга»; IV пѣсня «Чайльдъ-Гарольда», X пѣсня «Донъ-Жуана»).

На 12-мъ году Байрона перевозятъ въ Лондонъ, въ школу д-ра Гленни. Здѣсь тоже было мало данныхъ для развитія ума и характера, много для болѣзненнаго развитія самолюбія. Сначала не обошлось безъ насмѣшекъ и нападокъ изъ-за ноги, тѣмъ болѣе, что ее опять вытягивали и правили. Но товарищи скоро забыли хромоту бойкаго мальчика (онъ казался еще задорнѣе, чѣмъ былъ, отъ желанія скрыть природную застѣнчивость и нервность), который умѣлъ дать сдачи, никого и ничего не боялся, былъ первымъ во всѣхъ шалостяхъ и, вдобавокъ, не уступалъ никому въ проворствѣ и ловкости въ играхъ. Слабыхъ и друзей своихъ онъ защищалъ съ невѣроятнымъ азартомъ—не останавливаясь ни передъ ростомъ, ни передъ числомъ противниковъ, и любилъ ссылаться на фамильный девизъ «Trust Byron». Но источниковъ для страданій самолюбія было достаточно. Во-первыхъ, бѣдность: скрыть ее было нельзя, и мальчики менѣе благородныхъ, но болѣе богатыхъ родителей, трунили надъ «старымъ барономъ», «бѣднымъ лордомъ» и т. д., выводя его этимъ изъ

себя. Во-вторыхъ, мать, дурно одѣтая, красная и толстая мистрисъ Байронъ, не хотѣвшая знать англійскихъ приличій, врывалась въ школу, дѣлая сцены учителямъ, или продолжая домашнія исторіи съ сыномъ на глазахъ у всѣхъ.

Очень вредно, какъ думаютъ, должна была отозваться на его характерѣ перемѣна положенія. Онъ сдѣлался *лордомъ*, въ то время, какъ мать оставалась просто *мистрисъ* Байронъ. Вѣроятно, это соображеніе падало на вѣсы при домашнихъ сценахъ. Равнодушнымъ къ матери онъ однако не былъ ни ребенкомъ, ни взрослымъ; они по-своему любили другъ друга, хотя жить вмѣстѣ не могли безъ постоянныхъ стычекъ.

Изъ разсказовъ о дѣтскихъ лѣтахъ Байрона очевидно, что онъ былъ впечатлителенъ донельзя и одинаково чутокъ къ хорошимъ, и дурнымъ вліяніямъ. Изъ любви онъ готовъ былъ все сдѣлать; силой отъ него нельзя было ничего добиться. Онъ охотно слушался няньки и въ то же время дѣлалъ все на зло матери — какъ впослѣдствіи слушался сестры, дѣлая все на зло женѣ. Дѣтскія привязанности его имѣли, обыкновенно, характеръ самоотверженія. Онъ былъ радъ отдать самую дорогую вещь любимому человѣку. Тотъ же оттѣнокъ сохранили и позднѣйшія привязанности Байрона: онъ помогалъ друзьямъ (а иногда и чужимъ) и дарилъ свои гонорары какъ разъ въ то время, когда самъ долженъ былъ занимать деньги за чудовищные проценты. Вообще, онъ отличался щедростью, но иногда на него находили вдругъ припадки скупости въ мелочахъ.

Какъ могло дѣйствовать разумное обращеніе на характеръ юнаго Байрона, видно всего рѣзче изъ отношеній его къ д-ру Друри, директору школы въ Гарроу, куда его помѣстили на 14-мъ году. Друри былъ замѣчательный педагогъ и искренно любилъ дѣтей. Желая ознакомиться съ характеромъ новичка, онъ приглашаетъ его къ себѣ и разспрашиваетъ объ играхъ, занятіяхъ, пріятеляхъ и т. д. Новичекъ не поддается. «Малый съ характеромъ», думаетъ учитель, но отъ его вниманія не ускользаютъ умные глаза мальчика. Подъ его умнымъ и осторожнымъ вліяніемъ мальчикъ, сильно отставшій, побѣждаетъ свою лѣнь и отвращеніе къ школьной премудрости и, дѣйствительно, вскорѣ сидитъ въ классѣ съ равными по познаніямъ и по годамъ. Вѣроятно, между учителемъ и ученикомъ было много подобныхъ случаевъ, вслѣдствіе которыхъ первый убѣдился, что «мальчика легко водить на шелковой ниточкѣ и нельзя стащить съ мѣста канатомъ», а второй проникся страстнымъ уваженіемъ и любовью къ наставнику. Въ дневникѣ, писанномъ въ Гарроу, мы читаемъ напр.:

«*Ноября 11, 1804.* Я преклоняюсь передъ д-ромъ Друри. Онъ никогда не выходитъ изъ себя, никогда не оскорбляетъ. Я боюсь навлечь на себя его неудовольствіе, но не изъ страха. Нѣтъ, я уважаю его, я несчастливъ, когда онъ недоволенъ мной».

Байронъ посвятилъ памяти Друри одно изъ первыхъ своихъ стихотвореній въ «Часахъ Досуга» (Childish Recollections), а въ замѣткѣ къ IV пѣсни «Чайльдъ-Гарольда», въ 1818 г. посвящаетъ ему самыя нѣжныя воспоминанія.

Къ школьнымъ занятіямъ Байронъ, однако, не пристрастился, даже подъ вліяніемъ Друри. Подвижная природа и отсутствіе всякой выдержки съ дѣтства дѣлали его неспособнымъ подчиниться школьной рутинѣ. Древніе языки ему не давались [1]), а онъ былъ способенъ только къ занятіямъ по душѣ (или къ судорожнымъ припадкамъ прилежанія надъ греческими и латинскими задачами). Онъ любилъ бродить и мечтать. Читалъ тоже очень много и съ большимъ увлеченіемъ, преимущественно, философовъ XVIII ст. и историческія сочиненія. Превосходная память и умѣнье декламировать доставляли ему легкіе успѣхи, чрезвычайно льстившіе его самолюбію, особенно, когда онъ замѣчалъ одобреніе или восхищеніе на лицѣ Друри. Замѣчательно, что Байронъ, любившій съ дѣтства все чудесное и величественное, выбиралъ для упражненій въ декламаціи самые потрясающіе монологи: рѣчь Занчи надъ трупомъ Алонзо, проклятіе Лира и т. д. Въ дополненіе къ одушевленію и превосходной дикціи у него былъ очень пріятный голосъ. Но поэта въ немъ не угадывалъ никто. Любовью товарищей онъ сначала не пользовался, но вскорѣ пріобрѣлъ друзей и вліяніе. Его школьныя отношенія служатъ положительнымъ доказательствомъ, что въ немъ было много добраго и симпатичнаго. Онъ очень развился въ Гарроу не только благодаря Друри и чтенію, но и обществу пріятелей, въ выборѣ которыхъ былъ особенно счастливъ. Здѣсь

---

[1]) По поводу возникшихъ въ Англіи споровъ о пользѣ классическаго образованія, проф. Николь считаетъ нелишнимъ привести мнѣніе Байрона на этотъ счетъ—замѣтку къ IV пѣснѣ Чайльдъ-Гарольда. „Я хочу сказать, что намъ надоѣдаетъ разборъ словъ, прежде чѣмъ мы способны понять красоту; что мы вызубриваемъ, прежде чѣмъ вникаемся; что свѣжесть впечатлѣнія теряется безвозвратно; что наслажденіе и польза въ будущемъ ослаблены или уничтожены въ такомъ возрастѣ, когда мы не въ состояніи ни чувствовать, ни понимать прелести произведеній, для оцѣнки которыхъ знаніе физики столь же необходимо, какъ и знаніе латинскаго или греческаго языка... Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, на континентѣ, молодежь учится по обыкновеннымъ книгамъ и не читаетъ лучшихъ классическихъ писателей до зрѣлыхъ лѣтъ“. Сопоставленіе этой замѣтки съ впечатлѣніями, вызвавшими ее, очень эффектно и поучительно для сторонниковъ *классическаго* образованія.

онъ научился понимать и цѣнить умственное и нравственное превосходство.

Выходъ любимаго наставника изъ заведенія опять печально отразился на юношѣ. Послѣдній годъ прошелъ не въ умственныхъ занятіяхъ, а въ физическихъ упражненіяхъ, въ которыхъ онъ всегда старался перещеголять «не хромыхъ», и въ постоянныхъ враждебныхъ демонстраціяхъ противъ новаго директора [1]). Байронъ былъ предводителемъ — второстепенныхъ ролей онъ не любилъ— и одумался только, когда потокъ страстей увлекъ его партію до смѣлой мысли сжечь столы и лавки въ классной. Напоминаніе вождя объ именахъ отцовъ, вырѣзанныхъ на этихъ столахъ и скамейкахъ, остановило мятежниковъ, и школьныя тетрадки вступили въ свои права—только не для Байрона.

Онъ былъ вскорѣ затѣмъ поглощенъ перипетіями страстной любви къ Мери Чэвортъ. Всякій, читавшій Байрона, знаетъ эту исторію, имѣвшую большое значеніе въ его жизни, изъ собственныхъ устъ поэта; повторять то, что разсказано въ «Снѣ» или другихъ стихотвореніяхъ, здѣсь не мѣсто. Есть однако въ этой исторіи эпизодъ, весьма характерный и оставившій глубокій слѣдъ въ душѣ Байрона, и о немъ надо упомянуть. Влюбленный юноша воображалъ, что любимъ взаимно, считалъ тайныя свиданія въ аллеяхъ сада признаніемъ со стороны Мери и мечталъ о бракѣ съ нею, какъ вдругъ, подходя однажды къ ея дому, услыхалъ слѣдующее. «И вы, въ самомъ дѣлѣ, думаете, что я влюблена въ хромого мальчишку!» — говорила, смѣясь, миссъ Чэвортъ своей довѣренной горничной. Не помня себя, «какъ раненый звѣрь», бросился онъ домой. Дѣло происходило въ каникулярное время; Ньюстедъ и имѣніе Чэвортовъ были почти смежны. Мери вскорѣ сдѣлалась невѣстой и въ 1805 г. вышла замужъ. «O had my fate been joined to thine», писалъ онъ ей два года спустя въ періодъ кэмбриджскихъ кутежей; «Well thou art happy» послѣ того, какъ видѣлъ ея маленькую дочь. Прощальные стансы въ 1809, посланіе къ другу въ 1811 и «Сонъ»,

---

[1]) Д-ръ Бётлеръ, при всемъ педантизмѣ, оказался не дурнымъ человѣкомъ и Б., сожалѣя о своихъ выходкахъ противъ него въ „Childish Recollections", помирился съ нимъ передъ отъѣздомъ въ Грецію и имѣлъ намѣреніе замѣнить обидныя для него строки другими при новомъ изданіи; онѣ были написаны, но почему-то не были включены. Другой примѣръ готовности Б. сознаваться въ своихъ ошибкахъ касается опекуна, лорда Карлейля, противъ котораго онъ позволилъ себѣ насмѣшки въ своей сатирѣ „English Bards". Неизвѣстно, почему онѣ показались ему впослѣдствіи незаслуженными, и онъ принесъ публичное покаяніе въ III пѣсни Чайльдъ-Гарольда, въ сочувственныхъ словахъ къ его сыну, павшему при Ватерлоо.

который поэтъ писалъ, заливаясь слезами, въ горестный 1816 г., доказываютъ, какъ долго онъ помнилъ свой юношескій идеалъ. Хотя миссъ Ч. была далеко не идеальной дѣвицей, она такъ горько поплатилась за предпочтенье пошлаго супруга геніальному юношѣ, что ее можно оставить въ покоѣ. Любовь, обыкновенно, опредѣляется свойствами субъекта, а не объекта, и потому, какова бы ни была дѣвица, юношеская любовь страстнаго Байрона не могла быть иной. Оскорбленное чувство тоже не могло испариться у него безъ серьёзныхъ послѣдствій. Непосредственнымъ результатомъ была его университетская жизнь.

Три года, проведенные въ Кэмбриджѣ,—куда онъ вдобавокъ поступилъ противъ воли,—были годами праздности, кутежей и студенческихъ шалостей всякаго рода. Уязвленное самолюбіе «хромого мальчишки» находило удовлетвореніе во вниманіи женщинъ; онъ сталъ много думать о своей наружности, одѣваться эксцентрично, чтобы скрыть уродливую ногу и выставить эффектнѣе красоту лица. Эта складка не исчезла и послѣ. Страстный темпераментъ увлекалъ Байрона въ крайности, о которыхъ Николь говоритъ «лишь съ цѣлью напомнить, что онѣ никогда не переходили за черту, установленную свѣтомъ для понятія о чести». Только за болтливость подъ хмѣлькомъ онъ его не одобряетъ. Во всякомъ случаѣ, такая жизнь была въ разладѣ съ лучшими инстинктами его природы, пробужденными въ Гарроу, и порождала смутное чувство недовольства собой. Послѣднее, въ свою очередь, не могло принести хорошихъ плодовъ, при данныхъ его характера. Поступая, какъ будто на зло самому себѣ, онъ началъ, подобно многимъ юношамъ, бьющимъ на эффектъ, хвастаться своей испорченностью, нарочно расписывать себя самыми черными красками. Это было своего рода развлеченье: пугать однихъ, возбуждать зависть другихъ, вызывать осужденіе третьихъ. Ему нравилось, когда его сравнивали съ Руссо. Сверхъ того, исповѣдь облегчала его сообщительную душу, а сознаніе, что онъ все же не такъ дуренъ, какъ могутъ подумать, служило нѣкотораго рода успокоеніемъ. Въ это время онъ усвоилъ себѣ мрачное выраженіе лица и сдѣлался дѣйствительно очень нервенъ и раздражителенъ.

Свѣтлой стороной кэмбриджской жизни слѣдуетъ признать его дружескія отношенія съ нѣсколькими выдающимися и безупречными молодыми людьми, которые, очевидно, не полюбили бы товарища «не-джентльмена» по характеру. Да и, вообще, свойство Байрона юнаго и взрослаго сближаться съ тѣми, которыхъ онъ, справедливо или нѣтъ, считалъ лучше себя, представляетъ серьёз-

ный аргументъ въ пользу благородства его характера. Ни громадное самолюбіе, ни тщеславіе дѣйствительно «женское» не могли унизить его до мелочной зависти или слѣпотѣ къ достоинствамъ другихъ. Николь говоритъ, что Байронъ забывалъ сословные предразсудки, когда различіе было слишкомъ очевидно».

Выдающимся событіемъ студенческой жизни Байрона было приготовленіе къ печати его первыхъ стихотвореній «Hours of Idleness». Тутъ онъ не обнаружилъ авторскаго самолюбія, напротивъ, совѣтовался съ друзьями, исключая и урѣзывая безъ всякаго раздраженія цѣлыя стихотворенія или отдѣльныя мѣста, по ихъ указанію. Извѣстно, какъ жестоко отнеслось къ его книжкѣ «Эдинбургское обозрѣніе», и какъ подѣйствовали на автора безпощадныя насмѣшки: «это была ярость, страстная рѣшимость постоять за себя, отомстить; но не упадокъ духа, не отчаяніе. Злая критика — смерть для бездарнаго птенца. Меня она только на время сшибла съ ногъ»,—говорилъ Байронъ въ 1826 г. Въ день и часъ, когда онъ прочелъ статью, онъ не сказалъ ничего. «Лицо его имѣло такое выраженіе, точно онъ собирался вызвать кого-нибудь на поединокъ», замѣчаетъ одинъ пріятель. И, дѣйствительно, Байронъ обдумывалъ свою месть.

Цѣлый годъ работалъ онъ надъ сатирой «English bards and scotch reviewers», живя большею частью одинъ въ Ньюстедѣ. Настроеніе духа было у него самое мрачное. Даже на вершинѣ славы, онъ относился, какъ извѣстно, съ лихорадочнымъ безпокойствомъ къ своимъ литературнымъ удачамъ и неудачамъ; можно потому судить о силѣ перваго удара. Къ этой бѣдѣ присоединилось страшное денежное разстройство, хлопоты по имѣнію, процессъ, стычки съ матерью и полное душевное одиночество, послѣ пріятельскаго кружка, оживлявшаго Кэмбриджъ. Не малымъ огорченіемъ была, при такихъ условіяхъ, смерть любимой собаки [1]). Наступилъ день совершеннолѣтія, и

---

[1]) Байронъ, вообще, отличался необыкновенной любовью къ животнымъ и всегда имѣлъ дома и таскалъ за собой цѣлый звѣринецъ. (Этимъ свойствомъ онъ наградилъ и своего Донъ-Жуана). Когда любимый водолазъ умиралъ въ тихомъ бѣшенствѣ, онъ не отходилъ отъ него, вытирая пѣну съ его морды своимъ платкомъ. Три года спустя онъ еще выражалъ въ завѣщаніи желаніе быть похороненнымъ рядомъ съ этимъ другомъ. Весьма характеренъ случай съ подстрѣленнымъ молодымъ орломъ въ первое путешествіе въ Грецію: „онъ былъ только раненъ, и я непремѣнно хотѣлъ спасти его—глаза были такіе чудные — но, промучившись нѣсколько дней, онъ умеръ. Съ тѣхъ поръ я далъ себѣ слово, и держу его, не стрѣлять въ птицъ", пишетъ Байронъ. Онъ былъ, какъ извѣстно, замѣчательный стрѣлокъ, но выбиралъ мишенью неодушевленные предметы. Ему была противна охота и даже рыбная ловля. Въ Швейцаріи онъ чуть не свалился въ пропасть, помогая козѣ перебраться черезъ заборъ.

онъ не могъ праздновать его, какъ другіе молодые лорды, а сидѣлъ въ Лондонѣ, занявъ денегъ для угощенія фермеровъ. Вступленіе въ парламентъ было тоже невеселое. Вопреки обычаю, опекунъ, всегда равнодушный къ его интересамъ и предубѣжденный противъ него, отказался ввести его. Байронъ былъ взволнованъ, держалъ себя неловко и потомъ досадовалъ. Онъ сѣлъ на сторону оппозиціи и объяснялъ свой натянутый поклонъ въ отвѣтъ на радушное привѣтствіе лорда-канцлера желаніемъ сразу открыть свои карты. Вообще, это былъ тяжелый годъ для молодого поэта, и въ немъ накипѣло много злобы и хандры. Онъ мечталъ только о томъ, какъ, занявъ мѣсто въ парламентѣ, бросить въ лицо врагамъ свою сатиру и уѣдетъ вонъ изъ Англіи. Въ февралѣ 1809 появилась, наконецъ, эта сатира, надѣлавшая столько шуму, а весной, послѣ нѣсколькихъ недѣль, проведенныхъ въ Ньюстедѣ съ друзьями, въ бесѣдахъ, чтеніи и забавахъ, порой весьма эксцентричныхъ («но далеко не столь преступныхъ, какъ то изображено въ вступительныхъ страницахъ Чайльдъ-Гарольда» — говорятъ его біографы), Байронъ сѣлъ на корабль съ своимъ другомъ Гобгоузомъ и отплылъ на востокъ, куда его тянуло съ дѣтства.

Первыя двѣ пѣсни «Чайльдъ-Гарольда», независимо отъ ихъ поэтическихъ достоинствъ, любопытны какъ дневникъ, изъ котораго можно видѣть, чтó, именно, занимало и увлекало Байрона на 22-мъ году. Разочарованность и мрачное настроеніе духа постепенно исчезаютъ подъ южнымъ солнцемъ, какъ туманъ, или же, отодвигаясь на дальній горизонтъ, составляютъ фонъ, на которомъ по контрасту рѣзче выступаютъ яркія картины и живыя впечатлѣнія. Его восхищаютъ красоты природы, ему кружатъ голову испанки, но внѣшній блескъ не отводитъ глазъ отъ золъ общественныхъ и политическихъ. Въ оцѣнкѣ дѣятельности соотечественниковъ въ Испаніи, онъ чуждъ всякаго пристрастія и казнитъ ихъ безпощадно. Даже «Галльскій коршунъ» кажется ему предпочтительнѣе англійскихъ хищниковъ. При видѣ свѣжихъ полей битвъ, онъ думаетъ только о безвинныхъ жертвахъ чужого произвола, о нравственномъ упадкѣ народовъ, не умѣющихъ найти выхода — «no step between submission and a grave».

Коза эта тронула его своимъ отчаяніемъ и привязанностью къ пастушенку, ушедшему отъ нея. Къ дѣтямъ, къ больнымъ, слабымъ и бѣднымъ Б. былъ сострадателенъ до-нельзя и всего болѣе къ тѣмъ, которые сами навлекли на себя бѣду. „У нихъ нѣтъ даже чистой совѣсти въ утѣшенье“, говаривалъ онъ. Къ слугамъ относился съ большой заботливостью и снисхожденіемъ и пользовался ихъ любовью.

Въ грубыхъ албанцахъ многое должно было, конечно, шокировать цивилизованнаго англичанина, но его поражаетъ человѣческое достоинство, проглядывающее сквозь лохмотья; въ ночной пѣснѣ разбойниковъ онъ слышитъ мотивы, которые заставляютъ и насъ восхищаться ея дикой энергіей. Его плѣняетъ выносливость, мужество, свободное развитіе личности въ этомъ народѣ.

Въ Греціи видъ дивной природы и классическихъ памятниковъ воскрешаетъ въ душѣ образъ прежняго величія страны [1]). Стансы, обращенные къ Греціи, вообще интересны, какъ выраженіе весьма прочной симпатіи поэта и какъ начало цѣлаго ряда твореній, воспроизводящихъ впечатлѣнія и картины, вынесенныя имъ изъ его перваго путешествія.

Вниманіе Байрона, во всѣхъ случаяхъ, останавливается на современныхъ интересахъ, а не на отжившихъ воспоминаніяхъ. Вездѣ поэтическое чутье улавливаетъ существенныя и живыя стороны явленій. Задатки будущаго радикализма очевидны. Онъ самъ сознавалъ, что путешествіе это значительно способствовало его развитію, когда писалъ матери, что слѣдуетъ обязать молодыхъ людей, особымъ закономъ, жить извѣстное число лѣтъ внѣ Англіи. Пользоваться этимъ благомъ болѣе двухъ лѣтъ ему, однако, не удалось. Дѣла по имѣнію и безденежье звали домой. Онъ возвращался очень неохотно. Дома его ожидали тяжелыя утраты (мать, четверо близкихъ друзей и кузина Тирза умерли въ нѣсколько мѣсяцевъ) и скучнѣйшія хлопоты. Онъ болѣзненно чувствовалъ свое одиночество и тосковалъ до того, что друзья боялись за его здоровье.

Байрона часто винили въ недостаткѣ критики относительно своихъ и чужихъ произведеній. Какъ ближайшій примѣръ приводятъ, обыкновенно, его сужденіе о «Чайльдъ-Гарольдѣ».

Друзья должны были долго уговаривать его напечатать эти стансы. Онъ ихъ считалъ «набросками», не стоющими вниманія, между тѣмъ, какъ именно благодаря имъ, по собственному выраженію, «проснулся въ одинъ прекрасный день знаменитымъ». Интересъ аристократическаго общества былъ уже ранѣе возбужденъ первой рѣчью Байрона въ парламентѣ (по поводу возмущенія ноттингемскихъ ткачей), весьма радикальной и превосходно сказанной. Вслѣдъ за нею вышло «Странствованіе Чайльдъ-Га-

---

[1]) Эльце, какъ настоящій нѣмецъ, упрекаетъ Байрона въ невниманіи къ классическимъ древностямъ и даже указываетъ мѣста, гдѣ ему непремѣнно слѣдовало побывать.

рольда» и произвело фуроръ. Успѣхъ объяснялся живой индивидуальностью произведенія, той полнотой и непосредственностью, съ какой заявляла о себѣ молодая и страстная личность, не останавливаясь передъ условными политическими, религіозными и соціальными понятіями; и нужно прибавить—степенью уклоненія отъ шаблона, которая не превзошла уровня образованнаго большинства. Прежде всего набросился на Чайльдъ-Гарольда туземный Парнасъ, задѣтый за живое послѣдней сатирой Байрона, но придраться было очень трудно. Лучшіе же представители англійской литературы поспѣшили протянуть ему руку. Байронъ остался за это на всю жизнь благодаренъ Вальтеру Скотту, Муру и Кольриджу [1]).

Все вдругъ перемѣнилось вокругъ Байрона, еще такъ недавно осиротѣлаго и одинокаго. Восторженныя похвалы, общее вниманіе, удивленіе мужчинъ, восхищеніе и любовь женщинъ—вотъ опьяняющая атмосфера, которой онъ дышалъ въ теченіи трехъ лѣтъ. Каждое его новое произведеніе было событіемъ, всеобщимъ торжествомъ. Ему буквально поклонялись, его называли «новой радостью міра». Мудрено ли, что честолюбивая голова закружилась, что тщеславіе и молодая кровь пошли черезъ край, что онъ дѣлалъ много разныхъ безумствъ и привыкъ считать обожаніе общества своимъ правомъ. Нужны ли оправданія, приводимыя во второй строфѣ III пѣсни «Чайльдъ-Гарольда?» Кто бы устоялъ противъ подобныхъ соблазновъ въ 23 года, послѣ пройденной имъ съ дѣтства школы? И можно ли забыть, что даже въ это время и среди этой обстановки Байронъ не упускалъ изъ вида «высшихъ цѣлей». Политическія и общественныя событія, противорѣчія дѣйствительности съ идеаломъ, всякія нарушенія человѣческихъ правъ, борьба страсти и разума, лицемѣріе и безнравственность среды, въ которой онъ вращался, сознаніе, что надо быть полезнымъ членомъ общества, что для человѣка мало писать стихи—волновали его, и все глубже и чаще съ каждымъ годомъ, несмотря на то, что онъ проводилъ время въ пустыхъ забавахъ и «какъ женщина» заботился о своей наружности. Неразлучный спутникъ человѣческой мысли, болѣзнь, наростающая время отъ вре-

[1]) Вообще, по словамъ біографовъ, онъ никогда не забывалъ сдѣланнаго ему добра, и сердце у него было доброе и мягкое. Это признаетъ даже прозаическій Далласъ, говоря, что „только перо у него было ядовитое и безбожное, душа же полна снисхожденія и доброты“. Симпатія окружающихъ была потребностью этой души съ дѣтства и до послѣднихъ дней.

мени въ эпидемію, *Weltschmerz*, находилъ въ психической организаціи Байрона богатую почву.

Байрона обвиняли между прочимъ въ напускной разочарованности людьми и жизнью, и даже въ притворно-мрачномъ выраженіи лица. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ отчасти рисовался своей врожденной хандрой—успѣхъ стихотворныхъ жалобъ избаловалъ его и эффектъ мрачнаго выраженія на его блѣдномъ лицѣ, особенно среди оживленнаго разговора или вслѣдъ за припадками самой непосредственной, почти дѣтской веселости, былъ слишкомъ соблазнителенъ. Но, помимо этого, утомленіе и тоска могли быть совершенно естественной смѣной сильныхъ возбужденій въ организмѣ, до-нельзя нервномъ и ослабленномъ лихорадкой (которую онъ вывезъ изъ Греціи), и той страшной діэтой, которой онъ придерживался, чтобы не потолстѣть. Нервы его, дѣйствительно, не знали покоя. Вертясь, что называется въ свѣтскомъ омутѣ, онъ нерѣдко проводилъ остатки ночи послѣ баловъ, маскарадовъ и кутежей за усиленной работой. Писать Байронъ могъ только, когда былъ сильно возбужденъ и писалъ съ лихорадочной быстротой [1]). «Всѣ судороги кончаются у меня риѳмами»,—говорилъ онъ пріятелю. Наконецъ, у него было много разныхъ досадъ и заботъ, преимущественно, вслѣдствіе собственной неразсчетливости, и понятно, что онъ часто могъ быть просто не въ духѣ. А такъ какъ лицо его было столь же подвижно, какъ и настроеніе, то посторонніе могли видѣть его душевныя движенія, если онъ не старался скрыть ихъ, что̀ тоже случалось. Простыхъ объясненій было, однако, недостаточно для добрыхъ людей. Перенося буквально характеръ его героевъ на него самаго, они великодушно выслѣживали воспоминанія страшнаго преступленія на голомъ челѣ. Мужчины останавливались на убійствѣ; добродѣтельныя леди на крушеніи женскихъ существованій. Послѣднее предположеніе, какъ оно ни казалось правдоподобнымъ при разнообразныхъ (и преувеличенныхъ молвой) любовныхъ приключеніяхъ Байрона, было невѣрно. Совѣсть его могла оставаться покойной: «я не Іосифъ и не Сципіонъ, но по чести могу сказать, что не соблазнилъ ни одной женщины»,—говоритъ Байронъ; и Николь, вообще снисходительный къ «грѣхамъ молодости и красоты» поэта, замѣчаетъ, что «этотъ фактъ, быть можетъ, заслуживаетъ вниманія нравственныхъ почитателей Гёте и Бёрнса, которые приходятъ въ негодованіе при одномъ

---

[1]) Вальсъ, Гяуръ, Абидосская невѣста, Корсаръ, Лара, Еврейскія мелодіи и разныя мелкія стихотворенія были написаны въ два года.

имени Байрона». Тѣмъ не менѣе Немезида явилась, и не только въ формѣ скуки и пресыщенія. Такъ, возмездіе ходило одно время по его пятамъ въ образѣ ревнивой Каролины Лэмбъ, неотразимой, какъ рокъ, и вдобавокъ писательницы. Она проникала въ его комнату въ мужскомъ костюмѣ, чтобы обмануть сторожей, шла на всякій скандалъ (до покушеній на самоубійство среди бала), доводила его и себя до умоизступленія. Наконецъ, горечь ея сердца излилась въ романѣ «Гленарвонъ», гдѣ для портрета Байрона сидѣлъ чуть ли не самъ сатана. Не слѣдуетъ забывать, что если Байронъ и былъ мучителемъ женщинъ, то неумышленнымъ и въ той же мѣрѣ былъ ихъ мученикомъ. «Не могу ужиться съ ними, не могу жить безъ нихъ», жаловался онъ. «Въ основѣ почти всѣхъ его связей было увлеченіе, хоть мимолетное, но искреннее»,—заявляетъ Николь, указывая въ его романахъ иниціативу—женскую.

Красота и влюбчивость Байрона могутъ служить рѣшительнымъ аргументомъ противъ цинизма, въ которомъ обвиняли автора «Донъ-Жуана». Что касается его *презрительнаго* отношенія къ женщинамъ вообще, то можно возразить, что насмѣхаясь надъ лицемѣрками и синими чулками, онъ умѣлъ цѣнить умственное и нравственное превосходство всякій разъ, когда встрѣчалъ порядочныхъ женщинъ. Въ примѣрахъ нѣтъ недостатка.

Для характеристики душевнаго состоянія Байрона, на вершинѣ славы и всякихъ успѣховъ, могутъ служить выдержки изъ дневника. «Въ 25 лѣтъ, когда пройдена лучшая половина жизни, нужно, чтобы человѣкъ былъ чѣмъ-нибудь. Что же я такое? Существо, которому 25 лѣтъ съ нѣсколькими мѣсяцами и только. . . . . Уже довольно давно презираю я себя и людей, но ни разу не хватило силъ плюнуть въ лицо своему племени... Нѣтъ, я, должно быть, схожу съ ума»... Слѣдуютъ размышленія о смерти: «Мнѣ не страшенъ сонъ безъ видѣній, и я не могу себѣ представить такой формы существованія, которая бы въ концѣ-концовъ не надоѣла». Онъ не прочь хоть застрѣлиться, если бы не лѣнь, да не сестра, которая будетъ огорчена.

Въ такомъ-то расположеніи духа, ему пришло въ голову, что женитьба была бы отличнымъ средствомъ для нравственнаго успокоенія и перемѣны жизни, и именно женитьба на миссъ Мильбанкъ, которая ему нравилась и соединяла красоту и образованіе съ безмятежной ясностью духа и значительнымъ состояніемъ. Его дѣла были въ это время въ полномъ разстройствѣ, шла рѣчь о продажѣ Ньюстеда, всѣ совѣтовали жениться. Легкомысліе, съ которымъ былъ заключенъ этотъ бракъ, по мнѣ-

нію біографовъ можетъ быть объяснено только впечатлѣніями, почерпнутыми Байрономъ изъ высшаго англійскаго круга. Сознаніе важности этого шага пришло ему, впрочемъ, въ голову, когда онъ стоялъ передъ алтаремъ, путаясь въ отвѣтахъ и блѣдный, какъ смерть. Дѣйствительно, болѣе несчастнаго союза нельзя было придумать для обоихъ. Для Байрона же онъ имѣлъ столь роковыя послѣдствія, что нельзя не коснуться подробностей этого событія, хотя онѣ довольно извѣстны. Во-первыхъ, любви не было ни съ той, ни съ другой стороны. Ясность духа миссъ Мильбанкъ была личиной, за которой, кромѣ томительнаго однообразія ума, скрывалась узкая и упорная, холодная и злопамятная природа, вымуштрованная во всѣхъ тонкостяхъ англійскихъ приличій. Столкновенія между супругами начались вскорѣ послѣ «медоваго мѣсяца», постепенно учащаясь. Запутанныя дѣла Байрона и его долги, на которые ушла большая часть ея приданаго, вмѣстѣ съ разными нашептываніями, способствовали раздору. Онъ тщетно старался быть добрымъ мужемъ. Она, совершенно не понимая съ кѣмъ имѣетъ дѣло, задалась цѣлью исправить его и выбирала къ этому способы, самые неподходящіе къ его нраву. Такъ, она систематически противопоставляла свое нравственное превосходство, спокойствіе и увѣщанія его запальчивости, вслѣдствіе чего пустыя вспышки, которыя могли кончиться смѣхомъ и мгновеннымъ примиреніемъ, превращались въ бѣшеные припадки (не даромъ былъ онъ сыномъ истерической матери): онъ рвалъ на себѣ волосы, ломалъ часы каминными щипцами и, конечно, не жалѣлъ словъ. Не въ характерѣ лэди Байронъ было простить обиду или оцѣнить искренность возврата взбалмошнаго, но, въ сущности, мягкаго и добраго человѣка, или великодушно угадать минуту раскаянія въ самолюбивомъ грѣшникѣ. Его поэтическое призваніе считала вздоромъ и желала, чтобы онъ отъ него отказался; шутокъ не понимала вовсе; къ его бравадамъ относилась, какъ къ совершеннымъ уже преступленіямъ. Вдобавокъ, не любя мужа, стала ревновать, когда во время приготовленія къ открытію Друриленскаго театра, онъ долженъ былъ наблюдать за разучиваніемъ своего пролога и бывать за кулисами. Она дѣлала ему сцены при постороннихъ и грозила уѣхать; рылась въ его бумагахъ и разсылала компрометтирующія письма къ тѣмъ, для кого они были тайной—производя скандалы въ семействахъ. Уступать силѣ Байронъ не привыкъ; онъ нарочно сердилъ и дразнилъ ее. «Всякая женщина могла дѣлать съ милордомъ, что́ хотѣла, только не миледи», говорилъ его слуга Флечеръ. Умѣла ладить съ нимъ

и его сестра, м-ссъ Лей, относившаяся къ нему съ оттѣнкомъ материнской нѣжности и гордости, хотя разница лѣтъ была небольшая [1]). Она понимала его и вѣрила ему. Нелѣпыя выходки не пугали и не сердили ее, а казались ребячествомъ. То ласково браня его, то добродушно смѣясь надъ нимъ, она имѣла на него большое и благотворное вліяніе. Конечно, не такая женщина приняла бы за наличную монету слова Байрона, въ отвѣтъ на призывъ къ пути истинному, что ему не только добродѣтель, но и обыденные пороки пріѣлись, и что онъ, непремѣнно, выдумаетъ нѣчто совсѣмъ особенное.

Между супругами была однажды слѣдующая сцена. Жена грозила уѣхать, если онъ не исправится, и увѣряла, что свѣтъ будетъ винить за это не ее, а его. «Ну, нѣтъ,—возразилъ мужъ, —Байронъ славный малый («a glorious boy»), всѣ за него заступятся». Будь на мѣстѣ жены м-ссъ Лей, она врядъ-ли увидала бы тутъ непремѣнную рѣшимость прогнать и очернить ее въ глазахъ свѣта. Но въ душу лэди Байронъ подобныя вздорныя слова западали такъ глубоко, что она поставила ихъ въ число серьёзныхъ обвинительныхъ пунктовъ противъ мужа въ своихъ изліяніяхъ передъ г-жей Стоу, въ 1856 г. И кто знаетъ, не пробѣгаетъ-ли именно послѣдняя фраза красной ниточкой, въ формѣ избранной ею мести.

Никто не осуждаетъ лэди Байронъ за то, что она, чувствуя себя несчастливой съ такимъ мужемъ, оставила его и не уступила ни его просьбамъ, ни увѣщаніямъ друзей. Она, очевидно, не была въ состояніи понять свойствъ этой исключительной природы и, вѣроятно, не только выдавала, но и считала мужа сумасшедшимъ. Но англійскій и нѣмецкій біографъ не находятъ оправданія для коварства, съ которымъ она, взявъ съ собой маленькую Аду, уѣхала изъ дому подъ предлогомъ посѣщенія родныхъ: лэди Байронъ, какъ извѣстно, весело простилась съ мужемъ, писала ему съ дороги шутливо-нѣжныя письма, а по пріѣздѣ поручила отцу написать отъ своего имени, что возвращаться не намѣрена. Тѣмъ менѣе извиняютъ они ея ехидный способъ мести—рѣшимость молчать о причинахъ раздора. Ея молчаніе послужило поводомъ къ самымъ нелѣпымъ и оскорбительнымъ предположеніямъ насчетъ Байрона, и она не только не старалась подавить ихъ, а напротивъ искусно поддержи-

---

[1]) Августа родилась 1783, Байронъ въ 1788. Она воспитывалась у родныхъ своей матери. Дѣтьми они видались рѣдко и подружились только по возвращеніи Б. изъ Греціи.

вала разными намеками, не щадя репутаціи сестры — мнимаго предмета преступной любви Байрона — тогда уже тридцати-двухъ-лѣтней женщины и матери троихъ дѣтей. Между тѣмъ, съ этой, ничего не подозрѣвавшей сестрой, она не прерывала родственныхъ отношеній и въ нѣжныхъ письмахъ просила у нея поддержки и совѣтовъ «въ этихъ трудныхъ для нея обстоятельствахъ» [1]).

Жестокое сердце не смягчилось, когда, именно вслѣдствіе этой таинственности, негодующее англійское общество напало на Байрона съ яростью, соразмѣрной прежнему обожанію. Англичане, по замѣчанію Маколея, имѣютъ обыкновеніе разъ въ 6 или 7 лѣтъ ополчаться въ защиту попранной чистоты нравовъ и выбирать для закланія первую встрѣчную жертву. Въ данномъ случаѣ, такой жертвой могъ всего скорѣе сдѣлаться человѣкъ, бывшій у всѣхъ на виду.

И вотъ, на Байрона обрушилось общее негодованіе. Въ парламентѣ отъ него отворачивались; на улицѣ и въ театрѣ не давали прохода; чернь, глумясь, окружала его карету; передъ нимъ закрывались двери клубовъ и салоновъ. Газеты позорили его имя. Нужно было извѣстное мужество, чтобы заступаться за него или принимать его въ свой домъ, и Байронъ никогда не могъ забыть, какъ держали себя въ это время его друзья, между прочимъ Вальтеръ-Скоттъ и двѣ или три почтенныя женщины. Что касается сестры, то она оказалась вполнѣ достойной имени его друга и служила ему поддержкой и утѣшеніемъ. Въ томъ и другомъ онъ дѣйствительно нуждался. Легко, въ самомъ дѣлѣ, представить себѣ его отчаяніе и злобу, когда, послѣ обольстительнаго сна славы, онъ увидалъ себя предметомъ общаго презрѣнія, не сознавая за собой никакой серьёзной вины и не имѣя даже возможности оправдываться, потому что прямыхъ обвиненій противъ него не существовало, а были только глухіе намёки, на которые нельзя было отвѣчать изъ уваженія къ себѣ и сестрѣ. Но какъ ни страдало его самолюбіе, гнѣвъ его не падалъ на жену, къ которой онъ, съ свойственной ему непослѣдовательностью, почувствовалъ искреннюю нѣжность, когда переставъ ее

[1]) О симпатичномъ и безупречномъ характерѣ м-ссъ Лей свидѣтельствуютъ не только письма и стихотворенія Байрона, но отзывы всѣхъ знавшихъ ее. Даже леди Байронъ, разсуждая въ 1856 г. съ г-жей Стоу, говорила, что м-ссъ Лей, вѣроятно, раскаялась въ прежнихъ грѣхахъ, такъ какъ теперь она вполнѣ почтенная женщина. Сестра поэта не прерывала знакомства съ невѣсткой, сначала въ надеждѣ помирить супруговъ, а затѣмъ, чтобы извѣщать брата объ Адѣ. Послѣ смерти Байрона онѣ разошлись.

видѣть. Онъ винилъ одного себя въ ихъ размолвкахъ. Первое время онъ искалъ примиренія съ нею и, смиряя свою гордость, дѣлалъ для этого все, что могъ. Его письма и извѣстное стихотвореніе «Fare thee well» тронули бы всякую женщину, сохранившую хоть каплю любви къ нему или имѣвшую какую-нибудь серьёзную причину для негодованія. Но лэди Б., поддерживаемая своей маменькой, не дрогнула ни передъ чѣмъ. Непреклонность ея, кажется, всего яснѣе доказываетъ, что прощать Байрону было нечего, кромѣ тѣхъ мелкихъ слабостей, которыя могли быть невыносимы при совмѣстной жизни, но вообще не мѣшали друзьямъ и слугамъ любить его и оставаться ему вѣрными. Только самолюбіе и боязнь страшной кары общественнаго мнѣнія не позволяли отступить отъ разъ принятаго рѣшенія, ни при жизни поэта, ни послѣ его смерти. Въ самомъ дѣлѣ, разоблаченія, сдѣланныя ею, наконецъ, въ 1856 г. г-жѣ Стоу и жадно подхваченныя защитницей угнетенныхъ, въ книжкѣ «Lady Byron vindicated», хотя подняли сначала взрывъ негодованія противъ памяти поэта въ англійскомъ обществѣ, но кончились оправданіемъ обвиняемыхъ и посрамленіемъ обвинителей, благодаря бездоказательности и противорѣчивости обвиненій и нѣкоторымъ весьма компрометтирующимъ письмамъ лэди Байронъ, обнародованнымъ друзьями поэта въ 1869 и 1870 гг. Остается ожидать появленія въ печати фамильныхъ бумагъ для заключительнаго слова по этому частному дѣлу, сдѣлавшемуся, къ сожалѣнію, общественнымъ достояніемъ.

Итакъ, видя себя отвергнутымъ женой, несмотря на всѣ уступки съ своей стороны, Байронъ, наконецъ, не выдержалъ и перешелъ въ озлобленіе. Стихотвореніе «A. Sketch» представляетъ одинъ изъ печальныхъ памятниковъ такого настроенія. Его не можетъ извинить и то, что оно первоначально не предназначалось для печати (какъ и «Fare thee well») и сдѣлалось извѣстнымъ только благодаря нескромности пріятеля.

Такъ прошло три мѣсяца. Пересуды въ обществѣ и печати, а также семейныя дѣла (родные принуждали подписать разводъ черезъ адвокатовъ) измучили, наконецъ, Байрона до того, что онъ рѣшился уѣхать изъ Англіи—надолго, если не навсегда.

Англійскій біографъ говоритъ: «Еслибъ поэтическая дѣятельность лорда Байрона завершилась въ то время, какъ онъ покидалъ родину, о немъ помнило бы только одно поколѣніе, какъ объ авторѣ нѣсколькихъ музыкальныхъ лирическихъ стихотворе-

ній, остроумной сатиры, поэтическаго дневника, въ которомъ замѣтили проблески генія, и ряда интересныхъ поэмъ, много обѣщавшихъ и чрезвычайно популярныхъ. III и IV пѣсни Чайльдъ-Гарольда поставили его на иной пьедесталъ, рядомъ съ *Dii majores* англійской поэзіи. Эти пѣсни отдѣлены отъ первыхъ двухъ цѣлой пропастью».

Странствующій Байронъ опять на сценѣ, то въ образѣ Чайльдъ-Гарольда, то самъ по себѣ. Но время измѣнило его къ лучшему. Знаніе жизни и людей обогатило умъ; мысль созрѣла; міросозерцаніе стало спокойнѣе и шире; настроеніе духа яснѣе. Воспріимчивость, пониманіе природы, тонкость поэтическаго чутья остались прежнія. Въ дневникѣ путешествія по Рейну и Швейцаріи нѣтъ избитыхъ мѣстъ, хотя тэмы перебывали во многихъ рукахъ. Все своеобразно, потому что переходитъ въ плоть и кровь поэта.

Если въ періодъ нелѣпаго гоненія общества, Байрону приходило желаніе отмстить толпѣ, сравнивавшей его съ разными чудовищами язычества, то, конечно, трудно было придумать мщеніе болѣе жестокое, чѣмъ то нравственное величіе, въ которомъ онъ является въ III пѣсни «Чайльдъ-Гарольда». Озлобленію нѣтъ мѣста въ душѣ, пережившей страшное потрясеніе и познавшей тщету всего земного. Нельзя не обратить вниманія на нѣжное обращеніе къ дочери и сестрѣ. Послѣднюю онъ, очевидно, хочетъ защитить своимъ уваженіемъ и дружбой отъ злыхъ нареканій. По отношенію къ женѣ нѣтъ ни слова упрека; онъ не имѣлъ въ то время понятія о роли, которую она и ея родные играли въ городскихъ слухахъ. Поворотъ къ негодованію и злобнымъ выходкамъ противъ жены начинается съ осени, когда прибывшіе изъ Англіи друзья открыли ему глаза. Стихотвореніе «по поводу болѣзни лэди Байронъ» написано въ сентябрѣ. Но и позднѣе были у него возвраты добраго чувства, встрѣчавшіе всякій разъ сухой отпоръ.

Пребываніе въ Швейцаріи не разсѣяло его тяжелаго душевнаго настроенія, но было очень плодотворно въ литературномъ отношеніи. Изъ капитальныхъ вещей, кромѣ III пѣсни «Чайльдъ-Гарольда», тамъ написаны: «Шильонскій узникъ», «Сонъ», «Манфредъ» (первыя два дѣйствія), «Прометей», «Станцы» и посланіе къ сестрѣ, «Мракъ» и пр.—все это въ теченіи 4-хъ мѣсяцевъ. Происхожденіе Манфреда связано съ именемъ Шелли, который познакомилъ Байрона съ «Фаустомъ» (оба поэта, жившіе по сосѣдству въ окрестностяхъ Женевы, понравились другъ другу съ перваго свиданія и быстро подружились). Альпійская природа,

Гётевская метафизика и собственный душевный мракъ чудеснымъ образомъ переплелись въ этомъ произведеніи [1]), которое Байронъ шутя рекомендовалъ своему издателю какъ, «a kind of poem in dialogue of a wild metaphysical and inexplicable kind». Гёте, читая «Манфреда», былъ пораженъ видоизмѣненіями, которымъ его основные мотивы подверглись въ душѣ поэта, и находилъ, что разборъ сходствъ и различій обоихъ произведеній можетъ представить большой интересъ.

Кромѣ дружескихъ отношеній съ семьей Шелли и красотъ природы, жизнь вблизи Женевы не представляла пріятности для Байрона. Клевета послѣдовала за нимъ, и хотя онъ велъ самую скромную жизнь, тѣмъ не менѣе слылъ въ англійской колоніи за изверга рода человѣческаго. Одна благочестивая дама упала въ обморокъ, при его неожиданномъ появленіи въ гостиной ея пріятельницы. Наконецъ терпѣніе его лопнуло, и онъ съ Гобгоузомъ уѣхалъ въ Италію.

Своей резиденціей Байронъ, какъ извѣстно, выбралъ Венецію—городъ наиболѣе отвѣчавшій его вкусамъ по своей оригинальности и близости къ морю. Притомъ, здѣсь можно было жить, какъ угодно. Общество не знало ни искреннихъ, ни лицемѣрныхъ строгостей. Политическій гнетъ не распространялся на частную жизнь; напротивъ, австрійцы были довольны, когда въ занимаемыхъ ими городахъ веселились и не думали о политикѣ.

Біографы не одобряютъ легкомысленнаго образа жизни Байрона въ Венеціи, но и не приходятъ въ ужасъ. Байронъ, при свойственной ему впечатлительности, могъ естественно увлечься обольщеніями своеобразнаго города и по временамъ веселился отъ души. Если въ великолѣпной IV пѣсни «Чайльдъ-Гарольда» (написанной частью въ Венеціи, частью во время путешествія оттуда въ Римъ) онъ остается вѣренъ обычному настроенію и отдается весь серьёзнымъ впечатлѣніямъ, навѣяннымъ Италіей, зато въ «Беппо» и первыхъ четырехъ пѣсняхъ «Донъ-Жуана», рядомъ съ серьёзными мотивами, бьетъ ключемъ веселость, добродушная и неудержимая. Байронъ не принадлежалъ къ тѣмъ поэтамъ, которые, подобно Гейне, способны писать свои лучшія весеннія пѣсни, сидя зимой за печкой. Ему нужны были весна и солнце, чтобы пѣсни дышали весной. Нуженъ былъ венеціанскій карнавалъ, пестрая толкотня, взгляды и улыбки ве-

[1]) Манфредъ сильно интересовалъ публику, хотѣвшую непремѣнно отыскать въ немъ намёки на обстоятельства жизни Байрона. По словамъ Николя, каждую строчку терзали, какъ средневѣковую вѣдьму, чтобы вывѣдать тайну „страшнаго часа" (all nameless hour) и придумывали невозможныя преступленія.

неціанскихъ красавицъ, забавныя приключенія, чтобы онъ могъ «неожиданно открыть въ себѣ новый элементъ—способность шутить и смѣяться». Справедливость этого обнаруживается, между прочимъ, въ томъ, что ему стоило большого труда окончить Манфреда, въ первую зиму въ Венеціи [1]).

Повторять разсказы о венеціанскихъ приключеніяхъ Байрона не будемъ: они не интересны, хотя и многочисленны. Тамъ было всего довольно. Были знакомства и романы въ большомъ свѣтѣ, были и романы самые демократическіе. Былъ и пестрый звѣринецъ. Хозяйство велось самое безпорядочное, и система управленія домомъ подвергалась рѣзкимъ колебаніямъ, переходя изъ рукъ «антилопы» Маріанны Сегати въ руки «тигрицы» Маргариты Коньи. Въ довершеніе неурядицы, въ домъ явилась въ одно прекрасное утро нянька, не понимавшая ни по-итальянски, ни по-англійски, съ маленькой побочной дочерью Байрона, Аллегрой, «упрямой, какъ мулъ, и хищной, какъ коршунъ»! Сюрпризъ былъ весьма не кстати, но хорошенькая дѣвочка ему понравилась и сдѣлалась предметомъ постоянныхъ и нѣжныхъ заботъ. Не мало времени уходило у Байрона на катанье верхомъ, на плаванье по морю и каналамъ. Много времени и силъ было отнято жестокой лихорадкой, разстроившей его здоровье. И тѣмъ не менѣе, онъ находилъ возможность не только много писать [2]), но и заниматься армянскимъ языкомъ и итальянской литературой.

Въ Венеціи его посѣщали друзья, между прочимъ, Шелли [3]),

---

[1]) Всѣ произведенія Байрона были написаны подъ впечатлѣніемъ минуты, и возвращаться къ пережитому настроенію онъ могъ съ трудомъ. Оттого-то онъ и сравнивалъ себя съ Пиѳіей, увѣряя, что во время сеанса не знаетъ, что́ пишетъ, а потомъ—что́ написалъ. При великолѣпной памяти, онъ своихъ стихотвореній не помнилъ наизусть.

[2]) Кромѣ упомянутаго выше, въ Венеціи были написаны: жалоба Тасса, Ода къ Венеціи, Мазепа и приготовленъ весь матеріалъ для драмы Марино Фальеро.

[3]) Шелли пишетъ о Байронѣ: „онъ человѣкъ вполнѣ геніальный и могъ бы извлечь родину изъ ея теперешняго униженія, если бы направилъ свои силы къ этой цѣли. Но, по несчастью, онъ слишкомъ гордъ. Изъ сравненія своего исключительнаго ума съ окружающей посредственностью онъ заключаетъ о ничтожествѣ человѣческой жизни. Силой страстей и дарованій, служащихъ другъ другу взаимной поддержкой, онъ превосходитъ другихъ людей“... „Но въ общежитіи нѣтъ человѣка болѣе добраго, снисходительнаго и безпритязательнаго. Онъ веселъ, откровененъ и остроуменъ. Серьёзная бесѣда съ нимъ—упоеніе. Онъ приковываетъ къ себѣ точно волшебствомъ“. Изъ сравненія различныхъ мнѣній о Байронѣ оказывается слѣдующее: люди пошлые видѣли въ немъ отталкивающіе недостатки и слабости; люди порядочные находили его симпатичнымъ; идеалистъ Шелли и джентльменъ В. Скоттъ были о немъ самаго высокаго мнѣнія.

съ которымъ онъ еще болѣе сблизился, Гобгоузъ, возбудившій опять вопросъ о примиреніи съ женой и Муръ [1]).

Разсѣянная жизнь никогда не могла удовлетворять Байрона. Пестрая и вмѣстѣ съ тѣмъ однообразная Венеція подъ конецъ опротивѣла ему. Его томила тоска, и мысль о необходимости полезной дѣятельности стала приходить чаще прежняго. Друзья звали въ Англію, онъ колебался и былъ въ большомъ затрудненіи, когда знакомство съ графиней Терезой Гвиччіоли [2]) рѣшило его судьбу. Онъ остался въ Италіи, отдавъ беззавѣтно полюбившей его женщинѣ «все, чтó въ немъ оставалось сердца», по выраженію біографовъ.

Это была граціозная блондинка, черты которой увѣковѣчены въ образѣ Авроры Реби (въ XV пѣсни «Донъ-Жуана») и Мирры въ «Сарданапалѣ». Эту симпатичную женщину называютъ «геніемъ-хранителемъ поэта», «свѣтлой звѣздой на бурномъ горизонтѣ его жизни»: сравненія—гиперболическія, но одной заслуги ея по отношенію къ Байрону не должно забыть: она не стала поперегъ его дороги, не принизила его нравственнаго и умственнаго уровня. По своему образованію и характеру, могла понимать его и сочувствовать лучшимъ его стремленіямъ. Она была музыкантша и страстная поклонница Данта; читала по-англійски и по-французски. Не только счастье, но и слава любимаго человѣка были ей дороги. Четыре года ихъ совмѣстной жизни ознаменованы усиленной дѣятельностью Байрона въ литературномъ и политическомъ отношеніи [3]). Будучи горячей

---

[1]) Посѣщеніе Мура (осенью 1819) связано съ исторіей „Записокъ". Байронъ отдалъ ихъ ему въ полную собственность, съ условіемъ не печатать ранѣе его смерти и дать на просмотръ женѣ, чтобы она могла выбросить все для нея непріятное. Одновременно онъ написалъ объ этомъ къ леди Байронъ. Отвѣтомъ служила сухая записка съ категорическимъ отказомъ отъ всякаго вмѣшательства. Но впослѣдствіи она не только потребовала „Мемуары" для цензуры, но разными происками добилась того, что издатель (купившій ихъ у Мура) сжегъ ихъ при свидѣтеляхъ отъ обѣихъ сторонъ. Предлогомъ ей служило то, что они бросаютъ тѣнь на память поэта. По изысканіямъ Эльце, леди Байронъ обязалась возвратить Муру 2000 ф., которые онъ долженъ былъ уплатить издателю, и не возвратила.—Есть надежда, что копія съ „Записокъ" находится въ бумагахъ Гобгоуза, которыя будутъ напечатаны въ 1900 г. (по завѣщанію).

[2]) 16-ти-лѣтняя мечтательница, рожденная Гамба, выданная прямо изъ монастыря за богатаго старика, увидала Байрона на третій день послѣ сватьбы. Знакомство началось годомъ позже.

[3]) Въ эти четыре года написаны: „Марино Фальеро", „Фоскари", „Сарданапалъ", всѣ драмы и „Каинъ", V—XVI пѣсни „Донъ-Жуана", „Видѣніе суда", „Небо и Земля", переводы изъ Пульчи и Данта, Островъ.—Станцы къ По (1819) и „Пророчество Данта" (1820) связаны съ его отношеніями къ Гвиччіоли.

патріоткой, она переживала съ нимъ надежды и разочарованія Италіи и въ своей безкорыстной любви отпустила его въ Грецію безъ жалобъ и упрековъ.

Переселеніе Байрона въ Равенну, гдѣ жила графиня, повело къ сближенію съ ея отцомъ и братьями. При накипѣвшей въ немъ жаждѣ къ общественной и политической дѣятельности и невозможности принимать участіе въ дѣлахъ Англіи (по обстоятельствамъ и свойствамъ характера), онъ занялся судьбами страны, близкой его сердцу и ставшей для него вторымъ отечествомъ.

Равенна, какъ и вся Италія, находилась въ это время въ сильномъ броженіи. Съ паденіемъ Наполеоновскаго владычества, на сцену выступилъ «ничему не научившійся и ничего не позабывшій» легитимизмъ, и съ непонятнымъ ослѣпленіемъ началъ истреблять именно то, чтó осталось хорошаго отъ прежняго режима, замѣняя полезныя реформы отжившими учрежденіями и произволомъ. Невыносимый гнетъ реакціи заставилъ итальянцевъ прибѣгнуть къ заговору, и общество карбонаріевъ стало съ каждымъ днемъ размножаться. Гамбы были въ числѣ ихъ и посвятили Байрона въ свои тáйны. Онъ примкнулъ къ нимъ съ страстнымъ увлеченіемъ. Свободная Италія казалась ему не только великой цѣлью, для которой было все равно, кѣмъ и чѣмъ жертвовать, но и поэтической мечтой—«поэзіей политики». Ставши во главѣ фракціи «Американцевъ» (тогда бредили Америкой), Байронъ отдалъ свой домъ въ распоряженіе общества, покупалъ оружіе, тратилъ много денегъ, готовъ былъ рисковать головой и въ то же время съ мальчишескимъ задоромъ ругалъ австрійцевъ въ своихъ письмахъ, зная, что письма читаются и что его неприкосновенность въ качествѣ англійскаго пэра выводитъ полицію изъ себя.

Въ желаніи свергнуть иноземцевъ карбонаріи были единодушны, но на счетъ формы будущаго правленія у нихъ не выработалось общаго взгляда; не было согласія и въ планѣ дѣйствій, когда надо было дѣйствовать. Карбонаріи теряли время даромъ, торжествуя, если передъ носомъ австрійской полиціи и папскихъ шпіоновъ удавалось наклеить какую-нибудь афишу, въ родѣ: «да здравствуетъ республика», «смерть папѣ», «долой австрійцевъ». Между тѣмъ, гроза приближалась. Австрійцы неожиданно перешли По (7 февр. 1821 г.), и жители получили приказаніе выдать оружіе. Смущеніе и уныніе было всеобщее. Оставалась одна надежда—неаполитанцы, но они разбѣжались передъ австрійскими солдатами. Всѣ мечты рухнули. Абсолютизмъ водворился прочнѣе прежняго.

Въ спискѣ жертвъ этого выдворенія не могло стоять имя Байрона, но его надѣялись выжить косвеннымъ путемъ, черезъ ссылку Гамбовъ. Байронъ остался однако въ Равеннѣ до осени, частью на-зло властямъ, частью потому, что увлекся работой: «Сарданапалъ» [1]), «Фоскари», «Каинъ», «Небо и Земля» были написаны въ нѣсколько мѣсяцевъ. Наконецъ, ему просто не хотѣлось покидать Равенны, съ которой онъ сжился. Его тамъ очень полюбили, а бѣдняки, которымъ онъ много помогалъ, обратились даже къ легату съ просьбой не выпускать его изъ города. Неудача на политической аренѣ произвела на Байрона тяжелое впечатлѣніе; изъ Англіи вѣсти были неутѣшительны для поэта: драма «Марино Фаліеро» провалилась, «Донъ-Жуанъ» производилъ скандалъ (издатель не рѣшился выпустить его въ свѣтъ подъ своей фирмой). Байронъ, стремившійся къ дѣятельности, задумывалъ журналъ либеральнаго направленія (съ цѣлью полезной пропаганды и ради возможности печатать свои произведенія безъ посредства издателя); думалъ о поѣздкѣ въ Грецію,—но, вообще, былъ мраченъ и не могъ ни на чемъ остановиться. Лихорадка заставила его ускорить отъѣздъ въ Пизу, гдѣ его ждала графиня Гвиччіоли, и гдѣ поселился Шелли съ семьей и пріятелями, цѣлой колоніей англичанъ.

Въ Пизѣ Байронъ испыталъ много тяжелыхъ впечатлѣній и работалъ менѣе дѣятельно [2]). Его волновалъ дурной пріемъ его послѣднихъ произведеній на родинѣ; и если общество друзей служило отрадой, за то заѣзжіе соотечественники заставили дорого поплатиться за сближеніе съ ними, наперекоръ предостереженіемъ инстинкта. Изъ числа посредственностей, окружившихъ его, глупый и наивный Таафе составляетъ еще только комическое явленіе, несмотря даже на его исторію съ драгуномъ, разсѣявшую всю колонію [3]). Медвинъ, выдавшій въ своихъ

---

[1]) „Сарданапалъ", гдѣ Байронъ изобразилъ себя и графиню Гвиччіоли, былъ задуманъ давно, но начатъ въ январѣ 1821, подъ впечатлѣніемъ политическихъ событій, и прерванъ ими же до мая. Драма эта представляетъ любопытный примѣръ вліянія обстановки на характеръ произведеній Байрона.

[2]) Въ Пизѣ были написаны VI—XI пѣсни „Донъ-Жуана" „Вернеръ", „Преображенный уродъ" и „Видѣніе Суда". Послѣднее стихотвореніе написано въ пику Соути, подъ вліяніемъ недостойныхъ нападковъ лавреата на „Донъ-Жуана" и его автора. Николь говоритъ, что Соути, вообще почтенный джентльменъ, по отношенію къ Байрону „объѣлся бѣлены".

[3]) Таафе былъ шутомъ цѣлаго кружка, за исключеніемъ Байрона, котораго трогало (но иной разъ очень забавляло) наивное увлеченіе этого человѣка своимъ произведеніемъ: „Комментаріи къ Данту". Таафе былъ несчастливъ и въ верховой ѣздѣ. Нечаянный толчокъ драгуна, повергнувшій его на землю и принятый за личное

«Бесѣдахъ» за чистую монету весь вздоръ, которымъ Байронъ любилъ смущать недалекаго слушателя, оказался уже болѣе вреднымъ. Знакомство съ Трелоуни [1]) тоже не было пріобрѣтеніемъ, но вѣнецъ составляетъ пошлый Гёнтъ, котораго Байронъ до извѣстной степени самъ навязалъ себѣ на шею, согласившись на его участіе въ задуманномъ журналѣ «The Liberal». Мало того, что журналъ, стоившій не мало денегъ, провалился къ великому огорченію Байрона, что Гёнты, въ числѣ 8 человѣкъ, не считая прислуги, жили и путешествовали на счетъ Байрона, безъ малѣйшаго зазрѣнія совѣсти, что вульгарность и претензіи ихъ (вмѣстѣ съ неумѣлостью, обнаруженной главой семейства въ журнальномъ дѣлѣ) были источникомъ постояннаго неудовольствія для человѣка, уже и безъ того раздраженнаго разными неблагопріятными обстоятельствами,—нѣтъ, Гёнтъ послѣ смерти поэта издалъ еще свои воспоминанія о Байронѣ, полныя пошлой и злостной клеветы. Гёнтъ получилъ возмездіе отъ критиковъ; характеръ его воспроизведенъ Диккенсомъ въ м-рѣ Скимполѣ («Холодный Домъ»), а отличительныя черты его книги указаны Муромъ въ весьма ядовитомъ стихотвореніи. Но отъ клеветы всегда остается что-нибудь, и недоброжелатели поэта не пренебрегли воспоминаніями непризнаннаго журналиста.

Весной умерла Аллегра, къ искреннему огорченію Байрона. Лѣтомъ утонулъ Шелли. «Вотъ, исчезъ еще одинъ человѣкъ, относительно котораго свѣтъ злобно, глупо и грубо ошибался» пишетъ Байронъ Муру. «Быть можетъ, ему отдадутъ справедливость теперь, когда ему отъ этого ни тепло, ни холодно». Письмо кончается слѣдующими словами. «При такомъ положеніи вещей и съ такими людьми необходимо—при теперешнихъ столкновеніяхъ мысли и деспотизма — обнажить мечь. Знаю, что силы страшно неравны, но, тѣмъ не менѣе, надо идти въ бой».

Изъ окрестностей Пизы Байронъ вмѣстѣ съ Гамбами (высланными изъ предѣловъ Тосканскаго герцогства) переѣхалъ въ Генную (конецъ іюля 1822). Постоянныя преслѣдованія этой семьи возбудили вопросъ о томъ, гдѣ найти себѣ убѣжище: въ Аме-

---

оскорбленіе, повелъ къ стычкѣ, вслѣдствіе которой Гамбы были высланы, и вся колонія разсыпалась по окрестностямъ.

[1]) „Трелоуни, сопровождавшій Байрона въ Грецію и сообщившій подробности о послѣднихъ мѣсяцахъ его жизни, былъ склоненъ видѣть въ немъ однѣ слабыя стороны. Кромѣ слишкомъ исключительнаго поклоненія Шелли, не позволявшаго относиться безпристрастно къ человѣку съ характеромъ противоположнымъ, мы должны признать, что на его сужденіе вліяло соперничество въ физической ловкости и обнаружившееся вскорѣ различіе политическихъ взглядовъ“, пишетъ Николь.

рикѣ, Греціи, на какомъ-нибудь островѣ? Дѣло кончилось на первое время путешествіемъ по Швейцаріи и возвращеніемъ въ виллу Салуццо, близъ Генуи.

Въ Генуѣ Байронъ былъ осаждаемъ англичанами, но бѣгалъ отъ нихъ пуще прежняго и сблизился только съ семействомъ графа Блессингтона. Жена его, извѣстная писательница, оставила, какъ извѣстно, записки о своихъ «Разговорахъ съ Байрономъ». Біографы допускаютъ здѣсь тонкую наблюдательность рядомъ съ прибавками романистки. Кружокъ великосвѣтскихъ англичанъ перенесъ воображеніе поэта въ Англію, о которой много говорили, перебирая прежнихъ знакомыхъ.

И вотъ, Донъ-Жуанъ Байрона тоже ѣдетъ въ Англію. Пѣсни XI—XVI, написанныя въ Генуѣ, содержатъ рядъ портретовъ (миссъ Мильпондъ—лэди Байронъ, Аделина—лэди Блессингтонъ, Аврора Реби—графиня Гвиччіоли) и любопытныхъ фактовъ, серьёзныхъ и шутливыхъ, составлявшихъ тогдашнюю злобу дня. Лэди Блессингтонъ, съ свойственнымъ ея полу любопытствомъ, разспрашивала Байрона объ его отношеніяхъ къ женѣ и была поражена, сопоставляя его мягкіе и почтительные отзывы о ней съ злыми намеками и нападками въ его стихахъ. Онъ объяснялъ послѣдніе впечатлѣніями минуты, оскорбленнымъ чувствомъ и желаніемъ, въ свою очередь, посердить жену; о сестрѣ говорилъ съ величайшей нѣжностью; радовался, что Ада похожа на него.

Въ Генуѣ былъ написанъ «Островъ», очевидно, навѣянный разговорами о переселеніи въ вѣрное убѣжище послѣ всѣхъ пережитыхъ треволненій. Любовь къ морю, идеализація первобытнаго образа жизни и какое-то особенное ясное спокойствіе преобладаютъ въ этомъ поэтическомъ и послѣднемъ произведеніи Байрона. Вообще, онъ въ это время мало писалъ [1]). Его занимало не то. Накипавшая въ немъ съ давнихъ поръ рѣшимость покинуть Италію и посвятить себя политической дѣятельности, наконецъ, созрѣла и перешла въ дѣло.

Дѣла Греціи, возбуждавшія постоянный интересъ Байрона, приняли въ это время новый оборотъ. Послѣ блестящихъ результатовъ, завоеванныхъ въ нѣсколько мѣсяцевъ (къ концу 1822 г. Греція была недалеко отъ признанія независимымъ государствомъ) наступило затишье, не предвѣщавшее ничего добраго. Между вожаками начались несогласія, интриги подрывали патріотизмъ; энергія инсургентовъ начала падать передъ недостаткомъ средствъ

---

[1]) Небольшое стихотвореніе его къ лэди Блессингтонъ, излагающее причины, по которымъ вдохновеніе въ немъ иссякло, полно интереса по своей правдивости.

для продолженія борьбы. Филэллинскій комитетъ въ Лондонѣ, сознавая необходимость поддержать дѣло не только деньгами, но и блестящимъ именемъ, предложилъ Байрону, черезъ Гобгоуза (въ апрѣлѣ 1823), оказать инсургентамъ содѣйствіе. Байронъ сначала колебался и даже уѣзжая въ іюнѣ въ Занте, располагалъ сначала ближе присмотрѣться къ положенію дѣлъ и тогда уже высказаться опредѣленно насчетъ собственныхъ плановъ. Недоброжелатели, разбирая мотивы этого похода, выдвигаютъ самые низменные: «Байрону опротивѣла возня съ журналомъ и издателемъ; надоѣла любовница; онъ готовъ былъ идти куда угодно—отъ Китая до Перу—лишь бы найти новое поприще для своего честолюбія», говорятъ они. Новѣйшій біографъ энергически возстаетъ противъ подобныхъ толкованій: «Эти постоянныя полу-истины и укоренившаяся привычка искаженія каждаго поступка человѣка могутъ совершенно вывести изъ терпѣнія. Мы допустили въ Байронѣ тщеславный, властолюбивый и безпокойный характеръ, страсть выставлять себя на показъ и извѣстную долю безхарактерности, дѣлавшей его рабомъ обстоятельствъ. Еслибъ «Либералъ» оказался свѣточемъ для страны, а не краснымъ флагомъ, дразнившимъ Джонъ Булля, Байронъ, пожалуй, бросилъ бы якорь въ Генуѣ. Стоитъ только вникнуть въ общій смыслъ его произведеній и жизни, чтобы не отрицать въ немъ способности увлекаться великими идеями и стоять за правое дѣло, именно тогда, когда шансы этого дѣла были плохи. Нетрудно понять, что Гёнты могли опротивѣть. Намеки же на его отношенія къ графинѣ Гвиччіоли лишены основанія»... «Ея переписка и воспоминанія служатъ доказательствомъ, что она отнюдь не считала себя покинутой, несчастной или оскорбленной».— Правда или святая ложь, это во всякомъ случаѣ достойный финалъ для любви этой женщины.

При отъѣздѣ въ Грецію, Байронъ, какъ мы уже сказали, не могъ еще выяснить себѣ своей будущей роли, и настроеніе духа было у него, вообще, измѣнчивое. То онъ думалъ, что экспедиція продолжится не долѣе нѣскольких мѣсяцевъ, то предавался суевѣрнымъ опасеніямъ. За недѣлю до отплытія, прощаясь съ лэди Блессингтонъ, онъ сказалъ: «у меня точно какое-то предчувствіе, что я не вернусь изъ Греціи»; и, спрятавъ лицо въ подушку дивана, разрыдался. Это была, впрочемъ, послѣдняя минута малодушія или нервности.

Онъ дѣятельно занялся приготовленіями къ экспедиціи, кото-

рая съ каждымъ днемъ его все болѣе поглощала. Ему были извѣстны пороки «наслѣдственныхъ рабовъ», и онъ сознавалъ, что только твердая рука можетъ привести ихъ къ желанной цѣли — свободѣ, въ то же время, единственному пути къ ихъ нравственному возрожденію.

14 іюля 1823 Байронъ, Трелöуни и Піетро Гамба (юный братъ Терезы и преданный другъ поэта) съ 50,000 испанскихъ долларовъ отплыли изъ Генуи [1]). Буря заставила ихъ, однако, вернуться, и они окончательно снялись съ якоря только 16-го. Ровно черезъ годъ тѣло поэта опустили въ могилу. Принесъ ли онъ существенную пользу дѣлу своимъ личнымъ участіемъ въ немъ—вопросъ, на который можно смѣло отвѣчать утвердительно; но онъ не имѣетъ отношенія къ чистотѣ намѣреній и даже образу дѣйствій, а, именно, съ этой стороны старались бросить тѣнь на Байрона, останавливаясь на совершенныхъ мелочахъ и оставляя безъ вниманія цѣлый рядъ крупныхъ фактовъ. Бывали и такіе случаи, гдѣ комментаторы, довольствуясь одними разсужденіями о завѣдомомъ честолюбіи и тщеславіи Байрона, — въ сущности, весьма нелестно для ихъ собственнаго характера, но того не сознавая, проявляли общечеловѣческую черту недовѣрія ко всему несвойственному собственной природѣ.

На этомъ стóитъ остановиться. Одинъ изъ людей, наиболѣе вредившихъ репутаціи Байрона—Трелöуни, такъ какъ всѣ знаютъ его за соучастника похода и не всѣмъ извѣстно, что онъ, вскорѣ по пріѣздѣ, отдѣлился отъ Байрона [2]) и не видалъ его болѣе живымъ. Тотъ же Трелöуни, который сознается, что во время сборовъ и плаванья—почти единственнаго, чему онъ былъ очевидцемъ—«нельзя было найти товарища, болѣе пріятнаго и менѣе притязательнаго, чѣмъ Байронъ, и что жизнь на морѣ вѣрнѣйшій оселокъ для испытанія характера», не стыдится приводить въ доказательство суетности своего пріятеля самыя пустыя и даже смѣшныя обвиненія.

Всякій, ссылающійся на тщеславіе Байрона, найдетъ много данныхъ въ свою пользу. Этотъ недостатокъ очень извѣстенъ: онъ былъ врожденъ и взлелѣянъ съ дѣтскихъ лѣтъ и долженъ былъ прорываться при всякихъ обстоятельствахъ и настроеніяхъ. Мудре-

[1]) Въ тотъ же день графиня уѣзжала съ старикомъ отцомъ въ новое изгнаніе. Она, подобно Байрону, шла исполнять свой долгъ: отецъ нуждался въ ея помощи и жилъ на ея средства, потерявъ все состояніе въ политическихъ смутахъ.

[2]) Посланный въ Аѳины съ порученіемъ, Т. остался тамъ и примкнулъ къ партіи противника Маврокордато, Одиссея (хитроумнаго, какъ древній тезка, но болѣе честолюбиваго предводителя), женившись на его дочери.

но-ли, что Байронъ, котораго несомнѣнно увлекала поэтическая сторона дѣла, особенно издали, могъ, при своихъ художественныхъ и по-женски тщеславныхъ инстинктахъ, думать о шлемѣ съ любимымъ девизомъ и—не жалѣть своей жизни.

Присматриваясь къ его поступкамъ, оказывается, что честолюбіе не исчезло въ немъ, а, напротивъ, разрослось передъ новой избранной цѣлью. Оно, надо полагать, поднялось даже слишкомъ высоко, чтобы тотъ, кого всѣ знали за радикала и поборника свободы, желалъ кончить такъ вульгарно—надѣть на себя столько разъ осмѣянную корону, или носить ее на обычный манеръ. Эльце, допускающій преобладаніе личныхъ мотивовъ въ рѣшеніи Байрона ѣхать въ Грецію, свидѣтельствуетъ, однако, что онъ росъ нравственно вмѣстѣ съ обстоятельствами и что онъ былъ достоинъ своей задачи. Англійскій біографъ ставитъ послѣдующую дѣятельность Байрона очень высоко.

Успѣхъ дѣла сталъ теперь цѣлью честолюбія Байрона. Дѣло было на первомъ планѣ и, ради него, онъ былъ готовъ выносить даже доходившія до него обвиненія въ нерѣшительности и праздности. Считая извѣстный *decorum* необходимымъ для внушенія решпекта тому сброду, съ которымъ приходилось вести дѣло, наряжая своихъ суліотовъ и платя имъ по 4 долл. въ день, онъ самъ—ради закаленія самого себя, ради примѣра и экономіи—питался хуже поденщика и ничего не тратилъ лично на себя. Онъ берегъ деньги для военныхъ расходовъ, для помощи бѣднякамъ, и свое жалованье генеральнаго агента отдавалъ цѣликомъ въ греческую казну. Въ немъ проявлялась не только преданность дѣлу, но и умѣнье служить ему—умъ и таланты предводителя и чрезвычайно вѣрный политическій смыслъ. А роль его была весьма трудная, особенно въ началѣ. Получить точныхъ и вѣрныхъ свѣдѣній о положеніи страны было ему тогда не отъ кого—на греческихъ предводителей было трудно полагаться—и ему, человѣку новому, нужно было руководиться собственными наблюденіями при такихъ запутанныхъ обстоятельствахъ.

Тотъ, кто склоненъ видѣть нерѣшительность или отсутствіе энергіи въ выжидательной политикѣ Байрона въ Кефалоніи (гдѣ онъ провелъ нѣсколько мѣсяцевъ), незнакомъ съ исторіей греческаго возстанія (говоритъ Николь) или забываетъ, что страна была въ эту пору жертвой партій — республиканской, монархической, аристократической—и что каждая изъ нихъ находилась въ рукахъ искателей приключеній, нерѣдко весьма сомнительнаго свойства, думавшихъ исключительно о личныхъ выгодахъ. Примкнувъ къ которой-нибудь изъ нихъ, Байронъ унизился бы до уровня

простого кондотьера и способствовалъ бы гибели дѣла. Его со всѣхъ сторонъ осаждали предложеніями. Желая служить греческому народу, а не партіи, онъ твердо сохранялъ самостоятельное положеніе, заявляя себя во всѣхъ случаяхъ практичностью и умѣлостью; стараясь мирить кандидатовъ (которые перебивали другъ у друга мѣста или доходы), не даваясь въ обманъ и не оскорбляя никого недовѣріемъ. За ходомъ войны онъ не переставалъ слѣдить [1]) и много способствовалъ успѣху дѣла, не только тѣмъ, что своимъ именемъ привлекалъ симпатіи Европы къ греческому вопросу, но и непосредственнымъ содѣйствіемъ заключенію греческаго займа въ такое время, когда деньги были все. Его письмо къ центральному правительству по этому предмету (30 ноября 1823) можетъ служить образчикомъ его взглядовъ. Выставляя бѣдствія грозящаго междоусобія, онъ доказываетъ, что, пока не будутъ возстановлены единство и порядокъ, надежды на заемъ осуществиться не могутъ. «Я желаю блага Греціи и ничего иного. Буду ему способствовать, насколько могу. Но ни въ какомъ случаѣ не соглашусь обманывать англійское общество на счетъ истиннаго положенія вещей. Вы вышли изъ битвы съ честью. поступайте же добросовѣстно относительно согражданъ и свѣта. Тогда перестанутъ повторять—то, что повторяли 2000 лѣтъ кряду, вслѣдъ за римскими историками, что Филопеменъ былъ послѣднимъ изъ грековъ».

Когда, по освобожденіи Миссолунги, турецкій флотъ и гарнизонъ удалились въ Лепантскій заливъ, а Маврокордато пригласилъ Байрона присоединиться къ нему, тотъ немедленно собрался ѣхать (конецъ декабря 23 ч.), хотя былъ боленъ, и врачи энергически протестовали. По пути, онъ спасся отъ плѣна только благодаря искусному маневру (судно провели между скалъ, куда турецкій фрегатъ не могъ слѣдовать за нимъ). Затѣмъ пришлось выдерживать страшную бурю. Въ обоихъ случаяхъ, Байронъ обнаружилъ не только полнѣйшее самообладаніе, но и большую находчивость.

Въ Миссолунги, куда Байронъ привезъ 4000 фунт. стерл. въ видѣ дара для издержекъ по флоту, ему были поручены приготовленія къ экспедиціи противъ Лепанта. Онъ нанялъ на свой счетъ 500 суліотовъ, матросовъ и солдатъ, и занялся приготов-

[1]) И тѣмъ не менѣе находилъ свободные вечера для посѣщенія религіозныхъ митинговъ д-ра Кеннеди, удивляя его знаніемъ писанія и то смущая, то утѣшая его своими вопросами и отвѣтами. Добродушный шотландецъ, чуждый всякаго чутья для ироніи и шутки, составилъ (по примѣру многихъ другихъ, соприкасавшихся съ Байрономъ) любопытную книгу „Бесѣдъ“.

леніями съ увлеченіемъ и знаніемъ дѣла. Между нимъ и полковникомъ Стенгопомъ (его помощникомъ), происходило не мало забавныхъ и серьёзныхъ столкновеній, вслѣдствіе различія взглядовъ. Поэтъ стоялъ за военныя мѣры, полковникъ за мирную и религіозную пропаганду. Для своихъ цѣлей онъ привезъ обращеннаго кузнеца Веслеянца, цѣлый грузъ библій, шрифта и бумаги и собирался издавать газету. Байронъ убѣждалъ его, что теперь не до того; что греки не умѣютъ читать; что методистская проповѣдь возбудитъ фанатизмъ духовенства; что политическая газета, держась тѣхъ или другихъ взглядовъ, будетъ раздувать вражду между партіями; что задуманныя обличенія порядковъ на Іоническихъ островахъ озлобятъ англичанъ—чѣмъ затруднится, съ одной стороны, признаніе независимости Греціи, а съ другой, сношенія съ островами, незамѣнимымъ источникомъ всякихъ запасовъ и продовольствія. Байронъ совѣтовалъ для скорѣйшаго преуспѣянія цивилизаціи превратить бумагу въ патроны, а шрифтъ въ пули. Стенгопъ не поддавался, сердился и бранилъ своего противника деспотомъ и туркомъ. Различіе взглядовъ не мѣшало имъ, однако, понимать и уважать другъ друга. «Англія лишилась своего величайшаго генія, Греція своего благороднѣйшаго друга», писалъ Стенгопъ, послѣ смерти поэта, выражая желаніе проводить его тѣло на родину.

Но пока они еще оба жили въ Миссолунги, и каждый дѣлалъ свое дѣло. Стенгопъ умудрился-таки издавать газету «Telegrafo greco» [1]), а Байронъ приготовлялся къ экспедиціи противъ Лепанта. Николь восхищается его политическимъ тактомъ и благоразуміемъ. Очень трудно было, въ самомъ дѣлѣ, управляться съ разнородными элементами, которые нужно было держать въ порядкѣ, чтобы на Греціи не повторилась печальная судьба итальянскаго революціоннаго движенія. Слѣдя за всѣми колебаніями дѣла, Байронъ убѣдился мало-по-малу, что вмѣшательство иноземныхъ державъ необходимо,—все равно удастся ли осуществить его идеалъ древне-греческаго союза съ выборнымъ президентомъ, или придется видѣть на греческомъ престолѣ иноземнаго принца — и открыто заявлялъ о перемѣнѣ своихъ взглядовъ [2]). Финансами онъ распоряжался необыкно-

---

[1]) Любопытно, что противникъ мирной пропаганды жертвовалъ много денегъ на газету — одинъ изъ безчисленныхъ примѣровъ непослѣдовательности или вѣрнѣе мягкости Байрона.

[2]) Эта перемѣна была, разумѣется, объясняема въ самую невыгодную для него сторону—мечтаній о верховной власти для себя. Между тѣмъ, его любимой мечтой

венно умно; наблюдалъ за укрѣпленіями и флотомъ, сдерживалъ распущенность солдатъ и старался ввести принципы гуманности въ систему веденія войны и отношенія къ побѣжденнымъ. Его домъ былъ центромъ, куда собирались иностранцы; всѣмъ онъ оказывалъ радушіе и гостепріимство.

Не до стиховъ было ему при такой дѣятельной жизни. Но 22 января 1824 г., въ день, когда ему минуло 36 лѣтъ, Байронъ прочелъ своимъ друзьямъ стихотвореніе, дорогое для его почитателей, какъ достойная заключительная пѣсня поэта, съ послѣдними стихами:

If thou regret'st thy youth,—*why live?* и проч.

„Если тебѣ жаль молодости — *зачѣмъ жить?* Здѣсь мѣсто для достойной смерти. Иди въ бой и тутъ отдай послѣднее дыханіе. Могила солдата,— которую находятъ чаще, чѣмъ ищутъ,—для тебя лучшая доля. Посмотри кругомъ, выбери мѣсто и сложи свою голову!"

Байронъ какъ-будто дѣйствительно желалъ смерти въ это время. По крайней мѣрѣ, въ предполагаемой экспедиціи онъ выбралъ для себя самый опасный постъ и надѣялся, что храбрость и энергія замѣнятъ ему военныя знанія при аттакѣ, гдѣ личный примѣръ дѣйствуетъ заразительно. Что же касается плана и стратегическихъ тонкостей, то для этого существовалъ генеральный штабъ изъ волонтеровъ-спеціалистовъ. Въ первыхъ числахъ февраля прибылъ, наконецъ, капитанъ Парри съ матеріаломъ для боевыхъ снарядовъ, и дѣятельность въ артиллерійской лабораторіи закипѣла. Но здоровье Байрона внушало опасенія. «Если насъ пощадитъ мечъ,—писалъ онъ въ Англію, —то навѣрное уложитъ лихорадка». На просьбы и увѣщанія уѣхать изъ Миссолунги и беречь себя, онъ отвѣчалъ: «Знаю, что мое здоровье плохо, но считаю нужнымъ оставаться. Лучше умереть за дѣломъ, чѣмъ безъ дѣла». И, страдая ревматизмомъ и лихорадкой, продолжалъ жить въ домѣ, стоявшемъ въ центрѣ испареній болотистаго ручья и придерживаться самой нецѣлесообразной діеты. Напряженное душевное состояніе, при нездоровьи, усиленныхъ трудахъ и постоянныхъ крупныхъ и мелкихъ неудачахъ и досадахъ, должно было выразиться усиленіемъ обычной раздражительности. Между тѣмъ, Байронъ поражалъ всѣхъ своимъ благодушіемъ, кротостью, невозмутимымъ терпѣніемъ, привѣтливостью. Всѣ черты, дѣлавшія его порой несноснымъ и

было ѣхать въ Америку, посломъ освобожденной Греціи, и достигнуть признанія ея независимости со стороны Соединенныхъ-Штатовъ, послѣ чего можно было ожидать признанія и со стороны Англіи.

вытекавшія изъ сплина, изъ непредвидѣнныхъ капризовъ причудливаго и упрямаго человѣка, исчезали, когда мысли были поглощены высшими интересами. Понятно, что это должно было иногда стоить ему большихъ усилій!

Но вотъ случилось нѣчто совсѣмъ особенное. Въ то самое время, какъ цѣль всѣхъ трудовъ была близка, и все готово для аттаки Лепанта, суліоты, поссорившись съ англійскими рабочими, напали на лабораторію Парри. Одинъ нѣмецкій офицеръ былъ при этомъ убитъ, а англійскіе рабочіе (уже и безъ того напуганные землетрясеніемъ и слухами о чумѣ) объявили, что ѣдутъ обратно въ Англію—въ самый разгаръ работы, когда замѣнить ихъ было невозможно. Суліоты-матросы продолжали бушевать (подстрекаемые эмиссарами Колокотрони, крупнаго разбойника, считавшаго себя соперникомъ Маврокордато) и тоже требовать разсчета и отпуска домой. Съ исчезновеніемъ техниковъ и матросовъ, экспедиція становилась невозможной или отодвигалась на неопредѣленное время. Этого удара Байронъ вынести не могъ: съ нимъ сдѣлались страшныя судороги. Доктора въ испугѣ поставили піявки къ вискамъ, но такъ неловко, что изъ артеріи брызнула кровь, и ее съ трудомъ могли унять. Едва паціентъ пришелъ въ себя отъ обморока, послѣдовавшаго за кровотеченіемъ, какъ въ комнату, гдѣ онъ лежалъ, ворвалась пьяная вооруженная толпа, требуя денегъ. Байронъ опять показалъ удивительную силу характера. Чѣмъ неистовѣе кричали суліоты, тѣмъ спокойнѣе и разумнѣе держался онъ и успѣлъ одержать надъ ними верхъ. «Это была картина, поразительная по своему величію,—пишетъ объ этомъ Стенгопъ и прибавляетъ:—невозможно передать словами хладнокровія и великодушія Байрона въ минуты испытанія... Тутъ проявлялось все величіе его благородной души. Нѣтъ и не было человѣка болѣе твердаго въ виду опасности».

Между тѣмъ, дѣла Греціи приняли болѣе благопріятный оборотъ. Распри между предводителями улеглись; со всѣхъ сторонъ притекали иностранцы-волонтеры и деньги, надежды на заемъ были близки къ осуществленію (извѣстіе о заключеніи займа застало еще Байрона въ живыхъ). Байронъ оправился, хотя все еще чувствовалъ большую слабость.

9-го апрѣля, получивъ пріятныя извѣстія изъ Англіи, Байронъ поѣхалъ кататься, въ особенно веселомъ настроеніи. Послѣ жаркаго дня, полилъ вдругъ дождь; онъ промокъ и вдобавокъ захотѣлъ непремѣнно вернуться домой въ лодкѣ, чтобы не ѣхать вонючими улицами города. Почти тотчасъ по пріѣздѣ,

онъ почувствовалъ ознобъ и ломъ въ тѣлѣ. Съ недѣлю еще онъ перемогался, не переставая заниматься дѣлами, потомъ слегъ.

Надъ больнымъ совѣщаются неумѣлые врачи. «Пустить кровь», говоритъ итальянецъ; нѣмецъ вторитъ. Байронъ сопротивляется, насколько можетъ; отшучивается, проситъ, сердится—дѣлать нечего, онъ безсиленъ. Выпускаютъ 20 унцій крови, больной мечется и начинаетъ заговариваться. Значитъ, мало. На другой и третій день повторяютъ. Онъ все еще протестуетъ: «оставьте, не все ли равно умереть съ кровью или безъ крови въ жилахъ». Въ эти оба раза его доводятъ до обморока. Изнеможеніе чередуется съ бредомъ. Кругомъ вавилонское столпотвореніе языковъ и нарѣчій. На улицахъ шумъ и гамъ по случаю пасхи. Доктора теряютъ голову. Д-ръ Томасъ, за которымъ послано, не можетъ отплыть изъ Занте, по случаю бури. Приводятъ еще одного нѣмца и грека. По ихъ лицамъ, больной и близкіе догадываются, что надежды нѣтъ. Гамба и Флечеръ, рыдая, уходятъ изъ комнаты. «Позовите Парри», проситъ Байронъ. Парри человѣкъ испытанный, онъ одинъ способенъ не терять головы. Больной его не узнаетъ: «впередъ!» кричитъ онъ въ бреду, «впередъ, смѣлѣе, за мной!» Немного спустя, сознаніе возвращается. Зовутъ Флечера за послѣдними приказаніями. Тотъ хочетъ взять перо и чернила. «Не успѣете, Флечеръ, скорѣе. Слушайте... идите къ сестрѣ, скажите ей. Идите къ лэди Байронъ, скажите ей. Идите... (слѣдуютъ уже одни имена друзей, слугъ, Ады, сестры, все невнятнѣе и невнятнѣе). Ну, вотъ, теперь я все сказалъ», заключаетъ онъ, вздохнувъ. «Милордъ, я ничего не понялъ!» стонетъ Флечеръ. «Ничего не поняли?» повторяетъ Байронъ, пристально смотря на него. «Какъ жаль. Значитъ, все кончено». «Jo lascio qualche cosa di caro nel mondo»—были его послѣдними отчетливыми словами, по мнѣнію однихъ. По свидѣтельству другихъ, онъ сказалъ: «мнѣ не жаль жизни».

Послѣ сутокъ безсознательнаго состоянія, онъ умеръ 19-го февраля.

Какъ молнія, разнеслось извѣстіе о смерти Байрона. Миссолунги въ траурѣ. Пасхальныя увеселенія прекращены на три дня. Для Греціи эта смерть—утрата незамѣнимая [1]), да и горожанамъ его жаль лично: онъ дѣлалъ столько добра, былъ такъ привѣтливъ. О близкихъ и говорить нечего.

Но пока Байрона оплакиваютъ свои и чужіе, что̀ дѣлаетъ

[1]) И дѣйствительно, узнавъ о его смерти, многіе вернулись по домамъ, и присылка денегъ изсякла.

пріятель Трелауни, пріѣхавшій изъ Аѳинъ и нашедшій, что слова: «Байронъ умеръ» гудѣли «какъ колоколъ, среди мрачной тишины»? Его давно интриговали ноги Байрона. Теперь случай можно сказать единственный! передъ нимъ безотвѣтное тѣло; блѣдное лицо не вспыхнетъ гнѣвомъ, ни даже стыдомъ за него. Онъ поднимаетъ покровъ и начинаетъ изслѣдованіе; разсматриваетъ кстати и обувь, причемъ оказывается... Въ его «воспоминаніяхъ» это указано подробно. Только зачѣмъ было высылать Флечера, подъ предлогомъ стакана воды? Развѣ онъ боялся его негодованія?

Послѣ этого случая, мало вѣрится, чтобы Трелауни былъ компетентнымъ судьей сокровеннѣйшихъ и завѣтнѣйшихъ побужденій въ поступкахъ Байрона.

Греческіе города спорили о чести упокоить тѣло великаго поэта, но друзья нашли нужнымъ отправить его въ Англію, только сердце оставили въ Миссолунги, въ память былыхъ симпатій. Часть займа, стоившаго ему столько хлопотъ, была употреблена на снаряженіе корабля, для перевозки его гроба, который вызвались сопровождать Гамба и Стенгопъ.

Даже смерть Байрона не подѣйствовала примирительно на англійское общество [1]). Ни жены, ни дочери не было у его гроба и на его могилѣ [2]), въ приходской церкви Ньюстеда. Вестминстерское аббатство и соборъ Павла отказались принять его прахъ. Не дали этому праху покоя и инымъ образомъ. Всякія руки, больше нечистыя, нежели чистыя, сочли своимъ правомъ разбирать по частямъ его душу, переворачивать на всѣ лады каждый поступокъ, каждое слово, даже мысли—принижая все къ собственному уровню. Предубѣжденія противъ Байрона держались такъ упорно, что его статуя, оконченная въ 1835 г. Торвальдсеномъ (по заказу друзей), пролежала лѣтъ десять въ

---

[1]) Николь упоминаетъ объ этомъ вскользь, очевидно, стыдясь за соотечественниковъ; но Эльце говоритъ подробно.

[2]) Извѣстно, что леди Байронъ, посвятившая себя показной филантропіи, не только отказалась проститься съ умершимъ, но и воспитала Аду въ полнѣйшемъ отчужденіи отъ отца. Со временемъ, однако, если вѣрить графинѣ Гвиччіоли, случилось слѣдующее: Полковникъ Уильдманъ (новый владѣлецъ Ньюстеда и почитатель поэта), познакомившись случайно въ 1851 г. съ графиней Лёвлесъ, т.-е. Адой, пригласилъ ее къ себѣ. Здѣсь онъ прочелъ ей нѣсколько стихотвореній, отъ которыхъ она пришла въ восторгъ и, на вопросъ объ авторѣ, указалъ на портретъ, висѣвшій на стѣнѣ, и назвалъ лорда Байрона. Ада была страшно потрясена, не выходила изъ комнаты, принадлежавшей отцу, прочла всѣ его произведенія и, по возвращеніи въ Лондонъ, завѣщала похоронить себя рядомъ съ отцомъ. Она умерла въ 1852. Потомство ея продолжаетъ стыдиться родства съ авторомъ „Донъ-Жуана".

таможнѣ, между контрабандой, потому что духовныя и свѣтскія учрежденія (музеи, галлереи, соборы) отказывались дать ей мѣсто, пока, наконецъ, не смиловался Кэмбриджъ.

....«Author of Childe Harold's Pilgrimage», гласитъ надгробная плита Гёкнелльской церкви. Нѣжность сестры, конечно, не могла выбрать болѣе соотвѣтствующей надписи для увѣковѣченія имени брата. Но что касается безсмертія произведеній, то Байронъ и нѣкоторые изъ его соотечественниковъ справедливо считали «Каина» и «Донъ-Жуана» способными пережить всѣ остальныя [1]). Такое воззрѣніе преобладало на континентѣ; въ Англіи относились къ нимъ крайне враждебно; даже Маколей считалъ ихъ признаками упадка таланта. Нельзя поэтому не узнать руки времени въ похвалахъ и вниманіи, расточаемыхъ «Каину» и «Донъ-Жуану» въ совершенно популярной біографіи Байрона. Николь не только говоритъ, что въ «Каинѣ», въ отличіе отъ прочихъ драмъ [2]), есть истинный драматизмъ и настоящіе характеры, а прямо называетъ эту мистерію перломъ метафизической поэзіи XIX столѣтія. Въ ней поэтъ, по его мнѣнію, борется съ противорѣчіями ученія, котораго не могъ ни окончательно отвергнуть, ни принять, и съ еще болѣе запутанными загадками жизни и смерти, добра и зла. Въ немъ нѣтъ открытаго антагонизма автора «Королевы Мабъ» (т.-е. Шелли), полнаго *иной*, но глубокой вѣры. Байронъ только скептикъ, не находящій и жаждущій отвѣта на мучительные вопросы, мѣняющій тонъ подъ вліяніемъ измѣнчивыхъ настроеній своего подвижного темперамента. Что касается художественности, то Байронъ, по мнѣнію Николя, нигдѣ не поднимался до такой поэтической высоты, какъ во второмъ дѣйствіи «Каина»; нигдѣ не достигалъ такой глубины чувства и страсти, такого величія, такой силы скорби и отчаянія, какъ въ разныхъ мѣстахъ этой мистеріи (которыя и указаны). Пріемъ, сдѣланный «Каину» въ Англіи

[1]) Мы не касаемся другихъ произведеній Байрона, такъ какъ разборъ его сочиненій не входитъ въ нашу программу, а интересуетъ, преимущественно, его направленіе, высказавшееся здѣсь всего рѣзче, и далѣе взглядъ на Байрона его современниковъ и нашихъ.

[2]) Та же субъективность, которая плѣняла въ описаніяхъ Байрона, вредила драматическому достоинству его поэмъ и драмъ. При всей прелести лирическихъ вставокъ въ первыхъ, и монологовъ во вторыхъ, въ нихъ нѣтъ характеровъ. Типы мужскіе и женскіе поразительно однообразны и, точно, выведены съ спеціальной цѣлью излагать воззрѣнія и чувства автора. Въ лучшей изъ драмъ „Сарданапалѣ“ можно найти всего одно живое лицо и оно—портретъ поэта.

въ тѣ годы, Николь описываетъ слѣдующимъ образомъ: «у насъ переполошились такъ, какъ будто открыли литературнаго Гай-Фокса, готоваго взорвать всѣ церкви и половину соборовъ. Ярость британскаго правовѣрія соотвѣтствовала его безсилію. Гвалтъ былъ такой, что Байронъ, собираясь ѣхать на судъ, предложилъ издателю отказаться отъ всякой отвѣтственности и принять обратно гонораръ. Критики мелкіе впадали въ истерическіе вопли; критики высокаго полета, отдавая справедливость художественнымъ достоинствамъ, оплакивали гибельное направленіе; а нѣкто м-ръ Уаткинсъ, утративъ въ порывѣ чувствъ способность къ членораздѣльной рѣчи, бормоталъ что-то о клеймѣ Каина, съ которымъ Вальтеръ-Скоттъ долженъ перейти въ потомство за то, что принялъ посвященіе».

Такого единодушія не было замѣтно въ новыхъ воззрѣніяхъ англичанъ на «Донъ-Жуана», — повѣствуетъ Николь, — напротивъ, критики раздѣлились на два лагеря: одни порицали, другіе восхищались. Между первыми были не только люди способные видѣть вездѣ одну грязь, но и люди совсѣмъ порядочные, которые, отдавая справедливость таланту, остроумію, поэтической прелести, искренно сожалѣли, что столько блестящихъ даровъ потрачено на недостойные сюжеты. Къ этой категоріи принадлежали Муръ и Джеффри.

Восхищались «Донъ-Жуаномъ» многіе, и не только за неподражаемое, единственное мастерство языка и стихотворной формы, остроуміе, блескъ и разнообразіе переходовъ и картинъ, но и за качества болѣе солидныя. «Донъ-Жуанъ — самое глубокое, самое искреннее, оригинальное и поэтическое, словомъ, самое лучшее произведеніе Байрона», говорили представители этого лагеря. Вальтеръ-Скоттъ находилъ въ Донъ-Жуанѣ «разнообразіе и глубину Шекспира». Шелли видѣлъ въ поэмѣ осуществленіе задачи, о которой онъ давно мечталъ для великаго поэта — задачи «создать что-нибудь совсѣмъ новое и современное и вмѣстѣ съ тѣмъ изъ ряду вонъ прекрасное». По мнѣнію Николя, «Донъ-Жуанъ» — популярнѣйшее изъ твореній Байрона, преимущественно потому, что, какъ произведеніе человѣка зрѣлаго, жившаго и знающаго свѣтъ, оно соотвѣтствуетъ вкусамъ и понятіямъ образованныхъ людей средняго возраста, которые уже не могутъ довольствоваться однимъ чувствомъ, но любятъ время отъ времени отдохнуть сердцемъ среди дѣлъ и заботъ, болѣе существенныхъ. Лирическій поэтъ для нихъ скученъ и подъчасъ смѣшонъ. Ихъ другъ — юмористъ, одаренный тонкимъ пониманіемъ противорѣчій жизни, видящій смѣшное въ печаль-

номъ и печальное въ смѣшномъ, или же поэтъ, подобный Байрону, у котораго добродушная или злая насмѣшка смягчается искреннимъ и теплымъ чувствомъ, который долженъ даже нерѣдко отгонять отъ себя навязчивую чувствительность и «смѣяться, чтобы не заплакать». Уклоненія отъ условныхъ приличій Николь объясняетъ избыткомъ силъ и жизни, веселой минутой, желаніемъ подурачиться, и вѣритъ въ этомъ отношеніи автору на слово [1]). Скабрёзности нѣкоторыхъ сценъ и выраженій онъ касается вскользь, замѣчая, что если имъ «Донъ-Жуанъ» обязанъ извѣстностью въ средѣ людей, неспособныхъ восхищаться ничѣмъ инымъ, и множествомъ плохихъ и жалкихъ подражаній, то симпатію порядочныхъ людей пріобрѣтаетъ, очевидно, благодаря достоинствамъ высшаго разряда. Нападокъ на англійскую церковь Николь не касается вовсе. По поводу обвиненій въ равнодушіи къ добру и злу и въ ниспроверженіи нравственныхъ началъ, напоминаетъ про свойственную поэту иронію и совѣтуетъ понимать многое въ обратномъ смыслѣ. «Не моя вина, если не хотятъ видѣть морали моего разсказа», говорилъ Байронъ, обѣщавшій тѣмъ не менѣе, для успокоенія добродѣтельныхъ душъ, примѣрно наказать своего героя: «сдѣлать его, на старости лѣтъ, членомъ общества для искорененія пороковъ, а если и этого мало, то подвергнуть смертной казни или женить самымъ несчастнымъ образомъ». Привычку автора намекать на свои семейныя дѣла, Николь называетъ «прискорбной»—въ чемъ съ нимъ нельзя не согласиться; заявляетъ, что пѣсни VII—X ниже прочихъ по достоинству—и затѣмъ, точно исполнивъ свой долгъ, радостно отдается непосредственному наслажденію «Донъ-Жуаномъ»: позабывъ про англійскую чопорность, онъ смотритъ въ волшебный калейдоскопъ, который вертятъ передъ нимъ «духи черные и бѣлые, духи красивые и сѣрые», показывая то плѣнительные образы, то злыя каррикатуры (прелестные эскизы изъ англійскаго быта), то трогательныя, то величественныя картины, то опять забавные рисунки, доходящіе до шутовства. Неожиданные и невѣроятные переходы изъ одной крайности въ другую; музыка стиховъ, игра словами, риѳмами, цитатами, неиссякаемый родникъ остроумія и веселости—этотъ избытокъ наслажденія до того увлекаетъ англійскаго критика, что серьёзная подкладка «комическаго эпоса» какъ-то ускользаетъ отъ него. За исключеніемъ цитатъ изъ пѣсни греческаго поэта на пиру

---

[1]) „But the fact is that I have nothing plann'd
Unless it mere to be a moment merry“.

у Ганды нѣтъ ни слова о политическомъ смыслѣ и радикальномъ направленіи «Донъ-Жуана».

На континентѣ «Донъ-Жуанъ» пользовался нераздѣльными и неизмѣнными симпатіями. Начиная съ Гёте, который совѣтовалъ учиться англійскому языку для того только, чтобы прочесть «это великое твореніе, полное души, страстнаго негодованья и страстной нѣжности», всѣ лучшіе нѣмецкіе критики безусловно восхищаются «Донъ-Жуаномъ». Если для не-англичанъ неизбѣжно, и въ значительной степени, теряется своеобразное очарованіе языка и стиха, ѣдкость нѣкоторыхъ намековъ и насмѣшекъ, направленныхъ спеціально противъ англійскаго общества, то общечеловѣческіе мотивы и интересы, наравнѣ съ поэтическими картинами, сохраняютъ всю свою силу или, пожалуй, выступаютъ еще рѣзче. Такъ, Трейчке, отдавъ должную дань удивленія формѣ, видитъ въ «Донъ-Жуанѣ» цѣлое откровеніе радикализма, а въ авторѣ—свободнаго мыслителя, далеко оставившаго за собой всѣ торныя дороги, чтобы выйти въ бой противъ всякаго рода деспотизма; конечно, не демагога, а только человѣка съ душой и умомъ, которому было противно всякое притѣсненіе и безобразіе. Отъ гнета общественнаго мнѣнія и закрѣпленныхъ обычаемъ свѣтскихъ и духовныхъ историческихъ и политическихъ басенъ, съ ихъ надежной охраной лицемѣріемъ—всѣ виды насилія человѣческой мысли и личности находятъ въ Байронѣ энергическаго врага. Онъ «былъ рожденъ для оппозиціи», говоритъ Трейчке, но политическое міросозерцаніе его созрѣло въ Италіи, гдѣ онъ собственными глазами могъ видѣть хозяйничанье легитимизма, и судить о благахъ, подаренныхъ имъ Испаніи въ образѣ инквизиціи, Франціи въ образѣ іезуитовъ, Италіи въ формѣ австрійскихъ штыковъ. Онъ принялъ личное участіе въ переворотахъ, всколыхавшихъ югъ Европы, но его мысли осуществились только долго спустя по его смерти, при возникновеніи молодой Италіи, молодой Германіи и революціонной литературы южныхъ и восточныхъ государствъ. Увлекаясь вначалѣ Наполеономъ, Байронъ былъ подъ вліяніемъ французскихъ рекламъ и того обаянія, которое геній имѣетъ для всякаго юнаго и даровитаго человѣка. Но онъ не долго оставался ослѣпленнымъ: отвращеніе, внушаемое ему кровопролитіемъ, обрушилось на того, кто, проливая по своему произволу чужую кровь, самъ предпочелъ униженіе—смерти. Байронъ жилъ въ концѣ той эпохи, гдѣ милліоны жизней приносились въ жертву честолюбію единицъ, и предчувствовалъ близость болѣе разумнаго времени, преслѣдуя палачей *en gros* и осмѣивая арлекиновъ въ мундирѣ.

Не Наполеона, а человѣческое величіе имѣлъ онъ въ виду, сожалѣя о колоссѣ, поруганномъ пигмеями; не наполеоновскій режимъ хотѣлъ онъ защищать, а преслѣдовать своей сатирой реакцію въ образѣ легитимизма; не антинаціональное, а національное чувство оказывается въ его насмѣшкахъ надъ старыми пѣснями о величіи героевъ, князей, освобождающихъ народы — «слишкомъ старыми, чтобъ слушать ихъ терпѣливо», какъ разъ въ то время, когда Вѣнскій конгрессъ указывалъ, по произволу, границы и предѣлы отечествъ и народностей.

Байрона упрекали въ томъ, что при оцѣнкѣ мотивовъ всеобщаго ополченія во слѣдъ бѣгущему завоевателю, онъ слишкомъ легко или слишкомъ скептически относился къ патріотическому чувству. Но, замѣчаетъ Трейчке, среди общаго опьяненія славой и раздававшихся со всѣхъ сторонъ хвалебныхъ гимновъ разнымъ доблестямъ безсознательной и подневольной толпы, служившей орудіемъ для возстановленія старыхъ порядковъ, подъ видомъ изгнанія иноземцевъ, — отрезвляющее шиканье было очень умѣстно, и такія описанія, какъ взятіе Измаила, не лишено полезныхъ указаній. Односторонность въ обсужденіи мотивовъ и невыгодъ послѣднихъ войнъ можно вполнѣ извинить англичанину: его соотечественникамъ не приходилось выгонять завоевателей изъ родныхъ предѣловъ, а между тѣмъ, громъ побѣдъ и пролитая кровь не дала Англіи ничего кромѣ пролетаріата для низшихъ классовъ (съ Мальтусовымъ закономъ, въ назиданіе и утѣшеніе) и угнетенія свободы мирныхъ гражданъ цѣлымъ рядомъ безсмысленныхъ реакціонныхъ мѣръ. Словомъ, войны противъ Наполеона съ ихъ послѣдствіями для всей Европы могли не внушить симпатіи, и взглядъ Байрона былъ въ высшей степени вѣренъ; стрѣлы его сатиры имѣютъ свойство попадать прямо въ цѣль, смѣется-ли онъ надъ мелкими слабостями и грѣшками человѣческими или негодуетъ противъ крупныхъ преступленій.

Глубокое пониманіе видно, по мнѣнію Трейчке, и въ борьбѣ Байрона противъ злѣйшаго врага его родины — лицемѣрія, накидывающаго покровъ на всѣ язвы частной и общественной жизни, стѣсняя свободу мысли и дѣйствія, отнимая у голоса правды всякую силу. Обличеніе этого порока и національной заносчивости — существеннѣйшая услуга, оказанная имъ Англіи. Въ медленной и систематической работѣ, подготовлявшей тогда ея обновленіе, онъ, по своему пылкому характеру и свойствамъ ума, не могъ бы принимать участія. Его радикальныя воззрѣнія возмущали бы государственныхъ людей непрактичностью и крайностями, радикаламъ настоящимъ казались бы дилеттантизмомъ.

Сверхъ того, въ глазахъ соотечественниковъ вообще, Байронъ былъ ренегатъ, и ему никогда бы не простили сочувствія къ иноземцамъ и ихъ пользамъ. Но по этимъ именно причинамъ онъ, съ своей страстной пропагандой, могъ быть для Европы желаннымъ политическимъ борцомъ, въ эпоху общаго ропота и броженія. Гервинусъ, относящійся къ Байрону вообще крайне сурово, отдаетъ справедливость его политическому значенію. «Политика священнаго союза, — говоритъ онъ въ «Исторіи девятнадцатаго вѣка» [1]), — думала обузданіемъ Франціи положить долговѣчныя препоны заблужденіямъ революціоннаго духа. Между тѣмъ, англійскій поэтъ съумѣлъ отыскать конецъ нити, для разрыва которой были только-что принесены въ жертву милліоны солдатъ. Американскій республиканизмъ, германское свободомысліе, французская жажда переворотовъ, англо-саксонскій радикализмъ проснулись, казалось, разомъ въ лицѣ этого одного человѣка».

Заслуги, оказанныя Байрономъ континенту, неисчислимы, не говоря уже о Греціи, которая была обязана ему симпатіями Европы, и которой онъ помогалъ словомъ и дѣломъ. Онъ научилъ любить Италію, ея добродушно-легкіе нравы и ея поэтовъ серьёзныхъ и шутливыхъ, горячо сочувствуя въ то же время стремленіямъ итальянцевъ къ политической независимости. Онъ понялъ чувства угнетенныхъ и предвидѣлъ, что гнёту будетъ конецъ. Онъ указывалъ близорукимъ и честолюбивымъ вождямъ на Вашингтона, величайшаго изъ героевъ и людей. Не все ли равно, — говоритъ нѣмецкій публицистъ, — заключалъ ли его радикализмъ примѣсь дилеттантизма или нѣтъ; былъ ли онъ плодомъ холоднаго разсудка, или непосредственнымъ движеніемъ благородной и страстной природы. Не все ли равно, имѣлъ ли его скептицизмъ свойства непреклоннаго и сознательнаго отрицанія, или только мучительнаго сомнѣнія. Отъ поэта нельзя требовать строгой обдуманности и спокойствія политика, ни всесторонней логичности философа. Напротивъ, именно благодаря живой непосредственности отрицанія и ропота, и страстности радикальныхъ порывовъ, при вѣрности чутья относительно добра и зла, поэтическая проповѣдь пріобрѣтаетъ особое обаяніе, особую силу для большинства.

Байронъ успѣлъ сдѣлать то, къ чему стремился — «нѣчто лучшее писанья стиховъ». Значеніе его для развитія Европы, не только литературнаго, но и умственнаго, громадно и не мо-

[1]) Т. VIII, стр. 172.

жеть исчезнуть съ вѣками. Скоро ли наступить время, когда потомки увидять остатки старыхъ порядковъ въ музеяхъ рядомъ съ мамонтовыми костями и вспомнятъ благодарнымъ словомъ поэта, предсказавшаго такой случай и не мало способствовавшаго его осуществленію—этого никто не знаетъ, и предаваться праздныыъ гаданіямъ не стоитъ. Вѣрно одно: Байронъ не сдѣлался еще достояніемъ исторіи.

«Всѣ основные мотивы его творчества современны»,—говоритъ Готшалль.—«Его произведенія служатъ выраженіемъ великихъ задачъ XIX-го столѣтія. Все сказанное имъ въ эпоху реставраціи пригодно для нашихъ дней. Ни одной строки нельзя назвать устарѣлой».

Мы съ намѣреніемъ остановились на мнѣніяхъ нѣмецкой критики объ общественно-исторической сторонѣ твореній Байрона вообще и «Донъ-Жуана» въ частности, такъ какъ эта національность всего менѣе склонна обольщаться внѣшнимъ (и особливо чужимъ) блескомъ или увлекаться поверхностными достоинствами. Критики и читатели болѣе поверхностные и безпечные увлекались преимущественно внѣшней стороной и удерживали въ памяти болѣе легкіе мотивы, поэтическія или забавныя картины.

Что касается нашей литературы, то, кажется, и у насъ «Донъ-Жуанъ» извѣстенъ преимущественно со стороны шутливаго тона и романическихъ эпизодовъ, и что гораздо меньше извѣстно и оцѣняется широкое сатирическое значеніе этой знаменитой поэмы.

А. С.

МАРКИЗЪ А. ВЕЛЕПОЛЬСКІЙ

ЕГО

ЖИЗНЬ И ПОЛИТИКА

ВЪ ПОЛЬСКО-РУССКОМЪ КОНФЛИКТѢ И ВОПРОСѢ

X *).

Общій характеръ уличнаго движенія.

Народное польское движеніе, въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, начавшее опредѣлять событія и выдвигать впередъ лица съ момента, до котораго доведенъ нашъ разсказъ, есть явленіе столь крупное и сложное, что оно, очевидно, выходитъ за предѣлы моей задачи, но я не могу обойтись безъ дачи если не обстоятельной оцѣнки, то, по крайней мѣрѣ, характеристики этого историческаго происшествія. Я уже указывалъ на многочисленность и развѣтвленіе корней его. Какъ всякое народное ненормальное революціонное движеніе, оно было непроизвольное, зародившееся по закону роковой необходимости, отъ неправильной постановки междунаціональнаго вопроса, и отъ запущенія этого вопроса въ теченіи весьма продолжительнаго времени, когда онъ былъ откладываемъ и еще откладываемъ, пока волненія и смуты не поставили его энергически на неправильно потерянную очередь. Волненія явились одновременно и повсемѣстно, первоначально безъ всякаго плана и организаціи, и возникновеніе ихъ никакъ

---

*) См. выше: 1880, ноябрь, ст. 241.

не можетъ быть относимо къ волѣ интеллигенціи общества, то-есть признанныхъ обществомъ его старшинъ и руководителей. Есть въ 3-й части «Дзядовъ» Мицкевича характерная сцена (7), гдѣ одинъ изъ молодыхъ, горячихъ людей жалуется на высшіе классы: посмотрите, друзья, какая дрянь стоитъ во главѣ народа?—Другой отвѣчаетъ: «не во главѣ, а на поверхности. Народъ нашъ точно лава, сверху холодная и твердая, сухая и плюгавая, но внутри огонь не выстынетъ во сто лѣтъ; плевать намъ на эту корку и—опускаться вглубь». Хотя это движеніе, по происхожденію своему, не было произвольное, но оно было всеобщее, сопровождаемое сочувственными пожеланіями всѣхъ классовъ и сословій безъ различія партій. Однихъ оно увлекало, обольщая несбыточными надеждами, другихъ, весьма трезво судящихъ, оно подкупало тѣмъ, что полагало конецъ безвыходному положенію и выводило изъ мертваго застоя на какую бы то ни было, хотя бы мелкую и трудную, но общественную работу. Послѣдствій его никто не могъ предвидѣть; являлось оно, какъ нѣчто ожидаемое и желаемое людьми одинаково любящими свой народъ, но діаметрально противоположными во всемъ остальномъ, напримѣръ, Замойскимъ и Велепольскимъ, изъ которыхъ первый усматривалъ въ немъ зарю воскресенія, а другой начало новаго бытія въ славянскомъ общемъ цѣломъ и подъ сѣнью русской державы. Эта неясность и неопредѣленность цѣлей движенія имѣла послѣдствіемъ, что на первыхъ порахъ русское общество не относилось къ польскому движенію враждебно, но скорѣе сочувственно, не находя пока ничего оскорбительнаго для русскаго патріотизма въ простыхъ, хотя и нелегальныхъ демонстраціяхъ противъ системы управленія, которая не была хороша, но держалась силою одной инерціи. Всѣ чувствовали, что ее надо замѣнить новою, въ особенности, при совершающемся обновленіи, посредствомъ реформъ, всего строя жизни русской. Безъ этого доброжелательства полякамъ въ русскомъ обществѣ, въ теченіи всего времени, пока польскій вопросъ не обострился и не перешелъ въ конфликтъ между двумя національностями съ роковымъ: быть или не быть,—нельзя и объяснить ни русской политики вплоть до начала 1863 г., ни той поддержки, которую нашли въ Петербургѣ планы Велепольскаго. Общественное мнѣніе въ Россіи, хотя и не относилось къ вопросу враждебно, но находило, однако, само движеніе несвоевременнымъ и потому неудобнымъ. По этому предмету можно замѣтить, что какъ въ прошломъ, такъ и въ будущемъ, польскій вопросъ въ русской политикѣ и являлся доселѣ и, можетъ быть, будетъ

являться если не всегда, то еще долгое время некстати и несвоевременно въ силу нижеслѣдующихъ обстоятельствъ.

Есть у польскаго поэта Кондратовича, болѣе извѣстнаго подъ именемъ Сырокомли, отрывокъ, изображающій неимовѣрныя трудности сближенія двухъ отдѣльныхъ народностей (Sejm lubelski III, 301): «каждый народъ ли, племя ли имѣетъ свой особый обычай отъ отцовъ, свои историческіе законы, иное сердцебіеніе. Многое нужно, ахъ, многое при сліяніи двухъ разныхъ племенъ, чтобы сравнить обычай, чтобы сердца забились въ одинъ тактъ. Двѣ рѣки соединятся водоворотомъ только тогда, когда проплывутъ чрезъ много утесовъ. Общая доля и недоля (несчастіе) связуютъ разныя племена». Двумя народностями, имѣвшими безконечно разныя формулы развитія, исторія распорядилась такъ, что она ихъ соединила на вѣчныя времена бракомъ неравнымъ (вспомнимъ извѣстную въ свое время балладу графини Ростопчиной «Насильственный бракъ»), но нерасторжимымъ, не допускающимъ развода, на общую долю такъ, что только сообща они могутъ жить и успѣвать, или страдать и гибнуть. Обѣ особи въ этой четѣ не сходятся темпераментами, настроены всегда на разные лады, если одна на веселье, то другая на печаль; когда одна на раздраженіе, то другая на спокойствіе; одна на порывы, другая на терпѣніе и легальность, и наоборотъ. Ритмъ движенія національныхъ жизней иной у каждой особи, и если бы изображать его графически, то пришлось бы чертить различной длины волны. Волна движенія русской жизни длиннѣе; давно уже замѣчено, что ростъ русскаго народа медленъ и мало замѣтенъ: весьма продолжительные періоды застоя и, какъ будто бы, сна перемежаются съ короткими эпохами преобразованій, когда организмъ какъ будто бы обновляется весь, когда въ одинъ мигъ пускается въ ходъ то, что̀ въ теченіи десятилѣтій застоялось или было запущено и создаются учрежденія, точно платья подростающему юношѣ не по его росту, а на выростъ, съ тѣмъ что, когда онъ поплотнѣетъ, то ему онѣ прійдутся въ пору. За то, какая дѣятельность, когда настаетъ великая пора, одна иногда на нѣсколько поколѣній,—а бываетъ она, когда отойдутъ заботы о внѣшнихъ дѣлахъ, и общество всецѣло углубляется въ свои внутреннія задачи! Эти задачи такъ многочисленны, что онѣ толпятся, на первый планъ выступаютъ тѣ, которыя попроще, ближе къ сердцу и яснѣе; понятно, что польскій вопросъ не доходитъ до своей очереди, на него никакъ еще общество русское не пріучилось смотрѣть, какъ на чисто-внутренній, а какъ на какой-то внѣшне-внутренній, смѣшанный, какъ на вопросъ не объ уравненіи

племенъ, хотя бы въ отдаленномъ будущемъ, а объ укрощеніи вѣчныхъ враговъ и недоброжелателей, которые даже по собственному интересу, даже по чистому разсчету никакъ, будто бы, не могутъ быть съ Россіею въ обще-государственномъ дѣлѣ за-одно. Кромѣ этихъ старыхъ поминаній былого и привычекъ мышленія, есть еще и другая причина, затрудняющая сближеніе. Попытки сближенія если и дѣлались, то такимъ образомъ, что обѣ націи сходились такъ-сказать на флангахъ въ своихъ крайностяхъ, съ наименѣе привлекательныхъ своихъ сторонъ, наименѣе надежными своими элементами. Нити заговоровъ въ Польшѣ находили поддержку еще въ двадцатыхъ годахъ сего столѣтія въ русскихъ революціонныхъ кружкахъ; русское крѣпостничество, по естественному сродству, якшалось съ польскимъ крѣпостничествомъ, между тѣмъ средними своими классами и либеральными, гуманными стремленіями оба общества меньше всего сближались одно съ другимъ. Ритмъ польской жизни быстрѣе, нежели русской, и волна, по формѣ своей, правильнѣе, съ болѣе равномѣрными по времени откосами акціи и реакціи. Съ раздѣловъ Польши совершены два полные оборота въ этой жизни, кончившіеся ужасными катастрофами послѣ явно неразумныхъ, но тѣмъ не менѣе общенародныхъ повстаній, одинъ съ 1794 по 1830, и второй отъ 1831 по 1863 г. Оба повстанія были обострившимися національными движеніями, которыя въ началѣ своемъ не имѣли явно враждебнаго для цѣлости и бытія Россіи характера. Оба движенія отразились въ жизни русской тѣмъ, что первое изъ нихъ, приключившееся въ періодъ начавшейся въ послѣдніе годы царствованія императора Александра I реакціи, ускорило ее необычайно и подготовило выработку того строгого милитарнаго режима, который просуществовалъ вплоть до начала нынѣшняго царствованія;—второе движеніе подошло въ самую блистательную эпоху преобразованій, всеобщаго одушевленія и умственнаго подъема русской націи; трудно себѣ представить болѣе благопріятный моментъ, потому что общее настроеніе было таково, что готово было широкими льготами покрыть старые счеты и сойтись съ заявляющею о своихъ потребностяхъ національностью на единственно пригодной къ тому почвѣ—гуманныхъ идей и либеральныхъ учрежденій, даруемыхъ не скупясь, щедрою рукою. Когда соглашеніе двухъ націй, котораго выраженіемъ былъ Велепольскій, не удалось, не состоялось, тогда эта неудача, показавъ, что гуманныя идеи не всемогущи, и выдвинувъ впередъ крутыхъ людей и крутыя мѣры, имѣла послѣдствіемъ значительное сокращеніе преобразовательной эпохи и быстрое наступленіе реакціи во внутренней политикѣ Россіи

при недоконченныхъ и далеко не выведенныхъ подъ крышу преобразованіяхъ. Эти вредныя послѣдствія польскаго движенія какъ для русскаго, такъ и для польскаго обществъ опредѣлились только впослѣдствіи, когда по ослѣпленію и по слабости консервативные элементы въ польскомъ обществѣ не могли совладать съ движеніемъ и затормазить его, вслѣдствіе чего оно и разыгралось, какъ неудержимая, разрушительная стихійная сила, которой не дано полезнаго употребленія. У самого своего источника въ 1859 и 1860 г., движеніе имѣло видъ неизвѣстно кѣмъ затѣваемыхъ демонстрацій и манифестацій, на которыя начинали откликаться все шире и шире разные круги и слои общества, по простому желанію дать волю придавленному національному чувству, заявить открыто, всенародно и во всеуслышаніе, въ глаза недолюбливаемой полиціи и во испытаніе ея долготерпѣнія, что нація еще не перестала существовать. Никакое общее національное движеніе не бываетъ подстроено и не является слѣдствіемъ заговора, но несомнѣнно, что, когда оно началось, то оно неизбѣжно должно получить извѣстную организацію; всегда и вездѣ существуютъ кружки, сожительства и знакомства; тѣ изъ нихъ, на которые распространилось движеніе, превратятся въ организаціонныя клѣточки, внутри ихъ обозначатся болѣе и менѣе дѣятельныя особи, руководители и руководимые. Первая демонстрація въ іюлѣ 1860 г., на похоронахъ вдовы генерала Совинскаго, павшаго въ 1831 г., при взятіи русскими штурмомъ предмѣстья Воли у повстанцевъ, происходила на реформатскомъ кладбищѣ [1]). Осенью того же 1860 г., въ срединѣ октября стараго стиля, произошелъ съѣздъ въ Варшавѣ трехъ монарховъ: русскаго, короля прусскаго Вильгельма и императора австрійскаго Франца-Іосифа, пожаловавшаго передъ тѣмъ $^{8}/_{20}$ октября свой федеративный октябрьскій дипломъ и поставившаго кабинетъ, съ первымъ министромъ графомъ Голуховскимъ во главѣ. Уличные мальчишки урѣзывали цвѣтныя дамскія платья ножницами и обливали ихъ сѣрной кислотой; въ большомъ театрѣ, во время балета раздавлены пузырьки съ вонючею жидкостью. $^{17}/_{29}$ ноября, въ день св. Сатурнина, въ годовщину повстанія 1830 г. было стеченіе народа на одной изъ дальнихъ улицъ Варшавы, Лешнѣ, передъ статуей Богоматери при церкви кармелитовъ, и началось пѣніе церковныхъ гимновъ (Boże coś Polskę), которое потомъ сошло на не церковные, а просто религіозно-патріотическіе мотивы (Z dymem

---

[1]) Записки Н. В. Берга. О польскихъ заговорахъ и возстаніяхъ. Москва, 1873. Стр. 167.

pożarów). Изъ Варшавы манифестаціи распространились на всѣ города царства польскаго, на села, на губерніи бывшія литовскія. Пишущій эти строки былъ лично свидѣтелемъ, какъ онѣ возникали въ Вильнѣ, въ маѣ и іюнѣ 1861 г.; онъ заключаетъ, что и въ царствѣ польскомъ демонстраціи затѣвались подобнымъ же образомъ. Серьёзные люди держались въ сторонѣ, считая дѣло просто ребячествомъ. Послѣ обѣдни или вечерни, передъ церковью собирались дамы, дѣти, распускаемы были зонтики, хотя и при ясной погодѣ, дабы труднѣе было распознать издали поющія лица, начиналось пѣніе хоромъ, число строфъ въ заурядныхъ манифестаціонныхъ гимнахъ возростало вслѣдствіе постепенныхъ вставокъ и прибавокъ, потомъ толпа расходилась, каждый возвращался къ своимъ обычнымъ занятіямъ. Одна изъ этихъ пѣсней: Boże coś Polskę, сочинена въ двадцатыхъ годахъ Алоизіемъ Фелинскимъ, въ чувствахъ единенія съ русскими («Соедини узломъ свободы твои народы подъ одною державою ангела мира...») и благодарности императору Александру Павловичу за возстановленіе польскаго королевства («возврати, Боже, новой Польшѣ древній ея блескъ»). Вторая хоровая пѣсня, или хоралъ: Z dymem pożarów, была новая, сочиненная однимъ изъ талантливѣйшихъ польскихъ лириковъ Корнеліемъ Уѣйскимъ, галичаниномъ; христіанскаго ничего почти нѣтъ въ этомъ протяжномъ, могучемъ стонѣ въ духѣ Плача Іереміи, столь древне-библейскомъ, что я самъ въ 1861 г. слышалъ его и на площадяхъ, и въ церквахъ, и въ синагогахъ (на Данилевичовской улицѣ, гдѣ нынѣ малый театръ). Такъ, злобствуя, плакать и, плача, вѣрить умѣли только древніе пророки. («У насъ нѣтъ пѣсни безъ жалобы, терновый вѣнецъ впился въ чело; вѣчно, какъ памятникъ Твоего гнѣва, торчитъ поднятая длань молельщика»... Между тѣмъ врагъ одолѣваетъ и кидаетъ намъ точно камень насмѣшку: «гдѣ же вашъ отецъ? гдѣ же вашъ Богъ?»—Пѣснь кончается пророчествомъ. «Съ архангеломъ твоимъ во главѣ, мы отправимся на великій бой и на тѣлѣ сатаны водрузимъ побѣдный стягъ, раскроемъ сердца для заблудшей братьи, вину смоетъ свобода, тогда услышитъ богохулитель нашъ отвѣтъ: Богъ былъ и есть». — Переводъ обѣихъ пѣсней см. въ Библіотекѣ для Чтенія, 1864, февраль). Струя движенія имѣла у самаго своего источника религіозную окраску; она направлялась въ храмъ божій и наполняла его, послѣ чего уже изъ церкви она разливалась по улицамъ. Въ началѣ, всѣ безъ изъятія духовныя власти: духовенства римско-католическое, реформатское, еврейское сопротивлялись сильно такой профа-

націи религіи [1]), такому насилованію ея революціонерами, во всѣхъ отношеніяхъ предосудительному и чреватому самыми пагубными послѣдствіями, потому что оно соблазняло духовенство, въ особенности, римско-католическое, столь склонное оплакивать упадокъ вліянія церкви на дѣла мірскія, и открывало ему въ миражѣ чарующія перспективы дѣятельности, власти, господства надъ умами,—съ другой же стороны, дѣлая религію рабынею страстей народныхъ, соединяло церковь желѣзными цѣпями съ революціею, обрекало обѣ на одну и ту же участь, то-есть, при полной невѣроятности успѣха революціоннаго дѣла, на неизбѣжныя, жестокія и безпардонныя репрессаліи послѣ пораженія, котораго не могли не предвидѣть люди мало-мальски трезвые и разсудительные. Соблазнъ былъ силенъ, и въ концѣ-концовъ какъ ни крѣпилось сначала духовенство, оно стало въ большинствѣ своихъ представителей за-одно съ теченіемъ, причемъ все будущее церкви оно отдало въ жертву за нѣсколько моментовъ упоенія. Не отрицая вины, привожу, однако, сильно смягчающія ее обстоятельства. Однѣ изъ этихъ обстоятельствъ свойственны римско-католическому исповѣданію вообще, другія положенію его въ Россіи и особеннымъ отношеніемъ его къ русскому правительству. Старая церковь имѣетъ большія притязанія и не ладитъ ни съ духомъ вѣка, то-есть, съ новѣйшими успѣхами культуры, ни съ основами современнаго государства. Въ тѣхъ или другихъ формахъ возгоралась послѣ перемирій «культурная борьба», которая никогда еще не кончалась побѣдою государства, потому что легко религіозную совѣсть прижать, стѣснить, но гоненіе только удвоиваетъ силу гонимой церкви, и послѣ самыхъ торжественныхъ заявленій о томъ, что «мы не пойдемъ въ Каноссу», приходилось отправляться если не въ самую Каноссу, то въ мѣста къ ней близкія, т.-е. отказываться отъ строгостей и идти на мировую. Форма соглашенія, которое бы было безобидно для обѣихъ сторонъ, еще не найдена; ее должно искать не въ одной вѣротерпимости, но и въ *одинаковой* для всѣхъ вѣръ и убѣжденій религіозной свободѣ, которая бы не допустила ни одному изъ нихъ брать верхъ и притѣснять или вытѣснять другія. — Въ предѣлахъ Россіи, общій вопросъ осложнялся еще тѣмъ, что по конституціоннымъ преданіямъ, по хартіи 1815 г. и по ст. 5 органич. статута 1832 г., римскій католицизмъ претендовалъ на особенно привилегирован-

[1]) Я самъ былъ свидѣтелемъ панихиды, устроенной въ церкви св. Екатерины на Невскомъ проспектѣ, въ мартѣ 1861 года, по убитыхъ на варшавской мостовой въ февралѣ. Присутствовало много русскихъ—доминиканцы не знали о томъ, по комъ панихида, и сопротивлялись. Пѣсня была спѣта помимо ихъ сопротивленія.

ное положеніе, между тѣмъ какъ въ Имперіи онъ сталкивался съ другимъ господствующимъ вѣроисповѣданіемъ, которое преслѣдовало совращеніе, обязательно пріобщало къ себѣ дѣтей отъ смѣшанныхъ браковъ и совершило въ 1839 г. (соборный актъ въ Полоцкѣ 12 февр.) полное присоединеніе уніатовъ въ западныхъ губерніяхъ [1]). Статьи объ уніи, составленныя по подлиннымъ источникамъ о. Морошкинымъ, доказываютъ несомнѣнно, что присоединеніе произошло по почину людей, задумавшихъ его въ средѣ самой уніатской іерархіи, но доказываютъ также, что оно совершено при содѣйствіи свѣтской власти и послѣ сильнаго сопротивленія со стороны извѣстной части присоединяемыхъ. Присоединеніе не касалось уніатовъ въ ц. польскомъ, но фактъ былъ знаменателенъ, какъ прецедентъ. Суровая и деспотическая система управленія краемъ князя Паскевича отразилась и въ духовныхъ дѣлахъ, которыя отнесены къ вѣдомству коммиссіи внутреннихъ дѣлъ. Недостатокъ системы — держанія духовенства въ строгой субординаціи государству, заключается въ томъ, что, въ силу служащаго государству, права представленія папѣ на епископскія мѣста кандидатовъ, обходятся съ умысломъ при назначеніяхъ люди твердаго характера и самостоятельные, а должности эти занимаютъ лица безцвѣтныя, болѣе податливыя, которыхъ потомъ, при измѣнившихся обстоятельствахъ, теченіе народное уноситъ съ собою безъ всякаго съ ихъ стороны сопротивленія. Что касается до низшаго духовенства, то его положеніе среди движенія было невыносимо тяжкое и почти незащитимое. Крѣпкій союзъ яркихъ воспоминаній и общихъ страданій соединялъ значительно сошедшую съ высотъ своего средневѣковаго величія, церковь и развѣнчанную, лишенную самобытности, національность. Духовенство польское было всегда сильно патріотично, въ патріотическихъ чувствахъ оно находило средства къ поддержанію благочестія, оно учило *sperare contra spem*, чаять чудеснаго, надѣяться на лучшее, вопреки всему происходящему. И вдругъ, появилось нѣчто похожее на чудо, зардѣлось пламя національно-религіознаго чувства; оно распространилось на необозримыя пространства, оно превратилось въ пожаръ. Есть нѣчто потрясающее въ согласованныхъ дѣйствіяхъ громадныхъ народныхъ массъ, хотя бы и ограничивающихся только тѣмъ, что онѣ поютъ религіозныя пѣсни, подставляя грудь вооруженной силѣ, не рѣшающейся стрѣлять въ молельщиковъ.—Прибавимъ, что по всей прошлой жизни и за-

---

[1]) Возсоединеніе уніи, статьи отца Морошкина въ „Вѣстникѣ Европы“ 1872 г.

нятіямъ эти духовные и вѣрили и учили пренебреженію земными средствами и упованію въ сверхестественныя. Теперь имъ предстояло или тушить это пламя, отрекаясь отъ всей прежней жизни, въ теченіи коей они тщательно раздували его искры, и прослыть отступниками, или славить самъ пожаръ, какъ дѣло Провидѣнія, и стать во главѣ народныхъ массъ, потому что сама смерть вкупѣ и на людяхъ красна. Въ одной изъ своихъ поэмъ (Anhelli) Словацкій изображаетъ три типа польскаго революціонерства: графа Скира, который предлагаетъ весь народъ ошляхетчить, солдата Скартабеллу, который предлагаетъ всѣхъ обратить въ мужиковъ, и отца Бонифата, который совѣтуетъ спасать народъ только молитвой и приказывалъ всѣмъ идти и погибать не защищаясь, какъ дѣлаютъ мученики. Такихъ отцовъ Бонифатовъ было безъ счету и въ народѣ, между свѣтскими и между низшимъ духовенствомъ, которое и винить очень трудно, въ особенности, по сравненію ихъ съ старшею братьею, высшимъ духовенствомъ, въ нѣкоторое оправданіе коего можно бы привести только то, что во главѣ его, вслѣдствіе вліянія по особеннымъ разсчетамъ заправляющей духовными дѣлами свѣтской политики, стояли люди посредственные и по способностямъ, и по характеру.

Манифестаціи шли развиваясь, повторяясь, пріобрѣтая все болѣе и болѣе вызывающій характеръ. Народонаселеніе втягивалось въ эту забаву, пріучалось подчиняться дѣйствовавшимъ изподтишка малоизвѣстнымъ организаторамъ. Чувствовалась духота въ общественной атмосферѣ и накопленіе электричества. При такихъ условіяхъ, столкновеніе было неизбѣжно и оно случилось при похоронахъ какого-то малоизвѣстнаго человѣка 27-го февраля 1861 г., послѣ 2-хъ часовъ по-полудни, когда близъ дома (не существующаго теперь) Мальча съуживавшаго Краковское предмѣстье, генералъ Заболоцкій, съ ротой низовскаго полка, раздраженный тѣмъ, что изъ дома Мальча сыпались на него и на солдатъ камни и кирпичи, скомандовалъ: пли! Отъ этихъ выстрѣловъ пало въ густой толпѣ народа 5 человѣкъ: два помѣщика, два рабочіе съ фабрикъ, одинъ гимназистъ. Впечатлѣніе, вызванное смертью пяти жертвъ 15 (27) февраля, было колоссальное; взрывъ негодованія произошелъ всеобщій и озадачилъ намѣстника. Толчекъ былъ данъ и привелъ въ движеніе всѣ группы польскаго общества, которыя приняли потомъ участіе въ начавшемся и вступившемъ въ острый фазисъ революціонномъ движеніи. Намъ слѣдуетъ сдѣлать обзоръ этихъ группъ.

XI.

27 февраля 1861 г. Два адреса.

Общія или «вальныя» засѣданія Земледѣльческаго общества происходили въ февралѣ 1861 г., на Краковскомъ предмѣстьѣ, въ такъ-называемомъ «дворцѣ намѣстника», передъ которымъ у входа на обширный дворъ расположились гранитные львы, а нѣсколько дальше ко дворцу высится бронзовая статуя Паскевича. Комитетъ общества изъ 16-ти человѣкъ собирался для подготовительныхъ работъ у предсѣдателя Андрея Замойскаго на Новомъ-Свѣтѣ въ его домѣ, теперь носящемъ надпись: домъ военнаго вѣдомства. «Моральное представительство страны», сильно соблазняемое и со всѣхъ сторонъ подговариваемое къ тому, чтобы оно взяло на себя активно починъ въ мѣрахъ, которыя бы отвратили неизбѣжный конфликтъ, грозящій обагрить кровью варшавскую мостовую, держался крѣпко въ предѣлахъ возложеннаго на него правительствомъ порученія по аграрному вопросу. Комитетъ съ Замойскимъ во главѣ давалъ на подобныя предложенія отрицательные или уклончивые отвѣты. Былъ процентъ горячихъ головъ въ средѣ собранія, но сравнительно малый. Засѣданія происходили въ присутствіи старательно посѣщавшаго ихъ и наблюдавшаго за рѣчами П. Муханова. Жара переживаемой минуты и серьёзность положенія сказались однако и здѣсь въ болѣе радикальномъ разрѣшеніи крестьянскаго вопроса, нежели того желали А. Замойскій и вожаки общества, то-есть, въ рѣшеніи его ($^{13}/_{25}$ февраля) на началахъ надѣленія крестьянъ землею и выкупа чиншей. Вслѣдствіе твердой рѣшимости Замойскаго и его штаба держаться въ предѣлахъ своего устава и порученій, полученныхъ отъ правительства, на строго-легальной почвѣ, Земледѣльческое общество не пользовалось вовсе популярностью на улицѣ. Обскурные агитаторы крайняго направленія, организовавшіе уличныя демонстраціи, пытались во что бы-то ни стало заманить общество на улицу, увлечь его и силою заставить принять участіе въ коллизіи народа съ правительствомъ. Одинъ изъ самыхъ крупныхъ дѣятелей этой масти, Агатонъ Гиллеръ [1]) откровенно признается, что агитаторы замышляли «увлечь общество къ протесту противъ угнетенія и принудить его подать адресъ къ Царю

---

[1]) (A. G. Alexander hr. Wielopolski. Lwów. 1878. Przedruk z Gazety Narodowej).

съ требованіемъ политическихъ правъ и автономіи». Въ тотъ самый день, когда ($^{13}/_{25}$ февраля) состоялось постановленіе о крестьянскомъ надѣлѣ, уличныя событія прервали пренія общества, походъ съ крестами, устроенный отъ Лешна чрезъ Старе-Място мимо замка и намѣстниковскаго дворца къ церкви св. Александра, разогнанъ былъ казаками и пѣхотою, прикладами и нагайками безъ выстрѣловъ, и въ залу засѣданія введенъ весь окровавленный одинъ изъ пострадавшихъ въ этой свалкѣ-юноша, впослѣдствіи сдѣлавшійся извѣстнымъ, какъ поэтъ и драматургъ Іосифъ Наржимскій. Замойскій послѣ этого сенсаціоннаго эпизода прекратилъ засѣданіе.—По требованію комитета Земледѣльческаго общества [1]), намѣстникъ отрядилъ для охраны общества солдатъ, которые расположились между львами и дворцомъ; 26-го же числа Мухановъ заявилъ при появленіи своемъ въ засѣданіе, что онъ пришелъ раздѣлять съ обществомъ опасность.

Обществу нечего было опасаться грубой силы уличной толпы; наибольшее, что могло бы произойти, была бы «кошачья музыка» или выбитіе стеколъ въ окнахъ въ пиву умѣреннымъ панамъ-помѣщикамъ. Труднѣе было отражать давленіе съ другой стороны и возражать противъ весьма вѣскихъ резоновъ, которыми путемъ убѣжденія общество было подговариваемо къ изготовленію и подачѣ адреса монарху. Давленіе это исходило изъ двухъ совершенно разныхъ пунктовъ: отъ маркиза Велепольскаго и изъ, такъ-называемой, купеческой рессурсы. Маркизъ Велепольскій, въ теченіи всего 1860 года, обнаруживалъ признаки большого безпокойства: чутьемъ онъ предчувствовалъ приближеніе рѣшительной минуты, которую надобно было схватить, такъ сказать, на лету, дабы овладѣть положеніемъ, получить власть и осуществить задуманную въ уединеніи, въ теченіи многихъ лѣтъ и тысячу разъ передуманную программу. Гордый, неуживчивый человѣкъ, онъ отступалъ отъ своихъ привычекъ, желалъ имѣть точки опоры для своей политики, дѣлалъ авансы. Въ октябрѣ 1860 г. онъ отправился въ Парижъ искать себѣ сторонниковъ въ злѣйшемъ гнѣздѣ непримиримыхъ враговъ Россіи—между польскими эмигрантами. Само собою разумѣется, что видѣться онъ могъ не съ радикалами и не съ демократами, а только съ тою бѣлою аристократическою отраслью выходства, которая группировалась въ отелѣ Ламберъ и имѣла корифеемъ генерала Владислава Замойскаго. Разсчетъ маркиза былъ бы вѣрный, если бы во имя чувствъ патріотизма онъ ихъ заставилъ поменьше

[1]) Записки Н. Берга, 186.

возлагать надеждъ на звѣзду Наполеона и по крайней мѣрѣ повременить, пока будетъ сдѣланъ опытъ русско-польскаго сближенія на основаніяхъ начала: «Pologna fara dá se» безъ помощи запада. Тогда Велепольскій могъ бы считать, что онъ стоитъ твердою ногою на родной почвѣ, потому что, хотя Земледѣльческое общество и выдавало себя за моральное представительство страны, однако моральнымъ правительствомъ страны оно не было. Серьёзные люди, консерваторы признавали это значеніе только за выходствомъ и именно за тою частью его, которая держала въ рукахъ нити дипломатическаго дѣйствія; слѣдовательно, Велепольскій могъ думать, что если бы оно отнеслось къ нему только нейтрально и дало въ этомъ смыслѣ приказъ, то его приказа послушаются. Эта попытка, однако, неудалась съ перваго же разу. Одна сторона далека была отъ того, чтобы понять и оцѣнить планъ маркиза по существу, другая слишкомъ горда и чувствительна по личнымъ вопросамъ. Положимъ, это такъ, сказалъ одинъ изъ участвовавшихъ въ переговорахъ, въ кабинетѣ генерала Замойскаго, но объясните намъ сначала, зачѣмъ вы заставили сына поступить въ русскую армію?—Такъ я за благоразсудилъ (cela nous a paru convénable), отвѣчалъ сухо маркизъ [1]), и на этой фразѣ оборвалась бесѣда, послѣ чего уже рѣчи не было ни о чемъ серьёзномъ. Маркизъ возвратился въ Хробержъ, но ему тамъ не сидѣлось; 17 февраля онъ отправился въ Варшаву со своимъ проектомъ адреса, который, по идеѣ маркиза, должны бы подписать члены общества, не какъ землевладѣльцы, а какъ шляхта, и снести къ намѣстнику лично цѣлою массою, а не чрезъ делегатовъ [2]). Маркизъ и не обращался къ Андрею Замойскому, что̀ было, при отрицательномъ отношеніи сего послѣдняго къ какому бы то ни было адресу, совершенно безполезно. Но онъ видѣлся съ большею частью членовъ комитета, которые, спрашиваемые поодиночкѣ, хотя и входили въ виды маркиза и одобряли его намѣреніе, но когда пришлось дѣйствовать сообща, отказались отъ него, такъ что на сторонѣ его остался, послѣ недѣли безплодныхъ переговоровъ, одинъ-одинешенекъ шуринъ его, Ѳома Замойскій, тотъ самый радикальнѣйшій изъ членовъ Земледѣльческаго общества по крестьянскому вопросу, котораго мнѣніе рѣшило споръ о надѣленіи крестьянъ землею.

Гораздо настойчивѣе, чѣмъ Велепольскій, дѣйствовала въ томъ же направленіи, въ пользу энергическаго адреса, многочисленная

[1]) A. W., sa vie et son temps II, 115.
[2]) Польское изданіе A. W. 1,144.

группа людей, составлявшая цвѣтъ интеллигенціи города Варшавы, людей, имѣющихъ свой сборный пунктъ въ купеческомъ клубѣ или «рессурсѣ», близъ Рымарской улицы. Здѣсь преобладало бюргерство, мѣщанскій элементъ, люди средней руки, представители ума и капитала, низшіе чиновники, писатели, купцы, артисты, безъ различія происхожденія, потомки нѣмцевъ или евреевъ или ополячивающіеся евреи, которыми такъ богата Варшава, и которыхъ уравненіе съ христіанами защищалъ въ то время І. И. Крашевскій, принявшій редакторство въ органѣ «Gazeta Codzienna», превратившейся послѣ февральскихъ дней 1861 въ «Gazeta polska», принадлежавшей одному изъ финансовыхъ тузовъ Варшавы, Леопольду Кроненбергу. Эти элементы сплавляло въ одну массу горячее, сильное польское чувство патріотизма. Очутившись между двухъ огней, между адресомъ Велепольскаго и требованіями варшавскаго бюргерства, А. Замойскій, чтобы не отступать отъ своего правила: «мы не желаемъ просить, но не въ правѣ требовать», придумалъ слѣдующую комбинацію. Общество земледѣльческое должно избрать изъ своей среды восемь человѣкъ, пользующихся довѣріемъ, отъ восьми бывшихъ въ царствѣ польскомъ воеводствъ (mężowie zaufania), которые, соединившись съ именитыми людьми отъ интеллигенціи варшавской, составятъ въ послѣднихъ числахъ февраля или первыхъ числахъ марта всеподданнѣйшій адресъ о положеніи края. Эта медлительность сильно не понравилась, въ особенности послѣ того, какъ 25 февраля столкновенія народа съ войскомъ на улицахъ стали доходить до употребленія прикладовъ и нагаекъ. Тогда, 26 февраля состоялось между выдающимися лицами изъ умѣренныхъ варшавскихъ гражданъ рѣшеніе выбрать немедленно нѣсколько человѣкъ, которымъ бы и поручить составленіе самостоятельнаго адреса отъ города Варшавы, не обращая уже никакого вниманія на Земледѣльческое общество, которое пусть за оплошность и медлительность свою само и отвѣчаетъ. Сборище изъ нѣсколькихъ десятковъ людей состоялось 14 (26) февраля послѣ обѣда, въ угловой кофейнѣ Европейской гостинницы (кофейня Конти), въ комнатѣ за биліардною. Выкликали имена самыхъ популярныхъ людей въ Варшавѣ: докторъ Халубинскій, купецъ Шленкеръ, издатель ежедневной газеты Крашевскій, рядомъ съ нимъ Кёнигъ, отличившійся полемикою противъ евреевъ, генералъ Левинскій, священники Вышинскій и Стецкій, раввинъ Майзельсъ, сапожникъ Гишпанскій. Леопольдъ Кроненбергъ, къ которому обратились руководители собранія съ просьбою дать возможность делегатамъ собраться въ «рессурсѣ» для написанія адреса, охотно

согласился и принялъ участіе въ дѣлѣ. Составленіе адреса должно было послѣдовать 27 февраля, но въ этотъ день событія, происходившія на улицѣ, разстроили всѣ предположенія и измѣнили планы и задачи дѣйствующихъ лицъ.

Наименьшую пертурбацію внесла катастрофа 27 февраля въ занятія и отправленія Земледѣльческаго общества. Оно слушало, торопясь, послѣдніе доклады, которые должны были сойти въ послѣднемъ засѣданіи общества, такъ какъ въ тотъ же день предполагалось закрытіе собранія. Когда донеслась до засѣдающихъ пальба и сдѣлалось извѣстнымъ, что войско стрѣляетъ въ народъ, то Замойскій хотѣлъ продолжать занятія, но волненіе сдѣлалось всеобщимъ и множество голосовъ потребовало энергически и громко, чтобы общество въ полномъ составѣ отправилось въ зàмокъ къ намѣстнику требовать прекращенія кровопролитія. А. Замойскій подчинился требованію, но проходя съ цѣлымъ собраніемъ черезъ дворъ, одумался и у львовъ, то-есть, уже на Краковскомъ предмѣстьѣ, обратилъ вниманіе товарищей, что цѣлесообразнѣе будетъ разойтись, предоставивъ за общество дѣйствовать его комитету. На томъ и покончили члены общества и разошлись по домамъ. Поздно вечеромъ, часу въ десятомъ, Замойскій поѣхалъ въ зàмокъ, бесѣдовалъ съ намѣстникомъ со своею почти британскою флегмою, но ни о чемъ опредѣленномъ не ходатайствовалъ и ничего не получилъ. Вслѣдъ затѣмъ побывали у намѣстника люди несравненно болѣе раздраженные и страстные: то были делегаты отъ города, которые предназначались для сочиненія адреса въ «рессурсѣ», но такъ какъ не до адреса было, то вмѣсто того, чтобы возиться съ перомъ и чернилами, они рѣшились дѣйствовать отъ имени города и отправились въ зàмокъ.

Делегаты добились пріема поздно вечеромъ; объясненія ихъ продолжались полтора часа за полночь и имѣли въ варшавскихъ событіяхъ значеніе рѣшающаго момента. Князь Горчаковъ принялъ ихъ въ малой пріемной, предъ кабинетомъ, имѣя при себѣ генерала Коцебу и Муханова. Намѣстникъ былъ, видимо, сбитъ съ толку, не рѣшался ни на что, колебался, отъ Замойскаго онъ получилъ совѣтъ «оставить страну» вмѣстѣ съ войскомъ и правительствомъ. Очутившись среди повально возбужденнаго населенія, не могъ же онъ въ этомъ состояніи дѣлъ запереться въ цитадель и бомбардировать Варшаву, истребляя городъ и разя и невинныхъ, и виновныхъ. И послѣдованіе совѣту Замойскаго и послѣднее предположеніе были бы одинаково безумны. Есть, однако, люди, которые ставятъ въ вину Горчакову, что онъ не рѣшился на

послѣднее, т.-е., что онъ не залилъ Варшаву потоками крови для сохраненія обаянія власти, какъ бы сдѣлалъ, по ихъ мнѣнію, на его мѣстѣ Паскевичъ (Записки Берга, 306). Подобныя сужденія грѣшатъ тѣмъ, что писаны послѣ событій, безъ соображенія съ обстоятельствами времени. Когда появляется общее народное движеніе, запущенное властью и не предупрежденное, то на первыхъ порахъ оно имѣетъ почти несокрушимую, стихійную силу, такъ что правительству приходится выжидать, выигрывать время, пока теченіе не раздѣлится по многимъ русламъ, пока партіи, участвующія въ движеніи, не станутъ себя поѣдать взаимно, пока онѣ не ослабнутъ во взаимныхъ раздорахъ, пока, наконецъ, можно будетъ по одиночкѣ однѣ изъ нихъ уничтожить, на другія наложить узду. Движеніе являлось какъ запоздалый рефлексъ, вызванный всею системою управленія князя Варшавскаго; разъ оно прорвалось—не осилилъ бы его въ эту минуту ни князь Варшавскій, ни М. Н. Муравьевъ, ни кто бы то ни было другой. Много разъ послѣ 27 февраля пришлось и употреблять силу, дѣйствуя оружіемъ, и перемѣнять правителей, но прочной пользы отъ того не получалось никакой, и нужны были два года выжиданія, пока въ гнойной ранѣ не завелись черви въ родѣ политическихъ убійствъ, кинжальщиковъ, вѣшателей, пока революція не сдѣлалась жертвою безумнѣйшихъ страстей, пока она не была вся покрыта кровью и грязью, пока, наконецъ, не былъ ощупанъ въ аграрномъ вопросѣ пунктъ опоры. Не только варшавскіе правители, но и петербургскіе государственные люди не рѣшались въ эти два года совѣтовать дѣйствовать грубою силою, не потому только, что имъ представлялся теперь наглядно во всей своей сложности забытый и запущенный вопросъ, который они прежде того готовы были считать вымысломъ досужихъ писателей, и не потому, чтобы можно было сомнѣваться въ полномъ и моментальномъ успѣхѣ всякаго укрощенія силою, но по полной неизвѣстности, что̀ будетъ дальше послѣ того, какъ само укрощеніе безоружныхъ скопищъ, защищающихся только каменьями съ мостовой, подольетъ еще болѣе масла къ пылающему уже повсюду огню. Всякій намѣстникъ былъ бы въ затрудненіи; всякій, вѣроятно, пошелъ бы на уступки и искалъ бы успокоить населеніе, но не всякій обнаружилъ бы передъ посторонпимъ вполнѣ наглядно тайну своего смущенія и колебаній. Онъ то отказывалъ, то спорилъ, то вслѣдъ затѣмъ уступалъ и дѣйствовалъ, вообще, какъ человѣкъ, не знающій чего держаться. Делегаты города, люди покладистые и смирные, были сильно возбуждены событіями дня и настроены на тонъ откровенной рѣз-

кости, какъ будто бы предъ ними носился образъ ихъ предшественника, сапожника Яна Килинскаго, въ его переговорахъ съ Игельштромомъ. Они горько жаловались и многаго требовали (Шленкеръ, докторъ Халубинскій). Этотъ тонъ озадачилъ намѣстника, который и поступался имъ своими распоряженіями и выдавалъ имъ головою людей—агентовъ власти, и переговаривался съ ними не какъ со случайными выразителями чувствъ и желаній населенія, не имѣющими полномочій, но какъ съ настоящимъ, хотя и импровизованнымъ муниципалитетомъ. Курьёзную эту минуту записалъ одинъ изъ делегатовъ, фотографъ Карлъ Бейеръ слѣдующимъ образомъ (A. W., польское изданіе 1,145): «Всѣ вмѣстѣ и въ одиночку мы спорили какъ могли, ничего не смягчая. Никто изъ насъ мѣщанъ не говорилъ порядочно по-французски. Первый Шленкеръ началъ, какъ умѣлъ, но съ громадною энергіею; потомъ за нимъ мы всѣ гурьбою, какъ кто зналъ, по-польски, по-французски, по-нѣмецки.... Оказалось, что правительство вовсе не стоитъ за лица служащія, что оно жертвуетъ ими безъ милосердія, безъ сожалѣнія, даже безъ соображенія приличій». Намѣстникъ тутъ же согласился на увольненіе арестованныхъ въ день 27-го февраля лицъ, на торжественные похороны пяти убитыхъ при отсутствіи во время этихъ похоронъ войска и полиціи и съ возложеніемъ отвѣтственности за порядокъ при похоронахъ на признаваемую, такимъ образомъ, за нормальное учрежденіе делегацію, на уголовное слѣдствіе о приказавшемъ стрѣлять генералѣ Заболоцкомъ и на смѣщеніе оберъ-полиціймейстера, полковника Θ. Θ. Трепова. Только на слѣдующій день рѣшилось, кто будетъ его преемникомъ; и въ этомъ пунктѣ намѣстникъ уступилъ и назначилъ, по желанію делегаціи, стараго генералъ-маіора, добряка Паулуччи. Изъ пріемной намѣстника самозванные представители города вышли организованнымъ собирательнымъ лицомъ, снабженнымъ громадною властью, съ неопредѣленнымъ кругомъ вѣдомства,—учрежденіемъ, къ которому могли съ увѣренностью примкнуть консервативные классы населенія, заинтересованные въ томъ, чтобы не расклеились и не обратились въ ничто всѣ нити законнаго гражданскаго порядка. Намѣстника можно винить въ томъ, что онъ явилъ себя открыто слабымъ передъ населеніемъ, возбужденнымъ противъ русскихъ, что онъ не отстоялъ и выдалъ подчиненныхъ, но образованіе делегаціи и обращеніе ея въ учрежденіе была съ его стороны счастливая и умная мысль, которая потомъ и принесла плоды, такъ какъ матеріаломъ для делегаціи послужило здоровое ядро варшавскаго мѣщанства, такъ какъ составившіе ее люди были въ самомъ

дѣлѣ популярны и такъ какъ они запрягли себя усердно въ нелегкую работу установленія кое-какого порядка.

Въ числѣ предметовъ, о которыхъ шли въ замкѣ переговоры съ делегатами, было и отправленіе депутаціи съ адресомъ въ Петербургъ. Депутаціи не отправили. Намѣстникъ настоялъ на томъ, чтобы адресъ былъ отосланъ по почтѣ. Само составленіе его выпало на долю не делегаціи, а Земледѣльческаго общества, которое какъ ни артачилось подъ сдерживающимъ его вліяніемъ А. Замойскаго, но поняло, наконецъ, что отказываться дѣйствовать въ подобную минуту, значитъ отречься окончательно отъ сладкой роли «моральнаго представительства страны», на которое всегда въ Польшѣ претендовалъ помѣщичій элементъ. Адресъ надо было продискутировать окончательно, о немъ согласиться и составить его въ ту же ночь, начало коей ознаменовано было образованіемъ делегаціи. Адресъ этотъ еще не существовалъ до того времени, даже и въ проектѣ, а такъ какъ имѣлась въ этомъ родѣ уже готовая работа А. Велепольскаго, которую читали многіе члены комитета, то хотя она и была забракована, но являлись опять для нея шансы успѣха, и воскресала надежда, къ которой и прилѣпился энергически ея авторъ, надежда на то, что его проектъ, можетъ быть, и пройдетъ вслѣдствіе измѣнившихся обстоятельствъ. Проектъ маркиза былъ пространный, весьма подробный, осмысленный до мелочей, и содержалъ цѣлую программу. Съ одной стороны, онъ примыкалъ къ не поданному адресу 25-го мая 1856 г. и повторялъ дословно выраженіе сего послѣдняго о забвеніи прошлаго, объ открывающейся, при новомъ царствованіи, «новой эпохѣ милости, довѣрія и примиренія», о пламенномъ желаніи населенія откликнуться на зовъ монарха, когда оно будетъ призвано открыть свое мнѣніе «о нуждахъ и потребностяхъ края, неразрывно связанныхъ съ интересами службы королевской». Къ выраженной уже въ адресѣ 1856 г. благодарности за замѣщеніе епископскихъ вакансій, присоединялись новыя за медицинскую академію и за Земледѣльческое общество. Ново было въ проектѣ обращеніе къ монарху, съ особеннымъ натискомъ указывающее на слова, произнесенныя Государемъ 27-го мая 1856 г. въ Лазенковскомъ дворцѣ: en conservant ses droits et ses institutions telles qu'elles lui ont eté données par mon Père,—сопровождаемое жалобою на то, что власти царства польскаго не дали никакого осуществленія этимъ торжественнымъ словамъ монарха, вслѣдствіе чего грозитъ продлиться въ безконечность переходное состояніе, въ которомъ цѣлыя тридцать лѣтъ обрѣтается страна, по отношенію къ своему

публичному праву. Адресъ указывалъ, что нѣтъ нынѣ ни единаго органа, посредствомъ коего подданные могли бы пользоваться своимъ неотъемлемымъ правомъ, безъ котораго монархическое устройство немыслимо,—ходатайствовать передъ монархомъ о своихъ правахъ и потребностяхъ. Предводители дворянства, недавно установленные, не могутъ считаться такимъ органомъ, такъ какъ они не выборные и представляютъ интересы одного только класса населенія. Въ виду сего отсутствія оффиціальнаго органа, адресъ просилъ объ извиненіи за подачу коллективнаго прошенія въ закономъ неустановленной формѣ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, оправдывалъ необычайность поступка тѣмъ, что и слова Государя 27-го мая произнесены были къ вѣрноподданнымъ царства польскаго in corpore и обращены были къ нимъ непосредственно.

Такъ какъ центральный пунктъ адреса составляли слова Государя «о правахъ и учрежденіяхъ, пожалованныхъ Родителемъ», то самымъ существеннымъ предметомъ являлось даваемое въ проектѣ этимъ словамъ толкованіе. Чтó разумѣть подъ этими словами? Императоръ Николай издалъ 14-го (26-го февраля) 1832 года органическій статутъ, долженствующій, по его идеѣ, замѣнить конституціонную хартію 1815 г., о которой послѣ повстанія 1830 г. не было и помину, но эта хартія предана забвенію только tacito consensu, безъ прямой ея отмѣны, а и статутъ самъ остался только на бумагѣ, безъ всякаго опыта осуществленія. Когда заходила рѣчь объ учрежденіяхъ, пожалованныхъ императоромъ Николаемъ, то прежде всего представлялся уму вопросъ объ органическомъ статутѣ 1832 г., и являлись предположенія о томъ, чтобы съ него начинать реформы въ царствѣ польскомъ. Проектъ Велепольскаго былъ и въ этомъ отношеніи своеобразенъ и смѣлъ. Рядами примѣровъ авторъ его пояснялъ, что всѣ почти постановленія статута были отмѣнены, другія же намѣренно не исполнялись, вслѣдствіе чего этотъ статутъ не могъ не потерять даже въ глазахъ создавшаго его монарха свою обязательную силу. Если устранить пустой призракъ этого какъ-бы закона, то единственнымъ законодательнымъ основаніемъ, способнымъ связать народъ съ монархомъ, являлась конституціонная хартія, всемилостивѣйше пожалованная Александромъ I, не отмѣненная формально, какъ не отмѣненъ былъ законъ объ учрежденіи Императорскаго Александровскаго Варшавскаго Университета. Основанныя на этой хартіи отношенія были, правда, омрачены печальными событіями 1830 г., но «съ тѣхъ поръ прошло 30 лѣтъ спокойной и терпѣливой покорности,

между-тѣмъ, какъ повсюду кругомъ господствовали глубокія потрясенія. Въ теченіи этихъ 30-ти лѣтъ, новое поколѣніе выросло съ Вами, Государь, и возлѣ Васъ, поколѣніе, не отвѣчающее за дѣйствія отцовъ и созрѣвшее среди жестокихъ испытаній». Прося о прекращеніи переходнаго состоянія и указывая на хартію 1815 года, не какъ на нѣчто готовое и подлежащее немедленно осуществленію, но какъ на приблизительный образецъ и источникъ гарантій искомаго будущаго устройства, проектъ перечислилъ затѣмъ и тѣ частныя реформы, которыхъ потребность всего сильнѣе ощущается, и которыя должны быть пущены въ ходъ; таково прежде всего ускореніе очиншеванія крестьянъ. (Въ этомъ пунктѣ предложеніе Велепольскаго являлось уже отсталымъ по отношенію къ постановленіямъ Земледѣльческаго общества, но его можно было и выкинуть изъ адреса, въ виду того, что аграрный вопросъ былъ уже въ ходу). Затѣмъ шли просьбы объ отмѣнѣ административныхъ распоряженій, изданныхъ вопреки постановленіямъ кодекса Наполеона—составляющаго нить, связующую національные польскіе интересы съ интересами европейской цивилизаціи; о возстановленіи въ Варшавѣ университета, вслѣдствіе отсутствія коего убываютъ люди солидно образованные, а государственныя должности занимаются незнающими ни законовъ, ни обычаевъ, ни нуждъ и воспоминаній края; объ усиленіи въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ преподаванія польскаго языка и классицизма; объ отмѣнѣ предварительной цензуры, способствующей тому, что молодежь подвержена тайному вліянію анархическихъ и революціонныхъ теорій; объ уравненіи евреевъ въ правахъ съ христіанами; наконецъ, объ участіи народнаго представительства въ установленіи податей и повинностей, а равно порядка, наилучшаго распредѣленія этихъ податей. Адресъ заключалъ въ просительномъ пунктѣ просьбу о томъ, чтобы на однихъ вѣсахъ были взвѣшены и интересы имперіи, съ которою царство польское неразрывно связано своимъ устройствомъ, и права и нужды польскаго народа.

Проектъ Велепольскаго не могъ не вооружить противъ себя двоякаго рода людей: во-первыхъ, робкихъ постепеновцевъ, которые скептически относились ко всякимъ болѣе крупнымъ требованіямъ, потому что по ихъ понятіямъ никогда въ Петербургѣ на нихъ не согласятся; во-вторыхъ, въ тѣхъ непримиримыхъ, которые считали всякую формулировку требованій измѣною польскому дѣлу, потому что заявлять желанія можно только прося, а просить, значитъ входить въ договорныя отношенія съ непрія-

телемъ и налагать извѣстныя узы на свою собственную совѣсть. Маркизъ желалъ, конечно, отстаивать свой проектъ адреса лично, но, при страшной его непопулярности, нельзя было и думать о томъ, чтобы ввести его въ какое-либо собраніе—оно бы, не сдѣлавъ ничего, разошлось. Защитникомъ адреса Велепольскаго явился Ѳома Потоцкій, который послалъ за адресомъ къ маркизу, между тѣмъ, какъ у него собрались упомянутые выше «мужи довѣрія», по одному отъ воеводствъ, въ ожиданіи того, что ихъ позовутъ въ комитетъ Земледѣльческаго общества, собиравшійся у А. Замойскаго.—На подробности, которыя я намѣренъ передать, у меня нѣтъ документовъ, но я ихъ слышалъ въ іюнѣ 1861 г. по свѣжей памяти, отъ одного изъ самыхъ крупныхъ дѣятелей между варшавскими горожанами умѣренной партіи, Э. Юргенса, отъ котораго я заимствовалъ и объясненіе того, какъ образовалась делегація. Посланному за адресомъ сыну Потоцкаго, маркизъ отвѣчалъ отказомъ, присовокупивъ: «я и адресъ мой нераздѣлимы». Чрезъ четверть часа маркизъ позвонилъ однако къ Ѳомѣ Замойскому и былъ введенъ, но не въ тотъ кабинетъ, гдѣ происходило совѣщаніе съ выборными изъ воеводствъ. Ѳома Потоцкій могъ обмѣняться съ маркизомъ лишь нѣсколькими словами, потому что вскорѣ потомъ послѣдовало сообщеніе отъ комитета, приглашающее членовъ некомитетскихъ, собиравшихся у Потоцкаго, въ засѣданіе. Велепольскій остался у Потоцкаго ждать результатовъ совѣщанія и просидѣлъ въ этомъ безсонномъ и безпокойномъ ожиданіи до 4-хъ часовъ утра. Результатъ, какъ можно было предвидѣть, былъ отрицательный. «Я дѣлалъ, что могъ, защищалъ твой проектъ,—сказалъ Потоцкій, —но онъ отвергнутъ значительнымъ большинствомъ». Велепольскій не обнаружилъ никакихъ признаковъ досады и ушелъ съ видомъ равнодушія. Его адресъ, который знали уже нѣкоторые члены комитета, не былъ у Замойскаго даже и прочитанъ. Побѣду одержалъ другой проектъ, составленный однимъ изъ столповъ Земледѣльческаго общества, хорошимъ экономистомъ и публицистомъ, Эдмундомъ Ставискимъ. Проектъ Ставискаго избѣгалъ какихъ бы то ни было опредѣленныхъ требованій и былъ похожъ на одинъ незвукораздѣльный, безконечно протяжный стонъ страдающей національности - мученицы, которая протестуетъ противъ своей судьбы, но не выражаетъ, чтó ей надо. Послѣ указанія на то, что не существуютъ законные пути для принесенія монарху жалобъ, вслѣдствіе чего польскій народъ поставленъ въ такое положеніе, что онъ заявлять можетъ о себѣ только стономъ жертвъ, адресъ пояснялъ слѣдующее: «Въ душѣ

каждаго жителя этой страны хранится сильное чувство особенной и отличной отъ другихъ европейскихъ національности. Это чувство не могло быть ни сокрушено, ни даже ослаблено ни временемъ, ни событіями. Все, чтó его оскорбляетъ или умаляетъ, глубоко потрясаетъ и волнуетъ умы. Видитъ край съ грустью, что, вслѣдствіе неудовлетворенія этой потребности, возникло отсутствіе довѣрія, необходимаго въ сношеніяхъ правителей съ управляемыми. Довѣріе не возродится, пока не прекратится употребленіе насильственныхъ, но безполезныхъ мѣръ укрощенія. Эта страна, стоявшая нѣкогда на одномъ уровнѣ образованія съ другими странами Европы, не въ состояніи развиваться ни морально, ни матеріально, доколѣ начала, вытекающія изъ духа народа, изъ его преданій и исторіи, не будутъ осуществлены въ церкви, законодательствѣ, публичномъ воспитаніи и всей общественной организаціи. Желанія края тѣмъ горячѣе, что въ европейской семьѣ народовъ онъ нынѣ только одинъ лишенъ необдимыхъ условій существованія, безъ которыхъ никакое общество не можетъ прійти къ познанію цѣлей, ради которыхъ оно вызвано къ жизни Провидѣніемъ». (A. W., польское изданіе II, 38). Велепольскій отказался положить свою подпись на актѣ, котораго онъ не одобрялъ, и уѣхалъ въ Хробержъ, сказавъ: «адресъ большинства для меня слишкомъ узокъ, я въ немъ помѣститься не могу» (I, 148). Выраженіе было едва-ли точное: тѣснымъ можетъ быть то, чтó ограничено, адресъ не былъ вовсе ограниченъ такъ, чтобы въ немъ не могла умѣститься даже грузная фигура маркиза; онъ просто былъ туманное пятно, онъ ровно ничего не опредѣлялъ, онъ былъ сплошная фраза, воздушный шаръ, наполненный мистическимъ смысломъ, при отсутствіи всякой ясной, политической идеи. Кто въ состояніи былъ бы формулировать, еслибъ его спросили тогда ли, теперь ли: чтò такое начала, вытекающія изъ духа народа? цѣли, предопредѣленныя Провидѣніемъ? Не разрѣшили бы этихъ вопросовъ для поляковъ сами жрецы ихъ народной идеи, какъ не разрѣшили бы его для русскаго народа гг. Иванъ Аксаковъ и Достоевскій, если бы были вызваны въ качествѣ экспертовъ. Въ первомъ соприкосновеніи съ живою дѣйствительностью польскаго общества брала, такимъ образомъ, верхъ страна ультра-націоналистовъ и мечтателей, людей той масти, которой въ русскомъ обществѣ соотвѣтствуютъ славянофилы. Народное дѣло не поднималось въ ихъ рукахъ вверхъ но грозило соскользнуть внизъ по наклонной плоскости въ туманъ, въ неизвѣстное. Съ принятіемъ этого адреса, проиграна была польскою революціею первая ставка:

люди, признанные умственными вожаками народа, ступили на фальшивый путь; вмѣстѣ съ тѣмъ, изъ-подъ ногъ маркиза вывалился и скатился въ бездну одинъ изъ камней, на которые онъ разсчитывалъ стать. Завоевать вліятельное положеніе черезъ земляковъ ему не удалось; это его ни мало не обезкуражило, но для полученія власти единственный возможный путь пролегалъ теперь чрезъ зáмокъ и кабинетъ намѣстника. Маркизъ проникъ въ зáмокъ невидимкой, утвердился въ кабинетѣ, получилъ власть и сдѣлался министромъ, прежде чѣмъ варшавскимъ общественнымъ дѣятелямъ могла придти въ голову мысль о возможности такой комбинаціи, которая ихъ огорошила, какъ настоящій *coup de théâtre*.

XII.

Мартъ 1861.—Похороны убитыхъ.—Паденіе Муханова.

Катастрофа 27 февраля оставила городу Варшавѣ въ наслѣдіе двѣ важныя статьи: всеподданнѣйшій адресъ и похороны пяти случайныхъ жертвъ уличнаго конфликта. Адресъ былъ подписываемъ послѣ перевода его на французскій языкъ; на первомъ листѣ подписалось до 180 человѣкъ, затѣмъ, послѣ отправки его, продолжали собираться на отдѣльныхъ листахъ подписи, которыхъ число въ два дня дошло до 18,000. (Записки Берга, стр. 218). На первомъ листѣ сливались состоянія: шляхетское землевладѣніе съ купечествомъ и мѣщанствомъ, христіане съ евреями, и подъ подписью А. Замойскаго, данною почти по принужденію, чтобы только не отставать отъ всѣхъ своихъ товарищей, расписались римско-католическій епископъ Фіалковскій и тутъ же раввинъ Майзельсъ. Результаты движенія обнаруживались прежде всего въ томъ, что вѣковыя преграды исчезали вдругъ между людьми разной масти, и всѣ элементы общества сплавлялись въ одно національное цѣлое; всѣ элементы, замѣтимъ, но съ оговоркою: кромѣ того, который сказался въ концѣ-концовъ рѣшающимъ, то-есть, кромѣ крестьянъ. Похороны происходили съ необычайною торжественностью 2 марта изъ церкви св. Креста чрезъ Саксонскую площадь на кладбище Повонзки, при обстановкѣ, какую умѣетъ давать Варшава подобнымъ церемоніямъ, то-есть, при полномъ порядкѣ, среди половины, можетъ быть, населенія Варшавы, расположившагося на пути кортежа. Наканунѣ того дня, по улицамъ приклеенные плакаты делегаціи призывали жителей къ со-

храненію порядка, подъ страхомъ прослыть врагами отечества. На улицахъ, на пути кортежа, не было ни войска, ни полиціи, кромѣ одного только генерала Паулуччи, въ парадной формѣ, верхомъ. Распорядителями являлись члены делегаціи съ особыми траурными повязками на рукавахъ (въ полосы черныя съ бѣлымъ) и назначенные ими констебли изъ обывателей. Самыми исправными изъ этихъ констеблей оказывались гимназисты. Толпы народа повиновались распоряженію какого-нибудь ученика въ мундирѣ. Послѣ удачи своей на похоронахъ, делегація не разошлась, но получила отъ намѣстника слѣдующую организацію. Предсѣдателемъ въ ней назначенъ начальникъ, завѣдывающій полиціей Варшавы, генералъ Паулуччи, вице-предсѣдателемъ отставной генералъ бывшихъ польскихъ войскъ Левинскій, число членовъ съ 14, имѣвшихся первоначально, возрасло до 24; они засѣдали ежедневно, отбывая по два засѣданія въ день въ ратушѣ, и могли бы располагать громадною силою, потому что двѣ задачи, которыя возложены были на делегацію, временно, впредь до полученія отвѣта изъ Петербурга на адресъ, а именно: сохраненіе порядка на улицѣ и успокоеніе умовъ въ городѣ,—имѣли первостепенную важность, по обстоятельствамъ времени, и что едва ли бы делегаціи могло быть отказано въ томъ, чего бы она настойчиво потребовала, грозя разойтись... Доказательствомъ того, какой вѣсъ имѣли ея требованія, служитъ удостовѣренное литографированными протоколами ея засѣданій сообщеніе ей намѣстникомъ списковъ всѣхъ лицъ, заключенныхъ въ цитадели по политическимъ обвиненіямъ, и уваженныя намѣстникомъ ея ходатайства о многихъ изъ этихъ арестантовъ. Само происхожденіе делегаціи исключало возможность думать, чтобы она могла стать серьёзно на сторонѣ правительства, въ случаѣ укрощенія силою безпорядковъ. Члены этой коммюны — добродушнѣйшіе консерваторы служили только каналомъ, доводящимъ до зáмка слухи и желанія населенія, могли, притомъ, личнымъ своимъ вліяніемъ располагать своихъ знакомыхъ и товарищей къ терпѣнію, чтò и дѣлалось ими, по возможности, главнымъ образомъ, по выходѣ изъ ратуши, послѣ засѣданій, въ купеческой «ресурсѣ». Возобновляющіеся безпорядки обнаружили слабость делегаціи, неспособной ихъ обуздать. Делегація чувствовала, какъ подъ нею шатается почва, и желала бы къ чему-нибудь прислониться. Въ такомъ же точно положеніи очутилось и другое юридическое лицо, точно также на воздухѣ висящее, а именно комитетъ Земледѣльческаго общества; оно ощущало вокругъ себя образовавшуюся совершенную пустоту, прекращеніе своего вліянія на умы и дѣла. Образовалось взаимное

притяженіе между двумя безпочвенными установленіями: люди изъ Земледѣльческаго комитета вошли въ делегацію, люди отъ делегаціи стали принимать участіе въ совѣщаніяхъ Земледѣльческаго комитета; сложились будто бы двѣ палаты: коммонеровъ и пэровъ, а надъ ними носился, являя слабое подобіе конституціоннаго президента, популярный человѣкъ, графъ Андрей Замойскій съ сопровождающимъ его штабомъ комитетскихъ тузовъ (Курцы, Венгленскій, Ставискій, Гольцъ и др.). Его домъ и гостиную навѣщали часто высокопоставленные сановники судебнаго и административнаго міра въ царствѣ польскомъ, которые, какъ служащіе, имѣли обязанности по отношенію къ правительству, но, какъ лица польскаго происхожденія, не хотѣли становиться поперегъ движенія, понимали его неизбѣжность и готовы были, по первому слову графа и по внушенію его партіи, подать въ отставку (Ленскій, Воловскій, Энохъ, Карницкій). Графъ Андрей смотрѣлъ на дѣло пессимистически, не ожидалъ изъ Петербурга никакихъ уступокъ, ничего, кромѣ строгостей. Въ предвидѣніи такого именно исхода, онъ и его приближенные обдумывали, чтò дѣлать, когда придетъ отказъ, и останавливались преимущественно на предположеніяхъ о способахъ легальной пассивной оппозиціи, къ каковымъ прибѣгали англичане въ XVII столѣтіи или итальянцы въ Ломбардо-Венеціи въ нынѣшнемъ, о неплатежѣ податей по всеобщему соглашенію, о выходѣ разомъ въ отставку всѣхъ служащихъ польскаго происхожденія. Весь интересъ историческаго момента заключался теперь только въ томъ, чтò думаетъ дѣлать съ царствомъ польскимъ намѣстникъ, и какъ отнесется къ этимъ предложеніямъ намѣстника петербургское правительство. Глубокая тайна окружала эту переписку, о содержаніи ея знали точно не всѣ даже изъ самыхъ приближенныхъ къ намѣстнику лицъ; неизвѣстность продолжалась до конца марта, когда облако разсѣялось, и изъ него вышелъ во всеоружіи Велепольскій. Прежде чѣмъ это событіе наступило, Варшава торжествовала еще одну побѣду надъ ненавистною системою управленія — паденіе Муханова, значительно упростившее положеніе власти и сдѣлавшее возможнымъ переходъ ея на путь преобразованій. — До 27 февраля Мухановъ держалъ, можно сказать, въ своихъ не тонкихъ и не ловкихъ, но крѣпкихъ рукахъ все управленіе царствомъ; послѣ 27 онъ не хотѣлъ понять, что обстоятельства существенно измѣнились, и продолжалъ считать себя необходимымъ въ управленіи для постановки вновь сошедшаго съ рельсовъ бюрократической рутины поѣзда на эти же самые рельсы, между тѣмъ, какъ въ сущности онъ сдѣлался неудобнымъ чело-

вѣкомъ на своемъ посту и являлся сильнѣйшею помѣхою умиротворенію края и успокоенію умовъ. Ненависть и озлобленіе противъ системы переносились съ нея на человѣка, противъ котораго говорило все его прошедшее: весьма естественно выводимо было всѣми заключеніе, что никакого существеннаго облегченія въ положеніи края быть не можетъ, пока Мухановъ будетъ оставаться главнымъ лицомъ въ управленіи царствомъ, завѣдывающимъ хотя бы одною только изъ главныхъ вѣтвей управленія по гражданской части (внутреннія дѣла, или духовныя, или народное просвѣщеніе). Непопулярнаго человѣка никто не поддерживалъ, отъ него сторонились. Высшіе сановники царства, поляки никогда не долюбливали Муханова за его спѣсивое, національное высокомѣріе; они стояли тоже за автономію царства польскаго, но не въ смыслѣ усиленія деспотической власти намѣстника, а въ смыслѣ введенія совѣщательныхъ элементовъ изъ народонаселенія края въ управленіе. Самымъ способнымъ изъ этихъ дѣятелей былъ тонкій, гибкій и вкрадчивый человѣкъ, Юлій Энохъ, оберъ-прокуроръ варшавскихъ департаментовъ прав. сената, часто бывавшій у намѣстника и снискавшій расположеніе князя Горчакова своимъ отличнымъ знаніемъ французскаго языка и неистощимою веселостью и даже шутовствомъ. Военные люди, между которыми на первомъ планѣ стоялъ генералъ (впослѣдствіи графъ и генералъ-губернаторъ) П. Е. Коцебу не имѣли точно также никакого основанія держать руку Муханова, въ виду того, что наступитъ либо нѣчто въ родѣ военной диктатуры, и тогда гражданское управленіе должно стушеваться совсѣмъ передъ военною властью, либо будутъ уступки, но для успѣшности этихъ уступокъ необходимо прежде всего, чтобы Мухановъ удалился со сцены дѣйствій.

При такихъ условіяхъ, малѣйшій случай былъ достаточенъ для того, чтобы подкопанный со всѣхъ сторонъ колоссъ свалился. Случай этотъ представился въ видѣ злополучнаго секретнаго циркуляра Муханова, какъ директора коммиссіи внутреннихъ дѣлъ, къ гражданскимъ губернаторамъ царства отъ 6 (18) марта, № 70. Послѣ польскаго движенія въ Познаніи и Галиціи 1846 г., вошло въ обычай отъ времени до времени разсылать предержащимъ полицейскимъ властямъ, начиная съ губернаторовъ и кончая бургомистрами и войтами гминъ, предписанія, чтобы они слѣдили за безпаспортными, за проѣзжими, въ особенности за иностранцами. По одному изъ пунктовъ циркуляра, начальники обязывались «внушать крестьянамъ, что пекущееся о благѣ ихъ правительство ожидаетъ отъ нихъ не только, что они не послушаютъ подстрекательствъ къ безпорядкамъ, но для сохраненія

общаго порядка будутъ задерживать и доставлять къ ближайшимъ властямъ всякаго подговаривающаго къ возмущенію, который бы между ними явился» (A. W., польское изданіе II, 63). По словамъ г. Лисицкаго (тамъ же, I, 188), циркуляръ этотъ не былъ ни новъ, ни оригиналенъ. Онъ былъ теперь извлеченъ въ пятый разъ изъ архивной пыли и переданъ за подписью намѣстника для опубликованія коммиссіи внутреннихъ дѣлъ, но безъ вѣдома, однако, совѣта управленія. Мухановъ поднесъ его намѣстнику для подписанія, намѣстникъ же подписалъ его, можетъ быть, не читая и во всякомъ случаѣ не приписывая ему особой важности, какъ простому подтвержденію прежнихъ распоряженій. Такъ какъ всѣ этого содержанія циркуляры были секретны, то они не оглашались, но послѣдній изъ нихъ, пущенный въ ходъ въ 1861 г., представился какъ нѣчто новое, какъ осуществленіе адскаго замысла поднять крестьянъ на помѣщиковъ, какъ подражаніе австрійской политикѣ въ Галиціи съ цѣлью произвести междоусобную рѣзню. Въ литографированныхъ протоколахъ делегаціи записано, что 8 (20) декабря купеческая «рессурса», въ присутствіи командированнаго для переговоровъ съ купцами и фабрикантами Шленкера, оглашалась непрекращающимися криками: «долой Муханова». Того же дня, въ видѣ отвѣта на циркуляръ Муханова, комитетъ Земледѣльческаго общества, входя въ роль власти и законодательнаго собранія, довелъ во всеобщее свѣдѣнія тоже циркуляромъ о состоявшемся «постановленіи» общества надѣлять крестьянъ землею на условіяхъ выкупа. Этотъ необдуманный циркуляръ, имѣвшій въ виду только то, чтобы присвоить всецѣло одному Земледѣльческому обществу, а не правительству, носящееся еще въ туманѣ будущаго, предполагаемое прекращеніе барщины, могъ сдѣлаться опаснымъ брандеромъ, и если не причиною крестьянскаго движенія, то сигналомъ къ немедленному прекращенію крестьянами отбыванія барщины на одну ту вѣсть, что ихъ постановлено надѣлить землею въ собственность. Въ совѣтѣ управленія заявлены были протесты противъ циркуляра и требованія о томъ, чтобы онъ былъ оффиціально отмѣненъ. При такихъ условіяхъ, намѣстникъ рѣшилъ не безъ колебаній и борьбы съ самимъ собою дать отставку Муханову, уступая настояніямъ, съ одной стороны, Коцебу, съ другой, Эноха. Въ субботу, 11 (23) марта еще эта отставка не была рѣшена, въ полдень телеграфировали въ С.-Петербургъ; около 2 часовъ получился отвѣтъ, въ 3 часа Мухановъ былъ приглашенъ къ намѣстнику и ему сообщено извѣстіе, которое поразило его какъ громомъ, потому что онъ былъ убѣжденъ, что

его въ сущности всѣ любятъ и что безъ него не обойдутся. Конечно, Мухановъ уже зналъ, что вслѣдствіе переговоровъ съ Велепольскимъ отъ него отойдутъ народное просвѣщеніе и духовныя дѣла, но коммиссію внутреннихъ дѣлъ онъ надѣялся сохранить. Съ Мухановымъ сдѣлалось дурно; онъ вернулся домой еще не думая о выѣздѣ изъ Варшавы, между тѣмъ какъ по неловкому приказу, отданному по варшавско-вѣнской желѣзной дорогѣ, велѣно приготовить для него экстренный поѣздъ въ 9 часовъ вечера, изъ Варшавы къ австрійской границѣ. При условіяхъ тогдашняго времени, такое распоряженіе было равносильно доведенію до свѣдѣнія варшавской публики объ отъѣздѣ ненавистнаго министра, а слѣдовательно, и вызову ея на самую недружелюбную демонстрацію. Мухановъ не готовился вовсе къ путешествію, когда въ 7 часовъ вечера за нимъ была прислана карета намѣстника, которая повезла его въ замокъ, гдѣ и произошло послѣднее ихъ свиданіе. Мухановъ вернулся домой сильно озлобленный, едва запасся наскоро деньгами и платьемъ и, сѣвъ съ женою въ нанятый экипажъ, отправился окольными путями, по страшной распутицѣ, не на вокзалъ желѣзной дороги въ Варшавѣ, на углу Іерусалимской и Маршалковской, но на первую станцію желѣзной дороги—Прушковъ. Распространившаяся съ необычайною быстротою вѣсть о его паденіи успѣла обогнать его. Не смотря на глубокую ночь, его уже ждалъ въ Прушковѣ шумный пріемъ съ кошачьею музыкою, что̀ повторялось на каждой почти станціи вплоть до границы. Особенно отличилась станція въ горнозаводскомъ мѣстечкѣ Домбровѣ. Здѣсь бывшій министръ долженъ былъ въ теченіи цѣлаго часа выслушивать пронзительный свистъ двухъ нарочно подвезенныхъ локомотивовъ, при устремленныхъ на него взорахъ сбѣжавшихся толпами заводскихъ рабочихъ. Такъ исчезалъ, среди злорадостныхъ ликованій и свиста, человѣкъ, хотя и тяжелый, но солидный, толковый и во многихъ личныхъ отношеніяхъ не дурной, расплачиваясь за систему управленія, которая не имъ была создана, но которой онъ былъ самымъ виднымъ и крѣпкимъ представителемъ.

XIII.

Отвѣтъ изъ Петербурга.—Концессіи.—Велепольскій министромъ.

Съ отсылки адреса жителей Варшавы въ Петербургъ, движеніе пріостановилось въ ожиданіи того, какой послѣдуетъ отвѣтъ. Такъ какъ петербургское центральное правительство не могло имѣть ясныхъ понятій о происшествіяхъ варшавскихъ, но взвѣшивало и обсуждало только представленія намѣстника, то весь главный интересъ событій по русско-польскому вопросу сосредоточивался на перепискѣ и сообщеніяхъ между Петербургомъ и Варшавою, составляющихъ закулисную сторону дѣла, извѣстную весьма немногимъ. Политика центральнаго правительства имперіи по отношенію къ польскимъ событіямъ могла быть двоякая: либо укрощеніе силою, либо серьёзныя реформы. Князь Горчаковъ заключилъ совершенно основательно и резонно, что открытою силою нельзя дѣйствовать, имѣя противъ себя все населеніе; очень понятно, что онъ совѣтовалъ реформы. Онъ отправилъ ходатайствовать о реформахъ въ С.-Петербургъ статсъ-секретаря Карницкаго, котораго брошюра [1]) представляетъ собою наглядный примѣръ того, какъ неясны и неопредѣлительны были на этотъ счетъ понятія у самого князя Горчакова. Карницкій разсказываетъ, что въ самый день похоронъ убитыхъ, т.-е. 2-го марта, князь Горчаковъ позвалъ его къ себѣ и объяснилъ, что при невозможности передать всѣ подробности о варшавскихъ происшествіяхъ на письмѣ, ему, Карницкому, предстоитъ ѣхать доложить Государю о положеніи дѣлъ и о воззрѣніяхъ намѣстника, какъ бы поправить это положеніе. Къ вечеру Карницкій долженъ былъ получить инструкцію. Вмѣсто инструкцій, намѣстникъ продиктовалъ ему по пунктамъ кое-какія замѣтки и подробности о случившемся и о его причинахъ, а также о томъ, что необходимо дать странѣ новыя учрежденія и реформы, причемъ онъ не опредѣлилъ, однако, обстоятельно, въ чемъ должны состоять эти реформы. Карницкій уѣхалъ ночью со 2-го на 3-е марта, но прибылъ въ Петербургъ только 7-го марта (еще желѣзной дороги не было на бо́льшей половинѣ протяженія пути), имѣя при себѣ, такъ сказать, бѣлый листъ бумаги, на которомъ онъ долженъ былъ начертить по своему разумѣнію и соображеніямъ, что̀ нужно цар-

---

[1]) *Suum cuique* издана безъименно въ Дрезденѣ 1878 г. съ оговоркою: Bez wolności przedruku. Egzemplarz jako manuskrypt nie będący w handlu.

ству польскому. Карницкій былъ, какъ и всѣ поляки въ его положеніи, автономистъ, но робкій, осторожный; онъ и не считалъ возможнымъ ссылаться на хартію 1815 г., но взялъ за исходную точку залежавшійся 30 лѣтъ органическій статутъ 1832 г. и прибавилъ къ нему школьную реформу, особенно желательную вслѣдствіе отсутствія въ царствѣ польскомъ всякаго высшаго учебнаго заведенія. Предложенія Карницкаго нашли поддержку въ товарищѣ статсъ-секретаря по дѣламъ царства польскаго, Валеріанѣ Платоновѣ (самъ статсъ-секретарь Тымовскій былъ человѣкъ дряхлый и совершенно ничтожный) и въ предсѣдателѣ кодификаціонной коммиссіи царства польскаго Ромуальдѣ Губе. Въ самый день пріѣзда, Карницкій представлялся Государю, а такъ какъ на слѣдующій день должно было происходить особое совѣщаніе подъ предсѣдательствомъ Государя, изъ министра иностранныхъ дѣлъ князя Горчакова, военнаго министра Сухозанета и шефа жандармовъ князя Долгорукова, въ которомъ Карницкій долженъ былъ докладывать свои заключенія при Тымовскомъ и Платоновѣ, то Карницкому пришлось побывать у каждаго изъ приглашенныхъ на совѣщаніе сановниковъ для ознакомленія ихъ съ существомъ подлежавшихъ обсужденію вопросовъ. Такъ какъ Тымовскому поручено на основаніяхъ, одобренныхъ при совѣщаніи, составить записку, и такъ какъ эта записка напечатана (A. W., польское изданіе 1878 г. II, 47—57), то можно точнымъ образомъ опредѣлить, въ чемъ состояли бы реформы по идеѣ Карницкаго или, лучше сказать, по понятіямъ чиновниковъ, помнившихъ еще конституціонный періодъ и затѣмъ прошедшихъ школу Паскевича. Записка усматриваетъ корень зла въ исключительности чистаго бюрократизма и требуетъ дать участіе въ дѣлахъ мѣстнаго управленія населенію. Она не затрогивала центральныхъ органовъ управленія—правительственныхъ коммиссій, не предлагала преобразованія судоустройства, она устраняла даже поименованные въ органическомъ статутѣ 1832 г. провинціальные штаты. Она предлагала выборныя установленія или *совѣты* (собственно собранія, изъ которыхъ еще не предполагалось выдѣлять, какъ у насъ въ земскихъ учрежденіяхъ, органы исполнительные, т.-е. управы): а) совѣты *городскіе*, къ категоріи которыхъ впослѣдствіи приурочены могутъ быть и гминные; б) совѣты *уѣздные* (о которыхъ не было и помину въ статутѣ); в) *совѣты губернскіе* (вмѣсто указанныхъ въ статутѣ воеводскихъ, такъ какъ страна дѣлилась уже теперь на губерніи, а не на воеводства). При выборахъ членовъ въ городскіе и уѣздные совѣты, записка предлагала устранить совсѣмъ дѣленіе населенія

на дворянъ и недворянъ, противное теперь и самому дворянству, и допустить въ избиратели всѣхъ землевладѣльцевъ. Губернскіе совѣты должны бы состоять изъ выборныхъ, отряжаемыхъ уѣздными совѣтами; въ число членовъ входилъ бы, какъ непремѣнный членъ ex officio — предсѣдатель совѣта губернскаго города. Предсѣдатели совѣтовъ какъ уѣздныхъ, такъ и губернскихъ должны быть назначаемы изъ среды членовъ этихъ совѣтовъ намѣстникомъ. Всѣмъ этимъ выборнымъ органамъ земскаго самоуправленія поручалось хозяйство города, общины, уѣзда, губерніи, пути сообщенія, благотворительныя заведенія, распредѣленіе податей и повинностей, наконецъ, имъ предоставлялось ходатайствовать о нуждахъ и потребностяхъ населенія. Я сказалъ, что провинціальные штаты были устранены, какъ напоминающіе слишкомъ непріятные по своимъ воспоминаніямъ сеймъ и конституцію. Вмѣсто нихъ центральнымъ пунктомъ и вѣнцомъ зданія являлся воскресающій вновь послѣ отмѣны его въ 1841 году особый Государственный Совѣтъ царства польскаго (Rada Stanu), долженствующій вступить въ отправленіе обязанностей, которыя лежали на департаментѣ дѣлъ царства польскаго въ государственномъ совѣтѣ имперіи и на особенно ненавистной для варшавскихъ автономистовъ кодификаціонной коммиссіи для царства польскаго при II отдѣленіи Собственной Е. И. В. канцеляріи. Этому установленію должны были быть предоставлены функціи и нашего 1-го департамента сената, и государственнаго совѣта имперіи, то-есть, изготовленіе законопроектовъ, разсмотрѣніе бюджета, разсмотрѣніе всѣхъ отчетовъ директоровъ правительственныхъ коммиссій, наконецъ дача заключеній по ходатайствамъ мѣстныхъ уѣздныхъ, городскихъ и губернскихъ совѣтовъ о нуждахъ и потребностяхъ страны. Выборный элементъ не долженъ былъ проникать въ государственный совѣтъ и не участвовалъ въ его комплектованіи. Въ совѣтъ должны были входить либо высшіе сановники царства, либо именитые граждане — нотабли, по назначенію правительства, изъ числа выдающихся членовъ земскаго кредитнаго общества, предсѣдателей магистратовъ, предсѣдателей губернскихъ совѣтовъ и проч. Во всей запискѣ ни разу не былъ затронутъ вопросъ о духовенствѣ. Она не касалась также народнаго воспитанія, такъ какъ особый школьный и университетскій уставъ поручено составить Ромуальду Губе, бывшему много лѣтъ профессоромъ с.-петербургскаго университета.

Всѣ эти одобренныя въ принципѣ и набросанныя въ общихъ чертахъ предположенія, требовали долгаго времени для

разработки, тѣмъ болѣе, что ихъ предполагали осуществлять обыкновеннымъ порядкомъ, т.-е., съ изготовленіемъ проектовъ, отсылкою таковыхъ къ намѣстнику, разсмотрѣніемъ ихъ въ Варшавѣ намѣстникомъ при участіи мѣстныхъ нотаблей, людей пользующихся довѣріемъ страны. Намѣстнику разрѣшено по телеграфу, не объявляя оффиціально о результатахъ совѣщанія, передать конфиденціально, кому слѣдуетъ, для успокоенія умовъ въ Варшавѣ, что вопросъ о реформахъ въ царствѣ въ ходу, что̀ и было намѣстникомъ исполнено. Призвавъ къ себѣ Шленкера, Кроненберга, архіепископа Фіалковскаго и графовъ Андрея Замойскаго и Малаховскаго, князь Горчаковъ сообщилъ имъ 1-го (13-го) марта, что одобренные пункты предполагаемыхъ реформъ состоятъ въ слѣдующемъ: 1) государственный совѣтъ, въ составъ котораго войдутъ способные граждане — люди довѣрія (т.-е. пользующіеся уваженіемъ страны); 2) учрежденіе выборныхъ городскихъ совѣтовъ; 3) полное преобразованіе общественнаго воспитанія; 4) призывъ способныхъ гражданъ— людей довѣрія, къ совѣщаніямъ о потребностяхъ страны (литограф. протоколы делегаціи). Таковъ былъ, въ половинѣ марта новаго стиля, немаловажный результатъ поѣздки Карницкаго въ Петербургъ; но прежде, чѣмъ дописаны были сочиняемые въ Петербургѣ законопроекты, набѣжала изъ Варшавы новая волна требованій, смутныхъ извѣстій и предположеній. Волна эта исходила уже главнымъ образомъ отъ утвердившагося въ за̀мкѣ Велепольскаго, къ которому мы и должны возвратиться.

Когда, кончая главу XI, я употребилъ слова: «маркизъ проникъ въ за̀мокъ невидимкой», то эти слова надобно разумѣть въ переносномъ значеніи. Маркизъ отправился изъ Варшавы въ Хробержъ, но были люди, которые за него говорили и хлопотали въ за̀мкѣ. Въ тотъ самый день, 2-го марта, который ознаменованъ и похоронами, и отправкою Карницкаго съ порученіями въ Петербургъ, князю намѣстнику поднесена работа, напечатанная теперь во 2-мъ томѣ польскаго сочиненія Лисицкаго (стр. 39—47) и озаглавленная такъ: меморіалъ оберъ-прокурора (naczelny prokurator) сената Эноха, изъ которой мы предложили читателямъ выдержки (въ ст. VII). Эта записка донынѣ есть лучшее и обстоятельнѣйшее изложеніе какъ причинъ, такъ и свойствъ польскаго движенія 1861—1864 года. По силѣ пера, по рельефности, по яркому колориту изложенія, она обличаетъ мастера (ex ungue leonem), выражающагося своеобразно и чуждаго всякихъ привычекъ канцелярскаго, оффиціальнаго слога или даже дипломатической шлифовки. Она вся можно сказать гране-

ная, врѣзывающаяся въ память. Я ее прямо приписываю Велепольскому не потому только, что въ ней сквозятъ тѣ начала, которыя составляли основу его проекта адреса и правила всей его позднѣйшей политики, но потому, что въ запискѣ уже намѣчено и то мѣсто, которое напередъ предположилъ занять Велепольскій, на случай, если его призовутъ умиротворять страну. Едва ли бы пришло въ голову Эноху, какъ не пришло оно въ голову Карницкому, сказать—какъ сказано въ запискѣ, что главная причина неудовольствій заключается въ томъ, что во главѣ управленія исповѣданіями поставленъ въ римско-католической странѣ не римскій католикъ, но православный (Мухановъ); едва ли бы предложили они вмѣстѣ съ тѣмъ закрыть варшавскій округъ, все школьное дѣло поручить независимо отъ петербургскихъ министровъ возстановляемой коммиссіи народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ, существовавшей въ хартіи 1815, но отмѣненной по статуту 1832 г. (ст. 35). Записка совѣтовала умѣренныя реформы, широкое примѣненіе избирательнаго начала на основаніяхъ имущественнаго ценза и двустепенныхъ выборовъ и предлагала, съ одной стороны, попускать вожжи, съ другой, затягивать ихъ, карая строго за всякіе революціонныя затѣи. Записка произвела впечатлѣніе. Намѣстникъ усумнился, найдутся ли между поляками люди авторитетные и твердые, готовые идти противъ теченія. Энохъ рекомендовалъ двоихъ: Ѳому Потоцкаго и Велепольскаго и сообщилъ князю намѣстнику неизвѣстное ему произведеніе: Lettre d'un gentilhomme polonais. Тогда Горчаковъ предложилъ черезъ Эноха маркизу портфель просвѣщенія и исповѣданій, послѣ чего 6 марта произошло свиданіе въ замкѣ намѣстника съ пріѣхавшимъ, по вызову, маркизомъ. Маркизъ дѣйствовалъ теперь, какъ и потомъ, не навязывая себя, не заискивая, онъ только совѣтовалъ и брался за дѣло положительно и рѣшительно, но на весьма опредѣленныхъ условіяхъ. Тяжелый, неуклюжій и близорукій, а потому въ многочисленномъ обществѣ часто застѣнчивый, что принимаемо было мало знающими его лицами за высокомѣріе и спѣсь, маркизъ не задавалъ себѣ труда быть обходительнымъ съ людьми, которые его мало интересовали, но онъ успѣвалъ привлечь, кого надо было, на свою сторону и обворожить силою логики, могучею діалектикою, своеобразнымъ краснорѣчіемъ, не лишеннымъ пряной приправы ироніи и сарказма. Князя Горчакова онъ увлекъ и сталъ въ глазахъ князя l'homme d'état par excellence. Несмотря на всѣ свои усилія, Велепольскій успѣлъ внушить намѣстнику не всѣ свои идеи (ссылку на хартію 1815 г. Горчаковъ положительно

отвергъ), а только нѣкоторыя, а именно: обязательное очиншеваніе крестьянъ, уравненіе въ правахъ евреевъ съ христіанами, отмѣну учрежденія предводителей дворянства, отмѣну кодификаціонной коммиссіи въ Петербургѣ (въ чемъ Велепольскій сошелся съ Карницкимъ), уничтоженіе Земледѣльческаго общества, съ образованіемъ вмѣсто него сельско-хозяйственныхъ комицій или съѣздовъ, и образованіе самостоятельной коммиссіи просвѣщенія и вѣроисповѣданій съ порученіемъ ея Велепольскому. Выборъ поста могъ свидѣтельствовать не столько о честолюбіи, сколько о храбрости маркиза, а также о вѣрномъ пониманіи имъ того, что главная опасность заключается въ религіозномъ характерѣ движенія. Только римскій католикъ, неподозрѣваемый въ отступленіи отъ вѣры и уважающій церковные законы, могъ надѣяться, что онъ съ одной стороны избѣгнетъ конфликта съ церковью, а съ другой подавитъ церковныя манифестаціи. Университетъ предполагался въ Варшавѣ полный, съ пятью факультетами: по странному предубѣжденію намѣстника противъ слова: университетъ, его рѣшили назвать *Главною Школою*. Не имѣя возможности ссылаться на хартію, Велепольскій пытался, однако, какъ можно ближе къ ней подойти, возстановляя старинное дѣленіе царства на 8 воеводствъ и созидая цѣлую лѣстницу выборныхъ совѣтовъ по воеводствамъ, съ правомъ ходатайства о нуждахъ и потребностяхъ и съ замысловато устроеннымъ сенатомъ, который бы состоялъ изъ пожизненно назначаемыхъ воеводъ, каштеляновъ, епископовъ и членовъ изъ именитыхъ гражданъ. Этотъ сенатъ, усиленный пріобщеніемъ къ нему предсѣдателей воеводскихъ совѣтовъ, представителей земскаго кредитнаго общества, высшихъ судебныхъ сановниковъ, предсѣдателя муниципалитета варшавскаго и ректора университета, давалъ бы свои заключенія по ходатайствамъ воеводскихъ совѣтовъ, разсматривалъ бы предложенныя ему правительствомъ законопроекты, предлагалъ бы правительству свои соображенія объ усовершенствованіи законовъ и о реформахъ, словомъ, имѣлъ бы извѣстное участіе въ законодательной власти. Самоуправленіе городское предположено было для одной Варшавы. Въ дальнѣйшемъ развитіи реформы предполагаемо было преобразованіе варшавскихъ департаментовъ сената въ верховный судъ, учрежденіе коллегіальнаго государственнаго совѣта (rada stanu), какъ высшаго административнаго учрежденія, которому подчинялись бы министры; упраздненіе военно-судныхъ коммиссій за политическія преступленія и новая уголовная кодификація, вмѣсто кодекса 1847, дословно почти скопированнаго съ нашего уложенія 1845, которое сочинилъ Р. Губе, и отъ

котораго къ сожалѣнію мы и донынѣ не можемъ освободиться. Къ 17 марта соглашеніе о реформахъ въ томъ видѣ, въ какомъ мы его изложили, послѣдовало между кн. Горчаковымъ и Велепольскимъ; маркизъ опять вернулся въ Хробержъ, а представленія намѣстника отправлены въ Петербургъ съ чиновникомъ коммиссіи казны, Кретковскимъ, куда и прибыли 23 марта.

Петербургскіе составители законоположеній для царства Карницкій со своими пособниками нашлись въ величайшемъ затрудненіи, когда имъ пришлось передѣлывать свою, уже наполовину конченную работу, и когда понадобилось докладывать о совсѣмъ новыхъ планахъ преобразованія въ совѣтѣ изъ всѣхъ министровъ, подъ предсѣдательствомъ государя, 13 (25) марта 1861 г. Авторское самолюбіе Карницкаго было въ этомъ случаѣ не причемъ: Карницкій не могъ не радоваться, что предложенія намѣстника шли несравненно дальше его, Карницкаго, ожиданій, что автономія предлагалась полная, широкая, что реформы были сверхъ чаянія радикальныя. Съ другой стороны, столица и все русское общество находились въ упоеніи отъ совершившагося великаго дѣла обнародованія, за три недѣли предъ тѣмъ, положеній о крестьянахъ 19 февраля 1861 г. Либерализмъ достигъ наивысшаго діапазона. Царила безграничная увѣренность во всемогуществѣ и плодотворности свободы. При такихъ условіяхъ, уступки дѣлались легко и безъ долгихъ колебаній. Въ совѣщаніи 25 марта (брошюра Карницкаго) оба проекта Карницкаго и Велепольскаго слиты въ одно. Предположенія Велепольскаго о совѣтахъ воеводскихъ и о сенатѣ провалились, осталась система органовъ земскаго самоуправленія, по идеѣ Карницкаго, съ особымъ государственнымъ совѣтомъ, въ Варшавѣ, имѣющимъ только совѣщательный характеръ, безъ признаковъ представительства, и усиленнымъ включеніемъ въ составъ его епископовъ. Въ остальномъ предположенія Велепольскаго одобрены. Вся суть рѣшеній по польскому вопросу выражена въ пяти пунктахъ высочайшаго указа отъ 14 (26) марта, которые еще наканунѣ того дня, то-есть, 25 марта, были переданы намѣстнику по телеграфу и оглашены въ Варшавѣ. Эти пункты составляли програму будущаго, должны были быть разработаны въ Варшавѣ и присланы въ Петербургъ, въ видѣ готовыхъ законопроектовъ. Они состояли въ слѣдующемъ:

1) Учрежденіе государственнаго совѣта, въ составъ котораго будутъ назначаемы мѣстные именитые люди и духовные сановники; совѣтъ будетъ разсматривать прошенія и жалобы.

2) Учрежденіе коммиссіи народнаго просвѣщенія и вѣроисповѣданій «съ вашимъ кандидатомъ, какъ предсѣдателемъ (т.-е.

съ Велепольскимъ), и съ назначеніемъ его членомъ совѣта управленія».

3) Общее преобразованіе училищъ, разрѣшенное въ принципѣ.

4) Учрежденіе *высшихъ училищъ*, въ томъ числѣ училища правовѣдѣнія (въ этомъ пунктѣ нашли отголосокъ предубѣжденіе кн. Горчакова противъ слова: университетъ, и идеи не только Муханова, но и другихъ лицъ, озадаченныхъ студентскими волненіями и безпорядками во всей Россіи и предлагавшихъ расчленять университеты по факультетамъ и разсыпать ихъ по разнымъ мѣстечкамъ, вдали отъ крупныхъ центровъ населенія).

5) Учрежденіе губернскихъ и окружныхъ совѣтовъ.

27 марта 1861 г. Велепольскій уже былъ въ Варшавѣ, на своемъ посту и вступилъ оффиціально въ отправленіе своихъ обязанностей.

В. Спасовичъ.

ИЗЪ
ПУШКИНСКОЙ ПЕРЕПИСКИ

ПИСЬМА ПУШКИНА О «БОРИСѢ ГОДУНОВѢ».

Въ послѣдней книжкѣ „Вѣстника Европы“ напечатана *Любопытная тяжба* П. В. Анненкова, свидѣтельствующая, какимъ тяжелымъ путемъ шла наша многострадальная литература. Одинъ изъ эпизодовъ этой неравной борьбы касается извѣстныхъ двухъ писемъ Пушкина о „Борисѣ Годуновѣ“. Онѣ напечатаны въ обоихъ изданіяхъ „Матеріаловъ“ г. Анненкова съ большими пропусками; начало перваго изъ этихъ писемъ приведено въ его же трудѣ „А. С. Пушкинъ въ Александровскую эпоху“, гл. VIII [1]), а нѣсколько строкъ второго помѣщены въ запискѣ, поданной г. Анненковымъ въ главный цензурный комитетъ, и напечатанной въ прошлой книжкѣ „Вѣстника Европы“ (стр. 22—24). Но и въ запискѣ исключено нѣсколько мѣстъ, которыя могли возбудить подозрительность цензуры и повлечь совершенное запрещеніе писемъ. Между тѣмъ, пропуски, ослабляя общее впечатлѣніе и послѣдовательность мысли, весьма существенны, потому что въ мѣстахъ, исключенныхъ цензурою или издателемъ, выразились тонкій критическій умъ поэта, взглядъ его на требованія современной драмы и глубоко вѣрная оцѣнка характеровъ выведенныхъ имъ дѣйствующихъ лицъ. Такимъ образомъ, оба письма печатались въ разное время, въ разныхъ изданіяхъ, въ разрозненномъ и отрывочномъ видѣ, нарушающемъ ихъ связь и послѣдовательность, и потому текстъ ихъ требуетъ полнаго возстановленія.

---

[1]) Тамъ же напечатаны IV и V письма Пушкина къ Дельвигу, которыя въ январьской книжкѣ „Вѣстника Европы“ (стр. 11 и 12) ошибочно названы неизданными.

Письма эти, находившіяся на Пушкинской выставкѣ („Каталогъ", стр. 49), предоставлены г. Анненковымъ въ наше распоряженіе. Дорожа каждою строкою великаго поэта, произведенія котораго составляютъ лучшее достояніе русской литературы, мы сообщаемъ оба письма вполнѣ, безъ всякихъ пропусковъ. Печатаніе вообще писемъ Пушкина тѣмъ болѣе своевременно, что готовится къ изданію его переписка, возстановленію которой въ надлежащей полнотѣ слѣдуетъ содѣйствовать общими силами.

Предлагаемыя письма, писанныя на французскомъ языкѣ, первое въ 1825, а второе въ 1829 г., вводятъ во внутренній міръ поэта и посвящаютъ въ тайны его творческой мысли. Если вспомнимъ, что эти откровенныя бесѣды вылились у Пушкина по поводу произведенія, которымъ онъ наиболѣе дорожилъ, то будетъ понятно важное ихъ значеніе. Оба письма представляютъ, по справедливому выраженію г. Анненкова, „драгоцѣнный примѣръ того, какъ исторія и ея главныя лица отражаются въ умѣ геніальнаго художника". За неоднократно указаннымъ г. Анненковымъ значеніемъ этихъ писемъ, намъ остается ограничиться лишь нѣкоторыми дополненіями къ сообщеннымъ свѣдѣніямъ.

Письма, судя по началу перваго изъ нихъ, писаны къ Николаю Николаевичу Раевскому въ село Каменку, Кіевской губерніи, куда Пушкинъ пріѣзжалъ на нѣкоторое время, въ концѣ лѣта 1820 г., возвращаясь съ Кавказа, и въ февралѣ 1821 г., возвращаясь изъ Кіева въ Кишиневъ. Жизнь его въ Каменкѣ и дружба съ Раевскими описана въ сочиненіи г. Анненкова о Пушкинѣ въ Александровскую эпоху (гл. V). Были ли отправлены эти письма по назначенію—неизвѣстно. Вѣроятнѣе, что Пушкинъ, долго не рѣшаясь издать „Комедію о царѣ Борисѣ", оставилъ ихъ у себя въ числѣ многихъ другихъ замѣтокъ и матеріаловъ. Это подтверждается и тѣмъ обстоятельствомъ, что конецъ второго письма взятъ почти буквально изъ перваго, которое притомъ осталось безъ подписи.

Печатаемъ письма въ оригиналѣ, потому, что бо́льшая часть ихъ уже переведена г. Анненковымъ; притомъ въ переводѣ исчезла бы вся прелесть пушкинскаго языка. Мѣста пропущенныя или невѣрно напечатанныя отмѣчаемъ, для бо́льшей ясности, курсивомъ.

I.

Où êtes vous? J'ai vu par les gazettes que vous aviez changé de régiment. Je souhaite que cela vous amuse. Que fait votre frère? vous ne m'en dites rien dans votre lettre du 13 mai. Se traite-t-il?

Voilà ce qui me regarde: mes amis se sont donné beaucoup de mouvement pour obtenir une permission d'aller me faire traiter, ma mère a écrit à S. M. et là-dessus on m'a accordé la permission d'aller à Pskof et d'y demeurer même, mais je n'en ferai rien; je n'y ferai qu'une course de quelque jours. En attendant je suis très isolé: la seule voisine que j'allais voir est parti pour Riga et je n'ai à la lettre d'autre compagnie que ma vieille *bonne* et ma tragédie; celle-ci avance et j'en suis content. *En l'écrivant j'ai reflechi sur la tragédie en général, c'est peut-être le genre le plus méconnu. Les classiques et les romantiques ont tous basé leurs loix sur la vraisemblance, et c'est justement elle qu'exclut la nature du drame. Sans parler déjà du tems etc. quel diable de vraisemblance y-a-t-il dans une salle coupée en deux moitié dont l'une est occupée par deux milles personnes, qui sont sensés n'être pas vu par ceux qui sont sur les planches; 2) la langue. Par ex. le Philoctète de la Harpe dit en bon français après avoir entendu une tirade de Pyrrhus: Helas! j'entends les doux sons de la langue grecque etc. Voyez les anciens, leurs masques tragiques, leur double personnage — tout cela n'est-il pas une invraisemblance conventionnelle; 3) le tems, le lieu etc. etc. Les vrais génies de la tragédies ne se sont jamais soucié de la vraisemblance. Voyez comme Corneille a bravement mené le Cid. Ha, vous voulez la règle des 24 heures? soit et là-dessus il vous entasse des évènements pour 4 mois. Rien de plus inutile à mon avis, que les petits changements de règles reçues: Alfieri est profondement frappé du ridicule de l'a parte, il le supprime et la dessus allonge le monologue et pense avoir fait une révolution dans le sîstème de la tragédie; quelle puérilité!*

La vraisemblance des situations et la vérité du dialogue —voilà la véritable règle de la tragédie. Je n'ai pas lu Calderon ni Vega, mais quel homme que ce Sch!. je n'en reviens pas. Comme Byron le tragique est mesquin devant lui! Ce Byron

qui n'a jamais conçu qu'un seul caractère[1]) (les femmes n'ont pas de caractère, elles ont des passions dans leur jeunesse, et voilà pourquoi il est si facile de les peindre), ce Byron donc a partagé entre ses personnages tel et tel trait de son caractère; son orgueil à l'un, sa haine à l'autre, sa melancolie au troisième etc. et c'est ainsi que d'un caractère plein, sombre et énergique il a fait plusieurs caractères insignifiants—ce n'est pas là de la tragédie.

On a encore une manie: quand on a conçu un caractère, tout ce qu'on lui fait dire même les choses les plus étranges en porte essentielement l'empreinte (comme les pédants et les marins des vieux romans de Fielding). Un consp. dit donnez moi à boire en conspirateur et ce n'est que ridicule. Voyez le Haineux de Byron (ha pagato) cette monotonie, cette affectation de laconisme, de rage continuelle, est-ce la nature? De là cette gène et cette timidité de dialogue [2]). Lisez Sch. il ne craint jamais de compromettre son personnage, il le fait parler avec tout l'abandon de la vie car il est sûr en tems et lieu de lui faire trouver le langage de son caractère.

Vous me demanderez: votre tragédie est elle une tragédie de caractère ou de costume. J'ai choisi le genre le plus aisé, mais j'ai taché de les unir tout deux. J'écris et je pense. La plupart des scènes ne demandent que du raisonnement; quand j'arrive à une scène qui demande de l'inspiration, j'attends ou je passe par dessus—cette manière de travailler m'est tout-à-fait nouvelle. Je sens que mon âme s'est tout-à-fait développé, je puis créer.

Это письмо написано въ Михайловскомъ, въ сентябрѣ 1825 г. Въ хронологическомъ порядкѣ оно слѣдуетъ за третьимъ письмомъ Пушкина къ Дельвигу, напечатаннымъ въ январьской книжкѣ „Вѣстника Европы“ (стр. 9). Въ обоихъ упоминается о ходатайствѣ матери поэта и объ отъѣздѣ сосѣдки—П. А. Осиповой. Разсужденія о трагедіи, напечатанныя курсивомъ, повторены съ небольшими измѣненіями во второмъ письмѣ, и потому исключены г. Анненковымъ изъ перваго. Мы оставляемъ ихъ однако въ обоихъ письмахъ, какъ вслѣдствіе разницы нѣкоторыхъ мѣстъ, такъ и съ цѣлью полнаго возстановленія этихъ двухъ важныхъ автобіографическихъ документовъ.

---

[1]) *Et c'est le sien*, напечатанное г. Анненковымъ, у Пушкина зачеркнуто.

[2]) Г. Анненковымъ напечатано: *Et là-dessus*, выраженіе зачеркнутое у Пушкина.

II.

Voici ma tragédie puisque vous *la* voulez absolument, mais avant que de la lire, j'exige que vous parcouriez le dernier tome de Karamzine. Elle est rempli de bonnes plaisanteries et d'allusions fines à l'hist. de ce tems là, *comme nos sansoeuvres de Kiov et de Kamenka.* Il faut les comprendre, *sine qua non* (курсивъ въ подлинникѣ). A l'exemple de Schaks., je me suis borné à développer une époque et des personnages historiques sans rechercher les effets théâtrals, le pathétique romanesque etc... Le style en est mélangé. Il est trivial et bas, là où j'ai été obligé de faire intervenir des personnages vulgaires et grossiers—quand aux grosses indécences n'y faites pas attention: cela a été écrit au courant de la plume, et disparaitra à la première copie. Une tragédie sans amour souriait à mon imagination. Mais outre que l'amour entrait beaucoup dans le caractère romanesque et passioné de mon aventurier, j'ai rendu Дмитрій amoureux de Marina pour mieux faire ressortir l'étrange caractère de cette dernière. Il n'est encore qu'esquissé dans Karamzine. Mais certes c'était une drole de jolie femme. Elle n'a eu qu'une passion et ce fut l'ambition, mais à un degré d'énergie, de rage qu'on a peine à se figurer. Après avoir gouté de la royauté, voyez la ivre d'une chimère, se prostituer d'aventurier en aventurier—partager tantôt le lit dégoutant d'un juif tantôt la tente d'un cosaque, toujours prête à se livrer à quiconque peut lui présenter la faible esperance d'un throne qui n'existait plus. Voyez la braver la guerre, la misère, la honte en même tems traiter avec le roi de Pologne de couronne à couronne — et finir misérablement l'existence la plus orageuse et la plus extraordinaire. Je n'ai qu'une scène pour elle — mais j'y reviendrai, si Dieu me prête vie. Elle me trouble comme une passion. *Elle est horriblement polonaise comme le* (слѣдуетъ зачеркнутая и неразборчивая строка).

Гаврило Пушкинъ est un de mes ancêtres, je l'ai peint tel que je l'ai trouvé dans l'histoire et dans les papiers de ma famille. Il a eu de grands talents, homme de guerre, homme de cour, *homme de conspiration surtout.* C'est lui et Плещеевъ qui ont assuré le succès du Самозванецъ par une audace inouie. Après je l'*ai* retrouv*é* à Moscou l'un des 7 chefs qui la defendaient en 1612, puis en 1616 dans la Дума siégeant à coté de Козьма Minine, puis Voevode à Нижній, *puis parmi les députés*

qui couronnèrent. *Romanof* [1]), puis ambassadeur. Il a été tout, *même incendiaire* comme le prouve une грамота que j'ai trouvé à Погорѣлое Городище—*ville qu'il fit bruler pour la punir de je ne sais quoi à la mode des proconsuls de la convention nationale.*

Je compte revenir aussi sur Шуйскій. Il montre dans l'histoire un singulier mélange d'audace, de souplesse, et de force de caractère. Valet de Godounof, il est un des premiers Boyards à passer du coté de Дмитрій. Il est le premier qui conspire et c'est lui même, notez cela, qui se charge de retirer les marrons du feu, c'est lui même qui vocifère, qui accuse, qui de chef devient enfant perdu. Il est prêt à perdre la tête, Дмитрій lui fait grace déjà sur l'échafaud, il l'exile et *avec cette générosité étourdie qui caractèrisait cet aimable aventurier* il le rappelle à sa cour, il le comble de biens et d'honneurs. Que fait Шуйскій qui avait frisé de si près la hache *et le billot?* il n'a rien de plus pressé que de conspirer de nouveau, de réussir, de se faire élire Tsar, de tomber et de garder dans sa chûte plus de dignité et de force d'âme qu'il n'en eu pendant toute sa vie.

Il y a beaucoup du Henri 4 dans Дмитрій. Il est comme lui brave, généreux et gascon, comme lui indifférent à la religion —tout deux abjurant leurs foi pour cause politique, tout deux aimant les plaisirs et la guerre, tout deux donnant dans des projets chimériques, tout deux en buttes aux conspirations. Mais Henri 4 n'a pas à se reprocher Ксенія—il est vrai que cette horrible accusation n'est pas prouvée et quant à moi je me fais une religion de ne pas y croire [2]).

Грибоѣдовъ a critiqué le personnage de Job—*le patriarche il est vrai était un homme de beaucoup d'esprit, j'en ai fait un sot par distraction.*

En ecrivant *ma* Godounof j'ai refléchi sur la tragédie—et si, je me melai de faire une préface, je ferai du scandale — c'est peut être le genre *le* plus méconnu. On a tâché d'en baser les loix sur la vraisemblance et c'est justement elle qu'exclut la nature du drame; sans parler déjà du tems, des lieux etc. que diable de vraisemblance y a-t-il dans une salle coupée en deux dont l'une est occupée par 2000 personnes, sensées n'être pas vues par celles qui sont sur les planches.

[1]) Объ этомъ же обстоятельствѣ упоминается въ концѣ второго письма Пушкина къ Дельвигу, напечатаннаго въ январьской книжкѣ „Вѣстника Европы" (стр. 8).

[2]) Это сравненіе Дмитрія съ Генрихомъ IV переведено г. Анненковымъ сокращенно въ его „Любопытной тяжбѣ" (стр. 22), но подлинный текстъ не приведенъ.

2) *La langue.* (курс. въ подлин.) P. ex. le Philoctète de la Harpe dit en bon français après avoir entendu une tirade de Pirrhus: Helas, j'entends les doux sons de la langue grecque. Tout cela n'est-il pas d'une invraisemblance de convention? Les vrais génies de la tragédie ne se sont jamais soucié d'une autre vraisemblance que celle des caractères et des situations Voyez comme Corneille a bravement mené le Cid: ha, vous voulez la règle des 24 h.! soit. Et là-dessus il vous entasse des évènements pour 4 mois. Rien de plus ridicule que les petits changements des règles reçues. Alfieri est profondement frappé du ridicule de l' *a parte* (курс. въ подлин.), il le supprime et là-dessus allonge le monologue. Quelle puérilité!

Ma lettre est bien plus longue que je ne l'avais voulu faire. Gardez la, je vous prie car j'en aurai besoin, si le diable me tente de faire une préface.

A. P.

1829
30 j.

Въ концѣ письма поставлено *S. P. b.*, и зачеркнуто. *30 j.*, по объясненію г. Анненкова, („Матеріалы" изд. 2-е, стр. 126), можно читать *juin* и *janvier*. Послѣднее правильнѣе: январь 1829 г. Пушкинъ провелъ въ Петербургѣ, гдѣ, вѣроятно, и написалъ это письмо; а въ мартѣ уже уѣхалъ на Кавказъ. („Матеріалы", стр. 209).

В. Гаевскій.

РУССКІЕ
РАЦІОНАЛИСТЫ

Субботники, Духоборцы, Молокане, Штундисты.

Русскій расколъ старообрядства выросъ на чисто народной почвѣ, вытекъ изъ духа православія и путемъ генетическаго развитія отрицаній (въ церкви—догматовъ и обрядовъ, стѣсняющихъ свободное отношеніе къ вѣрѣ, въ государствѣ—порядковъ, несходныхъ съ требованіями народной жизни) представляетъ изъ себя результатъ нашего собственнаго массоваго движенія. Но наши государственность и образованность подвергались четырехвѣковому вліянію иноземцевъ: оно не могло не породить особаго духовнаго міровоззрѣнія въ народѣ, столь чуткаго и воспріимчиваго въ дѣлѣ вѣры и столь мало удовлетвореннаго домашними средствами духовнаго воспитанія. Ломка средневѣковаго теократическаго быта на западѣ съ ея безпощадною критикою вѣры знаніемъ, съ ея увлеченіемъ въ два противуположные полюса сенсуализма и мистицизма, была перекинута къ намъ, и павъ на открытую почву обрядности, суевѣрій, апокрифовъ, должна была дать самостоятельный ростъ въ особомъ потокѣ ученій съ западнымъ отрицаніемъ. Съ юго-запада богомильство, съ запада аріанство, наконецъ, реформаціонное движеніе при посредствѣ ганзейской торговли Новгорода и Пскова, мало-по-малу, расшатывали духовное сознаніе народа и, мало-по-малу, вводили въ него зачатки раціонализма. Уже въ 70-хъ годахъ XIV столѣтія, явились среди псковитянъ дьяконъ Никита и нѣкто Карпъ, по прозванію Стригольникъ, положившіе начало этого рода дви-

женія. Отрицая пастырей церкви, ихъ священнодѣйствія, они проповѣдывали народу, что не нужно принимать отъ священниковъ ни крещенія, ни покаянія, ни евхаристіи; что каяться, можно безъ священника, припадая къ землѣ; что евхаристію нужно понимать въ духовномъ смыслѣ, а что другія таинства вовсе для спасенія не нужны. Есть свидѣтельства, что нѣкоторые изъ поклонниковъ этого ученія доводили его до полнаго матеріализма, отвергая все — соборы, евангельскія и апостольскія писанія и даже самое воскресеніе мертвыхъ и загробную жизнь. Въ морали всѣ они придерживались аскетизма и отличались строгою жизнью и постничествомъ. Это подвижничество, сопряженное съ отчужденіемъ отъ общины, возстановило противъ стригольниковъ Новгородцевъ и Псковитянъ, которые признавали ихъ гордыми, неуживчивыми и, главное, — противниками строго соблюдаемыхъ ими общинныхъ обычаевъ. Не столько церковь, сколько самъ народъ положилъ конецъ этому сектаторству; но посѣянный имъ духъ отрицанія еще надолго сохранился въ Новгородской и Псковской областяхъ и послужилъ источникомъ новаго теченія раціоналистической мысли въ формѣ появившейся вслѣдъ за тѣмъ секты іудействующихъ.

Секта іудействующихъ сразу охватила значительное пространство и сразу привлекла къ своему ученію все образованное, книжное тогдашнее общество. Въ числѣ поклонниковъ своихъ, она нашла и лицъ царскаго рода, и лучшихъ бояръ, и даже самого митрополита Зосиму. Получивъ такую силу вначалѣ, секта эта не могла сойти со сцены исторической жизни, и если бы не наступившія времена переворотовъ, смутъ, новаго духовнаго протеста, затмившихъ это теченіе, быть можетъ, она получила бы еще большее значеніе, чѣмъ то, во что переродилась впослѣдствіи. Правда, народъ передѣлалъ это ученіе по-своему, внесъ въ него свои общинныя начала, отбросилъ стѣсняющія жизнь обрядности; тѣмъ не менѣе, значительная роль его заключается въ томъ, что изъ его началъ выродились новыя ученія — Субботниковъ, Духоборцевъ, Молоканъ, — секты, весьма долго смѣшиваемыя съ сектою іудействующихъ, и только изслѣдованія начала нынѣшняго столѣтія указали на одинаковость источника, но на разность характера этихъ ученій.

Польша и Литва съ давнихъ поръ служили ареною всевозможныхъ религіозныхъ броженій. Православіе борется съ католицизмомъ; протестантскія идеи служатъ помощью то той, то другой сторонѣ; іудейство, дохнувшее свободы, выдѣлило изъ себя передовыхъ протестантовъ, вооруженныхъ обширнымъ зна-

ніемъ церковной археологіи и освѣщенныхъ новыми раціоналистическими взглядами реформаціоннаго запада. Въ этой-то смѣси воззрѣній и вѣрованій и зародившагося на разнородныхъ почвахъ духа отрицанія, произошло единеніе передового іудейства съ христіанскимъ раціонализмомъ. Въ наши предѣлы, первоначально въ Новгородѣ, въ концѣ XV вѣка, явился представителемъ такого единенія знаменитый ученый того времени, еврей Схарія. Онъ началъ свою проповѣдь съ отрицанія, путемъ логическихъ доводовъ, догматовъ о Троицѣ, божествѣ Іисуса Христа и искупленіи, писаній отеческихъ, почитанія св. мощей и иконъ, церковной обрядности и таинствъ, а также отвергалъ монашество, какъ образъ жизни, противный природѣ. Давая работу разсудку, ему весьма скоро удалось привлечь на свою сторону поклонниковъ изъ числа лицъ болѣе образованныхъ, жаждавшихъ знаній, и умъ которыхъ требовалъ, помимо схоластики, новой, болѣе свѣжей пищи. Учениками Схаріи явились священники Діонисій и Алексѣй, потомъ софійскій протопопъ Гавріилъ, т.-е. самые образованные люди изъ новгородскихъ жителей. Вслѣдъ за ними, ученіе это понравилось и народу, такъ какъ Схарія съумѣлъ изъ многочисленныхъ правилъ талмуда составить весьма жизненный кодексъ духовно-нравственной морали, въ которомъ его послѣдователи могли найти отвѣтъ на обыденные запросы, и отвѣтъ простой, доступный и самый близкій къ народному пониманію. Въ 1480-мъ году, вел. князь московскій Іоаннъ III былъ въ Новгородѣ. Ему особенно понравились Діонисій и Алексѣй; онъ перевелъ ихъ въ Москву; одного сдѣлалъ протопопомъ архангельскаго собора, другого — успенскаго, и тѣмъ положилъ основаніе іудействующей секты въ самой столицѣ.

Уже въ то время, среди москвичей зарождалось недовольство церковными и государственными порядками, и уже тогда русскій народъ жаждалъ воспринять что-либо новое, болѣе возвышенное, глубже затрогивающее нравственную сторону жизни, чѣмъ тѣ полу-татарскіе, полу-византійскіе порядки, которые начали оплетать общественную и даже домашнюю жизнь русскаго человѣка. Діонисій и Алексѣй были жданные гости въ Москвѣ, и новое слово ихъ имѣло обширный успѣхъ. Послушать ученія ихъ шли къ нимъ всѣ — и симоновскій архимандритъ Зосима, и ученый дьякъ Ѳедоръ Курицынъ съ братомъ Иваномъ Волкомъ, и невѣстка великаго князя, мать объявленнаго наслѣдника престола Дмитрія, Елена, и, наконецъ, толпы чернаго народа. Не прошло десяти лѣтъ, какъ секта іудействующихъ

охватила Москву, Новгородъ, Псковъ и всѣ сопредѣльныя съ ними области. Сектанты, имѣя силу при дворѣ, возведя въ санъ митрополита своего собрата Зосиму, въ состояніи были бы дать совершенно иное направленіе православной церкви, если бы въ самой церкви не возникло движеніе, вызвавшее въ ней живое слово на ратоборство и выведшее ее изъ той неподвижности, какую она начала-было принимать подъ окрѣпшимъ іерархическимъ началомъ. Первымъ изъ поборниковъ церкви противъ секты явился новгородскій владыка Геннадій, настоявшій на соборѣ 1490-го года, чтобы еретиковъ предавали проклятію. Въ Новгородѣ, онъ велѣлъ ихъ возить по улицамъ на клячахъ, лицомъ къ хвосту, въ берестовыхъ шлемахъ и въ вѣнцахъ изъ сѣна и соломы; онъ озаботился также заведеніемъ школъ, переводомъ и собраніемъ книгъ св. Писанія. Вмѣстѣ съ Іосифомъ Волоцкимъ, онъ началъ разсылать посланія къ священникамъ, укрѣпляя ихъ въ вѣрѣ и доброй нравственности. По проискамъ, новгородскаго владыку лишили каѳедры, но положенное имъ начало нашло послѣдователя: ревностный поклонникъ его, Іосифъ добился, что на московскомъ соборѣ 1504 года, еретики были снова осуждены, главные сектаторы сожжены, а другіе разосланы по монастырямъ.

Пробѣгая далѣе страницы церковной исторіи, мы видимъ, что раціоналистическая мысль однако не пропадала и, при малѣйшемъ возбужденіи народнаго сознанія, проявлялась то въ той, то въ другой формѣ. Бывшій бояринъ, князь Патрикѣевъ, сторонникъ дворцовыхъ покровителей іудействующихъ, сдѣлавшись инокомъ, сталъ прямо противъ Іосифа и цѣлымъ рядомъ полемическихъ статей началъ возставать противъ развитія самодержавія, выставлялъ всѣ язвы современнаго монашества, указывалъ на роскошь властей, пристрастіе къ стяжаніямъ, на попрошайство, угодничество сильнымъ и богатымъ людямъ, на притѣсненіе монастырскихъ крестьянъ тяжкими поборами, лихвою, истязаніями и проч. Не успѣли еще замолкнуть распри между іосифовцами и послѣдователями князя-инока, еще не утихло движеніе, возбужденное іудействующею сектою, какъ явился въ Москву албанскій грекъ Максимъ, получившій, какъ извѣстно, обширное образованіе въ Парижѣ, Венеціи и Флоренціи, современникъ и почитатель Савонаролы. Началось новое движеніе, новая борьба между новымъ словомъ и старымъ дѣломъ, между стремленіемъ впередъ и пристрастіемъ къ старинѣ. Обличенія знаменитаго албанца, направленныя противъ общественной распри, придворныхъ смутъ, неправаго суда, противъ рабства, раз-

врата, пьянства, противъ внѣшней безжизненной набожности, прикрывавшей всю азіатскую безнравственность тогдашняго общества, неминуемо вызвали протестъ консерватизма, нашедшаго себѣ защиту и поддержку въ деспотической склонности стоявшихъ тогда во главѣ свѣтскаго и церковнаго правительства. Гибель Максима, за его исправленіе книгъ, стоглавый соборъ, укрѣпленіе царскаго престола, появленіе безжизненнаго, деревяннаго кодекса обыденной нравственности, какимъ явился «Домострой» Селиверста, были плохимъ знаменіемъ для будущаго развитія государственной и народной жизни. Все лучшее, обновляющее, оживляющее эту стоячую воду, могло идти только путемъ духовнаго протеста, т.-е., съ крайнимъ развитіемъ консервативнаго старообрядческаго направленія должны были явиться, и явились, люди, увлеченные въ другую крайность, въ крайность полнаго отрицанія: опираясь на бродившія еще въ обществѣ и народѣ начала іудействующей секты, а также на обличенія религіозныхъ нестроеній Максима, они начали снова проповѣдывать раціонализмъ, но раціонализмъ уже болѣе очищенный и болѣе приноровленный къ дѣйствительной жизни. Въ этомъ теченія, бывшая іудействующая секта какъ-бы разложилась на двѣ стороны: въ одной, раціонализмъ сохранилъ элементъ іудейскій и послужилъ началомъ и источникомъ нынѣ существующей секты субботниковъ; въ другой, онъ почти очистился отъ ветхозавѣтныхъ примѣсей, подвергся переработкѣ западныхъ протестантскихъ мнѣній и проявился въ формѣ ученій Башкина и Косого, вѣрованій лекаря Дмитрія Тверитинова, служащихъ первоначаломъ нынѣ существующихъ сектъ — Духоборцевъ, Молоканъ, Штундистовъ и др.

1. Субботники.

Прослѣдить постепенный переходъ ученія прежнихъ іудействующихъ въ нынѣ существующее ученіе субботниковъ почти невозможно. Независимо отъ того, что на этотъ предметъ нѣтъ никакихъ прямыхъ источниковъ и достовѣрныхъ свидѣтельствъ, самое ученіе какъ-бы затерялось въ массѣ новыхъ историческихъ явленій, быстро смѣнявшихся одно другимъ и имѣвшихъ громадное вліяніе на духовную, общественную и политическую жизнь русскаго народа. Грозный царь окончательно придавливаетъ гражданскую самобытность и, вмѣстѣ съ тѣмъ, охотно слушаетъ лютеранина Бомелія и чуть не поддается вліянію другого протестанта. Обнаруживая проблески увлеченія своего при-

чудливаго характера, деспотъ-богословъ не задумывается, однако, пустить подъ ледъ на Двинѣ одного пастора, Ѳому, за проповѣдь протестантства во Псковѣ, а одного лифляндскаго пастора избить по головѣ палкою, когда тотъ вздумалъ сравнивать апостола Павла съ Лютеромъ. Оказывая то страхъ, то полное неуваженіе къ высшимъ іерархамъ, Іоаннъ Грозный, вмѣстѣ съ тѣмъ, не касался церковной независимости, и не мѣшалъ развиваться нетерпимости, укрѣпляться въ церкви старообрядческимъ стремленіямъ. Соборъ противъ еретиковъ, собранный въ 1554 году, обвинилъ, напримѣръ, ни въ чемъ неповиннаго троицкаго игумена Артемія за то только, что онъ не проклиналъ іудействующихъ и критически относился къ твореніямъ Іосифа Волоцкаго. Гнетъ деспотизма, нетерпимость церкви, какое-то дикое свободомысліе у царя и его опричины, по-неволѣ, принижали уровень просвѣщенія, и всѣ бывшіе зачатки прежняго духовнаго броженія, хотя и сохранялись, но влачили жалкую жизнь безъ внутренняго огня и безъ саморазвитія. Въ самомъ православіи стали проповѣдывать, что «всѣмъ страстямъ мати мнѣніе; мнѣніе—второе паденіе», а князь Курбскій свидѣтельствуетъ, что сами учители народа, свѣтскіе и духовные прельщали юношей трудолюбивыхъ, желавшихъ навыкнуть св. писанію, говоря: «не читайте книгъ многихъ», и указывали, что «кто ума изступилъ, и онъ-сица въ книгахъ замялся, а онъ-сица въ ересь впалъ». При такихъ наставленіяхъ, при безобразіи и распущенности всего общества, духовная мысль окончательно заглохла и не шла ни въ сторону укрѣпленія въ православіи, ни въ сторону самостоятельнаго развитія по пути какихъ бы то ни было ученій.

Наступило смутное время. Общая забота о личной безопасности еще болѣе отвлекла народъ отъ церкви и религіозности. Разбои и грабежи, интриги и искательства, постоянныя клятвопреступленія довели народъ до полнаго упадка духовныхъ и нравственныхъ силъ. По свидѣтельству Маржерета, многіе русскіе люди, усвоивъ себѣ поверхностно вѣрованія лютеранскія, явно смѣялись надъ православными обрядами и оказывали полнѣйшее равнодушіе къ дѣламъ вѣры. Съ воцареніемъ Романовыхъ и съ приведеніемъ кое-какъ въ порядокъ земскихъ дѣлъ, начинается, правда, забота объ установленіи стараго благочестія; но русское общество уже было не то: оно было доведено до полнаго упадка нравственности и до сильнаго безвѣрія, а связанная іерархическимъ началомъ церковь явилась учрежденіемъ, но не источникомъ живого слова и теплой, задушевной проповѣди, спо-

собной поднять нравственный уровень упавшаго общества. Церковь предложила народу только обрядовое, сухое, безжизненное благочестіе; народу самому пришлось искать себѣ удовлетворенія въ своихъ духовныхъ потребностяхъ, и онъ нашелъ его въ сильномъ протестѣ старообрядства и въ неменѣе сильномъ подчиненіи вліянію протестантизма.

Гдѣ ютились въ это время зародившіяся на православной почвѣ раціоналистическія ученія вообще, и гдѣ, въ частности, скрывались и сохраняли свое вѣрованіе іудействующіе, повторяемъ, сказать трудно. Правда, что уже первые противураскольническіе писатели, какъ, напримѣръ, святитель Дмитрій Ростовскій, упоминаютъ о нѣкоторыхъ сектахъ, не имѣющихъ ничего общаго съ старообрядческимъ движеніемъ; но эти упоминанія, сдѣланныя какъ-бы мимоходомъ, сами собою говорятъ, что въ то время и церковь и правительство были заняты болѣе серьёзнымъ старообрядческимъ движеніемъ, чѣмъ движеніемъ иного направленія. Такъ Дмитрій Ростовскій, говоря въ «Розыскѣ» о святыхъ иконахъ, усовѣщеваетъ раскольниковъ, что сами оні не книжны, а только памятуя нѣкоторыя мѣста писанія, толкуютъ ихъ направо и налѣво, заимствуя свои мнѣнія отъ еретиковъ «лютерскихъ, кальвинскихъ, а также и жидовскихъ». Въ другомъ мѣстѣ, онъ упоминаетъ только, что есть субботники, «иже по жидовски субботы постятъ», и что они возобновили ученіе жидовствующихъ, появившихся въ Новгородѣ во времена Іоанна Васильевича. Называетъ онъ ихъ также щельниками, указывая на то, что они молятся въ щели по-жидовски. Не только въ XVII вѣкѣ, но почти за все время прошлаго столѣтія, ни свѣтское, ни духовное правительство не имѣли опредѣленнаго взгляда на эту секту. Когда въ 1722 году вышелъ указъ о принятіи священниками, при рукоположеніи, особой присяги, то въ этомъ указѣ упоминается о нѣсколькихъ сектахъ, но о субботникахъ говорится въ числѣ прочихъ «множайшихъ». «Но всѣ раскольническія согласія, а именно: поповщину, ануфріевщину, софроньевщину, дьяконовщину, безпоповщину, иже суть перекрещеванцы, федосѣевщину, андреевщину, христовщину и прочая множайшая, елика гдѣ нынѣ суть» [1])—говоритъ указъ и обязываетъ каждаго священника не только не потворствовать помянутымъ сектамъ, но обнаруживать и доводить о нихъ до свѣдѣнія архіерея. Затѣмъ, ни въ царствованіе преемниковъ Петра, Анны, Елизаветы, ни при Екатеринѣ II-й, о сектахъ раціоналистическаго

[1]) См. указъ 17-го мая, 1722 г. Сборникъ пост. о расколѣ, т. І-й.

направленія не было и помину. Въ царствованіе Анны была обнаружена квакерская или христовщинская ересь. Жестокія, средневѣковыя гоненія, предпринятыя противъ раскольниковъ, въ первую половину прошлаго столѣтія, остановили раціоналистическую мысль; народъ бросился въ мистицизмъ, въ слѣпую вѣру въ сверхчувственное, и по-своему олицетворялъ его или въ разнаго рода причудливыхъ обрядностяхъ, какъ это мы видимъ въ крайнихъ, того времени, сектахъ безпоповщины, или въ человѣческомъ воплощеніи Бога, въ боготвореніи человѣка, какъ это обнаружилось въ христовщинѣ. Только наступившая съ Петра III относительная вѣротерпимость какъ-бы вывела на свѣтъ остатки древняго русскаго раціонализма, который послѣ того развивался уже самъ собою, находя себѣ поддержку какъ въ притонѣ свѣжихъ знаній, такъ, еще болѣе, въ близкомъ знакомствѣ народа съ иностранными выходцами и колонистами.

Что касается собственно субботниковъ, то усиленіе этой секты началось, по преимуществу, со времени Екатерины II. Въ одномъ изъ первыхъ своихъ указовъ, императрица обнародовала дозволеніе переселяться изъ Вѣтковской слободы въ южныя и восточныя губерніи «съ раскольниками польскаго происхожденія, иноземцамъ и жидамъ, пріявшимъ крещеніе по старо-церковному содержанію» [1]). Новые выходцы, смѣшавшись съ остатками доморощенныхъ сектантовъ, уже въ екатерининское время успѣли разселиться по пустопорожнымъ землямъ и степямъ, по Волгѣ, Иргизу, въ губерніяхъ воронежской и тамбовской и въ другихъ мѣстахъ. Несмотря, однако, на подобнаго рода усиленіе, субботниковъ все еще продолжали смѣшивать съ другими сектами, не отличая существа ихъ ученія; они являлись у правительства, у церкви, и даже у того времени изслѣдователей подъ разнаго рода наименованіями: то иконоборствующихъ, то щелкуновъ, то подъ именемъ селезневщины, которымъ назвали субботниковъ, обнаруженныхъ около города Тулы. Въ первый разъ попадается въ оффиціальныхъ документахъ имя субботниковъ не ранѣе 1818 года, когда графъ Аракчеевъ препроводилъ къ министру народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ всеподданнѣйшую просьбу повѣренныхъ отъ однодворцевъ воронежской губерніи, павловскаго уѣзда, въ которой они жаловались на дѣлаемыя имъ притѣсненія за «исповѣданіе Моисеева закона». Изъ собранныхъ по этому поводу свѣдѣній обнаружилось, что секта эта получила уже значительное распространеніе и не въ одной только

[1]) Указъ 11 октября, 1764 г. Сборн. пост. о расколѣ.

воронежской, но и въ тамбовской, саратовской, екатеринославской, и въ другихъ губерніяхъ. Будь это въ началѣ царствованія, быть можетъ, къ сектантамъ и не отнеслись бы такъ строго, но это было время аракчеевскаго режима и шишковской нетерпимости. Указомъ 23-го іюня 1820 года, субботниковъ города Екатеринославля, всѣхъ, съ ихъ семействами, высылаютъ въ кавказскую губернію, а къ 1825-му году уже былъ готовъ уставъ самыхъ строгихъ мѣръ, направленныхъ противъ всѣхъ сектантовъ. Законоположеніе это остается до настоящаго времени. Въ царствованіе Николая I, оно примѣняемо было съ большими строгостями, въ нынѣшнее—допущено послабленіе; но законъ, какъ неотмѣненный, остается въ силѣ до сей поры. Тѣхъ, которые совершали въ сектѣ какіе-либо обряды,—говорилось въ уставѣ,—или занимали первое мѣсто въ богослуженіи, или давали наставленія, брать въ солдаты, а негодныхъ къ военной службѣ ссылать въ Сибирь. Запрещены были собранія изъ разныхъ домовъ въ одинъ, на молитву; запрещены обрѣзаніе, вѣнчаніе, погребеніе и всякіе обряды, не имѣющіе сходства съ христіанскими. Паспортовъ для отлучекъ выдавать было не велѣно, всякое сообщеніе съ христіанствомъ строго воспрещалось. Мало того, изъ уѣздовъ, гдѣ обнаружены сектанты, велѣно было выслать всѣхъ евреевъ безъ исключенія, гдѣ бы они ни находились и чѣмъ бы ни занимались. Затѣмъ говорилось: «какъ ничто не можетъ имѣть большаго вліянія надъ простымъ народомъ, какъ презрѣніе или посмѣяніе надъ заблужденіями, и что средство сіе употребляютъ какъ раскольники разныхъ сектъ, такъ и субботники въ отношеніи православной вѣры, то въ сношеніяхъ мѣстныхъ начальствъ именовать субботниковъ жидовскою сектою и оглашать, что они подлинно суть жиды, ибо настоящее ихъ наименованіе субботниковъ, или придерживающихся Моисееву закону, не даетъ народу точнаго о сектѣ сей понятія и не производитъ того къ ней отвращенія, какое можетъ производимо быть убѣжденіемъ, что обращать стараются ихъ въ жидовство» [1]).

Примѣненіе этого закона началось тотчасъ же. Учителей секты забирали и отдавали въ солдаты или ссылали въ Сибирь; богослуженіе было запрещено вовсе, затѣмъ слѣдовали безконечныя притѣсненія и прижимки со стороны мѣстной полицейской и духовной власти. Сектанты рѣшили исповѣдывать свое ученіе тайно; многіе изъ нихъ заявили о присоединеніи къ православной церкви. Почти всѣ однодворцы павловскаго уѣзда и

[1]) Указъ 3 февраля, 1825 года. Сборн. пост. о расколѣ.

крестьяне имѣній графа Кушелева-Безбородко начали посѣщать православные храмы, ходить на исповѣдь и, видимо, старались показать себя православными; но перемѣна царствованія и ходившіе въ то время по деревнямъ разнаго рода слухи породили у субботниковъ надежду на лучшее будущее. Они снова начали собираться на свои молитвы и отступали отъ исполненія христіанскихъ обязанностей. Губернаторъ донесъ объ этомъ въ Петербургъ. Но здѣсь уже рѣзкими чертами обозначилось направленіе новаго царствованія. Къ субботникамъ примѣненъ былъ законъ о духоборцахъ, т.-е., всѣхъ тѣхъ, кто послѣ присоединенія къ православію предался вновь ереси, велѣно было годныхъ отдавать въ солдаты, а негодныхъ и женщинъ ссылать въ Сибирь [1]), причемъ губернатору было предписано какъ можно строже примѣнить этотъ законъ. И дѣйствительно, цѣлыя селенія и поселки были разорены, опустошены. Многія изъ имѣній графа Кушелева-Безбородко совершенно обезлюдѣли, а когда владѣлецъ хотѣлъ-было вознаградить причиненный ему убытокъ зачетными квитанціями, за сосланныхъ и отданныхъ въ солдаты, то и въ этомъ ему отказали [2]).

Субботники причислены были къ сектамъ наиболѣе вреднымъ; александровскій законъ получилъ широкое примѣненіе, и въ отношеніи сектантовъ стали принимать самыя жестокія мѣры. Къ этому времени, на попеченіи правительства находилась разоренная и обезлюдѣвшая Грузія. Какъ прежде, при Екатеринѣ II, раскольники составляли одинъ изъ существенныхъ элементовъ заселенія Новороссійскаго края, такъ и теперь послѣдователи такъ-называемыхъ «особенно вредныхъ» сектъ—духоборцы, молокане, субботники послужили матеріаломъ для заселенія Закавказья. Желая избавиться отъ домашнихъ притѣсненій, отъ постояннаго страха быть отданнымъ за руководительство или оказаніе соблазновъ въ солдаты, сектанты сами просили высылать ихъ куда угодно, лишь бы уйти отъ такого несноснаго положенія. Въ какихъ-нибудь пять-шесть лѣтъ, мы видимъ, что субботники заняли мѣста около Кизляра, Нухи, Шемахи, Куби, Шуши, Ленкорани, Нахичевани, Урдубати и пр. Здѣсь дозволено имъ было приписываться въ городскія общества. Чтобы еще болѣе усилить переселеніе въ Закавказье и не только изъ внутреннихъ губерній, но и изъ кавказскихъ областей, разрѣшено было, по представленію барона Розена, выдавать субботникамъ, поселявшимся въ

---

1) Указъ 18 декабря 1826 г. Сборн. пост. расколѣ, стр. 104.

2) Указъ 24 октября 1829 г. Сборн. пост. о расколѣ, стр. 119.

Кизлярѣ и другихъ мѣстахъ кавказской области, паспорты для свободнаго передвиженія и торговли по всему Закавказью, оставляя запрещеніе для кавказской области и для всѣхъ центральныхъ губерній [1]). Такое относительное приволье, сравнительно слабый надзоръ, свобода передвиженія, затѣмъ предпріимчивость и трудолюбіе сектантовъ поставили ихъ чуть не передовыми двигателями торговой жизни Закавказья, а съ тѣмъ вмѣстѣ и усилили ихъ пропаганду. Около города Александровска, на кавказской линіи, почти все населеніе и даже казаки поступили въ число ихъ прозелитовъ. Но военныя власти распорядились по-своему: всѣхъ жителей зачислили въ хоперскій казачій полкъ, учредили надъ ними военное управленіе и военною выправкою остановили распространеніе іудейства. На столько сильна была пропаганда субботниковъ на Кавказѣ, что императоръ Николай хотѣлъ-было вовсе прекратить переселеніе ихъ за Кавказъ. Одинъ изъ крестьянъ царицынскаго уѣзда, обратившійся въ православіе, просилъ за свое семейство, остававшееся въ сектѣ субботниковъ, переселить его за Кавказъ; но государь собственноручно написалъ на прошеніи: «ни подъ какимъ видомъ»; «жидовствующіе жили почти всѣ въ г. Александровскѣ, на кавказской линіи, со вредомъ и соблазномъ для сосѣднихъ; для того еще, въ недавнемъ времени, городъ сей и всѣ жидовствующіе зачислены въ хоперскій казачій полкъ, для постепеннаго уничтоженія сего раскола, и вновь посылать было бы противорѣчіе: должно приступить къ убѣжденію въ монастырѣ» [2]). Постоянныя донесенія барона Розена о пользѣ, доставляемой краю переселенцами-сектантами, а также убѣжденіе, что строгій надзоръ за ними можно водворить съ одинаковымъ удобствомъ и за Кавказомъ, побудили государя перемѣнить взглядъ. Съ другой стороны, кромѣ принудительныхъ высылокъ, въ министерство то-и-дѣло стали поступать просьбы о добровольномъ переселеніи. Чтобы дать какой-либо порядокъ, въ 1842 г. были выработаны болѣе подробныя правила о переселенцахъ-сектантахъ, по которымъ дозволено было выселяться за Кавказъ, но не иначе, какъ цѣлыми семействами, и когда всѣ члены его состоятъ въ ереси. Всѣ переселенцы направлялись сперва въ Ставрополь и оттуда, по переходѣ горъ, разселялись по назначеннымъ имъ мѣстамъ. Поселенцамъ отводилось отъ 3-хъ до 15-ти десятинъ на душу, или отъ 30-ти до 60-ти десятинъ на семейство; кромѣ того, дѣлалось

---

1) Указъ 1837 года, апрѣля 4. См. Сборн. пост. о расколѣ, стр. 254.

2) Указъ 4 февраля 1838 г. Сборн. пост. о расколѣ, стр. 274.

вспомоществованіе лѣсомъ, деньгами и даже рабочимъ скотомъ, сѣменами и хлѣбомъ. Субботниковъ приказано было селить вдали отъ православныхъ, учредить за ними самый строгій надзоръ и при выдачѣ паспортовъ для отлучекъ въ закавказскихъ провинціяхъ, указано было сообщать мѣстнымъ полиціямъ, куда они отправлялись, чтобы за ними и тамъ слѣдили, и чтобы, по минованіи 8-ми-мѣсячнаго срока, ихъ высылали на мѣсто жительство. Облегченія при переселеніи и все-таки гораздо меньшій надзоръ, установленный закавказскими властями, побудили почти всѣхъ сектантовъ внутреннихъ губерній къ выселенію. Изъ Дубовки, изъ балашевскаго уѣзда, изъ всѣхъ внутреннихъ губерній, потянулись въ горы поселенцы-субботники искать лучшей доли, лучшаго счастья. Большинство ихъ заселилось въ ленкоранскомъ уѣздѣ, группируясь въ селеніяхъ Привольномъ, Пришибѣ, а также въ самомъ форштадтѣ города Ленкорани. Сколько извѣстно, въ центральныхъ губерніяхъ секты этой почти не осталось; въ поименованныхъ же мѣстахъ за Кавказомъ, она сохранилась во всей чистотѣ.

Замѣчательно, что секту субботниковъ знали, преслѣдовали, переселяли, но ни духовное, ни свѣтское правительство не дѣлали ей, въ своихъ законодательныхъ опредѣленіяхъ, никакой характеристики. Все, что̀ высказано въ этомъ отношеніи, заключается въ указахъ 3-го октября 1835 и 9-го декабря 1842 года [1]). Въ первомъ изъ нихъ, секта іудействующихъ причислена къ особенно вреднымъ сектамъ, но не обозначено, въ чемъ заключается это ученіе; во второмъ только сказано: «іудействующая секта вреднѣйшая потому, что это хуже нежели ересь; это совершенное отпаденіе отъ христіанства и существенная вражда противъ христіанства». Понятно, что изъ такого рода опредѣленій нельзя вывести заключенія ни о существѣ ученія субботниковъ, ни о степени вреда, приносимаго ихъ вѣроученіемъ. Духовные и свѣтскіе писатели прошлаго столѣтія, да и большинство новѣйшихъ писателей смѣшивали эту секту съ другими, съ духоборцами, молоканами, или приписывали ей всецѣло ученіе Схаріи, отождествляя ее съ древнею новгородскою іудейскою сектою. Только въ послѣднее время, благодаря этнографическимъ работамъ нѣкоторыхъ изслѣдователей, можно составить себѣ понятіе о существѣ этого ученія и о томъ, насколько стоитъ оно особнякомъ, отличаясь и отъ своего новгородскаго прототипа, и отъ прочаго нашего раціонализма.

---

1) См. Сборн. пост. о расколѣ, стр. 139 и 409.

Какъ древніе іудействующіе, такъ и нынѣшніе субботники отрицають догматы о Троицѣ, о божествѣ Іисуса Христа и объ искупленіи; но затѣмъ, іудействующіе, выводя свои правила нравственности предпочтительно изъ ветхаго завѣта передъ новымъ, отрицали все внѣшнее и доводили свое вѣрованіе почти до раціонализма, тогда какъ субботники, наоборотъ, подвергаясь въ теченіи многихъ лѣтъ вліянію еврейства и притомъ, мало образованнаго, фанатически придерживающагося талмуда, начали держаться завѣтовъ чисто іудейскихъ и, въ этомъ отношеніи, въ ущербъ раціонализму, какъ-бы стали на одну доску съ еврействомъ. Такъ они придерживаются чувственнаго ожиданія Мессіи, какъ великаго пророка, который придетъ и уничтожитъ враговъ Израиля (по 3-й книгѣ Эздры). Они вѣруютъ, что, когда окончится седьмая тысяча лѣтъ (теперь у нихъ шестая), то наступитъ снова царство израилево и полное блаженство для поклонниковъ іудейства. Самою уважаемою изъ ветхозавѣтныхъ книгъ у субботниковъ почитается книга Іисуса сына Сирахова, которая сравнивается, по достоинству, съ притчами царя Соломона. Если чѣмъ отличаются они отъ еврейства, то меньшею нетерпимостью и сокращеніемъ въ своихъ ритуалахъ и общежитіи многихъ обрядностей, которыхъ держатся евреи. Впрочемъ, обрѣзаніе они совершаютъ также, какъ евреи, на 8-й день послѣ рожденія, отдѣляютъ женщину при новомѣсячіи, при похоронахъ и погребеніи совершаютъ еврейскіе обряды—сидятъ у гроба на полу, посыпанномъ землею, а по окончаніи погребенія, раздаютъ бѣднымъ милостыню. Мясо ѣдятъ они только отъ скотины, зарѣзанной своимъ рѣзакомъ; самымъ главнымъ праздникомъ считаютъ судный день въ сентябрѣ мѣсяцѣ, празднованіе котораго сопровождаютъ строгимъ постомъ и молитвою, а также пѣніемъ ветхозавѣтныхъ псалмовъ и слушаніемъ поученій раввина, называемаго у нихъ первосвященникомъ. Свадебный обрядъ схожъ съ еврейскимъ, заключается въ пѣніи подходящихъ псалмовъ и, затѣмъ, удостовѣреніемъ совершенія обряда, черезъ рукоприкладство 12-ти свидѣтелей. Женъ, по закону, допускается имѣть даже три; но почти всѣ сектанты ограничиваются одной. Разводы допускаются свободно.

Въ послѣднее время, уже на Кавказѣ, отъ субботниковъ выдѣлилась новая секта, подъ названіемъ геровъ,—секта еще ближе подходящая къ еврейству. Геры не столько стремятся сохранить обрядовую сторону, сколько проникнуться духомъ іудейства. Въ то время, какъ субботники совершаютъ свое молитвословіе на русскомъ языкѣ, платя значительныя деньги за пере-

воды еврейскихъ книгъ, геры молятся на еврейскомъ, а малограмотные заучиваютъ наизусть множество еврейскихъ молитвъ и ветхозавѣтныхъ таинствъ. У геровъ свой раввинъ,—природный, ученый еврей. Вообще, геры чуждаются субботниковъ и отдаютъ всѣ свои симпатіи чистому еврейству. Геры составляютъ только шестую часть всѣхъ субботниковъ; да и всѣхъ ихъ можно насчитать не болѣе пяти-шести тысячъ человѣкъ. Впрочемъ, по свидѣтельству мѣстныхъ наблюдателей, Моисеевъ законъ, стремясь сдѣлать изъ субботниковъ и геровъ настоящихъ евреевъ, не могъ однако искоренить у нихъ русскіе нравы, выражающіеся въ плясвахъ, пѣсняхъ и костюмахъ. Субботники, въ сущности тѣже простые русскіе мужики, съ тѣми же слабостями и доблестями. Сосѣди говорятъ про нихъ, что они честные люди: «онъ тебя ни за что не обманетъ; и выпьетъ съ тобой послѣ сдѣлки, и закуситъ послѣ разсчета по-русски, по православному, настоящіе русскіе люди»—вотъ общій отзывъ объ нихъ [1]).

Какъ мы говорили, секта субботниковъ почти прекратила свое существованіе въ центральныхъ губерніяхъ, и прекратила не столько отъ предпринимавшихся противъ нея правительственныхъ мѣръ, сколько потому, что раціонализмъ, не стѣсненный формами юдаизма, получилъ на народной почвѣ за послѣднее время болѣе широкое и болѣе свободное развитіе въ формѣ другихъ сектъ и даже въ сектахъ, вытекшихъ изъ православія—крайнихъ безпоповщинскихъ согласіяхъ. Чтобы быть самостоятельными и чтобы получить свое особое теченіе въ развитіи догмъ и обрядовъ, субботникамъ оставалось или примкнуть къ сектамъ духоборцевъ, т.-е. отойти отъ формъ и обрядности іудейства и идти по пути свободнаго развитія раціоналистическихъ идей, или, становясь особнякомъ, развивать свое ученіе по шаблону талмудической мудрости. Большинство придержалось перваго, меньшинство предпочло второе рѣшеніе и все ближе и ближе сливается съ іудействомъ. Мы полагаемъ, что секта эта не имѣетъ будущаго и, по всей вѣроятности, сама собою прекратитъ свое существованіе, такъ какъ новыхъ прозелитовъ у нея не бываетъ, и проповѣдь ея, вообще, не популярна. Замкнутые въ одномъ изъ непривѣтливыхъ уголковъ Закавказья, сектанты эти, если держатся до сихъ поръ, то, во-первыхъ, своимъ крѣпко-установленнымъ общежитіемъ, которое присуще имъ, какъ природнымъ русскимъ, и во-вторыхъ, тѣмъ, что для оживленія своего вѣрованія, они постоянно приглашаютъ изъ

[1]) См. Максимова, „За Кавказомъ". Отеч. Зап. 1867.

наиболѣе ученыхъ еврейскихъ раввиновъ, для чего не жалѣютъ ни средствъ, ни стараній. И это, пожалуй, единственный путь къ самосохраненію. Самое выдѣленіе геровъ, уже почти примкнувшихъ къ іудейству, указываетъ, что секта субботниковъ, быть можетъ, со временемъ совсѣмъ сольется съ нимъ. Сектанты начнутъ говорить по-еврейски; общность, существующая нынѣ, перейдетъ въ еврейскую замкнутость, а затѣмъ возникнетъ еврейская нетерпимость противъ всего новозавѣтнаго, христіанскаго. Понятное дѣло, что еврейскія общины и раввины не мало приложатъ для этого труда и старанія и не будутъ дожидаться нашихъ миссіонеровъ, которымъ едва-ли и извѣстно современное положеніе сектантовъ, а, быть можетъ, и существованіе ихъ. Во всякомъ случаѣ, исторія такого превращенія, изъ чисто русскихъ людей въ евреевъ, превращенія, обусловленнаго однимъ только вѣрованіемъ, можетъ послужить богатымъ матеріаломъ для наблюденій этнографовъ и соціологовъ.

2. Духоборцы.

Въ южно-русской Украйнѣ, въ предѣлахъ нынѣшнихъ губерній Харьковской и Екатеринославской, стало замѣтно, около 1740-хъ годовъ, особое броженіе раціоналистическихъ идей, изъ которыхъ образовалась потомъ секта духоборцевъ, весьма долго не обращавшая на себя вниманія. Какъ мѣсто, наполненное всякаго рода ссыльными и бѣглыми сектантами, Украйна обладала въ то время всѣми данными къ развитію всякаго рода отрицаній, какъ обрядовой стороны богослуженія, такъ равно и догмъ православія. Здѣсь были и выходцы изъ Польши, воспріявшіе реформатскіе взгляды и громившіе декоративную сторону католицизма; сюда убѣгали отъ гоненій наши раскольники и, не сдерживаясь старообрядствомъ, легко увлекавшіеся въ сторону отрицанія всякаго обряда; по сосѣдству жили переселенцы квакеры и меннониты, которые также оказывали не малое вліяніе на духовную мысль простого народа; наконецъ, не безъ того, что новое броженіе возникло подъ вліяніемъ еще сохранившихся въ народной памяти остатковъ народнаго раціонализма, преемственно проявлявшагося въ ересяхъ XVI вѣка, въ ученіяхъ московскихъ еретиковъ и въ ученіяхъ нѣкоторыхъ безпоповщинскихъ толковъ. Начавшееся съ Максима Грека движеніе духовной мысли, хотя слабо, но проглядывало въ теченіи XVI вѣка и затѣмъ, въ болѣе рѣзкихъ чертахъ, выражалось въ теченіи XVII

и XVIII столѣтій. Съ крайнимъ развитіемъ старообрядческаго направленія, обозначившимся въ Стоглавомъ соборѣ, возникло и противуположное, еще сильнѣе вдавшееся въ крайность и еще безпощаднѣе начавшее ломать все церковное устройство и все тогдашнее религіозное нестроеніе. Явились послѣдователи Максима, но послѣдователи принявшіе и развившіе элементы изъ жидовствующей ереси и изъ самыхъ крайнихъ выводовъ западныхъ протестантскихъ мыслей. Однимъ изъ первыхъ такихъ послѣдователей, какъ извѣстно, былъ Башкинъ. Разъ, въ 1553 году, пришелъ на духъ къ попу Симеону, необычный сынъ духовный, Матвѣй Башкинъ. Исповѣдываясь, онъ началъ просить у духовнаго отца наставленія, предлагалъ вопросы, но на исповѣди не получилъ ни наставленій, ни разъясненій. Башкинъ отправился къ отцу Симеону на домъ. Здѣсь онъ началъ читать разныя мѣста изъ св. писанія и, не дождавшись объясненій, самъ ихъ объяснялъ, причемъ кромѣ другихъ своеобразныхъ толкованій, обратилъ на себя вниманіе тѣмъ, что во имя христіанской любви отрицалъ рабство. Попъ Симеонъ былъ изъ неученыхъ, и всѣ вопросы Башкина показались ему «недоумѣнными». Показались они такими-же и Селиверсту. Доложили царю; еретика схватили и подвергли допросу. Онъ собственноручно написалъ сущность исповѣдуемаго имъ ученія. Послѣдователи нашего ученія, писалъ онъ, божество Сына и равенство Его съ Отцемъ не признаютъ, евхаристію считаютъ не таинствомъ; покаяніе, иконы и мощи не почитаютъ; отеческія писанія, житія св. отецъ и постановленія соборовъ называютъ «баснословіемъ»; наконецъ, всѣ мы называемъ церковь собраніемъ вѣрныхъ, а не человѣческимъ учрежденіемъ и, тѣмъ болѣе, не постройкой рукъ человѣческихъ. По допросу разузнали, что этого ученія держится большинство бѣлозерскихъ старцевъ, изъ которыхъ монахи Ѳеодосій Косой и Игнатій пошли въ отрицаніи еще далѣе Башкина. Соборомъ 1554 года еретики были осуждены и разосланы по дальнимъ монастырямъ. Для насъ важно то, что Ѳеодосій Косой и Игнатій успѣли бѣжать въ Литву, гдѣ продолжали проповѣдовать раціоналистическое ученіе, весьма близкое къ социніанству, состоящему въ отверженіи божества Іисуса Христа, всей церковной іерархіи, обрядовъ и, главное, въ отрицаніи повиновенія властямъ вообще, что, какъ извѣстно, положено въ основаніе ученія духоборцевъ. Проповѣдь Косого и Игнатія еще долго сохранялась въ литовскихъ предѣлахъ, и не безъ того, что могла имѣть вліяніе на нашихъ первыхъ раскольниковъ, скрывавшихся тамъ во времена преслѣдованій царевны Софіи и затѣмъ, по воз-

вращеніи ихъ на родину, они весьма легко могли положить начало ученіямъ, которыя впослѣдствіи приняли осязательныя формы раціонализма. Впрочемъ, помимо зарубежнаго вліянія, въ самой русской жизни создавались и развивались явленія, возбуждавшія раціоналистическую мысль. Извѣстно, что еще задолго до Петра завелись у насъ нѣмецкія поселенія, игравшія роль передовыхъ колоній запада для знакомства Россіи съ европейскимъ общежитіемъ, съ мастерствомъ и со всѣмъ, что было выработано тогдашнею европейскою цивилизаціею. Начиная съ Василія III, заселенія нѣмцевъ распространялись по всѣмъ городамъ, такъ что въ 30-хъ годахъ XVII столѣтія, по свидѣтельству Олеарія, въ одной Москвѣ жило болѣе 1000 семействъ лютеранскихъ и реформатскихъ, а къ концу вѣка, по свидѣтельству Рейтенфельса, всѣхъ нѣмцевъ, протестантовъ, жившихъ въ Россіи, въ Москвѣ и другихъ городахъ, было болѣе 18,000 человѣкъ. Вліяніе этой массы иноземцевъ было весьма значительное. Неподвижная, домостроевская Русь начала принимать отъ иноземцевъ обычаи, одежду и разные порядки обыденной жизни. Еще при Михаилѣ Ѳедоровичѣ, являлись такіе передовые люди, какъ князь Хворостининъ, для которыхъ тогдашняя жизнь московскаго общества казалась отвратительною. Позднѣе, при царѣ Алексѣѣ, сынъ боярина Ордина-Нащокина, въ свое время одинъ изъ образованнѣйшихъ молодыхъ людей въ Москвѣ, не могъ оставаться въ своей родинѣ и сперва бѣжалъ въ Польшу, а затѣмъ навсегда поселился въ Парижѣ. Волею-не-волею, самому правительству приходилось искать на Западѣ пособій въ тамошнихъ наукахъ, художествахъ, ремеслахъ и военномъ искуствѣ. Даже въ самомъ дворцѣ завелись нѣмецкая музыка, картины, часы, зеркала, кареты, наконецъ, явился театръ и придворная труппа комедіантовъ. Все это расшатывало старорусскую, обрядовую жизнь съ ея внѣшнимъ благочестіемъ и внутреннимъ безобразіемъ; все это приводило къ мысли объ исканіи другой, высшей истины, освобожденной отъ внѣшней формы. Если на верху, подъ вліяніемъ Запада, думали объ обновленіи, протестовали противъ старины, то внизу, въ массахъ, явился тоже протестъ противъ нововведеній, разрушающихъ древне-русское общинное начало, нововведеній, къ которымъ темный русскій народъ, защищая православіе, безсознательно причислялъ всякіе новые иноземные порядки, полагая въ нихъ какъ-бы символъ уничтоженія старой, болѣе свободной и самостоятельной, общинной жизни. Здѣсь два, съ виду противуположныя теченія, имѣли одну и ту же цѣль—достиженіе лучшихъ порядковъ,

большей свободы. Западники, лучшіе передовые люди на верху искали этого въ формахъ европейской жизни и въ вѣрованіи возвышали свободное человѣческое сознаніе надъ неподвижностью православія; новые староверы находили лучшее въ старыхъ общинныхъ порядкахъ, восставали противъ централизма, и въ вѣрованіи держались стараго обычая и старыхъ формъ богослуженія, доводя ихъ до ненарушимости буквы. Второе теченіе, какъ болѣе близкое къ пониманію массы, какъ осязательнѣе затрогивавшее ея интересы, тотчасъ-же охватило большую долю народа и выразилось затѣмъ въ страшной, упорной двухвѣковой борьбѣ и съ правительствомъ, и съ церковью. На развитіе и распространеніе теченія перваго рода потребовалось болѣе продолжительное время и болѣе сильныя вліянія, которыя, притомъ-же, шли сверху внизъ, а не наоборотъ, какъ это было въ старовѣріи и старообрядствѣ. Сильною поддержкою первому служили реформы Петра, чрезвычайный наплывъ иноземцевъ въ послѣ-петровское время, и то зародившееся стремленіе восполнить русскую религіозную исключительность мірскою образованностью Запада, впереди котораго стоялъ самъ Петръ. Если тогдашнее, сравнительно образованное, западное общество, переступило границы умѣренности въ критикѣ вѣрованій, то наша юная, недодѣланная образованность и подавно могла впасть въ другую крайность—въ полное пренебреженіе къ вѣрѣ. Оно въ дѣйствительности такъ и было. Не разъ приходилось Петру, человѣку, какъ извѣстно, мало вѣрующему, останавливать черезъ-чуръ вольныя замѣчанія относительно вѣры, высказываемыя его приближенными. Однажды, Татищеву пришлось больно отъ дубинки Петра за пущенную имъ какую-то ѣдкую насмѣшку на счетъ преданій церкви, причемъ Петръ приговаривалъ: «не соблазняй вѣрующихъ душъ, не заводи вольнодумства. Это вредно для благоустройства общественнаго. Не для того я тебя выучилъ, чтобы ты былъ врагомъ общества и церкви». Но такое настроеніе было у большинства тогдашняго передового общества: оно являлось какъ-бы модою, признакомъ хорошаго тона.

Совершенно безъ вѣры общество не можетъ быть. При упадкѣ оффиціальной вѣры и общественной нравственности, являются новыя ученія, новые потоки богословской мысли или, наконецъ, вѣра въ будущіе, въ недосягаемые, политическіе или соціальные идеалы. Не ушло отъ этого и Петровское время. Нѣкто Дмитрій Тверитиновъ, учившійся въ Нѣмецкой слободѣ медицинѣ, весьма скоро увлекся протестантскими идеями и сдѣлался ревностнымъ ихъ проповѣдникомъ. Ученіе свое онъ из-

лагалъ въ особыхъ тетрадкахъ, которыя давалъ прочитывать вмѣстѣ съ переводомъ Лютерова катихизиса. Проповѣдью своею Тверитиновъ не стѣснялся: распространялъ ее гласно, заводилъ споры съ православнымъ духовенствомъ и, какъ свидѣтельствуютъ источники, былъ настолько силенъ въ діалектикѣ, что оспоривать его не могли даже ученые московской духовной академіи. «Нынѣ у насъ, слава Богу, вольно всякому—кто какую вѣру изберетъ, въ ту и вѣруетъ»; говорилъ Тверитиновъ. Въ теченіи 10-ти лѣтъ, около него составился большой кружокъ послѣдователей, фанатически ему преданныхъ. Ученіе его почти то же, что Башкина: оно состояло въ отрицаніи таинствъ, евхаристіи, почитанія св. мощей и угодниковъ, поминанія умершихъ, наконецъ, въ отверженіи церковнаго преданія и самой церкви, какъ учрежденія. Въ 1713 году, сдѣланъ былъ доносъ и затѣмъ розыскъ духовнаго начальства. При содѣйствіи преображенскаго приказа, послѣдователи ученія были уличены показаніями нѣсколькихъ священниковъ, монаховъ, а также московскаго вице-губернатора Ершова. Когда узналъ объ этомъ Петръ, онъ не хотѣлъ огласки, не желалъ суда. Довольствуясь отреченіемъ отъ ереси, онъ поручилъ Стефану Яворскому присоединить еретиковъ къ церкви и затѣмъ потушить дѣло. Но для Яворскаго это былъ пробный камень; онъ хотѣлъ опредѣлить свои отношенія къ Петру, хотѣлъ узнать, — есть ли еще надежда получить патріаршескій санъ и возможно ли бороться, чтобъ оградить церковь отъ наступавшей для нея подчиненности свѣтской власти. Яворскій собралъ новыя доказательства и улики. Здѣсь, какъ на грѣхъ, одинъ изъ еретиковъ, фанатикъ Ѳома Ивановъ, находясь въ Чудовомъ монастырѣ, до того раздраженъ былъ монастырскимъ заточеніемъ, что пришедши однажды въ церковь, разсѣкъ косыремъ образъ чудотворца Алексѣя. Все это заставило Яворскаго собрать, въ 1714 году, московскій соборъ, который предалъ еретиковъ проклятію и отдалъ ихъ гражданскому суду. Тверитинова и его послѣдователей разослали по монастырямъ, а Ѳома Ивановъ сожженъ на кострѣ. Во время казни, одинъ изъ поклонниковъ и почитателей фанатика говорилъ народу: «вотъ, какъ онъ страдаетъ; сожгли, и не перекрестился». Петръ былъ очень недоволенъ ревностью Стефана и даже сдѣлалъ ему обидный выговоръ черезъ сенатъ. И Петръ былъ правъ. Дѣло московскихъ еретиковъ только разожгло положенное Тверитиновымъ ученіе: оно стало переходить изъ устъ въ уста и послужило корнемъ развившихся впослѣдствіи сектъ духоборцевъ и молоканъ. Рости

этому ученію тѣмъ болѣе было возможно, что при преемникахъ Петра протестантскія идеи получили полное право гражданства. При Аннѣ Іоанновнѣ, напримѣръ, высылали за рубежъ польскихъ ксендзовъ, велѣли насильно обратить въ православіе княгиню Долгорукую, а князя Голицына сдѣлали, за принятіе католицизма, придворнымъ шутомъ и заставляли пѣть пѣтухомъ въ клѣтушкахъ; но за то нѣмцамъ была лафа: они свободно строили себѣ кирки, заводили особыя общества и проч. Все это бы еще ничего, но нѣмецкое вліяніе на тогдашнее общество было пагубно въ разныхъ отношеніяхъ. Сколько нибудь систематическій раціонализмъ былъ не по плечу обществу, и все дѣло ограничивалось безрелигіозностью и крайнею распущенностью. Да и сами тогдашніе всесильные нѣмцы были плохими представителями протестантскихъ вѣрованій. Биронъ, напримѣръ, ни разу не былъ въ киркѣ; Остерманъ перемѣнялъ столько разъ религію, что даже никто не зналъ, какого онъ вѣроисповѣданія. Между тѣмъ, роскошь двора, дорогіе костюмы, блестящіе балы, маскарады, обѣды шли своимъ чередомъ, столичное дворянство проматывалось, грабя и разоряя мужиковъ; дворъ то-и-дѣло настаивалъ на энергическомъ дѣйствіи «доимочной канцеляріи». Вся нравственная мораль обыденной жизни сводилась въ осуществленію «эпикурейскихъ мнѣній», и русская женщина, только что выведенная изъ заперти, изъ терема, сразу поняла всѣ тонкости европейскаго кокетства и съ увлеченіемъ приняла свою новую роль — сдѣлаться въ духѣ времени матеріаломъ для «эпикурейскихъ» удовольствій. Тѣмъ временемъ, масса народная жила своею темною, неприглядною, тяжелою жизнью. Гнетъ и страшные поборы сверху, неудовлетворенность духовныхъ стремленій со стороны грубаго, необразованнаго сельскаго духовенства, отовсюду несправедливости и притѣсненія; неопредѣленныя, въ большинствѣ случаевъ, разукрашенные и преувеличенные слухи о сатанинскомъ образѣ жизни Петербурга,—все это дѣлало народъ воспріимчивымъ ко всякаго рода живой проповѣди, ко всякой обращенной къ нему рѣчи. Росъ и крѣпъ расколъ, вспомнились и привились вновь старыя ученія, носившія въ себѣ элементы раціоналистической мысли.

Если коснуться теперь подробностей зарожденія духоборческой секты, то, къ сожалѣнію, мы будемъ обладать только самыми поверхностными свѣдѣніями и самыми отрывочными свидѣтельствами. Изъ слѣдственныхъ производствъ того времени оказывается, напримѣръ, что кто-то, одни показывали, отставной солдатъ или унтеръ-офицеръ, другіе—что будто бы иностранецъ,

и называлъ себя квакеромъ,—собиралъ въ селѣ Охочемъ, Харьковской губерніи, примѣрно около 1740 года, сходки, ходилъ изъ дома въ домъ и училъ св. писанію, схоже съ ученіемъ нынѣшнихъ духоборцевъ. Кто былъ этотъ первый проповѣдникъ, до сихъ поръ осталось загадкою; но ученіе его не потухло и пустило корни не только въ мѣстѣ первой проповѣди, но нашло отголосокъ въ смежной Екатеринославской губерніи. Дѣйствительно, спустя 10 лѣтъ, тѣ же мысли послышались въ селѣ Никольскомъ, отъ старика Силуана Колесникова, пользовавшагося уваженіемъ и безграничнымъ довѣріемъ своихъ односельчанъ, какъ человѣка благотворительнаго, щедраго, строгаго образа жизни и житейской опытности, вдобавокъ, грамотнаго и обладавшаго замѣчательнымъ даромъ краснорѣчія. Послѣ Колесникова, дѣло проповѣди продолжали сыновья его Кириллъ и Петръ, которые, по всей вѣроятности, не ограничивались своими мѣстами, но бывали и въ Харьковской, и въ Тамбовской губерніяхъ, гдѣ уже раскинуты были сѣмена этого ученія еще первыми проповѣдниками. Подлинные акты говорятъ на этотъ счетъ, что въ 1768 году, многія изъ деревень Тамбовскаго уѣзда, въ особенности крестьяне села Лысыхъ-Горъ, отстоящаго отъ Тамбова всего на 20 верстъ, объявили начальству, что они рукотвореннымъ и написаннымъ на доскахъ образамъ не поклоняются, а потому храмовъ православныхъ не почитаютъ и ходить молиться въ нихъ не станутъ. «Мы поклоняемся,—говорили сектанты,—Христу неписанному въ изображеніяхъ, но Христу животворному». Нѣкоторые изъ фанатиковъ доходили до изступленія, кричали непристойныя слова во время всенощнаго бдѣнія, ругали священниковъ. Сектантовъ назвали тогда иконоборцами, не подозрѣвая, что это то же самое ученіе, что проповѣдывалось еще ранѣе въ Харьковской и Екатеринославской губерніяхъ. Екатерина II, впрочемъ, весьма милостиво отнеслась къ нимъ: производившіе безчинство были наказаны, а остальные прощены, и все дѣло ограничилось тѣмъ, что въ деревни сектантовъ были поставлены на время небольшія воинскія команды [1]).

Не прошло двадцати лѣтъ, какъ въ 1786 году появилось снова духоборческое ученіе, къ сѣверу, въ 25-ти верстахъ отъ Тамбова, въ селѣ Горѣломъ, гдѣ проповѣдникомъ въ то время явился, получившій довольно громкую извѣстность между сектантами, Савва Поберихинъ. Въ ученіе свое этотъ проповѣдникъ внесъ много мистическаго, заимствованнаго имъ во время

---

[1]) См. указъ отъ 28-го августа 1868 г. Сб. распор. о расколѣ.

пребыванія въ Польшѣ, отъ тамошнихъ ммистиковъ. Быть можетъ, Поберихину и нуженъ былъ мистицизмъ для возвышенія своего проповѣдническаго авторитета: не обладая ни умомъ, ни талантомъ, ни даромъ слова, какіе были у Колесникова, Поберихинъ внесъ въ ученіе свое новый, нынѣ отвергнутый догматъ— преемственности воплощенія божественной силы въ лицѣ проповѣдниковъ, къ которымъ, разумѣется, причислилъ себя. Послѣ этого, слово Поберихина было законъ, исполненія его онъ требовалъ угрозами, и даже, какъ удостовѣряютъ нѣкоторые писатели о духоборцахъ, посредствомъ убійствъ чрезъ своихъ приверженцевъ, называемыхъ «ангелами смерти». Народъ весьма скоро примкнулъ къ его ученію и, будучи наэлектризованъ мистицизмомъ, сталъ дѣйствовать фанатически и противъ православія и противъ тѣхъ, кто измѣнялъ принятому ученію. Здѣсь хроника прошедшей жизни сектантовъ, не подтвержденная, впрочемъ, документными свидѣтельствами, говоритъ, что грубое отрицаніе всего, даже библіи, и этотъ деспотизмъ поберихинской проповѣди, породили оппозицію подобно тому, какъ аскетизмъ основателя секты анабаптистовъ, Матисона, породилъ оппозицію въ противную сторону, въ лицѣ Яна Бекельсона (Лейденскаго). Зять Поберихина, нѣкто деревенскій портной Уклеинъ, на одномъ изъ собраній, сильно поспорилъ съ тестемъ и, боясь преслѣдованій, основалъ новое, очищенное ученіе молоканское. Вслѣдъ за этимъ, начавшійся разладъ между послѣдователями двухъ ученій, а также смерть деспота-проповѣдника Поберихина, нѣсколько измѣнили ученіе духоборцевъ, и именно въ сторону преобладанія раціонализма. Способствовали этому отчасти внѣшнія обстоятельства—отношенія къ сектантамъ правительственной власти, отчасти, внутреннія—общинно-устроительное стремленіе въ ихъ жизни, которое само собою входило въ ихъ вѣрованіе и, такимъ образомъ, низводило духовную мысль съ безплотнаго мистицизма на почву самаго осязательнаго реализма. Произошло это, разумѣется, не сразу. Тридцать лѣтъ развивали и устроивали свое ученіе сектанты; тридцать лѣтъ прошло, пока водители духоборства успѣли распространить свое ученіе по всѣмъ направленіямъ,—къ сѣверу до Новгородской губерніи, къ востоку за Приволжье, наконецъ, въ самой Москвѣ. Замѣчательно, что все это время сектанты стояли какъ-бы въ сторонѣ отъ общихъ преслѣдованій и отъ правительственнаго давленія. Ихъ какъ-бы не замѣчали. Строгая исправность въ отбываніи всевозможныхъ повинностей, отсутствіе безпорядковъ и уголовщины въ селеніяхъ, немалыя подачки ближайшимъ мѣстнымъ началь-

никамъ дали возможность окрѣпнуть сектантамъ и явиться для послѣдующей борьбы съ правительствомъ, уже довольно сильнымъ и стойкимъ организмомъ.

Главною догмою духоборства является общее положеніе раціонализма, появившееся у насъ еще во времена стригольниковъ, это—полное отрицаніе всей религіозной внѣшности, во имя поклоненія Богу «духомъ и истиною». «Ты егда молишься, вниди въ клѣть твою, и затворивъ двери твоя, помолись Отцу твоему, въ тайнѣ, духомъ и истиной»—учатъ духоборцы. Отрицая соборы, отцовъ церкви, іерархію, св. писаніе, сектанты признаютъ единственнымъ безусловнымъ источникомъ вѣры и спасенія слово Божіе внутреннее, живущее въ каждомъ человѣкѣ. Чтобы показать преемственность и неугасаемость духа истины въ человѣчествѣ, они считаютъ себя потомками невинно убіеннаго Авеля, и что ученіе ихъ получило начало отъ трехъ вавилонскихъ отроковъ, брошенныхъ въ пещь огненную и не сгорѣвшихъ тамъ. Очевидно, что эти черты мистицизма взяты отъ квакеровъ, но изложены и переработаны по-своему. Церковь для сектантовъ не болѣе, какъ духовное общество людей, соединенныхъ внутреннимъ словомъ и внимающихъ его глаголамъ. Вслѣдствіе этого, всѣ таинства сектанты объясняютъ въ духовномъ смыслѣ, и потому всѣ внѣшніе обряды — крестное знаменіе, посты, иконы, мощи, церковную іерархію, они отвергаютъ. Если, основываясь на словахъ Спасителя, представляютъ имъ о необходимости таинства крещенія и причащенія, то они отвѣчаютъ: «Мы крещаемся словомъ божіимъ и пріобщаемся хлѣбу животворному». Поставивъ основаніемъ своего ученія—внутреннее слово каждаго вѣрующаго, духоборство, хотя и вѣритъ въ историческаго Христа и признаетъ дѣло совершеннаго имъ искупленія, но въ то же время допускаетъ, что можно спастись и безъ вѣры въ него, съ одною вѣрою во внутреннее слово, которое одно и то же съ Сыномъ Божіимъ, и также духовно совершаетъ дѣло искупленія, также рождается, проповѣдуетъ, творитъ чудеса, страдаетъ и воскресаетъ въ сердцѣ каждаго вѣрующаго. Каждый вѣрующій, по ихъ понятію, долженъ достигнуть верховнаго состоянія благодати, и каждый изъ нихъ, сдѣлавшись храмомъ Божіимъ, имѣетъ въ себѣ присутствіе св. Троицы. Богъ-Отецъ — память; Богъ-Сынъ—разумъ; Богъ-Духъ Святый — воля. Въ ученіи о грѣхопаденіи они тоже отступили отъ христіанскаго воззрѣнія и приняли положеніе, что всякій отвѣчаетъ за свой грѣхъ, что грѣхопаденіе Адама было его частное грѣхопаденіе, а общая порча природы человѣческой есть слѣдствіе паденія душъ еще

до созданія міра, въ одно время съ паденіемъ злыхъ духовъ. Послѣдовательно съ этимъ, сектанты не признавали и не признаютъ власти человѣка надъ человѣкомъ, а тѣмъ болѣе власти, «Богомъ постановленной», что, какъ извѣстно, послужило главною причиною направленныхъ противъ нихъ преслѣдованій. Вообще, духоборцы принимаютъ священное писаніе постольку, посколько оно подтверждаетъ ихъ догму—переселеніе благодати господней въ существо каждаго вѣрующаго.

Отвлеченная и даже философская догма подобнаго рода, разумѣется, не могла самостоятельно зародиться въ средѣ простого народа, и несомнѣнно была перенесена первыми проповѣдниками изъ разнаго рода ученій, съ примѣсью многихъ протестантскихъ мнѣній и другого рода раціоналистическихъ и мистическихъ воззрѣній. Одинаково несомнѣнно, что впослѣдствіи времени распространеніе секты шло путемъ отрицанія внѣшняго богослуженія и соблюденія только установленныхъ ритуаловъ, которые притомъ же были просты и удобоисполнимы при всѣхъ гоненіяхъ, какія испытывали сектанты. Догматика сама собою ускользала въ вѣроученіи духоборцевъ; она была высока и черезъ-чуръ отвлеченна для нихъ. Имъ нужна была вѣра практическая, удобоисполнимая въ собраніяхъ, а это само собою очищало духоборство отъ мистицизма и сближало его съ болѣе простымъ вѣроученіемъ—молоканствомъ. Весьма рѣдко кто изъ нынѣшнихъ сектантовъ хорошо знакомъ съ догматами своего ученія—развѣ только нѣкоторые изъ ихъ старѣйшихъ; а затѣмъ, всѣ твердо знаютъ и хорошо помнятъ только тѣ слова, изъ принятаго ими священнаго писанія, которыя служатъ отвѣтомъ на запросы обыденной нравственности [1]).

Тѣмъ не менѣе, принявъ при самомъ началѣ часть мистическихъ воззрѣній, и будучи фанатиками, какъ мистики, крайніе отрицатели, какъ послѣдователи крайнихъ выводовъ, духоборцы прежде молоканъ кинулись въ глаза правительству и прежде ихъ обратили на себя вниманіе мѣстной власти.

Извѣстно, что въ послѣдніе годы своего царствованія, Екатерина болѣе заботилась о Европѣ, чѣмъ о Россіи, болѣе о дальнѣйшемъ расширеніи къ Босфору, чѣмъ о внутреннемъ устройствѣ государства въ провинціяхъ, коренныхъ и вновь пріобрѣтенныхъ. Все дѣло ограничивалось сборомъ податей и повинностей, и за-

---

1) Объ ученіи духоборцевъ см. Новицкаго „О духоборцахъ"; а также „О молоканахъ и другихъ сектахъ Тамбовской губерніи", Труды кіевской духовной академіи 1875 г., февраль.

тѣмъ губернія жила своею жизнію: крѣпостная зависимость достигла значенія рабства, управленіе казенными и удѣльными крестьянами уподоблялось крѣпостничеству, духовенство низведено было до полнѣйшаго безчинства, и какъ-бы въ насмѣшку, для внѣшняго прикрытія его внутренняго ничтожества, по табели о рангахъ санъ священника приравненъ былъ чину капитанъ-исправника. Взяточничество процвѣтало вездѣ и повсюду; о болѣе курьёзныхъ способахъ вымогательства чиновниковъ сохранилась память до сихъ поръ. Что касается до духоборцевъ, то они платили; съ нихъ брали и молчали объ нихъ. Съ восшествіемъ на престолъ Павла, времена перемѣнились. Государь круто взялся подтянуть ту по-истинѣ безобразную распущенность, какая стала въ обыкновеніи за послѣдніе годы царствованія его матери. Почувствовали это и военные, и гражданскіе чины, и столичное общество. Вскорѣ прослышала объ этомъ и провинція. О духоборцахъ доносили государю, что эта секта, хотя и заключаетъ въ своемъ ученіи отпаденіе отъ православія, но что послѣдователи ея живутъ спокойно, повинности отбываютъ исправно и соблазновъ не оказываютъ. Павелъ не преслѣдовалъ ихъ и даже отклонялъ всѣ предлагаемыя въ отношеніи ихъ строгости; но, когда новороссійскій губернаторъ Селецкій донесъ о настоящемъ ученіи секты и, главное, о томъ, что ученіе ихъ не признаетъ Богомъ постановленныхъ властей на землѣ, императоръ Павелъ открылъ жестокое противъ нихъ преслѣдованіе. Въ указѣ сенату, отъ 28-го августа 1799 года, между прочимъ сказано: «по случаю открывшейся нынѣ въ Новороссійской губерніи духоборческой ереси, издавна въ Россіи умы и сердца развращающей, и противу коей, при началѣ царствованія нашего, слѣдуя человѣколюбію, употребили мы наикротчайшія мѣры, надѣясь, что та гнусная секта возчувствуетъ наше отеческое къ ней снисхожденіе, и на путь истинный разсудка, чести и вѣры обратится, видя по существованію еще оной, сколь участники ея суть нашей пощады нѐ достойны, повелѣваемъ: всѣхъ, изобличенныхъ въ ереси духоборческой, числомъ 31 человѣкъ, отослать въ Екатеринбургъ, вѣчно къ разработкѣ рудниковъ, содержа ихъ всѣхъ скованными и употребляя въ наитягчайшія работы, дабы сіи духоборцы, отвергающіе высшую власть на землѣ, предѣломъ Божіимъ постановленную, возчувствовали чрезъ сіе, какъ слѣдуетъ, то, что суть на землѣ власти, Богомъ опредѣленныя, на твердую защиту добрыхъ, злодѣямъ же подобнымъ на страхъ и наказаніе». Такая небывалая строгость тотчасъ же отразилась на положеніи сектантовъ. Ихъ не

только перестали прикрывать, но стали преслѣдовать и открывать. Не прошло какихъ-нибудь пяти мѣсяцевъ, какъ обнаружились слѣды секты въ Новгородской губерніи, въ селеніи Чудовѣ и слободѣ Сосницкой, гдѣ, какъ это можно видѣть изъ актовъ того времени, къ удивленію и церкви, и правительства, разслѣдованіемъ обнаружено было, что сектанты отвергали церковь, таинства, святыхъ, не признавали государя и представителей власти, т.-е. совершенно подобны были сектантамъ Новороссіи, или тѣ же духоборцы. Вслѣдъ за этимъ, по связи захваченныхъ подсудимыхъ и по сознанію нѣкоторыхъ обратившихся въ православіе, открыто было, что ученіе духоборства пріютилось въ Москвѣ и въ числѣ своихъ послѣдователей имѣло даже наборщика Петра Тиханова, служившаго на московскомъ печатномъ дворѣ. Все это страхъ какъ ожесточило Павла. Именнымъ указомъ генералъ-прокурору Обольянинову, онъ приказалъ всѣхъ нераскаявшихся сослать въ вѣчную каторгу и примѣнять это наказаніе въ видѣ общаго правила для всѣхъ вновь обнаруживающихся сектантовъ. Касательно подсудимаго съ печатнаго двора, Тиханова, онъ сдѣлалъ чрезъ преосвященнаго с.-петербургскаго, Амвросія, выговоръ синоду, что «сколь не попечительно московское духовенство, когда на ихъ печатномъ дворѣ таковыя секты оказываются» [1]). Синоду это было, разумѣется, не по сердцу. Съ своей стороны онъ ссылался на то, что свѣтское начальство не принимаетъ мѣръ о взысканіи штрафа за небытіе православныхъ у исповѣди, что, по силѣ указа 1765 года, ему предписывалось, чтобы епархіальные архіереи, по раскольническимъ дѣламъ, своею властью ничего не принимали, что, наконецъ, самъ синодъ, вслѣдствіе постоянныхъ настояній сената, вынужденъ былъ предписать приходскимъ священникамъ, въ отвращеніе разглашаемыхъ на нихъ нареканій, чтобы они прекратили всякія сношенія съ раскольниками, и чтобы въ дома ихъ отнюдь не входили. Желая показать, что духоборцы вовсе не находятся въ вѣдѣніи духовенства, синодъ доказывалъ, что они «не иное суть, какъ выродившіеся изъ раскольниковъ, которые, по различнымъ своимъ заблужденіямъ или толкамъ, сами между собою раздѣлялись на многія секты, хотя всѣ отъ церкви и отъ ея ученія удалились, но нѣкоторые изъ нихъ заблужденія свои простерли такъ далеко, что и съ отпадшими первоначально отъ церкви, яко бы за обряды, расколь-

---

[1]) Высоч. указы 30 марта и 30 апрѣля 1800 г. Сборн. пост. о расколѣ, стр. 783 - 789.

никами, никакого въ образѣ мыслей сходства не имѣютъ». То-есть, тогдашніе іерархи полагали, что духоборцы не болѣе, какъ крайняя вѣтвь раскола—старообрядства, и видимо не подозрѣвали самостоятельнаго развитія раціонализма на русской народной почвѣ.

Чѣмъ бы кончилось это пререканіе между сенатомъ и синодомъ, и какое направленіе приняло бы преслѣдованіе сектантовъ и охраненіе православія — сказать трудно, такъ какъ въ этомъ году императора Павла не стало. Молодой Александръ, еще живо помнившій наставленія женевца Лагарпа, и притомъ, будучи въ первое время подъ вліяніемъ столь же пылкихъ и столь же неопытныхъ молодыхъ друзей, разумѣется, не могъ продолжать принятую-было въ руководство систему Павла. Въ первый разъ познакомился онъ съ духоборцами изъ донесенія ревизовавшихъ въ то время слободско-украинскую губернію, сенаторовъ Лопухина и Нелединскаго-Мелецкаго. Сенаторы старались какъ можно болѣе разузнать о сектантахъ, ѣздили по духоборческимъ селамъ, собирали свѣдѣнія о положеніи ихъ хозяйства, объ исполненіи ими повинностей и всѣхъ требованій начальствъ, о поведеніи ихъ, объ ихъ вѣрованіяхъ и воззрѣніяхъ. Правда, собранныя ими свѣдѣнія были подробны только въ отношеніи исправности отбыванія сектантами повинностей и весьма шатки въ отношеніи ихъ вѣрованій, что, разумѣется, произошло отъ того, что сами сектанты, какъ тогда, такъ и теперь, тщательно скрывали свое ученіе, а мѣстное начальство и сельское духовенство, привыкнувъ мѣрить всѣхъ сектантовъ по одному аршину расколо-старообрядства, передавали сенаторамъ крайне невѣрныя свѣдѣнія; но какъ бы то ни было, сенаторы засвидѣтельствовали передъ государемъ, что они были удивлены нравственностью и трудолюбіемъ духоборцевъ, что сектанты не только не достойны тѣхъ притѣсненій и притязаній, которыя къ нимъ предъявляетъ мѣстное начальство, но, напротивъ, заслуживаютъ полной защиты со стороны правительства. Донесеніе сенаторовъ имѣло громадное вліяніе на государя. Прежде всего, онъ велѣлъ вернуть изъ ссылки почти всѣхъ духоборцевъ и даже оказывалъ особую заботливость о положеніи возвращенныхъ. Въ одномъ изъ указовъ на имя гражданскаго губернатора слободско-украинской губерніи, онъ предписалъ ему, какъ можно строже, наблюдать за спокойствіемъ возвращенныхъ и постоянно оказывать имъ защиту отъ всѣхъ «притязаній къ нимъ невѣжества и ложной ревности къ ихъ просвѣщенію». Въ этомъ же указѣ замѣчательны слѣдующія слова Александра: «и разумомъ, и опытомъ, пишетъ государь,

давно уже дознано, что умственныя заблужденія простого народа, преніями и нарядными увѣщаніями, въ мысляхъ его углубляясь, единымъ забвеніемъ, добрымъ примѣромъ и терпимостью мало-по-малу изглаживаются и исчезаютъ. Вотъ правило, коего мѣстному начальству должно съ ними держаться, и на немъ-то основано было и повелѣніе, данное о увѣщаніи сихъ духоборцевъ, при возвращеніи ихъ во-свояси. Сіи увѣщанія никакъ не должны имѣть вида допросовъ, состязаній и открытаго, обряду ихъ, мыслей насилія; но должны сами собою и непримѣтно привиться къ нимъ, изъ добрыхъ нравовъ духовенства, изъ жизни ихъ, изъ поступковъ и, наконецъ, изъ непринужденныхъ, къ случаю, и съ видомъ ненамѣренности, направленныхъ на ихъ положенія разговоровъ, а чтобы все сіе имѣло болѣе дѣйствія, и чтобы они лучше почувствовали свои обязанности ихъ къ правительству, прежде всего нужно бы было дать имъ самимъ примѣтить, что оно объ нихъ печется» [1]). Видимо, что первоначально Александръ, по крайней мѣрѣ, самъ лично стоялъ на пути полной вѣротерпимости. Въ томъ же указѣ, онъ приказалъ губернатору войти въ подробное разсмотрѣніе хозяйствъ возвращенныхъ изъ ссылки; обстроились ли они, вступили ли въ хлѣбопашество и, вообще, въ состояніи ли продолжать прежнее свое земледѣльческое положеніе, въ какомъ они находились до высылки. Къ сожалѣнію, заботы государя оказались совершенно напрасны. Возвращенные духоборцы не нашли на родинѣ, чтó называется, ни кола, ни двора, — все было разорено, расхищено, а земли ихъ сданы въ аренду или поступили другимъ въ собственность. Помѣстившись кое-какъ у своихъ единомышленниковъ, они обратились съ просьбою на высочайшее имя о переселеніи ихъ на болѣе свободныя мѣста и о соединеніи въ одно поселье. Какъ видно, духоборцы, а за ними и молокане предварительно сговорились объ этомъ, такъ какъ одновременно подобнаго рода просьбы поступили со всего юга Россіи—изъ слободско-украинской, екатеринославской и новороссійской губерній. Вопросъ, такимъ образомъ, сталъ общимъ и потому подвергся всестороннему обсужденію во многихъ инстанціяхъ. Рѣшили, что самое лучшее отвести для сектантовъ поля, лежащія по рѣкѣ Молочной, въ маріупольскомъ уѣздѣ, гдѣ они, будучи разобщены отъ православныхъ, уже не могутъ имѣть вліянія на нихъ, да и самое отдѣленіе послужило бы къ погашенію ихъ ереси. На основаніи этого, 25 января 1802 года, обнародованы были правила переселеній, причемъ

[1]) Указъ 27 ноября, 1801 г. Сборн. пост. о расколѣ, стр. 21.

переселенцамъ предоставлено было множество льготъ въ отношеніи отбыванія разнаго рода повинностей, а также были выдаваемы пособія на подъемъ и устройство, по 100 руб. на дворъ. Земли отведено было на Молочныхъ-Водахъ по 15 десятинъ на душу, и самое переселеніе обставлено было всевозможными удобствами. Не прошло года, какъ духоборческое и молоканское населеніе юга, почти въ цѣломъ составѣ, поселилось на Молочныхъ водахъ и образовало тамъ богатыя колоніи. Здѣсь же, въ первый разъ, правительство замѣтило разницу между сектами духоборцевъ и молоканъ, такъ какъ послѣдніе просили отвести имъ отдѣльные участки отъ земель, назначенныхъ для духоборцевъ.

Такое движеніе на югѣ Россіи не могло не отразиться на природныхъ духоборцахъ тамбовской губерніи, у которыхъ начались сходки, совѣщанія, сборы. Мѣстное начальство увидѣло въ этомъ признаки бунта, неповиновенія, начало тѣснить сектантовъ, вымогать у нихъ еще бóльшіе поборы. Посыпались жалобы со стороны сектантовъ, донесенія о непокорности со стороны губернатора. Государь снова подтверждаетъ тамбовскому губернатору, что «доколѣ не обнаружено будетъ въ духоборцахъ явнаго неповиновенія установленной власти, дотолѣ не можно, по единому смыслу ихъ ереси, судить и обвинять ихъ въ семъ преступленіи; но должно, оставляя ихъ спокойными во внутреннемъ исповѣданіи, воспрещать только явные соблазны, подвергая за то суду по законамъ, на нарушителей общаго благочинія направленныхъ» [1]. То же самое онъ высказываетъ въ указѣ вновь назначенному тамбовскому губернатору, Кошелеву, совѣтуя, по отношенію къ духоборцамъ, «различать терпимость отъ попущенія и невнимательность къ заблужденіямъ разума отъ послабленія». Но такая эластическая формула на практикѣ явилась полнымъ и ещѐ бóльшимъ притѣсненіемъ сектантовъ. Достаточно напомнить объ извѣстномъ дѣлѣ, какъ одинъ изъ духоборцевъ привезъ къ тамбовскому губернатору трупъ своего сына, засѣченнаго капитанъ-исправникомъ. Исправникъ фонъ-Меникъ сѣкъ крестьянъ села Красной-Дубравы за то только, что они духоборцы, а двухъ засѣкъ до смерти за то, что деревня не выплатила ему взятки въ 100 руб. Несмотря на гуманные съ виду указы императора Александра, это вопіющее дѣло получило все-таки печальный конецъ для духоборцевъ. Ихъ приняли за бунтовщиковъ, снова пересѣкли всю деревню плетьми, а крестья-

[1]) Указъ 21 августа 1803 г. Сборн. пост. о расколѣ, т. 2, стр. 27.

нина Мукосѣева за то, что привезъ къ губернатору трупъ сына, сослали въ Колу [1]).

Положеніе сектантовъ внутреннихъ губерній, по истинѣ, было невыносимо. Въ слѣдующемъ 1804 году, повѣренные отъ духоборцевъ воронежской и тамбовской губерній, жалуясь на притѣсненія чиновниковъ, просили, по примѣру слободско-украинскихъ и екатеринославскихъ духоборцевъ, переселить ихъ на Молочныя-Воды. На этотъ разъ дозволеніе послѣдовало на тѣхъ же основаніяхъ, какія допущены были прежде, исключая выдачи денежныхъ пособій. Послѣдовало также дозволеніе о переселеніи духоборцевъ изъ азовской крѣпости и форштата. Но въ то время отношеніе высшаго правительства къ сектантамъ уже во многомъ перемѣнилось къ худшему. Дозволяя переселеніе, оно въ то же время предписываетъ начальству таврической губерніи наблюденіе, чтобы духоборцы бѣглыхъ не принимали и въ секту свою никого не совращали, а когда херсонскій военный губернаторъ, дюкъ де-Ришельё сталъ хлопотать за духоборцевъ, чтобы ихъ избавили отъ рекрутской повинности, какъ несогласной съ ихъ ученіемъ, то въ ходатайствѣ этомъ отказали. Не уважена была также просьба о возвращеніи изъ Сибири оставшихся духоборцевъ, такъ какъ иркутскій губернаторъ засвидѣтельствовалъ, что за распространеніе ереси большинство изъ нихъ отданы въ солдаты, а частью разосланы на работы въ заводахъ. Впрочемъ, еще ранѣе, въ 1805 году, было сдѣлано распоряженіе, чтобъ сосланные въ Сибирь, по дальности разстоянія, не возвращались обратно, а были бы поселены на удобныхъ мѣстахъ, съ пользованіемъ тѣми льготами, какія предоставлены были поселенцамъ на Молочныхъ-Водахъ. Иркутское начальство, какъ показываетъ донесеніе губернатора, распорядилось по-своему и, вмѣсто поселенія, приложило къ сектантамъ самыя жестокія уголовныя кары.

Переселеніе большинства сектантовъ въ таврическую губернію не остановило, однако, распространенія духоборческой секты въ другихъ губерніяхъ. Тамбовскіе и воронежскіе сектаторы распространяли свое ученіе въ саратовской, пензенской, рязанской губерніяхъ и, въ особенности, на Дону. Въ городѣ Александровскѣ, купецъ Шутовъ до того увлекся новымъ ученіемъ, что, схвативъ образа въ полу, принесъ ихъ мѣстному протопопу и объявилъ, что въ церковь онъ ходить не будетъ и никакихъ требъ у него чтобы священники не исполняли, такъ какъ онъ «содержитъ законъ Моисеевъ по духоборческому обряду». Въ 1807 году,

[1]) См. „Истор. Вѣстникъ", 1880, № 2-й.

обнаружено было, что цѣлая Филипповская станица состоитъ въ духоборческой ереси, занесенной туда сотникомъ и казакомъ Лазаревыми. На этотъ разъ, правительство со вновь совращенными поступило очень круто: жителей станицы, всѣхъ до 15-ти-лѣтняго возраста, разселили между крестьянами лютеранскаго исповѣданія сѣверо-западныхъ губерній; дѣтей же, — мальчиковъ разослали по гарнизоннымъ школамъ, дѣвочекъ по дѣвичьимъ монастырямъ. Духоборческое ученіе появилось также въ войскѣ, въ особенности въ казачьихъ полкахъ и, несмотря на самыя жестокія военныя мѣры [1]), появилось настолько сильно, что правительство вынуждено было въ 1811 году постановить общимъ правиломъ, чтобы распространителей, кто бы онъ ни былъ, ссылать въ архангельскую губернію, а совращенныхъ на Молочныя-Воды, исключая казаковъ, которыхъ велѣно было препровождать на кавказскую линію, для сторожевой службы. Даже въ мѣстахъ ссылки, на Молочныхъ-Водахъ, сектанты оказывали громадное вліяніе на православныя села, и многіе изъ православныхъ переходили въ духоборство. Въ сектаторскихъ селахъ находили, кромѣ того, пріютъ бѣглые, дезертиры, бѣжавшіе или отъ сильнаго гнета крѣпостного права, или отъ поселенскихъ порядковъ или, наконецъ, отъ военной службы и тѣмъ, въ значительной степени, увеличивали число послѣдователей секты.

Между тѣмъ, строгость, предпринятая-было противъ сектантовъ, къ концу царствованія Александра нѣсколько ослабѣла, благодаря нѣкоторымъ дѣламъ, обнаружившимъ, что сектанты далеко не такъ порочны, какъ объ нихъ доносили, отчасти благодаря личной склонности государя къ мистицизму. Однажды, двое бѣжавшихъ изъ духоборческихъ поселеній мелитопольскаго уѣзда донесли херсонскому военному губернатору, что они были свидѣтелями самоличной расправы общества съ лицами, не желавшими принять ихъ ученіе, и что кромѣ самоуправства, духоборцы составляютъ изъ себя притоны всякаго рода разбоевъ, воровства, мошенничества, и что въ ихъ колоніяхъ скрывается бездна бѣглыхъ. Не разслѣдовавъ хорошенько дѣла, а основываясь на заявленіяхъ доносчиковъ, на поимкѣ четырехъ бѣглыхъ въ духоборческихъ селахъ и на заявленіи мѣстнаго духовенства о вредѣ этой секты для православныхъ, военный губернаторъ сдѣлалъ представленіе о высылкѣ всѣхъ духоборцевъ изъ мелитопольскаго уѣзда. Духоборцы также прислали прошеніе, что

[1]) См. дѣло Прокудина и Артемьева. Сборн. пост. о раск. т. 2, стр. 55.

мѣстное начальство тѣснитъ ихъ, обложило страшными поборами и взводитъ на нихъ такія преступленія, которыхъ въ ихъ колоніяхъ никогда не было и не будетъ. Началось разслѣдованіе, и обнаружилось, что кромѣ притѣсненія мѣстныхъ чиновниковъ и вліянія духоборцевъ на сосѣднія православныя села, все остальное ложь и неправда и что, напротивъ, сектанты народъ трудолюбивый, честный и примѣрной нравственности. «Отпаденіе сихъ людей,—писалъ по этому поводу Александръ херсонскому военному губернатору,—отъ православной церкви есть, конечно, съ ихъ стороны, заблужденіе, основанное на нѣкоторыхъ погрѣшныхъ заключеніяхъ ихъ объ истинномъ богослуженіи и духѣ христіанства. Сіе происходитъ въ нихъ отъ недостатка въ просвѣщеніи: ибо ревность божію имѣютъ, но не по разуму. Но просвѣщенному ли правительству христіанскому приличествуетъ заблудшихъ возвращать въ нѣдра церкви жестокими и суровыми средствами, истязаніями, ссылками и т. п.? Ученіе Спасителя міра, пришедшаго на землю взыскати и спасти погибшаго, не можетъ быть внушаемо насиліями и казнями, не можетъ служить къ погибели спасаемаго, коего ищутъ обратить на путь истины. Истинная вѣра нарождается благодатію Господнею чрезъ убѣжденія, поученіемъ, кротостью, а болѣе всего добрыми примѣрами. Жестокость же не убѣждаетъ никогда, но паче ожесточаетъ. Всѣ мѣры строгости, истощенныя надъ духоборцами, въ продолженіи тридцати лѣтъ, до 1801 года, не только не истребили сей секты, но паче и паче пріумножили число послѣдователей ея» [1]). На этотъ разъ, касательно мелитопольскихъ духоборцевъ, дѣло ограничилось только тѣмъ, что поручено было синоду озаботиться назначеніемъ благонадежныхъ и доброй нравственности священниковъ въ православные приходы, смежные съ поселенцами. Еще болѣе породило у сектантовъ надежды на лучшее будущее, когда государь, въ 1818 году, лично посѣтилъ духоборческія колоніи и остался очень доволенъ внѣшнею опрятностью, довольствомъ и видимымъ трудолюбіемъ сектантовъ. Поселеній было столько, что отведенныхъ первоначально земель

[1]) Указъ 9-го декабря 1816 г. Сб. распор. о расколѣ, стр. 47—50. Здѣсь невольно остановишь вниманіе на этой, поражающей разноголосицѣ между словомъ и дѣломъ: въ то время, какъ государь учитъ высокимъ истинамъ военнаго губернатора, исправники засѣкаютъ до смерти сектантовъ за то, что тѣ не даютъ требуемой взятки! Впрочемъ, это отличительная черта царствованія Екатерины II и Александра I,—внѣшній либерализмъ, гуманность—на верху, и жестокій, грубый, азіатскій деспотизмъ—внизу, какъ наслѣдіе давнишнихъ татарско-византійскихъ порядковъ.

оказалось недостаточнымъ. По возвращеніи въ Петербургъ, государь приказалъ отвести еще 5½ тысячъ десятинъ, раздѣлить ихъ на участки и отводить по мѣрѣ требованія новымъ поселенцамъ.

Это былъ послѣдній законъ Александра. Наступило царствованіе нерасходящагося слова съ дѣломъ, царствованіе императора Николая, въ которое приступлено было всѣми силами административнаго механизма подавлять расколъ, ереси и всякаго рода отступничества. Уже въ 1826 году, повелѣно было всѣхъ предавшихся духоборческой ереси изъ помѣщичьихъ крестьянъ отдавать съ зачетомъ въ рекруты, а неспособныхъ ссылать въ Сибирь. Въ томъ же году, было сдѣлано распоряженіе, чтобы мелитопольскимъ духоборцамъ плакатныхъ паспортовъ не выдавать и отлучки съ мѣста жительства воспретить. Въ 1830-мъ году былъ изданъ общій законъ, по которому добровольное, и по суду, выселеніе сектантовъ въ новороссійскій край прекращено; подстрекателей и распространителей секты велѣно было отдавать въ солдаты, а слабосильныхъ и женщинъ селить въ Закавказье, куда и направлять добровольныхъ переселенцевъ «сколько въ уваженіи заселенія края, столько и въ уваженіи пресѣченія способовъ распространенія ереси», говоритъ указъ. Въ отношеніи духоборцевъ тамбовской и воронежской губерній были приняты самыя строгія мѣры, а епархіальному начальству повелѣно было обратить особенное вниманіе на обращеніе ихъ въ нѣдра церкви. Вообще, правительство Николая, прежде прочихъ сектъ, всею силою обратилось на духоборцевъ. Мы не говоримъ о запрещеніи отлучекъ, о недозволеніи нанимать за себя рекрутовъ, о невыдачѣ женамъ сектантовъ зачетныхъ рекрутскихъ квитанцій, но даже вызваннымъ послѣ турецкой кампаніи, по приглашенію правительства, выходцамъ изъ Турціи, и тѣмъ не дозволено было поселиться иначе, какъ за Кавказомъ, несмотря на убѣдительныя просьбы направить ихъ къ единовѣрцамъ, на Молочныя-Воды [1]). Затѣмъ эти безконечные процессы, прижимки мѣстныхъ чиновниковъ и низшаго духовенства, постоянныя ссылки въ Сибирь, за Кавказъ,—все это дѣлало жизнь сектантовъ, во всѣхъ отношеніяхъ, несносною. Но ученіе это почему-то особенно нравилось забитому народу. Въ чистомъ или болѣе или менѣе искаженномъ видѣ, оно появлялось повсюду, во всѣхъ губерніяхъ, что̀ еще болѣе сердило государя, хорошо знавшаго, что въ соціальной основѣ духоборческой ереси лежитъ непризнаваніе

[1]) Указъ 29-го ноября 1845. Сборн. распор. о расколѣ, т. 2-й, стр. 417 —430.

внѣшней власти. Даже въ мѣстахъ сибирскаго поселенія, на каторжныхъ работахъ, и тамъ привилось это ученіе и быстро распространялось между поселенцами и каторжниками. Генералъ-губернаторъ восточной Сибири, Сулима, доносилъ государю въ 1835 году, что секта эта имѣетъ особое притягательное свойство, что, какъ только появится гдѣ сектантъ, то тотчасъ же начнутся уклоненія въ ересь, будь это на каторжныхъ работахъ, или въ мѣстахъ самыхъ нелюдимыхъ и глухихъ. Въ Сибири распространеніе духоборческой ереси приняло такіе большіе размѣры, что даже изданъ былъ особый законъ, по которому каторжниковъ-сектантовъ велѣно было назначать въ одинъ Нерчинскій заводъ, а поселенцевъ селить въ самыя отдаленныя мѣста, и притомъ не между православными, а инородцами.

Такимъ образомъ, главнымъ засельемъ сектантовъ «особенно вредныхъ сектъ» явился Кавказъ. Ссылки по суду и добровольныя переселенія шли съ такимъ успѣхомъ, что въ отмежеванныхъ казенныхъ земляхъ Грузіи и Имеретіи не было уже мѣста. Оставалась одна Мингрелія; но страна эта была не размежевана и, притомъ, оказалась вполнѣ разоренною, необработанною, хотя обладающею многими природными богатствами. Желая сохранить мѣстное мингрельское управленіе и нѣкоторую автономію бывшему царству, правительство не уничтожало старыхъ порядковъ; оно оставило мѣстные администрацію и суды, управленіе страною поручило бывшему правителю, князю Дадьяну, и только общій надзоръ предоставило гражданскому управленію кавказскаго намѣстника. Князь Дадьянъ, по примѣрамъ Грузіи и Имеретіи, хорошо видѣлъ всю ту пользу, какую принесли Закавказью русскіе поселенцы-сектанты, которыхъ, въ 1830—1845 годахъ, переселилось, по свѣдѣніямъ министерства государственныхъ имуществъ, свыше 10 тысячъ человѣкъ одного мужескаго пола, изъ однихъ казенныхъ крестьянъ. Дѣйствительно, наши піонеры-сектанты во многомъ увеличили производительность края и не мало распространили тамъ неизвѣстныхъ до того времени отраслей хозяйства. Самъ князь Воронцовъ свидѣтельствовалъ, что съ тѣхъ поръ, какъ начали селиться въ закавказскомъ краѣ русскіе поселенцы, тамъ открылись промышленность, ремесла, съ которыми не были знакомы туземцы, явились извозчики для перевозки казенной и частной клади, плотники, каменщики и другіе мастеровые; устранились затрудненія въ пріисканіи ямщиковъ для почтъ и проч. Этою-то колонизаторскою силою и хотѣлъ воспользоваться хитрый и умный князь Дадьянъ. Затрудненіе было въ томъ, что сектанты селились до

сей поры на казенной землѣ; примѣровъ же заселенія на земляхъ частныхъ владѣльцевъ не было, исключая нѣкоторыхъ сдѣлокъ, заключенныхъ между великороссійскими выходцами (тоже сектантами) и обществомъ «распространенія шелководства и торговой промышленности за Кавказомъ», на что общество еще въ въ 1842 году выхлопотало себѣ особое право. Ссылаясь на этотъ случай, мингрельскій князь сдѣлалъ предложеніе правительству дозволить ему поселять сектантовъ на слѣдующихъ условіяхъ: 1) что онъ надѣлитъ ихъ землею по 10 десятинъ на душу и снабдитъ лѣсомъ и скотомъ; 2) что поселенцы обязаны будутъ владѣльцу выставлять въ одинъ будничный день въ недѣлю одного работника и отдавать $^1/_{20}$ часть со всѣхъ произведеній земли, и 3) что для первоначальнаго обзаведенія, имъ будутъ предоставлены на извѣстный срокъ всевозможныя льготы и облегченія. Предложеніе это прошло кавказское намѣстничество, министерство, разсматривалось въ кавказскомъ комитетѣ, и вездѣ было одобрено. Въ средѣ тогдашнихъ государственныхъ людей ходило мнѣніе о барщинномъ устройствѣ въ цѣлой Россіи. Успѣхъ, съ которымъ введена была барщина графомъ Киселевымъ въ Молдавіи и Валахіи (за что, впрочемъ, не помянулъ его добрымъ словомъ Марксъ въ своемъ «Капиталѣ»), и эти ходившія предположенія о возможности замѣны крѣпостного права барщиною заставили обратить вниманіе на предложеніе князя Дадьяна. Притомъ же гнетъ и притѣсненія, которыя въ полной силѣ царили тогда во внутреннихъ губерніяхъ, вызывали постоянныя со стороны сектантовъ ходатайства о переселеніи ихъ за Кавказъ. По свѣдѣніямъ министерства, отъ однихъ казенныхъ крестьянъ поступило въ тотъ годъ такихъ просьбъ отъ семи тысячъ человѣкъ. Но казенныхъ земель за Кавказомъ уже не было, а земли Мингреліи были не размежеваны, и неизвѣстно было, какія отойдутъ казнѣ, какія останутся за частными владѣльцами. Все это привело къ тому, что, согласно предложенію правителя Мингреліи, въ 1845 году, были высочайше утверждены правила, по которымъ дозволялось сектантамъ селиться на земляхъ частныхъ владѣльцевъ Мингреліи, съ соблюденіемъ, однако, слѣдующихъ условій: 1) поселенцы должны были считаться государственными крестьянами и платить въ казну подать, по усмотрѣнію кавказскаго начальства; имъ предоставлено было имѣть самостоятельное сельское управленіе и своихъ выборныхъ старшинъ и старостъ; владѣлецъ обязанъ былъ, кромѣ 10 десятинъ надѣла, по прибытіи поселенцевъ на мѣсто, снабдить ихъ на семью въ три души мужескаго пола, по парѣ рабочихъ во-

ловъ, по двѣ коровы и по двѣ свиньи [1]). 2) Взамѣнъ этого, поселенцы обязаны были въ пользу владѣльца повинностями, какія обозначены были въ предложеніи Дадьяна, но при этомъ постановлено было, чтобы сдѣлки между владѣльцами и поселенцами не превышали 24 лѣтъ, послѣ чего поселенцамъ предоставлено было право или измѣнить условія, или водвориться на тѣхъ земляхъ Закавказья, гдѣ найдутъ для себя болѣе удобнымъ и выгоднымъ. Наконецъ, 3) поселенцамъ предоставлено было право свободнаго передвиженія за Кавказомъ, причемъ 8-ми-мѣсячный срокъ паспортамъ былъ отмѣненъ. Это былъ первый шагъ законнаго отношенія крестьянъ къ владѣльцамъ, на земляхъ которыхъ они были поселены. Въ примѣрѣ этомъ нельзя не видѣть зародыша будущаго акта освобожденія крестьянъ, хотя примѣненіе его послѣдовало — гдѣ-же? въ Мингреліи, и для кого же?—для сектантовъ «болѣе вредныхъ» сектъ! Историкъ русскаго крестьянства не можетъ пройти этого явленія, не можетъ не занести его предтечею послѣдовавшаго, черезъ шестнадцать лѣтъ, всеобщаго освобожденія отъ крѣпостного ярма.

Заселеніе Мингреліи шло быстрѣе, чѣмъ полагалъ правитель ея, благодаря слѣдующимъ обстоятельствамъ. Въ 1839 году былъ изданъ для духоборцевъ ужасный законъ: повелѣно было всѣхъ до одного духоборца мелитопольскаго уѣзда, которыхъ считалось до 8-ми тысячъ человѣкъ мужескаго пола, если не пожелаютъ принять православія, переселить за Кавказъ, и только, въ видѣ снисхожденія, приказано было вознаградить ихъ по оцѣнкѣ за оставленныя недвижимыя имущества. Какой поводъ, и чтó была за причина къ изданію такого драконовскаго закона, мы доискаться не могли. Достаточно сказать, что это второе переселеніе сектантовъ продолжалось въ теченіи шести лѣтъ, въ 1841 — 1846 годахъ, и сопровождалось самыми потрясающими сценами. Сектантовъ отправляли партіями, почти-что подъ конвоемъ, причемъ мелкое чиновничество удерживало кормовыя и другія слѣдующія сектантамъ деньги, произвольно грабя и разоряя ихъ. Этого мало. Намучившись въ теченіи долгаго и труднаго пути, придя на мѣсто, они къ великому своему горю и тамъ не находили свободныхъ мѣстъ для заселенія. Ни бережливость, ни скромность жизни не помогали сектантамъ: они окончательно разорялись и положительно нищенствовали, нищенствовали въ странѣ незнакомой, среди народа, не знавшаго ни ихъ языка, ни ихъ обычаевъ. Единственнымъ спасеніемъ этихъ несчастныхъ

[1]) Это какъ-бы насмѣшка, потому что духоборцы свинины не ѣдятъ.

явилось предложеніе князя Дадьяна, чѣмъ, разумѣется, они тотчасъ-же воспользовались. Другое обстоятельство, ускорившее заселеніе Мингреліи, было то, что въ это время одинъ за другимъ издавались законы, все строже и все стѣснительнѣе для духоборцевъ внутреннихъ губерній. Кромѣ прочихъ запрещеній, имъ воспрещено было пріобрѣтать землю далѣе 30 верстъ отъ мѣстожительства, т.-е., положенъ былъ предѣлъ увеличенія благосостоянія; воспрещено было нанимать за себя рекрутъ, приписываться къ городамъ и проч. Большинство безъ оглядки бросились на предложеніе Дадьяна, основательно разсчитывая, что имѣть дѣло съ частнымъ лицомъ выгоднѣе, чѣмъ съ казною; да притомъ, въ лицѣ князя, они ожидали встрѣтить защитника противъ притѣсненій русскихъ чиновниковъ. Въ теченіи трехъ лѣтъ, со времени изданія правилъ, Мингрелія покрылась значительнымъ числомъ сектаторскихъ поселеній, принесшихъ громадную пользу краю. Не прошло много времени, какъ примѣрное хозяйство, предпріимчивость, трудолюбіе и трезвость, съ одной стороны; азіатская лѣнь, безпечность, постоянные споры между сонаслѣдниками Дадьяна и поголовное безденежье всего мингрельскаго дворянства, съ другой,—привели къ тому, что всѣ наши піонеры-сектанты сдѣлались собственниками, обладаютъ достаткомъ и ведутъ въ настоящее время значительную торговлю служа главнымъ источникомъ оживленія ремеслъ и промышленности края. Положеніе закавказскихъ сектаторовъ настолько улучшилось, что еще въ 1856 году поступали усиленныя ходатайства изъ тамбовской губерніи о дозволеніи добровольнаго переселенія за Кавказъ. Впрочемъ, скоро наступили другія времена. Произволъ и насиліе мелкаго чиновничества, въ значительной степени, ослабъ. Сектанты внутреннихъ губерній—тамбовской, воронежской, харьковской, и вообще, гдѣ сохранились еще ихъ зародыши послѣ долгихъ лѣтъ мучительныхъ насилій, отдачъ въ солдаты и высылокъ,—вздохнули нѣсколько свободнѣе и перестали думать о переселеніи.

Если спросимъ, гдѣ-же въ настоящее время, послѣ долгихъ преслѣдованій и пересылокъ съ мѣста на мѣсто, осѣли духоборцы, то намъ прежде всего придется искать ихъ на далекихъ окраинахъ. Тамъ является ихъ главное средоточіе, и только тамъ ученіе ихъ почти-что сохранилось въ своей чистотѣ отъ первыхъ проповѣдниковъ. Въ самомъ дѣлѣ, Мингрелія и мѣста за Кавказомъ, около Шемахи, въ деревнѣ Андреевкѣ, около необитаемой степи Мигуньи, деревня Новоселки, и пр.—вотъ главное сосредоточіе чистаго духоборства. Затѣмъ эта секта

заселила мѣста въ Сибири, по преимуществу, въ Приамурскомъ краѣ, куда ихъ переселили еще при Муравьевѣ, изъ дикихъ и безплодныхъ мѣстъ перваго заселенія, отведеннаго сибирскимъ начальствомъ въ царствованіе Николая. Гдѣ-бы можно было ожидать ихъ—на Молочныхъ-Водахъ, въ таврической губерніи, тамъ ихъ почти нѣтъ, такъ какъ послѣ высылки 1841—1846 г. въ Закавказье, они болѣе туда не селились, и это мѣсто сдѣлалось поселъемъ исключительно молоканъ. Наконецъ, на самой родинѣ духоборцевъ,—въ воронежской, тамбовской, харьковской, екатеринославской губерніяхъ, а также въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ, хотя сохранились сектанты, и называютъ свое ученіе духоборческимъ, но оно очень близко подходитъ къ молоканству и почти съ нимъ сливается. Оффиціальныя свѣдѣнія и многія частныя изслѣдованія признаютъ ихъ настоящими молоканами.

Духоборцевъ считали, и по настоящее время считаютъ, почему-то вреднѣе молоканъ, хотя правительство не ставитъ между ними никакой разницы. Когда, въ 1837 году, нѣсколько обществъ тамбовской губерніи, во время путешествія государя, подали ему прошеніе, чтобы на нихъ не распространялся законъ 1836 года, о недозволеніи держать у себя и наниматься у православныхъ, касающійся собственно молоканъ, а не ихъ, «духовныхъ христіанъ» или духоборцевъ, то отвѣтомъ на это послѣдовало повелѣніе примѣнять безразлично всѣ постановленія бывшія и будущія, будутъ-ли себя сектанты называть духовными христіанами, духоборцами или молоканами, такъ какъ они, «хотя-бы и различествовали между собою, но всѣ равно признаются вредными по духу ихъ ученія» [1]). Правда, что имѣя въ ученіи своемъ часть мистическихъ воззрѣній, духоборцы были болѣе фанатичны, рѣзче проявляли себя въ отношеніи властей, чтò и могло служить, пожалуй, поводомъ, почему было велѣно только ихъ переселять съ Молочныхъ-Водъ, за Кавказъ, а молоканъ оставили на прежнихъ селищахъ; но это было прежде, когда еще дѣйствовала пропаганда; признавать же теперь за духоборцами болѣе вреда, чѣмъ за молоканами, не имѣется никакого основанія. Мистицизмъ, положенный въ ученіе духоборцевъ первоначальными проповѣдниками, самъ собою ослабѣвалъ подъ напоромъ заботъ и дневныхъ нуждъ во время гоненій, и въ особенности, во время переселеній при устройствѣ на новыхъ мѣстахъ, гдѣ живая и кипучая дѣятельность по-неволѣ низводила воззрѣнія, блуждающія въ заоблачныхъ фантазіяхъ или отвлечен-

[1]) Указъ 4 апрѣля 1837 г. Сборн. постан. о расколѣ, стр. 255.

ныхъ предположеніяхъ, къ практическому примѣненію правилъ нравственности, т.-е. вводило въ его ученіе болѣе очищенный раціонализмъ, подогрѣтый утилитаризмомъ общинныхъ стремленій сектантовъ. Въ этомъ отношеніи, молокане только опередили духоборцевъ. Молоканство еще при первыхъ своихъ учителяхъ пошло на встрѣчу жизни, и еще тогда старалось отвѣтить завѣтнымъ, народнымъ идеаламъ, которые, благодаря горькой дѣйствительности, могли рождаться въ его понятіи не въ видѣ осязательнаго представленія, но только въ формѣ вѣрованія, завѣта или отдаленнаго будущаго. Кромѣ того, духоборство нашло себѣ почву среди казенныхъ крестьянъ; молоканство-же непосредственно осѣло на крѣпостномъ крестьянствѣ, отчего эта секта и называлась въ народѣ «мужиковскою». Съ духоборцами, какъ съ казенными крестьянами, правительство распорядилось свободно; мѣры противъ нихъ были круче, жестче; противъ молоканъ его стѣсняло крѣпостное право владѣльца, оно принимало мѣры нѣсколько слабѣе и, во всякомъ случаѣ, не такія прямыя и непосредственныя, какими являлись мѣры противъ духоборцевъ. Напоръ жизненныхъ потребностей, очистившій духоборство отъ мистицизма, и болѣе строгое отношеніе къ нему правительства привели эту секту къ тому, что въ настоящее время послѣдователей чистаго духоборства не много, и главное ядро нашего раціонализма составляютъ молокане. Число послѣдователей духоборческой секты не опредѣлено. Въ оффиціальныхъ таблицахъ фонъ-Бушена, изданныхъ по распоряженію министерства внутреннихъ дѣлъ въ 1863 году, духоборцы показаны вмѣстѣ съ молоканами, и всѣхъ насчитано до 110,000 человѣкъ. Нѣкоторые изъ изслѣдователей приводятъ цифру отъ 15—20 тысячъ человѣкъ; но цифра эта чисто гадательная и намъ нигдѣ не пришлось провѣрить ее болѣе точными данными.

Высокое со стороны догматики, простое со стороны обрядности, ученіе духоборства само въ себѣ заключало всю силу первоначальной распространяемости. Темный, придавленный, духовно-неудовлетворенный народъ весьма легко отрѣшался отъ церкви и ея обрядовъ, съ тѣмъ, чтобы перенести всѣ душевныя и сердечныя побужденія въ самого себя, во внутрь своей жизни, изъ которой не могли-бы отнять ихъ никакія гоненія, никакія мученія. Хотя русскій человѣкъ испоконъ-вѣку привыкъ къ обрядовому благочестію, но здѣсь, на такой высокой степени богословской мысли, онъ не могъ подобрать какихъ-либо сложныхъ, литургическихъ формъ, и все его богослуженіе явилось простымъ, безъискуственнымъ. Тамъ, гдѣ былъ недостатокъ въ

учителяхъ и проповѣдникахъ, тамъ устанавливаемая народомъ обрядность являлась иногда не только странною, но даже безобразною, какъ это было въ саратовской губерніи, гдѣ, по закрытіи иргизскихъ монастырей, начали развиваться крайнія безпоповщинскія согласія съ примѣсью духоборческаго ученія. Большинство же сектантовъ уже давно отрѣшилось отъ сложной и стѣсняющей обрядности. Въ этомъ смыслѣ молоканство, какъ говорили, есть та же переработка духоборческой догматики, подъ вліяніемъ жизненныхъ потребностей, національныхъ чертъ народа, и стремленія русскаго человѣка создать свою «мужиковскую вѣру». Въ итогѣ, духоборчество и молоканство, какъ въ отношеніи обрядности, такъ нравовъ и обычаевъ, совершенно тождественны. Отличительныя черты догматики, сохранившіяся въ весьма рѣдкихъ духоборческихъ собраніяхъ, и заключающіяся въ болѣе выдающихся чертахъ спиритуализма — вотъ единственные признаки, отличающія духоборцевъ отъ молоканъ. Два эти ученія слились теперь въ одно и будучи, хотя по источнику, западнаго происхожденія, но по передѣлкѣ онѣ сдѣлались вполнѣ національными.

Е. Р.

ИЗЪ ВИКТОРА ГЮГО.

(L'Ane, введенiе).

Но ты сгараешь, духъ! остерегись! Во мглѣ
Неблагодарнаго невѣжества сiяя
И собственнымъ огнемъ себя уничтожая,
Просуществуешь ты недолго на землѣ!
Ахъ, человѣчество ужъ много насчитало
Часовъ, имъ прожитыхъ, и на его глазахъ
Ночей таинственныхъ и свѣтлыхъ дней не мало, —
Съ тѣхъ поръ, какъ свѣтишь ты, — смѣнилось въ небесахъ!
Теченью времени противиться нѣтъ мочи —
И недалекъ твоей кончины скорбный часъ:
Ты истощаешься, свѣтя намъ дни и ночи...
Дарами лучшихъ благъ ты надѣляешь насъ —
Дарами истины божественной и вѣчной,
И мира, и любви, и кротости сердечной;
Но, создавая все, къ концу идешь ты самъ.
О! береги же свой родникъ огня живого! —
Но духъ невозмутимъ и отвѣчаетъ намъ:
— Я исполняю долгъ свѣтильника земного!..

В. Лихачевъ.

РАЗДВОЕННОЕ КОПЫТО

Романъ миссъ Брэддонъ

Съ англійскаго.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ *).

Глава VII. — Поцѣлуй.

Джасперъ Тревертонъ умеръ въ срединѣ зимы. Весна настала во всей своей красотѣ. Воздухъ былъ душистъ, погода въ полдень стояла такая жаркая, что напоминала лѣто; лѣсъ и поле пестрѣли разнообразнѣйшими цвѣтами; деревья, въ фруктовомъ саду, были покрыты бѣлымъ цвѣтомъ, съ мелькавшими на немъ, тамъ и сямъ, розовыми пятнышками; красота, полная прелести и свѣжести царила повсюду; то было время года, которое люди привѣтствуютъ, которымъ наслаждаются такъ, какъ никакимъ другимъ временемъ въ измѣнчивомъ году наслаждаться не могутъ; то былъ проблескъ рая на землѣ, въ промежуткѣ между мартовскими бурями и іюльскими грозами. Весна наполнила всѣ поля и всѣ ложбины, окружающія Газльгёрстъ, цвѣтомъ и ароматомъ, когда Джонъ Тревертонъ вновь появился въ деревенькѣ, такъ же неожиданно, какъ если бы онъ свалился съ неба.

Элиза Сампсонъ занималась уничтоженіемъ мошекъ, гнѣздившихся въ листвѣ любимаго ея розоваго куста, бережно снимала ихъ кончиками облеченныхъ въ перчатки пальцевъ, когда мистеръ Тревертонъ появился у маленькой желѣзной калитки, самъ неся

---

*) См. выше: январь, 236 стр.

свой чемоданчикъ,—онъ, наслѣдникъ имѣнія, приносящаго четырнадцать тысячъ фунтовъ ежегоднаго доходу.

— А!—воскликнула миссъ Сампсонъ,—мистеръ Тревертонъ, кáкъ могли вы! Мы бы послали мальчика на станцію.

— Кáкъ могъ я чтó сдѣлать?—спросилъ онъ, смѣясь надъ испуганнымъ выраженіемъ ея лица.

— Нести самимъ вашъ чемоданъ. Томъ такъ будетъ сердиться.

— Тóму не зачѣмъ и знать объ этомъ, если это разсердитъ его. Чемоданчикъ очень легокъ, да и принесъ я его только отъ гостинницы, гдѣ меня оставилъ омнибусъ. Какъ видите, я поймалъ вашего брата на-словѣ, миссъ Сампсонъ, и пріѣхалъ къ вамъ на нѣсколько дней.

— Томъ будетъ въ восхищеніи,—сказала Элиза.

Она размышляла о томъ, какъ бы устроить, чтобы обѣдъ, который она заказала для Тома и себя, оказался пригоднымъ и для наслѣдника Газльгёрстскаго зáмка. То былъ одинъ изъ тѣхъ обѣдовъ, которые составляютъ предметъ гордости всякой бережливой хозяйки, такъ какъ очищаютъ кладовую отъ всѣхъ остатковъ и не оставляютъ даже косточки для голодной племянницы кухарки, или для обожателя горничной. Немножко супу, выжатаго какъ будто при помощи гидравлическаго пресса изъ голыхъ костей и остатковъ хрящей, блюдо рубленой баранины, окаймленное загородкой изъ поджареннаго хлѣба, говяжій пуддингъ, поданный въ чашкѣ величиной съ чайную. Это послѣднее вкусное блюдо должно было доставить удовольствіе Тòму, предубѣжденному противъ рубленой баранины и всегда увѣрявшему, что она ему вредна. Въ видѣ сладкихъ entremets предвидѣлось цѣлое блюдо варенаго рису, здоровое, простое и не убыточное кушанье. Обѣдъ этотъ дѣлалъ честь уму и сердцу миссъ Сампсонъ, но она чувствовала, что онъ недостаточно хорошъ для будущаго владѣльца Газльгёрста, джентльмена, изъ котораго братъ ея надѣялся, со временемъ, извлечь не мало денегъ.

— Я пойду, похлопочу насчетъ вашей комнаты, пока вы поболтаете съ Томомъ въ кабинетѣ,—сказала она, удаляясь легкой поступью и оставляя Джона Тревертона на лугу, разстилавшемся передъ окнами гостиной.

— Ради Бога, не безпокойтесь,—закричалъ онъ ей вслѣдъ,—я не избалованъ.

Элиза была въ кухнѣ прежде, чѣмъ онъ докончилъ свою фразу. Она углубилась въ совѣщаніе съ кухаркой; послѣдняя была бы недовольна неожиданнымъ пріѣздомъ любого обыкно-

веннаго гостя, но сознавала, что мистеръ Тревертонъ—человѣкъ, для котораго люди могутъ и побезпокоиться. При своемъ послѣднемъ посѣщеніи онъ щедро наградилъ прислугу; обстоятельство это сильно говорило въ его пользу.

— Надо достать рыбы, Мэри,—сказала Элиза,—и птицы. Въ это время года все это чрезвычайно дорого, и Тримпсонъ ужасно надуваетъ покупателей, а все же надо достать что слѣдуетъ.—Тримпсонъ былъ единственный рыбный торговецъ и птичникъ въ Газльгёрстѣ, торговецъ, запасъ котораго состоялъ иногда изъ полутора фунтовъ семги и какой-нибудь тощей птицы, съ длинной шеей, висящей надъ прилавкомъ, на которомъ лежала и рыба, припекаемая полуденнымъ солнцемъ, озарявшимъ всѣми своими лучами лавку Тримпсона.

— Что-жъ, миссъ, будь я на вашемъ мѣстѣ, я бы подала парочку какихъ нибудь хорошенькихъ рыбокъ да утку, да говяжій пуддингъ,—посовѣтовала кухарка,—да, Господи, что-же разговаривать, придется подать, что достанемъ. Только нынче утромъ я видѣла двухъ утокъ у Тримпсона въ окнѣ.

— Надѣнь шляпу, Мэри, и бѣги посмотрѣть, что можно устроить, — сказала Элиза. А затѣмъ, когда Мэри убѣжала, не надѣвъ даже шляпы, миссъ Сампсонъ съ горничной пошли наверхъ и стали доставать надушенное бѣлье, и начали украшать запасную комнату, всякими подносиками для булавокъ, фарфоровыми подсвѣчниками, помадными банками, словомъ, предметами, скрывавшимися по шкапамъ, когда не было гостей.

— Онъ, конечно, пріѣхалъ сдѣлать ей предложеніе,—раздумывала Элиза, остававшаяся еще на верху съ цѣлью докончить уборку комнаты, послѣ того, какъ горничная уже сошла внизъ.

— Онъ выждалъ надлежащій срокъ по смерти стараго джентльмена и теперь пріѣхалъ просить ее быть его женой; я думаю, что они обвѣнчаются до конца лѣта. Ей несовсѣмъ-то будетъ ловко сразу снять такой глубокій трауръ, но она сама виновата: къ чему было носить крепъ, какъ будто мистеръ Тревертонъ ей настоящій отецъ? Я это приписываю гордости.

Миссъ Сампсонъ обладала способностью доискиваться причинъ всѣхъ дѣйствій своихъ знакомыхъ, и причины эти рѣдко бывали изъ лучшихъ. Болтовня Джона Тревертона съ мистеромъ Сампсономъ продолжалась не болѣе десяти минутъ, несмотря на дружескій и даже ласковый пріемъ со стороны стряпчаго.

— Я вижу, что вы заняты, — сказалъ Тревертонъ,—пойду, пройдусь по деревнѣ.

— Нѣтъ, честное слово, я только что собирался бросить работу. Я пойду съ вами, если хотите.

— Ни за-что; я знаю, что вы далеко не кончили. Обѣдъ, я полагаю, въ шесть часовъ, какъ обыкновенно? Я вернусь во-время, чтобы потолковать съ вами, прежде чѣмъ мы сядемъ за столъ.

Прежде чѣмъ мистеръ Сампсонъ могъ что-либо возразить, Джонъ Тревертонъ ушелъ. Ему хотѣлось видѣть, на чтó похожъ Газльгёрстскій зáмокъ при яркомъ, весеннемъ освѣщеніи, окруженный зеленью, разукрашенный всѣми цвѣтами, какіе только распускаются въ началѣ мая, оживляемый пѣньемъ сѣрыхъ и черныхъ дроздовъ и шумомъ, неразлучнымъ съ возвратомъ ласточекъ. Никогда не жаждалъ онъ, до такой степени, что-нибудь видѣть, какъ жаждалъ сегодня посмотрѣть на жилище своихъ предковъ, имѣющее, быть можетъ, стать и его жилищемъ.

Онъ быстро шелъ по деревенской улицѣ. Это была оригинальная улица: въ ней не было двухъ одинакихъ домовъ; здѣсь зданіе выдавалось впередъ, дальше домъ скромно виднѣлся въ глубинѣ небольшаго садика, еще дальше гостинница образовывала прямой уголъ съ большой дорогой, причемъ ко входной двери вела каменная лѣстница, съ покривившимися, отъ времени, ступенями. Великое было тутъ разнообразіе въ формѣ дымовыхъ трубъ, сложны были по своему устройству крыши, покатыя и остроконечныя, но повсюду блистала чистота, виднѣлись весенніе цвѣты, и воздухъ былъ гораздо чище того, какимъ, въ теченіи долгаго времени, дышалъ Джонъ Тревертонъ. Даже эта деревенская улица, съ ея дюжиной лавчонокъ и полдюжиной трактировъ, казалась красивой и симпатичной его утомленному городскимъ разнообразіемъ взгляду.

Пройдя улицу, онъ вступилъ на прекраснѣйшую дорогу, окаймленную съ обѣихъ сторонъ рядомъ великолѣпныхъ старыхъ вязовъ, превращавшихъ эту дорогу въ аллею, достойную служить въѣздомъ въ королевскую резиденцію. За этой дорогой виднѣлся зáмокъ, охраняемый высокими воротами изъ узорчатаго желѣза, сдѣланными въ Нидерландахъ, двѣсти лѣтъ тому назадъ. Онъ остановился у воротъ, чтобы полюбоваться видомъ, и задумчиво глядѣлъ на него, какъ на нѣчто, въ дѣйствительности не принадлежащее, какъ на прекрасную, но преходящую картину, которая могла исчезнуть въ то время, какъ онъ смотрѣлъ на нее.

Между воротами и домомъ почва была слегка волнистая; все это пространство было занято гладкимъ газономъ, слишкомъ незначительныхъ размѣровъ, чтобы на немъ можно было разбить паркъ, слишкомъ неправильной формы — чтобы его можно было

назвать лугомъ. Извилистая экипажная дорога, окаймленная прекрасными старыми деревьями, огибала зеленое пространство, которое украшалось разбросанными по немъ купами различныхъ растеній — рододендроновъ, лавровъ, кипарисовъ. Тѣнь отъ двухъ большихъ кедровъ падала на озаренную солнцемъ траву, а гигантскій букъ, изъ числа такъ-называемыхъ мѣдныхъ, только еще покрылся своими темно-коричневыми почками. Дальше стоялъ зáмокъ; высокій, широкій домъ изъ краснаго кирпича, съ украшеніями изъ бѣлаго камня надъ дверьми и окнами, и прекраснѣйшимъ карнизомъ; то былъ одинъ изъ тѣхъ домовъ, какіе строились въ царствованіе Карла II, настоящій домъ временъ сэра Христофора Рена, массивный и величавый въ своей строгой простотѣ. Джонъ Тревертонъ очнулся отъ своего сна на яву и дернулъ ручку колокольчика.

Изъ будки привратника вышла женщина, взглянула на него, очень низко присѣла, отворила ворота и впустила его, не сказавъ ни слова, точно какъ еслибъ онъ былъ хозяинъ. Въ ея глазахъ онъ и былъ хозяиномъ, хотя жалованье платили ей душеприказчики. Среди прислуги считалось дѣломъ рѣшеннымъ, что мистеръ Тревертонъ женится на миссъ Малькольмъ и воцарится въ Газльгерстскомъ зáмкѣ.

Онъ медленно шелъ по гладкой, хорошо содержанной травѣ. Все кругомъ измѣнилось и улучшилось, съ наступленіемъ иного времени года. И домъ, и садъ казались ему незнакомыми. Онъ помнилъ цвѣточный садъ влѣво отъ дома, безотрадный садъ безъ единаго цвѣтка, въ которомъ прогуливался по холоднымъ зимнимъ утрамъ, куря свою сигару; помнилъ и разстилавшійся за нимъ фруктовый садъ, окруженный стѣною, въ который, на его глазахъ, былъ впущенъ, подъ покровомъ ночи, тотъ странный посѣтитель.

Воспоминаніе объ этой ночной сценѣ, происходившей зимою, смущало его даже сегодня, несмотря на кажущуюся откровенность, которой дышало объясненіе Лоры.

— Должно быть, въ каждой жизни есть тайна, — сказалъ онъ себѣ со вздохомъ: — да по правдѣ сказать, мнѣ-то какое дѣло?

Онъ ничего не слыхалъ о перемѣнѣ, происшедшей въ планахъ миссъ Малькольмъ, и предполагалъ, что домъ предоставленъ заботамъ прислуги. Онъ удивился, замѣтивъ, что окна гостиной растворены, на всѣхъ столахъ стоятъ цвѣты, и все вообще имѣетъ какой-то жилой видъ. Онъ миновалъ домъ и вошелъ въ цвѣточный садъ; то былъ садъ въ голландскомъ вкусѣ, чопорный и правильный, съ длинными прямыми дорожками, кустами мож-

жевельника, подстриженными въ видѣ обелисковъ, съ густой изгородью изъ тисоваго дерева, вышиной футовъ въ восемь, съ прорѣзанными въ ней арками, черезъ которыя можно было проходить въ фруктовый садъ. Цвѣточныя клумбы пестрѣли красными и желтыми тюльпанами, ярко выступавшими на зеленомъ фонѣ среди зелени коротко подстриженнаго дерна и на темномъ фонѣ дорожекъ; всѣ эти живыя краски напоминали разрисованныя окна какого-нибудь стариннаго собора. Джонъ Тревертонъ, не видавшій подобнаго сада въ теченіи многихъ лѣтъ, былъ почти ослѣпленъ его непритязательной красотой. Онъ тихо дошелъ до конца длинной дорожки, оглядываясь по сторонамъ съ мечтательнымъ удовольствіемъ. Чудный, мягкій воздухъ, солнечный свѣтъ, въ тотъ мирный полуденный часъ, когда лучи солнца начинаютъ принимать золотистый оттѣнокъ — свистъ черныхъ дроздовъ въ кустахъ, свѣжесть и красота всего окружающаго наполнили душу его новымъ очарованіемъ. За послѣднее время онъ жилъ въ городахъ, загороженныхъ отъ красоты матери-земли цѣлымъ рядомъ стѣнъ, причемъ и красоту небеснаго свода скрывалъ дымъ, а воздухъ былъ испорченъ людскимъ дыханіемъ. Этотъ мирный садъ былъ для него такой же новостью, какъ еслибъ онъ явился прямо со дна каменно-угольной копи.

Вскорѣ онъ остановился, какъ-бы пораженный новой мыслью, посмотрѣлъ прямо передъ собой и пробормоталъ сквозь стиснутыя зубы:

— Дуракъ я буду, если позволю этому выскользнуть изъ моихъ рукъ.

Подъ *этимъ* разумѣлся Газльгёрстскій зáмокъ, а также земли и владѣнія, неразрывно съ нимъ связанныя.

Онъ стоялъ въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ тисовой изгороди; какъ разъ въ эту минуту, находившаяся противъ него зеленая арка превратилась въ рамку для живой и прелестной картины. Лора Малькольмъ стояла подъ ней съ непокрытой головой, одѣтая въ черное, съ корзинкой цвѣтовъ на рукѣ, Лора, которую онъ и не помышлялъ здѣсь встрѣтить.

Западный край неба былъ позади ея, она стояла, эта высокая, тонкая фигура, задрапированная въ черную матерію, падавшую прямыми складками, на золотомъ фонѣ, какъ святая на какой-нибудь итальянской картинѣ стараго періода; лучъ солнца, падавшій на ея каштановые волосы, образовывалъ вокругъ головы ея нѣчто въ родѣ сіянія, лицо оставалось въ тѣни.

Она нѣсколько минутъ простояла неподвижно, очевидно, пораженная появленіемъ незнакомца, затѣмъ узнала посѣтителя,

подошла и протянула ему руку, как самому обыкновенному знакомому.

— Извините, пожалуйста, что я вошелъ безъ доклада,— сказалъ онъ,—я и не воображалъ, что застану васъ здѣсь. А между тѣмъ, вполнѣ естественно, что вы иногда приходите взглянуть на старый садъ.

— Я живу здѣсь,—отвѣчала Лора,—развѣ вы не знали?

— Конечно, нѣтъ. Никто не сообщилъ мнѣ о перемѣнѣ въ вашемъ образѣ жизни.

— Я такъ люблю милый старый домъ и садъ, съ этимъ мѣстомъ у меня связано столько воспоминаній, что меня легко было уговорить остаться, когда мистеръ Клеръ сказалъ мнѣ, что это будетъ лучше и для самаго дома. Я нѣчто въ родѣ домоправительницы, завѣдующей рѣшительно всѣмъ.

— Надѣюсь, что вы здѣсь останетесь всю жизнь,—быстро проговорилъ Тревертонъ и вспыхнулъ, точно сказалъ нѣчто ужасное.

Такой же яркій румянецъ залилъ блѣдныя щеки и лобъ Лоры. Оба стояли и смотрѣли въ землю, смущенные, какъ школьники, а въ кустахъ раздавался торжествующій свистъ дроздовъ, а въ фруктовомъ саду заливалась какая-то птица.

Лора первая овладѣла собой.

— Вы уже давно въ Газльгёрстѣ?—спокойно спросила она.

— Я пріѣхалъ съ часъ тому назадъ. Мой первый визитъ въ замокъ, хоть я ожидалъ найти пустой домъ.

Другая картина появилась въ зеленой рамкѣ; молодая дѣвушка съ изящной фигуркой, вздернутымъ носикомъ и пріятнымъ, живымъ личикомъ.

— Поди сюда, Селія,—позвала Лора,—и позволь представить тебѣ мистера Тревертона. Ты слыхала о немъ отъ отца. Мистеръ Тревертонъ, миссъ Клеръ.

Миссъ Клеръ поклонилась, улыбнулась и пробормотала что-то неопредѣленное.

— Бѣдный Эдуардъ,—размышляла она,—этотъ мистеръ Тревертонъ страшно красивъ.

— Вы вѣроятно остановились у Сампсоновъ?—сказала она; —мистеръ Сампсонъ постоянно говоритъ о васъ. Онъ называетъ васъ: *мой другъ Тревертонъ;* вамъ вѣроятно это все равно, но оно порядочная-таки непріятность.

— Я думаю, что я въ силахъ это вынести,—отвѣтилъ Джонъ, чувствовавшій благодарность къ этой молодой особѣ, явившейся на выручку къ нему въ такую минуту, когда онъ

ощущалъ странное смущеніе.—Мистеръ Самнсонъ былъ очень любезенъ ко мнѣ.

— Если вы можете выносить его, такъ онъ точно страшно любезный человѣчекъ,—проговорила мисеъ Клеръ. Она, въ своихъ манерахъ и мнѣніяхъ подражала манерамъ и мнѣніямъ брата и была, почти во всемъ, женской копіей съ питомца оксфордскаго университета.—Но, кáкъ вы можете ладить съ его сестрой? она *ужасна.*

— Признаюсь, что общество этой особы не доставляетъ мнѣ невыразимаго наслажденія,—сказалъ Джонъ,—но я думаю, что и она—особа съ добрыми намѣреніями.

— Можетъ ли особа съ бѣлыми рѣсницами имѣть добрыя намѣренія?—съ философскимъ видомъ спросила Селія:—мнѣ думается, что Провидѣніе создало ее такою, въ видахъ предостереженія людей, точно также, какъ оно дало ядовитымъ змѣямъ плоскія головы.

— Вы слишкомъ серьёзно смотрите на вопросъ,—сказалъ Джонъ,—я не поклонникъ бѣлыхъ рѣсницъ, но я и не такъ предубѣжденъ противъ нихъ, чтобы считать ихъ признакомъ того или другого характера.

— А,—возразила Селія, съ многозначительнымъ видомъ,—со временемъ вы перемѣните свое мнѣніе.

Ей было только двадцать лѣтъ, но она говорила съ Джономъ Тревертономъ такимъ увѣреннымъ тономъ, словно она на цѣлые вѣка старше его, по своей мудрости и житейскому опыту.

— Какъ хорошъ садъ въ это время года,—сказалъ Тревертонъ, осматриваясь съ восхищеніемъ и обращая свое замѣчаніе къ Лорѣ.

— Ахъ, да, вы видѣли его только зимою,—отвѣтила она,—не желаете ли вы обойти фруктовый садъ?

— Очень бы желалъ.

— А потомъ мы вернемся въ домъ и напьемся чаю,—сказала Селія.—Вы, конечно, охотникъ до чаю, мистеръ Тревертонъ?

— Сознаюсь въ этой слабости.

— Мнѣ очень пріятно это слышать. Я ненавижу людей не любящихъ чай. Вотъ мой братецъ ничего не пьетъ, кромѣ крѣпкаго кофе безъ молока. Боюсь, что онъ дурно кончитъ.

— Я очень радъ, что вы почитаете склонность къ чаепитію добродѣтелью,—смѣясь замѣтилъ Джонъ.

Затѣмъ, они всѣ трое прошли черезъ арку, придѣланную въ тисовой изгороди, въ прелестнѣйшій изъ фруктовыхъ садовъ.

Садъ этотъ занималъ пространство въ семь или восемь акровъ, въ немъ уже лѣтъ полтораста росли и зрѣли груши, сливы, вишни, яблоки; тамъ и сямъ надъ прочими деревьями возвышался орѣшникъ, или мелькало старое чашковое дерево съ своей сѣроватой листвой; въ углу сада былъ устроенъ прудъ, надъ которымъ склонялись вѣтви двухъ старыхъ, лохматыхъ, квитовыхъ деревъ. Трава въ саду была мягкая, высокая, бархатистая, усѣянная бѣлой буквицей и блѣдно-синими цвѣтами шафрана; садъ заканчивался небольшимъ, покатымъ валомъ, на поверхности котораго папоротники только-что начинали развертывать свои сѣрые, змѣеобразные изгибы, причемъ обнаруживались молодые листочки нѣжнѣйшаго зеленаго цвѣта; за валомъ виднѣлась густая изгородь изъ боярышника, жимолости и шиповника.

Около полу-часу прогуливались мистеръ Тревертонъ и обѣ молодыя дѣвушки по травѣ, подъ сѣнью старыхъ деревъ съ изогнутыми стволами, наслаждаясь красотой и свѣжестью, разлитыми вокругъ нихъ, въ этотъ прелестнѣйшій часъ душистаго, весенняго дня. Селія говорила много, Джонъ Тревертонъ говорилъ мало, миссъ Малькольмъ почти все время оставалась безмолвной. А между тѣмъ Джонъ не находилъ ее ни скучной, ни глупой.

Для него было достаточно одного взгляда на этотъ нѣжный, хотя твердо-очерченный профиль, на этотъ умный лобъ, на эти серьёзныя губы, на эти спокойные, темные глаза, чтобы убѣдиться, что у той, кого его родственникъ предназначилъ ему въ жены, великъ запасъ и ума, и доброты.

— Бѣдный старикъ!—думалъ онъ,—онъ надѣялся упрочить мое счастіе, не жертвуя ея благополучіемъ. Еслибъ онъ зналъ, еслибъ онъ зналъ только!

Они вернулись въ цвѣточный садъ съ другой стороны, осмотрѣли оранжереи, гдѣ розоватыя азаліи и камеліи образовывали цѣлыя пирамиды яркихъ красокъ; заглянули въ огородъ, съ его грядами спаржи и носящимся надъ нимъ рѣзкимъ запахомъ душистыхъ травъ.

— Я просто до смерти хочу выпить чашку чаю, — воскликнула Селія.—Неужели, Лора, ты не слыхала, что на церковныхъ часахъ пробило пять.

Джонъ вспомнилъ, что у Сампсоновъ обѣдъ въ шесть часовъ.

— Я, право, думаю, что долженъ буду отказать себѣ въ этой чашкѣ чаю, — сказалъ онъ. — Сампсоны обѣдають въ шесть часовъ.

— Чтожъ изъ этого? — воскликнула Селія, никогда не вы-

пускавшая мужчину изъ своихъ лапокъ до тѣхъ поръ, пока суровая необходимость не вырветъ его у нея.—Отсюда до ихъ дачи не болѣе десяти минутъ ходьбы.

— Какой вы, должно быть, отличный ходокъ, миссъ Клеръ. Такъ и быть, я всѣмъ рискну изъ-за этой чашки чаю.

Они вошли въ хорошенькую комнату, выходившую прямо въ садъ, комнату съ двумя длинными окошками, вокругъ которыхъ вился ломоносъ съ его бѣлыми, звѣздообразными цвѣтами, тотъ видъ ломоноса (clematis montana), который цвѣтетъ весною. Комната эта была мала для библіотеки, а потому ее называли просто книжной комнатой; всѣ стѣны ея, отъ пола до потолка, были заставлены книгами, большую часть которыхъ собрала Лора. То была чисто дамская коллекція. Здѣсь были всѣ современные поэты, начиная отъ Вальтеръ-Скотта и Байрона; было много французскихъ и нѣмецкихъ книгъ, были сочиненія Маколея, de-Quincey, Ламартина, Виктора Гюго, было много историческихъ книгъ, но не было вовсе ни политическихъ, ни научныхъ сочиненій, не было также путешествій. Комната была замѣчательно уютна: на каминной доскѣ и на столахъ виднѣлись цвѣты, повсюду разбросаны были тростниковыя кресла, подушки, украшенныя frivolité, прелестнѣйшіе столики, и на одномъ изъ нихъ стоялъ пунцовый японскій чайный подносъ съ оригинальнѣйшимъ стариннымъ, серебрянымъ чайникомъ, чашками и блюдцами, изображавшими ивовые листья и вывезенными прямо изъ Нанкина. Лора сѣла разливать чай, а Селія принялась уничтожать кусокъ за кускомъ горячаго пирога съ масломъ,—одинъ видъ пирога напоминалъ о дурномъ пищевареніи, но существуютъ слабые умы, для которыхъ нѣтъ въ мірѣ большаго соблазна въ теплый, весенній день, какъ поѣсть горячаго хлѣба съ масломъ, запивая его крѣпкимъ чаемъ со сливками. Джонъ Тревертонъ сидѣлъ въ одномъ изъ низкихъ креселъ и пилъ чай съ такимъ удовольствіемъ, словно то былъ жизненный эликсиръ. Странное чувство испытывалъ онъ, сидя здѣсь на стулѣ у открытаго окна, глядя на клумбы, полныя тюльпановъ, надъ которыми шумно жужжали пчелы: ему казалось, что жизнь его только еще начинается, что онъ ребенокъ въ колыбели, смутно сознающій зарю своего существованія, что на совѣсти его не лежитъ никакого бремени, что нѣтъ у него ни связей, ни обузъ, что онъ свободенъ отъ всякихъ обязательствъ, что позади у него — неизвѣстность, а впереди жизнь, счастіе, красота матери-земли, любовь, домашній очагъ, словомъ, все, что

судьба приберегаетъ для людей, рожденныхъ подъ счастливой звѣздой.

Этотъ сонъ, эта мечта были такъ пріятны, что онъ и не пытался отогнать ихъ, пока выпивалъ три чашки чаю, а Селія трещала о Газльгёрстѣ и его обитателяхъ, представляя ему, какъ она выражалась, *общественную картину страны*, могущую быть ему очень полезной, въ видѣ руководства, въ теченіи недѣли, которую онъ собирался провести въ ихъ краяхъ. Онъ очнулся только, когда церковные часы пробили три-четверти шестого, вскочилъ со стула, поставилъ чашку на столъ и простился съ Лорой.

— Мнѣ придется-таки пробѣжать это разстояніе въ десять минутъ, миссъ Клеръ,—сказалъ онъ, пожимая руку этой бойкой особы.

— Боюсь, что я немного обсчиталась,—возразила Селія,—но Сампсоны охотно подождутъ васъ, и я не думаю, чтобы это промедленіе испортило ихъ обѣдъ.

— Вамъ ближе будетъ пройти черезъ фруктовый садъ,— сказала Лора.

Джонъ Тревертонъ направился черезъ фруктовый садъ, въ концѣ котораго была калитка, выходившая на дорожку, ведущую на большую дорогу.

То была извѣстная ему дорожка, огибавшая стѣну фруктоваго сада, а въ этой стѣнѣ виднѣлась дверка, которую, на глазахъ Джона, такъ таинственно отворили въ ту памятную, зимнюю ночь. Видъ маленькой, деревянной двери заставилъ его задуматься.

— Никогда не повѣрю, чтобы въ этой тайнѣ заключалось что-нибудь похожее на вину,—сказалъ онъ себѣ.

— Нѣтъ, я заглянулъ въ ея чудные глаза и считаю ее неспособной питать недостойныя мысли. Вѣроятно, то былъ какой-нибудь бѣдный родственникъ, кутила, за котораго ей было бы совѣстно передъ прислугой, вслѣдствіе чего она и приняла его втайнѣ, конечно съ тѣмъ, чтобы помочь ему деньгами.

— Какая ты странная, необыкновенная дѣвушка, Лора,— сказала Селія, осушая чайникъ,—почему ты никогда не говорила мнѣ, что Джонъ Тревертонъ такъ хорошъ собой?

— Почемъ я знаю, милая Селія, какого ты понятія о красотѣ молодыхъ людей. Я сама слышала, какъ ты хвалила многихъ, совершенно не похожихъ другъ на друга. Я тебѣ сказала, что мистеръ Тревертонъ красивъ и смотритъ джентльменомъ.

— Красивъ!—воскликнула Селія,—онъ положительное совершенство. Наслажденіе было смотрѣть на него, когда онъ сидѣлъ

на этомъ стулѣ, пилъ чай и задумчиво глядѣлъ въ садъ своими дивными глазами! О—онъ прелесть! Ты знаешь, какого цвѣта у него глаза.

— Не имѣю ни малѣйшаго понятія.

— Они зеленовато-сѣрые, цвѣтъ ихъ измѣняется ежеминутно; я такихъ глазъ никогда не видала. А цвѣтъ лица его—это очаровательная, матовая блѣдность. Носъ его слегка неправиленъ, не довольно прямъ, чтобы быть греческимъ, не довольно вогнутъ, чтобы быть орлинымъ, но ротъ у него прекрасный, твердо очерченный, выражающій рѣшимость, но по временамъ принимающій мечтательное выраженіе Замѣтила ты, какъ онъ предавался мечтамъ, Лора?

Миссъ Малькольмъ покраснѣла отъ негодованія, раздосадованная, вѣроятно, подобными глупостями.

— Право, Селія, ты смѣшна. Я не могу понять, какъ ты можешь предаваться такимъ нелѣпымъ восторгамъ, по поводу совершенно для тебя посторонняго человѣка.

— Почему же нѣтъ?—спросила Селія съ своей философской миной.—Почему нельзя говорить о совершенствахъ посторонняго человѣка? Можно восхищаться видомъ, можно восторгаться, сколько угодно, звѣздами, луной, моремъ, солнечнымъ закатомъ, даже послѣднимъ, надѣлавшимъ шуму романомъ. Почему же нельзя восхищаться мужчиной? Я не намѣрена привѣшивать замочекъ къ губамъ, чтобы потворствовать такому нелѣпому предразсудку. Что до тебя касается, Лора, то, конечно, очень похвально сидѣть и вышивать этотъ поблеклый листокъ,—ты, между прочимъ, замѣчу кстати, употребила на него слишкомъ много коричневой тѣни,—и смотрѣть олицетворенной скромностью. По моимъ понятіямъ, тебѣ можно позавидовать скорѣй, чѣмъ всякой другой дѣвушкѣ, о которой я когда-либо слыхала, за исключеніемъ спящей красавицы въ лѣсу.

— Въ чемъ мнѣ можно завидовать?

— Въ томъ, что ты получишь великолѣпное состояніе и будешь имѣть Джона Тревертона своимъ мужемъ.

— Селія, я была бы тебѣ очень благодарна, еслибъ ты согласилась молчать объ этомъ, предполагая, что ты можешь хоть о чемъ-нибудь помолчать.

— Я не могу,—откровенно созналась Селія.

— Далеко еще не рѣшено, что я выйду за мистера Тревертона.

— Неужели ты будешь такой совершенной идіоткой, что откажешь ему?

— Я не приму его предложенія, если не буду убѣждена, что, дѣйствительно, нравлюсь ему, нравлюсь болѣе всѣхъ другихъ, когда-либо видѣнныхъ, женщинъ.

— И, разумѣется, понравишься и уже теперь нравишься,— воскликнула Селія. — Знаешь-ли, я сама, лично, конечно бы, предпочла, чтобы ты вышла за бѣднаго Эдуарда, онъ обожаетъ землю, по которой ты ходишь и, конечно, обожаетъ тебя гораздо больше, чѣмъ эту землю. Но въ характерѣ Теда есть вялость, заставляющая меня опасаться, что ему никогда не проложить себѣ хорошей дороги. Онъ умный молодой человѣкъ и воображаетъ, что ему нѣтъ другого дѣла, какъ продолжать быть умнымъ и писать стихи для журналовъ, хотя и я, его сестра, должна сознаться, что эти произведенія—самое слабое подражаніе Суинбёрну; онъ думаетъ, что слава придетъ, возьметъ его за руку и поведетъ по ступенямъ, ведущимъ въ храмъ ея, и фортуна встрѣтитъ его подъ портикомъ съ огромнымъ мѣшкомъ золота въ рукахъ. Нѣтъ, Лора, какъ нѣжно я ни люблю Теда, мнѣ было-бы очень жаль, еслибъ ты пожертвовала великолѣпнымъ состояніемъ и отказала такому человѣку, какъ Джонъ Тревертонъ.

— Будетъ время обсудить этотъ вопросъ, когда мистеръ Тревертонъ сдѣлаетъ мнѣ предложеніе,—серьёзно замѣтила Лора.

— О, эта минута застанетъ тебя врасплохъ,—возразила Селія, —и меня не будетъ тутъ, чтобы помочь тебѣ. Тебѣ-бы слѣдовало заранѣе на что-нибудь рѣшиться.

— Я бы презирала мистера Тревертона, еслибъ онъ сдѣлалъ мнѣ предложеніе, прежде, чѣмъ не узнаетъ меня гораздо короче, чѣмъ знаетъ въ настоящую минуту. Но я запрещаю тебѣ толковать объ этомъ, Селія. А теперь намъ всего лучше погулять съ полчаса въ фруктовомъ саду, а то твоему желудку ни за что не переварить съѣденнаго пирога.

— Какъ жаль, что переваривается пища такъ трудно, тогда какъ поглощается такъ легко,—замѣтила Селія, а затѣмъ пустилась въ припрыжку по садовымъ дорожкамъ съ легкостью нимфы, не имѣющей и понятія о вареніи желудка.

Еще разъ объѣхалъ Джонъ Тревертонъ помѣстье своего покойнаго родственника и при этомъ вторичномъ обзорѣ, произведенномъ въ чудную весеннюю погоду, фермы и поселки, луга, на которыхъ изрѣдка уже мелькали, среди травы, золотые головки цвѣтовъ лютика, обширныя пространства воздѣланныхъ полей, на которыхъ поднималась молодая пшеница, показались ему во сто разъ прекраснѣе, чѣмъ казались зимою. Онъ сильнѣе сталъ желать—владѣть всѣмъ его окружавшимъ. Ему каза-

лось, что нѣтъ жизни пріятнѣе той, какую онъ могъ бы вести въ Газльгёрстскомъ зáмкѣ съ Лорой Малькольмъ въ качествѣ жены. Жизнь, которую онъ могъ бы вести, еслибъ... Чтó такое было это *если*, заграждавшее ему путь къ полному счастію?

«Препятствій много», мрачно говорилъ онъ себѣ, шагая однажды вечеромъ, передъ солнечнымъ закатомъ, по вязовой аллеѣ. Со дня пріѣзда его въ Газльгёрстъ прошло болѣе недѣли; въ теченіи этого времени онъ часто видалъ Лору.

Среди различныхъ затрудненій, ему представлялось и сомнѣніе въ симпатіи Лоры къ нему. Она, можетъ быть, и сочтетъ себя обязанной принять его предложеніе, изъ уваженія къ желанію, выраженному ея пріемнымъ отцомъ, но можетъ ли онъ быть увѣренъ, что она дѣйствительно любитъ его, что онъ единственный человѣкъ на землѣ, котораго она сама бы выбрала себѣ въ мужья?

Льстивый шопотъ, ласкавшій его слухъ, подобно тому, какъ лѣтній вѣтерокъ ласкаетъ щеки, напѣвалъ ему, что онъ этой милой дѣвушкѣ дороже, чѣмъ большинство людей; что ея прелестные глаза загораются и темнѣютъ при его появленіи, что въ минуту разставанія въ нихъ отражается печаль, что въ голосѣ ея слышатся нѣжныя, прерывистыя ноты, что на щекахъ появляется мимолетный румянецъ, что на губахъ мелькаетъ полуулыбка, что темныя рѣсницы неожиданно опускаются, и много, много иныхъ легкихъ признаковъ, говорившихъ о чемъ-то бóльшемъ, чѣмъ обыкновенная дружба, мелькало передъ его умственными очами. Вѣря этому, ему, казалось, только и остается что взять призъ.

Увы! между нимъ и всѣмъ, что есть въ жизни свѣтлаго и славнаго, стояла мрачная фигура съ завѣшаннымъ лицомъ и съ сурово протянутой впередъ рукою, преграждающей ему путь.

«Объ этомъ нечего и думать», сказалъ онъ себѣ. «Я слишкомъ ее уважаю; да, я слишкомъ искренно ее люблю. Помѣстье должно отойдти отъ насъ, а мы съ ней побредемъ по жизненной пустынѣ различными путями, чтобы, можетъ быть, случайно встрѣтиться черезъ полстолѣтія, когда состаримся и еле будемъ помнить другъ-друга».

То былъ его послѣдній вечеръ въ Газльгёрстѣ; онъ шелъ въ зáмокъ проститься съ Лорой и ея подругой.

Простая вѣжливость обязывала его къ тому, между тѣмъ онъ не торопился выполненіемъ своего намѣренія и медленно прохаживался взадъ и впередъ подъ вязами, куря сигару и предаваясь пріятнымъ мечтамъ.

Наконецъ, когда солнце скрылось за темной линіей виднѣвшагося вдали лѣса, Джонъ Тревертонъ рѣшилъ, что времени терять нечего, если онъ хочетъ въ этотъ вечеръ попасть въ замокъ. Онъ ускорилъ шаги, желая застать Лору въ саду, гдѣ она проводила бо́льшую часть времени въ эту чудную, весеннюю погоду. Онъ чувствовалъ себя какъ-то свободнѣе съ нею въ саду, чѣмъ когда они встрѣчались лицомъ къ лицу, въ четырехъ стѣнахъ. На открытомъ воздухѣ всегда бывало что-нибудь, что развлекало вниманіе или давало неожиданный оборотъ разговору, когда онъ дѣлается стѣснительнымъ для кого-нибудь изъ нихъ.

Здѣсь было легче уйти и отъ наблюдательныхъ взоровъ Селіи, такъ часто обращавшихся на нихъ въ комнатѣ, гдѣ ей представлялось мало развлеченій.

Онъ вошелъ, какъ всегда, совершенно свободно, безъ всякихъ разспросовъ.

Всѣ старые слуги согласились смотрѣть на него, какъ на будущаго владѣльца имѣнія. Они удивлялись его скромности, видя, что онъ приходитъ и уходитъ, словно онъ здѣсь не имѣетъ никакого значенія. Дорога въ старый голландскій садъ была ему теперь хорошо извѣстна. Онъ бывалъ тамъ почти во всякій часъ дня, отъ золотистаго полдня и до сѣраго вечера.

Огибая домъ, онъ услыхалъ голоса, между ними мужской голосъ; звукъ этого мужского голоса былъ его уху непріятенъ. Весело звучалъ рѣзкій смѣхъ Селіи, слышался сочувственный лай собаки. Очевидно, имъ было очень весело въ голландскомъ саду, и Джонъ Тревертонъ почувствовалъ, что ихъ веселье есть оскорбленіе, наносимое ему.

Онъ обогнулъ уголъ дома и увидалъ группу, расположившуюся на маленькомъ лужку передъ окнами книжной комнаты. Лора и Селія сидѣли на садовыхъ стульяхъ, на травѣ у ногъ ихъ помѣщался молодой человѣкъ, собака прыгала вокругъ него. Джонъ Тревертонъ сразу угадалъ, что молодой человѣкъ тотъ самый Эдуардъ, или Тедъ, о которомъ онъ такъ часто слышалъ отъ Селіи Клеръ; тотъ Эдуардъ Клеръ, который, судя по словамъ миссъ Сампсонъ, влюбленъ въ Лору Малькольмъ.

Лора привстала, чтобы подать руку гостю. Ея лицо, по крайней мѣрѣ, было серьёзно. *Она* не смѣялась глупостямъ, возбуждавшимъ веселость Селіи. Джонъ Тревертонъ обрадовался этому.

— Мистеръ Клеръ, мистеръ Тревертонъ.

Эдуардъ Клеръ поднялъ голову и кивнулъ новому знакомому; Джонъ подумалъ, что кивокъ этотъ довольно дерзокъ, но онъ и

не ожидалъ особаго дружелюбія отъ сына викарія. Онъ отвѣсилъ молодому человѣку серьёзный поклонъ и остановился у стула Лоры.

— Надѣюсь, что вы извините мое позднее посѣщеніе, миссъ Малькольмъ,—сказалъ онъ,—я пришелъ проститься съ вами.

Она взглянула на него испуганнымъ взглядомъ, и онъ подумалъ,—да, онъ осмѣлился подумать,—что она опечалилась.

— Недолго прожили вы въ Газльгёрстѣ,—сказала она, послѣ замѣтной паузы.

— Точно кто-нибудь станетъ здѣсь жить, не будучи къ тому обязаннымъ,—воскликнула Селія.—Я такъ не могу себѣ представить, какъ мистеръ Тревертонъ выжилъ здѣсь цѣлую недѣлю.

— Увѣряю васъ, что я не тяготился своимъ существованіемъ,—сказалъ Джонъ, обращаясь къ Селіи:—я покину Газльгёрстъ съ глубочайшимъ сожалѣніемъ.

Въ его настоящемъ настроеніи, онъ бы ни за что въ мірѣ не могъ сказать того же Лорѣ.

— Значитъ, вы одно изъ двухъ,—рѣшила Селія.

— Что̀ вы хотите сказать?

— Вы—или поэтъ, или страстно влюблены. Вотъ мой братецъ: ему, кажется, никогда не наскучитъ бродить по Газльгёрсту; такъ вѣдь онъ поэтъ и пишетъ стихи на тэму о первыхъ мартовскихъ фіалкахъ, о первыхъ листочкахъ на ивѣ, о возвратѣ ласточекъ. Онъ куритъ безъ конца, и читаетъ такъ много романовъ, что это становится положительно безнравственнымъ. Ужасно видѣть человѣка, умѣющаго прожить лишь съ помощью Мьюди [1]),—воскликнула Селія, строя презрительную мину.

— Я не поэтъ, миссъ Клеръ,—спокойно замѣтилъ Джонъ Тревертонъ,—но признаюсь, что былъ въ Газльгёрстѣ очень счастливъ.

Онъ бросилъ взглядъ на Лору, чтобы видѣть, попалъ ли онъ въ цѣль. Она смотрѣла въ землю, ея милое, серьёзное, чистое и блѣдное лицо, при прозрачномъ вечернемъ освѣщеніи, казалось, выточеннымъ изъ слоновой кости.

— Съ вашей стороны очень вѣжливо, по отношенію къ обитателямъ нашего прихода, говорить то, что̀ вы сейчасъ сказали,—замѣтилъ Эдуардъ съ скрытой насмѣшкой,—вы, по добротѣ своей, боитесь оскорбить наши чувства, какъ мѣстныхъ, коренныхъ жителей, но я увѣренъ, что вы страшно скучали. Въ Газльгёрстѣ положительно дѣлать нечего.

---

[1]) Мьюди—извѣстная библіотека для чтенія въ Лондонѣ.

— Вѣроятно, поэтому-то тебѣ здѣсь и нравится, Тедъ?—невинно замѣтила миссъ Клеръ.

Разговоръ звучалъ какъ-то непріятно и не гармонировалъ вовсе съ мягкимъ вечернимъ небомъ, съ садомъ почти окутаннымъ тѣнью, въ которомъ цвѣты теряли свои яркія краски, по мѣрѣ того, какъ свѣтъ ослабѣвалъ. Джонъ Тревертонъ съ любопытствомъ посмотрѣлъ на человѣка, котораго зналъ за своего соперника.

Онъ увидалъ мужчину лѣтъ двадцати-шести, средняго роста, стройнаго, но съ довольно плотной фигурой, говорившей о дѣятельности, а, можетъ быть, и о силѣ. Сѣрые глаза, того оттѣнка, чтó впадаетъ въ голубой, длинныя рѣсницы, тонкія, словно нарисованныя, брови, нѣжный цвѣтъ лица, низкій, узкій лобъ, правильныя черты, свѣтло-каштановые усы, болѣе шелковистые, чѣмъ густые,—все это вмѣстѣ взятое составляло очень красивое лицо по понятіямъ многихъ, но было слишкомъ женоподобно. Такое лицо подходило-бы совершенно къ одеждѣ изъ бархата и парчи одного изъ любимцевъ французскаго Генриха, или къ кудрямъ и вышитому драгоцѣнными камнями костюму какого-нибудь изъ вкрадчивыхъ приближенныхъ Якова Стюарта.

Трудно было вообразить, чтобы человѣкъ съ такимъ лицомъ могъ совершить доброе или великое дѣло, оставить по себѣ слѣдъ, кромѣ какого-нибудь ничтожнаго эпизода, свидѣтельствующаго о его тщеславіи, испорченности и эгоизмѣ, и занесеннаго въ мемуары современнаго Сенъ-Симона.

— Есть что-нибудь новенькое въ вечернихъ газетахъ?—спросилъ мистеръ Клеръ, съ подавленнымъ зѣвкомъ.

Безучастный вопросъ послѣдовалъ за молчаніемъ, продолжавшимся слишкомъ долго, чтобы быть пріятнымъ.

— Самсонъ еще не получалъ своего «Глобуса», когда я ушелъ изъ дому,—отвѣтилъ Джонъ Тревертонъ,—но при настоящемъ всеобщемъ застоѣ, какъ дома, такъ и заграницей, я, признаюсь, очень мало интересуюсь вечерними газетами.

— Я бы желала знать, умерла-ли эта несчастная танцовщица,—сказала Селія.

Джонъ Тревертонъ, стоявшій у стула Лоры и, казалось, погруженный въ сонъ на яву, быстро обернулся при этомъ замѣчаніи.

— Какая танцовщица? спросилъ онъ.

— Шико. Вы, безъ сомнѣнія, видѣли ее танцующей. Вы, счастливые лондонскіе жители, видите все, чтó только стóитъ видѣть въ подлунномъ мірѣ. Она какое-то чудо, не правда-ли? А теперь я, вѣроятно, никогда не увижу ее.

— Она очень красивая женщина и прекрасная танцовщица, въ своемъ особенномъ родѣ,—отвѣтилъ Тревертонъ.—Но что вы сейчасъ хотѣли сказать, говоря о ея смерти? Она также жива, какъ мы съ вами, по крайней мѣрѣ, мнѣ извѣстно, что имя ея красовалось на всѣхъ стѣнахъ, и она танцовала каждый вечеръ, когда я выѣхалъ изъ Лондона.

— Это было недѣлю тому назадъ,—сказала Селія.—Вы, конечно, видѣли отчетъ объ этомъ несчастномъ случаѣ въ сегодняшнемъ утреннемъ нумерѣ «Таймса»; онъ занимаетъ почти цѣлый столбецъ.

— Я не видѣлъ «Таймса». Мы съ мистеромъ Сампсономъ рано утромъ дѣлали большую поѣздку. Что это за случай?

— Ужасный,—воскликнула Селія.—У меня кровь стыла въ жилахъ, когда я читала описаніе. Бѣдняжка должна была подниматься на небо—что-ли, прицѣпленная къ какимъ-то движущимся, желѣзнымъ полосамъ; ну, знаете, машина такая.

— Да, да, знаю,—проговорилъ Тревертонъ.

— Ну, конечно, это было прелестно, покуда все шло благополучно. Она, должно быть, была очаровательна, взлетая вверхъ при озаряющемъ ее электрическомъ освѣщеніи, но затѣмъ, кажется, человѣкъ, управлявшій машиной, напился пьянъ, не зналъ, что онъ дѣлаетъ, не свинтилъ желѣзныя полосы, какъ слѣдуетъ, и въ ту самую минуту, какъ она уже почти поднялась, машина подалась, и она полетѣла головой внизъ.

— Но не убилась?—задыхаясь, спросилъ Джонъ Тревертонъ.

— Нѣтъ, не убилась на мѣстѣ, но сломала ногу; переломъ, говорятъ, сложный, она ушибла голову, и вообще, судя по газетамъ, находится въ очень опасномъ положеніи. А я замѣтила, что когда газета говоритъ, что человѣкъ въ опасномъ положеніи, то первое, что слышишь потомъ, это, что онъ умеръ; вотъ почему меня вовсе не удивитъ, если извѣстіе о смерти Шико напечатано въ вечернихъ газетахъ.

— Какая потеря для общества! усмѣхнулся Эдуардъ Клеръ. По-моему, ты самая смѣшная дѣвушка въ свѣтѣ, Селія, тѣмъ, что заботишься о людяхъ, которые также далеки отъ тебя, какъ еслибъ они жили на лунѣ.

— Homo sum,—сказала Селія, кичившаяся поверхностнымъ знаніемъ латинскаго языка, крупицами, падавшими со стола брата,—и всѣ виды рода человѣческаго занимаютъ меня. Я бы желала сама быть танцовщицей, еслибъ не была дочерью священника. Веселая должна быть жизнь.

— Прелестная, — воскликнулъ Эдуардъ, — особенно, когда неожиданно прекращается, благодаря небрежности пьянаго машиниста.

— Я долженъ пожелать вамъ покойной ночи и проститься съ вами,—сказалъ Джонъ Тревертонъ Лорѣ.—Мнѣ еще надо уложить мой чемоданъ, чтобы выѣхать завтра пораньше утромъ. Я-бы даже желалъ отправиться сегодня, съ вечернимъ поѣздомъ. Этимъ я выиграю полъ-дня.

— Поѣздъ отходитъ въ четверть одиннадцатаго. Вамъ придется торопиться, если вы хотите ѣхать съ нимъ, сказалъ Эдуардъ.

— Во всякомъ случаѣ, попытаюсь.

— Покойной ночи, мистеръ Тревертонъ,—сказала Лора, протягивая ему руку.

Веселая Селія не желала отпустить его съ такимъ холоднымъ прощаньемъ. Онъ былъ мужчина и въ качествѣ таковаго возбуждалъ въ ней живѣйшее участіе.

— Мы всѣ проводимъ васъ до воротъ,—объявила она:—это будетъ намъ гораздо пріятнѣе, чѣмъ сидѣть здѣсь, зѣвать и слѣдить за летучими мышами, носящимися надъ цвѣточными клумбами.—Они всѣ отправились, и какъ-то случилось, къ восторгу Джона Тревертона, что они съ Лорой шли рядомъ, нѣсколько позади другой пары.

— Мнѣ очень жаль, что вы вынуждены ѣхать такъ скоро,—замѣтила Лора, которая желала сказать что-нибудь неопредѣленно-вѣжливое.

— Не съумѣю выразить, какимъ-бы я уѣхалъ счастливымъ, если-бъ думалъ, что мой отъѣздъ можетъ огорчить васъ.

— Я не придавала словамъ своимъ такого особеннаго смысла,—съ легкимъ смѣхомъ сказала она.—Мнѣ жаль васъ ради васъ самихъ, жаль, что вы покидаете деревню, когда здѣсь такъ хорошо, и возвращаетесь въ дымный Лондонъ.

— Если-бъ вы знали, какъ я ненавижу этотъ міръ дыма и всякихъ гадостей, вы бы пожалѣли меня, какъ только можетъ жалѣть ваше доброе сердце,—очень серьёзно отвѣтилъ онъ.—Я мѣняю все то, что́ люблю, на всё, что́ ненавижу; не знаю, сколько пройдетъ времени прежде, чѣмъ я вернусь, но если я буду имѣть возможность вскорѣ возвратиться, обѣщаете-ли вы ласково встрѣтить меня, Лора? Обѣщаете-ли столько-же обрадоваться моему возвращенію, сколько я сегодня огорченъ мыслью объ отъѣздѣ.

— Такого условія я заключить не могу,—тихо отвѣтила она, —такъ какъ не въ силахъ измѣрить вашу грусть. Вы, вообще, таинственная личность. Я васъ вовсе еще не понимаю. Но я

надѣюсь, что вы скоро вернетесь, когда наши розы будутъ въ цвѣту, когда наши соловьи будутъ пѣть, и если ихъ привѣта вамъ покажется недостаточно, я обѣщаю присоединить къ нему— свой.

Въ ея тонѣ звучала нѣжная шутливость, казавшаяся ему невыразимо сладкой. Они были совершенно одни, въ такой части экипажной дороги, гдѣ деревья росли особенно; густо ихъ окружала тѣнь, падавшая отъ листьевъ каштановъ, тихое дыханіе вечерняго вѣтерка долетало до ушей ихъ. То былъ часъ нѣжныхъ признаній, поэтическихъ настроеній.

Джонъ Тревертонъ взялъ руку Лоры и держалъ ее невозбранно.

— Скажите мнѣ, что вы не ненавидите память моего двоюроднаго брата Джаспера изъ-за этого нелѣпаго завѣщанія,—сказалъ онъ.

— Могу-ли я ненавидѣть память того, кто былъ такъ добръ ко мнѣ, единственнаго отца, какого я когда-либо знала?

— Такъ скажите, что вы не ненавидите меня изъ-за завѣщанія моего двоюроднаго брата.

— Было-бы не по-христіански ненавидѣть васъ за дѣло, въ которомъ вы совершенно неповинны.

— Безъ сомнѣнія, но я могу себѣ представить, что женщина, при подобныхъ обстоятельствахъ, въ состояніи возненавидѣть человѣка. Вы отнимаете вашу руку. Да, я убѣжденъ, что вы терпѣть меня не можете.

— Я отняла свою руку потому, что подумала, что вы забыли ее оставить,—сказала Лора, твердо рѣшившаяся не быть слишкомъ серьёзной.—Примиритесь-ли вы съ собою, если я скажу вамъ, что отъ души прощаю моему пріемному отцу его завѣщаніе?

— Примирюсь.

— И что, несмотря на наше нелѣпое, по отношенію другъ къ другу, положеніе, я совсѣмъ не ненавижу васъ.

— Лора, вы дѣлаете меня счастливѣйшимъ изъ людей.

— Я не сказала ничего особеннаго.

— Если-бъ вы знали, какъ много эти слова для меня значатъ. Мнѣ открывается міръ полный надеждъ, полный радостей, я чувствую стремленіе къ высокимъ мыслямъ, въ достойнымъ дѣламъ, я воскресаю тѣломъ и душой.

— Вы говорите безумныя вещи.

— Я обезумѣлъ отъ радости, Лора, моя голубка, мое сокровище!

— Подождите,—неожиданно проговорила она, поворачиваясь

къ нему вся блѣдная, съ задумчивымъ выраженіемъ въ глазахъ, теперь уже совсѣмъ серьёзная. — Любите-ли вы меня или помѣстье вашего двоюроднаго брата? Если вы думаете о состояніи, то пусть между нами не будетъ театральныхъ объясненій въ любви. Я готова повиноваться вашему двоюродному брату, какъ повиновалась бы ему живому, уважая и слушаясь его, какъ отца —но будемъ другъ съ другомъ искренни и честны. Станемъ честно и серьёзно смотрѣть на жизнь, не будемъ требовать отъ нея невозможнаго. Будемъ вѣрными друзьями и товарищами, но не будемъ притворными влюбленными.

— Лора, я люблю васъ ради васъ самихъ, единственно ради васъ. Придите ко мнѣ завтра безъ гроша, объявите мнѣ, что завѣщаніе Джаспера Тревертона оказалось подложнымъ, придите и скажите: — я также бѣдна, какъ вы, Джонъ, но я ваша, — вы увидите, съ какой радостью и лаской привѣтствую я васъ. Дорогая, я люблю тебя искренно, страстно. Мнѣ ничего не надо, кромѣ твоего прелестнаго личика, твоего нѣжнаго голоса, кромѣ тебя самой.

Онъ обнялъ ее за талью, привлекъ ее къ себѣ на грудь, поцѣловалъ ее. То былъ первый поцѣлуй любви, заставившій заалѣть ея щечку.

— Я рада вѣрить тебѣ,—тихо сказала она, радостно отдыхая въ его объятіяхъ. Таково было ихъ разставаніе.

Глава VIII.—Дни прошедшіе, сны минувшіе.

Въ Лейстеръ-скверѣ, въ улицѣ Сиберъ, этомъ драматическомъ, музыкальномъ и хореграфическомъ уголкѣ большого Лондонскаго лѣса чувствовалось большое волненіе. Шикô едва избѣгла смерти. Въ первую минуту, казалось, что смерть неминуема. Ея ждали съ часу на часъ, въ теченіи ночи и дня, послѣдовавшихъ за катастрофой. По крайней мѣрѣ такъ говорили, толкуя между собой, обитатели улицы Сиберъ, причемъ разсказы ихъ были такъ наглядны, изобиловали такими подробностями, словно они только что отошли отъ изголовья Шикô.

— Она ни разу не пошевельнулась съ тѣхъ поръ, какъ ее уложили въ постель,—говорила жена башмачника, стоя на порогѣ грязной лавчонки съ дамской обувью, черезъ два дома отъ жилища Шикô;—лежитъ бѣдняжка, словно восковая кукла, каждыя пять минутъ ей смачиваютъ губы перомъ, обмокнутымъ въ

водку; иногда она говоритъ:—еще, еще,—такимъ слабымъ, жалостнымъ голосомъ!

— Такъ, значитъ, она, по крайней мѣрѣ, въ сознаніи,— отвѣтила ея кумушка, отдававшая комнаты въ наемъ, на другомъ концѣ улицы.

— Не думаю, чтобы это было сознаніе, мистрисъ Биттерсъ, просто душа ея этого жаждетъ. Она такъ слаба, что водка облегчаетъ ее.

— Ногу-то ей ужъ вправили?

— Чтó вы, мистрисъ Биттерсъ, переломъ-то сложный, опухоль еще не начинала спадать. Взяли сидѣлку изъ госпиталя, она безпрерывно, день и ночь, прикладываетъ компрессы, чтобы ослабить воспаленіе. Докторъ отъ нея не выходилъ съ тѣхъ поръ, какъ это случилось.

— Это мистеръ Миворъ?

— Нѣтъ, совсѣмъ новый, молодой человѣкъ, только что кончившій науки, но, говорятъ, очень искусный. Онъ былъ въ театрѣ принца Фредерика въ минуту происшествія, все видѣлъ, помогъ перенести ее домой, и еслибъ она была герцогиня, онъ не могъ бы усерднѣе ухаживать за ней.

— Гдѣ мужъ? спросила мистрисъ Биттерсъ.

— Въ деревнѣ, гдѣ, именно, никто не знаетъ, она-то безъ памяти, сказать не можетъ. Но, судя по словамъ мистрисъ Эвитъ, они никогда не были особенно счастливой парочкой.

— Ахъ! вздохнула мистрисъ Биттерсъ, — танцовщицамъ и имъ подобнымъ и замужъ-то выходить не слѣдуетъ. На чтò имъ мужъ, когда всѣ за ними ухаживаютъ, всѣ за ними бѣгаютъ? Ни одного вечера дома не проводятъ, точно кошки. Какъ могутъ онѣ сдѣлать человѣка счастливымъ?

— Не могу сказать, чтобы мистеръ Шикó когда-либо смотрѣлъ счастливымъ человѣкомъ,—согласилась жена башмачника. У него привычка ходить, засунувъ руки въ карманы, опустя глаза въ землю, точно и жизнь-то ему не мила.

На такой и на безчисленное множество иныхъ ладовъ, обсуждалась злосчастная участь Шикó въ улицѣ Сиберъ и ея окрестностяхъ. Всѣ и каждый принимали участіе въ судьбѣ Шикó. Будь она какой-нибудь терпѣливой труженицей, преданной женой и матерью, участіе это было бы, относительно говоря, слабо; все происшествіе казалось бы безцвѣтнымъ и обыденнымъ. Но Шикó, имя которой красовалось на стѣнахъ, изображенное буквами вышиною въ три фута, смѣлое, веселое лицо которой улыбалось пѣшеходамъ на каждомъ перекресткѣ, Шикó была особа

немаловажная, и вопросъ о томъ, суждено-ли ей, изъ таинственной урны судьбы, вынуть билетъ на жизнь или на смерть, становился вопросомъ общественнымъ.

Все случилось, какъ предсказалъ машинистъ. Она была пьяна, театральный плотникъ былъ пьянъ, результатомъ было несчастіе. Въ теченіи послѣдней недѣли, въ уборной Шикó не переводилось шампанское, благодаря щедрости неизвѣстнаго обожателя, приславшаго ящикъ въ три дюжины редерера, все полу-бутылками; красивенькія бутылочки, съ золотыми головками, казались такими невинными, точно цвѣты или бабочки. Шикó воображала, что полъ-бутылки шампанскаго никому вреда принести не можетъ. О цѣлой бутылкѣ она думала, какъ знаменитый объѣдало о гусѣ, что въ ней слишкомъ много на одного, и мало на двоихъ. Она естественно подозрѣвала, что таинственное шампанское явилось отъ неизвѣстнаго обожателя, поднесшаго ей браслетъ, но не намѣрена была, на этомъ основаніи, оставлять ящикъ не откупореннымъ. Было очень пріятно имѣть поклонника, дѣлавшаго такіе щедрые подарки и ничего не просившаго въ замѣнъ. Бѣдняга! будетъ время осадить его, когда онъ станетъ несноснымъ. Покамѣстъ она принимала его приношенія также равнодушно, какъ принимала дары щедрой природы—солнце согрѣвавшее ее, вѣтерокъ освѣжавшій лицо, цвѣты возвѣщавшіе ей о наступленіи весны.

Но все же она была женщина, а потому понятно, что ея безъимянный обожатель возбуждалъ ея любопытство. Ея чудные глаза окидывали лица зрителей, особенно золотой молодежи, пока не остановились на худомъ лицѣ, которое, по мнѣнію Шикó, могло принадлежать тому, кого она искала. Лицо это слѣдило за ней съ серьёзнымъ вниманіемъ, какого она никогда не замѣчала на другихъ лицахъ, хотя всѣ были внимательны,—блѣдное лицо, еврейскаго типа, съ черными глазами, твердо очерченнымъ ртомъ, слишкомъ толстыми губами, черными, гладкими волосами.

— Вотъ онъ,—сказала себѣ Шикó,—и смотритъ онъ страшно богатымъ.

Часто послѣ этого поглядывала она на него украдкой и всегда замѣчала то же выраженіе на блѣдномъ лицѣ, выраженіе напряженное, какого никогда не примѣчала на другихъ лицахъ.

— Этотъ человѣкъ достигнетъ многаго,—сказала она себѣ,—будь онъ военный, онъ бы побѣдилъ міръ, какъ Наполеонъ.

Лицо это ее очаровало; оно заставило ее думать объ этомъ

человѣкѣ. Она стала пить его шампанское съ большимъ удовольствіемъ и въ первый же вечеръ, послѣ своего открытія, при необыкновенно знойной по сезону погодѣ, во время своего туалета, выпила двѣ бутылки.

Когда она сошла на сцену, сверкая серебряными блестками, одѣтая въ облако бѣлоснѣжнаго газа, она едва держалась на ногахъ. Но умѣнье танцовать было ея второй природой, и она ухитрилась исполнить свое соло безъ скандала. Въ ней проглядывало что-то дикое, слишкомъ смѣлое, чуть-чуть не больше, чѣмъ бы слѣдовало, того особеннаго качества, которое французы называютъ шикомъ, но публика театра принца Фредерика любила крайности и единодушно рукоплескала ей.

— Клянусь, она удивительная женщина,—воскликнулъ мистеръ Смолендо, слѣдившій за ней изъ суфлерской будки,—на нее смѣло можно разсчитывать еще на три сезона.

Десять минутъ спустя, послѣдовалъ полетъ въ коралловой бесѣдкѣ. Машина затрещала, застонала, задрожала и подалась. Раздался рѣзкій крикъ танцовщицы, крикъ ужаса людей, стоявшихъ у кулисъ, и Шикб лежала посреди сцены, въ видѣ груды смятаго газа, безъ словъ, безъ сознанія, пока зеленая занавѣсъ быстро опускалась, чтобы скрыть ее отъ глазъ зрителей.

Въ ночь второго дня послѣ несчастія, очень поздно, Джэкъ Шикб вернулся домой. Онъ нашелъ жену лежащею въ забытьѣ, какъ описывали кумушки, причемъ жизнь поддерживалась частыми пріемами водки. Женщина эта была такъ близка къ смерти, какъ только могла быть, не будучи одѣта въ саванъ. У кровати, когда Джэкъ вошелъ въ комнату, сидѣлъ незнакомецъ, молодой человѣкъ, съ слишкомъ серьёзнымъ для своихъ лѣтъ выраженіемъ лица. Сидѣлка стояла по другую сторону кровати и прикладывала холодные компрессы къ пылающему лбу Шикб.

Нога была успѣшно вправлена, въ этотъ же день, послѣ полудня, однимъ изъ лучшихъ лондонскихъ хирурговъ, была на вѣсу и покрыта легкимъ одѣяломъ.

Джэкъ подошелъ къ кровати, склонился надъ неподвижной фигурой, заглянулъ въ блѣдное лицо.

— Бѣдная моя Заира, плохо это,—пробормоталъ онъ,—а затѣмъ обратился къ незнакомцу, поднявшемуся съ мѣста и стоявшему рядомъ съ нимъ, и спросилъ:—Вы, вѣроятно, докторъ?

— Я, если вамъ угодно, сторожевая собака. Мистеръ Смолендо не пожелалъ довѣрить моей неопытности такую мудреную операцію, вправить сломанную ногу. Переломъ былъ ужасный и требовалъ величайшаго искусства. Онъ послалъ за сэ-

ромъ Джономъ Пельгамомъ, и все было сдѣлано хорошо и удачно. Но онъ позволилъ мнѣ здѣсь остаться, въ качествѣ дежурнаго врача. Положеніе вашей жены крайне опасно. Боюсь, что мозгъ поврежденъ. Я былъ въ театрѣ, когда это случилось. Случай этотъ для меня крайне интересенъ. Я недавно выдержалъ экзаменъ и имѣю право практиковать. Я буду очень радъ, если вы позволите мнѣ лечить вашу жену, подъ контролемъ Пельгама, конечно. Тутъ вопросъ не въ вознагражденіи, поспѣшно прибавилъ молодой человѣкъ—я прошу васъ потому, что, какъ докторъ, заинтересованъ въ выздоровленіи миссъ Шикó.

— Я ничего не имѣю противъ того, чтобы жена моя пользовалась вашими великодушными попеченіями, но все же подъ условіемъ, что сэръ Джонъ Пельгамъ одобритъ ваше леченіе,—отвѣтилъ Шикó болѣе спокойнымъ тономъ, чѣмъ ожидалъ Джорджъ Джерардъ отъ человѣка, только что возвратившагося домой послѣ недѣльнаго отсутствія и заставшаго жену въ смертельной опасности.—Какъ вы думаете, поправится она?—вопросъ этотъ былъ предложенъ рѣшительно. Джерардъ замѣтилъ, что глаза смотрѣвшіе на него искали отвѣта въ его глазахъ, словно ждали смертнаго приговора.

Этотъ взглядъ заставилъ доктора призадуматься надъ взаимными отношеніями мужа и жены. За минуту передъ тѣмъ онъ удивлялся холодности Шикó, его спокойствію, почти переходившему въ равнодушіе. Теперь человѣкъ былъ весь напряженное вниманіе. Чтó означала эта перемѣна?

— Долженъ ли я говорить вамъ правду? спросилъ Джерардъ.

— Безъ сомнѣнія.

— Помните, что я могу только высказать вамъ свое мнѣніе. Случай неясный. Не легко опредѣлить степень поврежденія, причиненнаго мозгу.

— Я и не жду отъ васъ ничего, кромѣ вашего мнѣнія. Ради Бога, будьте откровенны.

— По моему мнѣнію, всѣ вѣроятности противъ ея выздоровленія.

Изъ груди Джэка Шикó вырвался долгій, странный, прерывистый вздохъ, котораго докторъ, несмотря на весь свой умъ, объяснить себѣ не могъ.

— Бѣдняжка,—проговорилъ мужъ, послѣ короткаго молчанія, глядя на ничего не выражавшее лицо больной.

— Три года тому назадъ, выходя изъ мэріи, мы съ ней были счастливы и нѣжно любили другъ друга! Жаль, что все это такъ скоропреходяще.

Послѣднія слова были сказаны такъ тихо, что Джерардъ ихъ не слыхалъ. То былъ короткій вздохъ надъ умершей любовью.

— Разскажите мнѣ объ этомъ несчастномъ случаѣ,—сказалъ Джэкъ Шико, садясь на стулъ, съ котораго всталъ Джерардъ. —Вы говорите, что были въ театрѣ, значитъ, вы все видѣли.

— Видѣлъ, я и поднялъ вашу жену. Я тотчасъ бросился на сцену. Перепуганные негодяи боялись до нея дотронуться.— Джерардъ разсказалъ все, какъ было. Джэкъ Шикó слушалъ съ неизмѣнявшимся лицомъ. Худшее было ему извѣстно. Подробности не составляли большой разницы.

— Я только-что сказалъ, что, по моему мнѣнію, всѣ вѣроятности противъ выздоровленія вашей жены,—горячо замѣтилъ Джерардъ,—но я не говорилъ, что положеніе ея безнадежно. Еслибъ я это думалъ, я бы не стремился взять на себя уходъ за вашей женою. Я прошу васъ позволить мнѣ слѣдить за нею, такъ какъ питаю надежду—въ настоящую минуту, признаюсь, слабую—вылечить ее.

Джэкъ Шикó слегка вздрогнулъ и какъ-то странно посмотрѣлъ на говорившаго.

— Вы, должно быть, страшно влюблены въ свою профессію, что такъ заботитесь о женѣ другого? сказалъ онъ.

— Я влюбленъ въ свою профессію, иной любовницы у меня нѣтъ, да я другой и не желаю!

— Чтожъ, можете дѣлать все, чтó въ вашихъ силахъ, чтобы вырвать ее изъ когтей смерти,—сказалъ Шикó.—Пусть и она, бѣдняжка, попытаетъ счастія. Это только справедливо. Бѣдная бабочка! Надняхъ была звѣздой театральной залы, центромъ всѣхъ взоровъ, теперь лежитъ здѣсь, какъ полѣно, живая, а между тѣмъ мертвая. Тяжело!—Онъ тихо ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, погруженный въ размышленія.

— Знаете ли вы, что я умолялъ ее отказаться отъ этого полета,—сказалъ онъ. — У меня было предчувствіе, что это добромъ не кончится.

— Вамъ бы слѣдовало запретить ей его,—сказалъ докторъ, щупая пульсъ паціентки.

— Запретить! вы не знаете моей жены.

— Будь у меня жена, она бы повиновалась мнѣ.

— Ахъ! это общее заблужденіе всѣхъ холостяковъ. Подождите, пока женитесь, тогда иначе заговорите.

— На ночь ее можно оставить,—сказалъ Джерардъ, взявшись за шляпу, но останавливаясь, чтобы бросить еще долгій и

пытливый взглядъ на блѣдное, лишенное всякаго выраженія, лицо, лежавшее на подушкѣ.

— Мистриссъ Мезонъ знаетъ все, чтò ей нужно дѣлать. Я буду здѣсь завтра, въ шесть часовъ утра.

— Въ шесть! какъ вы рано встаете.

— Я много работаю. Одно немыслимо безъ другого. Покойной ночи, мистеръ Шикò; позвольте васъ поздравить, у васъ удивительная способность спокойно относиться къ большому горю. Это лучшее доказательство крѣпости нервной системы.—Джэку показалось, что въ этомъ прощальномъ комплиментѣ звучала насмѣшка, но она не произвела на него почти никакого впечатлѣнія. Его недоумѣніе передъ жизненной задачей было такъ велико, что исключало всякую другую мысль.—Ложитесь, мистрисъ Мезонъ,—сказалъ онъ сидѣлкѣ.—Я посижу около жены.

— Извините меня, сэръ, я бы чувствовала, что не исполняю своей обязанности, еслибъ позволила себѣ проспать всю ночь, пока больная въ такомъ критическомъ положеніи; потомъ я съ удовольствіемъ усну часокъ.

— Думаете ли вы, чтобы m-me Шикò когда-нибудь поправилась?

Сидѣлка опустила глаза на свой бѣлый передникъ, тихо вздохнула и также тихо покачала головой.

— Мы всегда стараемся смотрѣть на болѣе свѣтлую сторону вопроса, сэръ,—отвѣтила она.

— Но въ данномъ случаѣ есть свѣтлая сторона?

— Это ужъ Провидѣніе рѣшитъ, сэръ. Случай очень трудный.

— Чтожъ,—сказалъ Джэкъ Шикò,—будемъ терпѣливы.

Онъ сѣлъ на стулъ у изголовья и просидѣлъ на немъ всю ночь, не засыпая ни на минуту, почти не измѣняя позы, погруженный въ глубочайшія размышленія.

Наконецъ, настал день; вскорѣ послѣ разсвѣта пришелъ Джерардъ и не нашелъ въ паціенткѣ никакой перемѣны ни къ худшему, ни къ лучшему. Онъ не предписалъ никакого измѣненія въ леченіи.

— Сэръ Джонъ Пельгамъ долженъ быть здѣсь въ одиннадцать часовъ,—сказалъ онъ.—Я приду, чтобы видѣться съ нимъ.

Знаменитый докторъ пріѣхалъ, осмотрѣлъ больную и сказалъ, что все идетъ хорошо.

— Мы ея ногу совсѣмъ починимъ,—сказалъ онъ,—я за нее не боюсь, желалъ бы питать такую же увѣренность относительно мозга.

— Неужели вы думаете, что мозгъ серьёзно поврежденъ? спросилъ Шико.

— Трудно сказать. Падая, она ударилась головой о желѣзо. Пролома въ черепѣ нѣтъ, но что-то не ладно, боюсь, что серьёзно не ладно. Многое будетъ, несомнѣнно, зависѣть отъ ухода. Вы счастливы, что вамъ попалась мистрисъ Мезонъ; я могу по совѣсти рекомендовать ее.

— Скажите откровенно, какъ вы думаете: поправится жена? спросилъ Шикó, разспрашивавшій сэра Джона Пельгама также усердно, какъ наканунѣ разспрашивалъ Джерарда.

— Дорогой сэръ, я надѣюсь на лучшее, но случай трудный.

— Значитъ безнадежный,—подумалъ Шикó, но только наклонилъ голову и послѣдовалъ за докторомъ до дверей, гдѣ онъ хотѣлъ-было сунуть ему въ руку плату.

— Нѣтъ, нѣтъ, дорогой сэръ, мистеръ Смолендо позаботился объ этой бездѣлицѣ,—сказалъ докторъ, отказываясь отъ денегъ,— да это такъ и слѣдуетъ, жена ваша пострадала у него на службѣ.

— Я бы предпочелъ взять этотъ расходъ на себя,—отвѣтилъ Шикó,—хотя Богъ знаетъ, долго ли бы я былъ въ состояніи это дѣлать. Мы и въ обыкновенное время не особенно исправны въ платежахъ. Ахъ, да, кстати, чтó вы скажете объ этомъ молодомъ человѣкѣ, мистерѣ Джерардѣ? Одобряете ли вы его леченіе?

— Вполнѣ, замѣчательно искусный молодой человѣкъ. Онъ долженъ быстро проложить себѣ дорогу по своей спеціальности.

Сэръ Джонъ Пельгамъ, въ заключеніе своей рѣчи, испустилъ полный состраданія вздохъ, вспомнивъ, сколько онъ зналъ на своемъ вѣку молодыхъ людей, заслуживавшихъ успѣха, и какъ немногіе изъ нихъ дѣйствительно успѣли; онъ подумалъ также, какимъ умнымъ и вообще благонадежнымъ молодымъ человѣкомъ онъ самъ долженъ былъ быть, чтобы попасть въ число этихъ немногихъ. Послѣ этого разговора, Джэкъ Шикó позволилъ мистеру Джерарду прописывать женѣ лекарства, съ полнымъ довѣріемъ къ искусству молодого человѣка. Сэръ Джонъ Пельгамъ пріѣзжалъ разъ въ недѣлю, высказывалъ свое мнѣніе, иногда слегка измѣнялъ ходъ леченія. Болѣзнь была томительная, медленная, тяжелая для сидѣлки, мучительная и для тѣхъ, кто раздѣлялъ ея труды. Мужъ взялъ на себя обязанность ночной сидѣлки. Онъ наблюдалъ за больной и ухаживалъ за нею каждую ночь, пока мистриссъ Мезонъ спала въ теченіе четырехъ-пяти часовъ. Мистеръ Смолендо предложилъ имъ взять двухъ сидѣлокъ. Онъ былъ готовъ платить за все, чтò только могло улуч-

шить положеніе страдалицы, хотя катастрофа съ Шикó почти погубила его сезонъ. Не легко было добыть новинку, могущую замѣнить ее.

— Нѣтъ,—сказалъ Джэкъ Шикó,—я хочу брать такъ мало вашихъ денегъ, какъ только возможно; могу же я и самъ что-нибудь сдѣлать для жены. И безъ того отъ меня толку немного.

Джэкъ продолжалъ рисовать каррикатуры для юмористическихъ изданій и работалъ по ночамъ у постели жены. Умъ ея такъ и не пробуждался, со дня несчастія. Она была теперь также безпомощна, какъ когда ее принесли домой изъ театра. Даже Джерардъ начиналъ терять энергію, хотя съ прежними усиліями добивался исцѣленія.

Днемъ Джэкъ предпринималъ длинныя прогулки, удалялся отъ душнаго и дымнаго Лейстеръ-сквера на такое разстояніе, какое могли только осилить его длинныя ноги. Онъ направлялся на сѣверъ и доходилъ до Гэмпстеда, Гендона, Гайгета, Барнета, Гарроу на югъ и добирался до Дульвича, Стритгама, Бекенгама. Онъ бродилъ по лѣсамъ, теплый тихій воздухъ которыхъ былъ насыщенъ ароматомъ сосенъ, взбирался на горы, у подножія которыхъ лежалъ Лондонъ, молчаливый городъ, окутанный, словно плащемъ, голубоватымъ туманомъ. Деревня имѣла для него, въ этотъ періодъ его жизни, невыразимую прелесть. Онъ не былъ спокоенъ, пока не отрясетъ лондонскую пыль съ ногъ своихъ. Онъ, который, годъ тому назадъ, въ Парижѣ, проводилъ половину дня въ игрѣ на бильярдѣ, на антресоляхъ кофейни бульвара Сенъ-Мишель, или бродилъ по бульварамъ отъ Мадлены до Шато-д'О, теперь одиноко прогуливался по подгороднымъ полямъ, выбирая преимущественно такія дорожки, которыя бы вели подальше отъ человѣческаго жилья.

— Васъ никогда дома нѣтъ, когда я захожу днемъ, мистеръ Шикó, — сказалъ Джерардъ однажды вечеромъ, когда зашелъ позже обыкновеннаго и засталъ пыльнаго, усталаго послѣ дневной прогулки, Джэка, дома.—Какъ вы полагаете: не тяжело это m-me Шикó?

— Ей-то какое дѣло? Она не знаетъ, когда я здѣсь; она совершенно безъ сознанія.

— Я вовсе въ этомъ не увѣренъ. Кажется, будто она безъ сознанія, но подъ этой апатіей, можетъ быть, и пробивается пониманіе внѣшнихъ предметовъ. Я надѣюсь, что умъ ея цѣлъ, хотя его отъ насъ скрываетъ густой туманъ.

Борьба была долгая, томительная. Насталъ день, когда самимъ Джерардомъ овладѣло отчаяніе. Рана на ногѣ заживала

медленно, страданія ослабили паціентку. Несмотря на самый внимательный уходъ, силы ея страшно упали.

— Она очень слаба, не правда ли?—спросилъ Джэкъ, въ одинъ жаркій лѣтній день, въ концѣ іюня, когда душная лондонская улица напоминала пыльную печь, а слабый запахъ переспѣлой земляники и на половину сгнившихъ яблоковъ, наполнявшихъ тележку торговца фруктами, оставлялъ воздуху сладкій, болѣзненно дѣйствовавшій на нервы ароматъ.

— Она такъ слаба, какъ только можетъ быть слабъ живой человѣкъ,—отвѣтилъ Джерардъ.

— Ваша вѣра начинаетъ слабѣть?

— Я начинаю бояться.—При этихъ словахъ своихъ, онъ замѣтилъ, что въ глазахъ Джэка Шико мелькнуло выраженіе неизъяснимаго облегченія; онъ поймалъ этотъ взглядъ; они стояли другъ противъ друга, причемъ одинъ изъ нихъ сознавалъ, что тайна его сердца обнаружена.

— Я боюсь,—рѣшительно проговорилъ врачъ,—но я не перестану пытаться спасти ее. Я намѣренъ спасти ея жизнь, если это только въ предѣлахъ силъ человѣческихъ. Я душу свою положилъ на это.

— Дѣлайте, что̀ только можете,—отвѣтилъ Шико.

— Богъ надъ всѣми нами. Будетъ то̀, что̀ судьба велитъ.

— Вы, я полагаю, ее нѣкогда любили?—спросилъ Джерардъ, не спуская своихъ проницательныхъ глазъ съ лица собесѣдника.

— Я любилъ ее искренно.

— Когда и почему перестали вы любить ее?

— Почему вы знаете, что я разлюбилъ ее?—спросилъ Шико, пораженный смѣлостью вопроса.

— Мнѣ это извѣстно также хорошо, какъ вамъ самимъ. Я—былъ бы жалкій докторъ для непонятной болѣзни мозга, еслибъ не съумѣлъ прочесть вашу тайну. Это бѣдное, лежащее предъ нами существо, уже нѣсколько времени какъ было для васъ бременемъ и источникомъ печали. Если Провидѣнію угодно будетъ взять ее, вы поблагодарите Провидѣніе. Вы не поднимете на нее руки, вы не откажете ей въ помощи, какую въ силахъ оказать ей, но смерть ея была бы для васъ невыразимымъ облегченіемъ. Чтожъ, я думаю, что желаніе ваше исполнится. Мнѣ кажется—она умретъ.

— Вы не имѣете права такъ говорить со мной,—сказалъ Шико.

— Не имѣю? Отчего человѣку не говорить свободно съ другимъ, ему подобнымъ человѣкомъ, отчего не высказать истину

смѣло? Я не позволяю себѣ судить или осуждать васъ. Кто изъ насъ достаточно чистъ, чтобы обнажать грѣхъ брата своего? Но зачѣмъ мнѣ притворяться, что я не понимаю васъ? Зачѣмъ дѣлать видъ, что считаю васъ любящимъ и преданнымъ мужемъ? Гораздо лучше быть съ вами откровеннымъ. Да, мистеръ Шикó, я полагаю, что дѣло это кончится по вашему, а не по моему.

Джэкъ стоялъ и мрачно смотрѣлъ въ открытое окно на грязную улицу, по которой медленно двигалась телѣжка съ земляникой, и слышался зычный голосъ продавца, кричавшій что-тó на своемъ непонятномъ языкѣ. У него не нашлось ни слова въ отвѣтъ на откровенную рѣчь доктора. Обвиненіе было справедливо. Опровергать его онъ не могъ.

«Да, я нѣкогда любилъ ее», — говорилъ себѣ вскорѣ, сидя у постели жены, по уходѣ Джорджа Джерарда.—«Желалъ бы я знать, какого рода была эта любовь? Я сознавалъ, что вся жизнь моя—одна неудача, и отказался отъ надежды когда-либо возвратиться на избитую дорогу, по которой идутъ *порядочные люди;* мнѣ казалось совершенно безразличнымъ на что ни употребить свою жизнь, на какой женщинѣ ни жениться. Она была самой красивой женщиной, какую я когда-либо видѣлъ, и она любила меня. Почему бы мнѣ на ней не жениться? Вдвоемъ мы могли жить кое-какъ, изо дня въ день. Мы оба легко смотрѣли на жизнь. То были пріятные дни. А между тѣмъ теперь, оглядываясь назадъ, я удивляюсь тому, что могъ жить въ грязи, да еще радоваться этому. Какъ можетъ пасть даже джентльменъ, если разъ перестанетъ уважать себя! Когда я впервые почувствовалъ утомленіе? Когда возненавидѣлъ я ее? Не прежде, чѣмъ встрѣтилъ...—О, рай, видѣнный мною сквозь полуотверстыя врата, ужели я увижу твои лучезарныя поля, проникну въ твой садъ, дышащій весельемъ и радостью?»

Онъ просидѣлъ у кровати въ задумчивомъ молчаніи, пока сидѣлка не пришла смѣнить его; тогда онъ вышелъ на пыльныя улицы и пошелъ по направленію къ сѣверу искать воздуха. Онъ обѣщалъ сидѣлкѣ возвратиться къ десяти часамъ, чтобы она могла поужинать и лечь спать, оставивъ его у больной на ночь. Таковъ былъ заведенный порядокъ.

— Можетъ быть, когда я сегодня вечеромъ вернусь домой, все уже будетъ кончено,—сказалъ онъ себѣ, и ему начало казаться, что послѣдніе нѣсколько лѣтъ, протекшіе со дня его женитьбы, были смутнымъ сномъ.

Все это теперь миновало. Глупости и радости этого періода его жизни составляли достояніе прошлаго. Онъ теперь могъ

оглядываться назадъ и жалѣть жену свою и самого себя. Оба были глупы, оба заблуждались. Все это покончено. Они дошли до послѣдней страницы книги, которую вскорѣ закроютъ на вѣки. Онъ могъ прощать это глупое прошлое, могъ относиться къ нему съ состраданіемъ, теперь, когда оно больше не стѣсняло его будущаго.

Онъ далеко забрелъ въ этотъ день, онъ ступалъ легче, воздухъ въ окрестностяхъ Лондона былъ, или казался ему чище, прозрачнѣе обыкновеннаго. Онъ дошелъ до Гарроу, легъ на траву у памятника Байрона и задумчиво смотрѣлъ на смутно виднѣвшійся вдали Лондонъ.

Когда онъ возвратился въ улицу Сиберъ, былъ двѣнадцатый часъ. Таверна на углу улицы была заперта, самыя безсонныя изъ кумушекъ скрылись съ пороговъ своихъ домовъ. Онъ взглянулъ на окна перваго этажа. Кровать Шико была перенесена въ первую комнату, такъ какъ сидѣлка увѣряла, что ей тамъ веселѣе, но въ окно смотрѣла мистрисъ Мезонъ, а не Шико. Слабый, желтоватый свѣтъ виднѣлся сквозь грязную штору, какъ то бывало всегда, послѣ наступленія темноты. Ничто не указывало ни на какую перемѣну. Но безъ сомнѣнія все бы оставалось въ томъ же видѣ, еслибъ въ комнатѣ была—смерть.

Пока Джэкъ стоялъ на порогѣ и обшаривалъ свои карманы, ища въ нихъ ключа, дверь отворилась и Дероль, жилецъ изъ второго этажа, вышелъ на улицу.

— Я хочу посмотрѣть, не достану ли каплю водки въ тавернѣ Короны и Скипетра,—сказалъ онъ въ видѣ объясненія,—у меня опять былъ прежній припадокъ.

Мистеръ Дероль страдалъ какою-то хронической болѣзнью, на которую намекалъ въ общихъ выраженіяхъ, но которая требовала частаго употребленія возбуждающихъ средствъ.

— Корона и Скипетръ заперта,—сказалъ Джэкъ.—У меня на верху есть водка, я вамъ отолью.

— Вы чрезвычайно добры,—сказалъ Дероль.—Я бы провелъ мучительную ночь, еслибъ не могъ достать гдѣ-нибудь немного водки. Какъ вы поздно возвращаетесь!

— Я зашелъ дальше обыкновеннаго. Вечеръ такой славный.

— Неужели? Здѣсь онъ казался скучнымъ, сѣрымъ. Я думалъ, что у насъ будетъ гроза. Это, вѣроятно, мѣстное явленіе. У меня для васъ есть добрыя вѣсти.

— Добрыя вѣсти для меня! Чтожъ, онѣ такъ рѣдки, что я, конечно, обрадуюсь имъ.

— Женѣ вашей лучше, положительно лучше, я заходилъ

освѣдомиться часа два тому назадъ. Сидѣлка думаетъ, что произошелъ переломъ. Мистеръ Джерардъ былъ здѣсь въ восемь часовъ; онъ того же мнѣнія. Просто чудеса! Она почувствовала облегченіе между тремя и пятью часами, покушала съ чѣмъ-то похожимъ на аппетитъ въ первый разъ съ тѣхъ поръ, какъ заболѣла. Мистрисъ Мезонъ въ восторгѣ. Удивительно, не правда ли?

— Чудеса! — воскликнулъ Джэкъ Шико. Трудно описать горечь, переполнившую его сердце, когда онъ отвернулся отъ сіявшаго передъ нимъ будущаго, сопровождавшаго его какъ видѣніе, въ теченіи цѣлаго вечера, и возвратился къ печальной дѣйствительности.

Онъ засталъ мистрисъ Мезонъ въ восхищеніи. Она никогда не видывала болѣе рѣзкой перемѣны къ лучшему.

— Она слаба, какъ новорожденное дитя, бѣдняжка,—говорила она о своей паціенткѣ,—но точно будто жизнь незамѣтно, медленно возвращается, вонъ какъ приливъ покрываетъ прибрежный песокъ, послѣ того, какъ вода, во время отлива, дошла до своего самаго низкаго уровня.

Улучшеніе, съ этого часа, не прерывалось. Мозгъ, такъ долго отуманенный, пробудился словно отъ сна. Къ Заирѣ возвратились ея силы, ея сознаніе, ея красота, и дерзость, и смѣлость.

До наступленія сентября она была уже прежней Шико, женщиной, портреты которой красовались на всѣхъ лондонскихъ стѣнахъ. Мистеръ Смолендо былъ въ восторгѣ. Сломанная нога была также здорова, какъ и прежде. Шико будетъ въ состояніи танцовать въ началѣ ноября. Статейка, возвѣщавшая объ этомъ фактѣ, уже обошла всѣ газеты.

Другая, отличавшаяся болѣе фамильярнымъ тономъ, сообщала всему городу, что красота г-жи Шико пріобрѣла новый блескъ, за время ея продолжительной болѣзни и сопряженнаго съ нею, по необходимости, пребыванія въ уединеніи. Мистеръ Смолендо хорошо зналъ свою публику.

Глава IX.—Ты возвратился, ты мнѣ вѣренъ.

Былъ конецъ ноября, деревья въ саду Газльгёрстскаго за́мка стояли обнаженными. На старомъ домѣ, и подъ скучнымъ, сѣрымъ небомъ поздней осени, лежала печать серьёзнаго величія, но прелесть и краса мѣста исчезли; въ тишинѣ, царившей въ домѣ и въ саду, былъ оттѣнокъ меланхоліи. Все было тихо, и

на лугу передъ домомъ, надъ которымъ только грачи проносились черной тучей подъ вечеръ, съ крикомъ возвращаясь домой, въ свои гнѣзда, свитыя на высокихъ вязахъ по ту сторону дома.

Въ это печальное время года, Лора Малькольмъ жила въ зáмкѣ совершенно одна; Селія Клеръ получила приглашеніе провести мѣсяцъ у зажиточной тетушки въ Брайтонѣ, а Брайтонъ, во время зимняго сезона, представлялъ высшую степень земного блаженства, когда-либо извѣданнаго Селіей. Она смутно мечтала о Парижѣ, какъ о городѣ далеко превосходящемъ даже Брайтонъ относительно доставляемаго имъ своимъ жителямъ блаженства, но она не имѣла никакой надежды увидать Парижъ, развѣ когда выйдетъ замужъ, тогда она будетъ настаивать на томъ, чтобы мужъ повезъ ее туда провести медовый мѣсяцъ.

— Разумѣется, тогда онъ, бѣдненькій, дѣлалъ бы все, чтò я только пожелаю,—говорила Селія,—послѣ дѣло иное. Я полагаю, что черезъ годъ послѣ свадьбы онъ бы сталъ пробовать топтать меня ногами.

— Я не могу себѣ представить, чтобы кто-нибудь вздумалъ топтать тебя ногами, Селія,—смѣясь замѣтила Лора.

— Я думаю, что съумѣла бы сдѣлать это для него довольно труднымъ. Но всѣ мужчины тираны. Посмотри, напримѣръ, на папá; онъ лучшій изъ людей, у него золотое сердце, но стòитъ кухаркѣ сдѣлать ошибку, чтобы онъ весь обѣдъ бранился, какъ язычникъ. О! повѣрь мнѣ, они всѣ, сколько ихъ ни есть, принадлежатъ къ низшей породѣ. Хоть бы твой молодой человѣкъ, Лора, очень красивъ, очень изященъ, но совсѣмъ безхарактерный.

— Кого ты разумѣешь подъ моимъ молодымъ человѣкомъ? —спросила Лора.

— Ты знаешь, а то не краснѣла бы такъ сильно. Конечно, я говорю о Джонѣ Тревертонѣ, твоемъ будущемъ мужѣ. Ахъ, да, кстати, вы должны обвѣнчаться въ теченіи года, послѣ смерти стараго мистера Тревертона. Надѣюсь, что ты начала заказывать свое приданое.

— Я бы желала, чтобы ты не болтала такихъ пустяковъ, Селія. Тебѣ очень хорошо извѣстно, что я не невѣста мистера Тревертона. Я, можетъ быть, никогда и не буду невѣстой его.

— О чемъ же вы толковали въ тотъ вечеръ подъ каштанами, когда вы замѣшкались такъ далеко позади насъ?

— Мы не обручены. Это все, чтò тебѣ нужно знать.

— Такъ если вы не обручены, вы должны обручиться. Вотъ все, чтò я могу сказать. Смѣшно все откладывать до по-

слѣдней минуты, какъ бы вы тамъ ни были увѣрены другъ въ другѣ. Старый мистеръ Тревертонъ умеръ въ началѣ января, а теперь конецъ ноября. Мнѣ право непріятно уѣзжать и оставлять твои дѣла въ такомъ неудовлетворительномъ положеніи.

Селія, это самое легкомысленное существо въ мірѣ, прикидывалась дѣловой и принимала относительно Лоры Малькольмъ видъ старшей сестры, забавный по своей нелѣпости.

— Тебѣ не къ чему безпокоиться, Селія. Я въ состояніи управиться съ своими дѣлами.

— Не думаю. Ты страшно умна и прочла больше книгъ, чѣмъ я видѣла обложекъ и переплетовъ во всю свою жизнь. Но ты ни мало не практична, не дѣловита. Ты, рискуя лишиться этого милаго, стараго дома и принадлежащаго къ нему помѣстья, остаешься совершенно хладнокровной, точно дѣло идетъ о настоящей бездѣлицѣ. Я начинаю опасаться, не питаешь ли ты, втайнѣ отъ самой себя, благосклонности къ моему недостойному брату.

— Тебѣ нечего этого бояться. Я расположена къ твоему брату ради нашего стариннаго знакомства, и потому, что думаю, что онъ любитъ меня.

— Настолько, насколько можетъ любить кого-нибудь, принимая во вниманіе небольшой остатокъ любви, имѣющейся у него за вычетомъ его искренней преданности къ самому себѣ,—презрительно прервала Селія.

— Я не питаю къ нему болѣе теплаго чувства, чѣмъ самая обыкновенная дружба, и никогда питать его не буду.

— Бѣдный Тедъ! Я очень объ этомъ сожалѣю за него, но очень рада за тебя.

Сіяющая Селія уѣхала въ Брайтонъ съ тремя сундуками и двумя ящиками для шляпъ, и зáмокъ тотчасъ погрузился въ молчаніе и мракъ. Маленькія дурачества Селіи часто бывали несносны, но ея веселый характеръ пріятно оживлялъ обширный, пустой домъ. Ея шутки были шутки школьническія, не болѣе, но онѣ были искренни и происходили отъ избытка жизненныхъ силъ и счастливаго характера. Селія трещала бы также весело за чашкой чая и селедкой на чердакѣ, за который бы платила по пяти шиллинговъ въ недѣлю, какъ болтала теперь среди изысканныхъ яствъ въ Газльгёрстскомъ зáмкѣ. Она была веселое, беззаботное, лѣнивое созданіе, одаренное тою безграничной любовью къ жизни, ради ея самой, которая дѣлаетъ счастливымъ неаполитанскаго нищаго, грѣющагося на солнцѣ, и дѣлаетъ довольнымъ цыгана, подъ низкимъ навѣсомъ его па-

латки, разбитой на пустопорожнемъ мѣстѣ у дороги, откуда онъ всякую минуту можетъ быть изгнанъ неумолимымъ полицейскимъ.

Селія уѣхала, и у Лоры было довольно времени для серьёзныхъ размышленій. На первыхъ порахъ, она была рада быть одной, чтобы на свободѣ передумать всѣ свои думы, не боясь встрѣтить пронзительный взглядъ проницательныхъ глазъ Селіи; ей пріятно было не видѣть этой птичьей головы, склоненной на одинъ бокъ, съ выраженьемъ невыносимой хитрости на лицѣ. Затѣмъ, нѣсколько времени спустя, глубокая меланхолія, горькое чувство разочарованія овладѣли ея душой, и изгнать ихъ она была не въ силахъ.

Она не забыла долгаго прощанія въ экипажной аллеѣ. Конечно, если что-нибудь могло равняться обрученью, то слова, сказанныя въ этотъ вечеръ, сорванный съ устъ ея поцѣлуй равнялись самому торжественному обрученью. А между тѣмъ съ того вечера прошло шесть мѣсяцевъ, и Джонъ Тревертонъ совсѣмъ пропалъ. За все это время образъ его рѣдко выходилъ у нея изъ головы. День за днемъ, часъ за часомъ она ожидала увидѣть его входящимъ въ садъ, безъ доклада, какъ увидѣла его тогда, изъ-подъ тесовой арки, когда онъ спокойно любовался весенними цвѣтами и точно улыбающимся и блестящимъ на солнцѣ лугомъ, по которому, точно живыя, мелькали тѣни отъ деревъ, надъ которымъ жужжали первыя пчелы, проносились первыя бабочки и летали надъ куртинами, полными красныхъ и желтыхъ тюльпановъ. Она видала его ежедневно въ теченіи его послѣдняго пребыванія въ домѣ Сампсоновъ, и эта недѣля дружескаго общенія чрезвычайно сблизила ихъ. За все это время онъ не сказалъ ни слова о странномъ положеніи, въ которомъ они находились по отношенію другъ къ другу; ее восхищала деликатность, которой она приписывала его сдержанность. Ей казалось, что нечего говорить, прежде чѣмъ не скажется то окончательное слово, которое исполнитъ желаніе Джаспера Тревертона и соединитъ ихъ двѣ судьбы на-вѣки. И Лора не видѣла причины, почему бы этому слову не быть произнесеннымъ въ урочный часъ. Ей думалось, что она нравится Джону Тревертону. Настроеніе его духа за эту недѣлю, составленную изъ солнечныхъ и дождливыхъ дней, было довольно перемѣнчиво, какъ погода. По временамъ онъ бывалъ чрезвычайно веселъ, встрѣчалъ самую безумно веселую шутку Селіи другой, еще болѣе веселой, а по временамъ становился мрачнымъ, что заставляло Селію увѣрять, что онъ въ ранней молодости совершилъ

убійство и что теперь его преслѣдуетъ воспоминаніе о сдѣланномъ преступленіи.

— Точно Евгеній Арамъ [1],—сказала она;—положительно, Лора, онъ похожъ на Евгенія Арама, и я убѣждена, что чьи-нибудь кости лежатъ въ пещерѣ на-готовѣ, чтобы быть сложенными, вонъ какъ складываютъ кусочки дерева въ «китайской головоломкѣ», и послужить къ обличенію его въ указанную судьбою минуту. Не выходи за него замужъ, Лора. Я увѣрена, что на его совѣсти лежитъ страшное бремя.

Они были невыразимо и совершенно безъискусственно счастливы, счастливы неразмышляющей радостью дѣтей, чьи соображенія никогда не идутъ дальше настоящей минуты. Можетъ быть, этому способствовала восхитительная апрѣльская погода, набросившая на землю теплое и блестящее покрывало изъ золотистыхъ солнечныхъ лучей, погружавшая молодые листья въ это море яркаго свѣта, окрасившая небо въ темный, чисто-итальянскій голубой цвѣтъ, побуждавшая птичекъ начинать свое пѣніе за часъ до солнечнаго восхода и продолжать его цѣлый часъ послѣ солнечнаго заката. Этого одного было довольно для счастія. Кромѣ того была молодость, сокровище, которому никто изъ насъ не придаетъ надлежащей цѣны, пока не утратитъ его. Тогда мы оглядываемся назадъ, сожалѣемъ объ утраченномъ, можетъ быть также какъ сожалѣемъ о самыхъ дорогихъ изъ похороненныхъ нами друзей; не молодость ли дѣлала и друзей нашихъ такими дорогими для насъ?

Какова бы ни была причина, но трое, а въ особенности двое молодыхъ людей, были счастливы. И однако, послѣ этой недѣли невинной короткости, послѣ этого прощальнаго поцѣлуя, Джонъ Тревертонъ находился въ отсутствіи болѣе полугода и даже письменно не потрудился увѣрить Лору, что она еще занимаетъ мѣсто въ его сердцѣ и въ его памяти.

Теперь она, думая о немъ, горько упрекала себя. Она сердилась на себя за то, что позволила своему сердцу полюбить его, за то, что заключила безмолвный союзъ съ нимъ, принявъ его прощальный поцѣлуй.

«Въ концѣ-концовъ ясно, что ему нужно только состояніе,—говорила она себѣ;—послѣ моихъ глупостей въ тотъ вечеръ, онъ такъ увѣренъ во мнѣ, что воображаетъ, что можетъ оставаться въ Лондонѣ и наслаждаться жизнію по-своему, и затѣмъ пріѣхать и въ послѣднюю минуту просить моей руки, какъ

[1] Романъ Бульвера, которому имя героя служитъ заглавіемъ.

разъ во-время, чтобы выполнить условія духовнаго завѣщанія его двоюроднаго брата. Онъ пользуется послѣднимъ годомъ своей свободы. Онъ не дастъ мнѣ бо̀льшаго мѣста въ своей жизни, чѣмъ его къ тому обяжетъ законъ. Годъ почти прошелъ, а онъ подарилъ ли меня своимъ обществомъ дольше одной недѣльки? Хладнокровный обожатель, нечего сказать. Кромѣ того лицемѣръ, такъ какъ въ его взглядахъ, въ звукахъ его голоса, казалось, выражалась самая глубокая, самая сильная любовь. Совершенно безцѣльное лицемѣріе,—продолжала Лора бичевать себя, возбуждая въ себѣ болѣе и болѣе сильное негодованіе,—такъ какъ я умоляла его быть откровеннымъ со мною. Я предлагала ему честный дружескій союзъ. Но онъ мужчина, а вѣроятно, въ природѣ мужчины быть лукавымъ. Онъ предпочелъ объявить себя моимъ обожателемъ, забывъ, что его поведеніе докажетъ всю лживость его словъ. Я никогда не прощу его. Я никогда не прощу себя за то, что меня такъ легко было обмануть. Помѣстье пойдетъ на устройство больницы. Явись онъ сюда завтра, стой передо мной на колѣняхъ, я откажу ему. Я знаю все вѣроломство его притворной любви. Во второй разъ ему меня не одурачить».

Никогда не тщеславилась она своей красотой. Благодаря уединенной жизни, которую она вела въ домѣ своего пріемнаго отца, она осталась простой во всѣхъ своихъ мысляхъ и привычкахъ, простой, какъ монахиня, не выходившая изъ своего монастыря. Эдуардъ Клеръ много разъ говорилъ ей, что она прекрасна, и восхвалялъ ея красоту въ своихъ стихахъ, со всей изысканностью и съ нѣкоторой долей вольности, свойственными новой школѣ поэтовъ, мало извѣстнымъ членомъ которой онъ состоялъ; но Лора всѣ подобныя похвалы принимала за произведенія поэтической фантазіи, а никакъ не за справедливую дань ея красотѣ. Съ душой полной гнѣва на Джона Тревертона, смотрѣлась она въ зеркало, въ одинъ зимній вечеръ, и спрашивала себя: дѣйствительно-ли она хороша?

Да, если женщина, изображенная на картинѣ Гвидо, въ нижней столовой, хороша; если черты, словно выведенныя рѣзцомъ, темно-каріе глаза, нѣжный цвѣтъ лица, съ легкимъ румянцемъ на щекахъ, вѣки, какъ у статуи, оттѣненныя длинными рѣсницами, полу-печальный, полу-насмѣшливый ротикъ, и ямочки, мгновенно появлявшіяся, какъ только губы складывались въ ироническую, говорившую о презрѣніи къ самой себѣ улыбку, —если все это, вмѣстѣ взятое, составляло красоту, то Лора Мальвольмъ несомнѣнно была красива. Она была артистка въ

душѣ, а потому знала, что красота горько улыбалась ей въ темномъ зеркалѣ.

— Можетъ быть, я не въ его вкусѣ,—съ короткимъ смѣхомъ проговорила она. — Я слыхала, какъ Эдуардъ Клеръ говорилъ о дѣвушкахъ, которыхъ я хвалила:—Да, она ничего, но не въ моемъ вкусѣ;—точно будто Провидѣніе обязано было имѣть его въ виду всякій разъ, какъ создавало хорошенькую женщину.— Не въ моемъ вкусѣ, бывало вяло протянетъ Эдуардъ, какъ-бы желая сказать: а потому и никуда не годится.

Каждая мысль о Джонѣ Тревертонѣ, еще остававшаяся въ умѣ Лоры, была горькой мыслью. Она такъ была на него сердита, что не допускала въ немъ ни одного хорошаго чувства, не считала его способнымъ ни на какой порядочный поступокъ. Насколько ея великодушная душа могла ненавидѣть, она готова была впасть въ грѣхъ ненависти.

Таково было ея настроеніе однажды, въ началѣ декабря. Въ сущности таково было ея постоянное настроеніе за послѣдніе три мѣсяца, но на свободѣ, въ уединеніи, гнѣвъ ея усилился. Таково было ея настроеніе, когда она ходила по саду, подъ холодными лучами солнца, смотрѣла на блѣдныя головки увядающихъ цвѣтовъ златоцвѣта, на китайскія астры, которыя однѣ выдавались своимъ яркимъ цвѣтомъ, точно скрашивая конецъ умирающаго года; на темныя, позднія розы, кичившіяся своей болѣзненной красотой, точно свѣтскія красавицы, которыя не хотятъ преклонить голову передъ приговоромъ времени. Утро было необыкновенно тихое: заостренный конецъ старо-моднаго флюгера указывалъ на юго-западъ; вѣтеръ едва шевелилъ листья зимнихъ дубовъ; высокія шотландскія ели, со своими красными шероховатыми стволами и возвышавшимися надъ ними шапками темной листвы, рѣзко выдѣлялись на чистомъ, ясномъ небѣ.

Этотъ садъ былъ единственнымъ утѣшеніемъ Лоры въ ея уединеніи.

Богъ наградилъ ее той глубокой, неизмѣнной любовью къ природѣ, которая, быть можетъ, составляетъ одинъ изъ драгоцѣннѣйшихъ даровъ его. Тотъ, кто обладаетъ этой любовью, никогда не можетъ быть вполнѣ безутѣшенъ.

Она болѣе часу ходила по цвѣточному и по фруктовому садамъ. Возвращаясь и проходя подъ старой аркой изъ тисовыхъ деревьевъ, она увидала Джона Тревертона, стоящаго какъ разъ на томъ самомъ мѣстѣ, на которомъ она увидѣла его болѣе полу-года тому назадъ.

Какая непрочная вещь—гнѣвъ женщины на человѣка, кото-

раго она любитъ! Первымъ чувствомъ Лоры, при видѣ Джона Тревертона, было негодованіе. Она готова была принять его съ подавляющей вѣжливостью, заморозить его своей холодной учтивостью, какъ вдругъ замѣтила, что онъ смотритъ больнымъ, измученнымъ и глядитъ на нее глазами, полными нѣжности. Въ одну минуту позабыла она всѣ свои оскорбленія, подошла къ нему, протянула ему руку и тихо проговорила:

— Гдѣ вы были, что̀ дѣлали все это время?

— Скитался по Лондону, принося очень мало пользы себѣ и другимъ,—откровенно отвѣтилъ онъ.

Затѣмъ онъ, казалось, забылся, восхищенный тѣмъ, что былъ съ нею. Онъ шелъ рядомъ съ ней, не говоря ни слова, а только глядя на нее любящими, восторженными глазами, точно будто она неожиданно явилась ему, какъ откровеніе доселѣ ему невѣдомой красоты и радости.

Наконецъ, онъ заговорилъ, но не сказалъ ничего особенно блестящаго.

— Рады ли вы, хоть сколько-нибудь, снова видѣть меня?—спросилъ онъ.—Помните, вы обѣщали мнѣ ласковый привѣтъ.

— Вы не торопились требовать исполненія моего обѣщанія. Оно было дано болѣе шести мѣсяцевъ тому назадъ. За это время вы, безъ сомнѣнія, получали другіе привѣты и совершенно позабыли Газльгёрстскій за́мокъ.

— За́мокъ и обитательница его никогда не выходили изъ моихъ мыслей.

— Въ самомъ дѣлѣ? но вы такъ долго не возвращались. Это похоже на то, что вы забыли.

— Нѣтъ, я не забывалъ. Были причины, причины которыхъ я объяснить не могу.

— Онѣ болѣе не существуютъ?

— Нѣтъ,—онъ глубоко вздохнулъ,—теперь съ ними кончено.

— Вы, можетъ быть, были больны, — вслухъ соображала Лора, глядя на него съ заботливостью, которой она скрыть не умѣла.

— Я былъ далеко не здоровъ. Я работалъ усерднѣе обыкновеннаго. Вы знаете, Лора, я вѣдь долженъ заработывать хлѣбъ свой.

— Вы имѣете какую нибудь профессію, съ тѣхъ поръ, какъ оставили военную службу?—спросила Лора.

— Я оставилъ военную службу шесть лѣтъ тому назадъ. Съ тѣхъ поръ я ухитрился жить собственнымъ трудомъ. Моя карьера не изъ удачныхъ. Я жилъ частью рисованьемъ, частью

литературой, но не составилъ себѣ имени ни тѣмъ, ни другимъ. Отчетъ не блестящій, неправда-ли? Его единственное достоинство —истина. Я—ничто. Ваше великодушіе и завѣщаніе моего двоюроднаго брата Джаспера, можетъ быть, и сдѣлаютъ меня кѣмъ-нибудь. Участь моя зависитъ отъ васъ.

Едва-ли то былъ тонъ влюбленнаго. Гордость Лоры возмутилась бы этимъ тономъ, еслибы не сознавала въ душѣ, что Джонъ Тревертонъ любитъ ее. Въ молчаливой любви есть тайная сила, болѣе могучая, чѣмъ все любовное краснорѣчіе. Рука, которая дрожитъ, касаясь другой руки, мимолетный взглядъ любящихъ глазъ, вздохъ, часто скажутъ больше, чѣмъ цѣлая рѣчь. Джонъ Тревертонъ былъ самымъ сдержаннымъ изъ любовниковъ, но его сдержанность не оскорбляла Лору.

Они вмѣстѣ вошли въ старый домъ, сѣли завтракать вдвоемъ, въ присутствіи Тримера, стараго дворецкаго, прожившаго болѣе тридцати лѣтъ въ домѣ Джаспера Тревертона и вынесшаго Лору на рукахъ изъ экипажа, когда господинъ его привезъ ее въ замокъ нѣжнымъ ребенкомъ, задумчиво оглядывавшимъ незнакомые предметы широко-раскрытыми глазами.

— Они всему свѣту показались бы мужемъ и женой, — сказалъ Тримеръ, возвратясь къ себѣ въ буфетную,—и я надѣюсь, что скоро оно такъ и будетъ. Изъ нихъ выйдетъ славная парочка, и я увѣренъ, что они и теперь уже любятъ другъ друга.

— Миссъ Лора не таковская, чтобы пойти за человѣка, не любя его: ни изъ-за какихъ состояній въ мірѣ она этого не сдѣлаетъ,—возразила мистрисъ Тримеръ, которая была въ домѣ кухаркой и экономкой почти также долго, какъ мужъ ея былъ дворецкимъ.

— Будь я молодой барышней, я бы почти за всякаго вышелъ замужъ скорѣй, чѣмъ лишился такого дома, каковъ Газльгёрстскій замокъ,—отвѣтилъ Тримеръ.—Я не жаденъ до денегъ, но хорошенькимъ уголкомъ своимъ шутить не слѣдуетъ. А коли они не женятся, и помѣстье пойдетъ на постройку больницы, что-жъ съ нами-то будетъ? Иные люди въ нашихъ условіяхъ такъ бы и рвались открыть трактиръ и нажить состояніе; но я какъ-то больше видѣлъ, что люди теряли, а не пріобрѣтали состояніе этимъ путемъ; я очень хорошо знаю, что мнѣ выгодно. Хорошее жалованье, аккуратно уплачиваемое, на всемъ готовомъ, больше мнѣ ничего не надо.

Послѣ завтрака, Лора и Джонъ пошли пройтись по саду. Общее желаніе привело ихъ на то мѣсто, на которомъ они

разстались въ тотъ апрѣльскій вечеръ. Извилистая дорога, обсаженная славными, старыми деревьями, была пріятнымъ мѣстомъ для прогулки, даже и въ это время года, когда на деревьяхъ не оставалось ни одного зеленаго листа, а истрепанныя вороньи гнѣзда чернѣли между нѣжными изгибами обнаженныхъ верхнихъ вѣтвей. Въ воздухѣ было еще тише, чѣмъ утромъ. Такая погода могла стоять въ полуденное время, въ началѣ октября. Джонъ Тревертонъ остановился передъ шероховатымъ стволомъ стараго каштана, подъ сѣнью котораго они съ Лорой разстались. Молодые листья въ тотъ вечеръ образовывали тѣнистый навѣсъ; теперь большія вѣтви оставались темными, обнаженными; на нихъ пятнами виднѣлся мохъ, замѣчались слѣды непогоды. Трава у подножія дерева была усѣяна зеленой шелухой, сломанными вѣточками, старыми листьями и блестящими, темно-коричневыми каштанами.

— Мнѣ кажется, что мы на этомъ мѣстѣ разстались,—сказалъ Джонъ.—Вы помните?

— Я смутно припоминаю, что это было гдѣ-то здѣсь,—небрежно отвѣтила Лора.

Она отлично знала это мѣсто, но не хотѣла въ этомъ сознаться.

Онъ взялъ ея руку и тихо положилъ ее въ свою, точно они отправлялись въ какое-нибудь дальнее странствованіе; потомъ наклонилъ голову и поцѣловалъ нѣжную, обнаженную ручку—прелестную, тонкую ручку, которая могла принадлежать только лэди, ручку, которая одна, сама по себѣ, могла приводить влюбленнаго въ восторгъ.

— Радость моя, когда мы обвѣнчаемся?—тихо, почти шопотомъ спросилъ онъ, словно имъ, въ эту критическую минуту, овладѣла необъяснимая робость.

— Что за вопросъ, — воскликнула Лора, съ притворнымъ удивленіемъ. — Кто-же когда-нибудь говорилъ о свадьбѣ? Вы никогда не просили меня быть вашей женой.

— Какъ не просилъ? Да я же васъ спрашивалъ, не сердитесь ли вы на вашего пріемнаго отца за его завѣщаніе, и вы сказали: *нѣтъ*. Это равнялось тому, какъ еслибъ вы сказали, что согласны исполнить желаніе добраго старика. Мы иначе исполнить его не можемъ, какъ сдѣлавшись мужемъ и женою. Лора, я люблю васъ болѣе, чѣмъ когда-либо съумѣю это выразить, и любя тебя, такъ какъ я люблю, — хотя и сознаю свои многочисленные недостатки, знаю, что во многихъ отношеніяхъ недостоинъ быть твоимъ мужемъ, я, нищій, неудачникъ, безъ имени

и извѣстности, ничтожество; но все-таки, радость моя, я здѣсь у ногъ твоихъ, падаю передъ тобой на колѣни, я, который никогда прежде не преклонялъ колѣни передъ женщиной, и слишкомъ рѣдко преклонялъ его предъ Господомъ своимъ, и прошу руки твоей по всей forma pauperis. Можетъ быть, во всей Англіи нѣтъ человѣка, менѣе достойнаго стать твоимъ мужемъ, но за нимъ одно достоинство: онъ любитъ тебя всѣмъ сердцемъ, всей душой.

Онъ стоялъ передъ ней на колѣняхъ, съ обнаженной головой, у подножія стараго каштана, среди шероховатыхъ корней, извивавшихся подъ травою. Лора поклонилась и коснулась губами его лба. То почти былъ поцѣлуй. Нѣжныя губки только на мгновеніе дотронулись до его лба. Прикосновеніе крыла бабочки не могло быть легче.

— Я беру тебя, дорогой мой,—тихо сказала она,—со всѣми твоими недостатками, какъ бы они многочислены ни были. Я чувствую, что могу довѣриться тебѣ, тѣмъ болѣе, можетъ-быть, что ты себя не хвалишь. Мы постараемся исполнить обязанности свои по отношенію другъ къ другу и къ нашему покойному благодѣтелю, и употребимъ его богатство для достиженія благородныхъ цѣлей. Не такъ-ли, Джонъ?

— Ты употребишь его на благородныя цѣли, радость моя; ты ничего неблагороднаго сдѣлать не можешь,—серьёзно отвѣтилъ онъ.

Онъ былъ блѣденъ, даже губы его побѣлѣли; въ его взорѣ, полномъ любви, не было вовсе радости.

Глава X.—Обрученные.

Джонъ Тревертонъ оставался въ зàмкѣ, пока совершенно не смерклось, вдвоемъ съ своей невѣстой и былъ счастливѣе, чѣмъ бывалъ когда-либо во всю свою жизнь. Да, онъ былъ счастливъ, хотя то было счастіе ребенка, рвущаго дикіе цвѣты на озаренномъ солнцемъ краю пропасти. Онъ долженъ былъ быть выше или ниже общечеловѣческаго уровня, чтобы не чувствовать себя сегодня счастливымъ, въ обществѣ Лоры Малькольмъ. Когда они въ сумерки сидѣли рядомъ у камина, причемъ голова ея покоилась на его плечѣ, его рука обнимала ея талію, ея темные глаза скрывались подъ опущенными вѣками и задумчиво глядѣли на тлѣвшія полѣнья. Комната была слабо освѣщена пламенемъ; уродливыя тѣни появлялись и исчезали на

стѣнѣ позади влюбленныхъ, точно призрачныя фигуры добрыхъ и злыхъ духовъ, витавшихъ вокругъ нихъ, пока они сидѣли лицомъ къ лицу съ судьбою, причемъ она не сознавала никакой опасности, а онъ, махнувъ на все рукой, бросалъ судьбѣ вызовъ. Теперь, когда слово было сказано, когда они были связаны до конца жизни, Лора безъ малѣйшей сдержанности раскрыла свое сердце передъ своимъ женихомъ. Она не боялась обнаружить передъ нимъ свою привязанность. Она не стремилась сдѣлать любовь свою болѣе драгоцѣнной для него, посредствомъ притворной холодности. Она отдалась ему всѣмъ сердцемъ, всей душой, отдалась, какъ Джульета—Ромео. Уста, никогда не произносившія ни одного слова любви, теперь нашептывали ему на ухо самыя сладкія слова; глаза, никогда доселѣ не глядѣвшіе въ глаза поклонника, теперь смотрѣли на него не отрываясь и погружались долгимъ взоромъ въ самую глубину его очей. Никогда не бывало жениха, котораго бы такъ невинно и открыто обожали. Будь онъ хвастливъ или навязчивъ, гордость Лоры тотчасъ-бы встрепенулась. Но его глубокое смиреніе и тѣнь грусти, лежавшая на немъ даже тогда, когда онъ казался счастливымъ, возбуждали въ ней жалость; а женщина никогда не бываетъ такъ довольна любимымъ человѣкомъ, какъ если онъ нуждается въ ея состраданіи.

— И ты, въ самомъ дѣлѣ, любишь меня, Лора? спросилъ онъ, склоняясь надъ прекрасной головкой, которой, казалось, такъ естественно было отдыхать на его плечѣ.—Еслибъ завѣщаніе моего двоюроднаго брата Джаспера не существовало, и мы бы съ тобой встрѣтились въ свѣтѣ, думаешь-ли ты, что сердце твое выбрало-бы меня?

— Это слишкомъ отвлеченный, чисто-метафизическій вопросъ, смѣясь отвѣтила она.—Я знаю только, что мое сердце выбрало тебя, и что завѣщаніе отца—я не могу не называть его старымъ именемъ—не повліяло на мой выборъ. Не думаешь-ли ты, что это все, что тебѣ нужно знать?

— Это все, что̀ я желаю знать, моя радость. Нѣтъ, не совсѣмъ все. Я бы желалъ знать—такъ, чисто изъ празднаго любопытства—когда ты впервые начала находить меня не вполнѣ достойнымъ презрѣнія.

— Ты хочешь знать исторію этого дѣла съ самаго начала?

— Да, съ самаго начала съ первой минуты, когда твое сердце стало биться немного ласковѣе для меня, чѣмъ для остальнаго человѣчества.

— Я скажу тебѣ *это*...

Она остановилась и заглянула ему въ глаза съ улыбкой невиннаго кокетства.

— Да, дорогая.

— Когда ты разскажешь мнѣ исторію твоей жизни, съ той минуты, когда я стала тебѣ дороже большинства женщинъ.

Его первый отвѣтъ былъ глубокій вздохъ.

— Ахъ, дорогая, я—другое дѣло. Я боролся противъ своей страсти.

— Почему?

— Потому что признавалъ себя недостойнымъ тебя.

— Это было глупо.

— Нѣтъ, милая, это было умно и основательно. Ты точно счастливый ребенокъ, Лора; твое прошлое—чистый листъ бѣлой бумаги, въ немъ нѣтъ мрачныхъ тайнъ.

Онъ почувствовалъ, что она задрожала, когда онъ это говорилъ. Неужели его слова напугали ее? Неужели она начала угадывать опасности, окружавшія его со всѣхъ сторонъ?

— Дорогая, я не хочу пугать тебя, но въ прошломъ человѣка моихъ лѣтъ почти всегда есть страница, которую онъ готовъ былъ бы уничтожить цѣною десяти лѣтъ своей жизни. Темная страница есть и въ моей жизни. О, голубка, голубка, еслибъ я чувствовалъ себя по истинѣ достойнымъ тебя, мое сердце едва ли бы могло вмѣстить мое счастіе. Оно бы разорвалось отъ слишкомъ большой радости. Мужскія сердца такъ разрывались... Когда я началъ любить тебя? Да въ ту ночь, когда я впервые вошелъ въ этотъ домъ, въ безотрадную зимнюю ночь, когда я пришелъ, какъ блудный сынъ, наскучивъ розысками, съ смутнымъ стремленіемъ къ лучшей жизни въ душѣ. Твои удивительные глаза, твоя серьёзная, милая улыбка, твой нѣжный голосъ явились мнѣ какъ откровеніе изъ новаго міра, въ которомъ съ понятіемъ о женщинѣ соединяется понятіе о добротѣ, чистотѣ и искренности. Я не былъ еще возбужденъ твоею красотой, моя душа поклонялась твоей добротѣ. Ты была отъ меня также далека въ то время, какъ картина, стоящая въ галлереѣ, но ты поразила мою душу, подобно тому, какъ и картина могла бы поразить ее; ты пробудила во мнѣ рядъ новыхъ мыслей, ты отворила мнѣ дверь на небо. Да, Лора, восхищеніе, поклоненіе, боготвореніе овладѣли мной въ первый вечеръ. Прежде чѣмъ я уѣхалъ изъ Газльгёрста, благоговѣйное обожаніе превратилось въ страстную любовь.

— А между тѣмъ, ты жилъ вдали отъ меня съ января по апрѣль.

— Все время отсутствія было занято долгой борьбой съ моей любовью.

— А съ апрѣля по декабрь послѣ того, какъ...

— Послѣ того, какъ ты раскрыла мнѣ твое сердце, радость моя, и я узналъ, что ты можешь быть моею? Эта послѣдняя разлука требовала еще болѣе отчаяннаго мужества. Но, какъ видишь, я воротился. Любовь пересилила благоразуміе.

— Почему намъ неблагоразумно любить другъ друга?

— Единственно по недостоинству моему.

— Такъ мы позабудемъ о твоемъ недостоинствѣ или, если это твоей скромности пріятнѣе, я буду любить тебя при всемъ твоемъ недостоинствѣ. Я вовсе не воображаю, чтобы ты былъ безукоризненнымъ образцомъ всѣхъ добродѣтелей, Джонъ. Папá говорилъ мнѣ, что ты моталъ и дѣлалъ глупости. Ты не станешь болѣе мотать и дурачиться, неправда-ли, милый, когда будешь солиднымъ, женатымъ человѣкомъ?

— Нѣтъ, голубка.

— И мы оба будемъ стремиться къ тому, чтобы изъ нашего большого состоянія дѣлать какъ можно больше добра?

— Ты будешь у насъ главной распорядительницей.

— Нѣтъ, нѣтъ, этого я ни за что не хочу. Ты долженъ быть господиномъ и хозяиномъ. Я надѣюсь, что ты превратишься въ идеальнаго деревенскаго сквайра, будешь солнцемъ, средоточіемъ нашего маленькаго мірка, общимъ благодѣтелемъ. Я, если тебѣ угодно, буду твоимъ первымъ министромъ и совѣтникомъ. Я знаю всѣхъ бѣдняковъ на десять миль въ окружности, на нашей и на чужой землѣ. Я знаю ихъ нужды и ихъ слабости. Да, Джонъ, я думаю, что могу помочь тебѣ во многихъ добрыхъ дѣлахъ, въ улучшеніяхъ, которыя, не разоряя тебя, сдѣлаютъ жизнь сельскаго трудящагося люда несравненно счастливѣе, чѣмъ она теперь.

— Повиноваться тебѣ будетъ для меня счастіемъ,—нѣжно проговорилъ Джонъ.

— Знаешь ли, что для меня будетъ большимъ счастіемъ не покидать зáмка,—вскорѣ сказала Лора. Ты не долженъ считать меня корыстолюбивой, думать, что я особенно высоко цѣню обширный домъ и большое состояніе. Это несправедливо, Джонъ. Я могла бы жить съ тобою въ сельскомъ домикѣ, на доходы съ завѣщаннаго мнѣ отцомъ капитала, и быть совершенно довольной, болѣе, чѣмъ довольной своей судьбой; но я люблю зáмокъ ради его самого. Я знаю каждое дерево въ саду, я слѣдила за ихъ ростомъ, я столько разъ срисовывала ихъ, что почти знаю форму

каждой вѣтки. Я такъ долго жила въ этихъ старыхъ комнатахъ, что не думаю, чтобы я, въ какихъ бы то ни было другихъ комнатахъ, чувствовала себя дома. Это—милый, старый домъ, неправда-ли, Джонъ? Ты, вѣроятно, возгордишься, когда станешь владѣльцемъ его.

— Я буду гордиться моей женою, когда мнѣ будетъ дозволено назвать ее своей. Этой гордости съ меня будетъ довольно,—отвѣтилъ Джонъ, привлекая ее къ себѣ на грудь.

— А теперь, я, пожалуй, долженъ отправиться къ Сампсону и сказать ему, что все окончательно рѣшено. Когда мы обвѣнчаемся, радость моя? Мой двоюродный братъ умеръ 20-го января. Мы не должны откладывать нашей свадьбы далѣе конца этого мѣсяца.

— Обвѣнчаемся въ послѣдній день этого мѣсяца, сказала Лора.—Это самый торжественный день въ цѣломъ году. Мы никогда не забудемъ дня нашей свадьбы, если она будетъ отпразднована въ этотъ день.

— Я бы не забылъ его ни въ какомъ случаѣ,—отвѣтилъ Джонъ Тревертонъ.

— Пусть свадьба будетъ въ этотъ день, радость моя. Конецъ года соединитъ меня съ тобою на всю жизнь. Я сегодня вечеромъ увижу мистера Клера и все устрою.

Они долго прощались, а въ самую послѣднюю минуту Джонъ Тревертонъ предложилъ, чтобы Лора надѣла шляпу и теплую кофточку и дошла съ нимъ до воротъ; первое прощаніе уже было не въ счетъ. Они долго шли до воротъ; ранняя зимняя ночь уже наступила; звѣзды сіяли на небѣ, когда они неохотно разстались. Лора пошла по аллеѣ такой-же легкой поступью, какой шла Джульета, направляясь въ келью монаха, чтобы тамъ обвѣнчаться; Джонъ Тревертонъ медленно пошелъ по дорогѣ въ деревню Газльгёрстъ, склонивъ голову на грудь. Радостное выраженіе исчезло съ лица его.

Мистеръ Сампсонъ и сестра его садились за столъ, когда онъ входилъ; оба восторженно привѣтствовали его.

— Клянусь, вы совершенно необыкновенный человѣкъ,—воскликнулъ стряпчій, послѣ продолжительныхъ рукопожатій.—Вы убѣгаете въ страшныхъ торопяхъ, обѣщая возвратиться черезъ недѣлю, самое позднее черезъ двѣ, и шесть мѣсяцевъ васъ не видно; вы даже не удостоиваете написать повѣренному вашего семейства строчку, чтобы сказать, почему вы не ѣдете. Немного людей въ Англіи, которые бы стали рисковать такими надеждами, какъ ваши. Вашъ двоюродный братъ, когда дѣлалъ это свое

необыкновенное завѣщаніе, говорилъ мнѣ, что вы всегда были необузданнымъ человѣкомъ, но подобной необузданности я не ожидалъ.

— Право, Томъ,—протестовала миссъ Сампсонъ, — ты не имѣешь никакого права такъ говорить съ мистеромъ Тревертономъ.

— Нѣтъ, имѣю,—возразилъ Сампсонъ, гордившійся своей откровенностью,—право это даетъ мнѣ то искреннее участіе, какое я принимаю въ дѣлахъ его, участіе скорѣй друга чѣмъ стряпчаго. Ты, надѣюсь, не думаешь, что я изъ-за денегъ такъ много беру на себя, Лиззи. Нѣтъ, я говорю это потому, что питаю искреннее расположеніе къ родственнику моего стараго кліента и безкорыстно забочусь о его благополучіи.

— Я думаю, что вы можете успокоиться на мой счетъ,—сказалъ Джонъ безъ малѣйшихъ признаковъ восторга; я намѣренъ вѣнчаться въ послѣдній день этого мѣсяца и желалъ-бы, чтобы вы заготовили брачный контрактъ.

— Браво!—воскликнулъ Томъ Сампсонъ, махая салфеткой,—я почти также радъ, какъ если-бъ бился за это объ закладъ и, проснувшись, узналъ, что выигралъ двадцать тысячъ фунтовъ. Поздравляю васъ, дорогой мой. Одно Газльгёрстское помѣстье приноситъ добрыхъ восемь тысячъ въ годъ. Затѣмъ три тысячи фунтовъ помѣщены въ Бичамптонѣ, въ поземельныхъ рентахъ; ваши дивиденды съ желѣзно-дорожныхъ и иныхъ акцій доведутъ вашъ доходъ до чистыхъ четырнадцати тысячъ фунтовъ.

— Будь миссъ Малькольмъ безъ гроша, я бы точно также гордился тѣмъ, что выборъ ея палъ на меня, какъ горжусь теперь,—серьёзно замѣтилъ Джонъ.

— Вы смотрите на вопросъ, какъ совершенный джентльменъ,— воскликнулъ стряпчій, какъ-бы желая сказать: «мы это все знаемъ, вы обязаны говорить такого рода вещи».

Миссъ Сампсонъ смотрѣла въ тарелку и чувствовала, что аппетитъ пропалъ на вѣки. Было, безъ сомнѣнія, глупо чувствовать такое огорченіе, но молодыя дѣвушки вообще склонны къ глупостямъ, а Элизѣ Сампсонъ еще не исполнилось тридцати лѣтъ. Она съ самаго начала знала, что Джонъ Тревертонъ женится на Лорѣ Малькольмъ, а между тѣмъ позволила себѣ втайнѣ поклоняться ему. Онъ былъ красивъ и привлекателенъ, а миссъ Сампсонъ видѣла такъ мало молодыхъ людей, обладавшихъ тѣмъ или другимъ изъ этихъ качествъ, что ей можно простить, если она свою молодую, непочатую еще привязанность сосредоточила на первомъ изящномъ незнакомцѣ, проникшемъ въ узкую сферу ея безцвѣтной жизни.

Она жила съ нимъ подъ одной крышей, она подавала ему утромъ кофе, вечеромъ чай; какъ хлопотала она, чтобы въ его чашкѣ было довольно и сахару, и сливокъ! Она изучала его вкусы, заботилась о его продовольствіи съ неизмѣннымъ усердіемъ. Она, для услажденія его слуха, каждый вечеръ въ теченіи его двухъ посѣщеній, играла rêverie Розеллена. Она пѣла его любимыя баллады, и если голосъ иногда и измѣнялъ ей на высокихъ нотахъ, то она брала чувствомъ тамъ, гдѣ ей недоставало силы. Подобныя вещи нелегко забываются молодымъ умомъ, пищу котораго составляли трехъ-томные романы, и который къ тому-же отъ природы былъ нѣсколько сентименталенъ.

— Наша свадьба будетъ очень тихая,—вскорѣ сказалъ Джонъ Тревертонъ:—Лора этого желаетъ, и я съ ней согласенъ. Я былъ-бы очень радъ, если-бъ вы воздержались отъ разговоровъ о ней съ кѣмъ-бы то ни было, Сампсонъ, и вы также, миссъ Сампсонъ. Мы не желаемъ быть предметомъ общаго любопытства всей деревни.

— Я буду нѣмъ, какъ кусокъ пергамена,—отвѣтилъ стряпчій:—и знаю, что на скромность Элизы можно положиться.

Элиза робко взглянула на гостя, причемъ ея бѣлыя рѣсницы задрожали отъ волненія.

— Я должна-бы поздравить васъ, мистеръ Тревертонъ,—пролепетала она:—но все это такъ внезапно, такъ поразительно, что я просто не нахожу словъ.

— Дорогая миссъ Сампсонъ, мнѣ извѣстно ваше дружеское ко мнѣ расположеніе,—съ спокойнымъ добродушіемъ отвѣтилъ Джонъ.

О, какъ онъ былъ холоденъ, какъ жестоко равнодушенъ къ ея чувствамъ! А между тѣмъ онъ долженъ-бы былъ знать! Неужели rêverie Розеллена, съ прижатой лѣвой педалью, ничего ему не сказала?

Позже вечеромъ Джонъ Тревертонъ и его хозяинъ курили tête-à-tête въ кабинетѣ мистера Сампсона, у камелька, возлѣ котораго стряпчій предпочиталъ сидѣть, чѣмъ помѣщаться въ изящно разубранной гостиной сестры, среди накрахмаленныхъ антимакасаровъ, стульевъ, на которыхъ нельзя было сидѣть, и скамеечекъ, предназначавшихся для чего угодно, но никакъ не для отдохновенія человѣческихъ ногъ. Свою нелюбезную привычку проводить вечера вдали отъ семейнаго кружка, мистеръ Сампсонъ оправдывалъ занятіями.

Двое мужчинъ просидѣли нѣсколько времени другъ противъ друга, въ дружелюбномъ молчаніи, причемъ Джонъ Тревертонъ

былъ погруженъ въ серьёзныя размышленія, а мистеръ Сампсонъ находился въ пріятномъ настроеніи духа. Онъ поздравлялъ себя съ надеждой сохранить и на будущее время свое настоящее положеніе—агента по управленію Тревертонскимъ помѣстьемъ, каковаго выгоднаго управленія онъ долженъ-бы былъ лишиться, если-бъ Джонъ Тревертонъ былъ настолько безуменъ, что лишился бы права на наслѣдство, отказавшись подчиниться условіямъ завѣщанія своего родственника.

— Я желаю вполнѣ уяснить себѣ свое положеніе,—вскорѣ сказалъ Джонъ.—Могу-ли я, по своему усмотрѣнію, обезпечить мою будущую жену?

— Вы можете обезпечить ее тѣмъ, чѣмъ въ настоящую минуту владѣете,—отвѣтилъ стряпчій.

— Мои настоящія богатства не составляютъ и пяти фунтовъ.

— Въ такомъ случаѣ я думаю, что намъ нечего и толковать о брачномъ свадебномъ контрактѣ. На основаніи завѣщанія вашего двоюроднаго брата его помѣстье должно находиться на отвѣтственности душеприкащиковъ въ теченіи года. Если впродолженіи этого времени вы женитесь на миссъ Малькольмъ, помѣстье перейдетъ въ ваше владѣніе по истеченіи этого года. Тогда, послѣ свадьбы вы можете составить дарственную запись, въ томъ размѣрѣ, какъ вамъ будетъ угодно, но вы не можете отдавать того, чѣмъ сами не владѣете.

— Понимаю. Значитъ, эта запись, этотъ документъ долженъ быть составленъ послѣ свадьбы. Что-жъ, вы можете теперь-же получить мои инструкціи. Вы можете составить черновую, представить ее на обсужденіе, исполнить всѣ формальности, такъ чтобы документъ этотъ могъ имѣть законную силу въ тотъ-же день, когда я буду введенъ во владѣніе имѣніемъ.

— Вы страшно торопитесь,—замѣтилъ Сампсонъ, улыбаясь горячности своего кліента.

— Жизнь полна ужасныхъ случайностей. Я хочу, чтобы благосостояніе любимой мною женщины было обезпечено, какая бы участь ни ожидала меня.

— Эта великодушная заботливость очень рѣдко встрѣчается у влюбленныхъ. Какъ бы страстно они ни любили въ настоящемъ, любовь ихъ рѣдко принимаетъ видъ заботливости о будущемъ любимаго существа. Отсюда цѣлый рядъ поколѣній нищихъ вдовъ и обездоленныхъ дѣтей. «Après moi le déluge»—любимая поговорка влюбленныхъ. Что-жъ, мистеръ Тревертонъ, чѣмъ вы намѣрены обезпечить жену вашу?

— Цѣлымъ помѣстьемъ, движимымъ и недвижимымъ имуществомъ, — спокойно отвѣтилъ Джонъ Тревертонъ. Мистеръ Сампсонъ выронилъ сигару и сидѣлъ пораженный, олицетворяя собой полунасмѣшливое удивленіе.

— Вы, должно быть, съ ума сошли,—воскликнулъ онъ.

— Нѣтъ, я только благоразуменъ,—отвѣтилъ Тревертонъ.— Помѣстье было завѣщано мнѣ номинально, а Лорѣ Малькольмъ дѣйствительно. Чѣмъ я былъ для завѣщателя? Родственникомъ по крови, правда, но совершенно посторонним человѣкомъ. Въ то время, когда онъ составилъ это завѣщаніе, онъ никогда не видѣлъ лица моего; то немногое, чтó онъ когда-либо обо мнѣ слышалъ, не должно было говорить въ мою пользу, такъ какъ вся жизнь моя была одной долгой ошибкой, и я никому не давалъ повода воспѣвать мнѣ хвалы. Чѣмъ была для него Лора? Его пріемной дочерью, любимымъ и любящимъ товарищемъ его склоняющихся къ закату дней, его вѣрной нянькой, его безкорыстной рабой. Всю любовь, на какую онъ только былъ способенъ, онъ, конечно, сосредоточилъ на ней. Она выросла у его домашняго очага. Она усладила и оживила его одинокую жизнь. Онъ оставилъ мнѣ свое имѣніе, имѣя въ виду ее, съ тѣмъ, чтобы и клятвѣ своей остаться вѣрнымъ, и богатство свое оставить той, кому сердце его побуждало отдать его. Онъ нашелъ во мнѣ удобное орудіе для приведенія въ исполненіе его желаній; и я имѣю причину гордиться тѣмъ, что онъ пожелалъ оказать мнѣ подобное довѣріе, отдавъ мнѣ самое дорогое для него существо. Я все имѣніе отдамъ женѣ, Сампсонъ; я считаю, что честь меня къ тому обязываетъ.

Мистеръ Сампсонъ посмотрѣлъ на своего кліента долгимъ и испытующимъ взглядомъ, причемъ легкая улыбка заиграла на его солидной физіономіи.

— Не оскорбитесь моимъ вопросомъ, — сказалъ онъ. — Вы кругомъ въ долгу?

— Я не долженъ и шести пенсовъ. Я велъ, пожалуй, цыганскую жизнь, но не жилъ на чужія средства.

— Я очень радъ это слышать,—сказалъ Сампсонъ, выбирая свѣжую сигару изъ полнаго ящика,—потому что, если вы воображаете, что такой документъ, какой вы намѣреваетесь составить, поможетъ вамъ отдѣлаться отъ уплаты какихъ-либо нынѣ существующихъ долговъ, то вы очень ошибаетесь. Человѣкъ не можетъ дѣлать никакихъ распоряженій, въ ущербъ своимъ кредиторамъ. Что же касается до будущихъ обязательствъ, то это дѣло иное; занимайся вы торговлей или спекуляціями, я бы понялъ

ваше желаніе сбросить имѣніе съ своихъ плечъ на плечи жены. Но въ вашихъ условіяхъ...

— Неужели вы не можете понять чего-нибудь не чисто коммерческаго?—воскликнулъ Джонъ Тревертонъ, начиная терять терпѣніе.—Неужели вы не понимаете, что я хочу сообразоваться съ духомъ, равно какъ съ буквой завѣщанія моего двоюроднаго брата Джаспера? Я хочу сдѣлать его пріемную дочь настоящей хозяйкой имѣнія, поставить ее въ то же положеніе, какое бы она совершенно естественно заняла, еслибъ онъ никогда не произносилъ этой глупой клятвы.

— Поступая такимъ образомъ, вы превращаетесь въ человѣка, зависящаго всецѣло отъ ея милостей.

— Пусть такъ, я очень радъ стать въ это положеніе. Полноте, любезный Сампсонъ, намъ нечего далѣе обсуждать этотъ вопросъ. Если вы не хотите составить документъ въ томъ именно видѣ, какой мнѣ нуженъ, я долженъ буду найти стряпчаго, который это выполнитъ.

— Дорогой мой сэръ,—живо воскликнулъ Томъ Сампсонъ:—когда мой кліентъ упорствуетъ въ желаніи одурачить себя, я никогда не отказываюсь отъ него. Ему лучше дурачиться подъ моимъ руководствомъ, чѣмъ подъ чьимъ-либо другимъ. Я, по крайней мѣрѣ, не страдаю отъ потери его практики и я къ тому же достаточно тщеславенъ, чтобы думать, что и онъ страдаетъ меньше, чѣмъ пострадалъ бы, еслибъ перенесъ свое дѣло въ какую-либо другую контору. Если вы окончательно рѣшились, то я готовъ набросать черновую такого документа, какой вамъ угодно будетъ мнѣ продиктовать; но я обязанъ предупредить васъ, что составленіе подобной дарственной записи дастъ право на помѣщеніе въ Бедламѣ [1]).

— Я и этого не испугаюсь. Никому нѣтъ надобности знать что-либо объ этомъ документѣ, кромѣ васъ, меня, и позже—жены моей. Я съ ней не буду говорить о немъ, пока онъ не будетъ совершенно готовъ.

Мистеръ Сампсонъ, удивленіе котораго уже стало хроническимъ, взялъ полъ-дести гладкой голубой бумаги и началъ писать сильно скрипѣвшимъ, гусинымъ перомъ, изводя значительное количество чернилъ. Какъ ни былъ простъ подарокъ, который Джонъ Тревертонъ желалъ сдѣлать женѣ, его требовалось обставить такимъ количествомъ юридической фразеологіи, что Томъ Сампсонъ извелъ свою полъ-десть бумаги, прежде чѣмъ дописалъ

[1]) Домъ для душевно-больныхъ.

запись до конца. Имѣнію должна была быть произведена опись, причемъ каждая деревушка, каждый домикъ, служившій жилищемъ земледѣльцу, описывались сначала въ величественныхъ, отвлеченныхъ фразахъ, потомъ назывались просто: то-то и то-то, извѣстное въ просторѣчіи подъ именемъ того-то и того-то, и такъ далѣе, съ повтореніями, могущими довести человѣка до сумасшествія. Джонъ Тревертонъ, курившій сигару и позволявшій мыслямъ своимъ залетать отъ времени до времени въ такія сферы, гдѣ далеко не все было пріятно, думалъ, что хозяинъ его никогда не перестанетъ водить это неумолимое перо — какъ разъ такое, которымъ можно было подписать, совершенно хладнокровно, смертный приговоръ,—по скользкой бумагѣ.

— Ну, наконецъ, — воскликнулъ Самисонъ:—я думаю, что этимъ имѣніе крѣпко-на-крѣпко утверждено за вашей женой и дѣтьми ея, послѣ нея. Она можетъ проматывать доходы какъ ей будетъ угодно, но не можетъ и пальчикомъ дотронуться до капитала. А теперь вотъ остается только назначить двухъ отвѣтственныхъ лицъ хранителями документа.

— Я не знаю двухъ порядочныхъ людей на свѣтѣ,—откровенно сознался Джонъ.

— Нѣтъ, знаете. Вы знаете викарія здѣшняго прихода и знаете меня. Вашъ двоюродный братъ Джасперъ счелъ насъ достойными быть его душеприказчиками. Едва ли вы должны бояться довѣрить намъ храненіе вашей дарственной записи.

— Я ничего не имѣю противъ этого, и, конечно, не знаю лучшихъ людей.

— Значитъ, мы дѣло это будемъ считать рѣшеннымъ. Я отправлю документъ на обсужденіе, кому слѣдуетъ, съ завтрашней же почтой. Надѣюсь, вы вполнѣ уяснили себѣ, что эта запись превратитъ васъ въ нищаго, поставитъ въ полную зависимость отъ жены. Еслибъ вы обратились за помощью въ вашъ приходъ, ее бы обязали содержать васъ. А затѣмъ, она можетъ обращаться съ вами такъ дурно, какъ только пожелаетъ.

— Я ея худого обращенія не боюсь.

— Скажу по чести и по совѣсти,—размышлялъ Томасъ Самисонъ, укладываясь спать въ этотъ вечеръ:—я думаю, что Джонъ Тревертонъ по уши влюбленъ въ миссъ Малькольмъ. Ничѣмъ, кромѣ любви или сумасшествія, не объяснить его поведенія. Которой же изъ двухъ причинъ приписать его? Чтожъ, можетъ быть, черта, отдѣляющая любовь отъ сумасшествія такъ незамѣтна, что тутъ дѣло уже идетъ о діалектическихъ тонкостяхъ.

Глава XI. — Никакого приданаго.

Лора была вполнѣ счастлива въ теченіи краткаго промежутка времени, отдѣлявшаго ея помолвку отъ ея свадьбы. Она подарила Джону свою любовь, свое довѣріе безъ всякихъ ограниченій, сознавая, что долгъ и любовь идутъ для нея рука объ руку. Слѣдуя влеченію своего сердца, она подчинялась завѣту своего благодѣтеля. Она очень любила Джаспера Тревертона, любила такъ искренно, какъ только можетъ дочь любить отца. Ей представлялось вполнѣ естественнымъ дѣломъ перенести любовь свою съ пріемнаго отца на его молодого родственника. Старикъ, лежащій въ могилѣ, служилъ звеномъ соединенія между молодой дѣвушкой и ея поклонникомъ.

— Какъ бы папа́ былъ радъ, еслибъ онъ могъ знать, что мы съ Джономъ такъ полюбимъ другъ друга, невинно говорила она себѣ.

Селія Клеръ поспѣшно возвратилась изъ Брайтона, такъ какъ жаждала помочь своей подругѣ—въ эту рѣшительную минуту ея жизни.

— Брайтонъ былъ прелестенъ,—говорила Селія,—но ни за какія блага не осталась бы я вдали отъ тебя въ такое время. Бѣдняжка, что́ бы ты дѣлала безъ меня?

— Милая Селія, ты знаешь, какъ я люблю тебя, но я, право, думаю, что съумѣла бы обвѣнчаться безъ твоей помощи.

— Обвѣнчаться! да, но какъ бы ты все устроила?—воскликнула Селія, причемъ глаза ея стали очень большими и совершенно круглыми.—Ты бы изъ всего этого заварила страшную кашу. Ну, чтожъ твое приданое? пари держу, что ты еще почти не думала о немъ.

— Ошибаешься. Я заказала два дорожныхъ платья и одно, очень роскошное, для обѣда.

— А твои воротнички, рукавчики, носовые платки, пеньюары, ночныя кофточки,—проговорила Селія, перечисляя цѣлый реестръ вещей.

— Дорогое дитя, неужели ты воображаешь, что я всѣ эти годы прожила безъ воротничковъ, рукавчиковъ и носовыхъ платковъ?

— Лора, если у тебя не будетъ все новое, ты бы могла и не выходить вовсе замужъ.

— Ну, такъ можешь считать мою свадьбу не свадьбой, такъ какъ я вовсе не хлопочу о новыхъ вещахъ.

— Дай мнѣ полномочіе и предоставь мнѣ все. Къ чему же я пожертвовала Брайтономъ, какъ разъ въ то время, когда тамъ было такъ прелестно, если я не могу, хоть въ чемъ-нибудь, быть тебѣ полезной?

— Пожалуй, Селія, чтобы ты не чувствовала себя несчастной, я разрѣшаю тебѣ осмотрѣть мой гардеробъ, и если ты замѣтишь ужасающій недостатокъ въ воротничкахъ и носовыхъ платкахъ, я свожу тебя въ Бичамптонъ въ шарабанѣ, и ты закупишь все, чтó найдешь нужнымъ.

— Бичамптонъ до безобразія отсталъ отъ вѣка, до отвращенія не слѣдилъ за модой, а твои вещи должны быть сдѣланы по послѣднему фасону. Я просмотрю объявленія въ газетахъ и пошлю въ Лондонъ за рисунками и образцами. Не къ чему имѣть новыя вещи, если онѣ не по послѣдней модѣ. Никто не снашиваетъ своихъ воротничковъ и рукавчиковъ,—они выходятъ изъ моды.

— Я дамъ тебѣ полномочіе, дорогая, если это вознаградитъ тебя за Брайтонъ.

— Милая, ты знаешь, что я бы не покинула тебя, въ такую знаменательную минуту твоей жизни, изъ-за сорока Брайтоновъ, —воскликнула Селія, имѣвшая возвышенныя понятія о дружбѣ: —а чтожъ твое подвѣнечное платье? Это самый важный вопросъ.

— Оно заказано.

— Ты объ немъ до сихъ поръ ничего не говорила.

— Неужели? я буду вѣнчаться въ одномъ изъ платьевъ, заказанныхъ для путешествія; оно представляетъ смѣсь сѣраго шелка съ бархатомъ, кофточка обшита шеншилла. Я думаю, оно будетъ очень красиво.

Селія откинулась на спинку стула, словно собираясь упасть въ обморокъ.

— Безъ подвѣнечнаго платья!—воскликнула она:—безъ приданаго и безъ подвѣнечнаго платья! Правду говорятъ, что свадьба эта готовится при дурныхъ предзнаменованіяхъ; я не удивляюсь тому, чтó говоритъ бѣдный Эдуардъ.—Лора покраснѣла отъ негодованія при послѣдней фразѣ.

— Скажи, пожалуйста, чтó твой братъ говорилъ противъ моего брака?—надменно спросила она.

— Чтожъ, дорогая, ты не можешь отъ него требовать, чтобы онъ ему радовался, зная, какъ ты должна знать, какъ онъ любилъ тебя, какъ, вопреки всему, надѣялся въ теченіи послѣд-

нихъ трехъ лѣтъ. Я не хочу огорчать тебя, но должна сознаться, что Эдуардъ очень дурного мнѣнія о мистерѣ Тревертонѣ.

— Я полагаю, что мистеръ Тревертонъ съумѣетъ какъ-нибудь прожить и безъ добраго о немъ мнѣнія Эдуарда.

— Онъ думаетъ, что въ его поведеніи есть что-то очень таинственное, что для тебя заключается оскорбленіе уже въ томъ фактѣ, что онъ такъ долго держался вдали, а затѣмъ вернулся въ послѣднюю минуту, какъ разъ во-время, чтобы получить имѣніе!

— Я лучшій судья поведенія мистера Тревертона,—отвѣтила глубоко уязвленная Лора.—Если я довѣряю ему, то другіе могутъ избавить себя отъ труда обсуждать его побужденія.

— А ты довѣряешь ему?—тревожно спросила Селія.

— Всѣмъ сердцемъ, всей душой.

— Такъ закажи настоящее подвѣнечное платье,—воскликнула Селія, точно будто весь вопросъ о блаженствѣ или несчастіи заключался въ одной этой подробности.

При первой же встрѣчѣ миссъ Малькольмъ съ Эдуардомъ Клеръ, въ ея привѣтствіи сказалась холодность, которую молодой человѣкъ не могъ не замѣтить.

— Что я сдѣлалъ, чѣмъ оскорбилъ васъ, Лора?—жалобно спросилъ онъ.

— Меня оскорбляетъ всякій, кто сомнѣвается въ чести моего будущаго мужа,—отвѣтила она.

— Мнѣ очень жаль,—мрачно проговорилъ онъ.—Человѣкъ не воленъ въ своихъ мысляхъ.

— Во власти человѣка придержать свой языкъ,—сказала Лора.

— Хорошо, отнынѣ я буду молчать. Прощайте.

— Куда вы ѣдете?

— Куда-нибудь, куда-нибудь вонъ изъ этого міра, т.-е. изъ маленькаго Газльгёрстскаго мірка. Я думаю, что поѣду въ Лондонъ. Возьму квартиру поближе къ Британскому Музею и усердно займусь литературной работой. Пора мнѣ показать себя.

Лора была того же мнѣнія. Эдуардъ за послѣднія пять лѣтъ все толковалъ, что ему надо показать себя, однако, ничего почти для этого не дѣлалъ.

На другой день онъ уѣхалъ, и Лора свободнѣе вздохнула въ его отсутствіи.

Селія оставалась въ замкѣ все время передъ свадьбой. Она постоянно дежурила при влюбленныхъ, каталась съ ними, гуляла съ ними, сидѣла съ ними у камина въ сумерки, когда

таинственныя тѣни, напоминавшія ангеловъ-хранителей, появлялись и исчезали на стѣнахъ. Джонъ Тревертонъ, казалось, ничего не имѣлъ противъ общества Селіи: онъ скорѣй искалъ его. Селіи онъ не казался пылкимъ влюбленнымъ, а между тѣмъ трудно было сомнѣваться въ его глубокой любви. Никогда, съ того перваго вечера не покоилась голова Лоры на груди его, никогда, съ того же вечера, не выражалъ онъ словами своей страсти. Въ его обращеніи сказывалась привязанность, полная почтительности; точно будто онъ слишкомъ глубоко уважалъ свою невѣсту, чтобы быть через-чуръ щедрымъ на выраженія болѣе теплыхъ чувствъ; точно будто она, въ его понятіяхъ, стояла настолько выше его, что любовь превращалась въ поклоненіе.

— Мнѣ кажется, я бы пожелала имѣть менѣе сдержаннаго обожателя, — проговорила Селія: — мистеръ Тревертонъ такъ страшно серьёзенъ.

— Теперь, когда ты его узнала покороче, Селія, неужели ты еще склонна думать, что онъ корыстолюбивъ; что онъ любитъ не меня, а помѣстье?—спросила Лора, нимало не боясь отвѣта.

— Нѣтъ, дорогая, я думаю, что онъ обожаетъ тебя, что онъ ужасно, страстно, почти отчаянно влюбленъ въ тебя,—очень серьёзно отвѣтила Селія,—но все же онъ женихъ не въ моемъ вкусѣ. Онъ слишкомъ грустенъ.

Лора не нашла отвѣта на это возраженіе. По мѣрѣ того, какъ приближался конецъ этого, полнаго событіями, года, настроеніе духа ея жениха вовсе не становилось веселѣе. Онъ былъ задумчивъ, порой до странности разсѣянъ. Она тоже, по сочувствію къ нему, стала серьёзной.

— Это такая торжественная минута въ нашей жизни,—думала она.—Иногда я чувствую, будто все это не дойдетъ благополучно до конца, будто что-то должно случиться, что́ разлучитъ насъ, въ самую послѣднюю минуту, наканунѣ нашей свадьбы.

Канунъ свадьбы насталъ и не принесъ съ собой никакой катастрофы. Вечеръ прошелъ очень тихо. Женихъ и невѣста обѣдали вмѣстѣ въ викаріатѣ и затѣмъ возвратились пѣшкомъ въ замокъ, вдвоемъ, чуть ли не въ первый разъ со дня ихъ обрученія. Все уже было устроено для предстоявшей на завтра свадьбы. Свадьба должна была быть самая тихая, никого не приглашали, кромѣ мистера Сампсона и его сестры. Жена викарія, разумѣется, должна была также присутствовать. Она имѣла до нѣкоторой степени изображать мать невѣсты. Селія должна была быть единственной дружкой. Ихъ должны были, съ особаго раз-

рѣшенія, вѣнчать безъ оглашеній, а потому никто во всей деревнѣ не имѣлъ понятія о приближавшемся событіи. Слугамъ замка лишь за два дня предъ тѣмъ объявили о днѣ свадьбы и, къ тому же, запретили толковать объ этомъ; а такъ какъ они всѣ были старые слуги, издавна привыкшіе не отдѣлять своихъ интересовъ отъ интересовъ «семейства», которому служили, то нечего было опасаться, что они приказанія миссъ Малькольмъ не исполнятъ.

Домъ, всегда содержанный въ полномъ порядкѣ, съ особымъ стараніемъ вымели и прибрали для этого торжественнаго случая. Сняли ситцевые чахлы съ креселъ и дивановъ въ гостиной и обнаружили вышитые по канвѣ вѣнки и букеты цвѣтовъ, работы матери и тётокъ Джаспера Тревертона, работы, исполненной въ почти страшный, по своей отдаленности, періодъ времени. Экономка пекла свое добродушное, старое лицо передъ сильно пылавшимъ, въ кухнѣ, огнемъ, пока размѣшивала свои желе, наблюдала за своими пирогами и лепешками, переворачивала съ боку на бокъ паштеты. Ранній завтракъ имѣлъ быть достоинъ самой торжественной свадьбы, хотя миссъ Малькольмъ и говорила мистриссъ Тримеръ, что ей требуется самый простой.

— Вы не должны отказывать мнѣ въ удовольствіи показать свое искусство для этакого-то дня,—убѣждала ее вѣрная слуга,—я бы всю жизнь себя упрекала, кабы не постаралась. Мотовства не будетъ, миссъ, но хорошенькій завтракъ поставить на столъ я должна. Я такъ рада, что въ нынѣшнемъ году у насъ много барбарису: очень красиво гарнировать этими ягодами блюдо съ заливнымъ.

Мистрисъ Тримеръ жарилась сама и жарила свою птицу въ обширной старой кухнѣ, въ десять часовъ вечера, пока Джонъ и Лора возвращались изъ викаріата, рука объ руку, причемъ Лора радовалась, что онъ, хоть на полчаса, да принадлежитъ ей одной, а онъ, какъ на зло, молчалъ. Селія осталась въ замкѣ; она лежала у себя въ комнатѣ, съ головной болью и новымъ романомъ. Она отговорилась отъ обѣда, въ своемъ обычномъ развязномъ тонѣ.

— Кланяйся имъ всѣмъ и скажи, что мнѣ нездоровилось, потому и не пришла,—сказала она.—Отправляться на обѣдъ къ своимъ родителямъ, право, ужъ слишкомъ скучно. Я съ ними обѣдала въ Рождество, а первый день Рождества въ викаріатѣ всегда былъ квинт-эссенціей тоски. Ничему я такъ не удивлялась, достигнувъ совершеннолѣтія, какъ тому, что могла пережить двадцать-одинъ *нашъ* Рождественскій праздникъ.

И такъ они, по счастливой случайности, какъ думала Лора, были одни; но что же женихъ, завтрашній молодой, не говоритъ ни слова?

— Джонъ,—наконецъ тихо начала Лора, почти боясь прервать это мрачное молчаніе:—есть одинъ вопросъ, о которомъ ты ничего не говорилъ мнѣ, а между тѣмъ большая часть дѣвушекъ, въ моихъ условіяхъ, сочла бы его очень важнымъ.

— Какой вопросъ, дорогая?

— Ты не говорилъ мнѣ, гдѣ мы проведемъ нашъ медовый мѣсяцъ. Селія приставала ко мнѣ съ разспросами насчетъ нашихъ плановъ, и мнѣ было довольно трудно отдѣлаться отъ нея. Я не желала сознаться въ своемъ невѣдѣніи.

Это былъ безъ сомнѣнія простой и естественный вопросъ, а между тѣмъ Джонъ Тревертонъ вздрогнулъ, какъ отъ сильнѣйшаго удара, какой судьба нанести ему могла.

— Дорогая, голубка, я, право, не думалъ объ этомъ,—отвѣтилъ онъ, запинаясь.—Поѣдемъ, куда ты захочешь. Рѣшимъ завтра, послѣ вѣнца.

— Но это, кажется, никогда такъ не дѣлается?—спросила Лора съ слабымъ смѣхомъ.

Ее нѣсколько оскорбило его равнодушіе относительно перваго періода ихъ совмѣстнаго странствованія по житейской дорогѣ. Она бы желала, чтобы у жениха ея было множество самыхъ дикихъ плановъ, чтобы онъ жаждалъ везти ее всюду, въ Энгадинскую долину, въ Шварцвальдъ, на Альпійскія озера, въ Киллярней, всюду за-разъ.

— А развѣ всѣ обстоятельства, при которыхъ совершается нашъ бракъ, не необычайны?—серьёзно возразилъ онъ.—Одно вѣрно, одно дорого и свято во всемъ этомъ дѣлѣ—мы искренно и нѣжно любимъ другъ друга. Это вѣрно, не правда ли, Лора?

— Съ моей стороны совершенно вѣрно.

— А съ моей стороны также вѣрно, какъ то, что я живу и что я умру. Наша любовь глубока и непоколебима, не такъ ли, Лора? Ничему, никакому удару судьбы, даже самому времени не измѣнить ее.

— Никакому удару судьбы, даже самому времени не измѣнить любви моей къ тебѣ,—торжественно проговорила она.

— Это все, чего мнѣ надо. Эта увѣренность наполняетъ душу мою радостью и надеждой.

— Какимъ же другимъ чувствамъ и наполнять ее? Была ли когда на свѣтѣ болѣе счастливая пара, чѣмъ мы съ тобой? Мой милый пріемный отецъ умираетъ, оставивъ завѣщаніе, которое

могло бы сдѣлать насъ обоихъ несчастными, которое могло бы соблазнить тебя, заставивъ высказывать любовь, которой бы ты не чувствовалъ, которое могло бы соблазнить и меня, побудивъ меня отдаться человѣку, котораго бы я не могла любить. Вмѣсто всѣхъ этихъ несчастій, мы полюбили другъ друга, почти съ перваго взгляда, мы чувствуемъ, что Провидѣніе создало насъ другъ для друга, и что мы могли бы быть счастливы вмѣстѣ и въ глубочайшей бѣдности?

— Да,—задумчиво проговорилъ Джонъ,—странно, что мой двоюродный братъ Джасперъ былъ такъ увѣренъ, что мы сойдемся.

— Въ этихъ вещахъ видна рука Провидѣнія,—прошептала Лора.

— Еслибъ я могъ этому вѣрить,—проговорилъ ея женихъ, обращаясь скорѣй къ самому себѣ, чѣмъ къ ней.

Глава XII.—Свадьба съ дурными предзнаменованіями.

Въ чопорномъ, старомъ саду замка не видно было ни единаго цвѣтка, кромѣ одной печальной чайной розы, казавшейся бѣлой и поблеклой подъ унылымъ, сѣрымъ небомъ, и нѣсколькихъ блѣдныхъ цвѣтовъ златоцвѣта, съ растрепанными лепестками, смотрѣвшихъ крайне плачевно.

— Что за отвратительное утро!—воскликнула Селія, глядя изъ окна уборной Лоры на размокшій лугъ и на блестѣвшую отъ дождя изгородь изъ тисовыхъ деревьевъ, за которой тянулась печальная перспектива цѣлаго ряда обнаженныхъ яблонь, и виднѣлись высокіе, черные тополи, обозначавшіе границу домашняго пастбища, среди котораго хорошенькія сѣрыя коровы съ острова Джерси наслаждались жизнью весною и лѣтомъ.

Лора и ея подруга сидѣли за раннимъ завтракомъ—причемъ, ни та ни другая ѣсть ничего не могла—у камина, въ уборной. Обѣ молодыя женщины были сильно взволнованы, но въ то время, какъ одна изъ нихъ не могла усидѣть на мѣстѣ и безъ умолку болтала, другая сидѣла блѣдная и молчаливая, слишкомъ глубоко взволнованная, чтобы высказывать свое волненіе.

— Капъ, капъ, капъ,—капризно кричала Селія,—сегодня одинъ изъ этихъ отвратительныхъ чисто-шотландскихъ тумановъ, который точно также можетъ продолжаться недѣлю, какъ и часъ. Красивы мы будемъ со своими шлейфами послѣ того, какъ пройдемся по длинной дорожкѣ, идущей черезъ кладбище, подъ та-

кимъ дождемъ. Право, Лора, не сочти меня злой за то, что говорю это, но я всегда скажу, что твоя свадьба отпразднуется при самыхъ дурныхъ предзнаменованіяхъ.

— Будто?—сказала Лора съ слабой улыбкой.—Неужели ты, въ самомъ дѣлѣ, воображаешь, что для меня, для предстоящей мнѣ жизни, составитъ какую-нибудь разницу то, обвѣнчалась ли я въ дождливый день или въ ясный? А мнѣ такъ нравится мысль перейти отъ теперешней скуки прямо на солнышко, такъ какъ я знаю, что наша семейная жизнь будетъ полна солнечныхъ лучей.

— Какъ ты самонадѣянна,—съ удивленіемъ воскликнула Селія.

— Что мнѣ бояться? Мы нѣжно любимъ другъ друга. Какъ же намъ не быть счастливыми?

— Все это прекрасно, но у меня было бы легче на душѣ, еслибъ ты вѣнчалась въ настоящемъ подвѣнечномъ платьѣ. Подумай, какъ тебѣ со временемъ-то неловко будетъ, когда тебя станутъ приглашать на большіе обѣды. Въ качествѣ новобрачной, тебѣ бы слѣдовало являться на нихъ въ бѣломъ атласномъ платьѣ, съ померанцовыми цвѣтами въ волосахъ. Теперь люди съ трудомъ повѣрятъ, что ты молодая.

— А сколько большихъ обѣдовъ будетъ дано на разстояніи десяти миль отъ Гавльгёрста, въ теченіи ближайшихъ шести мѣсяцевъ?—спросила Лора.

— Немного, конечно,—вздохнула Селія.—Въ этомъ отношеніи мы точно живемъ въ одномъ изъ отдаленнѣйшихъ поселеній Бенгаліи. Разумѣется, папа́ и мама дадутъ вамъ обѣдъ, и миссъ Сампсонъ пригласитъ васъ на чашку чая. О! эти чаепитія миссъ Сампсонъ! Чай и кофе подаютъ гостямъ на подносѣ, посеребренномъ посредствомъ гальванизма, réverie Ровеллена исполняется хозяйкой на старомъ, разбитомъ фортепьяно, за карточнымъ столомъ играютъ въ vingt-et-un, и въ заключеніе безумныхъ развлеченій, которыми изобиловалъ вечеръ, подаются тартинки съ анчоусами, бланъ-манже и желе. Затѣмъ существуютъ аристократическія фамиліи графства: съ восточной стороны онѣ кончаются сэромъ Джошуа Паркеромъ, съ сѣверной—вдовствующей лэди Баркеръ. Оба величаво посѣтятъ васъ. Лэди Баркеръ будетъ сожалѣть, что она уже не даетъ обѣдовъ съ кончины своего дорогого мужа, а лэди Паркеръ сведетъ съ вами счеты, приславъ вамъ пригласительный билетъ на свой лѣтній праздникъ, въ будущемъ іюлѣ.

Разговоръ этотъ происходилъ въ половинѣ девятаго. Въ де-

сять часовъ обѣ молодыя дѣвушки были одѣты и совсѣмъ готовы, чтобы ѣхать въ церковь. Лора была прелестна въ своемъ сѣромъ шелковомъ, дорожномъ платьѣ и круглой сѣрой шляпѣ, съ падающимъ страусовымъ перомъ.

— Одно я могу сказать по чести, отъ глубины души,—воскликнула Селія, и Лора обернулась къ ней съ улыбкой, ожидая услыхать что-нибудь интересное,—у тебя самое великолѣпное перо, какое я когда-либо видѣла въ жизни. Ты можешь отказать мнѣ его въ твоемъ завѣщаніи, если пожелаешь; я-таки похлопотала, чтобы достать его, и ты должна мнѣ быть благодарна за то, что я такъ отлично подобрала шляпу подъ цвѣтъ платья.

Онѣ ѣхали по грязной дорогѣ, между двухъ рядовъ обнаженныхъ, темныхъ, облитыхъ дождемъ деревьевъ, подъ такимъ печальнымъ и безцвѣтнымъ небомъ, какое когда-либо висѣло надъ Гавльгёрстомъ. Старая церковь съ ея оригинальными уголками и темными боковыми притворами, съ ея фамильными скамейками на галлереѣ противъ органа, напоминавшими отчасти театральныя ложи, скамейками, на которыхъ помѣщалась обыкновенно аристократія, въ привилегированномъ уединеніи, съ ея старомодной каѳедрой, гербами, полинялыми пунцовыми подушками и драпировками—церковь, которой никогда не касалась рука реставратора, надъ украшеніемъ которой не трудились и не хлопотали благочестивыя лэди, скучная, старинная, приходская церковь прошлаго столѣтія—въ этотъ день смотрѣла мрачнѣе и печальнѣе, чѣмъ когда-нибудь. Даже присутствіе молодости и красоты не могло оживить ее.

Джонъ Тревертонъ и мистеръ Сампсонъ, служившій невѣстѣ посаженымъ отцомъ, пріѣхали послѣ всѣхъ. Женихъ былъ смертельно блѣденъ, и улыбка, съ которой онъ встрѣтилъ свою невѣсту, хотя дышала самой преданной любовью, не была радостна. Селія исполнила свои обязанности дружки съ дѣловымъ видомъ, достойнымъ величайшихъ похвалъ. Мистеръ Клеръ служилъ хорошо, блѣдный женихъ отвѣчалъ громко и ясно, когда наступила его очередь, тихій голосъ Лоры не дрогнулъ, когда она произносила слова, рѣшавшія ея судьбу. Свадебный завтракъ отличался мирной веселостью. Никого не удивляло, что женихъ былъ молчаливъ, а невѣста блѣдна и задумчива. Викарій и стряпчій находились въ отличнѣйшемъ расположеніи духа; бойкій язычекъ Селіи, при всякомъ удобномъ случаѣ, поддерживалъ заведенный ими разговоръ. Мистрисъ Клеръ была полна дружескихъ предчувствій относительно образа жизни молодой четы, когда она усядется на мѣстѣ. Печальное, сырое утро возбудило

аппетитъ гостей, и много похвалъ расточалось паштету и индѣйкѣ, начиненной трюфелями; а старыя вина, вынесенныя, въ покрытыхъ паутиною бутылкахъ, изъ самыхъ темныхъ угловъ погреба Джаспера Тревертона, были такъ хороши, что вызывали слабые проблески остроумія въ самыхъ лѣнивыхъ умахъ. Итакъ, свадебный завтракъ, имѣвшій характеръ небольшого, семейнаго собранія, прошелъ довольно пріятно.

Молодые должны были отправиться въ путь не ранѣе вечера. Они ѣхали по желѣзной дорогѣ, направляясь въ Дувръ.

Почти ничего не говорилось о медовомъ мѣсяцѣ. Гостямъ только въ общихъ выраженіяхъ намекнули, что Джонъ Тревертонъ и жена его ѣдутъ на югъ Франціи. Викарію пришлось, вскорѣ послѣ завтрака, поспѣшно удалиться, чтобы прочесть похоронныя молитвы надъ гробомъ почтеннаго прихожанина, а все остальное общество приняло его отъѣздъ за сигналъ къ разъѣзду. Ничто ихъ не удерживало. Эта свадьба не была похожа на другія свадьбы. Не предвидѣлось никакихъ вечернихъ увеселеній, не было и ослѣпительнаго ряда свадебныхъ подарковъ, на которые можно было бы поглазѣть, о которыхъ можно было бы потолковать. У Лоры было такъ мало друзей, что свои свадебные подарки она могла пересчитать по пальцамъ той маленькой, бѣленькой ручки, которая казалась ей незнакомой, удивительной, такъ какъ была украшена блестящимъ, новымъ кольцомъ, широкимъ и массивнымъ золотымъ обручемъ, такимъ прочнымъ, что она, конечно, проноситъ его до своей золотой свадьбы. Немногочисленные гости почувствовали, что имъ ничего болѣе не остается, какъ распроститься, повторивъ, не одинъ разъ, свои добрыя пожеланія и высказавъ радостныя предчувствія относительно празднествъ, имѣющихъ оживить старый домъ, по истеченіи медоваго мѣсяца.

Всѣ разъѣхались; короткій зимній день клонился къ концу, новый годъ приближался быстрыми шагами. Стараго года оставалось лишь нѣсколько часовъ. Какая тишина царила въ домѣ въ эти зимнія сумерки, тишина, почти напоминавшая смерть. Лора и Селія долго не могли разстаться: онѣ откладывали свое прощанье до послѣдней минуты и еще оставались вдвоемъ въ залѣ, послѣ отъѣзда остальныхъ гостей. Селіи нужно было сказать такъ много, дать столько наставленій относительно рукавчиковъ и воротничковъ, и времени дня и года, въ какое Лора должна носить свои различныя платья. Кромѣ того, были порывы ласкъ, объятія и прочее.

— Ты совсѣмъ разлюбишь меня теперь, когда у тебя мужъ, —прошептала Селія.

— Ты сама знаешь, что это неправда, глупая дѣвочка. Мое замужество нимало не измѣнитъ моихъ чувствъ.

— О, оно всегда измѣняетъ ихъ, —сказала Селія съ знающимъ видомъ.—Когда человѣкъ женится, то друзья его холостой жизни исчезаютъ со сцены, всякій это знаетъ; съ дѣвушкой происходитъ совершенно то же самое. Я такъ и жду, что ничего не буду для тебя значить.

Лора объявила, что она всегда останется вѣрна дружбѣ, и онѣ разстались. Селія побѣжала домой одна, запрятавъ свой нарядный, свадебный туалетъ подъ непромокаемый плащъ.

Дождь тѣмъ временемъ пересталъ, и на западѣ виднѣлось красное зарево зимняго заката.

Дверь залы шумно захлопнулась, звукъ этотъ отдался среди молчанія, наполнявшаго домъ, и Лора медленно направилась въ гостиную, нѣсколько удивляясь тому, что была одна-одинехонька въ день своей свадьбы. Все вообще такъ не подходило къ обычному представленію, какое составляется о свадьбѣ: это промедленіе съ отъѣздомъ, этотъ непріятный промежутокъ между свадебнымъ завтракомъ и свадебнымъ путешествіемъ.

Она нашла гостиную пустою. Полчаса тому назадъ, когда она пошла наверхъ, чтобы помочь Селіи закутаться въ ватерпруфъ, она оставила тамъ Джона Тревертона съ мистеромъ Сампсономъ; теперь оба исчезли. Обширная комната, отличавшаяся старомоднымъ великолѣпіемъ, была освѣщена лишь догоравшимъ въ каминѣ пламенемъ. Бѣлыя стѣны и старинныя зеркала смотрѣли непривѣтно, въ темные углы комнаты было страшно заглянуть.

— Можетъ быть, я найду его въ кабинетѣ, — сказала себѣ Лора, пора чай пить.

Она тихо засмѣялась сама надъ собой. Какъ ново, какъ странно покажется имъ сѣсть tête-à-tête за чайный столъ, мужемъ и женою, устроившимися на всю жизнь своимъ домомъ. Никакихъ сомнѣній ни другъ въ другѣ, ни въ своей судьбѣ уже не могло быть:—торгъ былъ заключенъ, узы наложены, слово дано, одна смерть могла освободить отъ этихъ обязательствъ.

Тихо подвигалась она, среди царившаго въ домѣ молчанія, въ комнатѣ, находящейся на концѣ корридора, къ маленькой книжной комнатѣ, выходившей окнами въ цвѣточный садъ. Она тихо отворила дверь, желая незамѣтно подкрасться и надѣясь застать мужа, погруженнаго въ пріятныя мечты, но уже на по-

рогѣ остановилась она въ ужасѣ, не будучи въ состояніи выговорить слова.

Онъ сидѣлъ въ позѣ, выражавшей глубочайшее уныніе, опустивъ голову на скрещенныя руки, лица его не было видно. Рыданія, такія рыданія, какія рѣдко вырываются изъ истерзанной души сильнаго мужчины, разрывали сердце Джона Тревертона. Онъ, очевидно, отдался тѣломъ и душою страстному, непобѣдимому отчаянію.

Лора подбѣжала къ нему, склонилась надъ нимъ, тихо обвила его шею рукой.

— Милый, что съ тобою?—нѣжно, дрожащими устами спросила она.—Такое горе, и въ такой день, какъ нынѣшній! Что-нибудь ужасное должно было случиться. О, скажи мнѣ, голубчикъ, скажи мнѣ все!

— Я ничего не могу сказать тебѣ,—отвѣтилъ онъ охрипшимъ голосомъ, слегка отталкивая ея руку.—Оставь меня, Лора. Если тебѣ меня жаль, оставь меня наединѣ бороться съ самимъ собою. Это единственная услуга, какую ты мнѣ оказать можешь.

— Оставить тебя въ такомъ горѣ! Нѣтъ, Джонъ, я имѣю право раздѣлить твою скорбь. Я не уйду, пока ты не довѣришься мнѣ. Довѣрься мнѣ, милый, довѣрься мнѣ. Кому тебѣ и довѣриться, если не женѣ?

— Ты не знаешь,—съ судорожнымъ вздохомъ, почти сердито проговорилъ онъ.—Есть печали, которыхъ ты раздѣлить не можешь; есть терзанія столь глубокія, что тебѣ никогда не измѣрить глубины ихъ. Сохрани Богъ, чтобы твоя чистая, молодая душа когда-либо низошла въ эту черную пропасть. Лора, если ты любишь, если ты жалѣешь меня—а право, голубка, я нуждаюсь въ твоемъ сожалѣніи — оставь меня теперь на минуту, дай мнѣ наединѣ справиться съ моей борьбой. Эта борьба, Лора, самая сильная, черезъ какую когда-либо проходила моя слабая душа. Вернись черезъ часъ, милая, и тогда ты узнаешь — я объясню—хотя часть этой тайны. Черезъ часъ, черезъ часъ, — повторилъ онъ, съ возроставшимъ волненіемъ, указывая на дверь дрожащею рукой.

Лора постояла съ минуту въ нерѣшимости. Она была глубоко взволнована, ея женское достоинство, ея супружеская гордость были задѣты за живое. Затѣмъ, съ полу-печальной, полунасмѣшливой улыбкой на устахъ, она тихо привела ему кроткую рѣчь самой кроткой изъ всѣхъ Шекспировскихъ героинь:

— Мнѣ отказать вамъ? Нѣтъ. Простите, повелитель мой;
Какъ бы вы со мной ни обращались, я повинуюсь.

И съ этими словами, она оставила его, съ душой переполненной тяжелымъ недоумѣніемъ.

Еслибъ она могла видѣть полный отчаянія взглядъ, который онъ обратилъ на нее, когда она уходила; еслибъ она могла видѣть, какъ онъ вздрогнулъ, когда дверь за нею затворилась, какъ онъ всталъ съ мѣста, кинулся къ двери, опустился на колѣни, прижался губами къ безчувственной половинкѣ, до которой коснулась ея рука, какъ онъ сталъ биться лбомъ о дерево въ припадкѣ отчаянія; еслибъ она могла видѣть все это, она бы вѣрнѣе оцѣнила силу его любви и горечь его печали.

Она прошла къ себѣ въ комнату и сидѣла тамъ въ безпомощномъ недоумѣніи отъ этого горя, отъ этой тайны, внезапно разразившейся надъ ея головой подобно громовой тучѣ, среди яркаго блеска ея новой жизни. Чтó все это значило? Неужели всѣ его увѣренія въ любви были лживы? Неужели онъ женился на ней ради состоянія его двоюроднаго брата, несмотря на всѣ свои увѣренія въ противномъ? Не любилъ ли онъ другую? Не существовало ли какой-нибудь старой, дорогой связи, дѣлавшей наложенныя имъ сегодня на себя узы невыносимыми для него? Какова бы ни была причина его раскаянія, Лорѣ было ясно, что человѣкъ, ставшій ея мужемъ нѣсколько часовъ тому назадъ, горько раскаявался въ томъ, что женился на ней. Никогда, конечно, не наносилось женщинѣ такого глубокаго оскорбленія.

Она сидѣла въ освѣщенной пламенемъ камина уборной, смотрѣла прямо передъ собой, оцѣпенѣлая и безпомощная въ своемъ горѣ, въ своемъ уничиженіи. Размышленіе не могло бросить новаго свѣта на поведеніе ея мужа. О чемъ могъ онъ горевать или сожалѣть, если любилъ ее? Никогда не улыбалась судьба ласковѣе мужу и женѣ, чѣмъ улыбалась имъ.

Она мысленно оглянулась на тѣ нѣсколько дней, въ теченіи которыхъ они были женихомъ и невѣстой, и припомнила многое, чтó подтверждало ея идею относительно того, что онъ никогда искренно не любилъ ея, а дѣйствовалъ лишь подъ вліяніемъ однихъ корыстолюбивыхъ побужденій. Она вспомнила, какимъ онъ былъ холоднымъ женихомъ, какъ рѣдко вызывалъ онъ ее на откровенный разговоръ, какъ мало говорилъ ей о своей собственной жизни, какъ всегда, повидимому, радъ былъ обществу Селіи, хотя бесѣда этой молодой особы бывала пуста и даже утомительна. Все это было слишкомъ ясно. Она одурачена этимъ человѣкомъ, которому такъ беззавѣтно отдала свое сердце, отъ котораго не требовала ничего, кромѣ искренности и прямодушія. Пережила она и этотъ часъ ожиданія. То былъ самый длинный часъ въ ея

жизни. Горничная пришла поправить огонь въ каминѣ, зажечь свѣчи на туалетномъ столѣ и промѣшкала немного, дѣлая видъ, что возится среди сундуковъ и дорожныхъ мѣшковъ; она ожидала, что барыня заговоритъ съ ней, но ничего не дождавшись, тихо вышла, возвратилась къ остальнымъ слугамъ, пировавшимъ въ комнатѣ экономки, гдѣ въ воздухѣ стоялъ запахъ чаю и поджареннаго хлѣба съ масломъ, и разсказала имъ, какъ скучна молодая, сидитъ, точно статуя, и слова не говоритъ.

— Кто это сейчасъ вышелъ изъ входной двери?—спросилъ старикъ дворецкій, поднимая голову отъ чашки чаю, на которую дулъ.—Я слышалъ, какъ она хлопнула.

— Должно быть, мистеръ Тревертонъ,—сказала Мэри, горничная Лоры.—Я его встрѣтила въ залѣ. Онъ, вѣрно, вышелъ выкурить сигару. Было слишкомъ темно, чтобы мнѣ видѣть лицо его, но походка его мнѣ не показалась такой легкой, какъ, по моимъ понятіямъ, должна быть походка джентльмена въ день его свадьбы.

— Не знаю,—замѣтилъ мистеръ Тримеръ, дворецкій.—Можетъ быть, день свадьбы и не есть самый пріятный день въ жизни человѣка. Слишкомъ много глазъ на него смотрятъ. Онъ чувствуетъ, что всѣ на него обращаютъ вниманіе, и если онъ человѣкъ не слишкомъ смѣлый, то это тяготитъ его. Я такъ отлично понимаю, что мистеру Тревертону сегодня не по себѣ. Къ тому же имѣніе ему досталось, можно сказать, чудомъ, оно еще у него не въ рукахъ, и онъ не будетъ чувствовать себя независимымъ, пока годъ не кончится, и имѣніе не будетъ ему предоставлено.

Часъ ожиданія прошелъ. Послѣднія двадцать минутъ Лора просидѣла съ часами въ рукахъ. Теперь она встала съ порывисто бившимся сердцемъ и быстро сошла съ широкой, старой лѣстницы, торопясь выслушать слова мужа, которыя должны были разъяснить ей его необычайное поведеніе. Онъ обѣщалъ ей все объяснить.

Не глупа ли она была, когда въ теченіи послѣдняго часа терзала себя тщетными попытками разгадать тайну?

Не была ли она еще глупѣе, когда приходила къ различнымъ заключеніямъ и безповоротно рѣшала въ умѣ своемъ, что Джонъ Тревертонъ не любитъ ее? Горе его могло имѣть двадцать другихъ причинъ, говорила она себѣ теперь, когда часъ ожиданія истекъ, и она готовилась выслушать его объясненіе.

Она дрожала, подходя къ двери, и чувствовала, что еще ми-

нута и она пошатнется и упадетъ въ обморокъ на порогѣ. Она приближалась къ самому критическому моменту своей жизни,— къ поворотной точкѣ своей судьбы. Все будетъ зависѣть отъ того, чтò Джонъ Тревертонъ имѣетъ сообщить ей. Она отворила дверь и вошла, не дыша, не будучи въ силахъ говорить. Она чувствовала, что не въ состояніи предлагать ему вопросы, а можетъ только стоять передъ нимъ и слушать все, чтò онъ ей скажетъ.

Комната была пуста, *это* Лора могла разглядѣть при колебавшемся свѣтѣ пламени; всмотрѣвшись, она увидала письмо, лежавшее на столѣ. Онъ написалъ ей. То, чтò онъ имѣлъ сообщить, было слишкомъ ужасно, чтобы быть переданнымъ на словахъ, а потому онъ написалъ. Надежда и спокойствіе замерли въ душѣ ея при видѣ этого письма. Она поспѣшно возвратилась въ свою уборную, гдѣ оставила зажженныя свѣчи, заперлась, и здѣсь стоя, облокотившись о каминъ, ощущая слабость во всемъ тѣлѣ и продолжая дрожать, она разорвала конвертъ и прочла письмо мужа.

«Милая и вѣчно милая!—Когда письмо это будетъ въ твоихъ рукахъ, я уже оставлю тебя, по всѣмъ вѣроятностямъ на долго, а можетъ быть и навсегда. Я люблю тебя такъ нѣжно, такъ горячо, такъ страстно, какъ только можетъ мужчина любить женщину, и страданіе, какое я испытываю, покидая тебя, хуже страданія, причиняемаго приближеніемъ смерти. Жизнь мнѣ не такъ дорога, какъ ты. Въ этомъ мірѣ для меня нѣтъ другихъ радостей, кромѣ твоего дорогого общества, твоей небесной любви, а между тѣмъ я, несчастнѣйшій изъ людей, долженъ отъ нихъ отказаться.

«Милая, я совершилъ постыдное, а можетъ быть, и безумное дѣло. Я совершилъ преступленіе изъ желанія связать мою жизнь съ твоею, въ надеждѣ, что когда-нибудь связь эта станетъ законной и полной. Этимъ моимъ поступкомъ достигаются двѣ цѣли. Я отвоевалъ тебя у другихъ—у жены Джона Тревертона не будетъ жениха—и я утвердилъ за тобою владѣніе твоимъ старымъ домомъ и состояніемъ твоего пріемнаго отца. Его желаніе, по крайней мѣрѣ, исполнено посредствомъ нашей печальной свадьбы».

«Дорогая, радость, я долженъ оставить тебя; существуетъ старая связь, запрещающая мнѣ, какъ честному человѣку, стать для тебя чѣмъ-нибудь бòльшимъ, чѣмъ я теперь. Я твой мужъ— по имени, твой защитникъ, еслибъ въ томъ встрѣтилась надобность, передъ цѣлымъ міромъ, твой вѣрный рабъ, втайнѣ и въ

разлукѣ, до самаго дня смерти моей. Если судьба будетъ къ намъ милосерда, то связь, о которой я говорю, не продлится вѣчно. Цѣпи мои когда-нибудь спадутъ съ меня, и я вернусь къ тебѣ свободнымъ человѣкомъ. О, моя голубка, пожалѣй и прости меня, сохрани мнѣ навсегда мѣстечко въ твоемъ сердцѣ и повѣрь, что я дѣйствовалъ единственно подъ вліяніемъ любви. Я не дотронусь ни до единаго пенса изъ состоянія моего двоюроднаго брата до тѣхъ поръ, пока не вернусь къ тебѣ свободнымъ человѣкомъ и не получу богатства и счастія изъ твоихъ рукъ. До тѣхъ поръ ты будешь единственной владѣлицей Газльгёрстскаго зáмка и всего съ нимъ связаннаго состоянія. Мистеръ Сампсонъ скажетъ тебѣ, какую дарственную запись я составилъ, запись, которая будетъ мною подписана въ тотъ день, когда я сдѣлаюсь владѣльцемъ помѣстья моего двоюроднаго брата, Джаспера.

«Милая, больше я ничего сказать не могу. Если ты удостоишь когда-нибудь подумать о томъ, кто такъ жестоко обманулъ тебя, думай обо мнѣ съ состраданіемъ, какъ о самомъ несчастномъ изъ людей. Прости меня, если можешь; я даже осмѣливаюсь надѣяться на твое прощеніе, основываясь на свойственной тебѣ безпредѣльной добротѣ. Мнѣ, при всемъ моемъ горѣ, отрадно сознавать, что ты носишь мое имя, — что между нами существуетъ связь, которая никогда порвана быть не можетъ, даже если бы судьба была такъ жестока, что разлучила бы насъ на всю жизнь. Но я надѣюсь на лучшія времена, надѣюсь, что настанетъ день, когда я назову себя,—съ гордостью и радостью болѣе сильными, чѣмъ страданіе, какое ощущаю сегодня,— твоимъ любящимъ мужемъ.

«Джонъ Тревертонъ.»

Она простояла нѣсколько минутъ блѣдная, какъ мраморъ, съ письмомъ въ рукѣ, затѣмъ поднесла его къ губамъ и страстно поцѣловала.

— Онъ любитъ меня!—вскрикнула она невольно. — Благодарю за это Бога. Я все могу вынести теперь, когда увѣрена въ этомъ.

Она слѣпо повѣрила письму. Женщина, болѣе знакомая со зломъ царящимъ въ этомъ мірѣ, можетъ быть не увидала бы ничего кромѣ лжи въ этихъ необузданныхъ строкахъ Джона Тревертона; но въ глазахъ Лоры онѣ дышали истиной, и одной истиной. Онъ поступилъ очень дурно; но онъ любитъ ее. Онъ причинилъ ей чуть ли не величайшій вредъ, какой мужчина

можетъ причинить женщинѣ; но онъ любитъ ее. Онъ обманулъ, одурачилъ ее, сдѣлалъ ее смѣшною въ глазахъ ея друзей и знакомыхъ; но онъ любитъ ее. Эта одна его добродѣтель почти искупала всѣ его преступленія.

— Мнѣ рѣшительно не къ чему пытаться возненавидѣть его,—говорила она себѣ, въ жалобномъ самоуничиженіи,—такъ какъ я люблю его всѣмъ сердцемъ, всей душой. Мнѣ кажется, что я безхарактерная молодая женщина, несчастное, жалкое созданіе, такъ какъ не могу перестать любить его, несмотря на то, что онъ поступилъ со мной крайне жестоко и почти разбилъ мое сердце.

Она заперла письмо въ потайной ящикъ своей туалетной шкатулки, сѣла на низенькую скамеечку у камина и тихо заплакала надъ этимъ новымъ, страннымъ горемъ.

— Селія была права, — сказала она себѣ, нѣсколько времени спустя, съ горькой улыбкой. — То была свадьба съ дурными предзнаменованіями. Незачѣмъ ей было такъ хлопотать о моихъ воротничкахъ и рукавчикахъ.

Еще позже, она задумалась надъ затруднительностью, надъ нелѣпостью своего положенія.

— Жена и вдова,—думала она,—съ мужемъ, убѣжавшимъ отъ меня въ день моей свадьбы. Какъ мнѣ объяснить свѣту поведеніе его? Какимъ глупымъ, несчастнымъ существомъ покажусь я имъ всѣмъ!

Ей вдругъ пришло въ голову, что она не въ состояніи, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ, объяснять поведеніе своего мужа постороннимъ, приводить причины, по которымъ онъ покинулъ ее. Все—легче этого. Она должна убѣжать куда-нибудь. Она должна предоставить времени всяческія объясненія. Ей будетъ легче написать своему старому другу викарію издалека.

Она готова была вынести все, что́ угодно, лишь бы не подвергаться перекрестному допросу Селіи, которая никогда не довѣряла Джону Тревертону, и могла быть втайнѣ обрадована тѣмъ, что онъ оказался обманщикомъ.

— Я должна уѣхать безотлагательно,—рѣшила она:—нынче же вечеромъ. Я должна провести свой медовый мѣсяцъ—одна.

Она позвонила, Мэри сейчасъ же явилась, вся раскраснѣвшаяся отъ чаю, поджареннаго хлѣба съ масломъ и смѣшливаго настроенія, господствовавшаго въ нижнемъ этажѣ.

— Къ какому времени заказанъ для насъ экипажъ, Мэри,—спросила мистрисъ Тревертонъ.

— Къ тремъ четвертямъ восьмого, сударыня. Поѣздъ отходитъ въ сорокъ минутъ девятаго.

— А теперь ровно половина седьмого. Мэри, какъ ты думаешь, можешь-ли ты собраться — ѣхать со мной — въ часъ съ четвертью?

Ранѣе предполагалось, — къ величайшему разочарованію Мэри, жаждавшей увидать иностранныя земли, — что Лора будетъ путешествовать съ мужемъ безъ горничной.

— Господи, сударыня, у меня ничего не уложено; но я бы очень желала ѣхать. Вы не изволите шутить?

— Я не шучу и буду очень тобой довольна, если ты успѣешь уложить свой сундукъ, чтобы ѣхать со мной.

— Я это сдѣлаю, сударыня, — съ восторгомъ воскликнула Мэри и помчалась съ лѣстницы, какъ сумасшедшая, чтобы объявить всѣмъ собравшимся въ комнатѣ экономки, что она ѣдетъ во Францію со своей барыней.

— Это внезапная перемѣна, — сказалъ дворецкій. — А гдѣ же мистеръ Тревертонъ все это время? Ему бы не слѣдовало оставаться на улицѣ въ потьмахъ и курить сигару вмѣсто того, чтобы посидѣть съ женою.

— Конечно, не слѣдовало, — съ негодованіемъ замѣтила Мэри, — онъ мужъ совсѣмъ не по моимъ мыслямъ: оставлять ее, бѣдняжку, тосковать въ одиночку въ день ея свадьбы! Я увѣрена, что она сейчасъ всѣ глаза свои выплакала, хотя была настолько хитра, что говорила со мною отвернувши отъ меня лицо. Я думаю, что она рѣшилась взять меня съ собою заграницу для компаніи, такъ какъ чувствуетъ, что ей будетъ скучно съ нимъ.

— Ты бы лучше пошла укладывать свой ящикъ, — сказала экономка, — чѣмъ стоять здѣсь и сплетничать. Чтó ты понимаешь въ обычаяхъ господъ, женатыхъ или холостыхъ, желала бы я знать? Когда ты пробудешь въ услуженіи также долго, какъ пробыла я, тогда можешь толковать.

— Вотъ еще, — проговорила негодующая Мэри, и затѣмъ выразила надежду, что душа ея составляетъ ея собственность, даже въ Газльгёрстскомъ зáмкѣ.

Ранѣе половины восьмого, Мэри уложила свой ящикъ и отослала его въ залу. Сундуки и мѣшки мистрисъ Тревертонъ были также снесены внизъ. Въ три четверти восьмого, экипажъ подъѣхалъ къ дверямъ: то было старомодное ландо, въ которомъ Джасперъ Тревертонъ совершалъ свои ежедневныя прогулки; оно запряжено было парой рослыхъ лошадей, въ началѣ своей жизни ходившихъ подъ плугомъ. Съ той минуты, какъ лампы были зажжены, никто не видалъ молодого. Чайный приборъ былъ своевременно поданъ въ книжную комнату, самоваръ весь

выкипѣлъ, но никто не приходилъ туда дѣлать чай. Лора сошла внизъ только тогда, когда экипажъ стоялъ уже у дверей.

— Джо, сбѣгай, разыщи мистера Тревертона,—закричалъ дворецкій своему помощнику.

— Мистеръ Тревертонъ встрѣтитъ насъ на станціи,—поспѣшно проговорила Лора, затѣмъ сѣла въ экипажъ, и приказала Мэри слѣдовать за ней.

— Скажите кучеру, чтобъ ѣхалъ скорѣй на станцію,—сказала она дворецкому. Лишь хлопнулъ бичъ, откормленныя лошади быстро повернули громоздкій экипажъ, точно собираясь разрушить до основанія старый домъ, и полетѣли по аллеѣ съ страшнымъ шумомъ.

— Отъ роду этого не видывала!—воскликнула экономка.

— Подумай только, что онъ встрѣтитъ ее на станціи, а не поѣхали они вмѣстѣ, сидя рядышкомъ, какъ настоящіе молодые.

— Боюсь я, что здѣсь не больно много истинной любви-то, Марта,—сентенціозно проговорилъ ея мужъ, а затѣмъ, перейдя въ фамильярный тонъ, прибавилъ:—Марта, мы съ тобой женились, мы вѣдь не такъ распорядились, не правда-ли, дѣвочка моя?

Глава XIII.—Дарственная запись.

Со дня свадьбы Лоры прошло три недѣли и одинъ день—новому году исполнилось ровно три недѣли. То былъ очень болѣзненный и непривѣтный годъ въ этомъ младенческомъ фазисѣ своего существованія. Со дня его рожденія едва-ли былъ и одинъ день хорошей погоды: ничего, кромѣ дождя, грязи, сырого рѣзкаго холода, утреннихъ и вечернихъ тумановъ. То не была славная, откровенная, старомодная зима; такая, о какихъ мы читаемъ въ повѣстяхъ, и какой пользуемся, приблизительно, разъ въ десять лѣтъ. Стояла просто непріятная, дурная погода, которую трудно было отнести къ какому-либо опредѣленному времени года.

Наканунѣ описываемаго дня исполнился годъ кончинѣ Джаспера Тревертона, и Томъ Сампсонъ лѣниво и удобно размышлялъ о своемъ бывшемъ кліентѣ, сидя у камина въ кабинетѣ и прихлебывая чай, который приказалъ подать себѣ въ свою нору, такъ какъ онъ страшно занятъ. Онъ еще не обмакнулъ пера въ чернилы, а было уже половина десятаго; но Элизѣ Сампсонъ вовсе объ этомъ знать не слѣдовало. Она была совершенно убѣждена, что, когда братъ ея проводитъ вечеръ въ кабинетѣ,

онъ, значитъ, усиленно работаетъ. Если она заглядывала къ нему, то заставала его усиленно царапающимъ по бумагѣ скрипучимъ гусинымъ перомъ, летѣвшимъ съ такой быстротой, съ какой мчится экстренный поѣздъ мимо второстепенной станціи; ей не подобало вѣдать, что Томасъ схватилъ перо и сдѣлалъ видъ, что занимается только тогда, когда заслышалъ ея легкіе шаги у дверей. Домашняя жизнь вся состоитъ изъ такихъ маленькихъ тайнъ.

Въ описываемый вечеръ Томъ Сампсонъ находился въ особенно лѣнивомъ настроеніи. Онъ становился богатымъ человѣкомъ, не вслѣдствіе значительныхъ заработковъ, а вслѣдствіе незначительности расходовъ, и жизнь эта, въ глазахъ многихъ неразрѣшимая проблема, давалась ему также легко, какъ одна изъ девяти элементарныхъ аксіомъ «Эвклида», которыя, повидимому, такъ глупо-очевидны, что надъ ними не задумается самый маленькій школьникъ, какъ-то: — если двѣ равныя величины отнять отъ двухъ равныхъ величинъ, остатки будутъ равны, и т. п.

Томъ соображалъ, что пора ему подумывать о женитьбѣ.

Онъ не былъ влюбленъ и никогда не бывалъ съ тѣхъ поръ, какъ обмѣнилъ курточку на сюртукъ; но онъ говорилъ себѣ, что настало время, когда онъ можетъ благоразумно позволить себѣ влюбиться. Онъ не хотѣлъ любить слишкомъ сильно, а только благоразумно.

«Лиззи хорошая дѣвушка и привычки мои знаетъ, — говорилъ онъ себѣ, — но она становится старой дѣвой, а этотъ недостатокъ все будетъ возрастать. Да, рѣшительно, пора мнѣ подумать о женитьбѣ. Только выборъ человѣка такъ чертовски ограниченъ въ подобной трущобѣ. Я не хочу жениться на дочери фермера, хотя могъ бы получить красивую, здоровую, молодую дѣвушку и хорошенькую сумму денегъ, еслибъ пожелалъ взять себѣ подругу изъ земледѣльческаго класса; но у Тома Сампсона свои недостатки, и гордость—одинъ изъ нихъ. Я бы желалъ, чтобы жена моя была повыше меня. Вотъ Селія Клеръ, напримѣръ. Она, пожалуй, въ томъ родѣ, какой мнѣ нравится, толстенькая, хорошенькая, съ милыми, живыми манерами. Бѣдная Лиззи слишкомъ ужъ угощала меня сентиментальностью. Да, не дурно было бы жениться на Селіи. И, мнѣ кажется, что я ей нравлюсь».

Здѣсь размышленія мистера Сампсона были прерваны звукомъ шаговъ, приближавшихся по садовой дорожкѣ, которая была тотчасъ за дверью кабинета. Кромѣ двери въ садъ, изъ

кабинета выходила дверь и въ переднюю; черезъ послѣднюю всегда оффиціально входили кліенты мистера Сампсона. Одни лишь короткіе знакомые приходили къ нему черезъ садовую дверь, и онъ никакъ не могъ себѣ представить, кто бы могъ быть его поздній посѣтитель.

«Десять часовъ,—говорилъ онъ себѣ.—Должно быть что-нибудь особенное. Можетъ быть, у старика Пульсби новый приступъ подагры въ желудкѣ, и онъ хочетъ измѣнить свое завѣщаніе. Онъ всегда измѣняетъ свое завѣщаніе, когда съ нимъ приключится сильный припадокъ. Страданіе дѣлаетъ его такимъ сердитымъ, что для него составляетъ облегченіе лишить кого-нибудь наслѣдства».

Таковы были соображенія мистера Сампсона, пока онъ отодвигалъ засовъ и отворялъ стеклянную садовую дверь. Человѣкъ, стоявшій передъ нимъ, не былъ посланнымъ отъ старика Пульсби; то былъ Джонъ Тревертонъ, одѣтый въ бѣлый макинтошъ, съ котораго вода стекала небольшими ручейками.

— Вы-ли это, или ваша тѣнь? спросилъ Сампсонъ, отступая, чтобы дать войдти своему кліенту.

Вопросъ имѣлъ нѣкоторое основаніе. Лицо Джона Тревертона было также бѣло, какъ его одежда, и общее впечатлѣніе, производимое блѣднымъ, изможденнымъ лицомъ и длиннымъ бѣлымъ сюртукомъ, невольно напоминало привидѣніе.

— Я самый, съ кровью и плотью, увѣряю васъ, дорогой Сампсонъ,—хладнокровно отвѣтилъ тотъ, снимая свой макинтошъ и становясь передъ ярко-пылавшимъ въ каминѣ огнемъ,—только плоть-то промерзла до костей.

— Я думалъ, вы на югѣ Франціи.

— Все равно что бы вы ни думали; какъ видите, я здѣсь. Вчера я сдѣлался законнымъ владѣльцемъ помѣстья моего двоюроднаго брата. Я пріѣхалъ подписать дарственную запись. Все, разумѣется, готово?

— Готово, да; но я ни думалъ, чтобы вы такъ стали торопиться. Я полагалъ, что вы проведете тамъ вашъ медовый мѣсяцъ.

— Мой медовый мѣсяцъ очень мало значитъ сравнительно съ будущимъ благосостояніемъ моей жены. Ну, Сампсонъ, за дѣло. Кто засвидѣтельствуетъ мою подпись?

— Сестра моя и кто-нибудь изъ слугъ моихъ это сдѣлаетъ.

— Такъ зовите ихъ, я готовъ подписать.

— Не лучше-ли вамъ прежде перечесть документъ.

— Да, пожалуй, нельзя быть слишкомъ осторожнымъ. Вы, конечно, совѣтовались съ кѣмъ слѣдуетъ, документъ надежный?

— Вполнѣ надежный. Вашъ даръ такъ простъ, что относительно редакціи документа не могло представиться никакихъ затрудненій. Вы все отдаете женѣ своей. Я думаю, что вы безумецъ, то же подумалъ и тотъ, съ кѣмъ я совѣтовался; но, вѣдь, это разницы для васъ не составляетъ.

— Ни малѣйшей.

Джонъ Тревертонъ присѣлъ къ письменному столу и прочелъ дарственную запись отъ перваго слова до послѣдняго. Онъ въ ней отдавалъ своей дорогой женѣ, Лорѣ Тревертонъ, все имущество, движимое и недвижимое, какимъ только владѣлъ, отдавалъ ей его въ отдѣльное пользованіе. Было много юридической болтовни, но цѣль записи была достаточно ясна.

— Я готовъ,—сказалъ Джонъ.—Мистеръ Сампсонъ позвонилъ служанку и, отворивъ дверь въ переднюю, громко кликнулъ сестру. Элиза прибѣжала и, при видѣ блѣднаго лица Джона Тревертона, вскрикнула и, казалось, готовилась упасть въ обморокъ.

— Господи, мистеръ Тревертонъ,—простонала она,—я думала что насъ раздѣляютъ океаны. Ради Бога, что́ случилось?

— Ничего особенно страшнаго. Я только пріѣхалъ подписать свою дарственную запись, чего не имѣлъ возможности исполнить до вчерашняго дня.

— Какъ ужасно тяжело должно быть бѣдной мистрисъ Тревертонъ одной, на чужой сторонѣ!

Джонъ Тревертонъ не обратилъ вниманія на эту рѣчь. Онъ обмакнулъ перо въ чернила и подписалъ бумагу. Миссъ Сампсонъ и Софія, горничная, съ удивленіемъ смотрѣли на него.

— Софія, бѣгите, провѣтрите пару простынь да приготовьте запасную комнату,—закричала Элиза, какъ только обѣ выставили на документѣ свои свидѣтельскія подписи.—Вы, конечно, погостите у насъ, мистеръ Тревертонъ?

— Вы очень добры. Нѣтъ, я долженъ ѣхать сію-же минуту. Меня ждетъ экипажъ, который отвезетъ меня обратно на станцію. Ахъ, да, кстати, Сампсонъ насчетъ этихъ денегъ, которыя вы одолжили мнѣ. Вы ихъ должны какъ-нибудь получить съ имѣнія; я полагаю, вы это можете устроить?

— Да, я думаю, что могу это устроить,—скромно отвѣтилъ Сампсонъ.—Не надо-ли вамъ еще денегъ?

— Нѣтъ, теперь помѣстье принадлежитъ женѣ моей, я не долженъ вмѣшиваться въ ея дѣла.

— Что ея, то ваше, безъ сомнѣнія. Поздравляю васъ отъ всего сердца. Вы самый счастливый человѣкъ, какого я когда-

либо зналъ. Красавица жена и великолѣпное состояніе, чего еще можетъ человѣкъ требовать отъ судьбы?

— Немногаго, конечно,—сказалъ Джонъ Тревертонъ,—но я долженъ попасть на послѣдній поѣздъ. Покойной ночи.

— Вы возвращаетесь на югъ Франціи?

Джонъ Тревертонъ не далъ отвѣта на этотъ вопросъ. Онъ поспѣшно пожалъ руку Элизѣ и выбѣжалъ въ садъ. Минуту спустя, мистеръ Сампсонъ и сестра его заслышали щелканіе бича и стукъ колесъ, катившихся по большой дорогѣ.

— Видала-ли ты когда-нибудь такого волканическаго индивидума?—воскликнулъ стряпчій, складывая дарственную запись.

— Я боюсь, что онъ несчастливъ,—вздохнула Элиза.

— А я боюсь, что онъ сумасшедшій,—замѣтилъ Томъ.

Глава XIV.—Скажи мнѣ слово.

Мистеръ Смолендо находился въ апогеѣ своей славы. По выраженію его друзей и послѣдователей *онъ ковалъ деньги*. Онъ былъ человѣкъ, за которымъ стоило ухаживать, котораго слѣдовало почитать; человѣкъ, для котораго ужины съ шампанскимъ или обѣды въ Ричмондѣ ровно ничего не значили; человѣкъ, которому было легче дать взаймы банковый билетъ въ пять фунтовъ, чѣмъ большинству бываетъ одолжить полъ-кроны. Льстецы окружали его, короткіе знакомые не разставались съ нимъ, съ трогательной настойчивостью напоминая ему, что они знали его двадцать лѣтъ тому назадъ, когда у него не было и пенса, точно будто знакомство съ его минувшими несчастьями составляло заслугу, давало имъ особенныя на него права. Нравственное равновѣсіе человѣка, не съ такимъ могучимъ умомъ, навѣрное поколебалось бы отъ всей этой лести. Мистеръ Смолендо былъ человѣкъ словно высѣченный изъ гранита и цѣнилъ лесть окружающихъ—по достоинству. Когда люди бывали съ нимъ особенно вѣжливы, онъ зналъ, что имъ отъ него что-нибудь нужно.

— Содержатель лондонскаго театра—человѣкъ, котораго надуть не легко,—говаривалъ онъ:—онъ видитъ человѣческую природу съ худшей ея стороны.

Рождество наступило и миновало, съ новаго года прошло уже шесть недѣль, а благосостояніе мистера Смолендо держалось на прежней высотѣ. Театръ каждый вечеръ бывалъ переполненъ. Каждую субботу давались утреннія представленія. На кресла и ложи записывались за мѣсяцъ впередъ.

— Шико — маленькій золотой рудникъ, — говорили приближенные мистера Смолендо.

Да, весь успѣхъ приписывали Шико. Мистеръ Смолендо поставилъ большую феерію, въ которой Шико была главнымъ дѣйствующимъ лицомъ. Она въ ней появлялась въ различныхъ костюмахъ, одинаково оригинальныхъ, дорогихъ и смѣлыхъ. Она изображала рыбную торговку въ коротенькой атласной юбочкѣ, пунцовыхъ чулкахъ и высокомъ чепцѣ изъ роскошнѣйшихъ брюссельскихъ кружевъ; изображала баядерку, дебардера, лѣсную нимфу, одалиску. Танцовала она теперь хуже, чѣмъ до катастрофы, но была красивѣе, чѣмъ когда-либо, и чуть-чуть безстыднѣе прежняго. Она изучила англійскій языкъ настолько, что могла заучивать маленькія роли въ такихъ пьесахъ, которыя не ограничивались одними танцами, а акцентъ ея придавалъ ея рѣчи особую прелесть и своеобразность. Она пѣла комическія пѣсенки съ бо̀льшимъ шикомъ, чѣмъ музыкальностью, и бывала награждаема единодушными рукоплесканіями. Критики говорили ей, что она поднялась на высшую, противъ прежняго, ступень въ драматическомъ искусствѣ. Шико говорила себѣ, что она величайшая женщина въ Лондонѣ, какъ и самая красивая. Она жила въ кружкѣ, которому служила центромъ. Окружность составляла — цѣпь обожателей. За предѣлами этого кружка для нея свѣтъ кончался.

Нѣчто подобное говорила она своему сосѣду, мистеру Деролю, въ одинъ сѣрый февральскій день послѣ обѣда, когда онъ зашелъ къ ней попросить стаканчикъ водки, долженствовавшій предупредить одинъ изъ тѣхъ припадковъ, о которыхъ онъ такъ часто толковалъ. Она всегда особенно дружески обращалась съ *жильцомъ второго этажа;* весь домъ такъ называлъ этого джентльмэна. Онъ льстилъ ей, забавлялъ ее, исполнялъ ея порученія, иногда составлялъ ей компанію, когда она бывала въ слишкомъ печальномъ настроеніи, чтобы пить въ одиночку.

— Дорогая моя, не слѣдуетъ вамъ жить въ такой трущобѣ, какъ эта, право, не слѣдуетъ, — съ покровительственнымъ видомъ говорилъ Дероль.

— Знаю, что не слѣдуетъ, — возразила Шико. — Въ Парижѣ нѣтъ ни одной актрисы, которая бы не назвала меня глупой совой. Чортъ возьми, я жертвую собой чести мужа, который смѣется надо мной, самъ гдѣ-то забавляется, а меня оставляетъ одну, предоставляя мнѣ право скучать и томиться. Это свыше силъ моихъ. Посмотрите, Дероль, вы, можетъ быть, думаете, что я хвастаюсь, когда говорю вамъ, что одинъ изъ самыхъ богатыхъ лю-

дей въ Лондонѣ по уши влюбленъ въ меня. Посмотрите, вотъ его письма. Прочтите ихъ, вы увидите, *отъ чего* я отказалась.

Она открыла рабочій ящикъ, стоявшій на столѣ, и вытащила, изъ-подъ безпорядочной груды катушекъ, тесемокъ, пуговицъ и проч., штукъ шесть писемъ, которыя перебросила Деролю черезъ столъ.

— Неужели вы оставляете ваши любовныя письма тамъ, гдѣ мужъ вашъ такъ легко могъ-бы найдти ихъ? — съ удивленіемъ спросилъ Дероль.

— А неужели вы воображаете, что онъ далъ-бы себѣ трудъ взглянуть на нихъ?—съ досадой воскликнула она.—Какъ-бы не такъ. Онъ самъ давнымъ-давно пересталъ обо мнѣ думать, а потому никакъ не можетъ себѣ представить, чтобы кто-нибудь другой могъ въ меня влюбиться. Налейте-ка себѣ коньяку, мистеръ Дероль, это единственное безвредное питье въ вашемъ ужасномъ климатѣ, да подбросьте углей въ каминъ. Я промерзла до мозга костей.

Шико, желавшая подать собесѣднику добрый примѣръ, наполнила свой стаканчикъ и опорожнила его также спокойно, какъ если-бъ въ немъ, вмѣсто водки, заключалась сахарная вода.

Дероль просмотрѣлъ письма, которыя она передала ему. Во всѣхъ слышалась одна и та же пѣсня, говорилось, что Шико красавица, и что писавшій до безумія влюбленъ въ нее. Ей предлагали экипажъ, домъ, дарственную запись.

— Что же вы ему отвѣчали?—съ любопытствомъ спросилъ заинтересованный Дероль.

— Ничего. Я умѣю заставить цѣнить себя. Пусть его ждетъ отвѣта.

— Крѣпко долженъ быть человѣкъ задѣтъ, чтобы такъ писать,—проговорилъ джентльменъ.

Шико пожала плечами. Она была хороша даже въ своемъ болѣе чѣмъ небрежномъ туалетѣ. На ней былъ надѣтъ длинный широкій пенюаръ изъ пунцоваго кашемира, подпоясанный шнуркомъ съ кистями, который она завязывала, развязывала и вертѣла въ рукахъ отъ нечего дѣлать. Ея густые волосы были свернуты въ большой узелъ на затылкѣ и, казалось, каждую минуту готовы были выскользнуть изъ-подъ гребня и упасть ей на спину. Рѣдкая, чисто мраморная бѣлизна ея лица еще рѣзче выдавалась отъ пунцоваго платья, густые волосы, цвѣта воронова крыла, оттѣняли блѣдный лобъ и большіе блестящіе глаза.

— Такъ-ли онъ богатъ, какъ увѣряетъ?—спросила Шико,

задумчиво раскачивая тяжелую пунцовую кисть и лѣниво глядя на огонь.

— Мнѣ доподлинно извѣстно,—проговорилъ мистеръ Дероль, съ видомъ оракула, — что Іосифъ Лемуель одинъ изъ самыхъ богатыхъ людей въ Лондонѣ.

— Для меня это не составляетъ большой разницы,—задумчиво проговорила Шико. — Я люблю деньги, но разъ, что ихъ у меня достаточно, чтобы купить, что̀ захочу, мнѣ больше ничего не нужно, и этотъ еврей съ такимъ суровымъ видомъ мнѣ не нравится.

— Сравните домъ въ Мэйферъ съ этой норой,—настаивалъ Дероль.

— А гдѣ Мэйферъ?

Дероль описалъ мѣстность.

— Лабиринтъ скучныхъ улицъ,—съ пренебреженіемъ проговорила Шико. — Чѣмъ одна улица лучше другой? Я бы желала имѣть домъ въ Елисейскихъ поляхъ, домъ въ саду, весь бѣлый, въ цвѣтахъ, съ большими, сверкающими на солнцѣ, окнами и швейцарскимъ коровникомъ.

— Домъ, похожій на игрушку, — проговорилъ Дероль.— Чтожъ, Лемуель можетъ купить вамъ его также легко, какъ я бы купилъ вамъ пригоршню сливъ въ сахарѣ. Скажите только слово.

— Этого слова я никогда не скажу,—рѣшительно воскликнула Шико. — Я честная женщина и, кромѣ того, я слишкомъ горда.

Дероль съ недоумѣніемъ спрашивалъ себя, что̀ собственно, гордость-ли, добродѣтель или чистое упрямство заставляетъ Шико отвергать подобныя блистательныя предложенія. Не легко ему было повѣрить въ добродѣтель мужчины или женщины. Путь его не лежалъ черезъ тѣ дорожки, на которыхъ росли и цвѣли добродѣтели, съ пороками же онъ былъ коротко знакомъ. Со дня извѣстнаго свиданія съ мужемъ Шико, когда онъ обѣщалъ ему отечески наблюдать за этой дамой, мистеръ Дероль совершенно втерся въ довѣріе молодой женщины. Онъ былъ ей полезенъ и пріятенъ. Хотя она и держала своего богатаго поклонника на почтительномъ разстояніи, она любила говорить о немъ. Оранжерейные цвѣты, которые онъ присылалъ ей, украшали ея столъ и казались до странности неумѣстными въ заваленной всякою всячиной комнатѣ, въ которой вчерашняя пыль обыкновенно оставалась невыметенною до завтрашняго дня.

Однако, Шико не знала того—что мистеръ Дероль познако-

милея съ ея обожателемъ, и что Лемуель ему платитъ за его заступничество.

— Вы, повидимому, въ лучшемъ положеніи, чѣмъ прежде, другъ мой,—сказала она ему однажды.—Если я не ошибаюсь, это новый сюртукъ.

— Да,—не краснѣя отвѣтилъ свѣтскій человѣкъ.—Я немного игралъ на биржѣ, и мнѣ посчастливилось болѣе обыкновеннаго. Дероль помѣшивалъ уголья въ каминѣ и налилъ себѣ третій стаканъ коньяку.

— Точно ликеръ,—проговорилъ онъ, причмокивая губами.—Грѣшно было бы разводить водой этакую прелесть. Кстати, когда вы ожидаете вашего мужа?

— Я никогда не ожидаю его,—отвѣчала Шико.—Онъ уѣзжаетъ и возвращается когда ему угодно. Онъ точно вѣчный жидъ.

— Онъ, я полагаю, поѣхалъ въ Парижъ по дѣламъ?

— По дѣламъ, или для удовольствія. Я не знаю и не желаю знать, для чего. Онъ заработываетъ себѣ средства къ жизни. Его смѣшныя картинки нравятся въ Лондонѣ и въ Парижѣ. Посмотрите!

Она бросила ему смятую кипу юмористическихъ листковъ, англійскихъ и французскихъ. Имя ея мужа красовалось на всѣхъ, подписанное подъ самыми бойкими карикатурами, подъ сценами изъ театральной жизни и изъ жизни богемы; всѣ эти наброски дышали жизнью и юморомъ.

— Судя по этому, можно было бы предполагать, что онъ веселый собесѣдникъ,—сказала Шико,—а между тѣмъ, онъ мрачнѣе всякихъ похоронъ.

— Онъ всю свою веселость тратитъ на свои произведенія,—промолвилъ Дероль.

За послѣднее время Джэкъ Шико превратился въ неутомимаго странника и проводилъ лишь весьма незначительную часть своего времени въ квартирѣ въ улицѣ Сиберъ. Между нимъ и его женою не было ничего общаго и не бывало со времени выздоровленія Шико. Они, по бóльшей части, были вѣжливы другъ съ другомъ, но бывали минуты, когда языкъ жены развязывался, и дурной ея характеръ обнаруживался также ясно, какъ ясно выдается на темномъ лѣтнемъ небѣ перерѣзывающая его тонкая, огненная нить извилистой молніи. Мужъ всегда былъ вѣжливъ.

— Ты меня слишкомъ ненавидишь, чтобы разсердиться на меня,—сказала она ему однажды въ присутствіи квартирной

хозяйки: — ты боишься дать себѣ волю. Еслибы ты, хоть на одну минуту, пересталъ себя сдерживать, ты бы могъ убить меня. Искушеніе было бы для тебя слишкомъ сильно.

Джэкъ Шико ни слова на это не сказалъ, онъ стоялъ, скрестивъ руки на груди, и улыбался ей горькой улыбкой.

Однажды она заставила-таки его заговорить.

— Ты влюбленъ въ другую женщину,—кричала она.—Я это знаю.

— Я видѣлъ женщину, не похожую на тебя,—со вздохомъ отвѣтилъ онъ.

— И ты влюбленъ въ нее.

— За то, что она на тебя не похожа! Это, конечно, имѣетъ свою прелесть.

— Ступай къ ней, ступай къ твоей...

Фраза заканчивалась грязнымъ эпитетомъ—однимъ изъ ядовитѣйшихъ цвѣтковъ парижскаго argot.

— Путь слишкомъ далекій,—сказалъ онъ.—Не легко изъ ада попасть въ рай.

Джэкъ Шико однажды посѣтилъ театръ принца Фредерика послѣ возвращенія жены своей на сцену. Онъ былъ на первомъ представленіи феерія, принесшей мистеру Смолендо столько денегъ. Онъ сидѣлъ и смотрѣлъ съ серьёзнымъ, не измѣнявшимъ своего выраженія лицомъ, тогда какъ окружавшіе его зрители восторженно смѣялись; а когда Шико пожелала узнать его мнѣніе о представленіи, онъ откровенно выразилъ свое полное отвращеніе.

— Неправда ли, мои костюмы великолѣпны? — спросила она.

— Да. Но я бы предпочелъ поменьше великолѣпія и побольше приличія.

Остальнымъ зрителямъ было легче угодить. Они не замѣчали никакого неприличія въ костюмахъ. Они, несомнѣнно, видѣли то, за содержаніе чего заплатили деньги, и были довольны.

Никогда не была женщина свободнѣе, чѣмъ была Шико послѣ своего чудодѣйственнаго выздоровленія. Она ѣздила, куда хотѣла, пила сколько заблагоразсудится, тратила каждый грошъ своего значительнаго жалованья на свои удовольствія и никому ни въ чемъ не давала отчета. Мужъ ея былъ мужемъ только по имени. Она чаще видѣла Дероля, чѣмъ Джэка Шико.

Былъ одинъ только человѣкъ, дерзавшій упрекать ее, пытавшійся разсуждать съ нею; это былъ человѣкъ, спасшій ей жизнь и не жалѣвшій для этого ни времени, ни заботъ. Джорджъ Дже-

рардъ изрѣдка заходилъ къ ней и говорилъ съ ней очень откровенно.

— Вы опять пили,—говаривалъ онъ, пожимая ей руку.

— Я ничего не пила со вчерашняго вечера, а за ужиномъ стаканъ шампанскаго выпила.

— Т.-е., бутылку; а сегодня утромъ полбутылки водки, чтобы уничтожить дѣйствіе шампанскаго.

Она уже болѣе не пыталась опровергать его обвиненія.

— Отчего же мнѣ и не пить?—съ вызывающимъ видомъ воскликнула она.—Кому забота, что̀ станетъ со мной?

— Мнѣ,—я спасъ вамъ жизнь, вы у меня за это въ долгу. Но я не могу спасти васъ, если вы твердо рѣшились опиться до смерти. Водка для женщины съ вашимъ темпераментомъ вѣрнѣйшій ядъ.

При этихъ словахъ Шико обливалась слезами. То было жалобное зрѣлище, поражавшее молодого медика въ самое сердце. Онъ бы такъ любилъ ее, такъ старался бы спасти ее, еслибъ это только было возможно. Онъ не зналъ, какъ она безсердечна, и приписывалъ всѣ ея заблужденія равнодушію мужа.

— Будь она моей женою, она бы могла быть совершенно другой женщиной,—говорилъ онъ себѣ, не вѣря въ природную развращенность такого, безусловно прекраснаго созданія, какимъ была Шико.

Онъ забывалъ, какъ прекрасны иныя ядовитыя растенія, какъ прелестны пунцовыя ягоды белладонны, на темномъ фонѣ осеннихъ изгородей.

Кромѣ Джерарда, никто этого вопроса не касался; пока Шико являлась на сцену трезвой, и мистеръ Смолендо молчалъ.

— Боюсь, что она бѣдняжка допьется до водяной,—говорилъ онъ однажды пріятелю, въ клубѣ.—Но надѣюсь, что при мнѣ она выдержитъ. Отъ женщины этого типа трудно ожидать, чтобы ея хватило болѣе, чѣмъ на три сезона, и Шико еще должна продержаться съ годъ или около того.

— А тамъ въ больницу?—сказалъ его другъ.

Мистеръ Смолендо пожалъ плечами.

— Я никогда не забочусь о дальнѣйшей карьерѣ моихъ артистовъ,—любезно и весело отвѣтилъ онъ.

ТЕОРІЯ ДОСТАТОЧНОСТИ

КРЕСТЬЯНСКИХЪ НАДѢЛОВЪ.

По поводу статьи Д. Ѳ. Самарина въ газетѣ „Русь".

Въ трехъ первыхъ нумерахъ новой московской газеты „Русь" помѣщена довольно рѣзкая полемическая статья г. Д. Самарина противъ извѣстнаго труда г. Янсона: „Опытъ статистическаго изслѣдованія о крестьянскихъ надѣлахъ и платежахъ". Статья эта, впрочемъ, направлена не только противъ г. Янсона, но и вообще противъ мнѣнія о недостаточности существующихъ крестьянскихъ надѣловъ, что придаетъ ей болѣе общій характеръ и вызываетъ необходимость критическихъ замѣчаній на нее. Вопросъ о достаточности или недостаточности крестьянскихъ надѣловъ принадлежитъ къ числу жгучихъ современныхъ вопросовъ русской жизни, притомъ же статья г. Самарина произвела въ публикѣ нѣкоторое впечатлѣніе, слѣдовательно, проходить ее молчаніемъ никакъ не слѣдуетъ. Нынѣшнее состояніе крестьянскаго поземельнаго устройства и возникающіе изъ него вопросы требуютъ наибольшаго выясненія: въ вопросѣ о надѣлахъ необходимо, насколько можно, устранять всякія недоразумѣнія, и потому слѣдуетъ бороться противъ каждой попытки затемнить этотъ вопросъ, коль скоро эта попытка можетъ имѣть хоть какіе-нибудь шансы кредита.

Впечатлѣніе, оставленное статьею г. Самарина, объясняется не убѣдительностью ея для сколько-нибудь взыскательнаго читателя (это выяснится ниже), а главнымъ образомъ тѣмъ обстоятельствомъ, что она появилась въ газетѣ, предшественники которой служили хорошую службу крестьянскому дѣлу („Русь"—преемница „Дня" 1862—1865 годовъ), въ газетѣ, объявившей, что на знамени ея на-

писана „правда“ и борьба со всякою „ложью“, а также объявившей, что она будетъ говорить не только „во имя народа“, но и „съ народомъ“. Фактъ, что отъ имени народа и „съ народомъ“ отрицается или умаляется народное страданіе, происходящее отъ малости надѣловъ, во всякомъ случаѣ бросался въ глаза. Инымъ невольно должно было придти въ голову: ужъ не выдуманъ ли, въ самомъ дѣлѣ, вопросъ о крестьянскомъ малоземельѣ? Конечно, было бы слишкомъ пріятно убѣдиться, что представленіе объ упомянутомъ страданіи не болѣе, какъ призракъ, какъ тяжелый кошмаръ, напрасно дававшій грудь людей, во всякомъ случаѣ, искренно сочувствующихъ народу и отзывчивыхъ его болямъ. Но это-то самое обстоятельство и возвышаетъ требованія отъ г. Самарина со стороны серьёзнаго читателя, которому нужны не звуки только, но факты и основательныя мысли. Выступая „во имя народа“ съ отрицаніемъ важности значенія факта, который многими (и не наобумъ) признается однимъ изъ серьёзныхъ народныхъ золъ, г. Самаринъ тѣмъ самымъ принималъ на себя обязанность доказать основательность своего отрицанія, не довольствуясь голословными отзывами и не притязая на исключительный авторитетъ своего голоса.

Трудъ г. Янсона, противъ котораго ополчился г. Самаринъ, распадается, главнымъ образомъ, на двѣ части: на собраніе статистическаго матеріала о крестьянскихъ надѣлахъ и платежахъ и — попытку объяснить происхожденіе того положенія, которое обрисовывается означеннымъ матеріаломъ; попытка эта имѣетъ видъ исторической справки о томъ, какія начала были установлены при произнесеніи перваго слова о крестьянской реформѣ, какія измѣненія потомъ претерпѣвали эти начала въ періодъ законодательныхъ работъ по устройству крестьянъ, и во что, наконецъ, переработались эти начала при практическомъ осуществленіи реформы. Противъ этой, исторической части труда г. Янсона направлена бо́льшая часть стрѣлъ г. Самарина, который не соглашается съ г. Янсономъ даже въ основной цѣли реформы. Такъ, г. Янсонъ полагаетъ, придерживаясь буквальнаго текста государственныхъ актовъ, что надѣлъ долженъ былъ обезпечивать „бытъ крестьянъ и ихъ повинности“, а г. Самаринъ находитъ, что подобной цѣли у правительства никогда не было и не могло быть, и что подобною цѣлью даже вовсе не слѣдовало задаваться. Но мы, въ данномъ случаѣ, вовсе не будемъ касаться этой части полемики г. Самарина съ Янсономъ, и не потому, чтобы считали стрѣлы г. Самарина слишкомъ острыми, а просто потому, что насъ главнымъ образомъ интересуетъ другая сторона дѣла: существуетъ или не существуетъ *нынѣ* крестьянское малоземелье? дѣйствительно или выдумано причиняемое имъ народу зло, точно ли это зло

велико, или оно представляетъ, согласно мнѣнію г. Самарина, лишь ничтожныя исключенія, требующія самыхъ ограниченныхъ правительственныхъ мѣръ? Здѣсь корень интереса той полемики, о которой идетъ рѣчь.

Имѣло ли правительство цѣль обезпечить бытъ и повинности крестьянина или не имѣло ее (можетъ быть, и имѣло, а можетъ быть, и г. Самаринъ правъ), послѣдовательны или непослѣдовательны были основнымъ принципамъ редакціонныя коммиссіи, при выработкѣ „Положеній", отъ тѣхъ или отъ другихъ вліяній произошли неудовлетворительности крестьянскаго устройства—все это представляетъ теперь уже историческій интересъ, конечно, серьёзный, но не тотъ, какой мы имѣемъ въ виду, въ данномъ случаѣ. Для насъ теперь всего важнѣе—каково дѣйствительное нынѣшнее положеніе крестьянскаго устройства и какіе вопросы въ немъ заключаются? Историческіе факты поучительны, но теперь предъ нами стоитъ жгучій вопросъ, что слѣдуетъ *дѣлать* и слѣдуетъ ли что-нибудь дѣлать? надо ли спѣшить съ серьёзною помощью крестьянамъ или это дѣло третьестепенное, отложимое?

Вотъ, почему мы не станемъ вовсе касаться спора о характерѣ правительственныхъ принциповъ 1857—1861 годовъ, опустимъ также пререканія о правильности или неправильности дѣленій г. Янсономъ Россіи на мѣстности и полосы, о размѣрахъ надѣловъ, прописанныхъ *въ „Положеніи"* и т. д., а будемъ имѣть въ виду данныя о *фактическихъ* нынѣшнихъ надѣлахъ, о *фактическомъ* крестьянскомъ устройствѣ, отъ какихъ бы причинъ оно ни установилось. Пусть въ „Положеніяхъ" назначены крестьянамъ тѣ или другіе надѣлы—для насъ важнѣе знать, какіе надѣлы они имѣютъ на самомъ дѣлѣ? Если бы г. Самаринъ говорилъ о неясности представленной г. Янсономъ картины; если бы онъ доказывалъ неправильность пріемовъ его для утвержденія факта малоземелья—намъ бы не было повода выступать съ своимъ словомъ, и отозваться г. Самарину могъ бы только самъ г. Янсонъ. Но г. Самаринъ взялъ на себя отрицаніе самого факта, что недостаточность надѣловъ составляетъ огромное зло; онъ низводитъ малоземелье на степень незначительнаго исключенія,—и тутъ уже слѣдуетъ заговорить лицамъ посторроннимъ полемикѣ. Тутъ надо посмотрѣть доказательства самого г. Самарина, тѣмъ болѣе, что онъ, укоряя своего противника въ „ненаучности" пріемовъ, тѣмъ самымъ вызываетъ обращеніе къ себѣ требованій „научности" въ доказательствахъ его собственныхъ положеній. Статью г. Самарина уже привѣтствовали тѣ самые органы, которые открываютъ объятія твореніямъ гг. Бланковъ, которые умѣли отрицать и голодъ, и чуму, и малоземелье, и вредъ „свободнаго"

выпуска кредитныхъ билетовъ, которые приписывали открытіе подобныхъ золъ чьимъ-то интригамъ; привѣтствовала эту статью и та петербургская еженедѣльная газетка, вдохновители которой въ свое время достаточно приложили властную руку для порчи крестьянскаго дѣла. Эти публицисты и „дѣятели“ уже „взыграли радощами“ услышавъ гласъ г. Самарина; встрѣчаются люди, полагающіе, что исполненная побѣдоносной внѣшности статья г. Самарина кого-то въ самомъ дѣлѣ разгромила, какую-то ложную идею обличила, что-то важное доказала, какое-то правильное понятіе утвердила. Посмотримъ же, что̀ именно она доказала и утвердила?

О крестьянскомъ малоземельѣ г. Самаринъ выразился не двусмысленно; вотъ его слова:

„Итакъ, мы *отрицаемъ* теорію о *недостаточности надѣловъ*, какъ исходящую не изъ „великихъ“, а изъ совершенно *ложныхъ* и *чуждыхъ нашему быту* принциповъ, какъ обобщающую, въ угоду этимъ принципамъ, *отдѣльныя явленія*, дѣйствительность коихъ мы не думаемъ отрицать, но которыхъ нѣтъ основанія огульно распространять на *всю* Россію и на *всѣ* разряды крестьянъ, не смотря на различіе въ мѣстныхъ условіяхъ, въ потребности въ землѣ и въ степени обезпеченія ею тѣхъ или другихъ крестьянъ“. (Русь, № 3, стр. 11).

Отрицаніе того, что крестьянское малоземелье составляетъ очень „крупное“ зло, взглядъ на фактъ этого малоземелья, какъ на незначительныя исключенія, выражается какъ въ приведенной цитатѣ, такъ и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ статьи г. Самарина, а равно и въ ограниченности тѣхъ мѣръ, какія онъ предлагаетъ для содѣйствія увеличенію крестьянскаго землевладѣнія. Для большей полноты, чтобы видно было, что г. Самаринъ не случайно только обмолвился какимъ-нибудь двусмысленнымъ выраженіемъ, приведемъ еще нѣсколько выдержекъ изъ его статьи:

„Настоящее состояніе крестьянъ и положеніе 19 февраля должны ожидать другой оцѣнки, съ другой точки зрѣнія и отъ лица болѣе безпристрастнаго и болѣе свѣдущаго въ этой области, чѣмъ оказался г. Янсонъ. Вопросы: въ *какихъ мѣстностяхъ* Россіи принципъ существующихъ надѣловъ оказался невыдержаннымъ, и отрѣзки отъ нихъ изъ исключенія превратились въ нормальное явленіе? Въ *какихъ мѣстностяхъ* и сколько сгубила народа, прельстивъ его полною и быстрою отмѣною барщины и оброка, *злосчастная 123 ст.* мѣст. положенія, создавшая особый разрядъ крестьянъ на такъ-называемомъ „*даровомъ или сиротскомъ*“ *надѣлѣ?* Эти и многіе другіе вопросы, съ ними неразрывно связанные, еще ждутъ и, вѣроятно, еще долго будутъ ждать дѣльнаго изслѣдованія“. („Русь“, № 1, стр. 14).

„*Не можемъ мы*,— говоритъ далѣе г. Самаринъ („Русь", № 3, стр. 12),—*признать*, чтобы всѣ крестьянскіе надѣлы или даже большинство ихъ *были недостаточны*, но съ нашей точки зрѣнія вполнѣ возможно допустить, что есть *мѣстности*, гдѣ надѣлы по своему размѣру мало приносятъ пользы крестьянамъ, только прикрѣпляя ихъ къ небольшому клочку земли, стѣсняя тѣмъ свободу ихъ передвиженія и мало содѣйствуя обезпеченію ихъ быта. Не можемъ мы поэтому согласиться и съ тѣмъ, будто представляется надобность въ расширеніи всѣхъ вообще или большинства крестьянскихъ надѣловъ... Мы не можемъ поэтому придавать недостаточности надѣловъ *не только общаго*, но и *основнаго и „преобладающаго значенія"* въ ряду причинъ неудовлетворительнаго въ экономическомъ отношеніи положенія крестьянъ; мы не можемъ признать, будто „безъ увеличенія надѣловъ безсильны всѣ другія мѣры для улучшенія крестьянскаго быта"...

„Другія мѣры должны имѣть болѣе общее значеніе въ дѣлѣ улучшенія быта крестьянъ, чѣмъ содѣйствіе къ расширенію крестьянскихъ надѣловъ". („Русь", № 3, стр. 12).

Говоря о крестьянскихъ переселеніяхъ, какъ о средствѣ помощи малоземельнымъ крестьянамъ, г. Самаринъ высказываетъ:

„Мы разумѣемъ центральную часть черноземной полосы Россіи, губерніи: курскую, полтавскую и черноземные уѣзды тульской, рязанской, орловской, тамбовской и, частью, воронежской губерній. Совершенно вѣрнымъ представляется намъ мнѣніе, что заботы правительственныя по выселенію избытка народонаселенія должны быть *сосредоточены на этой мѣстности* и притомъ *на тѣхъ крестьянахъ*, которые либо уже превратились въ безземельныхъ, либо находятся въ плохомъ состояніи вслѣдствіе недостаточности ихъ надѣловъ".

Обращаясь къ извѣстнымъ современнымъ проектамъ устройства земельныхъ банковъ для крестьянъ, г. Самаринъ отвергаетъ самую мысль о банкахъ и говоритъ:

„Мы находимъ крайне непрактичнымъ начинать дѣло съ учрежденія банковъ, и притомъ задумываемыхъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, между тѣмъ, какъ *опытъ вовсе не подтверждаетъ* необходимости въ такихъ *крупныхъ* кредитныхъ учрежденіяхъ. По крайней мѣрѣ, это можно заключить изъ опыта тверского земства, которое съ 1876 г. выдаетъ ссуды крестьянскимъ обществамъ на покупку земель"!

Тверское земство, какъ извѣстно, ассигнуетъ для покупки земель крестьянамъ всего 10 тысячъ рублей въ годъ, и сама тверская губернская земская управа признается, что многіе крестьяне не просятъ

ссудъ потому, что не знаютъ объ ассигнованіи на то земствомъ средствъ.

А предлагая свои средства, г. Самаринъ высказываетъ:

„Необходимо принять мѣры для обезпеченія землею тѣхъ крестьянъ, которые въ теченіи послѣднихъ 20 лѣтъ перешли на *четвертной надѣлъ* на основаніи 123 ст. мѣст. положенія. Мы увѣрены, что если не для всѣхъ, то для болѣе или менѣе значительной части такихъ крестьянъ есть еще возможность исправить дѣло, *предоставивъ землевладѣльцамъ входить съ ними въ добровольныя соглашенія о прирѣзкѣ земли къ ихъ даровому надѣлу* въ такомъ размѣрѣ, чтобы довести надѣлы до нормы высшаго надѣла, установленнаго положеніемъ. На подобныя сдѣлки необходимо распространить „положеніе о выкупѣ", т.-е., предоставить крестьянамъ право на полученіе выкупной ссуды для пріобрѣтенія прирѣзываемой къ ихъ надѣлу земли. Удобоисполнимость этой мѣры въ финансовомъ отношеніи очевидна изъ того, что число такихъ крестьянъ не превышаетъ 600,000 душъ".

Какое впечатлѣніе производитъ совокупность подобныхъ заявленій, кромѣ того, что недостаточность крестьянскихъ надѣловъ составляетъ только явленіе, свойственное немногимъ исключительнымъ *мѣстностямъ*, что она составляетъ третьестепенное неудобство, устраненіе котораго менѣе важно, чѣмъ „другія мѣры", что размѣры малоземелья настолько ограниченны, что противъ него достаточно бороться съ помощью какого-нибудь десятка тысячъ земскихъ рублей, и что почти все наше малоземелье представляется тѣми „четвертными" нищенскими надѣлами, число которыхъ въ цѣлой Россіи г. Самаринъ опредѣляетъ старою казенною цифрою въ 600.000? Нельзя всѣ подобныя мѣста статьи г. Самарина считать случайными, нечаянными обмолвками или недоговорками. Предметъ, о которомъ идетъ рѣчь, слишкомъ важенъ въ настоящую минуту, и всѣмъ извѣстно, что у насъ существуютъ не лишенные вліянія люди, вовсе не расположенные къ самостоятельному, хорошему крестьянскому устройству, которые готовы хвататься за всякій поводъ къ утвержденію, что недостаточность крестьянскаго землевладѣнія—дѣло выдуманное, искусственно „раздутый" вопросъ, а что крестьянскіе надѣлы, напротивъ, такъ велики, что, пожалуй, не мѣшало бы ихъ даже ограничить. При такихъ условіяхъ, нужна большая осторожность въ сужденіяхъ о крестьянскомъ землевладѣніи и даже въ отдѣльныхъ выраженіяхъ, необходимо устранять всякія недоразумѣнія; слѣдовательно, публицистъ, не отрицающій „важнаго" значенія существующей недостаточности надѣловъ и полемизирующій только противъ тѣхъ или другихъ *способовъ* опредѣленія крестьянскаго малоземелья, непремѣнно долженъ бы оговориться въ томъ смыслѣ, что малоземелье,

и по его мнѣнію,—крупное зло, но онъ только не соглашается въ тѣхъ или другихъ частностяхъ опредѣленія этого зла и въ способахъ его доказательства. Г. Самаринъ этого не сдѣлалъ, а противъ сторонниковъ мнѣнія о малоземельѣ, разразился рядомъ горячихъ обвиненій. Онъ ограничился тѣмъ, что „пустилъ въ обращеніе" мысль о ложности крестьянскаго малоземелья, онъ выступилъ „отрицателемъ" крупнаго размѣра малоземелья. Такъ его поняли тѣ, которые выразили ему сочувствіе, въ интересахъ которыхъ отрицать малоземелье. Нѣтъ и у насъ повода понять иначе его рѣчь.

Но для опроверженія важности значенія крестьянскаго малоземелья необходимо доказать или то, что существующіе размѣры крестьянскихъ надѣловъ вовсе не таковы, какими выставляютъ ихъ сторонники мнѣнія о недостаточности крестьянскаго землевладѣнія, или— что хотя эти размѣры и согласны съ показаніями послѣднихъ, однако, при этомъ они достаточны для обезпеченія сноснаго существованія крестьянина. Надо доказать, что представители мнѣній о недостаточности надѣловъ или даютъ ложныя цифры, или требуютъ бо̀льшихъ нормъ надѣла, чѣмъ нужно. Нужно доказать то или другое, или же —и то и другое. Допустимъ, что г. Самаринъ признаетъ, напримѣръ, для чисто земледѣльческой, черноземной мѣстности опредѣленную норму „необходимаго" надѣла, положимъ 3 десятины на душу; въ такомъ случаѣ, чтобы опровергнуть противника и не наобумъ выстрѣлить обвиненіемъ въ „ложности" идеи, нужно доказать, что у крестьянъ точно есть по 3 десятины за самыми незначительными исключеніями; а если г. Самаринъ не считаетъ трехдесятиннаго надѣла „необходимымъ", то онъ долженъ доказать, что и 2-хъ или $1^1/_2$ десятины совершенно достаточно, на такомъ-то и на такомъ основаніи. Запасся ли, однако, г. Самаринъ для своего похода подобнымъ оружіемъ?

Нѣтъ, онъ совершенно уклонялся отъ опредѣленія—какой размѣръ необходимъ для крестьянина въ какой-бы то ни было мѣстности, хотя бы чисто земледѣльческой, черноземной, гдѣ условія быта и хозяйства наименѣе сложны. Первая статья его посвящена доказательствамъ, что правительство никогда не думало обезпечивать землею бытъ и повинности мужика, что самый принципъ такого обезпеченія „ложенъ", и что нельзя обезземеливать помѣщиковъ „съ точки зрѣнія государственныхъ интересовъ". Вторая статья занимается преимущественно полемикою по вопросу о границахъ разсматриваемыхъ г. Янсономъ „полосъ" Россіи, о нормахъ надѣловъ „по положенію" и о томъ—гдѣ и по какимъ именно соображеніямъ и обстоятельствамъ помѣщики преимущественно оставляли крестьянъ при да-

ровой четверти надѣла. Въ третьей статьѣ, съ больной головы на здоровую,—сторонникамъ идеи о недостаточности надѣловъ приписывается скрытое стремленіе къ обезземеленію части крестьянъ, и высказываются собственныя мнѣнія г. Самарина о томъ, какъ слѣдуетъ помогать крестьянамъ. Но какой размѣръ надѣла нуженъ, по его мнѣнію—никакихъ опредѣленныхъ указаній въ статьѣ г. Самарина читатель не найдетъ. Развѣ видѣть косвенное указаніе въ слѣдующемъ мѣстѣ:

„Посмотримъ же, дѣйствительно ли такъ много, какъ утверждаетъ г. Янсонъ, въ черноземной полосѣ Россіи губерній съ среднимъ надѣломъ въ 2 съ небольшимъ дес.? Изъ таблицы, помѣщенной на стр. 45, оказывается, что такихъ губерній имѣется только двѣ: Полтавская (Малороссійская, состоящая на особомъ положеніи, съ участковымъ пользованіемъ землею), съ надѣломъ въ 1,9 дес. и Курская, съ надѣломъ въ 2,3 десятины. За исключеніемъ этихъ двухъ губерній, ни въ одной цифра средняго надѣла не спускается ниже 2,6 дес., а болѣе приближается къ 3 дес., въ восточныхъ же губерніяхъ она или подходитъ къ 4 дес., или превышаетъ эту цифру".—Можетъ быть, изъ этого слѣдуетъ заключить, что г. Самаринъ склоняется въ пользу необходимости 3-десятиннаго надѣла? Однако, такое заключеніе было-бы натяжкою, противъ которой легко могъ-бы возстать самъ г. Самаринъ, какъ противъ приписыванія ему мнѣнія, котораго онъ положительно не высказывалъ. Не видно даже, *что* именно, по мнѣнію г. Самарина, должно быть обезпечено у крестьянина землею: должно-ли быть обезпечено хоть „прокормленіе", безъ податей? Г. Самаринъ только высказываетъ, что крестьянинъ долженъ быть обезпеченъ *надѣломъ и промыслами въ совокупности*, а какая доля его потребностей должна быть обезпечена надѣломъ, и какая промыслами — этого онъ не считаетъ даже возможнымъ рѣшать. Все это,—говоритъ онъ—зависитъ „отъ мѣстныхъ условій; въ иномъ селѣ (торговомъ или промышленномъ) и 1 дес. на душу достаточно, и крестьяне живутъ хорошо; въ другомъ и 7 дес. мало, и крестьяне бѣдствуютъ".

Попробуемъ, однако, придать значеніе горячему опроверженію г. Самаринымъ того, что у насъ много надѣловъ „въ 2 съ небольшимъ десятины", и меньшихъ. Вѣдь, изъ-за чего нибудь же возстаетъ онъ противъ этой нормы (кстати, въ другомъ мѣстѣ онъ высказывается, что признаетъ существенное значеніе за *размѣромъ* надѣла, только не говоритъ—какимъ). Да и въ самомъ дѣлѣ, можетъ-ли быть основательный споръ о томъ, что даже въ черноземной полосѣ надѣлъ въ $2^1/_2$ десятины—недостаточенъ? Вѣдь, тутъ

мужику и хлѣбъ для семьи придется покупать на сторонѣ. Беремъ здѣсь черноземныя губерніи, потому что относительно ихъ дѣло выходитъ яснѣе. $2^1/_2$ десятины на ревизскую душу—это теперь означаетъ одну десятину на дѣйствительно существующую и требующую кормленія душу (мужскую или женскую), на которую одного хлѣба въ годъ понадобится 3 четверти. Итакъ, на ревизскую душу выходитъ: $2^1/_2$ десятины надѣла и потребность $7^1/_2$ четвертей хлѣба. Нашъ изслѣдователь сельскаго быта, г. Чаславскій, на основаніи тщательнаго мѣстнаго изслѣдованія вывелъ, что въ Курской губерніи *средній* урожай десятины—5 четвертей хлѣба, а Курская губернія у насъ одна изъ самыхъ плодородныхъ. Итакъ, если изъ $2^1/_2$ десятинъ отчислить на усадьбу, на какой-нибудь сѣнокосъ для нужнаго въ хозяйствѣ скота, да на выгонъ, то на пашню останется никакъ не болѣе $1^3/_4$ десятинъ, то-есть, при трехпольной системѣ, будетъ засѣваться не много болѣе полудесятины въ полѣ; стало быть, съ надѣла соберется никакъ не больше 6 четвертей озимаго и яроваго хлѣба. А этимъ, какъ показано выше, нельзя прокормить $2^1/_2$ дѣйствительныя души, если-бы даже ни крошки хлѣба не тратилось на домашнихъ животныхъ? Итакъ, едва-ли есть возможность добросовѣстно отрицать, что при „двухъ десятинахъ съ небольшимъ“ нѣтъ обезпеченія одного прокормленія, а если невозможно прокормленіе—есть-ли основаніе считать такой надѣлъ достаточнымъ? Для храбраго человѣка, конечно, все можно, можно довольствоваться и одною десятиною, и полудесятиною, но мы имѣемъ въ виду не такого храбраго читателя, а болѣе требовательнаго на счетъ основательности заключеній.

Г. Самаринъ утверждаетъ, что средній надѣлъ въ „2 съ небольшимъ десятины“ встрѣчается *только* у помѣщичьихъ крестьянъ Курской и Полтавской губерній (хорошо это *только*: цѣлыхъ двѣ губерніи съ недостаточными для прокормленія надѣлами!). Посмотримъ, вѣрно-ли это? Обратимся на первый разъ—ко всѣмъ извѣстнымъ вѣдомостямъ главнаго выкупного учрежденія. Изъ нихъ мы видимъ:

Въ Курской губерніи средній надѣлъ	2,3 дес.
— Полтавской	1,9 —
— Кіевской	2,5 —
— Подольской	2,4 —
— Тульской	2,7 —
— Воронежской.	2,6 —
— Орловской.	3,1 —
— Пензенской	2,8 —
— Рязанской.	2,7 —
— Тамбовской	2,6 —
— Харьковской	2,5 —

Вотъ цѣлый рядъ губерній, гдѣ въ среднемъ выводѣ около или

менѣе $2\frac{1}{2}$ десятинъ на душу. Въ Орловской надѣлъ доходитъ до 3 дес., но, вѣдь, извѣстно, что тамъ есть брянскія и сосѣднія мѣстности, значительно худшія по плодородію, гдѣ надѣлы больше, и за отчисленіемъ которыхъ послѣдуетъ уменьшеніе среднихъ выводовъ по остальнымъ.

Итакъ, самая легкая справка со всѣмъ доступными вѣдомостями главнаго выкупного учрежденія уже показываетъ, что недостаточные для прокормленія надѣлы у насъ вовсе не рѣдкія исключенія. Если плохъ средній выводъ, то ужъ ни какъ не можетъ получиться лучшій выводъ въ частности, для большинства.

Но,—можетъ сказать г. Самаринъ,—я вовсе не утверждаю, чтобы надѣлъ долженъ былъ обезпечивать и прокормленіе даже въ черноземныхъ, не промысловыхъ мѣстностяхъ. Да, онъ, дѣйствительно, этого не утверждаетъ, и съ этой стороны, можно сказать, въ извѣстномъ смыслѣ „неуязвимъ". Трудно возражать человѣку, когда онъ только побѣднымъ тономъ выпаливаетъ выводы, не приводя основаній, на которыя эти выводы опираются. Укажите ему на массу крестьянъ съ 2 только десятинами, онъ можетъ сказать, что и это ничего не доказываетъ, потому что и 2 десятины достаточно; укажите на 1-десятинныхъ — и одной десятины достаточно и т. д. Тутъ всякое толковое объясненіе становится невозможнымъ, и борьба мыслей замѣняется столкновеніемъ звуковъ.

Если же г. Самаринъ уклонился опредѣлить хотя приблизительный размѣръ необходимаго надѣла, если онъ не опровергъ цифроваго матеріала, доказывающаго многочисленность надѣловъ въ $2\frac{1}{2}$ десятины и меньшихъ, слѣдовательно, доказывающаго коренное экономическое зло сельскаго быта, то на какомъ же основаніи онъ такъ торжественно объявилъ „ложность" теоріи недостаточности надѣловъ? Да просто ни на какомъ: вѣрьте мнѣ—и баста; вѣрьте мнѣ, потому что я „правда", а они „ложь". Крайнее притязаніе на авторитетъ своего голоса—и ничего больше. Пусть серьёзный читатель внимательно перечтетъ статью г. Самарина и поищетъ въ ней, хоть съ помощью микроскопа, положительныхъ основаній для его отрицанія... Дѣйствительно, „замѣчательный" трудъ въ этомъ отношеніи представляетъ статья г. Самарина. Достаточно усвоить рѣчи побѣдный тонъ, выставить рѣшительный выводъ, для приправы „потравить либерала"—и баста: мысль о „ложности" крестьянскаго малоземелья въ обращеніе пущена...

Уклониться отъ опредѣленія размѣра необходимаго надѣла, отказаться отъ разбора цифроваго матеріала [1]) и заключить рѣшитель-

[1]) Отъ разбора цифроваго матеріала г. Самаринъ отдѣлался очень развязно: „Сти-

нымъ отрицаніемъ крупности зла малоземелья — что это значитъ? Это значитъ не доказать что-либо, а крайне „неловко" отдѣлаться отъ разсмотрѣнія вопроса по существу. Позволительно ли такъ отдѣлываться публицисту, вызывающему другихъ на бой, и притомъ укоряющему противниковъ въ ненаучности пріемовъ,—пусть судитъ серьёзный читатель. Вмѣсто обсужденія вопроса, г. Самаринъ счёлъ за лучшее „упразднить" самую возможность вопроса: сколько нужно земли мужику — не говорю, цифирнаго матеріала знать не хочу, а говорю только то, что „все зависитъ отъ мѣстныхъ условій". Посредствомъ такого пріема, конечно, можно упразднять всякій вопросъ, можно отдѣлываться отъ разсмотрѣнія всякой нужды населенія. Скажутъ, напримѣръ, что народу тяжела податная система. Слѣдуя пріему г. Самарина, можно отвѣтить: а почему тяжела? податные оклады бываютъ разные, средства у плательщиковъ разныя, и „все зависитъ отъ мѣстныхъ условій": при однѣхъ условіяхъ подати тяжелы, а при другихъ вовсе не тяжелы. Стало быть, къ чему заводить рѣчь о податяхъ... Скажутъ, что нужна та или другая система продовольственной помощи; опять возраженіе: и вопросъ о помощи раздутъ напрасно; все зависитъ отъ разныхъ условій, однимъ помощь нужна, другимъ нѣтъ, стало быть, ставить общій вопросъ о помощи нѣтъ никакого основанія. Предъ нами просто „пріемъ устраненія" всякихъ нежелательныхъ вопросовъ. Вооружившись имъ, можно опровергать и самого г. Самарина, когда онъ говоритъ о злосчастныхъ четвертныхъ надѣлахъ: при иныхъ-де мѣстныхъ условіяхъ и четвертнаго надѣла за-глаза довольно, стало быть, о чемъ тутъ толковать?

Но мы говорили до сихъ поръ только о данныхъ главнаго выкупного учрежденія, которыя далеко не полны по своей огульности. Средніе выводы далеко не опредѣляютъ дѣйствительности, которая часто бываетъ хуже. Теперь же у насъ есть гораздо полнѣйшій, болѣе цѣнный источникъ въ изданной недавно центральнымъ статистическимъ комитетомъ „Статистикѣ поземельной собственности и населенныхъ мѣстъ въ Россіи". Здѣсь уже не средніе выводы, а числовыя данныя о надѣлахъ каждаго размѣра. Сличимъ выводы г. Самарина еще съ данными этого источника, который хотя и касается покуда только восьми губерній, но очень краснорѣчивъ.

Посмотримъ, какая часть всѣхъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ владѣетъ надѣлами менѣе 2 десятинъ, менѣе $1^1/_2$ десятины и менѣе 1 десятины.

таемъ также совершенно излишнимъ подвергать разбору весь сырой матеріалъ, которымъ г. Янсовъ, безъ всякой критики, наполнилъ бо́льшую половину своего изслѣдованія".

Губернія:	Всѣхъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ.	Въ томъ числѣ имѣющихъ на душу: менѣе 2 д.	менѣе $1^1/_2$ д.	менѣе 1 д.
Тамбовская	338 тысячъ	95 тыс.	60 тыс.	41 тыс.
Тульская	365 „	46 „	14 „	5 „
Пензенская	248 „	77 „	64 „	47 „
Калужская	286 „	18 „	11 „	8 „
Воронежская	240 „	89 „	62 „	42 „
Орловская	321 „	30 „	14 „	8 „
Курская	298 „	93 „	58 „	26 „
Рязанская	365 „	65 „	36 „	23 „
Всего	2,457	513	319	200

Половина крестьянъ во всѣхъ этихъ 8 губерніяхъ (1,227 тысячъ изъ 2,457) имѣютъ отъ 2 до 3 десятинъ, т.-е., въ среднемъ выводѣ около $2^1/_2$ дес., а такой надѣлъ, какъ выше сказано, не обезпечиваетъ одного прокормленія. Для бо̀льшей полноты раздѣлимъ и упомянутую цифру, 1.227 тысячъ, на двѣ части: 359 тысячъ имѣютъ отъ 2 до $2^1/_2$ десятинъ, а 868 тысячъ — отъ $2^1/_2$ до 3 десятинъ. Болѣе пятой части крестьянъ имѣютъ *меньше двухъ десятинъ*, седьмая часть — *меньше* даже $1^1/_2$ десятины и, наконецъ, 200 тысячъ душъ—*меньше одной десятины!* Какъ сходится съ этимъ увѣреніе, что крестьянское малоземелье столь неважно, что для устраненія его достаточно десятка тысячъ рублей земской ссуды на губернію! Но и приведенные выводы сдѣланы на старое, ревизское число душъ, а теперь, послѣ двадцатилѣтняго прироста населенія, душевые надѣлы стали еще меньше. У кого было отъ $2^1/_2$ до 3 дес., у того теперь менѣе $2^1/_2$ дес., у кого менѣе 2 десятинъ, у того теперь менѣе $1^1/_2$ десятины, и въ такомъ положеніи оказывается пятая часть всего крестьянства. Средніе же выводы, на душу, по обслѣдованію статистическаго комитета, оказываются: въ тамбовской губерніи—2,5 дес., въ тульской —2,7 въ пензенской 2,5, въ калужской (гдѣ земли куда хуже) 3,9, въ воронежской 2,4, въ орловской (гдѣ тоже много худыхъ земель) 2,9, въ курской 2,2, а въ рязанской 2,8 дес. Между тѣмъ г. Самаринъ не безъ торжества спрашивалъ г. Янсона — гдѣ это онъ отыскалъ средніе надѣлы въ двѣ десятины съ небольшимъ?

Выше мы показали, что для прокормленія, даже въ земледѣльческой, плодороднѣйшей черноземной мѣстности, недостаточенъ $2^1/_2$-десятинный надѣлъ. А теперь выходитъ, что по нынѣшнему счету такого надѣла нѣтъ у половины крестьянъ; да если взять и старый ревизскій счетъ, то меньше $2^1/_2$ дес. имѣютъ 873 тысячи душъ, т.-е. болѣе трети всего бывшаго крѣпостного населенія.

Когда половина крестьянъ не обезпечена хлѣбомъ, а болѣе полумилліона ихъ въ восьми только губерніяхъ имѣютъ не болѣе $1^1/_2$

десятины—неужели это не широкіе размѣры крестьянскаго малоземелья? Если бы даже не половина, а треть или четверть крестьянъ была при плохихъ надѣлахъ — неужели это малое зло, о которомъ особенно хлопотать не стоитъ, и за указаніе котораго можно сердиться и обвинять? Припомнимъ еще, что разсмотрѣнные восемь губерній у насъ не худшія, а лучшія; куда хуже положеніе тѣхъ губерній, гдѣ государственные крестьяне составляютъ слабое меньшинство а бывшіе помѣщичьи большинство! Таковы, напримѣръ, условія въ Малороссіи и въ западныхъ губерніяхъ, гдѣ существуютъ еще сотни тысячъ обезземеленныхъ крестьянъ изъ бывшихъ чиншевыхъ однодворцевъ. Ничего этого, однако, не хочетъ видѣть г. Самаринъ, онъ видитъ однихъ только „крестьянъ съ четвертнымъ надѣломъ", знаетъ старую казенную цифру ихъ—600 тысячъ и не обращаетъ вниманія на то, что если у мужика 1 десятина, то будетъ ли это четвертной, третной или надѣлъ какой угодно клички, все же это *одна десятина*, которая одинаково будетъ кормить мужика, какую бы кличку она ни носила. Г. Самаринъ слѣдитъ не за цифрою десятинъ, а за ея „формальнымъ названіемъ", и это въ то самое время, какъ укоряетъ своего противника въ ненаучности пріемовъ. Что же это такое? Игра въ слова или обдуманное отношеніе къ дѣйствительности? Гоняясь за формальностью, онъ упираетъ на то, что четвертные надѣлы достались крестьянамъ почти исключительно въ восточныхъ и южныхъ степныхъ губерніяхъ, а во внутреннихъ такихъ надѣловъ почти не встрѣчается; онъ поставилъ въ укоръ г. Янсону признаніе значительнаго числа мелкихъ надѣловъ въ тамбовской, рязанской и курской губерніяхъ („Русь" № 2, стр. 12); откуда же оказываются въ тамбовской губерніи 41 тысяча, въ курской 26, а въ рязанской 23 тысячи душъ имѣющихъ меньше одной десятины? Конечно, часть такихъ надѣловъ не „четвертные", но развѣ отъ перемѣны названія владѣльцамъ ихъ легче? Вмѣсто 600 тысячъ обдѣленныхъ на всю Россію, вдругъ въ *восьми только и лучшихъ притомъ губерніяхъ* оказывается 200 тысячъ съ надѣломъ меньше десятины! Четвертные надѣлы и мелкіе надѣлы (меньше 1 дес.) вовсе не тождественны: четвертныхъ въ тамбовской губерніи г. Самаринъ въ казенныхъ спискахъ найдетъ 25 тысячъ, а тамъ надѣловъ меньше десятины оказывается 41 тысяча; въ курской четвертныхъ 2,600, а мелкихъ на самомъ дѣлѣ вдесятеро больше! Во всѣхъ восьми губерніяхъ найдется, судя по казеннымъ спискамъ, только 125 тысячъ четвертныхъ надѣловъ, а на самомъ дѣлѣ надѣловъ меньше 1 десятины оказывается 200 тысячъ, т.-е. почти вдвое. Какую же цѣну имѣетъ измѣреніе малоземелья числомъ однихъ четвертныхъ, по „научному" способу г. Самарина?

Содѣйствіе переселеніямъ крестьянъ, для ослабленія ихъ малоземелья, г. Самаринъ предлагаетъ сосредоточить только на курской, полтавской, да на нѣсколькихъ уѣздахъ тульской, рязанской, орловской, тамбовской и воронежской губерній. И здѣсь опять онъ поступилъ совершенно произвольно. Не входя въ подробности, замѣтимъ, напримѣръ, что онъ безъ всякаго основанія исключилъ кіевскую и подольскую губерніи, гдѣ малоземелье и безземелье усиливается и отъ тѣсноты, и отъ преобладанія участковаго владѣнія, и отъ существованія массы безземельныхъ чиншевыхъ крестьянъ изъ однодворцевъ. Сошлемся кстати и на собственный нашъ опытъ; въ 1870 и 1871 году мы въ одномъ уѣздѣ нарочно собирали свѣдѣнія о числѣ безземельныхъ по каждой волости, пользуясь ревизскими сказками, уставными грамотами и крестьянскими раскладками платежей; и вышло, что уже тогда, не считая однодворцевъ, около 20% крестьянъ оказывались безъ земли (объ этомъ см. нашу статью въ X книжкѣ „Бесѣды" 1872 года). Какъ же такъ легко вычеркивать цѣлыя губерніи изъ числа заслуживающихъ вниманія по малоземелью! Впрочемъ, гоняться за всѣми промахами статьи г. Самарина положительно неудобно. Тутъ embarras de richesse.

Конечно, трудно опредѣлить въ точности цифру страдающихъ отъ тѣсноты, но принявъ во вниманіе хоть приведенное выше (500 тысячъ душъ съ надѣломъ не болѣе $1^1/_2$ дес. на душу въ *восьми только* центральныхъ губерніяхъ, 35%—50% крестьянъ имѣющихъ меньше $2^1/_2$ десятинъ, менѣе чѣмъ 2-десятинный средній выводъ на душу въ цѣлой полтавской губерніи, малоземелье и обезземеленье цѣлыхъ сословій въ западныхъ губерніяхъ, не-тождественность четвертныхъ и дѣйствительно мелкихъ надѣловъ и вообще частость „среднихъ выводовъ" въ 2 десятины съ небольшимъ на душу по большимъ мѣстностямъ), нельзя не видѣть съ полною ясностью, что число страдающихъ отъ малоземелья опредѣляется у насъ не сотнями тысячъ, а милліонами, то-есть, что здѣсь рѣчь идетъ о крупной экономической язвѣ, а не о „ложной" теоріи недостаточности надѣловъ, каковою она провозглашена положительно наобумъ. Задача публициста, добросовѣстно относящагося къ своему дѣлу—привлекать общее вниманіе къ подобнымъ печальнымъ явленіямъ народной жизни, а не отвлекать отъ нихъ это вниманіе, не содѣйствовать скрытію или умаленію существующаго зла, тѣмъ болѣе, что охотниковъ къ подобнымъ скрытіямъ и умаленіямъ у насъ всегда довольно. Много нужно любви къ повторенію избитой фразы объ избавленіи Россіи отъ западной язвы— „пролетаріатовъ", „аграрныхъ" и иныхъ вопросовъ, чтобы такъ храбро отрицать крупное и постоянно растущее зло крестьянскаго малоземелья.

„Статистика поземельной собственности“ познакомила насъ еще съ тѣмъ серьёзнымъ фактомъ, что у насъ чѣмъ меньше надѣлъ, тѣмъ меньше приростъ населенія, то-есть, что лишенія отъ малости надѣла сопровождаются и увеличеніемъ смертности (подробнѣе мы говорили объ этомъ въ XI кн. „Вѣстн. Евр.“ 1880). И это, по мнѣнію г. Самарина, маленькое зло.

Можетъ быть, г. Самаринъ, составляя свою статью, не зналъ объ изданіи „Статистики поземельной собственности“ и потому только обошелъ ея краснорѣчивыя данныя, руководствуясь исключительно старыми казенными свѣдѣніями; однако, эта „Статистика“ появилась въ печати болѣе полугода тому назадъ, къ ней немедленно и внимательно отнеслась наша печать, и въ журналахъ уже были довольно подробные обзоры заключающагося въ ней матеріала. Г. Самаринъ, какъ человѣкъ „земскій“, литераторъ и интересующійся вообще крестьянскимъ дѣломъ, едва ли могъ быть неизвѣстенъ на счетъ выхода въ свѣтъ названной „Статистики“. Но если онъ и не имѣлъ случая воспользоваться послѣднею, то-есть, чувствовалъ недостатокъ свѣдѣній о распредѣленіи крестьянъ по нормамъ надѣла, то тѣмъ менѣе могъ имѣть право такъ рѣшительно отрицать крупную степень крестьянскаго малоземелья и такъ рѣшительно укорять сторонниковъ мнѣнія о недостаточности надѣловъ въ „ложности“ основаній. Не все то ложь, что́ называютъ ложью, и не все то правда, что́ выдаютъ за правду; а гдѣ въ данномъ случаѣ правда и ложь— пусть уже разбираетъ серьёзный читатель.

Перейдемъ теперь къ выводамъ. Доказалъ ли г. Самаринъ, что размѣры крестьянскихъ надѣловъ больше, чѣмъ показываютъ сторонники мнѣнія о недостаточности надѣловъ? Нѣтъ, онъ совсѣмъ уклонился отъ этого. Доказалъ ли онъ, что для обезпеченія крестьянъ достаточны $2^1/_2$-десятинныя и меньшія нормы, которыми владѣетъ большинство? Нѣтъ—и этого не доказалъ. Знаетъ ли онъ число мелкихъ надѣловъ? Нѣтъ, не знаетъ и въ опредѣленіи ихъ руководствуется старыми казенными свѣдѣніями о „четвертныхъ“ надѣлахъ, совсѣмъ игнорируя нечетвертные мелкіе надѣлы и обезземеленныя сельскія сословія. Что же въ такомъ случаѣ онъ доказалъ? Ничего, кромѣ того, что не всегда и храбрость города беретъ. Кого же онъ обличилъ? Только достоинство тѣхъ пріемовъ, посредствомъ которыхъ у насъ пускаютъ въ обращеніе мысль о достаточности крестьянскихъ надѣловъ и о выдуманности крупныхъ вопросовъ, возникающихъ изъ нынѣшняго нашего поземельнаго устройства. На чемъ же основанъ эффектный выводъ г. Самарина о „ложности“ идеи недостаточности надѣловъ? Пусть на это отвѣтитъ уже читатель.

Разбирая статью г. Самарина, мы, разумѣется не претендуемъ на

переубѣжденіе его, но имѣемъ въ виду выяснить качества его доказательствъ предъ болѣе требовательною и добросовѣстною публикою, которой нужны не голые выводы, но и основанія ихъ. Къ дѣлу нынѣшнихъ крестьянскихъ нуждъ нельзя относиться невнимательно, равнодушно, почему и мнѣнія объ этихъ нуждахъ грѣшно оставлять безъ критики; печально было бы, еслибъ удавалось слишкомъ легко „пускать въ обращеніе“ всякія мнѣнія, въ родѣ того, о которомъ идетъ рѣчь; къ отдѣльнымъ же личнымъ мнѣніямъ можно относиться равнодушнѣе; что касается г. Самарина, то одно мѣсто его статьи показываетъ, что съ нимъ едва ли можно согласиться не только въ опредѣленіи фактовъ, но даже кое въ чемъ принципіальномъ; вотъ это мѣсто:

„Выкупная операція никогда не была и *не могла быть выкупомъ* собственно *земли*, а была *выкупомъ повинности*, ложившейся частью на землю, частью на лицо“. О принципѣ, по которому крестьяне должны были выкупать не одну землю, но отчасти и старую барщину, едва ли нужно распространяться; съ точки зрѣнія этого принципа, пожалуй, и лишенія крестьянъ отъ малоземелья могутъ быть понимаемы, какъ одна изъ формъ выкупа крѣпостного права.

Словомъ, полемика въ подобныхъ случаяхъ должна имѣть цѣлью не столько личное переубѣжденіе представителей противнаго мнѣнія, сколько *характеристику самихъ источниковъ* этого мнѣнія. Важно выяснить—съ какимъ именно противникомъ мы имѣемъ дѣло, при какихъ пріемахъ и при какой точкѣ зрѣнія получаются проповѣдуемые противникомъ выводы? И мы видѣли, что выводъ о ложности мнѣнія о недостаточности надѣловъ теперь выступилъ: 1) *при уклоненіи* отъ разсмотрѣнія наиболѣе краснорѣчивыхъ статистическихъ данныхъ, 2) *при уклоненіи отъ приблизительнаго даже опредѣленія „необходимаго“ размѣра надѣла*, и 3) *при точкѣ зрѣнія, съ которой крестьяне должны были выкупать не землю, а старыя повинности*. Вотъ на чемъ зиждется отрицаніе недостаточности надѣловъ! Вотъ что должно быть принято къ свѣдѣнію.

Но г. Самаринъ, во всякомъ случаѣ, наиболѣе дѣльный сторонникъ идеи „достаточности“ надѣловъ. Другіе еще менѣе требовательны: для нихъ, вмѣсто всякой аргументаціи, достаточна голословная пальба и обвиненіе въ интригахъ. Если г. Самаринъ, послѣ трехлѣтняго обдумыванія трактующей о малоземельѣ книжки г. Янсона, могъ сдѣлать только такой холостой выстрѣлъ, какъ его статья въ газетѣ „Русь“, то одно это очень знаменательно для вопроса о недостаточности крестьянскихъ надѣловъ и о необходимости сильныхъ мѣръ къ устраненію или облегченію этого зла.

Отъ разбора основаній главнаго, интересующаго насъ вывода статьи г. Самарина перейдемъ къ нѣкоторымъ частнымъ замѣчаніямъ о мѣрахъ, какими слѣдуетъ теперь придти на помощь крестьянству.

Теперь въ ходу мысль о земельныхъ банкахъ съ выпусками земскихъ закладныхъ листовъ. Съ своей стороны, мы не видимъ въ такихъ банкахъ всеспасающаего средства (какъ это и высказано было нами въ „Вѣстникѣ Европы", октябрь 1880), но не можемъ, однако, и умалять ихъ значенія, полагая, что банки все-таки способны въ извѣстной степени ослабить малоземелье, если операціи ихъ не ограничатся слишкомъ узкимъ размѣромъ, и что такимъ средствомъ вообще „пренебрегать" не слѣдуетъ. Но г. Самаринъ полагаетъ, что операціи задуманныхъ банковъ слишкомъ широки, что надо ихъ съузить, что слѣдуетъ, недопуская выпуска закладныхъ листовъ, довольствоваться ограниченными отчисленіями, на ссуды крестьянамъ, изъ запасныхъ земскихъ капиталовъ, подобно тому, какъ дѣйствуетъ тверское земство, а „четвертнымъ" крестьянамъ можно пособить однимъ распространеніемъ на ихъ земельныя покупки „положенія о выкупѣ". Вотъ какія основанія тому приводятся:

„Первое условіе, которому долженъ удовлетворять поземельный кредитъ для того, чтобы имъ могли пользоваться общества по преимуществу бѣдныя, состоитъ въ томъ, чтобы кредитъ этотъ былъ дешевъ; въ противномъ случаѣ, онъ будетъ либо вовсе недоступенъ обществамъ, либо разорителенъ для нихъ, и слѣдовательно, вмѣсто пользы, принесетъ вредъ. Между тѣмъ, никакой земскій банкъ, выдающій ссуду закладными листами, не въ состояніи дать кредита дешеваго; всѣ существующіе проекты банковъ расчитываютъ ссуды свои изъ 7 или 7½ %, но въ дѣйствительности, не говоря уже объ единовременныхъ приплатахъ, ежегодные платежи должны быть еще значительнѣе, такъ какъ заемщикамъ придется платить 7½ % съ нарицательной цѣны закладныхъ листовъ, а биржевая ихъ цѣна будетъ, конечно, ниже".

Говоря же о томъ, что другія мѣры должны имѣть болѣе общее значеніе въ дѣлѣ улучшенія быта крестьянъ, чѣмъ „содѣйствіе къ расширенію надѣловъ", г. Самаринъ говоритъ: „какое бы мы ни прилагали стараніе для расширенія ихъ, все-таки мѣра эта могла бы имѣть примѣненіе сравнительно довольно рѣдкое; вѣдь нужно для этого, чтобы *земля была продажная*, и чтобы цѣна, за которую она предлагается, была подходящая".

Далѣе: „Необходимо разрѣшить крестьянамъ той же черноземной центральной полосы Россіи, имѣющимъ недостаточный поземельный надѣлъ, заключать, по добровольному соглашенію, договоры съ удѣломъ и съ частными землевладѣльцами южной степной полосы

Россіи и заволжскихъ губерній объ отводѣ имъ земли подъ поселеніе, съ тѣмъ, чтобы земля предоставлялась имъ на выкупъ въ собственность, въ размѣрѣ установленнаго Положеніемъ 19-го февраля указнаго или высшаго надѣла; на такія сдѣлки необходимо распространить „Положеніе о выкупѣ" по добровольному соглашенію, т.-е. предоставить крестьянамъ право получать выкупную ссуду и расплачиваться ею съ землевладѣльцемъ. Что подобныя сдѣлки были бы *возможны*, и что землевладѣльцы означенныхъ мѣстностей Россіи желали бы предоставить часть своихъ земель подъ поселеніе, очевидно изъ слѣдующихъ двухъ фактовъ".

Тутъ слѣдуетъ справка о томъ, что уфимское дворянство хлопотало о правилахъ для поселенія крестьянъ на дворянскихъ земляхъ, а екатеринославское земство тоже высказывалось за подобное поселеніе; только въ этой справкѣ ничего не говорится о цѣнѣ, требуемой отъ крестьянъ за помѣщичьи земли.

Итакъ, вы видите: когда идетъ дѣло о банкахъ—указывается, что земли могутъ быть непродажныя; а когда говорится о „Положенія о выкупѣ"—возможность непродажности земель совсѣмъ забывается. Таковъ одинъ изъ небезхарактерныхъ пріемовъ подрыва идеи о банкахъ.

Что сдѣлки съ помѣщиками „возможны", объ этомъ никто, конечно, спорить не станетъ; *возможно* многое: и сдѣлки, и подарки, и разныя проявленія великодушія и милости, только основывать такое крупное и такое крайне нужное дѣло, какъ поправки результатовъ крестьянской реформы, на однѣхъ *возможностяхъ* едва ли практично; подобныя предложенія смахиваютъ на маниловщину, тогда какъ теперь нужны мѣры дѣльныя и неотложныя; не споримъ, что распространеніе „Положенія о выкупѣ" на добавочное пріобрѣтеніе крестьянами земель было бы полезно, но не видимъ только, почему подобная мысль приводится въ качествѣ *опроверженія* мысли о банкахъ; поправить крестьянскіе надѣлы—дѣло большое, трудное; средствъ для того потребуется много, и потому можно бы еще сказать, что распространеніе „Положенія о выкупѣ" годилось бы въ *дополненіе* къ банкамъ, а не какъ поводъ для ихъ *устраненія*. Но г. Самаринъ указываетъ на „Положеніе о выкупѣ" именно какъ на предлогъ для устраненія земельныхъ банковъ. Чтобы не распространяться объ этомъ предметѣ долго, мы поставимъ только одинъ вопросъ: какъ думаетъ г. Самаринъ, если распространить на добавочные выкупы малоземельными крестьянами земель упомянутое положеніе—отдастъ ли курскій помѣщикъ крестьянамъ свою вздорожавшую до 150 р. десятину за казенную выкупную 40-рублевую цѣну? А если не отдастъ, то объ чемъ же тутъ толковать? Кому отводить

подобною маниловщиною глаза отъ болѣе дѣльной мысли о банкахъ, которая, много ли, мало ли, но все-таки принесетъ что-нибудь существенное?

Дайте намъ лучше банковую синицу, чѣмъ маниловскій казенно-выкупной журавль. А то выходитъ: банки устранимъ подъ предлогомъ дороговизны, а о казенномъ выкупѣ только *поговоримъ;* но, вѣдь, кто не знаетъ, что соловья баснями не накормить. Синицы не дадимъ, якобы она недостаточна, а журавля не дадимъ, потому что онъ въ небесахъ. Конечно, могутъ найдтись великодушные помѣщики, которые и отдадутъ мужику вздорожавшую землю за старую цѣну; но, вѣдь, это будутъ исключенія, которыхъ ни одинъ дѣльный, разсчетливый человѣкъ не беретъ за основаніе своихъ проектовъ; да и къ чему же намъ такое серьёзное дѣло, какъ крестьянское устройство, ставить на почву возможной „барской милости"?

Посмотримъ еще—насколько дѣльна другая мысль г. Самарина, чтобы дѣло помощи крестьянамъ въ выкупѣ земель поведено было по примѣру тверского земства, т.-е. при помощи маленькихъ отчисленій изъ запаснаго земскаго капитала. Тутъ тоже долго толковать не приходится. Тверское земство даетъ 10 тысячъ рублей въ годъ, но возьмемъ даже вдвое,—20 тысячъ, и сдѣлаемъ примѣненіе опять-таки къ Курской же губерніи; тамъ земля стóитъ 150 руб. за десятину, но мы возьмемъ даже 100 рублей; крестьянъ, имѣющихъ менѣе 1 десятины на душу, въ названной губерніи, какъ выше показано, 26 тысячъ; чтобъ довести надѣлъ ихъ до нормальнаго нужно каждому прибавить 2 десятины, чтò стóитъ 200 рублей; стало быть на все 20-тысячное земское отчисленіе можно помочь въ годъ *ста* душамъ, а такъ какъ крестьянъ съ самыми мелкими надѣлами въ губерніи 26 тысячъ, то помощь имъ однимъ только будетъ достигнута ровно въ 260 лѣтъ. Превосходная мысль! Что же это такое? Шутки въ серьёзномъ дѣлѣ? Кого это убѣдитъ подобная аргументація „во имя народа"? Прикиньте тотъ же разсчетъ къ другимъ губерніямъ, между прочимъ, къ степнымъ, гдѣ и по признанію г. Самарина очень много „четвертныхъ" надѣловъ, и гдѣ земли тоже вздорожали—что выйдетъ?

Отклоненіе возможнаго къ близкому осуществленію для того, чтобы о чемъ то „лучшемъ" лишь „поговорить"—впрочемъ встрѣчается у насъ часто, и пріемъ этотъ не новъ. Нѣчто подобное мы видимъ и въ слѣдующемъ мѣстѣ статьи г. Самарина: „улучшеніе крестьянскаго самоуправленія, устройство кратко-срочнаго движимаго кредита для противодѣйствія ростовщичеству, организація благотворительности для оказанія помощи крестьянамъ, когда ихъ постигаетъ какое-либо бѣдствіе или несчастіе,—всѣ эти и многія другія мѣры

должны имѣть болѣе общее значеніе въ дѣлѣ улучшенія быта крестьянъ, чѣмъ содѣйствіе къ расширенію крестьянскихъ надѣловъ". Мы видимъ тутъ много „хорошихъ словъ", однако, все-таки это — слова, слова и слова. Знакомые съ нашею „практикою" хорошо знаютъ — много-ли выходитъ дѣла отъ повторенія такихъ общихъ мѣстъ, которыя часто и приводятся только для того, чтобы отдѣлаться отъ чего-нибудь конкретнаго и существеннаго. Одно отклонимъ, другимъ поманимъ, а въ результатѣ не дадимъ ни того, ни другого. Устраивайте если сможете всѣ эти блага, да надѣловъ-то не забывайте. Во всей приведенной тирадѣ реальное только и видно въ отклоненіи „расширенія" крестьянскаго землевладѣнія; эта цѣль въ Москвѣ и достигнута, а отъ обѣщаній перечисленныхъ выше благъ мы не видимъ самыхъ микроскопическихъ результатовъ. Прошлогоднее московское губернское земское собраніе, чтобъ отдѣлаться отъ пособія расширенію крестьянскихъ надѣловъ, предложило ввести у крестьянъ „улучшенные способы хозяйства" и для этого предоставило избранной коммиссіи, *не стѣсняясь никакимъ срокомъ,* продѣлывать всяческіе опыты на надѣлахъ тѣхъ крестьянъ, которые на это согласятся. И вотъ проектъ расширенія надѣловъ проваленъ, а объ улучшеніи крестьянскаго хозяйства остались одни слова; о задуманныхъ же опытахъ ничего не слышно, не говоритъ о нихъ и самъ г. Самаринъ, хотя, кажется, онъ же и предложилъ земству эти опыты; и едва-ли мы много ошибемся, предсказавъ, что по истеченіи болѣе или менѣе значительнаго времени будетъ только возвѣщено, что или крестьяне не согласились на опыты, или что хотя при лучшемъ хозяйствѣ и получились лучшіе урожаи, но у крестьянъ все-таки нѣтъ средствъ ввести у себя лучшее хозяйство. Однако вѣдь мы и безъ того знали общее правило, что лучшее хозяйство даетъ лучшіе результаты, чѣмъ худшее —къ чему же намъ новое подтвержденіе этой истины? дѣло идетъ не объ отвлеченномъ рѣшеніи, а о практической помощи крестьянству.

Есть въ статьѣ г. Самарина еще такія мѣста, цѣль введенія которыхъ возбуждаетъ однѣ недоумѣнія. Такъ, нѣсколько разъ онъ повторяетъ опроверженіе мнѣнія, что всѣ крестьянскіе надѣлы недостаточны, упирая на слово *всѣ*, напечатанное даже курсивомъ. Кто же, въ самомъ дѣлѣ, говорилъ о *всѣхъ* надѣлахъ? кто отрицалъ, что есть у насъ и достаточные надѣлы? Развѣ предположить, что слово „всѣ" употреблено про запасъ: если докажутъ, что половина крестьянъ худо устроена, все-таки, можно будетъ сохранить смыслъ за опроверженіемъ, говоря: ну, половина же, а не *всѣ!* Если окажется хоть одинъ хорошій надѣлъ, и тогда можно будетъ опро-

вергать мнѣніе о *всѣхъ*, говоря: а все-таки не всѣ. Побѣдный тонъ статьи выражаетъ потребность кого-то разгромить—ну, и надо приписать противникамъ то, чего они не говорили, какъ приписано же имъ скрытое стремленіе обезземелить часть крестьянъ. Надо, чтобъ было кого поражать; если противники не говорятъ и не думаютъ того-то—то *должны* думать, чтобъ быть выставленными болѣе виноватыми. „Ты виноватъ ужъ тѣмъ, что хочется мнѣ кушать".—Не знаемъ, зачѣмъ еще говорится, что съ точки зрѣнія *государственныхъ интересовъ* не слѣдуетъ обезземеливать помѣщиковъ, когда этого обезземеленія никто не предлагалъ; развѣ для того, чтобъ дать кому-нибудь поводъ потрунить: когда идетъ-де рѣчь о сложномъ государственномъ вопросѣ — въ руководство предлагается одна „народная мудрость", съ устраненіемъ голоса „интеллигенціи"; а какъ только коснулось дѣло взглядовъ на помѣщичьи земли—прочь народная мудрость (на нее отчасти намекаетъ и г. Самаринъ: „Русь", № 2, стр. 11, средній столбецъ) и давай уже государственную мудрость!

Къ чему же давать поводъ къ такимъ пикантнымъ сопоставленіямъ, которыя напоминаютъ одно мѣсто въ повѣсти Квитки: изображается мачиха, которая ласково говоритъ падчерицамъ: вы, мои голубочки, принесите воды, да наколите дровъ, да сбѣгайте туда-то и туда-то; а на родную дочь грозно покрикиваетъ: что ты, поганая, сякая-такая, все возишься около печи да работаешь! Ступай, негодная, сядь, да поѣшь, да отдохни! — Скажутъ, что и тутъ выходитъ нѣчто подобное: ты, растлѣнная духомъ лжи дворянская интеллигенція—возьми себѣ землю; а ты, великій, исполненный мудрости, вѣры и лучшихъ идеаловъ, народъ, ты—можешь обойтись и безъ земельныхъ добавокъ!—Бо̀льшая послѣдовательность принципамъ, конечно, предотвратила бы подобныя сопоставленія и шутки.

Убавилъ ли г. Самаринъ своею статьею хоть одну іоту изъ того, что̀ говорилось въ доказательство крупнаго факта крестьянскаго малоземелья и въ пользу необходимости крѣпко побороться съ этой язвою, предоставимъ судить серьёзному читателю.

Отъ „Руси" мы ожидали иного отношенія къ вопросу о крестьянскомъ малоземельѣ. Мы думали, что она чутко отзовется этому народному злу, что это будетъ однимъ изъ первыхъ вопросовъ, выясненіемъ котораго она займется сочувственно, служа тѣмъ серьёзную службу народному дѣлу.

Ѳ. Воропоновъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-е февраля, 1881.

Государственный бюджетъ на 1881 годъ.—Общія соображенія.—Очеркъ нашихъ послѣднихъ финансовыхъ системъ.—Экономія, какъ основная черта новаго бюджета. — Предполагаемые доходы на 1881 г., и особенности въ пхъ вычисленіи.—Прямые налоги.—Подушная подать.—Поземельный налогъ.—Промысловый налогъ.—Питейный, табачный и сахарный акцизы. — Таможня. — Желѣзныя дороги.—Государственные расходы и долги.—Кредитные билеты.

Финансовыя затрудненія сдѣлались въ послѣднее время предметомъ особенныхъ заботъ, которыя могутъ только увеличиваться въ виду другихъ вопросовъ, какъ аграрный, хлѣбный, лѣсной, желѣзнодорожный и т. д. Всѣ начинаютъ понимать, что только благополучное разрѣшеніе этихъ вопросовъ поведетъ къ правильному построенію финансовъ. Съ другой стороны, нельзя не признать необходимости предварительныхъ финансовыхъ мѣръ для того, чтобы формы нашего землевладѣнія, кредита, сбыта и т. п. не возбуждали столькихъ жалобъ и сѣтованій какъ въ обществѣ, такъ и въ литературѣ. Развѣ возможенъ правильный поземельный налогъ, когда землевладѣніе распредѣляется такъ неблагопріятно для главной производящей массы, когда условія крестьянскаго хозяйства годъ отъ году ухудшаются, когда условія сбыта земледѣльческихъ продуктовъ противорѣчатъ здравымъ экономическимъ требованіямъ. Такое взаимодѣйствіе финансоваго строя съ другими сторонами общественно-экономической жизни Россіи часто упускалось изъ виду при обсужденіи правительственныхъ мѣръ. При оцѣнкѣ нашего финансоваго положенія, чаще всего исходятъ изъ свойственнаго намъ и не лишеннаго, впрочемъ, основанія,—стремленія порицать свои собственныя формы и учрежденія; иногда выдвигаютъ иностранныя формы, какъ достойныя безусловнаго подражанія, иногда отрѣшаются отъ государственныхъ интересовъ и принимаютъ за критерій оцѣнки интересы сословные, профессіональные и т. п.

Между тѣмъ, всѣ финансовыя нововведенія должны не столько походить на лучшіе иностранные образцы, сколько сообразоваться съ коренными условіями русской жизни. Не слѣдуетъ забывать, что русская жизнь представляетъ крайне своеобразныя явленія, которыя ставятъ въ недоумѣніе даже людей, привыкшихъ къ научнымъ объясненіямъ каждаго факта. Укажемъ для примѣра на выдержку, подобные факты: 1) у насъ, во многихъ мѣстностяхъ, при вздорожаніи жизненныхъ припасовъ, заработная плата падаетъ, вмѣсто того, чтобы повышаться, согласно выводамъ экономической науки; 2) при большомъ урожаѣ, населеніе скорѣе проигрываетъ, чѣмъ выигрываетъ; 3) при неурожаѣ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ населеніе начинаетъ питаться лучше, чѣмъ во время урожая; 4) гужевая доставка товаровъ часто обходится дешевле и совершается быстрѣе, чѣмъ по усовершенствованной паровой дорогѣ; 5) на мѣстѣ производства многіе продукты обходятся дороже, чѣмъ на мѣстѣ сбыта за нѣсколько сотъ верстъ; 6) при равномъ числѣ рабочихъ силъ, крестьянскій дворъ можетъ получить земли и 3 десятины, и 15 десятинъ; 7) получающіе огромный чистый доходъ уплачиваютъ въ государственную кассу гораздо меньше, чѣмъ лица, не получающія никакого чистаго дохода, ведущія жизнь, совершенно несвойственную подданнымъ европейскаго государства, и чуждыя всякихъ привычекъ и потребностей культурнаго общества; 8) нѣкоторые виды русскаго сырья и фабричные матеріалы доброкачественнѣе заграничныхъ, между тѣмъ ихъ утилизируютъ заграницей и возвращаютъ намъ же *въ видѣ фабрикатовъ* за тройную цѣну. Это все—особенности отрицательныя, а есть особенности и болѣе положительнаго свойства, почти неизвѣстныя Западной Европѣ: всесильное кулачество; грандіозные долговые проценты; краткосрочные займы, превращающіе свободнаго земледѣльца въ раба; невѣроятные барыши крупныхъ торговцевъ; баснословная дешевизна мѣстныхъ кустарныхъ произведеній; изумительные порядки или безпорядки (синонимы) нашихъ желѣзныхъ дорогъ; налоги, извлекающіе 50% всего заработка; отсутствіе всякаго излишка у земледѣльцевъ и промысловыхъ работниковъ; нелѣпая роскошь высшихъ классовъ и чудовищная нищета низшихъ; масса внутреннихъ золъ, угрожающихъ экономическому и нравственному благосостоянію нашего народа и проч., и проч.,—все это должно быть взвѣшено при обсужденіи преобразовательныхъ попытокъ, одобренныхъ разными коммиссіями и государственными дѣятелями... Человѣкъ, знающій Россію,—а такихъ людей, къ сожалѣнію, немного между нашими дѣятелями,—сразу объяснитъ всѣ эти явленія. Вздорожаніе жизненныхъ припасовъ увеличиваетъ предложеніе наемнаго труда. При большомъ урожаѣ цѣны понижаются

до невозможнаго предѣла, а львиная доля достается крупнымъ скупщикамъ. При хлѣбномъ недородѣ населеніе иныхъ мѣстностей обращается къ мясной, болѣе питательной пищѣ. Вслѣдствіе климатическихъ условій, подвозъ грузовъ къ желѣзнымъ дорогамъ совершается въ теченія короткаго періода времени, отъ чего, при недостаткѣ подвознаго состава и въ силу нерегулярности желѣзныхъ дорогъ, образуются залежи грузовъ, и товаръ доходитъ до мѣста назначенія чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ; средняя скорость передвиженія грузовъ съ товарными поѣздами 20—30 верстъ въ сутки (считая остановки и ожиданія). Крупные производители везутъ свои продукты въ ближайшіе центры, гдѣ цѣна выше, а на мѣстѣ, вслѣдствіе неразвитости потребленія, оставляютъ очень мало, и это малое продаютъ по цѣнамъ высшимъ. Затѣмъ бываетъ, что крестьянскій дворъ, при 1 мужской рабочей силѣ и при 6 женскихъ, получаетъ только 1 душевой надѣлъ, тогда какъ при 5-ти мужскихъ и 1 женской—5 душевыхъ надѣловъ, между тѣмъ какъ въ крестьянствѣ, при полевыхъ работахъ, женская сила почти всегда отвѣчаетъ за мужскую. Всѣмъ извѣстно, что высшіе владѣющіе классы свободны отъ прямыхъ налоговъ и отъ повинностей, между тѣмъ низшіе обременены до-нельзя. Наконецъ, передача нашего сырья заграницу для переработки зависитъ отъ недостатка предпріимчивости и технической подготовки. Все это надо имѣть въ виду, чтобы въ будущемъ не пришлось мириться съ неудачными, несогласными съ строемъ нашей жизни, реформами, какъ бы быстро и аккуратно послѣднія ни проводились. Все это должно напоминать о необходимости всестороннихъ изслѣдованій на мѣстахъ, какъ основаній для удачнаго выполненія общихъ финансовыхъ мѣръ. Въ этихъ соображеніяхъ должно найти себѣ оправданіе и новое министерство финансовъ, которое обнаружило хорошее намѣреніе воздерживаться отъ поспѣшныхъ преобразованій, а держаться на первое время одной разумной экономіи. Въ этомъ оно, безъ сомнѣнія, встрѣтитъ поддержку во всѣхъ остальныхъ вѣдомствахъ, которыя заинтересованы въ томъ, чтобы положеніе массы населенія не ухудшалось, тѣмъ болѣе, что обѣдненіе и голоданіе народа не только прямо отразится невыгодно на лицахъ, выдѣлившихся изъ народа и руководящихъ имъ, но и косвенно,—такъ-какъ плачевныя проявленія общаго оскудѣнія дадутъ новую, обильную пищу для разныхъ преувеличенныхъ толкованій. На эти соображенія можно опираться, но нельзя на нихъ успокоиться; надо работать и работать для постепенной подготовки экономическихъ улучшеній.

Прежнія министерства финансовъ также воздерживались отъ поспѣшныхъ мѣропріятій и не проводили никакихъ финансовыхъ идей.

Министерство Рейтерна старалось не простирать своихъ финансовыхъ воздѣйствій далѣе поддержки существовавшаго хозяйственнаго строя и заботилось, главнымъ образомъ, о такъ-называемомъ „поднятіи уровня производительныхъ силъ Россіи“ — выраженіе, которое говоритъ очень много и вмѣстѣ съ тѣмъ очень мало; именно—если распорядиться подобнымъ „поднятіемъ уровня“, напр., къ извѣстному сроку, съ помощію административныхъ мѣръ, то не выйдетъ ничего, а можетъ быть и хуже, чѣмъ было, такъ какъ историческій опытъ говоритъ, что прямое вмѣшательство государства въ промышленныя и земледѣльческія операціи нелогично; съ другой стороны, если это „поднятіе“ имѣть въ виду, при послѣдовательномъ проведеніи раціональныхъ отдѣльныхъ мѣръ, создающихъ новыя условія, болѣе благопріятныя для народнаго производства, тогда можно достигнуть очень многого. Министерство Рейтерна пыталось держаться послѣдняго, но проводимыя имъ общія мѣры были не всегда удачными и притомъ не были приведены въ связь съ финансовыми требованіями. Необходимость постепенныхъ финансовыхъ преобразованій не была признаваема съ должною силою; главное вниманіе было обращено на расширеніе банковаго кредита, желѣзно-дорожной сѣти, на акціонерныя компаніи и на разныя спекулятивныя предпріятія, которыя пользовались со стороны государственнаго казначейства большей поддержкою, чѣмъ какой заслуживали..

Въ послѣднее время въ обществѣ было возбуждено много напрасныхъ надеждъ и ожиданій на улучшеніе финансоваго строя. Возникла масса предположеній, часто довольно идеальныхъ; вдругъ признали необходимымъ, какъ можно скорѣе передѣлать подати и кредитныя формы, которымъ, какъ оказалось, мало помогли экономическія усовершенствованія предшествовавшаго министерства и спекулятивные подвиги вызванныхъ имъ къ жизни, новыхъ учрежденій. Нынѣшнему министерству финансовъ приходится разбираться въ этихъ вопросахъ, выбрать — какіе нужнѣе для разработки, и затѣмъ постепенно вводить новыя формы въ систему податей. Литература послѣдняго времени оказалась крайне отзывчивою на разные насущные вопросы. Газеты наши принялись разбирать самые сложные финансовые и экономическіе вопросы; сотрудникъ одной газеты, не обремененный никакими спеціальными познаніями, даже предложилъ въ цѣломъ рядѣ очерковъ болѣе сотни новыхъ налоговъ, выказавши въ этомъ случаѣ чисто русскую изобрѣтательность и смѣлость; появились десятки невѣдомыхъ дотолѣ міру финансистовъ, которые, бывъ поощряемы благими намѣреніями генерала Грейга, требовали измѣнить чуть-ли не весь податной строй

за-разъ; другіе, напротивъ, оставляли въ сторонѣ всякіе финансовые эксперименты и упорно трактовали о необходимости немедленно (!) улучшить нашу валюту, хотя изъ нихъ далеко не всѣ имѣли ясное представленіе о валютѣ, о разныхъ курсахъ, о девольваціи и т. п. тонкостяхъ. Теперь остается избрать золотую средину между этими воззрѣніями и признать, что улучшеніе валюты, обновленіе податной системы, измѣненіе кредитнаго строя, исправленіе желѣзно-дорожной организаціи и др. мѣры—должны пойти рука объ руку.

На эти и подобныя имъ размышленія наводитъ насъ разсмотрѣніе новой смѣты государственныхъ доходовъ и расходовъ на 1881 годъ. Смѣта эта во многихъ частяхъ представляетъ довольно выгодныя отличія отъ прежнихъ смѣтъ. Въ ней министерство финансовъ отказывается замаскировывать финансовые недостатки и старается выставить положеніе нашихъ финансовъ, какъ оно есть. Главное—утѣшительно то, что новая смѣта доказываетъ нѣкоторую рѣшимость вступить на путь разумной экономіи, какая возможна при теперешнемъ положеніи. Министерство финансовъ хорошо поняло, что такая экономія является первымъ неизбѣжнымъ условіемъ болѣе положительныхъ преобразованій; у него на глазахъ—краснорѣчивые факты, что въ прежнее время непредвидѣнные расходы и сверхсмѣтныя ассигновки ставили въ невозможность предпринять какое-либо существенное улучшеніе въ доходномъ бюджетѣ. Экономное настроеніе новаго министерства обнаружилось даже при составленіи самой смѣты. Именно—отдѣльныя министерства, представляя свои смѣты, не считаютъ себя призванными сокращать какіе-либо расходы, хотя бы это сокращеніе было не только необходимо, но и удобоисполнимо. Кромѣ того, въ этихъ смѣтахъ проскальзываетъ нѣкоторый оптимизмъ въ отношеніи ожидаемыхъ доходовъ. Между тѣмъ, въ настоящее время гораздо полезнѣе смотрѣть пессимистически, и отнюдь не слѣдуетъ утѣшать себя тѣмъ, что земля русская велика и обильна, что народъ русскій обладаетъ такими драгоцѣнными качествами, какъ терпѣніе и трудъ, которыя, какъ говорится, „все перетрутъ“ (будто бы), и что, такимъ образомъ, тяжелыя цѣпи, временно сковывающія экономическую дѣятельность народа, отпадутъ сами собою. Такъ думаютъ не только славянофилы, но и такъ-называемые національ-либералы наши. Правительство такъ думать не можетъ; убѣждаемое горькимъ опытомъ, оно, конечно, хорошо понимаетъ, что дѣла нельзя предоставлять естественному ходу, что полагаться на инертную силу русскаго народа, по меньшей мѣрѣ, рискованно, что надо предпринять рядъ мѣръ, способныхъ облегчать понемногу теперешній финансовый гнётъ.

При разсмотрѣніи государственной смѣты на 1881 годъ, пра-

вильнѣе будетъ прослѣдить сперва доходный бюджетъ, затѣмъ—расходный, ихъ отношеніе и, наконецъ,—государственные долги.

По смѣтамъ отдѣльныхъ министерствъ и по дополнительнымъ къ нимъ исчисленіямъ доходъ на 1881 г. представленъ въ 686 мил. 541 т. руб. Затѣмъ, въ цифрѣ этой сдѣланы измѣненія, именно: уменьшено доходовъ 35 мил. 272 т., главнымъ образомъ, по министерствамъ—финансовъ и путей сообщенія; внесено лишнихъ доходовъ 15 мил. 836 т., такъ-что получилась цифра въ 667 мил. 105 т. или на 19 мил. 436 т. меньше противъ цифры, выведенной министерствами. Главныя надбавки дохода сдѣланы: въ девять милліоновъ рублей для пошлинъ съ товаровъ, ввозимыхъ по европейской границѣ, и чрезъ таможни—иркутскую и астраханскую; въ три съ половиною милліона рублей отъ добавочныхъ сборовъ съ торговыхъ документовъ; въ 724 тыс.—отъ продажи лѣса и лѣсныхъ издѣлій. Главнѣйшія убавки дохода—десять милліоновъ 980 т. отъ отмѣны соляного акциза; десять съ половиной милліоновъ отъ питейнаго акциза; восемь милліоновъ 865 тыс. отъ поступленій въ возвратѣ расходовъ, произведенныхъ изъ желѣзно-дорожнаго фонда; одинъ милліонъ 146 т. отъ платежей по николаевской желѣзной дорогѣ; 801 т. р. отъ платежей по консолидированнымъ желѣзно-дорожнымъ облигаціямъ, 500 т. отъ табачнаго акциза (!). Наконецъ, въ министерствѣ финансовъ окончательно выработана настоящая смѣта, въ которой государственный доходъ фигурируетъ уже въ цифрѣ 628 милліоновъ 362 т. рублей, да изъ желѣзно-дорожнаго фонда предположено вынуть 64 м. 139 т. р., считая въ томъ числѣ пятьдесятъ милліоновъ 357 т. на покрытіе дефицита. Въ виду нѣкоторыхъ особенностей доходнаго бюджета 1881 года, здѣсь интересно привести сравненіе государственныхъ доходовъ по смѣтнымъ росписямъ за пять лѣтъ.

(въ милліонахъ рублей).

Обыкновенные доходы:	1877 г.	1878 г.	1879 г.	1880 г.	1881 г.
Косвенные налоги	301,0	301,6	354,6	381,2	376,6
Прямые налоги	133,6	133,3	133,3	133,4	138,0
Разные доходы.	43,3	45,8	47,6	49,8	44,9
Казенныя имущества.	29,9	27,9	27,9	28,6	33,9
Регаліи.	22,5	22,5	24,3	25,5	26,8
Доходы Кавказа	7,4	7,2	7,9	9,0	8,0
	537,8	538,3	595,5	627,4	628,4
Экстренный доходъ.	—	27,5	—	—	—
Изъ желѣз.-дорожн. фонда .	10,1	12,2	9,4	13,1	64,1
Оборотные	22,9	22,4	24,1	26,0	25,0
	33	62,1	33,5	39,1	89,1
Всего.	570,8	600,4	629,0	666,5	717,0

Болѣе всего увеличились налоги косвенные, т.-е. сборы большею частію съ непроизводительнаго потребленія; затѣмъ тѣ доходы, которые собственно и не могутъ быть считаемы за правильные рессурсы государственнаго казначейства и отчасти вводятся съ цѣлію искусственнаго забалансированія смѣты; это собственно не доходъ, а переводъ денегъ изъ одной части въ другую.

Процентное отношеніе разныхъ частей дохода, за тѣ же пять лѣтъ представляется въ слѣдующемъ видѣ.

	1877 г.	1878 г.	1879 г.	1880 г.	1881 г.
Прямые налоги.	24,2	24,1	22,4	21,2	22,2
Косвенные налоги.	56,6	56,5	59,2	61,3	60,7
Отъ казен. имущ. и регалій..	9,7	9,4	8,7	8,2	10,0
Другіе доходы	9,5	10,0	9,7	9,83	7,1
			100		
% отнош. экстр. рессурсовъ къ обыкнов. доходамъ.	6,2	11,5	5,6	6,3	14,2

Такимъ образомъ, косвенные налоги за эти 5 лѣтъ заняли болѣе видное мѣсто въ бюджетѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ экстренные доходы вошли въ бюджетъ въ большей пропорціи. Оба эти явленія нельзя считать благопріятными.

Вообще доходный бюджетъ 1881 года больше бюджета на 1880 годъ почти на одинъ милліонъ рублей. Сравнительно съ прошлымъ годомъ, главныя прибавки ожидаются: отъ налога за право торговли, таможенныхъ сборовъ, отъ пошлинъ, отъ казенныхъ имуществъ и др. Уменьшеніе предвидится по питейному сбору, по табачному и сахарному акцизамъ, по желѣзно-дорожнымъ полученіямъ, отъ отмѣны соляного акциза и др. Размѣръ и значеніе этихъ измѣненій лучше опредѣлится при отдѣльномъ разсмотрѣніи каждой статьи.

Прямые налоги ожидаются въ размѣрѣ 118 м. 752 т. р., на 118 т. менѣе противъ 1880 года, вслѣдствіе исключенія изъ оклада нѣкоторыхъ лицъ, главнымъ образомъ, инородцевъ. Прямые налоги, такимъ образомъ, остаются на той же величинѣ, вмѣсто того, чтобы повышаться, какъ это бываетъ при нормальномъ развитіи государства. Мало того—даже и предположенную цифру нельзя не признать высокою, въ виду дурного хозяйственнаго положенія Россіи, когда цѣлыя губерніи не только оказываются неоплатно-должными государственной казнѣ, но просятъ въ ссуду цѣлые милліоны рублей; возрастаніе недоимокъ—надо полагать—превзойдетъ скромныя ожиданія нашего министерства финансовъ. Притомъ, налоги эти признаны подлежащими скорѣйшей передѣлкѣ. Ихъ у насъ пять: подушный сборъ, поземельный налогъ, оброчная подать съ государственныхъ крестьянъ, сборъ съ городскихъ недвижимостей и налогъ

лѣсной. Система эта представляется въ весьма грубомъ видѣ. Переработки требуютъ болѣе всего два первые вида прямыхъ податей. Правильно построенные окладные сборы берутся съ лицъ и имуществъ по извѣстной постоянной оцѣнкѣ ихъ доходовъ. При взиманіи этихъ налоговъ требуются особыя податныя или кадастровыя книги, куда вносятся: податной капиталъ или средній размѣръ податного источника (напр., стоимость земли, дома и т. п.), затѣмъ чистый доходъ и податная единица, т.-е. извѣстная часть дохода, подлежащая обложенію; податной окладъ, т.-е. сумма, слѣдующая съ каждаго плательщика, иногда добавляется податная доля, т.-е. размѣръ налога съ каждой податной единицы; такимъ образомъ, составляются окладные листы для каждаго лица и имущества. У насъ же еще ничего подобнаго не заведено.

Подушная подать всѣми, даже завзятыми консерваторами признана устарѣлою, варварской формою; отмѣна ея въ принципѣ предрѣшена давно, и съ 1879 года дѣйствуетъ особая высшая комисія изъ 18 лицъ подъ предсѣдательствомъ министра финансовъ для замѣны этой подати другими налогами, болѣе справедливыми и удобными. Коммисіи этой поставлены были на разрѣшеніе между прочими вопросами и такіе: a) какіе именно сборы взимаются по подушной системѣ; b) какова дѣйствительная цифра этихъ сборовъ; c) всѣ ли эти сборы должны быть отмѣнены, а если не всѣ, то какіе могутъ быть сохранены и какіе измѣнены; d) слѣдуетъ ли брать вновь проектированные, взамѣнъ отмѣненныхъ сборовъ, налоги только съ тѣхъ сословій, которыя теперь подлежатъ подушной подати, или же надо выработать новые прямые налоги и съ другихъ сословій; e) при установленіи новыхъ сборовъ въ крестьянскихъ обществахъ слѣдуетъ ли оставить круговую поруку; f) слѣдуетъ ли, кромѣ всего этого, войти въ обсужденіе степени состоятельности крестьянъ ко взносу выкупныхъ платежей и неудобства круговой поруки и паспортной системы, какъ послѣдствій взиманія тѣхъ сборовъ, какіе еще останутся на крестьянскомъ сословіи; g) опредѣлять ли наименьшій размѣръ дохода, подлежащаго обложенію, съ тѣмъ, чтобы доходы, не достигающіе этого минимума, освобождались отъ обложенія. Въ самыхъ этихъ вопросахъ сквозитъ желаніе уничтожить нелѣпую преграду, отдѣляющую податные классы населенія отъ неподатныхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ построить новые налоги такимъ образомъ, чтобы они не вредили производительности отдѣльныхъ хозяйствъ, причемъ даже вводится совсѣмъ новое для Россіи понятіе о податномъ минимумѣ. Коммисія, одушевляемая, повидимому, самыми благими и вмѣстѣ съ тѣмъ передовыми стремленіями, признала подлежащими уничтоженію всѣ подушныя подати и взамѣнъ ихъ предложила налоги подоход-

ный и усадебный. Первый обнимаетъ три главныхъ объекта: 1) доходъ отъ денежныхъ капиталовъ или съ капитальной ренты, т.-е. съ дохода отъ облигацій, отъ выкупныхъ свидѣтельствъ, отъ банковыхъ билетовъ, вообще, отъ всевозможныхъ государственныхъ бумагъ и отъ всякихъ частныхъ цѣнныхъ и долговыхъ бумагъ, приносящихъ владѣльцу ихъ опредѣленные проценты; 2) чистый доходъ отъ всякихъ торговыхъ и промышленныхъ операцій, которыя и нынѣ подлежатъ особой пошлинѣ; 3) доходъ отъ личнаго труда всякаго рода, превышающій извѣстный минимумъ.

Усадебный налогъ предполагается взимать со всѣхъ находящихся внѣ городскихъ поселеній усадебъ съ имѣющимися при нихъ хозяйствами и постройками.

Отъ подробнаго разбора этихъ проектовъ пока воздержимся; надо подождать того момента, когда осуществленіе ихъ станетъ болѣе или менѣе вѣроятнымъ. Теперь-же, какъ это часто бываетъ, можно ждать контръ-проектовъ, коренныхъ измѣненій и т. п. Но, къ слову, по поводу этихъ проектовъ, нельзя не вспомнить предшествовавшаго имъ финансоваго плана, который, къ счастію, такъ и остался въ области иллюзій. Планъ этотъ родился въ мысляхъ государственнаго дѣятеля, которымъ задумана была самая простая и вмѣстѣ съ тѣмъ геніальная вещь, въ видѣ Колумбова яйца,—именно, замѣна всѣхъ окладныхъ сборовъ единымъ подоходнымъ налогомъ (impôt unique) во всей совокупности доходовъ лица, изъ какихъ-бы источниковъ эти доходы ни получались; надо замѣтить, что такой налогъ и въ новѣйшей финансовой литературѣ и въ современной финансовой практикѣ считается идеальнымъ, утопичнымъ; но это не остановило самобытный финансовый порывъ его изобрѣтателя, и для опредѣленія того, сколько даетъ такой налогъ, были произведены статистическія выкладки; наши статистики опредѣляютъ чистый доходъ всего русскаго народа въ 1.000—1.200 милліоновъ рублей, такъ что предполагаемые нашимъ финансистомъ 3% единаго налога дадутъ какихъ-нибудь тридцать, тридцать шесть милліоновъ рублей; относительная ничтожность этой цифры заставила его отказаться отъ своей идеи. Но выведенная по поводу этой идеи цифра чистаго дохода всѣхъ русскихъ гражданъ наводитъ на интересное соображеніе. Именно, положимъ, что, какъ бываетъ въ нашей статистикѣ, цифра эта меньше дѣйствительной, положимъ даже, что она меньше на 100%, или вдвое (что также случается),—тогда получимъ, исправивши погрѣшность, доходъ въ 2 — 2½ милліарда; считая налогъ, согласно послѣднимъ выводамъ финансовой науки и по лучшимъ образцамъ другихъ странъ, въ 10% чистаго дохода, получимъ только 200—250 милліоновъ рублей дохода; теперь же получается больше;

значитъ, часть государственнаго дохода, и притомъ весьма значительная, собирается въ ущербъ производительнымъ силамъ народа. Слѣдовательно, и правильныя прямыя подати, какъ лучшая форма обложенія, должны быть введены у насъ возможно скорѣе, а пока можно рекомендовать величайшую осторожность при взысканіи недоимокъ, дабы путемъ описи крестьянскаго скарба и хозяйственныхъ орудій не отнимать рессурсовъ, столь важныхъ въ это тяжелое время. Въ виду этого, бьетъ въ глаза своей странностью положеніе, усвоенное нашимъ законодательствомъ и принятое вышеупомянутою коммиссіею. Именно, при взысканіи недоимокъ полиціи предоставляется продавать тѣ *части движимаго имущества, которыя не составляютъ необходимости въ крестьянскомъ хозяйствѣ*. Интересно бы знать, какія это части; кажется, можно, безъ риска, назначить премію тому, кто укажетъ на составныя части крестьянскаго, притомъ бѣднаго обихода, составляющія для крестьянина предметъ роскоши; если тутъ и будутъ указаны предметы, то такіе, цѣнность которыхъ въ совокупности равняется ломанному грошу. Равнымъ образомъ, при составленіи окончательнаго плана подоходнаго налога надобно имѣть въ виду, чтобы оцѣнка доходовъ плательщиковъ не попала въ руки мѣстныхъ выборныхъ учрежденій: изъ опыта земскихъ учрежденій извѣстно, что преобладаніе владѣющаго класса въ земскихъ собраніяхъ повело въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ къ накопленію недоимокъ за землевладѣльцами. Такія недоимки составляютъ главную долю въ общей суммѣ земскихъ недоимокъ, и вотъ почему не такъ удобно предоставить лицамъ, запустившимъ земскія недоимки, въ нѣкоторыхъ уѣздахъ даже съ самаго учрежденія земствъ, облагать самихъ себя и своихъ знакомыхъ подоходнымъ налогомъ.

Поземельный налогъ въ нашемъ такъ называемомъ земледѣльческомъ государствѣ, играетъ самую жалкую роль, притомъ происхожденія онъ очень недавняго; до 1875 г. налогъ этотъ представлялъ часть государственнаго земскаго сбора и платился съ двухъ категорій земли, съ крестьянской и владѣльческой; съ 1875 года налогъ этотъ получаетъ особую раскладку. Всѣ губерніи по платежнымъ силамъ земли раздѣлены на 11 разрядовъ (отъ 0,14 коп. до 9,8 коп. съ десят. средн.); хотя окладъ подати — весьма умѣренный, но владѣльческія земли могли бы платить гораздо болѣе въ виду того, что а) доходъ съ нихъ обезпеченнѣе; б) онѣ свободны отъ массы другихъ платежей, обременяющихъ крестьянскую землю. Теперь поземельный налогъ даетъ около восьми милліоновъ рублей, или около десяти копѣекъ съ десятины пахатной земли, что̀ съ перваго взгляда кажется весьма страннымъ для такой страны, какъ Россія. Неразвитость этого начала обусловливается прежде всего двумя обстоятельствами: 1-е—громад-

ное большинство населенія не получаетъ никакой поземельной ренты, т.-е. чистаго дохода, извлекаемаго съ земельнаго владѣнія, благодаря извѣстнымъ выгоднымъ условіямъ; 2-е — поземельному налогу недостаетъ у насъ твердой основы, которая состоитъ, какъ извѣстно, въ подробномъ финансовомъ измѣреніи земли, въ кадастраціи. Вопросъ о кадастраціи имѣетъ для Россіи большую важность; безъ тщательнаго изученія производительности разныхъ источниковъ дохода, безъ точной оцѣнки платежныхъ силъ на мѣстѣ не можетъ быть пропорціональнаго обложенія. У насъ до сихъ поръ нѣтъ и не было систематическаго изученія податныхъ объектовъ, не было выработано нормы для оцѣнки. Что касается земель, то онѣ не оцѣнены даже съ приблизительной точностью; попытки казенной земельной оцѣнки, бывшія у насъ въ новгородской и петербургской губ., равно какъ и болѣе обстоятельныя попытки земствъ въ рязанской, самарской, черниговской и др. губ. были только пародіями на кадастръ. Кадастръ, какъ извѣстно—вещь очень сложная и дорогая; кромѣ предварительныхъ осмотровъ и тріангуляціи, каждый участокъ оцѣнивается по совокупности признаковъ доходности, принимаются во вниманіе продажныя и арендныя цѣны для оцѣнки валового дохода, взвѣшивается множество побочныхъ обстоятельствъ для оцѣнки чистаго дохода. Болѣе подробныя правила земельной оцѣнки выработаны въ 1877 году псковскимъ уѣзднымъ земствомъ, но и тамъ дошли только до раздѣленія земель на разряды по качеству почвы, а на косвенныя условія не было обращено вниманія. Поземельный налогъ у насъ замѣняется подушнымъ; распредѣленіе послѣдняго самими крестьянами внутри общины по тягламъ отчасти придаетъ ему характеръ сбора поземельнаго. Въ связи съ этимъ, при обсужденіи вопроса о замѣнѣ подушнаго сбора подоходнымъ, предположено подоходный принципъ пріурочить и къ поземельному сбору, для чего и проектированъ налогъ съ дохода отъ земель и отъ недвижимыхъ имуществъ въ городахъ и уѣздахъ; если подобный сборъ будетъ введенъ, а не останется въ области благодѣтельныхъ пожеланій, тогда существующіе налоги—поземельный и съ городскихъ недвижимостей, а также оброчная подать, нынѣ исчисляемая прямо съ земли (по $1^1/_2$—9 коп. съ десят.), будутъ отмѣнены.

Говоря объ окладныхъ сборахъ и о земледѣльческомъ населеніи, нельзя пройдти молчаніемъ и выкупные платежи. Платежи эти считаются не налогами, а временнымъ обязательствомъ; но въ сознаніи плательщиковъ, это такой же налогъ, какъ и другіе, такъ какъ неуплата его ведетъ за собою реквизицію и проч.; притомъ, при уплатѣ разныхъ сборовъ, крестьяне не сортируютъ ихъ по финансовымъ разрядамъ, а отдаютъ гуртовую сумму „подань“, куда

входятъ также и выкупные платежи; они составляютъ значительную прибавочную тяжесть въ общей суммѣ податныхъ платежей; тяжесть и неравномѣрность выкупныхъ платежей весьма понятна: оцѣнка для опредѣленія стоимости надѣловъ была произведена неточно; затѣмъ, въ теченіи 20 лѣтъ экономическія условія настолько измѣнились, что совершенно исчезло правильное соотношеніе выкупныхъ платежей съ дѣйствительными продажными и арендными цѣнами. Это доказывается очевидными фактами; въ четырехъ губерніяхъ (три западныя и одна черноземная) продажныя цѣны вдвое выше ихъ выкупной стоимости, въ пяти губерніяхъ (четыре западныхъ и одна степная) на 50—100% выше, въ четырехъ губерніяхъ (черноземныхъ, центральныхъ) на 30—50% болѣе, потомъ въ шестнадцати губерніяхъ съ 2½ м. крестьянъ-собственниковъ и съ 1½ м. временно-обязанныхъ, выкупная стоимость земель превышаетъ ихъ продажную цѣну: въ шести губерніяхъ на 50% и болѣе, въ пяти—на 30 до 50%, въ пяти—на 10 до 30%; въ эту группу входятъ самыя малоплодородныя губерніи—новгородская, вологодская, смоленская, псковская и др.; стало быть, оцѣнка здѣсь оказалась слишкомъ высокою, и недоимки представляются вполнѣ естественными. Наконецъ, въ девяти губерніяхъ съ 1½ м. крестьянъ-собственниковъ и съ 900 т. временно-обязанныхъ, разница между выкупной стоимостью и продажною цѣною не превышаетъ 10%. Вообще, средній размѣръ выкупныхъ платежей составляетъ у насъ 1 р. 87 к. съ десятины—цифра большая, сравнительно съ производительностью земли. Теперь, кажется, настало время отсрочить ихъ въ виду тяжкихъ обстоятельствъ, а затѣмъ озаботиться—какъ бы облегчить ихъ на будущее время.

Налогъ промысловый на 1881 г. исчисленъ въ 19 м. 257 т., на 4 м. 758 т. болѣе противъ 1880 года, въ томъ числѣ 3½ м. на добавочные сборы съ торговыхъ документовъ, установленные съ 1 января 1881 года; такая надбавка вполнѣ справедлива для столь эластичнаго объекта, какъ наша торговля и промышленность. Извѣстно, что наши торговцы получаютъ такой высокій процентъ, какой не извѣстенъ въ западныхъ странахъ. Начать съ того, что цѣна на наши отечественныя издѣлія въ С.-Петербургѣ или другомъ центрѣ втрое — вчетверо превышаетъ первоначальную покупную цѣну на мѣстахъ производства; наши крестьяне и кустари продаютъ свои произведенія за безцѣнокъ, а скупщики наживаютъ нерѣдко сто на сто. Крупные фабриканты и заводчики получаютъ чистаго дохода: если переработывается сырье въ полуфабрикатъ и затѣмъ получается фабрикатъ — отъ 30 до 60%, а если прямо получается фабрикатъ (напр.: набивныя фабрики), то нѣсколько меньше, отъ 20 до 35%;

хлѣботорговцы наживають до 40—50%; наглядный примѣръ этому петербургскіе торговцы, закупившіе осенью въ Рыбинскѣ рожь по 9—10 р. за четверть, и продающіе въ С.-Петербургѣ по 16—19 р. Вообще, наша торговля и промышленность въ послѣднее время развилась, чтò бы ни говорили наши пессимисты объ общемъ упадкѣ русскаго хозяйственнаго строя; строй этотъ, пошатнувшійся въ нѣкоторыхъ частяхъ, въ другихъ болѣе окрѣпъ.

Теперешній промысловый налогъ не есть налогъ на промысловую ренту, на предпринимательскую прибыль, а есть родъ пошлины, опредѣленный, фиксированный взносъ за право вести торговлю и открывать лавки. Налогъ этотъ очень тяжелъ для мелкихъ промышленниковъ и очень легокъ для крупныхъ. Обложеніе промышленности—въ формѣ ли сбора съ издѣлій, въ формѣ ли классного сбора съ дохода торговцевъ и промышленниковъ и т. п. — должно поддержать нашъ финансовый строй и уравновѣсить общую податную тяжесть, вызвавъ соразмѣрное облегченіе земледѣльческаго класса. Такимъ образомъ, налогъ этотъ ожидаетъ своего преобразованія, настоящая форма—только переходная; цифра его ничтожна въ сравненіи съ торговыми и промышленными оборотами. Въ будущемъ этотъ сборъ долженъ быстро прогрессировать; производство будетъ развиваться успѣшнѣе, когда наши кредитныя учрежденія будутъ приведены въ европейскій видъ. Эти кредитныя учрежденія сами по себѣ могли бы служить хорошимъ источникомъ государственныхъ доходовъ, и реформа ихъ есть вопросъ довольно настоятельный.

Питейный акцизъ исчисленъ въ 222 м. 843 т., на 2 м. 469 т. меньше противъ 1880 года; министерство финансовъ объясняетъ это уменьшеніе тѣмъ, что въ послѣдніе 4 мѣсяца прошлаго года акцизный доходъ упалъ вслѣдствіе неурожаевъ, а такъ какъ эта причина будетъ дѣйствовать долго, то и въ первые мѣсяцы 1881 года надо ждать болѣе скудныхъ поступленій. При всемъ томъ, акцизъ этотъ, вопреки указаніямъ финансовой теоріи, составляетъ центръ тяжести нашей финансовой системы, и при лучшемъ контролѣ могъ бы давать еще больше; теперь же, какъ извѣстно, у насъ сильно распространена безпатентная торговля и тайное винокуреніе; послѣднее особенно развито въ западныхъ губерніяхъ; корчемство же процвѣтаетъ по всей землѣ русской; даже въ Москвѣ почти всѣ овощныя и нѣкоторыя табачныя лавки производятъ торгъ водкой и пивомъ. Такія явленія не встрѣчаютъ противодѣйствія въ самомъ обществѣ, а наблюдающія лица не проявляютъ особаго усердія.

Табачный акцизъ предположенъ въ 13 м. 0,52 т., т.-е. на 975 т. менѣе прошлаго года въ виду постепеннаго уменьшенія этого дохода за послѣднее время. Табакъ—хорошій предметъ для обложенія. По-

требленіе табаку въ нашемъ народѣ возрастаетъ; даже низшій классъ отстаетъ отъ пресловутой махорки и привыкаетъ къ болѣе дорогимъ сортамъ; акцизный же доходъ не только не увеличивается, но даже падаетъ. Не доказываетъ ли это, что податная доля перешла тотъ maximum, за которымъ начинается регрессъ доходности, какъ результатъ одного изъ двухъ обстоятельствъ: сокращенія потребленія или же тайной продажи; перваго обстоятельства нѣтъ, значитъ, надо пенять на второе. Всѣмъ и каждому извѣстно, что безбандерольныя табачныя издѣлія расходятся у насъ, пожалуй, не меньше, чѣмъ оплаченныя акцизомъ, а сколько ввозится табаку контрабанднаго! Этотъ сбытъ, направленный къ явному ущербу казны, подходящій по своему юридическому характеру, подобно тайному провозу чрезъ границу пошлинныхъ товаровъ, къ понятію кражи,—этотъ-то сбытъ поощряется людьми, повидимому, образованными; значитъ, само общество въ нѣкоторыхъ случаяхъ реагируетъ противъ усилій государственнаго казначейства. Эти факты хорошо обрисовываютъ отношенія между казною и отдѣльными плательщиками. Вообще, табачный акцизъ у насъ плохо привился, бандерольный табакъ отличается у насъ своими дурными качествами. Тутъ невольно приходятъ на умъ слова извѣстнаго французскаго ученаго экономиста, П. Леруа Болье, что при высокой податной долѣ правительственная монополія въ табачномъ дѣлѣ является единственнымъ средствомъ, чтобы получать хорошій, здоровый, добросовѣстный продуктъ. Въ засѣданіяхъ германскаго парламента 1877 и 1878 гг., посвященныхъ вопросу о табачномъ налогѣ, г. Штауфенбергъ выразился: „мы, курильщики, сознаемъ только фактъ куренія, но не знаемъ, что̀ именно мы куримъ; подмѣсь разныхъ суррогатовъ настолько велика, что можно посвятить цѣлый урокъ ботаники объясненію растеній, входящихъ въ составъ нашего табаку и сигаръ; что же будетъ при возвышеніи налога!“ Между тѣмъ, во Франціи при высокомъ акцизѣ табакъ хорошаго качества, именно благодаря монополіи. Но изъ этого не слѣдуетъ, что и Россіи немедленно нужно обратиться къ подобной же системѣ. Правда, съ одной стороны, ограниченіе числа табачныхъ лавокъ и отдача ихъ, какъ во Франціи, отъ правительства въ содержаніе заслуженнымъ лицамъ, вмѣсто пособій, арендъ, земель и проч., можетъ быть, было бы лучше, но, съ другой стороны, такая система требуетъ вполнѣ централизованнаго и опытнаго персонала, а также иного рода табачной культуры.

Акцизъ съ сахара выведенъ въ 4 м. 096 т., на 1 м. 036 т. р. менѣе прошлаго года, по разсчету дѣйствительнаго поступленія этого дохода въ 1879 году и въ первой половинѣ 1880 года. Такое умень-

шеніе весьма печально, такъ какъ размѣръ потребленія сахара прямо пропорціоналенъ степени благосостоянія населенія.

Таможенный доходъ выведенъ въ 96 м. 024 т., или на 7 м. 980 т. болѣе прошлаго года; въ разсчетъ принято дѣйствительное поступленіе съ перваго октября 1879 года по первое октября 1880 года (94 м. 162 т.) съ прибавленіемъ четырехъ съ половиной милліоновъ рублей сбора, ожидаемаго съ машинъ и металловъ по новому тарифу, и 8.846,000 руб. отъ установляемаго съ нынѣшняго 1881 года 10% добавочнаго сбора съ таможенныхъ пошлинъ и усиленнаго сбора за складку иностранныхъ товаровъ въ казенныхъ таможенныхъ помѣщеніяхъ. Съ другой стороны, принято въ разсчетъ ожидаемое въ 1881 году уменьшеніе, какъ вслѣдствіе сокращенія дохода съ привозной иностранной соли (2 м. 756 т. р.)., такъ и вслѣдствіе вѣроятнаго уменьшенія въ привозѣ товара, обусловленнаго неурожаемъ и меньшимъ сравнительно съ 1879 г. вывозомъ хлѣба, а также и установленіемъ упоминаемой выше 10% набавки, вслѣдствіе чего нѣкоторые товары будутъ очищены пошлиною въ нынѣшнемъ году. Таможенный сборъ въ послѣдніе годы постоянно возрасталъ, онъ составляетъ до 14% ввоза, но, на самомъ дѣлѣ, цифру эту слѣдуетъ увеличить, ибо показанныя въ обзорѣ внѣшней торговли цифры ввоза гораздо выше дѣйствительныхъ, что можно вывести изъ простой свѣрки съ показаніями иностраннаго экспорта въ Россію. Высота этого сбора при растянутости границы вызвала у насъ усиленную контрабанду, которая съ каждымъ годомъ принимаетъ все болѣе и болѣе внушительные размѣры. Настоящая 10% набавка, представляющая какъ-бы шагъ по пути протекціонизма, вызвана не столько покровительственными соображеніями, сколько необходимостью возмѣстить убыль казны отъ отмѣны соляного налога; но соляной налогъ вовсе не представлялъ собою замѣтной величины въ русскомъ бюджетѣ, и его значеніе было искусственно поднято печатью, обратившей на него, по многимъ причинамъ, о которыхъ говорить здѣсь не мѣсто, особое вниманіе; соляной вопросъ былъ въ теченіи 20 лѣтъ разсмотрѣнъ насквозь, и министерство финансовъ могло бы успокоиться на томъ, что потеря 1/70 государственнаго дохода вознаградится съ избыткомъ нѣкоторымъ улучшеніемъ здоровья населенія, скотоводства и другихъ сторонъ, давно уже взвѣшенныхъ и разобранныхъ въ административныхъ сферахъ и въ печати, такъ что, пожалуй, нѣтъ надобности изыскивать новые сборы для пополненія образовавшейся пустоты въ балансѣ. При установленіи таможенной надбавки, имѣлось, конечно, въ виду, что русское производство расширится, и праздныя рабочія руки найдутъ себѣ приложеніе, а это такъ важно въ настоящую трудную минуту. Ино-

странные товары, какъ болѣе дорогіе, будутъ менѣе требоваться и потому, что приходится болѣе удѣлять на жизненные припасы, но эта же причина затормазила и развитіе спроса на русскіе фабрикаты. Вмѣстѣ съ тѣмъ, вслѣдствіе вздорожанія нѣкоторыхъ матеріаловъ, основныя издержки въ нѣкоторыхъ фабричныхъ отрасляхъ должны возрасти, стало быть, вздорожаютъ и русскіе товары. Съ другой стороны, надо ждать усиленія тайнаго ввоза, что въ свою очередь окажетъ давленіе на русскіе рынки. Кромѣ того, эта покровительственная надбавка имѣетъ и другія невыгодныя стороны для Россіи вообще, именно: 1) наша фабричная промышленность не настолько снабжена капиталами и техническими знаніями, чтобы, при уменьшеніи ввоза заграничныхъ товаровъ, удовлетворять усиленному спросу со стороны внутреннихъ потребителей и для этой цѣли расширять производство; къ тому же для такого расширенія все равно пришлось бы обращаться за границу за машинами, техниками, сырьемъ; 2) наши фабрики никогда не страдали сильно отъ иностранной конкурренціи, такъ какъ производили и производятъ, главнымъ образомъ, дешевые, средніе и низшіе сорта товаровъ, которые (многіе изъ нихъ, впрочемъ, выдавались и выдаются за заграничные) предназначены для употребленія низшаго и средняго классовъ, и эти классы не въ состояніи пріобрѣтать дорогіе иностранные товары, вслѣдствіе существующей и безъ того высокой пошлины. Кромѣ того, стѣснится ввозъ необходимыхъ матеріаловъ для Россіи: желѣза, пряжи, красокъ и другихъ химическихъ продуктовъ, каменнаго угля и т. под., а это не выгодно для нашихъ фабрикъ. Сельское хозяйство также всегда испытываетъ на себѣ давленіе высокаго тарифа въ силу того, что стѣснится ввозъ продуктовъ скотоводства. Можно добавить еще одно: при возвышеніи пошлины многіе товары поступаютъ на русскій рынокъ раньше обыкновеннаго и должны долго дожидаться покупщиковъ: на этомъ основаніи, къ ихъ цѣнности, кромѣ курсовой переплаты, причисляются еще проценты за то время, которое они пролежали у продавца. Эта послѣдняя невыгода въ данное время нѣсколько смягчена тѣмъ, что объявленіе о надбавкѣ вышло довольно поздно, и иностранные импортеры не успѣли до новаго года доставить въ Россію желаемаго количества товаровъ.

Такимъ образомъ, косвенные налоги составляютъ главную, хотя и не очень надежную опору нашего финансоваго строя. Въ пользу ихъ можно сказать, во-1-хъ то, что они захватываютъ лишь немногіе предметы потребленія, притомъ потребленія не необходимаго; во-2-хъ— акцизы имѣютъ сходство и съ подоходными налогами, такъ какъ тутъ каждый платитъ изъ своего потребленія, изъ расхода, сообразно дохо-

ду и своему положенію, какое позволяетъ ему сдѣлать этотъ расходъ; наконецъ, акцизъ уплачивается добровольно, просто, незамѣтно. Съ другой стороны, въ исторіи русскихъ косвенныхъ налоговъ замѣчается упорное зло: повсемѣстныя уклоненія, обходы, тайный сбытъ, корчемство и т. п. явленія, которыя, къ сожалѣнію, находятъ себѣ сочувствіе и поддержку въ обществѣ. Въ виду такой реакціи, надо быть весьма осторожнымъ при этихъ сборахъ, а, главное, надо озаботиться улучшеніемъ контрольной части. Улучшеніе это возможно только тогда, когда на мѣста наблюдателей будутъ назначаться лица съ высшимъ образованіемъ, которые теперь часто не знаютъ, куда дѣться, и избираютъ профессіи, вовсе несоотвѣтствующіе ихъ научной подготовкѣ.

Гербовый сборъ предположенъ въ 14 м. 175 т., на 1 м. 357 т. болѣе прошлаго года; кромѣ того, судебныя и канцелярскія пошлины —въ 8 м. 385 т., или на 1 м. 068 т. болѣе, въ виду возрастанія этихъ сборовъ въ послѣдніе годы. Хотя это возрастаніе и доказываетъ развитіе общественной дѣятельности, но, съ другой стороны, высокія пошлины сильно тормазятъ мелкія сдѣлки и разныя небольшія предпріятія, что въ свою очередь задерживаетъ обороты. Но и въ этой сферѣ изобрѣли способы обходить законъ, такъ-что подобныя возвышенія финансовыхъ нормъ для небольшихъ объектовъ имѣютъ отчасти деморализующее вліяніе. Область изъятій и льготъ постепенно съуживается, что и вызываетъ реакцію въ публикѣ. Правда, при спекулятивномъ настроеніи нашего рынка гербовые сборы должны увеличиться, несмотря на обходы. Но увеличеніе это идетъ не такъ быстро, какъ въ другихъ государствахъ, такъ-какъ у насъ и капиталы обращаются медленнѣе, и вексельный кредитъ не такъ устойчивъ.

Паспортный сборъ исчисленъ въ 3 м. 342 т., на 442 т. болѣе прошлаго года; на самомъ дѣлѣ, цифра эта гораздо выше, если причислить мѣстные паспортные поборы, не считая косвенныхъ убытковъ. Вообще сборъ имѣетъ характеръ поголовнаго налога; превратный по самому существу своему, для Россіи онъ особенно неудобенъ въ виду широкаго развитія отхожихъ промысловъ въ связи съ передвиженіемъ сотенъ тысячъ рабочаго люда. Казна получаетъ свои $3^1/_2$ м. р., вводя населеніе въ убытокъ вдесятеро большій. Выдача паспортовъ изъ сельскихъ обществъ сопряжена съ вопіющими поборами и притѣсненіями; изъ-за паспорта рабочій нерѣдко теряетъ $^1/_4$ всего годового заработка, что, разумѣется, невыгодно отражается на его податной способности, слѣдовательно, и на государственныхъ доходахъ. Люди, занятые вдали отъ своей родины, нерѣдко проживаются цѣлые мѣсяцы безъ работы въ ожиданіи высылки паспорта

изъ волости, которая не во всѣхъ случаяхъ можетъ похвалиться аккуратностью. Не говоримъ уже о томъ, что паспортная система даетъ поводъ къ массѣ ненужныхъ, мелочныхъ и обременительныхъ процессовъ, отвлекающихъ судъ и администрацію отъ болѣе существенныхъ обязанностей.

Сборъ съ желѣзно-дорожныхъ пассажировъ и съ багажа вычисленъ въ 8 м. 300 т., на 300 т. болѣе прошлаго года. Сборъ этотъ, самъ по себѣ неважный на ряду другихъ сборовъ, крайне неудобенъ для рабочаго класса при нашихъ разстояніяхъ, ибо поглощаетъ большую долю заработка; притомъ, благодаря этому сбору, и казна должна терять значительную долю того, что получаетъ; именно, желѣзно-дорожныя общества, указывая на вызванное этимъ налогомъ уменьшеніе числа пассажировъ, ergo и ихъ дохода, могутъ потребовать большей приплаты отъ казны по гарантіямъ; такой маневръ понятенъ тому, кто знаетъ, насколько вѣрны дѣйствительности наши желѣзно-дорожные отчеты. При теперешнихъ, ненормальныхъ отношеніяхъ желѣзныхъ дорогъ къ государству, едва-ли можно оправдать существованіе этого налога.

Почтовый доходъ вычисленъ въ 14 м. 060 т., а телеграфный въ 7 м. 096 т.; первый на 684 т., а второй на 100 т. р. болѣе противъ прошлаго года, въ виду постояннаго въ послѣдніе годы возрастанія этихъ сборовъ, съ принятіемъ въ разсчетъ временнаго уменьшенія телеграфнаго дохода, вслѣдствіе пониженія въ текущемъ году телеграфной платы за депеши. Противъ правильности этого сбора ничего возразить нельзя. Наше правительство поступаетъ въ отношеніи почтъ весьма раціонально и даже приноситъ такія жертвы, какихъ не бываетъ въ другихъ странахъ: такъ, оно приплачиваетъ $6^1/_2$ м. р. въ годъ за содержаніе на станціяхъ лошадей для почтъ и проѣзжающихъ. Почтовый доходъ могъ бы быть еще больше, если бы не мѣшали: 1) недостаточное число почтовыхъ станцій; 2) затрудненія при пересылкѣ и полученіи мелкихъ суммъ денегъ, что подаетъ поводъ къ уклоненіямъ, довольно рискованнымъ (пересылка денегъ въ простыхъ и заказныхъ письмахъ); 3) наша почта еще не успѣла внушить публикѣ полнаго довѣрія, почему деньги и болѣе важныя письма зачастую посылаются съ оказіей; 4) неустройство путей и частыя задержки, особенно въ сношеніяхъ съ окраинами, что сильно вредитъ болѣе дѣятельному почтовому обмѣну. Доходъ телеграфнаго вѣдомства могъ бы быть еще выше, если бы не высота тарифа. Пора уже подумать о его пониженіи, чтобы телеграфы, какъ и почты, явились проводниками производительныхъ сношеній.

Что касается казенныхъ имуществъ, то они даютъ государству очень мало, несмотря на ихъ неизмѣримость; доходъ съ казенныхъ

земель и лѣсовъ малъ до смѣшного; раздача этихъ имуществъ въ даровой надѣлъ тѣмъ крестьянскимъ обществамъ, которымъ приходится тѣсно, и которыя стремятся оставить свои родныя поля и идти въ землю обѣтованную—въ степи, на Амуръ, принесла бы казнѣ гораздо больше: этимъ путемъ она пріобрѣтетъ лишнихъ плательщиковъ; во-вторыхъ, земли, лежащія втунѣ, становятся культурными, производительными; вмѣстѣ съ тѣмъ должно быть прекращено окончательно даровое пожалованіе и продажа за безцѣнокъ казенныхъ имуществъ разнымъ лицамъ. Горное дѣло приноситъ казнѣ также весьма мало. Обиліе минераловъ въ Россіи даетъ поводъ всѣмъ патріотамъ считать ее одной изъ богатѣйшихъ странъ въ мірѣ; на эти богатства возлагаются большія надежды и публицистами, и коммерсантами, и чиновниками; на эти богатства, сокрытыя въ нѣдрахъ россійской земли, возлагалъ большія надежды бывшій министръ Грейгъ. Доходъ казны отъ горныхъ промысловъ, кромѣ сборовъ съ частныхъ заводовъ, получался, главнымъ образомъ, въ видѣ регаліи; теперь начало регальности пошатнулось, и казна постепенно передаетъ свои заводы въ частныя руки, тѣмъ болѣе, что казенный способъ неудобенъ и съ точки зрѣнія науки, и на практикѣ, ибо здѣсь не хватаетъ главнаго экономическаго стимула—собственнаго интереса. Казенные промыслы стали отдаваться частнымъ лицамъ для разработки по пониженной платѣ, безсрочно; съ усиленіемъ производительности они послужатъ источникомъ новыхъ прямыхъ налоговъ. Потому-то казна должна постепенно отчуждать свои имущества въ руки наиболѣе производительнаго класса населенія и создавать такимъ образомъ новые объекты государственныхъ доходовъ; подобная система принесла хорошіе плоды во Франціи. У насъ эта система должна быть соединена съ ограниченіемъ по отношенію къ лѣсамъ, въ виду ихъ общественной важности. Казна въ послѣднее время стала охотно продавать лѣса; продажа лѣсовъ оказалась убыточною для народнаго хозяйства, а это не могло не отразиться и на государственномъ хозяйствѣ. Скупаются казенные лѣса, по большей части, такими пріобрѣтателями, которые стараются какъ можно скорѣе вернуть капиталъ съ большими процентами, и въ результатѣ — обезлѣсеніе многихъ мѣстностей, обмеленіе рѣкъ, неправильное направленіе вѣтровъ, засухи, дороговизна топлива и другія напасти. Конечно, и расширеніе лѣсной регаліи не представляется особенно желательнымъ, тѣмъ болѣе, что казенное управленіе лѣсами не принесло пока ожидаемыхъ, обильныхъ результатовъ; но продажа лѣсовъ весьма удобно могла бы быть замѣнена долгосрочной и даже наслѣдственной арендою съ обязательствомъ поучастковой вырубки, въ связи съ правильными лѣсосѣками. Отдача въ аренду даже за самую дешевую цѣну все-

таки должна доставить казнѣ гораздо болѣе, чѣмъ теперь; если же продавать участками,—то только крестьянскимъ обществамъ, а не частнымъ промышленникамъ, притомъ уступать съ тѣмъ же обязательствомъ; такое постепенное снабженіе крестьянъ лѣсомъ подниметъ ихъ экономическій уровень, а чрезъ это и государство косвеннымъ образомъ получитъ больше, чѣмъ теперешнія жалкія 5 коп. съ десятины. Кромѣ того, казенные лѣса много терпятъ отъ множества сервитутовъ, которые требуютъ ограниченія.

Русскія желѣзныя дороги составляютъ одно изъ самыхъ жгучихъ, больныхъ мѣстъ въ нашемъ хозяйственномъ организмѣ. Онѣ, какъ показалъ опытъ многихъ лѣтъ, совершенно не удовлетворяютъ своему назначенію; государство получаетъ съ нихъ около $1^1/_2$ м. р. чистаго дохода въ то время, какъ въ рукахъ его находится около 85% всѣхъ желѣзно-дорожныхъ бумагъ; желѣзно-дорожныя же общества получаютъ 60—65 м. р. и болѣе, имѣя въ своемъ владѣніи только 15% всего количества акцій и облигацій; это превратное, почти невѣроятное явленіе объясняется тѣмъ, что 1) въ рукахъ казны осталась масса бумагъ бездоходныхъ и убыточныхъ; 2) большая часть казенныхъ доходовъ должна идти на доплату по гарантіямъ, т.-к. сумма гарантированныхъ процентовъ составляетъ до 85% всей процентной суммы, гарантію же получали тѣ общества, которыя не могли разсчитывать на значительный доходъ отъ движенія. Притомъ, правленія этихъ обществъ часто стараются тормазить движеніе по ихъ линіи, чтобы послѣдняя дала какъ можно меньше дохода, и чтобы такимъ образомъ получить казенные проценты, особенно важные для учредительскихъ акцій. Такимъ образомъ, и правительственная приплата, и желѣзно-дорожный долгъ государству ростетъ не по днямъ, а по часамъ, и его надо считать болѣе милліарда рублей серебромъ; по этому долгу казна получаетъ не болѣе 2%, что для Россіи очень мало. Вмѣстѣ съ тѣмъ падаетъ биржевая цѣна облигацій, и правительство теряетъ вдвойнѣ. На 1881 г. платежей по желѣзно-дорожнымъ облигаціямъ ожидается на 7 м. 385 т. менѣе, главнымъ образомъ въ виду ослабленія товарнаго движенія вслѣдствіе неурожая, а поступленія въ возвратъ ссудъ на 1 м. 429 т. р. менѣе, преимущественно по статьѣ поступленій слѣдующихъ отъ желѣзныхъ дорогъ въ счетъ гарантіи чистаго дохода, въ виду значительнаго упадка сборовъ желѣзныхъ дорогъ, вслѣдствіе чего по нѣкоторымъ дорогамъ чистаго дохода вовсе не ожидается, а по другимъ, если таковой и будетъ, то онъ будетъ подлежать обращенію въ запасные капиталы обществъ. Въ связи съ этимъ надо ожидать усиленной доплаты по гарантіямъ, которая поглотитъ и чистый доходъ правительства, и прихватитъ если не весь, то часть пассажирскаго налога. Это будетъ

понятно, если посмотримъ на цифры эксплуатаціи въ теченіи трехъ послѣднихъ лѣтъ.

За послѣдніе 3 года послѣ войны, за періоды 1-го января—1-е ноября:

	Длина ж. д. №	Перевезено пассажировъ (безъ воинск. чиновъ).	Товаровъ.	Выручено всего.	На версту.
1878 . .	20,083	25,368 т.	1.670,737 т. п.	176,5 м. р.	8,982 р.
1879 . .	21,101	25,256	1.739,810	170,6	8,267
1880 . .	21,226	25,569	1.614,336	151,4	7,140

Такой упадокъ движенія по желѣзнымъ дорогамъ въ теченіи двухъ послѣднихъ лѣтъ явленіе довольно знаменательное; оно одно должно вызвать энергію въ проведеніи экономическихъ улучшеній.

Кромѣ того, въ нашъ доходный бюджетъ вносятся и такія статьи, которыя не составляютъ собственно дохода, а получаются казною отъ казенныхъ же мѣстъ; внесеніе ихъ оправдывается требованіями большей ясности смѣты.

Общая сумма государственныхъ доходовъ, почти не превышающая дохода 1880 г., со временемъ, по мѣрѣ проведенія указанныхъ здѣсь мѣропріятій, должна возрастать; пока можно ограничиваться экономіей какъ въ расходахъ, такъ и въ доходахъ, дабы не обременять платежныхъ силъ низшаго класса. Болѣе существенныя измѣненія— въ будущемъ, болѣе или менѣе отдаленномъ. Съ 1-го января текущаго года министерство финансовъ разумно ограничилось слѣдующими мѣропріятіями: отмѣна соляного налога, взамѣнъ котораго постановлено: 1) взимать съ 1-го января 1881 г. дополнительный 10% сборъ съ каждаго рубля таможенныхъ пошлинъ, причитающихся съ товаровъ, 2) взимать въ двойномъ размѣрѣ платежи съ иностранныхъ товаровъ, поступающихъ въ казенныя при таможняхъ помѣщенія, и 3) ввести дополнительный сборъ съ торговыхъ документовъ.

Въ смѣтахъ отдѣльныхъ министерствъ государственные расходы на 1881 г. были исчислены довольно щедро; всего выходило 719 м. 887 т. р. Затѣмъ, было убавлено 32 м. 861 т., прибавлено вновь 26 м. 435 т., такъ что все уменьшеніе—6 м. 426 т., и расходный бюджетъ утвержденъ въ суммѣ 713 м. 462 т., не считая 4 м. р., назначенныхъ на недоборъ доходовъ.

Болѣе крупныя увеличенія расходовъ: 15 м.—на заготовку провіанта, морской и особой провизіи, $4^1/_2$ м. на проценты по вновь выпущеннымъ консолидированнымъ облигаціямъ россійскихъ желѣзныхъ дорогъ, $5^1/_2$ м.—на платежи по государственнымъ займамъ. Болѣе замѣтныя уменьшенія расхода: до 9 м.—на изготовленіе желѣзно-дорожныхъ принадлежностей и на устройство портовъ; $8^1/_2$ м.—на военныя приго-

товленія; до $4^1/_2$ м.—на строительныя работы военно-инженернаго вѣдомства; затѣмъ до $4^1/_2$ м. на работы по водянымъ и шоссейнымъ сообщеніямъ и на пособіе желѣзнымъ дорогамъ по гарантіи дохода.

Такъ какъ расходы государства выражаютъ его экономическое и политическое состояніе, притомъ у насъ къ этимъ расходамъ пріурочиваются и государственные доходы, то здѣсь интересно прослѣдить движеніе главныхъ статей расхода по смѣтнымъ росписямъ за послѣднія 5 лѣтъ:

	(Въ милл. рубл.).					Увелич. за 5 лѣтъ.	
Защита госуд-ва:	1877.	1878.	1879.	1880.	1881.	абсол.	относ.
Военн. и морск. силы	207,0	210,5	212,0	223,2	239,7	+ 32,7 м.	+ 15,9%
Госуд. хозяйство:							
Финансы и контроль.	91,2	95,8	96,5	99,1	105,9	+ 14,7 м.	+ 16,2%
Госуд. долгъ . . .	108,8	133,7	156,6	171,5	193,3	+ 85 м.	+ 78,7%
Пути сообщ. . . .	18,6	23,2	20,4	24,5	25,4	+ 6,8 м.	+ 36,6%
Гос. имущ. и конноз.	19,2	18,3	19,7	19,9	20,4	+ 1,2 м.	+ 6,8%
Внутр. администрація:							
Министст. внутр. дѣлъ.	53,2	54,1	56,9	57,5	59,7	+ 6,5 м.	+ 12,2%
Народн. образ. . .	15,7	16,0	16,3	16,8	17,4	+ 1,7 м.	+ 10,8%
Судъ	14,5	15,4	15,8	16,7	16,8	+ 2,3 м.	+ 15,9%
Духовное вѣдомство.	10,1	10,1	10,2	12,1	12,1	+ 2 м.	+ 20%
Высшія учрежденія .	11,0	11,2	11,6	11,6	10,9	—	—
Управл. кавказ. края	7,2	6,9	7,4	8,0	8,2	+ 1 м.	+ 13,8 м.
Внѣшнія сношенія.							
Иностр. дѣла . . .	3,0	3,1	3,4	3,4	3,6	+ 0,6 м.	+ 28%
	558,7	598,4	626,6	664,	713,5	+154,8 м.	+ 27,7%

Самое большое увеличеніе выпало на расходы менѣе желательные, на уплату процентовъ по долгамъ, на военные расходы, на постройку желѣзныхъ дорогъ; менѣе всего увеличились такіе производительные расходы, какъ на народное образованіе. Изъ всего бюджета 1881 г.—433 м. р. (60,7%) назначено на военное дѣло и на долговые платежи; 232 м. р. (32,5%) на администрацію (въ обширномъ смыслѣ), и до 50 м. р. (6,8%) на собственно производительные предметы (училища, межевая и врачебная часть, содержаніе дорогъ, регулированіе рѣкъ, лѣсоустройство и т. п.).

Процентное отношеніе важнѣйшихъ статей за то же время таково:

	1877.	1878.	1879.	1880.	1881.
Военно-мор. силы	37,1	34,8	33,8	33,6	33,6%
Государственный долгъ . .	19,4	22,0	25,0	25,8	27,1
Администрація и судъ . .	33,0	33,3	31,5	30,9	30,0
Пути сообщенія.	3,6	3,8	3,3	3,7	3,5
Государствен. имущества .	3,7	3,0	3,2	3,0	2,9
Народное образованіе. . .	2,7	2,6	2,7	2,5	2,4
Иностранныя дѣла	0,5	0,5	0,5	0,5	0,5
			100		

Относительно преобладающее мѣсто занимаетъ болѣе и болѣе государственный долгъ. На военное дѣло и на долговыя выплаты назначено 69% доходнаго бюджета (433 м. р. изъ 628 м. р.), т.-е. изъ каждаго получаемаго рубля казна отдаетъ 69 к. на уплату долговъ и на охраненіе, 34 к. на управленіе и только 7 к. на производительные расходы, содѣйствующіе развитію государственной жизни. Въ бюджетѣ частнаго лица такая пропорція способна повергнуть въ уныніе и отчаяніе; государственное же хозяйство, какъ органическая совокупность частныхъ хозяйствъ, подчиняется тѣмъ же экономическимъ законамъ, какъ и эти послѣднія.

Надо замѣтить, что военные расходы входятъ также и въ смѣты другихъ невоенныхъ вѣдомствъ; такъ, въ смѣтѣ министерства финансовъ значится 2 мил. 745 тыс. на расходы по призыву и пріему на службу въ войска; въ смѣтѣ министерства государственныхъ имуществъ 3 мил. 401 т. на орудія, снаряды и металлы, приготовляемые на горныхъ заводахъ для министерствъ военнаго и морского; въ смѣтѣ министерства внутреннихъ дѣлъ 1 мил. 650 т. на мѣстныя военныя потребности въ губерніяхъ царства польскаго; въ смѣтѣ оборотныхъ расходовъ 3 мил. 417 т.—на приготовленіе на казенныхъ горныхъ заводовъ металловъ и издѣлій, отпускаемыхъ вѣдомствамъ военному, морскому и путей сообщеній. Есть и другіе, болѣе мелкіе, расходы, которые косвенно относятся къ военному дѣлу, а попали въ смѣты не-военныя. Мало того—натуральная воинская повинность, помимо казенныхъ расходовъ, обходится народу очень дорого. Въ виду всего этого новое министерство финансовъ какъ нельзя болѣе кстати указало на необходимость сокращенія военныхъ расходовъ и поставило этотъ вопросъ на первую очередь. Сокращеніе это, если хорошо вникнуть въ дѣло, — весьма возможно; не говоримъ о томъ, насколько возможно распустить часть войскъ, стоящихъ на постоѣ, согласно Высочайше утвержденной нормальной дислокаціи, во внутреннихъ губерніяхъ,—объ этомъ лучше судить спеціалистамъ военнымъ и дипломатамъ,—но можно сдѣлать сокращеніе въ предѣлахъ существующихъ назначеній, напримѣръ—въ отопленіи, въ постройкѣ амуниціи и разныхъ вещей, въ продовольствіи и т. п.; можно для этого измѣнить подрядный способъ и отдавать работы по возможности въ первыя руки, а не барышникамъ.

Въ росписи 1881 г. по 14 статьямъ расходы увеличены противъ 1880 г. на 49 мил. 640 т., а по 4 статьямъ уменьшены на 134 т. р.

Самое большое увеличеніе—платежи по государственному долгу—на 21 мил. 801 т. р., съ одной стороны, отъ внесенія въ роспись $7^1/_2$ мил. на проценты по 2-му купону III восточнаго займа, 9 мил. 278 т. на платежи по 6-му выпуску консолидированныхъ желѣзно-

дорожныхъ облигацій, затѣмъ 3 мил. 908 т., вслѣдствіе исчисленія платежей по внѣшнимъ займамъ по курсу 25 пенс. вмѣсто 26-ти, а за округленіемъ по $1^{1}/_{2}$ р. кред. за рубль металлическій, набавлено $1^{1}/_{2}$ мил. на платежи по $4^{0}/_{0}$ металлическимъ билетамъ государственнаго банка; съ другой стороны—уменьшены, но немного, платежи по нѣкоторымъ займамъ: такимъ образомъ, придется выплатить до $5^{1}/_{2}$ мил. р. лишнихъ, благодаря удешевленію нашего кредитнаго рубля на 1 пенсъ.

По военному министерству все увеличеніе расходовъ—на 17 мил. 48 т. Прибавилось 18 м. 682 т. на провіантъ и приварокъ, вслѣдствіе возвышенія цѣнъ, которое выяснилось на торгахъ; 2 мил. 265 т. лишнихъ на денежное довольствіе войскъ, 997 т. на строительные расходы, 887 т. на помѣщенія, 1 мил. 340 т. на расходы по туркестанскому генералъ-губернаторству; уменьшились на 8 мил. 19 т. расходы по обмундированію и снаряженію вслѣдствіе зачета запасовъ, имѣющихся въ военномъ вѣдомствѣ. Весь расходъ на провіантъ и приварокъ разсчитанъ въ 55 мил. 653 т., а на фуражъ въ 19 мил. 800 т.; крупная цифра эта должна неопредѣленно возрастать, если не повысится денежный курсъ.

По министерству финансовъ увеличеніе на 7 мил. 202 т. преимущественно отъ увеличенія на 3 мил. 400 т. пособій желѣзнымъ дорогамъ по гарантіи, на 243 т. пособій разнымъ вѣдомствамъ и акціонернымъ обществамъ, на 257 т. пенсій и пособій, на 502 т. расходовъ по заготовленію государственныхъ бумагъ, на 824 т. отъ внесенія въ роспись новаго расхода на изъятіе изъ обращенія мѣдной монеты стараго чекана, на 260 т. р. кормовыхъ денегъ и фуражнаго довольствія пограничной стражи, на 694 т. на приплату курсовой разницы при размѣнѣ денегъ на финскія марки.

Вообще, вслѣдствіе низкаго курса, почти всѣ государственные расходы, какъ производимые въ кредитной валютѣ, возрасли.

Весь расходъ—674 мил. 726 т. на 51 мил. 205 т. менѣе противъ прошлаго года; доходъ 1881 г. меньше расхода на 50 мил. 356 т. этотъ дефицитъ предположено покрыть изъ желѣзно-дорожнаго фонда. На недоборъ же доходовъ назначено 4 мил. р., что нельзя не признать довольно скромнымъ ожиданіемъ, такъ какъ результаты современныхъ тугихъ обстоятельствъ еще не всѣ выразились, а должны еще отозваться и въ 1881 году, который начался при подавленныхъ курсахъ, при пассивномъ положеніи торговли и промышленности и при множествѣ обычныхъ бѣдствій, посѣщающихъ Россію.

Сопоставленіе государственныхъ расходовъ и доходовъ за послѣднія 5 лѣтъ представляетъ слѣдующее:

(въ мил. рублей)

	Доходы.	Расходы.	Дефицитъ.	Излиш.
1877	538	559	—21	
1878	600	598	—	+2
1879	629	627	—	+2
1880	666	664	—	+2
1881	667	717	—50	

Если же присовокупить разные сверхсмѣтные и экстраординарные расходы, то дефицитъ придется считать не въ одну сотню милліоновъ. Странное повтореніе въ теченіи трехъ лѣтъ сподрядъ двухмилліоннаго излишка отчасти указываетъ на искусственное сведеніе государственнаго баланса.

Государственные долги Россіи растутъ, какъ снѣжный комъ, и въ нѣсколько разъ превышаютъ государственный доходъ. Чтб сказали бы о частномъ лицѣ, у котораго, положимъ, долговъ было бы въ 6 разъ болѣе, чѣмъ его ежегоднаго дохода. По государственной кредитной смѣтѣ къ 1 январю 1881 г. числится долговъ: — 82 мил. 495 т. гульденовъ, или, по теперешнему курсу 126 цент. за рубль—64 мил. 346 т. р. кредит.; фунтовъ стерлинговъ—113 мил. 28 т., или по курсу 25 пенс.,—1078 мил. 217 т. р.; франковъ 563 мил. 204 т., или по курсу 264 сант. за рубль—214 мил. 246 т. р., и серебряныхъ рублей 1,905 мил. 522 т., или, считая серебряный рубль въ 151 коп. бумажныхъ, получимъ 2,877 мил. 338 т. р., а всего 4,234 мил. 177 т. бумажныхъ рублей; такимъ образомъ, въ отношеніи государственнаго кредита мы догоняемъ другія просвѣщенныя страны. Этотъ прогрессъ будетъ еще очевиднѣе, если къ означенной цифрѣ добавить другіе долги, не помѣщаемые въ смѣтѣ по государственному кредиту; таковы безпроцентный долгъ по государственнымъ кредитнымъ билетамъ, долгъ по выкупнымъ обязательствамъ, банковые билеты спеціальныхъ выпусковъ и долги государственнаго казначейства государственному банку по текущимъ расходамъ и по ликвидаціи старыхъ кредитныхъ учрежденій. Вообще, перечень русскихъ государственныхъ долговъ занимаетъ длинную страницу. Къ 1881 г. главныя смѣтныя категоріи представлялись въ слѣдующемъ видѣ.

	Гульд.	Фун. стер.	Фран.	Руб. сер.	Всего, мет. руб.	Всего, бум. руб.
Внѣшніе долги: срочные. . .	82,5	25,6	—	8,6	213,2	321,9
Внѣшніе долги: бессрочные.	—	19,0	—	124,2	244,1	368,8
Внутренніе	—	—	—	1622,7	1622,7	2450,2
Уплаты, подлежащ. возврату отъ общ. ж. дор.	—	68,4	563,8	150,0	723,9	1093,2
Итого	82,5	113,0	563,8	2905,5	2803,9	4234,1

Сопоставляя всѣ долги въ бумажной валютѣ, получимъ

1. Долги по смѣтѣ государственнаго кредита къ 1 январю 1881 г.	4234,1	милл.	р.
2. Выкупныя бумаги	420,8	"	"
3. Государственные кредитные билеты къ 1 декабря 1880 г. . .	1132,5	"	"
4. 5% банковые билеты	182,7	"	"
5. Долги государственнаго казначейства государственному банку .	478,1	"	"

Категоріи 1 и 3 обезпечены общими средствами государства, а 2, 4 и 5—спеціальными, почему и могутъ быть названы долгами спеціальнаго обезпеченія.

Интересно прослѣдить исторически движеніе государственнаго долга въ серебр. рубляхъ по пятилѣтіямъ; при этомъ долги „спеціальнаго обезпеченія", не имѣющіе прямого отношенія къ бюджету, можно и не считать:

Къ 1 янв.	Въ милліардахъ рублей. Государств. займы.	Ассигн.	Кредитн. билет.	Всего.	Гос. доходъ по смѣтн. росписямъ.	Относ. гос. долга къ доходу, какъ единицѣ.
1816	0,09	—	—	0,09	0,11	0,8
1821	0,13	0,64	—	0,77	0,11	6,4
1826	0,2	0,6	—	0,8	0,12	6,6
1831	0,21	0,6	—	0,81	0,12	6,7
1836	0,28	0,6	—	0,88	0,16	5,5
1841	0,29	0,6	—	0,89	0,18	4,9
1846	0,31	0,19	0,19	0,69	0,21	3,3
1851	0,47	—	0,3	0,77	0,22	3,5
1856	0,64	—	0,51	1,15	0,35	3,3
1861	0,79	—	0,71	1,5	0,41	3,6
1866	1,45	—	0,65	2,1	0,35	6,0
1871	1,47	—	0,75	2,22	0,51	4,4
1876	1,74	—	0,8	2,54	0,56	4,5
1881	2,8	—	1,13	3,93	0,63	6,3

Въ послѣднія 25 лѣтъ государственные займы возрасли въ $4^1/_2$ раза, а выпуски кредитныхъ билетовъ въ $2^{1/4}$ раза, отношеніе къ бюджету сдѣлалось менѣе благопріятнымъ.

Платежи по смѣтному государственному долгу опредѣлены въ 193 м. 337 т. р., что составляетъ 4,57% общей долговой суммы, остающейся къ 1 января 1881 года.

Русскіе займы не всегда, а въ послѣднее время рѣдко заключались на выгодныхъ условіяхъ. Правительство наше вынуждалось платить высокіе проценты и никогда не прибѣгало къ уменьшенію процентовъ (Zinsreduction), что допускается финансовою наукою, какъ логическое послѣдствіе общаго пониженія процентовъ въ странѣ съ развитіемъ ея экономическаго строя. Кромѣ того, такая подвижность процента полезна и для кредита, ибо, соразмѣряя процентъ

съ движеніемъ учета, можно, при недостаткѣ свободныхъ денегъ, задержать востребованіе вкладовъ, а черезъ это вкладная операція получитъ болѣе прочности относительно кредитныхъ билетовъ.

Невыгодность русскихъ займовъ усиливается еще тѣмъ, что большая часть ихъ помѣщена заграницей. Кромѣ того, Россія не могла ввести у себя рентныхъ займовъ, столь удобныхъ и выгодныхъ во Франціи. Такая вѣчная рента избавляетъ отъ необходимости погашать старые займы путемъ заключенія новыхъ въ неблагопріятное время, какъ это практикуется и у насъ, и въ Австріи. Правда—эта форма займа предполагаетъ твердый кредитъ, но отчего не попытаться и у насъ новые внутренніе займы заключать въ видѣ ренты.

Билеты государственнаго казначейства, или серіи представляютъ крупный текучій долгъ государства, въ 216 м. р. Долгъ этотъ неудобенъ какъ по своей цифрѣ, такъ и по условіямъ обмѣна и обращенія. По настоящему, серіи должны бы быть процентными бумагами для удобнаго помѣщенія и храненія денегъ, а онѣ уклонились отъ своего назначенія и обратились въ процентныя бумажныя деньги. Такимъ образомъ, долгъ этотъ требуетъ новой формы, болѣе удобной. Измѣненіе это надо дѣлать постепенно, такъ какъ публика привыкла къ серіямъ и охотно помѣщаетъ въ нихъ свои деньги. Вмѣсто нихъ можно выпускать мелкія процентныя бумаги, въ родѣ англійскихъ, съ болѣе короткимъ срокомъ обмѣна, притомъ на меньшую сумму, чѣмъ выпущено серій.

Къ государственнымъ долговымъ обязательствамъ слѣдуетъ причислить и долгъ правительства по выданнымъ имъ выкупнымъ бумагамъ: въ выкупномъ дѣлѣ государство производило правильную операцію земельнаго кредита. Долгъ этотъ слѣдовало бы для ясности показывать въ смѣтѣ, чтобы видно было отношеніе государственнаго казначейства къ крестьянскому вопросу, тѣмъ болѣе, что это—обязательства крупныя, принятыя государствомъ и покрываемыя изъ особыхъ окладныхъ сборовъ съ крестьянъ.

Наконецъ, правильнымъ представляется присоединить къ государственнымъ долгамъ и вклады государственнаго банка, какъ государственнаго учрежденія.

Казначейство наше, задолжавшее до пяти милліардовъ, имѣетъ и своихъ должниковъ; ему должны до милліарда желѣзн.-дорожн. общества. Для развитія желѣзно-дорожной сѣти правительство давало ссуды посредствомъ выпуска облигацій, а затѣмъ принимало за себя жел.-дор. бумаги, производило авансы и т. п. Долгъ этотъ все росъ; проценты по этимъ бумагамъ уплачивались неакуратно, и недоимки далеко превышали цифру ежегодныхъ полученій казначейства съ желѣзныхъ дорогъ, авансы не погашались, ссуды не возвра-

щались, и правительство оказалось фактическимъ владѣльцемъ бóльшей части желѣзныхъ дорогъ, хотя и не получаетъ съ нихъ почти ничего; это, такъ сказать—embarras de richesse. Притомъ желѣзнодорожныя операціи ускользаютъ отъ государственнаго контроля. Такое ненормальное отношеніе могло бы кончиться съ передачею желѣзныхъ дорогъ въ руки казны; эта операція признается за лучшую и въ теоріи, и въ практикѣ западныхъ государствъ, гдѣ есть выработанное желѣзно-дорожное законодательство, хорошо подготовленные служащіе и тщательный государственный контроль. Въ Россіи такая передача въ данный моментъ едва ли удобна; сперва надо подготовить почву, издать подробный гражданскій и уголовный кодексъ для желѣзныхъ дорогъ, подчинить ихъ строгому контролю и отвѣтственности, установить наблюденіе за ихъ расходами; этому отчасти можетъ помочь дѣйствующая подъ предсѣдательствомъ гр. Баранова высшая коммиссія, которая, между прочимъ, подняла много вопросовъ и раскрыла массу вопіющихъ злоупотребленій.

Говоря о финансахъ, нельзя обойти вопросы о кредитныхъ билетахъ и о валютѣ, столь волнующіе наше отечество.

Кредитные билеты—тяжелый долгъ правительства, хотя и безпроцентный—обходятся странѣ очень дорого. Начать съ того, что бумажное денежное хозяйство вызываетъ нѣкоторое неравновѣсіе въ положеніи отдѣльныхъ классовъ населенія и сильное колебаніе цѣнъ въ разныхъ частяхъ страны. Расходы казны и частныхъ лицъ возрастаютъ съ каждымъ крупнымъ выпускомъ бумажныхъ денегъ; деньги дешевѣютъ, а товары дорожаютъ. Правда — выпуски эти въ Россіи отчасти оправдываются тѣмъ, что при переходномъ общественномъ хозяйствѣ отъ натуральнаго къ денежному, при развитіи промышленности и торговли потребность въ деньгахъ гораздо сильнѣе, чѣмъ прежде, но и потребность эта имѣетъ предѣлъ; между тѣмъ, у насъ, несмотря на печальный примѣръ американскихъ green-backs съ принудительнымъ курсомъ, похожихъ на наши кредитки, выпущено сверхъ потребности, и такіе чрезмѣрные выпуски оказали подавляющее вліяніе на нашъ рынокъ. При принудительномъ курсѣ, какъ у насъ, цѣна благородныхъ металловъ и товаровъ поднимается соотвѣтственно паденію: уголъ паденія равенъ углу отраженія; появился лажъ на золото и серебро; такое положеніе дѣлъ существуетъ, кромѣ Россіи, въ Австріи, въ Соединенныхъ-Штатахъ и даже во Франціи. При этомъ всякій новый выпускъ бумажныхъ денегъ наноситъ ущербъ владѣльцамъ прежнихъ билетовъ, роняя стоимость послѣднихъ. Здѣсь интересно прослѣдить выпуски нашихъ кредитныхъ билетовъ съ самаго ихъ начала до послѣдняго времени по пятилѣтіямъ:

	Среднее годовое количес. (въ милл. р.)	Средній трехмѣсячн. курсъ на Лондонъ.	Металлическ. фондъ.	Отношеніе % фонда къ бум. деньгамъ.
1844—50	209,2	?	146,0	69%
1851—55	342,0	34,5	147,2	43
1856—60	672,1	36,3	144,7	22
1861—65	674,7	33,9	86,9	13
1866—70	680,7	—	112,7	16
1870—75	760,3	—	192,6	25
1876—80	992,7	25	167,6	16

Очевидно—съ умноженіемъ билетовъ безъ соотвѣтственнаго увеличенія металлическаго, обезпечивающаго размѣнъ ихъ фонда, падаетъ денежный курсъ; въ 25 лѣтъ паденіе—въ полтора раза. Притомъ наши выпуски предназначались не для развитія торговли и промысловъ, не въ силу выразившихся потребностей хозяйственнаго оборота, а, главнымъ образомъ, для финансовыхъ цѣлей, такъ что для этихъ билетовъ не было соотвѣтственнаго эквивалента въ хозяйствѣ страны; такимъ путемъ умѣрялись, но не вполнѣ устранялись временныя финансовыя затрудненія, зато создавались затрудненія постоянныя. Такія затрудненія стали особенно проявляться въ 1875 г.; до того времени бумажные выпуски покрывались въ достаточной степени и металлическимъ фондомъ, и металлическими государственными облигаціями; кризисъ 1875 г. обнаружилъ неудобства этихъ выпусковъ; изъ металлическаго банковаго фонда вынималось золото для вывоза за границу, причемъ государственный банкъ продавалъ на соотвѣтственную сумму тратты на иностранную валюту; это вызвало уменьшеніе свободныхъ капиталовъ, вздорожаніе кредита, упадокъ цѣнъ процентныхъ бумагъ и вялость въ экономической дѣятельности—что стало обычнымъ явленіемъ, которое прекратится только съ улучшеніемъ валюты; это улучшеніе стало вопросомъ дня съ тѣхъ поръ, какъ обезцѣненіе бумажныхъ рублей повлекло за собою всеобщее вздорожаніе. Исторія русской валюты доказала, что потребность въ орудіяхъ обращенія сообразуется съ размѣрами торговыхъ оборотовъ и съ наличными средствами компенсаціи (т.-е векселей, чековъ, свидѣтельствъ казначейства и т. п.),—и что сумма оборотовъ всегда нѣсколько менѣе суммы наличныхъ цѣнностей; такъ напр., изъ недвижимости въ оборотъ поступаетъ ежегодно болѣе 2—3%, товары покупаются—продаются нѣсколько разъ, особенно въ Россіи, прежде чѣмъ дойдутъ до потребителя, такъ что одна и та же сумма денегъ можетъ служить для цѣлаго ряда оборотовъ. Въ западныхъ государствахъ отношеніе средствъ об-

ращенія къ общей суммѣ оборотовъ не велико: въ Англіи около 5%, Германіи, Голландіи, Швейцаріи и Бельгіи около 10%, во Франціи—до 15%, въ Россіи, если принять сумму годового производства—конечно гадательно—въ 7000 м. р., болѣе 15%. Правда, въ Англіи можно обойтись съ небольшимъ количествомъ денегъ, ибо тамъ состоятельныя лица имѣютъ текущіе счеты у банкировъ и свои платежи производятъ ассигновками на нихъ; кромѣ того, тамъ дѣйствуетъ извѣстный Clearing-House; въ Россіи этого нѣтъ, и сумма денегъ должна быть значительнѣе. Но равновѣсіе между этой суммой и размѣрами оборотовъ все-таки необходимо, иначе надо разсчитывать на одно изъ двухъ: или на умноженіе оборотовъ, или на сокращеніе средствъ обращенія; но на значительное умноженіе оборотовъ въ Россіи разсчитывать нельзя, значитъ, остается второе. Теперь финансовыя и экономическія силы страны напряжены до nec plus ultra, а наводненіе рынка бумажными деньгами выталкиваетъ золото и серебро за границы, поднимаетъ цѣны на товаръ, понижаетъ курсъ, производитъ необезпеченность въ торговыхъ сдѣлкахъ и т. п., все это должно вызывать въ правительствѣ крайнюю осторожность и предусмотрительность въ финансовыхъ дѣлахъ. Русскія деньги встрѣчаютъ противодѣйствіе въ своемъ собственномъ изобиліи; при низкомъ курсѣ и государственный бюджетъ представляется въ другомъ свѣтѣ, государственные расходы возрастаютъ, доходы кажутся выше, чѣмъ на самомъ дѣлѣ; въ 50-хъ годахъ, при курсѣ на Лондонъ въ 38, бюджетъ въ 300 м. р. равнялся теперешнему бюджету въ 456 м. р.

Въ послѣднее время ко всѣмъ неблагопріятнымъ обстоятельствамъ присоединился еще усиленный вывозъ золота заграницу. За послѣднія 20 лѣтъ движеніе благородныхъ металловъ въ заграничной торговлѣ Россіи по пятилѣтіямъ было таково (въ мил. руб.):

Годы.	Привезено.	Вывезено.	Излиш. выв.
1861—1865	25,9	172,9	147,0
1866—1870	81,0	88,2	7,2
1871—1875	63,6	82,5	18,9
1876—1880	55,1	170,4	115,3
	225,6	514,0	288,4

Отливъ въ 20 лѣтъ 288 мил. р.; въ тотъ же періодъ добыто золота до 40 т. п. и серебра до 20 т. п., всего на сумму около 550 мил. р.; слѣдовательно, за границу утекла половина этой суммы. Въ послѣднее время монета унесена по двумъ каналамъ: 1) прямымъ вывозомъ и 2) благодаря усиленному ввозу иностранныхъ товаровъ. Если это явленіе продолжится, то кромѣ кризиса промышленнаго можно ожидать и кризиса банковаго. Дѣло въ томъ, что при недо-

статкѣ монеты для заграничныхъ расплатъ, кредиторы банковъ постараются извлечь изъ нихъ монету для платежей вмѣсто подешевѣвшихъ кредитныхъ орудій; такимъ образомъ, начнется истребованіе депозитовъ, и кассы банковъ, разсчитанныя на обыкновенныя обстоятельства, будутъ поставлены въ затрудненіе; если же банки не выполнятъ всѣхъ обязательствъ, то пріостановится и реализація обязательствъ ихъ кліентовъ передъ третьими лицами. Такой кризисъ тѣмъ болѣе возможенъ, что курсъ упорно падаетъ, не смотря на то, что турецкая война давно окончилась, и вызванные ею острые симптомы понемногу сглаживаются. Это заставило наше правительство принять рѣшительныя мѣры для сокращенія числа денежныхъ знаковъ. Недавно обнародовано рѣшеніе погашать эти знаки путемъ выпуска особыхъ долгосрочныхъ обязательствъ, что̀ равносильно обращенію безпроцентнаго государственнаго долга въ процентный. Такое превращеніе, съ одной стороны, невыгодно, такъ какъ требуетъ большой жертвы отъ правительства, но съ другой замѣняетъ теперешнія 60-копѣечные рубли болѣе солидными и устойчивыми оборотными цѣнностями. Кромѣ того, этимъ путемъ можно постепенно приближаться къ твердой металлической единицѣ; мѣры же болѣе рѣшительныя и поспѣшныя могутъ не только ускорить уже назрѣвшій кризисъ, но и вызвать новый: быстрое упраздненіе кредитной валюты поведетъ къ возвышенію процентовъ по займамъ, къ упадку публичныхъ фондовъ и цѣнъ на товары, отъ чего потерпятъ и торговля, и земледѣліе, и промышленность, и казна. Если ужъ допускать болѣзненный переходный процессъ, то надо сдѣлать его менѣе чувствительнымъ, что̀ особенно важно для теперешняго труднаго періода. Пока самая рѣшимость возвысить курсъ и постепенныя мѣры, хотя и нанесутъ убытокъ кое-кому, зато поведутъ къ постепенному возрастанію внѣшняго кредита. Нужно только, чтобы извлеченіе кредитныхъ билетовъ производилось въ связи съ регулированіемъ серій и вкладовъ. Извлеченіе удобнѣе начать съ крупныхъ билетовъ, т.-к. мелкіе нужнѣе и полезнѣе для обращенія; затѣмъ, по извлеченіи нужнаго количества, оставшіеся билеты должны быть объявлены размѣнными de facto, а не de jure только, какъ теперь, и притомъ этотъ размѣнъ долженъ имѣть мѣсто немедленно по предъявленіи; затѣмъ, когда бумажныя деньги достигнутъ al pari, тогда только можно выпускать и звонкую монету, раньше же она не удержится въ обращеніи. Для новыхъ размѣнныхъ билетовъ должно быть установлено банковое покрытіе металлическимъ фондомъ и внутренними векселями; притомъ, чтобы не держать напрасно большой металлическій запасъ, можно часть его помѣстить въ солидныя заграничныя бумаги и векселя. Но это въ будущемъ; теперь же было бы полезно

выпускать свидѣтельства государственнаго казначейства, приносящія проценты; мѣра эта, не нарушая порядка въ денежномъ обращеніи, повела бы къ постепенному устраненію лажа на золото и предохраняла вмѣстѣ съ тѣмъ отъ кризиса. Нѣкоторые предлагали девольвацію, но послѣдняя, не устраняя неизбѣжныхъ жертвъ, требуетъ для своего успѣха измѣренія дѣйствительной цѣнности и покупательной силы русскихъ бумажныхъ денегъ; да и можно ли при этомъ прослѣдить движеніе лажа и цѣнъ во времени и пространствѣ? Кромѣ того, собственность всякаго рода должна испытать потрясеніе на всемъ обширномъ пространствѣ имперіи. И способъ постепеннаго поднятія бумажныхъ денегъ до металлической валюты требуетъ жертвъ, но жертвы эти не такъ велики и могутъ быть сдѣланы ради будущаго экономическаго и финансоваго равновѣсія.

Улучшеніе валюты можетъ быть облегчено также преобразованіемъ нашихъ кредитныхъ учрежденій, начиная съ государственнаго банка. Извѣстно, что теперь большіе выпуски бумажныхъ денегъ вредно дѣйствовали на кредитъ тѣмъ, что текущіе счеты увеличивались, и банки должны были платить по нимъ проценты, тогда какъ учетно-ссудная операція вовсе не прогрессировала въ той же мѣрѣ; банки эти только тогда могутъ съ выгодою утилизировать лишнее количество бумажныхъ денегъ, когда они будутъ чисто-оборотными, подобно, напримѣръ, шотландскимъ банкамъ; но для этого необходимо измѣнить теперешнее положеніе государственнаго банка. Послѣ возстановленія денежной единицы банкъ удобно можетъ быть обращенъ въ частное учрежденіе. Вслѣдъ за нимъ, должны получить новый видъ и другія кредитныя учрежденія; ихъ теперешнія наличныя силы очень ничтожны по сравненію какъ съ ихъ оборотами, такъ и съ потребностями въ кредитѣ; это чувствуется тѣмъ сильнѣе, что нашъ коммерческій кредитъ все развертывается, не взирая на кризисъ, на недовѣріе публики, на множество слабыхъ сторонъ банковой системы и т. п.

Такимъ образомъ, наши финансовыя реформы требуютъ времени, осторожности и точныхъ свѣдѣній объ экономическомъ состояніи внутри Россіи. Теперь пока умѣстны только экономія въ расходахъ, постепенное переложеніе податной тяжести на привилегированные классы, улучшеніе денежной единицы. Извлеченіе изъ обращенія лишней части бумажныхъ денегъ упрочитъ нашу валюту, а это поведетъ за собою удешевленіе главнѣйшихъ расходныхъ статей и избавитъ въ будущемъ отъ хроническаго дефицита. Откровенное слово объ этомъ дефицитѣ должно подѣйствовать успокоительно и убѣдить въ серьёзныхъ намѣреніяхъ министерства финансовъ; кромѣ того, новая смѣта радуетъ тѣмъ, что въ ней выражается стремленіе воздер-

жаться на будущее время отъ сверхсмѣтныхъ расходовъ и прямо рекомендуется сокращеніе непроизводительныхъ военныхъ расходовъ. При этомъ можно надѣяться, что на будущее время не будетъ имѣть мѣста слишкомъ усердное пользованіе государственнымъ кредитомъ въ формѣ серій, временныхъ займовъ и т. п.; новое министерство финансовъ выразило несомнѣнную рѣшимость озаботиться изысканіемъ постоянныхъ доходовъ, а слѣдовательно, не будетъ покрывать дефициты заключеніемъ новыхъ займовъ, равносильнымъ установленію новыхъ налоговъ; затѣмъ, съ преобразованіемъ нашихъ банковъ и съ развитіемъ болѣе свободной банковой системы, у насъ понемногу водворится столь полезная для оборотовъ система банковыхъ билетовъ, чековъ и др. обезпеченныхъ оборотныхъ цѣнностей; самое движеніе этихъ цѣнностей будетъ свободнѣе съ улучшеніемъ денежной системы, съ перемѣною торговаго и банковаго законодательства, съ улучшеніемъ желѣзно-дорожнаго дѣла и пр.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ БЕРЛИНА.

12/24 января, 1881.

Назадъ или впередъ?

Съ тѣхъ поръ, какъ я вамъ писалъ въ послѣдній разъ, прошло два мѣсяца, и за это время, повидимому, произошло очень мало новаго. Пренія въ палатѣ депутатовъ, прекратившіяся передъ Рождествомъ и возобновившіяся въ началѣ этого мѣсяца, не представляютъ почти никакого интереса,—по крайней мѣрѣ, для другихъ государствъ. Кажется, будто вся политическая кровь вытекла изъ жилъ собранія. Разумѣется, при обсужденіи бюджета, не обошлось безъ нѣсколькихъ оппозиціонныхъ рѣчей; да и теперь спорятъ еще о томъ, будетъ ли принято или нѣтъ предложеніе правительства объ уменьшеніи прямыхъ налоговъ на сумму около 15-ти милліоновъ; предложеніе, посредствомъ котораго правительство думаетъ исполнить, въ извѣстной мѣрѣ, свои прежнія обѣщанія, что податная реформа Бисмарка повлечетъ за собою только перераспредѣленія, а не увеличеніе налоговъ. Именно, возбуждаетъ сомнѣніе вопросъ о дефицитѣ въ бюджетѣ, и многіе депутаты, согласно своимъ взглядамъ на правильное народное хозяйство, считаютъ невозможнымъ допустить уменьшеніе налоговъ для одной части населенія и, такимъ образомъ, сдѣлать для нея подарокъ; тогда какъ для другой части придется или увеличить налоги, или сдѣлать новый заемъ. Но, какъ это часто случается, пренія потеряли свой острый характеръ еще прежде, чѣмъ вопросъ подвергся общему обсужденію. Не дѣлая прямого упрека правительству, можно, однако, сказать, что это предложеніе было политической уверткой. Не будь его, правительство могло бы на ближайшихъ выборахъ навлечь на себя со стороны либеральной партіи обвиненіе въ неисполненіи своихъ обѣщаній и, такимъ образомъ, дать ей въ руки сильное оружіе противъ себя. Теперь же противники его очутились въ затруднительномъ положеніи; если они отклонятъ правительственное предложеніе, то это покажется съ ихъ стороны нежеланіемъ облегчить судьбу бѣднѣйшихъ классовъ. До сихъ поръ, какъ я уже сказалъ, переговоры по этому поводу между отдѣльными партіями, всегда предшествующіе общему обсужденію, не привели ни къ какому опредѣленному результату, и весьма возможно, что въ послѣднюю минуту будутъ жаркія пренія, такъ какъ на этихъ послѣднихъ засѣданіяхъ парламента будетъ возбужденъ

важный вопросъ о ближайшихъ выборахъ, вопросъ, который уже теперь господствуетъ надъ всѣми остальными. Положеніе правительства по отношенію къ центру, къ ультрамонтанской партіи не измѣнилось существенно; если въ началѣ сессіи ультрамонтанская партія и выступила, по своему обыкновенію, довольно рьяно противъ правительства, то въ послѣднее время депутатъ Виндгорстъ старался избѣгать всего, чтó могло повести къ столкновенію между его партіей и правительствомъ; теперь онъ выступилъ съ предложеніемъ, которое, повидимому, преслѣдуетъ мирную цѣль, но со стороны другихъ и можетъ быть правительственныхъ партій, будетъ, пожалуй, принято за желаніе эскамотировать, въ извѣстной степени, майскіе законы. А именно, Виндгорстъ предложилъ, чтобы церковные обряды —служеніе мессы и причащеніе — не подлежали уголовнымъ законамъ.

Безъ сомнѣнія, найдется много благомыслящихъ и благоразумныхъ людей, которые считаютъ возможнымъ предоставить полную свободу этимъ двумъ религіознымъ обрядамъ, такъ какъ ни одно постановленіе въ послѣднее время не производило на умы такого впечатлѣнія, какъ это стѣсненіе католиковъ въ ихъ религіозныхъ обрядахъ, обрядахъ, которыми они должны согласно своей вѣрѣ особенно дорожить, такъ какъ безъ нихъ не могутъ достигнуть райскаго блаженства. Напротивъ, съ другой стороны возражаютъ, что если духовенству, которое постоянно проповѣдуетъ сопротивленіе государственной власти, предоставлено будетъ право служить обѣдню и совершать таинства, то ему совсѣмъ не нужно подчиняться государственнымъ постановленіямъ и католическая церковь достигнетъ этимъ того, чего хотѣла достигнуть. Разумѣется, въ этомъ спорѣ будетъ играть роль удачное и важное соглашеніе русскаго правительства съ римской куріей, совершившееся недавно и, повидимому, произведшее здѣсь сильное впечатлѣніе. Конечно, условія Россіи и Германіи совершенно различны; отношеніе между обѣими религіями, государственной и католической, въ Россіи совершенно другое, чѣмъ здѣсь; тамъ католики составляютъ только незначительное меньшинство, тогда какъ въ Пруссіи и Германіи—добрую треть, даже почти половину населенія. Я еще возвращусь къ этому вопросу, такъ какъ онъ принимаетъ новый видъ, благодаря движенію, которое распространяется все глубже и глубже, возбуждаетъ удивленіе всего цивилизованнаго міра и все болѣе и болѣе овладѣваетъ умами; я говорю объ антисемитскомъ движеніи. Вы согласитесь, впрочемъ, что это очень щекотливый предметъ, и о немъ очень трудно говорить съ иностранцами, такъ какъ легко навлечь на себя упрекъ въ нелиберальномъ образѣ мыслей. Я очень хорошо понимаю, какое впе-

чатлѣніе должны вынести многіе русскіе читатели изъ этого дѣла, я понимаю, что они легко могутъ симпатизировать тѣмъ, чьи права стѣсняются, особенно, если стѣсняетъ ихъ не правительство, а взволнованная масса, ничѣмъ, повидимому, не вызванная на это, побуждаемая, какъ по крайней мѣрѣ думаютъ въ большинствѣ случаевъ, завистью и злобой. И однако, такой взглядъ совершенно не основателенъ и можетъ повести къ совершенно неправильной оцѣнкѣ событій. Я еще прежде указывалъ возможность ложныхъ толкованій этого движенія, и событія оправдываютъ мои указанія, такъ какъ движеніе растетъ не по днямъ, а по часамъ и, нѣкоторымъ образомъ, господствуетъ надъ политикой. Вернемся къ началу этого движенія. Я согласенъ, что быстрое усиленіе евреевъ возбудило нѣкоторую зависть и недоброжелательство; многихъ раздражаетъ огромное значеніе, пріобрѣтенное ими на биржѣ, ихъ вторженіе въ судейскую область, наконецъ, ихъ протекціи. Но теперешнее движеніе началось съ того момента, какъ придворный проповѣдникъ Штёкеръ основалъ свое христіанско-соціалистическое общество и сталъ говорить рѣчи противъ прогрессистовъ и евреевъ; эти восторженныя рѣчи нашли восторженное сочувствіе. Затѣя этого человѣка показалась въ Берлинѣ совершенно безцѣльной. До послѣдняго времени партія прогрессистовъ въ Берлинѣ не имѣла другихъ соперниковъ, кромѣ партіи соціаль-демократовъ, да и эти послѣдніе были вынуждены замолчать, хоть на время, благодаря законамъ 1878 г. и продленію осаднаго положенія. Это обстоятельство создало очень выгодное положеніе для партіи прогрессистовъ; она протестовала противъ этихъ законовъ, вотировала противъ нихъ, умыла руки въ знакъ своей невинности, не пожертвовавъ своими принципами. Законы противъ соціалистовъ были постановлены противъ ея воли и въ то же время были для нея очень полезны, такъ какъ раньше она часто терпѣла пораженія отъ соціаль-демократовъ на выборахъ, теперь же эта опасность совершенно устранялась. Проповѣдникъ Штёкеръ предпринялъ тотъ родъ христіанской реакціи, который особенно несимпатиченъ ясному и трезвому уму берлинцевъ. Старое поколѣніе этого большого города еще живо помнитъ періодъ реакціи въ началѣ царствованія короля Фридриха-Вильгельма IV, затѣмъ періодъ, слѣдовавшій за революціей 48 г. и, наконецъ, реакцію по случаю, такъ называемаго, столкновенія изъ-за военныхъ законовъ въ 1859 г. Именно, первые два случая ярче всего доказали наклонность церковнаго ума къ реакціонной политикѣ, такъ что съ этой стороны, казалось, нечего было опасаться. Это обстоятельство опредѣлило образъ дѣйствій прогрессистовъ и отдѣлившейся отъ нея либеральной партіи. Агитація Штёкера должна была быть подав-

лена всѣми орудіями ума; а къ этимъ орудіямъ, какъ извѣстно, относится и остроуміе; и вотъ *сатирическіе листки* партіи прежде всего выступили противъ Штёкера.

Какъ извѣстно, три такихъ листка занимаютъ въ Берлинѣ выдающееся положеніе. Первый изъ нихъ „Kladderadatsch“, основанный въ 1848 г., листокъ замѣчательно остроумный, но нѣсколько устарѣвшій, такъ какъ съ 1848 г. онъ совершенно не обновлялся, да и редакторы его Домъ и Лёвенштейнъ, редактирующіе листокъ уже съ 1848 г., естественно, не помолодѣли за это время; третій редакторъ, извѣстный поэтъ—юмористъ Калишъ, можетъ быть, остроумнѣйшій изъ всѣхъ, уже давно умеръ. Редакторъ, или скорѣе редакторы этого листка, равно какъ и извѣстный рисовальщикъ Вильгельмъ Шольцъ— христіане; но листокъ всегда горячо стоялъ за евреевъ, и, можетъ быть, столько же на основаніи своихъ принциповъ, сколько по личнымъ отношеніямъ, высказывался за евреевъ при всякой справедливой или несправедливой жалобѣ съ ихъ стороны и всегда злѣйшимъ образомъ преслѣдовалъ строговѣрущую, евангелическую и католическую церковь, съ ея чудесами, святыми и проч. Такъ что, съ этой стороны, разумѣется, листку нечего было ждать симпатіи и дружбы. Но листокъ отличается остроуміемъ, а также изяществомъ и совершенствомъ стиховъ и стоитъ гораздо выше двухъ другихъ листковъ, къ которымъ я теперь перейду. Именно, второй листокъ, это „Die Wespen“, юмористическое приложеніе къ „Трибунѣ“, бывшему политическому органу національ-либераловъ, а теперь перешедшему къ отщепенцамъ. Этимъ листкомъ завѣдуетъ еврей, въ теченіи 20 лѣтъ подвизавшійся на литературномъ поприщѣ въ Гамбургѣ; тамъ онъ основалъ сатирическій листокъ „Hamburger Wespen“, листокъ, который если и читался въ Гамбургѣ, то, конечно, былъ совершенно неизвѣстенъ за предѣлами этого города. Этотъ человѣкъ, по имени Штеттенгеймъ, пріѣхалъ въ Берлинъ, основалъ здѣсь свои „Wespen“ и присоединился къ „Трибунѣ“. Оба замѣчательно подходятъ другъ къ другу. Его листокъ отличается остроуміемъ; но политическіе взгляды крайне односторонни, и нельзя сказать, чтобы онъ имѣлъ значеніе для современной исторіи. Просматривая 31 или 32 томъ Кладдерадача, вы видите въ немъ отраженіе извѣстныхъ сторонъ современной исторіи; историкъ не долженъ презирать этого источника, онъ найдетъ въ немъ много, чего не встрѣтитъ въ сборникѣ актовъ и въ обыкновенныхъ газетахъ. Ничего подобнаго не представляютъ „Wespen“; это вообще листокъ очень либеральный и безпощадно осмѣивающій все нелиберальное или кажущееся таковымъ и, въ особенности какъ это принято въ Германіи, все, чтó можетъ быть заподозрѣно въ сочувствіи правительству. Перехожу теперь къ третьему листку; это „Ulk“,

юмористическое прибавленіе къ „Berliner Tagblatt“, самой популярной въ настоящее время газетѣ въ Берлинѣ. Происхожденіе этого имени слѣдующее; уже давно въ одномъ изъ вестфальскихъ городовъ существовало такъ-называемое общество „Ulk“, которое отъ времени до времени посылало почетныя грамоты лицамъ, прославившимся чѣмъ-нибудь особенно смѣшнымъ или глупымъ. Многіе считали существованіе этого общества басней и подозрѣвали, что одинъ какой-нибудь человѣкъ забавляется, печатая эти почетныя грамоты. Издатели „Tagblatt“'а два весьма ловкіе еврея, нажившіе много денегъ посредствомъ справочнаго бюро, присоединили къ своему только-что основанному òргану юмористическое приложеніе и окрестили его уже хорошо извѣстнымъ именемъ. Редактировать его они поручили Сигмунду Габеру, литератору, который сначала былъ приказчикомъ, потомъ поставилъ на сцену маленькую и, дѣйствительно, прекрасную пьеску „Ein Stündchen auf dem Comptoir“, имѣвшую успѣхъ; затѣмъ потерпѣлъ пораженіе на сценѣ, пустился на счастье въ литературу и, наконецъ, нашелъ себѣ пристанище въ этомъ сатирическомъ листкѣ. Я долженъ прибавить, что всѣ три листка имѣютъ хорошихъ рисовальщиковъ, и что въ послѣднихъ двухъ они свѣжѣе, чѣмъ рисовальщикъ Кладдерадача, Вильгельмъ Шольцъ, который не ушелъ общей участи и состарился.

Эти три листка составляли и составляютъ до настоящаго времени огромную силу. Серьёзный человѣкъ безсиленъ противъ нихъ, такъ какъ насмѣшка сильнѣе серьёзности, и тотъ, кто имѣетъ на своей сторонѣ смѣхъ, всегда одержитъ побѣду надъ своими противниками. Можно сказать, что здѣсь выступаетъ на сцену всеобщая трусость; никто не рѣшается настойчиво защищать то, чтò въ данную минуту эти листки преслѣдуютъ, изъ опасенія навлечь на себя массу насмѣшекъ и каррикатуръ; и случается, что они, сознавая свое всемогущество, не ограничиваются остротами, которыя, какъ бы онѣ ни были ядовиты, находятъ до извѣстной степени оправданіе въ самой своей формѣ и въ своемъ остроуміи, но переходятъ къ безусловнымъ грубостямъ, выдаваемымъ за остроты. Но всякій разъ, какъ проявляется такое всемогущество, въ какой бы-то ни было сферѣ, можно быть увѣреннымъ, что оно уже заключаетъ въ себѣ элементы разложенія и падетъ при первомъ толчкѣ, все равно, угрожаетъ ли Наполеонъ I завоевать весь міръ, или пара темныхъ сатирическихъ листковъ намѣревается поработить общественное мнѣніе. Я долженъ прибавить здѣсь, хотя это не относится къ моей задачѣ, что соединеніе сатирическихъ листковъ съ газетами—вещь чрезвычайно опасная; по крайней мѣрѣ здѣсь, въ Берлинѣ, оно повлекло за собой крайне вредныя послѣдствія, развращая политическій духъ. Острота во

всемъ видитъ только смѣшныя стороны и очень рѣдко можетъ быть серьёзною, подвергаясь въ этомъ случаѣ опасности быть скучной. Я помню только очень немного случаевъ, когда подобный листокъ пытался быть серьёзнымъ, и еще меньше, когда это удавалось. Острота естественно стремится отыскать во всякомъ предметѣ такую сторону, которая бы могла дать ей пищу для насмѣшекъ; такимъ образомъ, существенною чертою остроты является легкомысліе. Возьмите любой такой листокъ и, можетъ быть, на первой же страницѣ вы встрѣтите такія грубыя противорѣчія, какія немыслимы въ газетѣ. Понятно, что это дурно вліяетъ на читателей, вообще предпочитающихъ шутку сухой политикѣ, пріучая ихъ относиться къ серьёзнымъ политическимъ стремленіямъ, какъ къ забавѣ; такъ что здѣсь, въ Берлинѣ, да и въ другихъ большихъ городахъ господствуетъ безграничное равнодушіе ко всякой серьёзной политической дѣятельности и особенно къ дѣятельности парламента. Я указываю на это только, какъ на одно изъ явленій здѣшней жизни, и вовсе не хочу думать, что оно должно существовать повсюду; но полагаю, что не лишнее уяснить себѣ его послѣдствія. Особенно политическіе писатели должны, по моему мнѣнію, остерегаться отъ этого смѣшенія юмора съ политикой, получившаго примѣненіе здѣсь въ Берлинѣ въ названныхъ выше газетахъ. Повторяю еще разъ, я не возстаю противъ остроты. Острота безсмертна; это одно изъ драгоцѣннѣйшихъ дарованій человѣческаго ума; среди темной ночи политическаго рабства, въ періоды реакціи она точно молніей поражаетъ общество; ей безконечно много обязана свобода, такъ какъ она не боится никакой внѣшней силы и сама заставляетъ трепетать сильныхъ міра сего. Печально, по-моему, только смѣшеніе, о которомъ я упомянулъ выше, какъ и вообще чрезмѣрное изобиліе ремесленнаго остроумія, которое изъ года въ годъ подносится германской публикѣ.

Благодаря своему могуществу, три вышеупомянутые листка привыкли думать, что остроуміе неразрывно связано съ либерализмомъ, и что консерваторы и реакціонеры вообще неспособны къ остроумію. Это крайне нелѣпая претензія. Обратившись къ древности, мы сразу попадаемъ на Аристофана, принадлежавшаго къ партіи, которую мы назвали бы безусловно консервативной; его остроты направлены противъ демагоговъ, которые равнымъ образомъ могутъ быть названы либералами того времени. Далѣе, и въ новѣйшее время мы часто встрѣчаемъ „esprit“ и „Witz“ въ высшихъ слояхъ общества; часто остроты либерала становятся консервативными, когда онъ направляетъ ихъ на соціаль-демократовъ. Такъ, напримѣръ, въ 1848 г., когда театръ еще далеко не пользовался такимъ могуществомъ, какъ теперь, появилась въ одномъ маленькомъ театрѣ пьеса, очень

ловко осмѣивавшая бывшія тогда въ ходу коммунистическія и соціалистическія стремленія и встрѣтила общее одобреніе, хотя въ ту пору ея остроты были чисто консервативны. Справедливо, однако, что въ новѣйшее время, именно въ теченіе 20 послѣднихъ лѣтъ, консерваторамъ никогда не удавалось основать сатирическій листокъ, несмотря на многочисленныя попытки, такъ что упрекъ въ неспособности на остроуміе можно, пожалуй, считать основательнымъ. Изслѣдуя безпристрастно причины этого явленія, можно найти ихъ двѣ; во-первыхъ, есть много вещей, относительно которыхъ консерваторы не желаютъ острить, тогда какъ для либераловъ эти самыя вещи служатъ богатѣйшимъ источникомъ насмѣшекъ; во-вторыхъ, консервативная партія въ Германіи вообще имѣетъ въ себѣ что-то тяжеловѣсное, серьёзное, боязливое, совершенно не вяжущееся съ остротой, которая требуетъ свободы и живости. Кому приходится бережно относиться къ чему бы то ни было, тотъ не можетъ легко шутить и смѣяться. Сказаннаго сейчасъ не слѣдуетъ между прочимъ упускать изъ виду, если желаешь понять анти-еврейскую агитацію въ Германіи, а въ особенности въ Берлинѣ.

Итакъ, на Штёкера напустились, если можно такъ выразиться, всѣ собаки, умѣющія лаять. Его выставляли обскурантомъ, инквизиторомъ; осыпали жестокими насмѣшками и каррикатурами; при этомъ, разумѣется, приходилось плохо и христіанской религіи. Когда на человѣка нападаютъ, онъ защищается какимъ попало оружіемъ; и Штёкеръ съ друзьями, въ отвѣтъ на нападки со стороны печати, называли ее жидовскою, т.-е. прямо или косвенно руководимою жидами: какъ я выше сказалъ, это буквально справедливо только по отношенію къ „Wespen“ и „Ulk“, хотя, конечно, значительное число другихъ берлинскихъ газетъ тоже, на самомъ дѣлѣ, заправляются еврейскими писателями и издателями. Въ Австріи это развито въ еще бо́льшей степени. Этотъ аргументъ Штёкера и его друзей попалъ, дѣйствительно, на благодарную почву. Религія занимаетъ большое мѣсто въ жизни и сознаніи народовъ. Лишить народъ религіи невозможно; обратившись къ исторіи, мы видимъ, что за каждымъ періодомъ скептицизма и безвѣрія постоянно слѣдуетъ реакція, во время которой церковь снова завоевываетъ утраченную почву. Вся западная Европа, съ начала нынѣшняго столѣтія, даже вѣрнѣе сказать съ конца прошлаго, находится въ такомъ періодѣ реакціи, который начался, можно сказать, съ того момента, когда безвѣріе Франціи праздновало свой тріумфъ въ нечестивомъ актѣ низложенія Бога. Наполеонъ I до нѣкоторой степени возвратилъ религіи ея почетное мѣсто; извѣстна дальнѣйшая исторія католической реставраціи, начавшейся съ Испаніи, охватившей потомъ всю Европу и

достигшей своего апогея въ теперешней распрѣ съ церковью. Небольшіе періоды раціонализма и сомнѣнія, проскальзывающіе среди этой великой реакціи, незначительны по объему и времени и кажутся оазисами среди пустыни.

Короче сказать, всѣ тѣ, кого эти сатирическіе листки оскорбляли прежде открыто или явно, присоединялись къ людямъ, рѣшившимся выступить противъ нихъ и выказавшимъ, такимъ образомъ, большое мужество. Для человѣка, занимающаго такое высокое положеніе, какъ Штёкеръ, не бездѣлица—подвергнуть себя всевозможнымъ грубостямъ, —пусть читатели не забудутъ, что *я* вовсе не сторонникъ Штёкера и его агитаціи, но просто безпристрастный наблюдатель, желающій дать имъ вѣрную картину событій, все равно придутся ли онѣ по вкусу, или нѣтъ. Скоро оказалось, что хотя Штёкеръ въ глазахъ либераловъ въ высшей степени недостойный священникъ,—тѣмъ не менѣе, высоко даровитый и опасный человѣкъ. Впрочемъ, еще въ началѣ своей дѣятельности, онъ уже былъ избранъ въ палату депутатовъ и, благодаря своему краснорѣчію, добился извѣстнаго вліянія, хотя, какъ это часто случается съ проповѣдниками, переступилъ границы, которыхъ никогда не долженъ упускать изъ виду парламентскій ораторъ, и обнаружилъ свои слабыя стороны, которыми воспользовались потомъ его противники. Однако, несмотря на всѣ эти ошибки и промахи, онъ постоянно шелъ впередъ, чему лучшимъ доказательствомъ служитъ слѣдующее обстоятельство: либеральная партія, сомнѣваясь въ силѣ своего оружія, потребовала противъ Штёкера насильственныхъ мѣръ, т.-е. удаленія его по крайней мѣрѣ отъ должности придворнаго проповѣдника. По наиболѣе вѣрнымъ свѣдѣніямъ, дѣло, дѣйствительно, достигло до высшей инстанціи, т.-е. до короля, и весьма вѣроятно, что Штёкеру предложатъ на выборъ отказаться отъ должности придворнаго проповѣдника или прекратить свою политическую пропаганду. Пока слухи объ этомъ снова замолкли, и, говорятъ, по слѣдующей причинѣ: какъ разъ въ то время, когда дѣла Штёкера находились въ самомъ критическомъ положеніи, случилось замѣчательное происшествіе. Новое законодательство даетъ формулу присяги, не основанной спеціально на христіанской религіи, такъ что ее могутъ приносить одинаково и христіане и евреи. Между тѣмъ, случилось, что въ городѣ Виттенбергѣ какое-то евангелическое духовное лицо давало присягу передъ судомъ, и сдѣлало дополненіе къ присягѣ въ словахъ: „durch Jesum Christum“. Судья еврей объявилъ эту присягу незаконной; проповѣдникъ объявилъ, что не можетъ принести другой, и былъ подвергнутъ штрафу за непослушаніе. Случай обратилъ на себя всеобщее вниманіе, вся консервативная печать завопила о неполнотѣ присяги. Судъ этого города

поспѣшилъ исправить ошибку отдѣльнаго судьи, объявивъ принесенную присягу вполнѣ законной и избавивъ проповѣдника отъ штрафа; но впечатлѣніе отъ того не уменьшилось, и увѣряютъ, что самъ императоръ былъ пораженъ этимъ случаемъ. Справедливость послѣдняго обстоятельства подтверждается не только тѣмъ, что̀ извѣстно о характерѣ и религіозныхъ воззрѣніяхъ императора, но также и тѣмъ, что императоръ избѣгаетъ вмѣшиваться въ это движеніе, тогда какъ, напримѣръ, наслѣдный принцъ выказываетъ себя рѣшительнымъ противникомъ его и вовсе не дѣлаетъ тайны изъ своихъ убѣжденій. Консервативная партія и, если можно такъ выразиться, штёкеріанцы игнорируютъ эти факты, пользоваться которыми во всякомъ случаѣ не пристало либераламъ, всегда утверждавшимъ, что по основному пункту конституціональной политики монархъ и другія особы царствующаго дома не должны быть вовлекаемы въ парламентскіе и политическіе споры. Въ одно почти время съ агитаціей Штёкера появился консервативный, сатирическій листокъ, „Die Wahrheit", ставшій на сторону христіанъ и отчаянно напавшій на евреевъ и всё, что съ ними дружно. Я припоминаю, какъ нѣкогда, въ 1848 г. появилась „Крестовая газета". Какъ и теперь, она имѣла въ заголовкѣ крестъ, съ надписью вокругъ: „Mit Gott für König und Vaterland",—и демократы того времени смотрѣли на эту претензію редакціонной газеты, какъ на какой-то анахронизмъ и курьёзъ; никто не боялся этой газеты настолько, чтобы обратить на нее вниманіе. Тогдашняя „Крестовая газета" отличалась необыкновеннымъ упорствомъ; она не обращала вниманія на свою непопулярность, пускала въ ходъ противъ либераловъ всевозможныя, и не всегда красивыя средства и добилась-таки огромнаго успѣха, благодаря ненависти однихъ и сочувствію другихъ. Въ нѣсколько мѣсяцевъ она превратилась въ о̀рганъ, вліянія котораго никто не могъ болѣе отрицать, и въ теченіи долгихъ лѣтъ оказывала рѣшающее и, конечно, самое печальное вліяніе на дѣла.

Когда появились первые нумера „Wahrheit", наполненные, какъ я сказалъ, почти исключительно каррикатурами и остротами противъ евреевъ—рисунки были удачны, но остроты крайне плохи—либералы точно упали съ облаковъ и тотчасъ же рѣшились употребить противъ листка насиліе. Въ какомъ бы ресторанѣ ни появлялся этотъ листокъ—какъ извѣстно, одно изъ важнѣйшихъ средствъ для распространенія газеты,—евреи и ихъ либеральные друзья объявляли, что они не будутъ посѣщать этотъ ресторанъ, если въ немъ будетъ получаться этотъ листокъ; съ другой стороны, экземпляры листка исчезали, уносимые какими-то неизвѣстными руками, продавцы этой газеты подвергались насмѣшкамъ и обидамъ; словомъ, противъ газеты

былъ открытъ формальный походъ. Слѣдствіемъ было то, что число подписчиковъ листка возрастало съ недѣли на недѣлю; и если онъ еще не можетъ конкуррировать со старыми сатирическими листками, то всё же пріобрѣлъ извѣстность. Разумѣется, причина успѣха была не въ эстетическомъ его достоинствѣ; карриватуры и остроты „Wharheit“ не отличаются ни изяществомъ, ни сдержанностью. Но при всякой серьёзной политической борьбѣ неизбѣжно приходится разстаться съ перчатками и розовой водой; выступаютъ на сцену всѣ самыя дурныя страсти, и въ концѣ-концовъ побѣдителемъ остается тотъ, кто всѣхъ умнѣе и грубѣе. Итакъ, въ то время, какъ собранія, на которыхъ говорилъ Штёкеръ, росли съ каждой недѣлей,—а это знаменательный фактъ, если глава реакціи въ прогрессивномъ Берлинѣ съумѣлъ собрать вокругъ себя сходки въ 3000 и болѣе человѣкъ, и притомъ по большей части рабочихъ, и заставить ихъ внимательно слушать свои христіанскія, религіозныя воззванія, въ то время, какъ „Wahrheit“ одерживала свои первые успѣхи,—началось сильное движеніе среди студентовъ.

Я уже говорилъ о началѣ этого движенія. Либеральныя газеты сдѣлали, по-моему, крупную ошибку, обостривъ еще болѣе столкновеніе между либерализмомъ и молодежью; столкновеніе, котораго они сначала не замѣтили, а потомъ усилили тѣмъ, что превратились въ критиковъ молодежи и ея „испорченности и варварствѣ“. Это была величайшая политическая глупость. Разумѣется, молодежь не должна вообще принимать активнаго участія въ политической жизни; объ этомъ мудро позаботились законы всѣхъ странъ, ограничивъ извѣстнымъ возрастомъ право быть избраннымъ въ парламентъ, даже право участія въ выборахъ. Однако, на основаніи этого мудраго ограниченія, еще не слѣдуетъ заключать, что молодежь, и именно академическая молодежь, не должна имѣть никакого отношенія къ политической жизни и не проникаться идеями, имѣющими весьма важное значеніе для политической жизни ближайшихъ поколѣній. Я сужу объ этомъ на основаніи собственнаго опыта, такъ какъ моя молодость относится еще ко времени до 1848 г., когда правительство старалось не допустить въ гимназіи и университеты никакого вѣянія политической жизни. Учебникъ исторіи, по которому мы учились въ высшемъ классѣ гимназіи, заканчивался 1815; и я не думаю, чтобы кто-нибудь изъ насъ зналъ что-нибудь, хотя приблизительно, изъ исторіи Германіи послѣ этого года. Печать существовала только въ большихъ городахъ. Такъ называемыя преслѣдованія демагоговъ навели страхъ на родителей, такъ что они сами старались уберечь дѣтей отъ всякой политики, которая „сама по себѣ представлялась чѣмъ-то необыкновенно опаснымъ; во всякомъ случаѣ она безусловно

мѣшала хорошей карьерѣ. Въ такихъ же точно условіяхъ, какъ я, стояли и всѣ мои сверстники; нѣсколько иначе шло дѣло въ нѣкоторыхъ большихъ городахъ и въ Южной Германіи, гдѣ была развита конституціонная жизнь и политическія традиціи передавались отъ отца къ сыну. О новыхъ языкахъ въ то время мало заботились, и такимъ образомъ англійская и французская печать составляли исключительную привилегію нѣкоторыхъ образованныхъ людей, и даже здѣсь, въ Берлинѣ, нерѣдко случалось, что въ одной изъ большихъ кондитерскихъ, которыя тогда замѣняли читальни, какой-нибудь человѣкъ, знакомый съ языками, читалъ иностранную газету и переводилъ её для остальныхъ посѣтителей (извѣстный, нынѣ покойный Людвигъ Шнейдеръ долгое время исправлялъ эту обязанность въ одной изъ знаменитѣйшихъ кондитерскихъ, сборномъ пунктѣ берлинскихъ остряковъ). Слѣдствіемъ такого воспитанія было то, что мы были пропитаны духомъ древности, т.-е. по отношенію къ политикѣ чисто-республиканскимъ духомъ. Наши почтенные учителя совершенно не понимали, чтò творили, расписывая самыми яркими красками героевъ древности и вселяя въ насъ ненависть къ тираннамъ, чтò совершенно не вязалось съ вѣрноподданническими чувствами монархическаго пруссака. Вслѣдствіе этого воспитанія, юношество, которое въ 1848 г. находилось въ университетахъ или только недавно оставило университетъ, было вполнѣ республиканскимъ. Разумѣется, въ большихъ городахъ, какъ напр., въ Берлинѣ, оно находилось въ нѣсколько лучшемъ положеніи, такъ какъ здѣсь нельзя было совершенно закрыть для политическихъ вліяній доступъ въ среду молодежи. Хотя въ университетахъ еще существуютъ такъ называемыя корпораціи, вполнѣ въ старомъ стилѣ, однако, корпоративный духъ старыхъ студентовъ исчезъ въ эпоху революціи 1848 г. Послѣдствія этого односторонняго воспитанія были очень просты: большинство молодыхъ людей сдѣлались республиканцами. Странно было видѣть въ такомъ закоренѣло-монархическомъ государствѣ, какъ Пруссія, а также и въ остальной Германіи—сильнѣйшее республиканское движеніе, во главѣ котораго почти повсюду стояли студенты; извѣстно, что въ Вѣнѣ возстаніе произвели, собственно говоря, студенты; они же стояли во главѣ революціи до взятія Вѣны. Теперь совершенно забыли, что это республиканское направленіе было слѣдствіемъ всего воспитанія. Только тѣ, которые имѣли нѣкоторое понятіе о политической жизни, отдѣлились отъ своихъ неопытныхъ, жившихъ только идеалами, товарищей и стояли за конституцію, и это было тогда весьма рѣдкимъ случаемъ. Ибо, какъ я уже говорилъ выше, именно о конституціонной жизни не имѣли тогда почти никакого понятія, и правительство боялось этого направленія гораздо больше, чѣмъ

республиканскихъ идей древности, которыя, казалось, носились въ то время въ воздухѣ. Конституціонныя понятія составляли въ то время принадлежность сравнительно весьма немногихъ людей, какъ напр., тѣхъ, которые участвовали въ соединенномъ ландтагѣ 1847 г., людей, которые, занимая какое-нибудь выдающееся мѣсто, ознакомились съ великимъ европейскимъ движеніемъ по окончаніи войны за освобожденіе, изучили англійскую и французскую исторію, и учрежденія этихъ странъ желали перенести въ Германію и, въ частности, въ Пруссію. Съ теченіемъ времени о соединенномъ ландтагѣ почти совершенно забыли, а между тѣмъ онъ можетъ служить предметомъ для изученія на долгія времена; люди, которые играли выдающуюся роль въ теченіи двухъ послѣднихъ десятилѣтій, дебютировали на этомъ ландтагѣ. Какъ извѣстно, къ числу этихъ людей принадлежитъ и князь Бисмаркъ, рѣчи котораго, произнесенныя въ этомъ собраніи, впервые были вновь напечатаны не такъ давно; въ нихъ съ нѣкоторымъ удивленіемъ видишь, что этотъ человѣкъ уже тогда, правда, въ несовсѣмъ удачной формѣ, излагалъ тѣ основныя положенія, которыя потомъ осуществилъ на дѣлѣ, находясь во главѣ прусскаго государства.

Люди, которые составляли либеральную оппозицію въ соединенномъ ландтагѣ, назывались обыкновенно не конституціоналистами, а старо-либералами; и эти старо-либералы еще разъ имѣли на своей сторонѣ большинство, именно непосредственно за вступленіемъ на престолъ нынѣ царствующаго короля Вильгельма, когда во главѣ правленія стало министерство Шверинъ-Ауэрсвальда, и когда старо-либеральная партія составляла огромное большинство палаты. Конечно, это большинство разсѣялось чрезвычайно быстро при столкновеніи съ правительствомъ, благодаря важнымъ ошибкамъ своихъ вождей, которые не имѣли достаточно смѣлости, чтобы рѣшительно возстать противъ требованій правительства, и въ то же время не рѣшались признать необходимость увеличенія и реорганизаціи военныхъ силъ и, такимъ образомъ, согласиться на это требованіе. Такое колебаніе опаснѣе всего для парламентской партіи: благодаря ему, національ-либералы потерпѣли такое пораженіе въ послѣдніе годы. Тотчасъ по окончаніи революціи 1848 г., когда волны ея улеглись, явилось убѣжденіе, и по большей части среди самой молодежи, что не ея дѣло вмѣшиваться въ политическую жизнь націи, что это нужно предоставить старшимъ. Многіе отправились, т.-е. бѣжали, въ Америку, иные погибли при возстаніяхъ, многіе вытерпѣли тюремное заключеніе и надолго испортили свою карьеру. Такія вещи производятъ глубокое впечатлѣніе, и съ того времени сама молодежь воздерживалась отъ активнаго участія въ политической жизни. Это

понятно само собою, такъ что много говорить объ этомъ не нужно. Было бы, однако, ошибкой думать, что эта самая молодежь не принимаетъ участія, и притомъ живого участія, въ явленіяхъ этой жизни. Ничто не доказываетъ, чтобы молодежь не склонялась всѣмъ сердцемъ къ либерализму, который господствовалъ въ теченіе всей этой эпохи до 1878 г.; это было бы совершенно противоестественно; но молодые люди вездѣ одинаковы, они радостно и увѣренно смотрятъ въ будущее, и только горькій опытъ жизни заставляетъ ихъ признать безплодность многихъ своихъ идеаловъ, какъ говоритъ Шиллеръ:

«In den Ocean schifft mit tausend Masten der Jungling
«Still auf gerettetem Boot treibt in den Hafen der Greis.

Да, въ теченіе всей этой эпохи, молодежь раздѣляла либеральныя идеи своего времени. Вообще, трудно представить, чтобы въ какомъ-нибудь народѣ, по-крайней-мѣрѣ, въ образованномъ народѣ, молодежь могла стоять не на сторонѣ прогресса, и такъ какъ каждый знаетъ, что ей принадлежитъ будущность, то необходимо при всякихъ обстоятельствахъ считаться съ ней. Государство и церковь знаютъ это; это должны знать и партіи, и горе той партіи, которая теряетъ симпатіи молодежи. Внимательное наблюденіе могло бы показать политическимъ партіямъ, и въ особенности либеральной партіи въ Германіи, что молодежь удаляется отъ нея, не потому, чтобы чуждалась либерализма, но потому, что та форма, въ которую облекся либерализмъ въ государственной и экономической политикѣ, не соотвѣтствуетъ взглядамъ новыхъ поколѣній. Первымъ камнемъ преткновенія была экономическая политика. Извѣстно, что почти тотчасъ-же вслѣдъ за мартовской революціей 1848 г. въ Германію была пересажена изъ Англіи манчестерская школа. Образовался кружокъ даровитыхъ людей, которые съ чрезвычайнымъ талантомъ и огромнымъ успѣхомъ защищали принципы этой школы, и было такое время—трудно опредѣлить его съ точностью—когда принципъ свободной торговли до такой степени торжествовалъ въ Германіи, что отъ противуположныхъ партій остались только обломки, не пользовавшіеся никакимъ вліяніемъ и почти исчезавшіе подъ бременемъ насмѣшки. Но ничто не прочно въ мірѣ, и безусловное почитаніе манчестерскихъ принциповъ повсюду подверглось критикѣ. Яснѣе всего этотъ критическій элементъ выразился въ партіи такъ-называемыхъ „катедеръ-соціалистовъ". Въ университетахъ появились профессора политической экономіи, которые боролись противъ принциповъ манчестерской школы и распространяли свои воззрѣнія между учениками. Уже въ то время признали, что манчестерское ученіе, находившее самыхъ горячихъ защитниковъ въ представителяхъ круп-

ной торговли и крупныхъ финансовъ, весьма хромаетъ на полѣ чистой науки, и въ этомъ отношеніи ему трудно было бороться съ теоретиками каѳедры. Когда оба ученія сталкивались, побѣда всегда оставалась на сторонѣ „соціалистовъ каѳедры", и чѣмъ болѣе это входило въ сознаніе другой стороны, тѣмъ жарче разгоралась вражда между манчестерцами и катедеръ-соціалистами; противуположное послѣднимъ ученіе есть, конечно, манчестерское ученіе въ самой чистой формѣ, абсолютная свобода для каждаго человѣка, насколько это допускають уголовные законы. Въ самомъ дѣлѣ, такая программа чрезвычайно хороша, можно даже сказать, обольстительна; но противъ нея стоитъ другая программа, которая также оказываетъ могущественное вліяніе на умы. Неограниченная свобода, говоритъ катедеръ-соціализмъ, влечетъ за собою только порабощеніе слабаго сильнымъ, а потому государство должно вступиться за слабаго, и защитить его отъ сильнаго. Уже давно было извѣстно, что молодежь болѣе сочувствуетъ этой послѣдней программѣ; окончательный ударъ нанесъ гнусный и позорный періодъ спекуляцій (Gründer-und Schwindelperiode), послѣдовавшій въ первые годы послѣ войны, періодъ, который долженъ былъ произвести подавляющее впечатлѣніе на молодежь. Милліарды, о которыхъ такъ много толковали, такъ или иначе уплыли въ каналы биржи, наполнили карманы спекулянтовъ и биржевиковъ. Несомнѣнно, съ этого времени начинается упадокъ честнаго, медленнаго, основаннаго на трудѣ или торговой дѣятельности заработка, и торжествуетъ сравнительно легкая нажива всевозможными путями, которые только не ведутъ прямо на каторгу. Можно по собственному опыту знать, какое возмутительное впечатлѣніе производила повсюду наглость и грубость проходимцевъ того времени. Цѣны росли непомѣрно; чиновникъ, офицеръ, всѣ, кому приходится жить трудомъ и прилежаніемъ, были доведены почти до нищеты биржевиками, по большей части состоявшими изъ еврейской молодежи, и эта послѣдняя своимъ мотовствомъ и наглостью одинаково возмущала и возбуждала ненависть и зависть. Теперь легко говорить, что еврейскій вопросъ возбужденъ завистью и злобой. Если припомнить о тѣхъ временахъ, когда учитель или судья, можетъ быть, только послѣ долгой, долгой службы добивался оклада въ 2,000 и 3,000 марокъ, тогда какъ какой-нибудь невѣжественный конторщикъ, невѣжественный, по-крайней-мѣрѣ, сравнительно съ этими людьми, которымъ приходилось учиться и долгое время безплатно служить государству, пока удавалось получить мѣсто и содержаніе, сразу начиналъ ворочать тысячами и десятками тысячъ; если припомнить это, то легко понять, какія причины вызвали эту зависть и злобу. Разумѣется, теперь богаты только отдѣльныя лич-

ности, потому-что всѣ деньги попали въ руки биржевиковъ, а громадное большинство тѣхъ, которые пустились въ этотъ періодъ въ биржевыя операціи, потеряло и то, чтó имѣло прежде.

Имущество знатнѣйшихъ дворянъ было секвестровано; все, что только можно было продать, давнымъ-давно распродано. Зависть и ненависть, если ужъ употреблять такія грубыя выраженія, не были первой причиной такъ-называемаго гоненія евреевъ; прежде всего выступило противъ спекуляцій судейское сословіе. Въ высшей степени замѣчательно, что первый человѣкъ, положившій основаніе всѣмъ этимъ событіямъ, на которыя мы смотримъ съ такимъ изумленіемъ, былъ еврей, тоже судья, Эдуардъ Ласкеръ, который, какъ извѣстно, первый возвысилъ голось въ прусской палатѣ депутатовъ противъ разорительныхъ и мошенническихъ спекуляцій. Никто въ то время не могъ и подумать о громадныхъ послѣдствіяхъ этого заявленія. Рѣчь Ласкера расходилась въ городѣ въ тысячахъ экземпляровъ; распространилась по всей странѣ. Въ теченіи нѣсколькихъ дней или недѣль Ласкеръ былъ популярнѣйшимъ человѣкомъ Германіи, и вотъ что замѣчательно: сама биржа и ея финансисты, которые должны, казалось-бы, понять, какъ опасно для нихъ это заявленіе Ласкера, въ первое время не рѣшились даже обнаружить, что они понимаютъ это, не рѣшились возражать ему. Это понятно: Ласкеръ былъ еврей, и его слава наполнила сердца евреевъ такою гордостью, что въ первую минуту они забыли обо всемъ остальномъ; забыли и думать, что ударъ, который Ласкеръ направилъ или хотѣлъ направить противъ немногихъ аристократовъ, принимавшихъ участіе въ спекуляціяхъ, обратился въ концѣ-концовъ противъ евреевъ и биржи.

Вотъ гдѣ начало того, чтó мы видимъ теперь. Мало-по-малу Ласкеръ убѣдился, что его слова куплены дорогою цѣной, что онъ нанесъ тяжелый ударъ той партіи, къ которой самъ принадлежалъ, именно, манчестерской партіи. Онъ попытался отступить, умѣрить свои нападки, но цѣлая масса другихъ людей выступила противъ тѣхъ лицъ, на которыхъ онъ нападалъ. Судьи, которые повсюду видѣли и чувствовали наглость биржевого и финансоваго міра, оказались самыми горячими противниками всякихъ „предпринимателей“. Начались процессы, сопровождаемые крайне строгими приговорами, которые—такъ какъ человѣкъ никогда не бываетъ безпристрастнымъ, и всегда дѣйствуетъ, до извѣстной степени, подъ вліяніемъ господствующихъ идей—объясняются только направленіемъ времени. Это враждебное направленіе противъ биржи или, если хотите, противъ капитала, проявилось и въ университетахъ и удержалось среди учащейся молодежи, когда правительство вздумало снова изгнать всякое

воспоминаніе объ этомъ. Соціализмъ также старъ, какъ міръ, и если теперь правительство, въ силу закона о соціалистахъ, почти ежедневно конфискуетъ какой-нибудь летучій листокъ, выпускаемый то тамъ, то здѣсь соціаль-демократами, то въ каждой газетѣ можно постоянно открыть цѣлую кучу соціалистическихъ теорій. Загляните въ любую газету, развѣ вы не найдете въ ней извѣстій о томъ, какъ суровый хозяинъ выгоняетъ несчастнаго жильца, какъ прилежный рабочій не можетъ найти работы и т. п. Это говоритъ и консерваторъ, и либералъ, и никто не подумаетъ, что въ сущности тутъ скрывается соціализмъ, такъ какъ если хозяинъ не получаетъ платы, онъ по закону имѣетъ право выгнать жильца, который ему не платитъ. Съ партіей прогрессистовъ случилось то же самое, что съ приверженцами свободной торговли и финансистами. Всѣ три партіи оказались въ прекрасномъ положеніи, когда ихъ принципы осуществились на практикѣ, и вообразили, что остальные люди должны себя чувствовать также хорошо. Прогрессивная партія уже давно заявила, что въ настоящее время она представляетъ собственно консервативную партію, такъ какъ Бисмаркъ и его приверженцы колеблятъ конституцію, хозяйственный организмъ и т. д.; она же все это защищаетъ. Это въ значительной степени справедливо. Но эта партія воображаетъ, что всѣ ея противники—реакціонеры, возстающіе не противъ нея, но противъ свободы; между тѣмъ, весьма сомнительно, чтобы та свобода, за которую ратуетъ эта партія, была дѣйствительною свободой; прогрессисты стоятъ еще до сихъ поръ на почвѣ 1848 г., но съ тѣхъ поръ Пруссія жила чрезвычайно богатою политическою жизнью, жизнью, полною борьбы и принявшею совершенно оригинальное направленіе. Въ теченіе этого времени сдѣланы несомнѣнно огромные успѣхи въ отношеніи политической свободы; не все, но многое, чего желала прогрессивная партія, осуществилось, хотя, конечно, въ большинствѣ случаевъ или даже почти всегда не тѣми путями, которые проложила или желала бы она проложить. Такъ бываетъ вездѣ. Англійскія вольности тоже не осуществились внезапно, на листѣ бумаги: но всѣ онѣ были достигнуты борьбою и должны были окрѣпнуть въ борьбѣ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, я указалъ въ „В. Евр.“, какую борьбу должна была испытать Пруссія, пока не утвердилась окончательно свобода парламентскаго слова. Эта свобода была, повидимому, обезпечена еще конституціей 1848 г., но въ то время она существовала еще только на бумагѣ, и какъ только становилась слишкомъ непріятной, ее пытались ограничить. Такъ бываетъ со всякой свободой и со всякимъ политическимъ правомъ: лишь только написанное на бумагѣ право сталкивается съ интересами того, кто имѣетъ въ своихъ рукахъ власть, начи-

нается борьба противъ буквы написаннаго на бумагѣ права. Дѣйствительно прочнымъ—насколько вообще можно назвать прочными дѣла рукъ человѣческихъ—становится право только тогда, когда оно окрѣпнетъ въ борьбѣ, когда одна сторона пойметъ дѣйствительную цѣну этого права, а другая мало-по-малу дойдетъ до правильной оцѣнки его и прежде всего убѣдится въ невозможности уничтожить это право. И теперь еще въ Англіи есть много людей, которымъ вовсе не нравятся прославленныя англійскія вольности, но эти люди убѣждены, что возставать противъ нихъ было бы предпріятіемъ Донъ-Кихота, и потому они мудро оставляютъ всякую мысль объ этомъ. Оставаясь на этой консервативной почвѣ, прогрессистская партія не замѣтила, что среди молодежи происходитъ переворотъ; она дѣлала ошибку за ошибкой и становилась все болѣе и болѣе безразсудной, по мѣрѣ того, какъ соціально-демократическая партія поднимала голову. Если бы она имѣла политическую проницательность, она должна была бы понять, что соціально-демократическая партія—это сила, которая со временемъ можетъ сдѣлаться опасной для прогрессивной партіи, даже можетъ вызвать ея погибель, такъ какъ прогрессистская партія имѣла на своей сторонѣ рабочихъ, а теперь соціально-демократическая партія именно на рабочихъ оказываетъ чарующее вліяніе. Прогрессисты смѣялись надъ правительствомъ, укоряя его въ томъ, что оно покровительствуетъ или дѣлаетъ видъ, что покровительствуетъ соціально-демократической партіи. Теперь рѣшительно все равно, такъ ли дѣйствовало правительство на самомъ дѣлѣ. Когда великая политическая партія въ минуты опасности и нужды не находитъ ничего лучшаго, какъ обвинять правительство во всемъ, что̀ этой партіи непріятно,—она пускается въ плохую политику, неприличную для сильной и великой партіи. Постоянно жаловаться на Бисмарка за то, что онъ сказалъ пару словъ съ соціаль-демократомъ Лассалемъ, обвинять въ соціализмѣ Бухера, стариннаго наперсника Бисмарка,—все это, можетъ быть, очень забавно, но совершенно безплодно. Возростаніе соціально-демократической партіи отъ этого нисколько не уменьшилось, такъ что весною 1878 г. соціаль-демократы, какъ извѣстно, имѣли перевѣсъ надъ прогрессистской партіей и, повидимому, должны были привлечь на свою сторону рѣшительное большинство, если бы покушеніе и послѣдовавшія за нимъ репрессивныя мѣры не избавили прогрессистовъ отъ этого врага. Хотя они должны были понимать, что этимъ избавленіемъ обязаны не своимъ заслугамъ, однако, имѣли глупость, почувствовавъ себя въ безопасности, приняться за прежнюю политику. Далѣе, они видѣли, что широко распространяется анти-еврейское направленіе. Можно это хвалить, можно бранить—во всякомъ случаѣ фактъ су-

ществуетъ и существовалъ. Враждебное евреямъ направленіе существуетъ въ самой прогрессистской партіи, такъ же, какъ и въ другихъ партіяхъ, только здѣсь оно не заявляю себя такъ громко, такъ какъ дисциплина въ партіи еще достаточно сильна, чтобы сдерживать подобныя заявленія. Какъ же поступаетъ въ этомъ случаѣ прогрессистская партія? Вмѣсто того, чтобы умиротворять, она добивается кризиса. Возьмите вы, напримѣръ, слѣдующій фактъ: въ городскомъ депутатскомъ собраніи, при полной равноправности, должны бы засѣдать 4 еврея, пропорціонально отношенію еврейскаго населенія къ христіанскому; а прогрессистская партія не только содѣйствовала избранію этихъ четырехъ, но выбрала и пятаго, и шестого, и седьмого, даже десятаго и двѣнадцатаго,—все на основаніи равноправности. Такъ происходило повсюду, и, такимъ образомъ, чувство вражды противъ евреевъ разгоралось все сильнѣе и сильнѣе въ тѣхъ кружкахъ, гдѣ оно уже существовало; такъ что не такъ-называемые гонители евреевъ своимъ подстрекательствомъ, но прогрессистская партія своею глупостью раздула пламя, для котораго было уже достаточно матеріала; и какъ прежде, когда ошибочная политика привела къ торжеству соціально-демократическаго движенія, прогрессистская партія взывала къ помощи, такъ и теперь она призываетъ полицію на помощь противъ анти-еврейскаго движенія и не стыдится даже просить эксплуатировать въ свою пользу дѣйствія кронпринца, какъ я уже сказалъ это выше. Трудно, конечно, судить о такихъ всеобщихъ явленіяхъ; однако, я думаю, что движеніе среди студенчества вовсе не направлено противъ свободы, но, главнымъ образомъ, противъ квіетизма, царящаго среди прогрессивной партіи, для которой довольство status quo играетъ гораздо болѣе важную роль, чѣмъ маленькія стычки съ правительствомъ; я думаю, что молодежь, по природѣ склонная къ движенію и дѣятельности, пойдетъ за каждой партіей, въ которой видитъ или думаетъ, что видитъ эти свойства. Если бы дѣйствительно молодежь была враждебна свободѣ, то это было бы самымъ тяжкимъ обвиненіемъ противъ либеральной партіи, такъ какъ эта молодежь, которую теперь либералы обвиняютъ въ реакціонныхъ стремленіяхъ, воспиталась въ атмосферѣ либерализма, среди полной свободы; укажите мнѣ въ теченіи послѣднихъ 20 лѣтъ въ Германіи хоть одинъ случай стѣснительнаго постановленія противъ академической свободы, при которомъ бы какой-нибудь профессоръ подвергся изгнанію за свои мнѣнія. До какой степени студенты пользуются свободой, показываютъ ихъ сходки, созывать которыя они имѣютъ полное право, и противъ которыхъ мнимо-либеральная партія призываетъ полицію. Путкамеръ, котораго выставляютъ такимъ реакціонеромъ, не сдѣлалъ по отношенію къ высшимъ учебнымъ за-

веденіямъ ничего такого, что̀ не сдѣлалъ бы на его мѣстѣ Фалькъ. Единственный пунктъ, въ которомъ онъ расходится, правда, очень незначительно, съ Фалькомъ,—это „Simultanschulen", т.-е. школы, въ которыхъ назначаются учителя обоихъ вѣроисповѣданій, и существуетъ совмѣстное преподаваніе закона божія. Путкаммеръ относится къ этимъ школамъ не такъ благосклонно, какъ Фалькъ, но вѣдь и этотъ послѣдній смотрѣлъ на нихъ, какъ на pis-aller. Но этотъ вопросъ не имѣетъ никакого отношенія къ высшему образованію, не имѣетъ ничего общаго съ свободой или не-свободой. Большинство теперешней молодежи воспиталось подъ управленіемъ либеральнаго д-ра Фалька. Я думаю, что эти разсужденія, за которыя читатель, вѣроятно, извинитъ меня, ни съ какой стороны, даже по отношенію къ евреямъ, не отмѣчены духомъ партіи; надѣюсь, что они помогутъ уясненію истинныхъ причинъ современнаго движенія, и кромѣ того—охотно сознаюсь, что мною отчасти руководитъ это желаніе—опровергнуть распространенное заграницей мнѣніе, будто все это движеніе—только потокъ глупости, грубости, варварства, всевозможныхъ страстей, которыми сразу запятнала себя германская нація. Но эта нація вовсе не такъ дурна; будьте безпристрастны и вы увидите, что вся грубость этого движенія выразилась только въ двухъ-трехъ случаяхъ мелкаго безпорядка. Но сравните съ этимъ насилія, которыя дѣлались во время соціалистическаго движенія, и раньше, когда еще господствовала прогрессистская партія, причемъ все же обходились безъ воззваній къ полиціи. Я не хочу высказывать по этому поводу никакихъ предсказаній; во всякомъ движеніи могутъ найтись одинъ или нѣсколько человѣкъ, которые прибѣгнутъ къ насилію, но строго говоря, ничего такого до сихъ поръ еще не происходило, и партія, которая постоянно толкуетъ о свободѣ, проявила въ этомъ случаѣ такую безпредѣльную обидчивость и робость и такъ раздула дѣло, что весь свѣтъ сталъ пальцами указывать на Германію и, въ особенности, на Берлинъ. Въ болѣе спокойное время прогрессивная партія пойметъ, какихъ огромныхъ ошибокъ она надѣлала въ теченіе этого періода, отрекшись отъ своихъ принциповъ, и я не думаю, чтобы она сама, если бы только могла сдерживаться теперь и на ближайшихъ выборахъ, продолжала стоять за то положеніе, которое сама создала. Замѣчательную критику этой партіи далъ вышеупомянутый Бухеръ, въ своей книгѣ, „Der Parlamentarismus, wie er ist", которая теперь появилась вторымъ изданіемъ, съ предисловіемъ, написаннымъ имъ въ прошломъ году. Не высказывая этого прямо, Бухеръ, ко̀нечно, защищается въ этомъ предисловіи отъ упрека въ недостаточной твердости характера, упрека, который, по его мнѣнію, дѣлаютъ всякому,

кто не хочетъ до конца жизни оставаться вѣрнымъ одной опредѣленной суммѣ понятій; но лучше всего Бухеръ объясняетъ тогдашнюю цѣль его книги. Онъ направлялъ ее, такъ говоритъ предисловіе, противъ миѳологическихъ представленій объ англійскомъ государственномъ устройствѣ, которыя сначала составляли принадлежность старо-либеральной партіи, а съ 1850 г. перешли къ демократамъ, увлекавшимся въ 1848 г. французскими образцами. У нихъ эти представленія слились съ экономической теоріей, которая за нѣсколько лѣтъ до того времени господствовала между англійскими либералами и которая до того „свободна",—не забудьте, что я дословно цитирую Бухера,—что превосходно уживается со всякой политической системой, будь это бонапартизмъ или система „Крестовой Газеты". Дѣйствительно, это—неоспоримая истина. Наполеонъ III былъ величайшимъ приверженцемъ свободной торговли изъ всѣхъ правителей Франціи; можетъ быть, своимъ позорнымъ паденіемъ онъ обязанъ этому принципу, такъ какъ, хотя сельское населеніе было ему благодарно за огромныя выгоды, принесенныя сельскому хозяйству свободной торговлей, но города, промышленность и торговля, пользовавшіеся прежде привилегіями всякаго рода, никогда не могли ему простить его экономическую политику, и населеніе этихъ городовъ вызвало его паденіе и сдѣлало невозможнымъ его возвращеніе. Когда манчестерская партія впервые вступила въ палату депутатовъ, она выставляла особеннымъ достоинствомъ своей системы ея независимость отъ формы государства. „Крестовая Газета" и ея партія оказались съ самаго начала самыми крайними приверженцами абсолютной свободы торговли; а теперь приверженцы свободной торговли стали утверждать, что политическая свобода невозможна, даже вообще немыслима безъ экономической свободы, т.-е. безъ манчестерства, хотя передъ глазами у нихъ свободная Сѣверная Америка и самодержавная Россія придерживаются широкой покровительственной системы, и американскіе либералы вовсе не думаютъ оставить эту систему, которая такъ много содѣйствовала развитію промышленности въ ихъ странѣ. На послѣднихъ выборахъ въ Америкѣ самымъ тяжкимъ упрекомъ для кандидата было, когда его заподозривали въ желаніи поколебать эту систему. Далѣе Бухеръ упоминаетъ въ своемъ предисловіи, что когда онъ въ 1854 г. написалъ эту книгу, то направлялъ ее не только противъ слѣпыхъ приверженцевъ англійской правительственной системы, но и противъ нѣкоторыхъ изъ ихъ противниковъ, „такъ какъ въ это время Герлахъ хвастался, что солнце реакціи стоитъ высоко на небѣ". Бухеръ слишкомъ много вращался въ дипломатическихъ сферахъ, чтобы употребить такое выраженіе необдуманно и безъ умысла. Либералы думаютъ, что и

теперь солнце реакціи стоитъ высоко. Бухеръ былъ не только либераломъ, но даже рѣшительнымъ демократомъ и знаетъ, что такое реакція. Герлахъ и Сталь не существуютъ болѣе, а еслибъ существовали, то крайняя правая сторона въ прусскомъ парламентѣ должна бы была отречься отъ нихъ, изъ опасенія быть скомпрометтированной. Такъ измѣнилось время и цѣли въ смыслѣ прогресса.

Можетъ быть, я ошибаюсь; но мнѣ кажется, что въ суровыхъ словахъ Бухера выражается не только ненависть къ тому періоду реакціи, отъ котораго ему самому пришлось такъ солоно, но также увѣдомляются всѣ, кто захочетъ слушать, что онъ всегда относился къ реакціи враждебно и никогда не содѣйствовалъ ей. „Та публика, говоритъ далѣе Бухеръ,—къ которой я тогда (1854) обращался, тѣ требованія, которыя тогда были въ ходу, теперь не существуютъ болѣе. У насъ теперь есть парламентаризмъ, и многіе думаютъ, что его у насъ слишкомъ много. Каждое лѣто мы читаемъ извѣстія о поѣздкахъ съ парламентскими цѣлями; парламентскія партіи и фракціи устраиваютъ въ каникулярное время собранія въ различныхъ мѣстахъ;—этого не существуетъ и въ самой Англіи. Изъ демократіи, стоявшей въ 1862 г. противъ всеобщей подачи голосовъ, образовалась прогрессивная партія, которая, отказавшись отъ государственной идеи, до того развилась, что одни изъ ея членовъ сдѣлались ревностными партикуляристами, другіе исключительно приверженцами свободной торговли“. Для тѣхъ, кто знакомъ съ положеніемъ нѣмецкихъ партій, понятно, что каждое изъ приведенныхъ словъ—настоящая стрѣла, притомъ съ отравленнымъ наконечникомъ. Слабая сторона прогрессивной партіи — ея нелюбовь къ всеобщему избирательному праву. Разумѣется, она не выступаетъ противъ него открыто. Всеобщее избирательное право послужитъ, можетъ быть, къ избранію реакціонеровъ, можетъ быть, радикаловъ, но только не тѣхъ людей, изъ которыхъ состоитъ прогрессивная партія, не тѣхъ людей, которые считаютъ истиннымъ источникомъ политической жизни свободу и громкую оппозицію противъ правительства, но при этомъ желаютъ покоя и порядка, чтобы пользоваться своей властью, и требуютъ отъ правительства, чтобы оно, въ случаѣ опасности, играло роль полиціи и обезпечивало для нихъ тишину и порядокъ. При каждыхъ выборахъ прямое избирательное право оказывается для прогрессивной партіи менѣе выгоднымъ, чѣмъ трехклассная избирательная система и непрямая избирательная система, которая имѣетъ мѣсто для прусской палаты депутатовъ. Такимъ образомъ, прогрессисты стараются поддержать эту послѣднюю систему вездѣ, гдѣ она существуетъ. Всеобщее избирательное право всего выгоднѣе для соціально-демократической партіи; поэтому она поставила своей задачей добиться примѣненія

этого права къ выборамъ въ палату и даже къ коммунальнымъ выборамъ. Прогрессивная партія молча борется противъ этихъ стремленій, а между тѣмъ нѣтъ никакого сомнѣнія, что съ общей точки зрѣнія, прямое избирательное право болѣе соотвѣтствуетъ свободѣ, чѣмъ непрямое; неограниченное—болѣе, чѣмъ ограниченное; равноправное—болѣе, чѣмъ неравноправное, какимъ является прусская классная система: эту последнюю Бисмаркъ назвалъ самой скверной системой въ мірѣ. Не менѣе важны другіе два упрека, которые можно сдѣлать прогрессивной партіи, а именно, что она, во-первыхъ, отказалась отъ всякой государственной идеи и распалась на партикуляристовъ и на приверженцевъ свободы торговли. Какъ извѣстно, прогрессивная партія никогда не сочувствовала тѣмъ средствамъ, которыя Бисмаркъ употреблялъ для объединенія Германіи; сначала она самымъ рѣшительнымъ образомъ отказалась отъ политики крови и желѣза, а потомъ, когда объединеніе Германіи совершилось, она, хотя и приняла его, но всегда утверждала, что оно также хорошо могло совершиться мирнымъ путемъ, безъ всякаго кровопролитія. Въ концѣ-концовъ она заявила, что сдѣлала только то, чего всегда желали либералы, желали даже тогда, когда правительство называло демагогіей стремленія къ объединенію Германіи и жестоко преслѣдовало ихъ; такимъ образомъ, они гораздо болѣе „національны", чѣмъ этотъ канцлеръ, который совершенно несправедливо ставитъ себѣ въ заслугу національную политику. Какъ извѣстно, въ послѣднее время они дошли до того, что думаютъ столкнуть канцлера. Національ-либералы также уже давно стоятъ въ оппозиціи съ внутренней политикой канцлера; но при этомъ они понимаютъ, что канцлеръ оказалъ такъ много заслугъ внѣшней политикѣ, и такъ часто пользовался довѣріемъ всей страны, что нечего и думать напасть на него съ этой стороны. Прогрессивная партія, и главнымъ образомъ Рихтеръ, сначала были того же мнѣнія, но мало-по-малу пришли къ убѣжденію, что борьба съ Бисмаркомъ только тогда будетъ успѣшна, когда онъ подвергнется нападенію со всѣхъ сторонъ, и когда цѣлью этой борьбы будетъ совершенное удаленіе Бисмарка съ политическаго, или, по крайней мѣрѣ, съ правительственнаго поприща (такъ какъ онъ, потерпѣвъ пораженіе, можетъ вступить въ ряды парламентской оппозиціи). Кажется, что отщепенцы и именно тѣ, которые отдѣлились отъ національ-либераловъ подъ предводительствомъ Бамбергера, чтобы ближе сойтись съ прогрессистами, принимаютъ эту программу. Такимъ образомъ, нападеніе, можно сказать, началось съ обоихъ фланговъ; съ одной стороны возстаютъ противъ внутренней политики, которая будто бы представляетъ изъ себя только сцѣпленіе противорѣчій, беззаконій и нелиберальныхъ мѣръ, съ другой—противъ внѣшней. Правда, говорятъ

прогрессивныя газеты, нельзя отрицать, что въ 1863, 1864, 1866 и 1870 гг. Бисмаркъ обнаружилъ нѣкоторый дипломатическій талантъ, который, впрочемъ, ужъ слишкомъ преувеличиваютъ, такъ какъ все сдѣлала армія; но съ 1871 г. онъ постарѣлъ, терпитъ постоянныя неудачи, и Берлинскій конгрессъ вполнѣ доказалъ его неспособность. На эту тэму почти ежедневно упражняются прогрессивные листки, съ различными варіаціями. Если нельзя ничего возразить противъ прямыхъ нападеній на Бисмарка, такъ какъ каждая политическая партія должна по совѣсти рѣшить, полезенъ ли тотъ или другой государственный человѣкъ или министръ государству, или нѣтъ; но въ одномъ пунктѣ у нихъ несомнѣнно страсть беретъ верхъ надъ разсудкомъ и патріотизмомъ. Весьма понятно, что во время борьбы каждая сторона считаетъ враговъ своего противника своими друзьями. Часто это, можетъ быть, правильно, но въ политикѣ такое правило имѣетъ рѣшительныя ограниченія. Прогрессивная партія не соблюдаетъ этихъ границъ; она считаетъ своими друзьями и союзниками всѣхъ враговъ Бисмарка, какъ заграницей, такъ и внутри страны. Я оставлю въ сторонѣ чужія страны; но, напримѣръ, внутри, Бисмаркъ считаетъ своими врагами всѣхъ партикуляристовъ; и вотъ въ послѣднее время прогрессивная партія становится прямо на сторону партикуляризма. Говоря, что Бисмаркъ считаетъ своими врагами всѣхъ партикуляристовъ, я очень хорошо знаю, что съ 1866 года и позднѣе, послѣ основанія германской имперіи, въ 1871 году, онъ вовсе не заявлялъ себя противникомъ отдѣльныхъ государствъ и строго держался буквы конституціи, никогда не пытался выступить противъ отдѣльныхъ государствъ, сохранившихъ свои права, и отнять у нихъ какое-нибудь изъ этихъ правъ или всѣ цѣликомъ. Отношенія канцлера къ отдѣльнымъ правительствамъ также всегда были хороши, такъ что они не имѣли повода жаловаться на него. Разумѣется, въ этомъ отношеніи онъ всегда дѣйствовалъ въ согласіи съ императоромъ, слово котораго было залогомъ независимости отдѣльныхъ государствъ, насколько эта независимость совмѣстима съ союзнымъ единствомъ. Несмотря на все это, отдѣльныя государства никогда не забывали—таково ужъ свойство человѣческой природы—что въ сущности говоря никто иной, какъ Бисмаркъ ограничилъ партикуляризмъ въ Германіи; понятно также, что тѣ, кого Пруссія заставила принести жертву, безусловно необходимую для утвержденія имперіи, смотрѣли съ нѣкоторымъ недовѣріемъ на эту страну и на этого человѣка, такъ какъ думали, что оба при первомъ удобномъ случаѣ могутъ пойти дальше по проложенному уже пути. Отсюда явился еще и теперь существующій партикуляризмъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ имѣетъ за себя не малую силу, такъ

напримѣръ, представителями партикуляризма являются такъ называемые вельфы, приверженцы прежней ганноверской династіи; хотя число ихъ значительно сократилось, однако, они все еще не оставляютъ надежду на возстановленіе стариннаго престола, что, разумѣется, будетъ возможно только тогда, когда германская имперія распадется. Гдѣ только не проявляется партикуляристическое движеніе, прогрессивная партія тотчасъ высказывается за него и не стыдится даже обвинять канцлера въ беззаконныхъ замыслахъ противъ отдѣльныхъ государствъ. Бухеръ указалъ также и на это обстоятельство, и мнѣнія, высказанныя въ печати о его книгѣ, показываютъ, какъ мѣтко попалъ ударъ.

Вообще можно рекомендовать эту книгу всѣмъ тѣмъ, которые любятъ остроумное, ѣдкое изложеніе. Въ новомъ изданіи Бухеръ сдѣлалъ въ ней мало измѣненій. Поэтому понятно, что многія вещи въ ней не соотвѣтствуютъ теперешнему положенію Бухера, какъ важнаго лица въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, но отъ этого они пріобрѣтаютъ еще бо́льшій интересъ; и во всякомъ случаѣ, замѣчательно, что авторъ уже въ то время былъ на столько объективенъ, чтобы избавиться отъ тягостнаго чувства, которое преслѣдуетъ писателя, когда ему приходится съ теченіемъ времени раскаяваться въ томъ, что онъ написалъ раньше, и чего нельзя забыть. Я думаю, что это чувство не проглядываетъ ни въ одной строчкѣ въ книгѣ Лотара Бухера, написанной въ юношескихъ лѣтахъ, и думаю также, что читатель понимаетъ, почему въ ней не можетъ быть этого чувства. Серьёзность и правдивость вмѣстѣ съ ясностію мысли и уклоненіе отъ личностей всегда будутъ лучшими средствами избавиться отъ такого поздняго раскаянія.

К.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ ЛОНДОНА.

5/17 января, 1881.

Тѣ изъ англичанъ, которые не пропитались до мозга костей политикой партій, не могутъ безъ жгучаго стыда помышлять о взаимныхъ отношеніяхъ, установившихся между Англіей и Ирландіей, и въ особенности объ отчаянныхъ усиліяхъ послѣдней, за послѣдніе полвѣка, заявить о своихъ страданіяхъ.

Можно съ увѣренностью сказать, что до появленія агитаціи земельной лиги, народъ англійскій мало зналъ и еще меньше интересовался положеніемъ дѣлъ въ Ирландіи; за исключеніемъ государственныхъ людей, занимавшихся этимъ вопросомъ, кто еще думалъ о немъ, и можно ли сказать, что общественное мнѣніе было затронуто имъ? Напротивъ того: во всѣхъ классахъ общества замѣчалась странная неохота разсуждать объ ирландскихъ дѣлахъ, явное нетерпѣніе, когда объ нихъ заходила рѣчь, и неуклонное стремленіе считать ирландцевъ безнадежно лѣнивымъ и недовольнымъ народомъ, который отлично могъ бы жить и при существующей системѣ, да предпочитаетъ вносить безпорядокъ во внутреннее управленіе Англіи, благодаря своему нелѣпому и невыполнимому стремленію къ національной независимости. Умный иностранецъ, слѣдившій за ходомъ англійскихъ дѣлъ въ теченіе прошлаго года, долженъ былъ подивиться тому, что объ ирландскомъ вопросѣ говорится точно о какомъ-то совершенно новомъ элементѣ, неожиданно вторгнувшемся во внутреннюю политику Англіи, а не какъ о затрудненіи, существующемъ уже сотни лѣтъ, а за послѣднія пятьдесятъ назойливо напрашивавшемся на вниманіе и рѣшеніе парламента. Это обстоятельство всего сильнѣе раздражаетъ ирландцевъ, которые по своему положенію могутъ активно стремиться къ облегченію долгихъ и несправедливыхъ страданій своего отечества. Они чувствуютъ, что всякій разъ имъ приходится начинать борьбу съизнова, такъ какъ всѣ предыдущіе аргументы, воззванія, просьбы оказываются какъ-бы никогда не существовавшими. Это чувство выразилось въ рѣчи, сказанной Брайтомъ по поводу пріостановки дѣйствія „Habeas Corpus“ въ Ирландіи въ 1866 г. Онъ сказалъ, что „еслибы большинство ирландскаго народа захотѣло быть откровеннымъ и еслибы оно могло выполнить то, чего хочетъ, то оно бы сдвинуло свой островъ съ мѣста и отвело бы его, по крайней мѣрѣ, на 2000 миль далѣе къ западу“. Даже пренія объ аграрномъ законѣ, происходившія десять лѣтъ тому назадъ,

не могли вылечить эту апатію англичанъ; большинство недовольныхъ биллемъ черпали свое недовольство только въ томъ обстоятельствѣ, что Гладстонъ нашелъ нужнымъ его провести, между тѣмъ какъ въ числѣ приверженцевъ послѣдняго въ парламентѣ очень немногіе поддерживали билль не изъ однихъ видовъ партіи. И такое отношеніе тѣмъ менѣе извинительно, что за послѣднія тридцать лѣтъ не было недостатка въ матеріалѣ для того, чтобы составить себѣ ясное понятіе объ ирландскихъ жалобахъ; коммиссія, назначенная правительствомъ, досконально изучила вопросъ и представила свои о немъ заключенія, но съ такимъ малымъ успѣхомъ, что въ настоящее время мы ждемъ отчета другой коммиссіи, хотя, конечно, она прибавитъ немного новаго къ тому, что́ уже извѣстно объ этомъ вопросѣ. Несомнѣнно, что апатія эта объясняется главнымъ образомъ тѣмъ фактомъ, что Англія никогда не извлекала никакой матеріальной выгоды отъ присоединенія Ирландіи и привыкла смотрѣть на нее, какъ на самую безпокойную и мало полезную часть Соединеннаго-Королевства. Національный эгоизмъ является однимъ изъ важнѣйшихъ факторовъ въ политическихъ отношеніяхъ.

Но агитаторы земельной лиги могутъ, по крайней мѣрѣ, похвалиться одной патріотической заслугой: они пробудили въ умахъ англичанъ небывалый интересъ къ ирландскимъ дѣламъ. Со времени окончанія парламентской сессіи, Ирландія сосредоточивала на себѣ общественное вниманіе, и дѣла ея обсуждались со всѣхъ сторонъ и со всѣхъ точекъ зрѣнія. Періодическая литература всѣхъ цвѣтовъ и оттѣнковъ была монополизирована этимъ вопросомъ и придумывала способы для его разрѣшенія.

При обсужденіи этого вопроса прежде всего надо отказаться отъ всякихъ аналогій съ Англіей. Положеніе дѣлъ въ обѣихъ странахъ до такой степени различно и въ общественномъ, и въ политическомъ отношеніи, что то средство, которое было бы хорошо для одной, совсѣмъ не годится для другой. Въ то время, какъ въ богатой, промышленной Англіи, земледѣльческія задачи занимаютъ, такъ сказать, второстепенное мѣсто, Ирландія почти исключительно земледѣльческая страна. Едва ли $1/7$ часть всѣхъ доходовъ Англіи является результатомъ земледѣльческой промышленности, тогда какъ $2/3$ ирландскихъ доходовъ извлекаются изъ земли. Дублинъ, Коркъ, Бельфастъ, Лимерикъ, Уатерфордъ—вотъ единственные, сколько-нибудь значительные ирландскіе города. И такой порядокъ дѣлъ является результатомъ ограниченнаго себялюбія прошлыхъ поколѣній англичанъ, безъ зазрѣнія совѣсти освящавшихъ законодательство, которое прямо подрывало ирландскую торговлю и промышленность. Съ царствованіемъ Карла II начинается рядъ законовъ, слишкомъ успѣшно

достигнихъ своей цѣли. Прежде всего воспрещенъ былъ ввозъ въ Англію ирландскаго скота и молочныхъ продуктовъ, изъ боязни, какъ бы ирландцы не вытѣснили съ рынка англійскихъ фермеровъ. Затѣмъ, когда Ирландія завела обширную торговлю съ британскими колоніями, эта торговля была тоже запрещена. Наконецъ, когда открылось, что ирландцы принялись за фабрикацію шерсти, и весьма успѣшно, англичане поспѣшили издать законы, запрещавшіе вывозъ шерсти изъ Ирландіи. Итакъ, не трудно понять, почему всѣ рессурсы Ирландіи заключаются въ земледѣліи.

Каковы же послѣдствія такого положенія дѣлъ? Чтобы вполнѣ понять ихъ, мы должны припомнить другую, хорошо извѣстную главу въ исторіи Ирландіи, которая передаетъ намъ о томъ, какъ распредѣлялась эта земля между ничтожнымъ, сравнительно, числомъ англійскихъ владѣльцевъ, получавшихъ ее въ даръ отъ англійской короны. Это, конечно, дѣла давно минувшихъ дней, но названіе „англійскій гарнизонъ", употреблявшееся раздраженными ораторами настоящей агитаціи, въ примѣненіи къ англійскимъ землевладѣльцамъ, достаточно указываетъ, — если бы только мы нуждались въ этомъ указаніи,—какая горькая память живетъ въ ирландцахъ о старыхъ обидахъ. Мало того: прямымъ результатомъ этой старинной политики является все настоящее зло земледѣльческой системы въ Ирландіи. Позвольте мнѣ привести отрывокъ изъ рѣчи Брайта, сказанной въ Бирмингамѣ прошлаго ноября:—Число землевладѣльцевъ въ Ирландіи весьма ничтожно для такой большой страны. Я думаю, что всѣхъ землевладѣльцевъ въ Ирландіи не болѣе 12,000 или 14,000. Одна треть Ирландіи принадлежитъ 292 лицамъ, половиной Ирландіи владѣютъ 744 человѣка; двѣ трети Ирландіи находятся въ рукахъ 1,942 лицъ. Съ другой стороны, арендаторовъ тамъ слишкомъ 500,000 человѣкъ. Вотъ крупный фактъ: 500,000 семей, т.-е. отъ полутора до трехъ милліоновъ людей зависятъ отъ земли, борятся другъ съ другомъ за владѣніе фермой, не имѣя въ своемъ распоряженіи другихъ занятій, какъ въ Англіи, и имѣя передъ собою только одинъ путь выйти изъ осаждающихъ ихъ затрудненій,—путь бѣгства изъ страны. Изъ этихъ 500,000 арендаторовъ, около половины владѣютъ фермою въ 5—14 акровъ, одна пятая имѣетъ въ своемъ распоряженіи только 5 акровъ; во многихъ случаяхъ земля очень плоха, и самые компетентные люди утверждаютъ, что такое ничтожное количество земли не можетъ, при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, доставить безбѣдное существованіе цѣлой семьѣ. Кромѣ того, не слѣдуетъ забывать спеціальнаго способа ирландской аренды. Въ этой странѣ почти повсемѣстно въ обычаѣ отдавать въ аренду только землю, предоставляя самому арендатору выстроить

всѣ зданія, возвести изгороди, осушить и удобрить землю, словомъ, сдѣлать все то, чтб требуется въ сельскомъ хозяйствѣ, тогда какъ въ Англіи обыкновенно всѣ вышеназванныя операціи производятся самимъ лэндлордомъ.

Очевидно, что въ земледѣльческой странѣ, гдѣ господствуетъ такая земельная система, благосостояніе должно въ сильной степени зависѣть отъ условій, на которыхъ фермеры арендуютъ свои земли. Корень ирландскаго вопроса, господствующаго въ Ирландіи недовольства, заключается въ томъ обстоятельствѣ, что условія аренды явно невыгодны въ большинствѣ случаевъ и очень часто совсѣмъ нестерпимы. Арендаторы жалуются на то, что у нихъ нѣтъ никакого обезпеченія при арендованіи ими земли, что въ большинотвѣ случаевъ владѣлецъ можетъ возвысить аренду, какъ ему угодно, и прогнать фермера, какъ скоро тотъ не въ состояніи ее выплатить. Правда, какъ мы увидимъ ниже, лэндлордъ не можетъ этого сдѣлать, не уплативъ нѣкотораго вознагражденія за убытки, но въ виду большой конкурренціи на арендованіе фермъ, это вознагражденіе далеко не покрываетъ убытковъ, претерпѣваемыхъ внезапно сгоняемымъ съ его земли фермеромъ. Въ Ирландіи только въ видѣ исключенія мелкія фермы сдаются на долгій срокъ; обыкновенно контрактъ заключается только на годъ, съ условіемъ, что фермеру каждую минуту можетъ быть отказано отъ аренды. Можетъ-ли, при такихъ условіяхъ, фермеръ не быть въ вѣчной тревогѣ и опасеніи? Неудивительно поэтому, что въ той части острова, гдѣ эта система давитъ всего сильнѣе, земледѣльцы мало-по-малу стали лѣнивы и непредусмотрительны? Компетентные люди утверждаютъ, что въ Ирландіи существуетъ не менѣе 94,000 хижинъ въ одну комнату, гдѣ помѣщается вся семья фермера, состоящая среднимъ числомъ изъ шести душъ. Весьма рѣдко въ этихъ жилищахъ бываютъ хоть какіе-нибудь слѣды комфорта; можно сказать безъ всякаго преувеличенія, что въ Англіи скотъ помѣщенъ лучше, чѣмъ въ Ирландіи люди. Ирландія, и на этомъ слѣдуетъ настаивать, въ особенности въ отдаленныхъ южныхъ округахъ, гдѣ агитація ведется всего дѣятельнѣе, сильно отстала въ цивилизаціи отъ земледѣльческихъ округовъ Англіи. Въ сущности большинство ирландскихъ фермеровъ совсѣмъ не заслуживаютъ этого названія; это просто-на-просто земледѣльцы, не располагающіе никакимъ капиталомъ и обработывающіе свои нѣсколько акровъ земли, чтобы прокормиться съ семействомъ. Въ Ирландіи система владѣнія земли общинами существовала на цѣлую тысячу лѣтъ долѣе, чѣмъ въ Англіи; результатомъ этого является стремленіе крестьянъ считать арендуемую ими землю своею собственностью, за которую готовы отбывать нѣкоторыя повинности

своимъ лэндлордамъ. Послѣдніе же, будучи англичанами, смотрятъ на вещи съ совсѣмъ иной, чисто англійской точки зрѣнія, и такимъ образомъ, обѣ стороны рѣшительно не понимаютъ другъ друга. Такое ненормальное положеніе вещей еще усиливается въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ дѣйствіемъ „Encumbered Estates Court“, установленнаго съ тѣмъ, чтобы облегчать продажу земельной собственности, и дѣйствующаго такимъ образомъ, что земля очень часто попадаетъ въ руки спекулянтовъ. Такимъ образомъ, толпы мелкихъ земледѣльцевъ быстро превращаются изъ фермеровъ въ простыхъ землепашцевъ или же бываютъ вынуждены эмигрировать.

Эти взаимныя недоразумѣнія между лэндлордами и фермерами сами собой выступаютъ въ каждомъ „ex-parte“ воззваніи Ирландіи къ суду англійскаго общественнаго мнѣнія. Въ послѣдніе мѣсяцы лэндлорды принимали дѣятельное участіе въ обсужденіи этого вопроса, и нѣкоторымъ безъ сомнѣнія удалось доказать, что они поступаютъ съ своими фермерами съ бо́льшей справедливостью, чѣмъ это вообще принято въ странѣ; другіе старались свалить на фермеровъ всю вину въ бѣдственномъ положеніи, отрицать котораго они не могли. Но ни одному лэндлорду не удалось доказать, что законы, опредѣляющіе ихъ отношенія съ фермерами, не негодны. Кромѣ того, существуетъ цѣлый классъ землевладѣльцевъ, уже нисколько не претендующихъ на то, чтобы исполнять свои обязанности относительно фермеровъ; это лорды—абсе́нтеисты, довольствующіеся тѣмъ, что довѣряютъ управленіе своими помѣстьями какому-нибудь агенту и даже никогда не заглядывающіе въ страну, которой обязаны своимъ богатствомъ. Высчитано, что абсентеизмъ извлекаетъ изъ Ирландіи ежегодно около четырехъ милліоновъ фунтовъ стерлинговъ. Отчетъ, напечатанный въ 1871 г., показывалъ, что въ то время въ Ирландіи насчитывалось 1,443 лэндлорда-абсентеиста, владѣвшихъ 16% всего пространства земли въ Ирландіи, и 4,496 землевладѣльцевъ, проживавшихъ въ Дублинѣ, вмѣсто того, чтобы жить въ своихъ помѣстьяхъ, и располагавшихъ 20% всего пространства земли въ Ирландіи. Несомнѣнно, что съ тѣхъ поръ абсентеизмъ долженъ былъ еще усилиться. Въ большинствѣ случаевъ, въ помѣстьѣ не живетъ даже отвѣтственный агентъ, а когда таковой и имѣется на лицо, то навлекаетъ на себя подозрѣніе въ томъ, что дѣйствуетъ исключительно въ виду личныхъ интересовъ. Въ разныхъ мѣстахъ можно видѣть результаты абсентеизма, въ особенности въ графствѣ Мейо; тамъ этотъ обычай былъ развитъ въ высшей степени, и въ настоящее время Мейо является однимъ изъ главныхъ центровъ безпорядка и волненія.

Тощая и плохо обработываемая земля, невѣрная аренда, безпеч-

ные и отсутствующіе лэндлорды—все это содѣйствовало тому, что бѣдность Ирландіи вошла въ пословицу. Положеніе дѣлъ тамъ, какъ нельзя лучше выражено однимъ ораторомъ земельной лиги, сказавшимъ на одномъ изъ митинговъ: „лэндлорды доводятъ Ирландію до голода въ каждомъ живущемъ поколѣніи, а затѣмъ ей приходится обращаться за помощью къ своимъ соотечественникамъ, выселившимся изъ отечества, чтобы спасти отъ смерти тѣхъ, чтó умираютъ съ голода на родинѣ.“ Вдобавокъ ко всѣмъ вышеизложеннымъ бѣдамъ, въ Ирландіи весьма неудовлетворительны законы попечительствъ о бѣдныхъ, и ни одинъ фермеръ не можетъ получить вспомоществованія, не отказавшись напередъ отъ арендуемой имъ земли, составляющей единственный источникъ пропитанія для него въ будущемъ.

Одна часть Ирландіи считалась исключительно благоденствующей и довольной. Это сѣверная провинція Ольстеръ. Тамъ издавна уже господствовалъ такъ называемый „tenant-right“, регулировавшій отношенія между лэндлордомъ и фермерами и извѣстный подъ названіемъ „ольстерскаго обычая“. „Tenant-right“ заключаетъ такія статьи: во-первыхъ, право фермера удерживать аренду за собой до тѣхъ поръ, пока исправно платитъ ренту и не нарушаетъ условій аренды; во-вторыхъ, преимущество продавать свой интересъ или „good-will“, какъ это называется, тому кто больше дастъ, при передачѣ аренды. Происхожденіе этого обычая темно, но несомнѣнно, что онъ ведетъ свое начало съ царствованія Іакова I, который подарилъ сравнительно небольшія помѣстья въ Ольстерѣ англійскимъ и шотландскимъ владѣльцамъ. Но въ настоящее время и въ Ольстерѣ господствуетъ недовольство, и на происходившемъ недавно митингѣ ольстерскихъ фермеровъ было постановлено, съ общаго согласія, что безъ *опредѣленной*, *умѣренной ренты* ольстерскій обычай нисколько не обезпечиваетъ фермеровъ. Протестъ, заявленный Ольстеромъ, оказалъ немалое вліяніе на направленіе англійскаго общественнаго мнѣнія.

Ольстерскій обычай, бывшій сначала простымъ традиціоннымъ обыкновеніемъ, возведенъ въ степень закона вездѣ, гдѣ онъ существовалъ, ирландскимъ земельнымъ биллемъ 1870 г., о которомъ мы должны вкратцѣ упомянуть, чтобы понять, на какомъ основаніи приходится нынѣ дѣйствовать нашимъ законодателямъ. Этотъ законъ преслѣдуетъ двѣ главныхъ цѣли: во-первыхъ, доставить фермерамъ гарантіи противъ своенравнаго отказа отъ аренды, во-вторыхъ, создать сословіе крестьянъ-собственниковъ въ Ирландіи. Та часть билля, которая преслѣдуетъ послѣднюю цѣль, называется по имени ея творца „Брайтовскими статьями“. Эти статьи опредѣляютъ, что если фермеру представится случай купить арендуемую имъ землю,

но онъ не въ состояніи будетъ заплатить всю требуемую за нее сумму, правительство ссудитъ ему двѣ трети суммы съ разсрочкой на извѣстное число лѣтъ.

Этотъ законъ дѣйствовалъ въ продолженіи десяти лѣтъ, но несмотря на возлагавшіяся на него надежды, оказался совсѣмъ неудачнымъ. Причины неудачи понятны: во-первыхъ, онъ предлагаетъ ирландскимъ фермерамъ нѣчто совсѣмъ иное, чѣмъ они просятъ; во-вторыхъ, такъ-называемыя „Брайтовскія статьи" мало примѣнимы на дѣлѣ, вслѣдствіе затруднительности всей предполагаемой операціи выкупа земли.

Разсудительные и предусмотрительные люди въ Ирландіи почти единодушны въ тѣхъ требованіяхъ, которыя, по ихъ мнѣнію, слѣдуетъ ввести въ основаніе новаго земельнаго закона для того, чтобы онъ дѣйствительно устранилъ всѣ затрудненія между лэндлордами и ихъ фермерами. Въ ихъ программу внесены три пункта:—„Fixity of tenure" (право арендатора сохранять за собою аренду до тѣхъ поръ, пока онъ платитъ свою ренту); „Free sale" (право арендатора продавать при передачѣ аренды свой интересъ, какъ это уже водится при ольстерскомъ обычаѣ), и „Fair Rent" (справедливая рента), причемъ одни полагаютъ, что размѣръ ея долженъ быть опредѣленъ правительствомъ разъ навсегда, а другіе думаютъ, что она должна періодически установляться властями, назначаемыми съ этою цѣлью. Кромѣ того, они желали бы расширить примѣненіе „Брайтовскихъ статей", а такъ какъ большинство фермъ на западѣ по общему приговору слишкомъ малы, чтобы пропитать цѣлую семью, то они желали бы также обработки пустошей. Количество пустошей въ Ирландіи оцѣнялось въ нѣсколько милліоновъ акровъ, но компетентные люди говорятъ, что только небольшое количество изъ нихъ можетъ подлежать обработкѣ, остальное же составляютъ безнадежно плохія земли и болота, которыя бы не окупили труда обработки. Съ этой программой большинство ирландскихъ лэндлордовъ готово примириться, а также и большинство фермеровъ были бы довольны, еслибы она осуществилась. Но кромѣ этой умѣренной партіи, тамъ приходится считаться съ двумя непримиримыми партіями: меньшинствомъ лэндлордовъ, противящихся всякой реформѣ, какъ нарушенію своихъ правъ и партіи земельной лиги, предводительствуемой Парнеллемъ, стремящейся къ абсолютной отмѣнѣ лэндлордства.

При той соціальной борьбѣ, какая идетъ въ Ирландіи, понятно, что многіе лэндлорды жестоко страдаютъ: нѣкоторые изъ нихъ, вслѣдствіе совершенной невозможности получить ренту, доведены до нищеты. Кромѣ того, несмотря на сравнительно малое число крова-

выхъ расправъ, подметныя письма угрожающаго характера и существующее безправіе заставляетъ ихъ обращаться къ властямъ за личной охраной, которая и даруется имъ въ формѣ вооруженныхъ полисменовъ. Въ началѣ нынѣшняго года 153 лица были снабжены такими тѣлохранителями; надъ 1149 учрежденъ полицейскій надзоръ для защиты ихъ отъ покушеній. Но, несмотря на негодующіе вопли англійскихъ консерваторовъ и ирландскихъ лэндлордовъ, правительство разумно порѣшило испытать сначала дѣйствительность обыкновенныхъ законовъ, прежде чѣмъ прибѣгнуть къ чрезвычайнымъ мѣрамъ. Статсъ-секретарь по ирландскимъ дѣламъ разослалъ судебнымъ властямъ меморандумъ, напоминая имъ о спеціальныхъ мѣрахъ, какія они могутъ принимать противъ незаконныхъ сборищъ, попытокъ къ устрашенію и пр. Въ теоріи несомнѣнно законъ достаточно силенъ, но на практикѣ очень трудно приводить его въ исполненіе въ Ирландіи, главнымъ образомъ вслѣдствіе полной невозможности найти въ такихъ случаяхъ свидѣтелей. Кромѣ того, послѣднія событія ясно доказали справедливость замѣчанія Форстера, сдѣланнаго имъ на дняхъ въ палатѣ общинъ, что ирландскимъ властямъ не хватаетъ твердости и рѣшимости, требуемыхъ настоящимъ положеніемъ дѣлъ, а это зависитъ главнымъ образомъ отъ привычки ожидать особенныхъ полномочій въ каждомъ экстренномъ случаѣ. Парламентскій отчетъ, только-что обнародованный, показываетъ семьсотъ покушеній, совершенныхъ въ періодъ отъ 1-го января до 30-го ноября 1880 г.; причемъ только 73 человѣка были уличены и осуждены. Но характеръ безпорядковъ, вызываемыхъ земельною лигою, въ порядкѣ вещей и таковъ, что законъ не можетъ успѣшно съ ними бороться; такъ, напримѣръ, совершенно невозможно принудить человѣка взять въ аренду ферму прогнаннаго арендатора или входить въ торговыя сдѣлки съ „байкоттированнымъ“ лэндлордомъ. Въ виду этого, правительство въ концѣ осени рѣшило для того, чтобы испытать законность агитаціи земельной лиги, отдать подъ судъ ея главнѣйшихъ вожаковъ; четырнадцать человѣкъ, въ томъ числѣ пять членовъ парламента, подвергнуты судебному преслѣдованію. Эти государственные процессы начаты въ Дублинѣ 28 декабря. Просьба Парнелля отложить процессъ до половины января съ тѣмъ, чтобы ирландскіе члены могли присутствовать при открытіи парламента, была отвергнута; тѣмъ не менѣе, такъ какъ процедура въ Вестминстерѣ обѣщала быть гораздо важнѣе и интереснѣе, чѣмъ въ Дублинѣ, то 6-го января всѣ пять членовъ оказались на лицо въ парламентѣ. Сущность обвиненій, взводимыхъ на нихъ, заключается въ томъ, что они составили заговоръ, съ цѣлью помѣшать уплатѣ ренты, въ нарушеніи законныхъ порядковъ въ арендо-

ваніи фермъ и въ устрашеніи подданныхъ королевы, путемъ террора. Процессъ нисколько не взволновалъ населеніе, тѣмъ болѣе, что всѣ увѣрены, что уликъ не окажется. Тѣмъ временемъ военная сила въ Ирландіи увеличена и доходитъ теперь до 25,000. Митинги земельной лиги зачастую теперь воспрещаются, когда они угрожаютъ общественному спокойствію и когда созываются съ опредѣленной цѣлью доносовъ на извѣстныхъ лицъ, которые перечисляются по именамъ.

Что касается того, слѣдуетъ ли отдать предпочтеніе политикѣ принудительныхъ мѣръ, или нѣтъ, то на этотъ счетъ мнѣнія, разумѣется, весьма различны и демаркаціонной линіей, въ этомъ случаѣ, служитъ опять то же, что̀ отдѣляетъ консерваторовъ отъ либераловъ. Тщетно Гладстонъ и Брайтъ взываютъ къ странѣ о томъ, чтобы она отдѣлила весьма серьёзный политическій вопросъ, предлагаемый ей на разрѣшеніе, отъ мотивовъ, двигающихъ политическими партіями. Самая серьёзность этого вопроса подаетъ поводъ къ яростной борьбѣ между давнишними партіями и подъ давленіемъ давнишнихъ предразсудковъ. Твердый отказъ правительства ускорить срокъ открытія парламента съ цѣлью провести принудительныя мѣры, даетъ отличный случай ораторамъ и писателямъ консервативной партіи возставать противъ того, что̀ они называютъ преступной безпечностью. Самые крайніе изъ этихъ критиковъ, опираясь на „прецеденты" въ англійскомъ обычаѣ, который бы они желали примѣнить ко всякому фазису цивилизаціи въ подлунномъ царствѣ, никакъ не хотятъ терпѣливо обсуждать задачи реформы. „Свобода договоровъ" — вотъ что они требуютъ для Ирландіи, забывая, что при существующихъ обстоятельствахъ такая вещь невозможна между фермерами и лэндлордами, когда послѣдніе владѣютъ монополіей всей выгоды подобныхъ договоровъ. Что касается агитаціи, чувства ихъ выражены въ недавнемъ спичѣ лорда Кренбрука, сказавшаго, что принудительныя мѣры—вотъ что требуется для Ирландіи и ничего больше, и выразившаго сожалѣніе, что правительство не „подавило" агитацію въ самомъ зародышѣ. Но несмотря на вопли этихъ алармистовъ, страна въ общемъ все болѣе и болѣе высказывается за либеральную программу; пожалуй, пусть прибѣгаютъ и къ принудительнымъ мѣрамъ, если это необходимо, лишь бы онѣ были не очень жестоки, но пуще всего пусть дадутъ плодотворный земельный законъ. Небольшая радикальная партія безусловно противится принудительнымъ мѣрамъ и готова просить болѣе крайней реформы, чѣмъ та, какую, повидимому, готовитъ премьеръ. Гладстонъ, къ несчастію, знаетъ, что хотя онъ и очень популяренъ между избирателями, но въ стѣнахъ парламента долженъ имѣть дѣло съ элемен-

тами раздора и, какъ „практическій" государственный человѣкъ,—печальное слово,—долженъ пытаться ихъ примирить. Сознавая, что существуетъ сильное либеральное большинство въ палатѣ общинъ, достаточное, чтобы преодолѣть консервативную оппозицію, онъ поставилъ себѣ задачей провести такую мѣру, которая бы удовлетворила парламентское требованіе реформы, не задѣвая массу представителей земельныхъ интересовъ въ его собственной партіи. „Парнеллисты" и самые себялюбивые изъ лэндлордовъ въ палатѣ, являются противуположными полюсами и одинаково непримиримыми врагами Гладстона. Что касается палаты лордовъ, то въ виду ихъ образа дѣйствій въ прошлую сессію и принимая во вниманіе ихъ естественное желаніе помѣшать осуществленію земельной реформы, можно ожидать худшаго. Въ виду теперешняго направленія общественнаго мнѣнія о томъ, что касается англійскихъ земельныхъ законовъ, англійскіе землевладѣльцы дѣйствуютъ подъ вліяніемъ опасенія, какъ бы рѣшеніе ирландскихъ затрудненій не послужило опаснымъ примѣромъ для такихъ же явленій и въ самой Англіи.

Наконецъ въ числѣ мотивовъ, предрасполагающихъ противъ уступокъ ирландской агитаціи, является и тотъ, что Парнелль ясно выразилъ, что считаетъ дѣятельность земельной лиги лишь первымъ шагомъ къ достиженію національной независимости. Излишне говорить, какое ничтожное число англійскихъ политиковъ допускаютъ мысль о самоуправленіи Ирландіи, и напротивъ громадное большинство готово попрать всѣ законы справедливости, лишь бы помѣшать ему. Да и приверженцамъ самоуправленія не достаетъ рѣшимости заявить о своей безусловной враждебности, какъ къ консерваторамъ, такъ и къ либераламъ. Правительство можетъ быть увѣрено въ ихъ оппозиціи, какъ всякимъ принудительнымъ мѣрамъ, такъ и земельному биллю, какой можетъ допустить палата общинъ.

Парламентъ собрался 6 января, цѣлымъ мѣсяцемъ раньше обыкновеннаго срока, такъ какъ было объявлено, что неотложныя общественныя дѣла предстоятъ къ обсужденію. Само собою разумѣется, что тронную рѣчь ожидали съ большимъ интересомъ, и ея сдержанность одинаково разочаровала какъ тѣхъ, кто готовился ей рукоплескать, такъ и тѣхъ, кто готовился порицать ее. Будучи безпримѣрно длинной, тронная рѣчь тѣмъ не менѣе упоминаетъ только о главныхъ цѣляхъ предстоящаго законодательства, предоставляя обширное поле для догадокъ о томъ, каковы будутъ въ частности министерскія мѣры. Поговоривъ объ улучшеніи извѣстій, касающихся восточнаго вопроса, пожалѣвъ о необходимости враждебныхъ дѣйствій въ южной Африкѣ и возвѣстивъ о намѣреніи очистить Кандагаръ, тронная рѣчь начинаетъ соболѣзновать о томъ, что соціаль-

ное положеніе въ Ирландіи „принимаетъ тревожный характеръ"... При такихъ обстоятельствахъ ея величество „находитъ правильнымъ энергически обратиться къ дѣйствію существующихъ законовъ, прежде чѣмъ потребовать новыхъ", но такъ какъ эти законы оказались недѣйствительными, то требуются другія, болѣе обширныя полномочія. Тѣмъ не менѣе дѣло законодательной реформы въ Ирландіи будетъ вестись далѣе. Земельный законъ 1870 г. оказалъ большія благодѣянія, но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ оказался недостаточнымъ, и предлагается дальнѣйшее развитіе его принциповъ, какъ въ вопросѣ отношеній лэндлордовъ къ фермерамъ, такъ и касательно расширенія крестьянской земельной собственности. Въ дополненіе обѣщается, что будутъ предложены мѣры относительно учрежденія окружного управленія въ Ирландіи, которыя, надо надѣяться, „расширятъ привычку къ самоуправленію". Упоминовеніемъ еще нѣсколькихъ мѣръ, въ числѣ коихъ самой важной является билль объ искорененіи подкуповъ на выборахъ, завершается программа.

Большинство либеральныхъ органовъ, въ особенности провинціальныхъ, высказало сильное разочарованіе по поводу объявленныхъ парламентскихъ проектовъ. Что правительство сознается, что вынуждено прибѣгнуть къ принудительнымъ мѣрамъ въ Ирландіи, уже было извѣстно и объ этомъ до нѣкоторой степени печалились, ибо антипатія къ принудительнымъ мѣрамъ вообще весьма сильна во многихъ избирателяхъ, особенно на сѣверѣ Англіи, гдѣ либеральная партія всего сильнѣе. И то, что Гладстонъ ограничиваетъ свое законодательство предложеніемъ расширить старый земельный законъ, показалось очень неутѣшительнымъ тѣмъ, кто, радуясь присутствію радикальныхъ элементовъ въ кабинетѣ, довѣрчиво ждали самаго крайняго билля. Въ палатѣ общинъ, не теряя времени, приступили въ перестрѣлкѣ, и хотя парламентъ засѣдалъ немногимъ больше недѣли, мы получили достаточное указаніе того, какую обильную пищу доставятъ пренія тревожной публикѣ, на долгіе мѣсяцы впередъ. Форстеръ объявилъ о предполагаемыхъ принудительныхъ мѣрахъ, въ формѣ билля о болѣе дѣйствительной охранѣ личности и собственности въ Ирландіи и билля объ измѣненіи закона касательно права обладанія оружіемъ въ Ирландіи. Къ несчастію, рутинная процедура палаты допускаетъ большую потерю времени, прежде чѣмъ мѣры будутъ дѣйствительно примѣнены на дѣлѣ. Когда былъ внесенъ обычный отвѣтный адресъ на тронную рѣчь, начались пренія, которыя грозили очень затянуться, благодаря тактикѣ крайней ирландской партіи, отчаянно бившей на то, чтобы по возможности отдалить примѣненіе ненавистныхъ принудительныхъ мѣръ. Парнелль возвѣстилъ о поправкѣ къ адресу въ формѣ пара-

графа, убѣждающаго ея величество, что спокойствіе не можетъ быть возстановлено въ Ирландіи путемъ отмѣны конституціонныхъ правъ ирландскаго народа; за этой поправкой послѣдовали двѣ другихъ, отъ ирландскихъ же членовъ; и наконецъ сэръ Уильфридъ Лоусонъ возвѣстилъ о своемъ намѣреніи тоже предложить поправку, въ которой просятъ ея величество положить конецъ войнѣ съ бассутами. Ораторы оппозиціи тоже не отставали отъ другихъ въ попыткахъ досаждать правительству, и сваливали на него главную вину въ настоящемъ положеніи дѣла въ Ирландіи, вызванномъ, будто бы, его нерѣшительной политикой и нелѣпыми надеждами, которыя оно поддерживало въ ирландцахъ. Возражая на эти обвиненія, Гладстонъ защищалъ своихъ собратовъ и себя отъ обвиненій въ неправильной отсрочкѣ созванія парламента, ссылаясь на необходимость предстать съ дѣломъ, яснымъ, какъ Божій день, такъ чтобы получить согласіе всѣхъ партій на предложенія, какія онъ имѣетъ сдѣлать, и въ концѣ этой рѣчи премьеръ повторилъ, но тоже почти не вдаваясь въ подробности, пункты, на которыхъ законъ 1870 г. оказался недостаточнымъ.

Во второе засѣданіе Парнелль внесъ свою поправку, сопровождая ее рѣчью, замѣчательно умѣренной, въ которой онъ анализировалъ статистику преступныхъ покушеній и утверждалъ, что они не оправдали бы обращенія къ принудительнымъ мѣрамъ. Онъ оправдывалъ земельную лигу, отрицая, чтобы она агитировала противъ всякой уплаты ренты, и утверждая, что она—противъ уплаты только несправедливой ренты. Послѣ этого возникли пренія (если только ихъ можно такъ назвать), длившіяся цѣлыхъ шесть засѣданій, и поправка была въ концѣ-концовъ отвергнута большинствомъ 435 голосовъ противъ 57, причемъ въ числѣ послѣднихъ восемь принадлежало англійскимъ радикаламъ. Оппозиція естественно приняла сторону правительства, а нѣкоторое число либеральныхъ членовъ воздержалось отъ подачи голосовъ, не желая компрометтировать себя до тѣхъ поръ, пока не узнаютъ въ точности: въ чемъ заключаются два билля Форстера? Интереснымъ эпизодомъ въ этихъ преніяхъ было отпаденіе отъ послѣдователей Парнелля небольшой кучки болѣе умѣренныхъ „Home rulers", которые съ тѣхъ поръ примкнули къ либераламъ Ольстера въ требованіи такого закона, какой бы, по ихъ мнѣнію, удовлетворилъ справедливымъ требованіямъ фермеровъ. 12 января депутація отъ этихъ членовъ явилась къ Гладстону съ тѣмъ, чтобы высказать ему свое убѣжденіе, что никакая мѣра, если только она не удовлетворитъ тремъ принципамъ: прочности аренды, справедливости ренты и свободѣ продажи, а равно и облегченію крестьянамъ пріобрѣтать землю въ собственность,—не устранитъ ирланд-

скихъ затрудненій. Но премьеръ не измѣнилъ своей политикѣ умолчанія и высказалъ только, что не возьметъ на себя отвѣтственности внести такой билль, какой считаетъ неудовлетворительнымъ. Къ несчастію, земельный билль, несмотря на всю настоятельную потребность въ немъ, будетъ отложенъ до тѣхъ поръ, пока палата не покончитъ съ принудительными мѣрами, а этого, несмотря на все раздраженіе большинства, нельзя ожидать до истеченія періода, болѣе или менѣе намѣренно затягивающихъ дѣло, преній. Что либераламъ приходится начинать сессію въ одномъ направленіи съ консерваторами и реакціонерами—перспектива далеко не изъ пріятныхъ, и во время этихъ долгихъ преній особенно ясно стало, что будущее правительства зависитъ отъ характера тѣхъ реформъ, какія оно предложило.

Кстати о тактикѣ, къ какой прибѣгаютъ парнеллисты, для оппозиціи, правительству. На дняхъ только-что обнародованъ парламентскій документъ, содержащій отчеты—въ отвѣтъ на запросъ графа Гренвилля—о парламентской практикѣ въ иностранныхъ государствахъ, въ особенности въ томъ, что касается clôture. Въ настоящее время много толковалось о необходимости и вѣроятности введенія въ нижнюю палату какого-нибудь способа закрытія преній, и этотъ вопросъ получилъ особенное значеніе отъ пагубной дѣятельности такъ-называемой четвертой партіи въ прошлую сессію. Настоящій документъ доказываетъ склонность кабинета дѣйствовать въ этомъ смыслѣ. Каждый съ радостью привѣтствовалъ бы тотъ или другой способъ прекращать нескончаемую болтовню, которая уже успѣла проявиться съ необузданностью, не предвѣщающей ничего хорошаго; но не слѣдуетъ упускать изъ виду, что въ настоящемъ случаѣ власть затыкать ротъ отдѣльнымъ личностямъ или даже прекращать пренія была бы пущена въ ходъ противъ партіи, добросовѣстно сопротивляющейся несправедливымъ мѣрамъ. Рѣчь уже была о томъ: кому вручить эту власть, спикеру или большинству палаты? Намъ только-что сообщаютъ, что одинъ позабытый всѣми приказъ палаты, изданный въ эпоху отъ 1610—1670 гг., представлялъ спикеру безусловную власть въ этомъ дѣлѣ, и это обстоятельство, конечно, будетъ принято во вниманіе. Съ теченіемъ времени можетъ оказаться, что вопросъ этотъ гораздо важнѣе, чѣмъ вообще кажется теперь.

Я упоминалъ, говоря о палатѣ лордовъ, о настоящемъ положеніи „аграрнаго вопроса“ въ Англіи, такъ какъ нельзя долѣе отрицать, что въ Англіи, точно такъ же, какъ и въ Ирландіи возникаетъ этотъ вопросъ. Не со вчерашняго дня начались нападки на нашъ законъ, касающійся перехода земельной собственности. Но въ настоящее время много обстоятельствъ способствуетъ тому, чтобы привлечь

къ этому вопросу вниманіе соціальныхъ и политическихъ реформаторовъ, и однимъ изъ главныхъ является все увеличивающаяся трудность для англійскихъ фермеровъ конкуррировать съ могучей земледѣльческой дѣятельностью Новаго-Свѣта. Это дѣло поставлено теперь въ Англіи такъ, что можно опасаться, что значительная часть земли перестанетъ обработываться, вслѣдствіе невыгодности такой обработки. Вниманіе было обращено на этотъ фактъ на нѣсколькихъ митингахъ земледѣльческихъ обществъ, въ концѣ прошлаго года; одинъ ораторъ на митингѣ союза фермеровъ, происходившемъ въ декабрѣ мѣсяцѣ, высказалъ даже мысль, что англійскіе фермеры хорошо бы сдѣлали, если бы послѣдовали примѣру ирландской земельной лиги и заявили тѣ же требованія, конечно, не прибѣгая къ тѣмъ же беззаконнымъ мѣрамъ. Рента, правда, уже была значительно уменьшена, но вышеупомянутое обстоятельство вмѣстѣ съ цѣлымъ рядомъ плохихъ урожаевъ и общимъ увеличеніемъ платы землепашцамъ, благодаря ихъ постоянной эмиграціи,—все это вынуждаетъ фермеровъ требовать такихъ уступокъ, какія лэндлордамъ представляются немыслимыми. Въ центральныхъ графствахъ Англіи, къ западу и къ югу, уже теперь находятся тысячи акровъ пахотной земли, которыя не находятъ себѣ арендаторовъ. На дѣлѣ тройной союзъ, поддерживавшій до сихъ поръ англійское земледѣліе: лэндлорда, фермера и землепашца, грозитъ, повидимому, распасться. Многіе изъ лэндлордовъ, хотя и готовы улучшить землю для операцій своихъ фермеровъ, но не имѣютъ къ тому средствъ вслѣдствіе долговъ, которыми обременены ихъ помѣстья, а между тѣмъ, если они пожелаютъ продать свои земли людямъ съ бо́льшими денежными средствами, то зачастую не могутъ этого сдѣлать вслѣдствіе законовъ о наслѣдствѣ. Фамильная гордость, заставлявшая стремиться къ накопленію и передачѣ земельной собственности изъ рода въ родъ, въ былое время приводила къ успѣшнымъ результатамъ, потому что, при тогдашнихъ экономическихъ условіяхъ, фермерство въ обширныхъ размѣрахъ было выгоднымъ дѣломъ для англійскихъ земледѣльцевъ. Но въ настоящее время вопросъ стоитъ такъ: возможно ли фермерамъ и земледѣльцамъ извлекать изъ земли средства къ жизни?—и либеральные политики уже подумываютъ о томъ, какъ бы увеличить число землевладѣльцевъ въ Англіи. Врядъ ли можно разсчитывать, что парламентъ обратитъ теперь вниманіе на возникающій вопросъ, но несомнѣнно, что съ теченіемъ времени этотъ вопросъ будетъ возрости, пока не сдѣлается руководящимъ факторомъ въ политическомъ положеніи дѣлъ.

Покидая эти темныя точки въ экономическомъ порядкѣ страны, пріятно заняться рѣчью м-ра Фоусетта, главнаго почт-директора,

сказанною имъ 14 прошлаго декабря. Фоусетту посчастливилось на первыхъ же порахъ ввести счастливое нововведеніе въ управляемомъ имъ вѣдомствѣ, и оно обѣщаетъ дать немедленно хорошіе плоды для рабочихъ классовъ. Чтобы поощрить привычку къ бережливости среди бѣднѣйшаго населенія и помочь ему въ трудномъ дѣлѣ накопленія копѣечныхъ сбереженій, придумана система, посредствомъ которой сберегательныя кассы почтоваго вѣдомства будутъ принимать вклады въ формѣ почтовыхъ марокъ цѣною въ одинъ пенсъ. Изъ любой почтовой конторы можно получать, безъ оплаты почтовыхъ издержекъ, форму, на которой размѣчены мѣста для двѣнадцати марокъ, и эту форму можно наполнять по мѣрѣ возможности и затѣмъ подать въ банкъ, гдѣ будетъ открытъ счетъ на имя вкладчика. Такъ какъ много возраженій дѣлалось „a priori" противъ этого проекта, то рѣшено было ввести его первоначально только въ десяти графствахъ, но результатъ семинедѣльнаго опыта былъ такъ удовлетворителенъ, что его распространили на всю страну. Фоусеттъ сообщалъ о полученныхъ уже результатахъ. Несмотря на краткость срока примѣненія этой системы, уже слишкомъ на одинъ милліонъ этихъ марокъ было принято въ качествѣ вкладовъ и посредствомъ этихъ формъ открыто слишкомъ 58,000 счетовъ въ сберегательныхъ кассахъ. Ни одной марки не пришлось возвратить потому, чтобы она была запачкана или разорвана, и это обстоятельство тѣмъ болѣе удивительно, когда мы вспомнимъ, въ какихъ жилищахъ хранились эти марки. Что же касается увѣреній въ томъ, что новая система послужитъ прямымъ соблазномъ для почтальоновъ и другихъ почтовыхъ служащихъ, чтобы воровать марки, то м-ръ Фоусеттъ могъ доказать, что ни одного случая такой кражи не было замѣчено. „Я утверждаю,—продолжалъ почт-директоръ,—что такое вѣдомство, какъ почтовое, можетъ различными способами поощрять бережливость и энергично побуждать народъ освобождаться отъ путъ пауперизма и филантропіи. Въ доказательство этого могу привести, что хотя настоящее время года таково, когда особенно много вынимается вкладовъ изъ сберегательныхъ кассъ почтоваго вѣдомства, число новыхъ счетовъ, открытыхъ въ нихъ, увеличилось въ такой степени, какъ никогда доселѣ". На основаніи статистическихъ данныхъ ораторъ заключалъ, что черезъ годъ, обращаясь къ той же публикѣ, онъ будетъ имѣть возможность сообщить ей, что число вкладчиковъ въ сберегательныхъ кассахъ возросло, по меньшей мѣрѣ, на 500,000 человѣкъ.

Затѣмъ Фоусеттъ сообщалъ о другой мѣрѣ, посредствомъ которой его вѣдомство сдѣлалось центромъ мелкихъ финансовыхъ операцій. Въ прошедшую сессію парламента изданъ былъ законъ, дозволявшій

каждому, у кого имѣется 10 фунтовъ стерлинговъ, становиться владѣльцемъ акцій національнаго фонда. До сихъ поръ владѣльцевъ акцій фонда было сравнительно немного, такъ что семьсотъ милліоновъ національнаго долга распредѣлялись всего между 230,000 людей. Отнынѣ, уплачивая небольшую коммиссію, всякій можетъ помѣстить отъ 10 — 100 фунтовъ стерлинговъ въ бумаги фонда въ одной изъ 6,000 почтовыхъ конторъ, гдѣ имѣется сберегательная касса; проценты получаются конторою для вкладчика, безъ уплаты пошлинъ. Эту операцію не такъ легко привести въ исполненіе, какъ предыдущую, и она дѣйствовала еще слишкомъ короткій срокъ, чтобы можно было предсказать ея результаты; но,—говоритъ ораторъ,—„въ различныхъ частяхъ страны нѣсколько сотъ человѣкъ уже помѣстили свои деньги этимъ путемъ, и ни разу не было ни малѣйшаго намека даже на какое-нибудь затрудненіе". Далѣе Фоусеттъ сообщалъ еще о нѣкоторыхъ реформахъ, какія онъ надѣется ввести въ своемъ вѣдомствѣ. Но двѣ вышеприведенныя самыя значительныя изъ всѣхъ.

По поводу недавняго заключенія въ тюрьму двухъ духовныхъ лицъ и отрѣшенія отъ должности третьяго за ихъ отказъ повиноваться закону въ дѣлѣ церковнаго ритуала, необходимо сказать о такъ-называемомъ „кризисѣ" въ англиканской церкви. Вышеупомянутые джентльмены были признаны виновными въ неправильномъ способѣ совершать богослуженіе, и имъ обычнымъ порядкомъ внушено было измѣнить свой образъ дѣйствій. Но они не обратили никакого вниманія на это внушеніе и были отрѣшены, опять послѣ обычной процедуры, отъ своей должности. Эту мѣру они также оставили безъ вниманія и продолжали совершать богослуженіе тѣмъ же, признаннымъ за беззаконный, порядкомъ. Послѣ этого лордъ Пензенсъ, судья, разбирающій ритуалистическіе процессы, призналъ достопочтенныхъ джентльменовъ виновными въ тяжкомъ оскорбленіи суда. Двоихъ изъ нихъ: м-ра Деля и м-ра Энрота, посадили въ тюрьму до тѣхъ поръ, пока они не объявятъ, что готовы подчиниться закону; третьяго м-ра де-ла-Биръ, котораго судили по другому парламентскому закону, отрѣшили отъ должности.

Эти процессы произвели не малую сенсацію въ публикѣ, и хотя эти духовныя лица насчитываютъ немного приверженцевъ, однако публика не можетъ не находить, что тотъ фактъ, что священниковъ засадили въ тюрьму за проступки, во всякомъ случаѣ, не оскорбляющіе нравственности, врядъ ли соотвѣтствуетъ настоящему состоянію нашей цивилизаціи. Сами ритуалисты не находятъ достаточно энергическихъ словъ, чтобы заклеймить это „преслѣдованіе", а законъ и судъ, приводящій въ исполненіе этотъ законъ, они считаютъ орудіемъ величайшаго оскорбленія принциповъ гражданской и рели-

гіозной свободы. Общество, называемое „церковнымъ союзомъ“, имѣетъ спеціальной цѣлью поддерживать всѣхъ духовныхъ лицъ, которые подвергаются преслѣдованію ради своего ритуала; а другое общество, „церковная ассоссіація“, употребляетъ всѣ усилія, чтобы увеличить число преслѣдованій.

Ритуалистическое духовенство не скрываетъ, что въ основаніи ихъ разлада съ обычной церковной обрядностью лежитъ нѣкоторое пристрастіе къ извѣстному, нѣсколько неопредѣленному ученію объ евхаристіи, которое слишкомъ приближается къ ученію римской церкви, чтобы быть терпимымъ правовѣрными англиканами. Но объ этой сторонѣ вопроса толкуютъ пока мало; обвиненія, тяготѣющія надъ „мучениками“, заключаются въ упорной рѣшимости носить извѣстное одѣяніе, зажигать извѣстные свѣтильники, принимать извѣстныя позы, которыя парламентъ объявляетъ совершенно незаконными въ богослуженіи установленной церкви.

Съ 1874 г. дѣйствовалъ законъ, регулирующій общественное богослуженіе и имѣющій въ виду провести демаркаціонную линію между законнымъ и незаконнымъ отправленіемъ богослуженія и назначающій особаго судью для разбирательства спорныхъ казусовъ. На рѣшеніе этого судьи можно апеллировать въ судебную коммиссію государственнаго совѣта. На основаніи этого закона подвергнуты были преслѣдованію и отрѣшены отъ должности м-ръ Дель и м-ръ Энротъ; но то обстоятельство, что ихъ посадили въ тюрьму, обусловливается примѣненіемъ обыкновенныхъ законовъ, направленныхъ противъ лицъ, виновныхъ въ неповиновеніи суду.

Появленіе въ концѣ года новаго романа лорда Биконсфильда—событіе такой важности для недавней политической исторіи, что о немъ необходимо упомянуть въ заключеніе настоящаго письма. „Endymion“, собственно говоря, даетъ объясненіе всего хода англійской иностранной политики—внутренней тогда почти не существовало—за все злополучное время управленія лорда Биконсфильда. Если кто-нибудь еще питалъ иллюзію, что благородный лордъ, на склонѣ лѣтъ и покрытый почестями, управлявшій дѣлами великой имперіи, отличался во взглядахъ и стремленіяхъ отъ Бенджамина Дизраэли, умнаго и смѣлаго политическаго авантюриста,—того появленіе этой книги должно было совершенно разочаровать.

Русскіе читатели, конечно, уже хорошо знакомы съ книгой въ настоящее время, чтобы нужно было говорить объ ея содержаніи и герояхъ [1]). Естественно было ожидать, относительно послѣднихъ, что

[1]) Въ собраніяхъ переводныхъ романовъ, дѣйствительно, появились уже два перевода романа Биконсфильда. *Ред.*

публика будетъ отыскивать ихъ прототиповъ, по крайней мѣрѣ главнѣйшихъ, среди выдающихся политиковъ нашего времени или же весьма недавняго прошлаго. Много комментаріевъ объ этомъ было уже напечатано, такъ что почти ни одно изъ дѣйствующихъ лицъ не осталось непріуроченнымъ къ кому-нибудь изъ нихъ, но можно сказать навѣрное, что многія изъ этихъ толкованій очень удивятъ автора. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ нельзя ошибаться; такъ напр., невозможно не принять лорда Рочамптона за лорда Пальмерстона; Джоба Торнберри за Ричарда Кобдена; можно узнать Луи-Наполеона, кардиналовъ Уайзмена и Маннинга, слитыхъ въ одно лицо; точно такъ нельзя, къ несчастію, сомнѣваться, что духъ литературнаго недоброжелательства побудилъ автора изобразить въ нелѣпой карикатурѣ двухъ величайшихъ изъ англійскихъ романистовъ. Что касается второстепенныхъ лицъ, то попытки пріурочивать ихъ къ живымъ людямъ дѣлаются единственно лишь ради погони за скандаломъ, хотя, принимая во вниманіе слабость художественнаго дарованія лорда Биконсфильда и всѣмъ извѣстную склонность къ личностямъ въ своихъ произведеніяхъ, нельзя удивляться массѣ подробностей и характеристикъ, наводящихъ на догадки читающую публику.

Сообщаютъ изъ достовѣрнаго источника, что авторъ писалъ „Эндиміона" около десяти лѣтъ; такимъ образомъ, онъ писалъ его обдуманно и медленно, и можно безъ сомнѣнія искать въ немъ окончательныхъ взглядовъ автора на многіе вопросы политическіе и общественные. Здѣсь не мѣсто распространяться о томъ, что государственный человѣкъ, удалившись отъ управленія общественными дѣлами, употребляетъ свой досугъ на то, чтобы предстать передъ міромъ въ качествѣ ничтожнаго и слабаго романиста; но явленіе это заслуживаетъ, какъ я уже сказалъ, большого вниманія, чтобы понять политическую дѣятельность прошлаго правительства и сильную реакцію, вызванную имъ въ концѣ-концовъ во всей странѣ. Лордъ Биконсфильдъ—фантазёръ-артистъ, которому дана была возможность разыгрывать свои любимыя роли на сценѣ дѣйствительной жизни. Англійская публика, надо отдать ей справедливость, всегда понимала это и нерѣдко выражала, что ошибочно было бы принимать главу консерваторовъ *au sérieux*. Критики съ этой точки зрѣнія и обсуждали его послѣднее произведеніе и очень снисходительно отнеслись къ нему, съ удивительнымъ юморомъ указывая на нравственное значеніе этой исторіи. Во всякомъ случаѣ, мы должны признать, что романъ свидѣтельствуетъ въ пользу большой ловкости благороднаго лорда.

Во всѣхъ трехъ томахъ нельзя найти слѣда какихъ-нибудь благородныхъ чувствъ или возвышенныхъ стремленій. Атмосфера, господствующая въ этомъ произведеніи — атмосфера дипломатическая, какъ ее понимаетъ лордъ Биконсфильдъ, а герои, за рѣдкими исключеніями, отличаются неправдоподобностью и дѣйствуютъ подъ вліяніемъ удивительно низкихъ побужденій. Главной цѣлью ихъ честолюбія, ихъ *idée fixe* является „*la haute politique*", которая характеризуется какъ „большая игра". Сами дипломаты удостоиваются спеціальной характеристики: одно время, говорятъ намъ, „Эндиміонъ" имѣлъ рѣдкій случай изучать этотъ странный классъ человѣческихъ существъ, которыя привыкли смотрѣть на государства и націи, какъ на лица, и спекулировать на ихъ ссоры и недоразумѣнія, и средства, которыми они пользуются, состоятъ въ особомъ спеціальномъ языкѣ, гдѣ каждое слово обозначаетъ діаметрально противуположное тому, что оно, повидимому, выражаетъ." И это отнюдь не сатира, а просто веселая шутка, такъ какъ авторъ не скрываетъ, что имъ принадлежатъ его симпатіи, хотя онъ и позволяетъ себѣ поглумиться надъ ними. Затѣмъ опять, когда герой подумываетъ о парламентской карьерѣ, одна вліятельная лэди краснорѣчиво учитъ его, что „финансы и торговля—всѣмъ доступные вопросы и особенно годятся для спичей тѣмъ людямъ, которые не говорятъ по-французски и не получили никакого воспитанія. Настоящая политика, это— имѣть власть и раздавать ее". Съ этимъ убѣжденіемъ благородный юноша становится мужемъ. Сестринская преданность героини представляется заслуживающей удивленія и хвалы, но какова цѣль этой преданности? когда ея братъ готовится стать первымъ министромъ и весь наполненъ мыслями о личной власти и славѣ, она объявляетъ, что всѣ ея высшія надежды осуществились. Эндиміонъ — министромъ, а сама она—королевой, что можетъ быть желаннѣе этого?

Романы лорда Биконсфильда будутъ читаться потомствомъ, но врядъ ли за ихъ литературныя достоинства. Англійскіе историки девятнадцатаго столѣтія найдутъ въ нихъ не мало свѣдѣній о любопытныхъ примѣрахъ политическаго честолюбія и успѣха и о странномъ періодѣ, когда политикой страны руководилъ такъ называемый „имперіализмъ".

G. R. G.

ИНОСТРАННАЯ ПОЛИТИКА.

Политика и народъ.

По поводу ирландскаго вопроса.

Англія пожинаетъ теперь горькіе плоды давняго безпощаднаго завоеванія и обезземеленія цѣлаго народа. Въ теченіе послѣднихъ шести мѣсяцевъ давно покоренная ею Ирландія представляетъ поразительное зрѣлище страны, въ которой народное и общественное недовольство и озлобленіе привело къ полной анархіи. Отъ одного конца Англіи до другого, во всѣхъ кружкахъ и слояхъ, консервативныхъ и либеральныхъ, раздаются жалобы на отсутствіе безопасности для лицъ и собственности въ странѣ, управляемой англійскими законами и состоящей болѣе трехъ столѣтій подъ англійскимъ владычествомъ. Всѣ кричатъ объ организованномъ заговорѣ противъ закона,—заговорѣ, въ которомъ участвуетъ цѣлая страна! Ранней осенью сельское населеніе нѣкоторыхъ мѣстностей Ирландіи стало громко высказывать, что „англійскому закону пришелъ конецъ", и теперь это убѣжденіе стало общимъ въ Конноутѣ и Мюнстерѣ, въ большей части Лейнстера и въ нѣкоторыхъ округахъ Ольстера. Народное убѣжденіе встрѣтилось съ дѣятельностью земельной лиги, принявшей къ сердцу интересы страны вообще и обездоленныхъ фермеровъ въ частности, и увлекло ее далеко за предѣлы мирной агитаціи. Дѣло дошло до попытокъ добиться угрозами и устрашеніемъ отмѣны существующихъ договоровъ между землевладѣльцами и фермерами, до открытаго насилія въ отношеніи къ тѣмъ, кто не подчинялся народнымъ требованіямъ. Ихъ „бойкотировали", т.-е. дѣлали съ ними то же, что съ землевладѣльцемъ Бойкотомъ, запрещая кому бы то ни было имѣть съ нимъ дѣло, работать въ его имѣніи, нанимать у него землю и т. п., разобщая землевладѣльца съ окружающимъ міромъ. Съ половины прошлаго года въ народѣ стало замѣтно горячее участіе къ людямъ, совершающимъ такъ-называемыя аграрные проступки и преступленія. Власти тщетно розыскивали виновныхъ. „Британскіе тигры"—вотъ имя, данное народомъ англичанамъ, т.-е. англійскимъ лэндлордамъ и властямъ. Ирландцы стекались на митинги съ знаменами, на которыхъ красовалась выразительная надпись: „Мы работаемъ, а чужеземецъ беретъ себѣ жатву". Народъ

угрожалъ смертью работникамъ, которые еще продолжали что-нибудь дѣлать для осужденнаго на безпомощность землевладѣльца; въ одномъ графствѣ была даже вырыта могила, и надъ нею поставлена надпись, которая предупреждала, что эту могилу наполнятъ собою тѣ, кто станетъ обработывать зачумленную ближайшую ферму. Землевладѣльцы получали письма, грозившія имъ также смертью, если они не понизятъ арендной платы за землю. Угрожающія письма получали, впрочемъ, не одни землевладѣльцы, возбудившіе своими дѣйствіями глубокое недовольство народа. Взаимное раздраженіе между землевладѣльцами и фермерами такъ сильно, что подобныя письма разсылались съ обѣихъ сторонъ. Вотъ, напр., письмо, полученное однимъ изъ вождей земельной лиги, Парнеллемъ: „15 декабря 1880. Чарльзу Стюарту Парнеллю. Приготовились ли вы отдать душу Богу? Если нѣтъ, то поспѣшите примириться съ нимъ, а то будетъ поздно. При судебномъ разбирательствѣ вашего дѣла, никакъ не позже, вамъ дастъ вкусить вѣчный покой человѣкъ, которому жребій предназначилъ отправить зараженнаго всякою скверной и проклятымъ коммунизмомъ передъ лицо карающаго божества. Тогда, только тогда, успокоится эта ослѣпленная страна, повергнутая въ нынѣшнее безнадежное положеніе вашими низкими происками. Самъ адъ и самъ дьяволъ, которымъ вы посланы, не защищать васъ отъ пули человѣка, готоваго принять жесточайшую кару обезсиленнаго вами закона, лишь бы только убить васъ“. Подобныя письма получали и другіе выдающіеся члены земельной лиги. Члены лиги, въ свою очередь, на митингахъ громко обвиняли во лжи тѣхъ судей, которые въ своихъ судебныхъ рѣчахъ приписывали подстрекательствамъ лиги всевозможныя преступленія и желаніе довести дѣло до избіенія всѣхъ землевладѣльцевъ. „Онъ лжетъ“, сказалъ членъ парламента и членъ лиги, Диллонъ, о лордѣ верховномъ судьѣ „онъ — презрѣнный лжецъ, потому что произнесъ это обвиненіе съ такого мѣста, которое ограждало его отъ послѣдствій той же лжи, еслибъ она была произнесена въ частномъ собраніи“. Всѣ эти факты, а ихъ можно было бы привести тысячи, достаточно характеризуютъ положеніе дѣлъ. Только глубокія причины, только сильно наболѣвшія общественныя язвы могутъ порождать такъ сильно обостренныя отношенія между двумя слоями населенія. И эти язвы сразу выясняются намъ, когда мы припомнимъ, что одинъ слой ирландскаго населенія, слой большею частью пришлый, англійскій, владѣетъ почти всею землей страны, а другой, вдесятеро болѣе многочисленный, принужденъ или тяжко работать, чтобы временно имѣть въ своемъ распоряженіи клочекъ земли, или вѣчно оставаться батракомъ.

Движенія, подобныя нынѣшнему, наполняютъ всю исторію Ир-

ландія съ того самаго времени, какъ Кромвель прошелъ по ней съ огнемъ и мечомъ. Ея католицизмъ, ея приверженность къ Стюартамъ были ненавистны англійскимъ протестантамъ всѣхъ оттѣнковъ и конституціоналистамъ. Ирландскія восстанія издавна стали явленіемъ періодическимъ. Не углубляясь въ отдаленныя времена, вспомнимъ только то, чему мы всѣ были свидѣтелями двѣнадцать лѣтъ тому назадъ, когда Ирландія, какъ и теперь, была охвачена аграрнымъ и политическимъ движеніемъ, во главѣ котораго стояли такъ-называемые феніи. На нашей памяти Гладстону приходится теперь во второй разъ распутывать страшно затянутый историческій узелъ, который уже столько разъ принималось разрубать народное ожесточеніе ирландцевъ. Какъ теперь, онъ и тогда началъ внесеніемъ билля, пріостанавливавшаго конституціонныя гарантіи въ Ирландіи; какъ теперь, за этимъ биллемъ и тогда послѣдовалъ другой, аграрный билль, который, какъ надѣялись въ то время, удовлетворитъ ближайшія нужды ирландскаго народа. Этотъ многострадальный народъ, въ теченіе вѣковъ терпѣвшій всѣ бѣдствія обезземеленія, голода, вынужденныхъ переселеній изъ отечества, дѣйствительно успокоился, но только на десять лѣтъ—не больше. Аграрный билль, проведенный Гладстономъ въ 1870 году черезъ обѣ палаты парламента, и съ тѣхъ поръ регулирующій въ Ирландіи юридическія отношенія между землевладѣльцами и нанимающимъ у нихъ землю народомъ, нѣсколько ограничивалъ произволъ землевладѣльцевъ. Ихъ договоры съ нанимателями земли и крестьянами имѣли прежде законную силу лишь постольку, поскольку они того желали, и могли быть произвольно разрываемы ими. Билль узаконялъ эти договоры и обязывалъ землевладѣльцевъ, въ случаѣ произвольнаго изгнанія фермеровъ съ нанимаемой ими земли, выдавать имъ вознагражденіе, соразмѣрное съ ихъ прежней арендной платой. Всѣ споры между землевладѣльцами и крестьянами - нанимателями разрѣшались, въ силу тогдашняго билля, особыми третейскими судами. Билль дозволялъ фермерамъ отдавать въ наемъ употребляемымъ ими рабочимъ строенія и огороды на нанимаемой землѣ. Чтобы способствовать пріобрѣтенію земли въ собственность сельскимъ населеніемъ и образованію средняго слоя свободныхъ землевладѣльцевъ, билль уполномочивалъ правительство выдавать фермерамъ ссуды на умѣренныхъ условіяхъ.

Но всѣ эти мѣры были допущены биллемъ въ такихъ микроскопическихъ дозахъ, что практическіе его результаты оказались почти ничтожными. Нынѣшнія волненія ясно показали, что эти мѣры, которыми министерство Гладстона думало въ то время удовлетворить вопіющія нужды ирландскаго народа, были крайне несоразмѣрны съ

самыми нуждами. Очень можетъ быть, что въ 1870 году болѣе удовлетворительный билль и не могъ бы пройти въ палатѣ лордовъ. Англійскіе консерваторы, сами, большею частью, крупные землевладѣльцы, считали свои интересы солидарными съ интересами ирландскихъ лэндлордовъ и громко протестовали противъ мнимаго нарушенія биллемъ личной свободы гражданъ и священнаго права собственности. Но все-таки этотъ актъ государственнаго благоразумія не упразднилъ коренныхъ причинъ народнаго недовольства и озлобленія, а только на-время успокоилъ измученную экономическимъ безправіемъ и нуждою Ирландію.

Въ странѣ завоеванной, разобщенной съ своими завоевателями національностью, вѣрой и экономическимъ гнетомъ, аграрная агитація не могла не принять и политическаго характера. Ирландцы, выселявшіеся массами въ Соединенные-Штаты, гдѣ имъ открылась возможность достигнуть сравнительно большей степени благосостоянія, унесли съ собою въ свое новое отечество ненависть къ Англіи и дорогія національныя преданія о многочисленныхъ попыткахъ ихъ предковъ свергнуть съ себя англійское иго. Тысячи этихъ переселенцевъ принимали дѣятельное участіе въ междоусобной войнѣ сѣверныхъ штатовъ съ южными, разумѣется, противъ южныхъ, которымъ изъ промышленныхъ соображеній сочувствовали англичане они научились въ этой войнѣ носить оружіе и драться. Раздраженіе сѣверныхъ штатовъ противъ Англіи дошло тогда до сильной степени, и обстоятельства казались ирландцамъ какъ нельзя болѣе благопріятными для освобожденія покинутой ими, обездоленной родины. Такъ возникло въ шестидесятыхъ годахъ знаменитое братство феніевъ, „партія физической силы“, отрицавшая пользу той мирной агитаціи, представителемъ которой былъ О'Коннелль. Братство было организовано и быстро перенесло свою дѣятельность въ Ирландію, поставивъ себѣ цѣлью освобожденіе Ирландіи и учрежденіе ирландской республики. У братства, благодаря денежной и нравственной помощи всѣхъ американскихъ ирландцевъ, формировалась армія, была своя казна, были свои запасы оружія. Но нити заговора были открыты англійской полиціей прежде, чѣмъ феніи открыто подняли знамя возстанія. Позднѣйшія попытки ихъ поднять Ирландію тоже не удались, обнаруживъ крайнюю ихъ непрактичность. Тѣмъ не менѣе, эти отчаянныя попытки обратили общее вниманіе на тяжелое и опасное положеніе страны. Онѣ привели сначала къ политико-церковной реформѣ, къ биллю 1869 года, упразднявшему привилегированное положеніе англиканской церкви въ католической Ирландіи, а потомъ и къ аграрному биллю 1870-го года. Этотъ послѣдній билль настолько успокоилъ Ирландію, что, годъ спустя, почти на всѣхъ

заключенныхъ феніевъ была распространена амнистія, обязывавшая ихъ, однако же, выѣхать изъ предѣловъ Соединеннаго-Королевства.

Горячихъ и неопытныхъ феніевъ смѣнили теперь болѣе зрѣлые и искусные политическіе люди; попытки къ открытому возстанію и взрывы уступили мѣсто другимъ, болѣе обдуманнымъ пріемамъ: правильнымъ митингамъ, ловкой парламентской тактикѣ и вниманію къ интересамъ того сельскаго населенія, которое всегда больше нуждается въ улучшеніи своихъ хозяйственныхъ условій и болѣе чувствительно къ нему, чѣмъ къ чисто-политическимъ задачамъ. Передъ господствующимъ, страшно наболѣвшимъ аграрнымъ вопросомъ, въ глазахъ народа стушовывались всѣ другія соображенія, не исключая и религіозныхъ. Парнелль и многіе другіе ирландскіе депутаты въ палатѣ общинъ—протестанты. Вопросъ политическій обратился только въ средство для достиженія аграрныхъ цѣлей. Прошло десять лѣтъ послѣ окончательнаго подавленія феніевъ и новаго аграрнаго билля, и Англія очутилась въ положеніи еще болѣе затруднительномъ, чѣмъ въ какомъ она была тогда. Въ то время были вспышки, больше навѣянныя извнѣ, изъ Америки; теперь весь островъ въ броженіи. Тогда феніи выставили сразу республиканское знамя; теперь такъ называемые home-rulers, бойцы за самоуправленіе Ирландіи, и знаменитое общество Land-Ligue, во главѣ котораго стоятъ искусные и опытные люди, и которая взяла въ свои руки интересы обезземеленнаго сельскаго населенія, систематически дѣйствуютъ въ пользу ирландской независимости, не выставляя заранѣе другого политическаго знамени.

Полное законодательное сліяніе Ирландіи съ Англіей состоялось, послѣ многихъ кровавыхъ возстаній, подавленныхъ съ чрезвычайною энергіей и жестокостью, въ 1800 году. Ирландія получила тогда право посылать 32 пэровъ въ палату лордовъ и 100 депутатовъ отъ графствъ въ палату общинъ. Ирландцамъ въ то же время были предоставлены всѣ политическія права, какими уже пользовались англичане. Но это сліяніе, эти права окончательно узаконяли прежнее положеніе дѣлъ, оставляя народъ, на законномъ основаніи, въ прежней нищетѣ и прежнемъ униженіи. Они юридически закрѣпляли привилегированное положеніе незначительнаго меньшинства англичанъ и безправіе всего ирландскаго народа. Обѣ страны дорого платятся теперь за эту страшную аномалію. Сліяніе стало въ глазахъ ирландцевъ осязательной причиной всѣхъ бѣдъ, съ тѣхъ поръ ими испытанныхъ. Но если народъ, не углубляясь въ политическія соображенія, стремился прежде всего къ облегченію своего матеріальнаго положенія, то ирландская интеллигенція, всосавшая англійскихъ идей и англійскихъ правъ, не переставала возвращаться

къ мысли о національной независимости своего отечества. Феніи были самыми крайними, самыми необузданными выразителями и представителями этой мысли. Наученная горькимъ опытомъ, нынѣшняя ирландская интеллигенція дѣйствуетъ иначе; но она воодушевлена тѣмъ же стремленіемъ и пользуется теперь бо́льшимъ сочувствіемъ въ народѣ, чѣмъ когда-нибудь прежде. Въ минувшемъ декабрѣ, на большомъ банкетѣ въ Уатерфордѣ, когда провозглашенъ былъ тостъ за процвѣтаніе Ирландіи, Парнелль въ пространной рѣчи доказывалъ, что какъ ни велико могущество Англіи, оно все-таки не достаточно для того, чтобы сохранить за нею владычество надъ Ирландіей. Съ горькимъ чувствомъ сказалъ онъ въ этой рѣчи по вопросу о переселеніяхъ ирландцевъ въ Америку: „Я былъ въ Америкѣ и нигдѣ не встрѣчалъ тамъ такой хорошей земли для поселенія, какъ равнины нашей Ирландіи—роскошныя земли, состоящія во владѣніи людей, которые отдаютъ ихъ въ аренду подъ пастбища. Всего населенія Ирландіи мало для ихъ обработки. Въ Ирландіи около 500,000 человѣкъ, которыхъ интересы требуютъ сохраненія стараго порядка, но они не въ силахъ противостоять остальнымъ пяти милліонамъ душъ ирландскаго населенія. Въ наше время просвѣщеннаго общественнаго мнѣнія совсѣмъ невозможно управлять страною противъ организованной силы массъ. Долгъ каждаго ирландца—способствовать освобожденію своей страны, когда онъ это можетъ. Мы будемъ работать конституціоннымъ путемъ, пока это намъ удобно. Мы не рѣшаемся подвергнуть родину ужасамъ междоусобія, пока это не нужно; но я спрашиваю каждаго изъ сидящихъ за этимъ столомъ, я спрашиваю всякаго истиннаго ирландца, будь онъ духовное или свѣтское лицо, не есть ли первый долгъ его — дѣлать все, чтобы дать своему отечеству возможность занять мѣсто между народами. Нашъ путь лежитъ пока въ границахъ конституціи. Англія дала намъ эту конституцію ради своихъ собственныхъ цѣлей; мы воспользуемся ею для нашихъ цѣлей; и если я, или кто-нибудь подъ моимъ вліяніемъ когда-нибудь призоветъ ирландскій народъ выйти за черту конституціи, то мы сдѣлаемъ это открыто, а не подъ какимъ-нибудь лживымъ предлогомъ“. Принимая на другой день депутацію города Уатерфорда, поднесшую ему адресъ и почетное гражданство, Парнелль повторилъ, что, по его мнѣнію, англійское владычество въ Ирландіи надломлено, и Ирландія несомнѣнно добьется своей законодательной независимости.

Въ этихъ словахъ одного изъ выдающихся вождей ирландской земельной лиги, конечно, есть извѣстная доля увлеченія и самонадѣянности. Открытая борьба съ Англіей совсѣмъ не по силамъ одному ирландскому народу безъ матеріальной помощи какого ни-

будь могущественнаго союзника. Но Парнелль, очевидно, разсчитываетъ не на военную борьбу, а на борьбу политическую и соціальную, на которую духъ времени и общественное мнѣніе самой Англіи не могутъ не оказывать сильнаго вліянія. Съ нравственной стороны авторитетъ англійскаго правительства, дѣйствительно, надломленъ, и надломленъ очень серьёзно. Въ странѣ, дѣйствительно, господствуетъ анархія, англійскій законъ и его исполнители безсильны противъ общаго народнаго настроенія, поддерживаемаго земельною лигой. Большой политическій процессъ, начатый англійскими властями въ Дублинѣ противъ вождей и участниковъ лиги, окончился полнымъ фіаско. Послѣ сильныхъ политическихъ рѣчей, произнесенныхъ защитниками подсудимыхъ и восторженно принятыхъ многочисленной публикой, дѣло окончилось тѣмъ, что изъ обычныхъ двѣнадцати присяжныхъ десять признали подсудимыхъ невиновными, и только двое были иного мнѣнія. Такъ какъ англійскій законъ требуетъ единогласнаго вердикта присяжныхъ, то приговоръ судей совсѣмъ не состоялся, и подсудимые могли спокойно разойтись по домамъ. На нравственномъ, политическомъ и соціальномъ полѣ Ирландія безспорно осталась побѣдительницей въ своей борьбѣ съ англійскимъ владычествомъ. Но дѣло получило бы, вѣроятно, другой оборотъ, еслибъ ирландцы вздумали помѣряться съ Англіей военными силами. Въ настоящее время въ Ирландіи уже сосредоточено болѣе 20,000 человѣкъ англійскаго войска; за берегами ея наблюдаютъ многочисленныя англійскія суда, и первый сигналъ къ открытому возстанію не замедлилъ бы вызвать самыя рѣшительныя военныя мѣры, противъ которыхъ не могли бы устоять ирландскіе охотники изъ фермеровъ и горожанъ. Такого столкновенія нельзя ни желать, ни ожидать. Люди, направляющіе теперь ирландскимъ движеніемъ,—уже не довѣрчивые юноши, не знающіе жизни: это люди политическіе, члены парламента, люди, пережившіе тяжелый опытъ шестидесятыхъ годовъ. Всего вѣроятнѣе, что они пока имѣютъ въ виду одну цѣль: показать англійскому правительству, какъ велико недовольство Ирландіи, и вынудить у него болѣе или менѣе крупныя уступки.

Скажемъ болѣе: нѣтъ никакого основанія сомнѣваться въ томъ, что рано или поздно Ирландія должна получить отъ Англіи то относительно независимое положеніе, какимъ пользуются теперь многія англійскія колоніи: Канада, Австралія, Капская земля. Англійская политика постоянно идетъ въ этомъ направленіи и до сихъ поръ не имѣла причинъ сожалѣть о томъ. Если въ текущемъ году англійское правительство ограничится аграрной реформой, то ближайшей затѣмъ задачей ирландской интеллигенціи и ирландскаго народа станетъ именно вопросъ полнаго самоуправленія. Обсужденіе и

утвержденіе законовъ для Ирландіи англійскимъ парламентомъ сопряжено съ такими практическими неудобствами и проволочками, что рано или поздно Англія охотно допуститъ въ Ирландіи законодательное учрежденіе для чисто мѣстныхъ дѣлъ, сохраняя за собою положеніе верховной державы. Въ этомъ смыслѣ требованія ирландскихъ гомрулеровъ не представляютъ ничего утопическаго, а напротивъ являются хотя и отдаленною, но вполнѣ достижимою цѣлью, очень удобной и выгодной для обѣихъ сторонъ.

Либеральное министерство Гладстона поставлено настоящимъ ирландскимъ движеніемъ въ очень трудныя политическія и нравственныя условія: съ одной стороны, союзники и даже сочлены его—виги, заодно съ его противниками—консерваторами, сторонниками прежняго министерства лорда Биконсфильда, громко требуютъ самыхъ рѣшительныхъ репрессивныхъ мѣръ, а они, вмѣстѣ взятые, составляютъ большинство въ обѣихъ палатахъ; съ другой радикалы, тоже союзники и тоже сочлены министерства, хотятъ радикальныхъ перемѣнъ во всемъ строѣ ирландскаго землевладѣнія. Подавивъ ирландское движеніе одними военными и полицейскими мѣрами, англійское правительство достигло бы только чисто-внѣшнихъ, отрицательныхъ результатовъ, подъ ровною поверхностью которыхъ таилось бы сосредоточенное, сдержанное, но тѣмъ болѣе серьёзное и опасное недовольство. При нынѣшнемъ уровнѣ политическаго развитія англійскаго народа, никакое министерство, ни либеральное, ни консервативное, не дерзнуло бы поставить себя въ такое аттиловское или чингисханское положеніе. За военными и полицейскими мѣрами необходимо и быстро должны слѣдовать реформы, направленныя противъ коренныхъ причинъ недовольства и волненія. Но въ чемъ должны состоять эти реформы? Какъ далеко должны онѣ идти, чтобъ удовлетворить всѣ интересы, примирить, повидимому, непримиримое, и притомъ пройти черезъ двѣ палаты, изъ которыхъ одна считаетъ свои интересы солидарными съ интересами ирландскихъ землевладѣльцевъ?

Еще въ прошлую сессію министерствомъ была назначена коммиссія для изслѣдованія положенія аграрныхъ дѣлъ въ Ирландіи. Эта коммиссія окончила теперь свои занятія и представила министерству свой докладъ, который содержитъ богатый матеріалъ для предстоящихъ законодательныхъ работъ и парламентскихъ преній. Изъ пяти членовъ коммиссіи докладъ подписали четверо; пятый членъ, м-ръ Кевенагъ представилъ особый докладъ. Оба доклада составлены, однако-же, въ одномъ направленіи и различаются между собою только тѣмъ, что первый идетъ въ томъ же направленіи дальше послѣдняго. Четыре члена коммиссіи высказались за три

F, составляющихъ содержаніе самой умѣренной ирландской програмы: за fixity ot tenure, fair rents, free sale (т.-е. за прочность аренды, за справедливую ренту, за вольное отчужденіе арендаторскихъ правъ), и, сверхъ того, за введеніе крестьянскаго землевладѣнія. М-ръ Кевенагъ, указывающій менѣе широкія реформы для удовлетворенія ирландскихъ фермеровъ, предлагаетъ мѣры, которыя на практикѣ должны привести къ тѣмъ же результатамъ. Это согласіе между всѣми членами коммиссіи въ главныхъ основаніяхъ придаетъ особенную цѣну ихъ соображеніямъ. Послѣднія основаны на практическихъ показаніяхъ семи-сотъ свидѣтелей въ разныхъ частяхъ Ирландіи, гдѣ коммиссія имѣла шестьдесятъ-одно засѣданіе. Опрошенные свидѣтели единогласно жаловались на такое произвольное и чрезмѣрное возвышеніе арендной платы землевладѣльцами, которое поглощаетъ все, что они только могутъ пріобрѣтать самымъ упорнымъ трудомъ. Земельный актъ 1870 года не оградилъ ихъ ни отъ этого произвола, ни отъ потерь, сопряженныхъ съ удаленіемъ ихъ съ занимаемой земли. Подкрѣпленныя подлинными доказательствами, эти свѣдѣнія не оставляютъ никакого сомнѣнія въ настоятельной неотложности земельной реформы, если хотятъ доставить арендаторамъ самую элементарную безопасность владѣнія. Коммиссія находитъ невозможнымъ ограничиться пересмотромъ и измѣненіемъ земельнаго акта 1870 года: нуженъ новый общій земельный актъ для всей Ирландіи, въ основу котораго должны быть положены три F; нужны мѣры для облегченія сельскому населенію доступа къ земельной собственности.

Насколько эти мѣры войдутъ въ тотъ билль, котораго съ такимъ нетерпѣніемъ ожидаютъ отъ Гладстона ирландцы и либеральная партія въ Англіи,—объ этомъ еще ничего неизвѣстно. Но полученные Англіей уроки такъ многочисленны и поучительны, ея прежнія мѣры въ Ирландіи такъ мало способствовали улучшенію экономическихъ условій этой страны, что она, казалось бы, не можетъ остановиться теперь на полдорогѣ. Правда, направленіе, въ которомъ ей приходится идти въ Ирландіи, совершенно ново для нея. Она знала до сихъ поръ однѣ только политическія реформы и въ этомъ направленіи достигла великихъ результатовъ, издавна ставъ въ завидное положеніе свободнѣйшей страны въ Европѣ. Но соціальныя реформы для нея очень крупная и очень непривычная новость. Робкій починъ, сдѣланный Гладстономъ въ этомъ направленіи десять лѣтъ тому назадъ, оказался недѣйствительнымъ на практикѣ. Теперь приходится или серьёзно затронуть землевладѣльческія права собственности, какъ привыкли понимать ихъ англійскіе законодатели и ирландскіе лэндлорды, или совсѣмъ отступиться отъ Ирландіи, уже

пожертвовавъ милліоны ея населенія въ пользу Соединенныхъ-Штатовъ, гдѣ они стали отличными работниками и далеко опередили въ благосостояніи своихъ земляковъ, оставшихся на родинѣ. Многія политическія, національныя и церковныя уступки уже сдѣланы Ирландіи англійскимъ законодательствомъ; и если, несмотря на это, она еще остается въ бѣдственномъ положеніи, то коренная причина тому одна—соціальная, экономическая.

Ирландія—одна изъ плодороднѣйшихъ странъ въ мірѣ. По самымъ серьёзнымъ разсчетамъ, она можетъ прокормить до восьмнадцати милліоновъ людей, а въ ней бѣдствуетъ теперь пятимилліонное населеніе. И это населеніе постоянно уменьшается. Съ 1841 г., оно сократилось на два слишкомъ милліона, тогда какъ расходы на бѣдныхъ почти учетверились. Прежній изобильный вывозъ земледѣльческихъ продуктовъ изъ Ирландіи замѣнился теперь привозомъ этихъ продуктовъ въ Ирландію. Поверхность обработываемой земли уменьшилась съ сороковыхъ годовъ на тридцать процентовъ. По свѣдѣніямъ, представленнымъ парламенту въ 1870 году и съ тѣхъ поръ не замѣненнымъ новыми, больше чѣмъ пятая часть всей ирландской земли принадлежитъ всего 110 лицамъ, а цѣлая половина Ирландіи, считающей до 20 милл. акровъ,—всего 700 человѣкъ. На пять милліоновъ населенія приходилось только 5,919 человѣкъ, владѣющихъ менѣе чѣмъ сотней акровъ. Почти полное отсутствіе мелкаго землевладѣнія и цѣлый народъ, обращенный въ батрака,—вотъ единственная, коренная причина бѣдствій богато одаренной страны съ ея способнымъ населеніемъ. Между ирландцемъ и обработываемой имъ чужою землей до сихъ поръ не могло образоваться той постоянной, обезпеченной связи, которую даетъ только полное право свободно располагать ею по собственной волѣ и собственному усмотрѣнію. Ирландецъ лишенъ не только этого права, но и надежды пріобрѣсти его упорнѣйшимъ трудомъ. Его силы и способности заранѣе парализованы закономъ, осуждающимъ его безвозвратно на это положеніе паріи на родной его землѣ, во имя освященнаго конституціей права собственности чужеземцевъ. И это въ странѣ чисто-земледѣльческой, не имѣющей, какъ Англія, богатой промышленности, которая работаетъ на весь міръ! Народъ въ такомъ положеніи не можетъ быть консервативенъ. Ему нечего охранять, кромѣ ненавистнаго ему положенія, и онъ періодически возобновляетъ всевозможныя попытки выйти изъ этого положенія, найти себѣ лучшія условія жизни. Замѣчательно, что онъ ищетъ ихъ пока не въ личномъ правѣ собственности на землю, а въ возстановленіи той старой, средневѣковой системы землевладѣнія, которая допускала только

владѣніе пожизненное. Ирландцу до сихъ поръ, до конца девятнадцатаго вѣка, оставалось совсѣмъ чуждымъ право собственности на землю, которое присвоили себѣ англійскіе завоеватели.

Ясно, что при такихъ исключительныхъ, можно сказать, небывалыхъ соціальныхъ условіяхъ, робкія полумѣры не могутъ привести къ цѣли. За исключеніемъ торіевъ и консерваторовъ, общественное мнѣніе въ Англіи чутко прислушивается къ пульсу Ирландіи и готово поддержать Гладстона, если предложенная имъ аграрная реформа будетъ дѣйствительна и серьёзна. Но о содержаніи ея нѣтъ еще никакихъ свѣдѣній, и передъ нашими глазами одно только удовольствіе, вызванное въ большинствѣ органовъ англійской печати другимъ биллемъ, который уже внесенъ министерствомъ Гладстона въ парламентъ и имѣетъ въ виду, на первый разъ, однѣ только репрессивныя мѣры. Потомъ уже, хотя и очень скоро, должны послѣдовать реформы.

Сомнительно, чтобы министерство Гладстона съ такимъ же удовольствіемъ предлагало репрессивныя мѣры, съ какимъ эти мѣры встрѣчены англійской печатью. Министерство, считающее въ числѣ своихъ членовъ людей, которые оказали своему отечеству большія услуги на поприщѣ не репрессій, а реформъ, должно сильно тяготиться своимъ настоящимъ положеніемъ. Талантливый и либеральный Форстеръ прямо заявилъ въ палатѣ общинъ, что никогда не принялъ бы своего нынѣшняго поста—министра ирландскихъ дѣлъ, еслибъ предвидѣлъ, что ему предстоитъ незавидная роль укротителя. Но, застигнутый бѣдою, онъ долженъ выполнить эту роль, какъ англичанинъ, какъ повѣренный своихъ избирателей, какъ министръ, желающій вскорѣ провести необходимыя для Ирландіи реформы. Предложенныя имъ репрессивныя мѣры не легки. Онѣ распадаются на двѣ части. Главную изъ нихъ можно назвать коротко и ясно отмѣной акта Habeas Corpus, ограждающаго личную свободу граждан. Министерство предлагаетъ предоставить вице-королю Ирландіи право арестовать и держать подъ арестомъ всякаго подозрительнаго человѣка до 30-го сентября будущаго года. Такъ какъ вице-королю не вмѣняется въ обязанность предавать арестованныхъ подозрительныхъ людей суду, то даруемое ему полномочіе было бы очень серьёзно, еслибъ не англійскіе конституціонные нравы. Но прежніе примѣры ручаются за то, что право ареста не будетъ имѣть жестокихъ послѣдствій для страны: десять лѣтъ тому назадъ, тоже при министерствѣ Гладстона, отмѣна акта Habeas Corpus въ Ирландіи сопровождалась лишь временнымъ арестомъ девятнадцати лицъ. Вторая мѣра, предложенная министерствомъ, ограничиваетъ продажу ору-

жія и его храненія. Примѣненіе этой мѣры встрѣтитъ большія трудности на практикѣ. По свѣдѣніямъ изъ Ирландіи, у рѣдкаго ирландца нѣтъ теперь своего ружья или хоть плохого пистолета. Кѣмъ именно они вооружены—неизвѣстно; обыкновенно все это приписывается земельной лигѣ; но въ эпохи сильныхъ народныхъ волненій всякаго рода оружіе обикновенно точно выростаетъ изъ земли, хотя бы никто не раздавалъ его по заранѣе обдуманному плану.

Англія и Ирландія переживаютъ теперь серьёзную критическую пору разсчета за вѣка экономическаго и соціальнаго угнетенія. Исторія всегда казнитъ государства и народы тѣмъ, чѣмъ они погрѣшили, всегда даетъ имъ пожинать только то, что они посѣяли. Англіи предстоитъ теперь бросить новыя сѣмена въ плодородную почву Ирландіи. Чѣмъ честнѣе разсчитается она съ этой несчастной страной, тѣмъ лучшее будущее подготовитъ и самой себѣ. Въ этомъ смыслѣ уже раздаются англійскіе голоса, которымъ всюду вторитъ общественная совѣсть.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1-е февраля, 1881.

I.

— *Масоны*. Романъ въ пяти частяхъ *А. Ѳ. Писемскаго*. Иллюстрированный 60-ю рисунками художника К. Брожа. Спб. Изданіе Германа Гоппе. 1881 года. (Въ двухъ томахъ).

Слѣдующая далѣе замѣтка была уже отдана въ печать, когда пришло извѣстіе о смерти А. Ѳ. Писемскаго. Короткость времени не позволяетъ намъ дать теперь обзоръ его литературной дѣятельности; мы постараемся сдѣлать это позднѣе. Писемскій не стоялъ въ первыхъ рядахъ нашей литературы; но это была все-таки крупная и оригинальная сила, съ своими большими заслугами въ новѣйшемъ развитіи нашей литературы,—для которой онъ много поработалъ въ послѣднія тридцать лѣтъ.

Историческій романъ въ такомъ ходу въ нашей литературѣ, какъ никогда прежде,—только время „Юрія Милославскаго" и его сверстниковъ было также обильно романическими изображеніями старины, конечно, во вкусѣ и по историческимъ понятіямъ той эпохи. Тогда и теперь это обиліе не было случайностью. Въ тридцатыхъ годахъ начинались не только въ высшемъ литературномъ слоѣ, но и въ кругахъ второстепенныхъ, стремленія къ историческому самосознанію, желаніе связать современную жизнь нитью историческаго развитія и преданія съ прошедшими вѣками. Высшимъ образцомъ этой исторической поэзіи были произведенія Пушкина (и позднѣе, частію, Гоголя); на второмъ планѣ—романы Лажечникова, на третьемъ—Загоскина и пр. Пушкинъ ограничился ближайшей эпохой, еще памятной по преданію, и создалъ произведенія, высоко замѣчательныя не только поэтическимъ достоинствомъ, но и исторической правдой. Другіе углубились въ XVII, XVI вѣкъ—главнымъ образомъ подъ руководствомъ Карамзина. Для живого изображенія тѣхъ эпохъ не могло

быть, конечно, преданія, не было ни достаточныхъ историческихъ свѣдѣній, ни первостепенныхъ талантовъ, и эта литература быстро отцвѣла: „Юрій Милославскій" перешелъ къ той невзыскательной публикѣ, которая не считается въ литературныхъ вопросахъ; романы Лажечникова идутъ къ тому же. Болѣе строгая критика, развитіе историческихъ знаній подняли уровень требованій настолько, что историческій романъ почти совсѣмъ сошелъ съ литературной сцены.

Новое распространеніе его совпадаетъ съ особеннымъ расширеніемъ историческихъ изученій, ознаменовавшимъ послѣднія десятилѣтія. Съ тѣхъ поръ какъ реакція заявила себя самымъ недвусмысленнымъ образомъ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, и въ литературѣ были подавлены идеалистическіе порывы,—которые столько разъ были потомъ осуждены и которые, однако, такъ были бы необходимы для общества, прогнивавшаго отъ застоя и безправія,—историческія изученія явились подспорьемъ для общественнаго интереса, который находилъ въ нихъ хотя бы ретроспективную пищу. Явилась масса историческихъ изданій, нѣсколько спеціальныхъ журналовъ; послѣдніе имѣли замѣчательный успѣхъ, который и объясняется указаннымъ обстоятельствомъ. Правда, эти изданія и журналы не давали особенно глубокаго историческаго пониманія; напротивъ, оно было, вообще говоря, очень мелкое,—иной разъ даже по необходимости мелкое и мало критическое, потому что приходилось подъ благочестивой или езоповской маской спасать историческій разсказъ отъ цензуры, слѣдившей за тѣмъ, чтобы не было сказано чего-либо „неумѣстнаго" и „несвоевременнаго" не только о XVIII—XIX, но даже и о XVII столѣтіи. Историческая точка зрѣнія, здѣсь господствовавшая, былъ панегирикъ; тонъ — Плутарха для юношества; перспектива пропадала; исторія всего чаще сводилась на занимательное приключеніе и анекдотъ. Слабыя стороны этой исторіографіи отразились и въ романѣ, который сталъ почерпать въ ней свой матеріалъ... Но, какъ бы то ни было, хотя эта исторіографія мало разъяснила самыя основы историческаго развитія, она давала множество въ высокой степени важнаго матеріала для будущаго историка и для современной любознательности: являлись на свѣтъ литературныя произведенія стараго вѣка, исполненныя жизни и интереса (назовемъ записки священника Лукьянова, записки Добрынина, и пр., и пр.); выходили изъ-подъ спуда документы, оффиціальные и частные; освѣщались впервые событія, которыя при всей ихъ крупности прятались доселѣ отъ общества, какъ отъ малолѣтняго ребенка,—событія, какъ дворцовые перевороты прошлаго вѣка, напр. воцареніе Екатерины II, правленіе императора Павла, вступленіе на престолъ императора Александра I, дѣянія Аракчеева, Магницкаго

и компаніи, и проч.; собиралось, наконецъ, множество бытового матеріала, рисовавшаго жизнь общественную и частную, и нерѣдко какъ разъ такого, какого пожелалъ бы романистъ. Романисты и не замедлили.

Одни обратились къ изображенію недавняго прошедшаго; другіе (а иногда тѣ же) углубились въ сѣдую древность (были недавно романы изъ временъ Мамаева побоища). Что касается древности, то первыми начинателями такого романа были, въ наше время, г. Костомаровъ и гр. Алексѣй Толстой. Въ романѣ изъ новѣйшей исторіи, первое мѣсто и по литературному значенію, и по времени принадлежитъ гр. Л. Н. Толстому. „Война и миръ“ явились какъ нѣчто невиданное въ нашей литературѣ; высокій талантъ, приложенный къ изображенію прошедшаго, предварительно хорошо изученнаго, произвелъ такую оживленную, поражавшую правдой картину событій, нравовъ, такой рядъ бытовыхъ типовъ и историческихъ характеровъ, что романъ сдѣлался событіемъ: онъ несомнѣнно создалъ манеру, которая принята была другими (иногда до мелочей), и нѣкоторые изъ народившихся вскорѣ романистовъ именно отъ него только и ведутъ свое начало.

Нашъ историческій романъ никогда не проявлялъ такой смѣлости, какъ со времени „Войны и мира“. Онъ не задумываясь принялся изображать самыя крупныя историческія лица, къ которымъ едва ли бы подступился безъ помощи гр. Л. Н. Толстого; романисты подглядѣли его пріемъ—связывать историческій фактъ, документально извѣстный, съ его продолженіемъ или антецедентомъ, принадлежащимъ фантазіи, рисовать лица, полу-историческія или давать лицамъ, созданнымъ фантазіей романиста, историческія черты времени, наконецъ, его манеру легкой поддѣлки извѣстныхъ историческихъ именъ, и т. д. Смѣлость брала города. Явились на сцену и Никонъ патріархъ, и Петръ Великій, и Петръ III, и Екатерина II, и Потемкинъ, и Ломоносовъ, и пр. и пр., какъ въ ихъ рѣшительные историческіе моменты, такъ и запросто, въ домашнемъ быту, въ халатѣ и въ кофтѣ.

Романъ г. Писемскаго есть романъ историческій. Время дѣйствія его начинается съ половины 1830-хъ годовъ и доходитъ до 1848; время, правда, еще очень недалекое, но главныя лица, на которыхъ построено дѣйствіе романа, были тогда людьми уже стараго поколѣнія и старой формаціи; общественный элементъ, около котораго они сосредоточиваются, былъ элементъ старый, для насъ теперь совсѣмъ принадлежащій исторіи—масонство. Пріемы живописанія — нерѣдко тѣ самые, о которыхъ мы сейчасъ говорили. Въ значительной степени авторъ, конечно, могъ прямо черпать въ собственныхъ воспоми-

наніяхъ—когда дѣло идетъ объ изображеніи помѣщичьихъ и провинціальныхъ нравовъ, или московскихъ нравовъ той эпохи; но въ другихъ случаяхъ, источники романа, очевидно, были чисто книжные.

Дѣйствіе романа вертится на судьбахъ одного кружка, хранившаго масонскія преданія, а иногда, въ рѣдкихъ исключительныхъ случаяхъ, совершавшаго даже и масонскую практику, нѣчто въ родѣ собранія ложи. Какъ извѣстно, масонскія ложи были запрещены въ 1822 г., видимо потому, что ихъ сочли тогда политически неблагонадежными. Политическій элементъ, дѣйствительно, начиналъ проникать въ нихъ, когда послѣ войнъ „за освобожденіе", въ нѣкоторыхъ кружкахъ общества, и особливо военныхъ, началось извѣстное неопредѣленное броженіе въ либеральномъ смыслѣ. Но бóльшая доля масонскихъ ложъ была, кажется, очень далека отъ какихъ-нибудь политическихъ поползновеній, ограничивалась своимъ спеціально масонскимъ содержаніемъ, т.-е. религіозно-нравственнымъ мистицизмомъ и филантропіей. Эта доля тогдашняго масонства,—къ которой принадлежало не мало дѣйствительно порядочныхъ людей,—была, вѣроятно, очень огорчена закрытіемъ ложъ, которое должно было прекратить ея пропаганду; по своимъ правиламъ, она не могла позволить себѣ сопротивленія власти и покорилась, но въ глубинѣ души не могла не желать, чтобы дѣло, оффиціально запрещенное, не заглохло: въ этомъ дѣлѣ масоны видѣли средство къ нравственному улучшенію общества; это послѣднее и въ обыкновенномъ смыслѣ должно было быть цѣлью каждаго разумнаго и честнаго гражданина. Не нарушая запрещенія,—не только по боязни, но главнымъ образомъ потому, что само масонство предписывало покореніе властямъ, — они тѣмъ не менѣе—безъ строгихъ прежнихъ формъ своего общества, безъ совершенія обрядовъ, — старались сколько возможно сберегать свое ученіе, искали для него новыхъ адептовъ, поддерживали старыя связи, и т. д. Въ извѣстныхъ теперь печатно свѣдѣніяхъ о старомъ нашемъ масонствѣ, есть формальное постановленіе въ этомъ смыслѣ, принятое нашими масонами въ 1827, слѣдовательно, уже въ царствованіе императора Николая.

Таковы были условія, въ какихъ могли дѣйствовать „Масоны" г. Писемскаго. Онъ такъ и изображаетъ эти условія. Главное дѣйствующее лицо, къ которому сводятся нити нѣсколькихъ отдѣльныхъ исторій, разсказанныхъ въ романѣ, есть старый масонъ, человѣкъ убѣжденный въ истинѣ и священности своего ученія, старающійся дѣйствовать, гдѣ только можно, въ защиту справедливости и для помощи ближнимъ, религіозный мистикъ. По общественному положенію, онъ—богатый провинціальный помѣщикъ, по масонству—имѣющій связи съ крупными людьми въ Петербургѣ, прежними товарищами

въ „орденѣ". Къ этому главному лицу примыкаетъ рядъ другихъ, также въ разной степени принадлежащихъ къ послѣдователямъ ученія, мужчинъ и женщинъ.

Мы затрудняемся судить о томъ, насколько разсказъ г. Писемскаго отвѣчаетъ дѣйствительности, т.-е. давала ли, въ самомъ дѣлѣ, наша жизнь тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ матеріалъ для такой, хотя бы и исключительной, картины. Какъ мы замѣтили выше, масоны александровскихъ временъ, если не всѣ, то болѣе усердные старались хранить преданіе; говорятъ, что оно и дѣйствительно сберегалось и имѣло даже новые отпрыски, такъ что масоны, старательно конечно скрывающіеся, есть и по настоящую минуту. Но мы не знаемъ, насколько разсказъ г. Писемскаго имѣетъ *фактическаго* основанія. Задача критики этимъ, очевидно, весьма затрудняется, потому что романъ г. Писемскаго есть именно что-называется „правоописательный", а между тѣмъ нѣтъ довольно данныхъ, чтобы судить о соотвѣтствіи картины съ дѣйствительностью. Можетъ быть, автору нужно было бы предпослать роману хоть небольшой разсказъ о томъ, что ему *практически* извѣстно объ описываемыхъ нравахъ,—иначе и читатель, какъ критика, можетъ придти въ недоумѣніе о томъ, съ чѣмъ онъ имѣетъ дѣло — съ дѣйствительнымъ ли нравоописаніемъ, или съ немного произвольной романической разработкой въ сущности скудныхъ историческихъ данныхъ.

Въ разсказѣ можно, на манеръ гр. Толстого, узнавать дѣйствительныя лица. Не знаемъ, имѣлъ ли авторъ какой-нибудь дѣйствительный подлинникъ для своего главнаго героя, Марфина; но не трудно узнать „Сергѣя Степановича", „Ѳедора Ивановича", отца и сына Углаковыхъ, лукаваго масона Батенева, музыканта Лябьева. Другія лица являются цѣликомъ изъ исторіи, какъ кн. Голицынъ, какъ Сперанскій, какъ (мимоходомъ) „министръ внутреннихъ дѣлъ", какъ г-жа Татаринова, Мартынъ Пилецкій, изъ извѣстной секты Александровскихъ временъ. Въ этихъ послѣднихъ случаяхъ, г. Писемскій не съумѣлъ воспользоваться историческими фактами такъ, чтобы они сливались съ его собственнымъ творчествомъ — какъ они сливаются, напр., у гр. Толстого; заимствованіе остается сырымъ, и впечатлѣніе бываетъ немного странное, когда читатель встрѣчаетъ въ романѣ страницы, знакомыя изъ „Архива" или „Русской Старины". Подобное неловкое впечатлѣніе оставляютъ длинные (по нѣскольку страницъ) тексты масонскихъ разсужденій, о которыхъ опять не знаемъ, написаны ли они г. Писемскимъ или взяты просто изъ масонскихъ рукописей: въ первомъ случаѣ, тексты (хотя все-таки черезъ мѣру длинные) свидѣтельствовали бы, что авторъ съумѣлъ очень искусно приладиться къ масонскому міровоззрѣнію; во второмъ

случаѣ (который вѣроподобнѣе), тексты, любопытные сами по себѣ исторически, въ художественномъ отношеніи были бы только внѣшней приставкой.

Пользуясь исторіей,—имъ читанной, но, можетъ быть, призабытой, или слышанной, но не провѣренной,—авторъ сдѣлалъ, повидимому, и одинъ, очень нескладный анахронизмъ. По его разсказу, въ концѣ тридцатыхъ или началѣ сороковыхъ годовъ, существовалъ въ Москвѣ „Еввинъ клубъ", гдѣ хозяйками были дамы, приглашавшія мужчинъ по усмотрѣнію, и гдѣ время проводилось въ увеселеніяхъ, *ничѣмъ* не стѣсненныхъ, т.-е. совсѣмъ необузданныхъ. Могло быть, пожалуй, что въ Москвѣ и дѣйствительно было тогда такое заведеніе; но вѣрнѣе, кажется, что авторъ отнесъ къ новѣйшимъ временамъ старинные разсказы объ Еввиномъ клубѣ, существовавшемъ, по преданію, въ Москвѣ въ концѣ прошлаго столѣтія. Разсказъ о немъ находится въ старинномъ путешествіи, „Voyage de deux Français dans le Nord de l'Europe", 1796; затѣмъ описаніе этого клуба вошло въ романъ Нарѣжнаго „Россійскій Жилблазъ" (Спб. 1814), который былъ послѣ запрещенъ,—одной (если не единственной) изъ причинъ запрещенія была, вѣроятно, большая откровенность этого эпизода. Не отголосокъ ли этой старины помѣстилъ г. Писемскій въ сороковые года?

Есть мнѣніе, что историческій романъ (или историческая драма) вообще есть такой-же фальшивый родъ литературы, какъ была во времена псевдо-классицизма эпическая поэма въ античномъ стилѣ, какъ поэма дидактическая и т. п., потому что исторія и поэзія совершенно различны по существу, какъ наука и искусство, по пріемамъ своего осуществленія и дѣйствія историческій романъ соединяетъ такимъ образомъ вещи разнородныя, внося произволъ фантазіи въ исторію и стѣсняя поэзію обязательностью факта, или подрывая ея дѣйствіе исторической ошибкой. Это мнѣніе конечно есть крайность. Напротивъ, историческій романъ можетъ прямо считаться развитіемъ народной эпики, конечно, въ формахъ болѣе сложныхъ, какъ всякое позднѣйшее историческое явленіе. Если въ этомъ „фальшивомъ" родѣ литература европейская, а также и русская, могли создать замѣчательныя произведенія, оставлявшія сильное, именно художественное впечатлѣніе, то уже это одно показываетъ, что поэзія можетъ смѣло направить сюда свою творческую дѣятельность. И въ самомъ дѣлѣ, исторія есть та же человѣческая, личная и общественная жизнь, и разница только въ томъ, что для поэта (или романиста) въ обращеніи къ міру давно или недавно прошедшему необходимы иныя средства изученія и получается другая степень достовѣрности: но глубокая творческая фантазія можетъ также оживлять прошедшее, реставрированное историкомъ, какъ можетъ претворять на-

стоящее, окружающую насъ жизнь въ одушевленную картину, создать которую было бы недоступно для обыкновеннаго ума и мало воспріимчиваго чувства. Но сложность этой поэтической дѣятельности налагаетъ на писателя особыя условія: историческій романъ требуетъ возможно широкаго примѣненія тѣхъ средствъ изученія, которыя въ этой области необходимы, и освѣщенія результатовъ поэтической отгадкой времени и людей. Въ нашей литературѣ, послѣ повѣстей Пушкина, высшій образчикъ историческаго романа, широко построеннаго на этихъ основаніяхъ, далъ гр. Л. Н. Толстой. Другія, теперь уже многочисленныя произведенія этого рода представили не мало своихъ достоинствъ, хорошихъ частностей, иногда смѣлой исторической фантазіи, знанія описываемаго времени, но слишкомъ часто дѣйствовало тутъ не поэтическое возсозданіе, а болѣе или менѣе искусная внѣшняя комбинація, мозаичный сборъ подробностей, не истинное чутье старины, а копировка внѣшности и поддѣлка.

Понятное дѣло, что при этомъ послѣднемъ невозможно какое-нибудь особое художественное значеніе подобныхъ произведеній; да и напрасно было бы искать его. Истинная художественность достижима только для первостепенныхъ талантовъ; при талантахъ второго и третьяго порядка нечего и ставить это высокое требованіе. Ихъ роль—другая, нежели чистое художество. Они имѣютъ въ литературѣ свое мѣсто, если достигаютъ болѣе скромной цѣли—образовательной пользы, съ извѣстной долей поэтическаго содержанія. Таково у насъ множество произведеній, посвященныхъ какъ изображенію современнаго общественнаго или народнаго быта, такъ и изображенію бытовой старины. Было бы несправедливо, какъ это часто дѣлается, высокомѣрно отвергать ихъ съ точки зрѣнія якобы строго охраняемаго достоинства искусства; они дѣлаютъ свое полезное дѣло, знакомя общество съ разными сторонами нашей современности или исторіи и несомнѣнно помогая распространенію ихъ сознательнаго пониманія. Въ самомъ дѣлѣ, если въ томъ и другомъ недостаетъ высокаго искусства, то положено не мало внимательнаго изученія, и результатъ его не остался безплоднымъ для читающей массы.

Въ этомъ ряду историческихъ романовъ станетъ и послѣднее произведеніе г. Писемскаго. Какъ мы замѣтили, историческая тэма его „Масоновъ“ недостаточно выяснена; тѣмъ не менѣе, романъ даетъ любопытный эпизодъ изъ жизни тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, эпизодъ, надъ изученіемъ котораго авторъ, видимо, работалъ, и который для большинства читателей будетъ очень новъ.—Разсказъ и вообще занимателенъ, хотя не отличается тонкой отдѣлкой,—какъ издавна не отличалась ею живопись г. Писемскаго.

— *Ю. Добрынинъ. Пейсъ-Паша* и его консорты. Мозаики, камеи и миніатюры изъ любопытныхъ раскопокъ въ трущобахъ Святой земли. Спб. 1881.

Книга странная и вызывающая на размышленія.

Авторъ, считающій свой жизненный путь „близкимъ къ концу", говоритъ на первыхъ страницахъ книги, что онъ дѣлалъ на своемъ вѣку много путешествій въ разныя страны, — такъ что изъ всѣхъ частей свѣта не знаетъ еще одной только Австраліи. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, переплывая въ короткое время нѣсколько разъ изъ Смирны въ Александрію и обратно, онъ нашелъ возможность посѣтить „на двѣ недѣли" Святую землю. Какъ человѣкъ любознательный, онъ усердно собиралъ тогда и потомъ свѣдѣнія отъ людей всякихъ народностей, вѣръ и положеній, такъ что пріобрѣлъ наконецъ такія познанія о Палестинѣ, что „врядъ ли кто знаетъ здѣсь въ этомъ отношеніи болѣе его". Разсказъ, предпринятый авторомъ, по словамъ его,—„будетъ простъ, какъ истина и заключаться исключительно въ изложеніи событій, незнакомыхъ нашему обществу, но дѣйствительно имѣвшихъ мѣсто среди *христіанскаго населенія священно-исторической страны*, которая издавна служитъ яблокомъ раздора и центромъ политическихъ мечтаній просвѣщенной части человѣческаго рода". Автора въ особенности заняла среда „почти-что равносильныхъ партій, постоянно имѣющихъ между собою непріятныя столкновенія—духовенства и представителей иностранныхъ правительствъ". Онъ не опредѣляетъ ни народности, ни времени дѣйствія своихъ героевъ, но даетъ имъ, однако, „русскія вымышленныя имена"—для большей простоты, по его словамъ; и разсказывать онъ вознамѣрился совершенно свободно, между прочимъ о предметахъ „иногда весьма щекотливыхъ". Относительно выбора русскихъ именъ, авторъ замѣчаетъ: „предпочитаю сдѣлать это еще въ силу того, что мнѣ, незнакомому со многими иностранными языками (?), было бы слишкомъ затруднительно выставлять въ печати подлинныя имена и званія. Если же, прочитавъ мои сообщенія, многіе изъ слѣдящихъ отсюда за ходомъ главнѣйшихъ событій и выдающихся происшествій въ Палестинѣ, изумятся, что столь исключительные случаи до сихъ поръ оставались подъ спудомъ, я отвѣчу имъ, что, во-первыхъ, на обще-палестинскія дѣла описываемыя мною событія не имѣли *достаточно важнаго вліянія* (?), чтобы ихъ огласила русская печать (?), а затѣмъ, оффиціально сообщаются извѣстія далеко не въ томъ видѣ, какъ на самомъ дѣлѣ должны были бы передаваться, строго придерживаясь истины,—чтобы не срамиться предъ иностранцами (?), умалчиваютъ о *главномъ!*" (?)

Читатель, вѣроятно, раздѣлитъ съ нами недоумѣніе, какое воз-

буждаютъ эти разсужденія. Но, какъ бы то ни было, книжка изображаетъ исторію одного церковнаго представителя и дипломатическаго представителя неизвѣстной державы въ Палестинѣ, отца Августина и генерала Полѣнина. Ихъ русскія имена, — данныя имъ авторомъ „по незнанію многихъ иностранныхъ языковъ",—производятъ такое впечатлѣніе, какъ будто это и въ самомъ дѣлѣ были наши соотечественники; это впечатлѣніе усиливается и кажется читателю полной достовѣрностью, когда онъ узнаетъ, что духовная особа хотѣла „подражать во внѣшности митрополиту Филарету", когда въ его біографіи дѣлается ссылка на описаніе нѣкоторыхъ фактовъ въ герценовскомъ „Колоколѣ" и т. д.

Въ подробности книги мы входить не будемъ, предоставляя читателю самому съ ней ознакомиться. Довольно сказать, что біографія названныхъ двухъ дѣятелей (т.-е. церковнаго и дипломатическаго представителей неизвѣстной державы) и ихъ приспѣшниковъ и приспѣшницъ есть не просто скандальная, но скандальнѣйшая хроника,— написанная не безъ своего рода искусства и съ немалой ядовитостью. Это не просто памфлетъ, а настоящій „libel".

Если справедлива половина того, что̀ разсказываетъ авторъ, то надо сожалѣть о состояніи общества, въ которомъ возможны оффиціальные дѣятели подобные о. Августину и генералу Полѣнину, дѣятели, стоящіе ниже всякой нравственно-общественной критики, компрометтирующіе „державу", которой служатъ представителями, безнаказанно хозяйничающіе по-своему въ теченіе многихъ лѣтъ въ такомъ важномъ международномъ пунктѣ, какъ Палестина. Повидимому, высшая власть „державы" не имѣла понятія о дѣяніяхъ своихъ представителей,—вслѣдствіе того, что ни общественное мнѣніе, ни печать не имѣли права голоса, не могли указать на совершавшіяся безобразія, которыхъ власть не въ состояніи была услѣдить по оффиціальнымъ бумагамъ.

Факты, разсказанные въ книжкѣ, далеко не безразличны для общаго политическаго интереса страны. „Держава", которая имѣетъ своихъ представителей въ Палестинѣ, очевидно, имѣетъ ихъ по важнымъ религіозно-политическимъ соображеніямъ. Безъ сомнѣнія, она думаетъ черезъ этихъ представителей заявлять свое значеніе и свои интересы въ Палестинѣ; пламенные патріоты этой державы несомнѣнно высоко цѣнятъ религіозно-политическое значеніе своей народности и своего государства, строятъ идеалистическіе планы развитія этого значенія. Между тѣмъ, въ дѣйствительности, настоящіе представители этой церкви и этого государства не только обо всемъ этомъ не помышляютъ, занимаясь однимъ личнымъ интриганствомъ, но своимъ цинизмомъ грубо подрываютъ и интересы государства, и ожиданія

идеалистовъ. Раскрывается глубокій, коренной порокъ этихъ отношеній, который — вмѣстѣ съ многими подобными же недостатками въ самой внутренней жизни — требуетъ исправленія раньше, чѣмъ могутъ строиться волшебные планы будущаго.

Форма, къ которой прибѣгнулъ авторъ для своихъ историческихъ повѣствованій, не принадлежитъ къ лучшимъ литературнымъ формамъ. Памфлетъ есть нерѣдкое орудіе борьбы общественной, литературной, политической; бываютъ обстоятельства, гдѣ онъ исполняетъ правильно свою роль и даже бываетъ единственнымъ возможнымъ средствомъ. Но бываютъ случаи, гдѣ онъ становится очень дурнымъ оружіемъ. Намъ кажется, что и въ настоящемъ случаѣ памфлетъ поставленъ несовсѣмъ правильно. Во-первыхъ, по словамъ автора, его разсказъ относится ко временамъ минувшимъ, и главнаго героя, на которомъ сосредоточено его озлобленіе, уже нѣтъ въ живыхъ. Такъ это или нѣтъ, не знаемъ; но если авторъ заявляетъ это, то положительно непріятное впечатлѣніе оставляетъ памфлетъ, и притомъ порядочно циническій, противъ лица, уже не существующаго, которое не можетъ отвѣчать и которое авторъ даже въ могилу проводилъ названіемъ „пса". Далѣе, безъимянный памфлетъ, какъ настоящій, имѣетъ ту отталкивающую сторону, что онъ лишаетъ обвиняемаго почти всякой возможности защиты: рѣчь идетъ о комъ-то, живущемъ гдѣ-то,—вольно-де (обвиняемому) принимать это на свой счетъ; а если онъ приметъ, то, значитъ, вѣрно изображенъ. А если обвиненіе невѣрно; если оно продиктовано однимъ озлобленіемъ и извращаетъ факты? Обвиняемый можетъ совсѣмъ не отозваться, а читатель, т.-е. общество оставляется въ недоумѣніи и вводится въ заблужденіе.

Авторъ книжки показалъ не мало литературной смѣлости; не было ли бы лучше, еслибъ онъ вмѣсто безъимяннаго, двусмысленнаго памфлета написалъ книжку, хотя менѣе пикантную, но болѣе открытую? Въ послѣднемъ случаѣ, не было бы, конечно, столько мѣста для ядовитыхъ эпизодовъ, но было бы больше настоящей пользы для общества.

Русскіе простонародные травники и лечебники. Собраніе медицинскихъ рукописей XVI и XVII столѣтія. Профессора В. М. *Флоринскаго.* Казань, 1880.

Въ старой русской литературѣ до сихъ поръ остается немало памятниковъ, до которыхъ почти еще не касалось изслѣдованіе, и которые извѣстны лишь небольшому кругу спеціалистовъ по рукописямъ. Въ числѣ этого неизданнаго матеріала доселѣ открываются иногда произведенія, имѣющія большую цѣнность литературную или чисто-историческую. Къ числу таковыхъ принадлежатъ и тѣ памят-

ники, которымъ г. Флоринскій посвятилъ свое изданіе. Это — такъ-называемые цѣлебники, лечебники, травники, зелейники и т. д., которыхъ много разсѣяно и въ общественныхъ библіотекахъ рукописей, и по частнымъ рукамъ.

Эти произведенія, въ которыхъ заключена древняя русская медицина, идутъ изъ разныхъ источниковъ и имѣютъ различный интересъ. Одни, по своему содержанію и языку, носятъ на себѣ печать, повидимому, чисто народнаго происхожденія; другія были очевидно переводныя. Первыя, составляя складъ народныхъ медицинскихъ свѣдѣній древней Руси, вмѣстѣ съ тѣмъ представляютъ и замѣчательный складъ народныхъ преданій и повѣрій о растительной природѣ, такъ что получаютъ и значеніе любопытнаго этнографическаго и миѳологическаго матеріала. Вторыя, конечно, не могутъ имѣть этого послѣдняго значенія, но любопытны съ другой стороны, какъ матеріалъ для бытовой исторіи и для исторіи языка.

Г. Флоринскій въ такихъ общихъ чертахъ характеризуетъ содержаніе этихъ памятниковъ.

„... Первыя рукописныя сочиненія по русской медицинѣ, подъ именемъ травниковъ и зельниковъ (зелейниковъ), имѣютъ дѣло съ лекарствами почти исключительно изъ растительнаго царства и притомъ произрастающими на туземной почвѣ. При свойственномъ мало развитому народу суевѣріи, лекарствамъ обыкновенно приписывалось много чудесныхъ свойствъ. Поэтому первые, чисто народные травники и зельники должны были содержать въ себѣ значительную долю народныхъ предразсудковъ и вѣру въ чудесное дѣйствіе травъ (т.-е. просто: народной миѳологіи). Только такіе „травники“ и могутъ называться чисто народными, самобытными. Въ нихъ, какъ и въ народныхъ повѣрьяхъ, былинахъ, сказкахъ, предразсудкахъ, выражается доля народнаго творчества, не заимствованнаго отъ европейской науки, но скопившагося подъ вліяніемъ мѣстныхъ условій жизни и склада нравственныхъ понятій даннаго народа.

„Съ теченіемъ времени, когда въ русскую жизнь стали проникать отъ цивилизованныхъ сосѣдей болѣе выработанныя медицинскія понятія, гдѣ медицина имѣла уже значеніе науки, лечебники должны были измѣнить свой характеръ и принять болѣе систематическую форму (т.-е. точнѣе: должны были явиться новыя, совсѣмъ иного характера произведенія). Въ это время явились сочиненія, переведенныя или передѣланныя съ иностранныхъ языковъ, носящія отпечатокъ медицинской школы—или греческо-римскаго періода, или періода арабскаго, нерѣдко со ссылками на авторитетъ, напр., Галена, Цельса, Авиценны и пр. Эти сочиненія представляютъ уже не лепетъ народной медицинской поэзіи, но стройную систему медицинскаго

ученія того времени. Такова, напр., весьма распространенная рукопись, подъ заглавіемъ „Прохладный Вертоградъ". Это сочиненіе (т.-е. этотъ *переводъ*), относящееся ко второй половинѣ XVII-го столѣтія, было очень распространено, такъ какъ до сихъ поръ списки его встрѣчаются чаще другихъ лечебниковъ. Изъ сопоставленій этихъ списковъ, принадлежавшихъ къ разнымъ эпохамъ, можно видѣть, что древніе переводы или передѣлки медицинскихъ книгъ не оставались въ одномъ и томъ же видѣ. Съ теченіемъ времени они пополнялись, наростали въ объемѣ и обогащались содержаніемъ посредствомъ вставокъ и приписокъ, взятыхъ изъ другихъ источниковъ", и проч.

По тѣмъ рукописямъ, какія бывали въ рукахъ автора, и тѣмъ даннымъ, какія въ нихъ заключаются, г. Флоринскій дѣлитъ старыя лечебныя сочиненія на три категоріи: во-первыхъ, травники, составленные до XVI столѣтія; во-вторыхъ, лечебники (переводные) XVI и XVII столѣтія; въ-третьихъ, лечебники и медицинскія рукописныя сочиненія XVIII вѣка.

Авторъ въ своемъ предисловіи приводитъ историческія указанія о старинномъ русскомъ врачевствѣ, о проникшемъ позднѣе медицинскомъ знаніи западно-европейскомъ, сопоставляетъ съ этими свѣдѣніями сохранившіеся письменные памятники и въ общихъ чертахъ указываетъ интересъ этихъ памятниковъ относительно бытовой исторіи, медицинскаго русскаго языка, существующей донынѣ народной медицины. Затѣмъ, слѣдуетъ самое изданіе памятниковъ, въ которое вошли: „Травникъ"; книга глаголемая Прохладный Вѣртоградъ; о моровомъ повѣтріи; наука о знаменахъ, т.-е. о разпознаваніи болѣзней; о наукѣ врача Моисея египтянина; Филона нѣкоего сказаніе луннаго теченія; указъ Іоанна и Петра Алексѣевичей по поводу неисправностей въ аптекарской палатѣ; медицинскій экзаменъ въ царствованіе Михаила Ѳедоровича; „Реестръ изъ дохтурскихъ наукъ" Аѳанасія, архіепископа холмогорскаго.

Ученымъ медикамъ давно бы слѣдовало обратить вниманіе на эти памятники, которые и нельзя было бы удовлетворительно изслѣдовать безъ ихъ содѣйствія; до сихъ поръ этого не было, и потому особенно пріятно видѣть, что такой трудъ предпринялъ г. Флоринскій, въ прежнее время профессоръ медико-хирургической академіи и извѣстный практическій врачъ въ Петербургѣ, а нынѣ профессоръ въ Казани. Имъ руководило вѣрное пониманіе научной важности этихъ памятниковъ, и за его трудомъ останется заслуга перваго значительнаго изданія ихъ.

Но это—только начало. Для нѣсколько полнаго обслѣдованія предмета нужны еще многія работы, которыхъ не дѣлалъ г. Флоринскій. Нужно прежде всего составить инвентарь наличныхъ памятни-

ковъ этого рода, опредѣлить ихъ по времени и содержанію, разграничить памятники чисто переводные, заимствованные, отъ другихъ, которые можно считать самостоятельно народными (въ той или другой степени). Послѣдніе, конечно, именно и представляютъ главнѣйшій интересъ для историко-этнографическаго изученія, давая образчикъ народной натуралистической миѳологіи и преданій,—тогда какъ памятники чисто переводные (и принадлежащіе обыкновенно позднѣйшему періоду) любопытны уже только для исторіи новѣйшихъ нравовъ и также языка.

Изъ памятниковъ болѣе древняго періода г. Флоринскій напечаталъ только одинъ „Травникъ". Историки нашей старины и народности касались уже не разъ этого рода произведеній, было даже издано и нѣсколько текстовъ; на ихъ основаніи дѣлались уже и весьма знаменательные выводы о русской отдаленнѣйшей древности, —напримѣръ, у Аѳанасьева, г. Буслаева, г. Забѣлина (въ „Исторіи русской жизни"), писателей съ очень авторитетными именами. Между тѣмъ, эти памятники не были до сихъ поръ подвергнуты той предварительной критикѣ, безъ которой, собственно говоря, и невозможно строить на нихъ какіе-нибудь широкіе выводы о старинѣ. Во-первыхъ, неизвѣстны съ точностью самые тексты—мы знаемъ тексты только случайно или отрывками являвшіеся въ печати, и не знаемъ этихъ памятниковъ въ полномъ составѣ ихъ различныхъ редакцій. Содержаніе ни мало не изслѣдовано; оно очень охотно признается исконно-народнымъ,—на такое заключеніе легко наводитъ яркій народный языкъ этихъ сочиненій,—между тѣмъ, довольно взглянуть на номенклатуру разныхъ чудодѣйственныхъ растеній, описываемыхъ въ „травникахъ" и „зелейникахъ", чтобы увидѣть въ нихъ несомнѣнное присутствіе чужихъ свѣдѣній и преданій (напримѣръ, греческихъ). Самыя растенія также не опредѣлены: нѣкоторыя принадлежатъ, очевидно, извѣстной флорѣ и являются подъ ихъ обычными и донынѣ названіями; другія должны быть распознаны—не археологами, а ботаниками. Наконецъ, все содержаніе должно быть сличено съ натуралистическими преданьями древней и средневѣковой Европы и славянства (въ особенности именно южнаго). Только послѣ этой критической провѣрки содержанія памятниковъ и былъ бы возможенъ выводъ о значеніи заключающихся въ нихъ повѣрій и преданій.

Такая работа была бы не по силамъ простому филологу и историку литературы, но было бы необходимо и содѣйствіе ученаго медика и ботаника. Къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ почти примѣра такой совмѣстной работы ученыхъ разныхъ спеціальностей, но она была бы необходима не въ одномъ этомъ случаѣ. Такъ, именно медикамъ давно бы пора обратить вниманіе на старинные лечебники, — это

было очень полезно для разъясненія археологическаго вопроса для оцѣнки современной народной медицины. Трудъ г. Флоринскаго есть первый значительный трудъ въ этомъ направленіи и заслуживаетъ полнаго сочувствія.—А. А.

II.

Святе письмо Новою Завіту. (Мовою русько-украïнскою переклали вкупі *П. А. Куліш и др. И. Пулюй.* Печатано у Львові. 1880.

Въ концѣ прошлаго года вышелъ во Львовѣ полный украинскій переводъ Новаго Завѣта; говоримъ: полный, такъ какъ четыре евангелія тѣхъ же переводчиковъ были изданы въ Вѣнѣ еще въ 1871 г., а два года спустя вышелъ въ Австріи же пробный выпускъ — евангеліе Луки, другого переводчика. Изданіе гг. Кулиша и Пулюя, которому, конечно, предстоитъ литературная будущность въ австрійской и русской Украйнѣ, — есть вовсе не первый опытъ не только рукописнаго, но и печатнаго перевода частей Библіи на украинскій, или малороссійскій языкъ. Наибольшее число подобныхъ опытовъ относится къ XVI и XVII вѣку, когда юго-западная Русь волновалась религіозно-литературнымъ движеніемъ, свойственнымъ Европѣ временъ Возрожденія и Реформаціи, и когда церковная, и школьная, и литературная жизнь въ этой странѣ находилась въ тѣсной связи съ жизнью общественной, допускавшей большой просторъ частной инициативѣ: корпорацій (цеховъ и братствъ) и личностей.

Вышеупомянутые переводы библіи далеко не всѣ теперь извѣстны и даже извѣстные рукописные не изданы,—но и то, что извѣстно о нихъ теперь, доказываетъ, что попытка, настойчиво проводимая въ послѣднее время извѣстнымъ кружкомъ „украйнофиловъ", не составляетъ чего-либо изолированнаго и искусственнаго, какъ говорятъ часто ихъ противники. Такъ, если даже не считать изданія доктора Франциска Скорины изъ Полоцка: „Библия Руска" (Прага, 1517—1519), которое можно относить столько же къ бѣлорусскому, сколько и къ украинскому языкамъ (оба языка, впрочемъ, почти не отличаются лексически),—то изъ старинныхъ украинскихъ переводовъ библіи особенно замѣчательны: печатное евангеліе, изданіе Василія Тяпинскаго (по Каратаеву, 1580 года) и рукописное такъ называемое „Пересопницкое Евангеліе", писанное въ 1556—1561 годахъ въ Пересопницѣ на Волыни на счетъ княгини Гольшанской [1]). Послѣ извѣст-

[1]) О другихъ переводахъ см. Житецкаго, Очеркъ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія, приложенія; Пыпина, Исторія слав. литер., 2 изд., I, 326; Литер. Сборн., издав. галицко-русскою Матицею. 1872—1873, стр. 21; Каратаева, Опис. славяно-русскихъ книгъ, напечат. кирилловскими буквами 1491—1730, и др.

наго раздѣла Украйны въ концѣ XVII ст. между Польшею, Россiею и Турцiею,—самостоятельная литературная дѣятельность на Украйнѣ постепенно затихаетъ: въ части страны, доставшейся Польшѣ, едва тянется традицiя XVII в., подавляемая ультрамонтанскимъ католичествомъ; на востокѣ отъ Днѣпра въ началѣ XVIII в. устанавливается духовная цензура св. синода, безъ которой ничто духовное, а особенно переводъ св. писанiя не можетъ быть напечатано.

Такимъ образомъ, если не считать отрывковъ и, такъ называемыхъ, „толковыхъ" изданiй унiатскихъ, почаевскихъ и галицкихъ,—XVIII-й и большая часть XIX-го в., не исключая и времени увлеченiя Россiи библейскими обществами, прошли безъ попытокъ, подобныхъ тѣмъ, какiя мы видѣли въ XVI—XVII в.,—переложенiя библiи „для лiпшого вырозумлiньня люду посполiтого, зъ языка болгарского на мову простую", „рускую", или „козако-рускую", какъ говорили тогда. Попытки эти начались только съ появленiемъ мѣстнаго вида славянскаго возрожденiя, т.-е. украйнофильства: почти одновременно Квитка въ Харьковѣ и Маркiанъ Шашкевичъ въ Галицiи брались за извлеченiя и переводы изъ библiи; извѣстны и другiя попытки въ такомъ родѣ,—но въ печать онѣ не попали. Напечатаны были, и то позже, только переводы псалмовъ: Шашкевича, Шевченка и Максимовича. Въ началѣ 1860-хъ годовъ г. Костомаровъ объявилъ о намѣренiи издать, кромѣ серiи популярно-научныхъ книгъ, и украинскiй переводъ библiи, для чего собиралъ, публичною подпискою, и деньги, которыми долженъ былъ распорядиться особый комитетъ изъ „выбранныхъ людей" (см. „Основу", 1862, серпень, 14). Новый Завѣтъ былъ уже готовъ въ 1863 г. и, одобренный академiей наукъ, представленъ былъ на цензуру въ св. синодъ. Но св. синодъ не только не допустилъ его къ печатанiю, но даже воспретилъ духовнымъ цензорамъ допускать какiя-бы то ни было украинскiя книги духовнаго содержанiя, а, нѣсколько времени спустя, и проповѣди на „простонародныхъ нарѣчiяхъ". Съ тѣхъ поръ даже и прежде разрѣшенные переводы изъ псалмовъ Шевченка и Максимовича не смѣли болѣе появляться въ печати въ Россiи. Въ 1875 успѣло-было проскочить въ Кiевѣ въ печать второе изданiе книжки: „Оповiданьня з св. писаньня" свящ. Опатовича, представляющее изложенiе книги Бытiя, но въ слѣдующемъ году издано было новое, болѣе строгое запрещенiе всякой украинской печати, кромѣ поэзiи и беллетристики (и то не иначе, какъ съ разрѣшенiя петербургской цензуры),—и затѣмъ даже въ 1880 году, г. Костомаровъ счелъ нужнымъ отказаться отъ всякой надежды издать въ Россiи задуманныя имъ въ 1862—63 украинскiя книги, въ томъ числѣ и библiю, и передалъ собранныя имъ

деньги академіи наукъ на премію за лучшій словарь „съ мало-русскаго нарѣчія на русскій языкъ [1])".

Но дѣло изданія украинскаго перевода библіи на этомъ не остановилось. Въ 1869 году г. Кулишъ напечаталъ въ приложеніи къ львовской газетѣ „Правда" переводъ „Пятикнижія", сдѣланный, какъ сказано въ предисловіи, трудами многихъ украинскихъ писателей. Вслѣдъ затѣмъ онъ же издалъ въ Лейпцигѣ свой стихотворный переводъ Псалтыри, а въ 1871 г. въ Вѣнѣ четырехъ евангелистовъ. Переводы эти распространялись, конечно, преимущественно въ австрійской Украйнѣ, особенно въ Галиціи. Они возбудили противъ себя и уніатскихъ ультрамонтановъ, и ту партію, которую въ Галиціи называютъ „москвофильскою" и которая, дѣйствительно, патронировалась московскими славянофилами и получала субсидіи не только отъ „славянскихъ благотворительныхъ комитетовъ", но и отъ уніатской канцеляріи при министерствѣ народнаго просвѣщенія въ Петербургѣ. Но и галицкимъ „рутенцамъ" и „москвофиламъ" пришлось считаться съ изданіями г. Кулиша, а потому первые попробовали противоставить имъ свой переводъ (евангеліе Луки), а вторые сами начали давать отрывки перевода библіи въ журналѣ о. Наумовича „Наука", выходящемъ въ Коломіи. Теперь г. Кулишъ, вмѣстѣ съ г. Пулюемъ (доцентъ физики въ вѣнскомъ университетѣ, бывшій богословъ, знающій еврейскій языкъ, издатель перевода молитвенника на галицко-украинскій языкъ) оставили позади своихъ конкуррентовъ, издавши полный переводъ Новаго Завѣта на „русько-украïньску мову".

Мы предоставляемъ оріенталистамъ-гебраистамъ судить о точности перевода гг. Кулиша и Пулюя и скажемъ нѣсколько словъ лишь о народности его. Изъ-подъ пера такого знатока украинскаго языка, каковъ г. Кулишъ, не могло выйти произведенія не народнаго по формѣ. Но видно, что послѣ изданія „Пятикнижія" г. Кулишъ счелъ нужнымъ сдѣлать уступки тѣмъ, которые жаловались на слишкомъ „простонародный" характеръ языка этого изданія: въ „Новомъ Завѣтѣ" гораздо больше сохранено старо-болгарскихъ, церковно-славянскихъ реченій и формъ именъ (напр. *Іоан*,—хотя тутъ же *Юда*). Правописаніе — извѣстная *кулишевка*, т.-е. фонетическое, но не достаточно рѣшительное и потому не всегда логичное, сравнительно съ тѣмъ, которое теперь начинаетъ приниматься въ Австріи и даже

[1]) Въ 1875 г. въ кіевской губерніи былъ удаленъ отъ службы одинъ народный учитель за то, что перевелъ въ классѣ на украинскій языкъ двѣ фразы изъ евангелія Матѳея.

проникаетъ въ Россію [1]). Во всякомъ случаѣ, по языку, переводъ гг. Кулиша и Пулюя одинъ изъ самыхъ „простонародныхъ", т.-е. удобопонятнѣйшихъ переводовъ священнаго писанія, какіе только есть, и гораздо ближе къ народной украинской рѣчи, чѣмъ, напр., извѣстное синодское изданіе „Новаго Завѣта на русскомъ нарѣчіи" къ рѣчи великорусской.

Въ послѣднее время разныя газеты, отъ кіевской „Зари", „Русскаго Курьера" и до „Голоса" и „Церковно-общественнаго Вѣстника" заговорили противъ запрещенія украинской литературы, въ томъ числѣ и духовной. „Церковно-общественный Вѣстникъ" и за нимъ „Заря", даже усмотрѣли одну изъ причинъ распространенія *штунды* въ Украйнѣ, не знавшей прежде расколовъ (но знавшей, прибавимъ мы, въ XVI—XVII вѣкахъ протестантизмъ, даже въ формѣ социніанства), въ отсутствіи въ ней проповѣди и св. писанія на народномъ языкѣ. Не станемъ загадывать о томъ, остановитъ ли допущеніе проповѣди и библіи на украинскомъ языкѣ распространеніе раціоналистическихъ сектъ, въ родѣ штунды,—хотя примѣры западной Европы, въ которой протестантское движеніе шло объ руку съ популяризаціею библіи, заставляетъ ждать совсѣмъ противнаго. Замѣтимъ пока, что газетныя извѣстія сообщали, что напр. константиноградскіе и екатеринославскіе „люди божьи" (шалопуты) сами прибѣгаютъ въ своей пропагандѣ къ переводу церковно-славянскихъ и русскихъ (великорусскихъ) текстовъ на украинскій языкъ. Вообще же, вопросъ о свободѣ такого или иного языка и въ частности вопросъ о возможности изложенія на немъ всякаго рода предметовъ и въ томъ числѣ и перевода такого памятника, какъ Библія, есть вовсе не вѣроисповѣдный вопросъ,—а одинъ изъ вопросовъ общихъ гражданскихъ правъ. А потому примѣръ, какъ отнесется цензура въ Россіи къ изданію „русско-украинскаго" перевода Новаго Завѣта, сдѣланному за-границею однимъ изъ извѣстныхъ украинскихъ и русскихъ писателей,—будетъ очень интересенъ, между прочимъ, какъ испытаніе прочности нѣкоторыхъ изъ „новыхъ вѣяній".

Львовъ. В.

---

[1]) См. книгу профессора львовскаго университета Эм. Огоновскаго, Studien auf dem Gebiete der ruthenischen Sprache. Lemberg. 1880, и М. Тулова, О малорусскомъ правописаніи. Воронежъ. 1879.

НОВОЕ ИЗДАНІЕ СОЧИНЕНІЙ ПУШКИНА

г. Исакова подъ редакціей П. Ефремова.

Письмо въ редакцію.

Начавъ просмотръ новаго изданія Пушкина, мы были удивлены, какъ и многіе другіе прежде насъ, тономъ ожесточенной полемики, какую г. редакторъ открылъ, съ первыхъ же страницъ своихъ примѣчаній къ стихотвореніямъ поэта, противъ стараго изданія сочиненій Пушкина 1855 года, вышедшаго подъ редакціей П. В. Анненкова. Чѣмъ дальше слѣдили мы за указаніями, толкованіями, выходками г. Ефремова, тѣмъ болѣе убѣждались, что вся эта работа униженія стараго изданія 1855 г. безъ мѣры и часто безъ всякой причины—не имѣетъ ничего общаго съ критическимъ изслѣдованіемъ его достоинствъ и недостатковъ, а направлена къ тому, чтобы особенно отрекомендовать новое предпріятіе въ томъ же родѣ, давно ожидаемое публикой. Всѣ усилія г. Ефремова клонятся къ тому, чтобы заставить забыть досадное старое изданіе, изгладить о немъ память въ литературѣ, умалить или вовсе удалить воспоминаніе о всемъ томъ, что̀ оно *впервые дало* или *впервые изслѣдовало*. Отыскавъ правильную точку зрѣнія на библіографическія изысканія г. Ефремова, какъ на бойкую литературную рекламу, намъ уже легко становится признать ея достоинства. Реклама отличается замѣчательной ловкостію, изобрѣтательностію мотивовъ и неожиданностію заключеній, а если она не всегда отвѣчаетъ истинному положенію дѣла, то кто же станетъ требовать отъ рекламы правильной и добросовѣстной оцѣнки чужого труда? Но, признавая вполнѣ законность литературной рекламы и въ настоящемъ случаѣ искренно желая ей успѣха, если она поможетъ увеличить число читателей и поклонниковъ Пушкина, мы должны, однако же, замѣтить, что есть предѣлы для рекламы, которые ей не слѣдовало бы переступать въ виду даже сохраненія своего обаянія. Чего только не наговорилъ г. Ефремовъ и на себя, и на предшественниковъ своихъ въ двухъ первыхъ томахъ новаго сборника на 70-ти и на 42-хъ страницахъ своихъ примѣчаній, къ нимъ приложенныхъ. Дѣло доходитъ у него до азарта и до курьёзовъ, способныхъ смутить самаго довѣрчиваго читателя. Онъ аттестуетъ, напр., прежняго издателя „Сочиненій Пушкина“ 1855 года, человѣкомъ, *крайне небрежно* пользовавшимся драгоцѣнными рукописями поэта, которыя находились въ его рукахъ

поверхностно, а не построчно сличавшимъ тексты, *безграмотно* прочитавшимъ нѣкоторые стихи, и проч. (Т. I, стр. 509). Поводы къ составленію подобнаго приговора дотого мелки, что разладъ между ними и непомѣрно-торжественными и суровыми заключеніями судьи могъ бы привесть въ недоумѣніе, если бы мы не знали источниковъ этого разлада. Большею частію поводы эти заключаются въ опискахъ и опечаткахъ, которыя въ первомъ систематическомъ изданіи сочиненій Пушкина, при разборѣ многочисленныхъ документовъ, до нихъ относящихся, были почти неизбѣжны. Впрочемъ, винить въ легкомысліи г. Ефремова нельзя: онъ зналъ, что дѣлалъ, когда рѣзкостію выраженія надѣялся отвести глаза читателя отъ ничтожества своихъ замѣтокъ и укрыть за ними собственные свои промахи, которые уже менѣе извинительны, чѣмъ погрѣшности первоначальнаго изданія 1855 г. Также точно нельзя вмѣнять ему въ преступленіе и хвастливое возглашеніе на весь читающій русскій міръ о каждой перемѣнѣ въ текстѣ, о каждой незначительной добавкѣ къ нему, какія онъ почелъ за нужное сдѣлать: обязанности редактора были бы очень тяжелы, если бы исполнять ихъ скромно, какъ призваніе. Гораздо менѣе извинительны нѣкоторыя сужденія и афоризмы г. Ефремова, похожія на странности. Такъ, одна мелкая добавка къ раннему лицейскому стихотворенію Пушкина (о лицейскихъ пьесахъ всего болѣе и хлопочетъ г. Ефремовъ) вызвало у него замѣчаніе: „Г. Анненковъ, хотя имѣлъ рукопись, исправленную Пушкинымъ для изданія 1826, но обратилъ вниманіе только на поправки поэта, а не прочелъ *всего* стихотворенія“ (Т. I, 516). По этому опредѣленію выходитъ, что г. Анненковъ открылъ секретъ вводить поправки въ стихотворенія поэта, не читая послѣднихъ вовсе. Эта удивительная мысль не просто сорвалась съ языка у г. Ефремова: онъ повторяетъ ее въ различныхъ варіантахъ на разныхъ пунктахъ своихъ примѣчаній: такъ она ему полюбилась. Рядомъ съ нею можно поставить слѣдующій отзывъ. Не находя въ одной пустой стихотворной записочкѣ Пушкина къ пріятелямъ (изъ 7-ми строкъ) послѣдняго стиха, вѣроятно, и не стоявшаго въ рукописи поэта, г. Ефремовъ пеняетъ г. Анненкову, впервые напечатавшему отрывочекъ, почему онъ не упомянулъ о недостающемъ стихѣ (Т. I, стр. 553). О чемъ же было упоминать, когда дѣло само по себѣ представлялось достаточно яснымъ, а надобности въ библіографической болтовнѣ для пущей важности совсѣмъ не требовалось. Правда, что и здѣсь встрѣчается оправданіе для г. Ефремова. Онъ не могъ подавить въ себѣ рвенія бросить еще одинъ лишній разъ злобный укоръ, хотя бы и маломотивированный, старому изданію 1855 г., которымъ онъ, однако-жъ, въ теченіи работы, пользовался весьма усердно: платить за услугу

оскорбленіемъ, когда рѣчь коснулась этого изданія, сдѣлалось потребностію его нравственной природы. Для удовлетворенія ея, онъ оказался способнымъ позабыть наврема даже и современную нашу исторію и вотъ что пишетъ по поводу пьесы Пушкина: „Пажъ, или 15-лѣтній король“, въ которой „нашелъ пропуски, сдѣланныя посмертнымъ изданіемъ“, прибавляя къ тому: „о чемъ г. Анненковъ, видѣвшій подлинную рукопись, вовсе не упомянулъ, а это при его обычаѣ постоянно указывать пропуски, сдѣланные самимъ поэтомъ или редакторами посмертнаго изданія и *постоянно же* умалчивать о цензурныхъ исключеніяхъ, даетъ поводъ полагать, что строфы эти не явились по особымъ причинамъ“ и т. д. Можно подумать, что въ 1853—54 году, когда изготовлялось старое изданіе, молчаніе о цензурныхъ исключеніяхъ исходило просто изъ обычая, усвоеннаго редакторомъ и зависѣло отъ его доброй воли! Но стоило-ли думать о подобныхъ мелочахъ?

Критическій анализъ различныхъ редакцій пушкинскаго текста замѣчателенъ еще у г. Ефремова и во многихъ другихъ отношеніяхъ. Ни у одного комментатора произведеній знаменитыхъ авторовъ нельзя найти столько игривости, такого расположенія къ шуткѣ и фельетонной шалости. Обширная сѣть цитатъ, выписокъ, поправокъ его, вся пропитана, за малыми исключеніями, блестками сомнительнаго остроумія, фальшивой ироніи. Онъ умѣетъ высказывать длинныя замѣчанія тономъ водевилиста и можетъ быть по справедливости названъ творцомъ новаго рода увеселительной библіографіи. Повидимому, пріемы эти ему были нужны въ видѣ вознагражденія читателя за пустоту многихъ его соображеній. Нужно-ли, напримѣръ, г. Ефремову указать на ошибку извѣстнаго библіографа В. П. Гаевскаго, полагавшаго, что одна эпиграмма дяди нашего поэта Вас. Льв. Пушкина имѣла въ виду знаменитаго его племянника Алекс. Серг. Пушкина, г. Ефремовъ дѣлаетъ свое указаніе въ слѣдующей формѣ: „*Сомнительно*, чтобы Вас. Льв. (Пушкинъ—дядя), могъ написать эпиграмму на неродившагося еще племянника, ибо она напечатана въ 3-й книгѣ Аонидъ на 1799, а поэтъ родился только въ въ маѣ этого года“ (Томъ II, стр. 430). Это прелестное „сомнительно“ окрашиваетъ простую замѣтку въ пріятный ругательный цвѣтъ. Въ другой разъ, по поводу шуточной пьесы Пушкина „Ода гр. Хвостову“, редакторъ безъ всякой причины и какой-либо связи съ произведеніемъ, бросаетъ комокъ грязи въ г. Гербеля, издателя Шиллера и Шекспира въ русскихъ переводахъ (Т. I, стр. 569). И сколько такихъ юмористическихъ блестокъ разбросано г. Ефремо-

вникъ по всѣмъ частямъ и составамъ его труда. Зачѣмъ все это, и главное, у мѣста-ли въ изданіи классическаго писателя?

Роли редактора произведеній великаго отечественнаго дѣятеля г. Ефремовъ совсѣмъ не понимаетъ. Онъ перенесъ въ строгую область библіографическихъ и филологическихъ изслѣдованій говоръ пріятелей, личныя свои предрасположенія и проч., безцеремонно перемѣшавъ все это съ прямой своей задачей—возстановленія правильнаго чтенія Пушкинскихъ произведеній. Онъ точно обрадовался возможности показать себя въ качествѣ публициста, умѣющаго постоять за свои опредѣленія, хотя бы и подсказанныя капризомъ мысли. На почвѣ сравнительной критики текстовъ и подъ покровомъ великаго имени художника, идетъ у него мутная волна какихъ-то страстей и разсчетовъ. У подножія величаваго образа Пушкина, раздаются задорные крики, шумъ полемическихъ гипербол, неумѣренныхъ словъ, которыя возбуждаютъ невольно вопросъ: въ чемъ же состояла цѣль новаго изданія—въ добросовѣстномъ-ли поясненіи пушкинскихъ текстовъ, или въ доставленіи средствъ развернуться на просторѣ безцеремонному балагурству его редактора?

Въ числѣ пріемовъ, употребляемыхъ г. Ефремовымъ, слѣдуетъ сказать еще нѣсколько словъ объ упомянутомъ уже выше постоянномъ его обычаѣ возводить въ литературныя преступленія простые типографскіе недосмотры, явныя описки, иногда спорную разстановку запятыхъ (Т. I, стр. 515, 516). Разсчетъ вѣренъ: чѣмъ страшнѣе покажется вина, тѣмъ почетнѣе сдѣлается ея обличеніе. Во всѣхъ случаяхъ, гдѣ г. Ефремовъ встрѣчаетъ промахъ, часто требующій одной черты карандаша для полнаго исправленія своего, онъ торопится принять внушительную позу спасителя пушкинской мысли, мстителя за нанесенное ей оскорбленіе, хотя дѣло обыкновенно идетъ о словахъ, буквахъ, перестановкѣ фразъ и т. п. Ревность о чистотѣ текста служитъ тутъ предлогомъ для тщеславной потѣхи. Редакторъ устроиваетъ себѣ нѣчто подобное судейской каѳедрѣ, съ высоты ея судитъ весь литературный міръ и всѣ публикаціи о Пушкинѣ, за ихъ корректурныя, орѳографическія и издательскія прегрѣшенія. Но самая большая часть суровыхъ приговоровъ редактора опять-таки падаетъ на долю стараго изданія Пушкина 1855 г.; поэтому мы и осуждены поневолѣ, безпрестанно обращаться къ его толкованіямъ на изданіе 1855, такъ какъ въ нихъ-то именно заключаются наиболѣе крупные перлы его комментаторской дѣятельности.

Въ своихъ „Матеріалахъ для біографіи Пушкина“ 1855, г. Анненковъ приводитъ цитату въ *четыре* стиха изъ превосходнаго сти-

хотворенія „Наперсница волшебной старины“, имъ же и найденнаго и впервые опубликованнаго. Къ сожалѣнію, второй стихъ цитаты онъ, по недосмотру, написалъ такъ: „Мой юный умъ напѣвами плѣнила“, вмѣсто: „Мой юный *слухъ...*“, какъ слѣдовало бы и какъ значится дѣйствительно въ пьесѣ, цѣликомъ приводимой черезъ нѣсколько страницъ г. Анненковымъ въ тѣхъ же своихъ „Матеріалахъ“. Ошибка въ цитатѣ даетъ г. Ефремову случай показаться въ полномъ блескѣ библіографической эрудиціи своей и приступить къ довольно забавному слѣдственному процессу. Онъ задается вопросомъ—не было-ли двухъ списковъ стихотворенія и порѣшивъ его отрицательно, переходитъ къ главному пункту обвиненія: „Кромѣ того, г. Анненковъ, повидимому, плохо читалъ или плохо переписывалъ рукописи поэта для изданія, потому что нерѣдко одно и то же стихотвореніе воспроизводилось въ разныхъ мѣстахъ изданія въ разныхъ же видахъ“ (I, 509). И затѣмъ слѣдуетъ указаніе ошибки. Какимъ образомъ на примѣрѣ одной погрѣшности въ цитатѣ изъ 4 стиховъ, отъятой отъ пьесы, имѣющей ихъ 26, г. Ефремовъ могъ придти къ заключенію, что старое изданіе 1855 года печатало цѣльныя стихотворенія, съ одного и того же списка, разно въ различныхъ мѣстахъ—не надо спрашивать: все это только средство разыграть, подъ прикрытіемъ якобы серьёзнаго труда, комедію скандальнаго характера. Можно только пожалѣть, что она дается на страницахъ, посвященныхъ дѣятельности геніальнаго русскаго человѣка. Такихъ фальшъ-фейеровъ библіографической эрудиціи, освѣщающихъ пустоту — у г. Ефремова множество. Еслибы разобрать всю массу примѣчаній, собранныхъ имъ только въ двухъ первыхъ томахъ своего изданія, можно бы удивить читателя той долей натянутости толкованій, искусственныхъ выводовъ изъ самыхъ простыхъ данныхъ и посылокъ, какую они заключаютъ въ себѣ. Къ счастію его подобная, столь же обширная, сколько и безполезная работа не скоро найдетъ охотниковъ. Добраться въ указаніяхъ и замѣткахъ г. Ефремова до истиннаго значенія фактовъ, заняться извлеченіемъ изъ этой груды всякихъ существенныхъ и пустыхъ подробностей какого-либо серьёзнаго матеріала для исторіи нашей печати—представляется дѣломъ въ высшей степени труднымъ. Кажется, что г. Ефремовъ даже и разсчитывалъ на эту трудность и на сопряженную съ ней относительную безотвѣтственность для себя.

Иногда преувеличенія его и непониманіе прямого смысла того, что онъ читаетъ—поистинѣ поразительны. Тотъ же составитель „Матеріаловъ для біографіи Пушкина“ касается въ одномъ позднѣйшемъ своемъ трудѣ извѣстнаго общества „Зеленой Лампы“, чле-

номъ котораго состоялъ одно время нашъ поэтъ, и опредѣляетъ общество это, какъ простое *оргіаческое*, не имѣвшее никакой политической окраски, занимавшееся преимущественно театральными дѣлами и устроивавши ее у себя пиры и зрѣлища, далеко не цѣломудреннаго характера. Опредѣленіе это не понравилось г. Ефремову и отразилось въ его умѣ и пониманіи слѣдующимъ образомъ: „...Анненковъ неосновательно свелъ (общ. Зел. Лампы) на степень *развратно-грязнаго и шутовскаго*, смѣшавъ его даже съ татариновской сектой (прим. 1, т. I, 539)". Ничего подобнаго не дѣлалъ г. Анненковъ, но чтó нужды? Надо же помѣстить напередъ изготовленное, крѣпкое слово на предназначенное ему заранѣе мѣсто. Въ тѣхъ случаяхъ, когда по отсутствію документовъ и предлога къ употребленію такого слова—оно становится затруднительнымъ, г. Ефремовъ прибѣгаетъ къ восклицательнымъ и вопросительнымъ знакамъ. Въ этомъ родѣ весьма замѣчательна пара знаковъ удивленія, пристегнутая имъ къ словамъ г. Анненкова о кишиневскомъ посланіи поэта 1821 г. В. Л. Давыдову. Одна часть посланія, имъ же г. Анненковымъ и найденнаго въ бумагахъ поэта, была приведена имъ въ статьѣ о Пушкинѣ (Вѣстн. Евр. 1874, № 1), а отъ сообщенія другой біографъ отказался, ограничившись передачей стиховъ, гдѣ поэтъ извѣщаетъ о своемъ говѣніи у Инзова, и замѣнилъ все слѣдовавшее затѣмъ словами: „*и такъ далѣе до послѣднихъ предѣловъ глумленія*". Передавая эти строки г. Анненкова, г. Ефремовъ сопровождаетъ ихъ двумя знаками восклицанія въ скобкахъ (Т. I, стр. 553). Чтó означаютъ они, какому движенію мысли г. Ефремова призваны отвѣчать? Сомнѣвается-ли онъ въ томъ, что въ минуты страсти поэтъ могъ нисходить до глумленія надъ очень важными предметами,—на это есть свидѣтельства, которыя г. Ефремовъ лучше знаетъ, чѣмъ кто-либо другой,—или г. Ефремовъ негодуетъ на непочтительное обозначеніе словомъ „глумленіе" произведеній такого рода, какъ вышеупомянутое посланіе В. Л. Давыдову? Не легко понять редактора новаго изданія въ роли защитника, какъ и въ роли обвинителя. Но все это еще бездѣлица въ сравненіи съ тѣмъ, что является въ другихъ мѣстахъ подъ перомъ редактора новаго изданія.

Привычка подмѣнять мысли и намѣренія, встрѣчаемыя у авторовъ, тѣми, которыя приходятся болѣе по вкусу самого редактора, должна была довести его до неблагонадежныхъ заявленій. Примѣръ такого печальнаго результата библіографическихъ розысканій г. Ефремова, мы видимъ въ примѣчаніи, которымъ онъ сопровождаетъ два знаменитыхъ посланія Пушкина „къ цензору". Выписываемъ суще-

ственную его часть цѣликомъ: оно даетъ образчикъ всей манеры г. Ефремова относиться къ своей задачѣ редактора.

„Два посланія цензору,—говоритъ онъ,—...въ сокращенномъ видѣ явились въ VII т. изданія г. Анненкова, *который имѣлъ мужество заявить, что они подъ его рукою стали лучше, ибо очищены имъ:* „Очищенныя отъ намековъ, касавшихся современныхъ поэту лицъ и „событій, они теряютъ всякій признакъ сатирическаго или полеми-„ческаго направленія и только могутъ служить образцомъ строгаго и „высокаго пониманія одного изъ важнѣйшихъ общественныхъ слу-„женій". Дѣйствительно, мы видѣли цензурную рукопись VII тома и не нашли въ этихъ стихотвореніяхъ ни одного цензурнаго исключенія, *такъ что вся честь очистки принадлежитъ г. Анненкову*, который и заглавіе имъ далъ „Посланій къ Аристарху..." (I, стр. 572).

Читатель уже догадывается, чего надо ожидать въ концѣ отъ позорнаго обвиненія. По справкѣ, наведенной нами въ VII томѣ изданія г. Анненкова, нѣтъ не только ничего похожаго на заявленіе, что оба великолѣпныя посланія сдѣлались еще лучше отъ выпусковъ, въ нихъ произведенныхъ, но нѣтъ еще и признака нити, которая давала бы возможность связать слова г. Анненкова съ тѣмъ толкованіемъ ихъ, которое представилъ г. Ефремовъ. Редакторъ стараго изданія 1855—57 очень сдержанно говорилъ въ своемъ примѣчаніи къ обоимъ посланіямъ Пушкина, которыя онъ первый и успѣлъ провести въ печать: „*Рѣшаемся* представить публикѣ эти два посланія, писанныя въ Михайловскомъ уединеніи 1824 и хорошо извѣстныя почитателямъ нашего поэта. Очищенныя отъ намековъ, касавшихся современныхъ поэту лицъ"... и такъ далѣе, какъ въ цитатѣ г. Ефремова. Тутъ, очевидно, выступаетъ намѣреніе успокоить враждебныя силы, мѣшавшія до того появленію стихотвореній въ печати и успокоивающія ихъ указаніемъ на выпуски; но гдѣ же хвастовство искаженіемъ текста, будто бы произведеннымъ редакторомъ съ цѣлію его улучшенія? Мужество, о которомъ говоритъ г. Ефремовъ, гораздо болѣе проявляется у него самого, когда онъ находитъ возможность приписать подобныя намѣренія г. Анненкову. Нельзя требовать, чтобы г. Ефремовъ помнилъ, съ какими условіями печати, теперь уже неизвѣстными современнымъ писателямъ, боролся прежній издатель, но одно обстоятельство могло бы, кажется, остановить его вниманіе. Въ томъ же VII томѣ стараго изданія потребовалось замѣщеніе полныхъ именъ гг. Булгарина и Греча одними инициалами Б. и Г. въ памфлетѣ Пушкина „Нѣсколько словъ о мизинцѣ г. Б. и о прочемъ", хотя ихъ полныя имена красовались уже на страницахъ журнала „Телескопъ", гдѣ памфлетъ былъ впервые помѣщенъ.

Не скажетъ же г. Ефремовъ, что и это измѣненіе произошло по инициативѣ и вслѣдствіе тайнаго предрасположенія издателя къ этимъ почетнымъ лицамъ прежней русской журналистики. Впрочемъ, почему бы ему и не сказать этого послѣ всего, что̀ мы уже отъ него слышали?—Странно только, что литераторъ, хвастающійся знакомствомъ съ мельчайшими явленіями старой періодической нашей печати, не знаетъ исторіи ея за послѣднее, ближайшее къ намъ время. Сохрани онъ какое либо понятіе о ней, онъ, можетъ быть, не сталъ бы удивляться, что „посланія къ цензору" не могли предстать на судъ къ наслѣднику и преемнику того же самаго цензора, о которомъ въ нихъ говорится, подъ своимъ настоящимъ заглавіемъ и потребовали его измѣненія въ „посланія къ Аристарху". Можетъ статься, онъ понялъ бы также, что произведенные выпуски изъ посланій сдѣланы по указаніямъ цензурной администраціи, видѣвшей въ этихъ образцовыхъ произведеніяхъ глубокомысленнаго, патріотическаго и *консервативнаго* характера, не болѣе какъ противоправительственную сатиру. Что касается до типографской тетрадки, съ которой печатался VII томъ стараго изданія, и въ которой г. Ефремовъ не нашелъ цензурныхъ помарокъ, то они и не могли тамъ встрѣтиться послѣ предварительнаго соглашенія съ вѣдомствомъ о печати на счетъ формы, какую слѣдовало придать обѣимъ пьесамъ для полученія права явиться на свѣтъ. Послѣ всего сказаннаго, спрашивается, имѣлъ ли г. Ефремовъ поводъ и основаніе къ дикому обвиненію... Оскорбительно и печально встрѣчаться съ подобными явленіями при разборѣ изданія сочиненій Пушкина.

Переходимъ къ самимъ этимъ сочиненіямъ, т.-е. къ плану, принятому г. Ефремовымъ для распредѣленія произведеній Пушкина въ изданіи. Въ видѣ нововведенія, онъ отбросилъ прежнюю общепринятую редакторскую систему расчленять громадный литературный матеріалъ, оставленный Пушкинымъ, на его естественные, такъ сказать очевидные безспорные отдѣлы, въ родѣ отдѣла стихотвореній, поэмъ и драмъ, и предпочелъ другую, состоящую въ печатаніи сплошь подъ однимъ годомъ, не разбирая формы произведеній, всего, что́ въ этотъ годъ было создано поэтомъ. Въ принципѣ строгая хронологическая послѣдовательность не можетъ встрѣтить возраженій, но она имѣетъ тоже свои границы. Редакторъ долженъ былъ подумать о послѣдствіяхъ и неудобствахъ, какія встрѣтятся при ея абсолютномъ приложеніи къ дѣлу. И старыя изданія, принявшія раздѣленіе произведеній Пушкина на большія группы, ни мало не нарушали хронологическаго порядка, принятаго ими за основу своихъ изданій, а только облегчали читателю способъ классифицировать огромную, многостороннюю

дѣятельность поэта и легче отдавать себѣ отчетъ въ ней. Здѣсь видимъ совсѣмъ другое. Прежде всего система редактора не выдержана вполнѣ, во всѣхъ частяхъ изданія, да и не могла быть выдержана. Для этого слѣдовало бы, руководясь однимъ хронологическимъ принципомъ, рѣшиться на помѣщеніе рядомъ съ стихотворными произведеніями Пушкина и произведеній его въ прозѣ, перерѣзать лирическія пьесы разсказами, повѣстями, трактатами, написанными въ одинъ годъ съ ними, а потомъ начинать снова, подъ слѣдующими годами, тотъ же пестрый полонезъ изъ всѣхъ произведеній, состоящихъ на очереди въ данный моментъ. Передъ этимъ результатомъ своей системы отступилъ и редакторъ, допустивъ особый отдѣлъ прозы Пушкина. Въ самомъ зачисленіи нѣкоторыхъ поэмъ въ ряды пьесъ одного, точно опредѣленнаго года, уже есть несообразность: многія изъ нихъ, какъ „Русланъ", „Евгеній Онѣгинъ", „Мѣдный Всадникъ", „Галубъ", писались авторомъ нѣсколько лѣтъ сряду, и объявлять ихъ ровесниками какихъ бы то ни было другихъ произведеній значитъ погрѣшать неточностію, которую такъ преслѣдуетъ редакторъ вездѣ, гдѣ ее находитъ или гдѣ ее предполагаетъ. Но главная ошибка этого плана заключается въ томъ, что, по милости его, смѣшеніе важнаго съ неважнымъ, высоко-художественнаго созданія съ шуткой и бездѣлкой, не позволяетъ читателю укрѣпиться въ одномъ художественномъ настроеніи. Для того, чтобы понять, какое противо-эстетическое впечатлѣніе производитъ это нагроможденіе пьесъ, различныхъ по формѣ, въ одну кучку и другъ на дружку, достаточно указать, что подъ 1825 г. хроника „Борисъ Годуновъ", начатая, какъ извѣстно, еще ранѣе, помѣщается рядомъ съ „Гр. Нулинымъ"; что тотчасъ же за „Полтавою" слѣдуетъ пародія: „Ты помнишь ли, ахъ, ваше благородье", что подъ 1829 г. поэма „Галубъ" красуется между двумя альбомными стишками и т. д. Какъ-бы для довершенія смуты и путаницы, редакторъ присоединилъ еще къ пушкинскому тексту новооткрытыя эпиграммы, памфлетныя выходки, частныя развязныя записочки и легкія импровизаціи поэта, которыя г. Ефремовъ, за неимѣніемъ никакого другаго новаго и серьёзнаго матеріала подъ рукой, выдаетъ за важныя пріобрѣтенія и помѣщаетъ въ сосѣдство со всѣми высокими проявленіями пушкинскаго генія. Послѣдствія этихъ распорядковъ отразились на изданіи тѣмъ, что оно пріобрѣло въ двухъ еще первыхъ своихъ частяхъ видъ какого-то огромнаго складочнаго магазина, какіе бываютъ у оптовыхъ торговцевъ, гдѣ до предметовъ первостепенной цѣнности надо добираться черезъ груду остатковъ, недодѣланныхъ или испорченныхъ вещей мастера.

Остановимся на этихъ новыхъ пріобрѣтеніяхъ. Если дурно-поня-

тый принципъ хронологическаго порядка въ изданіи привелъ редактора къ такому неудовлетворительному результату, то другой и тоже дурно-понятый принципъ достиженія наивозможно-большей полноты въ изданіи надѣлалъ ему пущихъ бѣдъ. Редакторъ не подумалъ, что полнота полнотѣ рознь и бываетъ не только не желательная, но и положительно вредная полнота для сборниковъ—та именно, которая способна помрачить установленный, всѣми признанный ликъ писателя или дать ему другое выраженіе, чѣмъ обыкновенно носимое имъ или приписываемое ему, развѣ только это измѣненіе нравственной физіономіи автора входитъ въ намѣренія самого издателя и составляетъ цѣль его сборника. Но безъ такого намѣренія перехватывать каждое слово, пущенное на вѣтеръ поэтомъ въ минуту искусственнаго воодушевленія и записанное его неразборчивыми друзьями, слѣдить за каждой его застольной импровизаціей, заниматься, какъ важнымъ дѣломъ, каждой минутной, нецеремонной его шуткой—все это уже представляется заблужденіемъ страстнаго библіографа, но не дѣломъ эстетическаго вкуса и пониманія. Нѣтъ сомнѣнія, что увлеченія, порывы и уклоненія Пушкина отъ прямой своей дороги, въ которыхъ онъ такъ часто раскаявался при жизни, должны были найти себѣ мѣсто въ собраніи его сочиненій, но не иначе, какъ отдѣленные отъ цикла созданій, стяжавшихъ ему славное имя и не иначе какъ въ видѣ паразитовъ, открытыхъ на свѣтломъ фонѣ его поэзіи, и съ цѣлью поучительнаго примѣра. Здѣсь мы видимъ совсѣмъ другое. Благодаря необдуманному исканію полноты, редакторъ принялъ ихъ въ составъ изданія на одинихъ правахъ съ самыми возвышенными произведеніями поэта, какъ-бы признавая въ этихъ случайныхъ ошибкахъ его генія одну изъ принадлежностей его творчества [1]).

Какъ бы ужаснулся самъ Пушкинъ, если бы могъ предчувствовать при своей жизни, что наступитъ время, когда каждая строка, сбѣжавшая съ его пера и имъ позабытая, каждое слово, сорвавшееся съ языка и преданное имъ забвенію, предстанутъ снова на свѣтъ, безъ поясненій, часто даже обезображенныя поправками и притомъ въ видѣ добавки къ его жизненному подвигу!.. Извѣстно, что Пушкинъ самъ записалъ въ тетрадяхъ своихъ нѣкоторые, очень рѣзкіе и яркіе проблески своей пылкой, увлекающейся природы и записалъ, видимо, съ цѣлью сохранить передъ глазами для будущихъ лѣтъ

[1]) Старое изданіе 1855 поступило гораздо осторожнѣе, принявъ за правило относить къ концу года эпиграммы, записочки, шутки Пушкина, написанныя въ теченіи его.

всю прошлую свою жизнь во всей ея наготѣ. Впослѣдствіи онъ черпалъ изъ этой скорбной хроники потрясающіе мотивы для стихотвореній, въ которыхъ слышался вопль раскаянія, да, вѣроятно, при болѣе долгой жизни, разсказалъ бы по той же хроникѣ и всѣ болѣзни и страданія своей души, съ ея паденіями и возвращеніями къ свѣту въ поученіе современникамъ и потомству. Наша задача, какъ ближайшихъ его потомковъ, совсѣмъ другая; мы не можемъ слѣдовать примѣру Пушкина и приводить печальные документы его жизни, просто какъ документы, не освѣщая ихъ мыслію и оцѣнкой обстоятельствъ и среды, изъ которыхъ они выросли. Зная уже теперь вполнѣ нравственную сущность великаго человѣка, всѣ психическіе элементы, образовавшіе его личность, всѣ благородныя стремленія его души и непогрѣшимую чистоту всѣхъ его мыслей и поэтическихъ замысловъ, мы имѣемъ право и должны сказать, что тѣ низменныя проявленія раздраженнаго, буйнаго и скандалёзнаго творчества, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь—Пушкину *не принадлежатъ* въ обширномъ смыслѣ слова, хотя бы отъ нихъ остались несомнѣнные автографы, хотя бы они были записаны собственно его рукой на страницахъ его тетрадей. Они не выражаютъ ни настоящей его природы, ни его развитія, ни даже подлиннаго его настроенія въ минуту, когда были писаны. Они ничѣмъ не связаны съ его дѣйствительной мыслью, не имѣютъ корней во внутреннемъ его мірѣ, не отвѣчаютъ никакой склонности его ума или сердца. Всѣ они суть дѣтища броженія и замашекъ его времени, должны считаться эхомъ того говора и шума толпы, которая слѣдила за нимъ по пятамъ всю жизнь, произведеніями таланта, невѣрнаго самому себѣ, совѣсти, измѣнившей собственнымъ своимъ началамъ. Почетъ, оказанный имъ новымъ редакторомъ, принявшимъ ихъ за серьёзныя произведенія пушкинской музы, есть одна изъ самыхъ крупныхъ ошибокъ изданія.

А почетъ оказанъ, дѣйствительно, не малый. Г. Ефремовъ нашелъ возможнымъ ввести въ пантеонъ пушкинской поэзіи такія пьесы, какъ „Платонизмъ“, „Еврейкѣ“, „Сиротка“, „Иной имѣлъ мою Аглаю“, „Городъ Кишиневъ“, присоединивъ къ нимъ шутки, эпиграммы, записочки въ родѣ „Съ позволенія сказать“, „Отъ всенощной вечоръ идя домой“, „Дѣдушка игуменъ“, „Эпитафія духовнику“, „Пародія“, „Княжнѣ Хованской“ и проч. Нѣкоторыя изъ нихъ онъ подвергъ исправленіямъ, которыя потомъ сдѣлались притчей у фельетонной нашей печати (и напрасно, скажемъ мы отъ себя: передѣлки эти, каковы бы ни были, все-таки свидѣтельствуютъ о сохранившихся еще остаткахъ уваженія къ публикѣ); а у другихъ замѣнилъ особенно

рѣзкія слова и стихи точками,—но поправленныя и оставленныя съ одними пропусками одинаково отдаютъ крѣпкимъ букетомъ литературнаго скандала. Перенося ихъ изъ рукописныхъ частныхъ сборниковъ и школьныхъ тетрадокъ добраго стараго времени прямо на страницы своего изданія, посвященныя пушкинскому тексту, редакторъ не подумалъ, что всѣ старанія его замаскировать ихъ содержаніе, тѣмъ или другимъ способомъ, только увеличиваютъ соблазнъ и силу ядовитыхъ ихъ намековъ. Разбирать смыслъ этихъ произведеній по чертамъ, какія они сохранили еще на себѣ, просто значитъ упражняться въ неблагопристойностяхъ. Но если уже дѣло сдѣлано, то возникаетъ другой вопросъ—почему не воспользовались гостепріимствомъ редактора всѣ другія пьесы Пушкина того же рода, которыя стоятъ еще за вышеприведенными и имѣютъ право завидовать своимъ собратамъ-близнецамъ, удостоеннымъ чести занять мѣсто въ собраніи избранныхъ пушкинскихъ стихотвореній?—билетъ на входъ тоже принадлежалъ имъ по праву и во имя великаго принципа *полноты*. Вѣдь, передѣлывать ихъ и приводить, насколько то возможно, въ порядочный видъ, требуемый печатью—было не труднѣе, чѣмъ при туалетѣ ихъ предшественниковъ. Но тутъ мы встрѣчаемся съ необъяснимой загадкой: загадки всегда являются въ дѣятельности человѣка, который лишенъ яснаго представленія цѣлей, къ которымъ идетъ. Отъ одной части этихъ пьесъ, оставленной за порогомъ изданія, редакторъ отдѣлывается голословнымъ и весьма спорнымъ валовымъ приговоромъ, по которому онѣ будто бы Пушкину не принадлежатъ. Знатоки русской потаенной литературы, видѣвшіе списокъ отверженныхъ имъ пьесъ, который приложенъ былъ въ „Русской Старинѣ“ къ самому объявленію о выходѣ въ свѣтъ новаго изданія (!) (Русская Старина) 1880, т. XXVIII, іюль, с. 590) замѣтили, однако же, что приложить списокъ не значитъ еще приложить и доказательство, и что существуютъ сильные поводы сомнѣваться въ точности этого циническаго реестра. Какъ бы тамъ ни было, но исключивъ, по своему усмотрѣнію, недостовѣрныя циническія эпистолы и проч., редакторъ добродушно принялъ въ составъ изданія нѣкоторыя подобныя имъ и уже завѣдомо Пушкину не принадлежащія, въ чемъ и принужденъ былъ сознаться. Такъ-то обманчива, ненадежна и подвижна болотная почва секретныхъ литературныхъ грѣховъ, на которую съ легкимъ сердцемъ вступилъ нашъ библіографъ, думая отыскать на ней матеріалы для сообщенія сборнику сочиненій Пушкина еще небывалой у насъ полноты. Въ погонѣ за этимъ пустымъ призракомъ г. Ефремову удалось только представить зрѣлище, по истинѣ рѣдкое даже и въ лѣтописяхъ русскаго книгопечатанія,

прославившагося, какъ извѣстно, своимъ неряшествомъ. Словно по приговору какой-то Немезиды, является у г. Ефремова рядъ невольныхъ противорѣчій и промаховъ, покрупнѣе всѣхъ тѣхъ, которымъ онъ посвятилъ въ своихъ примѣчаніяхъ самыя желчныя, грубыя слова, какія только у него находились въ распоряженіи. Приписавъ неосновательно Пушкину безобразную балладу „Тѣнь Баркова", онъ прибѣгаетъ къ вырѣзкѣ страницы, на которой красовалось это стихотвореніе, и забываетъ, къ удивленію, исключить въ примѣчаніи и въ алфавитѣ ссылку на него и на страницу, уже несуществующую, гдѣ оно было приведено (Т. I, с. 511 и 576). Въ другой разъ онъ публично предувѣдомляетъ читателей о точно такой же вырѣзкѣ и по тому же поводу произведенной имъ въ какомъ-то томѣ, прося ихъ вмѣстѣ съ тѣмъ перепутанные листы этого же тома съ прозаическомъ текстомъ Пушкина, обмѣнивать на другія болѣе правильныя, заготовленныя ad hoc („Новое Время", 1880). Но все это, повторяемъ, можетъ считаться еще мелочью въ сравненіи съ тѣмъ, что добытые съ такими жертвами и катастрофами блеклые цвѣты пушкинской секретной производительности, редакторъ вплелъ въ одинъ вѣнокъ съ самыми роскошными, чистыми, благоуханными цвѣтами неумирающей его поэзіи. Такъ—соблазнительныя пьесы: „Олинькѣ Масонъ" и „Платонизмъ" идутъ рука объ руку съ художественными антологическими: „Дорида", „Доридѣ", за непристойной „Къ Еврейкѣ" слѣдуетъ, черезъ одно стихотвореніе, „Наполеонъ"; вдохновенное „къ Овидію" соприкасается, поверхъ двухъ маленькихъ отрывковъ, съ цинической „Иной имѣлъ мою Аглаю", и вообще контрасты, рѣжущіе глаза, встрѣчаются безпрестанно въ изданіи и составляютъ его отличительный характеръ.

Могутъ сказать однако: такъ было и въ жизни поэта, полной контрастами, и редакторъ не виноватъ, когда по деспотическому указанію цифръ годовъ свелъ ихъ вмѣстѣ и поставилъ другъ противъ друга. Въ томъ и дѣло, что такъ не было въ жизни, что между Пушкинымъ, писавшимъ „Подражанія Корану" и тѣмъ же Пушкинымъ, чертившимъ „Дѣдушка игуменъ", лежитъ гораздо болѣе пространства и времени, хотя они и принадлежатъ къ одному году, чѣмъ показываетъ хронологическій сборникъ, гдѣ они раздѣлены одной секундой, нужной чтецу для перехода отъ произведенія къ произведенію, почему и кажутся какъ-бы слитными, да въ-добавокъ и написаны-то они двумя разными Пушкиными, не имѣющими ничего общаго между собою. Одинъ изъ нихъ, именно тотъ, котораго силится воскресить г. Ефремовъ, намъ вовсе чуждъ и носитъ извѣстную физіономію своего времени, общую его сверстникамъ, какъ вы-

дающимся изъ толпы, такъ и тѣмъ, которые ничѣмъ не отмѣтили своего существованія на землѣ. Только другой Пушкинъ, тотъ, который признанъ единогласно воспитателемъ русскаго общества, мощнымъ агентомъ его развитія и объяснителемъ духовныхъ силъ, присущихъ народу — только этотъ намъ и нуженъ, а о его двойникѣ намъ достаточно общей характеристики, нѣсколькихъ сохранившихся о немъ преданій, да отмѣтки тѣхъ нравственныхъ чертъ и особенностей, которыя составляли уже общее достояніе обоихъ видовъ Пушкина. Важное поученіе для современниковъ нашихъ, конечно, несетъ съ собой и этотъ второй, побочный, такъ сказать, типъ нашего поэта, если его изучить съ надлежащей политической и этической точки зрѣнія, но цѣнить его бесѣду наравнѣ съ той, которая исходила отъ настоящаго, великаго Пушкина—мы уже не можемъ, а потому и ставить ихъ рядомъ кажется намъ болѣе чѣмъ ошибкой. Кто же, кромѣ дѣтей, будетъ заниматься тѣнью, бросаемою человѣкомъ, когда передъ нимъ стоитъ самъ человѣкъ и притомъ какой! Въ предисловіи къ своему изданію, г. Ефремовъ выражаетъ сожалѣніе, что не имѣлъ въ рукахъ рукописей поэта, но мы готовы признать это обстоятельство за большое счастіе для русской публики и литературы. Чтó бы сталось съ нравственнымъ образомъ Пушкина, если бы всѣ откровенія, содержащіяся въ рукописяхъ, достигли до насъ въ комментаріяхъ г. Ефремова и черезъ посредство того способа относиться къ предметамъ изслѣдованія, который имъ усвоенъ; мы получили бы, конечно, не изображеніе Пушкина, а кое-что другое, подъ его именемъ...

Крайнее непониманіе поэта, за изданіе котораго онъ принялся, г. Ефремовъ обнаружилъ съ особой силой въ ужасѣ и негодованіи по случаю двойныхъ числовыхъ помѣтокъ, встрѣчающихся на рукописяхъ и стихотвореніяхъ Пушкина. Онъ пишетъ горячую діатрибу противъ стараго изданія 1855 г., указавшаго нѣсколько примѣровъ такихъ двойственныхъ помѣтокъ, и обвиняетъ за нихъ его редактора, недосмотрѣвшаго явныхъ противорѣчій въ ихъ цифрахъ. Не довольствуясь помѣщеніемъ діатрибы въ своемъ изданіи (т. I, с. 509), г. Ефремовъ пересылаетъ ее еще въ „Русскую Старину, гдѣ она любезно принимается составителемъ біографическаго очерка А. С. Пушкина, который отводитъ ей мѣсто въ одномъ изъ своихъ примѣчаній, („Русская Старина“ 1880, іюнь, стр. 320). Но этотъ монологъ г. Ефремова, на обличительную силу котораго онъ такъ надѣялся, сослужилъ ему предательскую службу: онъ разоблачилъ его собственное непониманіе особенностей творческой производительности Пушкина и подтвердилъ съ непререкаемой очевидностію, что для настоящаго

пониманія мало одного собиранія и знанія библіографическихъ мелочей, ограниченныхъ, такъ сказать, произведеній русской словесности, примѣтъ и внѣшняго вида ея главныхъ памятниковъ и проч. Далѣе этого нейдетъ редакторъ новаго сборника. Не говоря уже о странности предположенія, что редакторъ стараго изданія 1855 могъ выдумать помѣтки Пушкина, имъ приводимыя, на что намекаютъ ироническія слова г. Ефремова: „въ однѣхъ и тѣхъ же рукописяхъ онъ *вычиталъ* разныя указанія" („Русская Старина", ib.); но какъ было не остановиться передъ тѣмъ фактомъ, что этотъ редакторъ постоянно и съ необъяснимымъ упорствомъ проводитъ несходныя числовыя помѣтки Пушкина, которыя иногда расходятся между собою только двумя-тремя днями? Такъ, при „Полтавѣ" свидѣтельствуется о двухъ пушкинскихъ помѣткахъ, 27 и 29 октября, при стихотвореніи „Клеветникамъ Россіи" 2 и 5 августа, при пьесѣ „Разставаніе" 5 и 8 октября и т. д.; чѣмъ же можетъ объясняться эта настойчивость въ показаніяхъ? Ошибаться сплошь, безпрерывно, врядъ ли возможно и самому вѣтреному человѣку. Можетъ статься, что г. Ефремовъ и не написалъ бы своей патетической діатрибы, если бы принялъ въ соображеніе общеизвѣстный, много разъ разслѣдованный и утвержденный фактъ, что Пушкинъ удостоивалъ числовыми помѣтками всѣ случаи и обстоятельства, сопровождавшіе какой-либо изъ его трудовъ. Онъ отмѣчалъ начало почти каждаго своего созданія и конецъ его, также какъ начало и конецъ его переписки на-бѣло, весьма часто и поправку, сдѣланную въ немъ, иногда даже время первой мысли о произведеніи. Поэтъ, видимо, имѣлъ намѣреніе беречь про себя и для дальнѣйшихъ цѣлей своихъ память о малѣйшихъ подробностяхъ своей творческой дѣятельности, подобно тому, какъ для автобіографіи онъ записывалъ каждую свою мысль, безъ разбора, о чемъ уже было упомянуто. Знай это г. Ефремовъ, онъ не удивился бы, встрѣтивъ разныя числовыя помѣтки, которыя и не могли быть схожи, относясь къ различнымъ моментамъ и случаямъ производства стихотвореній, и не пришелъ бы въ забавное негодованіе? Гораздо болѣе правъ на удивленіе заслуживаетъ то, что г. Ефремовъ, пользовавшійся широко старымъ изданіемъ 1855 г. для существенной, объяснительной части своихъ примѣчаній, не пожелалъ на этотъ разъ обратиться къ нему за полученіемъ недостающихъ свѣдѣній о литературныхъ пріемахъ и привычкахъ Пушкина. Тамъ онъ нашелъ бы указаніе, что существуютъ еще и *загадочныя* числовыя помѣтки Пушкина, смыслъ которыхъ очень хорошо понималъ ихъ авторъ, но ключъ къ которымъ теперь потерянъ. Вмѣсто того, онъ указываетъ на два-три типографскихъ промаха стараго изданія, на двѣ-три *явныхъ* описки, что могло бы

заслужить еще благодарность читателей, если бы сдѣлано было не яростно и въ болѣе скромномъ тонѣ, который приличествовалъ человѣку, представившему и съ своей стороны образцы ошибокъ, вырѣзокъ и издательскихъ грѣховъ, весьма замѣчательные.

Не можемъ покинуть этого страннаго недоразумѣнія, не указавъ еще одной характерической черты въ полемикѣ, поднятой г. Ефремовымъ. Пересматривая его примѣчанія, мы набрели на курьёзъ между многими другими, который заслуживаетъ сохраненія. Оказывается, что г. Ефремовъ въ собственныхъ своихъ матеріалахъ, въ документахъ, находившихся у него подъ руками, уже встрѣтилъ различныя числовыя помѣтки Пушкина, нисколько его, однако же не успокоившія его полемики, и не только что встрѣтилъ, но и самъ засвидѣтельствовалъ. Такъ стихотвореніе Пушкина „Зачѣмъ безвременную скуку", онъ сопровождаетъ слѣдующимъ примѣчаніемъ: „явилось въ печати... только въ 1827, въ „Московскомъ Вѣстникѣ", № 2, и перепечатано въ изданіи 1829, гдѣ отнесено *самимъ авторомъ* къ 1821 году... Между тѣмъ, въ бывшую Чертковскую библіотеку поступилъ *собственноручный пушкинскій* оригиналъ этого стихотворенія, тоже безъ заглавія, но съ помѣткою: 1-го ноября 1826 г. Москва" (т. I, изд. Ис., стр. 557). Кажется, свидѣтельство достаточно ясное о томъ, что Пушкинъ дѣлалъ отмѣтки на стихотвореніяхъ, по соображеніямъ, конечно весьма важнымъ и основательнымъ для него, но уже темнымъ и необъяснимымъ для насъ. Можно было думать, что имѣя передъ глазами такой примѣръ, самъ г. Ефремовъ измѣнитъ свой взглядъ на явленіе, поминутно встрѣчаемое въ рукописяхъ поэта, и постарается вникнуть въ него, исправивъ прежнія ошибочныя заключенія. Вышло наоборотъ: заключенія остались нетронутыми, рядомъ съ фактами, ихъ опровергающими. Такъ, увидавъ, что старое изданіе перенесло извѣстную „Сцену изъ Фауста" въ 1826 годъ изъ 1825, подъ которымъ она стояла въ пушкинскомъ изданіи 1829 года, г. Ефремовъ дѣлаетъ строгое внушеніе редактору за этотъ переносъ, прибавляя: „не могъ же Пушкинъ въ началѣ 1829 года уже забыть: въ 1825 или въ 1826 году писалъ онъ эту сцену"? (I, с. 414). Очень хорошо, но какъ же объяснить послѣ того, что черезъ нѣсколько страницъ самъ же г. Ефремовъ указываетъ на примѣръ забывчивости Пушкина, который пьесу свою „Зачѣмъ безвременную скуку" (см. выше) отнесъ одинъ разъ къ 1821, а другой къ 1826 г. Всѣ подобныя несообразности имѣютъ одну исходную точку у г. Ефремова: онъ ведетъ кропотливые протоколы всему, что̀ видитъ его глазъ, и уже не даетъ себѣ труда провѣрить видѣнное мыслію, понять общій смыслъ фактовъ и поискать общаго ихъ источника въ тѣхъ случаяхъ, когда

они выступаютъ, такъ сказать, толпой, и со всѣхъ сторонъ. При болѣе внимательномъ отношеніи къ своему предмету, г. Ефремовъ убѣдился бы, что о забывчивости Пушкина или невѣрности его переписчиковъ не можетъ быть тутъ и рѣчи, а что есть очень важный вопросъ для обсужденія. За разницей числовыхъ помѣтокъ поэта скрывается всегда дѣльная, серьёзная причина, а иногда загадочное число заключаетъ въ себѣ весьма любопытный творческій или біографическій секретъ, открытіе котораго именно и составляетъ прямую задачу настоящаго изслѣдователя [1])...

Извиняясь передъ читателями нашими за то, что принуждены были ввести его, такъ сказать, въ лабораторію г. Ефремова, гдѣ онъ занимается выплавкой и выковкой всѣхъ тѣхъ приговоровъ, догадокъ, заключеній и обвиненій, образцы которыхъ здѣсь представлены. Не легко было и самому руководителю пробираться въ этомъ хаотическомъ смѣшеніи дѣльнаго и недѣльнаго,—до истины, до настоящаго смысла и значенія разбираемыхъ предлоговъ. Много еще замѣчательныхъ въ своемъ родѣ проявленій редакторскаго самоуправства приходилось при этомъ оставить нетронутыми на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они стоятъ.

Въ заключеніе скажемъ, что изданіе г. Исакова имѣетъ и весьма поучительную сторону: оно можетъ считаться своего рода знаменіемъ времени въ томъ смыслѣ, что вполнѣ обнаруживаетъ сущность направленія, принятаго одной и довольно значительною частію нашихъ дѣятелей на почвѣ исторической и біографической литературы. Это цвѣтокъ, выросшій въ школѣ тѣхъ археологовъ и изыскателей, которые, освободивъ себя отъ труда мышленія, замѣнили его трудомъ простого собиранія документовъ, сличенія разностей между текстами, перечёта отмѣтокъ, какія существуютъ на различныхъ актахъ, и тому подобными предварительными работами, считая ихъ за самую науку историческихъ и литературныхъ изслѣдованій и устраняя, какъ излишество, критику и оцѣнку пріобрѣтенныхъ фактовъ, *по существу*. Люди эти, сдѣлавшіе себѣ призваніе изъ подбора остат-

---

[1]) Поиски за одной точностію, не осмысленной идеею и преслѣдующей мелкіе факты, приводятъ г. Ефремова, по временамъ, къ комическимъ выходкамъ. Таково примѣчаніе къ лицейскому посланію Пушкина 1815 года „баронессѣ М. А. Дельвигъ“, которой тогда было 8 лѣтъ: „Напечатано,—говоритъ онъ,—въ VII томѣ изданія г. Анненкова, и хотя подъ стихами написано время ихъ сочиненія, но вѣроятно или *поэтъ ошибся*, или годъ прочитанъ невѣрно, потому что въ первомъ же стихѣ говорится: „вамъ 8 лѣтъ, а мнѣ 17 било“. Пушкинъ родился 26 мая 1799 г. —слѣдовательно 17 лѣтъ ему пробило не раньше мая 1816 г.“ (т. I. с. 518). Совершенно справедливо—поэтъ ошибся, не справившись, когда писалъ пьесу, предварительно съ метрическимъ своимъ свидѣтельствомъ; но стоило ли вооружаться справками?

ковъ недавняго прошлаго нашего, изъ механической сортировки крупицъ, упавшихъ со стола общественныхъ нашихъ дѣятелей, конечно, имѣютъ право на уваженіе; но какъ бы измѣнилось достоинство ихъ трудовъ, если бы они не питали глубокаго презрѣнія ко всякимъ попыткамъ обобщать факты, извлекать изъ нихъ опредѣленіе, основываясь на внутреннемъ ихъ содержаніи, достигать положительныхъ выводовъ заключеній, опираясь на *мысль*, полученную изъ сущности и духа самихъ собранныхъ ими матеріаловъ. Отвращеніе, обнаруживаемое искателями этого рода ко всякому порядку идей и размышленій, непреодолимо. Оно преимущественно возникаетъ изъ того мелкаго резонерствующаго скептицизма, который признаетъ право на достовѣрность только за голымъ фактомъ, взятымъ одиноко, а права на званіе точнаго историческаго свидѣтельства только за подробнымъ описаніемъ формы явленія.

Изданіе сочиненій Пушкина, г. Исакова, какъ въ своемъ составѣ, такъ и въ замѣткахъ своего редактора есть самое вѣрное и пышное выраженіе качествъ и недостатковъ направленія, о которомъ идетъ рѣчь. При полномъ отсутствіи первыхъ, необходимѣйшихъ условій осмысленнаго издательскаго плана—оно отличается такимъ обиліемъ всяческихъ справокъ, указаній, свѣдѣній, что будущимъ издателямъ Пушкина, которые, полагать должно, не замедлятъ явиться, придется совѣщаться съ нимъ не одинъ разъ. Правда, что имъ будетъ предстоять нелегкій трудъ поправлять въ замѣткахъ г. Ефремова преднамѣренныя увлеченія и ошибки и пробиваться до зерна его указаній сквозь густой, удушливый, *полемическій* туманъ, въ который онъ облекъ свои комментаріи. Но самымъ труднымъ для новыхъ предпринимателей будетъ, конечно, необходимость возвратить сборнику сочиненій Пушкина приличный и серьёзный характеръ, потерянный имъ въ теперешнемъ изданіи. При соблюденіи этихъ условій замѣтки послѣдняго могутъ очень пригодиться и войти въ составъ дѣльной классической книги о Пушкинѣ, которая исполнитъ свое назначеніе служить одинаково какъ юношеству, такъ и возмужалымъ людямъ источникомъ чистыхъ впечатлѣній и невозмутимаго умственнаго и эстетическаго наслажденія.—N. N.

Къ этимъ послѣднимъ заключеніямъ считаемъ не лишнимъ сдѣлать оговорку. Справедливо, что наша исторія и біографія новѣйшаго времени страдаетъ указанными недостатками, но не должно забыть и значительныхъ услугъ, оказанныхъ имъ новыми археографами и библіографами. Не всегда они такъ мелочны. Напротивъ,

они именно вывели на свѣтъ много фактовъ, совсѣмъ неизвѣстныхъ прежнимъ изслѣдователямъ; они сдѣлали много для предварительной очистки текста писателей, собрали массу данныхъ для литературной біографіи, и т. п. Въ этомъ отношеніи несправедливо забыть и заслуги г. Ефремова: ему принадлежатъ цѣнныя работы надъ писателями XVIII вѣка (въ изданіи г. Глазунова), надъ Лермонтовымъ и Жуковскимъ (въ послѣднемъ изданіи). Назовемъ еще немногимъ извѣстный трудъ г. Ефремова: приготовленное имъ полное изданіе сочиненій Радищева, истребленное, въ качествѣ начальника главнаго управленія по дѣламъ печати, Лонгиновымъ, извѣстнымъ библіографомъ—той школы, о которой говоритъ г. N. N.—*Ред.*

ИЗВѢСТІЯ

Отъ Общества Любителей Россійской Словесности, въ Москвѣ.

Въ дни празднованія открытія памятника Пушкину 8-го іюня 1880 года, во второе торжественное засѣданіе Общества любителей Россійской Словесности дѣйствительнымъ членомъ общества А. А. Потѣхинымъ было сдѣлано предложеніе отъ лица всѣхъ литераторовъ, участвовавшихъ въ торжествѣ, положить начало всенародной подпискѣ другому геніальному писателю нашему Гоголю.

Предложеніе было принято восторженно всѣми присутствовавшими въ залѣ засѣданія, и приготовленные по общему требованію листы быстро покрылись подписями.

Тутъ же было постановлено обществомъ ходатайствовать чрезъ г. московскаго генералъ-губернатора, князя Владиміра Андреевича Долгорукова, передъ высшимъ правительствомъ о разрѣшеніи открыть всенародную подписку на памятникъ Гоголю.

Это ходатайство было благосклонно принято Государемъ Императоромъ, и Его Величество 6-го августа 1880 года Всемилостивѣйше

соизволилъ разрѣшить Обществу Любителей Россійской Словесности открыть повсемѣстную подписку въ Россіи на сооруженіе памятника Гоголю въ Москвѣ.

Нѣтъ сомнѣнія, что Россія, соорудивъ памятникъ первому своему любимцу А. С. Пушкину, воздвигнетъ такой же и другому столь же излюбленному ею писателю, другой ея славѣ, Н. В. Гоголю.

Пожертвованія на памятникъ принимаются въ редакціяхъ журналовъ и газетъ, въ которыхъ сдѣлано объявленіе о подпискѣ, по предложенію Общества, или высылаются въ пакетахъ на имя казначея Общества любителей Россійской Словесности Өедора Богдановича Миллера (Москва, Машковъ пер., собственный домъ).

Къ этому объявленію, доставленному намъ отъ московскаго Общества любителей Россійской Словесности, должно, къ сожалѣнію, прибавить извѣстіе о послѣдовавшей на этихъ дняхъ смерти Ө. Б. Миллера, давно составившаго себѣ уважаемое имя стихотворными переводами изъ иностранныхъ литературъ, и въ Москвѣ очень извѣстнаго также своимъ небольшимъ журналомъ „Развлеченіе."—*Ред.*

М. Стасюлевичъ.

СОДЕРЖАНІЕ

ПЕРВАГО ТОМА.

ШЕСТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ.

ЯНВАРЬ—ФЕВРАЛЬ, 1881.

Книга первая.—Январь.

Книга вторая.—Февраль.

№ 68. ПОДВИЖНОЙ КАТАЛОГЪ № 68.

КНИЖНАГО СКЛАДА и МАГАЗИНА ТИПОГРАФІИ М. СТАСЮЛЕВИЧА

С.-Петербургъ, Вас. Остр., 2-я л., 7.

I. БОГОСЛОВІЕ—ФИЛОСОФІЯ—ПСИХОЛОГІЯ—АНТРОПОЛОГІЯ.

☛ **Міръ** как воля и представленіе. Артура Шопенгауэра. Перев. А. Фета. Спб. 1881 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

☛ **Объ образованіи человѣческаго характера.** (Новый взглядъ на общество). Робертъ Овэнъ. Перев. съ англійскаго. Спб. 1881 г. Ц. 80 к., съ пер. 1 р.

Основанія науки о нравственности. Соч. Герберта Спенсера. Переводъ съ англійскаго. Спб. 1880 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 70 к.

Основанія психологіи. Герберта Спенсера, съ приложеніемъ статьи „Сравнительная психологія человѣка" Г. Спенсера. Переводъ со 2-го англійскаго изданія. 4 т. Спб. 1876. Ц. 7 р. съ пересылкою.

☛ **Позитивизмъ** и критика отвлеченныхъ началъ. В. Соловьева. Спб. 1880 г. Ц. 50 к., съ пер. 60 к.

☛ **Слова, Бесѣды и Поученія.** Архимандрита Макарія (1856 — 1879 г.). Спб. 1881 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 80 к.

Слово о смерти. Съ приложеніями статьи: о духѣ, Раѣ и адѣ. Составлено, исправл. и пополнено Епископомъ Игнатіемъ (Брянчаниновымъ). Изд. 4-ое. Спб. 1881 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

II. СЛОВЕСНОСТЬ—КУЛЬТУРА.

☛ **Альбомъ** Гоголевскихъ типовъ, въ рисункахъ художника П. Боклевскаго. Спб. 1881 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.

Въ гостяхъ. Очерки В. И. Немировича-Данченко. Спб. 1880 г. Ц. 1 р. 25 к. съ перес. 1 р. 50 к.

Воспоминанія и критическіе очерки. Собраніе статей и замѣтокъ П. В. Анненкова. 1849—1868 гг. Отдѣлъ первый. Спб. 1877 г. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к. Отдѣлъ второй. Спб. 1879 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к. Оба отдѣла вмѣстѣ: ц. 3 р. съ пересылкою.

Всеобщая исторія литературы. Составлена по источникамъ и новѣйшимъ изслѣдованіямъ, при участіи русскихъ ученыхъ и литераторовъ, подъ редакціей В. Ѳ. Корша. Выпускъ I, II, III, IV, V VI-й и VII. Спб. 1880 г. Ц. 7 руб., съ перес. 7 руб. 50 к.

Записки Охотника. И. С. Тургенева. Полное собраніе очерковъ и разсказовъ; 1847—1876 г. Спб. 1880 г. **Второе стереотипное изданіе**, съ предисловіемъ, портретомъ и факсимиле. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 20 к.. въ переплетѣ 2 р. 75 к., съ пер. 3 р.

☛ **Исповѣдь преступника.** Уголовный романъ Д. А. Линева. 2-е изд. Москва. 1881 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Исторія Славянскихъ литературъ. А. Н. Пыпина и В. Д. Спасовича. Изданіе второе, вновь передѣланное и дополненное. Спб. 1880 г. Т. II. Ц. 5 р., съ перес. Т. I. Ц. 3 р., съ пересылкою.

Картинки домашняго воспитанія. Педагогическіе этюды А — вой. Спб. 1879 г. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 20 к.

☛ **Калевала,** Финскій народный эпосъ. Переводъ Э. Гранстрема. Роскошное изданіе съ пятью картинами. Спб. 1881 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 30 к.

Кому на Руси жить хорошо. Поэма Н. А. Некрасова. Спб. 1880 г. Цѣна 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Князь Серебряный. Повѣсть временъ Іоан-

*) Книги, вновь поступившія въ Складъ въ теченіи послѣдняго мѣсяца, указаны ☛ предъ ихъ заглавіемъ.

на Грознаго. Гр. А. К. Толстого, 4-ое изданіе. Спб. 1880 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к., въ роскошномъ переплетѣ, съ золотымъ тисненіемъ 2 р. 25 к., съ пер. 2 р. 50 к.

☛ **Любовь еврейки или Ноэми.** Романъ Тани Ревильона. перев. съ французск. Смоленскъ. 1881 г. Ц. 65 к., съ пер. 75 к.

Мелочи архіерейской жизни. Картинки съ натуры Н. С. Лѣскова. Второе изданіе, пересмотрѣнное, исправленное и значительно дополненное, съ тремя приложеніями: 1. Архіерейскіе объѣзды, 2. Епархіальный судъ. 3. Русское тайнобрачіе. Спб. 1880 г. Ц. 1 р. 75 к., съ пер. 2 р.

Памяти Пушкина. 6 Іюня 1880 года. Очерки Пушкинской Руси: I, Природа, II, Крестьяне, III, Господа, IV, Русская женщина. Виктора Острогорскаго. Спб. 1880 г. Ц. 50 к., съ пер. 60 к.

Парижскія письма. Изъ литературы и жизни. 1875-77 гг. Т. I. Эмиль Зола. Спб. 1878 г. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

Письма изъ Болгаріи въ 1877 г. Евг. Утина. Спб. 1879 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 75 к.

Письма о Шопенѣ, Шубертѣ, Шуманѣ, Н. Ф. Христіановича. Москва. 1876 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Плевна и Шибка. Романъ В. И. Немировича-Данченко. Спб. 1881 г. Ц. 4 р., съ пер. 4 р. 50 к.

Повѣсти и разсказы Д. В. Григоровича. Въ семи томахъ. Спб. 1872 г. Ц. 12 руб., съ пер. 13 р.

Полное собр. соч. Шекспира, въ переводѣ русскихъ писателей. Изд. третье, исправл. и дополнен., п. р. Н. В. Гербеля. Три большіе тома съ портретомъ автора. Спб. 1880 г. Ц. за три тома на простой бумагѣ 10 р., съ пер. 11 р. на лучшей 12 р., съ пер. 13 р., въ англійскомъ перепл., тисненномъ золотомъ, 14 р., съ пер. 15 р.

Полное собраніе стихотвореній Гр. А. К. Толстого, въ одномъ томѣ. 1855—1875 г. Изданіе второе. Спб. 1877 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 25 к.; на веленевой бумагѣ, съ портретомъ и въ роскошномъ переплетѣ съ золотымъ тисненіемъ. Ц. 3 р. 25 к., съ перес. 3 р. 50 к.—Портретъ особо: 50 к.

Послѣ войны. Очерки и впечатлѣнія русскаго корреспондента въ освобожденной Болгаріи. В. И. Немировича-Данченко. Спб. 1880 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

☛ **Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго.** Изданіе графа С. Д. Шереметева. Т. IV (стихотворенія 1828—1852 г.). Ц. 2 р. Т. V. Фонъ-Визинъ. Ц. 2 р. за пересылку по 1 р. Спб. 1881 г.

Сочиненія Г. П. Данилевскаго. Томъ V (1877—1879 г.). Историческій романъ, въ 3-хъ частяхъ: Мировичъ. Историческія повѣсти: Потемкинъ на Дунаѣ. Послѣдніе запорожцы. Примѣчаніе къ „Мировичу". Спб. 1880 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 30 к.

Сочиненія Н. А. Добролюбова. Изданіе 3-е, безъ перемѣны. 4 т. Спб. 1876 г. Цѣна 6 р., съ перес. 8 р.

Степныя тайны. Романъ въ двухъ книгахъ. Соч. П. В. Засодимскаго. Спб. 1881 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Стихотворенія Н. А. Некрасова. Посмертное изданіе, съ портретомъ, факсимиле, біографіею, приложеніями, примѣчаніями и т. д. 4-ре тома. Спб. 1879 г. Ц. на веленевой бумагѣ въ переплетѣ 12 р., съ перес. 14 р.

Трудные годы (1876—1880 г.). Очерки и опыты. А. Градовскаго. Проф. Спб. Университета. Спб. 1880 г. Ц. съ пер. 2 р.

III. ИСТОРІЯ—БІОГРАФІЯ—ЭТНОГРАФІЯ.

Александръ Андреевичъ Ивановъ. Его жизнь и переписка 1806—1858 гг. Издалъ Михаилъ Боткинъ, съ факсимиле и 12 гравюрами. Спб. 1880 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 30 к.

Воцареніе императрицы Анны Іоанновны. Историческій этюдъ Д. А. Корсакова. Каз. 1880 г. Ц. 3 р. съ перес.

Историческіе и критическіе опыты. Томаса Карлейля. Перев. съ англійскаго. Москва, 1878 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

Исторія Франціи отъ низверженія Наполеона I до возстановленія имперіи, 1814—1852 г. А. Л. Рохау. 2 т. Ц. 3 р. 50 к. вѣс. 3 ф.

Общій очеркъ Исторіи Европы, Эдуарда Фримана. Перев. съ англ. п. р. Я. Г. Гуревича. Съ прилож. хронологической таблицы Фримана. Спб. 1880 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

Происхожденіе общественнаго строя современной Франціи. (Les origines de la France contemporaine). Соч. Ипполита Тэна. Переводъ съ третьяго французскаго изданія. Спб. 1880 г. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 3 р. 75 к.

Руководство къ древней исторіи Востока, до Персидскихъ войнъ. Сочин. Ф. Ленормана. 2 т. съ картами. К. 1879 г. Ц. 5 р., съ пер. 5 р. 50 к.

Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей. Н. Костомарова. Томъ I: Господство дома св. Владиміра, X-XVI-е столѣтія. Издан. 2-е. Спб. 1880 г. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р.

Семейство Разумовскихъ. Соч. А. А. Васильчикова. Три тома. Ц. 7 р. 50 к., съ пересылкою 9 р. Вышелъ томъ I съ тремя портретами: Им. Елизаветы, Графа

А. Г. Разумовскаго и Графа К. Г. Разумовскаго. Томъ II съ двумя портретами Графини Н. Д. Разумовской (казачка Разумиха). Графъ А. К. Разумовскій. На третій томъ выдается билетъ.

IV. ГЕОГРАФІЯ—ТОПОГРАФІЯ—ПУТЕШЕСТВІЯ.

Восемьдесятъ тысячъ верстъ подъ водой. Путешествіе подъ волнами океана. Сочиненіе Жюля Верна, съ 112 рисунками художника Ріу. Переводъ Марка-Вовчка. Спб. 1872 г. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 руб.

Путевые очерки и картины. Вашингтонъ Ирвингъ. Перев. съ англійскаго А. Глазуновъ. Москва, 1879 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

Путешествіе по Китаю въ 1874 — 1875 г.г. чрезъ Сибирь, Монголію, восточный, средній и сѣверо-западный Китай. Изъ дневника члена экспедиціи П. Я. Пясецкаго, въ 2-хъ томахъ, съ 24 рисунками и картою пройденнаго пути. Спб. 1880 г. Ц. 6 р., съ пересылкою.

V. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ — СТАТИСТИКА.

Курсъ политической экономіи. Состав. Э. Вреденъ. Второе, переработанное изданіе. Спб. 1880 г. Ц. 5 р., съ пересылкою.

Мелкій земельный кредитъ. Проектъ устава земскаго банка мелкаго сельскаго земельнаго кредита. Спб. 1880 г. Ц. 30 к., съ пер. 40 к.

Основанія политической экономіи съ нѣкоторыми изъ ихъ примѣненій къ общественной философіи. Джонъ Стюартъ Милль. 2 т. Ц. 5 р., вѣс. 8 ф.

Сравнительная статистика Россіи и западно-европейскихъ государствъ. Профес. Ю. Э. Янсона. Томъ II. Промышленность и торговля. Отдѣлъ I. Статистика сельскаго хозяйства. Спб. 1880 г. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. Т. I. Территорія и населеніе. Ц. 2 р., съ перес.

VI. ПЕДАГОГІЯ—УЧЕБНИКИ—ДѢТСКІЯ И НАРОДНЫЯ КНИГИ.

Аленькій цвѣточекъ. Сказка С. Т. Аксакова. Изданіе Комитета Грамотности. Спб. 1880 г. Ц. 10 к., съ пер. 15 к.

☞ **Ариѳметика.** Опытъ руководства къ систематическому курсу теоретической ариѳметики цѣлыхъ и элементарному курсу дробныхъ чиселъ. Преимущественно для учащихся дома. Съ рисунками въ текстѣ, съ вопросами и задачами. Сост. А. Н. Канаевъ. Спб. 1881 г. Ц. 80 к., съ пер. 1 р.

Библіографіи замѣчательныхъ людей: I. **Джорджъ Вашингтонъ.** Состав. А. П. Мунтъ, съ 8-ю отдѣльными рисунками. Спб. 1880 г. Ц. 30 к., съ пер. 40 к.

☞ **Бытовые очерки и картинки.** Собраніе повѣстей и разсказовъ для дѣтей старшаго возраста, съ 6-ю рисунками. Изд. М. Малышевой и А. Пѣловой. Спб. 1881 г. Ц. 2 р. съ перес.

☞ **Въ своемъ кругу.** А. Острогорскаго. Спб. 1880 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Двѣнадцать дѣтскихъ пѣсенъ, приспособленныхъ къ подвижнымъ играмъ. Сост. М. А. Мамонтова и М. Т. Соловьева. М. 1880 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 50 к.

Живое слово, пособіе для нагляднаго обученія въ семьѣ и школѣ. Обработала по Штаубу О. И. Шмидтъ. Съ рисунками исполн. Г. Фишеромъ и Н. Н. Каразинымъ. В. I. Лейпцигъ. 1880 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

Жизнь европейскихъ народовъ. Е. Н. Водовозовой. Ч. I. *Жители Юга.* Подробное описаніе жизни, нравовъ и обычаевъ: болгаръ, сербовъ, черногорцевъ, герцеговинцевъ, босняковъ, турокъ, албанцевъ, румынъ, грековъ, итальянцевъ, испанцевъ, португальцевъ, французовъ и швейцарцевъ. съ 26 рис. Изд. 2-е. Ц. 3 р. 75 к., съ пер. 4 р. 25 к., въ изящномъ переплетѣ 4 р. 55 к., съ пер. 5 р. Ч. II. *Жители Сѣвера.* Описаніе нравовъ и обычаевъ англичанъ, шотландцевъ, ирландцевъ, голландцевъ, бельгійцевъ, шведовъ и датчанъ съ 24 рис. Ц. 3 р. 75 к., съ пер. 4 р. 25 к., въ переплетѣ 4 р. 55 к.. съ пер. 5 р.

Жучка. Разсказъ для дѣтей. М. Ѳ. Ростовской въ перепл. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 70 к.

☞ **Звѣздочка.** Разсказы для дѣтей отъ 5-ти до 9-ти лѣтъ. Сост. А. Я. Гудвиловичъ. Москва. 1880 г. Ц, 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к., въ роскошномъ переплетѣ 1 р. 75 к., съ пер. 2 р.

Звѣздочки. Повѣсти и разсказы М. Ѳ. Ростовской. Въ переплетѣ. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

Звѣздочка. Сборникъ статей въ прозѣ и стихахъ для постепеннаго изученія родного языка. Составилъ К. Ѳ. Петровъ. Спб. 1880 г. Ц. 40 к., съ пер. 50 к.

Исторія Греціи и Рима (Курсъ систематическій). Съ приложеніемъ хронологической таблицы. Сост. Я. Г. Гуревичъ. Изд. третье, исправ. Спб. 1880 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Изъ русской жизни и природы. Е. Н. Водовозовой. Разсказы о животныхъ, растеніяхъ, временахъ года, явленіяхъ природы, о главнѣйшихъ промыслахъ и очерки

изъ народной жизни, съ 16 рис. 4-е изд. Ц. 1 р. 50 к., въ изящномъ переплетѣ 2 р., за пер. 30 к.

Игра.—Обученіе чтенію. 30 картъ 240 марокъ, съ буквами и слогами. Вмѣсто азбуки и начальнаго чтенія. Составилъ А. Страховъ. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.

Историческая Хрестоматія по русской исторіи. Пособіе для старшихъ классовъ средне-учеб. заведеній. Сост. Я. Г. Гуревичемъ и Б. А. Павловичемъ. Ч. I Изд. второе исправл. Я. Г. Гуревичемъ Спб. 1881 г. Ц. 1 р. 75 к., съ пер. 2 р.

Книга для чтенія въ военныхъ школахъ и казармахъ, въ школахъ воскресныхъ и вечернихъ классахъ для взрослыхъ, съ 22-мя картинками. Составилъ К. К. Абаза. Спб. 1880 г. Ц. 60 к., съ перес. 80 к.

☛ **Мать и дитя.** Гигіена въ общедоступномъ изложеніи. Содержаніе:—I. Наслѣдственность.—II. Беременность,—III. Жизнь утробнаго младенца.—IV. Уходъ за новорожденнымъ.—V. Уходъ за родильницей.—VI. Одежда грудныхъ дѣтей.—VII. Дѣтская и ея принадлежности.—VIII. Мать и кормилица.—IX. Искусственное вскармливаніе.—X. Первые годы жизни. Сочиненіе Б. Н. Жукъ, съ 92 рисунками. Спб. 1881 г. Ц. 2 р, съ пер. 2 р. 50 к., въ переплетѣ 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

☛ **На отдыхъ.** Иллюстрированные разсказы для маленькихъ дѣтей. Е. Н. Водовозовой, съ 40 картинками въ текстѣ и виньеткою, рисованными художникомъ К. Голембіовскимъ. Спб. 1880 г. Ц. въ бум. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 75 к., въ англійскомъ пер. 3 р. 20 к., съ пер. 3 р. 50 к.

Начальная алгебра. Составилъ I. Сомовъ, ординарный академикъ И. Академіи Наукъ и Профес. Спб. Университета. Изданіе пятое, съ дополнительными статьями, содержащими Курсъ дополнительнаго класса реальныхъ училищахъ. Спб. 1880 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 30 к.

Новый и полный самоучитель Татарскаго языка или руководство выучиться безъ посторонней помощи говорить и читать русскимъ по татарски и татарамъ по русски. Состав. по новѣйшимъ руководствамъ учителемъ Ш. Саиновымъ. К. 1880 г. Ц. 45 к, съ пересылкою.

☛ **Нянина арифметика,** для дѣтей отъ 4 до 7 лѣтъ. Текстъ съ картинками составилъ А. Н. Канаевъ. Спб. 1881 г. Ц. 60 к., съ пер. 75 к.

Новая метода выучиться правильно читать, писать и говорить на нѣмецкомъ яз. въ продолженіи 6-ти мѣсяцевъ. Проф. Оллендорфа. Перев. съ послѣдняго парижскаго изданія К. В. Назарьевой. Спб. 1881 г. Ц. 2 р. 50 к, съ пер. 3. р.

☛ **О дѣлахъ житейскихъ,** разсказы стараго учителя. Спб. 1881 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Открытіе Америки Христофоромъ Колумбомъ. Книга для юношества. Соч. Д-ра Ріеке. Пер. съ нѣм. Спб. 1880 г. Ц. въ папкѣ 2 р. 50 к., съ пер. 3 р. и въ англійскомъ переплетѣ 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

☛ **По бѣлу свѣту.** А. Острогорскаго. Спб. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

Пѣсни для школы, дѣтскія и народныя, на одинъ, на два и на три голоса. Классное пособіе при обученіи пѣнію. Составилъ Гр. Мареничъ. Спб. 1878 г. Ц. 80 к., съ пер. 1 руб.

Пони. Приключенія эмскаго осла. Соч. М. Ѳ. Ростовской. Въ переплетѣ 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 70 к.

Предметные уроки по мысли Песталоцци. Руководство для занятій съ дѣтьми въ школѣ и дома. Составилъ П. Перевлѣсскій. Изданіе шестое. Спб. 1880 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 40 к.

☛ **Разсказы моимъ дѣтямъ.** Съ политипажами въ текстѣ. С. А. Бобровскій Спб. 1881 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

☛ **Робинзонъ въ русскомъ лѣсу.** Разсказъ для дѣтей, съ рисунками въ текстѣ. Ѳ. Кочулковой. Спб. 1881 г. Ц. въ бум. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.; въ папкѣ 1 р. 75 к., съ пер. 2 р.; въ англійскомъ переплетѣ 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

Родной край. Книга для класснаго и домашняго чтенія учениковъ старшаго отдѣленія народной школы Сост. Ѳ. С. Матвѣевъ. Спб. 1879 г. Ц. 45 к., съ пер. 60 к.

☛ **Серія первонач. учебниковъ.** Введеніе. Проф. Гексли. Перев. съ англійскаго Антоновича. Спб. 1880 г. Ц. 40 к., съ пер. 50 коп.

Сборникъ избранныхъ басенъ Крылова, Масальскаго, Хемницера, Дмитріева и Измайлова. Одобрено Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Просвѣщенія, какъ учебное пособіе для городскихъ и уѣздныхъ училищъ и для приготовительныхъ классовъ гимназій. Сост. С. Волженскій. Спб. 1880 г. Ц. 25 к., съ пер. 30 к.

Семейство Шалонскихъ. Изъ семейной хроники. Сочин. Евгеніи Туръ. Съ картинками. Спб. 1880 г. Ц. 1 р, съ пер. 1 р. 20 к.

Систематическій обзоръ русской народно-учебной литературы. Составленъ, по порученію Комитета Грамотности, спеціальною коммиссіею. Большой томъ въ 745 стран. Спб. 1878 г. Цѣна 2 руб., съ перес. 2 р. 50 к.

Справочная книжка и указатель русскаго правописанія. Составилъ В. П. Геннингъ, преподаватель 1-го Спб. реальнаго училища. Спб. 1879 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Учебникъ химіи. Составилъ С. Ковалев-

скій, препод. химіи и физики въ Спб. 1-мъ реальномъ училищѣ. 3-ое изданіе, переработанное и дополненное. Спб. 1880 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 70 к.

Умственное развитіе дѣтей. Е. Н. Водовозовой. Отъ перваго проявленія сознанія до 8-ми-лѣтняго возраста. Нравственное и умственное развитіе дѣтей, работы, игры, физическія упражненія, разсказы, сказки, загадки, пословицы и наблюденія надъ явленіями природы. Изд. 3-е. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

☛ **Учебная книга для ротныхъ школъ и** пособіе унтеръ-офицерамъ къ обученію молодыхъ солдатъ. Сост. Капитанъ Тарасевичъ. 2-ое изд. Казань. 1880 г. Ц. съ пер. 60 к.

☛ **У рабочихъ людей.** А. Острогорскаго. Спб. 1880 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

Фантастическія сказки. Переводъ съ нѣмецкаго А. Г. Степановой и О. А. Гримма, съ рисунками въ текстѣ. Спб. 1880 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Физика въ простыхъ урокахъ. Джона Тиндаля. Переводъ съ англійскаго подъ редакціей Профес. А. И. Шимкова, съ 89-ю рисунками. Спб. 1881 г. Ц. 75 к., съ пер. 90 к.

Физическій трудъ, какъ необходимый элементъ образованія. Сочин. С. Н. Кривенко. Спб. 1879 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 70 к.

VII. ЯЗЫКОЗНАНІЕ—АРХЕОЛОГІЯ.

Лирическія Малорусскія пѣсни, преимущественно свадебныя, сравнилъ съ велико-русскими пѣснями Х. Ящуржинскій. Варшава. 1880 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

О Малорусскомъ правописаніи. М. Тулова. В. 1879 г. Ц. 30 к., съ пер. 40 к.

Очеркъ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія. Сочин. П. Житецкаго. К. 1876 г. Ц. 2 р. 25 к., съ пересылкою 2 р. 50 к.

Первобытные Славяне въ ихъ языкѣ, бытѣ и понятіяхъ по даннымъ лексикальнымъ. Изслѣдованія въ области лингвистической Палеонтологіи Славянъ. А. Будиловича. 2 вып. Кіевъ. 1879 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

VIII. МАТЕМАТИКА — АСТРОНОМІЯ — ФИЗИКА—ХИМІЯ.

Аналитическая геометрія. Составилъ Академикъ І. Сомовъ. Изданіе третье. Спб. 1880 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 75 коп.

Курсъ Аналитической механики. Составилъ Д. Бобылевъ, профессоръ Спб. Университета. I. Часть Кинематическая. (Съ четырьмя листами чертежей). Спб. 1880 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

Курсъ теоретической ариѳметики. Жозефа Бертрана, члена Парижской Академіи Наукъ. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

Начальныя основанія аналитической геометріи двухъ измѣреній. Сост. І. Сомовъ. 2-е изданіе. Спб. 1879 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

О Тригонометрическихъ функціяхъ. Сост. Н. Билибинъ. Спб. 1880 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Органическая химія. Профессора П. Алексѣева. 2-ое, измѣненное и дополненное изданіе. К. 1880 г. Ц. 1 р. 75 к., съ пер. 2 рубля.

Очеркъ развитія нашихъ свѣдѣній о газахъ. Проф. Моск. Универс. А. Столѣтова. М. 1879 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 коп.

Превращенія энергіи. Очеркъ теорій современной физики. Г. Кребса. Съ 60-ю рисунками въ текстѣ. Спб. 1879 к. Ц. 1 р., съ пер. 2 р. 20 к.

Физическая химія. Н. И. Любавина. Спб. 1878 г. Ц. 4 р. 50 к., съ перес. 5 р.

Химія въ приложеніи къ Гигіенѣ. А. Готье. Пер. съ франц. Спб. 1880 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

IX. ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ — СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО—ТЕХНОЛОГІЯ—МЕДИЦИНА.

Анализъ мочи. Клиническое руководство для студентовъ и врачей. Профес. Д. Кошлакова, съ 48 рисунками въ текстѣ и двумя хромолитографированными таблицами. Спб. 1880 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 70 к.

Архивъ клиники внутреннихъ болѣзней. Профессора Спб. М.-Х. Академіи. С. П. Боткина. Томъ VI, за 1879 — 1880 гг. Спб. 1880 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к. Т. II. Ц. 2 р. Т. III. Ц. 3 р. Т. IV. Ц. 2 р. Т. V. Ц. 2 р. 50 к. съ пересылкою.

Атласъ минераловъ. Составленный Д-ромъ И. Г. Фонъ-Курромъ, съ текстомъ А. В. Ганике. Спб. 1871 г. Ц. 5 р., съ пер. 6 руб.

Бактеріи. Д-ра А. Маньена. Спб. 1880 г Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Болѣзни шеи. Топографическая Анатомія. Врожденныя болѣзни. Перевязки сосудовъ. Поврежденія. Д-ра Г. Фишера. Съ 16-ю политипажами въ текстѣ, пер. съ нѣм. Спб. 1880 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

Ботаническій атласъ Шуберта съ приложеніемъ краткаго пояснительнаго текста. Переводъ Н. И. Раевскаго. 2-ое изданіе. Спб. 1879 г. Ц. 7 руб., съ перес. 8 руб. 50 коп.

Бугорчатка. Съ точки зрѣнія инфекціонной теоріи. Профес. Ю. Конгеймана. Спб. 1880 г. Ц. 40 к., съ пер. 50 к.

Дифтерія—Д-ра В. Рейтцъ. Спб. 1880 г. Ц. 1 р. 40 к., съ пер. 1 р. 60 к.

Душевныя болѣзни для врачей и учащихся. В. Гризингера, профессора Берлинскаго Университета. Перев. съ послѣдняго нѣмецкаго изданія подъ ред. Проф. Физіологіи Спб. Универ. Ф. В. Овсянникова. Третье изданіе. Спб. 1881 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

Естественная исторія животныхъ млекопитающихъ въ изображеніяхъ, снятыхъ и раскрашенныхъ сходно съ натурою. Съ приложеніемъ краткаго пояснительнаго текста. Сост. по Шуберту. Перев. Г. И. Корн. Пятое изданіе. Спб. 1880 г. Ц. 9 р., съ пер. 11 руб.

Жизненныя явленія, общія животнымъ и растеніямъ. Курсъ общей физіологіи Клода Бернара. Лекціи, читанныя въ музеѣ естественной исторіи въ Парижѣ. Съ 45-ю рисунками въ текстѣ и одной таблицей. Спб. 1878 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

☛ **Общее сельско-хозяйств. растеніе водство.** Ф. Габерландта. Переводъ съ нѣм. Т. II. Спб. 1880 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 40 коп.

О выраженіи ощущеній у человѣка и животныхъ. Соч. Чарльза Дарвина. Спб. 1872 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 30 к.

О локализаціяхъ въ болѣзняхъ мозга. (О мозговыхъ параличахъ). Лекціи, читанныя въ Парижѣ профессоромъ Шарко. Изд. 2-ое, исправл. и дополненное. Перев. И. П. Лебедевъ. Спб. 1880 г. Ц. 1 р. 60 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Основы фармакологіи (Materia Medica) для врачей и студентовъ, Hermann'a Köhlera. Пер. съ нѣм., съ указаніемъ на Россійскую фармакопею и прибавл. новѣйшихъ средствъ. Спб. 1880 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

Основы оперативной хирургіи. Ж. А. Фора. Пер. съ франц. Спб. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 40 к.

Основы практической медицины. Д-ра К. Ф. Кунце. Перев. со второго дополн. и измѣненнаго нѣмецкаго изданія. М. С. Генкина. Спб. 1881 г. Ц. въ бум. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к. и въ англійскомъ переплетѣ ц. 1 р. 70 к., съ пер. 2 р.

Офтальмоскопія и ея примѣненіе въ офтальмологіи и общей медицинѣ. Д-ра А. Ходина. Доцента въ Мед.-Хирург. Акад. Съ 40 рисунками въ текстѣ и 6-ю хромолитографическими таблицами. Спб. 1880 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

Популярное руководство къ содержанію зубовъ и полости рта, съ приложеніемъ необходимыхъ свѣдѣній объ искусственныхъ зубахъ. Д-ра Вильгельма Зюерсена. Перев. съ 8-го издан. Спб. 1880 г. Ц. 70 к., съ перес. 80 к.

Разведеніе кукурузы на зерно. Сост. В. В. Фенинъ. Спб. 1880 г. Ц. 35 к., съ перес. 50 к.

Руководство къ токсикологіи, составленное по Рабюто „Elements de toxicologie". Подъ редакціей Е. Пеликана, съ предисловіемъ, дополненіями и измѣненіями. Спб. 1879 г. Ц. 3 руб., съ перес. 3 руб. 30 коп.

Руководство къ фармакологіи. Д-ра Рудольфа Бухгейма. Переводъ съ послѣд. нѣмец. изданія подъ ред. профес. д-ра Э. Гейбеля. К. 1880 г. Ц. 4 р., съ пер. 4 р. 50 к.

Руководство къ хирургической клиникѣ и патологіи. А. Жамэна и Ф. Терре. Переводъ съ примѣчаніями и подъ редакціей Д-ра В. И. Кузьмина. Т. I, выпускъ 2-ой. Спб. 1880 г. Ц. 2 р. 50 к. Съ пер. 3 р. Выпускъ I. Ц. 2 руб. 50 коп., съ пер. 2 руб. 80 коп.

Руководство къ частной патологіи и терапіи. Сост. подъ редакціей Д-ра Г. Цимсена. Т. XVI. Душевныя болѣзни, доктора Генриха Шюле. Вторая половина. Переводъ д-ра Д. Г. Фридберга. Х. 1880 г. Ц. 1 руб. 50 коп., съ пер. 1 руб. 70 коп. Обѣ половины. Ц. 4 руб., съ перес. 4 руб. 40 коп.

☛ **Русскій огородъ, питомникъ и плодовой садъ.** Руководство къ наивыгоднѣйшему устройству и веденію огороднаго и садоваго хозяйства. Соч. Р. И. Шредера. Второе, вновь пересмотрѣнное, исправленное и пополненное изданіе съ 67-ю политипажами. Спб. 1881 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

Стриктуры мочеиспускательнаго канала. Д-ра Л. Диттеля. Съ 62-мя рисунками въ текстѣ. Пер. съ нѣм. Спб. 1880 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

Учебникъ физіологіи. Эрнста Брюкке, 2 т. Ц. 6 р., перес. за 4 ф.

Ученіе о грыжахъ, профессора Лингарта. Съ 67-ю рисунками въ текстѣ. Переводъ съ нѣмецкаго подъ ред. В. Попова, приватъ-Доцента И. М. Х. Академіи. Спб. 1881 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 70 к.

Ученіе о скотозаводскомъ искусствѣ. Г. Зеттегастъ. Перев. съ нѣм., съ 33-мя рисунками въ текстѣ и 4-мя гравюрами. Ч. I. Спб. 1880 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Ученіе о пищевареніи. 12 лекцій, читанныхъ д-ромъ К. А. Эвальдомъ. Переводъ подъ редакціей профес. И. Р. Тарханово-

ва. Спб. 1880 г. Ц. 1 р. 20 к., съ пер. 1 р. 40 к.

Хлѣбный жукъ (Anisoplia Austriaca) и средства борьбы съ нимъ. М. В. Неручева. Херсонъ. 1880 г. Ц. 60 к., съ пер. 70 коп.

Элементы Эмбріологіи Фостера и Бальфура. Съ 70 рисунками. Перев. съ англійскаго, подъ ред. О. А. Гримма. Спб. 1880 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 40 к.

X. ЗАКОНОВѢДѢНІЕ—ПОЛИТИКА.

Водовладѣніе и ирригація. Водовладѣніе по русскимъ и иностраннымъ законамъ и обычаямъ.—Управленіе водами. Юридическіе, административные и техническіе вопросы по ирригаціи.—Ирригація въ Закавказьѣ, южной Европѣ, Остъ-Индіи и нѣкоторыхъ другихъ внѣ-европейскихъ странахъ. Сост. Викторъ Дингельштетъ. Ч. I, съ чертежами. Тиф. 1880 г. Ц. 2 р. 75 к., съ пер. 3 рубля.

Гражданскіе законы и обычное право Россіи, въ общемъ ихъ сводѣ со включеніемъ законовъ Финляндіи, Ц. Польскаго, Остзейскаго Края и Бессарабіи, еврейскихъ и мусульманскихъ. Томъ I. Сост. Доцентъ Спб. Унив. Кронидъ Малышевъ. Спб. 1880 г. Ц. 5 р., съ пер. 5 р. 50 к.

Начала соціологіи. Обрядныя учрежденія. Герберта Спенсера. Переводъ съ англійскаго подъ редакціей Профес. И. В. Лучинскаго. К. 1880 г. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 70 к.

Общинное владѣніе. К. Кавелина. Спб. 1876 г. Ц. 50 к., съ перес. 75 к.

Опытъ комментарія къ уставу гражданскаго судопроизводства. К. Анненкова. Т. II. О доказательствахъ. Спб. 1880 г. Ц. 3 р. съ пересылкою.

Опытъ комментарія къ уставу гражданскаго судопроизводства. К. Анненкова. Т. I. 1) Подсудность. 2) Общій порядокъ производства дѣлъ. Спб. 1878 г. Ц. 3 р. съ перес.

Основанія соціологіи. Герб. Спенсера. Т. II. Спб. 1877 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 75 к. Въ прибавленіи помѣщены замѣтки Э. Б. Тайлора по вопросу объ анемизмѣ и отвѣты на нихъ Г. Спенсера. Т. I и II вмѣстѣ. Ц. 5 р., съ пер. 5 р. 50 к.

Откровенное слово о важнѣйшихъ событіяхъ нашей внутренней жизни за послѣднее двадцатипятилѣтіе (1855—1880 г.). Л. Доброва. Спб. 1880 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Права и обязанности по имуществамъ и обязательствамъ въ примѣненіи къ русскому законодательству. Опытъ систематическаго обозрѣнія. К. Кавелина. Спб. 1879 г. Ц. 3 р. съ пер.

Руководство къ особенной части русскаго уголовнаго права. Томъ IV. Сокрытіе истины; сокрытіе своей личности; лжеприсяга и лжесвидѣтельство; ложный доносъ и ябеда; подлогъ и поддѣлка. Сост. Магистръ правъ Н. А. Неклюдовъ. Спб. 1880 г. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р.

Руководство къ особенной части русскаго уголовнаго права. Магистра правъ Н. А. Неклюдова. Т. III. Преступленія 1) противу брака и правъ семейныхъ; 2) противу законовъ о состояніяхъ; 3) общеопасныя преступленія (поджогъ и т. п.) Спб. 1878 г. Ц. 3 р. 50 к., съ перес. 4 р.

Сравнительная политика и единство исторіи. Эдуарда Фримана. Перевелъ съ англійскаго Николай Коркуновъ. Спб. 1880 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 75 к.

Уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ 1866 года. Съ дополненіями по 1-е декабря 1879 г. Составлено профес. Спб. университета Н. С. Таганцевымъ. Изданіе третье, исправленное и дополненное. Спб. 1880 г. Ц. 4 р., съ пересылкою въ прочномъ и изящномъ шагреневомъ переплетѣ 5 р. съ перес.

Уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, съ дополненіями по 1 января 1879 г. Съ приложеніемъ мотивовъ и извлеченій изъ рѣшеній уголовнаго кассаціоннаго департамента сената. Сост. Профес. Спб. Университета Н. С. Таганцевымъ. Изд. 2-ое, переработанное и дополненное. Спб. 1879 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

XI. ИСКУССТВА—МУЗЫКА—ТЕАТРЪ.

Всеобщій учебникъ музыки. Рукав. для учителей и учащихся по всѣмъ отраслямъ музыкальнаго образованія, А. Б. Маркса. Перев. съ 9-го нѣмецкаго изданія подъ ред. А. С. Фаминцына. Москва. 1881 г. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р.

Карманный музыкальный словарь. (Терминологія Гарраса). Изданіе 4-ое, дополненное Кн. В. Ѳ. Одоевскимъ. Москва, 1880 г. Ц. 50 к., съ пер. 60 к.

Музыкальный катехизисъ. Соч. І. К. Лобе. Перев. съ нѣмецкаго. П. Чайковскаго. Москва. 1878 г. Ц. 60 к., съ пер. 75 коп.

Новый жидочикъ-цимбалистъ. Соч. актера Мушинскаго. Спб. 1880 годъ. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Общепонятное руководство къ изученію нотнаго церковнаго пѣнія по нотамъ 2-ое изд. Состав. Ив. Казанскимъ. Москва. 1875 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Одноголосныя пѣсни съ русскими народными мелодіями, съ акомпаниментомъ для фортепіано. Музыка *Рубца*. Изданіе Е. Н. Водовозовой. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Преподаваніе фортепіано. Практическіе совѣты, наблюденія и замѣтки. Соч. Луи Кёлера. Перев. съ 4-го нѣмецкаго изданія, дополненнаго авторомъ. Москва. 1880 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 20 к.

Руководство къ изученію стенографіи, въ 25 уроковъ безъ помощи учителя по системѣ Габольсберга. Составилъ стенографъ Ѳ. П. Темниковъ. 3-ье дополненное изданіе. О. 1880 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Сборникъ театральныхъ піесъ для домашнихъ и любительскихъ спектаклей. А. Н. П—ева. Томъ III: 1. Искорка. 2. Изъ нынѣшнихъ. 3. Повадился кувшинъ по воду ходить. 4. Крестница. 5. Командирша. 6. Что часто бываетъ. Спб. 1880 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 20 к.

Сборникъ театральныхъ пьесъ П. А. Каратыгина. Оригинальные и переводные водевили и комедіи. Т. III: 1) Подставной и отставной; 2) Медвѣдь и паша; 3) Дѣло въ трехъ шляпахъ; 4) Донъ-Кихотъ Ламанхскій; 5) Вицъ-Мундиръ; 6) Супруги въ западнѣ; 7) Бабушкина внучка; 8) Генеральша или домашнія дѣла; 9) Русскія святки. Спб. 1880 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 30 к. Всѣ 3 тома съ пересылкою—9 р. 50 к.

☛ **Южно-русскій орнаментъ,** собранный А. Лисенко.—Изд. И. А. Розова. Роскошный альбомъ, вмѣщаетъ въ себѣ множество самыхъ красивыхъ и разнообразныхъ узоровъ, отпечатанныхъ въ нѣсколько цвѣтовъ, на хорошей бумагѣ. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

XII. СПРАВОЧНЫЯ КНИГИ.

Всадникъ. Практическій Курсъ верховой ѣзды Виктора Франкони. Переводъ съ французскаго Л. П. Спб. 1876 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Gwiazda Kalendarz Petersburski, premiowy, illustrowany, literacki, społeczny, i informacyiny na rok zwyczowy 1881 pod. redakcyą. Henryka Glinskego S-t.-Pet. 1880. Ц. 60 к., съ пер. 80 к.

☛ **Ежедневная записная книжка** на 1881 годъ. Спб. Ц. въ одну страницу 1 р., съ пер. 1 р. 25 к. и половину страницы 75 к., съ пер. 1 р.

Календарь-счетоводъ на 1881 годъ. Ѳ. В. Езерскаго. Ц. въ бум. 60 к., съ пер. 75 к., въ переп. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

Кабинетный отрывной календарь на 1881 годъ. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

Календарь для врачей на 1881 годъ съ приложеніемъ. Изд. Риккера. Спб. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

☛ **Календарь и справочная книжка русскаго сельскаго хозяина** на 1881 годъ. Составлена Ѳ. А. Баталинымъ. Въ двухъ частяхъ. Ц. 1 р. 75 к., съ пересылкою 2 р. 30 к.

☛ **Описаніе винъ всѣхъ странъ и способовъ ихъ выдѣлки, очистки, розливки и укупорки, указаніе устройства погребовъ для сохраненія винъ и др. напитковъ,** съ присовокупленіемъ рецептовъ для приготовленія прохладительныхъ напитковъ, а также водокъ, ликеровъ, сироповъ, эссенцій и пр. Соч. В. Террингтона. Перев. съ англійскаго. Спб. 1870 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 70 к.

☛ **Спутникъ ремесленника,** опытъ практическаго изложенія основныхъ пріемовъ ремесла токарнаго, столярнаго, плотничьяго, кузнечнаго, слесарнаго и паянія, съ атласомъ чертежей изъ 40 таблицъ А. Рейнбота. Ц. 4 р. съ атласомъ.

Сравнительный словарь турецко-татарскихъ нарѣчій, со включеніемъ употребительнѣйшихъ словъ арабскихъ и персидскихъ и съ переводомъ на русскій языкъ. Составилъ Лазарь Будаговъ. 2 т. Спб. 1871 г. Ц. 5 р., съ перес. 5 р. 50 к.

Техническій Календарь на 1881 годъ съ приложеніемъ. Изд. Риккера. Спб. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

☛ **Кассаціонная практика за годъ,** приложеніе къ юридическому календарю М. Острогорскаго. Алфав. указатель вопросовъ права и судопр., разрѣш. касс. деп. Ч. 1-я: Рѣшенія угол. кассац. деп. за 1877 и 1878 г. Цѣна 45 к. Тезисы съ мотивами и указаніями на прежнія рѣш. сената по тѣмъ же вопр.

☛ **Юридическій календарь** на 1881 г. М. Острогорскаго съ записною книжкою на каждый день и разнообр. свѣдѣніями: справочн., адресн., статист., библіогр., полн. текст. важн. новыхъ узаконеній, опредѣл. I деп. сената, циркул. указ. кассац. деп. Цѣна въ изящ. переп. 1 р.

B

BULLETIN LITTÉRAIRE

de la librairie de CHARLES RICKER

St.-Pétersbourg, Perspective de Newsky, № 14.

Nouveautés du Decembre, 1880.

BAUER (Karoline), Verschollene Herzensgeschichten. III. 4 r. 80 k.
BEACONSFIELD, Endymion 2 Bde. 1 r. 65 k.
BITTER, Joh. Sebastian Bach. 4 Bde. 14 r. 40 k.
BLAIKIE, The personal life of David Livingstone. 9 r.
BODENSTEDT, Die Lieder und Sprüche des Omar Chajjam geb. 3 r. 60 k.
CHANTELAUZE, Mémoires de Philippe de Commynes, rel. 15 r.
DARWIN, The movements of plants. 9 r. 75 k.
DÜHRING, Die Judenfrage als Racen-Sitten und Kulturfrage. 1 r. 80 k.
DÜNTZER, Schiller's Leben. 4 r. 20 k.
EMBDEN-HEINE, Erinnerungen an Heinrich Heine. 1 r. 50 k.
FRIESEN, Erinnerungen aus meinem Leben. 2 Bde. 9 r.
FULDA, Chamisso und seine Zeit. 3 r.
GLADSTONE, Gleanings 7 Bde. 10 r. 50 k.
GOTTSCHALL, Fräulein von St. Amaranthe. Roman. 3 Bde. 7 r. 20 k.
HAHN, Fürst Bismarck. III. 6 r. 60 k.
HAVARD, La Hollande à vol d'oiseau. 12 r. 50 k., rel 16.
HOPFEN. Mein Onkel Don Juan. Roman. 2 Bde. 5 r. 40 k.
KAYSER-LANGERHANNSS, Odin. Nordisch-germanische Göttersage ill. von Fleischer geb. 27 r.
DEUTSCHE Kunst in Bild. & Lied. 1881 geb. 12 r.
LASKER, Wege und Ziele der Culturentwicklung. Essays. 3 r. 60 k.
LITTRÉ, De l'établissement de la troisième république. 4 r. 50 k.
LOTHEISEN, Molière, sein Leben und seine Werke. 6 r.
LÖWENBERG, Geschichte der geographischen Entdeckungsreisen im Alterthum und Mittelalter. 4 r. 50 k.
MEYERS REISEBUCHER: Der Orient I. Aegypten. 4 r. 50 k.
NORDENSKJÖLD, Die Umsegelung Asiens und Europas auf der Vega 1878—80 in 24 Lfgen à 60 k.
OHNET, Serge Panine. 1 r. 75 k.
PETZHOLDT, Aus dem Nachlasse des Königs Johann von Sachsen. 3 r. 60 k.
PROKESCH-OSTEN, Nachlass. 2 Bde. 9 r. 60 k.
RANKE, Weltgeschichte. Bd. I II 10 r. 80 k.
RANZONI, Drei Geschichten, ill. von Grützner M. Schmid u. A. geb. 12 r.
REIN, Japan nach Reisen und Studien geschildert. I. 12 r.
ROHLFS, Neue Beitraege zur Entdeckung und Erforschung Afrikas. 1 r. 80 k.
ROOSES-REBER, Geschichte der malerschule Antwerpens geb. 12 r.
SCHLIEMANN, Hios, Stadt und Land der Trojaner. 25 r. 20 k.
SCHMARSOW, Rafael und Pinturicchio. 7 r. 50 k.
SOHR, Heinrich Rückert in seinem Leben und Wirken. 3 r.
STACKE, Deutsche Geschichte. I. 7. 20 geb. 9 r. 60 k.
TAYLOR, Antinous. Histor. Roman aus der Römischen Kaiserzeit. 3 r. 60 k.
UZFALOY-BOURDON, De Paris à Samarkand rel. 32 r. 50 k.
WALLON, Histoire du tribunal révolutionnaire de Paris. I. 3 r. 75 k.
WOERMANN, Kunst-und Naturskizzen aus Nord—und Südeuropa. 2 Bde. 7 r. 20 k.
YRIARTE, Florence. I. 15 r.

ки, хотя для *такого* употребленія совершенно | поводу перевода мы повторили бы

Картинки домашняго воспитанія. Педагогическіе этюды А — вой. Спб. 1879 г. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 20 к.

Калевала, Финскій народный эпосъ. Переводъ Э. Гранстрема. Роскошное изданіе съ пятью картинами. Спб. 1881 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 30 к.

Кому на Руси жить хорошо. Поэма Н. А. Некрасова. Спб. 1880 г. Цѣна 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Князь Серебряный. Повѣсть временъ Іоанна Грознаго. Гр. А. К. Толстого, 4-ое изданіе. Спб. 1880 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к., въ роскошномъ переплетѣ, съ золотымъ тисненіемъ 2 р. 25 к., съ пер. 2 р. 50 к.

☞ **Литературный альбомъ** для публичныхъ чтеній, въ 2-хъ частяхъ, извѣстнаго чтеца и артиста Импер. Спб. театровъ, П. А. Никитина. Съ его біографіей и портретомъ. Москва. 1881 г. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 20 к.

☞ **Оскудѣніе.** Очерки помѣщичьяго разоренія. Сочиненіе С. Н. Терпигорева (Сергѣй Атава). Спб. 1881 г. Ц. 2 р. 50 к. съ пересылкою.

☞ **Осужденный на смерть.** Романъ Анри Рошфора. Спб. 1881 г. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 70 к.

☞ **Очерки исторіи русской журналистики** С. Весина. Двадцатые и тридцатые года. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 75 к.

Памяти Пушкина. 6 Іюня 1880 года. Очерки Пушкинской Руси: I, Природа, II, Крестьяне, III, Господа, IV, Русская женщина. Виктора Острогорскаго. Спб. 1880 г. Ц. 50 к., съ пер. 60 к.

Парижскія письма. Изъ литературы и жизни. 1875-77 гг. Т. I. Эмиль Зола. Спб. 1878 г. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

☞ **Пейсъ-Паша** и его консорты, мозаики, камеи и миніатюры изъ любопытныхъ раскопокъ въ трущобахъ Святой земли. Сочин. Ю. Добрынина. Спб. 1881 г. Ц. 1 р., съ 1 р. 20 к.

Письма изъ Болгаріи въ 1877 г. Евг. Утина. Спб. 1879 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 75 к.

Повѣсти и разсказы Д. В. Григоровича. Въ семи томахъ. Спб. 1872 г. Ц. 12 руб., съ пер. 18 р.

Полное собр. соч. Шекспира, въ переводѣ русскихъ писателей. Изд. третье, исправл. и дополнен., п. р. Н. В. Гербеля. Три большіе тома съ портретомъ автора. Спб. 1880 г. Ц. за три тома на простой бумагѣ 10 р., съ пер. 11 р. на лучшей 12 р., съ пер. 13 р., въ англійскомъ перепл., тисненномъ золотомъ, 14 р., съ пер. 15 р.

Полное собраніе стихотвореній Гр. А. К. Толстого, въ одномъ томѣ. 1855—1875 г. Изданіе второе. Спб. 1877 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 25 к.; на зеленевой бумагѣ, съ портретомъ и въ роскошномъ переплетѣ съ золотымъ тисненіемъ. Ц. 3 р. 25 к., съ перес. 3 р. 50 к.—Портретъ особо: 50 к.

Послѣ войны. Очерки и впечатлѣнія русскаго корреспондента въ освобожденной Болгаріи. В. И. Немировича-Данченко. Спб. 1880 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго. Изданіе графа С. Д. Шереметева. Т. IV (стихотворенія 1828—1852 г.). Ц. 2 р. Т. V. Фонъ-Визинъ. Ц. 2 р. за пересылку по 1 р. Спб. 1881 г.

☞ **Стишки сентиментальнаго юмориста.** Альбомъ первый: **Амуръ и Эротъ.** Альбомъ второй: **Изъ системы міра.** Спб. Ц. 75 к.

Сочиненія Г. П. Данилевскаго. Томъ V (1877—1879 г.). Историческій романъ, въ 3-хъ частяхъ: Мировичъ. Историческія повѣсти: Потемкинъ на Дунаѣ. Послѣдніе запорожцы. Примѣчаніе къ „Мировичу". Спб. 1880 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 30 к.

Сочиненія Н. А. Добролюбова. Изданіе 3-е, безъ перемѣны. 4 т. Спб. 1876 г. Цѣна 6 р., съ перес. 8 р.

☞ **Сочиненія Н. К. Михайловскаго.** Томъ I. Спб. 1881 г. Ц. 2 р. съ пер. Томъ II. Полемическіе матеріалы для политическаго словаря. Спб. 1881 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 30 к.

Стихотворенія Н. А. Некрасова. Посмертное изданіе, съ портретомъ, факсимиле, біографіею, приложеніями, примѣчаніями и т. д. 4-ре тома. Спб. 1879 г. Ц. на зеленевой бумагѣ въ переплетѣ 12 р., съ перес. 14 р.

Трудные годы (1876—1880 г.). Очерки и опыты. А. Градовскаго. Проф. Спб. Университета. Спб. 1880 г. Ц. съ пер. 2 р.

☞ **Что дѣлать молодой Россіи?** (Въ предотвращеніе кризиса въ школьномъ производствѣ), П. П. Сокальскаго. Изъ «Новороссійскаго Телеграфа». Одесса. 1880 г. Ц. 50 к., съ пер. 60 к.

III. ИСТОРІЯ—БІОГРАФІЯ—ЭТНОГРАФІЯ.

Александръ Андреевичъ Ивановъ. Его жизнь и переписка 1806—1858 гг. Издалъ Михаилъ Боткинъ, съ факсимиле и 12 гравюрами. Спб. 1880 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 30 к.

Воцареніе императрицы Анны Іоанновны. Историческій этюдъ Д. А. Корсакова. Каз. 1880 г. Ц. 3 р. съ перес.

Историческіе и критическіе опыты. Томаса Карлейля. Перев. съ англійскаго. Москва, 1878 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

☛ Историческій обзоръ учебниковъ общей и русской географіи Л. Весина, изданныхъ со времени Петра Великаго по 1876 годъ (1710—1876 г.). Одобренъ Мин. Нар. Просв. для фундаментальныхъ библіотекъ средне-учебныхъ заведеній. Ц. 3 р. 50 к., съ перес. 4 р.

Общій очеркъ Исторіи Европы, Эдуарда Фримана. Перев. съ англ. п. р. Я. Г. Гуревича. Съ прилож. хронологической таблицы Фримана. Спб. 1880 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

Происхожденіе общественнаго строя современной Франціи. (Les origines de la France contemporaine). Соч. Ипполита Тэна. Переводъ съ третьяго французскаго изданія. Спб. 1880 г. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 3 р. 75 к.

Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей. Н. Костомарова. Томъ I: Господство дома св. Владимира, X-XVI-е столѣтія. Издан. 2-е. Спб. 1880 г. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р.

Семейство Разумовскихъ. Соч. А. А. Васильчикова. Три тома. Ц. 7 р. 50 к., съ пересылкою 9 р. Вышелъ томъ I съ тремя портретами: Им. Елизаветы, Графа А. Г. Разумовскаго и Графа К. Г. Разумовскаго. Томъ II съ двумя портретами Графини Н. Д. Разумовской (казачка Разумиха). Графъ А. К. Разумовскій. На третій томъ выдается билетъ.

IV. ГЕОГРАФІЯ—ТОПОГРАФІЯ—ПУТЕШЕСТВІЯ.

Восемьдесятъ тысячъ верстъ подъ водой. Путешествіе подъ волнами океана. Сочиненіе Жюля Верна, съ 112 рисунками художника Ріу. Переводъ Марка-Вовчка. Спб. 1872 г. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 руб.

Путевые очерки и картины. Вашингтонъ Ирвингъ. Перев. съ англійскаго А. Главуновъ. Москва, 1879 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

Путешествіе по Китаю въ 1874 — 1875 г.г. чрезъ Сибирь, Монголію, восточный, средній и сѣверо-западный Китай. Изъ дневника члена экспедиціи П. Я. Пясецкаго, въ 2-хъ томахъ, съ 24 рисунками и картою пройденнаго пути. Спб. 1880 г. Ц. 6 р., съ пересылкою.

☛ Страна солнца. I. Съ богомольцами въ пустынѣ. II. Съ русскимъ караваномъ въ Сябзаварѣ. III. Самъ-другъ. IV. Въ святомъ Хорассанѣ. V. На обратномъ пути.— Съ картою пройденнаго пути. П. Огородникова. Спб. 1881 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 20 коп.

V. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ — СТАТИСТИКА.

Курсъ политической экономіи. Състав. Э. Вреденъ. Второе, переработанное изданіе. Спб. 1880 г. Ц. 5 р., съ пересылкою.

Мелкій земельный кредитъ. Проектъ устава земскаго банка мелкаго сельскаго земельнаго кредита. Спб. 1880 г. Ц. 30 к., съ пер. 40 к.

Основанія политической экономіи съ нѣкоторыми изъ ихъ примѣненій къ общественной философіи. Джонъ Стюартъ Милль. 2 т. Ц. 5 р., вѣс. 3 ф.

Сравнительная статистика Россіи и западно-европейскихъ государствъ. Профес. Ю. Э. Янсона. Томъ II. Промышленность и торговля. Отдѣлъ I. Статистика сельскаго хозяйства. Спб. 1880 г. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. Т. I. Территорія и населеніе. Ц. 2 р., съ перес.

VI. ПЕДАГОГІЯ—УЧЕБНИКИ—ДѢТСКІЯ И НАРОДНЫЯ КНИГИ.

Аленькій цвѣточекъ. Сказка С. Т. Аксакова. Изданіе Комитета Грамотности. Спб. 1880 г. Ц. 10 к., съ пер. 15 к.

Ариѳметика. Опытъ руководства къ систематическому курсу теоретической ариѳметики цѣлыхъ и элементарному курсу дробныхъ чиселъ. Преимущественно для учащихся дома. Съ рисунками въ текстѣ, съ вопросами и задачами. Сост. А. Н. Канаевъ. Спб. 1881 г. Ц. 80 к., съ пер. 1 р.

☛ Басни И. А. Крылова. Съ біографіею автора, написанною П. А. Плетневымъ. Двадцатое полное изданіе съ хромолитографированными рисунками въ текстѣ И. С. Панова. Спб. 1880. Ц. 3 р. въ переплетѣ съ пересылкою.

Біографіи замѣчательныхъ людей: I. **Джорджъ Вашингтонъ.** Состав. А. П. Мунтъ, съ 8-ю отдѣльными рисунками. Спб. 1880 г. Ц. 30 к., съ пер. 40 к.

Бытовые очерки и картинки. Собраніе повѣстей и разсказовъ для дѣтей старшаго возраста, съ 6-ю рисунками. Изд. М. Малышевой и А. Пѣловой. Спб. 1881 г. Ц. 2 р. съ перес.

Въ своемъ кругу. А. Острогорскаго. Спб. 1880 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

☛ Десять пѣсень для юношества. Сост. М. А. Мамонтовой, гармонизованы А. Лядовымъ. Москва. 1881 г. Ц. 80 к., съ пер. 1 руб.

Двѣнадцать дѣтскихъ пѣсенъ, приспособленныхъ къ подвижнымъ играмъ. Сост. М. А. Мамонтова и М. Т. Соловьева. М. 1880 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 50 к.

лѣніями чтенія, задають и изъ хрестоматіи уроки, хотя для *такого* употребленія совершенно | ныхъ Г. Варшавскаго, конечно, поводу перевода мы повторили бы

Живое слово, пособіе для нагляднаго обученія въ семьѣ и школѣ. Обработала по Штаубу О. И. Шмидтъ. Съ рисунками исполн. Г. Фишеромъ и Н. Н. Каразинымъ. В. I. Лейпцигъ. 1880 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

Звѣздочка. Разсказы для дѣтей отъ 5-ти до 9-ти лѣтъ. Сост. А. Я. Гудвиловичъ. Москва. 1880 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к., въ роскошномъ переплетѣ 1 р. 75 к., съ пер. 2 р.

☞ **Историческіе разсказы**. Изданіе журнала „Воспитаніе и обученіе". Спб. 1881 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Исторія Греціи и Рима (Курсъ систематическій). Съ приложеніемъ хронологической таблицы. Сост. Я. Г. Гуревичъ. Изд. третье, исправ. Спб. 1880 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Изъ русской жизни и природы. Е. Н. Водовозовой. Разсказы о животныхъ, растеніяхъ, временахъ года, явленіяхъ природы, о главнѣйшихъ промыслахъ и очерки изъ народной жизни, съ 16 рис. 4-е изд. Ц. 1 р. 50 к., въ изящномъ переплетѣ 2 р., за пер. 30 к.

Игра.—Обученіе чтенію. 30 картъ 240 марокъ, съ буквами и слогами. Вмѣсто азбуки и начальнаго чтенія. Составилъ А. Страховъ. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.

Историческая Хрестоматія по русской исторіи. Пособіе для старшихъ классовъ средне-учеб. заведеній. Сост. Я. Г. Гуревичемъ и Б. А. Павловичемъ. Ч. I. Изд. второе исправл. Я. Г. Гуревичемъ. Спб. 1881 г. Ц. 1 р. 75 к., съ пер. 2 р.

Книга для чтенія въ военныхъ школахъ и казармахъ, въ школахъ воскресныхъ и вечернихъ классахъ для взрослыхъ, съ 22-мя картинками. Составилъ К. К. Абаза. Спб. 1880 г. Ц. 60 к., съ перес. 80 к.

Мать и дитя. Гигіена въ общедоступномъ изложеніи. Содержаніе:— I. Наслѣдственность.—II. Беременность,—III. Жизнь утробнаго младенца.—IV. Уходъ за новорожденнымъ.—V. Уходъ за родильницей.—VI. Одежда грудныхъ дѣтей.—VII. Дѣтская и ея принадлежности.—VIII. Мать и кормилица.—IX. Искусственное вскармливаніе.—X. Первые годы жизни. Сочиненіе Б. Н. Жукъ, съ 92 рисунками. Спб. 1881 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к., въ переплетѣ 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

На отдыхъ. Иллюстрированные разсказы для маленькихъ дѣтей. Е. Н. Водовозовой, съ 40 картинками въ текстѣ и виньеткою, рисованными художникомъ К. Голембіовскимъ. Спб. 1880 г. Ц. въ бум. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 75 к., въ англійскомъ пер. 3 р. 20 к., съ пер. 3 р. 50 к.

Начальная алгебра. Составилъ I. Сомовъ, ординарный академикъ И. Академіи Наукъ и Профес. Спб. Университета. Изданіе пятое, съ дополнительными статьями, содержащими Курсъ дополнительнаго класса реальныхъ училищахъ. Спб. 1880 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 30 к.

Новый и полный самоучитель Татарскаго языка или руководство выучиться безъ посторонней помощи говорить и читать русскимъ по татарски и татарамъ по русски. Состав. по новѣйшимъ руководствамъ учителемъ Ш. Санновымъ. К. 1880 г. Ц. 45 к., съ пересылкою.

Нянина ариѳметика, для дѣтей отъ 4 до 7 лѣтъ. Текстъ съ картинками составилъ А. Н. Канаевъ. Спб. 1881 г. Ц. 60 к., съ пер. 75 к.

Новая метода выучиться правильно читать, писать и говорить на нѣмецкомъ яз. въ продолженіи 6-ти мѣсяцевъ. Проф. Оллендорфа. Перев. съ послѣдняго парижскаго изданія К. В. Назарьевой. Спб. 1881 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3. р.

О дѣлахъ житейскихъ, разсказы стараго учителя. Спб. 1881 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Открытіе Америки Христофоромъ Колумбомъ. Книга для юношества. Соч. Д-ра Ріеке. Пер. съ нѣм. Спб. 1880 г. Ц. въ папкѣ 2 р. 50 к., съ пер. 3 р. и въ англійскомъ переплетѣ 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

По бѣлу свѣту. А. Острогорскаго. Спб. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

☞ **Прохожій**. Д. В. Григоровича. Изд. спб. комитета грамотности. Спб. 1880 г. Ц. 10 к., съ пер. 15 к.

Пѣсни для школы, дѣтскія и народныя, на одинъ, на два и на три голоса. Классное пособіе при обученіи пѣнію. Составилъ Гр. Мареничъ. Спб. 1878 г. Ц. 80 к., съ пер. 1 руб.

☞ **Приключенія Робинзона Крузе**. Составлено А. Н. Яхонтовымъ. Съ картинками въ текстѣ. Изданіе спб. комитета грамотности. Спб. 1881 г. Ц. 20 к., съ перес. 25 коп.

Предметные уроки по мысли Песталоцци. Руководство для занятій съ дѣтьми въ школѣ и дома. Составилъ П. Перевлѣсскій. Изданіе шестое. Спб. 1880 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 40 к.

☞ **Разсказы о землѣ и о небѣ Александра Иванова**. Ц. 10 к., съ пер. 15 к. Спб. 1872 г.

Разсказы моимъ дѣтямъ. Съ политипажами въ текстѣ. С. А. Бобровскій. Спб. 1881 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

Робинзонъ въ русскомъ лѣсу. Разсказъ для дѣтей, съ рисунками въ текстѣ. Ѳ. Кочулковой. Спб. 1881 г. Ц. въ бум. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.; въ папкѣ 1 р.

75 к., съ пер. 2 р.; въ англійскомъ переплетѣ 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

☞ **Русскій языкъ.** Опытъ практическаго учебника русской грамматики, изложенной по новому плану. Синтаксисъ въ образцахъ для младшаго возраста. Сост. К. Ѳ. Петровъ. Изданіе второе, исправленное и значительно дополненное. Спб. 1881 г. Цѣна 50 к., съ пер. 60 к.

Родной край. Книга для классного и домашняго чтенія учениковъ старшаго отдѣленія народной школы Сост. Ѳ. С. Матвѣевъ. Спб. 1879 г. Ц. 45 к., съ пер. 60 к.

Серія первонач. учебниковъ. Введеніе. Проф. Гексли. Перев. съ англійскаго Антоновича. Спб. 1880 г. Ц. 40 к., съ пер. 50 коп.

Сборникъ избранныхъ басенъ Крылова, Масальскаго, Хемницера, Дмитріева и Измайлова. Одобрено Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Просвѣщенія, какъ учебное пособіе для городскихъ и уѣздныхъ училищъ и для приготовительныхъ классовъ гимназій. Сост. С. Волженскій. Спб. 1880 г. Ц. 25 к., съ пер. 30 к.

Семейство Шаленскихъ. Изъ семейной хроники. Сочин. Евгенія Туръ. Съ картинками. Спб. 1880 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Систематическій обзоръ русской народно-учебной литературы. Составленъ, по порученію Комитета Грамотности, спеціальною коммиссіею. Большой томъ въ 745 стран. Спб. 1878 г. Цѣна 2 руб., съ перес. 2 р. 50 к.

Справочная книжка и указатель русскаго правописанія. Составилъ В. П. Геннингъ, преподаватель 1-го Спб. реальнаго училища. Спб. 1879 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Учебникъ химіи. Составилъ С. Ковалевскій, препод. химіи и физики въ Спб. 1-мъ реальномъ училищѣ. 3-ое изданіе, переработанное и дополненное. Спб. 1880 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 70 к.

Умственное развитіе дѣтей. Е. Н. Водовозовой. Отъ перваго проявленія сознанія до 8-ми-лѣтняго возраста. Нравственное и умственное развитіе дѣтей, работы, игры, физическія упражненія, разсказы, сказки, загадки, пословицы и наблюденія надъ явленіями природы. Изд. 3-е. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

Учебная книга для ротныхъ школъ и пособіе унтеръ-офицерамъ къ обученію молодыхъ солдатъ. Сост. Капитанъ Тарасевичъ. 2-ое изд. Казань. 1880 г. Ц. съ пер. 60 к.

У рабочихъ людей. А. Острогорскаго. Спб. 1880 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

☞ **Фонарикъ.** Иллюстрированные разсказы для дѣтей. Составила А. Я. Гудвиловичъ. Москва. 1881 г. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к., въ перепл. 1 р. 75 к., съ пер. 2 р.

Физическій трудъ, какъ необходимый элементъ образованія. Сочин. С. Н. Кривенко. Спб. 1879 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 70 к.

VII. ЯЗЫКОЗНАНІЕ—АРХЕОЛОГІЯ.

О Малорусскомъ правописаніи. М. Тулова. В. 1879 г. Ц. 30 к., съ пер. 40 к.

Очеркъ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія. Сочин. П. Житецкаго. К. 1876 г. Ц. 2 р. 25 к., съ пересылкою 2 р. 50 к.

Первобытные Славяне въ ихъ языкѣ, бытѣ и понятіяхъ по даннымъ лексикальнымъ. Изслѣдованія въ области лингвистической Палеонтологіи Славянъ. А. Будиловича. 2 вып. Кіевъ. 1879 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

VIII. МАТЕМАТИКА — АСТРОНОМІЯ — ФИЗИКА — ХИМІЯ.

Аналитическая геометрія. Составилъ Академикъ І. Сомовъ. Изданіе третье. Спб. 1880 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 75 коп.

Курсъ Аналитической механики. Составилъ Д. Бобылевъ, профессоръ Спб. Университета. І. Часть Кинематическая. (Съ четырьмя листами чертежей). Спб. 1880 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

Курсъ теоретической ариѳметики. Жозефа Бертрана, члена Парижской Академіи Наукъ. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

Начальныя основанія аналитической геометріи двухъ измѣреній. Сост. І. Сомовъ. 2-е изданіе. Спб. 1879 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

О Тригонометрическихъ функціяхъ. Сост. Н. Билибинъ. Спб. 1880 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

☞ **Основанія химіи.** Составилъ И. Бокій съ предисловіемъ Н. И. Бекетова, съ рисунками въ текстѣ и приложеніемъ таблицы качественнаго анализа. Изданіе 2-е, испр. и дополненное. Спб. 1881 г. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 20 к.

Органическая химія. Профессора П. Алексѣева. 2-ое, измѣненное и дополненное изданіе. К. 1880 г. Ц. 1 р. 75 к., съ пер. 2 рубля.

Очеркъ развитія нашихъ свѣдѣній о газахъ. Проф. Моск. Универс. А. Столѣтова. М. 1879 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 коп.

Превращенія энергіи. Очеркъ теорій современной физики. Г. Кребса. Съ 60-ю рисунками въ текстѣ. Спб. 1879 к. Ц. 1 р., съ пер. 2 р. 20 к.

Физическая химія. Н. И. Любавина. Спб. 1878 г. Ц. 4 р. 50 к., съ перес. 5 р.

IX. ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ — СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО—ТЕХНОЛОГІЯ—МЕДИЦИНА.

Анализъ мочи. Клиническое руководство для студентовъ и врачей. Профес. Д. Кошлакова, съ 43 рисунками въ текстѣ и двумя хромолитографированными таблицами. Спб. 1880 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 70 к.

Ботаническій атласъ Шуберта съ приложеніемъ краткаго пояснительнаго текста. Переводъ Н. И. Раевскаго. 2-ое изданіе. Спб. 1879 г. Ц. 7 руб., съ перес. 8 руб. 50 коп.

Бугорчатка. Съ точки зрѣнія инфекціонной теоріи. Профес. Ю. Конгеймана. Спб. 1880 г. Ц. 40 к., съ пер. 50 к.

☛ **Вильямъ Карпентеръ** (авторъ „Основъ физіологіи ума"). **Месмеризмъ, одилизмъ, спиритизмъ.** Съ исторической и научной точекъ зрѣнія. Изданіе И. И. Билибина. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Дифтерія—Д-ра В. Рейтцъ. Спб. 1880 г. Ц. 1 р. 40 к., съ пер. 1 р. 60 к.

Душевныя болѣзни для врачей и учащихся. В. Гризингера, профессора Берлинскаго Университета. Перев. съ послѣдняго нѣмецкаго изданія подъ ред. Проф. Физіологіи Спб. Унивр. Ф. В. Овсянникова. Третье изданіе. Спб. 1881 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

Естественная исторія животныхъ млекопитающихъ въ изображеніяхъ, снятыхъ в раскрашенныхъ сходно съ натурою. Съ приложеніемъ краткаго пояснительнаго текста. Сост. по Шуберту. Перев. Г. И. Корн. Пятое изданіе. Спб. 1880 г. Ц. 9 р., съ пер. 11 руб.

Жизненныя явленія, общія животнымъ и растеніямъ. Курсъ общей физіологіи Клода Бернара. Лекціи, читанныя въ музеѣ естественной исторіи въ Парижѣ. Съ 45-ю рисунками въ текстѣ и одной таблицей. Спб. 1878 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

Общее сельско-хозяйственное растеніеводство. Ф. Габерландта. Переводъ съ нѣм. Т. II. Спб. 1880 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 40 коп.

О выраженіи ощущеній у человѣка и животныхъ. Соч. Чарльза Дарвина. Спб. 1872 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 30 к.

Популярное руководство къ содержанію зубовъ и полости рта, съ приложеніемъ необходимыхъ свѣдѣній объ искусственныхъ зубахъ. Д-ра Вильгельма Зюерсена. Перев. съ 8-го издан. Спб. 1880 г. Ц. 70 к., съ перес. 80 к.

Русскій огородъ, питомникъ и плодовой садъ. Руководство къ наивыгоднѣйшему устройству и веденію огороднаго и садоваго хозяйства. Соч. Р. И. Шредера. Второе, вновь пересмотрѣнное, исправленное и пополненное изданіе съ 67-ю политипажами. Спб. 1881 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

Стриктуры мочеиспускательнаго канала. Д-ра Л. Диттеля. Съ 62-мя рисунками въ текстѣ. Пер. съ нѣм. Спб. 1880 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

Учебникъ физіологіи. Эрнста Брюкке, 2 т. Ц. 6 р., перес. за 4 ф.

Ученіе о грыжахъ, профессора Лингарта. Съ 67-ю рисунками въ текстѣ. Переводъ съ нѣмецкаго подъ ред. В. Попова, привать-доцента И. М. Х. Академіи. Спб. 1881 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 70 к.

Ученіе о скотозаводскомъ искусствѣ. Г. Зеттегастъ. Перев. съ нѣм., съ 33-мя рисунками въ текстѣ и 4-мя гравюрами. Ч. I. Спб. 1880 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Ученіе о пищевареніи. 12 лекцій, читанныхъ д-ромъ К. А. Эвальдомъ. Переводъ подъ редакціей профес. И. Р. Тарханова. Спб. 1880 г. Ц. 1 р. 20 к., съ пер. 1 р. 40 к.

☛ **Физіологія сна и сновидѣній.** Изслѣдованіе доктора медицины Бориса Окса. Одесса. 1880 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Элементы Эмбріологіи Фостера и Бальфура. Съ 70 рисунками. Перев. съ англійскаго, подъ ред. О. А. Гримма. Спб. 1880 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 40 к.

X. ЗАКОНОВѢДѢНІЕ—ПОЛИТИКА.

Водовладѣніе и ирригація. Водовладѣніе по русскимъ и иностраннымъ законамъ и обычаямъ.—Управленіе водами. Юридическіе, административные и техническіе вопросы по ирригаціи.—Ирригація въ Закавказьѣ, южной Европѣ, Остъ-Индіи и нѣкоторыхъ другихъ внѣ-европейскихъ странахъ. Сост. Викторъ Дингельштетъ. Ч. I, съ чертежами. Тиф. 1880 г. Ц. 2 р. 75 к., съ пер. 3 рубля.

☛ **Гражданскіе законы и обычное право Россіи въ общемъ ихъ сводѣ,** со включеніемъ законовъ Финляндіи, Царства Польскаго, Остзейскаго края и Бессарабіи, еврейскихъ и мусульманскихъ. Систематическій сборникъ для руководства при университетскомъ изученіи курса общаго гражданскаго права Россіи. Кронида Ив. Малышева, доцента спб. университета. Т. I (919 стр.), Спб. 1880 г. Ц. 5 р., съ перес. 5 р. 50 к.

Начала соціологіи. Обрядныя учрежденія. Герберта Спенсера. Переводъ съ англійскаго подъ редакціей Профес. Н. В. Лучинскаго. К. 1880 г. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 70 к.

…ленное владѣніе. К. Кавелина. Спб. … г. Ц. 50 к., съ перес. 75 к.

…пытъ комментарія къ уставу гражданскаго судопроизводства. К. Анненкова. … II. О доказательствахъ. Спб. 1880 г. … 3 р. съ пересылкою.

Опытъ комментарія къ уставу гражданскаго судопроизводства. К. Анненкова. … I. 1) Подсудность. 2) Общій порядокъ …роизводства дѣлъ. Спб. 1878 г. Ц. 3 р. …ъ перес.

Основанія соціологіи. Герб. Спенсера. Т. II. Спб. 1877 г. Ц. 2 р. 50 к., …ъ пер. 2 р. 75 к. Въ прибавленіи помѣщены замѣтки Э. Б. Тайлора по вопросу объ анимизмѣ и отвѣты на нихъ Г. Спенсера. Т. I и II вмѣстѣ. Ц. 5 р., съ пер. … р. 50 к.

Откровенное слово о важнѣйшихъ событіяхъ нашей внутренней жизни за послѣднее двадцатипятилѣтіе (1855—1880 г.). …. Доброва. Спб. 1880 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Права и обязанности по имуществамъ и обязательствамъ въ примѣненіи къ русскому законодательству. Опытъ систематическаго обозрѣнія. К. Кавелина. Спб. 1879 г. Ц. 3 р. съ пер.

Руководство къ особенной части русскаго уголовнаго права. Томъ IV. Сокрытіе истины; сокрытіе своей личности; лжеприсяга и лжесвидѣтельство; ложный доносъ и ябеда; подлогъ и поддѣлка. Сост. Магистръ правъ Н. А. Неклюдовъ. Спб. 1880 г. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р.

Руководство къ особенной части русскаго уголовнаго права. Магистра правъ Н. А. Неклюдова. Т. III. Преступленія 1) противу брака и правъ семейныхъ; 2) противу законовъ о состояніяхъ; 3) общеопасныя преступленія (поджогъ и т. п.) Спб. 1878 г. Ц. 3 р. 50 к., съ перес. 4 р.

☞ **Сборникъ** законовъ и постановленій для землевладѣльцевъ и сельскихъ хозяевъ. Сост. В. Вешняковымъ. Спб. 1879. Стр. LXIII+560. Ц. 3 р.; и Сборникъ законовъ объ охотѣ (въ Россіи, въ губерніяхъ Привислянскихъ и въ Финляндіи). Спб. 1878. Ц. 50 к.

☞ **Систематическій сборникъ** рѣшеній гражданскаго кассаціоннаго департамента правительствующаго сената, съ извлеченными изъ нихъ положеніями за 1878 годъ, составленный (по системѣ А. А. Книрима и Е. Е. Ковалевскаго) А. Поворинскимъ и Е. Шайкевичемъ, старшими помощниками оберъ-секретаря гражданскаго кассаціоннаго департамента сената. Спб. 1880 г. Къ сборнику, сверхъ алфавитныхъ указателей разрѣш. сен. вопросовъ права и фамилій тяжущихся, приложенъ указатель положеній Систематическихъ Сборниковъ за прежніе годы, начиная съ 1873 года, съ указаніемъ соотвѣтствующихъ этимъ положеніямъ нумеровъ рѣшеній. Томъ I. Матеріальное право. Томъ II. Судопроизводство. Цѣна за оба тома 5 р., съ перес. 6 р.

Сравнительная политика и единство исторіи. Эдуарда Фримана. Перевелъ съ англійскаго Николай Коркуновъ. Спб. 1880 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 75 к.

☞ **Соціологія.** Основная задача ея и методологическія особенности, мѣсто въ ряду наукъ, раздѣленіе и связь съ біологіею и психологіею. Евгенія де-Роберти. Спб. 1880 г. Ц. 2 р. 50 к., въ переплетѣ 3 р. съ пересылкою.

☞ **Сборникъ государственныхъ знаній,** подъ редакціей В. П. Безобразова. Т. VIII. Спб. 1880 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

☞ **Ссылка на Западѣ** въ ея историческомъ развитіи и современномъ состояніи. И. Я. Фойницкаго. Спб. 1881 г. Ц. 2 р. 50 к. съ перес.

Уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ 1866 года. Съ дополненіями по 1-е декабря 1879 г. Составлено профес. Спб. университета Н. С. Таганцевымъ. Изданіе третье, исправленное и дополненное. Спб. 1880 г. Ц. 4 р., съ пересылкою въ прочномъ и изящномъ шагреневомъ переплетѣ 5 р. съ перес.

Уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, съ дополненіями по 1 января 1879 г. Съ приложеніемъ мотивовъ и извлеченій изъ рѣшеній уголовнаго кассаціоннаго департамента сената. Сост. Профес. Спб. Университета Н. С. Таганцевымъ. Изд. 2-ое, переработанное и дополненное. Спб. 1879 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

XI. ИСКУССТВА—МУЗЫКА—ТЕАТРЪ.

Всеобщій учебникъ музыки. Руков. для учителей и учащихся по всѣмъ отраслямъ музыкальнаго образованія, А. Б. Маркса. Перев. съ 9-го нѣмецкаго изданія подъ ред. А. С. Фаминцына. Москва. 1881 г. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р.

☞ **Элементарный курсъ черченія и теоріи рисованія геометрическихъ формъ.** Сост. А. Швайкевичъ, въ 3 отдѣлахъ съ приложеніемъ 274 чертежей. Отдѣлъ I. Общее понятіе о геометрическихъ формахъ. Отдѣлъ II. Общее понятіе о геометрическомъ черченіи. Отдѣлъ III. Общее понятіе о перспективѣ и тѣняхъ. Одесса. 1880 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Карманный музыкальный словарь. (Терминологія Гарраса). Изданіе 4-ое, дополненное Кн. В. Ѳ. Одоевскимъ. Москва, 1880 г. Ц. 50 к., съ пер. 60 к.

Общепонятное руководство къ изученію нотнаго церковнаго пѣнія по нотамъ 2-ое изд. Состав. Ив. Казанскимъ. Москва. 1875 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Одноголосныя пѣсни съ русскими народными мелодіями, съ акомпаниментомъ для фортепіано. Музыка *Рубца*. Изданіе Е. Н. Водовозовой. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Преподаваніе фортепіано. Практическіе совѣты, наблюденія и замѣтки. Соч. Луи Кёлера. Перев. съ 4-го нѣмецкаго изданія, дополненнаго авторомъ. Москва. 1880 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 20 к.

☞ **Рисунки къ стихотвореніямъ Н. А. Некрасова.** Девять рисунковъ къ поэмѣ „Морозъ красный носъ" и одинъ рисунокъ къ стихотворенію „Рыцарь на часъ". Цѣна за десять рисунковъ 1 руб. 20 коп., съ пересылкою 1 руб. 50 коп. Изданіе М. П. и С. П. Савастьяновыхъ. Спб. 1881 г. Рисунки, по размѣру своему, могутъ быть вплетены въ книги сочиненій Некрасова, какъ послѣдняго, такъ и прежнихъ изданій.

Руководство къ изученію стенографіи, въ 25 уроковъ безъ помощи учителя по системѣ Габельсберга. Составилъ стенографъ Ѳ. П. Темниковъ. 3-ье дополненное изданіе. О. 1880 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Южно-русскій орнаментъ, собранный А. Лисенко.—Изд. И. А. Розова. Роскошный альбомъ, вмѣщаетъ въ себѣ множество самыхъ красивыхъ и разнообразныхъ узоровъ, отпечатанныхъ въ нѣсколько цвѣтовъ, на хорошей бумагѣ. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

XII. СПРАВОЧНЫЯ КНИГИ.

Всадникъ. Практическій Курсъ верховой ѣзды Виктора Франкони. Переводъ съ французскаго Л. П. Спб. 1876 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Ежедневная записная книжка на 1881 годъ. Спб. Ц. въ одну страницу 1 р., съ пер. 1 р. 25 к. и половину страницы 75 к., съ пер. 1 р.

Календарь и справочная книжка русскаго сельскаго хозяина на 1881 годъ. Составлена Ѳ. А. Баталинымъ. Въ двухъ частяхъ. Ц. 1 р. 75 к., съ пересылкою 2 р. 30 к.

Описаніе винъ всѣхъ странъ и способовъ ихъ выдѣлки, очистки, розливки и укупорки, указаніе устройства погребовъ для сохраненія винъ и др. напитковъ, съ присовокупленіемъ рецептовъ для приготовленія прохладительныхъ напитковъ, а также водокъ, ликеровъ, сиропов, эссенцій и пр. Соч. В. Террингтона. Перев. съ англійскаго. Спб. 1870 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 70 к.

☞ **Спутникъ ремесленника.** Опытъ практическаго изложенія основныхъ пріемовъ ремеслъ: токарнаго, столярнаго, плотничьяго, слесарнаго, кузнечнаго и литья, съ прибавленіемъ краткихъ свѣдѣній о механической обработкѣ металловъ и дерева и объ окончательной отдѣлкѣ издѣлій: полировкѣ, окраскѣ и проч. Томъ 1, съ атласомъ чертежей изъ 40 таблицъ. Изданіе А. Рейнботъ. Спб. 1881 г. Ц. 4 р.

Сравнительный словарь турецко-татарскихъ нарѣчій, со включеніемъ употребительнѣйшихъ словъ арабскихъ и персидскихъ и съ переводомъ на русскій языкъ. Составилъ Лазарь Будаговъ. 2 т. Спб. 1871 г. Ц. 5 р., съ перес. 5 р. 50 к.

Кассаціонная практика за годъ, приложеніе къ юридическому календарю М. Острогорскаго. Алфав. указатель вопросовъ права и судопр., разрѣш. касс. деп. Ч. 1-я: Рѣшенія угол. кассац. деп. за 1877 и 1878 г. Цѣна 45 к. Тезисы съ мотивами и указаніями на прежнія рѣш. сената по тѣмъ же вопр.

Юридическій календарь на 1881 г. М. Острогорскаго съ записною книжкою на каждый день и разнообр. свѣдѣніями: справочн., адресн., статист., библіогр., полн. текст. важн. новыхъ узаконеній, опредѣл. I деп. сената, циркул. указ. кассац. деп. Цѣна въ мѣстѣ. перес. 1 р.

ВЪ МУЗЫКАЛЬНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

Коммиссіонеровъ Императорскаго Русск. Музык. Общества, Московскаго Отдѣленія

І. ЮРГЕНСОНА, С.-Петербургъ, Большая Морская, № 9 (на углу Невскаго проспекта)

П. ЮРГЕНСОНА, Москва, Неглинный проѣздъ, № 10 (на углу Кузнецкаго моста)

поступило въ продажу

НОВОЕ ДЕШЕВОЕ ИЗДАНІЕ ЮРГЕНСОНА:

ДЛЯ ФОРТЕПІАНО: Мельцеръ, Альбомъ 50 любимыхъ русскихъ и цыганскихъ пѣсенъ и романсовъ (2 р.). „Дитя піанистъ“. 50 легкихъ пьесъ для дѣтей изъ любимыхъ оперъ, пѣсенъ и романсовъ. (Новое умноженное изданіе (1 р.). „Развлеченіе“. 18 маленькихъ пьесъ для дѣтей изъ любимыхъ русскихъ пѣсенъ, 18 №№ (по 20 к.). **Kalkbrenner,** La femme du marin (20 к.). **König,** Romance sans paroles (80 к.). **Löffler,** Das Schweizermädle (30 к.). **Lund,** Траурный маршъ (20 к.). La Cerrito, Mazurka (20 к.). Стрѣлковый маршъ (30 к.). **Lysberg,,** La Napolitana. (35 к.). La bayadère, Caprice (35 к.). La rêveuse (30 к.). Idylle (30 к.). **Mayer,** Une fleur animée (60 к.). Mignon-Polka (30 к.). Coquelicot, Pièce (75 к.). L'hirondelle, Galop brillant (30 к.). Le regret, Valse-Etude (35 к.). Nouveau tremolo (35 к.). **Meltzer,** Le printemps d'amour (70 к.). Chant des marins (50 к.). Alexandra, Mazurka (20 к.). **Meyer,** Air bohêmien-russe. Новое изданіе (45 к.). **Heke,** „Не шуми ты рожь“, фантазія (80 к.). **Newe,** Rayons du soleil, Valse (60 к.). L'étincelle, Mazurka (30 к.). Abschieds-Rufe, Walzer (60 к.). Un petit rien, Polka (20 к.). **Oesten,** Luna. Nocturne (20 к.). **Pacher,** Chant des néreïde d'Oberon (30 к.), Il Trovatore, Fantaisie (45 к.). Cavatine d'Ernani (20 к.). 12 études mélodiques, 2 тетр. (по 50 к.). Romance de Hoël du Pardon de Ploermel (20 к.). Le Pardon de Ploermel, Grande fantaisie (75 к.). Les éclairs. Mélodie et étude (35 к.). **Petroff,** Petites fantasies: Ѣхали ребята (40 к.). Погадай-ка мнѣ, старушка (40 к.). Два прощанья (40 к.). La dernière valse d'un fou (40 к.).

ДЛЯ ОДНОЙ СКРИПКИ: Гавинье, 24 этюда (50 к.). **Роде,** 24 этюда-Каприса (50 к.). **Крейцеръ,** 40 знаменитыхъ этюдовъ (50 к.). **Фіорилло,** 36 этюдовъ или упражненій (50 к.). **Lanner-Album,** 20 любимыхъ вальсовъ (50 к.). **Лекокъ,** Жирофле-Жирофля, Оперетка (75 к.). **Мазасъ,** Мелодическіе этюды 3 тетр. (по 60 к.) 8 мелодій (50 к.). **Альбомъ** любимыхъ французскихъ мелодій (100 №№) (50 к.). **Страусъ-Альбомъ,** 16 любимыхъ танцевъ (50 к.). „**Les petits chefs d'oeuvres**“. 100 любимыхъ оперныхъ мелодій (50 к.). **Прюмъ,** 6 большихъ этюдъ (50 к.). 6 концертныхъ этюдъ (50 к.). 150 русскихъ пѣсенъ (1 р.).

ДЛЯ ДВУХЪ СКРИПОКЪ: Ванхаль, 24 легкіе постепенной трудности дуэты (50 к.). **Віотти,** Полное собраніе его дуэтовъ. 13 тетр. (по 50 к.). **Гебауеръ,** 12 дуэтовъ для начинающихъ (60 к.). **Краммеръ,** всѣ его дуэты, 6 томовъ (по 50 к.). **Мазасъ,** всѣ его дуэты, 11 томовъ (по 50 к.). **Миллеръ,** 6 легкихъ дуэтовъ (50 к.).

На пересылку прилагается особо и взимается съ общаго вѣса посылки. Требованія Гг. иногородныхъ исполняются немедленно. Каталоги дешевымъ изданіямъ высылаются безплатно. Въ этихъ же магазинахъ можно получить всѣ музыкальныя произведенія, кѣмъ бы они ни были изданы и объявлены.

Принимается подписка на 1881 г. (годъ X) на дешевый журналъ для фортепіано „DIE MUSIKALISCHE WELT“ („Музыкальный Свѣтъ“), издаваемый г. Литольфомъ въ Брауншвейгѣ и содержащій ежемѣсячно отъ 4—5 совершенно новыхъ, нигдѣ еще не изданныхъ пьесъ любимыхъ современныхъ композиторовъ. Годовая цѣна подписки 3 р., съ пересылкою 4 р. 30 к.

лѣніями чтенія, задають и изъ хрестоматіи уро- | ниxъ г. Варшавскаго, ...
ки, хотя для *такого* употребленія совершенно | поводу перевода мы повторили бы

Я. БЕККЕРЪ

съ 1867 года

Поставщикъ Его Императорскаго Величества

и

Его Величества Императора Австрійскаго,

(съ 1873 года. Вѣнская Всемірная выставка).

Его И. В. Великаго Князя, **Наслѣдника Цесаревича, Александра Александровича**, Ихъ Императорскихъ Высочествъ, Великихъ Князей **Владиміра Александровича, Константина Николаевича** и **Николая Николаевича**, Старшаго (съ 1867 года)

Выставка Роялей и Контора на Манежной площади, по Большой Итальянской, д. 31.

ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ НА 1881 ГОДЪ.

РОЯЛИ НОВѢЙШЕЙ КОНСТРУКЦІИ:

№ 1/0	**Большой Концертный Рояль** въ $7^1/_4$ октавъ; длины 3 аршина 12 вершковъ	1500 руб.
№ 2/0	**Концертный Рояль** въ $7^1/_4$ октавъ; длина 3 аршина 5 вершковъ.	1200 —
№ 3/0	**Салонный Рояль** въ 7 октавъ; длина 3 аршина .	900 —
№ 4/0	**Кабинетный Рояль** въ 7 октавъ; длина 2 аршина $10^1/_2$ вершковъ	750 —
№ 5/0	**Піанино** въ 7 октавъ; ширина 2 аршина, вышина 2 аршина	550 —
№ III	**Салонный Рояль** въ 7 октавъ; длина 2 аршина, 15 вершковъ	700 —
№ IV	**Кабинетный Рояль** въ 7 октавъ; длина 2 аршина, 9 вершковъ	600 —

Всѣ инструменты съ перекрестными струнами и съ металлическими рамами, отливаемыми на фабрикѣ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго. Томы IV—V. Изданіе графа С. Д. Шереметева. Спб. 1880. 379 и XII стр.; 351 стр. Цѣна за каждый томъ 2 р.

Продолженіе изданія, о первыхъ томахъ котораго было подробно говорено въ „Вѣстникѣ Европы". Въ IV-томѣ продолжаются стихотворенія, изданіе которыхъ начато въ III-мъ томѣ, — здѣсь помѣщены пьесы 1828—1852 годовъ. Въ V-мъ томѣ является новое изданіе извѣстной книги кн. Вяземскаго о фонъ-Визинѣ, вышедшей въ 1848 и съ тѣхъ поръ еще ни разу не повторенной. Въ библіографической замѣткѣ мы можемъ только извѣстить о выходѣ новыхъ томовъ этого любопытнаго изданія, и надѣемся позднѣе возвратиться къ нему въ особой статьѣ.

Всеобщая исторія литературы. Составлена по источникамъ и новѣйшимъ изслѣдованіямъ при участіи русскихъ ученыхъ и литераторовъ, подъ редакціей В. Ѳ. Корша. Выпускъ VII. Исторія греческой литературы, В. Ѳ. Корша (продолженіе). Спб. 1880. Стр. 961—1120. Ц. 1 р.

Въ настоящемъ выпускѣ оканчивается глава о Геродотѣ и слѣдуютъ главы: Начатки греческой драмы, первые трагики, сатирическая драма; —Аѳинскій театръ, жизнь и произведенія Эсхила; —Софоклъ;—Эврипидъ и его значеніе въ исторіи греческой драмы, другіе греческіе трагики, упадокъ трагедіи; — Комедія, Аристофанъ и его современники; — Лирика и эпосъ пятаго и четвертаго столѣтій до Р. Хр.; — Аѳинская проза, ораторы пятаго и четвертаго столѣтій, софисты и Сократъ;—Ораторское искусство въ Аѳинахъ до конца IV-го вѣка.—Въ „Вѣстникѣ Европы" было не разъ говорено объ этомъ полезномъ изданіи, которое пополняетъ дѣйствительный пробѣлъ въ нашей общеобразовательной литературѣ. Изложеніе греческой литературы по прежнему сопровождается значительными извлеченіями изъ авторовъ, и если относительно предъидущихъ выпусковъ нѣкоторые изъ критиковъ не находили необходимыми обильныя извлеченія изъ гомеровскихъ поэмъ, какъ очень извѣстныхъ, то подобный упрекъ былъ бы уже неприложимъ въ настоящемъ случаѣ,—и образцы изъ авторовъ будутъ полезнымъ образомъ выяснять читателю историческое изложеніе, лишь бы они не нарушили соразмѣрности цѣлаго труда.

Историческая хрестоматія по русской исторіи. Пособіе для старшихъ классовъ среднеучебныхъ заведеній. Составлена Я. Г. Гуревичемъ и Б. А. Павловичемъ. Часть первая. Изданіе второе, исправленное и дополненное. Спб. 1881. 550 стр. Ц. 1 р. 75 коп.

Изданія г. Гуревича пріобрѣли учебную извѣстность, рекомендуются двумя вѣдомствами — ученымъ комитетомъ министерства просвѣщенія и учебнымъ комитетомъ IV отдѣленія, и этотъ успѣхъ оправдывается достоинствами изданій. Историческія хрестоматіи могутъ быть прекраснымъ дополненіемъ и *облегченіемъ* преподаванія исторіи, которое могутъ оживить драматическимъ разсказомъ или картиной. Но, къ сожалѣнію, есть другая сторона этого дѣла: не всѣ преподаватели умѣютъ пользоваться этимъ матеріаломъ и, не довольствуясь свободными впечатлѣніями чтенія, задаютъ и изъ хрестоматіи уроки, хотя для *такого* употребленія совершенно довольно учебника. Въ объявленіи мы читаемъ, что г. Гуревичъ готовитъ „опытъ методики" по своему предмету: было бы полезно, еслибъ, кромѣ положительныхъ указаній о способахъ преподаванія, онъ обратилъ вниманіе на недостатки существующаго преподаванія, въ которомъ есть настоящія безсмыслицы, въ родѣ вышеприведенной.

Разсказы для дѣтей младшаго возраста, удостоенные преміи Спб. Фрёбелевскаго Общества: О. И. Шмидтъ (г-жа). Мурка. Спб. 1881. Ц. 50 коп. Н. Г. Вучетичъ. Митина Нива. Спб. 1881. 50 коп.

Существующее въ Петербургѣ Фрёбелевское Общество уже третій годъ назначаетъ преміи за лучшіе разсказы для дѣтей, и затѣмъ беретъ на себя ихъ изданіе. Эту премію получили теперь названные разсказы, которые и дѣйствительно заслуживаютъ вниманія. Ихъ можно рекомендовать какъ занимательное дѣтское чтеніе безъ книжныхъ поученій, но съ серьёзной нравственной мыслью. Наша дѣтская литература очень изобильна по количеству, но ему не всегда отвѣчаетъ качество. Изданія Фрёбелевскаго Общества принадлежатъ къ ея лучшимъ образчикамъ. Передъ тѣмъ премію общества получили еще слѣдующія книжки: Ил. Дм. Смирнова, Подпасокъ; В. П. Авенаріуса, Что комната говоритъ; г-жи О. И. Шмидтъ, Ласточкино гнѣздо; А. Г. Лякидэ, Третій червонецъ (1881). Всѣ книжки съ картинками, и внѣшнее исполненіе изданій прекрасно.

Каинъ. Мистерія лорда Байрона. Пер. Ефремъ Барышовъ. Спб. 1881. Стр. 95. Ц. 1 р. 25 к.

Сидъ. Драма (трагикомедія) Корнеля, написанная имъ въ 1636 г. Перев. Е. Барышовъ. Спб. 1881. Стр. 98. Ц. 1 р.

Родогюна. Трагедія Корнеля, написанная въ 1646 г. Перев. Е. Барышовъ. Спб. 1881. Стр. 99. Ц. 1 р.

Библейскій сюжетъ мистеріи послужилъ поводомъ великому поэту къ драматизированію его взглядовъ на вѣчные вопросы жизни, на ея задачи, причемъ Каинъ является прототипомъ оппозиціи установленному порядку и злымъ его критикомъ. Классическое значеніе этой мистеріи вполнѣ оправдываетъ выборъ переводчика; но, безъ сомнѣнія, вслѣдствіе его усилій стать какъ можно ближе къ подлиннику, русскій переводъ, и притомъ стихотворный, долженъ былъ поступиться въ передачѣ поэтическихъ красотъ, а иногда и въ ясности изложенія: размѣръ стиха, особенно когда онъ не удается, можетъ часто требовать такой конструкціи фразы, при которой необходимо иной разъ возвратить стихъ къ прозѣ, чтобы понять его смыслъ, или прочесть одно и то же мѣсто нѣсколько разъ, чтобъ уловить, наконецъ, грамматическое сочетаніе словъ. Не тотчасъ можно понять, напримѣръ, слова Люцифера Каину:

„Кѣмъ созданъ ты, пусть Тотъ тебѣ отвѣтитъ,
„Кажу твоихъ предшественниковъ я".

Впрочемъ, такія мѣста составляютъ исключеніе, свидѣтельствующее о трудности соединить въ стихотворномъ переводѣ два условія, трудно соединимыя: близость къ подлиннику и требованія языка, на который дѣлается переводъ. — Значеніе трагедій Корнеля, переведенныхъ г. Барышовымъ, конечно, иное, но по поводу перевода мы повторили бы то же самое.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:
Спб., Галерная, 20.

БЮРО РЕДАКЦІИ „ПОРЯДКА“:
Вас. Остр., 2 л., 11.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА:
Вас. Остр., 2-я лин., 7.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

И. А. Гончаровъ. Четыре очерка.—Литературный вечеръ.—Мильонъ терзаній.—Замѣтки о личности Бѣлинскаго.—Лучше поздно чѣмъ никогда. Спб. 1881. 293 стр. Ц. 2 р.

Изъ этихъ четырехъ очерковъ первымъ былъ напечатанъ (въ „Вѣстникѣ Европѣ“, нѣсколько лѣтъ тому назадъ) „Мильонъ терзаній“. Онъ не былъ тогда подписанъ полнымъ именемъ автора; такъ какъ это былъ первый случай критическаго этюда у г. Гончарова, то не всѣ тотчасъ узнали автора, но это не помѣшало очерку произвести сильное впечатлѣніе. Въ самомъ дѣлѣ, это — лучшее донынѣ опредѣленіе Чацкаго, и съ нимъ цѣлой комедіи Грибоѣдова, написанное и съ глубокимъ пониманіемъ историческихъ положеній мыслящаго человѣка въ русскомъ обществѣ, и съ великимъ мастерствомъ литературнымъ. Позднѣе, явились въ печати двѣ другія статьи, литературно-критическаго характера: одна „Лучше поздно чѣмъ никогда“—съ размышленіями и объясненіями автора о своей собственной литературной дѣятельности, и другая—„Литературный вечеръ“. Обѣ пьесы опять послужили предметомъ оживленныхъ толковъ въ печати. Наконецъ, въ первый разъ являются „Замѣтки о личности Бѣлинскаго“,—изъ личныхъ воспоминаній г. Гончарова, психологическая характеристика, очень любопытная и послѣ всего того, что было писано о знаменитомъ критикѣ его современниками и біографами.—Мы надѣемся возвратиться къ книгѣ г. Гончарова.

П. Огородниковъ. Страна Солнца. Съ картою. Спб. 1881. V и 353 стр. Ц. 2 р.

Г. Огородниковъ—очень усердный путешественникъ и описыватель своихъ путешествій. Онъ издалъ книги: „Отъ Нью-Іорка до Санъ-Франциско и обратно въ Россію“, „На пути въ Персію и Прикаспійскія провинціи ея“, наконецъ, „Очерки Персіи“. Нынѣшній разъ подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ онъ издалъ разсказъ о своемъ пребываніи на сѣверѣ Персіи и въ ея провинціи Хорасанѣ.—„Страна Солнца“ въ примѣненіи къ Хорасану есть, конечно, манерная фраза, потому что есть „страны солнца“ почище Хорасана. Въ пути своемъ авторъ видѣлъ немало интересныхъ образчиковъ самаго настоящаго азіатскаго быта; но къ сожалѣнію авторъ недостаточно позаботился о литературной отдѣлкѣ своихъ разсказовъ. Стиль его—отрывочный; описанія мѣстъ, обстановки, людей, хотя и не лишены рѣзкихъ чертъ и сильныхъ выраженій, тѣмъ не менѣе очень неопредѣленны и некартинны. Эта небрежность вредитъ разсказу самымъ серьёзнымъ образомъ, и надо желать, чтобы авторъ обратилъ вниманіе на эту сторону своихъ трудовъ, очень любопытныхъ по ихъ темѣ.

Цицеронъ и его друзья. Очеркъ римскаго общества во времена Цезаря. Сочиненіе Гастона Буасье. Переводъ со второго изданія Маріи Корсакъ. Москва, изданіе К. Т. Солдатенкова. 1880. 340 стр. Ц. 2 р.

Эта книга—полезное обогащеніе популярной исторической литературы. Кромѣ Цицерона, изображаемаго въ его общественной и частной жизни, здѣсь даются характеристики замѣчательнѣйшихъ лицъ его эпохи—Аттика, Целія, Цезаря, Брута, Октавія. Французская литература очень богата трудами по классической древности и нѣкогда считала почти ненужнымъ справляться, что дѣлается въ этомъ отношеніи въ другихъ литературахъ, особливо нѣмецкой, которая, однако, не только ей не уступала, но даже превосходила ее своимъ богатствомъ въ этой области. Теперь Буассье на первыхъ же строкахъ указываетъ, что въ своемъ трудѣ онъ „много пользовался сочиненіями, изданными въ Германіи, и преимущественно прекрасной Римской исторіей Момсена, отличающейся въ одно и то же время и ученостью, и живостью... Въ настоящее время, Момсенъ — учитель всѣхъ, изучающихъ Римъ и его исторію“. Это—одинъ изъ любопытныхъ образчиковъ того поворота, который происходитъ въ литературныхъ мнѣніяхъ во Франціи.

Рисунки къ стихотвореніямъ Н. А. Некрасова. Дешевое изданіе. Выпускъ 1-й. Изданіе И. П. и С. П. Савостьяновыхъ. 1881. Типографія Гагенъ въ Москвѣ. Цѣна за десять рисунковъ 1 р. 20 к.

Въ этомъ выпускѣ заключается девять рисунковъ къ поэмѣ „Морозъ красный носъ“ и одинъ рисунокъ къ стихотв. „Рыцарь на часъ“. Форматъ рисунковъ отвѣчаетъ большой восьмушкѣ, и издатели замѣчаютъ, что „по своему размѣру, рисунки могутъ быть вплетены въ книги сочиненій Некрасова, какъ послѣдняго, такъ и прежнихъ изданій“.—Замѣчаніе довольно излишнее. Вплетать *одни* эти десять рисунковъ нѣтъ, кажется, надобности; а если, въ *той же* пропорціи, выйдутъ остальные выпуски, то вплести рисунки будетъ почти невозможно. Къ сожалѣнію, издатели не дали никакого указанія о томъ, когда послѣдуютъ другіе выпуски. Какъ бы то ни было, однако, самые рисунки заслуживаютъ вниманія. Не всѣ они равнаго интереса,—похоронные сюжеты взяли слишкомъ много мѣста,—но нѣкоторые рисунки по истинѣ прекрасны.—Издатели не назвали и имени художника. Мы слышали, что рисовальщикъ есть деревенскій самоучка, котораго познакомили съ стихотвореніями Некрасова, и который по-своему выразилъ въ рисункахъ произведенное ими на него впечатлѣніе. Если это справедливо, то рисунки получаютъ еще особый интересъ.

Основы гигіены. Состав. Я. Симоновичъ. Спб. 1880. Стр. 256. Ц. 1 р. 50 к.

Трудъ г. Симоновича, написанный на основаніи лучшихъ работъ по гигіенѣ въ Россіи и заграницей, обнимаетъ собою всѣ главныя условія жизни, начиная съ воздуха, который для многихъ вовсе не есть даръ природы, а результатъ тяжелой жизненной обстановки, и кончая пищею. Особенное вниманіе посвящено авторомъ дѣтству и школѣ, поглощающимъ отъ 1/4 до 1/3 жизни. Въ заключеніе, говорится подробно о трудѣ, условія котораго могутъ быть убійственны, о народныхъ повальныхъ болѣзняхъ и объ испытанныхъ мѣрахъ противъ нихъ.

ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПОДПИСКѢ
НА 1881 Г.

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ежемѣсячный журналъ исторіи, политики, литературы.

	Годъ:	Полгода:	Четверть:
Безъ доставки . .	15 р. 50 к.	8 р.	5 р.
Съ доставкою . . .	16 » — »	9 »	5 »
Съ пересылкою . .	17 » — »	10 »	5 »
За-границей	19 » — »	11 »	7 »

Нумеръ журнала отдѣльно, съ доставкою и пересылкою, въ Россіи — 2 р. 50 к., за-границей — 3 руб.

„ПОРЯДОКЪ“

ежедневная газета, политическая и литературная.

	Годъ:	Полгода:	Четверть:
Безъ доставки . .	14 р.	7 р.	3 р. 50 к.
Съ доставкою . . .	16 »	8 »	4 » — »
Съ пересылкою . .	17 »	9 »	5 » — »
За-границей	25 »	13 »	7 » — »

Мѣсяцъ газеты: безъ доставки—1 р. 25 к. съ доставкою—1 р. 50 к., съ пересылкою—1 р. 75 к.; за-границей—3 руб.

☛ Книжные магазины пользуются при подпискѣ обычною уступкою. ☚

ПОДПИСКА принимается на оба изданія—въ Петербургѣ: въ Главной Конторѣ журнала «Вѣстникъ Европы» въ С.-Петербургѣ, на Вас. Остр., 2-я лин., 7, и въ ея Отдѣленіи, при книжномъ магазинѣ Э. Меллье, на Невскомъ проспектѣ;—въ Москвѣ: при книжномъ магазинѣ Н. И. Мамонтова, на Кузнецкомъ Мосту. Иногородные обращаются по почтѣ въ редакцію журнала: Спб., Галерная, 20, а лично—въ Главную Контору. Тамъ же принимаются частныя извѣщенія и объявленія для напечатанія въ журналѣ, или въ газетѣ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Редакція отвѣчаетъ вполнѣ за точную и своевременную доставку городскимъ подписчикамъ Главной Конторы и ея Отдѣленій, и тѣмъ изъ иногородныхъ и иностранныхъ, которые выслали подписную сумму *по почтѣ* въ Редакцію «Вѣстника Европы», въ Спб., Галерная, 20, съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ (NB) *допущена* выдача журналовъ.

О перемѣнѣ адресса просятъ извѣщать своевременно и съ указаніемъ прежняго мѣстожительства; при перемѣнѣ адресса изъ городскихъ въ иногородные, доплачивается, по журналу, 1 р. 50 к., и по газетѣ 30 коп. за каждый остающійся мѣсяцъ; изъ иногородныхъ въ городскіе, по журналу, 50 коп., и по газетѣ 15 коп. за каждый остающійся мѣсяцъ; и изъ городскихъ или иногородныхъ въ иностранные—недостающее до вышеуказанныхъ цѣнъ по государствамъ.

Жалобы высылаются исключительно въ Редакцію, если подписка была сдѣлана въ вышеуказанныхъ мѣстахъ, и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, не позже, какъ по полученіи слѣдующаго нумера журнала или газеты.

Билеты на полученіе журнала или газеты высылаются особо тѣмъ изъ иногородныхъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 14 коп. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: **М. Стасюлевичъ.**

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:
Спб., Галерная, 20.

БЮРО РЕДАКЦІИ „ПОРЯДКА“:
Вас. Остр., 2 л., 11.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА:
Вас. Остр., 2-я лин., 7.

